

Юлия Нельская-Сидур

*“Время, когда не пишешь
дневников и писем...”*

ХРОНИКА ОДНОГО ПОДВАЛА
Дневники
1968-1973

Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)

Юлия пишет дневник. Фото: Эдуард Гладков

Юлия Нельская-Сидур

«ВРЕМЯ, КОГДА НЕ ПИШУТ
ДНЕВНИКОВ И ПИСЕМ...»

Хроника одного подвала
Дневники 1968–1973

Составление, подготовка текста, вступительная статья
и комментарии
Владимира Воловникова

Москва
2024

К 75-летию Юлии Нельской-Сидур

На первой странице обложки:
Вадим Сидур. «Автопортрет с Юлей» (1973, линогравюра)

Дизайн и вёрстка: Сергей Щербина.

Нельская-Сидур Юлия.

«Время, когда не пишут дневников и писем...» Хроника одного подвала. Дневники 1968–1973 / Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Владимира Воловникова. Изд. 3-е, исправленное. – М.: АИРО-XXI, 2024. – 1080 с.

ISBN 978-5-91022-534-7

Дневники Юлии Львовны Нельской-Сидур, жены выдающегося скульптора Вадима Абрамовича Сидура, описывают факты, настроение и жизнь нашей страны, особенно – интеллигенции, в знаменательное, переломное время – между 1968 и 1973 годами – своего рода переходный момент от оттепельных 60-х к другой эпохе, с иной уже атмосферой, иными настроениями, иными оценками. Основным в дневниках является описание жизни и творчества В. Сидура, живо передана атмосфера скульптурной мастерской – одного из центров интеллектуального общения – с царящим здесь духом творчества и труда, с настроением «шестидесятничества». Среди друзей и знакомых Вадима и Юлии, бывавших здесь, поэты, писатели, композиторы, режиссеры, актеры, ученые, врачи, журналисты – В. Бахнов, В. Гинзбург, Ю. Даниэль, Ю. Левитанский, Ю. Любимов, Ю. Морлиц, Б. Окуджава, В. Смехов и многие другие. Это не просто хроника повседневной жизни, не только рассказ об обычных проблемах семьи и бытовые зарисовки, это само время. Написанные живо и ярко, снабженные необходимыми комментариями и указателями, эти дневники представляют собой ценный источник по истории российской культуры.

© Аймермахер К., 2018
© Воловников В., 2018
© Геннис Г., фотографии, 2018
© Гладков Э., фотографии, 2018
© Гранкин А., фотографии, 2018
© АИРО-XXI, оформление, 2018

ISBN 978-5-91022-390-9

СОДЕРЖАНИЕ

«Я НЕ ПИСАТЕЛЬ, НО СВИДЕТЕЛЬ...»	
Дневники Юлии Нельской-Сидур 1968–1973 годов	7
1968 год	15
1969 год	258
1970 год	484
1971 год	581
1972 год	755
1973 год	914
Выражение благодарности	1053
Указатель имен	1054
Указатель издательств и периодических изданий	1070
Указатель иллюстраций	1072

Рисунок В. Сидура (1968)

«Я НЕ ПИСАТЕЛЬ, НО СВИДЕТЕЛЬ...»

Дневники Юлии Нельской-Сидур

1968–1973 годов

Хорошо известно, сколь важны дневники и как трудно переоценить их значение. Времена меняются, эпохи уходят, события, в которых отразилась жизнь страны и людей, забываются, стираются из памяти лица и имена, и вот уже не вспомнить, как всё на самом деле было. Но воспоминания, если их успеть зафиксировать на бумаге, способны навсегда сохранить следы безвозвратно ушедшего прошлого. Из набросанных когда-то слов складывается почти осязаемый образ далекого времени. Историки и литературоведы любят и ценят жанр дневника особенно, находя в нем неиссякаемый источник новых научных открытий. Его любят обыкновенные читатели, находящие в чужом опыте много интересного для души и полезного для понимания жизни. Но самое важное, дневниковых свидетельств самых разных эпох сохранилось довольно много, поскольку у очень многих была и есть эта страсть – доверять личные жизненные впечатления и переживания страницам дневника. Сколько самых разнообразных толстых и тонких тетрадок, альбомов, блокнотов и записных книжек, обветшалых, потрепанных временем или сохранившихся едва ли не в первозданной свежести, уютно расположились на полках архивов, легли в глубине шкафов, затерялись на чердаках и в дальних чуланах. И сколько уже новых, которые пишутся в наши дни, затаились до поры в непредставимых безднах цифровой памяти. Тот, кто пишет дневник, вступает в единоборство со временем, стремится если не обмануть и задержать его, то задержаться в нем самому, рассказав о себе на бумаге, в надежде на то, что написанное будет прочитано – и таким образом, и время, и он сам, человек, делающий записи, возродятся из небытия, оживут. Редкому автору это удастся. Не каждый дневник окажется интересным чтением для других, да и не всё кем-то записанное читать стоит. Но есть такие любопытные и важные свидетельства, о которых хочется узнать, в смысл которых вникнуть просто необходимо, а ко всему прочему их чтение доставляет удовольствие.

К таковым относятся дневники Юлии Нельской (1940–2006), жены скульптора Вадима Сидура (1924–1986)*. Потребность делать записи, вести что-то вроде дневника, у Юлии – личности в высшей степени творческой – появилась в начале 1960-х гг. Несистематические записи в разных тетрадях она вела в 1964–1967 гг. А в 1968 г. Юлия и Вадим вместе решили, что она их будет делать регулярно. Инициатива исходила от В. Сидура, так сказать, бывалого летописца. Еще до войны, юношей, он завел тетрадку, чтобы записывать события и мысли, которые считал важными. В 1960–1961 гг. именно он предложил своим тогдаш-

* В настоящее время дневники хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве.

ним товарищам-скульпторам В. Лемпорту и Н. Силису совместно, по очереди, писать дневник. В этом «тройственном» дневнике, представляющем собой, по определению самих авторов, «что-то вроде судебного журнала», содержатся записи, касающиеся их работы, повседневной жизни, любовных приключений и т. д. Подобные свидетельства, естественно, не могущие претендовать на роль серьезного, настоящего дневника, тем не менее, отражают свою эпоху. А кроме того, они, безусловно, дают представление об образе жизни молодой богемы. Публикация этих дневников еще ждет своего часа.

Записи, которые в 1968 г. стала делать Юлия по настоянию Сидура, должны были рассказывать о нём и о ней, о том, чем они жили – о творчестве, мастерской, родителях, друзьях. Да, в этих дневниках – прежде всего история семьи Вадима и Юлии, и все остальные отмеченные там события происходят на ее фоне. «Я бы написала книгу про Димину работу, но это мне не по зубам. Я могу только записывать про нашу жизнь», – заметила однажды Юлия.

Это не просто хроника повседневной жизни, не только рассказ об обычных проблемах семьи и бытовые зарисовки, это само время. «Если в этом дневнике и будет что-то ценное, то это именно факты, настроение и жизнь нашей страны, и особенно – интеллигенции», – отметила Юлия 15 мая 1968 г. «Я пишу много неинтересной ерунды, но кое-что явно интересно и нужно знать людям. Я не писатель, но свидетель». Но прежде всего она пишет о Вадиме Сидуре, основной герой – он, его работа над скульптурой, рисунками, книжными иллюстрациями, его характер, его слова. Живо передана атмосфера скульптурной мастерской, с царящим здесь духом творчества и труда, с настроением «шестидесятничества». С 1956 г. эта мастерская была одним из центров духовного общения интеллигенции. Каких интересных людей не перебывало там! «У нас полно народу... все к нам тянутся на огонёк...» – близкие друзья и знакомые, среди которых поэты, писатели, композиторы, режиссеры, актеры, ученые, журналисты... А о круге самых близких друзей Юлия совершенно точно говорит так: «Мы крутимся вокруг Димы. Он – ось, а мы все вокруг него вращаемся. Я, как жена, нахожусь на самом близком расстоянии, а все остальные наши друзья – чуть-чуть подальше, но тоже вокруг него. Поэтому Дима нас всех в этом подвале объединяет». «Нас окружают порядочные люди», – не раз повторяет Юлия. Здесь проходили не просто дружеские встречи, происходил обмен мнениями, новостями, личными наблюдениями, зачастую пересказывались и слухи (тоже свидетельство времени, ведь других источников информации тогда чаще всего не было). Записи Юлии в этом отношении интересны не только пересказом, но оценкой услышанного. Спустя многие годы важно знать, как воспринимали происходящее современники. Тем более что такие оценки даются в дневнике беспристрастно и не задним числом (как в мемуарах), а сразу, в тот же день – пишутся здесь и сейчас. В живом дневнике Юлия не всегда сдерживает свои эмоции в оценках, и иной раз говорит о ком-то довольно хлестко. Опять – одно из различий дневниковых записей и воспоминаний. В мемуарах, годы спустя, было бы сказано по-другому, помягче.

Люди любили приходить в мастерскую и потому, что, как пишет Юлия: «Дима всех выслушивает и всех утешает как может». Через весь дневник прослежива-

ется особенная черта личности В. Сидура – способность и готовность помочь, поддержать, иногда даже спасти. Его словам невозможно было не поверить, и невозможно было его не полюбить.

«Я поняла еще одну старую истину – тот, кто пишет о другом, почти всегда пишет о себе». Юлия – часть жизни Вадима, вообще часть его самого. Это можно понять и почувствовать, читая записи, и поразиться возникающему ощущению их единства. Юлия всегда осознавала свою духовную сопричастность творчеству Сидура. Не только потому, что она всегда ему помогала, но и потому, что она как никто знала, каким редким даром обладает этот человек. (Интересно, что однажды, размышляя о Пушкине, она записала, что ему не повезло с женой, потому что жена не могла понять, кто был с ней рядом). В. Сидура «повезло» невероятно! «Для меня уже давно решено и ясно, – пишет Юлия, – что любое Димино действие, как бы оно не было расценено окружающими, останется для меня единственно правильным, и я всегда и во всем буду на его стороне. И не только потому, что я его жена, но еще потому, что я понимаю – что Дима такое». «Я люблю его без памяти». Сколько любви, обожания, терпения, сил, самопожертвования отдавала ему Юлия! «Дима едва успевает зайти, тут же переодевается и начинает долбить дерево. Я сегодня подумала, что жизнь становится совсем другой, когда создается что-то значительное. Дима работает, и я чувствую, как у него меняется настроение и у меня тоже. Я сразу же начинаю чувствовать нашу непобедимость. А главное – мир расширяется, и мы перестаем поддаваться мелочности нашей обыденщины, освобождаемся от постоянно гнетущего страха за мастерскую, которую могут отнять, за работы, которые могут разбить, за то, что ни за что посадят и уморят насмерть». «Дима сказал: “Больше всего люблю находиться в нашем подвале”»).

Еще одним любимым местом обитания Сидура, помимо мастерской, было Алабино. Оно было связано для него с родителями, здесь он чувствовал свободу и оторванность от Москвы, здесь он отдыхал и здесь много с удовольствием работал в дереве. Однажды в Москве «Дима встал с ошалелыми глазами раньше восьми утра и сказал, что если мы не уедем, он совершенно точно пропадет». А Юлия любила Алабино вместе с Вадимом, так же, как он. После его смерти она сюда больше не приезжала, Алабино перестало для нее существовать.

Про дневники «Дима говорит, что это бесценная книжка. А сам он совершенно писать не может». Юлия писала интересно, живо, стиль ее повествования легок и увлекателен (хотя она не относилась тогда к себе как к писателю). А ведь нельзя забывать, что обычно записи делались поздно вечером или ночью, или между остальными делами, которыми полон был каждый день их жизни. «Я сплю пять часов в сутки, за исключением двух дней в неделю.... На работе у меня жизнь очень интенсивная, а после работы я еще урывками пытаюсь готовиться к урокам и проверять тетради. Я пока, слава богу, это выдерживаю... Кроме того – бурная светская жизнь, от которой никуда не денешься: люди, люди, люди».

Когда тяжело заболели родители Вадима – сначала мама, потом отец, Юлия вела дневник, находясь (по сути, живя) вместе с ними в больнице. Несмотря на охватывавший ее ужас и отчаяние, четкость изложения, сосредоточенность ей не изменяли. Сквозь страницы дневника проходит много перенесенных

семьей страданий. Болезни и смерть, неустроенность быта, борьба за сохранение произведений, тревога за судьбы друзей, учеников, тревога за свою страну. 1968 год, которым открывается дневник, оказался судьбоносным для Советского Союза и для остального мира годом – войска стран-союзниц по Варшавскому пакту (а главным образом советские войска) подавили «Пражскую весну», на торжество которой возлагала надежды не только чехословацкая, но и советская интеллигенция. У Вадима и Юлии было множество друзей в Чехословакии, связи с которыми оказались прерваны или вовсе прекратились. И неизбежно, как и во все другие эпохи, тогда под грохот танков проснулись и пришли в движение силы реакции и цензуры, достигшие своего расцвета как раз в начале 1970-х гг. Это время – своего рода поворотный пункт в истории нашей страны, переход к эпохе, названной позднее «застоем». Многие строки дневника посвящены этой теме. «Я всё время думаю о том, что мне вчера сказал Дима: “Имеем ли мы право вести такой дневник, где много имен, фактов, и что будет, если нас заберут в КГБ?”... Я с Димой где-то согласна, но ничего не могу с собой поделаться. Писать по-другому для меня не имеет смысла». Несколько раз в записях делались перемены, и по этому поводу можно прочесть такое пояснение: «Время, когда не пишут дневников и писем». После августа 1968 г. Юлия попыталась даже не указывать в записях полных имен, заменяя их инициалами. Правда, вскоре от этого отказалась, потому что расшифровать их не составляло бы труда. «Мы – люди, искалеченные подозрительностью». И вообще, всегда в общении с людьми (даже хорошими друзьями) Вадим и Юлия придерживались принципа не давать никому ненужной информации. Не из страха за себя, а потому что беспокоились за другого: «Зачем людям лишние знания, которые могут им повредить». Все-таки пришел момент, когда дневник вести больше не было возможности. 28 августа 1973 г. Юлия сделала такую запись: «Времена настали такие хреновые, что я временно записывать прекращаю». Как раз тогда в Москве подходил к концу политический процесс по делу П. Якира и В. Красина, затронувший прямо или косвенно очень многих представителей творческой интеллигенции и не обошедший стороной Вадима и Юлию. Процесс, поставивший точку и на всех бывших оттепельных свободах и завоеваниях, и на демократических надеждах в целом. Время между августом 1968 г. и августом 1973 г. – своего рода переходное время к новой эпохе, с иной уже атмосферой, иными настроениями, иными оценками. Юлины дневники в этом смысле приобретают особый интерес. А прекращение записей именно в августе 1973 г. можно считать символическим.

Ради исторической точности отметим, что к ведению дневников и Юлия, и Вадим вернулись позже, но делали они это уже по отдельности, каждый для себя, и к тому же нерегулярно. С середины 1970-х гг. В. Сидур приступил (естественно, с Юлиной помощью) к написанию объемного художественно-документального романа «Памятник современному состоянию. Миф»*, имеющего яркую дневниковую основу (с включением отрывков и из старых дневников). Тогда же началась его многолетняя переписка с западногерманским славистом Карлом

* Сидур В. Памятник современному состоянию. Миф. – М., Вагриус. 2002.

Аймермахером, ставшая со временем очень обширной, о которой сам Сидур говорил, что она «является чем-то вроде дневниковой исповеди и летописью, ... ежедневного отчета, в котором я стремлюсь возможно подробнее рассказать обо всем, что у нас происходит»*. И роман, и письма во многом заменили традиционное ведение дневников.

Здесь хочется подчеркнуть прочную связь, соединяющую различные сферы творчества В. Сидура. Скульптура, живопись, графика, поэзия и проза, кино, дневники и письма – всё это единое целое, единое произведение, запечатлевшее его жизнь, его эпоху, современное ему состояние страны и человечества в целом. Это «Памятник современному состоянию». Неслучайно, конечно, В. Сидур назвал так и одну из любимых своих скульптур, и свое кино, и свой роман.

Удивительно, но иногда кажется, что Вадиму не хватало Юлиной преданности и обожания. Не раз Юля замечает: «Дима говорит, что я небожитель и мало участвую в его жизни. Он на меня сердится» или «Дима мною недоволен очень сильно. Он говорит, что я душой отдаляюсь, и у нас будет разлад в семье. Не дай бог». Нельзя забывать, что на протяжении десяти лет она работала школьной учительницей. «Что я могу поделаться, если я так поглощаюсь своим делом», – пишет она. А учителем она была великолепным, и была редким, незаурядным педагогом. Без преувеличения можно сказать, что в описываемое время – была первой среди остальных учителей. Не только потому, что ее очень любили ученики, для которых ее авторитет и знания были высоки и непререкаемы, и не потому, что начальство ценило ее, а потому, что никто в школе не работал с большей самоотдачей, чем она. Неслучайно, что школьным делам в дневнике уделено огромное внимание, иначе быть не могло. Происходящее в школе Юлия обсуждала и дома с Вадимом, который из ее рассказов уже по именам знал многих ее учеников. Конечно, он с большим уважением относился к ее работе, но и ревновал и «сердился».

С работой в школе было связано творчество Юлии. Она автор повести «Я – классный руководитель» (1965) и двух пьес для школьного театра, который организовала именно она вместе со своим другом актером Олегом Киселевым – «Театр на улице Достоевского». Этот театр – со спектаклями, сделанными в высшей степени интересно, остроумно, современно, новаторски – я уверен, был уникальным событием для советской школы тех лет (да и не только тех лет, да и не только школы советской). Каждый театр и каждый спектакль, как и всё живое, неповторимы и существуют только в определенном временном отрезке, а потом исчезают, оставаясь лишь в памяти тех, кто успел их увидеть или участвовать в их создании. Дневники Юлии – одно из немногих свидетельств жизни этого театра.

Школа, в которой работала Юлия, была необычной, незаурядной школой. Прежде всего – это французская школа, пропитанная духом европейской культуры, школа, в которой работали молодые, образованные, очень современные

* Сидур В., Аймермахер К. «О деталях поговорим при свидании...» Переписка. – М., РОССПЭН. 2004. После смерти В.А. Сидура Юлия продолжила эту переписку (Юлия Сидур – Карл Аймермахер. «Время новых надежд...») Переписка 1986–1992. – М., АИРО-XXI. 2014).

и прогрессивные люди. Естественно, здесь были и другие учителя, с довольно консервативными взглядами на образование и педагогику. Но первым удавалось не только работа с детьми, они смогли не только завоевать их доверие и стать для них авторитетами, но еще и взять верх над численно их превосходившими учителями-консерваторами. Время также способствовало этому – 60-е годы, с их относительными свободами и вольностями. Творческий дух витал в этой школе: был «Театр на улице Достоевского», мало того – существовал еще один, под руководством учителя литературы; это был более традиционный школьный театр, который, впрочем, тоже имел успех. Устраивались и поэтические вечера – ведь это Юлия приглашала выступить в школе своих друзей-поэтов: Ю. Левитанского, Ю. Мориц, Б. Окуджаву, Р. Сефа. А с каким вниманием она относилась к школьному рукописному (точнее, отпечатанному на машинке) журналу под названием «Спираль»! Яркая творческая личность, Юлия всегда хотела разглядеть и поддержать в своих учениках творческое начало. Как радовались они с Вадимом, когда ученики приносили свои произведения. И это было не простое их прочтение, совершалось некое действие, быть свидетелем которого доставляло особое счастье.

Однако к 1972 г. атмосфера в школе (как и во всей стране) изменилась, что, среди прочего, и стало причиной ухода Юлии с работы.

С весны 1971 г. в дневнике делаются записи, относящиеся к появлению в жизни Вадима и Юлии нового человека – мальчика Михаила Шункова. Он тоже был учеником Юлиной школы, жил с мамой, отчимом, маленькой сестренкой и бабушкой. Имея очень непростой, неуживчивый характер, он не ладил с отчимом, в семье то и дело возникали конфликты, от которых в первую очередь страдал он. Трудно объяснить остроту этих конфликтов, потому что и мать и бабушка любили Мишу, их отношения были на редкость мирными. Что обрекало мальчика на душевные страдания? Скорее всего, недружелюбие отчима. Подобная ситуация известна и стара как мир. Мать была поглощена новорожденной дочкой, а бабушка – уже весьма пожилой человек, что называется, из стародавних времен – хоть и любила внука и даже его баловала, изменить ничего не могла. Ребенок страдал и буквально погибал от ощущения заброшенности и отсутствия любви к себе. Юлия, видевшая Мишу каждый день (она была его преподавательницей французского), будучи опытным педагогом и тонко чувствующим человеком, поняла это сразу. И сразу пришла к нему на помощь, приблизив, укрыв своим теплом и любовью. Она привела его в мастерскую, где он познакомился с Вадимом. И уже очень скоро, 2 июня 1971 г., в дневнике появляется такая запись: «Этот мальчик каким-то нам самим непонятным способом прочно вошел в нашу жизнь и занимает в нашей душе первое место». Еще через две недели: «У нас появилась потребность сама по себе, чтобы был с нами еще один родной человек, именно такой, как Мишка. Это желание было подсознательным, но сильным. Вопрос о рождении собственного ребенка был давно и навсегда отвергнут. И вот бог посылает нам Мишку в минуту смертельной для него опасности. Обрели сыночка». А в феврале следующего, 1972 года: «Мальчик радуется и спасает от совсем беспредельной тоски. Пришло время, когда наша взаимная договоренность перешла в любовь. Мишка теперь наш сын». «Ревнует

нас ко всем и ко всему. Хочет быть с нами постоянно». «Ему ужасно хочется... сидеть с нами дома и чтобы никто к нам не ходил и чтобы мы никуда не ходили». Вот так началась эта новая история. Она протекала очень не гладко, о чем в дневнике сделано множество записей в 1971, 1972, 1973 годах. Записи, касающиеся Миши, обширны, иногда ему посвящено всё описание дня. Он занимает основное место в Юлиных мыслях, другие события – на наш сегодняшний взгляд, весьма важные – упоминаются как-то мельком, вскользь, без описания необходимых, ожидаемых подробностей. И с каждым годом этих записей становилось все больше, нет смысла пересказывать их в данной вступительной заметке. Но подчеркнем, что связанная с Мишей история, зафиксированная Юлией – поистине очень редкая (если не уникальная), дающая многое для постижения глубины личностей Вадима и Юлии.

Свои тетради Юлия далеко не прятала. С написанным время от времени знакомился Вадим (это понятно: он считал себя основным героем дневника и отчасти его соавтором). Кроме того, заглянуть туда любила иногда его мама, а также мама Юлии. Они не только залезали в дневник, но и высказывали вслух свои претензии. Иногда Юлия старалась к замечаниям прислушиваться, иногда на них обижалась, но все равно продолжала писать так, как могла. «Димушка навел на меня такую критику, что мне сразу записывать расхотелось, – сетует она в очередной раз. – Он говорил, что это по-товарищески и по-дружески, но все равно мне было обидно». «Дима, много лет не заглядывающий в мой дневник, решил заглянуть. Прочел последнюю запись, и она ему очень не понравилась. Долго говорил, что всё это мышьяная возня, один быт, который никому не интересен. Лучше бы я бесхитростно описывала работы, которые он сейчас делает... Он считает, что может так случиться, что ничего не останется, кроме моих записей, и тогда эти описания работ будут иметь большой смысл». После такого замечания она – единственный раз – не выдержала и не без сарказма сделала длинную, скучную и бестолковую запись, в которой перечисляла работы, отмечала материал, из которого они выполнены, размеры по высоте, ширине, толщине, их цвет, фактуру и т. п.

Задумывались ли о судьбе дневников Юлия и Вадим? Они, конечно, надеялись, что записи сохранятся и будут рано или поздно прочитаны (иначе, зачем и писать), но одновременно все-таки сомневались, что это станет возможно в скором времени. «Я не уверена, что мои дневники смогут читать посторонние люди. Во всяком случае, в ближайшем будущем это точно не произойдет. А когда пройдет время, то ко всему будет совсем другое отношение». И вот время прошло. Стало возможным опубликовать дневники. Но, вопреки словам Юлии, смею утверждать, мы не по-другому относимся к прошлому. Можно говорить про связь времен и снова поражаться тому, насколько всё оказывается близким и взаимосвязанным, и что почти полвека – это не так и много, чтобы нам иметь на прошлое совсем иной взгляд, чем у современника (особенно, быть может, в нашей стране). В данном случае я говорю о поколениях, еще заставших то советское время, и разумеется, об определенном круге людей с похожим мировосприятием. Тем не менее, описанные события случились давно, некоторые подробности забылись, многих, тех, о ком идет речь на страницах дневника, нет больше на свете. Мы надеемся, что восполнить стершуюся в памяти информа-

цию, необходимую для понимания текста, помогут сделанные нами параллельные примечания о людях, событиях и фактах. По нашему мнению, рассказ Юлии, таким образом, лучше «ляжет» на историческую основу тех лет.

По возможности мы сохраняли текст публикуемых дневников целиком. Тем не менее внесены некоторые сокращения в том, что касается повторов, а также тех или иных сведений личного характера, не подлежащих огласке (они отмечены в тексте знаком <...>). В книгу включены отдельные рисунки, сделанные В. Сидуром в дневниковых тетрадях Юлии. Публикуются фотографии, выполненные, главным образом, фотографом Эдуардом Гладковым, тоже в своем роде летописцем мастерской Вадима Сидура и той эпохи в целом. Помещены и некоторые другие иллюстрации, имеющие отношение к семье Вадима и Юлии. Выражаем нашу благодарность Георгию Геннису и Наталье Нольде за помощь в подготовке книги. А также Карлу Аймермахеру и Удо ван Метерену за помощь в ее издании.

«Мы сильно огорчились, – записала однажды Юлия, – оказывается, Зинаида Ивановна и Абрам Яковлевич сожгли Димины письма к ним за несколько последних лет... Дима очень расстроился. Родители объяснили это действие тем, что в этих письмах не было ничего интересного, всё обыденное – о здоровье, о том, о сем». Век писем обычно недолог. Сколько же их, интересных и важных, уничтожено по воле их хозяев, утоплено, выброшено или пеплом развеяно по ветру. А вместе с ними исчезли слова и мысли тех, кто писал, желая остаться благодаря этим письмам в веках. Судьба дневников (чаще всего) представляется нам более радостной. Поэтому – да здравствует дневник!

Владимир Воловников

29 января 1968 г., понедельник.

Сегодня пришел в мастерскую Юзеф Кирцер¹, толстый, противный. Принес американскую книжку за 1959 г. про каких-то дизайнеров. «Я, – говорит, – теперь знаю, что такое Сидур и Силис и Лемпорт²». В книге, вроде учебника, приводятся какие-то скульптуры, современные по форме, внешне некоторые чем-то напоминают Силисовы работы и Димины, сделанные несколько лет назад, от которых он уже отошел.

«Это лишний раз доказывает, – сказал Дима, – что дело не только в форме». Силису было неприятно³. Мы поехали к Алику Борину⁴ за творогом. На обратном пути Дима сказал: «Меня не огорчила эта книжка. Я еще раз убедился, что иду по правильному пути. Я почувствовал, что нельзя было останавливаться на той стадии. Моя кастрюля⁵, «Любители пива», «Праздник» и другие – это мои вещи, и я точно знаю, что никто в мире больше так не делает, несмотря на то, что там была нарисована какая-то фигура с гармошкой⁶».

Завтра будем снова обжигать препарат «Мать с ребенком»⁷. В этой скульптуре почти два метра.

¹ Кирцер Юзеф Михайлович (1922–1998) – художник, педагог. Участник Великой Отечественной войны. В 1956–1990 гг. преподавал живопись, рисунок и композицию в Московском театральном художественно-техническом училище. Автор учебного пособия для вузов «Рисунок и живопись», неоднократно переиздававшегося в 1990-х–2000-х гг. Заслуженный учитель РСФСР.

² Силис Николай (Руфим) Андреевич (1928–2018) – скульптор, график, член МОССХ с 1956 г.; Лемпорт Владимир Сергеевич (1922–2001) – скульптор, график, участник Великой Отечественной войны, член МОССХ с 1956 г. Оба скульптора были товарищами В. Сидура по Московскому высшему художественно-промышленному училищу (МВХПУ, быв. Строгановское). Н. Силис был с В. Сидуром в одной группе, В. Лемпорт учился на старшем курсе. По окончании училища в 1953 г. В. Сидур и В. Лемпорт образовали творческий коллектив, в который чуть позже В. Сидур позвал и Н. Силиса, они продолжали несколько лет работать вместе, свой коллектив они называли «ЛеСС» («ЛеСиС»). В 1961 г. совместное творчество прекратилось.

³ Н.А. Силис присутствовал в это время в мастерской, потому что с 1956 г. до лета 1968 г. В. Сидур делил ее с ним и с В.С. Лемпортом. Эта мастерская располагалась на ул. Чудовка, дом № 19 (вскоре поменявшей название на Комсомольский проспект, а номером дома стал № 5). Летом 1968 г. Н. Силис и В. Лемпорт переехали в новую мастерскую на ул. Олега Дундича на Филиях.

⁴ Борин Александр Борисович (р. 1930) – юрист, писатель, журналист и публицист, автор судебных очерков и статей на юридические темы в «Литературной газете». Автор книги воспоминаний «Проскочившее поколение» (М., 2006).

⁵ Подразумевается скульптура «После экспериментов» (1968).

⁶ Гармошка – один из атрибутов скульптуры В. Сидура «Праздник» (1965).

⁷ Скульптура «Материнство» (тонирующая терракота, 163×75×50) из цикла «Препараты» (1968).

Рисунок В. Сидура (1968)

30 января 1968 г., вторник.

Обжигаем дальше «Материнство», Дима работает над «Инвалидом-качалкой». Приехали Владик⁸ с Нелей. Первый раз в их присутствии у нас так тихо.

Неожиданно появилась Мима Гребнева⁹ с человеком по имени Сережа. Высокий, с измученным лицом. Мима у нас в первый раз после операции. Выглядит вполне прилично, с аппетитом ела и даже выпила водочки. Она очень плохо стала видеть после болезни, не смогла смотреть рисунки, хотя очень хотела.

Перед уходом Владик рассказал очень смешной анекдот: «Приходит в цирк человек с чемоданчиком и говорит: “У меня новый номер!” Открывает чемоданчик, из него выходят шестьдесят мышей со скрипками и играют Чайковского, а затем Брамса. Все потрясены. Тогда к человеку приближается дирижер циркового оркестра и спрашивает: “Пожалуйста, скажите одну только вещь... У нас возник спор”. – “Пожалуйста, пожалуйста”. – “Скажите, первая скрипка – еврей?”»¹⁰.

Владик уехал со всеми на своей машине, а мы всё еще возились – со стола убирали, печку выключали. Диму снова раздуло, сначала левую, а потом правую щеку, губы вздулись, а потом прошли¹¹.

31 января 1968 г., среда.

Когда я пришла, Дима с Эдиком¹² запихивали в печку куски от «Матери с ребенком», Силис помогал. К Лемпорту с Силисом пришли какие-то друзья, бродили по Диминой территории с очень большим интересом. К Силису пришла девица, на вид блядь. Волосы наполовину седые, наполовину черные. Дима ел, она ему мешала, вытирала стол и пыталась «стереть» его хлеб и сыр. Силис сказал: «Она инфантильная», Дима сказал мне: «Блядь обыкновенная». Лемпорт, Силис и их друзья сбегали за водкой, уселись за стол.

⁸ Имеется в виду Бахнов Владлен Ефимович (1924–1994) – поэт, прозаик, драматург, киносценарист. Близкий друг Вадима и Юлии, познакомился с ними в доме писателя Изольда Зверева. В 1970 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышел сборник сатирических рассказов В.Е. Бахнова «Внимание: Ахи!» с многочисленными иллюстрациями В. Сидура. Бахнова (Морозова) Нелли Александровна (1924–2015) – киносценарист, редактор, мемуарист.

⁹ Гребнева Нозми (Мима) Моисеевна (1923–2016) – художник-график, прозаик, пересказчица Библии для детей. Автор эссе «Язык скульптур Вадима Сидура» (1984). Жена поэта и переводчика Наума Исаевича Гребнева (1921–1988).

¹⁰ В советскую эпоху хороший анекдот служил для интеллигентов особым иносказательным протестным языком. Политические анекдоты часто рассказывались в мастерской. Еврейская тема стала особенно актуальной после Шестидневной войны 5–10 июня 1967 г., когда маленький Израиль одержал победу над огромной коалицией арабских государств. «Юдофильство советской интеллигенции 60-х – всего лишь частный случай самоидентификации со слабым, а не сильным, с малым, а не большим». (*Вайль П., Генис А.* «60-е. Мир советского человека». – М., НЛЮ. Изд. 2-е. 1998. С. 285).

¹¹ Подобное часто происходило в результате полученного еще в 1944 г. на фронте тяжелого ранения.

¹² Гладков Эдуард Николаевич (р. 1939) – окончил географический факультет МГУ, океанолог. Однако профессией стала фотография, которой он постоянно увлекался. Знакомство с В. Сидуром состоялось в 1964 г., автор огромного количества фотографий его произведений, а также его портретов. Эти снимки составляли основу почти всех каталогов В. Сидура. В 1998 г. выпустил в Москве фотоальбом «И создал Гроб-Арт».

Мы ушли к моей маме, беседовали с моей племянницей Ирочкой. Досидели до двенадцати, ехали в пустом вагоне до «Парка культуры». Дима сказал: «В искусстве главное – это дух, разум тоже играет свою важную роль, но одного его недостаточно. Идеально, когда дух и разум находятся в гармоническом сочетании».

В мастерскую приходил Игорь Галанин¹³. Не такой злобный, как раньше. Показывал рисунки в цвете для детской книжки. Рисунки выполнены на высшем ремесленном уровне. «Он не художник, – сказал Дима, – но овладел этим делом. Нельзя его не уважать за упорство и трудоспособность».

1 февраля 1968 г., четверг.

Четверг не наш день, но мы все-таки попали в мастерскую для того, чтобы дожить «Мать с ребенком». Лемпорт с Силисом ушли на день рождения и оставили нас с пьяной компанией. Самый отвратительным был поэт Халиф¹⁴, он хотел, чтобы его приятель, пухлый блондин Женя, съездил куда-то за город за спиртом. Дима в большой комнате склеивал обожженные куски. Халиф сказал: «Закрой дверь, закрой дверь!» Тогда Дима подошел весь красный и сказал: «Не надо закрывать дверь, от хозяев дверь не закрывают». Они обомлели, потом Халиф стал распространяться: «Евреи очень обидчивы и уязвимы, я сам принадлежу к семитской группе...» Другие его стали останавливать, чтобы он заткнулся.

Дима приваривал гипсом голову, а я возле него топталась. Всё время подходил пьяный в дым актер Никулин¹⁵ и что-то болтал невразумительное. Наконец они ушли, а перед уходом поэт Халиф вдруг начал Диме говорить всякие комплименты насчет его скульптур. У этого поэта очень уголовная рожа и он жутко матерился, несмотря на то, что в их компании была девица, которая адвокат, и она его очень не одобряла.

Дима вкалывал до полвторого ночи, пока Лемпорт не явился со дня рождения со своей девушкой, у которой, несмотря на молодой возраст, нефрит. Лемпорт остался ночевать в мастерской.

Микаэла Дроздовская¹⁶ Диму ужасно расстроила: Диме привезли фломастер, а она отдала его какому-то художнику, который в нее влюблен.

2 февраля 1968 г., вторник.

Дима всё обжег. Когда я пришла с работы, они с Эдиком уже приварили пол-скульптуры «Мать с ребенком».

¹³ Галанин Игорь (р. 1937) – живописец, график, книжный иллюстратор, художник театра. С 1972 г. живет в США.

¹⁴ Халиф Лев Яковлевич (1930–2018) – поэт, прозаик, член СП СССР (исключен в 1974 г.). В 1977 г. эмигрировал в США, жил в Нью-Йорке.

¹⁵ Никулин Валентин Юрьевич (1932–2005) – актер театра и кино. С 1960 г. актер театра «Современник». Народный артист РСФСР (1990).

¹⁶ Дроздовская Микаэла Михайловна (1937–1978) – киноактриса, дружила с Вадимом и Юлией с 1950-х годов. В 1980 г. В. Сидур совместно с архитектором Л.И. Штутманом выполнил надгробие на ее могиле на Ваганьковском кладбище в Москве.

Юлия (1968). Фото: Эдуард Гладков

«Мое мышление, – сказал Дима, – очень схоже с Муром. Мне даже кажется, что если бы его не было, я был бы вместо него. И в то же время – очень большое отличие»¹⁷.

Пришел Лемпорт с девицей. Дима попросил: «У меня гипс заведен, я побуду минут двадцать». – «Не хотелось бы, – поморщился Лемпорт. – Я ведь сказал, что приду в шесть». Дима все равно все закончил, несмотря на его недовольство. Дима надеялся собрать всю скульптуру, хотя знал, что их вечер, но думал, что они не придут.

Поехали к Алле Гербер¹⁸. Квартира хорошая. Толстый, очкастый девятилетний сын, жадный, не дал Диме пожевать резинку. Мещанистая, модная мама. Алла с носом. Пришли Шейнберги¹⁹ и Женька Зверева²⁰ со своим ухажером Борей, которого она внедряет и упорно всем демонстрирует. Я ее не одобряю. После смерти Изольды²¹ прошло два года. Боря – парень неплохой.

Очень приличная еда, как всегда, мы с Димой ели больше всех. Белла Шейнберг – меньше всех. Начиная с Женьки, все изощрялись в остроумии. Смешно. Алла в сочетании со своей мамой бесподобна, смешно невыносимо.

Алла сказала: «Я читала Синявского²², это отвратительный гнойник». – «Я тоже читала, – сказала я, – очень хороший писатель». Дима меня поддержал. Алла: «Он способный человек, но мне не нравится». Дима: «Так и говори. А мне – нравится!»

Дима рассказал (в который раз), как мы беседовали с Хрущевым²³. Оказывается, они эту историю не знали. Витечка Шейнберг зачем-то обвинил Солже-

¹⁷ Мур (Moore) Генри (1898–1986) – британский художник и скульптор, автор монументальных фигуративных скульптур. В 1984 г., получив книгу о В. Сидуре, он очень высоко оценил его творчество.

¹⁸ Гербер Алла Ефремовна (р. 1932) – журналист, публицист, писатель, кинокритик, общественный деятель, правозащитница.

¹⁹ Имеются в виду Виктор и Белла Шейнберги – врачи, друзья Вадима и Юлии. Виктор Шейнберг был другом и одноклассником киносценаристов В.С. Дунского и Ю.Т. Фрида, о которых будет сказано в дневниках ниже.

²⁰ Зверева (Кожина) Евгения Алексеевна (р. 1925) – жена (с 1949 г.) писателя И.Ю. Зверева.

²¹ Зверев (Замдберг) Изольд (Илья) Юдович (1926–1966) – прозаик, журналист, близкий друг Вадима и Юлии. В. Сидур выполнил иллюстрации к нескольким его книгам и журнальным публикациям.

²² Синявский Андрей Донатович (1925–1997) – писатель, литературовед, литературный критик, публицист. В 1952–1965 гг. работал в ИМЛИ им. М. Горького АН СССР, одновременно с 1957 г. преподавал в Школе-студии МХАТ. Как критик печатался с 1948 г. Член СП СССР с 1961 г. С конца 1950-х гг. передавал свои рукописи для публикации за границу. В 1959 г. в Париже анонимно издал трактат «Что такое социалистический реализм». В 1959–1966 гг. в Париже и Нью-Йорке вышел ряд его произведений, подписанных псевдонимом Абрам Терц. После долгой охоты за ним органами КГБ был арестован (одновременно с Ю.М. Даниэлем) осенью 1965 г. В феврале 1966 г. осужден по обвинению по статье 70 УК РСФСР – «антисоветская агитация и пропаганда, изготовление, хранение и распространение антисоветской литературы» – на максимально предусмотренный срок: семь лет исправительно-трудовых лагерей. В 1971 г. досрочно освобожден. В 1973 г. эмигрировал с семьей во Францию. Основатель (в 1978 г. в Париже) и редактор литературного журнала «Синтаксис». Реабилитирован в октябре 1991 г.

²³ В 1956 г. В. Сидур, Н. Силис и В. Лемпорт выполняли большой барельеф на фронтоне строящегося в Лужниках здания плавательного бассейна. Однажды на стройку неожиданно нагрянул первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев, вступивший с присутствующими в беседу.

ницына²⁴ в антисемитизме. Мы с Димой решительно не согласились. Если у Солженицына есть отрицательные персонажи-евреи, это не значит, что он антисемит. Мы общались с Александром Исаевичем²⁵, без сомнения – он прекрасный человек. «Он русофил, бесспорно», – сказал Витечка.

ТЬфу, тьфу, тьфу, Дима ничего себя чувствует.

3 февраля 1968 г., суббота.

Когда я пришла в мастерскую после работы, Дима грязный почти кончал собирать скульптуру. Расхаживал академик Е.Ф. Гросс²⁶ со своей «спутницей». Ничего не понимают – ни он, ни она. Говорил какие-то глупости, никак не мог понять, кому что принадлежит²⁷. После инсульта у него, наверно, страшнейший склероз.

Пришел Эдичка, помогал. Пришли чехи, очень молоденькие актеры, с ними – наш парень Саша, студент студии МХАТ. Затем пришел В. И. Бураковский²⁸ со старшей дочкой. Дима всё работал, весь в гипсовой пыли. Толя Гитберг²⁹ с Милой тоже пришли. Мужчины помогли Диме водрузить верхнюю часть скульптуры. Дима расстроился, что эта часть – голова с ножками – не в ту сторону наклонена. Очень огорчился, будет еще работать. Так устал, что сел за стол в грязных штанах и не смог встать. Рядом сидела Мила Гитберг, я все беспокоилась, что он ее испачкает гипсом.

Марина Ильичева³⁰ тоже пришла, надела халат, тоже чего-то ему помогала, пока я все мыла и на стол расставляла. Валька Караваева³¹ появилась, как всегда, измученная. Все выпили. Даже Дима выпил за здоровье чехов рюмку коньяку.

Наперебой стали рассказывать анекдоты. Саша очень смешно рассказывал одесские еврейские анекдоты, Толя Гитберг – английские. Чехи не выдержали, тоже стали анекдоты рассказывать. Потом чехи стали петь, но не очень хорошо.

Володя Бураковский сидел на подлокотнике от дивана и в итоге всё себе отсидел, встал возле окна. Уже почти все ушли, а чехи пели, потом и они ушли. Толя Гитберг отвез нас на своем еле дышащем «Москвиче» домой.

²⁴ Солженицын Александр Исаевич (1918–2008) – прозаик, поэт, публицист, общественный деятель. Участник Великой Отечественной войны. Семь лет – в 1945–1953 гг. – провел в ГУЛАГе, затем до 1956 г. в ссылке. Реабилитирован в 1957 г. 11 февраля 1974 г. арестован и через два дня выслан из СССР. В 1993 г. возвратился в Москву. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1970 года.

²⁵ Встреча состоялась в июне 1967 г. в Переделкине на даче К.И. Чуковского. Под впечатлением от встречи В. Сидур выполнил портрет А.И. Солженицына (фломастер и цветной карандаш).

²⁶ Гросс Евгений Федорович (1897–1972) – физик-экспериментатор, профессор Ленинградского университета и Московского Физико-технического института (МФТИ), член-кор. АН СССР (1946), лауреат Ленинской (1966) и Сталинской (1946) премий.

²⁷ В мастерской тогда находились работы и В. Сидура, и В. Лемпорта и Н. Силиса.

²⁸ Бураковский Владимир Иванович (1922–1994) – кардиохирург, в 1966–1994 гг. директор НИИ сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева, академик АМН СССР (1978), лауреат Ленинской (1976) и Государственной (1973) премий, Герой Социалистического Труда (1982). Друг В. Сидура, Н. Силиса и В. Лемпорта с 1950-х гг.

²⁹ Гитберг Анатолий Давыдович (1926–1983) – график, книжный иллюстратор, друг Вадима и Юлии.

³⁰ Ильичева Марина Николаевна (р. 1944) – художница, ученица В. Сидура.

³¹ Караваева Валентина Ивановна (1935–1997) – жена Э.Н. Гладкова. Океанолог, работала во Всесоюзном научно-исследовательском институте охраны природы.

Вадим Сидур работает над «Портретом академика В.Л. Гинзбурга» (1967). Фото: Эдуард Гладков

Диму сильно раздуло, верхнюю губу, и заболел зуб. Два раза пил анальгин, устал, еле ноги передвигает. Скульптурой не доволен. Раздражен, ко мне придирается.

4 февраля 1968 г., воскресенье.

Утром, когда Дима меня разбудил, я испугалась. У него совсем заплыл левый глаз, верхняя губа такая же толстая, как и вчера. Так сильно его еще ни разу не раздувало. «Посмотри, я весь в волдырях», – сказал Дима. Он приподнял рубашку, и я увидела на пояснице и на бедрах расчесанные пузыри.

Все, кого мы спрашивали по телефону об этой аллергии, считают, что это от витаминов, которые Дима жрал по десять штук в день, чтобы не заболеть гриппом. И меня заставлял. Вид у него сделался страшноватый, как будто ему дали в глаз. Ходил мрачный, пока не нарисовал рисунок немецкими мелками, тогда повеселел. Сделала ему судака по-польски, что нам мама достала, и он совсем отошел. Потом легли в кровать, оба теплые, мягкие, провалялись до полседьмого. Вскочили, оделись, взяли такси, поехали за творогом к родственникам Алика Борина, а оттуда в мастерскую. Силисова смена кончилась, он ушел, напевая. Явно ему Димины скульптура большая не понравится. Всё, наверно, глину жалеет.

Дима намазывал гипс, а он все никак не хотел приставать. Дима постучит по нему, и гипс отваливается. Намазывал, наверно, раз двадцать, сердился. Стали для югославов его биографию писать, чуть не переругались. Дима закричал: «Пиши сама мою биографию, я работаю!»

В полпервого ночи пришел пьяненький Лемпорт с девицей Таней. Дима переодевался. «Стоп Таня, здесь обнаженные мужчины». – «Никак не думал, что вы так поздно работаете», – говорит это уже в который раз. Посочувствовал: «Да, да, очень сильно тебя раздуло. Посмотри, Таня, как он распух!» Радует, гад!

5 февраля 1968 г., понедельник.

В мастерской сегодня не были, не наш вечер. А днем, пока я была на работе, Дима сочинял письмо нашим друзьям в Югославии. Лицо у Димы сегодня нормальное почти. Он на ночь выпил сразу три таблетки димедрола. К шести пошли в чехословацкое посольство. Посольские что-то ходят хмурые, наверно, переворот в правительстве³² как-то их коснется. Тауфер³³ любезен, но мрачен. Сказал, что будет хороший фильм. Встретились с Ирой Чернявской³⁴, которая только что вернулась из Праги. Привезла нам письмо от Лиды Душковой³⁵ и бутылку чешской водки. Лида и Зденек Айс³⁶ готовы в любой момент послать приглаше-

³² Имеется в виду новый курс во внешней и внутренней политике Чехословакии, названный «Пражской весной», начавшийся 5 января 1968 г., когда первым секретарем ЦК КП ЧССР стал Александр Дубчек (см. ниже записи от 2 апреля 1968 г.).

³³ Тауфер (Taufel) Йижи (1911–1986) – чешский поэт, переводчик. В 1941 г., бежав от нацистов, оказался в Москве, работал на радио, в издательстве «Иностранная литература». После войны вернулся на родину. В 1954–1956 гг. – заместитель министра культуры ЧССР. Перевел на чешский язык почти всего В.В. Маяковского, переводил стихи В. Хлебникова, Б.Л. Пастернака, Н.Н. Асеева, Л.Н. Мартынова и др. Исследователь творчества В.В. Маяковского, М. Горького, Н.В. Гоголя. В 1966–1971 гг. советник по культуре посольства Чехословакии в Москве. В 1972–1982 гг. член правления Союза чехословацких писателей.

³⁴ Чернявская Ирина Сергеевна (р. 1920) – литературовед, богемистка, знакомая Вадима и Юлии.

³⁵ Душкова (Dušková) Людмила (1932–2010) – писатель, переводчик русской литературы, среди ее переводов произведения М. Цветаевой, О. Мандельштама, В. Набокова, Б. Окуджавы, А. Солженицына. В 1954–1991 гг. сотрудница пражского издательства Odeon. В 1950-х – 1960-х гг. редактор пражского журнала-ревю иностранной литературы *Světová literatura*. Журнал публиковал среди прочего переводы произведений лучших советских писателей, был прекрасно иллюстрирован. В 1966–1967 гг. не раз печатал фотографии скульптур В. Сидура. В 1967 г. в № 6 опубликовал перевод главы «Понтий Пилат» из «Мастера и Маргариты» М.А. Булгакова с иллюстрациями В. Сидура. Жена В. Данека.

³⁶ Айс (Eis) Зденек (1930–2009) – журналист, сотрудничал в чешских и словацких журналах *Plamen*, *Světová literatura* и др. В 1964 г. находился в Москве, где познакомился с В. Сидуром и Юлией. В *Plamen* (1964, № 11) опубликовал заметку *V. Sidur* с фотографиями десяти скульптур и рисунков. После падения коммунистического режима в Чехословакии выяснилось, что З. Айс был тайным осведомителем госбезопасности. О значении публикации в *Plamen* Юлия вспоминала так: «Вадим всюду таскал этот журнал, а это литературный журнал – ну кто там такого? Там было какое-то количество его фотографий и крошечный текст. Он его таскал, как драгоценную монографию, и всем показывал, и все говорили: «Ну, Сидур, всё!» Как будто он вырвался, как будто его дух вырвался из подвала на волю. Но кто мог подумать, что такой журналист маленький, скромный, вдруг произведет такое впечатление? Произвел. Потому что даже в МОСХе, кто-то нам рассказал, разбирательство было специальное – как эти фотографии попали в Чехословакию?» (Из интервью на радио «Свобода», 4 ноября 2003 г. // <http://archive.svoboda.org/programs/civil/2003/civil.110403.asp>).

ние на мое имя. Они удивляются, что Тауфер не может помочь Диме выехать. Просидели первое отделение, посмотрели хроники. Со второго отделения бежали – по первым кадрам было ясно, что фильм – дерьмо.

Инна Бернштейн³⁷ пригласили нас и Иру Чернявскую к себе. Приехали, выпили чешской водки, закусили, Дима пригубил, Инна совсем не пила. Говорили о том, какие молодцы чехи. Единственная наша отрада. Аня, Иннина дочка, рассказала о том, что говорили на творческом вечере, посвященном Платонову³⁸, высказывались довольно прогрессивно³⁹.

Проговорили до 11 часов. <Домой> приехали около двенадцати. Дима похвастался, что его почти не прихватывает за грудиной, и его тут же прихватило. «Мне тоскливо стало, – сказал Дима, – что чехи уже занялись своей жизнью и все страны скоро будут жить своей жизнью. А на нас будет всем наплевать».

6 февраля 1968 г., вторник.

БЕхала с работы в мастерскую, встретила в метро Аллу Гербер с красивой женщиной Оксаной, нашей старой знакомой, которая у нас не появлялась больше четырех лет. Алла пошла со мной, чтобы поговорить с Димой насчет памятника своему отцу, Оксана с нами увязалась.

Дверь нам открыла Сорока⁴⁰ в новом свитере. Эдинька с разбитой губой фотографировал. Он подрался с соседом с нижнего этажа, который пришел к ним в полпервого ночи, пьяный, угрожать за то, что Эдик просил их не очень шуметь, когда это семейство гуляло.

Дима, вымазанный гипсом с головы до ног, уже начал красить скульптуру. Сказал: «Принесла что-нибудь? Жрать хочу, умираю». Алла Гербер тоже про-

³⁷ Бернштейн Инна Абрамовна (1919–1992) – литературовед, литературный критик, доктор филологических наук, сотрудник ИМЛИ им. М. Горького, член СП СССР (с 1969). Одна из ведущих в Советском Союзе специалистов по чешской и славянским литературам XX в., по сравнительному литературоведению. Переводчица с чешского и словацкого языков. Автор многочисленных статей и восьми монографий (в том числе о творчестве Я. Гашека, К. Чапека, М. Пуймановой). Именно у нее в доме осенью 1970 г. произошло знакомство В. Сидура и Юлии с западногерманским славистом Карлом Аймермахером.

³⁸ В. Сидур очень высоко ценил творчество Андрея Платонова (1899–1951), ставя писателя в верхний ряд гениев. Имея в своей библиотеке сборник «Избранного» А. Платонова 1966 г. и эмигрантское издание «Чевенгура», Вадим и Юлия охотно давали их читать своим друзьям.

³⁹ Вечер состоялся в начале февраля 1968 г. Выступления участников были очень интересными и смелыми. Тексты выступлений сохранились благодаря тому, что 20 февраля в ЦК КПСС была направлена секретная «Записка КГБ при СМ СССР по поводу собрания в Центральном доме литераторов, посвященном творчеству А. Платонова» за подписью зам. председателя КГБ Н.С. Захарова. В ней сообщалось, что «отдельные участники в выступлениях допускали демагогические утверждения, вызывавшие нездоровую реакцию у части аудитории. Наиболее характерными в этом отношении являются высказывания научного сотрудника Института международного рабочего движения Ю. Карякина и речь одного из инициаторов вечера – писателя Б. Ямпольского, зачитанная из-за его болезни поэтом А. Межировым. Выдержки из указанных выступлений прилагаются». Указано, что с документом ознакомились члены Политбюро ЦК КПСС П.Н. Демичев, А.П. Киреленко, Ф.Д. Кулаков, М.А. Сулов, Д.Ф. Устинов. (Записка хранится в Российском государственном Архиве новейшей истории, была опубликована в сборнике «Аппарат ЦК КПСС и культура. 1965–1972. Документы». Сост. *Томиллина Н.Г., Конова Т.Ю. и др.* – М., РОССПЭН. 2009. С. 445–448).

⁴⁰ Сорокина Людмила – знакомая.

стонала: «Умираю от голода!» Я купила полкило докторской колбасы, ливерной, масла, хлеба. Дима достал остатки чешской водки, которую Инна Берштейн уговорила нас забрать с собой, а мы не особенно сопротивлялись. Набросились все на жратву как из голодного края. Я все приговаривала: «Вот видишь, Сидур, какая у тебя жена! Всё принесла, всех накормила!»

Дима сказал, что Лемпорту очень приятно давать ему советы: «Крась так, а не эдак. Не замазывай керамику, главное – материал». Отходил и смотрел на скульптуру оценивающим взглядом. Я предположила: «Если он хочет в коллектив обратно, мы не примем».

В четверг они опять собираются поить КГБ из МИДа.

Приехали домой около часа ночи. Наша мерзкая соседка⁴¹ <Галина Веселовская> целый день спала, так как она на бюллетене, а тут пробудилась и затопала своими толстыми пятками.

7 февраля 1968 г., среда.

Дима закончил «Материнство». Целый день красил ее разными тушами и чернилами. Ощущение чего-то совершенно металлического. Я приехала в подвал довольно поздно, задержалась в школе⁴². За столом сидели Лемпорт, Коваль⁴³, Генрих <Сапгир>⁴⁴. Опустошили два пол-литра. Силис дотирает свою сексуальную скульптуру «Гроздь из девиц» в дереве. Дима красил. Коваль брэнчал на гитаре и всё время предлагал Лемпорту взять другую гитару: «Сольемся в экстазе!»

Наша Марина <Ильичева> появилась за пять минут до моего прихода. Сказала: «Не будет вам, Дима, больше проволоки!» и расплакалась. Она рассталась со своим парнем, так как он шез или же, как она говорит, «жуткая сволочь». Объяснить подробнее категорически отказалась.

Силис ушел в кино смотреть «Твой современник»⁴⁵, ушла Марина, затем Коваль и Генрих. Зато пришел Володя Бураковский со своей старшей дочкой

⁴¹ В 1957–1970 гг. у Вадима и Юлии были две небольшие комнаты в коммунальной квартире № 45 в доме № 6 по ул. Петровско-Разумовская аллея, на Масловке, в так называемом Городке художников.

⁴² С 1964 г. Юлия работала учительницей французского языка и была классным руководителем в московской специальной средней школе № 18 (ныне № 1275).

⁴³ Коваль Юрий Иосифович (1938–1995) – поэт, прозаик, сценарист, художник. Близко дружил с В. Сидуром, Н. Силисом и В. Лемпортом с 1950-х гг., считал их своими учителями и проводил с ними целые дни. После того, как Н. Силис и В. Лемпорт переехали в собственную мастерскую, В. Сидур порвал с ним отношения. «Многие уже ушли, многие отпали, а мы втроем остались, – говорил Ю. Коваль в конце 1980-х гг. про себя, Н. Силиса и В. Лемпорта. – В моей жизни это самая мощная, самая старая и, может быть, самая лучшая связь – Володя, Коля и я. Мы остались, а были разные люди, был и Дима Сидур».

⁴⁴ Сапгир Генрих Вениаминович (1928–1999) – поэт-шестидесятник, давний знакомый В. Сидура и Юлии. В 1950-х–1960-х гг. он часто бывал в мастерской и, будучи незаурядным артистом и чтецом, с удовольствием и помногу читал свои стихи. О В. Сидуре он в 1997 г. вспоминал так: «Вадим Сидур всегда для меня был, прежде всего, скульптором – художником необычайной силы и мысли с отсветом гениальности. Много раз я спускался в его подвал и созерцал там рождение глиняных женщин и чугунных пророков. Оказывается, Вадим Сидур писал еще стихи и прозу. Об этом я узнал только после его смерти. Это был человек Возрождения и – настоящий поэт».

⁴⁵ Двухсерийный художественный фильм 1967 года, «Мосфильм», режиссер и автор сценария (совместно с Е.И. Габриловичем) Ю.Я. Райзман.

и приятелем. Принес бутылку коньяку. К Лемпорту пришел киношник – красавец мужчина Женя Фридман⁴⁶. Володя, который очень живо и с интересом смотрит все работы, высказывает всякие глупости. Мы привыкшие и воспринимаем спокойно, тем более что ему почти всё нравится. Лемпорт в довольно униженном положении – в противовес Диминым вещам, на которые всегда смотрит Володя и высказывается, он насильно пытался привлечь внимание к новым Колькиным вещам. Но не к своим, потому что у него их нет. Конечно, выпили. Володя сказал про Димины скульптуры «Операция на сердце»: «Что-то здесь не то... здесь не то... каких-то деталей... вот тогда...» Лемпорт сказал: «Скульптуру надо смотреть с пластической точки зрения...» Володя на него чуть-чуть обиделся и обозвал «сталинистом». А Лемпорт сказал, что Володя – «красный директор». Володя сам хирург, поэтому ему и не нравится эта скульптура. А скульптура себе стоит и чеки напечатали ее в «Культурн. живот»⁴⁷ до того, как была сделана первая пересадка сердца⁴⁸.

8 февраля 1968 г., четверг.

8 февраля выходная. Дима тоже не ходил в мастерскую, так как четверг полностью не наш день. Дима целый день придумывал обложку к книжке польского поэта Станислава Гроховяка⁴⁹. Я занималась хозяйством. Пришла моя мама⁵⁰, донимала меня, почему я не шью себе зеленое пальто. Ходили в прачечную, отнесли и взяли белье. По дороге назад я объясняла маме, что Дима – великий художник и что он, так же как и Солженицын – гордость России. Мама слушала меня внимательно, но недоверчиво. «Ты даже не представляешь, как мне повезло! Я – девочка из Сокольников, из бедной, необразованной, мещанской еврейской семьи – стала женой великого русского художника». Мама помолчала, а потом сказала: «Это всё так, Юля, но вот почему ты не сошьешь себе зимнее пальто?»

⁴⁶ Фридман Евгений Владимирович (р. 1929) – актер, режиссер, сценарист и художник. Вместе со своими друзьями Н. Силисом, В. Лемпортом, Ю. Ковалем, Ю. Кимом и Ю. Ильенко снялся в эпизодической роли в художественном фильме общего друга всей компании режиссера Т.Ю. Вульфовича «Улица Ньютона, дом 1» (1963). В 1966 г. окончил режиссерский факультет ВГИКа. В 1971 г. снял собственный фильм – «Остров сокровищ», пригласив на одну из ролей Н. Силиса. Заметим, что Н. Силис и В. Лемпорт сыграли целый ряд эпизодических ролей в различных фильмах.

⁴⁷ Подразумевается заметка журналиста Йозефа Боб «Портрет современника» (*J. Bob. Tvár súčasníka*) в братиславском литературно-художественном и политическом журнале *Kultúrny život* в мае 1965 г., где также были помещены фотографии ряда произведений В. Сидура. Журнал выходил с 1946 г. и был закрыт в августе 1968 г.

⁴⁸ Первую удачную пересадку человеку человеческого сердца произвел южноафриканский кардиохирург Кристиан Барнард (Barnard, 1922–2001) в госпитале Кейптауна 3 декабря 1967 г. Скульптуру «Операция на сердце» (терракота, 37×40×9 см) В. Сидур выполнил в 1966 г.

⁴⁹ Гроховяк (Grochowiak) Станислав (1934–1976) – польский поэт, прозаик, драматург. Его стихи на русский переводили Ю.Д. Левитанский, Б.Ш. Окуджава, Д.С. Самойлов, Б.А. Слуцкий и др. Издание книги, о которой идет речь, планировалось в издательстве «Прогресс», однако ни в 1968 г., ни позже она по политическим мотивам напечатана не была.

⁵⁰ Нельская Галина Борисовна (1910–1990).

9 февраля 1968 г., пятница.

Сегодня Дима в мастерскую не ходил. Целый день продумывал обложку к книге Гроховяка. Один вариант, на мой взгляд, совершенно прекрасный.

Я пришла с работы около семи вечера, мертвая от усталости. Димушка мне все подогрел поесть. Потом свалилась спать. Проснулась в десять, он всё обложки рисует.

10 февраля 1968 г., суббота.

Пришла в подвал, полный людей. Скульптура меня поразила. Большая, черная, как чугунная. Притягивает к себе сразу.

Коваль пьяный заорал: «Где же твой сентор?» Я говорю: «Ты пьяный, Коваль!» Вышел Дима, переодетый в грязные брюки. Я говорю: «Коваль почему-то называет тебя сентор». Коваль вытаращил глаза: «Чудная ты, в греческом журнале было написано “сентор”».

Разозлил меня Коваль. Лемпорт уехал в Щурово. У Силиса было общество подвыпившее. Силис вытащил из деревянной комнатки свою «Гроздь из девиц». Она показалась мне довольно хилой. Раньше нравилась больше.

Дима всё красил «Материнство». Только ушла Силисова компания, пришла наша: Марина Ильичева, Валька с Эдиком, Клара⁵¹, Шуплецовы⁵², Инна Бернштейн с дочкой Аней и с ее приятелями-физиками, Сашка Алешин⁵³. Пошли с Мариной в магазин. Она рассказала мне наконец о ссоре со своим малым. Он – с приветом, у него комплекс, что женщины его обманывают. Марина выразила желание выпить. Просидели до двенадцати. Вера Шуплецова ругала Юнну Мориц⁵⁴. Мы защищали, мы любим Юнну Мориц.

Все ушли, мы тоже собирались уходить. Позвонил Лева Соколов⁵⁵, пьяный, с девицей. Дима не согласился, чтобы он оставался в мастерской на ночь, тем более что у него был один ключ, да и тот он не нашел. Долго рылся в карманах. Ушел, шатаясь, обиделся.

Дима сегодня сдуру слопал три таблетки витамина «С» и теперь у него вспухла верхняя губа. Ему кажется, что как только он перестает есть витамины, он сразу же заболевает гриппом.

⁵¹ Лозовская Клара Израилевна (1924–2011) – секретарь К.И. Чуковского в 1954–1969 гг. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. из-за дружбы с А.И. Солженицыным подвергалась преследованиям КГБ. С 1969 г. до своего отъезда в США в 1988 г. продолжала работать с архивом К.И. Чуковского, готовила к изданию его произведения и дневники, водила экскурсии по его дому-музею в Перedelкинe. Одна из составителей сборника «Воспоминания о Корнее Чуковском» (М., 1977) и автор помещенных в нем «Записок секретаря» (С. 214–248).

⁵² Шуплецов Борис Всеволодович, редактор и переводчик, в 1950-х – начале 1960-х гг. редактор издательства «Иностранная литература», старший редактор издательства «Прогресс», занимался изданием чешских и словацких авторов. Помогал очень многим поэтам с заработком, делая заказы на переводы. Упоминается также его жена Вера.

⁵³ Приятель Э. Гладкова и В. Караваевой.

⁵⁴ Мориц Юнна Петровна (р. 1937) – поэт, прозаик, художник. Печатается с 1955 г. Лауреат российской негосударственной премии Триумф (2000 г.) и многих других премий.

⁵⁵ Соколов Лев Алексеевич (1930–1976) – архитектор, художник, друг В. Лемпорта и Н. Силиса, с которыми выполнил несколько проектов.

11 февраля 1968 г., воскресенье.

Сегодня в подвал не ездили. Дима целый день рисовал книжку, а я ездила на рынок, убирала квартиру, жарила котлеты и еще чего-то копошилась. Дима книжку кончил. Оба мы к вечеру дошли. Устали, еле двигаемся, но спать не ложимся, до двух ночи обязательно проковыряемся.

Клара обещала достать «В круге первом»⁵⁶ Солженицына.

Позвонила моя мама, объявила, что посмотрела фильм «Мужчина и женищина»⁵⁷. Оценила: «Не стоит он того, чтобы из-за него убивались». Мы с Димой не имеем ни сил, ни времени, чтобы достать билеты. Жалко! Мамина оценка лишней раз подтверждает, что фильм, скорее всего, хороший.

«Какие штуки делают в мире! Мы ни хрена не знаем, как дикие на острове», – сказал Дима, просматривая чешский журнал.

У Димы снова стали чесаться плечи и все тело. Давно не было, зараза!

12 февраля 1968 г., понедельник.

Дима показал книжку Гроховяка в издательстве. Редактор сказал, что, скорее всего, рисунки не пойдут – главный художник не пропустит.

Разговаривал с Майей Коневой⁵⁸. Она сказала, что родные какого-то помершего министра сельского хозяйства увидели на Девичке памятник Варге⁵⁹ и захотели для министра что-то подобное. Они уже поставили министру очень плохой памятник за большие деньги. Майя, правда, предупредила, что министр был сволочь и преследовал в свое время вейсманистов-морганистов⁶⁰. Еще Майя спросила, что у Люси Косыгиной⁶¹ есть муж, архитектор, и нельзя ли ему прийти в мастерскую. Я посоветовала Диме: Люся Косыгина с мужем пусть приходят, не жалко, а министр сельского хозяйства пусть покоится себе дальше под плохим памятником, лучше поставить памятник более достойному человеку.

Веселенький, пьяненький старикашка Лемпорт показал билеты в Нигерию⁶². Уезжают послезавтра. По этому поводу будут сегодня поить весь МИД. Дима рад, полтора месяца без сотрудников!

⁵⁶ Главный и самый интересный роман А.И. Солженицына «В круге первом» написан в 1955–1958 гг. (с последующими редакциями), но опубликован в СССР лишь в 1990 г., до этого распространялся в самиздате и тамиздате (в 1968 г. напечатан по-русски в Нью-Йоркском издательстве *Harper & Row*).

⁵⁷ Французский художественный фильм 1966 года, увенчанный «Золотой пальмовой ветвью» Каннского кинофестиваля, двумя «Оскарами» и другими престижными премиями. Режиссер Клод Лелуш (Lelouch), в главных ролях Анука Эме и Жан-Луи Трентиньян, музыка Франсиса Лея. Фильм имел оглушительный успех как на Западе, так и в Советском Союзе. В кассы московских кинотеатров выстраивались многочасовые очереди.

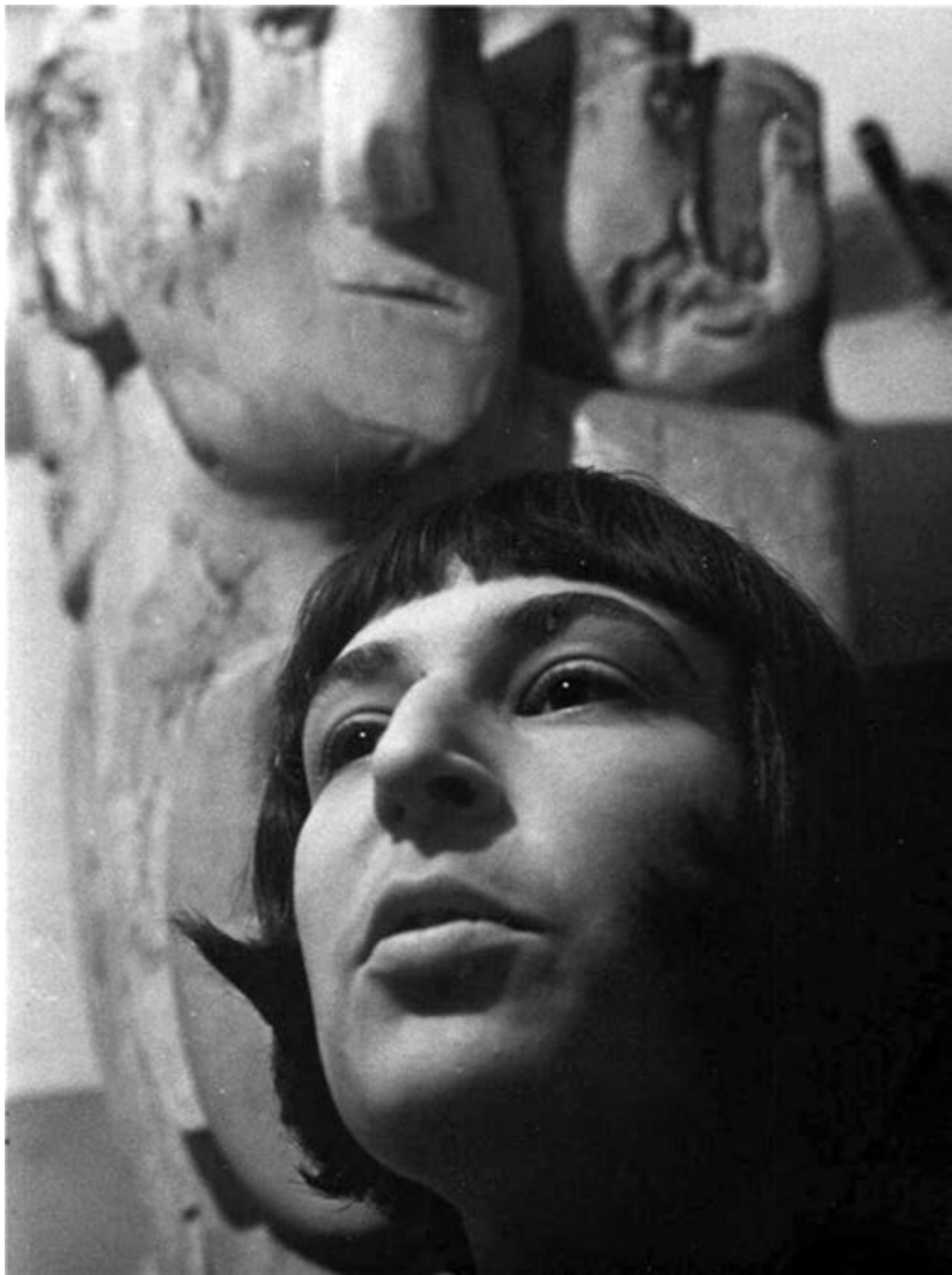
⁵⁸ Конева Майя Ивановна (1923–1990) – с 1950-х гг. редактор польской литературы «Издательства иностранная литература», позже «Прогресс». Дочь Маршала Советского Союза И.С. Конева.

⁵⁹ Памятник академику Евгению Самуиловичу Варге (1879–1964) на Новодевичьем кладбище в Москве установлен в 1967 г. (серый гранит, 233×85×39 см).

⁶⁰ Так в конце 1940-х – начале 1950-х гг., в эпоху расцвета мичуринско-лысенковской лженауки «агробиологии» и погрома генетики, презрительно называли ученых-классических генетиков (от фамилий А. Вейсмана и Т. Моргана – основоположников мировой генетики).

⁶¹ Косыгина Людмила Алексеевна (1928–1990) – подруга М.И. Коневой, дочь председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина, сотрудница МИД СССР, с 1980 г. директор Библиотеки иностранной литературы.

⁶² В столице Нигерии Лагосе В. Лемпорт и Н. Силис пробыли три месяца, выполняя керамическое панно для строящегося здания советского посольства.

Юнна Мориз в мастерской В. Сидура (1968). Фото: Эдуард Гладков

Зинаида Ивановна Сидур в мастерской (1968). Фото: Эдуард Гладков

Заехали к Женьке Зверевой. Машка⁶³ – красotka в брюках, Мария Карловна радостная, Боря – в жилете по-домашнему. Поели у них картошечки с печеночкой, поехали в театр, в клуб МГУ. Сплошь знакомые рожи, светское общество, раздражают они меня очень. Тата Семенова⁶⁴ закупила, наверно, сто билетов. Пришли Алла Гербер, Шейнберги, Нина Гинзбург⁶⁵, Борины, Мила Семенова⁶⁶ с младшим сыном, довольно капризного вида, нелепая Ирка Сергиевская⁶⁷.

Первое отделение – дерьмо, смотреть нельзя. Второе – симпатично. «Мизантроп» <Мольера> – осовремененная постановка какого-то Лепнина. Мы с Димой в театре лет шесть не были.

Позвонила Клара, сказала телефон вдовы Булгакова⁶⁸. Этот телефон у нас был. Дима один раз по нему звонил, ему сказали мужским голосом, что это учреждение. Дима сказал: «Азazelло, хватит шутить!»

13 февраля 1968 г., вторник.

Дима заболел. Болит горло, как-то странно – больно глотать и трогать снаружи. Температуры нет, но кожа на лице вся воспалена. Снова вспухла нижняя губа. Когда я пришла из школы, он разбирал рисунки, откладывал эскизы для скульптур. Намеряет, что сделает, пока не будет Лемпорта и Силиса. Они еще не уехали, а я уже сожалею, что они приедут через полтора месяца. Очень уж они нам мешают, а мы им.

Открылась выставка Филонова⁶⁹ в Институте Курчатова⁷⁰. Прочли статью в чешском журнале, где он высказывал в 20-х годах большую нетерпимость

⁶³ Зверева Мария Изольдовна (р. 1950) – дочь И.Ю. Зверева. В 1973 г. окончила сценарный факультет ВГИКа. Автор сценариев двадцати художественных фильмов как для детей, так и для взрослых. С 1989 г. заместитель председателя Конфедерации Союзов кинематографистов. Вице-президент Российской организации по защите авторских прав (с 1995). Член Союза кинематографистов России. Член Европейской киноакадемии (1997). Во втором браке за кинорежиссером Павлом Григорьевичем Чухраем (р. 1946 г.).

⁶⁴ Семенова (Бурцева) Наталия Николаевна (1902–1996) – жена (с 1923 г.) Николая Николаевича Семенова (1896–1986), профессора, действительного члена АН СССР, Нобелевского лауреата по химии (1956).

⁶⁵ Гинзбург (Ермакова) Нина Ивановна (1922–2019) – физик-экспериментатор, жена В.Л. Гинзбурга.

⁶⁶ Семенова Людмила Николаевна (р. 1928) – дочь академика Н.Н. Семенова.

⁶⁷ Сергиевская Ирина Александровна (р. 1932) – киоредактор. С 1960 г. старший редактор, член сценарно-редакционной коллегии Первого Творческого объединения киностудии «Мосфильм». Участвовала в создании более 50 фильмов, редактор последнего авторского фильма В.М. Шукшина «Калина красная» (1973). Член Союза кинематографистов.

⁶⁸ Булгакова (урожд. Нюрнберг) Елена Сергеевна (1893–1970) – вдова писателя Михаила Афанасьевича Булгакова (1891–1940).

⁶⁹ Филонов Павел Николаевич (1883–1941) – живописец, график, книжный иллюстратор, педагог, теоретик авангардного искусства. Учредитель группы художников «Мастера аналитического искусства» (1925–1932). В 1929–1930-х гг. подвергался официальной критике и травле. В 1930 г. запрещена его уже подготовленная большая персональная выставка в Русском музее. В 1938 г. были арестованы многие его родственники. Жил бедно, голодал. Умер в блокадном Ленинграде. Упомнутая выставка преданного забвению художника была второй (первая прошла в 1967 г. в Новосибирском Академгородке), и вызвала огромный интерес у избранной публики (Курчатовский институт являлся закрытым учреждением). Следующая его персональная выставка состоялась через двадцать лет, в «перестроечном» 1988 г., в Ленинграде и Москве, художника уже объявили классиком.

к другим течениям в живописи и всё «от имени пролетариата». Я бы запретила художникам болтать всякие глупости, пусть высказываются своими произведениями. Филонов сам за это горько поплатился.

«Голос Америки» сообщил о новых трудностях Александра Солженицына. Дима сказал: «Если Солженицына посадят, я тоже напишу письмо»⁷¹.

Получили письмо из Алабина⁷². Зинаида Ивановна⁷³, судя по письму, чувствует себя прилично.

14 февраля 1968 г., среда.

Я позвонила Диме из школы. Он говорил хриплым голосом, еле слышно. Когда приехала, он сидел, обвязанный, мрачный. Рисовал цветные картинки. Рассказал, что позвонил Чернятин⁷⁴, которого мы подозреваем в краже скульптуры три года тому назад. Пытался выяснить с Димой отношения. Признался, что фактически навел его на этот разговор Лемпорт. Много раз повторял, что, конечно, для художника это престиж, когда его произведения крадут. Дима сказал ему, что он не может утверждать, что скульптура украдена именно им, потому что за руку его никто не поймал. Но что больше всего в этом виноват Лемпорт,

⁷⁰ Институт атомной энергии им. И.В. Курчатова основан в Москве в 1943 г. как Лаборатория № 2 АН СССР для создания советского ядерного оружия. Занимался разработкой атомных реакторов, двигателей и т. п. как для военных, так и для гражданских целей. Строго секретный объект, на котором работали в основном образованные и высококультурные люди, чем и объясняется проведение здесь подобной выставки. В 1960-е – 1970-е гг. здесь не раз устраивались выставки художников советского андеграунда.

⁷¹ Вторая половина 1960-х – время многочисленных интеллигентских кампаний составления и подписания писем протеста и в защиту. Тогда, до августа 1968 г., это еще было, потом времена поменялись, и подписание постепенно сошло на нет. Однако, как отмечает ниже Юлия: «Дима ни разу не сделал ни одного политического заявления, ничего не подписывал и ни в чем не участвовал». «Дима решил остаться одиночкой».

⁷² В 1952 г., когда волна «борьбы с космополитизмом» докатилась до Сталинабада, где после войны жили родители В. Сидура, они были вынуждены приехать в Москву. (А.Я. Сидур работал одним из замов министра по труду в Совете Министров Таджикской ССР, и когда на него, по обычаям того времени, был составлен и послан донос, его вызвал к себе министр и по-дружески посоветовал побыстрее уехать). В Москве они оказались без жилья и некоторое время снимали комнату. Прописаться же, не имея работы, не разрешалось. Получить какое-либо место тогда, в условиях сильнейшего всплеска антисемитизма, отцу не удавалось. Оставалось одно решение – купить какое-нибудь жилье под Москвой, что запрещено не было. Все трое начали ездить по всему Подмосковию, чтобы найти что-либо подходящее – пригодное для жизни и соответствующее скромным сбережениям. После долгих безуспешных поисков, когда родители уже почти отчаялись, они нашли то, что им подходило – участок шесть соток и четырнадцатиметровую комнату, составлявшую половину небольшого деревянного дома в поселке Алабино, в 50-ти километрах от Москвы по Киевской железной дороге. Здесь они поселились, а позже, уже после смерти Сталина, прописались. Со временем к одной комнате были пристроены еще две. В 1950-х – 1960-х гг. В. Сидур регулярно бывал здесь у родителей. А когда они в 1970 г. окончательно переехали в Москву, алабинский дом стал дачей. Это было любимым местом отдыха и работы В. Сидура. Он всегда говорил, что Алабино для него то же самое, что Болдино для Пушкина.

⁷³ Сидур (Андрианова) Зинаида Ивановна (1898–1970) – мать В.А. Сидура.

⁷⁴ Чернятин Юлий Васильевич (1927–1998) – кинооператор. Член Союза кинематографистов СССР. Лауреат Государственной премии РСФСР им. братьев Васильевых (1978). Друг В.С. Лемпорта и Н.А. Силаса.

при котором скульптура была украдена, в его присутствие, когда он был пьян, и косвенно он виноват, что была создана обстановка, при которой можно было украсть.

Что касается меня, то я не сомневаюсь, что скульптуру украл именно Чернятин, антисемит, эмведешник и вообще ничтожество. Но за руку его, действительно, никто не поймал. Тот факт, что Лемпорт его науськивает, лишний раз доказывает, что Лемпорт завидует даже тому, что скульптуру украли не у него, а у Димы. Бедный Сальери, ему, очевидно, последняя Димина скульптура «Материнство» очень портит нервы. Даже отъезд в Нигерию не так радует. Дима сказал мне: «Я еще раз убедился, что Лемпорт – очень большой негодяй. Ни в коем случае при нем больше ничего не говорить, никого не ругать». Куда там Силис со всеми его недостатками!

К вечеру голос Димы более-менее вернулся, и мы, несмотря на его плохое самочувствие, поехали к Женьке. Машка цветет. У них был Ули, немец из ФРГ, симпатичный парень. Боря был скромненький. Пришли Фрид⁷⁵ и Дунский⁷⁶, потрясающе одетые, Алла Гербер. Мария Карловна нас отлично накормила. Дима подарил Ули цветную картинку «Святое семейство» в благодарность за чернила, которые он привез из Германии. Ули отвез нас домой на прокатной «Волге». Алла Гербер напросилась с нами, всю дорогу этого Ули соблазняла, болтала, болтала.

15 февраля 1968 г., четверг.

У меня выходной. Приходила мама, сердилась за то, что я не хозяйка.

Потом целый день читали «В круге первом». Иногда я читала вслух, а Дима в это время рисовал. Нарисовал шесть цветных рисунков.

16 февраля 1968 г., пятница.

Пришла из школы поздно. Дима все читал «В круге первом». Давно я не помню, чтобы что-нибудь мы читали с таким интересом. Кто-то сказал, что это «энциклопедия советской жизни». Я целиком согласна.

⁷⁵ Фрид Валерий Семенович (1922–1998) – драматург, киносценарист. В 1940–1944 гг. студент ВГИКа. Тогда на его Арбатской квартире собиралась компания молодежи, обвиненная вскоре в подговке покушения на Сталина, проезжавшего каждый день в Кремль по Арбату. Всем арестованным грозил расстрел, но по ходу дела выяснилось, что окно комнаты В.С. Фрида выходило не на улицу, а во двор, в итоге «покушение» было переквалифицировано в «контрреволюционную групповую антисоветскую деятельность» и обвиняемые получили различные сроки заключения. Н.И. Гинзбург дали, например, три года, а самый большой срок – по 10 лет – В.С. Фриду и Ю.Т. Дунскому. В лагере В.С. Фрид находился до 1954 г., после освобождения работал в Инте в Коми. В мае 1956 г. реабилитирован и вернулся в Москву. Автор воспоминаний «58 ½. Записки лагерного придурка». (М., 1996; 2-е изд. – М., 2011).

⁷⁶ Дунский Юлий Теодорович (1922–1982) – киносценарист. Ю.Т. Дунский и В.С. Фрид были неразлучными друзьями со школьных лет, учась в параллельных классах. Закончив школу, оба поступили на сценарный факультет ВГИКа. В 1944 г. оба добровольцами отправились на фронт. Но по дороге были арестованы и оказались в ГУЛАГе. В 1949 г. им удалось соединиться в одном лагере в Инте. После освобождения работали вместе. Жили в соседних квартирах. Похоронены рядом на Донском кладбище в Москве.

Юлия встречается с А.С. Солженицыным на даче К.И. Чуковского в Переделкине, слева К.И. Лозовская (1967). Фото: Эдуард Гладков

Какой настоящий, прекрасный мужик, этот Солженицын! Я счастлива, что мы с ним знакомы.

17 февраля 1968 г., суббота.

До чего приятно, что в мастерской нет «соседей» – Лемпорта и Силиса, а также реже можно лицезреть их «директора»⁷⁷ с его двусмысленными шуточками: «Я старый кагэбист», «Мои кадры донесли»...

Приходили Эдик и Валька, потом Борис Хазанов с Мариной⁷⁸. Борис подписал какое-то письмо об освобождении Гинзбурга⁷⁹ и других⁸⁰.

⁷⁷ Имеется в виду Анапольский Рудольф (*Руди*) Пантелеевич – друг В.С. Лемпорта и Н.А. Силиса, их администратор.

⁷⁸ Хазанов Борис Ефимович (р. 1934) – физик, доктор наук; Хазанова Марина – школьный учитель-словесник, друзья Вадима и Юлии, с середины 1970-х гг. живут в США.

⁷⁹ Гинзбург Александр Ильич (1936–2002) – писатель, публицист, диссидент. В 1966 г. составил самиздатский сборник документов «Белая книга» о процессе писателей Ю.М. Даниэля и А.Д. Синявского. За это в январе 1967 г. был арестован вместе с Ю.Т. Галансковым, А.А. Добровольским и В.И. Лашковой – активистами самиздата – по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде («Дело Гинзбурга–Галанскова» или «Процесс четырех»). Приговорен к пяти годам лагерей строгого режима. В 1978 г. после нового ареста получил восемь лет лагерей, но в 1979 г. в результате советско-американских переговоров был выслан из СССР в США вместе с другими четырьмя политзаключенными в обмен на освобождение двух разоблаченных советских шпионов. Жил в США, потом во Франции. В 1980-е – 1990-е гг. сотрудник Парижской газеты «Русская мысль».

Дима сделал эскиз к скульптуре «Памятник погибшим детям».

18 февраля 1968 г., воскресенье.

Пришли в мастерскую, плитка не выключена. Интересно, какая же это сволочь не выключает, уходя, плитку? Я думаю, что Руди. Из-за какого-то крестина всё может погибнуть!

Дима всё читает «В круге первом», не может оторваться.

Приходила Марина Ильичева. Парень ее оказался, действительно, самый натуральный шез, неизлечимый. Марина уже не так страдает.

19 февраля 1968 г., понедельник.

Всю ночь читала «В круге первом», спала ровно сорок пять минут. До того здорово, что нет слов! Дима считает, что этот роман не будет напечатан еще очень долго. А у меня есть почему-то уверенность, что это произойдет довольно скоро. Я вообще отличаюсь оптимизмом.

Приехала в мастерскую после работы. Дима заканчивал «Памятник погибшим детям». Потом я нахлобучила на глаза его шапку, укрылась пальто и проспала несколько часов. Всё время чувствую себя зеком, поэтому стараюсь сосредоточенно есть и спать. Как проснулась, смотрю – Дима половину новой скульптуры сделал в гипсе. Перемазанный сверху донизу.

Звонила какая-то дура, заигрывала, Дима пригласил ее позировать обнаженной за рубль в час. Согласилась, зараза.

Когда стали уходить, у Димы лопнул шнурок, и он сказал: «У меня даже шнурков нет, как у зека». Я ему затра куплю во время «окон» трое шнурков. Шли по улице до метро, потом по стадиону до дому. У Димы рука болит в суставах, правая.

«Если меня сейчас посадят, – сказал Дима, – я точно загнусь». – «Тебя не посадят», – сказала я.

20 февраля 1968 г., вторник.

Это, оказывается, Рудольф оставил в воскресенье горящую плитку. Не стал отнекиваться, выразил сожаление.

Дима второй день намазывает здоровенную башку в гипсе. Ужасная страшила. Эдик фотографировал. Скульптура получается невероятно мощная. Дима говорит, что она все подавляет.

Позвонил Валерка, мой давний ухажер. Я его лет пять не видела. Упорно звонит уже в который раз. Пришлось пригласить. Ужасно нудный, хотя читает на немецком, французском и английском языках, переводит, пишет кандидатскую диссертацию. Успел родить ребенка, которому уже два с половиной года.

⁸⁰ Упомянутый выше арест стал поводом протестов и демонстрации на Пушкинской пл. в Москве. В защиту обвиняемых составлялись коллективные и индивидуальные письма, под которыми было собрано больше 700 подписей. В январе 1968 г. арестованные приговорены Мосгорсудом к различным срокам лагерей. Этот важный политический судебный процесс имел резонанс как среди советской интеллигенции, так и за рубежом.

Сидел весь вечер до полдвенадцатого. Когда ушел, нам стало легче. Боюсь, как бы он к нам не зачастил.

«Голос Америки» передал, что поляки вовсю сажают своих интеллигентов, сволочи.

21 февраля 1968 г., среда.

В мастерской всё время были вдвоем. Дима мучается с этой головой. Сломал половину того, что сделал. Недоволен, что начал, сердится. Сначала меня очень разобидел, а потом помирился. Грязный, волосы как будто пылью присыпаны. Одновременно делает в глине «Старуху с писающим мальчиком».

У Димы всё время болит нижняя челюсть и зубы, пьет анальгин.

22 февраля 1968 г., четверг.

Челюсть Димы совсем распухла и болела. В подвале сыро, наверно, он ее там застудил. Сидели весь день дома, Дима рисовал, а я целый день стирала.

Би-би-си объявило⁸¹, что в лагерях политические заключенные объявили голодовку, и среди них Юлик <Даниэль>⁸². Может быть, мы и доживем до лучших времен. Дай бог здоровья Юлику и его товарищам!

23 февраля 1968 г., пятница.

Дима сегодня отошел и отправился в мастерскую. Я приехала уже поздно. Настроение у меня было скверное. Смотрю, Рудольф восседает и, как всегда, что-то орет. Дима делал «Старушку с писающим мальчиком», а Рудик шумно разглагольствовал всякие глупости. Между прочим, рассказал, что Наташка Ефтеева из-за Ковалья чуть не отравилась снотворным и теперь лежит в Кашенко⁸³, а Коваль страшно перетрусил.

Прервал его вопли Кадя Мигдал⁸⁴ с семейством, а за ними и Каган⁸⁵ с французами – два парня и девушка, все физики. Они внимательно всё осмотрели сначала у Димы, а потом Дима их чуть не насильно потащил на сторону Лемпорта

⁸¹ Русская служба Би-би-си первой стала вести радиопередачи на территорию Советского Союза – с 26 марта 1946 г. В апреле 1949 г. началось их глушение, которое было снято с 19 июня 1963 г. по 21 августа 1968 г. (так же как и глушение передач «Голоса Америки» и «Немецкой волны»). Передачи были отлично слышны на коротких волнах.

⁸² Даниэль Юлий Маркович (1925–1988) – поэт, прозаик, переводчик. Фронтовик, был ранен. После окончания филфака МОПИ работал учителем в Калужской области. Печатался с 1957 г. С 1958 г. под псевдонимом Николай Аржак публиковал свои произведения за границей. Осенью 1965 г. арестован (одновременно А.Д. Сиявским). В феврале 1966 г. осужден по статье 70 УК РСФСР на пять лет исправительно-трудовых лагерей. После освобождения в 1970 г. жил в Калуге. Продолжал писать стихи и прозу под псевдонимом Ю. Петров. Реабилитирован посмертно в октябре 1991 г.

⁸³ Московская психиатрическая клиническая больница № 1 им. П.П. Кашенко (она же «Канатчикова дача» и больница им. Н.А. Алексеева).

⁸⁴ Мигдал Аркадий Бейнусович (1911–1991) – физик-теоретик, действительный член АН СССР (1966).

⁸⁵ Каган Юрий Моисеевич (р. 1928) – физик, в описываемое время сотрудник Института атомной энергии им. И.В. Курчатова, профессор Московского инженерно-физического института (МИФИ). Позже член-кор. АН СССР (1970), действительный член АН СССР (1984), лауреат Ленинской (1986), Государственной (1976) премий и премии «Триумф» (2006).

и Силиса. Я переводила. Про Силиса сказали: «Féminine», про Диму: «Très expressif», про Лемпорта ничего не сказали. Посмотрели их проект панно в посольстве в Нигерии, спросили: «А где же негры на этом панно?» Один из них, Сирано, спросил, нет ли Диминых работ в западных журналах. Мы сказали, что печатают часто в Чехословакии.

Хвалили, благодарили, Кадя повел их к Краснопевцеву⁸⁶.

Только они ушли, Рудольф снова начал орать. Я, конечно, ввязалась и стала с ним спорить про Лемпорта, про Силиса, про искусство. А когда он ушел, Дима сказал: «Будь хитрее: бери с меня пример, меньше болтай, больше слушай».

24 февраля 1968 г., суббота.

В мастерской гордо расхаживала моя мама. Дима, снова укутанный из-за челюсти, заметал пол, требовал еды. Я, к счастью, купила сосиски, мы их сварили и стали жадно жрать без хлеба. Мы спешили, потому что должен был прийти чех, корреспондент из «Руде право»⁸⁷ с нашей теткой Беллой Холодовой, известной нам по чешскому посольству.

Они пришли в самый разгар нашего пиршества. Чех извинился (он живет в Москве), что ему надо отвезти на своей служебной машине какого-то своего выпившего приятеля. Они только что с приема в Кремле, посвященного 50-летию армии.

Белла стала рубать с нами и принесла бутылку чешской водки и бутерброды.

Потом пришли Валька с Эдиком. Белла очень много говорила. Чех вернулся. Чех, судя по всему, очень официальный, но как все чехи – прогрессивный. Очень внимательно смотрел, еще более внимательно слушал, как Диму ранило. Не выразил никакого желания взять фотографию или там какое-нибудь интервью.

Мама моя блаженствовала. Бойко хором с Димой объясняла скульптуры. В итоге я ей посоветовала побольше слушать и поменьше высказываться. Обвинила меня в том, что я не хозяйка. Пыталась спровоцировать Вальку на разговоры о тряпках. Мы еще ходили с Валькой в магазин.

С каждой минутой у Димы все больше болела раненая челюсть.

Сначала ушла мама, потом Валя и Эдик. Чех отвез нас с Димой домой на своей машине. Это хорошо, потому что такси нет, а в метро много пьяных.

25 февраля 1968 г., воскресенье.

Сегодня был страшно интересный вечер. Пришел Юра Левитанский с Мариной⁸⁸ и своим приятелем, чехом из Брно, Яном Скацелом⁸⁹. Набежали еще люди: Шуплецовы, Ира Чернявская, Инна Бернштейн, приятельница Левитанской с радио Вера Керова. Почти все принесли с собой водку и закуску.

⁸⁶ Краснопевцев Дмитрий Михайлович (1925–1995) – живописец, график. Член Московского объединенного комитета профсоюза художников-графиков (с 1975). В 1993 г. первым из художников удостоен негосударственной российской премии в области высших достижений литературы и искусства «Триумф».

⁸⁷ *Rudé právo* – в то время главная официальная чехословацкая газета, орган ЦК КП ЧССР. В 1995 г. переименована в *Právo*.

⁸⁸ Левитанский Юрий Давидович (1922–1996) – поэт, переводчик, фронтовик. Давний близкий друг Вадима и Юлии. В 1970 г. в издательстве «Советский писатель» вышел один из лучших

Скацел, французистый, шустрый, с кустистыми бровями, производит впечатление доброго, симпатичного человека. Только что вернулся из Вьетнама, зачем его туда посылали, я так и не поняла. Очень трогательно говорит о детях Вьетнама⁹⁰, что он пацифист, что он собирается писать книгу о страхе. Хвалил китайский народ, отделяя его от Мао Цзэдуна, мы все были согласны. Один раз посмотрел на часы, когда разговор несколько вышел из-под его главенства. Смотрел с большим интересом скульптуру и рисунки.

Затем начался крик. Он говорил, мы не возражали. Он начал судить нас и хвалить чехов, если резюмировать весь тот вопль, который стоял в нашем подвале. Он говорил, что мы бросили им идею коммунизма, а сами от нее отказались. Что мы любим Достоевского, а у него было много того, что было у Сталина. И что теперь в Чехословакии русских не любят, а он все равно любит. Что ему не нравится, когда он слышит, что некоторая наша молодежь не против войны во Вьетнаме и считает, что американцы правильно делают. В итоге сказал, что он сегодня видел старушку, которая сдавала грязные бутылки из-под молока, а когда у нее их не приняли, она начала ругаться и искать правды. Этим он хотел сказать, что наши еще очень глупы, что ищут в подобном правду.

Все мы пытались ему доказать, что мы не против коммунизма, а против лагерей, которые у нас были и есть. Мы за то, чтобы печатали Солженицына и показывали Сидура. Мы знаем цену Достоевскому, что у него хорошего и что у него плохого. Что мы против того коммунизма, который надо насаждать насильно, уничтожив при этом десять миллионов крестьян или посадив пятнадцать миллионов людей в концлагерь. Что мы рады за чехов, которые сумели сейчас найти свой, очевидно, верный путь построения коммунизма, и мы гордимся ими.

Сказано было еще много. Скацел был печален. Перед уходом оживился, захотел большой рисунок за 9 рублей. Дима подарил ему поменьше, тоже хороший. Наверно, обиделся. Вернулись в 2.30 ночи.

26 февраля 1968 г., понедельник.

Дима собирался уехать в Алабино, но так и не уехал из-за меня. Мы легли вчера из-за этого хитреца Скацела в 5 часов ночи.

Сегодня после работы пошли к Мери⁹¹ в «Юность»⁹² насчет моей повести⁹³. Она высказалась хвалебно, хотя сказала, что надо переделать. Больше связать отдельные главы, показать роль пионерской организации и выбросить главу про буфетчицу: «Это болезнь всех школ», – сказала Мери.

сборников стихотворений Ю. Левитанского «Кинематограф» с иллюстрациями В. Сидура; Левитанская Марина Павловна (р. 1928) – редактор Редакции литературно-драматического вещания Всесоюзного радио, первая жена Ю.Д. Левитанского.

⁸⁹ Скацел (Skácel) Ян (1922–1989) – поэт, прозаик, переводчик.

⁹⁰ С 1964 г. по 1973 г. во Вьетнаме шла жестокая война с полномасштабным участием США, в ходе которой погибло около полутора миллионов вьетнамцев и около 60 тыс. американцев.

⁹¹ Озерова Мери Лазаревна (1920–2003) – заведующая отделом прозы журнала «Юность».

⁹² «Юность» – литературно-художественный иллюстрированный журнал. Выходит в Москве с 1955 г. В 1950-х – начале 1970-х гг. пользовался огромной популярностью, публикуя произведения современных прогрессивных прозаиков и поэтов. В 1955–1961 гг. редактор журнала В.П. Катаев, в 1961–1981 гг. – Б.Н. Полевой.

⁹³ Юлия имеет в виду свою повесть «Я – классный руководитель». Опубликована не была.

Домой не поехали, пошли в мастерскую, благо близко. Погода холодная и мозглая. Я удивилась, что Дима, несмотря на такую ночь, чувствовал себя прилично.

Попали в кино в «Фитиль»⁹⁴: Марика Хуциева фильм «Июльский дождь»⁹⁵. Я смотрела с интересом, я считаю, что для нас – это фильм нерядовой, хотя суть в этом фильме явно лживая и правоверная. На мой взгляд, с формальной точки зрения он почти безупречен. Диме же совсем не понравился, и его всё время фильм раздражал.

Там есть сцена, когда бывшие фронтовики встречаются 9 мая на Красной площади, а молодые ребята на них смотрят, и в этом выражается единство старого и нового поколения. Диме это особенно не понравилось. Он сказал: «Кто там встречается? Генералы да полковники с орденами. Встречаются те, кто уцелел неизвестно каким образом. Не те, которые воевали, как я, и другие младшие лейтенанты да пехота, а те, которые сзади из хаты пистолетом потрясали и готовы были стрелять мне в затылок. С кем мне встречаться? Кого я помню, кто меня помнит? Всех поубивало или от ран поумирали». Этот фильм – точное продолжение вчерашнего разговора со Скацелом.

Когда вернулись домой, Дима продолжал начатый рисунок «Чайник».

27 февраля 1968 г., вторник.

Дима с Эдиком уехали в Алабино. Эдик должен был вернуться, но почему-то не позвонил. Я, конечно, как только вернулась из школы, сразу завалилась спать. Проспала до полуночи и теперь чувствую себя как огурчик.

Дима оставил мне чистый лист, подписал его и поручил сочинить письмо Тонеку Елинеку, молодому парню-чеху, который был у нас в подвале и написал про Диму статью.

Совершенно не представляю, как мне переделывать свою повесть и где взять «сквозного героя», так как я считаю, что он или, вернее, она, уже у меня есть.

Повесть свою читать ужасно неохота. Надоела она мне, я ее уже раз сто прочла.

В мастерской царит Рудольф, собирается кого-то принимать, кого-то поить.

2 марта 1968 г., суббота.

Дима всё в Алабино.

После школы посмотрела фильм «Мужчина и женщина». Ожидала гораздо большего. Пока что единственный фильм за последнее время, который не вызывает у меня сомнений – «Восемь с половиной» Феллини⁹⁶.

⁹⁴ Маленький кинотеатр «Фитиль» располагался в том же доме, что и мастерская В. Сидура.

⁹⁵ Художественный фильм 1966 г., автор сценария (совместно с А.Б. Гребневым) и режиссер Марлен Мартынович Хуциев (1925–2019), друг В. Сидура, Н. Силиса и В. Лемпорта еще в 1950-е годы.

⁹⁶ «Восемь с половиной» (*Otto e mezzo*) – итальянский художественный фильм 1963 года. Автор сценария и режиссер Федерико Феллини, в главных ролях Марчелло Мастоянни и Клаудиа Кардинале.

3 марта 1968 г., воскресенье.

Димушка приехал неожиданно сегодня, хотя я ждала его завтра. Родители чувствуют себя прилично. Говорит, что в Алабино ничего не делал, только читал и слушал радио. Сочинял письмо правительству по поводу всех этих процессов. Слушал Би-би-си, «Свободу», «Голос Америки». Все говорят о новых заявлениях и протестах, которые посылаются нашими людьми в ЦК и на имя правительства. Даже какой-то председатель колхоза, где-то в Литве, тоже написал очень сильное письмо.

Я покормила Диму селедкой, очень хорошей, и у него одна за другой вспухли обе губы. Теперь он шепелявит, выпил две таблетки димедрола.

4 марта 1968 г., понедельник.

Пошли с Димой в студенческий театр МГУ. Смотрели эстрадное представление «Русская сатира», постановщик Марик Розовский⁹⁷, очень талантливый парень, автор из «Юности». Лишний раз мы убедились в потрясающей современности Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Видно, в России что сто лет назад, что двести – всё одно. Страшная вещь А.К. Толстого «Сон Попова». С нами ходили Боря и Марина Хазановы.

Дома Би-би-си объявило о новых протестах советской интеллигенции, более 300 человек. Среди них ученые из Дубны⁹⁸ написали о своем согласии с Ларисой Даниэль⁹⁹ и Павлом Литвиновым¹⁰⁰.

⁹⁷ Розовский Марк Григорьевич (р. 1937) – театральный режиссер, сценарист, драматург. В 1958 г. основал студенческий театр Московского университета «Наш дом», спектакли которого имели очень большой успех. Но в январе 1969 г. на волне усиливающихся в стране «заморожков» после вторжения в Чехословакию театр был закрыт парткомом МГУ. «В Чехословакии тоже всё пошло от студентов», – рассудили партийные функционеры. В 1968–1983 гг. М.Г. Розовский вел в журнале «Юность» юмористические рубрики, был одним из главных авторов 16-й полосы «Литературной газеты». Ставил спектакли в разных театрах и на телевидении, в 1982 г. организовал театр-студию «У Никитских ворот». Юлия рассказывает о спектакле 1965 года «Вечер русской сатиры»: сценическая переработка произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина «Карась-идеалист», А.К. Толстого «Сон Попова», Н.В. Гоголя «Театральный разъезд после представления новой комедии».

⁹⁸ В городе Дубна Моск. области (в 120 км на север от Москвы) с 1956 г. расположен важный научный центр – Объединенный институт ядерных исследований, в котором работали многие крупные советские ученые. Также – конструкторские бюро и т. п. Один из центров интеллектуальной мысли в СССР тех лет.

⁹⁹ Имеется в виду жена Ю.М. Даниэля Богораз-Брухман Лариса Иосифовна (1929–2004) – лингвист, публицист, правозащитница. После развода с Ю.М. Даниэлем в 1971 г. стала женой А.Т. Марченко. Председатель Московской Хельсинкской группы в 1989–1996 гг.

¹⁰⁰ Литвинов Павел Михайлович (р. 1940) – физик, диссидент. В январе 1968 г. вместе с Л.И. Богораз составил «Обращение к мировой общественности» – первое открытое обращение советских инакомыслящих на Запад (о согласии с ним идет речь в дневнике). Один из инициаторов издания диссидентского бюллетеня «Хроника текущих событий». 25 августа 1968 г. вместе с Л.И. Богораз и еще пятью товарищами принял участие в демонстрации на Красной площади в Москве против ввода советских войск в Чехословакию. Приговорен судом к пяти годам ссылки, которую отбывал в Чите. С 1974 г. живет в США. Преполагает физику в колледже. Был одним из ведущих сотрудников Нью-Йоркского издательства «Хроника», выпускавшего правозащитную литературу на русском языке.

Юлия (1968). Фото: Эдуард Гладков

5 марта 1968 г., вторник.

В подвале сыро, холодно, мозгло. Диминая челюсть сразу же начинает ныть. Единственное спасение – сидеть в маленькой комнатке, закрыв дверь и включив рефлектор. Он так и делал. Работает опять над «Старухой с писающим мальчиком».

Первые посетители были Женька Зверева со своим женихом Борей. Я разделала сразу же две селедки баночного посола, и все, даже Дима, выпили немного водки. Женька рассказала смешную вещь. Оказывается, Женькина мать, Мария Карловна, имела отца с именем Карл Самуил. Женька звонит всем по телефону и объявляет об этом, чем в итоге рассердила Марию Карловну. Женька ее успокаивает тем, что даже у Ленина в этом смысле не все в порядке. Про себя она сказала: «То-то я всё с евреями, я всегда в себе подозревала что-то такое. Русского человека на такое не потянет».

Только они собрались уходить, пришел Борис Петрович Чернышев¹⁰¹. Подарил свой каталог с портретом. Мягко назвал Лемпорта и Силиса халтурщиками. Очень скупой на похвалы, вдруг сказал, что Диме надо персональную выставку. В иностранных журналах он не видел похожего. Нет поверхностного и легковесного. Сначала ему это показалось смешно, а теперь он видит, что Дима добился чего-то настоящего. Это было неожиданно, потому что обычно Борис Петрович критикует, особенно на людях.

Последними пришли Олег <Милюков> с Мариной после очень долгого отсутствия. Мы говорили сначала о педагогике, кончили разговор об экономике. Олег и Марина – люди из другого мира, но поразительно, что им тоже всё чертовски надоело. Они хотят что-то делать, работать, приносить пользу и не имеют возможности.

6 марта 1968 г., среда.

Мне удалось сбежать из школы пораньше в связи с предпраздничным временем. Мы должны были с Димой встретиться в ЦДЛ¹⁰². Я села на трамвай и поехала совсем в другую сторону. Сообразила, что еду не туда, чуть ли не доехав до Росточкина. Приехала в ЦДЛ с опозданием. Юра Левитанский с Мариной и их знакомым из Иркутска сидели в ресторане. Знакомый этот, поэт, может заказать

¹⁰¹ Чернышев Борис Петрович (1906–1969) – живописец, график, скульптор. В 1927–1930 гг. учился во ВХУТЕИНе, его учителями были Л.А. Бруни, В.А. Фаворский, П.В. Кузнецов, К.И. Истомин, А.В. Куприн, Н.А. Удальцова. Дипломную работу выполнил в 1931 г. в Академии художеств в Ленинграде под руководством К.С. Петрова-Водкина. В 1935–1941 гг. работал в мастерской монументальной живописи при Академии архитектуры у Л.А. Бруни и В.А. Фаворского. Участник Великой Отечественной войны. Работал художником-оформителем, выполнял росписи фойе и вестибюлей различных учреждений, пансионатов, станций метро и т. п. Мастер фрески и мозаики. С перерывами преподавал в МАРХИ (1937–1941), МГХИ (1958–1961). Член МОСХ (с 1958). В. Сидур был знаком с Б.П. Чернышевым со студенческих времен и называл его одним из своих учителей. (См. записи от 16 февраля 1969 г.).

¹⁰² Центральный Дом литераторов в Москве, на Большой Никитской ул. (в описываемое время ул. Герцена), существует с 1934 г. В его залах устраиваются творческие вечера, обсуждения произведений, концерты, выставки и т. п., его ресторан – одно из излюбленных мест встреч творческой интеллигенции.

Диме проиллюстрировать Юрину книжку, прислать заказ из своего издательства в Иркутске¹⁰³, где он большой человек.

Заказал мне Дима филе, невозможно вкусное. У меня зуб мудрости с правой стороны болит, но все равно я ела с удовольствием. У писателей кормят хорошо, только дорого.

Из ЦДЛ поехали в «Вопросы литературы»¹⁰⁴, встретились там с чехом, приятелем Зденека Айса. Он передал нам лампы для радио и письмо. Чех симпатичный, но завтра уезжает и зайти не смог. Подарили для Зденека картинку «Пьяные испанцы». В мастерской прочитали письмо Зденека, где он между прочим пишет: «Пришли мне скульптуру, можно маленькую». Для Зденека не жалко, пошлем им с Данеком¹⁰⁵.

В мастерской сидел Рудольф, болтал что-то наглое, глупое, безапелляционное. Никак не мог уйти. Как неверная собака поливает дерьмом своих хозяев Лемпорта и Силиса. Ушел, стало легче.

Дима все делает «Старушку с писающим мальчиком». Весь вечер просидели вдвоем. Я читала книжку про секс. Очень смешная книжка. Самиздат с английского. Там, например, есть такие слова: «Удовлетворенная женщина издает звуки о-о-о-ох». Дима сказал: «Ох уж эти англосексы».

Американцы, которых будут судить за подговаривание молодых людей не воевать во Вьетнаме и не служить в армии, написали Брежневу¹⁰⁶ письмо против процесса А. Гинзбурга и других¹⁰⁷.

Лемпорт написал Руди, что он где-то в Хартуме пил кокосовый орех, чем привел его в дикую зависть и злобу, так что он полчаса по этому поводу разорялся. Зато Рудольф написал Лемпорту о тяжелом (чуть ли не смертельном) состоянии Наташки Ефтеевой, сгустив несколько краски, из-за того, что тот дразнил и доводил ее за любовь к Ковалю.

Силиса мать очень плохо себя чувствует. Лева Соколов с Димой разговаривает довольно злобно после того случая, когда Дима не разрешил ему остаться на ночь.

Возможно, что новая мастерская Лемпорта и Силиса, какая-то совершенно потрясающая, будет готова к их приезду. Они должны вернуться примерно в середине апреля. Это было бы великолепно!

¹⁰³ Летом 1945 г. часть, в которой находился Ю.Д. Левитанский, перебросили в Маньчжурию, а сам он в том же году был переведен в Иркутск, где служил в газете Восточно-Сибирского военного округа, а после демобилизации в 1947 г. работал завлитом иркутского Театра музыкальной комедии. В Иркутск он перевез и своих родителей. В «Иркутском» (позже «Восточно-Сибирском») книжном издательстве в 1948–1969 гг. было издано шесть его поэтических сборников.

¹⁰⁴ «Вопросы литературы» – журнал по истории и теории литературы, учрежденный в 1957 г. СП СССР и ИМЛИ им. М. Горького АН СССР.

¹⁰⁵ Данек (Daněk) Вацлав (Вашек) [р. 1929] – поэт, драматург, переводчик. Редактор отдела зарубежной поэзии литературной редакции Чехословацкого радио (1954–1994), автор пражского журнала *Světová literatura*. В его переводах на чешском языке были изданы стихотворения А. Ахматовой, И. Анненского, А. Блока, С. Есенина, О. Мандельштама, И. Бродского, Б. Окуджавы, А. Вознесенского, Е. Евтушенко, В. Высоцкого и др.

¹⁰⁶ Брежнев Леонид Ильич (1906–1982) – генеральный секретарь ЦК КПСС в 1964–1982 гг., председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1960–1964 гг. и в 1977–1982 гг.

¹⁰⁷ «Дело Гинзбурга и Галанскова» или «Процесс четырех». (См. запись от 19 февраля 1968 г.).

7 марта 1968 г., четверг.

Я дома, выходной. Чуть свет вскочила от боли в этом проклятом зубе мудрости. Потом снова удалось заснуть. Вид у меня распухший и жалкий. Дима очень расстроился, дал мне в постель кофе и бутерброды. Ела с трудом, но с аппетитом.

Дима сказал мне: «Можешь меня поздравить, двадцать четыре года назад в это самое время я валялся в мокром снегу и думал, что я уже на том свете. Но Бог сохранил меня для тебя»¹⁰⁸.

Я осталась дома со своим зубом. К врачу идти, как всегда, боюсь, может быть, обойдется. Неожиданно пришли мои десятиклассники, поздравить меня с восьмым марта. Дима кое-как убрал у себя и занимал их, пока я одевалась. Оглядывали наши обшарпанные стены и висящие на них картинки. Подарили мне цветы. Сообщили радостную новость, что в субботу 9 марта мы не учимся за счет одного дня из весенних каникул. Таким образом, я еще три дня свободна. Посоветовали мне пойти к врачу полечить зубы. Я пообещала, но, наверно, не пойду, пока меня совсем не допечет.

Дима ушел в мастерскую без меня. Он вернулся в десятом часу очень красивый. Слушали «Голос Америки» и Би-би-си. Чехи творят что-то невероятное. Если так пойдет дальше, они действительно станут свободной страной.

8 марта 1968 г., пятница.

Целый день у меня болел зуб. Позвонила мама и сказала: «Хочешь, я сейчас приеду и мы вместе поедем на Цветной бульвар в дежурную больницу?» Я, конечно, не захотела. Я человек дикий – боюсь лечиться.

Вечером встретились у Библиотеки Ленина с Борей и Мариной Хазановыми и поехали к Кларе. Прочли письмо Каверина¹⁰⁹ к Федину¹¹⁰, где он в очень мягкой форме обвиняет Федина в том, что тот не дает печатать «Раковый корпус» Солженицына¹¹¹. Клара виделась с Солженицыным, он сказал, что форма протеста

¹⁰⁸ В. Сидур был тяжело ранен в голову в бою под Кривым Рогом. Его спасли простые крестьянки, Александра Васильевна (Саня) Толкачева (р. 1917) и её мать. Притащили с поля боя в избу, перевязали, несколько дней выхаживали, а потом отвезли на подводе в госпиталь в Днепропетровск, за 150 км, по разбитым дорогам в весеннюю распутицу. В 1989 г. Юлия с помощью днепропетровского журналиста В.П. Платонова разыскала Саню, и потом поддерживала с ней переписку и помогала материально.

¹⁰⁹ Каверин Вениамин Александрович (1902–1989) – прозаик. Лауреат Сталинской премии.

¹¹⁰ Федин Константин Александрович (1892–1977) – прозаик, литературный функционер. В 1959–1971 гг. первый секретарь СП СССР, в 1971–1977 гг. председатель правления СП СССР. Академик АН СССР (1958). Лауреат Сталинской премии (1949), Герой Социалистического Труда.

¹¹¹ «Раковый корпус» (1964–1966) был принят к публикации в «Новом мире», с автором заключили договор, прошло обсуждение на секретариате Московского отделения СП СССР, в декабре 1967 г. часть рукописи уже направили в набор. Однако вскоре под давлением агитпропа публикацию запретили, а готовый набор рассыпали. Роман был переведен и опубликован на Западе. В СССР получил хождение в самиздате, а напечатан лишь в 1990 г. в журнале «Новый мир». Открытое письмо В.А. Каверина к К.А. Федину, о котором идет речь, было написано в конце января 1968 г. Оно составлено действительно в мягкой форме (оба писателя были в молодости друзьями и единомышленниками по объединению *Серпионовы братья*), но в то же время – В.А. Каверин четко заявляет об ответственности именно Федина за судьбу романа, что именно по его настоянию роман запрещен к печати. (Вспоминает, кстати, и о злой роли Федина в судьбе Б.Л. Пастернака). [Опубликовано в сборнике «Аппарат ЦК КПСС и культура. 1965–1972. Документы». Сост. Томи-

путем подписывания писем изжила себя и неэффективна. Он считает, что такие люди, как Капица¹¹² и Ростропович¹¹³ должны открыто говорить об этом в своих публичных выступлениях.

Приехали домой в первом часу ночи. По дороге Дима мне все рассказывал, как у них в городе дошли на улицах приبلудшие из деревень во время коллективизации лошади. Они, пацаны, загнали во двор одну лошадь, чтобы на ней ездить, а она от слабости не могла двигаться. Дворник потом забрал у них эту лошадь и, наверно, зарубил ее на мясо. Еще он вспоминал, как людей всё время сажали. У них рядом была милиция и во дворе сидели арестованные мужчины, а за забором были женщины. И одна седая женщина всё время наматывала пряжку волос на палец, потом вырывала ее и пускала по ветру.

Еще Дима вспоминал, как он один раз целый день провел с Василием Гроссманом¹¹⁴, и тот произвел неизгладимое впечатление простоты и величия. И что второй значительный человек – это Солженицын. Остальные, кого он знал, не тянут: ни Эренбург¹¹⁵, ни Пабло Неруда¹¹⁶, ложнозначительный Симонов¹¹⁷.

Дома вместе начали читать «Котлован» Андрея Платонова¹¹⁸. Дима наконец пошел спать, а я читала.

9 марта 1968 г., суббота.

«Котлован» оставил во мне жуткое ощущение и при всем реализме поразил своей условностью. Вот и еще один бесспорный гений в нашем отечестве. Целый день ходила, никак не могла успокоиться. Для меня Платонов – нестерпимо талантлив.

лина Н.Г., Конова Т.Ю. и др. – М., РОССПЭН. 2009. С. 465–467]. О перипетиях публикации «Ракового корпуса» подробно рассказывается в «Рабочих тетрадах 60-х годов» А.Т. Твардовского. («Знамя». 2003. № 8. С. 136–142).

¹¹² Капица Петр Леонидович (1894–1984) – один из крупнейших физиков, профессор, действительный член АН СССР (с 1939), член Президиума АН СССР (с 1974), член многих иностранных академий. Основатель (в 1935) и директор Института физических проблем АН СССР. Лауреат Нобелевской премии по физике (1978), лауреат двух Сталинских премий (1941 и 1943), дважды Герой Социалистического Труда (1945 и 1974). 14 февраля 1966 г. подписал письмо 25 деятелей советской науки, литературы и искусства Л.И. Брежневу о недопустимости частичной или косвенной реабилитации И.В. Сталина.

¹¹³ Ростропович Мстислав Леопольдович (1927–2007) – виолончелист, дирижер, общественный деятель, один из самых известных музыкантов XX в. Лауреат Ленинской (1964), Сталинской (1951) и Государственной (1991) премий. Народный артист СССР (1966).

¹¹⁴ Гроссман Василий Семенович (Иосиф Соломонович) [1905–1964] – прозаик, публицист.

¹¹⁵ Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) – поэт, прозаик, публицист, мемуарист, общественный деятель. Лауреат двух Сталинских премий (1942 и 1948), Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» (1952).

¹¹⁶ Неруда (Neruda) Пабло (1904–1973) – чилийский поэт и политический деятель. Член ЦК Компартии Чили. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1971), лауреат Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» (1953).

¹¹⁷ Симонов Константин Михайлович (1915–1979) – поэт, прозаик, публицист. Секретарь СП СССР в 1946–1959 и 1967–1979 гг. Главный редактор «Нового мира» в 1950–1953 гг., «Литературной газеты» в 1946–1950 и 1954–1958 гг. Лауреат Ленинской (1974) и шести Сталинских (1942, 1943, 1946, 1947, 1949, 1950) премий, Герой Социалистического Труда (1974).

¹¹⁸ Платонов Андрей Платонович (1899–1951) – прозаик, поэт, драматург.

Зуб всё болел. Пришла мама, побыла очень недолго, уехала недовольная мною. Отношения мои с мамой становятся плохими всерьез. Насколько могли, убрали с Димой комнаты.

Велта Пличе¹¹⁹ вдруг выразила согласие приехать к нам домой. Дима нарисовал почти до конца цветной рисунок фломастерами «Маски». Велта приехала, просидела у нас почти до полуночи. Говорили обо всех наших делах. Би-би-си сказало, что чехи требуют отставки Новотного¹²⁰ с президентского поста. У них сейчас ведется следствие в связи с бегством их генерала в Америку, и якобы Новотный в этом замешан.

Велта, кажется, осталась довольна. Дима пошел ее провожать, чтобы помочь поймать такси, и очень долго не возвращался. Я начала волноваться, вышла, захлопнула дверь, а ключи мои остались у Димы. Домой не попасть. Соседка в Ленинград уехала. Ужасно перенервничала, все бродила возле дома, а Димы не было. Пошла по направлению к метро. Вдруг вижу, идет кто-то, походка его, а вообще непонятно. Это был Дима, он дошел с Велтой до метро, потому что такси не было. На обратном пути брел медленно: погода меняется, снег, идти быстро не может, сердце болит. Он тоже волновался, что я переживаю, а быстрее идти не мог. Взялись мы под ручку и пошли домой вместе. Я никак отойти не могла.

10 марта 1968 г., воскресенье.

Дима ужасно плохо себя чувствует. Из-за метели у него целый день болело сердце. Я убирала квартиру, а он пошел в магазин. Еле вернулся, нагруженный, лифт у нас не работает.

Несмотря на плохое самочувствие, закончил рисунок.

Вечером через силу поплелись в мастерскую. Нужно было принять знакомых Инны Бернштейн. Оказались симпатичные люди: Ульрих, еще некто Фогт, профессор-литературовед, и две дамы из института иностранных языков. Затем пришла Клара. Очень хороший человек, Клара! Чем больше мы с Димой ее узнаем, тем больше она нам нравится. Показали ей наконец портрет Солженицына¹²¹.

Дима говорил с Владиком Бахновым по телефону. Оказывается, на вечере в ЦДЛ, где может быть, Дима 20-го будет показывать свои рисунки, если позволят, Владик тоже выступает как номер программы. Он считает, что Дима должен выступить на максимуме. Я тоже так считаю. А Юра Левитанский думает,

¹¹⁹ Пличе Велта Освальдовна (р. 1920) – знакомая Вадима и Юлии с 1950-х гг. Участница Великой Отечественной войны, медсестра санитарного поезда. В 1950-х гг. редактор московского издательства «Знание» Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. В 1960 г. редактировала брошюру И.Н. Голомштока и А.Д. Синявского «Пикассо», подвергнутую вскоре разносторонней партийной критике и полузапрещенную.

¹²⁰ Новотный (Novotný) Антонин (1904–1975) – с 14 марта 1953 г. по 4 января 1968 г. первый секретарь ЦК КПЧ, с 19 ноября 1957 г. по 22 марта 1968 г. президент Чехословакии. В мае 1968 г. выведен из состава ЦК и исключен из партии.

¹²¹ Имеется в виду «Портрет А.И. Солженицына» (фломастер и цветной карандаш), выполненный В. Сидуром в июне 1967 г. сразу же после встречи с писателем в Переделкине на даче у К.И. Чуковского.

что нужно не особенно шокировать публику, чтобы потом разрешили выставку на более длительное время. Мы с Димой уверены, что чтобы он не показал на вечер, ни о какой выставке все равно не может быть речи, ее никто не разрешит. Поэтому нужно воспользоваться этим вечером, чтобы показать самое лучшее. А скорее всего, ему и на вечере этом не разрешат ничего показывать. Если же состоится это мероприятие, Дима обязательно выставит портрет Солженицына.

11 марта 1968 г., понедельник.

Встретилась с Димой в 5 часов в ЦДЛ, где он должен был договариваться с устроительницей «Вечера друзей» 20-го насчет своих рисунков.

В ресторане, как и следовало было ожидать, сидели Левитанские в компании с пьяным Володей Максимовым¹²² и только что вернувшимися из Польши Дравичами. Красавец когда-то Анджей¹²³ – совершенно лыс, без бровей и ресниц из-за напавшей на него непонятной болезни. Вера, наоборот, похорошела, несмотря на операцию рака груди.

После обеда без Максимова поехали к нам в подвал с еще одним симпатичным длинным парнем из издательства «Советский писатель», Витей Фогельсоном¹²⁴. В подвале заливало дерьмом, так что мы приехали вовремя. Дима бегал к слесарям, звонил в аварийку. Если бы не дырка в полу, куда мы заодно и писали, то нас бы залило как следует. Аварийцы приехали в дым пьяные и уехали, не пожелав ничего исправить, несмотря на обещанную Димой бутылку. Местные слесаря что-то поковыряли, взяли трешку на пол-литра, ничего не исправили и перекрыли воду во всем доме. Что завтра будет – не знаем. Одна надежда на Шуру-дворника, что она им откроет подвал рано утром.

Дима показал рисунки, среди них те, которые собирался показать в ЦДЛ. Юра не хочет показывать портрет Солженицына. Мы с Димой решительно не согласились. Более того, Дима вообще ничего не будет показывать, если не разрешат Солженицына. Марина стала наивно предлагать организовать всяких важных людей, чтобы они хвалили рисунки, и после устроить выставку в ЦДЛ с их помощью. Марина очень наивна, а может быть, даже глуповата, если не притворяется. Витя Фогельсон сразу сказал, что в ближайшее время выставка нереальна, и он прав. Нужно, чтобы сначала изменилась наша жизнь.

Стали петь песни, пели Юрины песни, потом Булата Окуджавы¹²⁵. Здесь Юра скис. Поляк веселился, жена его тоже. Стали петь песни одесские блатные

¹²² Максимов Владимир Емельянович (Самсонов Лев Алексеевич, 1930–1995) – поэт, прозаик и драматург. Близкий знакомый Вадима и Юлии с 1950-х гг. В 1967–1968 гг. член редколлегии журнала «Октябрь». В 1973 г. был исключен из СП СССР за публикацию на Западе романа «Карантин», эмигрировал во Францию в 1974 г. Один из основателей (в том же году) и главный редактор (до 1989) выходившего в Париже русского эмигрантского журнала «Континент».

¹²³ Дравич (Drawicz) Анджей (1932–1997) – польский эссеист, литературный критик, переводчик. Выполнил перевод произведений лучших советских писателей XX века. Неоднократно приезжал в Советский Союз.

¹²⁴ Фогельсон Виктор Сергеевич (1933–1994) – главный редактор отдела поэзии издательства «Советский писатель».

¹²⁵ Окуджава Булат Шалвович (1924–1997) – поэт, прозаик, сценарист, бард. Участник Великой Отечественной войны. Друг Вадима и Юлии с 1961 г.

и другие. Юра развеселился, Марина скуксилась. Мы уже к ним привыкли. Марина уже совсем разобиделась, собиралась уйти одна, еле ее удержали.

Перед уходом Дима заткнул унитаза доской и привалил камнем, чтобы хотя бы дерьмо не лезло, одна жидкость льется.

12 марта 1968 г., вторник.

Еще по телефону я чувствовала, что Дима мрачен, плохо себя чувствует. Метель продолжается, сердце у него болит непрерывно. Дерьмо все течет.

Войдя в подвал, сразу же услышала шум воды из уборной. Она текла с такой же силой, даже большей, чем вчера. Дима целый день бегал со слесарями, ничего не добился. Только после шести вечера, когда к нам зашли Боря Хазанов и Эдик, он наконец дозвонился в районную аварийку и, притворившись слесарем из ЖЭКа № 6, попросил прислать машину. Они приехали и сделали всё удивительно быстро, минут за пять. Дима дал им на водку и моментально повеселел, сразу же почувствовал себя лучше. Не доверяя мне, все сам убрал в сортире, и мы так обрадовались, что мне хотелось всех приходящих позже гостей вести показывать туалет.

Эдик снимал, а затем ушел вместе с Борей Хазановым, предварительно почистив нам лестницу от снега. Эдичка что-то очень озабочен.

Дима все никак не закончит «Старушку с писающим мальчиком» и говорит, что она ему уже надоела, а бросить никак не может.

Несколько раз звонил из ЦДЛ постепенно пьянеющий Юра Левитанский. При последнем звонке совсем лыка не вязал, но тем не менее приехал вместе с Мариной, одним югославским поэтом и Витей Фогельсоном. Левитанский появился с громкими песнями. У меня было ощущение, что со вчерашнего дня мы не расставались. Они принесли пол-литра коньяку. Югослав очень внимательно смотрел и довольно долго, а главное – он знает Флакеров¹²⁶, и Дима написал им письмо.

Дима постепенно отходил к вечеру. «Как все неврастеники», – сказала Марина. Юра сначала веселился, потом у него заболела печенка и он стал требовать соды. Соды не было и я дала ему зубного порошку, который употребляет Силис в подобных случаях. Юра съел порошок и уснул, а мы все спорили о политике, о событиях в Польше¹²⁷, о Хрущеве¹²⁸, о Маленкове¹²⁹. Дима всё защищает Мален-

¹²⁶ Флакер (Flaker) Александр (1924–2010) – славист, литературовед и искусствовед, исследователь русского авангарда, профессор университета в Загребе. В 1960-х гг. опубликовал в различных югославских изданиях материалы о В. Сидуре.

¹²⁷ Чтобы предотвратить в своей стране процессы, подобные «Пражской весне» в соседней Чехословакии, партийное и государственное руководство Польши усилило давление на общество – была ужесточена цензура, введены новые запреты и т. п. Это привело к протестам, в частности, к студенческим демонстрациям.

¹²⁸ Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971) – член Политбюро ЦК КПСС в 1939–1964 гг., первый секретарь ЦК КПСС в 1953–1964 гг., председатель Совета Министров СССР в 1958–1964 гг. После отставки в октябре 1964 г. не было никаких упоминаний о нем ни в прессе, ни в книгах, ни на радио и телевидении. Его имя оказалось вычеркнутым из советской истории вплоть до эпохи перестройки.

¹²⁹ Маленков Георгий Максимилианович (1901–1988) – член ЦК КПСС в 1939–1957 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК в 1941–1946 гг., член Политбюро ЦК в 1946–1957 гг., секретарь ЦК в 1939–1946 и 1948–1953 гг. Занял должность председателя Совета Министров СССР после смерти

кова, считает, что он был демагог, как и другие, но у него была наиболее прогрессивная программа, и что если бы Хрущев его не скинул, может быть, сейчас было бы у нас лучше. Я этому не верю, я их всех не люблю.

13 марта 1968 г., среда.

В подвале сегодня не были. Дима рисовал во второй раз рисунки к книге польского поэта Гроховяка. Первый раз их уже отвергли. Теперь, очевидно, в связи с событиями в Польше книга может вообще не выйти. У них теперь, как сказал Анджей: «Хуже, чем здесь». Радио всего мира, разумеется, кроме нашего, сообщает о студенческих демонстрациях в Варшаве, Кракове, Люблине, Познани и об их подавлении дубинками и слезоточивым газом. Гомулка выступил с открытой антисемитской речью¹³⁰. Как всегда, полностью себя оправдывает четверостишье:

Поэт горбат,
стихи его горбаты.
Кто виноват?
Евреи виноваты

Валить все беды на евреев – банально, но почти всегда эффективно.

В Чехословакии пока что взят твердый курс на свободу. Как оно дальше будет, посмотрим. Дай бог им всего хорошего! Маленькая страна, а оказалась в нашем лагере самая умная и великая.

Мы с Димой кого только не слушали! И лучше всех говорит Би-би-си. Они сказали про Польшу: «Если средства уже выбраны, то цели становятся ограниченными». Мы, конечно, думаем, как это все отразится на нас. Начнется ли более ярый антисемитизм, будут ли сажать, и другие проблемы нас волнуют.

Услышали также, что приезжал какой-то человек из Норвегии, из общества помощи СМОГам¹³¹, виделся с Ларисой Даниэль у нее дома. Вдруг пришли туда

И.В. Сталина, став его фактическим наследником. Однако в сентябре 1953 г. Н.С. Хрущев добился учреждения поста Первого секретаря ЦК, получил его и постепенно оттеснил Г.М. Маленкова от власти (смещен с должности председателя СМ в феврале 1955 г.). Будучи во главе государства, Г.М. Маленков пытался ограничить привилегии партийным функционерам, взял курс на увеличение производства товаров народного потребления за счет тяжелой промышленности (в магазинах стали появляться продукты, одежда и т. п.), предложил снижение налогов с колхозников, начал разработку реформы социального обеспечения – планировалось увеличение стипендий, пенсий и т. п. Всё это обеспечивало Г.М. Маленкову популярность.

¹³⁰ Гомулка (Gomułka) Владислав (1905–1982) – первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) в 1956–1970 гг. Выступая на одном из официальных митингов в связи с Семидневной войной 1967 г., он заявил, что в Польше существует «империалистическо-сионистская пятая колонна», а в 1968 г. провозгласил: «Евреи, которым Израиль дороже чем Польша, должны покинуть нашу страну». Сотни людей лишились тогда работы из-за своего еврейского происхождения. Около 13 тысяч евреев вынуждены были уехать из Польши в 1968 г.

¹³¹ Речь идет о независимом молодежном творческом объединении СМОГ («Самое Молодое Общество Гениев» или «Смелость, Мысль, Образ, Глубина»), существовавшим в 1965–1966 гг. в Москве. Учредители: Л. Губанов, В. Алейников, В. Батшев, Ю. Кублановский; среди членов: В. Бережков, Ю. Вишневская, И. Голубев, В. Делоне, Б. Дубин, С. Морозов, И. Недбайло, А. Пахо-

милиционер и КГБ в штатском и попросили его уйти. Затем его выслали к себе обратно. Но он узнал, что снова посадили математика Есенина-Вольпина¹³² в сумасшедший дом, и ученые написали письмо в ЦК, что это незаконно. Несколько академиков его подписало. Даже жена Келдыша подписала, правда, говорят, что она подписывает все письма протеста¹³³.

А польское правительство оказалось-таки очень говнючим, а Гомулка – совсем не тем прогрессивным человеком, каким он был больше десяти лет назад и не скупился на всякие обещания. Хотя он сам пострадал при Сталине, теперь сам действует теми же методами. Никому не полезно долго находиться у власти.

14 марта 1968 г., четверг.

Выходной у меня. Всю ночь писала свои детские воспоминания в начале этой книжечки. И удивительное дело – ничего себя чувствую. Сходила на рынок, пожарила рыбу и сварила картошку, а борщ буду варить завтра.

Димушка ушел в мастерскую без меня. А я села и написала рассказ про то, как я в детстве болела скарлатиной. И когда Дима пришел из мастерской, он все прочел и очень меня похвалил. От этого у меня прекрасное настроение.

Потом мы слушали радио про всякие дела в Чехословакии и в Польше, и все думаем: что-то будет.

Читаем повесть В. Аксенова про бочкотару¹³⁴. Он, конечно, очень способный человек, но сути ему немножко не хватает.

Марина Левитанская позавчера сказала, что кто-то ей доказывал, будто бы Димин памятник Изольду в Переделкине¹³⁵ сделан Неизвестным¹³⁶.

мов, Н. Солнцева и др. – всего несколько десятков человек. Устраивались поэтические вечера, было выпущено четыре номера самиздатского журнала «Сфинкс». После разгона СМОГ многие его участники занялись диссидентской деятельностью, подвергались преследованиям, так что к 1968 г. на Западе могло возникнуть какое-либо «общество», оказывавшее им помощь.

¹³² Есенин-Вольпин Александр Сергеевич (1924–2016) – математик, философ, поэт, один из зачинателей диссидентского движения в СССР. В 1949, 1959 и 1968 гг. подвергался арестам, помещался в психиатрические лечебницы для принудительного лечения. 9 марта 1968 г. в его защиту было составлено так называемое «Письмо 99», подписанное многими ведущими советскими учеными, но не возымевшее, однако, положительного результата, напротив – начались репрессии по отношению к подписантам. С 1972 г. жил в США.

¹³³ Келдыш Станислава Валерьяновна (1910–1989) – жена крупного математика, президента АН СССР в 1961–1978 гг., академика Келдыша Мстислава Всеволодовича (1911–1978). Интересно, что сам академик придерживался всегда исключительно официальной точки зрения на диссидентство, был, например, одним из инициаторов развернутой в 1973 г. кампании против А.Д. Сахарова.

¹³⁴ Аксенов Василий Павлович (1932–2009) – прозаик, киносценарист, очень популярный в 1950-х–1960-х годах. Автор и член редколлегии (до 1969) журнала «Юность». В 1978 г. один из инициаторов и автор неподцензурного литературного альманаха «Метрополь». В 1980–2000 гг. жил в Шантилли в США, затем в Биаррице во Франции. Работал на радиостанции «Свобода». Повесть «Затоваренная бочкотара» опубликована в № 3 «Юности» за 1968 г.

¹³⁵ Надгробие писателю Изольду Звереву на кладбище в Переделкине (1967 г., гранит, 135×119×46 см).

¹³⁶ Неизвестный Эрнст Иосифович (1925–2016) – скульптор, график, книжный иллюстратор, участник Великой Отечественной войны, член МОССХ с 1955 г. В 1976–1989 гг. жил в эмиграции в Швейцарии и США, затем снова в Москве.

15 марта 1968 г., пятница.

У нас в школе был «День здоровья» и мы не учились, а катались на лыжах в Кашенкином лугу. Я освободилась сравнительно рано. В три часа приехала домой, вся залепленная снегом, потому что попала в сильную пургу. В доме воняло фломастерами – Дима рисовал вовсю. На полу уже лежало несколько готовых рисунков, а Дима доканчивал еще один, приколотый кнопками к стене.

Как только я пришла, Дима тут же захотел есть, а я захотела спать. Потом мы вдвоем легли на мой диванчик. Лежать было тесно, тепло и приятно. Потом Дима ушел, а я заснула, и мне приснилось, что у меня болит зуб. Когда я проснулась, зуб не болел, но чувствовался. Дима успел нарисовать еще один цветной рисунок, на мой взгляд, очень хороший.

Мы стали лихорадочно крутить и жарить котлеты. Дима съел три штуки и его тут же перестало тошнить, а до этого целый день поташнивало, так как я уже длительное время обед не варю, все некогда.

Слушали радио. В Польше все по-прежнему. У них всего 20 тысяч евреев, а по заявлению польского правительства, оказывается, они во всем и виноваты. Совсем как у Гитлера.

Вечером ходили в гости к Фриду и Дунскому¹³⁷. Хорошие ребята, но какие-то дохлые. Просидели при Сталине по 12 лет, а сейчас зато всё делают вдугу, ездят по заграницам. Общество все то же: Женька с Борей, Витечка Шейнберг с Беллой, Курганов¹³⁸, кинодеятель, с женой, Смоленский¹³⁹ с Микаэлой. Один момент было жутко скучно. Кормила Женя Гусева, Валерика Фрида жена, очень вкусно, особенно телятина мне понравилась. У Юлика Дунского есть пес, эрдель Робин, похожий на громадную стриженную овцу. Морда симпатичная, но глуповатая.

Курганов прочитал цифры о потерях во Вторую мировую войну. Мы знали эти данные, но они все равно нас потрясли: в Европе погибло 55 миллионов, среди них 22 миллиона наших.

16 марта 1968 г., суббота.

Дима раздраженный, мрачный, плохо себя чувствует. Давление повысилось, погода плохая. Меня обижает, еле разговаривает. Рисует хорошие рисунки, не радуется, всё время недоволен.

Югославы прислали открытку, что напечатают пять-шесть фотографий со скульптур, а про Христа на обложке к Булгакову, как предполагалось, ничего не пишут. Это значит – рисунок не пошел¹⁴⁰.

¹³⁷ Друзья и соавторы В.С. Фрид и Ю.Т. Дунский жили в Москве в одном доме в соседних квартирах.

¹³⁸ Курганов (Эстеркин) Оскар Иеремеевич (1907–1997) – журналист, писатель, киносценарист. Лауреат Ленинской премии (1972) за сценарий художественного фильма «Освобождение».

¹³⁹ Смоленский Вадим Семенович (р. 1921) – кардиолог, профессор, в 1966–1972 гг. зав. клиникой госпитальной терапии им. А.А. Остроумова, позже зав. кафедрой Московского медицинского института им. И.М. Сеченова. Муж актрисы Микаэлы Дроздовской.

¹⁴⁰ Речь идет о публикации в белградском журнале *Umetnost* («Искусство»). Номер с фотографиями работ В. Сидура вышел в 1969 г.

Приближающийся вечер 20 марта тоже портит Диме нервы. Он прав: выступить номером программы в концерте между песнями и плясками, всего с 20 рисунками – не дело для уважающего себя художника. Мы уже видели, как жалко выглядело подобное мероприятие у Лемпорта. Дима идет на это, поддаваясь уговорам Юры Левитанского, и теперь сильно жалеет. Сделать уже ничего нельзя, потому что билеты напечатаны, где указано «Вадим Сидур». Кстати, в этом же вечере принимает участие Владик Бахнов.

Приехали к нам домой Толик Гитберг с Милой и дочкой Оксаной, трех с половиной лет. Оксана – тяжеленькая девочка с красным бантиком, маленькая Гаргантюа. Боялась Диму, хотя и погрозила: «Я его тоже могу забодать». Громко требовала, чтобы мы немедленно ехали к ним в гости. Дима почти соблазнился, потому что Толя пообещал подарить переплетенные его тестем тетрадки. Но мы так и не поехали, очень уж мы были усталые и дошедшие.

17 марта 1968 г., воскресенье.

Вчера на ночь глядя поругались с нашим злобным чудовищем, соседкой Галей. Дима в первый раз забыл смыть что-то в ванной, и она к нему моментально придралась. Она начала делать мне замечания хамским голосом, Дима за меня вступился и между нами произошел весьма живописный разговор в стиле лучших рассказов Зоценко. У меня обычно после подобных стычек бывает всегда однообразная реакция: я примерно в течение трех последующих дней что-то сама себе шепчу якобы ей в ответ. А дело гораздо проще – ее очередь убирать, а ей не захотелось и она подстроила этот скандал. Черт с ней, пусть хоть совсем не убирает, только не лезет.

Сегодня к нам заехали Толя Гитберг с Милой и старшей Толиной дочкой Ирой от первой жены. Она больна полиомиелитом и ходит на костылях. Умная и веселая девчонка, но глубоко несчастная. В этом году заканчивает школу и собирается поступать на художественно-графический факультет в Пединститут им. Ленина, в котором я училась на инфаке. Мы поехали на Толином «Москвиче» в наш подвал. Толя с большими трудностями снес дочку вниз по нашей страшной лестнице.

Дима закончил сегодня очень интересный рисунок: три головы отдельно на столах. Мы привезли его и другие большие рисунки тоже. Пришел мой брат Сева¹⁴¹, мама прислала его за моим паспортом, чтобы выкупить для кого-то кухонный гарнитур, записанный на мое имя. Стали смотреть рисунки, чтобы отобрать для вечера 20-го, Сева проявил неожиданный интерес и даже не очень глупо высказывался. Сева – человек умный, но упрямый и недоверчивый.

Рисунки потрясающие, и я считаю теперь, что они не хуже скульптуры, а иногда действуют даже сильнее.

Толя – очень хороший парень, не завистливый, но я видела, что где-то ему было тяжело смотреть, ведь он тоже художник и сразу приравнивает все к себе.

¹⁴¹ Нельский Евсей Львович (р. 1931).

18 марта 1968 г., понедельник.

Были в ЦДЛ. Пытались взять побольше билетов для 20-го. Не вышло, дали всего на пять человек. Виделись с Витей Фогельсоном, Юрой Левитанским и Майей Коневой. Юра пытался шутить: «Нужно, чтобы были люди, которые кричат “Браво!” и “Долой Неизвестного!”» Дима тоже пошутил: «Нет, мы пойдем другим путем».

Смотрели зал – ресторан, из которого выносят все столики и ставят стулья и микрофон. Менее приспособленного для показа картин зала трудно представить.

Встретились в подвале с Верой Керовой¹⁴² с радио. Умная тетка, трезво оценивает обстановку, понимает, что радиопередача или невозможна или представит Сидура не тем, что он есть на самом деле. Дима совсем не рвется выступать по радио. Вера хочет попытаться что-то сделать, но скорее всего, у нее ничего не выйдет.

Весь вечер смотрели и отбирали рисунки. Заранее знаем, что быть номером концертной программы для художника очень плохо, потому что зрителю не так интересно смотреть на картинку, как ждать следующего номера. Тем не менее билеты уже отпечатаны. Выступают: писатели Сергей Антонов¹⁴³ и Вадик Бахнов, сын Качалова Шверубович¹⁴⁴, болгарский оперный певец, пианистка Елена Гилельс¹⁴⁵, художник Вадим Сидур и напоследок, как десерт, какой-то закулисный театр ВТО «Ширвиндт и К^о»¹⁴⁶. Последний номер и будет, очевидно, самым экзотическим.

Витя Фогельсон рассказал, что Карякин¹⁴⁷ написал про Неизвестного статью¹⁴⁸, которая выйдет в «Октябре»¹⁴⁹ у Кочетова¹⁵⁰. Игра идет такая запутанная и хит-

¹⁴² Редактор Главной редакции литературно-драматических программ Всесоюзного радио, автор инсценировок.

¹⁴³ Антонов Сергей Петрович (1915–1995) – писатель-деревенщик, киносценарист. Лауреат Сталинской премии (1951).

¹⁴⁴ Шверубович Вадим Васильевич (1901–1981) – зав. постановочной частью МХАТ, преподаватель Школы-студии МХАТ (с 1940 г.), художественный руководитель постановочного факультета. Один из основателей театра «Современник». Участник Великой Отечественной войны и движения Сопротивления в Италии. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1948). Автор воспоминаний.

¹⁴⁵ Гилельс Елена Эмильевна (1948–1996) – пианистка, солистка Московской государственной филармонии. Заслуженная артистка РСФСР (1991).

¹⁴⁶ С середины 1960-х гг. в Доме актера Всероссийского театрального общества (ВТО) устраивались театральные «капустники», автором, режиссером и ведущим которых был артист театра и кино Александр Анатольевич Ширвиндт (р. 1934). В вечерах участвовали также: М.М. Державин, А.М. Адоскин, А.А. Миронов, М.М. Козаков, В.А. Ларионов, Н.В. Подгорный и другие популярные актеры.

¹⁴⁷ Карякин Юрий Федорович (1930–2011) – литературовед, писатель, публицист. В 1960–1965 гг. работал в расположенной в Праге редакции журнала Международного отдела ЦК КПСС «Проблемы мира и социализма» – редактор, консультант, заместитель заведующего отделом редакции (отсюда важные связи). В 1965–1966 гг. спецкор «Правды». В 1967–2000 гг. научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР. В 1989 г. народный депутат. В феврале 1968 г. выступил в ЦДЛ на вечере, посвященном А.П. Платонову, со смелой антисталинистской речью, за что был исключен из партии. (См. выше записи от 5 февраля 1968 г.).

¹⁴⁸ Ю.Ф. Карякин познакомился с Э.И. Неизвестным в 1964 г. Какой-либо статьи о нем в «Октябре» не опубликовал. Среди близких друзей Э.И. Неизвестного, завсегдаев его мастерской, были те, кого В. Сидур и Юлия называли «официальные фронтеры»: А.А. Вознесенский, Е.А. Ев-

рая, что наши умные друзья, по-моему, ничего в ней не понимают. А мы с Димой всё понимаем, мы самые проникательные.

Витя и Юра утверждают, что Карякин знаком с Неизвестным и Володей Максимовым и поэтому считает, что они самые-самые. Друзья наши – хорошие люди, но очень наивные. «Мы, – говорят, – приведем к тебе Карякина и он будет тебя любить». А мы плевали на Карякина.

19 марта 1968 г., вторник.

Вчера ночью, когда мы вернулись домой, Дима начал есть, пока я проверяла тетради. И вдруг передний черный зуб остался у него в руке. Очень некстати перед этим выступлением. Это уже третий зуб вылетает таким образом. Через 24 года простреленная челюсть никак не дает о себе забыть. Дима все ходил и дергал себя за оставшийся обломок.

Нарисовал вчера потрясающий рисунок «Авраам и Исаак», его еще можно как-то по-другому назвать. Я забыла про это написать со всякими Карякиными-Шмарякиными.

Потом мы с Димой весь вечер сидели вдвоем и готовились к завтрашнему вечеру. Перебирали фотографии, которые, может быть, удастся показать.

Немцы и «Голос Америки» сообщили о речи адвоката Золотухина¹⁵¹ на суде Гинзбурга и других. Передавали выдержки. Адвокат полностью доказывает, что Гинзбург невиновен. И когда судья, обращаясь к прокурору, спрашивает, хочет ли тот что-либо возразить, тот отвечает «нет». После этого Гинзбурга осуждают на 5 лет, как и требовал прокурор.

Чехи, наверно, скоро выкинут Новотного из президентов. Ему, дураку старому, самому пора подать в отставку, чтобы хуже не было, когда вскрыется его участие в процессах сталинского периода.

тушенко, Р.И. Рождественский, Е.Л. Шифферс, А.А. Зиновьев, А.С. Кончаловский, А.А. Тарковский, М.К. Мамардашвили, а также «официальные вольнодумцы»: работники международного отдела ЦК – А.С. Черняев, Ю.А. Жилин и др., кроме того, в мастерской постоянно присутствовали «не тающиеся» агенты КГБ (см.: *Зорина И.* Прожили большую жизнь // Знамя. 2014. № 7. С. 138).

¹⁴⁹ «Октябрь» – ежемесячный литературно-художественный журнал, издающийся в Москве с 1925 г. В 1934–1957 гг. орган СП СССР, в 1958–1990 гг. – СП РСФСР. В 1931–1960 гг. главный редактор Ф.И. Панферов, в 1961–1973 гг. – В.А. Кочетов. Журнал славился своей ортодоксальностью. С 1961 г., вплоть до «перестройки», его противостояние с прогрессивным «Новым миром» являлось символом и отражением противоборства двух направлений в культуре – реформистского и охранительного. Удивительно, но много лет спустя, уже в другое время, в 1996 г., именно в «Октябре» (№№ 4, 5) состоялась первая публикация Юлии – напечатана повесть «Пастораль на грязной воде».

¹⁵⁰ Кочетов Всеволод Анисимович (1912–1973) – прозаик. Секретарь Ленинградского отделения СП СССР (1953–1955), член правления СП СССР (с 1954), главный редактор «Литературной газеты» (1955–1959), журнала «Октябрь» (с 1961). Автор одноименного романа «Чего же ты хочешь?» (1969).

¹⁵¹ Золотухин Борис Андреевич (р. 1930) – адвокат (с 1959). На «Процессе четырех» выступал как защитник А.И. Гинзбурга. За речь на суде, в которой аргументированно доказал несостоятельность обвинения, был уволен из адвокатуры. До времени перестройки работал юрисконсультом, оказывал юридическую помощь диссидентам. С 1988 г. снова адвокат Московской городской коллегии адвокатов. В 1990–1995 гг. депутат Верховного Совета РФ, Государственной думы.

В Люблине многие люди на вопрос, верят ли они в Бога, ответили, что «да», потому что сейчас нет человеческих идеалов, которые имеются в религии. А я в Бога не верю, я в свою совесть верю и в свой разум.

У Димы вспухла верхняя губа и нет переднего зуба. Очень красив он перед завтрашним выступлением.

20 марта 1968 г., среда.

Мы думали, что вечер пройдет еще хуже. Прибыли в ЦДЛ часа в три с Борей Хазановым, Эдичкой и папкой с рисунками. Нам разрешили развешивать на стендах в Малом зале, перед тем как снести их в уже освобождаемый от столов зал ресторана. Рисунки выглядели совершенно потрясающе. Первый раз мы могли посмотреть на них на расстоянии и не в подвале.

Неприятности начались сразу же. Пришел директор ЦДЛ, сказал, что ему активно не нравится, нет ничего нового, и он просит заменить три рисунка. Филиппов¹⁵², директор, имеет внешность полковника в отставке, поэтому, когда он сказал: «Прошу учесть!» – это звучало как: «Снять немедленно!»

Юра Левитанский стал уговаривать Диму не лезть на рожон и подчиниться, потому что его, Юру, не будут сюда пускать и выкинут из всех издательств. Умолял не выставлять портрет Солженицына.

Дима согласился, заменил два рисунка, а портрет по своей манере совершенно не смотрелся на стендах, и Дима решил показать его во время выступления. Филиппов ужасно волновался, Юра тоже жутко перетрусил, хотя сам все это затеял. Боря Хазанов пил валидол, Эдичка исполнял все хладнокровно и потусторонне, я волновалась и всё хотела сесть. Дима один был деятелен и спокоен. Когда Филиппов заявил: «Я все это видел в 20-х годах, и здесь нет ничего нового», Дима сказал ему: «А я ничего не видел, поэтому начинаю все заново!»

Вечер начался с нудного часового выступления Льва Кассиля о Гренобле¹⁵³. Потом читал что-то неинтересное Сергей Антонов. Затем Владик Бахнов выступил очень остро. Потом была дочка Гилельса, которую нудно и пошло представляла педагогиня, хотя девочка (19 лет) играла неплохо. Когда Кассиль объявил Диму, раздался гул и аплодисменты. Это меня удивило. Он вышел без папки, просто забыл ее, и успел сказать только, что художник должен показывать, а не рассказывать. Тут же к микрофону подскочил Кассиль и объявил перерыв. Это было неожиданно и многие были недовольны, даже подошли к Кассилю это высказывать. Во время перерыва люди бросились к картинам, и к Диме я уже не смогла обратиться. Он стал им что-то еще показывать, и тут же Кассиль объявил

¹⁵² Филиппов Борис Михайлович (1903–1991) – в 1930–1961 гг. директор Центрального Дома работников искусств (ЦДРИ), с 1964 г. – ЦДЛ. Заслуженный работник культуры РСФСР (1965), Заслуженный деятель искусств РСФСР (1972). Автор книг «Актеры без грима» (М., 1964), «Музы на фронте» (М., 1975) и «Записки домашнего» (М., 1983).

¹⁵³ Кассиль Лев Абрамович (1905–1970) – прозаик, драматург, сценарист. Член-кор. АПН СССР (с 1965), лауреат Сталинской премии (1951). Немало писал о спорте, в феврале 1968 г. присутствовал на X зимних Олимпийских играх в Гренобле.

Однодневная выставка В. Сидура в ЦДЛ 20 марта 1968 г. Фото: Эдуард Гладков

второе отделение. Дима должен был всё убрать. Во втором отделении выступали Арканов¹⁵⁴ и Горин¹⁵⁵ – очень здорово.

Многие записали наши телефоны. Мы с Димой очень недовольны собой, что не сумели показать портрет Солженицына. Винить надо только себя.

21 марта 1968 г., четверг.

Слава богу, прошел этот вшивый вечер в ЦДЛ. Дима занимался полдня самодеством, а я его успокаивала. Мучился, что не сумел показать портрет Солженицына. А я тоже плохой солдат – мне нужно было сидеть рядом с Димой и говорить ему: делай то или делай это. Решили, что учтем все ошибки и в следующий раз будем вести себя по-другому – более четко, продуманно, не отвлекаясь и не расслабляясь.

Дима погулял по стадиону и ему стало легче. Я убирала в комнате, в коридоре, беседовала с мамой и перечитывала свои рассказы, что в начале, и думала – какие они хорошие. Еще я успела сходить на рынок. Никак не перестану удивляться – на рынке много людей, которые не к двадцатому веку принадлежат, а как будто к четырнадцатому. Может быть, мне это кажется. Люди на рынке очень любопытные, особенно те, кто продает. Успешно кое-кто торгует лаптями, несколько модернизированными и без онучей.

Поехали с Димой в мастерскую на такси, захватили с собой все рисунки, которые выставляли и не выставляли в ЦДЛ. Приехали в подвал и мне вдруг стало невыносимо от затхлости, вонищи, оставшейся еще до отъезда Лемпорта и Силиса. Убрать я уже несколько раз порывалась, да все руки не доходили. Переоделась, стала выносить мусор, Дима мне помогал, потом стала мыть посуду, невероятное количество тарелок, вилок, сковородок, все загаженное до последней крайности. Я Лемпорта с Силисом не обвиняю, я сама «не хозяйка», но если бы мы с Димой были одни, мы бы тухлые яйца не стали копить в таком количестве. Убрали, стало приятнее, и Диме сразу же захотелось работать и он даже придумал эскиз для дерева – наш двойной портрет. Мне очень понравился.

Приехали домой, соседка плескалась в ванной. Дима сказал: «Моется в собственном соку». Это он вспомнил, как на днях она нам заявила: «Я не собираюсь купаться в вашем соку!»

Радио рассказывает о свободе в Чехословакии, о репрессиях в Польше и о начинающейся снова войне между Израилем и Иорданией.

22 марта 1968 г., пятница.

Мы полюбили совсем Юру Левитанского, особенно после вечера, где он и Марина так сильно переживали за Диму и обиделись на то, что Кассиль его пытался зажимать. Поэтому, когда он позвонил и сказал, что придет, мы были

¹⁵⁴ Арканов Аркадий Михайлович (1933–2015) – прозаик, поэт, драматург, сценарист. В 1963–1967 гг. внештатный редактор отдела сатиры и юмора журнала «Юность», автор «Литературной газеты». Участник «капустников» А. Ширвиндта, упомянутых выше.

¹⁵⁵ Горин Григорий Израилевич (1940–2000) – прозаик, драматург, сценарист. В 1960-х гг. заведовал отделом сатиры и юмора журнала «Юность», автор «Литературной газеты». В. Сидур познакомился с ним в редакции «Юности», для которой выполнял иллюстрации.

даже обрадованы. Он пришел, уже пьяный, с Мариной, Володей Максимовым и еще какой-то на редкость противной бабой блядского вида. У нас уже находилась Алла Гербер со своим братом по поводу памятника своему отцу. Брат, типичный инженер, техническая интеллигенция, ничего не понимает, но восприимчив. Дима всячески старался уклониться от памятника ввиду несоответствия вкусов, но тот все-таки захотел.

Дима целый день провел с отцом, ходил с ним к врачу, глаукома у Абрама Яковлевича снова обострилась. Им там <в Алабино> очень тяжело, а дом наш проклятый никак не строят¹⁵⁶ и квартиру мы, наверно, в этом году не получим. Придется снимать им комнату в Москве, потому что в наших клетушках, да еще с Галочкой, жизни не будет.

Максимов после очередного запоя не пьет, лицо у него симпатичное и глубоко несчастное. Аллины родственники ушли, а сама она осталась. Пьяный Юра стал требовать показывать рисунки. Диме не хотелось, но он уступил Юре, стал показывать. При первом же рисунке ихняя знакомая блядь сказала какую-то глупость, и Дима тут же все убрал и показывать не стал. Потом подслеповатая Алла что-то болтала с истерическим смехом, а краска на ресницах лезла ей в глаза и они стали красные. Аллу было жалко, хоть она и всё время смеялась дурным смехом. Потом все изошрялись в остроумии, и разговор был точно извлечен из какой-нибудь пьесы Ионеско¹⁵⁷. Максимов внимательно смотрел скульптуру и хвалил своим тихим голосом. Вел он себя на редкость интеллигентно и лицо его было очень значительно и умно.

Неприкаянная Алла наконец ушла, а Левитанский, выпив еще несколько рюмок водки, завалился на диван и заснул с храпом. Дима показал окантованные старые рисунки, и эта девка мне сказала: «Я пишу современные стихи, но ничего не воспринимаю трагического». А я подумала: «Говно, ты, что ты вообще можешь воспринимать».

Когда мы уехали, Дима сказал: «Мы сейчас окружили себя порядочными людьми и каждый раз, как видишь кого-нибудь как будто из Лемпортовского лагеря, надолго остается осадок». И еще он мне сказал: «Ужасно мне отца жалко».

Бездарно потеряли вечер.

23 марта 1968 г., суббота.

Снова принимали людей. Я пришла в подвал с подругой, нашей учительницей математики Лизой, уже совершенно вымотанная. Заседала в жюри у пятиклассников и устала невероятно, хуже чем во время уроков.

Тут же прибыла мама и стала меня раздражать. Залезала мне под кофту, проверяя, что на мне надето, и вместе с Димой ругала меня, что я беру пальцы в рот. Очень она меня рассердила.

¹⁵⁶ Вадим и Юлия вступили в строительный кооператив художников на Брянской улице и с нетерпением ожидали окончания строительства. Вселение в новую квартиру состоялось лишь в феврале 1970 г.

¹⁵⁷ Ионеско (Ionesco) Эжен (1912–1994) – драматург и прозаик, один из основоположников абсурдизма.

Потом прибыл целый кагал: Владик Бахнов с Нелей и с пол-литром, Нёма Гребнев¹⁵⁸ с Мимой, Зиновий Гердт¹⁵⁹ с женой Таней¹⁶⁰ и с закуской. Гердт и Владик приехали прямо с просмотра фильма «Фокусник», где Гердт в главной роли¹⁶¹.

Мама моя деятельно распоряжалась и не к месту высказывалась об искусстве. Тем не менее Мима предложила выпить «За Юлину маму». Мама была довольна, выпивала почти в ногу со всеми. Валя и Эдик тоже были. Эдик всё время снимал.

Потом Дима стал показывать рисунки. Эта компания очень благодарная для просмотра рисунков – выражают свое восхищение откровенно и громогласно. Довольно понимающий человек Гердт. Жена его тоже симпатичная, своя тетка. Я чуть было не поспорила с ней насчет фильма «Мужчина и женщина», но как-то сгладилось. Гердт сказал, что привезет Диме фломастеры, и намекал, что хочет иметь картинку, правда «за большие деньги», как он выразился.

Мама наконец ушла и мне стало легче. Как всегда, много разговоров велось по еврейскому вопросу. Приятно, что Новотный подал в отставку.

Позвонила Юнна, просила достать промедол.

Дима опять стал бояться гриппа и съел сегодня витамин, из-за чего у него губа распухла внутри, как раз в том месте, где выскочил зуб.

24 марта 1968 г., воскресенье.

День прошел тоскливо и муторно. В подвал не ездили. Дима чувствует себя отвратительно. Я чихаю как ненормальная. Одна радость – ушла соседка на целый день, и я без нее спокойно и быстро убрала всю квартиру. Она объявила забастовку, совсем, наверно, не будет убирать. Черт с ней, лишь бы не лезла.

Звонила мама, рассказывала, как ей вчера было интересно и как жаль, что она рано ушла, не увидя рисунков.

Дима, преодолевая свое состояние, нарисовал три рисунка для «Юности».

Из дома целый день не выходили, валялись в кровати и слушали радио. У Димы болит всё тело, чувствует ужасную слабость и его знобит, правда, температуры нет. Очень боюсь, как бы он не заболел. Опять появился какой-то жуткий грипп.

25 марта 1968 г., понедельник.

На улице все течет, теплынь. И я, и Дима ходили квелые, дохлые. В помещение войти невероятно трудно после одуряющего уличного солнца. Заехали в «Юность». Дима оставил там три рисуночка к рассказам Марамзина¹⁶², рассказы

¹⁵⁸ Гребнев (Рамбах) Наум Исаевич (1921–1988) – поэт, переводчик, автор воспоминаний. Участник Великой Отечественной войны.

¹⁵⁹ Гердт (Храпинович) Зиновий Ефимович (1916–1996) – актер театра и кино. Участник Великой Отечественной войны. Народный артист СССР (1990).

¹⁶⁰ Правдина Татьяна Александровна (1928–2021) – востоковед, переводчик-арабист. Жена З.Е. Гердта с 1960 г. Автор воспоминаний.

¹⁶¹ Художественный фильм, 1967 г., «Экспериментальная творческая киностудия», режиссер П.Е. Тодоровский, автор сценария А.М. Володин. В главной роли З.Е. Гердт в первый и в последний раз в своей карьере был занят именно в этом фильме.

неплохие. Встретились там с Юрой Левитанским. Долго говорили во дворе о невыносимости нашей жизни, под взглядом импозантного Симонова, беседовавшего с какими-то жлобами. Потом покинули Юру, съездили на Бронную за творогом и, наконец, забились в подвал, как в щель, и уже сидели в нем до конца.

Дима потерял записную книжку. Мы ее долго искали и не нашли. У Димы испортилось настроение и он стал на меня злиться. Я долго сдерживалась, а потом не выдержала, и мы поссорились. Через час помирились. Дима всегда мучается, когда что-нибудь теряет, и считает, что во всем виновата я. «Ты должна все терпеливо сносить, потому что я главный и очень плохо себя чувствую».

За сегодняшний день он закончил «Старушку с писающим мальчиком», сделал статуэтку «Горбатая девушка» и начал новую скульптуру из двух фигур, где мужчина находится в положении вниз головой. Я все это время мерзла, надела его шапку и рассматривала книжку с французскими комиксами, которую мне подарили пятиклассники за судейство КВНа. Дима сердился, что я не читаю статью в «Новом мире»¹⁶³ про американскую интеллигенцию¹⁶⁴, а читаю всякую дрянь. А у меня сил нет читать что-нибудь умное.

Приехали ночью домой и Дима нашел свою книжку в черном пиджаке. Жизнь сразу стала как-то полегче. Тем более мы стали подумывать, что, может быть, Руди спер нашу книжку, хотя зачем она ему. Второй час ночи, Дима начал рисовать картинку.

26 марта 1968 г., вторник.

Пришел к нам Эдичка, принес фотографии этого вечера 20-го. Всё очень хорошо выглядит, как на выставке какого-нибудь очень большого художника.

Дима отвратительно себя чувствует – всё время его прихватывает за грудиной.

Ездили в «Детгиз»¹⁶⁵, отдать знакомой редакторше, которая уезжает в Братиславу, несколько бутылок водки для друзей. На обратном пути Диме сделалось плохо.

Принимали гостей: Витя Гинзбург¹⁶⁶ с Ниной, Ганионские-Добровольские¹⁶⁷, Женька Зверева с мужем уже, Борей, Белла с Витей Шейнберги.

¹⁶² Марамзин (Кацнельсон) Владимир Рафаилович (р. 1934) – прозаик, драматург, сценарист. В 1974 г. арестован за распространение самиздата, получил условный срок. С 1975 г. живет во Франции. В 1978–1986 гг. на собственные средства издавал в Париже литературный журнал «Эхо» (совместно с А. Хвостенко). Ни в 1968 г., ни позже рассказы В. Марамзина с рисунками В. Сидура в «Юности» не публиковались.

¹⁶³ «Новый мир» – ежемесячный литературно-художественный журнал, издается в Москве с 1925 г. Самый прогрессивный литературный журнал послесталинской эпохи, до времени разгона редакции в 1970 г.

¹⁶⁴ Имеется в виду статья Игоря Семеновича Кона (1928–2011) «Размышления об американской интеллигенции» («Новый мир». 1968. № 1. С. 173–197).

¹⁶⁵ Первое в СССР специализированное издательство для детей «Детская литература», основано в Москве (отделение в Ленинграде) в 1933 г., до 1963 г. называлось «Детгиз» (Детское государственное издательство). В. Сидур сотрудничал с ним с 1967 г.

¹⁶⁶ Гинзбург Виталий Лазаревич (1916–2009) – физик-теоретик, действительный член (с 1966) АН СССР (РАН), сотрудник Физического института АН. Иностраннный член Лондонского Коро-

Времена наступили паршивые. На заводах якобы выставили требование высылать из Москвы и увольнять с работы тех, кто подписывает письма протеста. В то же время «Голос Америки» передал, что в Новосибирске группа ученых послала новое письмо протеста против процесса Гинзбурга¹⁶⁸.

Дима показывал рисунки по горячей всеобщей просьбе. Зато когда смотрели, наперебой острили – меня это начинает раздражать, хотя, скорее всего, я не права.

Я сейчас особенно остро ко всему прислушиваюсь и приглядываюсь. Прихожу к выводу, что народ наш, действительно, заслуживает то правительство, которое он имеет. Это горький вывод, но он очевиден. И так, наверно, будет еще долго.

Уже исключили из партии Некрича¹⁶⁹, Карякина, Биргера¹⁷⁰. Возможно, что и до нас доберутся. Дима сказал: «Ничего, я жил в худшие времена. И в космополитизм, и во времена врачей-отравителей¹⁷¹. Надо жить себе и жить».

левского общества и Академии наук США. Лауреат Ленинской (1966) и Сталинской (1953) премий, лауреат Нобелевской премии по физике 2003 г. за решающий вклад в объяснение феномена сверхпроводимости. Подружившись с В. Сидуром (знакомство состоялось в 1965 г. в доме писателя И.Ю. Зверева) и полюбив его провидения, В.Л. Гинзбург старался привести в его мастерскую и своих коллег-физиков. Именно он познакомил В. Сидура с американскими физиками из Батавии и ему принадлежала инициатива *подарка* советской Академии наук в Америку «Портрета Альберта Эйнштейна». Отметим, что В.Л. Гинзбург поместил фотографию этого любимого им произведения в своей книге «О теории относительности», вышедшей в Москве в 1979 г. в издательстве «Наука». В 1987 г. В.Л. Гинзбург (в то время народный депутат СССР) выступил в печати с чрезвычайно важной для восстановления имени В. Сидура статьей «Скульптура, которой мы не видим» («Литературная газета». 1987. 29 апреля).

¹⁶⁷ Подразумеваются Ганионский (Гонионский) Семен Александрович (1916–1974) – историк, филолог, заведующий кафедрой романских языков МГИМО, основатель советской латиноамериканистики, и его жена Добровольская Юлия Абрамовна (р. 1917) – писательница, педагог, переводчица с испанского и итальянского языков. В 1938–1939 гг. Ю.А. Добровольская в составе интербригады участвовала в гражданской войне в Испании. С 1942 г. работала в ТАСС. В 1944 г. арестована по ст. 58-1 («измена родине»), но за недоказанностью обвинения приговорена на три года лагерей за то, что «находилась в условиях, в которых могла совершить преступление», то есть за границей. Оказалась в одном лагере с Н.И. Гинзбург (через нее познакомилась позже с Вадимом и Юлией). После освобождения преподавала итальянский язык в Инязе и в МГИМО, автор учебников, учебных пособий, словарей и разговорников, автор переводов на русский язык произведений многих итальянских писателей XX века. Член СП СССР. В 1982 г., заключив фиктивный брак, выехала в Милан. Профессор Миланского и Венецианского университетов. Лауреат ряда престижных итальянских премий в области науки и культуры. Автор воспоминаний (2004). Ю.А. Добровольская привела в мастерскую В. Сидура известного итальянского скульптора Д. Манцу и искусствоведа Ч. Бранди.

¹⁶⁸ В начале 1968 г. сорок шесть научных сотрудников Сибирского отделения АН СССР и преподавателей НГУ (среди них представители точных и гуманитарных наук) подписали письмо протеста против нарушения гласности в ходе судебного процесса по «Делу Гинзбурга-Галанкова». «Письмо сорока шести» было адресовано Верховному суду РСФСР и генеральному прокурору СССР, копии направлены генеральному секретарю ЦК КПСС, председателю Президиума Верховного Совета СССР и председателю Совета Министров СССР, а также в редакцию газеты «Комсомольская правда». 23 марта текст письма был опубликован в «Нью-Йорк таймс», а 26 марта – зачитан по «Голосу Америки» с указанием всех фамилий «подписантов». Советские власти откликнулись репрессиями – увольнениями и публичным осуждением.

¹⁶⁹ Некрич Александр Моисеевич (1920–1993) – историк, доктор исторических наук (1963). Участник Великой Отечественной войны. С 1950 г. работал в Институте истории АН СССР, был секретарем партийной организации. Осенью 1965 г. в научно-популярной серии издательства

Чувствую я себя физически тоже очень плохо, это от весны. Завтра хотим смыться на пару дней в Алабино. Угнетает скорое возвращение Лемпорта и Силиса.

27 марта 1968 г., среда.

В Алабино не уехали, не было сил. Диму ночью тошнило, и я боялась, что он сегодня разболеется. Но ничего, он пересилил свое недомогание. Зато я была как труп целых полдня. За целый день ни разу не вышли из дому. Дима нарисовал два больших рисунка, а на ночь глядя – и третий. Рисунки, по-моему, очень хорошие, особенно один – «Семья рыжих», нарисованная в черно-оранжевом цвете.

Позвонил Юра Левитанский, очень обрадовался, что мы не уехали, потому что приехал в Москву председатель Союза югославских писателей, и завтра в 11 часов Юра хочет с ним прийти в мастерскую. Думаем уехать после этого визита.

Еще одна маленькая радость: наша соседка Галочка, превозмогая отвращение, сообщила Диме, что она уезжает до воскресенья или понедельника. Хоть мы тоже уезжаем, но все равно приятно.

Чехи, не сворачивая, идут к свободе, поляки, наоборот, к большему зажиму. Наша министр культуры¹⁷² сообщила, что в СССР никогда не было более благоприятной обстановки для творчества, чем сейчас. Чаковский¹⁷³ в «Литературной газете», отвечая на письмо какому-то гражданину из Ленинграда по поводу процесса Гинзбурга, сказал, что всем недовольным советской властью нужно уехать за границу¹⁷⁴. Я думаю, что они скорее сохнут, чем разрешат.

«Наука» тиражом 50 тыс. экз. вышла его книга «1941. 22 июня», подвергнутая вскоре непримиримой критике и осуждению в «клевете», так как антисталинистская концепция начала войны автора не совпадала с официально принятой к тому времени. В 1967 г. «за преднамеренное извращение политики Коммунистической партии» А.М. Некрич исключен из партии Комитетом партийного контроля ЦК КПСС. В том же году книгу изъяли из всех советских библиотек. С 1976 г. жил в Англии, затем в США, работал в Гарвардском университете. Второе издание книги в СССР было осуществлено лишь в 1995 г.

¹⁷⁰ Биргер Борис Георгиевич (1923–2001) – художник-нонконформист, участник Великой Отечественной войны, член МОССХ с 1954 г. (в 1968–1974 гг. исключен из союза), его произведения неоднократно подвергались официальной критике. С 1990 г. жил в ФРГ.

¹⁷¹ Развязанные по инициативе И.В. Сталина погромные кампании 1949–1953 годов, направленные против интеллигенции, прежде всего – евреев.

¹⁷² Подразумевается Фурцева Екатерина Алексеевна (1910–1974) – первый секретарь МК КПСС в 1954–1957 гг., с 1956 г. член и секретарь ЦК КПСС, кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, в 1957–1961 гг. член Президиума ЦК КПСС, в 1960–1974 гг. министр культуры СССР.

¹⁷³ Чаковский Александр Борисович (1913–1994) – прозаик, журналист. Секретарь правления СП СССР (1962–1991), главный редактор журнала «Иностранная литература» (1955–1963), «Литературной газеты» (1962–1988). Лауреат Ленинской (1978), Сталинской (1950) и Государственной (1983) премий, Герой Социалистического Труда (1973).

¹⁷⁴ Огромный, на три четверти полосы, «Ответ читателю» А. Чаковского («Литературная газета». 27 марта 1968) был переполнен высокомерия и лжи. «Эти четверо, – писал он, – получали от НТС антисоветские материалы для подпольного распространения в нашей стране, участвовали в махинациях с иностранной валютой, доставляемой из зарубежья, и передавали на Запад клеветнические материалы. <...> В материалах, которые получал Галанков от этой организации, <...> содержались рекомендации и наставления о формах и методах борьбы с советским строем, в том

Интересно немцы говорили о Горьком¹⁷⁵. Основоположнику социалистического реализма, оказывается, было тоже довольно-таки хреново сосуществовать рядом с «вождем всех народов». И последний помог великому писателю отправиться на тот свет.

28 марта 1968 г., четверг.

Мы в Алабине, вырвались, наконец! В 12 часов уже были в мастерской. Юра Левитанский пришел со своим важным югославом, председателем Союза югославских писателей. Я тут же побежала в магазин, а заодно и в аптеку, потому что Димушка забыл дома валидол.

Югославу все понравилось, хотя вид у него очень солидный. Внешне очень напоминает наше начальство из литературных чиновников. Отлично говорит по-русски, хотя всё время с удовольствием сбивался на французский язык.

Выпивали, конечно. Дима – ни капли. Югослав, его зовут Матей¹⁷⁶, фамилии не поняла, попросил фотографии. Дима дал ему их очень много, а заодно и подарил монотипию, которая ему понравилась. Юра пытался Димой руководить, но Дима решительно вел себя с югославом самостоятельно и ни на минуту не забывал, что нам важнее дать ему фотографии и написать краткую биографию, чем показать ему еще сто рисунков, от которых тот заметно обалдел, хотя ему всё понравилось.

Только они с Юрой ушли, прибыл Рудольф. Я быстро с ним выпила еще пару рюмочек. Рудольф вдруг стал хвалить Димины рисунки, говоря, что «идет слух, будто бы Дима – мастер цвета». Так как Рудольф своего мнения не имеет, это значит, что на него произвел впечатление вечер в ЦДЛ, известие о котором его поразило, или же его просветил кто-то компетентный.

Начала звонить неприкаянная сумасшедшая Наташка <Ефтеева>, Дима старается говорить с ней поласковее.

В Алабино сыровато, скоро всё разольется и не пройдешь. Старички наши – ничего, держатся.

Погиб Гагарин¹⁷⁷ в авиационной катастрофе.

29 марта 1968 г., пятница.

Второй день живем в Алабино. Отдыхаем. Дима починил с отцом один водосток. Мы с Зинаидой Ивановной долго возились с курицей, полдня ушло на ее приготовление. Курица была из местного магазина и отличалась жесткостью.

числе вооруженной борьбы, призывы к совершению террористических актов, созданию ячеек НТС. <...> Вместо того, чтобы поить и кормить подобных людей за народный счет в тюрьме или исправительно-трудовых колониях, <следует> переложить заботу об их пропитании на американских, английских или западногерманских налогоплательщиков».

¹⁷⁵ 28 марта 1968 г. отмечалось столетие со дня рождения Максима Горького (1868–1936).

¹⁷⁶ Имеется в виду Матей Бор (Matej Bor, псевдоним; наст. имя: Владимир Павшич [Pavšič], 1913–1993) – словенский поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик, общественный деятель, партизан в годы Второй мировой войны.

¹⁷⁷ Гагарин Юрий Алексеевич (1934–1968) – летчик-космонавт СССР, первый человек Земли, побывавший в космосе.

Дима всё время хочет есть. Зинаида Ивановна, несмотря на свое православие, страдает за евреев, слушая радио Израиль.

Я стараюсь поспать, скоро мне на работу, и уже не поспишь.

Слушаем, конечно, радио, только не московское. Брежнев произнес речь, где злобно обругал инакомыслящих, то есть таких, как мы с Димой, и пообещал кару¹⁷⁸. В Лондоне собрались писатели и другие интеллигенты из разных стран и направили телеграммы протеста Попандопуло¹⁷⁹ и Косыгину¹⁸⁰ с требованием прекратить преследования писателей. В ГДР ругают Чехословакию, румыны поддерживают, венгерский премьер тоже поддержал, югославы тоже приветствуют. Мы посоветовали югославам не особенно подробно комментировать события в Чехословакии. Грэм Грин¹⁸¹ на митинге ПЕН-клуба сообщил о холодном отказе, полученном от Чаковского через три месяца на просьбу передать гонорары от продажи его книг в СССР женам Даниэля и Синявского. Он сказал: «В ушах Чаковского не гремит набат освобождения человечества». Брежнев высказался не только против идеологического, но и против технического сосуществования двух систем.

Через окно видела двух красивых зябликов вперемежку с серыми воробьишками, и дятла. Удивительно, до чего у него сильный клюв, видно было, как отлетает кора от его удара.

30 марта 1968 г., суббота.

На улицу не выходила, полдня спала. Отсыпаюсь за всю третью четверть. Дима ходит лохматый, спит плохо, так же, как в Москве. Родители чувствуют себя прилично. Снова читаю Достоевского «Преступление и наказание». Не устаю поражаться его силе и гениальности.

В Польше продолжают преследовать евреев, занимающих более-менее важные посты, и недовольных студентов.

Михалков¹⁸² выступил где-то с речью, осуждающей заключенных в тюрьму писателей и всех, кто хочет большей свободы. Михалков – известная сволочь, поэтому неудивительно.

¹⁷⁸ Имеется в виду речь Л.И. Брежнева 29 марта 1968 г. на Московской городской партийной конференции, в которой, в частности, он заявил, подразумевая интеллигенцию: «Буржуазные идеологи наденутся еще как-то повлиять на мировоззрение отдельных групп советских людей, притупить их классовое сознание. <...> В их сети иногда попадают люди падкие на саморекламу, готовые как можно громче заявить о себе, не брезгая похвалами наших идейных противников. <...> Отщепенцы не могут рассчитывать на безнаказанность». (Опубликовано в «Правде» 30 марта 1968 г.)

¹⁷⁹ Пападопулос Георгиос (1919–1999) – участник военного переворота в Греции в 1967 г., в результате которого получил пост премьер-министра (1967–1973) и возглавил утвердившийся в стране военно-диктаторский режим «Черных полковников». Годы его правления ознаменовались широкими политическими репрессиями – запретами, цензурой, преследованием инакомыслящих, арестами, пытками, убийствами.

¹⁸⁰ Косыгин Алексей Николаевич (1904–1980) – член Политбюро ЦК КПСС в 1960–1980 гг., с 1960 г. первый заместитель председателя, в 1964–1980 г. председатель Совета Министров СССР. Дважды Герой Социалистического Труда (1964, 1974).

¹⁸¹ Грэм Грин (Henry Graham Greene, 1904–1991) – английский писатель, журналист. Его произведения неоднократно печатались в Советском Союзе. Но после того, как в 1968 г. он выступил в защиту Ю.М. Даниэля и А.Д. Синявского, надолго перестал издаваться в СССР (до 1981).

¹⁸² Михалков Сергей Владимирович (1912–2009) – поэт, драматург, общественный деятель. Автор стихов, пьес и басен для детей и взрослых. Всегда одним из первых откликнулся творчеством

Завтра возвращаемся в Москву. Здесь живем несколько разрядившись от тяжелой московской атмосферы. В Москве нам кажется, что все гонения и преследования интеллигентов и евреев непосредственно касаются нас лично. Здесь это ощущение несколько притупляется.

Думаем, пока безуспешно, над проблемой переселения родителей в Москву на следующую зиму. Еще зиму прожить в Алабино – топить печку и ездить за продуктами, даже с нашей помощью, они не смогут. Кооператив к зиме, как обещают, конечно, не выстроят. Даже еще первый этаж не начали класть.

31 марта 1968 г., воскресенье.

Перед отъездом из Алабино нехорошо поссорились на глазах у родителей. Дима перед обедом стал читать газету, я стала махать рукой у него перед носом. Он сказал, чтобы я отстала. А я не отстала, тогда он отмахнулся от меня и нечаянно ударил, а я тоже его чуть-чуть не ударила по голове. Тогда Зинаида Ивановна сказала: «Юля, не злоупотребляй движениями!» А я ответила: «А чего вы заступааетесь?» И я ужасно разобиделась. А потом мы в другой комнате с Димой опять поругались. Я ему сказала какую-то гадость, а он мне сказал: «Ты сволочь, и я это учту». А я ему сказала: «Ты сам сволочь, пользуешься, что за тебя мама заступается». Потом я стала плакать. У Димы заболело сердце и он с трудом шел на станцию. Ехали в Москву в набитом людьми поезде, хотя нашли себе местечко в последнем вагоне, сидели. Дима очень и очень плохо себя чувствует. А я вроде и каюсь, но все равно мне себя очень жалко.

Возле Киевского вокзала посмотрели, как не строят наш дом. Приехали в подвал. От этой идиотской ссоры совершенно отвратительное ощущение. Дима говорит, что я обнаглела, и что раньше, когда он со мной был более суров, я ему так никогда не отвечала. Конечно, мы уже почти одиннадцать лет вместе, и я старею и у меня портится характер.

Еще Дима сказал: «Так тяжело жить вообще. Ты знаешь, отца надо класть в больницу с глазами, снимать им жилье на зиму, всё это на мне висит, я сам еле дышаю. Не хватает только, чтобы мы еще друг с другом лаялись».

Съездили к Левитанским. Ничего хорошего не услышали про дела в нашем отечестве. Вернулись домой и помирились окончательно.

Юра рассказывает, что он слышал, будто бы Гагарин пьяный возвращался с охоты и решил покататься на самолете. Уговорил Серегина¹⁸³, тот полетел с

на социальные заказы партии и правительства. Написал тексты двух советских, а позже и российского государственных гимнов. В 1970–1991 гг. председатель правления СП РСФСР. Действительный член Академии педагогических наук СССР (с 1973). Лауреат Ленинской (1970), трех Сталинских (1941, 1942, 1950) и Государственной (1978) премий, Герой Социалистического Труда (1973), депутат Верховного Совета СССР и РСФСР многих созывов, делегат нескольких партийных съездов, Заслуженный деятель искусств РСФСР.

¹⁸³ Серегин Владимир Сергеевич (1922–1968) – военный летчик-испытатель, инженер-полковник, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (1945). Погиб при аварии самолета вместе с Ю.А. Гагариным. Отсутствие какой-либо убедительной открытой информации об этой катастрофе порождало тогда массу самых невероятных слухов. Согласно документам, раскритическим лишь 45 лет спустя, в 2013 г., самолет Ю.А. Гагарина и В.С. Серегина вогнал в штопор (из которого он не успел выйти) внезапно пролетевший на недозволительно близком расстоянии другой истребитель.

ним. Во время полета настоял, чтобы управлять самому, стал делать всякие мертвые петли и разбился. Говорят, что очень жаль Серегина, очень приличный человек и хороший инженер. Неизвестно, насколько это верно, но любопытно.

Юра Левитанский, когда мы были у них в гостях, один раз так рассердился на Марину, весь покраснел и что-то неразборчиво матом проорал, на что она ему что-то возражала и перебивала. Мне было очень неприятно оттого, что Юра очень часто не может сдержаться по отношению к ней своей ненависти. Это ужасно.

1 апреля 1968 г., понедельник.

Всю ночь я не спала, занималась творчеством-графоманством, только в другой тетради. Бодро встала, побежала на работу. Там тоже навалилось всякого барахла на мою шею. Год кончается. Приехала домой, не хотела идти в чехословацкое посольство. Потом все-таки пошли вместе с Димушкой.

Было многолюдно. Тауфер старенький, жалкенький, улыбается, со всеми здоровается. Я с ним очень интересно побеседовала. «Ну как живете?» – он меня спрашивает. «Все так же, помаленечку». – «Что у вас нового?» Я говорю: «Какие у меня новости, это вот у вас всякие новости. А у нас всё одинаково». Тогда он взял меня за локоть, отвел в сторону и сказал чуть ли не в ухо: «Лучше так одинаково, как у вас, чем как у нас сейчас». А я хитрая, я ему говорю: «Ну это ваша страна, вам виднее».

Пришли Юра Левитанский, Борис Шуплецов, Феликс Светов¹⁸⁴. Спросила у Феликса, как у него сейчас дела, после того, как он подписал письмо¹⁸⁵. Говорит, что сняли пару статей, а больше пока ничего не было.

Фильмы были подражательные. Вроде что-то и есть, смотришь, а в итоге – одна пустота, сути мало, одни выкрутасы. Когда ехали в посольство, подвезли по дороге в нашем такси пьяненьких Диминого учителя Саула Рабиновича¹⁸⁶ и

¹⁸⁴ Светов Феликс Григорьевич (1927–2002) – писатель, журналист, диссидент. В 1960-х гг. один из ведущих литературных критиков «Нового мира». Некоторые произведения опубликовал за границей, печатался, в частности, в журналах «Грани», «Синтаксис», «Посев», «Вестник РХД» и др. эмигрантских изданиях, в 1974 г. – в солженицынском сборнике «Из-под глыб». В 1982 г. исключен из СП СССР. В 1985 г. арестован и осужден на пять лет ссылки на Алтай за «антисоветскую агитацию и пропаганду». В 1987 г. приговор был отменен. В 1990 г. восстановлен в СП.

¹⁸⁵ Ф.Г. Светов подписал в 1960-х гг. не одно протестное письмо. Например, весной 1966 г. – письма писателей в президиум XXIII съезда КПСС и в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой освободить Ю.М. Даниэля и А.Д. Сияевского. В 1967 г. – письмо в Президиум Верховного Совета СССР с предложением принять закон о свободе распространения, сбора и использования информации. В мае 1967 г. – вместе с В.Н. Корниловым и В.Н. Войновичем направил телеграмму в адрес IV Всесоюзного съезда советских писателей с поддержкой письма А.И. Солженицына о цензуре. В феврале 1968 г. был одним из авторов текста петиции, подписанной 24 деятелями культуры, в защиту обвиняемых по «процессу четырех».

¹⁸⁶ Рабинович Саул Львович (1905–1988) – скульптор-монументалист, в 1926 г. окончил ленинградскую Академию художеств, ученик А.Т. Матвеева. В 1927–1938 гг. жил в Париже, до 1929 г. работал в мастерской Э.А. Бурделя. После возвращения в СССР преподавал в МВХПУ (Строгановском училище). Автор, в частности, большой скульптуры «Белорусские партизаны», установленной в переходе станции «Белорусская» московского метрополитена. Интересно, что учитель В. Сидура С.Л. Рабинович является автором 26 барельефов из белого мрамора на пилонах станции метро «Парк культуры» – их, а также четыре большие барельефа в потолочных сводах вестибюля

скульптора Тосю Веленского. Рассказали, что у многих художников, которые подписали письма, неприятности. Дима сказал, что если бы ему предложили подписать письмо, он бы тоже подписал обязательно. На что Тося и Саул разом ответили, что они бы ни за что не подписали. Потом мы их высадили у кафе «Парус».

Дима имел со мной продолжительную беседу по поводу ночного творчества.

2 апреля 1968 г., понедельник.

Сидели в подвале в теплой компании. Эдик, я и Дима сначала были одни. Дима сегодня ничего себя чувствует, хотя его и поташнивает. Докончил большой цветной рисунок «Мальчик и девочка», сделал половину второго цветного рисунка, в мастерской всё время лепил «Снятие с креста». Вдруг появилась знакомая наша девчонка Ася. Очень смешная, остриженная под ноль. Смешно, неожиданно и симпатично. Она рассказывает, что стриглась в мужской парикмахерской, и теперь, когда она проходит мимо этой парикмахерской, мастер, что ее обстриг, с любовью на нее взирает через окно. Ася – симпатичный человек, но требует к себе внимания, поэтому утомляет и немного надоедлива, как комарик.

Потом появился пьяный Рудольф, пьяный всерьез, так как только что вернулся из ресторана «Черемушки», где он поил рабочих, строящих Лемпортову мастерскую. Дело там идет к концу, уже приступили к отделочным работам.

Наконец появилась одухотворенная, не вульгарная, больная Люська Сорокина с гречкой. Где-то добыла гречку, уступила нам 1 кило, а еще 1 кило – Эдичке с Валькой.

Повесился чех, который должен был заниматься реабилитацией процессов, но сам был виновен в преступлениях в те годы. Дубчек¹⁸⁷ ведет себя удивительно прилично.

Версия насчет смерти Гагарина почти подтвердилась, неясно только, был ли он пьян. Рудольф, оказывается, пил сегодня с каким-то его очень дальним родственником, прорабом по фамилии Гагарин. Во всяком случае, полет был самочинный и непредвиденный, по инициативе и желанию самого Гагарина. Самолет не разбился, а сгорел на очень большой высоте.

Рудольф без своих хозяев чувствует к Диме симпатию и все его хвалит. Оказывается, приходил какой-то математик и был в восторге от «Эйнштейна». Для Руди чужое мнение имеет огромное значение.

Снова звонила бедняжка Наташка.

этой станции, выполненные другим своим учителем, Г.И. Мотовиловым, В. Сидур мог видеть всегда, когда приезжал на метро в свою мастерскую.

¹⁸⁷ Дубчек (Dubček) Александр (1921–1992) – член компартии Чехословакии с 1939 г., первый секретарь ЦК КПЧ с января 1968 г. Провел в стране демократические реформы, имевшие колоссальную поддержку у населения. Недолгая *Пражская весна* закончилась 20 августа 1968 г. после введения советских войск в Чехословакию и отстранения А. Дубчека и его сторонников от власти, их ареста и интернирования в СССР. Формально же он оставался первым секретарем ЦК до апреля 1969 г.

Юлия (1968) Фото: Эдуард Гладков

3 апреля 1968 г., среда.

После долгого отсутствия появилась Марина Ильичева. Рассказала нам продолжение своей любовной истории с шизофреником. Он за ней поехал в дом отдыха, там они еще раз поругались. Марина изо всех сил делает вид, что это ее не волнует, но чувствуется, что на самом деле она здорово переживает. В доме отдыха, говорит, она ничего не ела, хотя давали всякую ценную жратву и даже икру, и спала всего три часа в сутки.

Дима вдруг сильно изменил «Снятие с креста», и она стала мне больше нравиться. Целый вечер над ней работал, а до этого дома почти закончил большой цветной рисунок «Головы». Чувствовал себя плохо, потому что очень плохо спал, с пяти часов утра мучали кошмары, потом снег шел и наконец дождь. Дима на погоду реагирует как барометр.

Англичане передали некролог на Ландау¹⁸⁸. Сказали, что в Польше снимают генералов в армии из-за «подрывной деятельности». Опять же виноваты сионисты.

¹⁸⁸ Ландау Лев Давидович (1908–1968) – крупный физик-теоретик, действительный член АН СССР (с 1946), член многих зарубежных академий и научных обществ, Герой Социалистического Труда (1954), лауреат Нобелевской премии по физике 1962 года.

Позвонила лысенькая Ася, она оставила у нас ключ и завтра за ним придет. Позвонила моя мама, объявила, что завтра придет. Спросила, в чем я одета и не собираюсь ли я шить себе пальто. Звонил Лева Тоом¹⁸⁹, спрашивал лекарство для Юнны. Мы пока еще не достали.

Я съела полбанки маринованной черемши и у меня заболел живот. Весь вечер переводила Марине из французской книжонки «Астролог», под каким созвездием она родилась и какой у нее характер. Она все удивлялась, как похоже. Мы с Димой и с Лемпортом родились под созвездием Рака, Силис – Близнецы, Эдичка – Рыбы, Марина – Бык, Юра Левитанский – Водолей, Маринин шез – Весы, Женька Зверева – Стрелец, моя и Димины мамы – Скорпион. Очень много похожего. Я чего-то разболталась, так как Марина – благодарный слушатель.

4 апреля 1968 г., четверг.

Я выходная. Целый день колготилась по хозяйству, хоть я и «не хозяйка», по маминому убеждению. Она сегодня к нам приехала, сказала, что как у нас побывает, то делается больная. А Дима сказал: «Пооди знай, где реальная жизнь, а где нет. Может быть, нам надо жить именно так». Была я на рынке, где кроме продуктов купила уже четвертый раскрашенный гриб и птичку-свисток из дерева.

Дима первую половину дня не отходил от рисунка, был в плохом настроении, и моя мама его явно раздражала. Потом мы с мамой вместе сходили в прачечную. По дороге мама просила у меня денег «на лечение», так как она уже 32 рубля истратила на врачей. Я пообещала. На обратном пути мама ловко вскочила в автобус и покинула меня.

Дима помог мне прокрутить котлеты. Рисунок он кончил, но остался им недоволен. Я чего-то к вечеру дошла, а Дима, наоборот, разошелся. Поперлись в мастерскую, на улице было сыро, неприятно. Дима лепил «Снятие с креста». Вещь получается отличная. Пришла Ася за ключом, который она на днях у нас забыла. Сидела в платочке, довольно страшенькая, без платочка она намного милее. С аппетитом скушала яичницу и много болтала. С громадным удивлением узнали, что бесцветная, курносая Ася – еврейка без примесей. Со звучным именем – Анна Белл. Это меня так потрясло, что я до сих пор нахожусь под впечатлением. А вообще-то Ася – утомительный подросток, я от нее еще больше устала. К тому же – она одевается, говорит «до свидания» и сидит еще час или два. И я, конечно, тут же вспомнила: «Англичане уходят не прощавшись, евреи прощаются, но не уходят».

Би-би-си и «Голос Америки» передали о гнусных речах¹⁹⁰ Суркова¹⁹¹ и Щипачева¹⁹². Сурков – известная гадина, а про Щипачева мы с Димой слышали много хорошего. Жалко...

¹⁸⁹ Тоом Леон Валентинович (1921–1969) – поэт, переводчик. Муж Юнны Мориц. Друг Вадима и Юлии.

¹⁹⁰ 28 марта 1968 г. на торжественном заседании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном 100-летию М. Горького.

¹⁹¹ Сурков Алексей Александрович (1899–1983) – официальный поэт. Участник Гражданской и Великой Отечественной войн. В 1953–1959 гг. первый секретарь СП СССР. Кандидат в члены ЦК КПСС (1956–1966), лауреат двух Сталинских премий (1946 и 1951), Герой Социалистического Труда (1969). Один из главных погромщиков Б.Л. Пастернака в 1958 г., А.И. Солженицына в 1973 г.

5 апреля 1968 г., пятница.

Убили в Америке Мартина Лютера Kinga¹⁹³. Убили Кеннеди¹⁹⁴, до сих пор не узнали – кто, теперь Kinga. Очень неприятно. Из-за этих убийств никак не могу хорошо относиться к Америке.

Из Югославии приехал Саша Флакер. Неделю был в Москве, не мог нас повидать. Вчера пришел к нам на Масловку вечером, а мы были в мастерской. Телефоны мы ему в тот приезд дать забыли. Оставил записку с номером телефона гостиницы и написал, что сегодня уезжает в 6.50 вечера. Я с утра ему позвонила. Он сказал, что летом у них выйдет журнал с 5–6 Димиными скульптурами¹⁹⁵, а осенью – книжка «Мастер и Маргарита» с «Христом» на обложке. Кроме того, сообщил как решенную вещь, что будто бы уже известно, что Дима едет в Югославию как скульптор, как ездил Эрнст <Неизвестный>. Я постаралась его разубедить, говоря, что мы об этом ничего не знаем, кроме каких-то смутных предположений, навеянных Левитанским. Позже Саша повторил то же самое Диме, когда застал его по телефону до отъезда.

У нас с Димой уже есть опыт с Чехословакией, когда ЦК не разрешил ехать даже по частному приглашению, а в Югославию на симпозиум – вообще смешно.

В мастерской сидели: страшная донельзя бледная Наташка <Ефтева>, Руди и Соколов. Читали полученное от Лемпорта, Силиса письмо. Они задерживаются до конца месяца. Как пишет Силис: «Каждые десять дней – это магнитофон или транзистор». Лемпорт расписывает, как всё прекрасно, как устроили выставку в посольстве 200 работ, и нашим посольским «очень понравилось». Пишет Лемпорт, на мой взгляд, очень бездарно. Просит Руди читать его письмо всем знакомым и девкам.

Мы с Димой обрадовались, что они не приедут до конца месяца. А там Руди и достроит мастерскую Лемпорту, и они хоть как-то уйдут, а вместе с ними – вся шушера.

Сидели с Димой вдвоем. Скульптура «Снятие с креста» продвигается вперед. Получается очень красивая и величественная вещь. <...>

6 апреля 1968 г., суббота.

Мы, конечно, никуда не поедем, но Дима ходит и думает, что бы он стал делать в Югославии. Мы с ним, не сговариваясь, остановились на «Празднике»

¹⁹² Щипачев Степан Петрович (1899–1980) – поэт. Участник Гражданской и Великой Отечественной войн. Лауреат двух Сталинских премий (1949 и 1951). Автор отвратительной статьи об А.И. Солженицыне «Конец литературного власовца» в «Литературной газете» 20 февраля 1974 г.

¹⁹³ Мартин Лютер Кинг (Martin Luther King, 1929–1968) – священник-баптист, доктор теологии, крупный политический и общественный деятель США, лидер ненасильственного Движения за отмену расовой сегрегации и равноправие чернокожих, противник войны во Вьетнаме. Лауреат Нобелевской премии мира 1964 года. Его убийство (преступление осталось нераскрытым) вызвало массовые волнения и беспорядки по всей Америке.

¹⁹⁴ Кеннеди (Kennedy) Джон Фицджеральд (1917–1963) – государственный и политический деятель, президент США с 20 января 1961 г. Убит 22 ноября 1963 г. Убийство осталось нераскрытым.

¹⁹⁵ В загребском журнале *Mogućnost* (1968, № 9–10) помещены статья А. Флакера *Vadim Sidur*, фотографии трех скульптур и портрет А.И. Солженицына. Кроме того, этот портрет помещен в загребской газете *Telegram* 8 ноября 1968 г. «Красный Христос» воспроизведен в загребском журнале *Književna smotra* осенью 1969 г.

с гармошкой. Если ее увеличить, это будет совершенно грандиозное произведение, к тому же очень «русское».

Наступило почти лето. Сегодня было 15° тепла, но ветрено. Кажется, что завтра будет уже душно.

Собралась у нас компания: Валька, измученная из-за работы, из-за бездомной кошки, которую некуда пристроить, розовый Эдичка, вернувшиеся из Бухары Боря Хазанов с Мариной, Юра Буцко¹⁹⁶ с женой и симпатичный парень актер Гена Сайфулин¹⁹⁷, тоже, кажется, с женой. Мы сидели за столом напротив Димы. Он тоже сидел за столом и лепил «Снятие с креста», занимая глиной, стеками и самой скульптурой ровно полстола.

Завтра мы с Димой, несмотря на воскресенье, должны встать в 9 часов утра и в 11 уже быть в мастерской, чтобы принимать из югославского посольства каких-то людей. Председатель Союза писателей Югославии Матей Бор, который у нас уже был один раз, тоже придет. Он в тот визит все говорил «гениально». Юра Левитанский тоже придет.

Сайфулин нам принес билеты на первый спектакль «Три сестры», а мы не пошли – то ли не смогли, то ли не захотели, а теперь жалеем. Гена сказал, что еще нас пригласит. Очень милый парень и умный, что редко среди современных актеров.

Дима сказал, что он чувствует грипп, я надеюсь, что обойдется. У мамы моей РОЭ 45, она нервничает, хотя РОЭ у нее большое уже много лет. Получили письмо из Алабина, пока все более-менее ничего.

7 апреля 1968 г., воскресенье.

Встали в 9 как штык. Дима очень плохо спал. Ровно в 11 были в мастерской. И тут же прибыл Юра Левитанский. Через час приехали югославы вместе с нашим человеком, Сашей Романенко. Матей Бор, уже знакомый нам, и с ним советник посольства Бранко¹⁹⁸, высокий моложавый человек со шрамом на лбу. Бор выглядел сегодня совсем европейцем, много говорил, показался мне сегодня наивным и добрым. Друг друга мы все называли: «товарищ Матей», «товарищ Сидур». Бранко сказал, что он сразу «влюбился» в то, что делает Дима, хотя мне не кажется, что он так уж всё понимает. Снова они говорили, что хотят Диму пригласить в Югославию и пришлют официальное приглашение. Дима сказал, что это будет трудно, так как наши, очевидно, на это не согласятся. К тому же Дима не хочет ехать без меня, но им об этом не сказал.

Смотрели рисунки. Бор высказывал всякие, на мой взгляд, не очень новые идеи, но говорил очень убежденно по поводу всего. Просидели до трех часов дня, после чего Бранко пригласил нас к себе домой. Мы малость засомневались,

¹⁹⁶ Буцко Юрий Маркович (1938–2015) – композитор, педагог. С 1966 г. преподаватель теории музыки в Музыкальном училище им. М.М. Ипполитова-Иванова, позже преподаватель Московской консерватории.

¹⁹⁷ Сайфуллин Геннадий Рашидович (р. 1941) – актер театра и кино. В 1964–1967 гг. актер Московского театра им. Ленинского комсомола, с 1967 г. – Театра на Малой Бронной.

¹⁹⁸ Вукушич (Vukušić) Бранко – югославский дипломат, сотрудник посольства СФРЮ в Москве.

но, посоветовавшись с Романенко, поехали. Погрузившись в «Мерседес» под взглядом регулировщика, вышли потом на Кутузовском проспекте, встретившись взглядом с милиционером в будке. Я, не зная за собой никакой вины, чувствовала себя виновато. Квартира менее просторная, чем в чехословацком посольстве, завешанная слишком исключаящими друг друга произведениями: какими-то китайскими «знаковыми» тарелками, досками, несколькими масляными картинами. Дима подарил Бранко два рисунка пером. Жена – приятная, с хрипловатым голосом и усталым лицом. Двое детей бегают на улице.

Накормили потрясающим обедом. Бор должен был еще с Романенко пойти в цирк. Бранко отвез его в «Метрополь», Саша пошел пешком, а нас с Юрой Бранко отвез в подвал.

Сидели до вечера. Юра делился с нами своими горестями: дрызгами с Мариной из-за всякого дерьма, отчего можно сойти с ума. В итоге мы с ним тоже поделились насчет наших отношений (бывших) с Лемпортом и Силисом. Юра сказал восточную мудрость, намекая на то, что ему хуже всех: «Если на площади буря, то походи домой, а если дома буря – то куда же мне идти?»

8 апреля 1968 г., понедельник.

В подвал не ходили, у Димы целый день болит живот. Я после работы приехала домой и стала убирать квартиру – моя очередь.

Позвонил Бранко, сказал, что симпозиум состоится в августе. Обещал приехать завтра, привезти фотографии этого места. Мы с Димой точно знаем, что поехать туда можно только чудом. Кроме того, даже если бы наши и разрешили, все равно Дима с его здоровьем далеко не путешественник. Когда он здесь, каждый день от чего-нибудь мучается. Тем не менее мы всё время мечтаем, как поедем, и обязательно вместе. Дима только и делает, что думает, какую вещь ему сделать из камня, рисует в тетрадочку эскизы.

Би-би-си передало очень интересные выдержки из статей Горького, которые он писал в газете «Новая жизнь»¹⁹⁹ в 1917 г. Прочла письмо жены Бухарина²⁰⁰ – еще один потрясающий документ из истории Советского государства. Прочла письмо Павла Антокольского²⁰¹ Демичеву²⁰² по поводу Солженицына. Письмо наивное, с правильных позиций, просит печатать Солженицына.

¹⁹⁹ Газета меньшевиков-интернационалистов и писателей журнала «Летопись», издавалась с апреля 1917 г. по июль 1918 г. в Петрограде. М. Горький был в ней кolumnистом.

²⁰⁰ Ларина-Бухарина Анна Михайловна (1914–1996) – вдова крупного советского партийного и государственного деятеля Николая Ивановича Бухарина, расстрелянного в 1938 г. Провела 18 лет в заключении. Автор воспоминаний «Незабываемое» (журнал «Огонёк», 1987 г., отдельной книгой – 1989 г.). За несколько дней перед своим арестом Н.И. Бухарин продиктовал ей письмо «Будущему поколению руководителей партии», которое она заучила наизусть. Его имеет в виду Юлия. Это письмо, с начала 1960-х гг. ходившее в самиздате, было опубликовано в газете «Московские новости» (3 декабря 1987 г.).

²⁰¹ Антокольский Павел Григорьевич (1896–1978) – поэт, переводчик, лауреат Сталинской премии (1946).

²⁰² Имеется в виду написанное в ноябре 1967 г. и циркулировавшее в самиздате письмо П.Г. Антокольского секретарю ЦК КПСС, кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС Петру Ниловичу Демичеву (1918–2010) с поддержкой «Письма съезду писателей» А.И. Солженицына об отмене цензуры в СССР.

Позвонил Рудольф, сказал, что Лемпортовскую мастерскую уже начали красить.

Лежали с Димой в постели. Очень нам было хорошо.

Снова вспоминали про войну. Дима еще раз рассказал мне, как его ранило в челюсть и как ему повезло, что разрывная пуля разорвалась на выходе, а не на входе. Если бы было наоборот, он бы, если выжил, был бы страшный урод. Как ему делали операцию в Сталинабаде, и всякие жуткие подробности с костями, осколками и зубами. Как еще долго после операции у него во время еды капала слюна из торчащей справа кости. Он мне сказал: «Я должен ходить как Христос, и радоваться, что живу уже целых 24 года. А еще что-то нервничаю, хочу в Югославию».

9 апреля 1968 г., вторник.

У меня был совершенно сумасшедший день. Классное собрание, где я бурно беседовала со своими семиклассниками об ответственности за свои поступки, о той самой ответственности, которую мои дети никак не хотят принимать во внимание и живут себе, легкомысленно нарушая все правила приличия и поведения в обществе.

Затем ездила на проведение олимпиады по синхронному переводу среди спецшкол, вернулась в школу на родительское собрание и ввалилась в мастерскую около 10 часов вечера. Дима лепил, заканчивал «Снятие с креста», в печке обжигалась «Старуха с писающим мальчиком».

Сидели супруги – симпатичная женщина из издательства «Детгиз», переводчица с мужем-химиком. Ксения переводит с польского, поэтому разговор крутился всё время вокруг событий в Польше, а заодно и Чехословакии. Потом они, наконец, ушли. У Димы болит его колит, один раз он даже согнулся от боли. Взял с собой маленькую грелочку из дома, сидел, грел живот.

Прослушали Би-би-си, в мире мало что изменилось. Никто не звонил. Приехали домой во втором часу ночи. Дима еще в мастерской успел наложить глину для новой скульптуры и теперь только о ней думает. Живот у него болит, не переставая. Каждый день что-нибудь болит. «Я, – говорит, – мученик. Еще меня никуда не пригласили, а я уже хожу и мучаюсь, что мне надо будет рубить из камня. Очень остро чувствую ответственность».

Бранко не звонил и не приезжал. Марина Ильичева заболела гриппом. Дома у нас лифт не пустят в ход до конца месяца. Меняют лифт, ломают стены, грязь ужасная. Потом сделают, наконец, и ломаться этот лифт будет, как старый, с той же цикличностью. На улице неожиданно похолодало.

10 апреля 1968 г., среда.

Удалось раньше освободиться из школы, потому что пятые классы из второй смены уехали выступать. Приехала домой. Дима рисует большой цветной рисунок, перемежая цветные карандаши с фломастерами. В коридоре крик, суэта и оживление – понаехали Галочкины родственники в огромном количестве. Провинциальные, морды противные, но одежда у всех заграничная. Они меня тут же подавили своим существованием, и я, сбегав по магазинам, в коридор

старалась не выходить. Дима даже картошку сварил себе сам. Потом Дима пошел гулять, а я прочитала статью про Чехословакию Пьера Дэкса во французском еженедельнике «Летр франсез»²⁰³. Статья очень любопытна, во-первых, это мнение французских коммунистов, целиком поддерживающих изменения в Чехословакии. Во-вторых, интересно было узнать, как Новотный пришел к власти и каким образом за нее держался.

Когда Дима вернулся с гулянья, я перевела ему эту статью и завалилась спать, потому что уже давно не высыпаюсь. Через два часа Дима меня с трудом растолкал, и мы поехали в подвал. У Димы живот сегодня почти не болел, и чувствовал он себя более-менее прилично. Весь вечер были вдвоем. Дима лепил «Снятие с креста» второй вариант, я читала «Преступление и наказание» уже в который раз. Жалко мне ужасно этого беднягу-убийцу Раскольникова, который убил, но «не преступил». Никто к нам не звонил. Би-би-си сообщило, что чехи отменили цензуру и разрешили практически всем гражданам выезжать, возвращаться или жить за границей. Есть намеки, что, возможно, постепенно пересмотрят свою внешнюю политику, особенно это касается Ближнего Востока.

11 апреля 1968 г., четверг.

Опять, уже в который раз на нашей памяти, наступают плохие времена. Пленум ЦК призвал неустанно бороться с буржуазной идеологией во всех формах²⁰⁴.

Приехал Вацлав Данек из Праги. Он должен был быть еще в марте, но в связи с событиями задержался на целый месяц.

Варила целый день обед с Диминой помощью. Он продолжает цветной рисунок, всё время возле него стоит. Приехал к нам на Масловку Эдичка и мы вместе поехали в МОСХ²⁰⁵ платить взносы. На стенах там висит что-то убогое, бессмысленное, соцреалистическое.

В мастерской застали Рудольфа. Он долго советовался с Димой по поводу затруднений с Лемпортовской мастерской. Спрашивал, на одного или на двоих за-

²⁰³ *Les Lettres françaises* – еженедельная французская литературная газета, издававшаяся в 1941–1972 гг. под редакцией писателя-коммуниста Луи Арагона. Газета, финансируемая ФКП, пропусклась советской цензурой и ее можно было купить в некоторых киосках в Москве.

²⁰⁴ Апрельский (1968 г.) Пленум ЦК КПСС формально был посвящен «Актуальным проблемам международного положения и борьбе КПСС за сплоченность мирового коммунистического движения» (доклад Л.И. Брежнева), но фактически, в связи с положением в Чехословакии, речь шла о советской интеллигенции. Центральный пункт постановления Пленума гласил: «В этих условиях непримиримая борьба с вражеской идеологией, решительное разоблачение происков империализма, коммунистическое воспитание членов КПСС и всех трудящихся, усиление всей идеологической деятельности партии приобретает особое значение, является одной из главнейших обязанностей всех партийных организаций. Их долг состоит в том, чтобы вести наступательную борьбу против буржуазной идеологии, активно выступать против попыток протаскивания в отдельных произведениях литературы, искусства и других произведениях взглядов, чуждых социалистической идеологии советского общества». (Правда. 1968. 11 апреля). Изложенный византийским стилем, смысл постановления был ясен – усилить давление, приструнить интеллигенцию, прежде всего – творческую. Пример *Пражской весны*, вдохновленной и возглавленной именно интеллигенцией, навел на советских руководителей страх.

²⁰⁵ МОСХ (или МОССХ) – Московский союз советских художников, образован в марте 1957 г. после Первого съезда советских художников. В. Сидур стал членом с самого начала.

ключать ему договор, так как Силис пишет ему: «Тяни, как можно дольше», а тянуть больше нельзя, так как мастерская выглядит соблазнительно и ее могут отобрать. Силис написал Руди: «Советуйся с Димой, но будь осторожен».

Потом мы пошли в гости к Натану Злотникову²⁰⁶ из «Юности». Они уже уложили спать своего несчастного недоношенного младенца, и у них сидел Петр Вегин²⁰⁷ – молодой парень-поэт. Вегин скоро едет в Италию, Натан послезавтра – в Югославию. Только нас с Сидуром никуда не пускают и Александра Исаевича.

Ждали Данека, он пришел поздно, потому что сидел в посольстве, рассказывал чехам новости. Всё, что он сообщил нам, мы знаем. Упирал на то, что они будут дружить с Советским Союзом, если мы от них не отвернемся. Подарил Диме две книжечки: Клее и Мондриана.

Данек – парень очень умный и хитрый. Сказал, что не хочет звонить Левитанским из-за того, что Марина будто бы сказала про него, что он – шпион, и до него в Чехословакии это дошло. Завтра мы с ним должны встретаться.

12 апреля 1968 г., пятница.

Дима в нервном состоянии. Приехала я поздно и через некоторое время пришел Данек с бутылкой коньяка. Потом прибежала Люська Сорока вслед за ним. Дима договорился с Данеком оформлять стихи Кушнера²⁰⁸. Поэт очень хороший, но не для Диминого творчества. Дима от этого тоже раздражается, но сделает обязательно хорошо, я в этом не сомневаюсь.

Позвонил какой-то человек из журнала «Советский Союз»²⁰⁹, просил устроить что-то вроде встречи с Димой в мастерской, а он всё это сфотографирует и напишет статью. Диму ему порекомендовали в «Юности». Дима почти отказался, хотя и сказал, что подумает до завтра. Мне вообще это кажется странным – в такое-то время, журнал Грибачева²¹⁰, какая-то встреча в подвале... Я посоветовала Диме не связываться.

²⁰⁶ Злотников Натан Маркович (1934–2006) – поэт, переводчик, печатался с 1957 г., автор 15 поэтических сборников, член СП СССР (с 1969). С 1963 г. по 1997 г. работал в журнале «Юность» – был литературным консультантом, зав. отделом поэзии, зам. главного редактора.

²⁰⁷ Вегин Петр Викторович (1939–2007) – поэт, переводчик, печатался с 1958 г., член СП СССР (с 1969). С 1989 г. жил в США.

²⁰⁸ Кушнер Александр Семенович (р. 1936) – поэт, член СП СССР (с 1965), в 1959–1969 гг. учитель русского языка и литературы в средней школе. Автор более 30 поэтических сборников, а также ряда статей о русской литературе. В «оттепельные» времена его стихи распространялись в самиздате.

²⁰⁹ «Советский Союз» – ежемесячный общественно-политический иллюстрированный журнал, издававшийся в 1930–1991 гг. в Москве, сначала на четырех, а позже – на 19 языках (до 1950 г. назывался «СССР на стройке»). Распространялся более чем в 130 странах, общий тираж достигал 1,3 млн экз. (в середине 1970-х). Предназначенный для иностранцев, помещал на своих страницах преукрашенные, не соответствовавшие действительности очерки, статьи и фотографии о жизни в СССР.

²¹⁰ Грибачев Николай Матвеевич (1910–1992) – ортодоксальный писатель, секретарь правления СП СССР (1959–1991), главный редактор журнала «Советский Союз» (1950–1954 и 1956–1991), кандидат в члены ЦК КПСС (1961–1990), председатель Верховного Совета РСФСР (1980–1990), лауреат Ленинской (1960) и двух Сталинских (1948, 1949) премий, Герой Социалистического Труда (1974).

С коктейля в югославском посольстве зашел к нам Юра Левитанский. Ему открыл удаляющийся Рудольф, который забежал звонить по телефону и сообщил нам «приятную» новость, что Лемпорт и Силис приедут, возможно, раньше, примерно в 20-х числах.

Юре мы все обрадовались. Он был элегантен и пьян. Сообщил, что югославы уже написали письмо в МОСХ насчет Димы и что Бранко приедет завтра к нам в 6 часов вечера. Обругал Диму за то, что он отказывается от журнала «Советский Союз». Данек его поддержал.

Юра в очень плохом настроении, говорит, что ему сказали, будто бы видели его фамилию в списках – кого не печатать, из-за того, что он подписал письмо в защиту Даниэля и Синявского.

Напоследок на такси приехал пьяный Гдаль²¹¹. Говорит, что математик Гельфанд²¹² тоже подписал письмо²¹³, и теперь его вынуждают отказаться, но он упорствует. Гдаль его лечит и говорит, что тот в жутком гипертоническом кризе. Сказал, что Юнна всё время ходит к Бураковскому, и это его пугает все больше и больше, и он собирается серьезно с ней разговаривать. Отвез нас с Юрой на своем такси домой.

13 апреля 1968 г., суббота.

«От этой светской жизни я уже дохожу», – сказал Дима.

Заходил парень, фотограф из «Советского Союза», всё ему понравилось, завтра хочет уже прийти снимать. Дима согласился, пусть снимает, все равно Грибачев никогда этого не напечатает, а если вдруг чудом пройдет, то, как говорится, тем лучше.

Только фотограф ушел, пришел Эдичка, а за ним и Бранко с женой <Радмилой> подъехали, наконец прибыли и Левитанские. Бранко сказал, что они собираются послать письмо-приглашение в Союз художников СССР на Димино имя

²¹¹ Гельштейн Гдаль Григорьевич (1917–1989) – один из ближайших друзей В. Сидура и Юлии. Врач-кардиолог, профессор, участник Великой Отечественной войны, соратник А.Н. Бакулева, сотрудник НИИ сердечно-сосудистой хирургии АМН СССР со дня основания в 1955 г., в 1959–1989 гг. заведующий Лабораторией функциональной диагностики института, автор более 200 научных работ, Заслуженный деятель науки РСФСР. Друг Н.Я. Мандельштам, именно он познакомил с ней Вадима и Юлию.

²¹² Гельфанд Израиль Моисеевич (1913–2009) – близкий друг Г.Г. Гельштейна. Математик, доцент МГУ (с 1935), профессор (с 1941), член-кор. АН СССР (с 1953), действительный член АН СССР (с 1984), президент Московского математического общества (1966–1970), иностранный член многих зарубежных академий, обществ и университетов, лауреат Ленинской (1961) и двух Сталинских (1951, 1953) премий. С 1989 г. жил и работал в США.

²¹³ И.М. Гельфанд подписал не только это письмо. В марте 1968 г. он поставил подпись под письмом 99 советских ученых министру здравоохранения СССР и генеральному прокурору СССР против насильственного помещения в психиатрическую больницу математика А.С. Есенина-Вольпина, в августе 1968 г. – под открытым коллективным письмом с осуждением ввода советских войск в Чехословакию. Занимая подобную честную и твердую позицию, всемирно известный ученый, один из самых крупных математиков своего времени, иностранный член большинства европейских и американских академий на протяжении десятилетий был невыездным – не мог участвовать в международных математических конгрессах, его кандидатура вычеркивалась из списков при выдвижении на выборах в действительные члены АН СССР.

в понедельник. Снова говорил о выгодах этой поездки для Димы. Нам было смешно это слушать. Дима сказал: «Меня вы уже уговорили, осталось совсем немного – уговорить Союз художников». Бранко принес фотографии камня, в которым нужно будет работать. Камень мягкий, но потом по прошествии времени твердеет, это очень ценное качество. На фотографиях изображены полуголые молодцеватые скульпторы. Юра спросил: «Сможешь ли ты, Сидур, так красиво встать?» Марина пыталась напоить жену Бранко, хотя та упорно не хотела. Юра не пьет ни грамма, хотя Марина глушит всюю.

Пришла измотанная Валька. Бранко с женой уехали. Им на смену прибыли Инна Бернштейн и Гарик, ее и наш знакомый из Киева. В Киеве дела не лучше, чем у нас. Последним на своем «Москвиче» приехал Владик Бахнов. Хохмили все подряд. В итоге Владик переохмил Юру и остался самым остроумным.

Марина вдруг объявила, что Солженицын – очень хороший писатель, но чувствуется, что он антисемит. Какой-то гад пустил этот подлый слух. Мы с Димой тут же на Марину набросились, что она говорит глупости. Пьяная Марина как идиотка упорно стояла на своем. Она чем-то очень глупая, эта Марина. Я теперь понимаю, почему Юра так на нее злится иногда.

Дима нарисовал прекрасный, на мой взгляд, рисунок «Днем на лесной лужайке». Непонятно, когда он успевает. Узнал, что камень в Югославии такой мягкий, что его можно пилить и ковырять ножом²¹⁴. Думает, как он там будет работать, жалеет, что не сможет поехать со мной, чтобы я ему помогала пилить. Бред какой-то! Но мы мечтаем, потому что Ленин сказал: «Надо мечтать!» Кроме Димы, югославы хотят пригласить Янкилевского²¹⁵ и Нусберга²¹⁶, они в таком же положении, как Дима.

14 апреля 1968 г., воскресенье.

Утомительная светская жизнь продолжается, одни люди сменяли других. В три часа дня мы уже были в подвале. Через 15 минут пришел Эдичка с двумя девицами для создания «атмосферы» и «оживленной дискуссии». Через 10 минут пришел фотограф Виктор из «Советского Союза» с бородатеньким подмоганцем. Виктор энергично ставил свет и двигал скульптуры. Начал снимать Диму в беседе с Эдиком и девицами. Меня он отверг, чтобы не было семейственности. Дима и девица Наташа сидели на корточках и выдавливали из себя беседу, Эдик подавал им реплики. Виктор взмок, нащелкал четыре пленки, Дима очень утомился. Но если это фото пройдет, можно будет тыкать в нос, когда будут приставать.

²¹⁴ Мыльный камень (известен также под названиями талькомагнезит, стеатит, жировик, восковой камень и др.) – минерал, разновидность талька, жаростоек, легко окрашивается, благодаря своей мягкости часто используется для резьбы. В.А. Сидуру с этим материалом не пришлось работать.

²¹⁵ Янкилевский Владимир Борисович (1938–2018) – живописец, график, книжный иллюстратор, автор ассамбляжей.

²¹⁶ Нусберг Лев Вальдемарович (р. 1937) – художник и теоретик искусства. Основатель в 1964 г. и лидер группы художников-кинетистов «Движение», возрождавшей традиции русского художественного авангарда 1910–1920-х гг. В 1976 г. эмигрировал в ФРГ, откуда в 1980 г. переехал в США.

Только кончили снимать, появился искусствовед Игорь Тупицын²¹⁷, маленький, хромой человек с лицом удивительно неприятным. Я сразу же вспомнила: «искусствовед в штатском». Фотограф, Эдик и все ушли, а я пошла в магазин за водкой и закуской. Тупицын занимается югославским искусством, поэтому, прослышав, что Диму приглашают, и, будучи связан с посольством, решил познакомиться.

Я вернулась из магазина и застала целый кагал молодых чехов, которых привела знакомая студентка-журналистка Алла <Зайцева>. У чехов вид не как из Восточной Европы, а как из Западной. Очень не хотели уходить. Дима даже мягко намекнул, что, мол, «у меня искусствовед». Они неохотно ушли и собираются прийти еще, так как они на практике в Москве пробудут два месяца.

Потом нас мучил Тупицын, болтал совершенно как ревизор у Гоголя: «Иду по деревне в Югославии, вижу мост девятого века, у меня ноги подкосились, четыре дня ходил, плакал. Вижу старичок идет бедный. «Друже, – спрашиваю, – что это за церковь?» Он говорит: «Чех?» – «Нет, – говорю, – русский». – «А-а-а, – говорит, – пойдем ко мне». Иду к нему, комната, как твоя мастерская. Кормит, поит, вино из ушей лилось. Вся деревня сбегалась смотреть, милиционеры вышли тоже на русского смотреть». Он нас чуть не уморил, потому что нам надо было сильно напрягаться, чтобы изображать внимание. Под конец сообщил, что хочет приехать с атташе из посольства, подчиненным Бранко, и писать про Диму статью для югославов. Договорились на вторник. Вдохнули легче, когда он ушел.

Позвонил Данек, сказал, что сейчас придет, было 9 часов вечера. Дима работал над «Снятием с креста» № 2. Данек пришел в половине двенадцатого, разболтались мы с ним до двух часов ночи. Данек восторженный. Всё у него проекты, как он будет Диму везде печатать, устроит его выставку. Уверен, что мы поедем в Чехословакию. Пьет Вацлав, не пьянея. Обаятельный парень, мы к нему очень привязались. Дима сделает в июне к его переводам Кушнера рисунки²¹⁸.

15 апреля 1968 г., понедельник.

Дима нарисовал еще один рисунок, очень хороший.

Парень из «Советского Союза» не позвонил, как обещал, очевидно, у него ничего не получилось.

В семь вечера приехал Бранко с высоким красивым парнем, журналистом Светиславом Маслеша²¹⁹ из газеты «Освобождение»²²⁰, которая издается в Сараево. Потом Бранко уехал, потому что ему нужно было встречать друга на Киевском вокзале. Перед уходом он нам сообщил, что послезавтра у него свидание

²¹⁷ Искусствовед И.К. Тупицын занимался историей скульптуры, в частности, югославской. А в 1969 г. в № 17 белградского журнала *Umetnost* опубликовал статью о В. Сидуре и несколько фотографий его работ.

²¹⁸ Книга вышла в Праге в 1971 г.: *Kušner A. Nočni straž*. На фронтисписе рисунок В. Сидура «Святые семейство».

²¹⁹ Маслеша (Masleša) Светислав – журналист, в 1970-х гг. корреспондент агентства ТАНЮГ в Москве, позже директор Сараевского радио и телевидения.

²²⁰ *Oslobođenje* – ежедневная газета, выходящая в Сараево с августа 1943 г.

с этой сукой Белашовой²²¹ по поводу Диминой поездки в Югославию. Дима предупредил Бранко об особой любви между ним и Белашовой, так что Бранко подготовлен.

И вообще, мне Бранко все больше и больше нравится. Лицо у него очень простое, кожа чуть рябоватая, очень хорошо улыбается. У нас в подвале чувствует себя как дома. После его ухода остались с журналистом. Маслеша – умный и приятный. Всё понял, всё оценил, был очень рад, что приехал.

Позвонил Тупицын, сказал Диме: «Мы с Маринковичем приедем к тебе в среду, хотели сегодня, но у тебя там корреспондент сейчас сидит». Я сказала Диме: «Приятно иметь своего детектива в виде Тупицына».

Долго обо всем беседовали с Маслешей. Он много рассказал любопытного про Югославию, про свою газету, про то, что очень ценит Би-би-си, про то, что он учился в школе с Михайло Михайловым²²², который сейчас у них в тюрьме сидит. Сказал, что через неделю напишет статью про Диму и опубликует одну или две фотографии, и в течение полугода можно будет по одной-две штуки напечатать очень много.

Мы с ним очень хорошо выпили, даже Дима нарушил свой сухой закон. Расстались друзьями, и он попросил разрешения прийти еще раз с супругой.

Растерявшийся Рудольф звонил Диме несколько раз в день советоваться по поводу Лемпортовской мастерской, которую сейчас могут у него отобрать – слишком она соблазнительно выглядит. И тогда мы не расстанемся вовек!

16 апреля 1968 г., вторник.

Сегодняшний день был относительно тихим. Дима весь опухший и воспаленный. Плохое настроение из-за телефонного разговора с Абрамом Яковлевичем, который приезжал сегодня в Москву в больницу. У него всё время болит глаз, его хотят класть в больницу. Дима расстроился еще и потому, что отец забыл спросить, как зовут врача, которая его смотрела, и он не сможет поговорить со знакомыми и узнать, хорошая ли это врачиха и можно ли у нее лечиться. Во всяком случае, возможно, что через неделю Абрам Яковлевич ляжет в больницу.

К нам пришел Виктор Резников, корреспондент из «Советского Союза». Сказал, что фотография пока вроде бы пошла, предполагается в № 6 в июне, если утвердит редколлегия. Этот Виктор всех знает, рассказал, что ему назвали двух скульпторов – Чернова²²³ и Комова²²⁴ – для репортажа. Он пошел к Чернову

²²¹ Белашова Екатерина Федоровна (1906–1971) – скульптор, в 1952–1965 гг. профессор МВПУ (Строгановского), в 1957–1968 гг. секретарь, с 1968 г. председатель правления СХ СССР. Народный художник СССР (1963), член-кор. АХ СССР (1964), лауреат Государственной премии СССР (1967). Славилась исключительно консервативными высказываниями и поступками, имела прозвище «Серов в юбке».

²²² Михайлов (Mihaylov) Михаил (Михайло, 1934–2010) – родился в семье русских эмигрантов, писатель, философ, литературовед, с 1963 г. преподаватель Загребского университета, автор книг о русской литературе XX в. В 1966–1968 и 1974–1978 гг. находился в заключении за свою диссидентскую деятельность. С 1978 г. жил в США.

²²³ Чернов Юрий Львович (1935–2009) – скульптор. В 1977–1987 гг. секретарь правления СХ СССР. Народный художник РСФСР (1979), академик Российской АХ (1997).

в мастерскую, они там собрались в галстуках, и ни одной работы, кроме бравого сталевара в кепочке.

Дима очень устал, к тому же у него болит бок, наверно, он его простудил. Лепил «Снятие с креста» № 2. Пришел к нам Олег Миллюков, снимал новые вещи. Рассказал, что слышал, будто бы на Посохина²²⁵ какие-то архитекторы написали жалобу в ЦК, и их за это исключили из партии. Радио сообщило, что Гинзбург и другие подали апелляцию, Верховный суд отклонил ее и подтвердил приговор. Французские прокитайские коммунисты осудили чехословацкое правительство. Мао Цзэдун призвал американских негров произвести государственный переворот.

Лемпорт и Силис уже на подлете, морально мы уже подготовились. У Димы всякие несбыточные идеи, например, поставить скульптуру «Операция на сердце» в Кейптауне и сообщить об этом Барнаду, когда тот приедет в Москву, бесплатно. Или подарить Бриттену через Ростроповича рисунок на тему «Авраам и Исаак»²²⁶.

17 апреля 1968 г., среда.

Можно сказать, что мы сумели провернуть очень много дел за время отсутствия Лемпорта и Силиса. Сегодня был заключительный прием югославов. Приехали Тупицын и первый секретарь посольства Милан Маринкович с женой Дудой. Маринкович – первый хилого телосложения и небольшого роста человек из всех посетивших наш подвал югославов. Молодой человек технарского вида, в очках, он в прошлом из физиков. Игорь Тупицын очень много говорил, в основном обращаясь ко мне, пока Дима показывал скульптуру Маринковичу и супруге. На редкость внимательные зрители.

Дима высказал еще одну оригинальную идею, что он хочет бесплатно поставить «Памятник погибшим от бомб» в Белграде. Маринкович сообщил, что письмо в Союз художников СССР насчет Димы они уже отправили. Накормили мы их, напоили, потом показали рисунки. Это их уже доконало – всего очень много для первого раза. Тупицын более закаленный. Один раз он сказал: «Ты знаешь, Вадим, у меня нога больная, поэтому я могу тебе это сказать: у тебя есть какой-то элемент болезни. Я в себе тоже это чувствую». Дима согласился, а я почувствовала к Тупицыну большую симпатию.

Маринкович узнал сразу же Эйнштейна. Мы им показали также Лемпорта и Силиса. Дуда сказала: «Здесь всё ярко, чтобы скорее бросалось в глаза. Это как

²²⁴ Комов Олег Константинович (1932–1994) – скульптор, график, член правления СХ СССР (с 1968). Народный художник СССР (1987), академик АХ СССР (1988), лауреат Государственной премии РСФСР (1974) и Государственной премии СССР (1981).

²²⁵ Посохин Михаил Васильевич (1910–1989) – главный архитектор Москвы (с 1960), автор многих московских помпезных построек, автор Генерального плана развития Москвы, зам. председателя Госстроя СССР (1963–1967), академик АХ СССР (1979), Народный архитектор СССР (1970), лауреат Ленинской (1962), Сталинской (1949) и Государственной (1980) премий.

²²⁶ Бриттен (Britten) Эдвард Бенджамин (1913–1976) – композитор, дирижер и пианист. Кантатка № 2 «Авраам и Исаак» для альты, тенора и фортепиано (1952 г.) Вадим Сидур услышал впервые по радио. Находясь под сильным впечатлением от этой музыки, он нарисовал два больших рисунка, один из которых передал через друзей в подарок Б. Бриттену. В ответ композитор в 1971 г. прислал В. Сидуру партитуру кантатки с автографом.

женщина, которая себя больше покрасит». Так не менее мы сказали им, что среди скульпторов они выделяются, потому что кроме Димы, Эрнста <Неизвестного> и их – так вообще никто больше не работает.

Тупицын шепнул мне потихонечку: «Они спрашивают, югославы, а кого бы можно еще пригласить из скульпторов. Что мне сказать? Некого!» Он снова попросил фотографии для статьи, которую собирается писать для журнала «Уметность».

Довольные, гости уехали в двенадцатом часу.

На нашей лестнице какой-то дядя пописал, и я вылила туда полбутылки Лемпортовского одеколona «Шипр». Получился очень странный запах, гости, по-моему, не обратили на него никакого внимания.

Дима сегодня ездил на Девичку. Памятник Варгам выглядит прекрасно, нужно только заделать швы²²⁷. Нарисовал хороший большой рисунок, закончил книжечку Гроховяка.

Наша соседка ходит с ума – заставляет свой стол на кухне банками, чтобы мы на него ничего не положили.

18 апреля 1968 г., четверг.

Галочка с утра долго не уходила на работу. Я даже огорчилась, думая, что она совсем не уйдет, но она, слава богу, ушла.

Потом пришла мама, сразу стало шумно. Она по собственной инициативе взялась стирать и это дало ей моральное право на высказывание бесконечных нотаций. Пока она это всё высказывала мне, я лениво отбрехивалась, но когда она стала поучать и подкалывать Диму, он ей раздраженно возразил. Мне стало жалко мать, хотя я ее и не поддерживаю.

Димушка помог мне прокрутить котлеты, я варила грибной суп, мама стирала. Мы все трое бурно хозяйствовали. Дима к тому же еще долго рисовал большой рисунок.

Потом Дима поехал на Новодевичье кладбище, но никого там не застал из рабочих и вернулся в мастерскую. У него были с собой из дома фрикадельки. А мы с мамой остались стирать и мыть. Я вымыла всю квартиру, и в комнатах и в коридоре. Причем в коридоре особенно тщательно, настолько Галочка меня терроризирует.

Потом я прочла маме рассказы про больницу и про дядю Костю. И мама моя то хохотала как ребенок, то плакала. И всё время выражала желание почтить Ирочке²²⁸ о моем грустном детстве. «Только, Юля, у тебя как-то грубовато: горшок, Костя-пьяница».

«У Димы тоже, – сказала мама, – вроде бы как похабно. Не каждому можно и смотреть такое, например, молодежи».

Мы возились до вечера, а потом вместе вышли из дома. На такси доехали до «Парка культуры». Мама пересела на метро, а я побежала в булочную, чтобы не

²²⁷ Фигура памятника выполнена не из цельного куска гранита, а из двух кусков. «Швы», о которых упоминает Юлия, В. Сидур пытался заделать в течение нескольких лет разными способами, ему так и не удалось это сделать – ветер и дождь сводили на нет все старания.

²²⁸ Племянница Юлии.

опоздать. Дима был в плохом самочувствии, лепил «Снятие с креста» № 2. Отказал в посещении каким-то болгарам.

19 апреля 1968 г., пятница.

Что-то нам грустно и тоскливо. В Польше творится то же самое, что было у нас в 1949 году в эпоху космополитизма. Евреи выходят на трибуну и клянутся в верности правительству, лояльности, признают свои ошибки. У нас в любую минуту может произойти то же самое.

Я приехала в подвал поздно, усталая. Лемпорт, Силис не приехали, директор исчез. Пахнет газом из прорубленной в узкий коридор двери нашего дома, где проходят какие-то трубы. Дверь закрыта, но иногда воняет сильнее, иногда меньше. Местные газовики утверждают, что в этом нет ничего страшного, просто помещение плохо проветривается.

Дима думал поработать весь вечер над «Снятием с креста» № 2, но не вышло. Позвонила Женька Зверева, они с Борей только что вернулись из Еревана, и решили собрать компанию. Мы с Димой сначала не хотели, потом согласились. Точно перед уходом к нам зашли медики Борис Кулаев и Юра Гальперин. Два уже немолодых человека, но очень одиноких. Рассказывали, что были на Девичке, разровняли могилу Варги, потом съели сардельки, потом затесались в киношку и сейчас, гуляя, забрели к нам. Юра Гальперин пообещал Диме помочь с отцом.

Нина Гинзбург всё время температурит и ее собираются класть в больницу. Чем она болеет – никто понять не может. Витя храбрится, но, как Нина утверждает, он больше всего огорчается, что не может ездить на дачу.

У Женьки было весело и шумно. Они с Борей загорелые, Женька цветущая и неприлично счастливая. Зато Машка бледная и расстроенная, что ее знакомый мальчик исчез из дому после того, как она с ним рассталась, и вот уже пять дней его не могут найти. Владик <Бахнов> без Нели, она болеет. Фрид и Дунский, Борины, Шейнберги. Все напропалую острили. Боря хотел рассказывать о путешествии в Армению и показывать фотографии, а Белла <Шейнберг> сказала: «Мы вон Сидура-то с трудом смотрим, а вы хотите какие-то фотографии».

По дороге домой из Владиковой машины видели как везли зачехленные страшные ракеты для парада. Все похоже на Диминого «Носорога»²²⁹.

20 апреля 1968 г., суббота.

Сломался замок в подвале, это должно было случиться рано или поздно. Дима был очень раздосадован и снял вообще этот замок. Будем запирать на старый ключ.

Народу поднабралось порядком. Сначала пришли Марина Хазанова со своими десятиклассниками, потом Боря. Очень хорошие ребятки, я даже позавидовала. Мои тоже хорошие, но эти лучше, умнее и острее. Удивительно, как хорошо они всё понимают, чувствуют, как они внимательны и любознательны. Очень симпатичные люди.

²²⁹ Скульптура «Носорог» (1963 г., тонированная терракота, 18×61×13 см).

Только они ушли, сразу пришли Эдик, Марина Ильичева, Юра Левитанский, Клара с подругой Музой²³⁰ и ее собакой, черным спаниелем Альфа. Муза была заплакана – у нее болеет мама. Про собаку она сказала: «Это моя дочка».

Тупицын обещал нам позвонить и прийти, но не позвонил и не пришел. Дима позвонил ему по телефону, там сказали, что телефон верный, но Тупицын тут не живет. Дима сказал: «Я чувствую, что эпопея с Югославией кончилась».

Клара спросила: «Дима, как ты думаешь, сколько это время будет продолжаться?» Дима сказал: «Я думаю, год». – «Александр Исаевич думает, что тоже год».

Беспартийных, подписавших письма, пока не трогают, партийным дают строгий выговор – тем, кто раскаялся, а кто нет – того исключают из партии.

Юра не был пьяный и грустный. Рассказал, что врача Бехтерева²³¹ убили в тот же день, когда он признал у Сталина некоторые признаки паранойи.

Среди всей этой компании Дима ухитрился почти закончить скульптуру «Снятие с креста» № 2. Мы с Юрой вышли из подвала последними. На улице было невероятное оживление. Напротив нас церковь Николы в Хамовниках²³², весь забор был облеплен густо прибывающим народом. Завтра Пасха, и сегодня целый день в церковном дворе стояла очередь людей с куличами. Мы хотели было остаться поглядеть, потом раздумали, очень уж сильно устали. На улице чувствовалось, что праздник, несмотря на позднее время, регулировщик на месте и с ним еще в штатском, в шляпе и с повязкой. Не видели ни одного пьяного. Юра сказал: «Завтра будет много».

21 апреля 1968 г., воскресенье.

Позвонил Рудольф, сообщил, что Лемпорт, Силис приедут в среду в 3 часа дня, летят через Рим. Дима сказал: «Я счастливый человек, потому что лишен чувства зависти. Всё время желаю им больше поездок за границу, хорошую мастерскую, только бы их не было рядом и можно было бы спокойно работать». Днем я ходила на рынок, варила борщ. Галочка топала рядом как бегемот и сковывала меня. Дима в третий раз переделывал рисунки к Гроховяку для этих за- нуд в «Прогрессе»²³³.

²³⁰ Ефремова Муза Васильевна (р. 1928) – школьная учительница литературы и русского языка, подруга К.И. Лозовской, через которую в 1963 г. познакомилась и подружилась с К.И. Чуковским.

²³¹ Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) – невропатолог, психиатр, физиолог, анатом, основоположник рефлексологии, академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. С 1908 г. директор Психоневрологического института, в 1918 г. основал и возглавил Институт по изучению мозга и психической деятельности. Существует версия, что 23 декабря 1927 г. В.М. Бехтереву поручили осмотреть больного И.В. Сталина, а на следующий день, 24 декабря, ученый неожиданно умер. Официально было объявлено, что смерть наступила в результате отравления консервами, но сразу же поползли слухи, что его отравили намеренно, как нежелательного свидетеля, так как он установил у Сталина симптомы паранойи. Никаких доказательств этой версии не существует, тем более что тело В.М. Бехтерева поспешно, без обследования, было кремировано.

²³² Церковь св. Николая Чудотворца в Хамовниках (построена в 1679–1682 гг.).

²³³ Московское издательство, основанное в 1946 г. как «Издательство иностранной литературы» (с 1964 г. «Прогресс»), специализируется на издании книг на иностранных языках и переводах зарубежных авторов.

Вышли мы из дому часа в четыре. Погода была неприятная, очень ветрено. Дима предсказал дождь, чувствует своим сердцем. Приехали на Новодевичье кладбище. Народу тьма, то ли из-из Пасхи, то ли – просто воскресенье. Много приезжих бродит среди могил, чувствуют все себя, как в парке на гулянье. Меня очень обрадовал наш памятник Варге – светлый, сверкающий, резко выделяется среди черного бездарного каменного окружения. Многие люди останавливались и глазели. И никого он не шокировал, кроме полусумасшедшей старухи, которая пробурчала: «Что-то памятник какой чудной!» В ближайшее время Дима хочет заделать швы свинцом или цементом, а когда на могиле будет травка, вообще будет отлично. Диме всё время кажется, что памятник неровно составили, что цемент не держится. Я ничего этого не заметила.

Приехали в подвал, никто не звонил, кроме Юры Левитанского. Я ухитрилась поспать, пока Дима кончал «штопать» «Снятие с креста» № 2, или лучше, я предложила ее назвать – «Семья инвалида». Мне кажется, это название будет точнее.

Дима заставил меня скопировать одну скульптуру. Я попробовала, но у меня сразу же стало получаться неправильно, и Дима вынужден был всё сделать.

За эти два месяца отсутствия Лемпорта, Силиса Дима сделал пять скульптур и одну гипсовую голову не докончил, шесть больших цветных рисунков, три раза переделал книгу Гроховяка и нарисовал много рисунков пером. Всё это при постоянно плохом самочувствии и усиленной светской жизни.

Сейчас пошел дождь, как Дима обещал. С правой стороны у Димы распухла челюсть и болит. Удивительно, но сегодня мы не встретили ни одного пьяного.

22 апреля 1968 г., понедельник.

После работы я встретила с Димой в «Прогрессе». Он сделал еще один заход с книгой Гроховяка. Подойдя к подвалу, встретили выходящего оттуда Рудольфа. Говорит, что Лемпорт, Силис в среду не приедут и когда будут – неизвестно.

Мы должны были пойти в чешское посольство смотреть фильмы, но как только мы спустились в подвал, Дима переоделся, начал работать над «Семьей инвалида», а я, тоже усталая, прилегла на минутку на диване и тут же заснула. Сквозь сон слышала, как пришел Борис Петрович Чернышев, Дима его не пустил в маленькую комнату, сославшись на то, что я сплю.

В посольство мы так и не пошли, а в половине десятого вдруг ввалились Юра Левитанский и Феликс Светов с какой-то литературной женщиной Ниной, у которой оказался свой автомобиль «Волга». Они сказали, что фильмы были совершенно отличные и что зря мы не пошли. Мы чуть-чуть пожалели, но зато Дима почти закончил скульптуру. Для меня эта скульптура закончена уже несколько дней, а Дима всё над ней работает.

Феликс поехал на Смоленскую²³⁴ за водкой. Когда приехал и стали выпивать, Юра не выдержал и тоже выпил и быстро напился пьяным, стал говорить по-французски, завлекая меня в собеседники.

²³⁴ Гастроном на Смоленской пл. работал в то время допоздна – до 23 часов.

Прочитали мы письмо Солженицына от 18 апреля 1968 г. о том, что некий Виктор Луи²³⁵ передал на Запад при помощи органов госбезопасности «Раковый корпус»²³⁶. Письмо, как всегда, смелое, точное, умное и краткое.

Пока мы пили и острили напропалую, Дима всё время вкалывал, ни на минуту не переставал работать. Потом я Диму упросила показать портрет Солженицына (вообще, Дима не любит показывать рисунки, когда все пьяные). Портрет так понравился, что все замолчали, а потом начали восхищаться, и Дима показал еще несколько рисунков. Свет сказал: «Это так здорово, что мне даже не верится, что это на самом деле, что-то это чересчур здорово».

А по другому поводу Феликс сказал: «Иногда меня просто охватывают приступы ненависти, хотя я человек тихий».

Завтра должен прийти Кадя Мигдал со скульптором, внуком Карла Маркса.

23 апреля 1968 г., вторник.

Дима полдня провел с отцом. Абрама Яковлевича положили в больницу, может быть, придется делать операцию на одном глазу.

К вечеру мы стретились в мастерской и ожидали Мигдала с внуком Карла Маркса. Дима тут же переделал и закончил совсем «Семью инвалида».

Карл Маркс пришел с Мигдалом и еще одним физиком, Борисом Геликманом.

Оказался благородный, очень милый старик с несколько романтической шевелюрой и редкой бородачкой. Его зовут Karl-Jean Longuet²³⁷, известный французский скульптор, он вписан в словарь современной французской скульптуры. Абстракционист, работает сильно, показал фотографии своих вещей с архитектурой в пригородах Парижа. Очень деликатный, доброжелательный француз, даже чем-то похож на своего великого дедушку. Смотрел очень внимательно, с большим интересом. Указал точно на самые лучшие вещи: «Несение креста», «Похороны», последнее «Материнство», «Слепые».

Посмотрел территорию Лемпорта и Силиса. Отметил старые Лемпортовские головы, которые, действительно, хорошие. Я с ним всё время болтала по-французски, а Дима – по-английски.

²³⁵ Луи Виктор (Виталий) Евгеньевич (1928–1992) – «независимый московский журналист», по его собственному определению, а также агент госбезопасности. В 1946–1956 гг. находился в ГУЛАГе по обвинению в шпионаже. После освобождения и реабилитации в 1956 г. работал в московской студии американской радиоконпании CBS, в 1961 г., женившись на англичанке, стал корреспондентом ряда английских газет. «Гражданин СССР и корреспондент английской газеты (беспрецедентное сочетание), активный и многолетний агент КГБ, выполняющий самые деликатные и провокационные поручения, – писал о нем А.Д. Сахаров, – говорят, что сотрудничать с КГБ он стал в лагере, куда попал много лет назад. КГБ платит ему очень своеобразно – разрешая различные спекулятивные операции с картинами, иконами и валютой, за которые другой давно бы уже жестоко поплатился» (*Сахаров А.Д. Воспоминания. Т. 1. – М., 1996. С. 626*).

²³⁶ Передача на Запад (без разрешения автора) романа «Раковый корпус» была осуществлена для блокирования его издания в Советском Союзе. 16 апреля А.И. Солженицын разослал по многим писательским адресам открытое письмо, в котором говорилось: «Упущен год, неизбежное произошло. На днях главы из “Ракового корпуса” напечатаны в литературном приложении к “Таймс”». К этому письму были приложены материалы о безуспешных попытках добиться публикации романа на родине.

²³⁷ Лонге (Longuet) Карл-Жан (1904–1981) – скульптор, окончил École des Beaux-Arts. Сын Жана Лонге, правнук Карла Маркса (Юлия неверно указывает, что он внук).

К нам еще пришли два толстяка – Рита Смудрид из редакции «Детской литературы»²³⁸ со своим мужем Аликком. Люди – не верх ума и интеллигентности, два добродушных толстопуза. Они нас на себя отвлекали, но для француза они создавали атмосферу.

Мне понравился этот человек, который, несмотря на свою знаменитость, абсолютно не надут. В отличие от многих художников никого не ругает, всех хвалит. Показывал фотографии своих дочек и супруги²³⁹. Праздновать будет у нас 150-летие своего дедушки.

Мигдал с Геликманом скоро ушли, а он сидел у нас весь вечер, пил и ел. Приехал Владик Бахнов, поддерживал компанию. Если бы не я, французу было бы кисло, потому что я его развлекала своим разговором. Он подарил нам, подписав, открытку со своей скульптурой. Потом мы погрузили его в такси, сказав шоферу, что это внук Карла Маркса и чтобы он вез его поосторожнее до гостиницы «Россия».

24 апреля 1968 г., среда.

Опять кагал. У Димы целый день болело сердце и спасительный дождь, разразившийся к ночи, не облегчил его. Оба мы жутко устали, он – особенно, ужасно волнуется из-за отца. Абраму Яковлевичу должны в пятницу делать операцию на одном глазу. Зинаида Ивановна одна в Алабино, и мы решили, чтобы с завтра она жила с нами всё это время, пока Абрам Яковлевич в больнице. Толя Гитберг пообещал съездить за ней вместе с Димой на своей машине. Придется нам втроем помучиться в наших конурах и выдержать существование соседки. Мы еще раз попробуем полностью все прелести коммунального жилья.

Рудольф ожидал прилета хозяев, сумасшедшая Ефтеева тоже прискакала, но они не прибыли. Зато к нам понаехало жуткое количество людей. Толя Гитберг с Милой, и Мила тут же начала вязать. Они очень и очень хорошие люди. Моя мама тоже пришла попросить денежек, она уезжает в Ригу на праздники. Мама после моих рассказов почувствовала ко мне нежность и расстались мы очень хорошо. Потом гость пошел косяком: Левитанский Юра с Мариной, эlegantный, в новой прическе, помятый несколько Данек, Сорока, Володя Огнев²⁴⁰, сценарист, приятель Толи Гитберга, с женой утяжеленных форм и приставными ресницами, Булат Окуджава и наконец Ия Саввина²⁴¹ с мужем Севои²⁴².

²³⁸ Ежемесячный литературно-критический и библиографический журнал, издававшийся в Москве с 1966 г.

²³⁹ Жена К.-Ж. Лонге – Буасек (Boisecq) Симоне (1922–2012), скульптор. У них был сын, в честь Фридриха Энгельса названный Фредериком, и дочь Лаура, названная в честь дочери К. Маркса Лауры Лафарг.

²⁴⁰ Огнев Владимир Федорович (1923–2017) – прозаик, сценарист, литературный критик. Участник Великой Отечественной войны. В 1949–1957 гг. спецкор «Литературной газеты», в 1960-е гг. главный редактор Экспериментальной творческой киностудии. Автор воспоминаний «Амнистия таланту» (2001).

²⁴¹ Саввина Ия Сергеевна (1936–2011) – актриса театра и кино, в описываемое время артистка Театра им. Моссовета. Народная артистка СССР (1990), лауреат Государственной премии СССР (1983).

²⁴² Шестаков Всеволод Михайлович (1927–2011) – ученый-гидрогеодинамик, профессор МГУ, заведующий кафедрой гидрогеологии МГУ в 1972–1988 гг. Первый муж И.С. Саввиной.

Булат Окуджава и Вадим Сидур в мастерской (1968). Фото: Эдуард Гладков

Булат – милый, компанейский, обаятельный парень. Он не был у нас года четыре. Даже ради приличия он не взглянул ни на одну скульптуру в таком большом количестве находящуюся вокруг него. Я вспоминаю, что несколько лет назад, когда он был, он также не никуда ни на что не поглядел. Видно было, что его это искренно не интересует. Он живо разговаривал, что-то рассказывал, немножко выпил, вел себя очень симпатично и непринужденно, но ни разу не поднялся с того места, на котором сидел. Это интересное свойство многих наших интеллигентов. Булат пишет хорошие стихи и песни, тем более удивительно, что ему нечего найти для себя в сходном виде искусства. Я уверена, что если бы он как-то проникся этим, он писал бы еще лучше. В чем-то наши интеллигенты невоспитаны и дики, хотя часто талантливы. Например, умница, способный человек Феликс Светов не может понять, что такое Бах, не понимает музыку, не слушает, не получает от нее никакого удовольствия. В этом смысле западные интеллигенты очень выгодно отличаются от наших, их понимание искусства гораздо шире и разностороннее.

Все курили, шушукались, интриговали. Ия Саввина демонстрировала свою пышную любовь к Булату, тискала его и целовала. Марина Левитанская напилась и ругала Ию мне и Сороке, обвиняя ее в лицемерии. Юра грустно молчал и страдал.

25 апреля 1968 г., четверг.

В мастерскую не ходили. Дима поехал с Толей Гитбергом в Алабино за Зинаидой Ивановной, а я пошла в больницу к Абраму Яковлевичу. Левый глаз у него – ужасный, почти полностью закрыт, темно-коричневая мутная точка. Чувствуется, что он нервничает очень сильно. К тому же ему почти не дают спать соседи по палате тем, что сильно храпят, их там шесть человек. Больше всего Абрам Яковлевич переживает, что после операции не сможет ничего делать и будет «паразитом». Я пыталась его успокоить, но говорили мы только о завтрашней операции.

Около восьми вечера Толя Гитберг привез Зинаиду Ивановну и Диму. Зинаида Ивановна очень рада, что приехала. Ей там одной было тяжело и тоскливо. Когда позвонил Абрам Яковлевич, она побежала к телефону резво, как девочка. Абрам Яковлевич тоже был доволен, что она приехала. Они по телефону говорили друг другу разные ласковые слова, старички за семьдесят лет. Зинаиде Ивановне стало легче от этого разговора и она переключилась на Алабинские новости и истории из своей жизни, неоднократно мною слышанные. Соседка, слава богу, была в театре и не омрачила нам первые минуты свидания.

Зинаида Ивановна легла в нашей комнате, а мы с Димой вместе – у него. Завтра утром он, конечно, проснется, когда я встану, ничего не поделаешь.

Сегодня целый день лили дожди, перемежаясь сильным ветром и ярким солнцем. Диме в итоге стало легче.

Написали письмо Зденеку Айсу. В мире всё паршиво, судя по сообщениям радио. Одни чехи нас радуют и вдохновляют. Да здравствует Чехословакия!

26 апреля 1968 г., пятница.

Мне удалось пораньше освободиться и мы встретились с Димой в больнице после четырех часов. Операцию сделали. Абрам Яковлевич лежал на спине с завязанными глазами, намазанный зеленкой. Пока Дима сидел с отцом и поил его из поильника, я ждала в коридоре и смотрела на многочисленных людей с больными глазами. Слепых, как сказал Дима, видно сразу «по затылку». Много детей косоглазеньких или травмированных из-за собственного баловства. В коридоре примерно семь коек с больными, мест в палатах не хватает.

Абрам Яковлевич должен лежать на спине сутки или двое. Ночью у него будет дежурить девушка, которая берет за это дело 5 рублей. Мы просидели почти до семи часов и Дима успел покормить отца кашей. Ему стало легче, он – диабетик и ему нельзя перегибаться.

Напротив меня на кровати сидела старенькая слепая бабушка и сосредоточенно ела кашу. Она целых два часа сидела неподвижно, сложив на коленях руки, пока ей не принесли кашу. Веселые мальчики с выбитыми или покалеченными глазами бегали по коридору. Мы ушли с Димой последними.

Приехали в мастерскую. Лемпорт, Силис не прибыли. Холодно. Перекусили, Дима сразу же нашел себе дело. Потом с трудом поймали частного, он отвез нас к некоему Лазареву²⁴³, критику. Он завтра едет в Прагу и увидится там со Зденекком Айсом. Дима передал для него скульптуру «Бедные влюбленные» и письмо.

Приехали домой. Зинаида Ивановна ходит с грелкой – побаливает желудок. Тоскует у нас – места мало, нас нет. Дима целый день перезванивался с ней по телефону из больницы и из мастерской.

Звонила Клара, говорит, что Корней²⁴⁴ плохо себя чувствует, что у него что-то с поджелудочной железой. Врач сказала, что, может быть, даже «рачок». Корней ничего не знает, но чувствует себя плохо и даже плакал сегодня. Лежит он в трехместной палате один и у него милая сестра, совсем как у Димкиного отца.

27 апреля 1968 г., суббота.

Сегодня было по-настоящему тепло, но очень ветрено.

После работы приехала домой. Зинаида Ивановна сварила грибной суп. Дима был у отца в больнице. Абрам Яковлевич сегодня гораздо бодрее себя чувствует, один глаз ему развязали. Дима сварил ему яйцо, прямо там, на кухне при больнице. Зинаида Ивановна сказала, что приходили какие-то люди по фамилии Кирилловы. Они художники, приходили насчет обмена с нашей соседкой. Потом я поехала в мастерскую, мы договорились там встретиться с Димушкой. Я даже успела забежать в магазин. В мастерской по всей лестнице и наверху перед лестницей – следы гипса. Это, оказывается, Рудольф вывез лемпортовские дурацкие киновставки в новую мастерскую. Они, по последним данным, приедут только после майских праздников. Сам Рудольф уезжает на праздники в Харьков.

К нам пришел француз, молодой парень, преподаватель из института, который я окончила, Клод. Он пришел с Идой и Мишей²⁴⁵. Клод у нас уже второй раз. Кроме того, он был на вечере в ЦДЛ 20-го марта. Ходил, восхищался. Он – интеллигентный парень, к нам приехал по обмену, очень неплохо знает изобразительное искусство. Выразил желание купить что-нибудь у Димы. Дима показал ему много рисунков, но не из больших, самые хорошие старался не показывать. Клод выбрал два за сто пятьдесят рублей. Насчет денег договорились на следующий раз.

Валька с Эдиком тоже были. Валька, как всегда, издергана и измучена. К плохому самочувствию еще поругалась на работе с бабами из-за антисемитизма, проявленного какой-то идиоткой, в прошлом официанткой. Валька, будучи

²⁴³ Лазарев Лазарь Ильич (1924–2010) – литературный критик, литературовед. Участник Великой Отечественной войны. В 1955–1961 гг. работал в редакции «Литературной газеты», с 1966 г. – журнала «Вопросы литературы» (с 1992 г. главный редактор).

²⁴⁴ Чуковский Корней Иванович (1892–1969) – писатель, переводчик, литературовед, литературный критик, издатель, редактор. В 1966 г. подписал письмо 25 деятелей советской науки, литературы и искусства Л.И. Брежневу о недопустимости реабилитации И.В. Сталина.

²⁴⁵ Нудельман Ида Львовна (р. 1940) – преподавательница французского языка в 18-й спецшколе, подруга Юлии. Миша – муж И.Л. Нудельман.

сама чисто русской женщиной, очень самоотверженно вступает за евреев в любом месте и в любых обстоятельствах. Зинаида Ивановна ведет себя точно так же.

28 апреля 1968 г., воскресенье.

Кончилось воскресенье. Дима с Зинаидой Ивановной ездили в больницу к Абраму Яковлевичу. Он чувствует себя гораздо лучше. Ему разрешают сидеть, всё есть, и настроение у него просто хорошее.

Я варила обед, а Галочка рядом демонстративно убирала. Мыла нашу мизерную кухню, оставив мне маленький сухой островок, и я, боясь стронуться с места, жарила котлеты. Естественно, я нервничала. Когда я убираю, то стараюсь переждать, чтобы она кончила готовить.

Зинаида Ивановна скучает одна дома, и Дима после больницы поехал с ней вместе в мастерскую. Я к ним подъехала уже вечером. Зинаида Ивановна держалась молодцом.

Потом пришли люди и Диме пришлось поработать очень немного. Валька с Эдичкой, Клара, Сорока, Мила с Толей и их приятелем – архитектором Иосифом Михайловичем²⁴⁶. Мила сразу же начала вязать. Клара говорит, что Корней чувствует себя неважно. Врачи просмотрели у него желтуху, а теперь простудили. У Сороки вид был на редкость безвкусный и блядский: парчовое голубое платье колоколом, нелепое и не по размеру. Она очень сильно со всеми кокетничала и намекала нам с Димой на то, что она сейчас состоит в какой-то преступной связи, и что если мы узнаем, с кем она сейчас, мы ее немедленно выгоним. Это нас ужасно интригует и беспокоит.

Иосиф Михайлович и Толя после просмотра рисунков говорили с Димой о какой-то работе, связанной со скульптурой в городе Волгодонске. Разговор имел серьезный характер, но мы прекрасно знаем, что такое наши худсоветы, где в одном тон задает Кербель²⁴⁷, а в другом – Кибальников²⁴⁸. Тем не менее Дима еще окончательно не отказался.

²⁴⁶ Имеется в виду Шошенский (Шашенский) Иосиф Михайлович (1909–?) – архитектор, дизайнер, художник. Автор, в частности, новаторского для своего времени проекта павильона «Радиоэлектроника и связь» на ВДНХ в Москве (1954–1956).

²⁴⁷ Кербель Лев Ефимович (1917–2004) – скульптор. Профессор МГХИ им. В.И. Сурикова (с 1963). Член-кор. (1962), действительный член (1975), вице-президент АХ СССР (1988). Член правления Союза художников РСФСР, председатель Художественно-экспертного совета Министерства культуры РСФСР, член правления Советского фонда культуры, член президиума Госгражданстроя СССР и пр. Автор более 50 памятников, установленных во многих городах СССР и за рубежом, среди которых памятник К. Марксу в Москве (1962), В.И. Ленину в Горках (1959). Лауреат Ленинской (1961) и Сталинской (1950) премий, Герой Социалистического Труда (1985), Народный художник СССР (1977).

²⁴⁸ Кибальников Александр Павлович (1912–1987) – скульптор. Председатель правления МОССХ в 1963–1966 гг. Действительный член АХ СССР (1954). Лауреат Ленинской (1959) и двух Сталинских (1949 и 1951 – за портреты И.В. Сталина) премий, Народный художник СССР (1963). Автор, в частности, памятника В. Маяковскому в Москве (1958). Упомянув Л.Е. Кербеля и А.П. Кибальникова в данном контексте, Юлия подразумевает однозначность этих художников, неоднократно (иногда в доносительской форме) выступавших против «модернистских тенденций в советском искусстве».

Зинаида Ивановна выдержала вечер отлично. Толя отвез нас домой на своем «Москвиче», а Сорока с архитектором поехала на такси.

29 апреля 1968 г., понедельник.

Двадцать минут третьего ночи, а вставать мне завтра в семь утра.

Я сегодня одна ездила к Абраму Яковлевичу, Дима должен был съездить в издательство, а Зинаида Ивановна притомилась после вчерашнего вечера. Абрам Яковлевич произвел на меня хорошее впечатление, у него появился хороший аппетит и он даже ходил сам в туалет. У них в палате лежит наш бурятский Далай лама, глава всех буддистов Советского Союза, очень обстоятельный крепенький монгольский старичок²⁴⁹. Абрам Яковлевич пробудет в больнице примерно до 7 мая.

Из больницы приехала в мастерскую. Дима мне сообщил, что позвонил какой-то чех, знакомый Лемпорта и Анапольского. Дима сказал ему, чтобы он приходил (несмотря на знакомство во вражеском лагере) из-за большой любви ко всем чехам и словакам. Чех этот привел с собой еще свою жену и двух приятелей-скульпторов. К тому же этот чех оказался русским по происхождению, по имени Слава <Имранов>. Они принесли с собой два пол-литра и тут же выставили их на стол. Когда Дима сказал, что его печатали в Чехословакии, попросили взглянуть, и тут же вспомнили, что они всё это читали и видели и хорошо знают. Один из них, смешной такой человек, Кондрат, очень проявлял свою дружбу и говорил: «Скульптор, ты – наш! У меня есть дома этот журнал, и я не знал, что встречаюсь с тобой в Москве».

Я наконец смогла купить апельсины, которые были рекомендованы Абраму Яковлевичу после операции. Гостям апельсинов не давали.

Через некоторое время прибыл Юра Левитанский еще с целой армией словаков и одной русской девицей. Йозеф²⁵⁰, красивый седой парень, оказывается, уже был у нас летом, когда я была в лагере с ребятами²⁵¹. У словаков сегодня в Академии открылась выставка, а этот гад, Тауфер, нас даже не предупредил. Дима показал рисунки, все были в совершенном восхищении. И нам было приятно, что им понравилось, потому что они все художники, и Дима в первый раз показывал свои вещи такому большому количеству профессионалов.

Потом сидели, выпивали и пели песни. Они нас перепели – их больше, они знают все слова и поют стройнее. Юра, правда, тоже старался, но у них лучше выходило. Милан Яновский из словацкого министерства культуры всё говорил

²⁴⁹ Имеется в виду глава Центрального духовного управления буддистов Бурятии, Тувы и Алтая Пандидо Хамбо лама Жамбал-Доржи Гомбоев (1897–1983). На свой пост избран в 1963 г., после выхода в отставку в 1982 г. избран пожизненным почетным Хамбо ламой.

²⁵⁰ Боб (Bob) Йозеф (1935–2010) – словацкий писатель, доктор филологии. По окончании в 1959 г. филфака Братиславского университета работал (до 1969) шеф-редактором журнала *Kultúrny život* (в 1968 г. главный редактор), а также редактором Словацкого телевидения. В 1970–1995 гг. главный редактор братиславского медицинского издательства *Ústav zdravotnej výchovy*. В 1996–1998 гг. зав. сектором искусства в Министерстве культуры Словакии. Вице-президент Союза словацких писателей.

²⁵¹ Летом 1967 и 1968 гг. Юлия ездила со школьниками в туристический лагерь, располагавшийся у поселка Северный, неподалеку от Москвы.

Диме, что его пригласят на симпозиум с выставкой и в любом виде. Дима сказал, что его можно не уговаривать, он согласен. Расстались невероятно сердечно.

30 апреля 1968 г., вторник.

Встала в 7 утра, бодро побежала на работу, хотя чувствовала себя как сомнамбула. Отпустили нас сегодня пораньше под праздничек. Вернулась домой в половине первого дня, а Дима возлежит в постели и рядом суетится Зинаида Ивановна. Я даже испугалась вначале, не заболел ли он. А он сказал: «Я хоть и не выспался, но зато отлежался». И все равно о вчерашнем вечере у меня очень приятные воспоминания. Ужасно люблю чехов и словаков, как самых близких и родных людей.

Наша соседка нас осчастливила – уехала куда-то на все праздники до 4 мая. Звонила Наташка Ефтеева, сказала, что она справлялась в МИДе по телефону, куда делись Лемпорт, Силис, и ей там толком ничего не сказали, кроме того, что их командировка кончилась две недели назад и теперь их пребывание стоит МИДу дорого, а наше посольство на запрос о них ничего не отвечает.

Дима и Зинаида Ивановна ездили в больницу к Абраму Яковлевичу. Я в их отсутствие поспала со всякими кошмарами. Абрам Яковлевич уже ходит, беседовал с ними в коридоре, чувствует себя вполне прилично.

Дима предполагал, что как только он вернется с Зинаидой Ивановной домой, мы тут же поедem в мастерскую. Но он почувствовал себя таким усталым, что мы решили сегодня никуда не ехать. Зинаида Ивановна очень обрадовалась, ей одной скучно.

Вчера жена скульптора Славы сказала: «Зачем вы хвалите ваших друзей? – это она про Лемпорта, Силиса. – У нас так работают самые плохие, кто совсем ничего не может». Мне кажется, что она немного преувеличивает. Очень приятно вспоминать, как все чехи и словаки вчера восхищались. Они что-то так восторженно галдели на своем языке, мы ничего не понимали, но чувствовали, что им искренно нравится. Наперебой приглашали приезжать, оставляли адреса. Говорили о том, чтобы организовать выставки и что престиж СССР сразу бы повысился. Мы, как всегда, соглашались.

1 мая 1968 г., среда.

Спали долго, почти до половины первого. Дима рвался в мастерскую сразу же, но выбрались мы только к шести часам вечера. Успели погулять по стадиону. Дима чувствовал себя очень паршиво, болела голова, поташнивало.

Зинаида Ивановна уже немного скучает по Алабину. Сегодня к Абраму Яковлевичу не ездили, поедem завтра. В мастерской Дима тут же схватился за работу. Еще несколько дней назад затеял переделку «Семьи инвалида» и сегодня наконец закончил. Я вымела жутко грязную маленькую комнату и помыла посуду. Скоро доберусь до лестницы, давно собираюсь. Её ежедневно поливают мочой, Дима всегда говорит, когда я возмущаюсь: «Что же делать, если человеку писать хочется, уборных-то не хватает».

После долгого разыгрывания и дурачества по телефону приехали Владик Бахнов и Юра Левитанский. Владик поругался с Нелей, а Юра – с Мариной, по-

этому они сидели у Левитанского и мистифицировали нас по телефону. Неожиданно позвонил чех – Слава Имранов, они завтра уезжают, а деваться им некуда, написались в гости. С ними пришли Кондрат, Иван, второй секретарь посольства Зденек Черны с женой. Слава из всех наименее симпатичный. Секретарь хотел, чтобы мы поехали к нему домой «для контакта», как он выразился. Кондрат уверял его, что ему необходимо купить у Димы шесть картин. Тот не возражал, чтобы купить, но только одну или две, так как в квартире нет ни одной картинки. Договорились, что он придет к нам завтра, и тогда обо всем договоримся. Очень деловой человек, этот Зденек. Сказал, что он видел что-то напечатанное про Диму в журнале «Прага–Москва»²⁵², и что уже из-за этого были неприятности.

Опять весь вечер пели. Иван говорил Диме: «Ты – счастливый, ты – большой талант, тебе надо в Париж. Я хороший скульптор в уме, а делаю только для денег. Приезжай, мой ателье – для тебя». Когда они ушли, Юра рассказал, что ему нужно будет давать письменное объяснение, почему он подписал письмо против процесса Гинзбурга и Галанскова²⁵³. Юра твердо решил не каяться и даже очень оскорбился, когда мы где-то в разговоре такое предположили.

2 мая 1968 г., четверг.

Звонил Абрам Яковлевич, всё у него слава богу, так что сегодня тоже договорились не встречаться, а он просто позвонит Зинаиде Ивановне еще раз вечером.

В шесть часов вечера были в мастерской. Через некоторое время приехал Зденек Черны. Дима показал ему много рисунков из тех, что поменьше и окантованные. У него сразу же разбежались глаза. Сначала выбрал хороший неокантованный цветной рисунок «Семья». Он ему ужасно понравился, хотя цена 150 рублей несколько смутила. Он человек непонимающий, но чувствующий. Два других рисунка он выбрал с нашей помощью: один – ничего особенного, другой хороший – «Обнаженная», чернильным фломастером. За тот, который был наименее интересный, но зато нейтральный, заплатил сразу же 30 рублей, а «Обнаженную» и еще один, «Цирк в пустыне», решили взять с собой к нему домой, чтобы посоветоваться с женой. Жена его, толстая, глуповатая, но веселая тетка, совсем ничего не понимает. Забрали с собой картинки и на такси поехали за Юрой Левитаньчем. Он в ссоре с Маринкой и ехать не хотел, пока Дима его окончательно не уговорил. Взяли Юру и поехали с ним вместе в гости, в посольский дом к Зденеку Черны. Жены не было, она куда-то уехала с его тремя мальчиками. Зденек быстро всё приготовил: коньяк, закуски и даже пригласил двух посольских девушек. Одна – огромная, толстая, нехорошенькая. Другая –

²⁵² *Praha-Moskva* – толстый литературно-общественный журнал, орган Общества культурных и экономических связей с СССР, издавался в Праге с 1924 г.

²⁵³ Галансков Юрий Тимофеевич (1939–1972) – поэт. Один из первых диссидентов, один из лидеров «Маяковки» (неформальных молодежных поэтических чтений на пл. Маяковского в Москве в 1958–1961 гг.). В 1961 г. участвовал в выпуске первого номера самиздатского журнала «Феникс», позже выпустил «Феникс-66». Арестован в 1967 г. вместе с А.И. Гинзбургом, приговорен к семи годам лагерей строгого режима. Умер в заключении. (См. выше примеч. к записям от 17 февраля 1968 г.).

страшенькая, блондинка, в мини-юбке. Зденек всё время бегал. Юра ужасно сильно напился. Хозяин вдруг надолго исчез где-то в огромной квартире с черной толстухой. Вдруг позвонила жена, она пришла с нашим парнем Лёшей, и Юра тут же сказал: «Лейтенант Лёша». Этот Лёша раньше работал шофером при посольстве, а теперь они сохранили дружеские отношения и ездят к нему в гости в Переделкино.

Зденек советовался с женой, просил ее согласия на покупку рисунков. Она в итоге согласилась на «Обнаженную» за 50 рублей, а «Цирк» решили отложить до следующего раза. Жена кокетничала с пьяным Юрой. Зденек в итоге тоже страшно напился и не стоял на ногах. Сначала хотел дать на 25 рублей меньше, потом подумал и отдал всё.

Мы забрали «Цирк» и с шумом наконец покинули этот дом. Милиционер аж встрепенулся, когда мы вышли. Отвезли Юру домой, он сам бы не доехал.

3 мая 1968 г., пятница.

Последний день праздника. С утра Зинаида Ивановна куксилась, говорила, что ей скучно, что она хочет в Алабино, потому что мы всё время уходим, а там – «бабы». Днем Дима с ней поехал к Абраму Яковлевичу в больницу, а я очень активно занималась по хозяйству: ходила на рынок, жарила котлеты с Диминой помощью, мыла, убирала квартиру.

К вечеру все-таки поехали в мастерскую – Диме очень хотелось поработать. Дима делает очень интересную штуку, пока без названия, и одновременно еще одну маленькую. Звонили Левитанскому, его дома нет. По предположению Марины, с которой он в глубокой ссоре, он уехал за город. Нам с Димкой его жутко жалко после вчерашней пьянки, где он напился из-за нас и, как он сказал Диме: «Ради нас пропивал свою печень».

Вскоре пришли Валя с Эдиком, принесли маслины. А через некоторое время нагрянула большая компания во главе с Володей Бураковским. Эти люди буквально обалдели от всего, что увидели, а может быть, они были пьяные. Среди них был один симпатичный мальчик-актер Алик Киселев²⁵⁴. Он рассказывал

²⁵⁴ Киселев Олег Григорьевич (р. 1944) – в то время актер Театра на Таганке, позже режиссер. Начавшееся тогда знакомство переросло в многолетнюю дружбу. До сих пор О. Киселев повторяет, что считает себя учеником В. Сидура. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в школе, в которой работала Юлия, руководил театром (*Театр на улице Достоевского*). Поставил несколько спектаклей, сделанных в высшей степени интересно, остроумно, современно, по-любимовски. (Специально для него Юлия написала тогда пьесу – «Шестидневный поход»). Работал со студенческим театром МЭИ, снимал свое кино. В 1970–1972 гг. занимался на Высших режиссерских курсах у Г.Н. Данелия, но диплом не получил. Затем работал бригадиром могильщиков на Ваганьковском кладбище в Москве. В начале 1980-х гг. организовал небольшую театр-студию пантомимы – *Театр пластической импровизации*, где стал руководителем, режиссером и актером. Студия имела всесезонный успех и была удостоена престижных призов. С 1989 г. живет и работает в Канаде. В.Б. Смехов: «Я помню, как удивлял своими причудами и талантами Олег Киселев – актер “Таганки”, художник, мим, создатель разных спектаклей и студий: во французской спецшколе в Москве (где преподавала Юлия Сидур), на сцене Театра им. Пушкина, в Новосибирске и в Канаде... Он, конечно, не соврет, если скажет, что и он “вышел из шинели Сидура”». (Смехов В.Б. Театр моей памяти. – М., Вагрус. 2001. С. 289).

нам, как хотели снять Любимова²⁵⁵ из Театра на Таганке. Пригласил нас на спектакль о Маяковском²⁵⁶ 23 мая. Мы до сих пор не были, уж очень мы в театр не любим ходить – скучно!

Володя сказал, что Барнард обиделся на Петровского²⁵⁷ и может не принять приглашение в Советский Союз. Дима сказал, что если все-таки Барнард придет, пусть Володя приведет его к нам в мастерскую и скажет, что Дима хочет бесплатно поставить в Кейптауне перед его больницей свою скульптуру «Операция на сердце». Володя пообещал. Володя говорил о трудностях, которые существуют у нас, чтобы сделать подобную операцию, и вначале нужно разговаривать с прокурором Руденко²⁵⁸ об изменении некоторых статей в медицинском законодательстве.

В конце прибежала Сорока. Когда Володина компания удалась, расточая нетрезвые, но, вероятно, искренние восторги, Люська поведала нам свою тайну. Оказывается, она живет с Рудольфом, и уже давно, около полугода. Методом исключения всех наших знакомых это было мое предположение. Меня единственно смутило, что Рудольф покупает ей шмотки, я не ожидала, что он настолько

²⁵⁵ Любимов Юрий Петрович (1917–2014) – актер театра и кино, режиссер-новатор, театраль-ный педагог, основатель (в 1964) и руководитель (до 2011) московского Театра на Таганке. В августе 1971 г. посетил мастерскую В. Сидура, его привел сюда В.Б. Смехов (см. записи от 31 августа 1971 г.).

²⁵⁶ ««Послушайте!» Поэтическое представление в двух действиях» – композиция В.Б. Смехова по стихам Владимира Маяковского, режиссер Ю.П. Любимов, художник Э.Г. Стенберг, композитор Э.В. Денисов, в спектакле принимала участие вся труппа. Премьера состоялась в Театре на Таганке 16 мая 1967 г.

²⁵⁷ Петровский Борис Васильевич (1908–2004) – хирург, профессор, действительный член АМН СССР (с 1957) и АН СССР (с 1966), впервые в Советском Союзе применил протезы клапанов сердца. Министр здравоохранения СССР в 1965–1980 гг. Лауреат Ленинской (1960) и Государственной (1971) премий, Герой Социалистического Труда (1968). Как министр Б.В. Петровский неоднократно заявлял о «негуманности» пересадки донорского сердца и высказывал сомнения в его эффективности, исследования в этой области при нем не поддерживались, осуждались, в результате осуществление подобных операций в советских больницах запоздало на многие годы. Почему «обиделся» К. Барнард? Отметим, что своим учителем этот великий хирург называл советского врача – Владимира Петровича Демихова (1916–1998). Именно он считался «отцом» транспланто-логии, еще в 1930-х – начале 1950-х гг. проводившим на животных успешные эксперименты по пересадке органов, вживлению искусственного сердца, коронарному шунтированию и т. п. В 1960 г. он опубликовал в Москве первую в истории медицины монографию, посвященную проблеме трансплантологии (в 1962 г. переведена на английский и немецкий языки), которая становится единственным в мире руководством по трансплантологии. К. Барнард дважды (в 1960 и 1963) приезжал в Москву для стажировки в крошечной лаборатории В.П. Демихова, располагавшейся в подвале Института скорой помощи им. Н.В. Склифосовского (приезжал как турист, потому что в официальной просьбе Минздрав СССР ему отказал). В 1960-х гг. В.П. Демихов постоянно подвергался гонениям как ученый, даже его кандидатская диссертация не была сразу допущена к защите. В 1968 г. он перенес инсульт. Неуважительное отношение министра Б.В. Петровского к В.П. Демихову, равнодушие к его важной работе, творимые ему препятствия – сильно возмущали К. Барнарда. В.И. Бураковский был одним из тех немногих, кто всячески старался помогать великому опальному ученому. (См. также ниже записи от 27 июня 1969 г.).

²⁵⁸ Руденко Роман Андреевич (1907–1981) – в 1937–1940 гг. прокурор Донецкой, Сталинской областей, член тройки УНКВД по Донецкой области. В 1945–1946 гг. главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе. Генеральный прокурор СССР (1953–1981), кандидат в члены (1956–1961), член (1961–1981) ЦК КПСС. Герой Социалистического Труда (1972).

щедр, это говорит в его пользу. Люська живет у него дома и, по Сорокиному выражению, у Рудольфа часто бывают «проблески глупости». Рудольф ее часто шантажировал тем, что если она уйдет, он всё расскажет Диме. Люське стало намного легче после раскрытия своего секрета. Рудольф с ней много болтает, ругает Лемпорта, Силиса и Диму, говорит ей: «Ты Диме не нужна, он не может к тебе относиться хорошо. Это в нашей компании всякая шваль, а у Димы все люди подобраны». Рассказывал Люське о невероятных бардаках, происходящих в нашем подвале, в которых он тоже принимает участие, и как ему всё это надоело. Несчастный парень, этот Рудольф, даже жалко его, дурака.

4 мая 1968 г., суббота.

Не выспалась и очень устала на работе. Приехала домой. Чуть с Димой не поссорилась. Позвонил Рудольф, который только что вернулся из Харькова. Рассказал, что когда перевозил часть вещей Лемпорта, Силиса в новую мастерскую, из собеса наверху решили, что мы все переезжаем, и когда узнали, что мы остаемся, сказали, что пойдут жаловаться к прокурору. Все эти разговоры привели меня и Диму в очень плохое настроение. Он очень неважно себя чувствует, болят зубы, вырвать их страшно, потому что тогда совсем нечем будет есть. А делать новые – это очень длинная история. Ко всему Абрам Яковлевич позвонил и сказал, что у него снова болит глаз, а ночью во сне он сорвал нечаянно повязку. Зинаида Ивановна что-то всё время говорит, говорит.

Мы с Димой стали обсуждать Рудольфово сообщение, у Димы самые пессимистические предчувствия. Он считает, что если Лемпорт, Силис сейчас передут в другую мастерскую, его одного легче будет выгнать из подвала и запихнуть в какую-нибудь дрянь, хуже, чем наша. Я думаю, что это всё не так просто. Мы начали об этом говорить и Дима тут же начал на меня орать. Я обиделась, Зинаида Ивановна прибежала Диму успокаивать, а я легла спать, но не спала, конечно. Потом Дима со мной помирился, и мы поехали в подвал. Зинаида Ивановна нас проводила до метро. Погода была совершенно изумительная. А Дима еще нагулялся в самое солнце и ему стало очень нехорошо, солнце на него ужасно плохо действует.

В подвале всё так же вонюче. Эдичка пришел, весь вечер снимал. Я ходила в магазин. Дима сидел доделывал маленькую скульптурку «Девушка», а потом уже до конца работал над новой довольно большой штукой, очень интересной. Звонил Сашка Митта²⁵⁹, хотел прийти с какими-то венграми. Сказал, что для Димы это будет «паблисити». Дима отказал. Надоели они все, ну их к черту! Если бы чехи, тогда другое дело. Дима сказал: «Чувствую себя счастливым, когда делаю свои вещи. Мне повезло, что я искренне не очень хочу везде ездить, может

²⁵⁹ Митта (Рабинович) Александр Наумович (р. 1933) – режиссер, сценарист, художник. Лауреат многих престижных премий. Народный артист РФ (2004). С 1950-х гг. дружил с В. Сидуром, Н. Силисом и В. Лемпортом. В 1960 г., заканчивая ВГИК (мастерская М.И. Ромма), снял о них дипломный короткометражный фильм «В глине, в дереве, в камне». К сожалению, фильм не сохранился. Вместе с другими дипломными работами его передали из фильмотеки ВГИКа в Госфильмофонд в Белых Столбах. Выполненный на горячий пленке, он не был скопирован, а уничтожен в ходе противопожарной кампании в 1970-х гг.

быть, потому, что я знаю, что мне это вредно. Куда уж мне ехать, когда я походил сегодня под весенним солнцем и уже еле дышаю».

Лемпорт, Силис прислали Рудольфу письмо, как он говорит, уже не такое бодрое. Их панно там никому не понравилось. Везут с собой по пятьдесят кг бахла. «Скучают по Москве». Звонила какая-то ихняя девка, жутко материлась.

5 мая 1968 г., воскресенье²⁶⁰.

В мастерской не были. Утром позвонила домой. Зинаида Ивановна сказала, что Диме нехорошо с сердцем. Он даже не подходил к телефону. В течение дня принял всякие лекарства и стало легче. Ездил вместе с Зинаидой Ивановной к отцу в больницу. Абраму Яковлевичу сняли с глаза повязку. Врач уверяет, что операция прошла очень удачно. Глаз больше не болит, и швы снимали абсолютно безболезненно. Зато подскочило давление в другом глазу.

Обстановка в больнице тяжелая и в моральном плане. Абрам Яковлевич поссорился с одним больным, оказавшимся ярым сталинистом, который, слушая «последние известия» нашего радио о «зверствах израильской военщины», требует послать туда пару танков и «раздавить их как гниду». Другой больной рассказал, что его жена двадцать лет назад работала на Лубянке тюремщицей. В один прекрасный день ее арестовали и она исчезла. В 56-м году после реабилитации она объявилась. Теперь живет в Магадане и получает 120 р. пенсии. А Дима кровь свою проливал, инвалид с девятнадцати лет, командир пулеметного взвода, офицер с орденами, получает 40 рублей.

Тот же больной рассказал, как он работал во время войны на мясокомбинате и выносил каждый день мясо, которое продавал поджидавшим его людям на 10 тысяч рублей, и сам жрал в три горла. Дима сказал: «Кому война, а кому – мать родна! А я стеснялся спросить пирожок у девок, хотя тоже работал в Сталинабаде на мясокомбинате. Из-за поражений на фронте мне кусок не шел в горло, так сильно я любил нашу советскую власть. А по вечерам мать отдавала мне свой хлеб».

Я пришла с работы поздно и сразу же плюхнулась, прямо одетая, на кровать. Очень устала. Зинаида Ивановна радовалась, что мы не пошли в мастерскую. Дима отдыхает, читает, слушает радио. Чешское правительство обо всем договорилось с нашими. Мы даем им большой заем. Это приятно, не хотелось бы, чтобы наши сейчас поругались и порвали с чехами.

По телефону Юра Левитанский сообщил, что есть какие-то ободряющие новости.

Лемпорт, Силис не приехали. Висят над нами, сволочи. И нужно, чтобы они приехали и переехали в свои хоромы, и противно – очень уж без них хорошо.

В Англии человек, которому пересадили сердце, чувствует себя вполне удовлетворительно.

После чехов мы с Димой больше всего любим и уважаем Англию, и особенно передачи Би-би-си.

²⁶⁰ Рабочий день вместо объявленной нерабочей пятницы, 3 мая.

6 мая 1968 г., понедельник.

Дима назвал свою новую скульптуру «Сон». Сегодня ему не удалось много поработать. В «Детгизе» ему дали книжку, индийскую сказку²⁶¹, на которой он сможет немного заработать.

Одна редакторша из «Детской литературы» сказала, что им даны указания «воздержаться» от предоставления переводов поэтам, подписавшим письма против процессов, в частности, Самойлову²⁶² и Левитанскому. Когда мы иносказательно сообщили об этом Юре по телефону, он сказал, что у него есть уже более оптимистические сведения. Подробностей мы пока еще не знаем.

День был по-настоящему летний.

Сорока позвонила, сказала, что она пригрозила Рудольфу тем, что она обо всем расскажет Диме. Он сказал, что тогда Дима будет его еще сильнее «ненавидеть». Мы с Димой посмеялись. Не понимает, что Диме больше делать нечего, как только тратить душевные силы на ненависть к такому идиоту.

Объявились наши югославы. Вдруг позвонил Свето Маслеша и сказал, что вышла газета с его статьей про Диму и с его фотографией²⁶³. Он приехал около 10 вечера с Бранко и еще одним своим товарищем из агентства ТАНЮГ²⁶⁴, Сашей Веселиновичем. Все трое – очень красивые люди, высокие, импозантные, дружелюбные. Бранко постарался, как мог, перевести статью. Статья хорошая, искренняя, не столь искусствоведческая, сколь человеческая. Даже про меня там сказано что-то доброе, с полным наименованием – Юлия Львовна.

Бранко был у Белашовой, их свидание было кратко и нелюбезно. Она сказала, что приглашение будет рассматриваться. Когда Бранко говорил про Диму в Министерстве культуры, его спросили, откуда он знает про Сидура, он сказал, что узнал из чешских журналов. Там сказали с досадой: «Опять эти чехи что-то у нас открывают!» Бранко почему-то уверен, что Дима поедет в Югославию. Мы в этом далеко не уверены. Правда, у Димы вдруг промелькнула мысль, что, может быть, и пустят. У нас иногда происходят очень странные вещи, всё может быть.

Мы сидели за столом, выпили противного арабского коньяку, и испытывали друг к другу симпатию. Расстались, договорившись вскоре увидеться.

Позвонил Лева Тоом. <...>

7 мая 1968 г., вторник.

Приехали Лемпорт, Силис. Пять дней были в Риме, пять дней в Париже. Одеты в замшевые куртки и вельветовые брюки в крупный рубчик. Я их не ви-

²⁶¹ *Vasamurti*. Удивительное путешествие озорника. (Перевод З.Н. Петруничей). – М., 1969.

²⁶² Самойлов (Кауфман) Давид Самуилович (1920–1990) – поэт, переводчик, драматург. Первая публикация стихов состоялась в мартовском номере журнала «Октябрь» в 1941 г. Участник Великой Отечественной войны. Член СП СССР (с 1958). Лауреат Государственной премии СССР (1988).

²⁶³ *Masleša Sv. Vse ljubavi Vadima Sidura* // *Oslobođenje*. 1968. 27 апреля.

²⁶⁴ *TANJUG – Telegrafska agencija nova Jugoslavija*. Информационное агентство Югославии, основанное в 1943 г. Снабжало газеты, радио и телевидение информацией по вопросам внутренней и внешней политики. Располагало 90 отделениями в Югославии и 26 за границей, имело собственную фотослужбу. С 2006 г. – государственное информационное агентство Сербии.

дела, всё мне рассказал Дима. Привезли очень плохие рисунки на «огоньковском» уровне. У Силиса еще что-то проглядывает, у Лемпорта – ничего.

У Димы были дела после 7 вечера и он им сказал об этом, намекнул, чтобы они удалились, так как сегодня вторник, Димин день. На это Силис недовольно заметил, что они предупредили о своем приезде. Дима тогда сказал, что мы их ждем уже полтора месяца и что очень трудно принаравливаться к их приезду.

Первые слова Лемпорта были: «Что, твоему отцу операцию сделали?»

Абрама Яковлевича никак не выписывают из больницы. Он там очень плохо спит и нервничает. У врачей, очевидно, вызывает опасение второй глаз.

Позвонила агент Сорока, сказала, что Руди прибежал домой и сказал, что был большой скандал, и Сидур не мог уступить им вечер. Дима успокоил Сороку, сказал, что беседа имела вполне дружественный, светский вид.

Теперь будем жить в надежде на их скорое переселение в хоромы, так как, по словам Сороки, в МИДе решили из них сделать «придворных скульпторов», чтобы они везде ездили и достойно представляли СССР.

Я приехала домой очень поздно после работы, около 10 вечера, а Дима приехал из подвала в час ночи и всё это мне рассказал.

8 мая 1968 г., среда.

Абрам Яковлевич завтра выписывается. Зинаида Ивановна была от этого сильно возбуждена и беспокойна.

Я в мастерской не была, а Дима заходил ненадолго и беседовал немного с Лемпортом. В Париже им не понравилось. Лемпорту особенно было неприятно, что его знания французского языка шокировали французов. Я их понимаю, мне тоже очень противно, когда Лемпорт говорит по-французски. Говорят, что всё ужасно дорого. Рим по сравнению с Парижем – провинция. В Нигерии чувствуешь себя как в бане, в парилке, на третьей полке. Канализации нет, уборная при нашем посольстве – во дворе. Грязь, вонища. Наши негры очень не любят, иначе как «черножопые» не называют. Но тем не менее сервис, продукты – на высшем уровне. Силис отвык от нашей повседневности, пришел из магазина и сказал: «Что-то у вас продуктов совсем нет».

В Москву приехали Гомулка, Ульбрихт²⁶⁵, Живков²⁶⁶ и Кадар²⁶⁷, будут совещаться о том, как призвать к порядку Чехословакию²⁶⁸. Наш генерал Епишев²⁶⁹,

²⁶⁵ Ульбрихт (Ulbricht) Вальтер (1893–1973) – партийный и государственный деятель ГДР. Член Политбюро ЦК СЕПГ с 1949 г., в 1950–1973 гг. первый секретарь ЦК СЕПГ, в 1960–1973 гг. председатель Государственного совета ГДР.

²⁶⁶ Живков Годор (1911–1998) – первый (генеральный) секретарь ЦК Болгарской компартии в 1954–1989.

²⁶⁷ Кадар (Kadar) Янош (1912–1989) – первый (генеральный) секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии в 1958–1988 гг.

²⁶⁸ За три дня до этого, 4 мая 1968 г., в Москве прошла встреча Л.И. Брежнева с А. Дубчеком, но общего языка они не нашли. 6 мая, выступая на заседании Политбюро ЦК КПСС, Л.И. Брежнев заявил: «Мы социалистическую Чехословакию не отдадим».

²⁶⁹ Епишев Алексей Алексеевич (1908–1985) – ортодоксальный партийный и государственный деятель. На работе в ЦК ВКП(б) с 1938 г. В 1951–1953 гг. заместитель министра государственной безопасности СССР. В 1953–1955 гг. первый секретарь Одесского обкома КПСС. В 1955–1961 гг.

сотрудник Берии²⁷⁰ в прошлом, заявил, что «наша армия всегда готова защитить дело социализма в Чехословакии».

Лемпорт, Силис о мастерской высказываются очень сдержанно, говорят, что она не больше нашей. Игра начинается. Скорее бы они проваливали!

9 мая 1968 г., четверг.

Выписали Абрама Яковлевича. Дима поехал за ним, а я пошла на рынок. Он оказался закрыт, и я полтора часа ходила из одного магазина в другой и покупала продукты, стоя везде в очередях. Все-таки мне удалось кое-что купить, несмотря на праздник.

Дима привез Абрама Яковлевича, сказал, что минут сорок ловил такси. Абрам Яковлевич несколько бледноват, но в бодром настроении, очень рад, что выписался.

Если бы не Толя Гитберг, Диминым родителям было бы ужасно трудно добраться до Алабина. Он приехал на машине с Милой и увез Диму, Зинаиду Ивановну и Абрама Яковлевича в Алабино. Я за их отсутствие переводила рассказ Марселя Эме²⁷¹ «Семимильные сапоги», может быть, удастся его напечатать в сборнике рассказов зарубежных писателей в издательстве «Детская литература».

Толя с Милой и Димой вернулись в 9 часов вечера, и мы все вместе поехали к Толиному другу архитектору Иосифу Михайловичу Шошенскому. Просидели у них до ночи. У них два смешных пуделя – мать и дочка. Говорили о том, следует или нет подписывать письма против процессов. Толя и Иосиф Михайлович считают, что не надо, потому что от этого только хуже всем. Мы с Димой считаем, что надо подписывать.

К ночи вернулся домой их сын, студент архитектурного института, красивый мальчик²⁷², нежный, как девочка. Жена Иосифа Михайловича²⁷³ только что вернулась из Польши, говорит, что там ужасно.

посол СССР в Румынии, в 1961–1962 гг. – в Югославии. В 1962–1985 гг. начальник Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота. В 1952–1964 гг. кандидат в члены, в 1964–1985 гг. член ЦК КПСС. Генерал армии (1962), Герой Советского Союза (1978), Лауреат Ленинской премии (1983). Известен был так же как писатель, автор приключенческих романов.

²⁷⁰ Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) – партийный и государственный деятель. С августа 1938 г. первый заместитель наркома, с ноября того же года – нарком внутренних дел СССР (по 1945). Одновременно с 1941 г. заместитель председателя СНК СССР. С 1939 г. кандидат в члены, с 1945 г. член Политбюро ЦК ВКП(б). Генеральный комиссар госбезопасности (с 1941), Маршал Советского Союза (1945), Герой Социалистического Труда (1943), лауреат Сталинской премии (1949).

²⁷¹ Эме (Aumé) Марсель (1902–1967) – французский прозаик и драматург, автор романов, рассказов, сказок, комедий. Рассказ «Семимильные сапоги», помещенный в книгу для внеклассного чтения на французском языке (выпущена в издательстве «Просвещение» в 1965 г.), Юлия читала и переводила со своими учениками на уроках в школе.

²⁷² Шошенский Леонид Иосифович (р. 1948) – художник, в 1966–1972 гг. студент МАРХИ. В настоящее время живет в США.

²⁷³ Имеется в виду Шошенская (Зозуля) Нина Ефимовна (1916–?), дочь писателя Е.Д. Зозули. В первом браке (1934–1940) была женой поэта Б.В. Заходера.

10 мая 1968 г., пятница.

До вечера сидели с Димочкой дома. Он неважно себя чувствовал, плохо было в голове. Помогал мне целый день переводить «Семимильные сапоги», по моему подстрочнику переписывали более или менее литературно. Подъедали остатки – целый день не было ни минуты свободной, чтобы выскочить в магазин.

Из Риги вчера вернулась мама. У нее в носу сделался какой-то чирий, который сильно ее мучил. Она для нас что-то в Риге купила – два полушерстяных одеяла и еще что-то.

К вечеру пошли в гости к Инне Бернштейн. Она второй день звонила, говорила, что «хочет потрепаться». Погуляли по стадиону, полюбовались на двухлетнего малыша, у которого были все повадки прирожденного футболиста – так ловко и неумоимо он гонял мяч со своими родителями. Мальш, безусловно, выдающееся явление. Потом мы поехали на двух троллейбусах. Сегодня было удивительно красиво в Москве и тепло. Дима говорил: «Почему реалисты не видят всей этой красоты? Видишь, какая синяя эта крыша? А вот этот фиолетово-красный дом». Мы с Димой одиннадцать лет вместе, а держали друг друга за руки и прижимались, как влюбленные. Рядом сидели мальчиговые девочки и женственные мальчишки.

У Инны бурно обсуждали чехословацкие события. Она показала нам переводы статей в их журналах. Прекрасная, свободная страна! Сейчас все хорошие люди боятся, как бы наши «защитники подлинного дела социализма» не ввели туда свои танки. Надеемся, что этого не произойдет.

11 мая 1968 г., суббота.

Не пошла на работу, первый раз за этот год решила пропустить. Позвонила, наврала, что плохо себя чувствую. Если бы я пошла в школу, рассказ бы мы с Димой сегодня не закончили. Он диктовал, а я писала. Перевод получился вполне приличный, совсем не похожий на тот подстрочник, который был вначале.

К вечеру поехали в мастерскую. Погуляли по стадиону, посмотрели, как играют городошники. Я почему-то устала от этого зрелища.

В подвале был настоящий разгром. Ощущение такое, как будто был колоссальный бардак. Их не было. Чувствовалось, что люди нагадили как бы нарочно, потому что уже в крайней степени на всё наплевать. Наплевано, налито, тухлые селедки, бутылки с недопитой водкой, окурки прямо на столе, оборванный провод электроплитки, ящик с мусором вытасчен на видное место. Дима стал чинить провод, я пошла в магазин. Ощущение полной невозможности совместного существования.

Пришли гости: Алик Киселев, актер Таганки, француженка Беатрис, студентка-стажерка, Лида, преподаватель МГУ, Толя Гитберг с Милой. Сидели, говорили обо всем. Француженка – очень живая, в зеленых очках. Толя показал рисунки в своей книжечке. Чувствуется, что Дима оказал на него влияние, хотя Толя – парень способный, сам по себе. Алик тоже рисует, но слишком самодеятельно, несколько рисунков – неплохие. Я посмотрела рисунки, сваленные на столе у Лемпорта. Рисунки Силиса мне не понравились – блевотного цвета, модернистские, а главное – бессмысленные. Дима сказал: «Силису родиться бы девочкой,

была бы хорошая художница по тканям». У Лемпорта – совсем слабо, даже удивительно, раньше он рисовал лучше, во всяком случае, профессиональнее.

Очень боимся за чехов. Дима очень волнуется за них, я тоже. Чехи стали нам самыми близкими людьми, как родители или лучшие друзья. Мы страшно боимся, что наши введут к ним войска. Это будет ужасно и концом всяких надежд. Какие сволочи наши!

12 мая 1968 г., воскресенье.

Лемпорт уехал в Щурово. В мастерской были Силис, Юзеф, некий Шапшаевич и, наконец, Эдичка. Силис объявил, что остается с Димой. Держится он очень дружески и не нагло. Весь вечер рассказывал про границу, много любопытного, хотя и рассказывает Колька как-то буднично. Шмотки заграничные сидят на нем неинтересно, как будто всё наше. Но что бы там не было, просто смотреть на Силиса – не так противно, как на Лемпорта. А в качестве соседа, он в тысячу раз лучше, чем кто-нибудь другой. Хотя его дружеское отношение происходит сейчас не так непринужденно, как раньше, когда это было его естественным состоянием, но надо отдать ему должное – он очень старается. Чем-то он, конечно, глуповат, непонятно, что он выгадывает, будучи реально с Лемпортом и оставаясь в нашем подвале. Платить ему надо будет и там и тут. Правда, он намекает, что Соколов достанет ему мастерскую тоже отдельно.

Смотрели их рисунки – и его, и Лемпорта. Силиса понравились несколько, они виртуознее и острее, хотя – кич. У Лемпорта все – просто тупые и безвкусные, несмотря на роскошные фломастеры, пастель и всё остальное. Как будто бы средней руки мосховец после поездки в Африку или Индию рисует в «Огоньке»²⁷⁴.

Резников, фотограф из «Советского Союза», сообщил, что фотографию про Диму не только не напечатали, а наоборот, её выставили на позорной доске с надписью: «Вот до чего дошли наши корреспонденты». Мы с Димой страшно рады. Не дай бог её напечатали бы, и приличные люди относились бы к нам с подозрением. Ничего себе компания – Сидур и Грибачев! Дима сказал мне: «Могли бы влипнуть в большое говно. Больше я никогда на такое не поддамся, что бы мне не говорил Юра Левитанский!»

Поехали с Димой за творогом. Вечер невероятный, всё время нам хотелось друг к другу прижиматься и держаться за ручки. Отнесли рассказ в «Детскую литературу». Рита Смулдрид плохо себя чувствует, ноги опухли.

13 мая 1968 г., понедельник.

Дима нарисовал большой хороший рисунок.

Пошли в чехословацкое посольство. Тауфер снова повеселел, это значит – дела плохи. Были: Юра Левитанский, Шуплецовы, Инна Бернштейн. Первый,

²⁷⁴ «Огонёк» – общественно-политический иллюстрированный еженедельный журнал, выходит в Москве с 1923 г. Считался изданием «для народа» (к началу 1970-х гг. тираж составлял два миллиона экз.), помещал на своих страницах бравурные очерки и хорошо отретушированные фотографии о «замечательной» жизни в СССР, репродукции произведений реалистических художников и репродукции живописцев-классиков.

кукольный, фильм про Швейка мог бы быть веселее. Второй мы не стали смотреть, сбежали. Уходя, Дима попался на глаза Тауферу. Он сказал, что посол Кутский, с которым он про Диму говорил, заинтересовался и хотел бы прийти в мастерскую. Дима согласился.

Шли пешком до Шуплецовых. Юра рассказал, что всех писателей, подписавших письма, вызывают и беседуют, увещивают не подписывать впредь. Ахмадулина²⁷⁵ и Аксенов согласились и пообещали. Балтер вел себя очень прилично, ни с чем не согласился²⁷⁶. Теперь очередь подходит к букве «Л», то есть скоро позовут Юру, так как они вызывают в алфавитном порядке. Юра весь в сомнениях, хотя и говорит, что не собирается ни с чем соглашаться.

Где-то писал Буденный²⁷⁷ о Гражданской войне и её героях и не включил ни одного из реабилитированных полководцев: Блюхера, Тухачевского, Якира²⁷⁸ и др. Когда ему напомнили, думая, что он забыл по старости, он ответил: «Для кого реабилитированы, а для меня – была и есть банда антисоветчиков». Для него законы не писаны, и он той же партийной дисциплине, к которой сейчас так призывают, не подчиняется.

Юра всё хвалит Хрущева. Я Хрущева не любила и нелюблю, несмотря на все его исторические заслуги. Никогда не смогу забыть его встречи с интеллигенцией²⁷⁹, а также квинтэссенцию хамства, воплощенную в диктаторе, выбившимся

²⁷⁵ Ахмадулина Белла Ахатовна (1937–2010) – поэтесса, переводчица, член СП СССР. Первый сборник стихотворений вышел в 1962 г. Лауреат Государственной премии СССР (1989). В 1966 г. подписала письма в защиту А.Д. Снявского и Ю.М. Даниэля, в 1968 г. – в защиту А.И. Гинзбурга и Ю.Т. Галанскова. Позже, нарушив обещание: в 1980 г. – в защиту А.Д. Сахарова и Л.З. Копелева, в 1982 г. – в защиту С.И. Параджанова, в 1983 г. – в защиту Г.Н. Владимова.

²⁷⁶ Балтер Борис Исаакович (1919–1974) – прозаик, переводчик. Участник Финской и Великой Отечественной войн. Печатался с 1952 г. Автор «Юности». Член СП СССР. В 1966 г. подписал письмо в защиту А.Д. Снявского и Ю.М. Даниэля, в 1968 г. – в защиту А.И. Гинзбурга и Ю.Т. Галанскова. За это и за отказ не подписывать подобные письма впредь был в 1968 г. исключен из партии, цензура запретила публиковать его произведения.

²⁷⁷ Буденный Семен Михайлович (1883–1973) – легендарный советский полководец. Участник Первой мировой и Гражданской войн, командующий Первой Конной армией, один из первых Маршалов Советского Союза (1935). Член ЦК ВКП(б) в 1939–1952 гг. Полный Георгиевский кавалер, трижды Герой Советского Союза. Автор трехтомной книги воспоминаний «Пройденный путь» (издана в 1959–1973 гг.).

²⁷⁸ Перечислены крупные советские военачальники, репрессированные во время Большого террора 1930-х годов и реабилитированные после XX съезда: Блюхер Василий Константинович (1889–1938), Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937), Якир Иона Эммануилович (1896–1937).

²⁷⁹ 13 мая 1957 г. состоялась встреча Н.С. Хрущева и других руководителей партии и правительства с участниками Третьего пленума правления Союза советских писателей, на которой глава государства выступил с разностной двухчасовой речью, похожей, по словам В.А. Каверина, «на обваливающееся здание». 19 мая 1957 г. на подмосковной правительственной даче прошла встреча Н.С. Хрущева и руководителей партии с советской творческой интеллигенцией (приглашены были писатели, музыканты и композиторы, артисты и режиссеры кино и театра, художники, архитекторы, журналисты – всего около 300 человек). Потом такая встреча прошла 17 июля 1960 г. (на той же даче). Затем 17 декабря 1962 г. в Доме приемов на Ленинских горах, продолженная 7–9 марта 1963 г. в Кремлевском дворце (здесь присутствовало более 600 человек), и т. д. Желая приструнить творческую интеллигенцию, указать ей ее место, Н.С. Хрущев во время этих многочасовых встреч вел себя высокомерно, позволяя брань и крик, проявляя свою природную грубость, невежество и полное непонимание искусства.

из подонков, хотя и вынужденного по воле судьбы войти в историю человечества как личность невероятно прогрессивная.

После Шуплецовых заехали к Лазареву. У них прекрасная квартира. Он приехал из Чехословакии, где виделся со Зденеком Айсом, передал ему скульптуру. Говорит, что чехи счастливы и едины, безмерно свободны. В последние дни, когда они уезжали, там было несколько тревожно, потому что они, так же как и мы, боятся нашего вторжения. Их поддерживают и приветствуют югославы и венгры. Мы видим, как волнуются и переживают все, кто любит Чехословакию. Зденек просил передать, что он хочет где-то в фойе авангардного кинотеатра устроить Димину выставку из фотографий тех скульптур и рисунков, которые находятся у них.

14 мая 1968 г., вторник.

Встретились с Димой на кладбище. Я успела после работы в последний момент, но милиционер не хотел меня пускать. Я его убеждала, что мне надо увести мужа, который здесь работает. Тогда он сказал: «А, нестриженный, ну иди». Дима заделал щели на памятнике Варгам свинцом. Ничего, но отличаются по цвету и пока блестят.

Лемпорта, Силиса уже в мастерской не было. Эдик вчера заходил в надежде застать Диму, и увидел на столе заявление Лемпорта, где он просит, чтобы Силиса сделали «совладельцем» в его мастерской. Силис шатко сидит между двух стульев и сам пребывает в великом смятении. Позвонила агент Сорока, сообщила, что в мастерской намерили 250 метров. Это в два с половиной раза больше нашего подвала. С Рудольфом она наполовину порвала, хотя ключи до сих пор у нее.

Дима постучал на Девичке под солнцем и очень устал. В мастерской работал только перед кладбищем, немного. Пришли к нам люди: Владик Бахнов, Сергей Кристи²⁸⁰, Олег Милоков с небольшим количеством фотографий, Эдичка, агент Сорокина с очень симпатичным мальчиком, студентом из университета Лумумбы²⁸¹, итальянцем по происхождению, но живущим в Аргентине, по имени Джузеппе, Женька со своим Борей.

У меня болело сердце, приняла валидол. Очень противно, хотя, думаю, что это чисто невралгического характера.

Сорока под большим секретом сообщила, что Лемпорт, Силис, очевидно, поедут через месяц в Италию на пять месяцев оформлять виллу посла.

Сегодня, когда мы вышли из подвала, нас поразил и оглушил запах тополей, забивший все отвратительные запахи нашей лестницы.

Наши всё время пишут о дружбе с чехами, хотя уже появилось несколько критических статей идеологического характера.

Владик выпил почти один пол-литра водки. Этот веселящий всех человек – невероятно грустный, печальный товарищ.

²⁸⁰ Кристи Сергей Михайлович (1921–1986) – журналист, поэт, автор и соавтор ряда бардовских песен (одна из которых – очень популярная «Я был батальонный разведчик», 1950).

²⁸¹ Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы – интернациональное высшее учебное заведение, созданное в Москве в 1960 г. с целью оказания помощи народам стран, освободившихся от колониальной зависимости.

15 мая 1968 г., среда.

Уехал Димушка в Алабино, несмотря на то, что сильно похолодало. Он уехал, не успев прочитать письмо из Алабина от родителей, где Зинаида Ивановна его упорно призывает.

У меня сегодня в школе болело сердце. Надеюсь, эти два дня, пока Димы нет, получше отоспаться.

Я всё время думаю о том, что мне вчера сказал Дима: «Имеем ли мы право вести такой дневник, где много имен, фактов, и что будет, если нас заберут в КГБ?» Он думал о том, что мы, рискуя собой, не должны подвергать опасности других. Я с Димой где-то согласна, но ничего не могу с собой поделаться. Писать по-другому для меня не имеет смысла. Если в этом дневнике и будет что-то ценное, то это именно факты, настроение и жизнь нашей страны, и особенно – интеллигенции. К тому же я уверена, что времена не всегда будут такими. Они уже сейчас не такие страшные, как при Сталине, хотя и достаточно мрачные. Я верю, что когда-нибудь наши опасения будут вообще казаться смешными, и может быть, мы даже доживем до этого момента. Примером тому – Чехословакия, пока еще свободная, не раздавленная нашими танками.

Перед отъездом говорили с Димой по телефону. Он всех предупредил, что уезжает до субботы. Позвонили Тауферу, который просил Диму сообщить, если уедет куда-нибудь. Тауфер сказал, что его заместитель имеет для Димы какой-то заказ. Какой заказ, что за заказ? Решили поговорить подробнее после субботы.

Завтра ко мне приедет мама с какими-то шмутками, которые она исхитрилась купить в Риге.

Соседка наша топает как слон по коридору и радуется, что Димы нет, а я в кухню нос не показываю. Её можно понять – когда она уезжает, для нас тоже наступают праздники.

Диму всё время гложет беспокойство за мастерскую. Лемпорт должен переезжать и ожидание его переезда становится нестерпимым. Они ежедневно напииваются по несколько раз в день, без водки просто вообще не едят. Силис находится в постоянно возбужденном состоянии, как наркоман. Вокруг них всякая вьется подозрительная шушера, которая может украсть и сломать и еще как-то нагадить.

Юзеф Кирцер сказал, что, оказывается, Силис будет обжигать что-то ему за плату. Мы с Димой обомлели, когда узнали. Ну и дерьмо!

16 мая 1968 г., четверг.

Отсыпалась до часу дня. Целый день ковырялась вместе с мамой по хозяйству. Мама меня забавляла рассказами о Риге. Постепенно начала командовать и говорить всё громче и громче, я чувствовала, что ей это доставляет удовольствие. В итоге все-таки меня утомила примерками платья, комбинации и другого барахла, а также разговорами о том, когда же, наконец, я отдам шить пальто. Я совсем обалдела и только молча кивала головой. Помогала мне мама очень сильно: заштопала перчатки, подшила подол у одной юбки, укоротила резинку в поясе у другой, заставила меня стирать, хотя я очень сопротивлялась,

сходила со мной в магазин, и пока я мыла квартиру, разобрала у меня на полке и в ящике, где книги, выбросила жуткое количество барахла. При этом в лицах рассказывала, как матерится в анекдотах тетка Рахилька из Риги, как не хочет кушать Танечка и как высказывает свои пятилетние суждения Ирочка.

В «Известиях» прочла критику на чехословацкую газету «Студент», которая обвинила наших в соучастии убийства Яна Масарика²⁸². Би-би-си передала, что министр иностранных дел Югославии посетил Чехословакию и с большой теплотой отозвался о происшедших в ней переменах, выражая этим официальную точку зрения в Югославии на чехословацкие события.

17 мая 1968 г., пятница.

Мама заболела, наверно, простудилась, температура 38°. Была утром у меня, когда я находилась на работе, отвезла белье в прачечную. Заломило у нее руки и ноги.

Вечером была у Вальки с Эдиком, там были Валина мать Серафима Сергеевна, выглядит неважно, Сашка Алешин²⁸³, которого сегодня почти развели с женой. Интересно рассказывали о встрече Демичева²⁸⁴ с интеллигенцией и профессурой, а также партийными деятелями университета. Отвечал на вопросы в записках, ответы в большинстве своем – подлые, например, что Солженицын был осужден за распространение пораженческих настроений.

Гречко ввел в армии для офицеров ношение португепи и сапоги²⁸⁵.

Накормили ребята очень вкусно. Они сами бедные, а кормят всегда невероятно.

У них необыкновенная кошка Фима, стоит на задних лапах, как собачка. Очень избалованная – жрет только печенку и кнели.

Димины вещи висят и стоят у них уже в значительном количестве. Вещи прекрасные, особенно еще оттого, что они не густо развешаны и каждая отлично смотрится сама по себе.

²⁸² Масарик (Masaryk) Ян (1886–1948) – дипломат. С 1940 г. министр иностранных дел в правительстве Чехословакии в изгнании. После окончания Второй мировой войны сохранил этот пост в новом правительстве К. Готвальда. 10 марта 1948 г. Масарик был найден мертвым под окном своей комнаты. Официально было признано, что министр покончил жизнь самоубийством. В 1968 г. в результате нового расследования появилась версия его убийства.

²⁸³ Алешин Александр – писатель, приятель Э. Гладкова и В. Караваевой.

²⁸⁴ Демичев Петр Нилович (1918–2010) – партийный и государственный деятель. Член ЦК КПСС в 1961–1989 гг., секретарь ЦК в 1961–1974 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК в 1964–1988 гг., министр культуры СССР в 1974–1986 гг., первый заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР в 1986–1988 гг. В описываемое время на посту секретаря ЦК КПСС курировал вопросы идеологии и культуры. 7 мая 1968 г. он выступил на партактиве МГУ с докладом «Об итогах апрельского (1968 г.) Пленума ЦК КПСС». (См. выше примечания к записям от 11 апреля 1968 г.).

²⁸⁵ Гречко Андрей Антонович (1903–1976) – Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза, министр обороны СССР в 1967–1976 гг. Его предшественник на посту министра, маршал Р.Я. Малиновский, считался либералом, в частности, разрешившим ходить офицерам в летнюю жару не только в рубашках без кителя, но даже и без галстука. Став министром, А.А. Гречко отменил вольности – офицерам было приказано при любой погоде носить не только сапоги и китель, но и португепю поверх него.

18 мая 1968 г., суббота.

Приехал Дима. Пребываю в ужасной мрачности, сержусь на Диму безо всяких причин. В мастерской грязь какая-то фантастическая. Лемпорт почти увез все свои вещи. На редкость бездарно провели вечер. Пришли к нам гости: Инна Бернштейн, Гарик из Киева с девицей, какой-то маленький, крайне неприятный пожилой человек с подругой. Я на того человека смотреть не могла, настолько он мне не нравился. Это знакомый Гарика, фамилия ему Цунц. Мусолили все те же вопросы чешские, русские и всякие другие. Все радуемся некоторому послаблению напряжения с чехами. Косыгин поехал туда отдыхать.

Дима в Алабино вырезал деревянную скульптурку. Чувствует себя очень неважно. С вокзала ходил смотреть, как строят наш кооператив, первого этажа до сих пор нет. Все ушли, Дима смог немного поработать. Прибежала Сорока. Она почти порвала с Руди. Рассказала много смешного и трагичного. Оказывается, первая жена Руди – в Москве, а не в Париже, как он рассказывал, и имеет любовника. Никаких двух институтов он не кончил. Мама его была неграмотная еврейская женщина, а отец портной, жив до сих пор и присылает поздравительные телеграммы, и совсем он не был важным коммунистом, расстрелянным в 37-м году. Никакого отношения к полякам он не имеет, несмотря на фамилию Анапольский, обыкновенный еврей. Личность в высшей степени опереточная и с большими, по прекрасному выражению Сороки, «проблесками глупости». Сама Сорока выглядит плохо.

Вышли из мастерской после часа ночи. Дима чувствует себя плохо, да еще губа распухла.

19 мая 1968 г., воскресенье.

С утра еще ссорились из-за меня. Я на Диму кричала, а говорила, что кричит он. Мы ругались примерно полдня. А я, наверно, уже дошла в своей школе и уже не выдерживаю.

Дима нарисовал эскизы к книжке Кушнера, и несмотря на очень плохое самочувствие со вчерашнего дня, был доволен. Если бы я его не мучила, было бы совсем хорошо. Затем съездили за творогом и в мастерскую. В подвале сидел Лемпорт с размалеванной девицей из Минска. Выглядит хорошо, даже немного похудел. Я его после приезда еще не видела. В первый момент, когда он нас увидел, сделал недовольное лицо, очевидно, мы его с этой девицей спугнули. Когда зашел разговор о мастерской, проболтался, что подал заявление о том, чтобы Силис был с ним в его новой мастерской. Таким образом, Силис из подвала тоже выбывает, но так как боится, что Дима не будет его пускать обжигать в печке, то крутит и финтит. Я, конечно, проявила к этой новости чрезмерный интерес, и Лемпорт тут же заткнулся и даже пожалел, что проболтался. Дима ему заметил, что неплохо бы убирать за собой, хотя бы со стола, потому что вчера, например, было стыдно войти с людьми. На что Лемпорт согласился и сказал: «Да, вчера здесь был страшный бардак». Они с девкой ушли и тут же пришел Эдичка. Дима довольно долго поработал над скульптурой «Сон». Помоему, очень хорошая скульптура. Эдик снимал большую «Материнство»

и Диму рядом с ней. В итоге у него сломался аппарат. Нагрянули Гдаль с Витой²⁸⁶, Бураковский с Лилей²⁸⁷ и какой-то грузин-хирург Зураб с коньяком и закуской. Последним приехал Алик Киселев, мальчик-актер, с билетами на Таганку на 23-е число, «Послушайте!» Маяковского. Все этот театр хвалят, а мы ни разу не были и идти боимся.

Все наши гости – врачи-сердечники и всё время говорили о невозможности провести трансплантацию сердца у нас, какие для этого существуют огромные трудности. У Володи блестят глаза – как ему хочется это сделать, но, как говорит Гдаль, если удастся, то победителей не судят, а если нет...

Остались одни с Аликом Киселевым. Прочел нам свои рассказы, которые он должен представить во ВГИК для поступления на режиссерский факультет. Способный парень, но его сбивают на дерьмо, говоря, что для поступления он должен писать не «правду», которую он сам пережил и перечувствовал, а модный и красивый набор фраз. Дима с ним долго разговаривал. Хороший мальчик.

20 мая 1968 г., понедельник.

Удалось сбежать с педсовета. Дима был в мастерской и лихорадочно разбирал фотографии. С утра позвонил Лазарев, сказал, что есть возможность передать фотографии Зденеку Айсу в Праге, а он устроит там выставку и даже выпустит каталог.

Лемпорт с Силисом внимательно наблюдали за Димой. Мне кажется, что Лемпорту всю радость от переезда отравляет Димино спокойное отношение к его процветанию. Даже наоборот, мы всё время хотим, чтобы оно происходило еще скорее и мы получили возможность друг друга не видеть. Лемпорт спросил: «Ты что, хочешь опубликовать это где-то?» Дима ответил: «Да нет, это туда для одного парня». Лемпорт всё понял и сказал: «А-а». Силис вырезал из доски негритянку. По-моему, очень плохо, и еще хуже ее раскрасил фломастерами.

Еле успели к Лазареву, отдали и поехали домой. У Димы всё болит сердце. Говорит, что если умрет, хочет, чтобы его сожгли, а прах положили в Переделкино в могилу к Изольду под свою скульптуру. Дима почему-то думает, что Женька на это не согласится. А я думаю: «Господи, пощади нас и помилуй. Помоги нам, господи».

Целый вечер разбирали фотографии, что остались, переписывали адреса в одну тетрадку, слушали радио. В Англии напечатали «Раковый корпус»²⁸⁸ Солженицына. Косыгин лечится в Карловых Варах, и вроде бы пока наши танки не собираются давить Чехословакию. Во Франции все бастуют, хаос, деньги в банках не выдают, транспорт не работает. И поделом этому старому пердуну де Голлю²⁸⁹. Очень будет хорошо, если он сейчас слетит. Своими идиотскими

²⁸⁶ Гельштейн Вита Иделевна (1921–2004) – онколог, доктор медицинских наук (1964), двоюродная сестра и жена Гдаля Григорьевича Гельштейна.

²⁸⁷ Бураковская Лилиана Альбертовна (р. 1927) – жена В.И. Бураковского.

²⁸⁸ Впервые по-русски книга была опубликована в 1968 г. в Париже издательством YMCA-Press.

²⁸⁹ де Голль (de Gaulle) Шарль (1890–1970) – французский государственный деятель, генерал, основатель и первый президент Пятой Республики (1959–1969). К 1968 г. его репутация стала падать, многие, особенно молодежь, считали его авторитарным и несовременным политиком. Его

поступками и самовластью, якобы необходимых для «величия Франции», сумел поднять против себя всех французов. Правильно мне однажды сказал французский студент: «Он много делал для Франции, но не для французов».

21 мая 1968 г., вторник.

Лемпорт, Силис привезли откуда-то лебедку и заказали на завтра машину, собираются перевозить тяжелые вещи. Видели Иуду Рудольфа, выглядит плохо. Приходила старая знакомая Лидия Борисовна, нудная и легковесная женщина, с возрастом внешне несколько не меняется. Лемпорт подошел позже в очень смешном виде. Интересное дело – приехал из Парижа, а одет как провинциальный стилиста.

Вечером встретились с одним из секретарей чехословацкого посольства, Ярославом Николем. Он пришел с сыном, аспирантом-психиатром. Сам Николь чем-то похож на Швейка, симпатичный, прогрессивный, более-менее понимающий человек. Сын его, по-моему, лучше всего разбирается в спорте, несмотря на свою серьезную будущую профессию. Николь сказал, что сейчас на Байкале находится главный редактор издательства «Свет Советов» Иржи Плахетка²⁹⁰. И, узнав о том, что у Димы есть портрет Солженицына, очень захотел его опубликовать на фронтисписе книги «Раковый корпус», которая вскоре должна у них появиться. Плахетка говорил также об иллюстрациях к этому роману, если Дима согласен. Нечего говорить, что Дима согласен. Плахетка должен на днях вернуться и Николь постарается привести его к нам в подвал.

Очень сильно похолодало, дожди, ветер. Левитанский жалуется на печень. Дима много работал над скульптурой «Сон», получается интересная штука.

Колька покрасил свою негритянку в коричневый цвет, совсем сделалась дурацкая.

22 мая 1968 г., среда.

В подвале всё грязней и грязней. Дима часов шесть без перерыва всё «заканчивал» «Сон». Тем не менее конца ей не видно, потому что каждый раз, заканчивая, Дима начинает что-то переделывать.

Руди после долгой и громкой болтовни о новых ботинках увел Лемпорта, что-то таинственно ему рассказывая. Силис скучно обтирался с появившейся Гуллер²⁹¹, которая тут же, как только он на секунду вышел, договорилась о встрече с любовником этим же вечером, попозже. Полупьяный студент из МИМО, бывший с ними в Нигерии, ходил по мастерской с сонным видом и пытался о чем-то заговаривать. Бесперывно вся их компания с утра накачивалась водкой, иногда смешивая ее с вермутом и называя это «Мартини».

твердость и неготовность пойти на назревшие политические реформы привели к студенческому мятежу, начавшемуся в Париже 2 мая 1968 г., переросшему вскоре в общепарижскую бессрочную политическую забастовку, в которой приняли участие более десяти миллионов человек. В итоге этих событий 28 апреля 1969 г. последовала отставка де Голля.

²⁹⁰ Плахетка Иржи – журналист, писатель, публицист, корреспондент чешского телевидения в Москве, с 1968 г. директор пражского издательства «Свет совету», осуществлявшего, в частности, переводы и издания произведений советских авторов.

²⁹¹ Гуллер Наталья Николаевна (р. 1936) – художница, член МОССХ, подруга Н.А. Силиса.

Вадим Сидур за работой над скульптурой «Сон» (1968). Фото: Эдуард Гладков

Лемпорт вернулся и с громким возмущением набросился на Силиса, который когда-то стоял за то, чтобы в ордере на новую мастерскую оставалось написано 60 кв. м. – по ошибке, допущенной старшим инженером. Сейчас же, когда мастерская отремонтирована и в ней реально 250 м., в райисполкоме сказали: раз в ордере написано 60 м., занимайте только 60 м. Дима еще полтора года назад, присутствуя при этом споре, высказал такое опасение, но они, думая, что Дима что-то хочет выгадать на этом деле, решили сделать наоборот, и, таким образом, наше благополучное расселение сейчас омрачается. Лемпорт нудно и ворчливо обвинял Силиса, тот отбрехивался, Дима вспомнил, что он об этом предупреждал.

Лемпорт ушел, пришла обслуга в виде Руди, он что-то начал орать, у меня уши заболели.

Последняя пришла Велта Пliche. Начала разговаривать с Силисом, при этом его подкалывая, так что он поспешил удалиться вместе с Гуллер и с лакеем. Велта тут же сказала: «Какая скотина, какая мерзкая рожа у этого вашего Руди!» На что Дима ответил, что у Лемпорта хуже. Велта не согласилась.

Велта много говорила. Чувствует она себя, видно, плохо. Говорит, что напротив ее дома выстроили шестиэтажный дом, где будут жить Брежнев и Косыгин, а вокруг всё должно быть пусто, охрана, закроют выход из метро, с бульвара

уже убрали все скамейки, будут обносить большое пространство изгородью и, возможно, Велтин дом снесут²⁹².

23 мая 1968 г., четверг.

Как всегда, не хватает времени. Едва успели управиться с домашними делами перед уходом в театр на Таганке. Перед театром масса народу спрашивают лишние билеты, преимущественно молодые люди. Спектакль сделан как композиция из стихов Маяковского, под названием «Послушайте!» Зал полный, работают большие вентиляторы под потолком, но все равно душно. Спектакль очень шумный, много возгласов, плохая дикция у актеров, даже иногда не слышно. Алик Киселев играет не главную роль, но играет симпатично, легко. Много намеков на нашу действительность, и хорошо показано, как Маяковский «наступил на горло собственной песне» и погиб от этого. Диме спектакль не понравился, он его утомил и раздражил. Особенно тем, что очень мало искусства, мало мастерства, очень низкий профессиональный уровень у актеров, и всю постановку он считает самодельной, хотя и с большой претензией на что-то значительное. У меня немного другое ощущение. Мне просто приятно, что на сцене молодые ребята, что все-таки трагедия Маяковского показана предельно ясно и что публика, так рвущаяся в этот театр, в то время как другие театры пустуют, очевидно, так жаждет тех крупиц критики, которые здесь подаются со сцены.

Алик нас ждал после спектакля, Дима ему всё это высказал. Алик согласился и сказал, что сейчас они готовят «Тартюф»²⁹³ и что там будет настоящее искусство. Сказал, что написал рассказик, который он считает самым лучшим из всего, что он написал.

Дома слушали Би-би-си. Они передали немного о положении в нашем искусстве. Какие-то англичане находились у нас около шести месяцев, теперь написали книгу о том, что у нас есть неофициальное искусство. Авторы эти, художники, никому не известны. Как они пишут, многие работают неумело, подражая Западу, но есть более интересные, такие, как Анатолий Зверев²⁹⁴ и Оскар Рабин²⁹⁵, но самый талантливый – это скульптор «Андрей Неизвестный». Таким образом, они переврали имена и фамилии. Я считаю, что Дима, как художник – гораздо сильнее Эрнста Неизвестного, и совсем не потому, что я его жена, а просто видела Эрнстовы работы, он, безусловно, талантливей и лучше многих, но Дима намного его выше. У Эрнста есть другие качества, которых нет у Димы – прежде всего, железное здоровье, жажда успеха любыми средствами, беспринципность, толкающая на подлость, энергичность, с которой никого не сравнить.

²⁹² В.О. Пliche жила на Воробьевском шоссе (с 1981 г. ул. Косыгина), неподалеку от станции метро «Ленинский проспект». Дом сохранился до наших дней.

²⁹³ Пьеса Ж.-Б. Мольера «Тартюф» (1664) поставлена в Театре на Таганке Ю.П. Любимовым, художники М.А. Аникст и С.М. Бархин, композитор А.М. Волконский, премьера состоялась 4 ноября 1968 г. Спектакль не сходил со сцены многие годы (в мае 2010 г. прошел в 1200-й раз).

²⁹⁴ Зверев Анатолий Тимофеевич (1931–1986) – живописец и график.

²⁹⁵ Рабин Оскар Яковлевич (1928–2018) – живописец, график. Один из организаторов в конце 1950-х гг. неофициальной художественной группы «Лианозово». Один из организаторов в Москве в сентябре 1974 г. «Бульдозерной» выставки художников-нонконформистов. С 1978 г. живет во Франции.

Когда-то Эрнст уважал Вучетича²⁹⁶ «за его размах» и мечтал добиться того же, но слева. Он этого добился, продав свою душу дьяволу. Эрнст – «великий человек», как Джонатан Уайльд из романа Филдинга²⁹⁷. А Дима всё время говорит мне о Булгакове и Платонове. Это были святые люди.

24 мая 1968 г., пятница.

Вечер не наш, но мы совершенно случайно провели его в мастерской. Только я вошла, сразу увидела, что Дима очень возбужден. Оказывается, он беседовал с Лемпортом, Силисом, Рудольфом, Аликом Фридманом и еще одним юристом о том, как исправить положение с Лемпортовой мастерской, чтобы в ней считалось 250 метров вместо 60-ти, написанных в ордере.

Эдик много фотографировал. Дима работал над «Сном». Лемпорт и Силис за закрытой дверью накачивались водкой вместе с художниками Жилинской²⁹⁸ и Шаховским²⁹⁹. Жилинская – большая дура, а Шаховской внимательно зыркал глазами на Димины вещи. Рудольф сердился на Лемпорта, Силиса и отводил душу в разговорах с Димой, ругая своих хозяев. Они выставили свои рисунки из Нигерии в Доме ученых в честь Дня Африки, но не пошли на вернисаж, потому что, как проговорился Руди, они там выставлены не одни, и какой-то художник выставил большие масляные картины, на фоне которых их рисунки выглядели очень бледно, это у них отбило охоту там присутствовать. Но Руди относится к этому событию, как к делу, считая, что идти надо, потому что там должен был присутствовать дипломатический корпус африканцев и можно было на что-то надеяться в смысле перспектив. Пока он так разглагольствовал, Лемпорт, Силис сидели, пили, неестественно хохотали и дожидались Таньку Соколову³⁰⁰, которая представляет исторический интерес, так как является первой Диминой любовью и любовницей еще в Строгановском училище, и именно на ней, по словам Димы, он научился ценить меня. Наконец вся компания все-таки пошла в Дом ученых, а Дима получил возможность поработать почти весь их вечер.

²⁹⁶ Вучетич Евгений Викторович (1908–1974) – официальный скульптор и функционер. Участник Великой Отечественной войны. Действительный член АХ СССР (1953), ее вице-президент (с 1970). Лауреат Ленинской (1970) и пяти Сталинских (1946–1950) премий, Герой Социалистического Труда (1967). Народный художник СССР (1959). Автор монумента «Советскому воину-освободителю» в Берлине (1949), монументов «Мать-Родина» в Волгограде (1967) и Киеве (установлена в 1981), скульптуры «Перекуем мечи на орала» (1957), многочисленных скульптурных портретов Ленина и Сталина и т. п.

²⁹⁷ Имеется в виду роман Генри Филдинга (1707–1754) «История жизни покойного Джонатана Уайльда Великого» (1743).

²⁹⁸ Жилинская Нина Ивановна (1926–1995) – живописец, график, скульптор. Жена живописца Д.Д. Жилинского.

²⁹⁹ Шаховской Дмитрий Михайлович (1928–2016) – скульптор, автор памятника О.Э. Мандельштаму в Москве (2008), занимался монументально-декоративным оформлением зданий (выполнил, в частности, куклы для часов на здании Театра кукол С.В. Образцова в Москве, алюминиевые маски на фронтоне здания Театра сатиры). Действительный член АХ (2007).

³⁰⁰ Соколова Татьяна Михайловна (1930–2010) – график, скульптор. В 1953 г. окончила МВХПУ (Строгановское училище), где вместе с В. Сидуром училась в мастерской Г.И. Мотовилова, а также у С.Л. Рабиновича. Член МОССХ (с 1954). Секретарь правления СХ СССР (1988–1992). Заслуженный художник РСФСР (1980), действительный член АХ (1999).

В итоге пришел Алик Киселев со своими друзьями. Мастерски починил плитку (чем меня очень умилил), несмотря на то, что в темноте и я ему светила фонариком, потому что пробку мы из предосторожности вывернули. А я порвала себе совсем новый чулок. Алик прочел нам свой новый рассказ, который, как он сказал, самый для него дорогой из тех пяти, что он написал всего. Рассказ слабый, хотя что-то в нем есть, но это что-то погрязает в мутном потоке затертых красивых фраз. Дима всё ему это сказал, Алик огорчился.

25 мая 1968 г., суббота.

Силис увез обе «Грозди девиц» и «Негритянку». Всё еще неясно, переезжает он или нет. Их в мастерской не было, большие камни пока на месте.

В помещении сейчас холоднее, чем на улице.

К нам пришло много гостей и, можно сказать, вечер прошел почти бездарно, если не считать, что дома днем Дима почти закончил большой цветной рисунок из серии «Потоп». Пришли: Валя, Эдик, Сашка Алешин с девушкой, Зденек Черны с приятелем из Пражского радио, который сейчас работает в Москве в передачах Москвы для Чехословакии. Его зовут Владимир Коклюгин, мать у него донская казачка, отец непонятно кто, умер, сам он словак, 15 лет живет в Праге, а дедушка его живет в Париже и называет себя атаманом казачества. С ними еще была девица Инна. Потом пришла Велта, сначала хотела поссориться с чехами, потом раздумала и даже увлеклась общими разговорами о Чехословакии. Чехи уверены, что с ними ничего плохого не случится, а главное – старому возврата нет. Их оптимизм приятен, но нам, как всегда, за них страшновато.

У Черны лицо белое, пухловатое, с черными, совершенно неподвижными глазами. Он очень быстро говорит, машет руками, подпрыгивает, но лицо его не меняется. Судя по тяжелым и неподвижным взглядам, бросаемым на женщин, большой бабник. В этот раз решил соблазнить Велту и даже поехал ее провожать. Думаю, ему будет тяжело.

Очень неприятно, когда посетители плохо смотрят вещи. Черны и Коклюгин смотрели плохо, и думали только о том, как бы выпить, благо, всё вплоть до хлеба принесли с собой. Черны обещал достать «Кокарбоксилаза»³⁰¹.

Мы с Димой чуть не поругались. Он прочел у меня, где я пишу о возможности, что нас заберут в КГБ. Он потребовал, чтобы я, так сказать, объяснила, что мы ни в чем не виноваты, но все равно боимся. Я стала доказывать, что это и так ясно, что мы не преступники – он художник, а я учитель. Единственное наше преступление, что мы думаем не так, как у нас положено, так это, слава богу, не мы одни, а уже тысячи.

26 мая 1968 г., воскресенье.

Лемпорта, Силиса не видно уже второй день. Кажется, что сегодня они вообще не были в мастерской, никаких следов. Дима всё никак не кончит скульптуру «Сон». Никто к нам не приходил, кроме Петьки Якира³⁰². Говорит,

³⁰¹ Лекарство, применяемое при сердечной недостаточности и кардиосклерозе.

³⁰² Якир Петр Иванович (1923–1982) – историк, диссидент, сын крупного советского военачальника И.Э. Якира, расстрелянного в 1937 г. Был арестован в том же году и по 1953 г. находился

что Юлик Ким³⁰³ с работы не уволен. Самого его тоже не смогли никак выгнать, и, в общем, пока дела ничего. Разыскивает Лемпорта, Силиса, которые, скорее всего, от него скрываются, так как сейчас им невыгодно такое знакомство. У нас такое ощущение, что они вместе с Рудольфом обживают новую мастерскую. Днем Дима закончил рисунок, по-моему, очень интересный.

Би-би-си передало, что де Голль много всего наобещал, если после референдума³⁰⁴ в июне он останется президентом. Я хочу, чтобы он слетел. И даже думаю, что так и будет. Во всяком случае, они уже во Франции сейчас решили повысить заработную плату низкооплачиваемым на 36 %. Вообще, де Голль – жутко хитрый старик.

27 мая 1968 г., понедельник.

Были в чешском посольстве, смотрели дерьмовый детектив. Очень обидно, что пропустили три хороших фильма, так как больше, за исключением «Маркеты Лазаровой»³⁰⁵, ни одного фильма, которые мы видели, нельзя назвать приемлемым, хотя и много голых девиц.

Виделись с Шуплецовыми и Левитанскими. Юра сказал, что его не вызывали по поводу подписи в Союз, а просто всем подписавшим вынесли постановления. Юре и многим другим – «поставить на вид», Дэзику Самойлову – «выговор», Копелеву, ранее исключенному из партии³⁰⁶ – «строгий выговор». Санкции относительно мягкие.

в ГУЛАГе. Реабилитирован в 1955 г., окончил Историко-архивный институт, работал в Институте истории АН СССР. С 1966 г. занялся правозащитной деятельностью. В январе 1968 г. вместе Ю.Ч. Кимом и И.Я. Габаем подписал обращение «К деятелям науки, культуры, искусства» с протестом против ресталинизации и преследования инакомыслящих, которое распространялось в самиздате. (См. записи от 25 ноября 1972 г.).

³⁰³ Ким Юлий Черсанович (р. 1936) – поэт, бард, композитор, драматург, правозащитник. До 1968 г. работал учителем русского языка и литературы в средней школе, однако вскоре после описываемых событий был вынужден оставить эту работу. После 1973 г. отошел от правозащитной деятельности. В 1966–1985 гг. из-за цензуры подписывал свои произведения псевдонимом *Ю. Михайлов*. Был женат на дочери П.Я. Якира Ирине. Дружил с В. Сидуром, Юлией, Н. Силисом и В. Лемпортом с 1950-х гг.

³⁰⁴ На июньский референдум де Голль обещал вынести вопрос о предоставлении президенту дополнительных полномочий, однако 30 мая отменил его, назначив на июнь досрочные выборы в парламент. Референдум же состоялся 27 апреля 1969 г. и закончился для де Голля поражением. Получив «Нет», он ушел в отставку, новым президентом стал Ж. Помпиду.

³⁰⁵ *Marketa Lazarová* – экранизация одноименного романа чешского писателя Владислава Ванчура (1891–1942) о рыцарях-разбойниках в середине XIII в., реж. Франтишек Влчил, 1967 год, продолжительность фильма 162 мин.

³⁰⁶ Копелев Лев Зиновьевич (1912–1997) – ученый-германист, литератор, переводчик, общественный деятель, диссидент. В марте 1945 г., находясь в действующей армии на территории Восточной Пруссии, критически отзывался о насилии над германским гражданским населением, за что был отчислен из Политуправления фронта и исключен из партии за «сочувствие к противнику», вскоре арестован и приговорен к десяти годам заключения. Освобожден в 1954 г., реабилитирован в 1956 г., восстановлен в КПСС. В 1957–1969 гг. преподавал в Московском Полиграфическом институте и Институте истории искусств. С середины 1960-х гг. занялся правозащитной деятельностью. В 1968 г. за осуждение вторжения советских войск в Чехословакию снова исключен из партии, а также из Союза писателей. С 1980 г. жил и работал в ФРГ. Друг В. Сидура и Юлии с 1950-х гг.

Вчера или позавчера в «Литературной газете» опубликована статья словака Новомеского, довольно мерзкого³⁰⁷. Дела в Чехословакии постепенно начинают менять свой симпатичный демократический характер. Как ни странно, словаки, бывшие раньше более прогрессивными, чем чехи, сейчас выступают (конечно, не все) с правых позиций. Якобы во главе таких правых стоит Мирослав Валек³⁰⁸, книжка стихов которого скоро выйдет с Димиными рисунками. Знал бы Дима, не стал бы ему оформлять книжку.

После кино затесались в ЦДЛ. Отвратительно поели. Такое ощущение, что дали всё самое плохое, чтобы окончательно не стухло и не осталось на завтра. Ресторан полупустой, за одним столом пьяные люди пели революционные песни на иностранных языках, звучит дико и неприлично. Когда они замолчали, стало сразу легче, несмотря на матерящуюся за соседним столом пьяную полную даму, похожую на официантку, и свистящего в другом конце зала тоже сильно набравшегося Костю Ваншенкина³⁰⁹.

Покинули Шуплецовых и пешком пошли с Левитанскими по тихим улочкам до Маяковской. Левитанские сейчас дружат, это хорошо. К тому же в ЦДЛ никто не напился. Прошли мимо Патриарших прудов, где у Булгакова погиб Берлиоз. Дима почти не может идти чуть ускоренным шагом, сразу же делается плохо за грудиной.

Опять в «Правде» передовая об отщепенцах³¹⁰. Юра стал сетовать на это, а Дима сказал: «Конечно, ты отщепенец. А кто же мы? Ясное дело – отщепенцы».

³⁰⁷ Имеется в виду помещенный в «Литературной газете» от 22 мая 1968 г. перевод изложения речи писателя Ладислава Новомеского «Разве я малую черта?» на конференции словацких писателей (изложение опубликовано в братиславской газете *Pravda*).

³⁰⁸ Валек (Valek) Мирослав (1927–1991) – словацкий поэт, публицист, редактор ряда литературных журналов. В 1962–1966 гг. главный редактор ежесемейника *Mladá tvorba*. В 1967–1968 гг. секретарь Союза словацких писателей, в 1969–1988 гг. министр культуры Словакии, в 1989–1990 гг. секретарь Союза писателей Чехословакии (сместен с поста в ходе *бархатной* революции 1990 г.). Сборник его стихов «Прикосновения» (1959) вышел в 1968 г. по-русски в московском издательстве «Прогресс» с шестью иллюстрациями В. Сидура.

³⁰⁹ Ваншенкин Константин Яковлевич (1925–2012) – поэт, прозаик, автор известных песен, участник Великой Отечественной войны. Друг В. Сидура и Юлии с 1961 г.

³¹⁰ 27 мая «Правда» поместила передовую редакционную статью под названием «Коммунистическая убежденность» об обострении идеологической борьбы: «...Наши идейные принципы не позволяют снисходительно относиться к выходкам отщепенцев, попавшихся на удочку буржуазной пропаганды, которая пытается использовать их для клеветы на социалистический строй, фальсификации политики и целей Коммунистической партии. Всякие действия, льющие воду на мельницу наших недругов и вызывающие их похвалы, несовместимы с честью и достоинством советского гражданина. Мы не можем мириться в борьбе против вражеской идеологии и с позицией невмешательства, занимаемой иными людьми...». А двумя днями ранее, 25 мая, «Правда» печатала большую витиеватую статью сотрудника отдела пропаганды ЦК КПСС Р.И. Косолапова и официального философа П.И. Симуш «Интеллигенция в социалистическом обществе», в которой, также шла речь об отщепенцах: «Творческий умственный труд невозможен без поиска, без пробы многочисленных форм и вариантов решения той или иной проблемы, художественных стилей и т. п. Партия, руководствуясь ленинскими указаниями, оберегает право интеллигенции на творческий поиск и вместе с тем отстаивает ленинский принцип партийности и народности литературы и искусства. <...> Что же касается случаев “поиска” отдельных отщепенцев в направлении антикоммунизма, то они всегда встречали и будут встречать со стороны партии суровый отпор. Такова неумолимая логика идеологической борьбы».

28 мая 1968 г., вторник.

Дима опоздал почти на час. Возле подвала гулял Марик Гельштейн³¹¹, не мог попасть внутрь. Ждали Диму с ним вместе возле забора. Опять стало тепло. Дима появился мрачный, еле двигался. В мастерской осталось очень мало работ, несколько штук Лемпорта и немного больше – Силиса.

Пришли: безработная, похорошевшая Марина Ильичева, Валя, Эдик, Клара, Владик. Дима переоделся, ковырялся над «Сном». Эдик, Марина и Марик освобождали комнатку для фотолaborатории. Валька рассказывала что-то про кошек. Я перебирала фотографии. Владик пришел с выступления, где была тухлая публика, а ему надо было читать стихи в течение часа. Владик нас всех смешил. Позвонил Юра Левитанский, сказал, что собирается ехать встречать группу чехов, приехавших на Неделю чехословацкой культуры. Кажется, должен приехать Ян Бузаши³¹², главный редактор «Млада творбы»³¹³.

Дима ничего не может делать быстро, сразу же делается плохо за грудиной. Я жутко устала. Школу видеть не могу, а особенно начальство.

29 мая 1968 г., среда.

Прочитала стенограмму секретариата правления Союза писателей, записанную Солженицыным. Всё очень здорово, за исключением одной фразы, где он плохо отзывался о «новом романе» на Западе. Это так же глупо ругать сейчас «неоавангардистское течение», как когда-то Дима плохо отзывался о Муре, а теперь ему вспоминать об этом неприятно. За исключением этой фразы, стенограмма читается как обличительный документ, и одновременно очень сильно с художественной точки зрения.

Лемпорт, Силис всё переезжают. В маленькой комнате Дима заставил своими вещами освободившуюся полку. Скульптуры все маленькие, но их никак не назовешь статуэтками. Они монументальны и как бы вырываются из своего размера.

Вечером в гости пришли словацкие художники с нашей на редкость несимпатичной переводчицей. Одна художница, жена искусствоведа из «Культурны живот» взяла немного фотографий, чтобы показать мужу. В разговоре Дима сказал: «По отношению к грекам я, может быть, тоже занимаюсь антиискусством, но и оно должно создаваться по законам искусства». Словаки рассказали, что в Париже огромное количество афиш рекламировали одного скульптора. Тот купил целую галерею, где все залы были пустые, за исключением одного, в котором на вешалке висела одна единственная рубашка из мешковины и с нее свисали разные брелоки. Дима сказал, что искусство – это не одна рубашка, которую можно показать один раз, это цикл, в котором изливаешь душу. Поэтому такой трюк – это эксперимент, из которого что-то выйдет, а может – и нет, но не искусство. Словаки были довольны.

³¹¹ Гельштейн Марк Гдальевич (1948–1979) – математик, активный участник правозащитного движения, один из сотрудников диссидентского журнала «Хроника текущих событий», сын Г.Г. и В.И. Гельштейн.

³¹² Бузаши (Buzássy) Ян (р. 1936) – поэт. В 1966–1970 гг. главный редактор журнала *Mladá tvorba*. Позже редактор, главный редактор издательства «Словацкий писатель».

³¹³ *Mladá tvorba* («Творчество молодых») – словацкий литературный ежемесячник, выходил в Братиславе в 1956–1970 гг.

Мы с Димой устали. Пошел дождь, Дима повеселел, я замерзла. Вдруг позвонила Микаэла, сказала, что Диму ждут фломастеры. Решила помириться.

Дима никак не может кончить скульптуру «Сон». Нарисовал несколько цветных рисунков.

30 мая 1968 г., среда.

Целый день сидели дома до самого вечера. Пришла мама, возились с ней по хозяйству, ходили в химчистку, в прачечную. Дима рисовал картинку «Две девушки в купальниках». Сева, мой братец, едет в ГДР, в эту вонючую страну, в командировку.

Вечером встретились с Владиком, он пригласил нас в кино, но билетов купить не смог. Мы с трудом добыли один билет с рук и отдали ему. Сами вернулись домой к неудовольствию соседки.

Снова похолодало. Мы сидели с Димой в парке, смотрели соревнования годрошников.

Де Голль выступил с новой угрожающей речью³¹⁴. Чехи вывели Новотного и его сторонников из состава ЦК.

Дима вдруг стал лучше относиться к де Голлю. Мы с ним всё время спорим, я де Голля не люблю и категорически против него, его методов, его теории «величия Франции». Я считаю, что если даже в итоге коммунисты во Франции придут к власти, то это не будет таким же кошмаром, как у нас. Потому что это другая страна, с другой историей, с другими традициями, и коммунисты там другие. И там может быть примерно то же, что сейчас происходит в Чехословакии. Я не думаю, что для Франции это было бы хуже, чем оставаться под властью впавшего в маразм старика. Нынешние события во Франции лишний раз доказывают, что капитализм, так же как и наш «социализм» – себя не оправдывают и нужны серьезные изменения. Дима говорит, что обстановка в мире сильно напоминает ту, что сложилась перед Второй мировой войной. Сегодня во Франции прошла демонстрация около миллиона человек среднего возраста в поддержку де Голля. Дима сказал мне: «Я тоже среднего возраста, а ты – молодое поколение, поэтому мы спорим».

31 мая 1968 г., пятница.

Без звонка пришел в подвал мальчик, поэт и Смогист Батшев³¹⁵. Несколько месяцев назад вернулся из ссылки за «тунеядство». Красивый, но чем-то

³¹⁴ 29 мая де Голль побывал в Баден-Бадене в ставке французских войск в Западной Германии, где заручился поддержкой командующего генерала Ж. Массю, а 30 мая выступил с резкой речью по французскому радио и телевидению, в которой утверждал, что над страной нависла угроза «диктатуры» и «тоталитарного коммунизма», объявил о роспуске Национального собрания и назначил на конец июня новые парламентские выборы.

³¹⁵ Батшев Владимир Семенович (р. 1947) – поэт, сценарист. В 1965–1966 гг. один из организаторов и руководителей независимого творческого объединения СМОГ (см. выше записи за 13 марта), редактор неподцензурного журнала «Сфинкс». 21 апреля 1966 г. арестован, а 25 апреля осужден по статье «за тунеядство» на пять лет ссылки. В 1968 г. освобожден по амнистии. Закончил сценарный факультет ВГИК. Писал сценарии, участвовал в работе ряда издательств и журналов. Автор автобиографического романа «Записки тунеядца» (М., 1994). Первый историограф СМОГа. С 1995 г. живет в ФРГ.

неприятный парень, хотя и пытается нравиться. Говорит, что работал на лесоповале полтора года под Красноярском, полгода работал в библиотеке. Для ссыльных жизнь относительно сносная: платят деньги за работу, можно получать посылки от родственников. Нельзя только никуда уезжать, в остальном всё, как у вольных. Морозы 58° самые большие, после 43° на работу не выгоняют. Морозы большие, но тихие, поэтому переносятся легче, чем двадцатиградусные с ветром. Он пробыл два года, вместо пяти, на которые его осудили. Говорит, что за него ходатайствовали Слуцкий³¹⁶ и Домбровский³¹⁷, и сейчас он даже печатается под псевдонимом. Ходил слух, что он вроде бы там даже женился на безногой девушке. Он не захотел об этом говорить, но сказал, что развелся.

Нас было много народу: Дима, Силис, Лемпорт, Рудольф, Эдик, Дадацкий³¹⁸. Лемпорт завел разговор о том, есть ли у этих Смогов позитивная программа. Парень сказал, что вся программа, по его мнению, сводится к тому, чтобы не повторился 37-й год.

В итоге Батшева слушать перестали, заговорили о своих делах. Он стал рассказывать только мне, потому что мне действительно было интересно. Потом произошло событие, которое меня буквально огорошило. Все вышли из комнаты и Батшев тоже. Мы с Лемпортом остались вдвоем. Лемпорт вдруг схватил зеленую папку Батшева, раскрыл ее, быстро посмотрел, что в ней лежит – какие-то рукописи, справку, и снова, закрыв, сдвинул на место. Я постаралась сделать вид, что ничего не заметила, несмотря на Лемпортов тяжелый взгляд, и даже зевнула. Странно он работает, слишком грубо. Большая все-таки тварь, этот Лемпорт.

Сегодня не наш вечер, но мы остались в мастерской, потому что Лемпорт, Силис ушли по своим делам. Напоследок Силис испортил Лемпорту настроение. Лемпорт пошил себе новый костюм, на мой взгляд, плохо. Но мы с Димой сказали, что ничего. А Силис сказал, что очень плохо. Лемпорт полушутя сказал: «Нет чтобы сказать, что очень хорошо». На что Силис ответил: «Надоело мне так говорить – что ты худой, что ты хорошо выглядишь». Лемпорт ушел красный, даже не попрощался, что сейчас с ним редко.

Дима наконец закончил скульптуру «Сон». Что-то его, как всегда, не устраивает. Потом поехали к Смоленским. На днях звонила Микаэла, приглашала, говорила про фломастеры, которые привез ейный хахаль Ули из Германии, и всячески делала вид, что ничего не помнит, что Дима тогда рассердился. Женька Зверева была там, немец со своей женой, еще какие-то люди. Ули со своими

³¹⁶ Слуцкий Борис Абрамович (1919–1986) – поэт. Фронтовик-лейтенант, был тяжело ранен. Член СП СССР с 1957 г. Друг В. Сидура, Н. Силиса и В. Лемпорта. Часто бывая в их мастерской, всегда старался привести и своих друзей и знакомых, среди них: Василий Гроссман, Лиля Брик, Леонид Мартынов, Олег Чухонцев, Эдуардас Межелайтис, Антал Гидаш, Назым Хикмет, Пабло Неруда и многие другие.

³¹⁷ Домбровский Юрий Осипович (1909–1978) – поэт, прозаик. С 1933 г. неоднократно подвергался арестам, в последний раз освобожден в 1955 г. Известность пришла к нему после публикации в 1964 г. в «Новом мире» романа «Хранитель древностей». В 1978 г. издательством YMCA-Press в Париже напечатан роман «Факультет ненужных вещей». В 1978 г. был избит нападшими на него в ресторане ЦДЛ неизвестными людьми и от полученных побоев умер.

³¹⁸ Дадацкий Игорь – инженер из Ивано-Франковска.

двумя метрами роста не отходил от Микаэлы и смотрел на нее как собака. Микаэла мерила одну за другой немецкие тряпки. Женька ловко острила, но завидовала.

1 июня 1968 г., суббота.

Еще день прожили. Дима рисовал. Нарисовал много рисунков, все цветные, все прекрасные. Я ездила в спортивный магазин, купила себе брюки, конечно, не по размеру, других не было, кеды, рюкзак. Шестого июня ухожу в поход со своими ребятами до 14-го. Потом меня отпускают за это в отпуск до 26 августа.

К вечеру поехали в мастерскую. Никого не было, но чувствовалось недавнее присутствие Силиса. Ждали Клода, он обещал купить у Димы две картинки, сам напросился. Мы знали, что не придет, очень уж несерьезный говнюк. Он и не пришел. Дима сделал маленькую копию «Отчаяние». Думает отправить Зденеку Айсу при случае для той выставки, о которой нам рассказывал Лазарев. Никто не звонил, никто не приходил. Сегодня побили рекорд на самое позднее укладывание спать. Вышли около четырех часов ночи.

У Юры Левитанского зарубили книжку в «Советском писателе»³¹⁹, у Дзика тоже, причин не объяснили.

Соседка наша ночевать не пришла, наверно, за город укатила. Я воспользовалась – спокойно убрала квартиру. Когда она дома, я не люблю убирать, она мне действует на нервы.

Видели документы Лемпорта и Силиса, где ясно написано, что Силис будет в той же мастерской официально, что и Лемпорт. Зачем он хитрит и выгадывает – непонятно. Дима сказал: «Они уйдут и кончится еще один жизненный этап». «И слава богу, – сказала я, – у нас и дальше будет много проблем, но все-таки всё это будет свое».

2 июня 1968 г., воскресенье.

Пришла моя мама. Много, утомительно говорила.

Послали письмо Флакерам с Диминым рисунком. Вечером в мастерской собрались все наши ребята и моя мама. Олег Миллюков снимал, Эдичка обклеивал бумагой свою комнатку под фотолабораторию. Марина Ильичева, очень элегантная, делала маленькую «Памятник погибшим от насилий». Дима закончил «Инвалида-качалку». Валька начисто вымыла стол и рассказывала про свою кошку Фиму и про кошек вообще.

Начинаются жаркие дни. Диме надо заканчивать памятник Варге. Он заделал щели свинцом, но получилось плохо – черта темная, сильно проступает. Марина Варга³²⁰ сказала, что ей не нравится. И вообще, они уже немного нервничают, потому что хотят, чтобы закончилось. И над Димой это тоже висит. Работяг этих никак не добьешься, с кем он договорился раньше. У Димы повысилось давление, он часто раздражается, хотя и быстро отходит, спит ужасно, несмотря на снотворное.

³¹⁹ «Советский писатель» – издательство, основанное в 1934 г., в 1938–1992 гг. находилось в ведении Союза писателей СССР. В. Сидур сотрудничал с ним с 1964 г.

³²⁰ Варга Марина Евгеньевна (1923–?) – биолог, дочь академика Е.С. Варга.

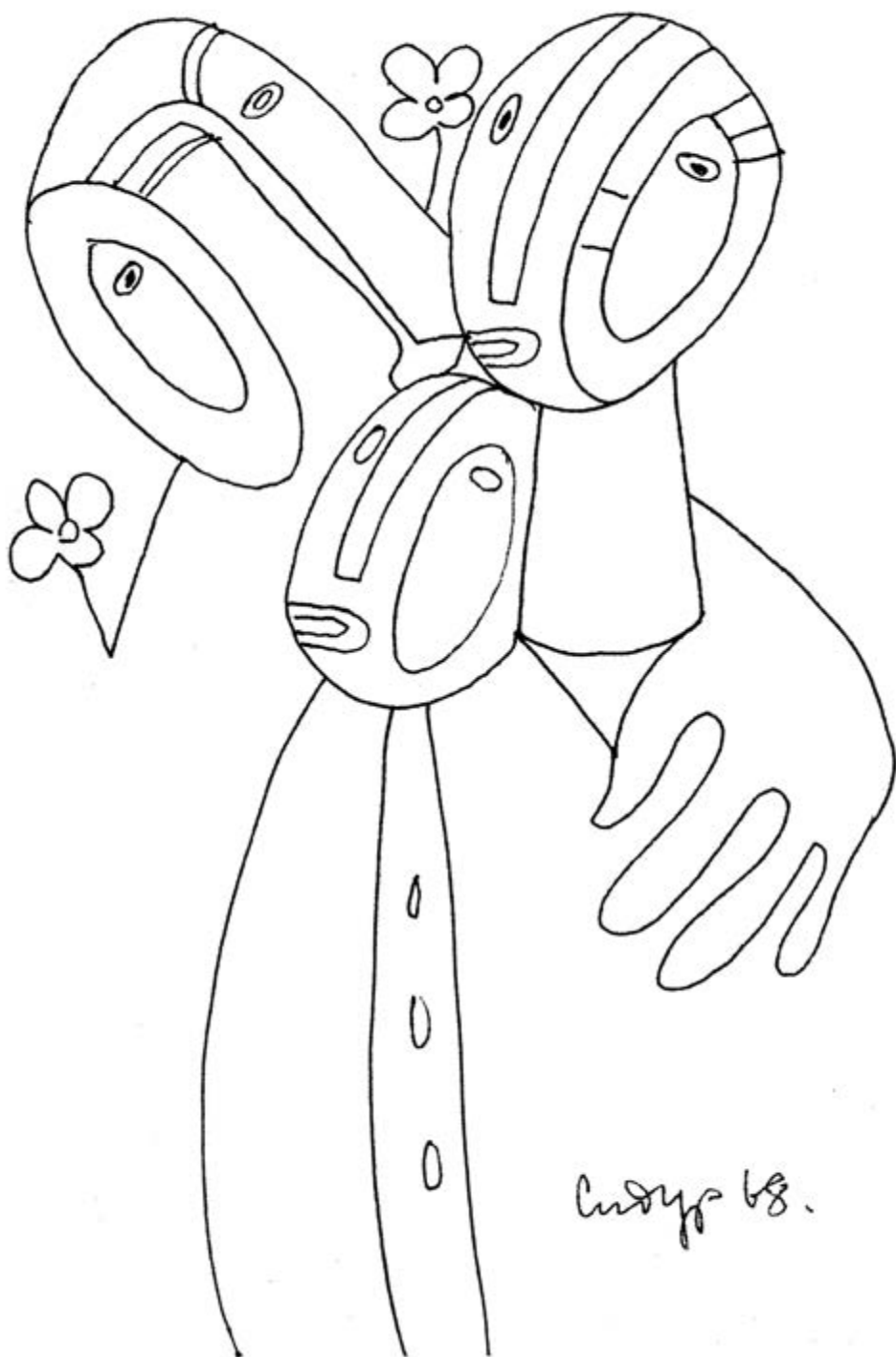

Рисунок В. Сидура (1968)

Устали мы страшно, всё крутимся, что-то делаем, о чем-то думаем, что еще предстоит сделать. Всё время ощущение неясности – когда уедет Силис, долго ли мы пробудем в подвале, пока нас не выгонит собес, где будут жить зимой родители, сколько нужно будет платить за подвал и еще куча всяких вопросов, которые тянут за душу и портят нервы.

3 июня 1968 г., понедельник.

Я очень часто пишу, что Дима себя плохо чувствует. Сегодня было ему очень и очень плохо, воспаленная кожа, налитые глаза. Я попыталась уговорить его вернуться домой из мастерской, но он отказался. Вечная история с погодой – похолодало так резко, что даже здоровые люди от этой перемены чувствуют себя неважно, не то что Дима, который предчувствует изменение погоды всегда за несколько дней.

Были на Девичке, договорились с работягами на завтра. Силис мил и грациозен, Лемпорт старается смыться, как только мы приходим. Всё время на столе у них бутылки и всё время они пьют. Колька несколько раз пытался объявить мимоходом, что он остается. Мы-то знаем, что он финтит и врет, но Дима скажет ему об этом, как только будет официально оформлены документы на ту мастерскую, где они вдвоем будут значиться владельцами. Эдик привез старые столы из своей шарашки, где он работает. Он так чисто отмыл и очистил от пыли свою комнатку, что я ужасно удивляюсь, как вообще можно было всё так хорошо сделать из такой грязищи.

Вечером Силис остался в подвале поджидать какую-то «ля фаму», как он говорит, а мы с Димой поехали к Вите Гинзбургу. Нина уже оправилась после болезни и была в одном из своих собственноручно связанных платьев. Витя поправился. Уезжает 6-го в Италию на конференцию физиков, а я 6-го ухожу в поход на восемь дней, и боюсь, потому что холодно, тяжело, ребят можем простудить и сами простудиться, но изменить уже ничего нельзя. Дима немного у них отдохнул, а может быть, погода уже окончательно сменилась на холод, и ему стало немного полегче.

Дима сказал про Лемпорта и Силиса: «Они мне смертельно надоели». Я Диме говорила, чтобы он не нервничал, но слова мои не утешали.

4 июня 1968 г., вторник.

Дима был на кладбище, снова замазал щели цементом на памятнике Варге. Никого не видели – ни Лемпорта, ни Силиса. Неожиданно позвонил один парень, чех, который у нас был на днях. Вся группа уехала в Ленинград, а он остался в Москве и пришел к нам. Вдруг сказал Диме, что для него в чешском городе Литвинов есть работа и будто бы в посольстве ему сказали, что сейчас наши, в связи с последней ситуацией идут чехам во всем на уступки и якобы один из секретарей посольства гарантирует, что Дима сможет выехать. Подобные утверждения мы слышали уже не раз, но Дима, конечно, с готовностью согласился. Чеха зовут Станислав Ганзик, ему 37 лет, но он блондин и выглядит намного моложе. Он скульптор, показал свой каталог. Скульптор он неплохой.

Юлия в туристическом походе (1968)

Одна из его скульптур, «Сварщик», завоевала на Биеннале³²¹ первую премию и понравилась Джакометти³²². Он ездил по всему миру, четыре раза был в Париже и даже учился у Цадкина³²³. Почему он пришел к Диме с подобным предложением? Может быть, и скорее всего, ему всё очень понравилось? Он мне сказал, что это посещение его очень стимулирует к дальнейшей деятельности. А может быть, у него, как у других на Западе, «кризис идей». То, чего с Димой никогда не случается, идеи прут из него, как из мясорубки. Чехи – невероятные люди. Им сразу же хочется бороться, чем-то помочь. Станислав сказал, что он займется этим делом, насчет Димы, сразу же в Праге.

5 июня 1968 г., понедельник.

В мастерскую я не пошла, до семи вечера проколготилась в школе. Сначала нервничала на экзамене у десятиклассников, затем отстаивала вместе с другими

³²¹ Biennale – крупная выставка современного искусства, с 1895 г. организуемая каждые два года в Венеции. В ее рамки входят художественная и архитектурная экспозиции, кинофестиваль, фестивали музыки и танца.

³²² Джакометти (Giacometti) Альберто (1901–1966) – швейцарский скульптор, живописец и график. В. Сидур очень высоко ценил его творчество.

³²³ Цадкин (Zadkine) Осип (1890–1967) – французский скульптор-экспрессионист. Один из любимых скульпторов В. Сидура.

права одной учительницы. Пришла домой злая и возбужденная. Завтра уходить в поход, а мама купила мне маленькие кеды, хотя раньше я уже купила себе маленькие, так мама купила еще такие же. В итоге я решила идти в старых заскорузлых кедах. Кроме того, мама купила мне спальный мешок, до которого страшно дотронуться, а не то чтобы брать в поход – до чего он шикарный. Я представляю, как я его волоку по коровникам и сеновалам, этакая перина. Всё удовольствие – 35 р. Дима будет в него залезать вместо ватного одеяла, от которого ничего не осталось. Мне даже подумать стыдно, что мои ребята придут с одеялами, а я со спальным мешком, да еще таким роскошным. Мешок не возьму.

Я уйду до 14 июня под Наро-Фоминский район. Нас – три тетки взрослых и шестнадцать ребят. В основном – мои тупоголовенькие семиклассники. Дима пообещал, что пока я буду бродяжничать под Наро-Фоминском, он будет аккуратно записывать каждый день, как протекает его великая жизнь, чтобы благодарные потомки могли сослаться на его записи, изучая его жизнь и творчество.

Он сегодня был на кладбище, замыл щели на памятнике Варге, а потом до двух часов ночи принимал Левитанского с редактором «Млада творбы» Яном Бузаши.

6 июня 1968 г., вторник³²⁴.

Был у меня Дадацкий, я дал ему 20 р. на всякие приспособления. Он рассказывал мне, как деградировали Лем. и Сил. Рудольф сказал Дадацкому о моей скульптуре: «Это технически – конструктивистский натурализм», но не смог объяснить, что это значит и почему плохо.

Надоели мне всякие Бузаши, Левитанские и Шуплецовы до бесконечности. Юра, как всегда в таких случаях, орал дурным голосом, а в промежутках требовал показывать рисунки.

Сегодня утром Юлька ушла в поход, а я остался за летописца. Умер Роберт Кеннеди³²⁵. Сегодня, когда я ехал в Алабино после бесконечных телефонных звонков, разговоров с Эдиком, Колькой, Женей Зверевой и другими, меня, как всегда, поразил мирный вид земли, на которую никто из вагона не смотрел, все или читали ил дремали. А снаружи среди зелени женщины стирали или ковырялись в огородах, их большие зады подымались выше голов. Перед тем как уехать, я целый день сидел дома, что-то рисовал. Легче стало только вечером, а в Алабине – совсем хорошо.

7 июня 1968 г., среда.

Сегодня закончил небольшую деревянную скульптуру «Женское начало», которую начал в прошлое посещение Алабина. Нужно делать рисунки к книге Кушнера, которая должна выйти в Праге, и детскую книжку для Смулдрид. Но,

³²⁴ С 6 по 17 июня 1968 г. записи в дневнике делал В. Сидур.

³²⁵ Кеннеди (Kennedy) Роберт Фрэнсис (1925–1968) – политический и государственный деятель США, сенатор, младший брат убитого в 1963 г. президента Джона Кеннеди. В 1968 г. баллотировался на пост президента. 5 июня смертельно ранен в результате покушения, на следующий день умер. Убийство до сих пор не раскрыто.

как всегда, ужасно не хочется всем этим заниматься. Люблю работать только не на заказ, даже на самый хороший заказ.

Утром моросил дождь, я подумал, что Юльке тяжело идти, было душновато и влажно. Но потом день разгулялся, а вечером стало совсем хорошо, светила большая желтая луна в пятнышках. Когда приезжаешь в Алабино (особенно в первые дни), кажется, что Москва со своими заботами или не существует или очень далеко. Но через некоторое время зов Москвы возобновляется.

Вчера вечером «Свобода» передала, что Солж опубликовал в «Унита»³²⁶ письмо с протестом против публикации «Ракового корпуса» в западных странах. Вот почти и все события. Зубы еще болели, вернее их остатки, осенью надо будет с ними расстаться.

8 июня 1968 г., четверг.

Спал совершенно кошмарно. Как всегда в таких случаях, изменилась погода. Было очень жарко и копилась гроза, но так и не разразилась. Рисовал для Кушнера, получается не так быстро, как хотелось бы. В середине дня принесли от него телеграмму. Сообщает, что в Москве и будет мне звонить в воскресенье днем. Я решил не ехать, т. к. он не пишет точно, когда будет звонить.

Перед вечером прибежал Сашка-сосед ругаться по поводу нового забора (вернее, вымогать на пол-литра). Я довольно энергично его прогнал. Отец переживал ссору, а мама была рада, что я высказал Сашке многое накопившееся.

Очень скуаю по Юльке, больно привык с ней постоянно беседовать. Как там ей походитя? летописцем я снова сделался по ее требованию.

Хочу завтра закончить Кушнера и, может быть, начать что-нибудь рубить из дерева. Написал и вспомнил про детскую книжку.

У Л. и С. есть теория, что подрастает новое поколение скульпторов и заказ получить будет всё труднее, следовательно, нужно торопиться больше зарабатывать. Вот и останется после только сберкнижка.

9 июня 1968 г., пятница.

«Бедная наша Юлька», – воскликнули мы все сегодня вечером, глядя на черные тучи, надвигающиеся со стороны Наро-Фоминска. Подул свежий ветер, сквозь тучи поблескивали молнии, погромыхивал гром. До нас дождь не дошел, только поморосил немножко.

Сегодняшним днем я доволен. Немного порисовал для Кушнера, погулял, а после обеда совершенно неожиданно для себя начал новую небольшую скульптуру из дерева. Перед сном еще раз порисовал, а сейчас веду летопись.

За ужином я потерял еще один зуб, опять спереди. Так что теперь нужно будет заняться зубами более срочно, чем я предполагал.

³²⁶ *L'Unità* – ежедневная газета, основанная в 1924 г., орган Итальянской Коммунистической партии (до 1991). Упомянутое письмо было подготовлено писателем еще в апреле для газет «Унита» и «Монд» и содержало запрещение западным издателям «печатать “Раковый корпус”, присваивать “копирайт”, продавать на экранизацию и т. д. <...> Хотя я не имел на то прямых юридических прав, но то было моей отчаянной попыткой остановить печатание в условиях, когда секретариат Союза СП относился к утке моей книги на Запад, если не поощрительно, то равнодушно».

Теперь наш участок довольно сильно зарос. Особенно много анютиных глазок, они цветут до снега, цветущими уходят под снег и такими же появляются. На некоторых желтеньких мы с отцом ясно увидели лица старичков. У каждого старичка – свое выражение лица.

10 июня 1968 г., суббота.
Сегодня чуть не забыл о своих обязанностях летописца, избаловала меня Юлька, совсем отвык писать. С большим удовольствием нарисовал рисуночек перед словом июнь, обозначающим начало месяца, с таким же удовольствием продолжал резать девушку, а пишу дневник и рисую для Кушнера – с отвращением, хотя там могут быть помещены рисунки почти что для себя. Видимо, дело в том, что мне не прислали заказ на эти рисунки, а так же в том, что хотя Кушнер нравится мне как поэт, он очень далек от того, что делаю я. И темы и форма уж очень различны у нас.

Сегодня было очень жарко (28°), на завтра обещают еще большую жару, а к вечеру грозу, ветер и всякую дрянь. Я собирался как раз завтра вечером ехать в Москву.

Очень хорошо выступил Тито³²⁷ в Югославии³²⁸.

Запись делаю 13 июня.

Утром <11 июня> я чувствовал себя вполне прилично. Продолжал рисовать варианты к Кушнеру. Помогал прокручивать котлеты и даже начал их жарить. Снова вернулся к рисункам. Было очень жарко, я всё время чувствовал что-то в затылке, когда стоял согнувшись над рисунками. Потом меня начало мутить и знобить. Пошел к родителям, лег на раскладушку и хотя укрылся двумя одеялами, цокал зубами. Температура 37,4, не стал ждать ее повышения, выпил аспирин. Хорошо, еще не успел пообедать. Потом у меня начала пухнуть верхняя губа. Мы все решили, что меня сразило что-то вроде теплового удара, сопровождавшегося аллергией. В это время, с того момента, как я свалился, погода начала портиться, похолодало, гремел гром, шел дождь. Хорошо было бы по прохладе ехать в Москву. Ночью я несколько раз просыпался от сильной боли в сердце и левой руке. На следующий день (т. е. 12-го) чувствовал себя скверно, лежал. Температура поднималась до 37,5, несмотря на аспирин, продолжало болеть сердце и рука. Вечером отец пошел звонить Эдику, ходил больше двух часов, вернулся с насморком, но не дозвонился. Потом я написал большое письмо Юле.

Мои старички стали совсем старенькими, как детишки, особенно мама (напоминает мне девочку лесничихи Кати). Когда я заболеваю, а Юльки нет, то чувство нашей общей беспомощности совершенно подавляет. Батя всё забывает

³²⁷ Тито Иосиф Броз (Tito Josip Broz, 1892–1980) – югославский военный, государственный и партийный деятель, маршал (1943), президент Югославии с 1953 г. Выступал сторонником внеблоковой политики, являлся одним из лидеров Движения неприсоединения.

³²⁸ Между 2 и 9 июня 1968 г. студенты Белграда, Сараева, Загреба, Любляны и других городов после столкновений с полицией оккупировали университеты на семь дней и выдвинули требования свободы публичных высказываний, свободы демонстраций и собраний, демократического контроля над выборными политиками и т. п. Тито обратился к студентам с речью, в которой заявил о своей «поддержке» их призывов, но одновременно потребовал, чтобы они немедленно вернулись к занятиям.

(но не верит в это). Вчера репетировали с ним, как он будет говорить с Эдиком по телефону. Дорепетировались до того, что все трое начали хохотать и долго не могли успокоиться.

13 июня 1968 г., четверг.

Утро. Только что папа уехал в Москву, повез письмо Юле о моей болезни. Попробует от нас дозвониться Эдику в мастерскую. О том, что произошло 11 и 12 июня, я написал в письме Юле. Сегодня мне стало чуть лучше. Это я определяю по тому, что у меня снова пробудился интерес к делам, и особенно – к своим поленьям, даже лежа нарисовал несколько рисуночков. Но пока лежу, сердце еще ноет. Представляю, как Юлька завтра вернется и вместо меня увидит мое письмо. Она и так без меня дичает, а тут еще сюрприз.

Приехал батя. Письмо Юле оставил, поговорил с Эдиком, который обещает приехать завтра. В то время, когда папа был у нас дома, кто-то позвонил и с чешским акцентом (как показалось папе), спросил: «Как послать Диме приглашение?» Батя сказал, что Дима в Алабине и болен, но не догадался спросить – кто, куда приглашение и т. д.

В «Известиях» статья некоего Н. Федя³²⁹, ругающего роман Гончара³³⁰ «Собор». Даже Гончар додумался: «Нет правды, пропили всю, на самогон променяли. На этой горемычной земле – что еще человеку остается, кроме улыбки неба и ласки солнца».

14 июня 1968 г., пятница.

Юленька – солнышко мое, я жду тебя с ужасным нетерпением. Так хочется рассказать тебе обо всем – что я делаю, о чем думаю, что слышал по радио,

³²⁹ Федь Николай Михайлович (1928–2007) – литературный критик и литературовед, доктор филологических наук, научный сотрудник ИМЛИ им. М. Горького АН СССР, член СП СССР. Занимался творчеством М.А. Шолохова, Ю.В. Бондарева, А.В. Ларионова, П.Л. Проскурина, Н.М. Рубцова. Лауреат черносотенной Международной премии им. М.А. Шолохова (1997).

³³⁰ Олесь (Александр Терентьевич) Гончар (1918–1995) – украинский поэт, прозаик и публицист. Участник Великой Отечественной войны. Лауреат Ленинской (1964), двух Сталинских (1948, 1949) и Государственной (1982) премий, Герой Социалистического Труда (1978). Роман «Собор» (1967 г., опубликован по-украински в 1968 г.) считается главным его произведением. Сразу же по выходе роман был подвергнут партийной критике, писатель обвинен в искажении и очернении советской действительности и т. д. Юлия упоминает помещенную в «Известиях» от 12 июня 1968 г. статью «Достоинство искусства» за подписью кандидата филологических наук Н. Федя. «Случаются примеры, когда художники создают произведения, далекие от правды жизни, искажающие исторические события и нашу действительность», – пишет автор и приводит сначала в качестве плохого примера знаменитый спектакль А. Эфроса «Три сестры» в московском Театре на Малой Бронной (1967), запрещенный после двух показов. Далее Н. Федь говорит исключительно о романе «Собор»: «В этом многоплановом произведении с трудом просматривается замысел рассказать о наших людях. <...> Одно за другим следуют «живописания» отрицательных (в ряде случаев второстепенных) явлений. Автору невдомек, что он упускает из виду общую перспективу жизни, главную тенденцию времени». Роман был переведен и на русский язык, его выпуск намечался в издательстве «Советский писатель» в 1968 г., однако в результате вмешательства КГБ издан не был. (См. «Аппарат ЦК КПСС и культура. 1965–1972. Документы». Сост. Томили-на Н.Г., Конова Т.Ю. и др. – М., РОССПЭН. 2009. С. 484–486). Кампания травли О. Гончара продолжалась в течение двух лет, роман «Собор» не переиздавался до 1988 г.

Юленька - самовыжывание мое,
 в пещу медь с утесанным
 неберением. // Так короче
 рассказываю тебе // обо всем.
 Что в горах, // о чем думаю,
 что слышал по радио, о чем
 писал, // **ПЯТНИЦА** // у меня болит
 что меня беспокоит, о своем
 давлении // о свободе, о том
 что терпеть не могу, болит
 за левым ухом, о том
 как в пещу медь, // что
 пещу медь с утесанным
 неберением, // что боюсь
 не посоримся // и мы
 сразу все как увидимся;
 приедем скорее // мой де-
 теныш, едем мы далее
 и посоримся, // но очень
 скоро помиримся. Сегодня
 обещают очень холодную ночь,
 стужи не замерзши // в
 своем красном одежде

Приветствую Эдик. Приветствую Игоря.
 О том что звонил Стане он не
 знает. У нас еще нет дома.
 Можем быть мы идем забирать
 веревки в Алабугу. // **ИЮНЬ** //

о чем читал, что у меня болит, что меня беспокоит, о своем давлении, о животе, о том, что терпнет левая рука, болит за левым ухом, о том, как я тебя люблю, что жду тебя с ужасным нетерпением, что боюсь, не поссоримся ли мы сразу же, как увидимся. Приезжай скорее, мой детеныш, если мы даже и поссоримся, то очень скоро помиримся. Сегодня обещают очень холодную ночь, смотри не замерзни в своем красном одеяле.

Приезжал Эдик, привез творог. О том, кто звонил папе, он не знает. Юли еще нет дома. Может быть, она приедет завтра вечером в Алабино. Жду.

15 июня 1968 г., суббота.

Уже 11 ч. вечера, а моя Юлька не приехала. И хотя я вчера лицемерно говорил Эдику, что пусть, дескать, Юля не волнуется, я чувствую себя лучше... если ей нужно, пусть задержится в Москве, но я всё время надеялся, что Юлька всё же приедет. Несколько раз выглядывал за калитку, а сейчас, хотя это, видимо, страшно эгоистично, испытываю сильное разочарование и даже некоторую злость. Я чувствую, что и Юлька в Москве испытывает по отношению ко мне разочарование и даже некоторую злость. А сегодня утром я даже подстриг бороду и волосы, чтобы понравиться Юльке.

<...>

16 июня 1968 г., воскресенье.

Сегодня около двух часов дня получили Юлькину телеграмму. Слава богу, она здорова, обещает приехать завтра. Решили позвонить Юле по телефону, талон у нас был. Попросили Катю открыть нам лесничество. Телефон отвратительно гудел, скорее дребезжал. Телефонистка долго и недовольно выпрашивала, где купили талон, как фамилия, потом сказала: «Положите трубку, я вам позвоню». Прошло полчаса, я попробовал позвонить на почту еще раз. Телефонистка сказала грубо: «Положите трубку!», потом телефон испортился. Вечером мы с мамой снова пошли к Кате, телефон снова молчал. В поселковом совете красивый зеленый телефон на столе также молчал. Вернулись домой, там всё еще сидел <сосед> Гордиенко и кончал второй час рассказов о своих болезнях, почти усыпив бату. В итоге он, как всегда, одолжил три рубля и ушел. Батя сказал, что Гордиенко берет 1 р. за один час.

Так прошел выходной день. Было очень жарко, дул холодный ветер.

17 июня 1968 г., понедельник.

Чуть не забыл сделать очередную запись, так огорчился тому, что Юлька не приехала. Начал думать над книжкой для «Детгиза». Вечером почти закончил второе полено из цикла «Женское начало», может быть, завтра кончу. Сегодня перед обедом гулял с «Соней» по Сидуралле³³¹. Три девочки из пионерского лагеря бродили около. Наконец одна из них крикнула: «Дядя, а борода у вас своя?» – «Своя!», – дружелюбно ответил я. «Вот видишь, я же говорила, я гово-

³³¹ Так прозвали неширокую просеку от дома в лесу.

рила!», – заверещала третья девочка. Написал «третья», потому что «второй» счел девочку в шортиках, которая молчала. Содержательно побеседовали, я сказал, что борода – потому, что у меня ранение и что я художник, в общем, для красоты. «Я же говорила, я говорила!», – снова закричала третья девочка. Со всем взрослые женщины и ничуть не стесняются, хотя маленькие, читать не любят.

В Москве арестовали трех англичан, раздававших листовки прохожим. Я думаю, что они напрасно лезут в наши дела, только оказывают услугу нашим «органам».

18 июня 1968 г., вторник.

Пришла я из похода, охрипшая, загорелая. Два дня отходила, отсыпалась. Дима тут без меня заболел. Ждала его вчера весь вечер, волновалась, потому что Эдик сказал, что если Дима не звонит, значит обязательно приедет. Слава богу, в Алабине увидела, что он ходит, крутит радио. Там были свои неприятности. Сосед-сволочь, житья не давал, болезнь Димина.

К вечеру приехали в Москву. Увидели Рудольфа, ордер на новую мастерскую он получил, остается им только оформить договор. Чувствует себя Дима плохо, с зубами что-то ужасное. Вместо передних зубов торчат два страшных обломка. Кроме того, вышли из поезда, сразу же начал задыхаться – не хватает кислорода. Лемпорт, Силис приехали, но послезавтра должны уезжать снова делать большой заказ в Красноярске³³².

Дел очень много: докончить с памятником Варге, отдать Тупицыну фотографии, так как он позвонил, что на днях уезжает в Югославию, оформить мастерскую на себя, если это возможно, починить зубы, и множество других дел. Всё это сделать в наиболее возможно короткий срок и вернуться в Алабино. Напрасно Димка боялся, что мы поссоримся и что я одичаю. Наоборот, после вчерашнего волнения, от которого у меня даже поднялась температура, я была счастлива, что вижу его на ногах.

Алик Киселев прошел по конкурсу во ВГИК и допущен к экзаменам. Любимова вроде бы все-таки снимают.

У Левитанского очень плохо с отцом, что-то вроде саркомы ноги. Юра срочно выехал в Иркутск. Витю Гинзбурга сначала не хотели пускать в Италию из-за процентной нормы на евреев. Потом пустили, а двух других, которые были сначала отвергнуты вместе с ним, не пустили. Солженицын сделал заявление в «Унита», что он не желает, чтобы его издавали на Западе без его ведома. Натали Саррот³³³ опубликовала в «Новом мире» свой роман «Золотые плоды». Дима говорит, что умно, но хиловато, я еще не читала. На работу мне завтра не ходить и это прекрасно. Я теперь вернулась, и вместе нам легче.

³³² В Красноярском Академгородке ими выполнен в граните памятник-надгробие академику-физику Л.В. Киренскому (установлен в 1974 г.).

³³³ Саррот (Sarraute) Натали (Наталья Ильинична Черняк, 1900–1999) – писательница, до 1940 г. адвокат, литературным трудом занималась с начала 1930-х гг. Роман «Золотые плоды» (*Les Fruits d'or*) написан в 1964 г.

Москва 18/V
1968

Огюст Ренуар (1841-1919)
Портрет актрисы Самари
Auguste Renoir
Portrait de Mlle Jeanne Samary
Auguste Renoir
Portrait of the Actress Samary

Юлька! Я совсем уже
было решил
на тебя рассер-
диться за то, что ты
мне так редко пишешь
Ты же мне не
допускаешь моих обид

Без я ма и покурив своего
первого шевеля и не зная
твоего адреса. Сейчас я в Москве.
Редко скажи мне, что ты
уменьшала со своими мо-
шерками. Прощай твою за-
щитку. Дима. Крам я ищущий.

После всего этого я решил
на тебя сердиться не очень
сильно и сгибать тебе
просто изумленной. Знаю
голова все в порядке.
Мама и Ваня передают
привет. Я тебе целую и
целую твоих малышей. Если
ты мне не будешь писать
я собою тебе извинений
звоню тебе и не буду
тебе любить. Дима

Завтра позвоню тебе Борисов

Подписано в печать 20-IX-56 г. Изд. № 6207.
Тираж 50 000. Цена 25 коп. Зак. № 969.
Ленинград, 21-я тип. им. Ивана Федорова.

ваше письмо
получено
13/10/68

Почтовая открытка Вадима Сидура к Юлии (1968)

19 июня 1968 г., среда.

На работу не хожу и испытываю от этого счастье. Димка тоже ужасно рад, что мне не нужно никуда уходить. Самочувствие у него сегодня было немного лучше, но на кладбище мы из-за жары не поехали. До вечера были дома, ходили по квартире полуголые, занимались хозяйством. Би-би-си восхищалось тем, что наши не посадили английских студентов, которые раскидывали листовки на площади Маяковского против процесса Галанскова и Гинзбурга.

В мастерской был один Эдик. Лемпорт, Силис завтра уезжают и сегодня тоже ушли вечером. Завтра Дима должен оформлять договор на наш подвал только на себя. Итак, если всё будет в порядке, с 1 июля Дима становится хозяином в мастерской.

Встретились с Игорем Тупицыным, он рассказал очень интересные вещи. Из Югославии приезжал один из секретарей ЦК, который якобы непосредственно говорил с Демичевым про Диму, так как в Белграде осенью должны отмечать двадцатипятилетие освобождения города, и в связи с тем, что югославы очень пышно отмечали наше 50-летие, мы тоже должны сейчас каким-то образом отплатить. Поэтому они не через МОССХ, а через ЦК просят прислать им с выставками того, кого им хочется. Дима всё время боялся, что ему разрешат ехать сейчас, потому что для него такая жара – погибель. Осенью совсем другое дело. Тупицын рассказал также, что он часто бывает у Эрнста и что, по его мнению, Эрнст остановился и работает не так интересно. На что Дима ему ответил, что нельзя слишком за все хвататься, как делает Эрнст. Тупицын спросил, не поссорились ли мы с Эрнстом, потому что когда он проговорился, что Диму приглашают югославы, Эрнст очень «резко» на это прореагировал с огромным интересом. Дима сказал: «Эрнст очень умный человек. Он прекрасно понимает, что у нас – я ему единственный конкурент. Но я никуда не лезу, потому что у меня нет здоровья и сил хватает только на то, чтобы сидеть в подвале и что-то делать. И больше мне ничего не нужно».

20 июня 1968 г., четверг.

Сегодня была фантастическая жара. Я жару хорошо переношу, но сегодня и мне было неважно. Бывает, что не можешь пошевелить ни ногой, ни рукой.

Лемпорт, Силис вдруг без предупреждения отложили свой отъезд на четыре дня. Дима договорился с людьми, а Силис собрался оставаться на свидание. Дима очень настойчиво объяснил ему ситуацию и предложил ему встретиться в новой мастерской. Силис довольно быстро примирился. В мастерской Лемпорт, Силис оставили после себя отвратительные следы, все остатки и объедки на столе.

Были на кладбище. Камень для надписи уже сделали, но не отполировали. Немой работяга Сергей Мурзов потребовал денег на пол-литровку, немного побтесал швы на памятнике. Получается гораздо лучше. Диме на кладбище сделалось очень неважно, пока он ходил по солнцу.

Пришли люди: Хазановы с подругой, Эдик, Клара. Клара рассказала, как Лидия Корнеевна Чуковская³³⁴ беседовала с членом правления ССП Росляко-

³³⁴ Чуковская Лидия Корнеевна (1907–1996) – писательница, литературный критик, редактор.

вым³³⁵, когда ее вызывали давать объяснения по поводу подписи против процесса Гинзбурга-Галанскова. Когда Росляков ей сказал: «Они же никакие не писатели». Она ответила: «А кто вам сказал, что честные люди защищают только писателей. Вон, Короленко вотяков защищал³³⁶, а они даже были не читатели. А Пастернак был писатель. Что, вы его защали? Только помогли угробить».

Последним, когда уже все ушли, пришли Алик Киселев и актер, автор спектакля о Маяковском на Таганке Веня Смехов³³⁷. Веня – умный, красивый парень. Скульптуру не понимает, вернее никогда ее не смотрел, но в итоге он на ходу начал что-то соображать и даже высказывать умные мысли. Очень мало все-таки у нас интеллигенты понимают в скульптуре, это просто удивительно!

Алик прошел творческий конкурс со своими рассказами и теперь готовится к собеседованию.

Вышла книжка стихов Валека с Димиными рисунками. Очень приятная книжечка. И рисунки очень почти как для себя, даже, можно сказать, совсем для себя.

Послезавтра с утра поедем с Димой чинить зубы.

21 июня 1968 г., пятница.

Говорили о творчестве. Дима сказал: «Ты пиши роман о себе, а выйдет – обо мне».

Жара была сегодня не меньше, чем вчера, но мы с Димой почему-то чувствовали себя лучше. Дима нарисовал три рисунка для друзей в Польше, куда все-таки едет Алла Гербер. Эдику звонила какая-то чешка от Данека, сказала, что привезла от него письмо, но второй раз Диме не перезвонила, позвонит на днях. Дима сам позвонил Бранко в югославское посольство. Бранко сказал, что ничего у них пока не получается, потому что на все их запросы им отвечают, что это невозможно, а симпозиум открывается 6 июля.

В мастерской был Эдик. Он себе оборудовал в маленькой комнате отличную фотолабораторию, всё вымыл, вычистил, обклеил бумагой. Пришла Валька с подругой Аней. Кошка Фима вроде бы чувствует себя лучше и ей не будут делать кесарево сечение. Сама Валька перешла на новую работу и говорит, что в этом «Обществе охраны природы» неизмеримо лучше и приятнее, чем в старом военном учреждении, которое она только что покинула, и ей больше не будут грозить «повести к генералу», если она потеряет пропуск. Дима с Эдиком разрушили стенку, отделяющую Димины вещи от их. Они увезли уже очень много,

³³⁵ Росляков Василий Петрович (1921–1991) – прозаик, критик. Участник Великой Отечественной войны. Член правления СП РСФСР (до 1990).

³³⁶ Подразумевается громкое дело 1892 г. по обвинению десяти удмуртов (вотяков) села Старый Мултан Вятской губернии в совершении зверского ритуального убийства. Все они были приговорены к десятилетней каторге. В.Г. Короленко удалось установить, что убийство сфальсифицировано. Писатель привлек к процессу всеобщее внимание, написав более десяти статей и очерков в петербургских газетах, выступал как защитник на повторном процессе и добился оправдания невинно осужденных.

³³⁷ Смехов Вениамин Борисович (р. 1940) – актер театра и кино, режиссер, сценарист, поэт, прозаик. С 1962 г. по 1997 г. (с перерывом) актер Театра на Таганке. В своей интересной книге «Театр моей памяти» (М., Вагриус. 2001) посвятил В. Сидуру отдельную главу – «Предстоящий Вадим Сидур» (С. 287–295).

но Силисовых работ еще порядком. Дима расхаживал в голубых трусах, но дам это не шокировало.

Пришли Олег <Миллюков> с Мариной, измученные жарой и явно выраженной на лице неудовлетворенностью. Олег принес весьма приличные фотографии, Дима предложил ему денег, но Олег отказался. Дима хочет, чтобы у него, как и у Эдика, был ключ, и он мог бы приходиться печатать, если ему надо.

Когда все ушли, позвонила бедный агент Сорокина из больницы, где ей на днях вырезали полип в прямой кишке. Люська не унывает, в среду она уже выписывается. У нее был Рудольф, который сообщил ей, что собирается жениться и что Лемпорт, Силис оформили его в своей новой мастерской третьим. Валька рассказывала, что будто бы она ухитрилась пронаблюдать всю свою собственную операцию в каком-то зеркале.

Над Москвой шумно гремела гроза, покапала еле-еле и удалилась.

22 июня 1968 г., суббота.

Встали рано, что нам несвойственно, когда не нужно ходить на работу. Поехали к Витечке Шейнбергу показывать Димины зубы. Подошли к челюстной палате, на крыльце сидели больные, обвязанные, перекошенные, с перебитыми носами. У Димы в смысле кривизны с ними прямое сходство. Приехали напрасно, потому что Витечка сказал, что нужно сначала сделать рентген, а он сегодня не работает, и назначил на понедельник в 12 часов. Я спросила у Витечки: «Ужас у него во рту?» На что Витечка сказал: «Ничего, бывает и хуже». Это меня как-то успокоило.

Поехали спасаться в мастерскую, единственное место, где можно существовать и укрываться от этой проклятой жары. Нас ждал Эдик. Он включил печку, чтобы обжечь последние Димины работы. Дима тут же разоблачился до своих голубых трусов и начал что-то разбирать. Мы остаемся одни и нам предстоит много работы по расчистке и отмывке помещений.

Пришел Колька, Дима сначала не хотел с ним разговаривать насчет его переезда, но не выдержал и сказал, что уже оформил мастерскую на себя и хотел бы, чтобы Коля тоже увез свои вещи. Силис начал говорить о том, что он хотел бы быть еще какое-то время в подвале «полноправным членом» по «джентльменскому соглашению», хотя он понимает, что Дима «юридически прав, но по-человечески...» Дима ему ответил, что по-человечески он может приходиться сколько хочет, обжигать и звонить по телефону, но пусть увезет свои вещи, потому что Дима хочет сделать свою экспозицию, а его вещи просто мешают, хотя бы тем, что занимают место. Тем более непонятно, почему Коля сопротивляется, когда он имеет теперь больше 200 метров в новой роскошной мастерской, куда Дима не просится быть «полноправным членом». Ни до чего не договорились, но скорее всего, Силис подумает над Диминим предложением. Вообще, Силиса немного жалко. Он так трогательно обещал «со своей стороны поддерживать чистоту».

Пришел француз Клод, весь обмурзанный пирожным. Пришел покупать картинку, но деньги забыл, сказал, что деньги передаст через Иду. Выбрал три от-

личных рисунка и один Дима ему подарил. Всего на 200 рублей. Эдик напечатал штук пятьдесят фотографий, все хорошие. Пришел Владик <Бахнов> с бутылкой. Обещают похолодание.

23 июня 1968 г., воскресенье.

Как только встали, Дима тут же сказал: «Умираю от жары, поехали скорее в подвал». В подвале грязно, но прохладно, прямо рай. Дима ни разу из подвала не вышел, а я только один раз в магазин. Заходил заморенный Силис с огромным рюкзаком, готовится к отъезду. Дима все расчищал в своем углу, а в итоге я к нему присоединилась, когда перестал болеть живот. Вдвоем мы немного расчистили, но нужно еще вкалывать очень долго.

Второй день звонит некий Алик Ревич³³⁸, рвется зайти в мастерскую с какими-то польскими художниками. Дима его не принял, этот Алик очень большой трескун и слишком утомителен. Зато к вечеру позвонила Велта Пliche, мы с радостью ее пригласили. Мы часто сердимся на Велту, Дима и я, мы поругиваем ее, но все равно мы знаем, что Велта, может быть, единственная из нашего окружения после Бори Хазанова, кто так хорошо понимает в том, что делает Дима. Велта очень прилично выглядела, что бывает редко. Прочитала нам статью для «Пионера»³³⁹ про польское народное искусство. Статья хорошая. Тут же дала мне прочесть вторую большую статью про березу, тоже для «Пионера». Это просто прекрасная статья, мне очень понравилась, даже трудно было оторваться. Я сказала об этом Велте и не ожидала, что она так обрадуется, потому что Велта всегда пишет умно и хорошо. Я даже загордилась, что она так дорожит моим мнением.

Пришел Алик Киселев с француженкой Беатрис. Такая красotka эта девочка, очень любознательная, слушает все внимательно, глазки горят, по-русски читает вовсю. Она занимается Маяковским у нас, и Велта – давай ее образовывать.

Наконец, позвонила чешка, Анна Новакова³⁴⁰ от Данека. Приехала к нам, привезла хорошее письмо от Вацлава, взяла Димины рисунки к Кушнеру. Симпатичная тетка. Хотим рискнуть, дать ей «Котлован» Платонова, чтобы она его перевела в Праге. Она уже начала переводить «Раковый корпус». Хотим ей дать также портрет Солженицына.

Алик Киселев хочет помогать расчищать подвал, мы его приветствуем.

³³⁸ Ревич Александр Михайлович (1921–2012) – поэт, переводчик, член СП СССР (с 1952). Участник Великой Отечественной войны.

³³⁹ Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации для пионеров и школьников, издается с 1924 г. Имел разделы публицистики, науки и техники, школьной жизни, искусства, спорта, печатал стихи, рассказы и повести, был хорошо иллюстрирован, издавался миллионным тиражом.

³⁴⁰ Новакова (Nováková) Анна (1921–2005) – переводчица русской литературы, на чешском языке в ее переводе вышли произведения Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Платонова, Б.Ш. Окуджавы, А.И. Солженицына, Э.С. Радзинского и др. В 1995 г. Общество переводчиков и Чешский литературный фонд присудили ей престижную премию Йозефа Юнгманна за перевод романа А.П. Платонова «Чевенгур».

Вадим Сидур, Валентина Караваева и Юлия в мастерской (1968). Фото: Эдуард Гладков

24 июня 1968 г., понедельник.

Снова напрасно проехали к Витечке Шейнбергу делать рентген Диминых зубов. Не оказалось рентгенолога, а техник умеет снимать только нижние зубы. Жара не спадает. Разделились с Димой – он поехал в подвал, а я на Девичку, отдавать деньги за полировку камня с надписью для Варги. Вернулась в подвал, где Дима сидел вдвоем с недовольным Лемпортом. Недоволен он только по одной причине – что его уход доставляет Диме огромную радость, которую Дима с трудом скрывает. Пришел Коваль, совсем пустой стал парень, ничего не осталось. Кидаёт фразы: «Я живу, работаю с наслаждением», «Деньги зарабатываю с наслаждением», «Для себя делаю с наслаждением», «Я понял, что к своим произведениям надо относиться несерьезно».

Лемпорт рассказывал, какая у него «бесподобная» мастерская, что он написал повесть о Нигерии и Слуцкий обещал ее пристроить, какие прекрасные получились слайды с рисунков, о том, что им дали какой-то городок физиков «на разграбление», то есть – еще один миллионный заказ. Все это было рассчитано на Диму. Удивительно, что при всех этих благах Лемпорт недоволен, правда, до того момента, когда пришел Силис и через некоторое время все напились. Гуллер тоже пришла, как всегда бездушная и размалеванная от лица до платья. Силис и Лемпорт, не в силах сдержаться, ненавистно переругивались, у них это происходит все чаще и чаще. Может быть, в этом кроются причины Силисова странного

поведения, почему он так тянет с переездом. Хотя один он никогда не останется, слишком слабые кишки.

Они наконец уехали, Дима весь остаток дня был в ужасно радостном состоянии. С их уходом у нас в жизни начнется совершенно новый этап. Дима сказал мне, когда они пили, а он работал в большой комнате: «Они остались на прежнем уровне. Те же разговоры, та же обстановка. Мы друг друга не можем понять, живем в разных измерениях. Мы – антимирь».

Пришел Алик Киселев, помогал таскать грязь. Все трое мы ковырялись, пока не пришли Анна-чешка и Велта. Дамы есть отказались, а мы рубали изо всех сил. Велта очень все правильно говорила про наши проблемы. Она очень умная, несчастная тетка, на глаза ей всё время навертывались слезы и выглядела она хуже, чем вчера.

Де Голль побеждает на выборах³⁴¹. «Кто оказался прав в политических прогнозах?» – спросил Дима. «Ты», – ответила я.

25 июня 1968 г., вторник.

Устали мы. Снова целый день убирали, а конца-краю не видно. Очень здорово помогал Алик Киселев, получается у него все ладно, умно, сноровисто. Очень хороший парнишка. Я уже совсем почти к нему привыкла.

Диме наконец сегодня сделали рентген зубов. Жара не прекращается, подвал – единственное убежище. К вечеру подвалили гости: Инна Бернштейн, только что вернувшаяся из Праги, Боря Хазанов с Мариной, Шуплецовы с Артамоновой, Олег с Мариной. Инна настроена оптимистически, говорит, что чехи полны энтузиазма. Виделась со всеми нашими друзьями и все говорят о Диме с большой теплотой. Зденек Айс все надеется, что Дима приедет, но Инна почему-то не узнала, получил ли он большие фотографии, которые просил для выставки. Совершенно прекрасно ведет себя Йозеф Боб, который теперь стал главным редактором «Культурного живота». Шуплецов сказал, что завтра в «Литературной газете» ожидается погромная статья на Солженицына за его «Пир победителей»³⁴². Подонки! Ну ничего, всё вспомнится в свое время.

Боря Хазанов решил каку-то жутко умную математическую задачу. Олег Милуков напечатал в Эдиковой лаборатории фотографию портрета Солженицына. Шуплецовы ни грамма не выпили. Я этому удивилась, а оказывается, они уже дома выпивали. Юра Левитанский все еще в Иркутске. Клара сказала Эдику по телефону, что Корней согласился продать нам свой старый холодильник «Газоаппарат»³⁴³ за двадцатку. Мы поставим его в мастерскую, которая теперь наша.

³⁴¹ В результате выборов 23–30 июня 1968 г. голлистское «Объединение в поддержку республики» (UNR) получило 73,8% мест в Национальном собрании (абсолютное большинство), это означало полное доверие президенту де Голлю.

³⁴² Комедия в стихах, сочиненная и заученная наизусть А.И. Солженицыным в 1951 г. в Экибастузском лагере Дальлага. Ее машинопись вместе с другими рукописями была изъята из архива писателя, который он хранил у своего друга В.Л. Теуша, во время обыска на его квартире в 1965 г. По распоряжению ЦК КПСС издана закрытым ограниченным тиражом и распространялась среди номенклатуры «для уличения автора».

³⁴³ Один из первых советских бытовых холодильников, выпускался в 1950–1954 гг.

Самая последняя пришла около полуночи Анна Новакова. Она плохо ориентируется, никак не могла найти наш подвал, хотя это всего два шага. Ее напугали какие-то пьяные и она бродила вокруг минут двадцать. Дима отдал ей «Котлован», чтобы она его перевела. Он сказал, что для этого романа он с удовольствием сделал бы рисунки. Анна обещала договориться в Праге. Инна была рада, что Анна принесла ей последнюю газету «Литерарны листы»³⁴⁴, где печатается книга Исаака Дойчера³⁴⁵ «Неоконченная революция», и наши перестали доставлять газету подписчикам в СССР.

Завтра Дима хочет уехать, а я останусь, потому что надо идти в школу на выпускной вечер.

26 июня 1968 г., среда.

Дима уехал в Алабино, а я осталась, потому что надо идти на выпускной вечер, где будут получать аттестаты зрелости и мои десятиклассники. Приходила Валька, принесла «Литературную газету» с гнуснейшей статьей против Солженицына. Приходится им, сволочам, реагировать на его существование³⁴⁶.

Эдик еще не приехал из Ленинграда. В подвале благодать. Более-менее чисто. А главное – свое. Вчера мы с Димой прочитали последние главы из общего дневника, который они вели когда-то втроем: Лемпорт, Сидур и Силис. События описывались только Лемпортом и Силисом, пока Дима лежал в больнице. Перемазывание идиотского по своей сущности вопроса – имеет ли Дима право жениться на мне или нет. Прошло время и жизнь показала, нужно ли нам было жениться, кто стал художником, а кто перестал им быть, зато занимается бесконечным зарабатыванием денег. Не оправдались также и Лемпортовы опасения, что Дима обрекает меня, бедняжку, на жизнь «старика и старушки», а также Колины сомнения в «прочности этого брака». Оправдалось только одно, что «коллектив был страшнее любого брака». На глазах выдохся и окончательно измельчал Коваль, окончательно погряз в маразме Лемпорт, почти потерял свои способности очень слабый душевно человек Силис. Прошло всего семь лет, а уже ясно, кем стал за это время хилый здоровьем, но неизмеримо сильнее духом и характером, чем его бывшие друзья, Вадим Сидур, так и не перешедший к Лемпорту и Силису «на пенсию». Начал рисовать еще лежа, чем сильно раздражал своего первого друга Володю Лемпорта. И тот самый коллектив, ко-

³⁴⁴ *Literární listy (LL)* – «Литературные страницы» – так с 1968 г. стал называться пражский литературный еженедельник *Literární noviny*, выходивший с 1927 г. Основное интеллектуальное издание «Пражской весны». В августе 1968 г. поместил фотографию скульптуры В. Сидура «Погибшим от любви», а в декабре – «Портрет Солженицына». В 1969–1990 гг. назывался *Listy*.

³⁴⁵ Дойчер (Deutscher) Исаак (1907–1967) – польский и английский писатель, историк и публицист, автор книг по истории Советского Союза, биографий Л.Д. Троцкого и И.В. Сталина, запрещенных в СССР. По взглядам был троцкистом, член Польской Компартии в 1926–1932 гг., исключен за критику Сталина. Книга *The Unfinished Revolution: Russia 1917–1967* вышла в Оксфорде в 1967 г.

³⁴⁶ Полная ругательных эпитетов по отношению к А.И. Солженицыну – в связи с публикацией в Лондоне (изд. *Flegon Press*) его «Ракового корпуса» – редакционная статья «Идейная борьба. Ответственность писателя» была помещена в газете 26 июня 1968 г., заняв целую полосу. Статья была также прочитана по Всесоюзному радио.

гда-то так любовно созданный самим Сидуром, моментально развалился при первом же большом несчастье. «Как хорошо, что Лемпорт оказался такой сволочью. Если бы это тянулось дальше, я бы сдох», – сказал Дима. Что же, нет худ без добра. К тому же есть теория, всё идет на пользу художнику. Есть также еще одна теория, что зло неизбежно возвращается к тому, кто его совершил. В связи с этим Дима сказал: «Лемпорту я желаю небольшой инфарктик». Но я знаю, что больше всего мы желаем ему всех благ, а главное, как говорит Дима, не видеть больше «его волосатого морщинистого зада» вместо лица.

27 июня 1968 г., четверг.

Приехал Эдик из Ленинграда. С завтрашнего дня ему надо будет ходить на военное обучение в течение двух недель. А я пошла на вечер в школу. Поразительно, до чего красивы наши дети. Рослые, ослепительно нарядные. Ни одного некрасивого человека. На кого ни посмотрю – все прекрасны. Говорили прочувственные речи, получали «Свидетельство о среднем образовании», наименование, которым теперь заменяют красивое название «Аттестат зрелости». Потом ели бутерброды и пили фруктовую воду. Никакое вино, даже самое легкое, не разрешается, курить тоже нельзя. Курили втихомолку в темных коридорах. Когда заиграл свой джаз, многие ребята начали откалывать шейк и какой-то новый танец джерк. Вот и попробуй, борись с западной идеологией. Все одеты, обуты, сыты, красивы, танцуют западные упаднические танцы. На вид ничем не отличаются от европейских юношей и девочек, прилично знают иностранный язык, знакомы с французской литературой и историей, слушают зарубежное радио, и обязательно должны бороться с враждебной нам буржуазной идеологией. Очень трудно теперь стало бороться и нам, учителям, и им, ученикам. А многие даже и не хотят бороться.

28 июня 1968 г., пятница.

Диме сегодня исполнилось сорок четыре года. Я копошилась в Москве по делам до пяти часов дня, а потом приехала в Алабино и легла спать. Дима выглядит неплохо, родители более-менее ничего. Дима обрастает скульптурами, сделал уже три деревяшки, как раз резал третью, когда я появилась. Я как легла в Алабино, так сразу почувствовала, как я устала. Здесь тихо и гораздо холоднее, чем в Москве.

В Москве утром Эдик не мог попасть в маленькую комнату, потому что она была закрыта. Мы грешили на Рудольфа, а оказалось, что она сама захлопнулась от ветра. Я по телефону посоветовала Эдику сломать дверь, но слава богу, он в замке поковырял какой-то железкой и открыл, не ломая. Позвонила Клара, сказала, что Корней согласился и мы можем на следующей неделе уже перевозить холодильник. Я не сообразила пригласить завтра Клару в Алабино вместе с Валькой и Эдиком, а потом пожалела, когда мне об этом сказала Валька по телефону. Эдику звонила Велта, спрашивала у него, как к нам проехать в Алабино. Когда он сказал, что они с Валею приедут тоже, у Велты, скорее всего, пропало желание. Вокруг нас все отличные люди, но между собой не всегда дружат. Особенно Велта имеет способность вступать с людьми в плохие отношения.

Была на Девичке. Камень, несколько кривоватый, уже лежит отполированный, осталось только выбить буквы.

Дима сделал обложку к книге Кушнера. По-моему, получилась очень красивая обложка. Завтра приедут Эдик с Валькой, а может быть, и Клара. Я попросила Эдика уговорить Клару, потому что дозвониться во второй раз мне не удалось. А Велта, наверно, не приедет, так как она не любит ни Вальку, ни Клару.

29 июня 1968 г., суббота.

Провели очень хороший день. Приехали Валя с Эдиком, привезли английские сладости. Приятно, что в наших магазинах можно купить что-то английское, хотя наши конфеты даже чем-то лучше. Неожиданно приехала мама. Отпраздновали Димин день рождения, гуляли по лесу. Валька с Эдиком – совсем нам родные люди, одни из самых близких и дорогих, мы с ними очень хорошо себя чувствуем, без всякого напряжения. Втроем с Эдиком вытащили трехметровое дерево, из которого Дима уже начал вырубать «Христа». Эдик много фотографировал всех нас и больше всего Диму. Дима вспомнил, как Бунин язвительно отзывался о Горьком, который очень любил сниматься во всех видах. Если бы у Горького был только этот недостаток! А вечером, когда ребята уехали, нас забавляла мама рассказами о наших астраханских родственниках.

На Диму периодически находят сомнения в том, что он делает. Он сказал: «Не знаю, можно ли назвать открытиями то, что делаю я по сравнению с Муром и Цадкиным». А я сказала: «С ними, может быть, и трудно сравниваться, но во всяком случае, ты где-то с ними рядом, а в нашей стране – так и вообще первый». Если сделать в натуральную величину «Похороны» или «Треблинку», их, безусловно, можно считать открытиями.

У меня настроение грустное. Не знаю, как переделывать свою повесть, а хочется, чтобы она была очень интересной. Пока что все больше убеждаюсь в одной истине: легко и просто критиковать других, трудно создавать самому.

«Золотые плоды» Натали Саррот мне в целом не понравились. Пока что, как сказал Дима, «новый роман со старым тягаться не может». Несколько очень умных мыслей об искусстве, с которыми трудно не согласиться, погрязших в словесной шелухе очень женской писанины. Но, может быть, это и неплохо, потому что я этот роман помню, а кое-какие мысли мне просто понравились.

Би-би-си сообщило, что наши устраивают митинги на заводах и фабриках против процесса демократизации в Чехословакии.

30 июня 1968 г., воскресенье.

Целый день Дима рубил дерево. К вечеру явно устал, перетруился. Мама помогала по хозяйству. Я куксилась, потому что у меня ничего не получалось. Целый день мы много ели. В связи с Димиными именинами скопилось много вкусных вещей, и жалко было не сожрать. Мама моя в итоге обьелась, Зинаида Ивановна тоже. Абрам Яковлевич, несмотря на свой диабет, съел много конфет.

Я лежала, выдавливая из себя мысли по переделке повести и в итоге заснула. Дима сказал: «Я тебе помогу. Я уже хочу в Москву, в наш подвал. Больше всего люблю находиться в нашем подвале».

Слушали Би-би-си. В Чехословакии начались разногласия³⁴⁷. Очень страшно – как бы там не произошла заварушка. Хотим написать письма всем нашим чехам. Во Франции де Голль, наверно, сегодня победит на выборах. Там очень активизируются правые во главе с ОАС³⁴⁸.

Я проводила маму на поезд. Было много народа, она с трудом отыскала себе местечко, но все-таки села. Стало прямо-таки холодно, а завтра обещают, что будет еще холоднее.

1 июля 1968 г., понедельник.

Около пяти вечера приехали в Москву. Пошли посмотреть на строительство нашего дома. Кран передвинули, а строительство не сдвинулось ни на чуть-чуть. Дима сегодня себя очень и очень неважно чувствовал, снова при любом быстром действии его прихватывало за грудиной. Порадовались нашему пустынному подвалу, не воняющему объедками. Выглядели не очень удачные фотографии портрета Солженицына, которые уже успели пересохнуть.

Пришел со своих военных занятий Эдик. Говорит, что кошка Фима чувствует себя все хуже и хуже, у нее началась желтуха, и скорее всего, она умрет. Можно себе представить, как переживает Валька. Пришла элегантная Велта в черном костюме. Передала привет от Натальи Ивановны Столяровой³⁴⁹. Сказала, что сейчас обсуждается вопрос в ЦК о применении мер против тех, кто хранит, чи-

³⁴⁷ 27 июня (на следующий день после официальной отмены парламентом предварительной цензуры прессы) в еженедельнике *Literární listy* и двух других газетах появилось составленное писателем Людвиком Вацуликом и подписанное шестьюдесятью интеллектуалами воззвание «Две тысячи слов, обращенных к рабочим, крестьянам, служащим, ученым, работникам искусства и всем прочим», в котором содержались призывы к радикальной демократизации политического режима в ЧССР, призыв поддержать А. Дубчека в борьбе с консерваторами и сталинистами. Воззвание, ставшее одним из основных документов «Пражской весны», получило колоссальный отклик в стране – как поддержку, так и несогласие – и вызвало страх у советских руководителей. А. Дубчек и председатель правительства ЧССР О. Черник охарактеризовали «Две тысячи слов» как несвоевременный документ, полный преувеличений, но признали, что авторами движут положительные намерения. (См. об этом ниже записи от 11 июля 1968 г.)

³⁴⁸ ОАС – *Organisation de l'armée secrète* («Секретная армейская организация») – националистическая террористическая организация, созданная в 1961 г. офицерами-ветеранами Алжирской войны в ответ на референдум о самоопределении Алжира. Целью организации было помешать независимости Алжира, девизом служил лозунг «Алжир принадлежит Франции – так будет и впредь». Провела цепь террористических актов, среди которых неудачное покушение на президента де Голля в 1962 г. Формально ликвидирована в 1963 г. после ареста и казни основных руководителей. Но последователи ОАС в ультраправой среде Франции существуют до сих пор.

³⁴⁹ Столярова Наталья Ивановна (1912–1984) – переводчица. Дочь русских эмигрантов-эсеров, родилась в Генуе, с детства жила в Париже, окончила Сорбонну, входила в круги русской эмигрантской творческой интеллигенции. В 1934 г. репатрировалась в СССР, работала переводчицей. В 1937 г. арестована, девять лет провела в ГУЛАГе. С 1946 г. по 1956 г. скиталась по стране без права проживания в крупных городах. После реабилитации и возвращения в 1956 г. в Москву стала секретарем И.Г. Эренбурга. Как переводчица была членом СП СССР. Среди прочего перевела произведения Ш. Бодлера, Веркора, Ж. Сименона, А. Стиля, А. Труайя и др. В 1960-х – 1970-х гг. помогала А.И. Солженицыну в хранении его рукописей и в переправке их за пределы СССР. С 1974 г. активно участвовала в деятельности солженицынского Фонда помощи политическим заключенным.

тает и незаконно передает самиздатовские рукописи, а также о тех, кто слушает зарубежное радио. Кроме того, ходят слухи, что Шелепин³⁵⁰ в правительстве якобы придерживается крайне левых взглядов и хочет идти по чехословацкому пути.

Пришла Анна Новакова, а затем и Инна Бернштейн. Анна принесла Инне «Литерарны листы» и всем сувениры – бутылочки с чешскими винами. Собирается переводить на чешский «Котлован» Платонова. Дима еще раз выразил свое желание сделать к нему иллюстрации. Мы отдали Анне почти все портреты Солженицына, и она сказала, что постарается опубликовать портрет в «Литерарных листах» и в других журналах. Передали ей фотографии для Йозефа Боба и письма для всех наших друзей. Завтра утром Анна вылетает.

2 июля 1968 г., вторник.

Какое блаженство находиться в мастерской, которая теперь принадлежит нам! И даже мне, «не хозяйке», всё время хочется что-то стирать, отчищать, отмывать. Дима испытывает примерно то же желание и уже начал мучиться оттого, что не начал новую скульптуру и целые два дня не лепил, не рисовал, не рубил дерево. Очень приятно встречать в подвале Эдика вместо глупого и крикливого Рудольфа.

Мы были на кладбище, где Сергей Мурзов очень прилично обработал швы на памятнике и выглядеть стала скульптура гораздо лучше.

В четыре часа пришел итальянский критик Леоне Пачини³⁵¹ с женой и с нашим переводчиком из Союза писателей Солоновичем³⁵². Привела их Вера Феонина³⁵³, которая когда-то была у нас с турками. Вера ушла и оставила нас с итальянцами и Солоновичем. Они похвалили скульптуру, особенно деревянную группу «Бабий Яр». Но когда посмотрели рисунки, это их добило. Пачини сказал: «Только перевезите эти картины в Италию, и я сразу устрою вам выставку».

³⁵⁰ Шелепин Александр Николаевич (1918–1994) – партийный и государственный деятель. В описываемое время член ЦК КПСС (1952–1976), член Политбюро ЦК КПСС (1964–1975), председатель ВЦСПС (1967–1975). Ранее первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1952–1958) и председатель КГБ (1958–1961), именно на этом посту приобрел репутацию «либерала», частично реформировав одиозное ведомство – обновил состав, уволив участников массовых сталинских репрессий и набрав новых молодых сотрудников из комсомола, а также ликвидировал «идеологическое» управление, осуществлявшее наблюдение за творческой интеллигенцией (восстановлено в 1967 г. с приходом на пост председателя КГБ Ю.В. Андропова). Поддержание этой репутации было необходимо Шелепину в ходе бесконечной закулисной борьбы за власть, в которой этот функционер принимал активнейшее участие.

³⁵¹ Пачини Савой (Pacini Savoy) Леоне (1907–1990) – славист, профессор. С 1930-х гг. исследователь и переводчик классической русской литературы, с 1947 г. преподаватель института русской литературы (в 1956–1958 г. директор) университета Неаполя.

³⁵² Солонович Евгений Михайлович (р. 1933) – переводчик итальянской поэзии и прозы. Автор статей по вопросам итальянской литературы и художественного перевода. Член ССП (с 1966). Профессор Литературного института им. М. Горького (с 1993), руководит семинаром переводчиков с итальянского языка. Лауреат многих престижных литературных премий Италии.

³⁵³ Феонина Вера Борисовна (1940–2003) – переводчица турецкой литературы, с конца 1970-х гг. консультант Иностранной комиссии правления СП СССР.

Он стал красный, так ему захотелось сразу всё иметь. Мы долго пытались ему объяснить, что невозможно передать картины в Италию, невозможно приехать, потому что даже в Чехословакию и Югославию не пускают, нельзя продавать на лиры, хотя валюта очень нужна нашему государству. Пачини в итоге понял, он прекрасно говорит по-русски, он специалист по русской литературе. В итоге они наскребли из всех своих запасов 70 р., так как на лиры мы продавать не решились, и купили очень хорошую монотипию. Фото портрета Солженицына подарили, потому что он попросил. Расстались друзьями.

Эдик переснял заново портрет Солженицына. Дима не пустил Руди, который неожиданно появился без звонка.

3 июля 1968 г., среда.

Фотографии портрета Солженицына получились у Эдика очень неважно – слишком контрастная пленка. Глаза получились черные, и вообще – совсем другой человек, вся необычность и прелесть исчезла.

Заявился Руди, довольно нагло и по-хозяйски пребывал. Дима с ним очень нелюбезно поговорил, попросил поскорее вывозить вещи и не приходить без звонка. С Руди тут же слетела спесь и ушел он уже не так, как пришел. Дима наконец начал новую скульптуру, хотя проработал совсем недолго, потому что целый день мы что-то очищали, мыли и гладили, а к вечеру пришли гости. <...> Позвонила Юнна, сказала, что послала нам стихотворение про мастерскую вместе с хорошим письмом, но мы почему-то его не получили. Я думаю, что Юнна врет, и ничего они слевой нам не посылали. Но стихотворение это прекрасное.

Нину Гинзбург снова положили в больницу и Витя предполагает, что, возможно, придется оперировать. Что-то Нине, совсем не привыкшей болеть, очень не повезло в этом году.

Пришел Володя Бураковский с девицей, мои подружки из школы Наташа и Лиза, Саша Алешин с девушкой, Олег Милюков, Эдинька с несостоявшихся военных занятий. Володя сказал, что Лемпорт, Силис принимали их с Гдалем в своей новой мастерской. Мастерская огромная, высокая, отремонтированная, но ни одна работа, сказал Володя, его не трогает. И что будто бы он чуть не поссорился с Гдалем, который сказал, что он сравнивает несравнимые вещи. Володины взгляды на искусство нам давно известны, но теперь у него появилось два места, куда он может пойти выпить – и к нам, и к ним.

Опять у нас ежедневно люди и Дима уже начинает от этого доходить. И деться некуда, всех надо принимать, потому что все достойные люди. Завтра Витя Гинзбург должен прийти с американскими физиками.

4 июля 1968 г., среда.

Я приехала в подвал раньше Димы и сразу же пошла за водкой, потому что пошел слух, что водкой сейчас торгуют с перебоями³⁵⁴. Купила заодно мензурки вместо рюмок. Всё это для того, чтобы на высшем уровне принять Дэвида Пайнса³⁵⁵

³⁵⁴ Вскоре произошло повышение цены на пол-литровую бутылку водки – вместо 2 руб. 87 коп. она стала стоить 3 руб. 62 коп.

Американские физики в мастерской В. Сидура. Справа Уолтер Кон (1968). Фото: Эдуард Гладков

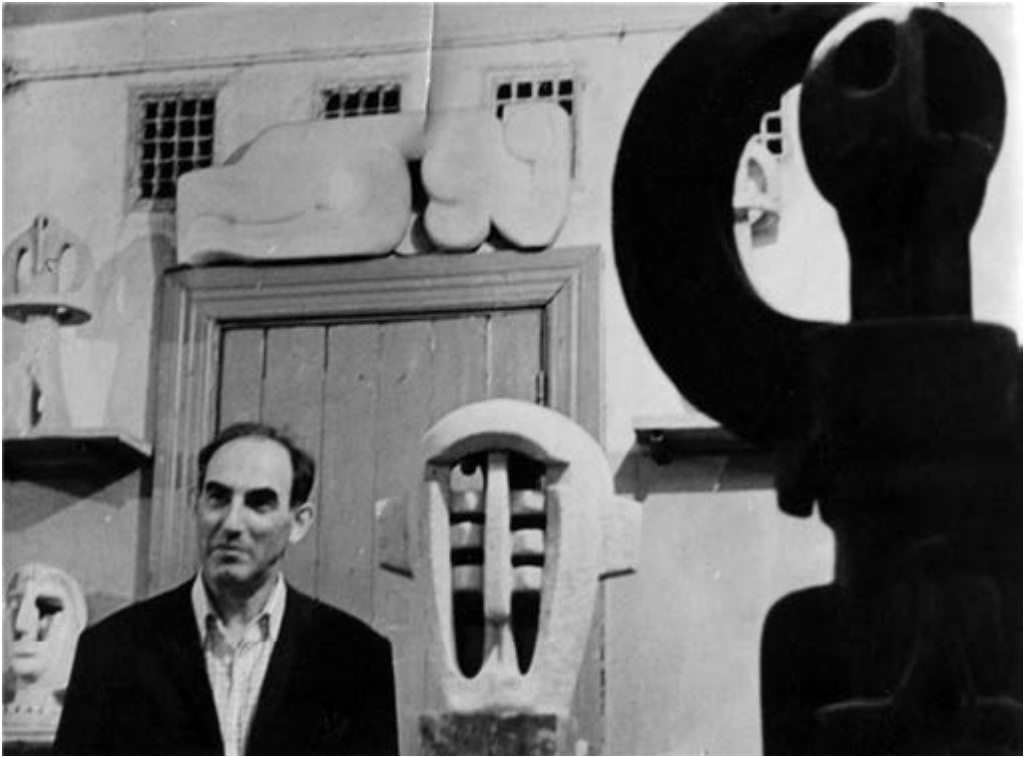
и других Витиных американских физиков. Встретила только что вернувшегося из Красноярска Лемпорта. Сразу же спросил, где Дима, огорчился, что он в Москве. Потом долго сидел в подвале и звонил.

Витя Гинзбург пришел раньше физиков. Эдик его пофотографировал по всей мастерской рядом с его портретом и вместе с Димой. Приехали американцы и двое наших – Халат и Липшиц. Один парень, Кон³⁵⁶, у нас уже был несколько лет назад. Дэвид с женой, очень сердечно с ними встретились. Очень скромный и очень значительный человек Бардин³⁵⁷, держится совсем не как лауреат Нобелевской

³⁵⁵ Пайнс (Pines) Дэвид (р. 1924) – американский физик-теоретик, астрофизик, в описываемое время профессор и директор физического института Иллинойского университета в Урбане. В 1968 г. выступил инициатором программы научного обмена между США и СССР. Неоднократно приезжал в Советский Союз по приглашению АН СССР. Профессор ряда американских и европейских университетов, член Национальной Академии наук США (1973), иностранный член АН СССР (1988), лауреат многих научных наград.

³⁵⁶ Кон (Kohn) Уолтер (1923–2016) – американский химик и физик-теоретик. Лауреат Нобелевской премии по химии 1998 года.

³⁵⁷ Бардин (Bardeen) Джон (1908–1991) – американский физик, создатель транзистора (1947). Единственный ученый, дважды удостоенный Нобелевской премии за достижения в одной и той же

Виталий Лазаревич Гинзбург около своего портрета в мастерской В. Сидура (1968). Фото: Эдуард Гладков

премии. Очень почтительно и уважительно всё посмотрели. Дэвид привез чернила и фетры <для фломастера>. Накормили их, напоили и все были ужасно довольны, несмотря на кривые вилки, мензурки и отсутствие салфеток, которые упорно требовал Витя Гинзбург.

Дима делает ужасно интересную скульптуру из серии «После войны». В двенадцатом часу попросился Олег Милуков с приятелями. Один – шизофренического вида мальчик – говорил: «Дима, вы не боитесь, что придет чекист с молотком и из идейной убежденности всё разобьет, а про вас скажет – “к стенке” и расстреляет?» – «Боюсь», – сказал Дима. «Скажите, Дима, ведь талантливый юноша должен начинать у нас с подлости?» – «Нет, – сказал Дима, – не надо ни начинать, ни кончать подлостью. Платонов и Булгаков ни в молодости, ни в старости подлости не делали».

области науки – физике, в первый раз в 1956 г. за транзистор, во второй – в 1972 г. за основополагающую теорию обычных полупроводников, получившую позже его имя. В течение 40 лет профессор Иллинойского университета в Урбане. Член Национальной Академии наук США, иностранный член АН СССР (1982).

5 июля 1968 г., пятница.

Лемпорт сидел в подвале, ждал, когда его соединят с Ашхабадом. Умерла кошка Фима, Эдик очень расстроился. Можно представить, как встретит это известие Валька. Лемпорт теперь пьет сахарин вместо сахара и с гордостью нам об этом сообщил. Эдик пошутил, что сахарин влияет на половые способности. Лемпорт шутки не понял и испуганно спросил: «Правда?» Он так и не дождался Ашхабада и ушел. Сидеть одиноко у телефона и наблюдать за нашей активной деятельностью ему было довольно тошно. Дима сильно продвинул скульптуру, Эдик снимал «Эйнштейна», я колготилась по хозяйству, а Лемпорт сидел в качестве гостя и в итоге ушел.

Эдик поехал с Фиминым трупом на дачу, чтобы его там похоронить. Валька и Серафима Сергеевна плакали.

Вечером к нам пришла француженка Беатрис, а потом Клара с подругой Музой. Оказывается, Корнеев холодильник перевезла к себе Люша³⁵⁸, пока ее новый в починке. Вполне, в связи с изменившейся ситуацией, можем остаться без холодильника. Клара рассказала, что Корней был на кладбище на могиле у жены и ему очень понравился памятник Изольду, он сказал Кларе, что себе хотел бы такой же после смерти. Дима сказал Кларе, чтобы Корней намекнул своим родственникам о том, чтобы они не скупилась, а то, как только он помрет, все сразу начнут жаться, а Дима больше не будет делать памятник бесплатно, как Женьке, Изольд был исключением.

Саня Даниэль³⁵⁹ сдает экзамены на мехмат МГУ и, скорее всего, туда не попадет. Клара уже наметила место, куда его можно будет пристроить. Павла Литвинова на работу взялась устраивать милиция. Солженицын исчез и не появляется³⁶⁰.

6 июля 1968 г., среда.

Достаточно не записать один день, чтобы уже на следующий всё позабыть.

В подвале нас ждал Эдик и дошедшая, заплаканная Валька. Мы с Димой пару раз пытались поругаться. Это, конечно, от усталости и от беспрерывно находящихся рядом людей. Дима ухитрился сделать прекрасную, на мой взгляд, скульптуру, несмотря на жуткую суетню, усталость и огромное напряжение.

Би-би-си комментировало речь одного из секретарей ЦК в Польше. Этот человек говорил о том, что нельзя, чтобы в аппарате «великой страны» находилось нацменьшинство и занимало важные посты, а также было и на других постах.

³⁵⁸ Чуковская Елена (домашнее имя *Люша*) Цезаревна (1931–2015) – биолог, дочь Лидии Корнеевны Чуковской от первого брака с Ц.С. Вольпе.

³⁵⁹ Даниэль Александр Юльевич (р. 1951) – сын Ю.М. Даниэля и Л.И. Богораз. В 1978 г. закончил математический факультет МГПИ им. В.И. Ленина. В 1973–1980 гг. участвовал в выпуске самиздатского журнала «Хроника текущих событий», в 1975–1981 гг. член редколлегии самиздатского исторического сборника «Память». Позже руководитель исследовательской программы «История инакомыслия в СССР», член правления правозащитного и благотворительного общества «Мемориал».

³⁶⁰ Почти всё лето 1968 г. А.И. Солженицын находился на своей даче в селе Рождество Наро-Фоминского района, занимаясь подготовкой переправки на Запад рукописи «Архипелага ГУЛАГ» (издана в декабре 1973 г. парижским издательством YMCA-Press).

Би-би-си отметило, что такие откровенно фашистские речи произносятся сейчас именно в той стране, которая чуть ли не больше всех пострадала от фашизма. Чехи постепенно разоблачают убийц сталинского времени.

У Блайберга стало намного хуже с сердцем, возможна даже вторичная пересадка³⁶¹.

Жарко, сил нет.

Лемпорт теперь приходит рано утром, чтобы никого не застать и излишне не напрягаться. Директор совсем не ходит и не орет, зато Сорока упорно добивается его по телефону.

Говорили с Димой о том, какой у нас прекрасный русский народ. Как его спасла украинка Саня после ранения, кормила его через трубку. А я тоже вспомнила, как мы ходили с моими ребятами из школы в поход по деревням и какие нам встречались добрые, гостеприимные люди, хоть и пьяные. Особенно Иван Алексеевич Зверев из деревни Голохвастово и его жена бабка Дуня, которая, как он говорил, получила медаль «за жопу» – «двенадцать штук родила». А он сам остался жив «через свои золотые руки».

7 июля 1968 г., четверг.

Приехали раньше Эдика. Еще домой позвонил физик Юра Каган и попросился прийти с Уолтером Коном, который был совершенно потрясен Димиными произведениями. Завтра мы встречаемся днем у Вити Гинзбурга с Пайнсом и его супругой, а может быть, и Бардиным. И для этой встречи Витя попросил меня купить бутылку хорошего вина, потому что водки и коньяка у него много, а за вином он не смог зайти. Я купила вино, белый массандровский Мускат, очень хороший, но с немного оборванной пластмассой и недостаточно притертой пробкой. Дима чуть было не устроил мне скандал, что я не смотрю, что покупаю, но в итоге все обошлось.

Скульптура из серии «После войны» явно продвигается вперед и очень интересная.

В пятом часу пришли Каган со своей женой Таней Виртой³⁶², Уолтер Кон с товарищем, моложавым, французистым профессором с бородкой, Квином, и физиком из Харькова, другом Кагана, Моней. Каган и Таня бойко беседовали по-английски, Дима тоже всю беседовал и даже пытался острить. Кон унес с собой один из лучших рисунков «Май» из серии «Месяцы». В самый неподходящий момент тушился свет и долго не зажигался, к чему бы это? Кон и его товарищи ушли, а мы еще некоторое время трепались с Каганами. Потом пришли Клара с Валькой и Велта. Велта была на высоте, никаких недружественных проявлений не было. Валька все еще страдает по Фиме. Клара хорошо выглядела в красном платье. Эдик напечатал много фотографий с физиками. Американцы чем-то сильно похожи на наших людей. Европейцы, особенно французы, гораздо более утонченные.

³⁶¹ Филипп Блайберг – 58-летний стоматолог, второй человек в истории, которому 2 января 1968 г. хирург Кристиан Барнард трансплантировал донорское сердце. Проведя несколько месяцев в больнице, он был выписан домой и прожил после операции 19 месяцев.

³⁶² Каган (Вирта) Татьяна Николаевна (р. 1930) – переводчица, мемуарист. Дочь писателя Н.Е. Вирты. Жена Ю.М. Кагана.

Дима почему-то вспомнил, как на фронте у него были дырявые сапоги, почти без подметок, и его ноги находились всё время в ледяной каше.

Прошел дождь, но все равно душно.

8 июля 1968 г., понедельник.

Ровно в час дня были дома у Вити Гинзбурга. Нас встретила их домработница Наталья Васильевна. Витя, как и обещал, появился уже через полчаса с Пайнсами и Бардиным. Я была за хозяйку, и мы очень хорошо пожрали, хотя я не считаю, что лучше, чем у нас в подвале. Бардин, несмотря на репутацию человека молчаливого, что-то говорил и даже смеялся. Потом он ушел в другую комнату и стал готовить доклад для завтрашнего выступления. Дэвид был удивительно просто одет – в ковбойке и сандалиях на босу ногу, чем сильно подчеркивал элегантность своей супруги Сузи. Витя всё время говорил по-английски, Дима тоже, а я говорила с Пайнсами по-французски. Очень мы все друг к другу хорошо относимся. Дима подарил всем рисунки, а Сузи – раскрашенный гриб, из тех, что я покупаю на рынке. Все были очень довольны, Бардин тоже. Дима показал фотографии, где он с американцами, и все друг другу подписали эти фотографии на память. У меня такое впечатление, что все без исключения советские физики говорят по-английски и, надо сказать, очень неплохо. Расстались невероятно сердечно, договорились встретиться завтра у нас в подвале, если получится, потому что они завтра уезжают.

Потом мы поехали в полвал, а через некоторое время вернулся с занятий Эдинька. Дима почти кончил скульптуру. Пришла Валька с подругой Наташей, но тут же уехала к Кларе, чтобы оттуда поехать к Тане Литвиновой³⁶³ для консультации по своему переводу на английский какой-то статьи по естествознанию. Больше, слава богу, никто не пришел.

Потом мы с Димой улеглись на нашем драном диване и вспомнили молодость. Скоро одиннадцать лет, как мы с Димой вместе. Когда ехали домой, Дима сказал: «Хочется жить долго и приятно. Но не удается».

9 июля 1968 г., вторник.

Сегодня был выдающийся день – Лемпорт и Рудольф вывозили камни. Разбили стекло в одном окне, ободрали штукатурку, сломали подоконник в другом. Тем не менее – это произошло, и, таким образом, основной шаг в нашем долгожданном расселении сделан. Вытаскивали камни краном. Рудольф создавал много ненужного шума. Мне нравилось, когда кричали «майна» и «вира».

Американцы не пришли. Витя Гинзбург сказал по телефону, что они передавали привет, но прийти не смогли в связи с отъездом. Бардин благодарил Витю за знакомство с Димой. Нине снова сделалось хуже.

³⁶³ Литвинова Татьяна Максимовна (1918–2011) – литератор, переводчица английской и американской художественной литературы, художница. Дочь наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова и писательницы-англичанки Айви Лоу. В середине 1970-х гг. переехала к своей престарелой матери в Англию. Мать журналисток М.И. Слоним и В.И. Чалидзе, тетка диссидента, физика П.М. Литвинова. Близкий друг К.И. Чуковского.

Произошло еще одно событие – Дима купил приемник в комиссионном магазине за 43 р., «Мир» очень старого выпуска, здоровый драндулет, но с хорошим звуком. Помогали его приобретать Владик Бахнов и Саша Алешин. По этому поводу выпили, Дима тоже выпил немножко красного вина и с непривычки забалдел, даже странно. В результате что-то крутанул в приемнике и сломал какую-то штучку для прослушивания пластинок. Ужасно огорчился.

Пришел грустный Игорь Тупицын, у него не пускают жену в Югославию, потому что она работает на каком-то номерном заводе. Приходила Велта, говорила мне, как надо писать, чтобы было искусство. Всё говорила правильно, но для меня в данный момент неприемлемо. Сказала, что осенью ей предстоит встретиться с Солженицыным и беседовать с ним о «Раковом корпусе».

Инна Бернштейн позвонила и сказала, что приехал брат Вацлава Данека. Прочитала половину письма от него, а остальное мы должны прочесть сами при встрече с его братом в четверг. Иллюстрации к Кушнеру очень понравились, но он просит сделать еще два рисунка. Дима говорит: «Всё время чувствую себя счастливым».

10 июля 1968 г., среда.

Дима встал в плохом настроении. Погода изменилась, и он почти не спал. Мы обрадовались, когда позвонил Абрам Яковлевич. Димка волновался, как там они. Абрам Яковлевич приехал за бельем в прачечную. Дима сказал, чтобы он ехал в мастерскую, и он ему расскажет обо всех делах. В подвале Абрам Яковлевич беседовал с Эдиком и Сашей Алешиним. Зинаида Ивановна чувствует себя неплохо. Договорились там с одним парнем, который помогает с дровами и другими делами по двору. Я поехала с Абрамом Яковлевичем на вокзал, посадила его в поезд, потом подошла к нашему несуществующему кооперативному дому. Уже месяц торчит кран и никакого толку. Потом поехала на Девичку. Сергей ничего не сделал, все на прежнем уровне. Долго мне рассказывал, как ему некогда, но обещал все сделать в ближайшее время.

Вернулась в подвал, Дима закончил скульптуру. Вскоре пришла Валька. Плакала, что Сашка Алешин, который так любил Фимочку, за всю неделю не позвонил, потому что увлекся девочкой, говорила, что ей не нужны такие друзья. Дима Вальку утешал, а я ушла мыть посуду, потому что мне было смешно, а если бы Валька это увидела, она бы мне не простила. Фима, конечно, была выдающаяся кошка и прожила короткую, но счастливую жизнь с такой хозяйкой, как Валька. Пришел Эдинька, а потом и Валина подруга Аня. Решили убирать в маленькой комнате. Валька вымыла окно и подоконник, а я уборную и предбанник, а Аня вымыла пол, да так хорошо, что мы все изумились, до чего он чистый.

Наконец после долгого отсутствия появился Алик Киселев с двумя девочками из Днепропетровска. У него должно быть собеседование и он совсем к нему заготовился. Девочки говорили с сильным украинским акцентом. Эдик с Валькой и Аней ушли раньше, но через несколько минут позвонил взволнованный Эдик и сказал, что возле нашего подвала стоит машина и какие-то подозрительные люди. Минут через пятнадцать они все трое вернулись, и мы вышли уже все вместе. Никого больше не было.

Дима сказал мне дома: «Я всех ужасно люблю, кто вокруг нас». Я тоже очень всех люблю.

11 июля 1968 г., четверг.

Двенадцать часов почти без перерыва Дима разбирал старые рисунки. Было очень наглядно, как когда-то Дима очень плохо рисовал, и наряду с очень слабыми рисунками, примерно 1955 года, вдруг появлялись прекрасные, мистические, достойные его сегодняшнего умения и мышления. Много Лемпортовских рисунков, которые часто были нарисованы более умело, чем Димины, но намного суше и бездушнее. Еще одна интересная вещь – постоянное использование Диминых идей Силисом: человек с ребенком на коленях, распятые девицы, дети на качелях – заброшенные и забытые Димой рисунки, использованные потом Силисом в самых разных вариантах.

Прочитали в «Правде» отвратительную статью некоего Александрова против Чехословакии, между строк прочитывается прямая угроза³⁶⁴. Статья злобная и бессильная. Дима и я уже несколько дней волнуемся за Чехословакию. Особенно вся эта история с нежеланием выводить после маневров наши войска³⁶⁵. Чехи отказались ехать на совещание, где все остальные социалистические страны должны их критиковать. Они сказали, что согласны беседовать только в двустороннем порядке, то есть один на один³⁶⁶.

Валька после смерти Фимы боится находиться дома одна, а мама ее уехала на дачу к Эдиковым родителям и Эдик должен был пораньше уехать домой.

Я почему-то плохо себя сегодня чувствовала, Дима тоже. Как всегда, это связано с переменой погоды. Около трех часов ходила по своему Комсомольскому проспекту по магазинам, начиная с радиомагазина и кончая аптекой. Всюду очереди.

³⁶⁴ Большая, на полстраницы, статья за подписью И. Александрова «Атака против социалистических устоев». Публикация была вызвана появлением 27 июня в чехословацкой прессе громкого воззвания интеллектуалов «Две тысячи слов» (см. выше записи от 30 июня): «Авторы документа клеветают на КПЧ и социалистический строй. <...> Сейчас очевиднее, чем когда бы то ни было, что появление “Двух тысяч слов” – это отнюдь не изолированное явление, а свидетельство активизации правых и прямо контрреволюционных сил в Чехословакии, которые очевидно связаны и с империалистической реакцией. Они перешли к ожесточенным атакам против КПЧ в целом, против основ социалистической государственности». 3 июля 1968 г. Л.И. Брежнев на встрече с Я. Кадаром в Москве назвал «Две тысячи слов» «контрреволюционной программой». Все это было очевидным предупреждением чехословацкому руководству.

³⁶⁵ В конце мая 1968 г. правительство ЧССР дало согласие на проведение учений войск стран Варшавского договора под названием «Шумава» с 20 по 30 июня с привлечением штабов частей, соединений и войск связи. Впервые за всю историю военного блока социалистических стран на территорию Чехословакии было введено 16000 солдат. Однако после окончания учений войска не спешили возвращаться домой. Последовали неоднократные напоминания чешского правительства. Лишь 22 июля, после того, как в штаб советских частей прибыла группа высших офицеров чехословацкой армии, потребовавшая по поручению министра национальной обороны объяснений невыполнения обещаний по выводу войск из района учений, советские части вернулись в свои гарнизоны.

³⁶⁶ Такая встреча состоялась 29 июля – 1 августа в словацком приграничном городке Чернад-Тисой, в ней участвовали полные составы Политбюро ЦК КПСС и Президиума ЦК КПЧ вместе с президентом Л. Свободой. (См. ниже записи от 29 июля).

Вечером пришли в гости родной брат Вацлава Данека Мирек с Инной Бернштейн. Симпатичный парень, очень похож на Вацлава, инженер по радио и телевизорам, приехал в служебную командировку. Инна простудилась, ее всю раздуло. Мирек принес письмо от Вацлава, письмо большое, сплошь в восторгах. Называет Диму «мой волшебник», просит еще два рисунка и спрашивается о Люськином <Сороки> здоровье. Много говорили о чехословацких событиях. Я спросила у Мирека, стали бы чехи сопротивляться, если бы наши к ним полезли. Он сказал, что обязательно будут.

12 июля 1968 г., пятница.

Мы разговаривали с Димой об искусстве. Он мне сказал: «Каждое произведение – как сосуд, пустой или чем-то наполненный: иногда дерьмом или духами, или спермой, или же плутонием, такой тяжестью, что и не подымешь».

Целый день шел дождь, противный, холодный. Нам всё плохо – жара нехорошо, и дождя не надо. Нам хочется умеренно теплую погоду с редкими веселыми дождичками.

Все-таки я успела пожарить котлеты, а Дима продиктовал мне несколько доверенностей в Чехословакию, чтобы наши друзья получили там его гонорары и купили нам какие-нибудь шмотки. Димка совсем оборвался, пиджак такой страшный, что даже неприлично его носить. А вытащить его в магазин нет никакой возможности.

Нине Гинзбург завтра должны сделать операцию. Вити не было, это нам сообщила их домработница.

Эдик сказал нам, что в подвал приходил Лемпорт, шарил везде глазами и всё надеялся, что Эдик уйдет, а он останется. Но Эдик не ушел и Лемпорт удалился сам. Дима сначала сам, а потом вместе с Эдиком возились в жуткой грязи и пыли, разбирая старые скульптурки. Еще раз, после рисунков, я увидела, какая громадная разница существует между автором этих статуэток и художником Вадимом Сидуром.

Позвонили Юнна и Лева, спрашивали, где Бураковский. <...>

Пришла Валька, потом Велта. Валькина мать Серафима Сергеевна сломала руку. Вспоминая про кошку, Валька плачет. Велта приволокла проигрыватель, но он не работает, и две коробки пластинок. Мы долго с Велтой говорили про мои Сокольнические записки. Она сказала, что это хороший кусок глины, но не обработанный, который нужно лепить. Скорее всего, она права, но выше себя не прыгнешь.

13 июля 1968 г., суббота.

От этой грязи и пыли можно сойти с ума. Вычистили глиняную комнатку и сильно продвинули ту, где печка. Дима с Эдиком провернули сегодня что-то невероятное, а я была на подхвате подсобным рабочим. Кроме того, Дима сам врезал новый замок.

Звонила Сорока, сказала, что чувствует себя очень хорошо, но я не стала передавать ей привет от Данека. Почему-то не захотелось, тем более что она променяла его на такое говно, как Руди.

Заскочила Велта, что-то рассказывала, а главное – что у нее украли зонтик. Взяла большую фотографию «Памяти Альберта Санчеса».

В перерывах читала по-французски «Лолиту» Набокова. Очень мне нравится эта книжка.

Дима один съел целый кочан капусты, который я, разумеется, порезала и пожарила. После того, как съел, сказал, что очень жирно, много масла.

Пришла замученная Валька. Она теперь снова стала ходить часто после смерти кошки. Витя Гинзбург сказал, что Нине сделали операцию и вроде у нее всё благополучно. Распространяться не стал. Бодрится, а на самом деле мы знаем, что Витя очень боится смерти, покойников и кладбищ. Он очень и очень хороший человек.

Юра Левитанский из Иркутска все еще не приехал, очевидно, его отцу снова сделалось хуже, а Маринка дома не сидит.

Пришел намокший под дождем, только что вернувшийся из Загорска Мирек Данек. Пришел очень кстати, потому что нам было пора прекращать деятельность. Выпили французского коньяку, подарок Кона. Дима написал Валеку огромное письмо, а я еще туда кое-что приписала. Подарили Миреку два приличных рисунка (одна гравюра). Потом довели его до «Пекина», не позволив расплатиться с таксистом, что он так упорно хотел сделать.

На улице что-то совсем не жарко и сыро.

14 июля 1968 г., воскресенье.

Опять холодно. Хорошо, что за нами приехал Толя Гитберг и отвез нас в мастерскую. Мы с Толей давно не виделись и очень обрадовались, что он позвонил. Толя рассказал несколько трогательных историй про Эрнста. У него работает девочка-подмоганец, татарочка Роза. Она ему всё лепит и помогает. Однажды они с Эрнстом поссорились: он ей что-то не так сказал и она схватила палку и много вещей побила и своих и его. Толя прибежал на их крики, потому что Роза сломала электричество, так что у Толи тоже погас свет³⁶⁷.

Сам Толя, на мой взгляд, добился очень больших успехов. Он показал нам тетрадочку переплетенную, такую же, как Димины, со своими рисуночками. Рисунки просто очень хорошие, сумасшедшие, хотя и чувствуется влияние Димы и Эрнста. Димино влияние больше, и Толя сам в этом признался. Меня почему-то у Толи это несколько не раздражает. Может быть, потому что они с Милой очень хорошие люди. Заходили к нам Толины приятели, семейство графика Старосельского, типично московские люди, неприятные.

А в подвале у нас идет невероятная чистка. Мы закончили сегодня выносить хлам из глиняной комнаты и из той, где печка. Таким образом, все подсобные помещения у нас теперь в идеальном порядке. Дима одержим этой работой. Он

³⁶⁷ Об этом случае Ю.Ф. Карякин со слов Э.И. Неизвестного рассказывал так: «У него была такая помощница, татарка Роза. Это была фанатичка, страстно в него влюбленная. И я как-то ему сказал: “Знаешь, чем кончится история с ней? Она перебьет твои скульптуры – “гипсытины”, сожжет твою мастерскую и постарается убить тебя”, – вдруг на меня напало такое провидение. Прошло много времени. Вдруг его звонок. Радостный голос: “Каряка, свершилось! Она перебила скульптуры и хотела меня убить”. Приезжаю к нему. Разгромленная мастерская». (Карякин Ю. Монумент // Наша улица. 2010. № 4).

не может заниматься творчеством, пока у него всё не будет в полном порядке. Главная рабочая сила – Эдинька, Дима тоже всё время в пыли и в грязи. Я иногда отрываюсь от грязи, переодеваюсь и веду светскую беседу с теми, кто приходит. Валька ходила в магазин, варила картошку, кормила нас. Со слезами на глазах вспоминала, какая необыкновенная была кошка Фима.

Наши с чехами обосрались – выводят войска³⁶⁸.

15 июля 1968 г., воскресенье.

Дима сказал: «Хватит! Теперь подвал в таком состоянии, что можно работать. Программу максимум будем выполнять, когда придет Силис и заберет свои вещи». Сегодня, можно сказать, наступил завершающий этап по уборке. Только вдоль всей стены у входной двери навалены огромные кучи мусора.

Умер Паустовский³⁶⁹.

Я сегодня ушла из дома раньше Димы, чтобы еще раз навестить родную школу, которая вся в ремонте и по количеству грязи выглядит примерно так же, как наш подвал. Потом на Девичке долго беседовала с Сергеем Мурзовым, а с разговорами он еще и что-то делал, потому что если над ним не стоять, он сам не работает.

А в мастерской привычная картина – Дима и Эдинька, окутанные пылью. Потом они сходили в хозяйственный магазин и кое-что купили, но очень мало всего.

Я все читаю «Лолиту» Набокова, и ужасно мне жалко этого бедняжку, погубившего себя из-за дьявольской девочки-подростка. А Дима сказал, что когда-то он тоже очень любил маленьких девочек, но всё время боялся с ними общаться. И что Танька Соколова чем-то напоминает Лолиту, хотя она была постарше, и что она очень много испортила Диме нервов и здоровья, и он всё время думает – какое счастье, что бог сделал так, чтобы эта Танька ушла из его жизни, а я, наоборот, появилась. Я спросила у Димы: «А ты будешь любить меня, когда мне стукнет 40 лет?» Дима сказал: «Я буду любить тебя с того света».

Вечером приходила Аня, помогала нам подметать и убирать. В Ане есть большая изюминка. Меня называет «Помидор». Эдик фотографировал ее обнаженной. С мужем она развелась, имеет сына. Любит парня одного, Игоря, но что-то там у них не клеится.

Приехал Юра Левитанский. Уже пьяный.

16 июля 1968 г., понедельник.

С утра пораньше имела беседу с Рудольфом. Он полуистерически сетовал на то, Дима поставил замок, не предупредив его и Лемпорта. Я попыталась ему популярно объяснить, что для того, чтобы как-то их предупреждать о подобных событиях, они должны изредка, когда им нужна наша мастерская, давать о себе

³⁶⁸ См. выше записи от 11 июля.

³⁶⁹ Паустовский Константин Георгиевич (1892–1968) – прозаик, редактор, печатался с 1923 г. Всегда оставался в творчестве на демократических позициях. Сыграл важную роль в литературном процессе, став инициатором и одним из редакторов знаменитых сборников эпохи *оттепели* – «Литературная Москва» (1956) и «Тарусские страницы» (1961), подвергнутых по выходе партийному и цензурному разгрому. 14 февраля 1966 г. подписал письмо 25 деятелей советской науки, литературы и искусства Л.И. Брежневу о недопустимости частичной или косвенной реабилитации И.В. Сталина.

знать. Я даже не стала Диму будить из-за этого, и посоветовала позвонить ему в течение дня, чего он не сделал. Он заодно заявил, что Лемпорт «возмущен». Диму это рассмешило, он сказал: «Пусть они дадут мне ключ от их новой мастерской, и я буду туда ходить без предупреждения».

Потом я долго бродила по рынку, а затем мы с Димой поехали на Девичку, где он был очень раздосадован, что Мурзов так халтурно обработал камень.

В мастерской нас ждал Эдик, потом пришла Валька и они вместе ушли, так как Эдик до субботы уезжает в Борисоглебск снимать парашютные соревнования³⁷⁰.

Несколько раз переговаривались по телефону с постепенно напивающимся Юрой Левитанским. Приехал поэт Мирослав Валек, и Юра с Борей Шуплецовым должны каким-то образом его принимать. Дима сделал ему отличную книгу. Но сейчас он выступил на съезде писателей³⁷¹ у себя и как-то очень нехорошо, и многие чехи, наши друзья, считают его негодяем. Дима сказал, что не хочет с ним встречаться, но Шуплецов и Левитанский, перезванивая целый день, наконец убедили Димку принять его завтра, при условии, что «мы с ним поговорим». Дима сказал мне: «Не могу же я бросить Шуплецова одного распутывать это дело». А Шуплецов, хитрый, говорит: «Валек как сошел с самолета, сразу сказал, что хочет к Сидуру». Итак, завтра мы принимаем этого мудака Валека. А ведь до этой речи был одним из самых преданных.

17 июля 1968 г., среда.

Всё время торопимся, куда-то спешим, боимся опоздать. Были в больнице МОНИКИ³⁷², где Дима подарил книжку Мераса³⁷³ врачу, лечившей Абрама Яковлевича. Он очень просил Диму это сделать. На Девичке долго договаривались с Мурзовым насчет надписи на камне. Один гравер сказал, что он не может выбивать текст на могиле, а Мурзов не хочет снова отвозить этот камень. Теперь будем договариваться с другим гравером.

Пока Дима в мастерской заливал гипсом большую трещину в комнате Эдика, я ходила по магазинам, чтобы принимать Шуплецова, Левитанского и словаков. Когда пришла, увидела двух девочек, бродящих по мастерской. Их присутствие начало меня сильно раздражать. Девочки быстро ушли, а мы с Димой очень грубо поругались, и он даже запустил в меня ситником. У меня была истерика и мы

³⁷⁰ В то время Э.Н. Гладков работал фотографом в научно-популярном журнале об авиации «Крылья родины». Интерес к парашютизму у Э. Гладкова появился благодаря отцу, Гладкову Николаю Яковлевичу (1909–1994), который был известным испытателем парашютов, Заслуженным мастером спорта СССР (1948).

³⁷¹ Имеется в виду состоявшаяся в мае 1968 г. конференция словацких писателей, на которой некоторые писатели заявили о своем несогласии с происходящими в стране реформами. (См. выше записи от 27 мая 1968 г.).

³⁷² Московский областной научно-исследовательский клинический институт им. М.Ф. Владимирского.

³⁷³ В 1966 г. В. Сидур выполнил иллюстрации к повести литовского писателя Ицхока (Ицхокаса) Мераса (1934–2014) «На чем держится мир» в журнале «Юность» (№ 4). В том же году в издательстве «Художественная литература» в Москве выпущена книга И. Мераса, в которую вошли повести «На чем держится мир» и «Ничья длится мгновенье», также с иллюстрациями В. Сидура. (См. ниже записи от 11 марта 1973 г.).

только начали мириться, как нагрязнула вся шарашка. А до этого Дима обвинил меня, что я вместо того, чтобы его покормить, прежде всего готовлюсь встречать гостей. А на самом деле мне все гости до смерти надоели, и это была неправда.

Пришли гости: Юра с Мариной, Борис с Верочкой, Ира Чернявская, Инна Бернштейн и словаки – Владо, пожилой, красивый человек из иностранной комиссии в Братиславе с женой, очень европейские люди, и Валек с женой, оказавшейся русской, дочкой заместителя министра иностранных дел Зорина³⁷⁴. Первая пара – симпатичные и интеллигентные, Валек с женой, напротив, очень неприятные. За весь вечер, а это в первый раз при посещении чехов или словаков, мы ни о чем не говорили. Как всегда, быстро наклюкались Юра и Марина и стали отвратительно препираться – кто больше выпил. Марина спьяну хотела задать Валеку провокационный вопрос насчет его поведения у себя, но Юра все-ррез остановил ее. Потом Дима показывал рисунки. Владо всё очень понравилось и они с женой кричали.

Когда мы увидели Валека с его Зорей, стало ясно, что говорить с ним о чем-либо бесполезно. Этот сюрреалист не вызывает никакого доверия для серьезного разговора. Дима не подарил ему даже фотографий рисунков, которые Валеку понравились. Зоря тоже очень лицемерная лахудра. Валек говорил с Димой о книгах, об иллюстрациях на будущее, Дима кивал, но мы даже не дали ему своего адреса. Это не наш человек. Дима сказал мне: «Думаешь, что каждый чех и словак твой брат, а оказывается – не все».

18 июля 1968 г., четверг.

«Макси-ноги в мини-юбке», – сострил Дима.

Я вспомнила, как вчера Борис Шуплецов разоблачил Юру, потом сам себя. Его дочка нашла, как он сказал, на помойке учебник, где присутствовало стихотворение «Сталин с нами», а фамилия автора была – Ю. Левитанский. Мы были удивлены и много шутили, а Юра смущенно сказал: «Ведь я же его любил». Я подумала, что когда-то Дима тоже любил его. И даже я тоже любила его, хотя мою любовь по причине слишком малого возраста можно было не принимать всерьез, единственное оправдывающее обстоятельство. А потом Борис признался, что сам он в пятидесятых годах написал в «Правде» статью, где самыми отборными эпитетами описал организацию «Джойнт»³⁷⁵.

³⁷⁴ Зорин Валериан Александрович (1902–1986) – дипломат. В 1922–1932 гг. на руководящей комсомольской работе. В 1945–1947 гг. посол СССР в Чехословакии, в 1947–1965 гг. заместитель министра иностранных дел СССР, одновременно в 1952–1953 и 1956–1965 гг. постоянный представитель СССР в ООН, в 1955–1956 гг. посол СССР в ФРГ, в 1965–1971 гг. посол СССР во Франции. Член ЦК КПСС в 1961–1971 гг.

³⁷⁵ Благотворительная организация «Американский еврейский объединенный распределительный комитет» (*American Jewish Joint Distribution Committee*), созданная в ноябре 1914 г. в Нью-Йорке для оказания помощи евреям по всему миру, и существующая по сей день. Деятельность «Джойнта» в СССР, несмотря на гуманитарную направленность, происходила под постоянным надзором органов госбезопасности, а в 1938 г. была прекращена вовсе. Многие работники организации подверглись тогда репрессиям. С началом холодной войны, а особенно в 1952–1953 гг. в разгар государственной антисемитской кампании, «Джойнт» был заклеен как «международная

А сегодня после кладбища, где мы никак не распутаемся с бестолковым Мурзовым, мы целый день слушали о событиях в Чехословакии. До чего же наши сволочи хотят их раздавить и погубить, отнять у них всё, чего они добились³⁷⁶. Им как кость в горле стоит всё настоящее и честное, прекрасное, что там происходит. Они не могут смириться со свободой, отсутствием цензуры в печати и окончательным разоблачением сталинских убийц, а также изуверских методов руководства целым народом «вождя», которого, как ни горько об этом вспоминать, мы, действительно, когда-то любили. Так же как много честных людей в Германии обожали Гитлера. Будьте прокляты вы, сволочи! И да здравствует свободная Чехословакия! Дима сказал: «Если Тито действительно выступит в защиту чехов, я поверю, что он интеллигентный человек».

Румыны, французы, итальянцы, англичане, австрийцы и много других компартий поддерживают чехов и не согласны с нашими. В ближайшие дни, может быть, в эти два дня всё решится – станут наши воевать или нет. Речь Дубчека поражает спокойствием, твердостью и достоинством³⁷⁷. Ни одной уступки и одновременно ни одного враждебного или истерического выпада.

Поглощенные чехословацкими проблемами, мы просидели в подвале до глубокой ночи. Приходил Алик Киселев с товарищем. Он пока что более или менее успешно сдает экзамены во ВГИК. Дима начал перерисовывать цветной рисунок «Март», чтобы подарить его Нине Гинзбург, когда она выйдет из больницы.

19 июля 1968 г., пятница.

Сегодня мне исполнилось 28 лет. Сегодня же произошел отвратительный разговор с Руди, взвинтивший нас на весь день. Сначала с ним беседовала я, а закончил этот разговор Дима, очень гневно пославший его на хуй. Этот холуй явно превышает полномочия, данные ему хозяевами, и по собственной инициативе заявляет свои претензии. Дима сказал, что разговаривать он будет только с Лемпортом или Силисом. Можно понять, почему Дима и я, так ждавшие этого момента расселения, не хотим больше, чтобы они ходили в наш подвал во время нашего отсутствия и везде шарили. Хватит с нас двух украденных скульптур. Лемпорта, может быть, сейчас вообще нет в Москве, и эта гадина старается больше, чем делали бы они сами. Во всяком случае, Силис не разговаривал ни разу в таком хамском тоне. Мы с Димой вообще больше не будем беседовать с Руди, а тем более пускать его. И уж совсем невероятное – давать ему ключ.

еврейская буржуазно-националистическая организация, созданная американской разведкой якобы для оказания материальной помощи евреям в других странах. На самом же деле эта организация проводит под руководством американской разведки широкую шпионскую, террористическую и иную подрывную деятельность» (редакционная статья «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей» // Правда. 1953. 13 января).

³⁷⁶ 15 июля 1968 г. руководители СССР, Болгарии, Польши, ГДР и Венгрии направили в ЦК КПЧ письмо-предупреждение, обращавшее внимание на деятельность «правого крыла в партии и антисоциалистических сил в стране».

³⁷⁷ 18 июля 1968 г. А. Дубчек выступил по Чехословацкому телевидению и призвал проводить «такую политику, чтобы социализм не утратил свое человеческое лицо», эта фраза стала со временем крылатой.

Рисунок В. Сидура (1968)

С дачи приехала мама с цветами и с пирогом. Она присутствовала при беседе по телефону с этим говном и перенесла все нецензурные выражения героически. Мы с ней ходили в химчистку и в прачечную, содержательно беседуя о пальто, которое я должна себе сшить, а также о позабытых мною босоножках под кроватью, и вообще о промтоварах.

А в подвал к нам зашли Витя Гинзбург, Эдик, вернувшийся из Борисоглебска и приехавший сразу же с вокзала, Валька с цветами, пирожными и с разговорами о новой приглянувшейся ей кошке во дворе Института охраны природы. Мама была очень довольна, хотя мало говорила. Мы выпили водочки за мое здоровье сначала, а потом за всех по очереди.

С Чехословакией пока еще всё очень напряженно и опасно. Вальдек Роше³⁷⁸ сказал, что если наши полезут к чехам, это будет смертельный удар по всему западноевропейскому коммунистическому движению.

Дима сказал: «Если чехов раздавят, то и нам хана».

20 и 21 июля 1968 г., суббота и воскресенье.

Целый день с утра до самой ночи лил дождь, то морося, то припуская со всей силы. Мы не выходили из дома, решили немного сбавить тот бешеный ритм, в котором мы постоянно находимся. Я забыла записать, что вчера из собеса вдруг стало лить с потолка возле двери. Мы подставили ведра и корыто, а когда вышли, увидели, что форточка в собесе открыта. Мы пошли в милицию, чтобы предупредить об этом странном явлении – ночью в государственном учреждении с ценными бумагами открыта форточка, к тому же, очевидно, лопнула труба. Милиция приехала, посмотрела и уехала. А сегодня Эдик позвонил и сказал, что больше не льет и корыто наполнилось даже не до конца.

Вдруг после долгого отсутствия всякой почты мы получили письмо от Лемпорта, как следствие вчерашнего телефонного разговора с Рудольфом. Письмо написано в хамском, угрожающем тоне, но одновременно чем-то жалкое и бессильное. Видно также, как велика его злоба и зависть, а также маразматическое состояние, в котором оно писалось, не говоря о многочисленных орфографических ошибках. В стилизовании меня особенно умилила одна фраза, вернее ее часть: «... что заставило тебя провоцировать нас лишением ключа». Также он пишет: «Сидур! Ты живешь в стеклянном доме, так что не бросайся камнями. Я могу сделать больно, если меня довести до крайности». Опять же он очень стесняется, что поехал в Нигерию от МИДа: «Немедленно прекрати намеки, что мы поехали за границу не совсем честными путями. Что мы – правые, а ты – левый». В письме еще много всякого бреда с экскурсами в училище, где Лемпорт пишет: «Не все помнят, кем ты был в училище, а я помню и ты помнишь». Это он намекает, что Дима в училище был парторгом и очень рьяно занимался общественной деятельностью. Это действительно так. Дима вступил в партию, он воевал и готов был умереть за Сталина, потому что он искренно ве-

³⁷⁸ Роше (Rochet) Вальдек (1905–1983) – кандидат в члены Политбюро ФКП с 1945 г., член Политбюро с 1950 г. В 1959–1961 гг. член секретариата ЦК ФКП, в 1961–1964 гг. заместитель генерального секретаря, в 1964–1972 гг. генеральный секретарь ФКП, с декабря 1972 г. почетный председатель ФКП.

рил и в коммунизм и в Сталина и т. д. Он никогда этого не скрывал. Прошло много лет, изменилось очень многое, и Дима изменился, и Лемпорт изменился. Есть дневники, написанные тремя, и есть уже второе письмо Лемпорта, адресованное лично Диме – первое накануне разрыва коллектива, и вот это. Подлинник я прилагаю к этим страницам. Я кое-что уточнила у Димы и постаралась его прокомментировать. Для памяти, потому что мало ли куда еще может написать Лемпорт. Нужно быть готовым ко всему. Он не может понять, что все эти письма в первую очередь разоблачают его самого как человека страшного в общезнании и ничтожного как личность, так как письмо очень бабское и глуповатое. Безусловно, и это тоже не секрет, что Сидур – человек с очень сложным и тяжелым характером. Но пройдя через все кошмары – Кушка³⁷⁹, ранение, коллектив, инфаркт – он стал художником. И судят о нем и будут судить не потому, что он не хотел дать Лемпорту ключ от своего подвала (хотя это совсем не так, просто Лемпорт ни разу не попросил этот ключ), а по тем вещам, которые он создал. И о Лемпорте будут судить тоже по его вещам. Увидят, что из более-менее способного человека, он превратился в ничто, абсолютного ремесленника, променявшего свой талант, который все-таки у него был, на деньги, девок и другие удовольствия. То же самое произошло еще с одним более способным человеком – Силисом. История падения чересчур банальна, она уже описана многими писателями. Достаточно вспомнить «Портрет» Гоголя. Для того, чтобы сочетать «приятную жизнь» и представлять из себя что-то, нужно быть личностью, хотя бы такой, как Эрнст Неизвестный. Он хоть и негодяй, но личность, а Лемпорт и Силис – дерьмо мелкотравчатое. Лемпорт – это типичный Сальери, но тот был фигурой зловещей, а этот просто шут гороховый, постоянно постригающий бороду, которую он завел, чтобы выглядеть «значительнее», выдергивающий лишние волоски из усов и мажущийся везде разбросанным кремом «Нивея», играющий на гитаре этюд Джулиани³⁸⁰ и ошибающийся всегда на одной и той же ноте.

Дима правильно говорит, что как только они увезут свое барахло и уедут окончательно, мы совсем перестанем о них говорить и думать. Слишком много нужно сделать в этой слишком короткой жизни, которая может стать еще короче из-за слишком многих причин. Тем более человек не имеет права размениваться на говно, если он художник, богом отмеченный. Он должен вкалывать как проклятый, оправдывая возложенное на него божественное доверие.

22 июля 1968 г., понедельник.

После двух суток непрерывного дождя сегодня наконец стало сухо. У нас был очень удачный день. На кладбище, кажется, мы окончательно договорились насчет надписи на камне. Кроме того, два раза подходили люди и выражали свое одобрение, глядя на памятник. Один раз это были сильно выпившие

³⁷⁹ Поселок и военная крепость в Туркмении, самая южная точка СССР. Здесь в 1941 г. с началом войны расположилось Первое Туркестанское стрелково-пулеметное училище Красной армии, в которое в июле 1942 г. был направлен 18-летний В. Сидур. Здесь он испытал многие тяготы – суровая учеба, постоянные голод и холод, произвол, издевательства и воровство командиров, серьезная болезнь. Отсюда он в ноябре 1943 г. отправился на фронт. Воспоминания, оставшиеся от Кушки, были для В. Сидура хуже, чем сохранившиеся от фронта.

³⁸⁰ Джулиани (Giuliani) Майро (1781–1829) – итальянский гитарист-виртуоз и композитор.

два человека, явно без высшего образования. Они сказали, что ходили по всему кладбищу, и этот памятник самый лучший. При этом они употребляли такие термины, как «пузо», «бугарда», «скарпель». Оказалось, что они резчики по камню, а один даже работает у Коненкова³⁸¹. Слово «абстрактно» тоже было произнесено, но без всякого ругательного оттенка. Во второй раз похвалила женщина интеллигентного вида, ухаживающая за соседней могилой. Когда хвалят, всегда приятно.

А потом мы купили Диме очень приличную дубленку на зиму. Таким образом, его проблема зимнего пальто решена. Теперь, если купим еще мне что-нибудь подобное, никакой мороз нам будет не страшен.

В подвале кроме Эдика нас ждал Игорь Тупицын. Он написал свою статью про Диму, которую хочет опубликовать в Югославии, и принес ее, чтобы мы прочли. Статья неплохая, особенно вторая половина, где речь идет по существу, то есть о скульптуре.

Аня с Валькой пришли из магазина, а я сбежала за пол-литром, потому что Игорю явно хотелось выпить. Игорь ушел около десяти, а Дима еще закончил рисунок «Март» из серии «Месяцы», специально сделал повторение, чтобы подарить Нине Гинзбург к ее выходу из больницы. Ей, слава богу, сделали удачную операцию.

Нас также очень обрадовало, что наше Политбюро согласилось провести встречу с чехами в Чехословакии, после того, как те отказались ехать к нам. Наши войска продолжают покидать Чехословакию. Появилась вновь надежда, что войны не будет.

23 июля 1968 г., вторник.

Еще вчера Дима во втором часу ночи придумал новую скульптуру «Похороны в концлагере» и сейчас полностью ей поглощен. Поработать ему не удалось – вдруг проглянуло солнышко и он пошел с Валькой гулять. А я чего-то жарила и ходила по магазинам. Эдик фотографировал, он сегодня ездил на работу и ему там подвалили снимать.

Машка Зверева провалилась во ВГИК на сценарное отделение – получила двойку за сочинение. До этого она получила три пятерки по специальности. Витя Гинзбург сказал, что у нее был колоссальный блат, но, как видно, он сработал только до известного момента. Мы не очень огорчились – если бы Машка попала, она бы стала еще бездушнее.

Отвезли окантовывать «Март» для Нины, и еще парочку.

Позвонил Лемпортовский шпион Алик Фридман. Очевидно, он хотел узнать, где мы, а заодно проверить реакцию на письмо. Алик Фридман, скорее всего, тот самый юрист, о котором Лемпорт в своем послании пишет: «А копию я себе все-таки оставляю в присутствии юриста». Дима говорил с ним очень хорошо, мы решили сделать вид, что вообще никакого письма не получали. Пусть Лемпорт

³⁸¹ Коненков Сергей Тимофеевич (1874–1971) – скульптор. Действительный член АХ СССР (1954), лауреат Ленинской (1957) и Сталинской (1951) премий, Герой Социалистического Труда (1964), Народный художник СССР (1958).

помучается в сомнениях. Алик просил у Димы свидания с ним, Дима взял у него телефон и сказал, что позвонит.

Коротенькое письмецо прислала Велта из Риги, просит послать ей список всех книг и журналов с Димиными иллюстрациями. Я это сразу же сделала. Получили также письмо из «Детской литературы», где просят Диму отозваться. Димка расстроился – ему нужно браться всерьез за детскую книжку и за Юру Левитанского для Иркутска.

Левитанский ввалился сильно выпивши без звонка, без Марины, с которой в очередной ссоре, но с Витей Фогельсоном и с Ниной Кондрашиной. Он сам много орал. Витя хотел впрыгнуть на подоконник, но сорвался, упал на мусор, ободрал себе руки в кровь. Эдик снимал всю эту пьяную шарашку. А потом еще вызвали нашу соседку Ию Саввину, она тоже что-то пижонила. Эдик всех снял в самых разных видах.

Дима ужасно мучился, что он сегодня не работал. Нина развезла нас всех на своей «Волге».

24 июля 1968 г., среда.

Дима себя очень плохо чувствовал. Мы с ним немного поругались, потом помирились. Долго писали письма Флакери в Югославию, Кушнеру в Ленинград, <каменотесу> Виталию Суховерхову с просьбой, чтобы он привез гипсовые модели памятников Звереву и Варге.

Ругались мы из-за еды. Дима говорил, что я ему мало варю диетическую пищу, которая ему необходима из-за больного желудка. Он прав, получается, что я в отпуске, а варю меньше, чем когда ходила на работу. Вечером ел манную кашу и был доволен.

В мастерской ему опять сделалось очень нехорошо, пришлось принимать нитроглицерин. Дима мне всё время говорил: «Пойди посмотри, дождь не идет?» Действительно, дождь пошел через некоторое время. Потом ему сделалось получше и он начал новую скульптуру «Похороны в концлагере».

Позвонил из ЦДЛ уже наклюкавшийся Юра Левитанский, сказал: «Я вам, наверно, ни к чему». Димка ему сказал, что хотел бы поработать. А потом после разговора ему стало жалко Юру, он вспомнил про ссору с Маринкой, и что ему некуда деться.

За чехов мы очень волнуемся. «Правда» пишет всякие гадости про них. Чем все это кончится?

Я вспомнила, как вчера Ия говорила, когда Витя Фогельсон выразил сожаление по поводу того, что у нее есть любовник: «Что я, совсем уж дерьмо!»

Уже ночью, дома, Дима нарисовал несколько рисунков на тему «Упражнения с головами».

Мой месяц, самый жаркий в году, совсем подкачал. Всё время холодно и дождь.

Нина Гинзбург вышла из больницы. На днях слушали трактат академика Сахарова³⁸² по «Голосу Америки».

³⁸² Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989) – физик, действительный член АН СССР (1953). С 1949 г. по 1968 г. участвовал в разработке термоядерного оружия. Лауреат Ленинской (1956) и Сталинской (1953) премий, трижды Герой Социалистического Труда, Лауреат Нобелевской пре-

25 июля 1968 г., четверг.

Привезли Нине Гинзбург «Март». Картина совершенно великолепная. Нина немножко похудела, но выглядит совсем неплохо. Мы дождались, пока приехал Витя с дачи. Нина накормила Димку обедом, очень вкусный был французский суп *Mélange*. Я обедать не стала, постеснялась. Просидели у них полдня и ушли только когда приехали в гости Фрид и Дунский.

В мастерскую не успели войти, как пришло громадное количество людей во главе с Левитанским илевой Тоомом. Они привели Бранко, какого-то югославского поэта с дочкой, Тимура Гайдара³⁸³ и Сашу Романенко³⁸⁴. Все, за исключением Гайдара и Бранко, изрядно выпивши. Тимур чем-то похож на своего замечательного отца, только помельче. Они принесли с собой две бутылки бренди и бутылку виньяка. Бранко сказал, что на симпозиум в Югославию из советских никого не пустили, и Диму туда в ноябре тоже не пустят. Правда, он намекнул, что они будут действовать другими путями. Тимур проявил самый большой интерес к скульптурам. Больше всего смотрел и даже захотел приобрести копию «Моющей ногу», «Женщины в ванне» или «Любовников». В знак аванса выдал Диме 100 рублей, это очень неожиданный поступок и симпатичный.

<...> Юра неожиданно обзвал Марину блядь, за что она тут же смазала ему по морде. Эта сцена, слава богу, произошла уже после ухода югославов. Юра пьет, Марина пьет, Лева пьет, один Тимур не пил из-за своей язвы. Я выпила две рюмки, а Дима, как всегда, ни грамма. И жалко их и помочь нельзя. Дима сказал Юре вроде бы в шутку: «Причину недовольства внешним миром ищи в себе самом». А когда все ушли, Дима сел и спокойно поел мои котлеты и попил чайку.

Еще Лева Тоом сказал: «<...> Юнна вас очень любит». – «И мы вас любим», – сказала я.

26 июля 1968 г., пятница.

Купили на ул. Веснина³⁸⁵ *Dictionnaire de la peinture moderne*. Стоит всего 8 рублей, относительно недорого. Купили мне черный шерстяной костюм, Диме очень понравился. Приходила моя ученица Наташа Епифанова, поступающая в

мии мира (1975). С 1966 г. один из лидеров правозащитного движения в СССР. Юлия упоминает его большую знаменитую статью «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», появившуюся в мае 1968 г. Статья была неоднократно прочитана зарубежными радиостанциями, широко распространялась в самиздате. В ней говорилось об опасности термоядерной войны, содержался призыв к сближению (конвергенции) социалистической и капиталистической систем. «Второй основной тезис: человеческому обществу необходима интеллектуальная свобода – свобода получения и распространения информации, свобода непредвзятого и бесстрашного обсуждения, свобода от давления авторитета и предрассудков. Такая тройная свобода мысли – единственная гарантия от заражения народа массовыми мифами, которые в руках коварных лицемеров-демагогов легко превращаются в кровавую диктатуру. Это – единственная гарантия осуществимости научно-демократического подхода к политике, экономике и культуре».

³⁸³ Гайдар Тимур Аркадьевич (1926–1999) – журналист, писатель, контр-адмирал. Сын известного писателя Аркадия Петровича Гайдара, отец политического деятеля Егора Тимуровича Гайдара.

³⁸⁴ Романенко Александр Данилович (р. 1932) – поэт, переводчик, критик, литературовед.

³⁸⁵ На улице Веснина (Денежный переулочок до 1933 г. и с 1994 г.) в Москве располагался отличный магазин французской книги.

мой институт на французское отделение. Знания у Наташи в два раза лучшие, чем когда я поступала были у меня (и тем не менее я получила пять). Но теперь уровень так сильно повысился, что и Наташа волнуется, и я тоже. Мне было очень приятно, когда Наташа сказала, что другие абитуриенты ей кажутся слабее. «Вы же нас все-таки развивали», я очень обрадовалась этим словам. Наташе остается поступить в институт и не подвести своего учителя.

Алик Киселев завалился во ВГИК на третьем туре. Он неплохой парень, но мы с Димой решили, что советское кино немного потеряет, если Машка не будет писать сценарии, а Алик ставить фильмы. Правда, оба полны решимости поступать через год.

Дима, к счастью, успел сегодня порядочно поработать до прихода гостей. У него уже некоторое время снова вспыхнул грибок на пальцах обеих рук, болезненно и раздражает.

Пришли Владик, Женька с Борей, длинный немец Ули. Ули был в растрепанных чувствах по причине того, что ему не разрешили поехать к Микаэлу на дачу за 50 км от Москвы³⁸⁶. Были также Эдик и Валька с подругой Наташей. Ули имеет 192 см высоты, невероятно длинный малый.

Чехи испытывают всякие трудности. Сняли своего министра обороны Пралика. Одновременно правительству пишут тысячи писем от интеллигентов, рабочих, чтобы не подчинялись нашему давлению. Когда состоится встреча с нашими, до сих пор неясно. Насер³⁸⁷ объявил, что болен и едет к нам лечиться. Чем болен неизвестно. Чтоб он подох, зараза.

Завтра хотим уехать в Алабино.

27 июля 1968 г., суббота.

До самого отъезда в Алабино жили расслабленно. Я ходила на рынок, варила пожары, Дима медленно собирался. Бродили по нашей громадной площади как сонные мухи.

Радио не сообщает ничего интересного, кроме того, что в Чехословакии всё по-прежнему, тысячи людей в Праге стоят всю ночь в очереди, чтобы подписать петицию в поддержку своего правительства и с просьбой не поддаваться советскому давлению.

Очень интересно было узнать, что у Насера «воспаление в ноге» и он с семейством прибывает в Цхалтубо.

Эдику Дима по телефону дал некоторые ценные указания, что делать во время его отъезда.

На вокзал приехали на час раньше отправления поезда. Зато мы сидели на хороших местах у окна, а народу набилось много. В поезде ехали целый час и

³⁸⁶ Иностранцам предписывалось оставаться в тех населенных пунктах, которые были указаны в визе. Пребывающим в Москве, не разрешалось выезжать из нее далее 20-километрового радиуса.

³⁸⁷ Насер Гамаль Абдель (1918–1970) – президент Египта в 1956–1970 гг., с 1963 г. председатель Арабского социалистического союза (единственной разрешенной партии в стране). Герой Советского Союза (1964). СССР был его тесным военным союзником на Ближнем Востоке. Массовые поставки советского оружия в Египет начались уже в 1956 г.

даже за это время немного отдохнули. Мне спать захотелось. Воздух в Алабино, как выйдешь из поезда, сразу поражает, пока не привыкнешь, особенно по контрасту после бензиновой вонищи в Москве. У Димы еще в поезде лицо стало разглаживаться, а как вышли, сразу стало совсем успокоенным. «Вот, – говорит, – чувствуешь, как в нашем подвале нечем дышать». Я всё чувствую, но делать-то нечего. Грибок у Димы на руках не проходит.

Родители сильно обрадовались. Дима сразу же хорошо поел и я тоже. Потом Дима рассказал о всех событиях, произошедших за последний месяц. Зинаида Ивановна и Абрам Яковлевич выглядят неплохо. Говорят, что очень устали, собирая смородину и вишню. Каждый год разговор идет о том, чтобы всё бросить и не возиться с ягодами, и каждый год они возятся, потому что жалко, чтобы не пропадало. На нашу помощь, да и на потребление рассчитывать не приходится, мы люди занятые.

Как приеду в Алабино, мне сразу спать хочется.

28 июля 1968 г., воскресенье.

Целый день отдыхали. Дима все мучается от необходимости приниматься за книги, но так за весь день и не начал. Зато резал «Христа» в дереве и почти закончил маленькую деревяшку «Мать с детьми». Сегодня было очень тепло и приятно. Я собирала смородину и принимала участие в производстве ленивых вареников. После обеда не хотела спать, но не выдержала и заснула так сильно, что Дима меня с большим трудом растолкал и, несмотря на мое активное сопротивление, поднял.

Слушали радио: Би-би-си и «Голос Америки». Чехи и наши встречаются сегодня ночью или завтра где-то на границе Чехословакии с СССР. Зинаида Ивановна посредством радио находится в курсе всех событий в Израиле и горячо желает Насеру всего самого худшего.

Вечером с Димой погуляли, подышали медовым запахом, нашли четыре гриба-масленка, из которых один, сильно червивый, выкинули.

Приходил соседский пес Пушок, у него очень простонародная положительная морда, гораздо приятнее, чем у его хозяина Сашки Дронова. Многие коровы, кошки и крошечная собачка Кирчик гуляют сами по себе.

Дима лохмат, в ужасающих штанах, но доволен. На лице умиротворение, несмотря на острое нежелание оформлять книжки.

На Сидуралее что-то в этом году нет грибов. Ела малину, вишню и крыжовник. Чувствую, что за сегодняшний день поправилась. Дима мажет руки медовым глицерином, стало лучше.

29 июля 1968 г., понедельник.

Дима наконец принялся за детскую книжку. Придумал два варианта обложки с черным котом на оранжевом фоне. Довольно долго долбил «Христа». Дерево в некоторых местах сильно гниловатое. Дима аккуратно мажет пальцы рук несколько раз в день.

Варили французский суп с яйцом. Я попеременно ем малину, вишню, сливу и желтый крыжовник. Абрам Яковлевич и Зинаида Ивановна давили с сахаром собранную мною вчера смородину.

В. Сидур в Алабино (1967). Фото: Эдуард Гладков

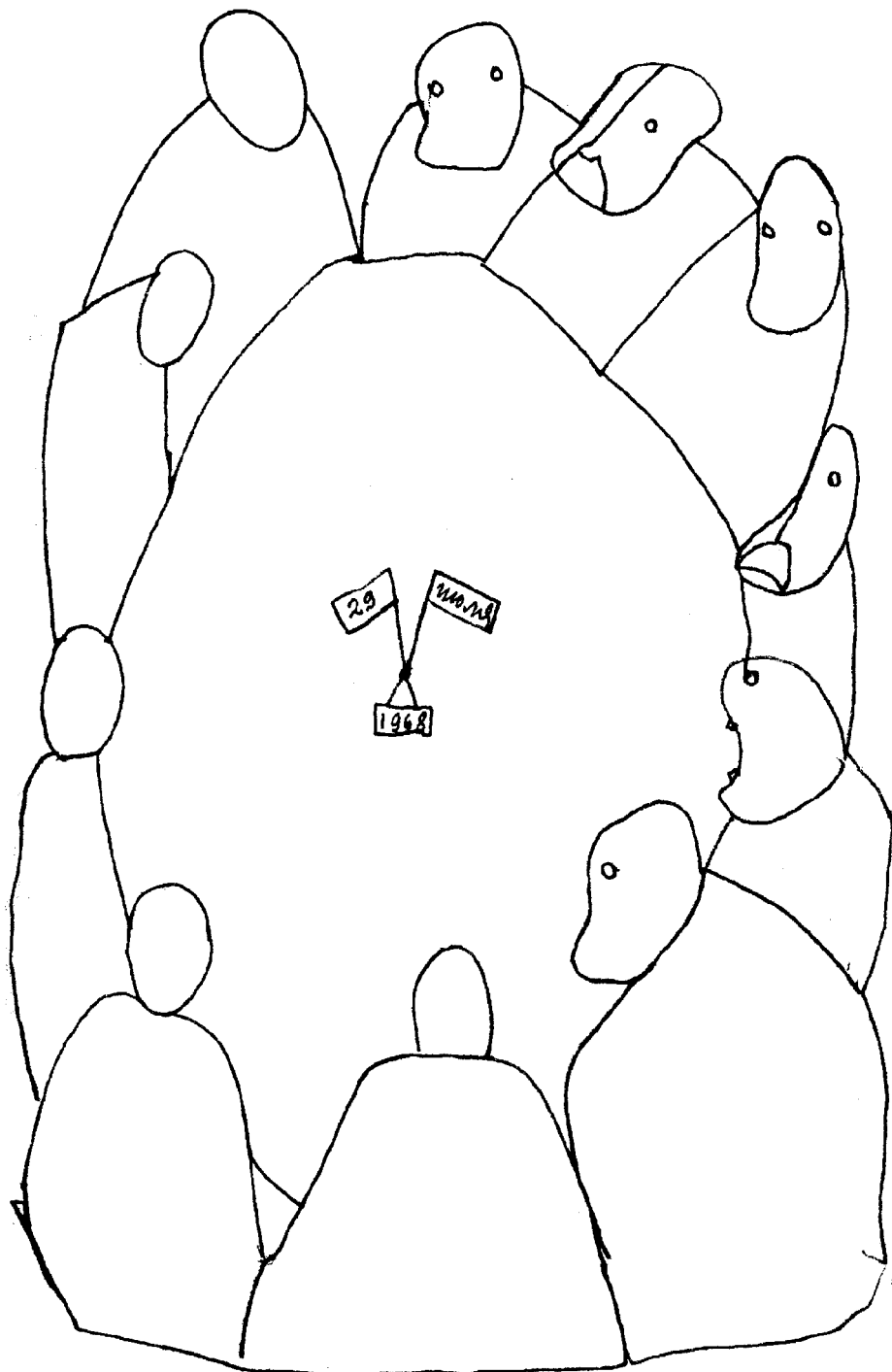

Рисунок В. Сидура (1968)

Радио Израиля сообщило, что ходят слухи, будто бы у Насера рак мозга. Скорее всего, они выдают желаемое за действительное. Весь мир, кроме наших, разумеется, в первую очередь говорит о чехословацких событиях. Наше Политбюро, девять человек из одиннадцати, встречаются в кинотеатре маленького городка Чиерна на границе с Украиной с Президиумом <ЦК КП> Чехословакии в полном составе³⁸⁸. На железнодорожных путях стоят два поезда с зелеными вагонами³⁸⁹. Место встречи тщательно охраняется усиленными нарядами полиции и армии. Тем не менее журналисты туда поехали. Одновременно разные сообщения о передвижении войск в Восточной Германии и советских войск, углубляющихся в Северную Моравию. Сегодня же по-французски я слышала, что последние советские солдаты покинули территорию Чехословакии. Французам я не верю, лучше всех говорит Лондон, хотя вчера они переврали фамилию академика Сахарова на Захаров.

Сейчас в чехословацких городах на улицах расставлены столы и люди подходят, чтобы расписаться в поддержку своего правительства. Чехи считают, что больше всех их ненавидят Ульбрихт и поляки, о нас они почему-то лучшего мнения.

На днях Дима мне сказал: «Прогресс идет вместе со мной. Недаром именно чехи и югославы меня публикуют и признают. Я всё делаю правильно».

Циранкевич³⁹⁰ не поехал в Швецию, испугался неподобающего приема в связи с внутренней политикой в Польше. На последнем пренуме ЦК в Польше, как сказала «Свобода», был дан «отбой преследованию граждан еврейской национальности». Они и так обезглавили свою науку.

30 июля 1968 г., вторник.

Дождь лил с шести утра, не переставая. Сразу же стало сыро. Подумали уехать с Димкой вместе, но потом он решил остаться, потому что иначе никогда не сделает книжки. Все принимали большое участие в приготовлении обеда. Дима с Абрамом Яковлевичем крутили мясо для котлет, а мы с Зинаидой Ивановной варили борщ. Испортился трос у колодца, то ли воды стало меньше, но набрать два ведра воды можно только опустив и подняв ведро не меньше десяти раз, выливая каждый раз меньше, чем по полведра.

В пятом часу вечера дождь поутих и я поехала в Москву одна, узнать как дела, кое-кому позвонить, купить продуктов и сходить на кладбище к Володе, который, скорее всего, надпись не рубит, иначе бы он давным-давно позвонил и потребовал бы денег.

³⁸⁸ Организованная по инициативе Л.И. Брежнева, встреча прошла 29 июля – 1 августа 1968 г. в клубе железнодорожников словацкого приграничного городка Чиерна-над-Тисой и стала последней попыткой «образумить» чехословацкое руководство. Члены советской делегации держались высокомерно, дошло даже до прямых оскорблений. Однако А. Дубчек проявил твердость, настаивая на том, что его политика не противоречит социализму, а наоборот, спасает социалистическую идею от дискредитации.

³⁸⁹ Советская делегация пересекала границу на спецпоездах, возвращаясь ночевать на свою территорию.

³⁹⁰ Циранкевич (Cyrankiewicz) Юзеф (1911–1989) – премьер-министр ПНР в 1947–1952 и 1954–1970 гг. председатель Государственного совета ПНР в 1970–1972 гг.

Эдик был в мастерской. Важнейшие местные новости: Анна Новакова прислала восторженное письмо, почему-то по адресу Чудовка, 19, хотя мы ей дали наш домашний адрес. Откуда она раскопала старинный адрес мастерской? Письмо полно радостного оптимизма и неверия в наши черные силы. Господи, помоги им!

Звонила чешка Ганна, симпатичная девочка, спрашивала, что Сидур хочет передать в Прагу, а когда я приехала, больше не позвонила. Завтра уезжает. Велта прислала второе письмо, в котором половину я не поняла. Завтра буду расшифровывать на свежую голову. Звонили какие-то люди, вроде из домоуправления, где мастерская Лемпорта и Силиса. Начиная с субботы во всем их доме нет воды, причина, как полагают, в их мастерской, а их никого нет – ни Лемпорта, ни Силиса, ни Рудольфа. Звонила Лемпорт-Силисовская девка, долго соблазняла Эдика, насилие он отвызался. Валька упорно ведет разговоры о новой кошке. Эдик решительно ее не хочет. Я почему-то чувствую, что эта кошка поселится в нашем подвале, тем более у нас мыши, которые с каждым днем нагледят все больше.

В городе Чиерна всё еще переговариваются чехи с нашими, а войска Варшавского пакта непрерывно передвигаются в сторону Чехословакии.

31 июля 1968 г., среда.

Опять шел дождь. Позвонила Сорока, сказала, что видела своего «крокодила» Рудольфа. Он жаловался ей на Диму и предсказал возмездие со стороны Силиса. Она также узнала, что Лемпорт вместе с ним уезжает сниматься в кино в Киев³⁹¹.

Приехала мама, делала много шума. Вместе с ней поехали в мастерскую. Мама ходила в магазин и в аптеку, купила почти всё, кроме календулы. Приходила Наташа Епифанова, позанималась с ней перед завтрашним экзаменом. Ужасно хочется, чтобы она сдала на пять завтра. Позвонила Инна Бернштейн, она сейчас ежедневно ходит на работу переводить чехословацкие газеты и журналы для начальства.

Переговоры сегодня закончились и, по словам Би-би-си, неплохо. Умилительно, что наши деятели с ихними прогуливались по городу, дружески переговариваясь, а жители им аплодировали³⁹². Сказали также, что Брежнев заболел, но несильно³⁹³, и Дубчек был у него в нашем поезде. Коммюнике пока нет, но предполагают, что оно утешительное, хотя наши войска до сих пор на террито-

³⁹¹ В фильме Ю.Г. Ильенко «Вечер накануне Ивана Купалы» (1968). Режиссер тесно дружил с Н. Силисом и В. Лемпортом, снимал их в эпизодических ролях (например, в упоминающемся фильме, а также в своем первом фильме «Колодец для жаждущих» в 1965 г.). См. также ниже записи от 2 марта 1971 г.

³⁹² Советские партийные функционеры были поражены восторгом, с которым жители городка приветствовали А. Дубчека.

³⁹³ Л.И. Брежнев почувствовал себя плохо после первого дня переговоров, и на следующий день, хотя и прибыл в Чиерну-над-Тисой, не вышел из поезда. В его отсутствие другие члены Политбюро вели себя особенно вызывающе, А. Дубчек вынужден был покинуть переговоры, и советской делегации пришлось извиняться.

рии Чехословакии, так же как и войска Варшавского пакта в Польше и Восточной Германии распространяются по западной границе с Чехословакией. Румыны обвиняют поляков в клевете и неверной информации, касающейся Румынии. В Софии на фестивале³⁹⁴ чешская делегация жаловалась на дискриминацию со стороны болгарского руководства.

Пришли Валька с Аней. Валька еще по телефону решительно сказала: «Я не одна». Я долго добивалась с кем она и, наконец, услышала: «С пушистиком». Валька пришла с большой сумкой, из которой торчала кошачья голова. Кошка приятная, маленькая, с хорошенькой мордочкой, но какая-то малахольная. У нее явно большие передние лапки, поэтому она кажется очень чудной, когда ходит. Передние лапы намного короче задних. Валька вымыла ее в нашей ванне специально купленным в магазине «Лейпциг» шампунем, который трудно достать. Кошка удивительно тихая, хотя с любопытством обшарила все углы и явно учуяла мышей. Валька так с ней разговаривает, что даже неловко. Сказала Эдику: «Не разговаривай с ней грубо!» Очень приятно, что кошка пока не избалована и жрет все, что дают. Долго решали, не оставить ли ее в подвале до приезда Димы, а потом он ее, может быть, сам полюбит. Но в итоге Валька погрузила ее в сумку и поперла к себе в Черемушки на 12-й этаж.

1 августа 1968 г., четверг.

Было сухо, но холодновато. Ждала телефонного звонка от Наташи, как она сдала французский. Ходила по рынку, волновалась за нее. Потом с Эдиком пошли на Девичку, так и не дождавшись ее звонка. Я была уверена, что дела плохи, поэтому она и не звонит.

На кладбище я еще раз убедилась, что памятник – великолепная скульптура. Швов сейчас почти не видно, так хорошо их Дима заделал. Эдик много его снимал, меня тоже снял рядом. Надпись делать этот парень даже и не начинал. Я ходила туда, где они работают, и не нашла его.

Вернулись в мастерскую, предварительно купив пожрать, и позвонила Наташа. Сдала на отлично. Не звонила раньше, потому что поздно освободилась.

Потом кто-то позвонил в дверь. Я побежала открывать в полной уверенности, что это мама. В дверную щель увидела милиционера. Я открыла. Он был более чем любезен и хотел дать понять, что он власть. «Вы что, здесь работаете?» – «Да, работаю. Вообще-то я жена художника, который здесь работает». – «Давайте пройдемте туда». – «Давайте, только я дверь закрою». – «Не надо закрывать, я сейчас уйду, никто там не зайдет». Мне он в итоге сказал «здравствуйте», а с Эдиком даже за руку поздоровался, и сказал, что он наш участковый. Назвал свое имя – Матевин Виктор Андреевич, рыжий моложавый человек. Спросил, кто здесь хозяин, и чтобы Эдик написал ему на бумажке имя, фамилию и телефон. Что-то упомянул о ребятах, спросил, где они и куда переехали. Потом, ухо-

³⁹⁴ IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов проходил с 28 июля по 6 августа 1968 г. в Софии под антивоенными лозунгами. Состоявшийся вскоре ввод советских войск в Чехословакию и подавление Пражской весны раскололи молодежное антивоенное движение, следующий фестиваль собрался только через пять лет, вместо традиционных двух.

дя сказал: «Я еще зайду, тогда поговорим». Эдик сказал: «Всегда вам рады». Этот визит произвел на нас неприятное впечатление. Вскоре подоспевшая усталая мама уверенно воскликнула: «Это, конечно, Лемпорт подослал». Мама три часа простояла за ковровой дорожкой, два часа за яблоками. И пришла очень возбужденная.

В Чехословакии, оказывается, переговоры кончились только сегодня и ничего пока неясно. В субботу собираются снова в Братиславе вместе с поляками, немцами, болгарами и венграми. Я рассматриваю это действие как небольшую уступку нашим.

2 августа 1968 г., пятница.

В Чехословакии, кажется, всё обойдется. Дима сказал: «Наши оказались умнее, чем можно было подумать». Я полдня собиралась ехать в Алабино. Долго не уходила на работу соседка. Позвонила Инна Бернштейн, сказала, что до сих пор неизвестно, поедет ли она в Прагу на конгресс славистов³⁹⁵ или нет. Ехать нужно на днях, а она до сих пор не знает, получит ли разрешение в связи с последними событиями. Судя по всему, может быть, и не поедет.

Эдик с утра напрасно съездил в Тушино, парашютные соревнования, которые он хотел поснимать, перенесли на три часа дня.

В аптеке я купила много мазей от грибка для Димы. Поехала в Алабино пятичасовым поездом. В течение всего часа пути шел небольшой частый дождичек. Нагрузилась как ишак, в каждой руке по сумке и еще на шее сумка поменьше. Димка поразил меня своей опухлостью – оказывается, вчера наелся витаминов. Старички ничего. Дима вырезал за мое отсутствие скульптурку, которую назвал «Лолита», придумал и нарисовал обложку для детской книжки и сейчас уже всерьез принялся за Левитанского. Вся продукция весьма качественная. Уже четыре хорошие деревянные скульптурки, и «Христос» незаконченный стоит на улице, завернутый в клеенку. Дима сказал, что перед моим приездом был ужасающий град, величиной с большую пуговицу.

Радио сообщает о более-менее утешительных чехословацких делах и различных инцидентах на фестивале в Софии. Конечно, не наше радио. Чехи ни в чем не уступают, кроме согласия на завтрашнюю встречу в Братиславе.

3 августа 1968 г., суббота.

Совещание в Братиславе, может быть, сегодня и закончится³⁹⁶. Очевидно, все будет в порядке, судя по сообщению Би-би-си, что встреча началась с банкета. Можно считать, что в данный момент чехословаки одержали победу, их оставили в покое, а надолго ли – поглядим.

³⁹⁵ Международные съезды славистов устраиваются Международным комитетом славистов каждые пять лет с 1958 г. В Праге с 7 по 13 августа 1968 г. проходил VI съезд.

³⁹⁶ Совещание представителей коммунистических и рабочих партий НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СССР, ЧССР, состоявшееся в Братиславе 3 августа 1968 г. В принятом заявлении содержалась фраза о коллективной ответственности в деле защиты социализма. В Братиславе Л.И. Брежнев было передано составленное усилиями госбезопасности письмо, подписанное пятью членами руководства КПЧ, с просьбой об оказании «действенной помощи и поддержки», чтобы вырвать ЧССР «из грозящей опасности контрреволюции».

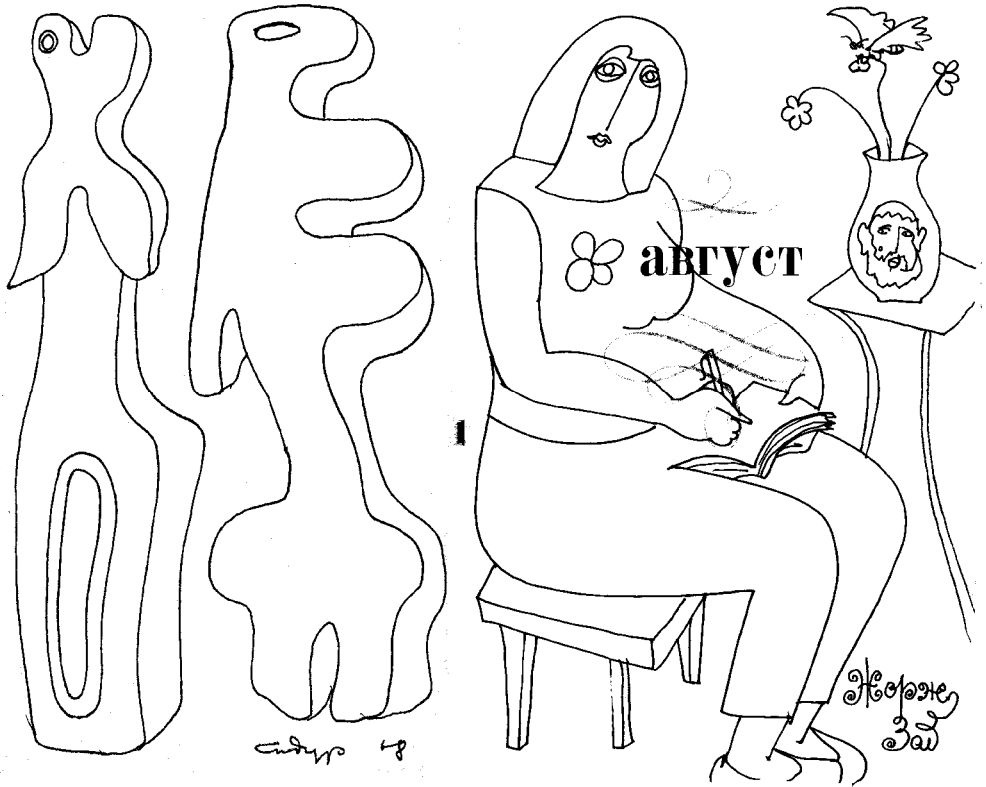

Рисунок В. Сидура (1968)

Дима практически сделал новую скульптурку из деревянного полешка, еще одну не закончил – второй вариант «Памяти Альберта Санчеса», и до самого поздна ковырял третье полено – «Беременную женщину».

В восьмом часу вечера появился Эдик сообщить, что завтра в шесть часов вечера Инна уезжает в Прагу на конгресс славистов. Дима решил не ехать в Москву и мы написали всем друзьям в Праге письма, также Эдик передаст Инне скульптуру «Стоящая девушка» для Зденека Айса.

Был очень сильный ливень, Дима даже поговаривает, что, возможно, мы и сбежим, если будет слишком сыро. Все равно здесь хорошо, несмотря на дождь. Жарили капусту и котлеты. К колодцу приделали новый трос, а к ведру привязали тяжелую гайку. Воду набирать одно удовольствие.

Стрельнула у Эдика пару сигарет. Дима был недоволен, а я ему сказала: «Молчи, Сидур, сопи себе в две дырки».

Ровно в полночь радио «Маяк» передало полный текст резолюции, принятой сегодня на совещании в Братиславе. Текст до того отвратительный, что Дима даже сказал, что его затошнило. Лживая, пустая и циничная терминология, которую невозможно воспринимать по-человечески, сразу хочется плевать. Из

всего длинного заявления несколько действительно несущих какую-то информацию строк, подтверждающих принцип невмешательства и суверенности каждой партии и государства.

На ночь глядя разговорились с Димой о прошлом, о его жизни в училище, переполненной всевозможными неприятностями.

4 августа 1968 г., воскресенье.

«Я раб своего искусства», – заявил мне Дима после моих неоднократных предложений немного отдохнуть. Сегодня опять целый день не отходил от своих деревяшек и натаскал в комнату огромное количество поленьев для будущих скульптур. Зинаида Ивановна даже опасается, что он все перетаскает и нечем будет топить. Почти кончил «Беременную женщину» и остался в итоге ей доволен.

Я отдыхаю в полном смысле этого слова. Кроме как чуть-чуть по хозяйству, ничего не делаю, и где-то в глубине меня это гложет. А Дима, наоборот, рад, что я отдыхаю. Он считает, и не без оснований, что два творца – слишком много на одну семью. Еще он сказал, что, читая мои записи, он кажется себе очень противным типом, самоуверенным, наглым и всё время изрекающим какие-то сентенции. И что, по моим описаниям, он очень похож на Эрнста, особенно, когда я пишу «Дима сказал».

Я боюсь, как бы чехословаки, которые, судя по Братиславскому заявлению, не собираются менять свою внешнюю политику, не ввели бы у себя снова цензуру. Радио Би-би-си сообщило, что в Братиславе толпа кричала: «Да здравствует Брежнев!» и «Ульбрихт, убирайся домой!»

Дождя целый день не было, хотя он и собирался несколько раз, но ветер очень холодный.

5 августа 1968 г., понедельник.

Дима удачно приспособил меня тереть рифлевкой и шкуркой его деревянные. Целый день он заканчивал две последние скульптурки: «Беременную» и «Горбатую девушку». Начал новую, довольно сильно ее продвинул. Все эти деревянные входят в серию под общим названием «Женское начало». Книжки делать Дима ужасно не хочет, хотя всё время о них думает.

Была приятная погода, только к вечеру прошел быстрый и сильный дождик. Абрам Яковлевич ездил в Москву. С глазами у него более-менее все в порядке. Он позвонил Эдику. Никаких новостей. Письма для чехов Эдик Инне передал. Слушали радио, сообщавшее мало утешительного. В Биафре³⁹⁷ умирает шесть тысяч человек в день от голода. А их фюрер Оджукву³⁹⁸ жрет, наверно,

³⁹⁷ Самопровозглашенное и непризнанное мировым сообществом государство в юго-восточной части Нигерии, существовавшее с мая 1967 г. по январь 1970 г. Независимость Биафры от Нигерии была объявлена в ходе борьбы за власть в этой богатой залежами нефти провинции. Вскоре после ее формального отделения федеральные нигерийские войска начали широкие военные действия против сепаратистов, сопровождавшиеся огромным кровопролитием и голодом, от которого умерло больше миллиона человек.

³⁹⁸ Оджукву (Ojukwu) Одумегву (1933–2011) – нигерийский политик, сын богатейших родителей, образование получил в Оксфорде, генерал, президент самопровозглашенной республики Би-

в три горла и горя не знает. Народ в Праге и во всей Чехословакии требует у Дубчека признаться – на какие еще уступки пошло руководство в Чирне. На фестивале в Софии всё время инциденты. Болгарское КГБ совсем озверело, французы высланы из страны, американцев избили, чехам чинят мелкие гадости, западных немцев тоже избили и обозвали фашистами. Как бы этот фестиваль не явился последним на нашей земле. Во всяком случае – в социалистических странах.

Я себе отдыхаю и с ужасом думаю о возвращении на работу. Правда, мысли о школьниках посещают меня все чаще и чаще и я уже даже начинаю раздражать Диму разговорами о них.

6 августа 1968 г., вторник.

Дима доводит себя работой до полного изнеможения. Сегодня дотер еще одну скульптуру из цикла «Женское начало», у него начали болеть руки от чрезмерных усилий. Всего сделал семь деревянных скульптур под одним названием «Женское начало», высотой в среднем 40 см, и одну, поменьше, он не закончил – «Памятник Альберто Санчесу». Дима так и не взялся за книжки, хотя вчера рьяно обещался и даже сказал мне: «Завтра заставляй меня делать Левитанского».

Всё наше варево подошло к концу и сегодня всем семейством принимали деятельное участие в приготовлении пищи. Зинаида Ивановна вырезала под нашими окнами старую малину и сильно переутомилась. Она, когда переутомляется, по ее словам, сильно возбуждается, поэтому очень много говорила.

Слушали Би-би-си. Они сказали, что чешские журналисты добровольно согласились не критиковать своих социалистических собратьев. Снова говорили о возмутительных действиях болгар на девятом фестивале. Наши порядочки проявились во всей своей красе.

Читали статью Минача³⁹⁹ в «Иностранной литературе»⁴⁰⁰ № 3 за 1966 г. Дима всё время отрывался от чтения и пытался как-то высказаться по поводу написанного Миначем. Я кое-как записала, потому что Дима вытаращивает глаза и машет руками, а на бумаге это не передать. «Я за профессионализм, за школу, за ученье. Только тогда чувствуешь себя в седле, когда можешь нарисовать, вылепить, когда владеешь ремеслом и можешь от него отталкиваться. Не надо бороться с модой, это бессмысленно. Критики, которые воюют с модой, выдают это за борьбу с направлением в искусстве. Есть единицы, художники, которые работают не за страх, а за совесть».

афра в 1967–1970 гг. В 1970 г. бежал в республику Берег Слоновой Кости. В 1982 г. после амнистии вернулся в Нигерию, где снова занялся политикой, а в 2003 г. безуспешно баллотировался на пост президента страны.

³⁹⁹ Минач (Mináč) Владимир (1922–1996) – словацкий прозаик, эссеист, публицист, культуролог. Имеется в виду его статья «Парадоксы вокруг искусства», полученная журналом «Иностранная литература» в рукописи и опубликованная в переводе Н. Аросевой.

⁴⁰⁰ «Иностранная литература» – ежемесячный литературно-художественный журнал, основан в 1955 г. как орган СП СССР. Печатал произведения зарубежных писателей, часто это были авторы, книги которых в Советском Союзе издавались редко или вообще не издавались. Пользовался очень большим спросом. Тираж достигал нескольких сот тысяч экземпляров.

Юлия (1968). Фото: Эдуард Гладков

7 августа 1968 г., среда.

Сегодня было очень тепло и приятно. Дождем даже не пахло. Зато Дима чувствовал себя очень плохо. Началось всё с желудка, потом стали болеть суставы, почувствовал слабость, долго лежал с грелками. При общем плохом самочувствии несколько не уменьшился аппетит. Днем после обеда Дима явно приободрился и мы даже пошли гулять. Собрали несколько грибов, в основном – опятки, один белый, несколько дубовиков и парочка маслят. Сыроежек в этом году маловато. После гуляния Дима снова почувствовал себя усталым. Он заметил, что в пасмурную погоду чувствует себя обычно лучше, чем в солнечную. Также его очень угнетает Левитанский, книга, которую ему нужно иллюстрировать и за которую он сегодня снова так и не взялся. Кроме того, обычно очень осторожный в еде, он уже некоторое время ест что попало, а вчера явно переел мяса из борща, и сегодня заболело брюхо.

Абрам Яковлевич долго стоял в очереди за хлебом в местном магазине. Есть ощущение, что с хлебом здесь могут начаться перебои. Уже несколько дней Зинаида Ивановна ведет разговоры о том, что на зиму они останутся в Алабино до окончания строительства кооператива.

Дима лежал, укутанный с головой в одеяло, и мне его было очень жалко. Би-би-си говорило о выработке нового устава партии в Чехословакии, где есть возможность для отдельных членов, несогласных с официальной линией, высказывать свободно свое мнение, что может создать что-то вроде легальной оппо-

зиии правительству. Дима считает, что это очень важный шаг, чехи хотят ввести то, что отменил Ленин. «Я тоже коммунист, – сказал Дима, – я совсем не хочу капитализма, но я не такой, как они».

Сегодня и вчера я, наконец, записала о наших свиданиях с Александром Исаевичем Солженицыным весной прошлого года.

Я уже скучаю, хочу в подвал и, возможно, съезжу на несколько дней без Димы. Привезу продуктов.

8 августа 1968 г., четверг.

Первое, что я сказала, открыв глаза: «Дима, я хочу в Москву, в подвал». Дима не возражал. Потом я долго меняла свое решение – ехать или не ехать. Наконец Дима сказал, чтобы я поскорее уезжала, потому что ему уже надоело об этом разговаривать. Он подстриг меня в садике, потому что я заросла, как соседский пес Пушок. Мы составили список, что делать мне в Москве. Дима чувствовал себя получше, а уезжать он все равно не хотел до следующей недели.

Сегодня Дима впервые вплотную взялся за Левитанского, сделал два варианта обложки. Перед моим отъездом в Алабино прошел короткий, но сильный дождь. А вечером, в Москве, когда я уже уходила из мастерской, была сильная гроза. Я пребывала в подвале одна, Эдика не было. В ящике лежала открытка от югославского поэта, который был на днях у нас со своей дочкой вместе с Бранко и Левитанским. Никто не позвонил, только я поговорила по телефону с Мариной Левитанской и Марией Карловной. Пожарила себе грибы, съела и поехала домой. Дождь припустил сильнее. Я хотела взять такси, но не получилось, в итоге поехала на частнике. Парень-шофер всю дорогу со мной любезничал, а потом отказался взять деньги, мне даже стало неловко.

Дома Галочка вымыла окно в кухне – невероятный поступок! Прислал письмо Кушнер из Ленинграда. Мы никогда не виделись, но мне кажется, что он очень симпатичный парень. Из мастерской еще говорила с Валькой по телефону. Кошка здорова. У них в квартире сейчас живет ее подруга с мужем и двумя детьми. Как они все помещаются в их клетушках? Около десяти вечера позвонил Эдик. Извинился, что оставил две чашки на столе. Сказал, что была Марина Ильичева, начала копировать скульптуру «Моющая ногу» для Тимура Гайдара. Больше новостей не было.

9 августа 1968 г., пятница.

Была на кладбище, никого не застала – все уехали на установку. Рядом с нашим домом оглушительно ревет какая-то машина, при помощи которой переделывают лифт в соседнем подъезде.

Звонила Левитанским, никого не было. Позвонил Лазарев, сказал, что приехала какая-то австрийка, хотела бы посетить мастерскую. Звонила Нинка Борисова, разыскивает Лемпорта. Ей он сказал, что уехал в Киев на пять дней, и сейчас куда-то исчез. Я ей сказала, что появится, никуда не денется. На днях должен вернуться Силис.

В мастерской Эдик показал мне очень приличные фотографии «Эйнштейна», «Сна» и последней «После войны». Завтра Эдик уезжает в Рязань или под Ря-

заны снимать какие-то парашютные соревнования, вернется только в воскресенье вечером. Я посоветовала ему узнать, где живет Солженицын и сфотографировать этот дом.

Пришел Эдиков приятель Стасик, несколько странный парень. У него умерла от родов жена и остался двухлетний сын. Этот Стасик ненавидит своего отца за то, что тот при Сталине был стукачом и кого-то посадил. Интеллигентный, умный парень, но как и большинство, очень слабо разбирается в изобразительном искусстве. Невероятный пессимист.

Би-би-си передало, что Светлана Аллилува⁴⁰¹ разорвала свой советский паспорт и сказала, что она тоскует и не собирается возвращаться на родину и даже думает просить американское гражданство. В то же время она сказала, что мечтает дожить до того времени, когда каждый русский человек сможет ездить куда захочет и жить, где захочет. В этом я с ней согласна, я тоже сильно надеюсь на такое время.

Эдик сказал, что приходил пожарный, спрашивал Сидура. Инна приедет числа 14–15. Пришла донельзя измученная Валька. Наташа Епифанова сдала историю на отлично, теперь ей осталось еще два экзамена. А как остальные мои ребята – не знаю.

10 августа 1968 г., суббота.

Вчера между оконными рамами в кухне попался голубь, испачкал вымытое Галочкой окно. Никак не давался, чтобы я его выпустила. Улетел не сразу, не поверил, что свободен.

Я созвонилась с Велтой. Она сказала, что приехала полчаса назад, очень обрадовалась моему звонку. Долго рассказывала мне содержание письма, в котором мы с Димой ничего не поняли. Оказывается, Велта в Риге встречалась с какой-то бабой по фамилии Осипова, которая является литературным редактором из Гослита⁴⁰² и занимается Прибалтийским отделом. Эта Осипова что-то не так говорила про Диму и Велта несколько с ней поспорила. По разным причинам Велте не удалось устроить свою статью и Димины фотографии в газету «Советская молодежь»⁴⁰³.

Неожиданно в дверь позвонили, когда я сидела в подвале одна и ждала Велту. Это были два знакомых мальчика – Саша Махов⁴⁰⁴ и его приятель Леша. Этот

⁴⁰¹ Аллилуева Светлана Иосифовна (1926–2011) – дочь И.В. Сталина. В 1966 г. выехала в Индию для похорон мужа, попросила политическое убежище в посольстве США в Дели. До 1982 г. жила в Америке, затем переехала в Англию. В 1984–1986 гг. на неполных два года вернулась в СССР, жила в Москве и Грузии, ей было возвращено советское гражданство. Затем снова уехала в США. Автор воспоминаний «Двадцать писем к другу» (1967) и «Только один год» (1969).

⁴⁰² Подразумевается издательство «Художественная литература». Так оно называлось с 1963 г., ранее – Гослитиздат.

⁴⁰³ «Советская молодежь» – ежедневная газета, выходившая в Риге, орган ЦК Комсомола Латв. ССР.

⁴⁰⁴ Махов Александр Сергеевич (р. 1944) – живописец, график, плакатист, сценограф. После окончания института в 1971 г. занимался книжной графикой, сотрудничал в различных издательствах, для которых оформил около 500 книг. С конца 1970-х гг. работал в киноплакате по заказам издательств «Внешторгиздат», «Международная книга», «Реклафильм», «Совэкспортфильм» и др. Занимался сценографией. С 1973 г. входил в Лианозовскую группу художников. Участник многих выставок, среди которых – художников-нонконформистов на Малой Грузинской ул. в Москве.

Саша всегда был удивительно способным к живописи человеком и занимается ею уже давно. Сейчас он вернулся из армии, ему 23 года, учится в Полиграфическом институте⁴⁰⁵. Уже после армии он приносил показать какие-то рисунки. Были Дима и Силис, Силис ужасно хвалил, а Дима – не очень, и назвал это «юношеским романтизмом». После этого Саша, как нам показалось, стал ближе к ним. Дима даже пожалел немного, так как считал его очень способным парнем, и сказал, что ему не хватает интеллигентности. Сегодня же я была приятно удивлена, когда всё оказалось не так, как мы думали. Всё дело в потрясающей Сашиной застенчивости и робости. Это удивительный мальчик, который, несмотря на то, что отслужил в армии, выглядит шестнадцатилетним подростком. Оказывается, он просто боится показывать Диме свои работы, потому что уверен, что ему не понравятся, но очень хочет. И сегодня они даже чуть-чуть выпили для храбрости, чтобы попросить Диму посмотреть Сашины работы. Огорчились, что его нет. Я сказала, что сейчас приедет понимающая женщина, и я опять же, и что если им не трудно, пусть принесут сейчас. А когда Дима приедет, еще раз принесут. Живут напротив нашего дома, нести недалеко. Подошла Велта и мы вместе смотрели его масляные картины и рисунки, сделанные в армии. Рисунки, на которых людей прибивают гвоздями, поджаривают, пронизывают стрелами и т. д. Мне кажется, что Саша Махов просто очень хороший художник, но, как Велта сказала, «очень еще молодой», а я сказала бы «не зрелый», что, в общем-то, одно и то же. Мне понравилось всё, за исключением одного рисунка. Армейские – просто прекрасны. Оказывается, в армии начальство сожгло у него около 200 рисунков за то, что слишком были похожи, а то, что он показал – это всё, что осталось. Живопись очень мощная и красивая. Тем более удивительно при его таком щуплом сложении. Мне кажется, что Сашу ждет, громко выражаясь, «большое будущее». Если, конечно, не свихнется. Но думаю, что нет. Это не Коваль. Я все-таки постаралась выяснить, что же ему нравится в нашей мастерской. Он показал на самые лучшие Димины вещи: «Препараты», «Семья», «Похороны», «Эйнштейн», «Голова современника». Я спросила у него, какие нравятся Колины вещи. Он сказал, что раньше нравились многие, а теперь не очень.

Он еще раз сказал, что Диме, наверно, не понравится. Я постаралась его успокоить. Я сказала, что Дима человек искренний и если ему не понравится, он обязательно скажет почему. Я-то Димку знаю, в большинстве случаев наши мнения совпадают. Я передала ему Димины слова: «Из всех молодых, которых я видел, самый настоящий Саша Махов».

Велта тоже была в восторге. Потом мы попили чайку и я всё выключила, проверила, заперла, подергала и мы ушли. Я сделала эту огромную запись, что случается редко (залезть в следующий день)⁴⁰⁶, потому что Саша Махов произвел на меня огромное впечатление.

⁴⁰⁵ Московский Полиграфический институт – основан в 1930 г. на базе полиграфического факультета ВХУТЕИНа. С 1997 г. – Московский государственный университет печати им. Ивана Федорова. Среди семи факультетов – графического искусства, книжного дела и др.

⁴⁰⁶ До сентября 1968 г. Юлия вела записи в тетради-ежедневнике, каждый день – строго на своей странице.

11 августа 1968 г., воскресенье.

Сегодня долго бродила по рынку, всё купила хорошее. В Москве был сильнейший дождь. Поехала в Алабино очень удачным поездом. Дождя здесь, оказывается, не было. Дима выглядит невероятно запущенно, но весело. Давление ниже у него всё время 100 или 110. Родители выглядят ничего. За эти два дня моего отсутствия Дима сделал еще две деревянные скульптуры из серии «Женское начало»: «Мадонна» и «Похоть, или Ева и змей-соблазнитель», и третью – «Мать с ребенком» – начал делать. Кроме того, почти решил и нарисовал детскую книжку, очень симпатичную, и окончательно выбрал вариант обложки для Левитанского. Я Левитанскому дозвонилась. Он пребывает в великой мрачности и сказал, что в принципе он не подходит сейчас к телефону.

Я что-то кашляю, кашляю, наверно, перекурилась в Москве. Дима сказал, что в этот раз начал за меня волноваться, что я не приеду.

12 августа 1968 г., понедельник.

Приходила собака Пальма. Зинаида Ивановна дала ей хлеб, намазанный всякой хорошей жратвой. Пальма слопала всё, кроме хлеба, а потом трогательно смотрела в глаза, прося еще. Мы все единодушно ей отказали. Я хозяйствовала под неусыпным и бдительным руководством Зинаиды Ивановны. Это меня нервировало и я горячо шепотом высказалась Диме, он меня успокоил.

Работает Дима беспрерывно, выполняя, как он говорит, «намеченную программу». Еще он говорит, что его мозг трудится как заведенная машина. После обильного дождя сделалась хорошая, но несколько душноватая погода, и мы пошли гулять. Нашли довольно много грибов, в основном шампиньоны, один был совсем громадный. Пока собирали грибы нас сопровождал Пушок. К Диме он чувствует особую симпатию, прыгает на него.

Абрам Яковлевич ходил в Петровское в больницу. Оттуда позвонил Эдику. Всё в порядке, новостей никаких. Книжку детскую Дима сегодня дорисовал до конца.

Приходила удивительно красивая черная соседская кошка. Дима сказал про нее: «Эта кошка, как из сказки».

Ульбрихт поехал в Чехословакию, скорее всего, уламывать Дубчека не входить в альянс с западными немцами. Маневры на границе с Чехословакией войск Варшавского пакта развертываются всё шире. Чехи разрабатывают невероятно прогрессивный проект нового устава для членов партии.

На ночь глядя оттирала шкуркой Димины деревянныешки. «Мадонна с младенцем» вырвалась нечаянно и здорово треснула меня по носу.

13 августа 1968 г., вторник.

Целый день понемногу не давали света, очевидно, из-за разразившейся грозы. С половины седьмого вечера выключили до завтрашнего дня. Пишу при свете керосиновой лампы. Пахнет керосином и прошлым столетием. Что-то не помню такого дождливого лета. Зато слушаю «Сонию», когда нет света, она нас здорово выручает.

Мы очень много времени трантим на приготовление пищи. Причем всё семейство без исключения принимает в этом участие. Сегодня было особенно трудно – попалось довольно жилистое мясо, и Дима с Абрамом Яковлевичем

крутили его через мясорубку всего-навсего восемь раз. Дима грыз себя, что за это время, что он принимал участие в изготовлении котлет, он мог бы создать какой-нибудь шедевр.

Сидя в темноте в нашей комнате, а потом в той, где печка, мы все по очереди предавались воспоминаниям. Сначала Зинаида Ивановна рассказала уже много раз слышанную всеми историю о том, как они с Абрамом Яковлевичем были шкрабами⁴⁰⁷, бедными и голодными, жили в Геленджике, Новороссийске и в других местах, и как Абрам Яковлевич был вегетарианцем. Затем я рассказала, как в недавнем походе я со своими ребятами заблудилась в лесу во время такой же грозы, как сейчас, по дороге в Слизнево⁴⁰⁸. Дима тоже хотел рассказать, как он шел на фронте, но потом раздумал и не рассказал.

Кроме Пушка и черной кошки, у нас в саду поселилась невероятная симпатяга-птичка. Абрам Яковлевич утверждает, что это дрозденек. У него всё красное под крыльшками.

Ульбрихт пытался улучшить отношения с чехами, частично у него это получилось.

14 августа 1968 г., среда.

Зинаида Ивановна и Абрам Яковлевич плохо спали эту ночь. Дима тоже спал плохо. Как и в предыдущие ночи, во сне он постоянно видит Лемпорта и Силиса в дружеской обстановке. Один раз ему даже приснилось, что Лемпорта приволокли откуда-то окровавленного и Диме было его ужасно жалко. Я единственная, кто спал ничего, хотя и просыпаясь, и всего-навсего до 12 часов дня. Завтра мы уезжаем в Москву, и, возможно, что больше я в Алабино приехать не смогу, так как 26 августа выхожу не работу.

Сегодня опять что-то варили, жарили. Абрам Яковлевич несколько раз ходил в местный магазин за хлебом, который всё везли, везли и привезли только к вечеру.

Дима закончил вторую скульптуру «Памяти Альберта Санчеса», или, как он еще ее называет – «Памятник испанским эмигрантам». Я с трудом вытащила его погулять. Мы взяли с собой целлофановый пакет и вернулись с почти наполненным грибами. Это первый раз нам так сильно повезло. Сначала попадались одни сыроежки, а потом Дима пошел по своим заповедным «местам» и мы набрали много маслят и шампиньонов. Кроме грибов, Дима наломал бузины. Мы прочитали в «Науке и жизни»⁴⁰⁹, что если накидать бузины в тех местах, где шарят мыши, им от запаха бузины станет так отвратительно, что они навсегда уйдут. Хотим набросать эту бузину в нашем подвале, чтобы наглые мыши куда-нибудь провалились.

⁴⁰⁷ Шкраб – аббревиатура, означающая «школьный работник».

⁴⁰⁸ Этот грандиозный – стокилометровый, шестидневный – поход из Дмитрова в Клин был чрезвычайно интересным, доставил огромное удовольствие всем участникам, вспоминая о нем потом многие годы. Юлия сочинила об этом походе пьесу, которую поставил в школьном театре Олег Киселев.

⁴⁰⁹ Ежемесячный научно-популярный иллюстрированный журнал, рассчитанный на широкого читателя, основан в Москве в 1934 г. Был очень читаемым, тираж достигал трех миллионов экземпляров.

В Греции какой-то парень неудачно подложил бомбу под машину премьер-министра, его поймали. Читали в «Литературной газете» воспоминания Маковицкого⁴¹⁰ о Л.Н. Толстом. Дима еще раз убедился: «Толстой – гениальный старик». Вспомнил, как он мальчиком в Днепропетровске бегал к книжному магазину, где был выставлен бюст Толстого, а потом бежал домой и лепил Толстого в кресле по портрету Репина. И как потом после ранения больше всего хотел увидеть свою скульптуру, а дом разбомбили.

15 августа 1968 г., четверг.

Мы вернулись. Думали поехать поездом 15.59, но неожиданно появился Эдик. Он приехал специально поснимать Димины деревяшки. Рассказал некоторые новости. Приехал Силис, держится очень мило. Спрашивает у Эдика разрешения прийти и т. д. О Лемпорте и Рудольфе говорить явно не хочет и разговор всячески заминает. Эдик снимал голую Сороку. Говорит, что совместная жизнь с Руди сделала из нее совсем идиотку. Моя мама тоже без нас приезжала, заходила к Эдику за фотографиями отца и своей, которые он увеличил. Теперь хочет отдать отцову фотографию ретушеру. Заходила Велта с дамской компанией.

Выбрались из Алабина только в шесть вечера. В половине восьмого были в подвале. Душноовато, затхлоовато. Свое родное подземелье. Возле мусорного ящика положили бузину, мышам в подарок. Я сбегала в магазин, и жизнь завертелась. Робкий звонок в дверь. Саша Махов с девочкой и Лешей. Я чистила собранные нами вчера грибы. Позвонил Левитанский, а через некоторое время прибыл с очень плохо выглядевшей Мариной, грузином Гоги⁴¹¹, как потом оказалось – редактором журнала «Литературная Грузия», и еще какой-то теткой – Марининой подругой. Все они были пьяные, только что из ЦДЛ. Марина сказала, что Юра еле дождался нашего приезда. Диме очень сильно понравились Сашины рисунки. Он сказал, что Саша – уже сложившийся художник и учить его нечему. Нам было бы приятней посидеть этот вечер с Сашей и его друзьями, но Юра что-то пьяно бормотал и мальчики ушли. Гоги рассказывал о своем головокружительном процветании, когда после трех лет голодания в Тбилиси за очень левую настроенность его вдруг неожиданно возвысили. Нам это показалось несколько странным. Мы – люди, искалеченные подозрительностью, нам многое кажется странным. Долго ловили такси. Юра потихоньку жаловался, что Марина его спаивает.

⁴¹⁰ Маковицкий Душан Петрович (1866–1921) – личный врач и друг Л.Н. Толстого и его семьи с 1904 г., сопровождал писателя при уходе из Ясной Поляны. Автор «Яснополянских записок» – подробной летописи жизни семьи Л.Н. Толстого с 18 декабря 1904 г. по 28 ноября 1910 г.

⁴¹¹ Цицишвили Георгий Шалвович (1921–2005) – прозаик, литературовед и литературный критик. Участник Великой Отечественной войны. В 1960–1968 гг. зав. отделом Института истории грузинской литературы им. Шота Руставели АН Груз. ССР. В 1968–1977 гг. главный редактор ежемесячного журнала «Литературная Грузия» (основан в 1957 г. в Тбилиси). В эти годы журнал публиковал, среди прочего, стихи Б. Ахмадулиной, Ю. Левитанского, Ю. Мориц, Б. Окуджавы, О. Чухонцева, произведения из архивов А. Ахматовой, О. Мандельштама, Б. Пастернака, М. Цветаевой, за что подвергался нападкам московского литературного начальства.

Вчера читали статью об инвалидах. Диме эта тема более чем близка. Он мне загадал загадку: «Без рук, без ног, на бабу скок. Кто это?» – «Не знаю». – «Инвалид Отечественной войны».

Есть ощущение, что теперь настанет жара.

16 августа 1968 г., пятница.

Жары не наступило, зато дождь лил и лил. Я успела по суху сходить на рынок, а потом зарядил до самого вечера. Дима был мною доволен. Я всё сварила, как ему нравится. Эдик позвонил, сказал, что они с Валькой и приятелями уезжают на машине на два дня в Ростов.

Объявилась Марина Ильичева. Родители болеют, сестра в больнице, работа не нравится. Позвонила Наташа Епифанова. Получила 19 баллов из 20, проходит совершенно спокойно. Рассказала, что другие ребята, которых я считала очень сильными и умными, сдают почему-то хуже. Нервишки у них сдают.

В подвале нас ждали Эдик с измученной Валькой, Толя Гитберг с Милой. У Толи прямо возле нашей мастерской сломалась машина, а они не привыкли без автомобиля. К вечеру набились люди. Валька с Эдиком ушли, но пришла Наташа с огромной банкой клубничного варенья, которую, как она говорит, она сама собирала и сама варила. Пришли Лазаревы со старшей дочкой Ирой и дамой по имени Лиза, которая жила у нас, а теперь живет в Вене. Последней пришла Инна Бернштейн, только что вернувшаяся из Чехословакии и рассказавшая нам очень много интересного о последних событиях в Праге, которые мы знаем, но без некоторых деталей.

В наших газетах снова начали хаять чехов. Глупо, бездарно, не убедительно. Даже поляки отказались от травли так называемых «сионистов», зато у нас в «Комсомольской правде» от 13 августа какая-то сука Н. Цветкова пишет так, как будто сейчас 48-й год. Статья называется «Диверсанты».

Беседовали с Толей о демократии, он в нее не верит нигде. Я с ним не согласна. Друг друга не убедили.

17 августа 1968 г., суббота.

Я сказала про Толю: «Он воинствующий конформист». Дима сказал, чтобы я записала.

У нашей соседки тоже стало два выходных дня. Теперь мы можем наслаждаться ее обществом два дня в неделю. Ее молчаливое присутствие, выражающееся в усиленном топоте по коридору, а также в преувеличенно громком мытье посуды, вынудили нас убежать из дому пораньше. Возле мастерской Толиной машины уже не было. Мы звонили ему, хотели узнать, как Иришка написала сочинение, но ни его, ни Милы дома и в мастерской не было.

Позвонил Юра, неожиданно объявил, что у Марины сегодня день рождения и мы должны к ним обязательно прийти. Мы с Димкой ужаснулись этой перспективе на сегодняшний вечер. Дима сказал, что мы не можем, потому что уже договорились с людьми встретиться у нас.

Дима наводил порядок, я тоже что-то мыла, готовила еду. Дима не может начать работать до тех пор, пока у него не будет всё в полном порядке. Только мы

сели обедать, в дверь позвонили. Пришла вчерашняя австрийка Лиза с двумя молодыми людьми – итальянец, подслеповатый человек еврейского вида, и девушка, шведка. Они участники какого-то семинара по русскому языку. Говорят по-русски вполне прилично. Ничего не понимают – итальянец еще кое-как, девушка – ни бум-бум. Молодой человек, оказывается, ассистент Леоне Пачини и скоро с ним увидится. К тому же он живет напротив дома, где обитает Бранди⁴¹², искусствовед при Манцу⁴¹³. Этот Бранди, когда заходил к нам с Манцу, сказал, что Диму ждет «тяжелое будущее» и он впадет в абстракцию. Искусствоведы всегда всё знают. В итоге Лиза сказала, что она в Вене работает в журнале *Tagebuch*⁴¹⁴ и хотела бы взять у Димы фотографии, чтобы там что-нибудь опубликовать. Мы ей всё дали. Они ушли и мы стали дообедывать, но без всякого удовольствия. А с ними я выпила коньяку и курила сигареты Kent.

Вечером Дима лепил начатаю Мариной копию «Моющей ногу» и «Похороны в концлагере». Толя Гитберг позвонил, что у Ирешки всё в порядке.

18 августа 1968 г., воскресенье.

Снова соседка изо всех сил шуровала на кухне, так что туда невозможно было сунуться. Дома только позавтракали и сразу же поехали в мастерскую. Дима чувствует себя очень неважно, хотя давление у него здесь ниже, чем в Алабино. Совершенно не может даже чуть-чуть пройтись по солнцу. Еще из дома я позвонила Велте, и она была очень довольна, что я ей позвонила – чувствовалось по голосу. В подвале я читала роман Сименона и маялась животом. Дима снова разбирал и отбирал великое множество своих рисунков. Потом мы спокойно пообедали. Неожиданно появился несколько нервный Эдичка. Они еще вчера вернулись из своего путешествия. Провели ночь в машине, и Валька, обычно умиравшая, чувствовала себя «бодро».

Приходил пожарный Валя за ежемесячной мздой. Его теперь повысили. Эдик уже дал ему в Димино отсутствие три рубля, хотя обычно он получал по полтора. Ему, очевидно, понравилось и он зачастил. Дима ему отказал, сказав, что нету. И Эдику сказал не пускать Валю дальше порога и давать ему изредка не больше двух рублей. Это Дима сказал, когда Валя ушел. А тот перед уходом рассказал историю, как «одна гражданка оставила утюжок на подставке на полу и тот прожег пол и провалился вместе с подставкой». Нам Валя посоветовал подложить керамику под плиту. Эдик постепенно отошел от своей нервности и стал как всегда.

Би-би-си передало очень острый комментарий Мориса Лейти⁴¹⁵ по поводу наших отношений с Чехословакией.

⁴¹² Бранди (Brandi) Чезаре (1906–1988) – влиятельный итальянский искусствовед и художественный критик, автор работ по истории современного искусства.

⁴¹³ Манцу (Manzù) Джакомо (1908–1991) – знаменитый итальянский скульптор и график. Член Итальянской компартии. Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1966), почетный член АХ СССР (1967).

⁴¹⁴ Интеллектуальный журнал по культуре. Выходил в 1946–1989 гг., до 1969 г. финансировался Коммунистической партией Австрии. В 1969–1989 гг. назывался *Wiener Tagebuch*.

⁴¹⁵ Лейти (Latey) Морис (1915–1991) – журналист, директор и комментатор восточноевропейского отдела Би-би-си в 1960-х–1970-х гг. «Вот у вас отличные комментарии, всегда! Вот, действ-

Выходя ночью из подвала, встретили Марка Розовского с девушкой и Сашу Махова. Саша похож на молоденького белого кота. У него очень счастливый вид.

19 августа 1968 г., понедельник.

Собирались на кладбище, да так и не поехали – слишком яркое солнце. Долго копошились дома по хозяйству. На улице было хотя и жарко, но дул очень приятный прохладный ветерок. Мы с Димой даже решили немного посидеть на лавочке в парке «Динамо».

В подвале было как-то совсем свежо. Если бы не громадные кучи мусора у двери, было бы совсем сносно дышать. Силис все не появляется – не звонит и не приходит. Дима сказал, что если Силис в ближайшее время не появится, придется вывозить мусор, а его работы сложим в одном каком-нибудь месте.

Эдик был в мастерской, проявлял, а потом напечатал Димины большие рисунки. Получилось очень здорово, хотя и без цвета. Дима всё работает над «Похоронами в концлагере».

Пришли Саша Махов с Лешей. Саша снова по Диминой просьбе принес свои рисунки. Дима внимательно их рассмотрел и отобрал те, которые считал самыми лучшими. Потом мы пошли к Саше домой смотреть живопись. Оказывается, он живет в нашем доме в подъезде напротив. Очень приличная комната. Когда мы выходили, Саша тихонько сказал мне: «Ну, теперь меня будут ругать за живопись. Мне кажется, что она у меня хуже, чем рисунки». Я сказала: «Ничего, у тебя вся жизнь впереди, другую сделаешь». Дима услышал конец разговора и сказал: «Надо делать так, как будто сейчас делаешь самое лучшее в своей жизни». Дима был несколько разочарован Сашиной живописью, он отобрал у него несколько натюрмортов. Сказал, что насколько он зрелый в рисунках, настолько слаб и молод в живописи, что он не имеет своей концепции, что его хоть сейчас можно выставить на молодежной выставке. Таким образом, Сашины опасения оправдались. Особенно Диме не понравились его большие картины. Чем больше картина, тем хуже. Еще мы узнали, что у него была Велта с кем-то. Примерно, ее мнение с Диминым совпало. А мне многие Сашины картины нравятся.

20 августа 1968 г., вторник.

Нам бог послал ежа. Мы возвращались в полночь домой, шли по стадиону «Динамо» и вдруг увидели, как он семенит впереди нас на своих смешных ножках. Мы сказали: «Тю-тю», и он остановился. Дима собрал его в свою белую шляпу от солнца и теперь он забрался в его комнате за стекла и папки с рисунками, а завтра мы отнесем его в подвал и он будет там жить.

У нас дома сломался телефон и мы поскорее поспешили в подвал. Эдика еще не было. На улице жарко, а в подвале, как в раю. Эдик пришел. Дима на письменном столе очень удобно устроился и сделал при помощи лампочки три рисунка с уменьшенных Эдиком фотографий. Дима хочет, чтобы у Юры в книжке были рисунки из серии «Месяцы».

вительно, Морис Лейти видит вопрос в глубину и дает полновесный комментарий. Он дает нам душевное удовлетворение, что Запад понимает положение», – так высказался о нем А.И. Солженицын в разговоре с руководителями иновещания Би-би-си в 1976 г.

Позвонил наконец Силис, был невероятно вежлив, завтра хочет прийти обо всем договориться. Обещает в ближайшее время вывезти свои работы.

Сегодня мы устроили генеральную уборку. Пришла Валька, ее подружка Аня и мы все втроем с помощью Эдика вымыли пол во всей мастерской за исключением того пространства, которое занято мусорными кучами у дверей. Сразу сделался другой воздух. Потом пришла Инна Бернштейн с Гариком из Киева. Принесла последний номер «Литерарны листы» от 15 августа, в которой опубликована Димина скульптура «Памятник погибшим от любви». Инна была очень оживленная и радостная. Гарик говорил об антисемитизме на Украине. Дима защищал Украину и украинцев. Он считает, что если бы Украина отделилась от России, совсем не обязательно, что там бы сразу начали преследовать евреев, как считает Гарик. Дима вообще очень любит Украину и везде со всеми спорит, кто ее ругает.

Послушали Би-би-си. Они объявили, что созван пленум ЦК КПСС в связи с Чехословакией⁴¹⁶. В наших газетах ругают чехов ежедневно. Инна стала плакать, расстроилась и набросилась на меня, как будто бы это я собираюсь оккупировать Чехословакию. Ей не понравились мои пессимистические прогнозы.

21 августа 1968 г., среда.

Ужасно, что мы бессильны и беспомощны. Сегодня самый черный день этого года – Чехословакия оккупирована своими «братьями», советские танки попирают ее землю. Члены правительства вместе с Дубчеком увезены на бронированных автомобилях, а может быть, их уже нет в живых. Вчера в одиннадцать вечера мы с Инной обсуждали чешские проблемы, а сегодня, к великому несчастью, сбылись мои мрачные предчувствия, из-за которых Инна так на меня рассердилась. Сегодня уже плакала я и даже Дима. В первый раз за пять лет начали глушить передачи радио Би-би-си, «Голос Америки» и другие. Кое-что мы все-таки услышали⁴¹⁷. Всю ночь работало Пражское радио, оно сообщало населению об «интервенции пяти дружеских государств» во главе с войсками моей родины. Убито около 20 словацких студентов, есть раненые. Дубчек ночью выступил по радио и призвал народ вести себя достойно, сохранять спокойствие, не оказывать сопротивление продвигающимся войскам. Людвиг Свобода⁴¹⁸ назвал втор-

⁴¹⁶ 16 августа на заседании Политбюро ЦК КПСС были одобрены предложения о вводе войск в Чехословакию. А 18 августа в Москве состоялась встреча лидеров СССР, ГДР, Польши, Болгарии и Венгрии, на которой были согласованы все соответствующие мероприятия.

⁴¹⁷ Впервые СССР начал глушить передачи Би-би-си и «Голоса Америки» 24 апреля 1949 г. Однако эффективной работы глушилок удавалось добиться только в Москве и Ленинграде. Как правило, русскоязычные программы Би-би-си повторялись по три раза в неделю, чтобы их могли услышать хотя бы раз. Глушение было прекращено 19 июня 1963 г. по 21 августа 1968 г., а затем возобновлено и с перерывами продолжалось до 21 января 1987 г. Глушение «Свободы» и «Свободной Европы» осуществлялось постоянно и не прекращалось вплоть до 30 ноября 1988 г.

⁴¹⁸ Свобода (Svoboda) Людвик (1895–1979) – государственный деятель Чехословакии, ее президент в 1968–1975 гг. Во время Второй мировой войны командовал Первым Чехословацким армейским корпусом, сражавшемся в составе Красной армии. На пост президента и верховного главнокомандующего избран 30 марта 1968 г. вместо А. Новотного. Генерал армии. Герой Советского Союза (1965).

жение незаконным, без предупреждения и согласия президента страны, правительства и Национального собрания, попирающим суверенитет страны. Дольше всех работали радиостанции в городе Пилзен и Готвальдов. Они обращались ко всем компартиям мира с просьбой о помощи. По-французски я слышала о том, что ходят слухи об отставке Гречко и Косыгина. Тито осудил оккупацию и назвал ее тяжким ударом по всему революционному движению во всем мире. Чаушеску⁴¹⁹ ведет себя так же, как Тито, у них вооружаются отряды, состоящие из рабочих и интеллигенции.

В нашем подвале собрались Рита Смулдрид из редакции «Детская литература» со своим мужем и еще одной редакторшей, Валька, Эдик, Силис, пришедший за кое-какими своими вещами, зашли ненадолго Юра Левитанский, Булат Окуджава, Гдаль тоже пришел, и моя мама. Все мы слушали радио, пытались разобрать то, что прорывалось через глушилки. Даже Гдаль, который осуждает Даниэля и Синявского, сказал: «Да, человечество достойно атомной бомбы». Сейчас с ним трудно не согласиться. Силис, как бы шутя, сказал Диме: «А тебе совсем плохо. Может быть, придется тебе пострадать...»

22 августа 1968 г., четверг.

Второй день длится этот кошмар. Несмотря на широкое глушение радиопередач из Лондона и «Голоса Америки», это им не всегда удается. Мы узнали, что по всей Чехословакии работают подпольные радиостанции, которые призывают весь народ верить только законному правительству во главе с Дубчеком, Черником⁴²⁰, Смирковским⁴²¹ и президентом Свободой. В Чехословакии состоялся чрезвычайный съезд КПЧ, на котором единогласно, при одном воздержавшемся, было принято постановление о поддержке законного правительства, требование немедленного вывода оккупационных войск и освобождении лидеров, которые увезены в неизвестном направлении. Есть убитые и раненые, жгут наши танки, люди уговаривают советских солдат вернуться на родину. Съезд КПЧ заявил, что всех коллаборационистов с оккупационными войсками не считать больше членами партии. До сих пор не сформировано марионеточное правительство, которое, очевидно, невозможно найти.

Приехали взволнованные Зинаида Ивановна и Абрам Яковлевич, они сразу же решили приехать. Эдик к вечеру проводил их на вокзал. Потом пришла Велта и Эдики товарищ. Мы слушали радио целый день. Удивительно мужественно ведут себя чехи, а главное – те, кто до сих пор считается руководством. Чаушеску и Тито ведут себя прекрасно. Чаушеску полностью отдает себе отчет в той опасности, которая ожидает его страну. Непонятно, что происходит в нашем

⁴¹⁹ Чаушеску (Ceaușescu) Николае (1918–1989) – генеральный секретарь ЦК Румынской коммунистической партии с 1965 г., президент Социалистической Республики Румыния в 1974–1989 гг.

⁴²⁰ Черник (Černík) Олдржих (1921–1994) – председатель правительства ЧССР с 8 апреля 1968 г. Сохранял свой пост до 27 сентября 1969 г., затем был министром иностранных дел. В январе 1970 г. отправлен в отставку и исключен из партии.

⁴²¹ Смирковский (Smrkovský) Йозеф (1911–1974) – председатель Национального собрания ЧССР в 1968 г., один из лидеров «Пражской весны».

правительстве – кто, какая группа взяла власть. Явно одно, что идет страшной грызня, и наши, может быть, очень жестоко пострадают от этого безумного акта насилия и беззакония. Дима совершенно правильно считает, что можем в первую очередь пострадать мы. Несколько радиостанций по неподтвержденным данным сообщило о массовых арестах среди интеллигенции, писателей, художников.

Сейчас мы думаем только о чехах и словаках, о наших друзьях. Поздно, в двенадцатом часу ночи пришла Инна, совершенно вне себя. Первое, что она сделала – крепко обняла меня и поцеловала. Она сказала, что набросилась на меня позавчера только потому, что она была уверена, что это случится и не хотела этому верить.

Национальное собрание заявило, что если оккупационные войска не уйдут сегодня вечером, они объявят всеобщую забастовку. Наши ультимативно заявили, что если не соберется правительство без Дубчека, Сморковского и Черника, будет установлена оккупационная власть. Мы удивляемся мужеству, спокойному героизму, разуму чехов и словаков. Всей душой, всем сердцем мы с вами, самые родные, самые близкие наши друзья, наши братья!

23 августа 1968 г., суббота.

Живем только тем, что слушаем радио. Какое подлое, вероломное и безумное действие наших подонков. Людвик Свобода в Москве. Чехи объявили всеобщую забастовку. Дубчек вроде бы жив. Его мать обратилась к оккупационным властям, ей сказали, что он жив и его задерживают до окончания переговоров. Я вспоминаю слова из письма Анны: «Дружба с соседями нашими, к сожалению, более похожа на железные объятия, в которых трудно дышать». Первую половину дня была в абсолютной прострации. Дима держался лучше. До сих пор не нашли негодяев среди чехов, согласных сотрудничать с оккупантами.

Юра Левитанский и Булат Окуджава пришли к нам с участниками семинара славистов, двумя француженками и одной шведкой, а также с двумя нашими, их преподавателями. Мы хоть как-то отвлеклись. Юра наклюкался и мы с трудом от всех избавились. Пришли Борис Хазанов с Мариной. Всё время слушаем радио.

24 августа 1968 г., воскресенье.

Всё очень плохо и страшно. Свобода всё еще в Москве. Никак не могут его сломить. О Дубчике ходят самые противоречивые слухи – то ли он в Москве, то ли в Праге. Но есть мнение, что он жив, а это сейчас самое главное. Мы с Димой находимся всё время в страшном напряжении. Невозможно что-нибудь делать, хочется слушать и слушать. Я всё время думаю о них. Дорогие наши, родные Вацлав, Анна, Зденек, Лида, Йозеф, Мирек, Володя, Яна. Нам стыдно за нашу родину, простите нас. Мы всё время обсуждаем и поражаемся вашей организованности, вашему героизму. Какой умный и великий народ, какая культура у самого даже среднего чешского и словацкого гражданина. Я понимаю, что за эти семь месяцев люди, узнавшие, наконец, что такое свобода, никогда больше не захотят с ней расставаться. Такое пассивное сопротивление сильнее любого

вооруженного восстания. Люди верят законному правительству, ждут своего президента и генерального секретаря КПЧ, заседает ЦК, прошел чрезвычайный съезд, Национальное собрание не покидает места, где оно находится. До сих пор, уже четвертые сутки, наши не назвали ни одного имени, ни одного предателя. Прага отрезана от Братиславы, ведутся аресты. Чехи и словаки перестали вступать в какие-либо дискуссии и споры с оккупантами. К этому их призвали подпольные радиостанции. Чем кончится это безумное преступление против мирного свободного народа? Югославы и румыны, так же как почти весь мир, поддерживают чехов. Сволочь Кастро!⁴²² Китайцы осудили интервенцию.

25 августа 1968 г., воскресенье.

Переговоры безрезультатно продолжаются. Хотя ясно, о чем можно договориться с бандитами и убийцами. Чехословакия сопротивляется.

Вдруг получили открытку от Вашека Данека, он отдыхал у нас в Гаграх и хотел задержаться на несколько дней в Москве перед отъездом в Сибирь. Сегодня позвонил его товарищ и передал его просьбу, чтобы мы помогли переменить его билет на 29-е, чтобы он мог уехать вместе с семьей. Мы увиделись с этим чехом, он только что вернулся из Гагр, из Дома творчества. Говорит, что Вашек очень нервничает. Он с семьей – единственные чехи, оставшиеся в Доме творчества. У него и у его жены в паспортах написано, что они работники радио. Это может быть очень опасно для них по возвращении. Но оставаться он никак не хочет.

Пятый день оккупации. Имена коллаборационистов не названы. «Группа товарищей», вызвавшая якобы наши войска, до сих пор себя не разоблачила и не желает брать на себя руководство страной. Сообщили также, что якобы была перестрелка между советскими и болгарскими войсками. У нас арестовали у Кремля около четырех человек⁴²³. Наши солдаты ведут себя совсем не так, как надеялись те, кто их туда послал. Население говорит по-русски и контакты неизбежны. Польские солдаты братаются с населением. Оккупанты заявили, что если армия не будет сотрудничать с ними, они ее разоружат. Спешно меняют войска на улицах Праги, первые солдаты стали уже ненадежными. Наши влезли в такое страшное дерьмо, из которого почти невозможно выбраться, если только не свалить на кого-нибудь всю ответственность за этот позор.

⁴²² Кастро (Castro) Фидель (1926–2017) – лидер Кубинской революции, с 1 января 1959 г. до 1976 г. премьер-министр Республики Куба, с 1965 г. первый секретарь Компартии Кубы, в 1976–2008 гг. председатель Госсовета, председатель Совета Министров и Главнокомандующий вооруженными силами. Герой Советского Союза (1963). Под давлением советского руководства Кастро поддержал вторжение стран Варшавского договора в Чехословакию.

⁴²³ Демонстрация против ввода советских войск состоялась в 12 часов дня 25 августа 1968 г. у Лобного места на Красной площади в Москве. В ней приняли участие семь человек: К.И. Бабицкий, Л.И. Богораз, Н.Е. Горбаневская, В.Н. Делоне, В.А. Дремлюга, П.Н. Литвинов, В.И. Файнберг. Все они сразу же были схвачены милицией, избиты. Схвачены (через несколько часов отпущены) также и люди, случайно оказавшиеся в это время у места демонстрации. Ночью в квартирах у арестованных провели обыски. В.И. Файнберг и Н.Е. Горбаневскую поместили через некоторое время в психиатрические клиники. Остальных обвинили в «нарушении общественного порядка», в октябре 1968 г. их судили, приговорив к нескольким годам тюремного заключения или ссылки.

26 августа 1968 г., понедельник.

Ничего не изменилось. Хотя весь мир говорил сегодня о том, что переговоры окончились и сейчас вырабатывается совместное коммюнике. Дима не верит этому, он считает, что переговоров никаких нет, а наши просто тянут время, чтобы нагнать в Чехословакию побольше войск и оцепить всю страну. Он говорит, что никогда они не выпустят арестованных интеллигентов. У меня все-таки есть маленькая надежда, что переговоры ведутся и будет возможно хоть какое-нибудь сообщение. Я согласна, чтобы наши гады стояли на границе, чтобы перестали на какое-то время критиковать СССР и страны Восточной Европы, только бы Дубчек, Свобода и остальные вернулись и продолжали то, что они начали внутри страны. Дима сказал сегодня: «Я бы сейчас не задумываясь отдал бы жизнь за Чехословакию». До сих пор в стране не нашли ни одного подонка, согласившегося сотрудничать с оккупантами. Китай осудил агрессию. Несмотря на весь идиотизм Мао Цзэдуна⁴²⁴, в нем есть последовательность и логика. У наших нет ни одного разумного поступка во всей этой истории. Бандитизм, ложь, убийство, репрессии и глупость. «Плохо, когда тиран, – сказала Би-би-си, – но ужасно, когда глупый тиран». Прага загажена, изрешечена пулями. Вся страна слушает свободное радио и свободное телевидение, находящиеся в подполье. Шестой день оккупации не могут найти эти радиостанции. Национальное собрание обратилось в Москву к президенту Свободе с предложением ускорить переговоры и как можно скорее вернуться в Прагу, так как положение в стране сильно ухудшилось.

Вашек прислал открытку Юре, где пишет, что может поехать в Сибирь. Чувствуется, что он в полной растерянности. Мы решили подождать до завтра, прежде чем принимать меры с его билетом. Может быть, мрачные Димина предположения не подтвердятся и результаты переговоров будут хотя бы относительно обнадеживающими. В Прагу войска только прибывают и прибывают. Уводят танки, заменяют их бронетранспортерами. В одной из передач свободное радио Праги передало, что нет смысла поджигать советские танки, чтобы не вызывать напрасного кровопролития: «Два танка, выведенных из строя, ничего не изменят. Мы должны показать им, что мы лучше них». Обрадовало сообщение о восточных немцах, которые большими группами, около 3000 человек, приходили в Берлине в чехословацкое посольство и заявляли свою поддержку чехам и словакам, а также протестовали на заводских митингах против оккупации. Я сразу же почувствовала к немцам огромное уважение.

Ненадолго убежала Инна. Она ни капли не трусит. Меня потрясли и взволновали ее слова: «Пусть будет война. Грешно говорить это женщине, имеющей ребенка. Но если так, пусть война». Это говорит уже третий человек, имеющий детей. Неужели никто за это не ответит, советский народ, как всегда, проголосует, как надо и проаплодирует в нужный момент?

Заходили Юра с Булатом. Они сказали, что должно быть сообщение об окончании переговоров. Сейчас около трех часов ночи, никакого заявления не было.

⁴²⁴ Мао Цзэдун (1893–1976) – председатель КПК в 1943–1976 гг., одновременно в 1954–1959 гг. председатель КНР.

Единственный слабый луч надежды промелькнул у меня, когда не глушили Би-би-си в восемь часов вечера на 13 метрах и в 11 часов на 19. Господи, пошли разум тиранам-дебилам, управляющим великой сверхдержавой, заслуживающей вполне свое «истинно народное» правительство.

Дима считает, что нам нужно готовиться к самым худшим временам, поэтому постараться распределить рисунки, а может быть, и скульптуры в разных местах, чтобы не пропало всё сразу. Единственное, что нас радует – это ежик.

Это невероятно, но факт: чехи и словаки победили, всему миру они продемонстрировали не только героизм, но еще какую-то гениальность. Такого невиданного единства слова, которые, наконец, приобрели смысл, ранее испоганенные наше пропагандой, мир не встречал очень и очень давно. Итак, победа! Пока неполная. Оккупанты уходят не сразу, а постепенно. Но будет введена частичная цензура, касающаяся СССР и стран Варшавского пакта, на западной границе Чехословакии останутся какие-то части наших войск. Вся делегация не погибла, не сдалась, а вернулась в свою страну и будет продолжать свою работу. Вот эти люди, которые сейчас перевернули сознание миллионов и которые даже для меня, никогда не вступавшей в комсомол, а в нашу партию – тем более, сделали идею коммунизма человечного и умного такой привлекательной.

Мы с Димой не ожидали такого конца, но это еще не конец. Мы готовились к самому худшему. Чехословаки показали, что наших негодяев можно все-таки укротить и умерить их пыл, несмотря на танки, ракеты, атомные бомбы. Дубчек, Свобода, Черник, Смрковский, Цисарж⁴²⁵, и другие чехословацкие руководители стали теперь вождями человечества. Я снова приобретаю свой поколебленный оптимизм.

Арестованные на Красной площади, оказались неизвестными пока людьми: Павел Литвинов и Лариса Даниэль.

Была у нас Клара, Алик Киселев, только вернувшийся из Днепропетровска, сразу же прибежал к нам. И наконец только сегодня, когда кризис кончился, позвонила Женька. Она проверку на вшивость выдерживает плохо – и с Изольдом, и с нами.

Юра помирился с Мариной, у них новый мирный цикл. Пришел пьяный с ней и с каким-то пьяным мудаком. Отправили Вашеку телеграмму, чтобы он спокойно приезжал в Москву. А то мы уже начали думать, где его прятать.

28 августа 1968 г., среда.

Победа частичная, уплаченная дорогой ценой. Смрковский плакал, Дубчек терял сознание и смог выступить только через два часа. Ужас, ужас, ужас! Мерзкие советские подонки, что вы наделали?

Мы говорили в подвале о будущем – Дима, Эдик, Юра и редактор Юриной книжки из Иркутска Марк. Несмотря на этот исход, очевидно, единственный положительный при данной ситуации, все мы настроены пессимистически. Вой-

⁴²⁵ Цисарж (Cisár) Честемир (1920–2013) – с марта 1968 г. министр образования науки и культуры в правительстве ЧССР, секретарь ЦК, один из популярных и ярких политиков «Пражской весны». В августе 1968 г. снят со всех постов, в 1970 г. исключен из партии. Автор воспоминаний.

ска в Праге и везде в Чехословакии, будет введена цензура, возможно, запретят на время въезд иностранным туристам и корреспондентам. Зато очень многие наши кретины, наконец, прозрели. Очень уж всё неприкрыто, лживо и алогично. Чехи, словаки, это не мы послали к вам ни в чем не повинных солдат, ставших захватчиками и оккупантами. И все же, как сказал Юра: «Я готов встать перед вами на колени». Мы с Димой сделали бы то же самое, и много, много других русских. О дальнейшей судьбе мира мы имеем самые грустные и мрачные представления. Третья мировая война возможна в самом ближайшем будущем, причем повинными в ней могут быть наши сорвавшиеся с цепи псы.

29 августа 1968 г., четверг.

Почти никаких изменений. Национальное собрание в Праге требует вывода оккупационных войск. Временно введена цензура печати, радио и телевидения. Есть даже голоса о репарации от оккупантов. Глушат радио у нас с яростной и бессильной злобой, как никогда. Все равно начисто заглушить не могут. Дубчек, Смирковский и другие иначе, как насильем, трагедией и не зависящими от их воли, московские соглашения, которые они вынуждены теперь выполнять, не называют.

Я хожу в свою школу, совершенно не готовую после капитального ремонта к приему учащихся. И мы, учителя, только и делаем, что таскаем, моем, убираем. Сегодня наработалась там, недосыпания, волнения – еле стояла на ногах. Дима работает, рисует для Юры. Данек не приехал.

30 августа 1968 г., пятница.

Эдик правильно сказал: «Так противно, даже не страшно». Мы теперь начинаем понимать уже совсем явственно, что дело идет к Третьей мировой войне. Единственная надежда, что если война будет, то не атомная и весь мир быстро не околеет, наши фашисты эту войну проиграют – как всегда, они окажутся к ней не готовы, а такого фюрера, как Сталин или Мао Цзэдун, воспитать еще не успели. Весь мир, более-менее что-то значащий, включая коммунистов, оккупацию осудил. От этого никому не легче. Радио глушится с бешеным озверением, и ничего из этого не выходит – всё равно всё слышно, всё мы знаем. Как на Дубчека надели наручники и в самолете посадили на пол. Смирковский сказал, что на этих переговорах в Москве часто хотелось разорвать одежду и подставить грудь под штыки. Всё таки они победили, как ни дорого это стоит сейчас.

Мы не такие смелые и безрассудные, как Наталья Горбаневская⁴²⁶, Павел Литвинов и другие, чтобы идти демонстрировать на Красную площадь. Но мы точно знаем, ясно отдаем себе отчет, что нас ждет, и ничего не боимся. Дима всё

⁴²⁶ Горбаневская Наталья Евгеньевна (1936–2013) – поэт, переводчик, правозащитница. Инициатор издания диссидентского бюллетеня «Хроника текущих событий». Участница демонстрации на Красной площади в Москве 25 августа 1968 г. против ввода войск в Чехословакию. После ареста 24 декабря 1969 г. более двух лет провела на принудительном лечении в Институте судебной психиатрии им. В.П. Сербского. В декабре 1975 г. эмигрировала из СССР, жила во Франции, затем в Польше, потом снова в Москве.

время думает о том, чтобы каким-нибудь образом рассредоточить рисунки, снять их, деть куда-либо скульптуру, чтобы хоть что-нибудь уцелело.

Заходил Юра, пьяноватый, с Мариной и еще двумя бабами. Хотел выпить еще, да не было. Он ищет забвения в этой успокоительной для него жидкости.

Вчера Дима рассказал про один инцидент, происшедший с ним в метро на эскалаторе. К нему пристал какой-то тип с вопросом: «Почему вы не бреетесь?» Дима громогласно, на весь эскалатор ответил: «Ты дурак! И если тебя это все же интересует, так знай, что у меня морда прострелена и поэтому ношу бороду». Тот малый испугался и тихо сказал: «Я сам восемнадцать лет просидел». – «Не знаю, где ты сидел, – сказал Дима, – но все равно, ты мудака. Я два года протрубил на фронте и всегда одержу верх над тобой».

Данек не приехал. Есть слухи, что подпольное радио сообщило: «Вацлаву Данеку, Гагра. У вас умер отец». Мы ничего понять не можем и ждем его увидеть, если он не уехал уже с семьей через Киев.

31 августа 1968 г., суббота.

У Димы есть твердое убеждение, что война неизбежна. Наши всё подтягивают войска к границе с Румынией. В Чехословакии наше КГБ разъезжает в белых халатах на машинах скорой помощи, хватают людей, доводят до бессознательного состояния и уносят на носилках. Нам сказали на почте про Данека: «Адресат выбыл».

Я дохожу в своей заново отремонтированной школе. Сегодня опять очищали от мусора двор, мыли и отскребали от краски вестибюль.

Информация, несмотря на жуткое завывание в приемнике, всё равно прорывается и мы всё знаем. Арестовали Голдштюкера⁴²⁷ и Мнячка⁴²⁸. Смирковский сказал, что никаких гарантий личной неприкосновенности правительства и граждан нет. Введена цензура. В нашей «Правде» фотография храбрых солдат, советских и польских, на фоне орудий. Дима сказал: «Мы стоим на пути Гитлера. Это приведет к нашему разгрому, я в этом глубоко уверен. Дай бог, чтобы я оказался не прав».

Мне кажется, что нет людей более переживающих и страдающих от всех этих событий, за исключением, конечно, Вальки и Эдика и самых близких друзей. Даже Клара, которая хорошая тетка, но все-таки в другом состоянии, чем мы. Она сказала, что будто бы Мима высказала мысль, что ей совсем не жалко чехов и что они сидят в своем социализме, как пауки в банке. Димка так рассердился, что Клара испугалась. Ему сделалось плохо и онпил нитроглицерин.

Заходил Алик Киселев, провожал нас до дома. Клара была со своими симпатичными друзьями.

⁴²⁷ Голдштюкер (Goldstücker) Эдуард (1913–2000) – литературовед, публицист, общественный деятель, профессор Пражского Карлова университета, член ЦК КПЧ, депутат Национального Чешского собрания, председатель Союза чехословацких писателей. Один из архитекторов «Пражской весны». С 1969 г. жил в эмиграции.

⁴²⁸ Мнячко (Мњаќко) Ладислав (1919–1994) – известный журналист, прозаик, член Союза чехословацких писателей, член КПЧ. С осени 1968 г. до 1989 г. жил в эмиграции в Австрии.

Рисунок В. Сидура (1968)

Время, когда не пишут дневников и писем.

15 сентября 1968 г.

Мучаюсь оттого, что не писала почти полмесяца, если не больше. Столько раз мы с Димой приходили в отчаяние, а потом снова появлялась какая-то надежда. Всё равно, какая бы не была дорогая цена, они победили. А раз они победили, значит и мы тоже. Дима сказал, что снова чувствует себя коммунистом. А я люблю Александра Дубчека, испытываю к нему величайшую нежность. За это время мы очень любопытно беседовали с французскими коммунистами, с восточногерманским немцем и познакомились с Ю.К. <?>

Узнали, что сын нашей соседки, Леонид Веселовский, говорит про Диму, что он «ярый антисоветчик». Наша соседка в начале событий особенно победно топала по коридору и вывешивала графики уборки, но сейчас в связи с наступлением момента платы за свет несколько приутихла. Думаю, что слухи, распускаемые ее твердолобым сыночком, происходят не без ее помощи.

Многие предсказывают очень плохие времена, что-то вроде космополитизма и 37-го года. В связи с этим сами себя пугают. Из Польши вернулась А.Г. <Алла Гербер>, рассказала о том кошмаре и антисемитизме, которые там творятся. По ее словам, в стране положение такое, как в Германии в 1933 г., но евреев пока выпускают, что всё еще не так плохо, раз можно уехать. Передала нам привет от друзей.

<...> Радио глушится с ужасающим остервенением. Приходила К.Л. <Клара Лозовская> с подругой. Сидели вчетвером, беседовали всё о том же. Говорят, что Твардовский, Симонов, Леонов⁴²⁹ отказались подписать письмо в поддержку оккупации Чехословакии. Будто бы две парторганизации в Ждановском районе <Москвы> тоже высказались против. Твардовский к тому же написал свое собственное письмо, где очень четко высказал свое мнение. Пока что из более-менее известных писателей «за» высказались только двое: Грибачев и Полевая⁴³⁰. Пришло письмо к Твардовскому⁴³¹ в «Новый мир» о том, чтобы не упоминать никогда и нигде имени Солженицына.

16 сентября 1968 г.

Приехал Эдик из Телави, привез виноград и огромный гранат. Димка был на Девичке. До сих пор надпись не сделана. Стало холодно, придется мне доставать свою шинель. Я уходилась в школе до крайности.

⁴²⁹ Леонов Леонид Максимович (1899–1994) – прозаик. Академик АН СССР (1972). Лауреат Ленинской (1967), Сталинской (1943) и Государственной (1977) премий. Герой Социалистического Труда (1967).

⁴³⁰ Полевой (Кампов) Борис Николаевич (1908–1981) – прозаик, журналист, главный редактор журнала «Юность» в 1961–1981 гг. Лауреат двух Сталинских премий (1947 и 1949). Герой Социалистического Труда (1974).

⁴³¹ Твардовский Александр Трифонович (1910–1971) – поэт, публицист, в 1950–1954 гг. и в 1958–1970 гг. главный редактор литературного журнала «Новый мир». Лауреат Ленинской (1961), трех Сталинских (1941, 1946, 1947) и Государственной (1971) премий.

В. Сидур за работой над скульптурой «Памятник погибшим детям» (1968). Фото: Эдуард Гладков

Дима рисовал детскую книжку. Ёж почти совсем не боится нас. Перебрался к нам в маленькую комнату и устроился на полу в сумке, в которой Валька приносила кошку.

Приходил Б.Х. <Борис Хазанов>. Галдычили мы всё о том же, и ни о чем другом говорить не можем. Дубчек, Смирковский и Черник выступали по радио и телевидению, сказали, что прежние времена никогда больше не вернуться. Никаких ограничений в искусстве и литературе. Временно цензура вводится только на радио, телевидении и прессе.

Несмотря на цензуру, сегодня в «Руде право» выступили 13 человек сотрудников, сторонников Отто Шика⁴³², с протестом против нападок на него в нашей печати. Ходят слухи, что есть якобы договоренность, что наши выведут войска 26 октября. Правда, до сих пор ни одна западная радиостанция этого не подтвердила. Чехи великолепны и героичны. Настроение у нас мрачное, хотя, кажется, объективно есть какие-то смягчающие признаки. У нас на сейфе стоит маленький Швейк и держит на полке портрет Дубчека.

Вечером были у В.Г. <Вити Гинзбурга>. Он с Н. <Нинной> передали нам чернила и фломастеры от Д.П. <Дэвида Пайнса>, они очень славные оба.

17 сентября 1968 г.

Холодина. Ёжик топает по всему подвалу, почти не боится нас. Ест много и с удовольствием. Вечером навалилась компания. Ю.Л. <Юра Левитанский> с М. <Мариной> и преподавателем для иностранцев из МГУ. Еду принесли с собой. Дима изнемогал от дыма и острого ощущения потери времени.

Я пришла с работы около пяти и увидела Зинаиду Ивановну и Абрама Яковлевича. Они оба очень неплохо выглядят. Мы с Димой сходили в магазин и купили им с собой продуктов.

Чехословаки держатся твердо. Ужасно как-то тяжело. Говорят, что наша армия в Чехословакии наполовину разложена. Слухи об арестах в Праге не подтвердились.

18 сентября 1968 г.

Валька завтра уезжает в Ленинград на биологический симпозиум. Завтра же у нее день рождения, который мы отпраздновали сегодня.

Международные события не улучшаются. Очень возможно, что в самое ближайшее время на Ближнем Востоке снова вспыхнет война. Ожидается приезд Дубчека в Москву для переговоров. Сегодня в нашей «Правде» никакой информации о Чехословакии со стороны советских корреспондентов, к чему бы это? Дима считает, что чехословаков сейчас снова могут начать давить. Дай бог, чтобы хотя бы на этот раз он ошибся.

Дима рисует детскую книжку. Она ему безумно надоела. Он очень раздражен и в основном цепляется ко мне. Правда, недолго.

⁴³² Шик (Sik) Отто (1919–2004) – директор Экономического института Чехословацкой Академии наук, автор экономических реформ, осуществлявшихся в Чехословакии с 1965 г. Предлагая введение элементов рыночной экономики, заявлял, что социалистическую экономику трудно примирить со здоровым смыслом.

В школе меня радуют мои ребята. Они стали старше, серьезнее и преисполнены ко мне громадным уважением. Мы и раньше дружили, но теперь с их стороны это более осознанно.

Вечером собрались К.Л. <Клара Лозовская>, Эдик, Валька, С.А. со своей девушкой, А.К. <Алик Киселев>, он забавлял нас анекдотами. И мне было странно и даже немного стыдно, что я смеюсь, функционирую, живу. А 21 августа казалось, что ничего этого проделывать я уже не смогу. Но всё равно всё, всё отравлено. В который раз спорили мы о великом русском народе. Дима упорно настаивал, что народ не идиот, он всё понимает и безмолвствует, потому что боится и знает, что от него ничего не зависит. А те, кто орет «за» – это не народ, а черносотенная мешанская прослойка. Я считаю, что наш народ, может быть, просто очень несчастный. Хотя он и заслуживает то правительство, которое он имеет, в отличие от чехословаков, которые также заслуживают свое собственное правительство. Сейчас они это ярчайшим образом доказали. К тому же мы для себя уяснили еще одну вещь. Не каждый из нас, пусть, может быть, за исключением небольшой кучки интеллигенции, осмелится выйти на Красную площадь, но все мы твердо знаем, что ни один из нас не поддерживает этого безобразия, и никто не заставит нас выступить за него. Это бесспорно.

Наш пир во время чумы кончился поздно. Мы много кричали. Господи, помоги нам.

19 сентября 1968 г.

Тошно, сил нет. Сегодня я почему-то окончательно убедилась, что война неизбежна. Дима сказал, что наших руководителей надо судить как военных преступников за преступления против человечности. Снова мы услышали по радио, что Дубчек, Черник и Гусак⁴³³ завтра должны приехать в Москву для переговоров. Наши в «Известиях» пригрозили, что могут вторгнуться в ФРГ. В ответ западные страны ответили, что они этого не допустят.

Никого у нас не было, сидели весь вечер одни. Дима рисовал. Ёжик вылезал из сумки, чтобы пожрать, а потом с великим шуршаньем залезал в нее обратно. Мы с Димой в первую половину дня проделали массу дел, от уборки до хозяйственных покупок, используя полностью мой выходной день. Вечером мы все-таки поругались от тоски и невыносимости. Потом помирились. А вчера Дима сказал: «Добились, бляди, выбили меня из колеи».

Прослушали по «Голосу Америки» главу из романа Солженицына «В круге первом», о том, как Сталин беседует с Абакумовым⁴³⁴. Мы еще раз восхитились силе искусства. Насколько это сильнее, чем всё, что писала Светлана Аллилуева,

⁴³³ Гусак (Husák) Густав (1913–1991) – первый (генеральный) секретарь КПЧ в 1969–1987 гг., президент ЧССР в 1975–1989 гг. Герой Советского Союза (1983). В 1960-х гг. был сторонником А. Дубчека, однако после вторжения советских войск резко изменил свою позицию.

⁴³⁴ Абакумов Виктор Семенович (1908–1954) – в 1941–1943 гг. заместитель наркома внутренних дел СССР, в 1943–1945 гг. начальник главного управления контрразведки СМЕРШ, в 1946–1951 гг. министр государственной безопасности СССР. Генерал-полковник. В июле 1951 г. арестован по обвинению в государственной измене, в декабре 1954 г. расстрелян. В 1955 г. посмертно лишен звания и всех наград.

несмотря на то, что она вроде бы излагала факты, а Солженицын всё придумал. Насколько у него написано правдивее и убедительнее.

20 сентября 1968 г.

Визит Дубчека, Черника и Гусака в Москву снова отложен. Ожидается, что наши представят чехословакам список неугодных нам лиц из их руководства.

Ю.Л. <Юра Левитанский> позвонил и сказал, что он придет с «очень интересным человеком». Они пришли с М. <Мариной>, В.М. <Володей Максимовым>⁴³⁵ и молодым человеком с бородкой по имени Е.Ш. <Евгений Шифферс>⁴³⁶. Человек действительно оказался интересным. В руках держал книги Николая Бердяева и Хомякова. В.М. не пьяный, но сильно возбужденный. Пока Дима был с Эдиком в маленькой комнате, я слушала, что говорил этот парень после очень внимательного осмотра всех скульптур. Мне очень трудно было всё запомнить, потому что Е.Ш. говорил несколько для меня сложно и всё применительно к христианству. Попробую записать то, что запомнила. Он сказал, что у Димы самое главное – это добро. Как он выразился, «молчаливое свидетельство». В его работах он увидел «просветление» и не желание «сломать», а наоборот, смирение, спокойствие и нестремление к самоутверждению. Еще он сказал, что, возможно, Диме помогла болезнь (про болезнь и ранение он узнал от Юры). Он был у Эрнста и пытался сравнить его с Димой. Он говорил, что у Эрнста деформация, а у Димы – трансформация. Примитивно, я поняла так, что Эрнст себя чувствует богом, а Дима ищет бога и свои поиски передает через свое нутро. Еще он сказал, что у Димы совсем нет боязни смерти, потому что он оставляет себя в своих вещах. Он сказал: «Очень живой человек, очень серьезный, любит и уважает».

А потом, когда мы с Димой шли по стадиону домой, он мне сказал: «Считать себя бессмертным до какой-то степени эгоистично. Можно ощущать себя смертным и знать, что по ту сторону ничего нет и все-таки любить людей и верить в добро. Это еще труднее и достойнее, чем верить в свое собственное бессмертие. Здесь дело в нравственности, а не в религиозности».

21 сентября 1968 г.

Снова теплынь. Сегодня Дима опять был на кладбище. Наконец выбили первые слова: «Е. Варга».

Никто к нам не приходил, сидели втроем с Эдиком. Дима почти закончил книжку, осталась одна обложка. Он бы кончил сегодня, но мы решили снять вконец разорвавшееся пополам рядом на диване. Это рядом осталось в наследство от Лемпорта, Силиса. Я не могла одна с ним справиться, оно очень тяжелое. Дима очень лихо его сшил и поставил совершенно мастерски две заплатки. Я ему помогала.

⁴³⁵ В.Е. Максимов был близким другом упоминаемого ниже Е.Л. Шифферса.

⁴³⁶ Шифферс Евгений Львович (1934–1997) – театральный режиссер, писатель, религиозный философ. В конце 1960-х гг. активно общался с широким кругом творческой интеллигенции. Среди его друзей были художники И. Кабаков, Э. Неизвестный, М. Шварцман, Э. Штейнберг, В. Янкилевский, писатели Ю. Карякин, В. Максимов, философы О. Генисаретский, Д. Зильберман, А. Пятигорский и др.

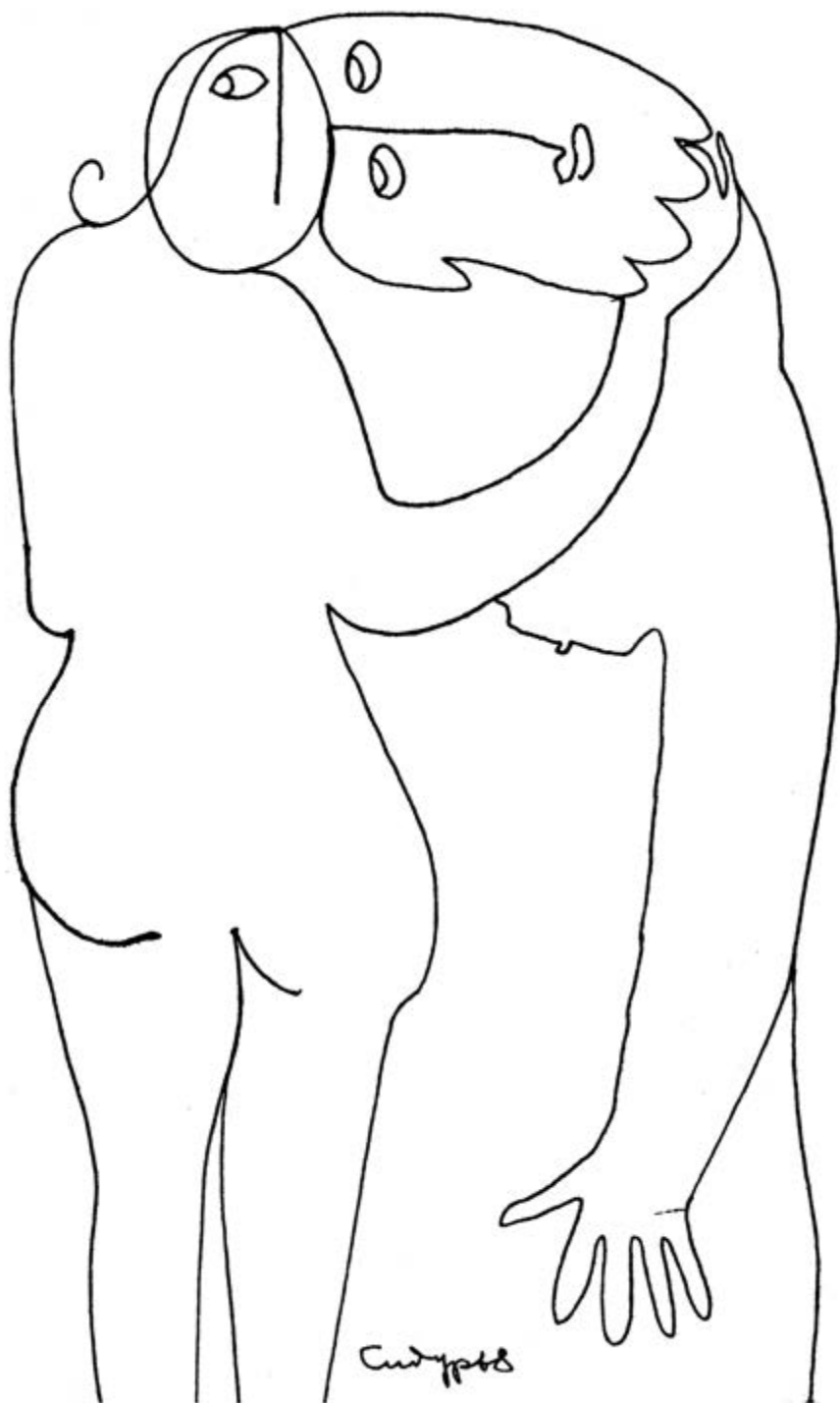

Рисунок В. Сидура (1968)

Ёж бежит, как кошка, как только почувствует, что я накладываю ему в блюдце еду. Правда, он все равно делает вид, что пугается, если пройдешь мимо него. Распускает свои иголки, шипит и подпрыгивает, пугая в свою очередь. Загадил всю мастерскую.

У нас с Димой возникла мысль написать письма друзьям в Чехословакию. Просто написать, что мы любим, обнимаем их, думаем о них. А потом мы решили этого не делать, потому что письма, скорее всего, читаются у нас. Имена наших друзей могут быть взяты на заметку. Да и там их могут обозвать коллаборационистами, если они от нас получают письма. Подождем еще.

Позвонила Валька из Ленинграда, у нее болит голова. Позвонил Колька Силис, спросил, как живем. Хочет прийти, забрать свое зеркало. Дима сказал, что пусть отдаст сначала все квитанции за междугородние звонки, чтобы нам не пришлось платить. Они наговорили рублей на пятьдесят. Силис согласился. Беседа проходила в дружеском, товарищеском тоне.

Позавчера приходила депутатская комиссия. Явно собес хочет забрать себе наш подвал. Дима твердо решил не думать об этом и не реагировать, пока не придет конкретно этот момент.

22 сентября 1968 г.⁴³⁷

Нет сил записывать, тяжело. Бедная Юлька выдохлась. Я еще держусь, мне не нужно вставать в 7 утра. Сегодня увезли в мастерскую целую машину всякого барахла. Около дома ждали такси довольно долго. Вдруг подкатывает наша соседка Галочка, расплачивается талончиками, и мы загружаемся в освободившееся от нее такси.

В мастерской всё время что-то убираем. Сегодня Эдик буквально вылизал свою комнату. Я пытался закончить книжку, рисую урывками между уборками. Позвонил Юра, долго говорил о том, что может не приезжать, но лучше приехать, а там смотри – может, мы помешаем... Приехал в конце концов со Световым и еще одним парнем, поэтом из Рум<ынии>. Перед ними приехал Алик. Я со всеми разговаривал и рисовал обложку. Потом приехала Нина Кондрашина. Долго кокетничала, предлагала поехать в Переделкино, и наконец сообщила, что у Кондрашина инфаркт, очень досадно, нужно ходить в больницу, переворачивать его, обтирать⁴³⁸.

Сначала ушел Юра, которого призвала Марина. Остальные поехали в Переделкино. Потом ушел Эдик. Я закончил обложку. На метро поехали перед закрытием. Машинист специально для нас открыл дверь.

⁴³⁷ Записи в этот день сделал В. Сидур.

⁴³⁸ Речь идет о друзьях В. Сидура и Юлии – дирижере Кирилле Петровиче Кондрашине (1914–1981) и его жене Нине Леонидовне Кондрашиной, переводчице с сербско-хорватского языка. В 1943–1956 гг. К.П. Кондрашин дирижер ГАБТ, в 1960–1975 гг. – главный дирижер Симфонического оркестра Московской филармонии. Народный артист СССР (1972), лауреат двух Сталинских (1948, 1949) и Государственной (1969) премий. В декабре 1978 г., выехав в сопровождении жены на гастроль в Голландию, попросил там политическое убежище, Н.Л. Кондрашина возвратилась в Москву одна. В последние годы жизни К.П. Кондрашин был дирижером Амстердамского оркестра *Concertgebouworkest*.

23 сентября 1968 г.

Приехала с работы, опять уехала на родительское собрание, а в десятом часу вечера снова была в мастерской.

Политических новостей никаких. Французы, правда, считают, что наши в растерянности и не знают, что делать дальше. Я не разделяю их оптимистических предположений и думаю, что просто обдумывают, как сильнее задавить Чехословакию и нас заодно. Книжка «К событиям в Чехословакии»⁴³⁹, вышедшая 300-тысячным тиражом – такая откровенная фальшивка, что это бросается на каждой помещенной в ней фотографии.

В подвале Дима с Эдиком и А.К. <Аликом Киселевым> переставляли скульптуру. Дима сдал сегодня детскую книжку и ему уже сказали, что нужно переделывать, так как книга индийская, а главный герой, мальчик Гопи, якобы не похож на индийца.

Зинаида Ивановна и Абрам Яковлевич прислали письмо, что у них всё в порядке.

24 сентября 1968 г.

Дима съездил с Ю.Л. <Юрой Левитанским> в Гослит и договорился на возможное оформление какой-нибудь книги. Потом у нас были целый день люди. Дима встретился с одним скульптором и тот ему рассказал, что на днях якобы к ресторану «Славянский базар» на автомобиле подъехал какой-то разодетый тип с раскрашенной бабой, прошел, несмотря на очередь, ко входу, сказал: «Я – Солженицын», его пропустили. Он там ел, пил, потом уехал. Мы с Димой думаем, что такие слухи и действия совершаются специально, чтобы его дискредитировать⁴⁴⁰. Дима все-таки ухитрился поработать.

25 сентября 1968 г.

Ходят слухи, что наши хотят избавиться от Дубчека и Свободы. Судя по нашей газете «Правда», дела в Чехословакии не очень налаживаются, несмотря на московские соглашения. Непонятно, почему так строго требуется выполнение московских соглашений, когда не выполнены и грубо нарушились переговоры в Чиерне-над-Тисой и в Братиславе. Сегодня Би-би-си передало, что комитет по печати в Чехословакии вынес благодарность работникам печати и радио, героически проявивших себя в августовские дни.

У нас никого не было сегодня, кроме Эдика и А.К. <Алика Киселева>. Повесили большие рисунки на одной из стенок. Очень нам понравилось, как они висят.

26 сентября 1968 г.

Полдня ковырялась дома, жарила котлеты, ходила по магазинам. Купили несколько пар лечебного белья для Димы. Дождь моросит уже несколько дней.

⁴³⁹ «К событиям в Чехословакии. Факты. Документы. Свидетельства прессы и очевидцев». – М., «Пресс-группа советских журналистов». 1968. 160 с.

⁴⁴⁰ «Блатной. Наколка. Когда его окружили трое, заплакал: “Не бейте!” Они, конечно, не били, но потребовали адрес. Теперь осталось понять: кто за ним? что за ним? Это будет труднее». (Чуковская Л.К. Из дневника. Воспоминания. – М., 2014. С. 369).

Новостей никаких. Кроме того, что наши пригрозили Израиллю, а те быстро ответили, что им на наши угрозы наплевать. Там, очевидно, тоже скоро начнется какая-нибудь заваруха. Мир идет к Третьей мировой войне, а огромное количество идиотов об этом даже не подозревает. Ничего нас не радует по-настоящему, вроде бы мы всё имеем: у нас есть деньги, шмотки, своя мастерская, в конце концов будет квартира. Оккупация Чехословакии выбила нас из строя, отравила всю радость от ставшего наконец собственным подвала. Тем более что Дима упорно твердит, что это только начало.

Дима уже лепит. Ёж Зденек доставляет нам много удовольствия и хлопот. Всё время ест, испражняется где попало, смешно чешет задними лапами свои иголки. Равнодушен к мышам, обнаглевшим до крайности.

27 сентября 1968 г.

Ходят слухи, что скоро будет что-то вроде девальвации. В связи с этим мы с Димой решили купить кое-какое барахло. Вчера и сегодня ходили в магазин «Синтетика», что возле нашей мастерской. Купили мне всякие чулки, кожаное пальто синего цвета, две нейлоновых рубашки Диме, кофточку Зинаиде Ивановне, носки, пластмассовое ведро для гипса и полиэтиленовые крышки.

С нашим правительством не соскучишься. Влезли в Чехословакию, угрожают всему миру. Что им стоит устроить девальвацию в своей собственной стране. Потом можно будет сказать, что это произошло по просьбе сормовских рабочих и по желанию всех трудящихся. Ощущение такое, что сейчас нашей страной правят маршалы вместе с доблестной армией. Очень меня раздражают французы. Когда-то я любила их и Францию больше всех на свете, этой большой привязанностью определилась моя профессия. Но теперь, когда они называют оккупацию Чехословакии всего-навсего «досадной ошибкой», они меня по меньшей мере удивляют. Что касается французских коммунистов, то осудив агрессию вначале, сейчас они извиваются как уж, стараясь с нами не поссориться и свое лицо сохранить. В этом отношении невероятные молодцы итальянцы.

Дима лепит, ёжик обожрался. Сегодня Дима перекормил его сам, хотя утверждает, что я всегда его перекармливаю. Мы с Эдинькой пили кислое деревенское вино. Завтра, наверно, будет холодно, а я сменила свою шинель на кожаное пальто. Дима сказал, что сейчас поднялась мутная волна. От которой идет сильная вонь, но она еще не достигла своего апогея.

28 сентября 1968 г.

Сегодня мы купили Диме пальто, мне ботинки и ему ботинки. Еще купили много клеенки. В одной сберкассе была паника, не выдавали деньги. Дима все равно считает, что это специально пускаются слухи о денежной реформе, чтобы люди покупали. Что касается меня, я так не думаю, видя громадные толпы и очереди во всех магазинах. Устали страшным образом после толкотни в ГУМе и в других магазинах.

Эдинька грустный – Валька в Ленинграде, сам он простудился. Пришел Ю.Л. <Юра Левитанский> со своей приятельницей из Венгрии. Эдинька сбежал в магазин за закуской на Юрины деньги. Немножко выпили, а потом стали беседо-

вать на все ту же тему. Тетка из Венгрии сказала, что у них все до самого простого и неграмотного гражданина нас ругают последними словами, и несмотря на свои давние разногласия с чехословаками, сейчас полностью за них. Тем не менее Кадар сделал то, что он сделал и прощения ему за это не будет. Убийство Имре Надя⁴⁴¹ тоже на его совести.

Мне рассказала на днях одна знакомая, что когда она была в Венгрии, какая-то женщина спросила: «Вы советские?» Когда ей ответили, что да, советские, та плюнула в их сторону.

Стараются изо всех сил, но заглушить западные радиопередачи не могут. Де Голль в ФРГ назвал оккупацию в Чехословакии «ужасающей». В то же время сегодня я слышала о том, что Брежнев где-то заявил: «Наша совесть чиста». Еще говорят, что у него очень сильное чувство вины. Мы немного поспорили и покричали по этому поводу.

29 сентября 1968 г.

Сегодня воскресенье, но все магазины были открыты. Нам объяснил кто-то, что это конец квартала и все торгуют для выполнения плана. Мы совершенно неожиданно обарахлились недалеко от дома на Нижней Масловке. Купили Диме бельгийский костюм, очень красивый, но брюки чуть длинноваты. Еще купили пододеяльники, простыни, так как старые порвались, вафельные полотенца, стиральный порошок, мыло, чулки мне. Всё это еле-еле доволокли домой. Потом занимались хозяйством. Обалдели от этого хозяйства вконец.

В мастерской кормили ежа. Ёж очень симпатичный. Потрогать себя никак не дает. В десятом часу вечера, когда мы никого не ждали, раздался звонок в дверь, это оказался П.Я. <Петр Якир>. Сказал, что он к нам ненадолго, только «пописать». Был очень недолго. Недвусмысленно обругал Лемпорта и Силиса, сказав, что они боятся с ним встречаться. Сам он у них ни разу не был. Еще сказал, что его зять Ю.К. <Юлий Ким> без работы, уволен за свои убеждения и выступления. Он попросил Лемпорта и Силиса устроить его к себе вроде бы как помощником, так как у них очень большие заказы и они могли бы его зачислить прокладчиком, чтобы Ю.К. не был обвинен в тунеядстве и не выгнан из Москвы. Лемпорт сказал, что это невозможно, так как он посоветовался с юристом и тот ответил, что это невозможно.

30 сентября 1968 г.

Были в гостях у В.Г. <Вити Гинзбурга>, у них с Н. <Ниней> какая-то годовщина и дни рождения. Много ели, грибы в трех вариантах, каждый вариант прекрасен. Дима жалуется, что его всё время поташнивает и вообще снова плохо с животом. У В.Г. нажрался всего, чего нельзя, теперь боимся. Были гости. Бесе-

⁴⁴¹ Надь (Nagy) Имре (1896–1958) – венгерский политический деятель. Участник революционных событий и Гражданской войны в России. В 1930–1944 гг. жил и работал в СССР. В 1944 г. вернулся на родину, где занимал различные правительственные посты. Председатель Совета Министров Венгерской Республики в 1953–1955 и в 1956 гг. Член ЦК Венгерской компартии. Один из лидеров «Венгерского восстания» осенью 1956 г. В июне 1958 г. казнен. После падения коммунистического режима в Венгрии реабилитирован и объявлен национальным героем.

довали о Чехословакии и о себе. Женя Евтушенко⁴⁴² послал в наш ЦК телеграмму, где назвал оккупацию «трагической ошибкой» и т. д. К телеграмме приложил стихи: «Танки идут по Праге, танки идут по правде...»⁴⁴³. Мы все дружно Женю зауважали. Из наших интеллигентов самыми мерзкими оказались кинематографисты. Среди них оказалось больше всего людей, которых принудили подписать письмо в поддержку интервенции в Чехословакию. Из относительно приличных людей имен мало – в кино Ромм⁴⁴⁴, среди ученых Несмеянов⁴⁴⁵. В.Г. считает, что Несмеянов должен через год, к 70-летию получить Героя Труда, поэтому он и не посмел отказаться. Этих двух дур-танцовщиц, Уланову и Плисецкую⁴⁴⁶, можно всерьез не принимать. Тем не менее оснований для оптимизма нет никаких. И наши вполне могут влезть в Румынию, в Албанию и вообще, куда угодно.

1 октября 1968 г.

Всё занимаемся хозяйством. Стирала до самой ночи, Дима мне активно помогал. Если бы часик не поспала после работы, ничего бы не смогла сделать. Эдик Вальку не встретил – из-за нелетной погоды самолет отправили обратно в Ленинград.

Сегодня Би-би-си сказало, что сведения о телеграмме Евтушенко не подтвердились. Я все-таки думаю, что это правда, потому что мы слышали о ней от наших людей раньше этого сообщения. В то же время ходят упорные слухи, что в Чехословакии будет очень плохо в самое ближайшее время.

Ёжик до того обнаглел, что грыз у меня прямо на ноге ботинок и очень хотел порвать чулок. Ест из рук и не из рук. Всё время ходит за нами, как кошка. Иногда вспоминает, что он дикий зверь, а не домашний, пугается и свертывается в клубок.

2 октября 1968 г.

Вчера меня не было в школе на занятиях. Мне рассказали, что наш заведующий по воспитательной работе в своей лекции о событиях в Чехословакии сказал: «Очень сейчас сложная обстановка, товарищи. Дошло до того, что из 20 опро-

⁴⁴² Евтушенко Евгений Александрович (1932–2017) – поэт, публицист, сценарист, автор мемуаров. Был дружен с Н. Силисом, В. Лемпортом, В. Сидуром и Юлией в 1950-х – начале 1960-х гг.

⁴⁴³ Стихотворение, написанное 23 августа 1968 г., широко распространялось в самиздате.

⁴⁴⁴ Ромм Михаил Ильич (1901–1971) – кинорежиссер, сценарист. Автор знаменитого документального фильма «Обыкновенный фашизм» (1965). Народный артист СССР (1950). Лауреат пяти Сталинских премий (1941, 1946, 1948, 1949, 1951). В 1966 г. подписал письмо 25 деятелей советской науки, литературы и искусства Л.И. Брежневу о недопустимости частичной или косвенной реабилитации И.В. Сталина.

⁴⁴⁵ Несмеянов Александр Николаевич (1899–1980) – химик-органик. Действительный член АН СССР (с 1943). Ректор МГУ в 1948–1951 гг., президент АН СССР в 1951–1961 гг., директор Института элементоорганических соединений АН СССР в 1954–1980 гг. Лауреат Ленинской (1966) и Сталинской (1943) премий, дважды Герой Социалистического Труда (1969, 1979).

⁴⁴⁶ Уланова Галина Сергеевна (1909–1998) – балерина, солистка Большого театра. Народная артистка СССР (1951), лауреат Ленинской (1957) и четырех Сталинских (1941, 1946, 1947, 1950) премий, дважды Герой Социалистического Труда (1974, 1980). Блестящая балетная танцовщица, она была известна своим непониманием современного искусства и современной музыки; Плисецкая Майя Михайловна (р. 1925) – балерина, солистка Большого театра. Народная артистка СССР (1959), лауреат Ленинской (1957) премии, Герой Социалистического Труда (1985).

шенных на одном московском предприятии по поводу введения войск в Чехословакию только двое сказали правду – высказали свою поддержку нашему правительству».

Приехала Валька, она даже похорошела в своей командировке. Ёжик невероятно симпатичный, мы теперь берем его на руки в перчатках. Эдик даже снял меня вместе с ним. Прочитали повести Володи Максимова. Нам с Димой очень понравилось. Я, честно говоря, не ожидала, что это так хорошо.

3 октября 1968 г.

Сегодня Дима себя очень плохо чувствовал. Ругался на меня без причин. Целый день разбирал свои краски, чернила, разбавители. Потом сказал, что наконец он подготовлен к работе. Звонил Рудольф, это уже не в первый раз. Говорил о телефонных квитанциях, которые он никак не получит. Высказался: «Я зайду». Мы с Димой решили категорически его не пускать ни под каким видом.

Мы с Димой, как проклятые. Крутимся, крутимся, что-то делаем, убираем, разбираем, моем, стираем. Он сейчас мне очень сильно помогает. Дима всё время говорит: «Я готовлюсь, обдумываю, что я сделаю. Очень устал от всего». Ему было так нехорошо и он был так мрачен, что Валька с Эдиком притихли. Потом они ушли, а к нам приехал Ю.Л. <Юра Левитанский> с венграми и жена Кондрашина Нина, богатая женщина со своим спутником Витей Ф. <Витей Фогельсоном>. Говорили, говорили, острили. Я сварила борщ, все его хвалили, а Ю.Л. съел больше всех, но выражал какие-то претензии.

Дубчек в Москве вместе с делегацией. Нам позвонил знакомый чех З.Ч. <Зденек Черны>, пьяный, радостный. Сказал, что всё у них сегодня хорошо должно закончиться. Попросился на днях в гости, мы с радостью согласились. Дай-то бог! Но думаю, что его оптимизм несколько преждевременен.

4 октября 1968 г.

У Димы болел живот, болит уже несколько дней. Школа меня совсем уморит. Дима сказал: «Юля, ничего, что я ничего не делаю? Расслабился». Ничего не деланием он считал то, что переделывал мальчика из детской книжки более похоже на индийца. Я снова стирала. Завтра, может быть, к нам придет Юля Добровольская с итальянским писателем Гоффридо Паризе⁴⁴⁷. Мы читали его роман «Хозяин», очень приличный роман.

Ёж выхватывал пищу из рук, очень любит укусьить за палец. Никаких подробностей о переговорах с чехословаками пока нет. Из западного радио мы узнали, что обряд с целованием снова имел место. Брежнев расточал Дубчеку свои иудины поцелуи.

К.Л. <Клара Лозовская> рассказала Эдику, что Корней согласился выкинуть имя Солженицына из своей последней книжки⁴⁴⁸. По этому поводу К.Л. с ним

⁴⁴⁷ Паризе (Parise) Гоффридо (1929–1986) – итальянский прозаик, киносценарист, журналист. Роман-гротеск «Хозяин» (*Il padrone*), написанный в 1965 г., переведен на многие языки, включая русский.

⁴⁴⁸ Речь идет о книге «Высокое искусство», в которую входила глава, посвященная анализу английских переводов рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Вот как опи-

поругалась. У старика даже пошла кровь из носа. Радиостанция «Свобода» передала интервью Отто Шика с итальянским писателем Альберто Моравиа⁴⁴⁹. В частности, Отто Шик сказал, что войска введены потому, что если бы все реформы в Чехословакии удались, советскому руководству не удалось бы удержаться у власти. Что существует большая разница между правлением Сталина и нынешним руководством. При всей своей чудовищности Сталин был государственный деятель, а сегодняшнее руководство состоит из партийной бюрократии. Кроме того он сказал, что очень большая разница существует также между Брежневым и Хрущевым. Хрущев верил в новые идеи, а Брежнев закосячил в догматизме и это типичный партийный бюрократ.

Который день подряд звонит Рудольф. Упорно хочет зайти под предлогом квитанций или еще «что-нибудь забрать». Беседует, как ни в чем не бывало. Дима сказал ему, что в связи со старым неприятным разговором ему бы хотелось иметь дело с Силисом, с которым мы лучше контактируем. Рудольф был очень недоволен и сказал: «Ничего, мы подождем, когда он придет».

5 октября 1968 г.

Приходил к нам итальянский писатель Гоффредо Паризе со своей женой. Живой, черненький, смотрел не столько на вещи, сколько сам подвал, замусоренные приямки, в которые уже снова успели набросать одежду, тряпки. Жена, художница, очень симпатичная. Они долго не могли понять, почему Дима за 12 лет ни разу не выставлялся. По-моему, так до конца и не поняли. Почти никто из западных не может этого понять. Выразили желание прийти еще раз после возвращения из Киева и Ленинграда.

Вечером пришел З.Ч. <Зденек Черны>. Он настроен удивительно оптимистически. Как он говорит, «войска пришли и уйдут». И что он волновался только несколько минут 21 августа. Говорит, что сейчас будет оттуда много делегаций для укрепления дружбы и сотрудничества. Хочет прийти со своим приятелем, чтобы тот «что-нибудь у Димы взял». Про Дубчека он сказал: «очень нервный», про Гусака: «очень умный» и что нашим будет еще сложнее иметь с ним дело.

сывает события сам К.И. Чуковский в дневнике 23 мая 1968 г.: «Вечером приехала Елена Никол. Конюхова от “Советского писателя” уговаривать меня, чтобы я выбросил из своей книги упоминание о Солженицыне. Я сказал, что это требование хунвейбиновское, и не согласился. Мы расстались друзьями. Книга моя вряд ли выйдет. <...> Она должна была выйти в свет, когда в издательстве вдруг заметили, что в книге упоминается фамилия Солженицын. И задержали книгу». 7 октября 1968 г.: «Сегодня, увы, я совершил постыдное предательство: вычеркнул из своей книги “Высокое искусство” – строки о Солженицыне. Этих строк много. Пришлось исскалечить четыре страницы, но ведь я семь месяцев не сдавался, семь месяцев не разрешил издательству печатать мою книгу – семь месяцев страдал оттого, что она лежит где-то под спудом, сверстанная, готовая к тому, чтобы лечь на прилавок, и теперь, когда издательство заявило мне, что оно рассыпет набор, если я оставлю одиозное имя, я увидел, что я не герой, а всего лишь литератор, и разрешил наносить книге любые увечья, ибо книга все же – плод многолетних усилий, огромного, хотя и безуспешного труда. Мне предсказывали, что, сделав эту уступку цензурному террору, я почувствую большие мучения, но нет: я ничего не чувствую кроме тоски – обмозолился».

⁴⁴⁹ Моравиа (Moravia) Альберто – литературный псевдоним итальянского писателя и журналиста Альберто Пинчерле (Pincherle, 1907–1990).

Еще сказал, что Дубчек «может заболеть». Но в основном он читает третью часть Швейка и очень доволен. У него нет сомнений, что всё образуется, хотя и не так скоро.

6 октября 1968 г.

Мы были в гостях у моей подруги Г.Б. <Галины Борисовны⁴⁵⁰>. Это совсем новый район, однообразный, унылый. Несмотря на воскресенье, очень много людей в метро. Я очень устаю, когда вижу сразу так много движущихся в разные стороны людей. Я смотрю на их лица, которые кажутся мне бессмысленными и бездушными и думаю – до чего они все бездарны, беспомощны, бессильны. И я такая же. У детей в школе совсем другие лица. На них не лежит печать равнодушия и покорности. Они в основном чему-то радуются и, по-моему, ничего не боятся. Слишком молоды, чтобы уже уметь бояться. Мне всегда легче, когда я на них гляжу и с ними общаюсь. Наверно, это единственная деятельность, которой я могу заниматься. Я просто не представляю себя на другой работе, хотя и дохожу в школе до полного изнеможения.

Вечером были в подвале. З.Ч. <Зденек Черны> не пришел к нам. Позвонил, сказал, что его приятель должен срочно уезжать и поэтому они не придут. Дима сел переделывать книжку и у него тут же испортилось настроение. Потом мы огорчились, что куда-то потерялся ежик. Я обшарила все углы с фонарем и нигде не нашла, хотя явственно слышала, как он шуршал. Наконец мы поняли, что он заперт у Эдика в комнате. Он, наверно, пришел еще днем к Эдику пообщаться и Эдик его нечаянно запер. Очень обрадовались его появлению. Завтра мне мой ученик-шестиклассник принесет для него листьев и будем устраивать его на зиму.

В Чехословакии большинство войск должно уйти еще в октябре, но некоторые останутся на всю зиму, 100 тысяч.

7 октября 1968 г.

Западное радио считает, что чехословацкое правительство или подпишет приглашение о пребывании постоянно наших войск или же уйдет в отставку в полном составе. Мрак полнейший.

Дима был полдня на кладбище вместе с Мариной Варга и Яшей⁴⁵¹. Приводил могилу в порядок. С утра шел снег, потом была целая снежная буря, а теперь беспрерывно льет дождь.

Был у нас Бранко В. <Вукушич>. Все-таки он невероятно симпатичный парень. Сказал, что он несколько раз пытался зайти, но не знал, как мы на это среагируем. З.Ч. тоже думал, что мы теперь поимся с ними встречаться. Мы сказали Бранко, что всегда рады его видеть, какие бы не были обстоятельства. Бранко сказал: «Мы никогда не были антисоветскими, но всегда были антисталинистами».

⁴⁵⁰ Сергеева Галина Борисовна – учительница французского языка, коллега Юлии в 18-й спецшколе.

⁴⁵¹ Крессман Яков Матвеевич – физиолог, муж М.Е. Варга.

8 октября 1968 г.

Скорее всего, чехословаки подписали в Москве довольно страшное соглашение, по которому они отбрасываются в своем развитии к эпохе до Новотного. Задавили их почти насмерть.

Сегодня была довольно приятная сухая погодка с запахом снега. Я почти всю ночь не спала, и в школе у меня кружилась голова.

Вечером к нам пришла Вера <Феонова>, принесла вышедшую в Турции книжку польского писателя «Крашенная птица»⁴⁵² с Диминой монотипией на обложке. Монотипия цветная, хотя цвет сильно искажен. Если б мы знали, что рисунок появится на обложке, подарили бы турку, который издал эту книжку, что-нибудь получше.

Дима говорит, что единственно, о чем не нужно забывать сейчас и чем можно держаться, это тем, что есть небо, природа. Нужно больше гулять, дышать и станет легче.

9 октября 1968 г.

«Когда я думаю о своем прошлом, то ни от чего не могу отказаться, даже от самых больших несчастий», – сказал Дима. Он наконец начал лечить зубы. Ему предстоит много усилий и мучений, так как предстоит менять все остатки зубов.

Позвонил гравер с кладбища, сказал что, всё вырубил. Не верится, что эта эпопея с буквами кончилась. А.К. <Алик Киселев> провожал нас до самого дома и рассказывал о своих неприятностях в общежитии.

Би-би-си сообщило, что сегодня состоялся суд над Литвиновым, Ларисой Даниэль и другими, и возле здания суда была свалка. В Чехословакии всё плохо.

10 октября 1968 г.

Дима с великим отвращением переделывает детскую книжку. Лепил копию «Моющая ногу» очень недолго.

На кладбище ему не понравилось, как вырубил буквы, и он решил пока не рассчитывать окончательно. Посетила нас мама, впервые после своей поездки. Привезла громадный баскунчакский арбуз. Долго и немного утомительно рассказывала про родственников. Заехал Силис с педерастической прической, принес квитанции за телефон в обмен на дневник. Им скоро должны включить телефон.

Би-би-си передало очень странную информацию о Борисе Полевом, который выступил на страницах «Унита» в защиту Дубчека и Свободы, а также с сожалением, что советские танки находятся в Праге. Дима считает, что существует у нас или в руководстве или в ЦК какая-то сильная оппозиционная группа, по указанию которой и выступают такие люди, как Полевой и Евтушенко. Очень возможно, что так и есть.

Мы с Димой часто думаем: если нас посадят, что будет с ежом? Решили, что его тоже посадят в зоопарк.

⁴⁵² Kosinskij J. Bogali kuş. Istanbul. 1968.

Юлия (1968). Фото: Эдуард Гладков

11 октября 1968 г.

11 Павлу Литвинову, Ларисе Даниэль и остальным вынесли сравнительно мягкие для нашей инквизиции приговоры. Литвинову – 5 лет ссылки, Ларисе – 4 года ссылки, Бабицкому⁴⁵³ – 3 года ссылки, Дремлюге⁴⁵⁴ и Делоне⁴⁵⁵ по 3 года тюрьмы и трудовых лагерей. Никто не признал себя виновным.

Я себя плохо чувствовала. Дима переделывает муравьев в индийской книжке. Эдик тоскует. Ёжик непрерывно хочет жрать, он отъелся, сделался громадного размера и дерьмо, которое он из себя выделяет, увеличивается в объеме пропорционально его общей толщине.

12 октября 1968 г.

12 Было у нас полно народу. Суббота, и все к нам тянутся на огонек. Приходил Бранко с профессором по искусству. Ему всё очень понравилось, взял фотографии скульптур для книги, которую он пишет уже три года. Потом, когда увидел монотипии из серии «Дым и пепел», сразу же захотел сделать выставку в Белграде. Первый раз в жизни Дима решил рискнуть и отдать для выставки подлинники, одну из самых лучших своих серий.

Приехал Клод, передал через мою подругу, что в ноябре в Довилле выйдет его большая статья про Диму с фотографиями.

К вечеру неожиданно позвонил странный придурковатый малый Володя Шапшаевич, приятель Лемпорта и Силиса. Попросился в гости, «показать крупному американскому физику крупного советского художника». Пришел с каимто американцем и двумя французами, и еще один парень из наших. Мне эти люди показались не очень «крупными», так как они никогда не слышали о действительно выдающемся американском ученом, лауреате Нобелевской премии Джоне Бардине, который был в нашем подвале и очень оценил Димины работы. Жена француза сильно интересовалась ценами. Делала вид, что могла бы что-нибудь купить, если бы была побогаче.

Потом они ушли, зато пришли Алик с приятелем из Новосибирска, Эдик с Валькой, Боря с Мариной, Толя с Милой и, наконец, К.Л. <Клара Лозовская>. Толя, как всегда, отстаивая свою точку зрения, говорил всякие глупости о Чехословакии, чем всех нас очень завел и мы долго с ним спорили. Толя – очень хороший парень, ему тошно, так же как и нам, но он считает, что побеждает тот, кто «применяет запрещенные приемы», и с этим ничего нельзя сделать. Толя очень интересно рассказывал про Эрнста, который только что вернулся из Егип-

⁴⁵³ Бабицкий Константин Иосифович (1929–1993) – лингвист, диссидент. Участник демонстрации протеста на Красной площади в Москве против ввода советских войск в Чехословакию. Приговорен судом к трем годам ссылки.

⁴⁵⁴ Дремлюга Владимир Александрович (1940–2015) – диссидент, еще студентом ЛГУ, был исключен из университета по политическим мотивам, работал поездным электриком. Участник демонстрации против ввода советских войск в Чехословакию 25 августа 1968 г. на Красной площади в Москве. После отбытия тюремного срока эмигрировал в 1974 г. в США.

⁴⁵⁵ Делоне Вадим Николаевич (1947–1983) – поэт, писатель, педагог, диссидент, участник демонстрации против ввода советских войск в Чехословакию 25 августа 1968 г. на Красной площади в Москве.

та⁴⁵⁶. Эрнст – невероятный малый, любую свою подлость или предательство он преподносит как смелый или героический поступок. Например, вот он – еврей – не побоялся поехать в Египет.

Сегодняшние иностранцы, как сговорились, с великим почтением требовали у Димы автографы на фотографиях скульптур.

13 октября 1968 г.

В четыре часа были уже в подвале. Сварили обед очень быстро. Эдик с Димой пересняли на пленку около 200 рисунков, а может быть, и больше. Потом к нам в гости приехала моя мама с Ирочкой, моей племянницей. Ирочка – умная, серьезная девочка, не избалованная. Ей пять лет, но уже выработала в себе иронический склад ума. Очень внимательно смотрела скульптуру и задавала вопросы. Много общалась с ежом. Моя мама смотрела на нее с невыразимой любовью и гордостью. На меня она, по-моему, никогда в жизни так не смотрела.

Услышали по Би-би-си сквозь остервенелое глушение, что в Праге командующий оккупационными войсками генерал Павловский⁴⁵⁷ сделал предупреждение чешским учителям, чтобы они более доброжелательно относились к Советскому Союзу.

14 октября 1968 г.

Получили повестку. Дима должен явиться на Малую Лубянку, 7 к следователю Гратовень 17 октября в 14 часов, телефон: 224-41-44.

15 октября 1968 г.

Дима не пойдет к следователю Гратовеню. Слышали по «Голосу Америки» последнее слово Ларисы Даниэль и Павла Литвинова.

16 октября 1968 г.

В связи с тем, что избежать общения с Гратовенем практически невозможно, Дима, скорее всего, завтра туда пойдет.

Черник был в Москве, потом Косыгин поехал в Прагу. Какие-то войска уходят, но многие остаются, очевидно, очень надолго, если не навсегда. Читала речь Дубчека в «Юманите» от 13 октября. Она достаточно горькая.

17 октября 1968 г.

Вызывали по делу оставшегося за границей Аркадия Белинкова⁴⁵⁸. Дима виделся с Белинковым один раз в жизни лет 10 или больше тому назад. Странно,

⁴⁵⁶ В это время Э.И. Неизвестный приступил к работе над монументом «Памятник Дружбы народов» («Цветок Лотоса») на Асуанской плотине в Египте (открыт в 1971 г.). Это одна из самых больших скульптур в мире, ее высота 75 метров.

⁴⁵⁷ Павловский Иван Григорьевич (1909–1999) – генерал армии (1967). Участник Великой Отечественной войны. Заместитель министра обороны СССР (с апреля 1967 г.). Командующий объединенными войсками государств Варшавского договора (с августа 1968 г.). Герой Советского Союза (1969). Член ЦК КПСС в 1971–1981 гг.

⁴⁵⁸ Белинков Аркадий Викторович (1921–1970) – прозаик, литературовед, критик. В 1944 г. арестован и осужден на 8 лет лагерей, в 1951 г., находясь в заключении, получил второй срок за

что Дима попал в число свидетелей. Кто-то, очевидно, доложил в органы, что он его вроде бы знает. Интересно, кто?

18 октября 1968 г.

Проспала в школу, потом все-таки пошла. Вечером в мастерской Дима меня ругал по хозяйственным делам. Мы были вдвоем и он отвратительно матерился и говорил, что он «как уборщица», «мы все говно», «у него нет никакой свободы».

19 октября 1968 г.

Дима прочитал последнюю запись и сказал, что это вранье. Вчера всю ночь ходили друг к другу мириться, но так и не помирились. Я знаю, что не права, но очень сильно чувствую обиду и всё время внутренне сопротивляюсь. Дима говорит: «Я освободил тебя от всего. Я каждый день трачу на уборку три часа, убираю и дома и в мастерской. Я думал, что заметая пол и моя стол, действую на вас с Эдиком своим примером. А вы, наоборот, стали еще хуже. Это моя вина, и я как педагог, распустил вас. Ты, как Берлянт (это мой самый нерадивый ученик). Если всё не будет в порядке, я не смогу работать. Мы трое используем эту мастерскую и должны четко распределить обязанности. Ты будешь каждый день мыть посуду, я буду заметать пол в маленькой комнате, а Эдик – выносить ведро и заметать лестницу. В конце концов, я – художник и должен работать. Вы должны помогать мне, а не мешать, а вы сели мне на шею. Я – эгоист. Может быть, я ненормальный, но могу работать только тогда, когда всё в полном порядке». Дима до сегодняшнего вечера и ночи говорил все эти слова, с которыми трудно не согласиться. Я, конечно, считаю, что не всё обстоит так, как Дима описал. И Эдик, и я – мы все-таки тоже кое-что делаем, хотя, может быть, иногда и ленимся, а я, честно говоря, уж очень устаю в школе. Дима сказал мне еще: «Ты можешь со мной не согласиться, но делать будешь так, как я говорю». Я не спорю, но он чувствует, что я не соглашаюсь внутренне и сердится изо всех сил. Я же не соглашаюсь не с существом вопроса (как мне кажется), а с формой выражения, очень грубой и оскорбительной. Чем больше он давит, тем больше я сопротивляюсь, но только на словах, так как на деле смешно не соглашаться с тем, что он говорит.

Ехали в метро и всё одно и то же. Во мне что-то заело, не могу справиться со своим упрямством. Это уж патология. В итоге мы почти помирились. Но у меня нет, как раньше, душевного успокоения после того, как мы поцапаемся, а у Димы вообще надолго остается осадок и болит сердце.

После вызова на Лубянку, попортившего нам много нервов и стоившего большого напряжения, у нас наступило очень радостное облегчение, так как оказалось, что это по делу Белинкова, с которым Дима, действительно, виделся один или два раза в жизни более десяти лет тому назад. Перед Диминым свида-

нием нам казалось, что Галя, соседка, замешана в эту игру, что она следит за нами, в случае, если Дима захочет заболеть на этот период, чтобы идти к следователю. Мы были уверены, что Диму вызывают, чтобы обвинить в чем-нибудь и предупредить, чтобы мы не принимали больше у себя иностранцев, иначе Дима будет иметь крупные неприятности, тем более что он член КПСС уже 20 лет. И когда оказалось, что всего-навсего вызывают свидетелем по делу оставшегося за границей Аркадия Белинкова, мы очень сильно обрадовались. Дима беседовал с молодым белоглазым кагэбешником Гратовенем⁴⁵⁹, который был с ним предельно вежлив. У Димы создалось впечатление большой задрипанности, бюрократизма и очень низкого уровня работы наших низших органов, так как он общался с представителем низших слоев КГБ. Дима еще отметил, что почти у всех стукачей или кого-то там, в приемной, нервные и суетливые движения⁴⁶⁰. Один тип кричал по телефону, что он только что вернулся из Берлина и не знает, где получить деньги. Наверно, наш шпион.

«Как мне не хочется и страшно с тобой ссориться», – сказал мне Димочка. Родной мой, прости меня, я изо всех сил постараюсь с тобой не ссориться.

Подписанный в Праге договор был ратифицирован Национальным собранием ЧССР при четырех голосах против и десяти воздержавшихся. Когда депутаты выходили из здания, толпа кричала: «Позор!» Наши войска в определенном количестве, относительно небольшом (100 тысяч), будут расположены в специальных дислокациях с «членами семей» и барахлом. Мы платим им репарацию за ущерб. В каждом почти пункте о войсках написано «временно расположенные». Стоило ли из-за этого вводить войска, развалить мировое коммунистическое движение, усилить китайцев, укрепить позиции Никсона⁴⁶¹, оставив прежнее чехословацкое правительство и не упоминать больше ни слова о «контрреволюции», не добиться при этом никаких массовых репрессий в Чехословакии (следовательно, я думаю, и у нас), озлобить против России чехов и словаков, может быть, единственных народов, не считая болгар, с искренней симпатией раньше относившихся к Советскому Союзу? Стоило ли это чудовищное по своей преступности и глупости вторжение тех жертв со стороны советских юношей в гимнастерках и чехословацких граждан? Неужели ни один преступник не ответит за это?

20 октября 1968 г.

Сегодня мы примирились с Димой окончательно. Неприятный осадок полностью растворился. Дима поговорил с Эдиком насчет распределения обязанностей на нас троих. Эдинька полностью согласился.

⁴⁵⁹ Есть сведения, что много позже, в начале 1990-х гг., Н.В. Гратовень в звании полковника был начальником подразделения УМБ по г. Москве и Московской области и занимался розысками мест захоронений жертв сталинских репрессий. («Бутовский полигон 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий»). Вып. III. – М., 1999. С. 15).

⁴⁶⁰ В. Сидур рассказывал, что когда подходил к дверям приемной КГБ, демонстративно размахивал своей повесткой, чтобы никто случайно не заподозрил его, что он направляется туда как стукач.

⁴⁶¹ Никсон (Nixon) Ричард (1913–1994) – президент США в 1969–1974 гг. В 1968 г. выдвинут кандидатом на президентский пост от правящей Республиканской партии и одержал убедительную победу над своим соперником демократом Х. Хамфри.

У нас была Велта. Она, конечно, сумасшедшая – когда говорит, плачет. Но Велта своя и нам легко с ней разговаривать, потому что у нас есть общий язык. На днях Клара сказала, что Солженицын ее поцеловал и сказал ей что-то очень доброе. Мне стало чуть-чуть завидно. А потом я подумала, что мне грех завидовать, у меня свой гений под боком, а я его часто огорчаю и он еще при живой жене должен думать о хозяйственных делах.

К вечеру нагрянула шумная компания, как мы называем с Димкой, «конформистов» – Женька <Зверева> со своим кривым Борей, Алик <Борин> с Лялей и их знакомой киношницей Ниной, и самые симпатичные из всех – Владик с Нелей. Никаких политических разговоров не было. Один момент было немножко неловко, когда чудной Боря сказал про Жаклин Кеннеди⁴⁶²: «А Жозефин-то, во сука, замуж выходит». Себя с подобной ситуацией Боря не ассоциирует. Женька, очевидно, тоже, потому что сказала, что грек, за которого Жаклин выходит, страшный урод, противный, старый, но миллионер. Я лично Жаклин эту, несчастную, не одобряю и считаю, что она мелка, пошла и недостойна быть вдовой такого великого человека, как Кеннеди.

Мы узнали, что наши знакомые профессор с женой артисткой, ездят по деревням и автогенном вырезают иконы с кладбищенских крестов. Удивительные бандиты!

Владик с Нелей довезли нас до дому и тут, в машине, начались наконец политические разговоры. Владик попытался оправдать киношников, подписавших письмо против Чехословакии, говоря, что они люди «зависимые», «служилые», а Дима, мол, свободный и может вести себя более независимо. Дима сказал, что всё это ерунда: «Я член партии, у меня могут забрать мастерскую, прийти и побить все мои работы. Но хоть четвертуй меня, я ни за что не подпишу подобного письма». А я сказала, что я человек «зависимый» уж дальше некуда. В школе работаю, но никакой подлости никогда не подпишу. Я сказала Владиду: «И ты, Владик, что бы ты не говорил, я точно знаю, что ты никогда этого не сделаешь». Дима сказал, что надо вести себя, как чехи. «Но ведь чехи познали свободу за эти семь месяцев, а мы – рабы, как всегда», – сказал Владик. Неля вспомнила Библию и сказала, что большинство наших людей, как апостол Петр, который от страха три раза отрекся от Христа. Женщина-киношница стала говорить, что им будет есть нечего. Это она говорит про таких людей, как Алов и Наумов⁴⁶³, Ромм, Хуциев. Это этим-то людям будет нечего есть? Если бы они не подписали этого письма, у них отобрали бы картину, а у них дети и т. д. Эти люди уже сделали по нескольку картин. И если они даже в крайнем случае дойдут до того, что станут жрать хлеб и воду, и то не сдохнут. Потому что самое страшное, это если посадят, но и на это идут люди. А у этих всех есть деньги, квартиры, дачи, автомобили, и у них у всех, видите ли, «безвыходное положение».

⁴⁶² Кеннеди (Kennedy) Жаклин (1929–1994) – вдова президента США Джона Кеннеди. 20 октября 1968 г. вышла замуж за греческого миллиардера Аристотеля Онассиса (1906–1975).

⁴⁶³ Алов Александр Александрович (1923–1983), Наумов Владимир Наумович (р. 1927) – кинорежиссеры, сценаристы, соавторы. Народные артисты СССР, лауреаты Государственной премии СССР.

«Получается, – сказал Дима, – что я самый богатый. От меня никто никогда не слышал, что я бедный, весь в долгах. Принимаю гостей, в кооператив вступил и делаю свои вещи, а вокруг все умирают с голоду. И все-таки сейчас не сталинское время». Владик рассказал, что Булгаков вроде бы хотел написать пьесу о Сталине ⁴⁶⁴, Мандельштам ⁴⁶⁵ написал даже о нем три строчки, а Платонов ушел в водку. Я считаю, что это ничего не доказывает, человек есть человек, его можно сломить, запугать, убить. Галилей тоже отрেকся. Но мы-то знаем, что с этой пьесой ничего у Булгакова не вышло, если даже он и хотел ее написать. И мы знаем, как он умер, мы знаем, как погиб в лагере Мандельштам и читали его стихотворение «про усатого» ⁴⁶⁶, и сколько бы не «уходил в водку» Платонов, он написал столько шедевров, что ни один из всех этих говнючих «прогрессивных» киношников, подписывающих лживые и подлые бумаги из мелкого желания сохранить даже не свою шкуру, а благополучие, никогда не будут годиться никому из них даже в подметки.

Дима правильно сказал: «Наша система калечит слабых. Но уж если есть сильные, так они действительно сильные. То, что у нас происходит – это растление половозрелых. Поступать нужно, как чехи. Не можешь говорить “против”, хотя бы не говори “за”».

21 августа октября 1968 г.

Мы были втроем. Я была очень бодрая, потому что, несмотря на юбилейное комсомольское собрание ⁴⁶⁷ в школе, где просидела со своими ребятами до самого вечера, мы с Димой еще бодро крутили и жарили котлеты, ходили в прачечную. Эдик – то ли болеет, то ли что. Во всяком случае, в нем какая-то тоска и вялость. Он говорит, что делает теперь каждое утро зарядку в течение чуть ли не часа и еще собирается купить себе эспандер. Дима считает, что Эдик устает от этих зарядок, к тому же еще он беспрерывно курит.

Дима начал по-настоящему лепить. Практически закончил копию «Моющей ногу» и долго работал над «Похоронами в концлагере», он хочет назвать эту работу по-другому – «21 августа 1968 г.». Ёжик вымазался весь в белом, наверно, прорвал мешок с гипсом. Иностранное радио про чехов больше ничего не говорит. Передали большие выдержки из речи Тито, где он высказывается твердо и честно по отношению к нам, никакой лирики.

Стенка в Диминой комнате дома обрастает снова прекрасными рисунками.

⁴⁶⁴ Пьеса «Батум» написана М.А. Булгаковым в 1939 г. для МХАТ и предполагалась к постановке в декабре к 60-летию вождя. Однако в последний момент последовал высочайший запрет и постановка не состоялась. Впервые опубликована лишь в 1977 г. издательством *Ardis* в Энн-Арборе (США). В СССР – в журнале «Современная драматургия» (1988. № 5). До этого о ней ходили слухи.

⁴⁶⁵ В 1937 г., находясь в ссылке в Воронеже, Осип Эмильевич Мандельштам (1891–1938) написал в честь И.В. Сталина «Оду»:

*Не я и не другой – ему народ родной –
Народ-Гомер хвалу утроит...*

⁴⁶⁶ Антисталинское стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933 г.).

⁴⁶⁷ В октябре 1968 г. с размахом праздновалось 50-летие ВЛКСМ.

22 октября 1968 г.

Неожиданно обнаружила, что вчерашнюю дату записала «21 августа 1968». Я думаю, что теперь число двадцать первое у меня всегда будет ассоциироваться с августом.

Смотрели с Димой часть квартиры, которую, возможно, будем иметь взамен подвала, если собес нас из него попрет. Та часть, которую мы видели, чрезвычайно убогая, а вторую, якобы получше, нам посмотреть не удалось. С удовольствием вернулись в свой родной погреб и лишний раз убедились, какой он прекрасный.

Дима работает, рисует, лепит. Мне очень нравится скульптура «Похороны в концлагере», и вообще, меня сильно радует, что Дима снова работает так, как я привыкла его видеть.

Приходил Боря Х. <Хазанов>, мы с ним удивительно сходимся по всем вопросам. Боря очень умен. Пожалуй, из всех наших знакомых это самый умный человек и больше всех понимающий в Димином искусстве.

Би-би-си сообщило, что чехословаки, правые, поддержанные нашими войсками, требовали наказания тех, кто виновен в «антисоциалистических тенденциях», особенно евреев. Дубчек сказал, что подобная деятельность будет рассматриваться, как антипартийная справа, так же как и антисоциалистическая слева.

Совсем поздно пришел Алик К. <Киселев> со своими друзьями из Новосибирска. Довольно приятные и интеллигентные ребята, кроме одной, которая сказала, что «занимается комсомолом». Хорошенькая, самая молоденькая девушка, но наиболее примитивная, с вульгарными замашками и от нее больше всего разит посредственностью. Она окончила пединститут, но когда Дима спросил: «Значит, вы учительница?», она с презрением ответила: «Нет». Остальные ребята (трое) – очень симпатичные, ничем не отличаются от московских, очень внимательные и думающие.

23 октября 1968 г.

Кое-что прояснилось о ведении чехословацко-советских переговоров насчет размещения наших войск на территории Чехословакии. Брежнев якобы сказал: «Вы что ж думаете, что мы ввели 500 тысяч войск, чтобы только сменить работников радио и телевидения? Мы должны разоблачить контрреволюцию и уничтожить ее». Наши войска будут стоять не только на западной границе Чехословакии, но будут кольцом опоясывать Прагу и Братиславу. На днях хотели арестовать Млынаржа⁴⁶⁸, подъехали к его дому наши и местная полиция, но он вроде бы успел скрыться. Наши жаждут крови.

В «Литературной газете» сегодня появилось, наконец, письмо 39 писателей, подписавших призыв к чехословацким писателям не общаться с «контрреволюционерами». Среди подписавших: Полевой – достаточно беспринципная и про-

⁴⁶⁸ Млынарж (Mlynář) Зденек (1930–1997) – один из главных идеологов «Пражской весны», секретарь ЦК КПЧ с апреля по ноябрь 1968 г. В 1970 г. исключен из партии. С 1977 г. жил в Австрии. Автор воспоминаний «Мороз ударил из Кремля» (1992). Во время своей учебы на юридическом факультете МГУ в 1950–1955 гг. познакомился и подружился с М.С. Горбачевым (учились в одной группе и жили в одной комнате в общежитии).

дажная сволочь, так как его заигрывание в Венеции вполне может быть достоверным, Грибачев, Корнейчук, Софронов, Сурков, Михалков, Виталий Озеров, Кожевников, Федин, Шолохов, из полуприличных людей Межелайтис⁴⁶⁹. Нет подписи таких деятелей, как Твардовский, Чуковский, Симонов, Леонов.

Наступление вновь набирает размах, и мы с Димой не удивимся, если получим еще не одну повестку в здание на Малой Лубянке. С другой стороны, на последнем пленуме Французской компартии прошел сильнейший раскол. Вдова Мориса Тореза⁴⁷⁰ Жаннетта Вермерш⁴⁷¹ выведена из состава ЦК и из Политбюро за несогласие с осуждением большинством французских коммунистов вторжения в Чехословакию. Эта дама выражает мнение одной трети членов партии. С другой стороны, Роже Гароди⁴⁷² получил общественное порицание за высказывание крайних взглядов по отношению к СССР от имени руководства партии. Оказывается, наше посольство очень тщательно готовило этот пленум, чтобы исключить Гароди из партии, но не фигура из этого не вышло. Пленум ЦК еще раз осудил в довольно жесткой форме вторжение и последний договор о размещении наших войск в Чехословакии. 4 ноября делегация от ЦК ФКП приезжает в Москву на переговоры с нашим ЦК.

Я сегодня вернулась из школы, как сказал Дима, «зеленая». У меня в классе был диспут «О любви и дружбе между мальчиками и девочками», на котором мои темпераментные юноши и девушки так орали, что у меня начала раскалываться голова еще на диспуте, а в подвале я уже совсем свалилась как мертвая⁴⁷³.

Пришла после долгого отсутствия Марина И. <Ильичева>. Рассказывала о нравах и вообще жизни в деревне в 120 км от Москвы, где она работает художником. Очень любопытно. Дима чувствовал себя очень неважно весь день, очевидно, из-за непрерывного дождя, а к вечеру ему стало легче. Когда уходили

⁴⁶⁹ Некоторые из перечисленных писателей-функционеров СП СССР упоминались выше, остальные: Софронов Анатолий Владимирович (1911–1990) – поэт, прозаик, сценарист, в 1953–1986 гг. главный редактор журнала «Огонёк», лауреат двух Сталинских премий, Герой Социалистического Труда; Корнейчук Александр Евдокимович (1905–1972) – драматург, лауреат пяти Сталинских премий, Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», Герой Социалистического Труда; Межелайтис Эдуардас (1919–1997) – поэт, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда; Озеров Виталий Михайлович (1917–2007) – литературовед, критик, в 1959–1979 гг. главный редактор журнала «Вопросы литературы», лауреат Государственной премии СССР; Кожевников Вадим Михайлович (1909–1984) – прозаик, в 1949–1984 гг. главный редактор журнала «Знамя», лауреат Государственной премии СССР, Герой Социалистического Труда; Шолохов Михаил Александрович (1905–1984) – прозаик, академик АН СССР, лауреат Ленинской и Сталинской премий, лауреат Нобелевской премии по литературе 1965 года, дважды Герой Социалистического Труда.

⁴⁷⁰ Торез (Thorez) Морис (1900–1964) – генеральный секретарь ФКП с 1930 г.

⁴⁷¹ Вермерш (Vermeersch) Жаннетт (1910–2001) – в 1945–1958 гг. депутат парламента Франции, в 1959–1968 гг. сенатор, одна из инициаторов создания Международной демократической федерации женщин (1945), в 1947–1968 гг. член ЦК, в 1953–1968 гг. член Политбюро ЦК ФКП.

⁴⁷² Гароди (Garaudy) Роже (1913–2012) – писатель, профессор философии, член Политбюро ФКП в 1956–1970 гг., член Национального собрания Франции от ФКП и сенатор в 1959–1962 гг. В 1982 г. принял ислам (получил имя Реджа Джаруди), прославился своими антиизраильскими и антисемитскими выступлениями.

⁴⁷³ Под впечатлением от этого диспута Юлия написала сатирическую пьесу под названием «Диспут о любви и дружбе», которую поставил затем Олег Киселев в школьном театре.

домой, в темноте вляпались в блевотину какой-то пьяной сволочи, испоганившей нашу чисто убранную Эдиком лестницу.

24 октября 1968 г.

Приезжали Зинаида Ивановна и Абрам Яковлевич. У Зинаиды Ивановны день рождения. Приехала моя мама. Было много шума. Пришел приятель Эдика Саша, чинил приемник, который Димины родители привезли из Алабина.

Завтра будет 5° мороза. Дима сам вымыл лестницу, но запах стойко держится, несмотря на холод.

25 октября 1968 г.

Брежнев произнес речь на встрече, посвященной 50-летию ВЛКСМ. Дима сказал, что было ощущение, что он уже говорит, как фюрер. Призывал распознавать классовых врагов и уничтожать их, не поддаваться либерально-буржуазной идеологии. Если же молодому художнику или другому творческому работнику «изменяет вкус», то надо его поправить, чтобы он шел по правильному пути. У нас с Димой сложилось впечатление, что он не такой дурак, как принято считать, а довольно хитрый и искусный политикан. Мало выступает, подставляет других, говорит относительно грамотно. Не говорит «мблodeжь». Сказал, что нужно двигать вперед науку, без нее, мол, никуда – и не туда, и не сюда. В зале слышалось отрепетированное одобрение. Ни слова о Чехословакии, как будто ничего не случилось.

Имею газету *L'Humanité* за 22 октября с коммюнике Французской компартии, где написано о выходе супруги Тореза из ЦК и Политбюро, а также вынесения публичного порицания Роже Гароди.

У Димы давно не пухла губа, так вот она у него распухла на ночь глядя. Целый день он заклеивал окно, чтобы не дуло в бок, когда он рисует за столом.

26 октября 1968 г.

Мороз самый настоящий – минус 9°. Мама моя купила мне воротник на пальто за 90 р. Это соболь, и мы с Димой сначала решительно отказались из-за дороговизны. Потом согласились, иначе я и в этом году останусь без пальто.

Вечером приходили люди. Давно не были у нас Гдаль с Витой со своим приятелем Юрой. Были также К.Л. <Клара Лозовская>, Валька и Эдик. Сын Гдаля, десятилетний толстый Гриня, тоже был.

Пришла без звонка знакомая журналистка Алла⁴⁷⁴. Была в командировке, снималась и участвовала в создании фильма про ткачих Ивановской области, рассказала много интересного. Оказывается, этих ткачих специально вербуют по деревням в возрасте лет двенадцати-тринадцати. Они учатся в школе ФЗО, а потом обязаны три года, не увольняясь, отработать на фабрике. Получают в среднем 100 р. зарплаты, для них это очень большая сумма. Условия работы очень

⁴⁷⁴ Имеется в виду Зайцева Алла Михайловна (1943–2012) – в описываемое время киножурналист, кинокритик, позже искусствовед. Подруга Вадима и Юлии, она жила в коммунальной квартире в соседнем с мастерской В. Сидура доме.

тяжелые, ужасающий шум, постоянное превышение рабочего дня, незаконные ночные смены. При самом большом перевыполнении плана зарплата не доходит выше 120 р. Очень плохое питание, мучнистое, от которого толстеешь, совершенно нет мяса, только полусырые котлеты. При этом довольно сносное общежитие, по четыре девушки в комнате, с газом, но без горячей воды. И почему-то во всех комнатах сняты розетки, съемочной группе пришлось самой устанавливать. Но самая большая беда в том, что совершенно нет мужчин. Огромное количество молодых девушек и немного пацанов, которые становятся мужчинами очень рано, благодаря этому обстоятельству. Алла видела такую картину, когда уезжала: по вокзалу прошла группа маленьких девочек с большими чемоданами во главе с вербовщиком. В фильме всего этого, разумеется, не будет.

Кто-то из гостей рассказал новый анекдот – один из вариантов об оптимисте и пессимисте: «Кто такой оптимист? – Это хорошо структурированный пессимист. – Кто такой пессимист? – Это хорошо информированный оптимист». И еще одна история из ученого мира. Существует некто Презент⁴⁷⁵, создавший Лысенко⁴⁷⁶ со всеми его мрачными последствиями, и явившийся духовным отцом этого небезызвестного деятеля. Один честный человек уехал на Командорские острова изучать котика. Ему предложили поселиться в одной комнате с Презентом, который неожиданно тоже очутился на Командорских островах. Тот решительно отказался и пошел спать в какой-то сарай. Некоторое время он с Презентом не общался, но наступил момент, когда этих котиков все сотрудники должны были считать вместе, и встреча с Презентом стала неизбежной. Когда этот момент наступил, ученый подошел к Презенту и сказал ему: «Ты сволочь! Ты загубил советскую науку. Ты задержал ее развитие на 15 лет. Каждый порядочный человек не должен стоять рядом с тобой ближе, чем на сто метров». – «Вы так считаете?» – спросил тот философски и отошел от него на сто метров.

⁴⁷⁵ Презент Исаак Израилевич (1902–1969) – биолог, автор работ по марксистской методологии науки. В 1930-х гг. зав. кафедрой диалектики природы и эволюционного учения ЛГУ, зам. главного редактора псевдонаучного сельскохозяйственного журнала «Яровизация», один из идеологов «мичуринаского» учения о природе. С 1934 г. ближайший сотрудник и соавтор Т.Д. Лысенко. В 1940-х гг. декан биолого-почвенного факультета ЛГУ, академик ВАСХНИЛ (1948), научный консультант президента этой академии по философским вопросам. Один из погромщиков в эпоху борьбы с космополитизмом, сам попал под каток этой борьбы, в 1951 г. уволен из ЛГУ и исключен из партии. Однако в 1953 г. восстановлен при поддержке Н.С. Хрущева, покровительствовавшего лысенковщине. В 1956–1965 гг. старший научный сотрудник лысенковской Экспериментальной научно-исследовательской базы АН СССР «Горки Ленинские» под Москвой.

⁴⁷⁶ Лысенко Трофим Денисович (1898–1976) – агроном, действительный член АН СССР (1939), академик ВАСХНИЛ (с 1935), ее президент (в 1938–1956 и 1961–1962), директор Института генетики АН СССР (1941–1965). Герой Социалистического Труда (1945). Автор и проводник в жизнь многих антинаучных учений: теории порождения видов, теории стадийного развития растений, яровизации растений, выведения зерновых ускоренными методами, гнездовых посадок растений и т. д. Организатор кампании гонений на генетику и преследования ученых-генетиков, сопровождавшейся увольнениями, арестами и репрессиями. В эпоху «оттепели» 1950-х гг. в результате усилий прогрессивных ученых его позиции пошатнулись, его сняли с поста президента ВАСХНИЛ, однако в 1961 г. по личному распоряжению Н.С. Хрущева возвращен на этот пост. В 1965–1976 гг. зав. лабораторией Экспериментальной научно-исследовательской базы АН СССР «Горки Ленинские» под Москвой.

Этот ученый потом удивлялся, что для того, чтобы высказать всё это, ему надо было отправиться на Командорские острова, а не объясниться в Ленинграде, где они часто встречались.

Дима обрадовался появлению у нас маленьких белых карточек для каталога и рисует на них с большим удовольствием.

Мама в конце вечера вдруг растрогалась и решила подарить мне вторую шкурку соболя, купленную для себя.

На фотографии в *L'Humanité* супруг Жаклин Кеннеди – фантастический урод и бандит. Все-таки удивительная говнюха эта Жаклин. Еще какое-то кольцо кидала в могилу Кеннеди на его похоронах, обещалась никогда не выходить замуж, «обет безбрачия» давала. Вот так, взять и плюнуть в морду своей стране, памяти своего мужа. У меня такое ощущение, что мне она тоже плюнула в душу, и всем, кто понимал и понимает, что такое был Джон Кеннеди.

27 октября 1968 г.

Дима лечится. Не знает, за что взяться и над чем работать. Завтра в Чехословакии праздник – 50-летие образования республики. Дубчек и другие руководители выступили с просьбой к народу не устраивать враждебных для СССР демонстраций. Одновременно в адрес Дубчека появляется много критических замечаний, особенно со стороны студентов.

Мы были целый день одни. Ненадолго выглянул ежик. Я много варила. Дима лепил, потом вытащил смальту, стал раскладывать ее на доске, потом отмыл маленькие кубики керамики, постучал дерево, но ясности, чего он хочет, у него так и не появилось.

Мне ужасно тяжело, настроение мерзкое, неохота идти на работу. В школе, как во всем нашем государстве, власть прочно забирает посредственное жлобье, и наша «прогрессивная» директриса⁴⁷⁷ моментально сориентировалась в этом направлении. Мои подружки собираются уходить. А куда я уйду, когда я только и могу работать с детьми.

28 октября 1968 г.

Несмотря на все предостережения, в Праге сегодня состоялась антисоветская демонстрация. Демонстранты прорвались к Градчанам, выкрикивая: «Лучше смерть, чем позор! Русские, вон из Чехословакии!» и другие лозунги.

Дима сегодня очень интенсивно вкалывал. Когда я пришла, вход в маленькую комнату загораживало большое бревно, испорченное Лемпортом и оставшееся от него в наследство. Дима с упоением его рубил. Хочет сделать большую скульптуру из серии «Женское начало».

Мы были вдвоем. Я поспала и повеселела. Ёжик шуршал, ненадолго высунулся, а потом спрятался назад в сумку.

После очередных мелких конфликтов с соседкой мы решили присвоить ей звание «Идолище поганое».

⁴⁷⁷ Имеется в виду Суханкина Елена Даниловна (1923–1995) – директор 18-й спецшколы в 1963–1995 гг.

На улице был крепкий морозец, когда мы возвращались. У Димы в берете замерзла голова, и завтра он наденет зимнюю шапку.

29 октября 1968 г.

Дима долбит дерево почти без передышки. Такое ощущение, как будто он до него дорвался после долгого перерыва.

Ёжик вышел только в двенадцатом часу ночи, немного поел и стал неистово бегать с топотом по всему подвалу, руша с великим удовольствием составленные в углу бутылки.

Я неудачно съездила на свидание с Милой, женой Толи Гитберга, чтобы сходить в ателье для пошивки зимнего пальто. Я уже второй год не могу решить эту важную проблему. Дима, Мила и я – все мы разошлись, и я напрасно ждала Милу у крайней колонны Большого театра.

Вечером заходил сын Гдаля со своей женой и тещей. Марик водил родственников на экскурсию.

По «Голосу Америки» услышали сообщение, что советский писатель Алексей Костерин⁴⁷⁸, член партии с 1916 г., 72 лет от роду, послал письмо в ЦК, где говорит о возрождении сталинизма в нашей стране. Он написал в Политбюро, что возвращает свой партбилет, так как не может быть членом партии в стране, где он лишен свободы мыслить и высказываться. Особенно он осудил интервенцию в Чехословакию. Алексей Костерин был репрессирован во времена культа личности, затем реабилитирован.

В Чехословакии несколько членов Союза композиторов написали письмо, в котором выразили свое несогласие с распространением советскими военными властями лживых клеветнических листовок, чем нарушают соглашение о невмешательстве. Одновременно они выразили беспокойство в связи с заменой некоторых творческих работников, а также возможности проникновения цензуры в культурную жизнь страны.

30 октября 1968 г.

Дима едва успевает зайти, тут же переодевается и начинает долбить дерево. Я сегодня подумала, что жизнь становится совсем другой, когда создается

⁴⁷⁸ Костерин Алексей Евграфович (1896–1968) – прозаик, публицист, журналист, диссидент. В 1920-х – начале 1930-х гг. член нескольких литературных пролетарских объединений, корреспондент ряда газет и журналов. Член СП СССР с 1935 г. В 1938 г. арестован и до 1943 г. находился в Колымских лагерях ГУЛАГа. До 1953 г. жил в провинциальных городах, работал воспитателем детского дома. В 1955 г. реабилитирован и восстановлен в Союзе писателей. В 1960-х гг. один из организаторов диссидентского кружка, в который вошли П.Г. Григоренко, В.А. Павлинчук, И.А. Яхимович и др. Автор протестных статей, распространявшихся в самиздате, многочисленных писем вождям, в том числе, осуждавшего «Процесс четырех», оккупацию Чехословакии, процесс над демонстрантами 28 августа на Красной площади и т. д. «Открытое письмо о ресталинизации», упоминаемое Юлией, было написано совместно с П.Г. Григоренко в марте 1968 г. 17 октября 1968 г. партком СП СССР заочно исключил А.Е. Костерена из партии. 24 октября он написал письмо в Политбюро ЦК КПСС с протестом против нарушений Устава партии, допущенных при его исключении, и сообщил о выходе из КПСС, приложив свой партбилет. 30 октября 1968 г. исключен из Союза писателей. Умер 11 ноября 1968 г.

что-то значительное. Дима работает, и я чувствую, как у него меняется настроение и у меня тоже. Я сразу же начинаю чувствовать нашу непобедимость. А главное – мир расширяется, и мы перестаем поддаваться мелочности нашей обыденщины, освобождаемся от постоянно гнетущего страха за мастерскую, которую могут отнять, за работы, которые могут разбить, за то, что ни за что посадят и уморят насмерть. Кроме того, что-то постоянно болит, есть старенькие беспомощные родители, с которыми невозможно воссоединиться из-за отсутствия жилья и еще много всего. Есть Чехословакия. Творчество – это великая лечебная сила. Дима очень притомился к ночи, но он переключился на свое дерево и скоро у него начнется (если уже не началась) другая неудовлетворенность, связанная сугубо с этим бревном.

Никаких особенных политических новостей, кроме антисоветской демонстрации в Братиславе и возможности новой очень серьезной войны на Ближнем Востоке.

31 октября 1968 г.

Дерево меняется все больше и больше. Работал Дима только во второй половине дня. Всю первую половину мы, пользуясь моим выходным днем, занимались хозяйственными делами. Я ходила на рынок, а Дима мыл полы, елозил по полу. Потом мы крутили и жарили котлеты. Дима ухитрился закончить рисунок из серии «Надувные игрушки».

Приходила к нам Мила с главным конструктором у Антонова в Киеве⁴⁷⁹. Этот человек, единственный еврей на такой должности там, где он работает. Во вском случае, так мне о нем потихоньку рассказала Мила. Очень приятный человек, чувствующий, хотя и очень слабо разбирающийся в искусстве. Мы с ним сошлись по всем вопросам, актуальных для нашей мрачной действительности.

После ухода Милы с киевлянином пришли Витя с Ниной. С большим интересом прослушали отчет о Димином свидании с Гратовенем.

Звонила Валька, я с ней как-то не так поговорила и у меня осадок.

В Чехословакии подписали федерацию для чехов и словаков. Израиль заявил, что в Средиземном море больше сорока наших военных кораблей, и что в Египте много советских самолетов с нашими летчиками. Еще Израиль заявил, что наши силой хотят открыть Суэцкий канал, но что если наши вступят в войну с Израилем на стороне Египта, они не останутся без союзников, им помогут Соединенные Штаты.

В Алжире бывшая французская военная база стала нашей базой. Старый пердун де Голль об этом не подумал, когда французы ушли из Алжира. А теперь он заигрывает с турками, как будто бы это может что-то изменить.

1 ноября 1968 г.

Дерево гниловатое, Дима огорчается. Я пришла поздно, отчитывалась перед завучем по прозвищу Хиросима⁴⁸⁰. Была у нас К.Л. <Клара Лозовская>, уютно посидели, побеседовали. Говорят, будто бы Келдыш⁴⁸¹ собрал своих сатрапов

⁴⁷⁹ Имеется в виду Опытно-конструкторское бюро О.К. Антонова, создававшее самолеты «Ан».

⁴⁸⁰ Имеется в виду Серафима Филипповна Абатурова (1923–?), завуч и учительница географии. «Хиросимой» ее прозвали школьники.

и спросил, за сколько времени можно изъять всех евреев из оборонной промышленности. Ему ответили – через пять-шесть лет.

2 ноября 1968 г.

Дима явно перетруждается. Он уж дорвался до этого дерева и теперь его рубит изо всех сил. Пришла моя мама, Валька с подружкой, Боря с Мариной. Говорят, что философы типа Ю.К. <Юрия Карякина>, те, кто вокруг Эрнста, сейчас находят много привлекательного в фашизме. Им нравится культ силы, в фашизме они видят что-то романтическое. Дима вспомнил, что Эрнст высказывал подобные не новые идеи еще лет десять тому назад. Дима считает, что Володя Максимов после своего богоискательства⁴⁸² может впасть в подобную крайность из-за своей злобности.

Мы услышали историю об одной учительнице по фамилии Герлин⁴⁸³, подписавшей письмо против ведения процесса Гинзбурга, Галанскова и др. Каким-то образом была составлена стенограмма о том, как ее на внутришкольном собрании осуждали и приняли решение уволить с работы. При этом совершенно блестящие и достойные ее ответы на совершенно бессовестные, лживые, а главное – как будто вытасщенные из эпохи 1937, 1938 или 1952 года обвинения. После школьного собрания ее обсуждали в РОНО, где судилище было уже совершенно кошмарным. К ней обращались на «ты», оскорбляли и угрожали. Она выдержала всё так же блестяще, как и на первом собрании. Ее обвинили не только в подписании письма в защиту «антисоветчиков», но и в том, что на факультативных занятиях она читала детям стихи Гумилева и Цветаевой, а также на всё имела свое особое мнение. Самой невероятной мне кажется концовка этой истории, в которую я совершенно не верю. Будто бы перед этой учительницей позже извинились и предложили работать в любой школе. Я этому не верю⁴⁸⁴.

3 ноября 1968 г.

Приехал Левитанский. Сказал, что Димины иллюстрации к его книжке в Иркутске зарезали окончательно, и чуть ли не призывали судить художника за подобные рисунки. Как ни старался Юра, у него ничего не вышло. Иркутские мракобесы в тысячу раз более страшные, чем московские. Мы не очень удивились, Дима только подумывает, как бы добиться, чтобы они заплатили 50 % за выполненную работу, которая не осуществилась. Юра невероятно огорчился, но там дело кончилось тем, что сейчас появились сомнения, стоит ли вообще публиковать его стихи.

⁴⁸¹ Келдыш Мстислав Всеволодович (1911–1978) – ученый в области математики и механики, действительный член АН СССР (1946), президент АН СССР (1961–1974). Лауреат Ленинской (1957) и двух Сталинских (1942, 1946) премий, трижды Герой Социалистического Труда (1956, 1961 и 1971).

⁴⁸² Повести В.Е. Максимова 1960-х годов: «Мы обживаем землю», «Жив человек», «Дорога», «Стань за черту», «Баллада о Савве», позже роман «Семь дней творения» (1971).

⁴⁸³ Герлин Валерия Михайловна (1929–2012) – педагог, правозащитница.

⁴⁸⁴ В.М. Герлин была уволена из школы вместе со своим мужем Ю.А. Айхенвальдом – учителем, поэтом, лингвистом, правозащитником. Оба были восстановлены после обращения в суд. Об этой истории они рассказали в очерке «Как нас увольняли» (1968 г., изд. в 1972 г. в Мюнхене).

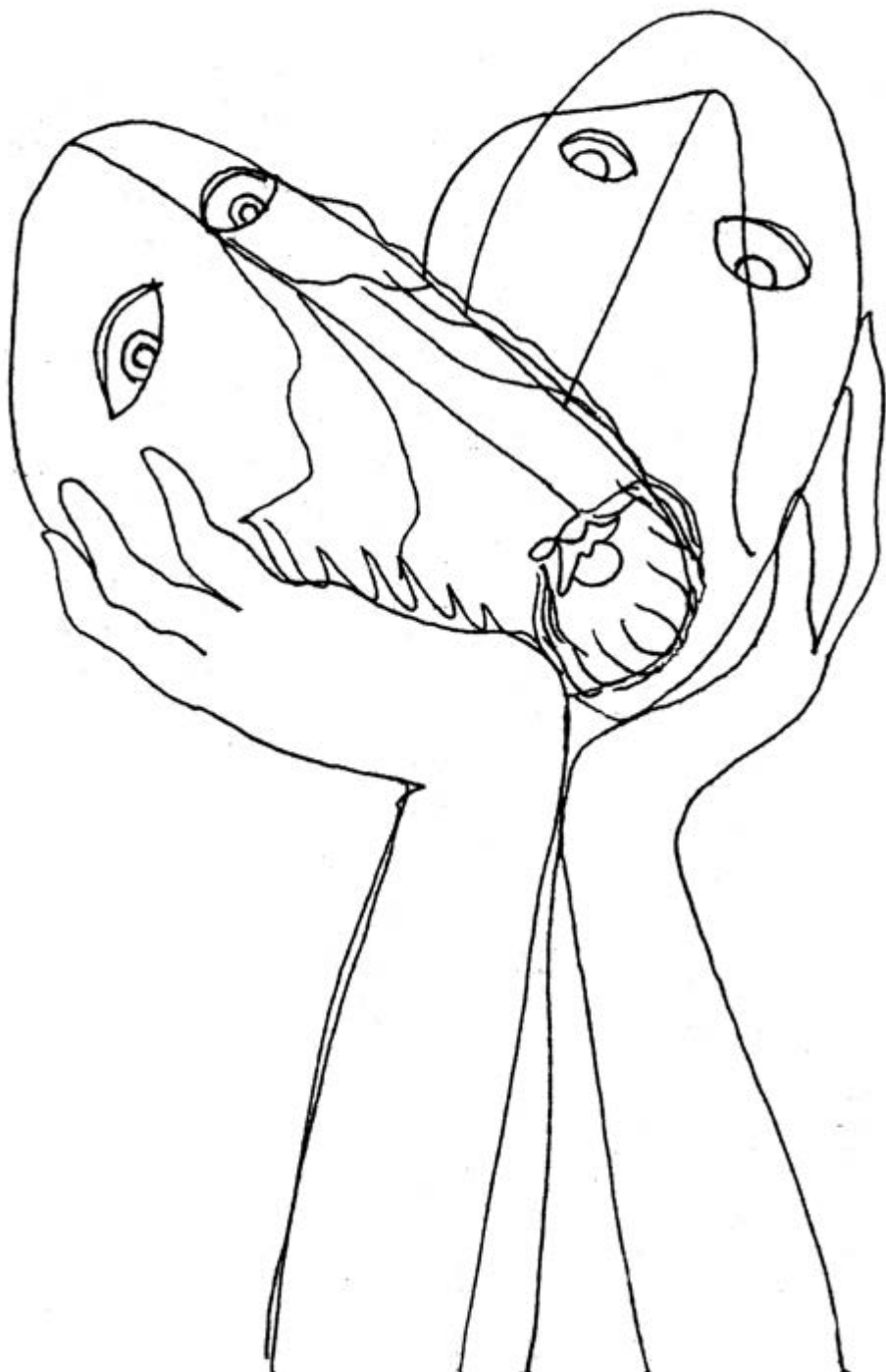

Рисунок В. Сидура (1968)

Мы не были в мастерской сегодня, за нами днем заехали Толя с Милой и мы поехали к ним в мастерскую. Дима часто отказывался ехать к Толе, чтобы не встречаться там с Эрнстом. Эрнст, конечно, появился моментально. Нас поразила его опухшая морда. Мы не виделись, наверно, около двух лет. Я всегда испытываю странное чувство по отношению к Эрнсту. Я отношусь к нему лучше, когда его вижу, чем когда не вижу. Он, как всегда, очень беспокойный. Дима был с ним достаточно сдержан. Эрнст хватал его за руку, называл «Димочка», приглашал к себе. Дима зашел к нему, познакомился с девочкой, которая у него работает. Я не пошла, потому что надо было помочь Миле. Эрнст сказал: «Мои друзья Ю.К. <Юрий Карякин> и Ж.Ш. <Женя Шифферс>, которые были у тебя, в полном восторге». Дима вернулся очень быстро, так как здесь у Эрнста работ мало, потому что он всё, что делает, перетаскивает в свою основную мастерскую. Дима считает, что Эрнст скорее расширяется в своих вещах, чем углубляется. Еще тот факт, что ему увеличивают и исполняют подмоганы, тоже сказывается. Вещи выглядят намного суше, чем если бы он делал их сам в натуре, или хотя бы проходилась «рукой мастера». Правда, в бронзе это ощущение, скорее всего, пропадает. Еще Диме кажется, что у него недостаточно выдумки. Когда Эрнст уходил, у него был явно расстроенный вид. Мила с Толей тоже это заметили. Дима Эрнсту совсем ничего не высказывал, он только сказал ему, что тот идет «вширь». Но Эрнст – человек достаточно чуткий, ему этого было мало. Потом пришли Толины друзья, архитектор с женой. Был какой-то Толин родственник, симпатичный парень. Познакомились с Толиным младшим братом.

Я чуть не поругалась с женой архитектора. Она якобы придерживается таких же взглядов, как мы, но вдруг начала повторять грязную стряпню из «Московской правды» или «Вечерки», где было написано, что Литвинов – аморальный, устраивает оргии и т. д. Что Гинзбург, Синявский, Даниэль и все остальные – провокаторы и мешают, как она выразилась, «настоящей борьбе». У меня до сих пор отвратительный осадок от нашей беседы.

4 ноября 1968 г.

Дима очень плохо себя чувствовал после долгого довольно периода вполне приличного самочувствия.

Заходили к нам К.Л. <Клара Лозовская>, Валька с Эдиком, Юра с каким-то хреном из Иркутского издательства, который вроде бы был за Димины рисунки. Но даже по этому «прогрессивному» деятелю можно судить, какие же там кошмарные все остальные. Пришли Боря Ж. <?> с Верой. У них свои неприятности. Дочка старшая вышла замуж, попала в совершенно мещанскую семью и сама постепенно делается такая же. Борису на работе предлагают место начальника, но для этого требуют вступления в партию. Он весь в сомнениях, хотя инстинктивно чувствует, что его покупают. Ему скоро 60 лет и он совершенно потерял последний покой. Мы тотчас же посоветовали ему не делать этой чудовищной и опасной глупости.

Узнали, что Булата Окуджаву вызывали в КГБ по поводу его польских знакомых, после этого его тут же не пустили в ФРГ. Вчера нам по почте пришла бандероль из Югославии с двумя журналами, посвященными целиком советской

литературе⁴⁸⁵. В журнале четыре вклейки – три Димины скульптуры: «Праздник», «Эйнштейн», «Памятник Варге» и портрет А.И. Солженицына. Пришло письмо из Будапешта от Жужи⁴⁸⁶.

Юра у нас отлично выпался, несмотря на все неудобства, свет, шум и т. д. Он пребывает в очередной ссоре с Мариной.

5 ноября 1968 г.

Приехали в Алабино. Вчера вечером Дима сказал, что больше не может видеть ни нашу квартиру, ни мастерскую. Мы приехали около восьми вечера, держались из-за письма для Жужи. Старики очень обрадовались нашему приезду. Выглядят они оба вполне прилично. В Алабино почти не чувствуется глушения западных радиопередач, слушаем всюю. Снова обостряются отношения между нами и чехословаками. Вчера в «Правде» напечатана бессильная в своей злобности статья Журавского и Колесниченко⁴⁸⁷ о положении в Чехословакии. А сегодня Би-би-си объявило, что Дубчеку и Свободе присуждена ежегодная в Чехословакии Премия мира. Также премия присуждена работникам радио и телевидения за отличную работу в августовские дни.

«Немецкая волна» рассказала о письме советских офицеров, расположенных в Чехословакии, советскому руководству, где они пишут о неправильной осведомленности советских людей о положении в Чехословакии. Этих офицеров сразу же арестовали. Сейчас советским солдатам и офицерам строго запрещено любое общение с чехословаками. «Голос Америки» сообщил об активизации правых догматических элементов в КПЧ, поддерживаемых нашими войсками. Сейчас руководители Чехословакии хотят предотвратить антисоветские демонстрации на праздновании 7 ноября и боятся, что молодежь будет срывать советские флаги. В США сегодня начались выборы президента.

Лева Тоом прислал нам письмо со стихотворением, которое Юнна сочинила про Диму и меня. Юнна его несколько изменила, и нам кажется, что теперь оно немного хуже, чем раньше, там нет, например, таких строк, которые нам с Димой так нравились:

В его арендной мастерской
На остановке «Парк культуры»
Сияли белые скульптуры,
Вопили черные в тоске
Такой пронзительной...

⁴⁸⁵ Речь идет о загребском журнале *Mogućnost* (1968, № 9–10). См. записи от 5 апреля 1968 г.

⁴⁸⁶ Жужа Раб [Zsuzsa Rab] (1926–1998) – венгерская поэтесса, переводчица, журналистка. Среди выполненных ею переводов – произведения Ч. Айтматова, А.А. Вознесенского, М. Горького, С.А. Есенина, М.М. Зощенко, Л.Н. Толстого, Ю.В. Трифонова, М.И. Цветаевой, А.П. Чехова и др. В 1961–1971 гг. приезжала в Москву, неоднократно бывала в мастерской В. Сидура и написала о нем в 1970 г. маленькую статью в будапештском журнале *Ú irás*. (См. ниже записи от 20 марта 1970 г.).

⁴⁸⁷ Журавский Василий Александрович (1921–1997) – журналист-международник, в 1963–1969 гг. собственный корреспондент «Правды» в ЧССР; Колесниченко Томас Анатольевич (1930–2003) – корреспондент, редактор международного отдела и политический обозреватель «Правды».

Лева пишет, что Юнна очень и очень себя плохо чувствует, и ему ужасно тяжело. Стихотворение очень красивое, и нам ужасно приятно, что Юнна его написала. Помочь ей мы ничем не можем.

Юнна Мориц

Мастерская

Юле и Диме

В его скульптурной мастерской
На остановке «Парк культуры»,
Где ветры шлепали доской,
Стоял великий дух природы,
Бревна, гранита, политуры,
Картона, мраморщика, дуры,
Надежды, глины, арматуры,
Промышленности и гитары,
Удач, отравленных тоской,
Олифы дух и волчьей шкуры,
Кофейни, молодости, братства,
Таланта, ставки на богатство,
Курильни женской и мужской, —
Но в полный разворот богемы
На деревянных стеллажах
Торчали туловища, шлемы
И разбухали на дрожжах
Потемки благостного лона.
А мимо шла детей колонна —
В ней ангел был разоблачен:
Единственный из этой стайки
Влеченьем, жаждущим утайки,
Не будет мальчик омрачен.
И всё в ребенке — плоть и кровь —
Рекли, что миг его рожденья
Не требовал уединенья,
Как наша смерть или любовь.
Он деревянный был. Рукой,
Такой по-детски деревянной,
Держал сандалик деревянный,
И так застыл, как деревянный,
И взгляд какой-то деревянный
Остановил в себе с тоской,
Такой пронзительной.
В подвале
На деревянном топчане
Курили, пели, выпивали
Пришельцы. В очередь и мне
С газеты воблу подавали.
И две тарелки на стене,
Два глаза нежных на овале

Керамик, взору выдавали
 Влечение мастера к жене,
 К подростку, к Юле. В том июле
 Ее чудесное лицо
 Прозрачно было и невзрачно,
 Как соловьиное яйцо.
 И выглядел темно и мрачно
 Рубец на мужниной скуле,
 Кривой и крупный, как от сабли.
 Но от пирушки и в тепле
 Глаза мои слегка ослабли.
 И сидя на плетеном стуле,
 На допотопном стуле дачном,
 В пещерном сумраке табачном,
 В дикарском скрежете наждачном,
 Я видела толпу в разгуле,
 Москву – от мастера до Юли.
 И сочетались так удачно
 Ее судьба, его лицо
 И самодельное кольцо,
 К венцу отлитое из пули.
 <1964>

6 ноября 1968 г.

Президентом Соединенных Штатов выбран Ричард Никсон. Я закончила книгу Евгении Гинзбург «Крутой поворот»⁴⁸⁸. В свое время не удалось прочитать рукопись на русском языке, теперь предоставилась возможность прочесть на французском. Название французского варианта *Le Vertige*. Очень интересно и страшно. Не менее интересны примечания переводчика в конце книги.

Выпал снег с дождем, погода на редкость неприятна. Я полдня спала и теперь с ужасом жду приближения ночи. Дима жадно слушает радио. Мы давно не слышали такого потока информации: Би-би-си, «Свобода», «Голос Америки», «Немецкая волна», все, очень свободно преодолевая бесполезное глушение, непрерывно вещают на русском языке. Наконец-то у нас выступил Мазуров⁴⁸⁹, первый высказавшийся из руководства о Чехословакии.

В Чехословакии Союз писателей вынес резолюцию, что если хоть один деятель литературы, искусства и других областей культурного фронта подвергнется репрессиям, они объявят всеобщую забастовку. Что они не собираются ложь выдавать за правду, а насилие – за помощь.

⁴⁸⁸ Гинзбург Евгения Соломоновна (1904–1977) – журналистка, писательница, педагог. Мать писателя В.П. Аксенова. «Наивная коммунистическая идеалистка», как она сама себя назвала, в феврале 1937 г. арестована по обвинению в участии в троцкистской террористической организации, 10 лет провела в тюрьме и в колымских лагерях, в 1949 г. после вторичного ареста приговорена к вечной ссылке в Магадане. Этим событиям посвящена ее книга воспоминаний «Крутой маршрут» (1959–1977). Первая часть опубликована в 1967 г. издательством «Посев» во Франкфурте-на-Майне. В СССР книга впервые издана в 1988 г., до этого была распространена в самиздате.

⁴⁸⁹ Мазуров Кирилл Тимофеевич (1914–1989) – член Политбюро ЦК КПСС в 1965–1978 гг., одновременно первый зам. Председателя Совета Министров СССР.

Делегация ФКП во главе с Вальдеком Роше вернулась во Францию, почему-то не оставшись на праздники. Завтра должно быть опубликовано совместное коммюнике.

7 ноября 1968 г.

Совместное советско-французское коммюнике очень коротко и туманно информирует о мнениях обеих сторон по чехословацкому вопросу. Ясно, что договоренности не получилось.

В Праге и Братиславе состоялись антисоветские демонстрации, были сорваны и сожжены советские флаги. В университете студенты объявили сидячую забастовку. Большинство преподавателей их поддержало. Одновременно имела место просоветская демонстрация небольшой группы людей, выкрикивавших: «Да здравствует Советский Союз!», «Наведите порядок в режиме!»

Весь мир комментирует избрание Никсона президентом США.

Дима ходил лохматый и беспрерывно крутил радио. Зинаида Ивановна и Абрам Яковлевич целый день крутятся.

Обещают похолодание до -7° . Сегодня снег лежал небольшим твердым слоем.

8 ноября 1968 г.

Толя обещал заехать за нами до трех часов дня. Когда стало ясно, что он не приедет, мы отправились в Москву сами на поезде. Дима нагрузил поленьями, стамесками, ножовкой, красками себя и меня так, что Зинаида Ивановна, увидев это, стала громко, как девочка, плакать – ей было нас жалко, особенно Димино сердце. Дима расписывался на несколько секунд, но быстро успокоился, и мы пошли на станцию все четверо, каждый что-то нес.

Благополучно добрались до подвала. Эдика не было. Переоделись и что-то крутились, крутились до поздней ночи. Дима резал небольшую деревяшку «Мать с ребенком», начатую еще в Алабино. Никого у нас не было – мы вдвоем и ежик, который шебуршал в сумке. Вернулись домой ночью к великому неудовольствию Идолища поганого.

Радио «Свобода», а затем и шведское радио сообщило, что пять советских военнослужащих убежали из Чехословакии через Австрию в Швецию – один ефрейтор и четверо рядовых, хотят попросить в Швеции политического убежища. Причина та, что им отвратительна позорная роль оккупантов. Еще пять советских солдат находятся в Швейцарии. Солдаты, находящиеся в Швеции, сидят у кого-то на квартире и боятся высунуться, чтобы их не выдали нашим, потому что здесь их обязательно расстреляют.

9 ноября 1968 г.

Разочарования сменяются надеждами. Почему-то вдруг появилась надежда, что мы стоим на пороге какой-то развязки в лучшую сторону. Дима вдруг сказал почти с уверенностью, что Брежнев будет судить. Скорее всего, мы выдаем желаемое за действительное, но непобедимость чехословаков, их стойкость и достоинство подтверждают до какой-то степени радужные предчувствия. Есть слухи, что собираются заочно судить Аркадия Белинкова, сбежавшего в Америку.

Одновременно по рукам ходит статья «Логика танков», приписываемая ему⁴⁹⁰. Очень злая, убедительная, устрашающая для наших преступников отповедь. Статья кончается призывом: «Интеллигенция всех стран, соединяйся!» Дима считает, что если мы сейчас уцелеем, мы еще доживем до лучших времен.

Приходили к нам К.Л. <Клара Лозовская> с подругой, Валька, Эдик, Инна. Мы рассматривали фотографии в журналах *Paris Match*⁴⁹¹ об августовских днях в Праге и Братиславе. Наши солдаты с автоматами идут, озираясь, по мостовой, плачущая старуха с авоськой в одной руке, с портретом Свободы и Дубчека в другой, свистящие молодые люди, мальчишки, кидающие в танки камнями. И так, в Чехословакии должно остаться 75 тысяч советских войск. Армия-освободительница, надолго покрывшая себя позором.

У Димы возникло некоторое напряжение в отношениях с Эдиком. Эдик сильно изменился за последнее время внешне. Он, что называется, взматерел, немного поправился, округлился. Чем-то он неудовлетворен, а чем – непонятно. Может быть, своей фотографической деятельностью. Бывают дни, когда Дима очень остро реагирует на малейший запах курева, Эдик же курит много, и Дима приходит в сильное раздражение.

Я всегда боюсь, когда Дима поругивает Эдика. Я знаю, что после родителей, он и Валька, пожалуй, самые близкие наши люди. Мне было приятно, когда Дима сам пришел к заключению: «Людей хороших вокруг мало, поэтому их нужно ценить. И если есть какие-то ощущения, не нужно их самому в себе усугублять». Дима сказал мне сегодня: «Никто, и вы – не представляете, какой груз я ношу в своей голове».

10 ноября 1968 г.

Кончились праздники. Нагрянула к нам толпа Авруцкого Гриши⁴⁹² с семейством и друзьями. Потом пришла хорошенькая, но очень глупенькая Эдикова знакомая Ира. Дима раскрашивал темперой деревяшку «Мать с ребенком», получается красиво.

11 ноября 1968 г.

Дима раскрашивал темперой скульптуру «Мать с ребенком». Вечером заглянули О.М. <Олег Милюков> и А.К. <Алик Киселев>. Мы начали спорить, причем ребята молчали и только мы с Димой что-то бурно выкрикивали. Началось всё с рассказа О.М. о новых проявлениях антисемитизма. Попытка некоторых фашистов еще раз доказать, что всё зло от евреев, которых надо уничтожить.

⁴⁹⁰ Памфлет «Логика танков» в августе 1968 г. написал и распространил без подписи в самиздате Леонид Александрович Седов (р. 1934), социолог, в то время сотрудник Института конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР. Позже работал в издательстве «Советская энциклопедия», во ВЦИОМ, с 2004 г. ведущий научный сотрудник Левада-центра.

⁴⁹¹ Французский иллюстрированный политический еженедельник, издающийся с 1949 г.

⁴⁹² Авруцкий Григорий Яковлевич (1924–1993) – видный психиатр, психофармакотерапевт, профессор Московского НИИ психиатрии, лауреат Государственной премии СССР (1980), давний друг Вадима и Юлии. В дневниках упоминается также жена Г.Я. Авруцкого Галина Авруцкая, врач НИИ сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева.

Мне рассказали, что сейчас вызывают всех старых кагэбешников на подкрепление. Антисемитизм уже сильно проявляется в Ленинграде, не говоря уж о Киеве, где он и не ослабевал, и теперь переходит в Москву. Спорили же мы по поводу двух подходов к историческим событиям: оптимистическому с моей стороны и черно-пессимистическому со стороны Димы. Скорее всего, Дима в итоге окажется прав, как это было всегда до сих пор. Дима считает, что в тоталитарном государстве не время революций, а время дворцовых переворотов. Всё зависит от верхушки. Если в ней произойдет взрыв, может быть, и в стране что-то изменится, но скорее всего, считает Дима, всё будет очень плохо. Власть захватили самые черные, реакционные силы. Практически свержение Хрущева являлось военным переворотом. На всем этом фоне – самое главное сохранить себя, свое человеческое достоинство.

12 ноября 1968 г.

Дима попросил меня точнее записать слова одного приятеля Олега насчет антисемитизма. Этот человек сказал: «Октябрьская революция была совершена евреями для евреев, которые, захватив власть в государстве, и в центре и на местах, уничтожают русскую культуру. До сих пор правительство не замечает этого и даже поощряет, в чем ему помогает журнал “Новый мир”». Всё это он доказывал, манипулируя «точными» цифрами, чем поставил Олега в тупик. При этом он говорил, что он дружит с евреями, «у меня друзья евреи», «я евреев люблю» и т. д.

Диме кажется, что подобные настроения и слухи сейчас распускаются специально сверху и, очевидно, знаменуют новую волну космополитизма или еще чего-нибудь, о чем нас предупреждали совсем недавно.

Заходили Боря Х. <Хазанов> и Марик Г. <Гельштейн>. Дима рубил большое дерево и почти кончил раскрашивать деревяшку «Мать с ребенком».

Я пришла после педсовета еле живая и проспала полтора часа.

13 ноября 1968 г.

Дима очень мучительно ровно в течение двух часов лечил зубы. Потом пришел Натан З. <Злотников> с югославским поэтом. У поэта совсем непоэтическая внешность, слишком мордатый. Он высказался зато весьма поэтически: «Будущее – это как девушка, которая необязательно достанется насильнику, ее нужно завоевать любовью и лаской, но ласка должна быть сильной». Потом был пьяный, пьяный вечер с Юрой Л. <Левитанским>, его Мариной, югославским поэтом Славко и еще одним молодым человеком Сашей. Этот Славко был во всем мире, всё видел. Был у Пикассо, у Сальвадора Дали и вообще везде. Ему очень понравились Димина скульптура и рисунки. Саша потом шепотом мне сообщил, что он сказал: «Это гениальный скульптор». Дима говорит, что сейчас ему уже совершенно неважно, кто бы что не говорил, потому что для него всё давно ясно про себя самого.

Славко – первый из всех югославов без всякого трепета относится к Тито. В итоге получился бездарный и невероятно поздний вечер. Юра орал дурным голосом, Славко один выпил пол-литра.

14 ноября 1968 г.

Убирали, варили. Дима работал, я свои планы писала. Дима лепил, потом рубил дерево. Эдик сделал отличные фотографии 30×40 и ушел очень довольный. Было тихо, ни гостей, ни друзей. Только ёж носился, как оглашенный, потом поел и улегся в сумке.

Чехословакию потихоньку давят и скоро, наверно, совсем задавят. Гусак речи произносит для наших душителей. По московскому радио всё прославляют советских кагэбешников. Дима считает, что они сейчас готовятся для новых репрессий. Иногда мы начинаем сомневаться – может быть, чехословакам надо было сопротивляться нашим, так бы обязательно поступили югославы на их месте. Вчера Славко спьяну говорил: «Почему чехи не бились?» А когда Сашка спросил: «Ну что бы вы сделали, если бы наши влезли в Югославию, я бы, например, пришел к тебе в дом, чтобы увести у тебя жену?» Славко многообещающе ответил: «Ну, приди, приди!» Мы все рассмеялись.

Но, представив себе подобную ситуацию, когда вся Чехословакия залита кровью, миллионы убитых чехословаков, тысячи советских, вся страна разрушена, Биляк⁴⁹³ возглавляет новое правительство, и наши сволочи, сытые, подлые бандиты с удовлетворением заявляют: «Контрреволюция разгромлена, силы социализма победили». Они добились бы того, что не добились сейчас. Дубчек не ушел в отставку, около трех месяцев страна, хоть и пассивно, но все-таки сопротивляется, а что будет дальше, поглядим.

15 ноября 1968 г.

Дима закончил раскрашивать «Мать с ребенком», рубил дерево. Никого у нас не было, кроме А.К. <Алика Киселева>. Я вспомнила, как на днях Алик сказал: «Если начнется антисемитизм, я запишусь евреем и сменю свою фамилию на еврейскую».

Дубчек высказался за ограничение свобод и за отмену своих же собственных, выдвинутых в январе, законов якобы «для нормализации». Мы вынули его портрет из рук Швейка.

Дима сегодня пришел от зубного врача вконец измученный.

16 ноября 1968 г.

Я вернулась из школы около 9 вечера. А.К. <Алик Киселев> репетировал с моими ребятами, а я при этом присутствовала⁴⁹⁴. Вечером в мастерской меня ждали Клара, моя мама и Галка с Севкой.

Дочка К.Л. <Клары Лозовской> в университете выступила с возмущением против преподавателя истории КПСС, когда тот сказал, что постановление ЦК

⁴⁹³ Биляк (Biľak) Василь (1917–2014) – член ЦК КПЧ в 1954–1968 и 1969–1989 гг., член Политбюро ЦК КПЧ с апреля 1968 г. по декабрь 1988 гг., член Народного собрания в 1960–1989 гг. Принадлежит к консервативному крылу ЦК, стал одним из инициаторов ввода советских войск в Чехословакию в августе 1968 г. Исключен из партии в декабре 1989 г.

⁴⁹⁴ Речь идет о репетиции пьесы Юлии «Диспут о любви дружбе». Это был первый спектакль, поставленный Олегом Киселевым в только что организованном им и Юлией школьном «Театре на ул. Достоевского». Премьера прошла 30 апреля 1969 г.

Олег Киселев и Юлия на репетиции спектакля в «Театре на ул. Достоевского». Фото: Георгий Геннис

об Ахматовой и Зощенко было правильным⁴⁹⁵. Нам очень было приятно узнать об этом Леночкином поступке, хотя, очевидно, говорить такие вещи сейчас неосторожно.

Дима зацепляет куртку на стиральные зацепки из-за сломанной молнии. Очень смешно, но мы уже привыкли.

17 ноября 1968 г.

Дима чувствовал себя отвратительно с самого утра. Потом нудно болел полузалеченный зуб. Узнали, что наша соседка скоро переезжает в отдельную двухкомнатную квартиру. С одной стороны, это даже очень даже приятно, но с другой – к нам поделят многосемейных, которые, зная, что мы состоим в кооперативе, будут ждать и нашей комнаты. Дима считает, что нам жить будет хуже, т. к. при всей Галочкиной противности, мы ее редко видели, в новом семействе обязательно кто-нибудь будет целый день сидеть дома.

Вечером у нас был Владик. Он сообщил, что кто-то наблевал на нашей лестнице. Это уже второй раз. Сегодня убирать была Эдичкина очередь. Эдик напечатал очень хорошие фотографии 30×40.

Владик нас очень насмешил, у Димы даже челюсти заболели от смеха. Владик читал свои пародии про поэта Алексея Кошмаркова⁴⁹⁶. Он рассказал еще

⁴⁹⁵ Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», несмотря на всю одиозность, являлось действующим и было отменено решением Политбюро ЦК КПСС «как ошибочное» лишь в октябре 1988 г.

⁴⁹⁶ Пародия «Из “лирической тетради” поэта А.А. Кошмаркова» была опубликована в журнале «Крокодил» в 1969 г.

несколько своих «повестушек», и все очень любопытные, нам понравились. Слуцкий перестал с ним здороваться за то, что Владик написал на него пародию⁴⁹⁷.

Дима вспомнил, что он в своей жизни тоже сочинил два стихотворения. Одно из них было про Слуцкого. Первое же стихотворение Дима сочинил во время войны, когда лежал в госпитале в Кушке. Один больной всё время читал стихи примерно в таком духе: «Ох, надоела мне Кушка, где же родное село». Дима долго терпел, потом разразился:

Лежу в палате на кровати
И слушаю твои стихи.
Но некоторые так плохи,
Заткнул бы уши, чтоб не слушать,
Да только руку не поднимать,
Ебёна мать.

Второй стих про Слуцкого:

Слова идут умирать за Слуцкого,
Как раньше шли умирать за Сталина.
Так им велено, и много их там навалено.
Словам легким, как щепки, я даю вышку.
Словами тяжелыми, как камни, я вымащиваю книжки.
И они стоят со мною рядом
У меня под самым боком,
Выстраиваясь на полках длинным рядом,
Разговаривая со мной, как с богом.

Когда Слуцкий узнал от Коваля про эту пародию, можно сказать, с тех пор отношения наши сильно ухудшились и практически прекратились. Я уверена, что Слуцкий – большой дурак.

18 ноября 1968 г.

Дима решил, что я и Клара недостаточно хорошо делаем каталог по рисункам и решил заняться этим сам.

Приходил Алик К. <Киселев>. В их театре будут ставить «Мать» Горького⁴⁹⁸ и пригласят для этого целый батальон настоящих солдат.

В Чехословакии пражские студенты из Карлова университета объявили трехдневную забастовку в поддержку новых реформ. Дубчек и Черник ездили в Польшу совещаться с Брежневым. Бельгийские коммунисты осудили интервенцию в Чехословакию.

Еж, несмотря на зиму, проявляет большую активность, много ест и топает.

⁴⁹⁷ Пародия «К вопросу о парусе».

⁴⁹⁸ Спектакль поставил Ю.П. Любимов, премьера состоялась 23 мая 1969 г. В этом спектакле, как и в остальных со своим участием, Олег Киселев блестяще исполнял основные сцены в пантомиме.

19 ноября 1968 г.

Дима мучается зубами, как-то особенно нехорошо. Я уже начинаю сомневаться, что мы правильно сделали, начав это лечение. Он совершенно выбит из нормы. Не может работать, глушит анальгин безрезультатно, и в итоге ему делается плохо с сердцем. Сегодня он так ослаб, что мы с трудом выбрались из подвала.

Заходил к нам Алик. Такой здоровый парень на вид, а оказывается, в детстве стукнулся копчиком, после чего ему делали операцию в Новосибирске, где он жил, а второй раз через несколько лет он сам себе делал операцию при помощи зеркала. Он очень нас удивил этой историей. Кроме того, он попадал под трамвай, покорежил себе ноги, и еще раз ломал ногу, после чего лежал долго в гипсе. Вот тебе и здоровый.

20 ноября 1968 г.

Отвратительный день. Эдик впустил председателя райисполкома, который пришел с представителем из собеса. Димы не было. От боли в зубе он сегодня совершенно доходил, потом ему стало плохо с сердцем и он приехал в мастерскую только в 8 вечера. Еще до его приезда мы с Эдиком уже вдвоем выдержали второй визит милиционера с человеком в штатском, который назвался Мамичевым из угрозыска. Мамичев вел себя по-хамски, нагло разгуливал по мастерской и всячески делал вид, что мы преступники и в чем-то виноваты. Потряс пустой бутылкой, влез в Эдикову комнату и сделал вид, что это что-то ужасное. Я пыталась что-то вякать, спрашивая, почему он пришел и т. д. Они ушли, предварительно позвонив от нас по телефону.

Когда пришел Дима, он был совершенно вне себя оттого, что мы с Эдиком такие лопухи и пускаем людей, когда он совершенно ясно дал нам указания – без него никого не пускать, а особенно людей сверху, из собеса.

21 ноября 1968 г.

Сегодня у меня выходной, но пришлось все равно ехать в школу по делу. Еще с утра Дима чувствовал себя ужасно. Он не спал всю ночь, давление подскочило до 170 на 120. Я сходила на рынок и уехала в школу. Вскоре мне позвонил Дима и сказал, чтобы я приезжала, потому что ему очень плохо. Когда я приехала и увидела темные окна, жутко испугалась. Оказалось, что Дима просто очень крепко заснул, вконец измученный болью. К вечеру ему стало полегче и мы начали читать старые, времен 60-го года дневники Димины, Лемпорта и Силиса. Не дневники, где они писали все втроем, а еще до этого, где каждый писал отдельно. Мне стало очень противно от этого чтения. Всё тогдашнее дерьмо, интриги, Коваль, мелочность и бабистость нахлынули на меня во всей своей омерзительности. Дима до сих пор не прочел даже те дневники, которые они вели все втроем.

Дима сделал интересное открытие. Оказывается, он записал, как однажды к нам в подвал зашел Слуцкий с человеком, о котором он, отведав Диму за руку, сказал, что это Гинзбург, один из самых молодых член-коррвов, и что он баллотировался в академики, но не прошел. Я вспомнила, что Витя что-то говорил о том, что Слуцкий приводил его к нам, но ни я, ни Дима об этом не помним.

В Чехословакии студенты прекратили забастовку и мирно разошлись по домам. Ожидается девальвация французского франка⁴⁹⁹. Би-би-си читало выдержки из критических статей в английской печати на произведение А.И. Солженицына «Раковый корпус». Должна признаться, что мы с Димой, при всей любви и уважении к Александру Исаевичу, оценили это произведение гораздо более строго.

22 ноября 1968 г.

Мы с Димой увиделись только поздно вечером. Я пришла после родительского собрания неожиданно бодрая. Дима чувствует себя плохо. Сегодня приезжали его родители. Все дружно посоветовали Диме больше не лечить зубы, а ходить, как есть. Дима уже давно так плохо себя не чувствовал и не выглядел. Вечером пришла Клара со знакомой женщиной из Австралии, та была в полном восторге от всего, что увидела, взяла много фотографий, фильм восьмимиллиметровый, и много записала.

Витя Гинзбург с Ниной звонили специально с дачи, чтобы сообщить, что из Принстонского университета прислали на имя Вити официальную бумагу, где сказано, что они хотели бы приобрести «Портрет Эйнштейна», выполненный Вадимом Сидуром, в большом размере, чтобы установить перед новым зданием университета⁵⁰⁰. Просят выяснить цену и прислать фотографии разных сторон.

Зинаида Ивановна и Абрам Яковлевич видели, что у нашего дома уже воздвигают второй этаж.

23 ноября 1968 г.

Были вдвоем с Димой и мама. Дима сегодня чувствовал себя получше, хотя ночь спал плохо, несколько раз просыпался, чтобы выпить анальгин.

Отличный комментарий Мориса Лейти из Би-би-си о советском империализме. Эдик уезжает в понедельник в Ленинград. Я беспрерывно про себя произношу речи против завуча моей школы Хиросимы.

24 ноября 1968 г.

Сегодня воскресенье. Я переутомилась до крайности и спала до 12 часов дня. Очень плохо себя чувствовала. Как всегда, после большой усталости, когда нервы немного отходят, я плохо себя чувствую. Дима, слава богу, явно выздоравливает от своего проклятого зуба. Сегодня первый день он явно ничего себя чувствовал. Приходила Клара с подругой, учительницей русского языка. Потом пришел Алик после спектакля. Боря Х. <Хазанов> тоже заходил. Мы дружно ругали Театр на Таганке, якобы прогрессивный, но на самом деле пустой и крикливый.

Дима написал картинку на оргалите, почти закончил.

⁴⁹⁹ 8 августа 1969 г. курсы иностранных валют к франку повысились на 12,5%.

⁵⁰⁰ Вместе с В.Л. Гинзбургом американские физики побывали в мастерской В. Сидура 4 июля 1968 г. (см. записи выше). Бронзовый «Портрет Эйнштейна» был установлен в Национальной ускорительной лаборатории им. Энрико Ферми (Фермилаб) в Батавии, близ Чикаго, через восемь (!) лет, летом 1976 г. Именно столько времени потребовалось, чтобы инициатива смогла преодолеть советские идеологические плотины и бюрократические барьеры. О некоторых из них рассказывается в дневниках. Продать скульптуру власти не согласились, в США она попала по инициативе В.Л. Гинзбурга в качестве дара Академии наук СССР американским ученым.

Второй день подряд читаем Димины дневники 39–40 годов. Дима был удивительно умный мальчик в 15 лет, и что самое удивительное, всё время плохо себя чувствовал, о чем документально зафиксировано. Еще одна интересная деталь – Дима в чем-то почти не изменился. У него сейчас другие взгляды, другое отношение ко многим вещам, но характер его, очень сильный и человечный, точно такой же. Женщин любил, оказывается, совсем не меньше, чем сейчас.

25 ноября 1968 г.

Сначала была гололедица, а к вечеру развезло. Были у Вити с Ниной. Витя очень возбужден выборами в Академию наук. Кого-то они там протаскивают, кого-то проваливают. Говорят, что антисемитский душок в их академии, несмотря на большое количество ученых-евреев, очень даже в наличии. Витя показал нам письмо Дэвида Пайнса, где говорится о желании дирекции Принстонского университета купить у Сидура «Портрет Эйнштейна». Витя написал еще свое письмо на имя какого-нибудь начальства, какого – мы пока не решили, чтобы каким-то образом начать пробивать это дело. Я глубоко уверена, что из этого ничего не выйдет, так же как раньше не вышло с Чехословакией и Югославией.

Смешно даже думать, что в нынешних условиях вновь разыгравшейся холодной войны советскому скульптору возможно поставить выполненную в подобной форме скульптуру перед зданием Принстонского университета в США. Это совершенно нереально.

Би-би-си считает, что Дубчек в Чехословакии практически отстранен от власти. На днях Дима сказал: «Я глубоко уверен, что Дубчек ведет глубоко неправильную политику, начиная с подписания позорного договора о размещении советских войск на территории Чехословакии».

Сейчас Юрия Жукова⁵⁰¹, корреспондента «Правды», последнюю нечистоплотную тварь и подонка, очень метко обозвали Микрогеббельсом.

26 ноября 1968 г.

Тепло, сыро, противно. Я дохожу от спектакля в школе. Дима сердится, что я мало занимаюсь хозяйством.

27 ноября 1968 г.

Завтра высплюсь и, наконец, покажем спектакль. Дима общался с Толей Гитбергом и его приятелем. Приятель – какая-то крупная торговая шишка, материализованный Рудольф Анапольский, недостижимая мечта Рудольфа. Они даже чем-то внешне похожи. Человек – удивительный болтун и хвастун, но явно деловой и явно, по всем повадкам и по виду, очень крупная единица. Ему звонить

⁵⁰¹ Жуков Юрий Александрович (1908–1991) – журналист-международник, публицист, переводчик. С 1946 г. сотрудник «Правды», в 1948–1952 гг. корреспондент во Франции, в 1952–1957 гг. зам. главного редактора. В 1957–1962 гг. председатель Госкомитета СМ СССР по культурным связям с зарубежными странами. С 1962 г. политический обозреватель «Правды». Одновременно с 1972 г. ведущий одной из политических передач на Центральном телевидении. В 1962–1982 гг. заместитель председателя, в 1982–1987 гг. председатель Советского Комитета защиты мира. Президент общества «СССР-Франция» (1968–1991). Кандидат в члены ЦК КПСС (1976–1989). Герой Социалистического Труда (1978).

можно из автомата без двух копеек⁵⁰². Меня несколько насторожила его разговорчивость, но Дима сказал, что это, очевидно, оттого, что ему очень много приходится сдерживаться в течение дня на службе. Поэтому у нас он просто отводил душу. Толя привел его к нам специально, чтобы посоветоваться насчет продажи «Портрета Эйнштейна» Принстонскому университету. Этот человек сказал, что он кое-что узнает, но в принципе, он считает, что дело почти безнадежное. Первый раз я видела советского человека, сильно напоминающего представителя деловых кругов прогнившего насквозь капиталистического мира. Готового, по его собственному выражению, делать деньги из всего. «Они валяются на земле, их нужно только поднять». Он занимается тем, что целыми днями ведет торговые переговоры с иностранцами. Говорит на пяти языках. Он сказал, что, будучи человеком в искусстве неграмотным, дилетантом, он тем не менее чувствует, что всё, что у Димы увидел, очень дорого стоит. Потом они с Толей ушли, а через некоторое время пришел поэт-переводчик Женя Солонович с женой. Женя хочет, чтобы Дима оформил его переводы Петрарки в «Детгизе».

«Свобода» передала прекрасную речь Смарковского в Праге.

28 ноября 1968 г.

Показали мы спектакль⁵⁰³. Пришла к нам в школу Клара. Спектакль прошел отлично. Ребята довольны, я тоже.

Потом поехали втроем в мастерскую. Дима был один в бураковой кофте со стиральными зажимами. Написал картинку темперой на оргалите. Дима купил неудачный проигрыватель, еще испортился холодильник. Всё как-то сразу разладилось. Потом подъехал Владик с бутылкой <вина> «Гамзы». Долго пытался присоединить проигрыватель. Когда присоединил, оказалось, что звук плывет жутким образом.

До чего же красивые дети в моем классе. Трогательные, искренние, неотягощенные. Родные мои ребята.

Т. Литвинова сказала одной нашей знакомой, что Лемпорт продал библиотеку Аркадия Белинкова, когда того посадили. Дима ничего не знал об этом, он только вспомнил, что Лемпорт очень не хотел с Аркадием встречаться, хотя тот был его другом в школе и оказывал на Лемпорта огромное влияние⁵⁰⁴.

29 ноября 1968 г.

Вновь образовано МВД⁵⁰⁵. Белашова, маразматическая туша, брызгающая слюной, выбрана председателем <правления> Союза художников СССР. Всё

⁵⁰² Для соединения по телефону-автомату необходимо было опустить в него двухкопеечную монету, но по трехзначным номерам можно было говорить бесплатно.

⁵⁰³ Поэтическая композиция по стихам молодых поэтов, погибших на войне. Автором композиции и режиссером был Олег Киселев.

⁵⁰⁴ В.С. Лемпорт и А.В. Белинков учились в одной школе в параллельных классах. Об их дружбе В.С. Лемпорт писал в своих воспоминаниях, озаглавленных «Эллипсы судьбы». (См.: «Время и мы». № 113. 1991 г.).

⁵⁰⁵ Существовавшее с 1946 г. Министерство внутренних дел СССР было упразднено в 1960 г., а его функции переданы министерствам внутренних дел союзных республик. В сентябре 1966 г. восстановлено как Министерство охраны общественного порядка (МООП) СССР, а 25 ноября 1968 г. переименовано в Министерство внутренних дел (МВД) СССР.

медленно, но верно ползет назад к счастливой эпохе Иосифа Виссарионовича Первого.

Были у нас две тетки из издательства «Детская энциклопедия». Одна из них, Дина Коненкова⁵⁰⁶, просит у Димы рекомендацию для вступления в МОСХ. Дима сказал ей, что с его рекомендацией ее все равно не примут. Она все равно хочет. Толя Гитберг отвез нас домой. У Милы болит глаз.

30 ноября 1968 г.

Пришла к нам экскурсия из совсем молодых ребят-студентов с Клариной дочкой во главе. С ними была учительница. Очень хорошая учительница, сразу видно. Этим ребятам так всё понравилось, что они не хотели уходить. Диму чуть не умилили своими юношескими вопросами и разглагольствованиями. Леночка, хорошенькая, одна со всем этим табуном. Были еще Боря с Мариной и Валька с Эдиком. Когда молодежь с учительницей ушла, мы облегченно вздохнули и набросились на еду.

Я вспомнила, как председатель райсовета во время своей беседы с Эдиком больше всего возмутился моими туфлями и холодильником. Он, наверно, думал, что художник не должен жрать, а тем более общаться с женщинами. Раз женские туфли – значит разврат.

Я прочитала подборку писем, сделанную самим Солженицыным из откликов на «Один день Ивана Денисовича», отрицательные письма невероятно. В основном они исходят от работников лагерей. Это на них держится и долго еще будет держаться наш кошмар.

1 декабря 1968 г.

Клара сказала, что после вчерашнего визита молодых людей они сегодня с утра стали ей звонить и выражать свою благодарность за то, что она их к нам привела. Один из них хочет побеседовать с Димой по «философским вопросам», а остальные хотят прийти еще раз.

Приходили к нам Варги с друзьями и с тринадцатилетней дочкой Аней⁵⁰⁷, очень любопытной и острой на язык девчонкой. Яша вдруг высказал такую мысль после того, как мы рассказали о предложении из Принстонского университета: «А что если Гинзбург Витя напишет Косыгину письмо от своего имени, будто бы портрет принадлежит ему, но что он, зная, что государственные интересы превыше всего, с радостью его продаст, зная, как нужна стране валюта и как важен престиж нашего государства за рубежом». Эта идея – совсем новая, и мы еще не знаем, как к ней отнестись. Я сильно притомилась, пока у нас были Варги, хотя они и очень хорошие люди. А Дима сегодня с самого утра себя неважно чувствовал. Мы с ним уже третий день говорим на одну и ту же тему. Вернее, он говорит, а я то соглашаюсь, то не соглашаюсь, в зависимости от

⁵⁰⁶ Коненкова Дина Андреевна (1930–2006) – художник.

⁵⁰⁷ Варга Анна Яковлевна (р. 1954) – психолог, психотерапевт, в настоящее время заведующая кафедрой системной психотерапии московского Института практической психологии и психоанализа.

формы изложения. Дима говорит, что он много времени тратит на хозяйство, потому что он не может работать, если нет порядка, и хочет, чтобы все вокруг ему помогали. Мы с Эдиком ему помогаем, как он считает, много, но недостаточно. А всё началось с того, что Алик вымыл за собой посуду после того, как Дима на меня разорался накануне, когда я не сразу вымыла посуду после того, как мы с Аликом поели, вернувшись из школы после репетиции. Пока нас не было, Дима очень много убирал. Поэтому Алик, учтя критику, на другой день потихоньку всё вымыл. Я это заметила и сказала Диме, что, может быть, не надо Алику мыть посуду, лучше его использовать по специальности, например, он хорошо ставит розетки. Или же пусть перекидает глину, давно пора. Дима на меня снова рассердился и сказал, что Алик сделал правильно, а я такими разговорами Алику же делаю хуже. И вчера Дима сказал Алику: «Ты очень правильно делаешь, что моешь за собой посуду, потому что Юлька не справляется, а мне надоело убирать. Я должен работать, и чтобы ничто мне не мешало, особенно те, что вокруг. Ты теперь вроде бы человек близкий, и раз ходишь часто – значит должен помогать».

Сегодня вечером уже поздно, после спектакля, Алик опять приходил. Дима долго ему говорил, что ему нужно не столько стремиться пробиться во ВГИК, что почти невозможно, сколько побольше читать и стараться стать интеллигентным человеком. Алик – очень энергичный и способный малый, но недостаточно образованный. И вот эти пробелы в образовании ему необходимо ликвидировать. Не считать, что к нему плохо относятся, потому что хорошо к нему относятся никто не должен, он пока еще ничего хорошего не сделал. Ему нужно больше думать, размышлять и делать, а не пытаться сразу пробиться в главные, чтобы доказать, что он из себя представляет. И еще ему надо больше думать об искусстве.

Потом мы шли по стадиону домой и Дима мне сказал: «В чем отличие Алика от Саши Махова. Саша делает искусство, меньше суетится, я уважаю его за это. Я не менее энергичный и пробивной, чем Алик, и всегда таким был. Но главное для меня – это то, что я делаю. Вот я и сижу в подвале и за границу меня не пускают, задыхаюсь от своих собственных скульптур и рисунков, и еще считаю себя очень счастливым человеком». А когда мы ложились спать, Дима сказал: «Ты должна любить меня всей душой, несмотря ни на что. Потому что без твоей любви я пропаду». А я сказала: «Я люблю тебя всей душой и всегда буду любить».

2 декабря 1968 г.

Читали Шаламова⁵⁰⁸ рассказ про лагерь. И ничего, сколько не разоблачай, такая удивительная страна, крепко держится, не пошатнется. Дима считает, что

⁵⁰⁸ Шаламов Варлам Тихонович (1907–1982) – прозаик и поэт. В 1928 г. исключен из МГУ, так как скрыл, что является сыном священника. В первый раз был арестован в 1929 г. и приговорен к трем годам лагерей за перепечатку и распространение запрещенного «Письма к съезду» В.И. Ленина. Вернувшись в 1932 г., начал заниматься литературным трудом, тогда же стал печататься. Повторно арестован в 1937 г. и оставался в ГУЛАГе до 1951 г. Реабилитирован и вернулся в Москву лишь в 1956 г. В 1954–1973 гг. создал цикл произведений «Колымские рассказы», опубликованный в 1973 г.

тот факт, что вновь переименовали МООП в МВД и набирают туда людей – это означает, что они собираются сажать. Правда, Дима считает, что нынешних наших руководителей обязательно будут судить и что им не сносить головы, так как политика их гибельна.

Неделю назад в «Правде» Солженицына назвали очернителем. В этой же газете ранее его сравнивали с Толстым.

Был у нас Боря Шуплецов. Выглядит плохо. Вчера ездил с Верочкой к Юре в Переделкино и там все они допились до потери сознания. Тошно, сил нет.

3 декабря 1968 г.

Эдичка глупенький разболтал Женьке Зверевой про письмо из Принстонского университета, а она пошла звонить, где попало. Ясно, как божий день, что ничего из этого письма не выйдет.

Мы с Димой были вдвоем. Я спала себе, вчера заснула в три, а утром чуть не проспала свою остановку в троллейбусе, еле глаза открыла. Дима читал Шаламова.

Услышали по «Голосу Америки» о какой-то петиции советских интеллигентов, направленной советскому правительству в защиту тех, кто выступал против оккупации Чехословакии. Нам так и не удалось услышать подробнее, что за петиция и кто ее направил.

В связи с лагерными рассказами Шаламова Дима вспомнил про Кушку, где он был в армии в пулеметном училище. Жизнь там очень напоминала концлагерь. Так же мучили по 16 часов в сутки, не давали жрать и спать. Однажды он съел две шайки гороховой гущи, которую он напрошайничал по гарнизонным столовым. Это случилось, когда после госпиталя ему дали отпуск недели на две при части. То есть, не ходить на учения и можно было даже лежать на койке. Он благотворно использовал время, чтобы подкормиться. Еще вспомнил, как он, будучи курсантом, будущим офицером, выпросил вместе с товарищем у шоферов жижу из-под щей. А после двух шаек гороховой бурды чувствовал лишь легкую сытость. Как их там обворовывали. Кусок мыла полагался на двух человек, а давали на пятерых. Сажали специально в карцер, чтобы воровать предназначенные арестанту продукты. Дима просидел зимой в карцере 10 дней на цементном полу. Все, кто там находился, надели байковые шинели под гимнастерки и было даже незаметно, настолько они были худые и изможденные. А охранять ставили узбеков или казахов, чтобы были более безжалостными и боялись самим попасть на место арестованных. И все-таки находились ребята, которые приносили им пожрать, несмотря на все трудности и страх попасться. А после карцера все оказались в госпитале, и Дима тоже. В госпитале врач-казашка прониклась к нему добрыми чувствами, просто пожалела, и пока не было начальника, всячески его выхаживала и подкармливала, а когда вернулся начальник, не было уже возможности держать его в госпитале и эта тетенька дала ему отпуск при части на две недели. Этот отпуск Дима уже использовал, учитывая

накопившийся опыт, чтобы не сдохнуть. После ареста он стал другим человеком. Он понял, что иначе не выживет. А потом был фронт и ранение. Потом инфаркт, Лемпорт, Силис.

Мы шли домой по стадиону и Дима мне очень весело сказал: «Лихо я их объебал. Живу уже двадцать четыре года. Что бы ни было, меня всё время эта мысль угнетает».

4 декабря 1968 г.

Приходила к нам чудная Дина Коненкова за рекомендацией. Дима ей всё написал. Она была очень довольна, а потом вдруг объявила, что муж ее Блохинцев⁵⁰⁹, физик, директор института в Дубне. Она сказала, что приведет его. Мы с Валькой не смогли не улыбнуться, когда она почти всерьез заявила, что не ест иностранных консервов, даже из соцстран. Из страха перед «происками врагов». Мне кажется, что она малость сдвинутая.

Потом мы с Димой остались вдвоем с ежом. Ёж стал похож на седоватую крысу. Дима дописывал картинку, пока еще не закончил. Я пыталась поспать, но ничего у меня не вышло.

Слышали Би-би-си. Наши послали им ноту протеста за то, что они нами недовольны из-за Чехословакии и не хотят пускать ансамбль Советской армии, сокращают наше посольство в Лондоне по причине шпионажа и сокращают торговлю. Англичане, как они сказали, изучают нашу ноту. Некоторое прояснение насчет письма правительству с просьбой об отмене приговора выступившим на Красной площади против оккупации Чехословакии, так как их осуждение противоречит советской конституции. Это завтра большой праздник – День сталинской конституции. Среди подписавших – Виктор Некрасов⁵¹⁰, Петя Якир, мать Александра Гинзбурга⁵¹¹, Есенин-Вольпин, Григоренко⁵¹² и много других, всего около 100 человек.

Дима всё говорит мне всякие хорошие слова. «Я, – говорит, – не могу себе представить, что было время, когда я тебя не знал».

⁵⁰⁹ Блохинцев Дмитрий Иванович (1907–1979) – физик, профессор, член-кор. АН СССР (1958). В 1935–1947 гг. работал в Физическом институте АН СССР. С 1947 г. директор научно-исследовательской лаборатории, позже Физико-энергетического института в Обнинске. Инициатор создания Объединенного института ядерных исследований в Дубне, его директор в 1956–1965 гг., с 1965 г. директор Лаборатории теоретической физики этого института. Лауреат Ленинской (1957), Сталинской (1952) и Государственной (1971) премий, Герой Социалистического Труда (1956).

⁵¹⁰ Некрасов Виктор Платонович (1911–1987) – прозаик, участник Великой Отечественной войны, лауреат Сталинской премии (1947) за повесть «В окопах Сталинграда». С 1968 г. диссидент. В 1973 г. исключен из КПСС. В 1974 г. эмигрировал во Францию. Сотрудничал на радиостанции «Свобода», был зам. главного редактора журнала «Континент».

⁵¹¹ Гинзбург Людмила Ильинична (1908–1981) – экономист, в 1968 г. и в 1970-х гг. подписала не одно письмо протеста против преследования инакомыслящих в СССР. В 1980 г. эмигрировала во Францию.

⁵¹² Григоренко Петр Григорьевич (1907–1987) – генерал-майор (1959), правозащитник. В армии служил с 1931 г. по 1964 г. Участник боев на Халхин-Голе, участник Великой Отечественной войны. В диссидентском движении с 1963 г. Неоднократно подвергался арестам. В 1964 г. лишен воинского звания, признан невменяемым и подвергнут принудительному лечению в психбольнице. Член Московской Хельсинкской группы. В 1977 г. после отъезда в США лишен советского гражданства.

5 декабря 1968 г.

Сегодня более-менее выспались и ничего себя чувствовали. Виделись с Зденеком Ч. <Черны>. Пришел к нам с какой-то нашей бабой. Настроен он пессимистически, не то, что раньше, хотя и говорит о каких-то культурных и торговых обменах, начинающих в будущем году. Хочет прийти на той неделе с чехословаками.

Вечером была у нас Инна с чехом-историком, тем самым, что у нас уже был, и со своими друзьями, Б.Ц. <Борис Цукерман⁵¹³> с женой Аней. Этот Б.Ц. – удивительный человек. Он показал нам письма, которые он рассылает во все наши органы власти – от Кремля до прокуратуры и редакций газет по поводу всяких несправедливостей: в защиту студента, которому поставили два не за знания, а за убеждения, или же по поводу опубликования лживой информации о том, что министр иностранных дел Иржи Гаек⁵¹⁴ сотрудничал с фашистами, когда на самом деле он находился в нацистском концлагере. Этот человек явно ведет опасную игру, но видно, что она полностью его поглощает. Очень любопытны короткие отрицательные ответы на его письма. Его ситуация очень напомнила мне роман Кафки «Замок».

Еще одна неожиданная и очень приятная новость. Жена Б.Ц. сказала, что у них дома висит Димина репродукция портрета Солженицына, подаренная людьми, которых мы не знаем, отпечатанная на <копировальной> машине «Эра». Оказывается, кто-то это размножает, вешает на стену, смотрит. Вещь работает, а мы и не знаем.

По поводу «Портрета Эйнштейна» Б. Ц. сказал, что надо посоветовать американцам обращаться непосредственно в Министерство культуры, поскольку есть возможность продавать такие вещи, которые не являются древностями, хоть и надо им уплатить большую пошлину. Но он посоветовал не называть скульптуру «Эйнштейн», а как-нибудь по-другому. Дима тут-же придумал: «Композиция № 1» на тему «Пространство». Толя тоже подал такую же идею: назвать просто «Декоративная скульптура». Дима знает, что по нашим расценкам декоративная скульптура любая стоит намного дешевле, чем портрет, но его это ни в коем случае не остановило бы, поскольку он готов отдать его даром, лишь бы дали

⁵¹³ Цукерман Борис Исаакович (1927–2002) – физик, инженер, один из лидеров правозащитного движения, один из инициаторов создания Комитета прав человека в СССР, автор самиздата, летом 1973 г. эмигрировал в Израиль. Именно он вывез из Советского Союза фотопленку с поэмой Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки» и передал ее для публикации в иерусалимский журнал «Ами». С.А. Ковалев вспомнил про Б.И. Цукермана такую историю: «Однажды знаменитый математик Гельфанд заметил: про Византию все современники знали, что это погибшее и сгнившее государство, но она просуществовала триста лет. Я передал эти слова другому математику – Борису Цукерману, и он сказал: что ж, триста лет меня вполне устраивают». (См.: Интервью С.А. Ковалева «Белая ворона» // <http://lib.rin.ru/doc/i/158781p1.html>).

⁵¹⁴ Гаек (Hájek) Иржи (1913–1993) – чехословацкий политический деятель, дипломат. В 1939 г. был арестован как член Социал-демократической партии и несколько лет провел в заключении. Член ЦК КПЧ в 1948–1969 гг. Посол в Великобритании в 1955–1958 гг., представитель ЧССР в ООН в 1962–1965 гг., министр образования в 1965–1968 гг., министр иностранных дел с апреля по сентябрь 1968 г. После вторжения советских войск в августе 1968 г. направил в Совет безопасности ООН официальный протест, в котором писал об «оккупации». Исключен из партии в 1970 г. Один из авторов «Хартии-77» вместе с В. Гавелом и Я. Паточкой.

отдать. Безднадежность этого дела очевидна, но мы пока что собираем и классифицируем в уме различные ходы и возможности.

Прочитала передовую статью в «Листы» от 7 ноября. Очень здорово.

Аня, беденькая, передний зуб сломала. Интересная девочка – то вроде умненькая, всё понимает, а то вдруг такая дурочка, сил нет.

6 декабря 1968 г.

Хорошо бы провели день, если бы не проклятые гости. Дима лепил, а я настирала целую кучу. Вечером навалились: Володя Бураковский с огромной компанией. Мы бы никогда не приняли всю эту шарагу, если бы не Лида, женщина, которой через несколько дней будут делать операцию на сердце. Она вырвалась на пару дней из больницы и очень просилась к нам. Она, кстати, и была самым симпатичным человеком во всей компании. У нее было полуистерическое состояние и ей всё время хотелось о чем-то говорить со мной и с Димой. Трое молодых людей из Костромы пришли с мужем Лиды. Пришли с большим количеством бутылок. Очень глупый молодой человек в золотом пенсне и две девицы поумнее. Одеты так роскошно, как могут одеваться только провинциалы. Уходя, молодой человек потихоньку унес недопитую бутылку коньяка. Ощущение преступно убитого времени крайне угнетает. Дима еле выдержал. С трудом мы от этих гостей избавились. Потом в гости пришла кошка через окно. Очень хорошенькая, как Брижит Бардо. И тут же вылез еж. Кошка всё время пыталась потрогать ежа лапой или носом, но вовремя останавливалась, ёж сердился и шипел. Кошка с удовольствием пошла ко мне на руки и громко захрапела. А когда к ежу лезла, все время на нас с Димой смотрела, ожидания одобрения и сочувствия. Я налила ежу борщ. Кошка, явно сытая, презрительно понюхала и ушла, а ежичек тут же прибежал и стал есть с огромным аппетитом. Кошка, наверно, чья-то, судя по довольной морде и упитанному телу. Слишком любопытная, побегала по полу, начала по полкам шуровать, а потом все скульптуры побьет, а потом к ней дружки придут, а потом она ежа станет обижать. Мы с Димой всё это обсудили и вышли на улицу вместе с ней. На улице моросило, и она была очень недовольна, выражая это голосом. Дима думает, что как только мы ушли, она снова в подвал залезла. Дима почему-то сразу эту кошку полюбил и хотел оставить навсегда, несмотря на все неудобства.

Дима придумал пьесу из жизни надувных людей, исходя из серии своих рисунков «Надувные люди».

7 декабря 1968 г.

Был у нас дирижер Кирилл Кондрашин со своей женой Ниной. Всё посмотрел, сказал, что Дима для него моральная поддержка, так как все почти вещи у Димы сделаны после инфаркта, а у Кондрашина совсем недавно был инфаркт. Потом Были Владик с Нелей. Разговаривали о Шаламове. Очень здорово пишет Шаламов, и сам он явно героический человек. Валька недавно встретила дочку Шаламова⁵¹⁵, с которой когда-то училась в школе. Та отцом недовольна за то,

⁵¹⁵ Шаламова (Янушевская) Елена Варламовна (1935–1990).

что он всё время пишет о лагерях. Она считает, что он спекулирует на этой теме. Во, говно, дочка!

Кирилл Кондрашин пригласил нас на концерт в консерваторию слушать Малера, где он дирижирует. Подарил нам свою пластинку, где он дирижирует пятой симфонией Шостаковича, с надписью.

8 декабря 1968 г.

У меня такое ощущение, что сегодня выходной, хотя все граждане сегодня работали и я тоже. Дима немного загрипповал, и я сбежала из школы пораньше. В комнате пахло очень сильно луком, это Дима его нюхал, спасаясь от насморка. В мастерскую не ходили, целый день жили расслабленно, слушали радио, читали. Я ухитрилась проспять часа три и теперь очень довольна.

По-моему, война неизбежна. Дай бог мне ошибиться. Американцы направляют свои корабли в Черное море. Китайцы хотят установить в Албании ракетную базу, чтобы нас пугать. А мы сидим в говне. Вчера Дима снова сказал, что нынешнее наше правительство обязательно будут судить.

Сегодня Дима говорил по телефону с Кондрашиным. Высказал свое огорчение, что из-за недомогания мы не сможем завтра прийти в консерваторию. Кондрашин снова говорил, как он рад, что пришел в подвал, и что еще хочет прийти.

9 декабря 1968 г.

Дима болеет, чихает как ненормальный. Нарисовал несколько черно-белых рисунков. Была у нас Инна. Инна сейчас много функционирует, несмотря на 20-градусный мороз. Завтра в мастерскую снова не пойдем.

10 декабря 1968 г.

Мороз больше 20 градусов, ночью обещают 30. Дима пока не выходит, насморк у него не прекращается. Завтра тоже думаем не выходить совсем, или только на несколько минут. Чем-то мы с ним отдыхаем от подвала. Я стараюсь поспать после работы, Дима крутит радио и слушает Баха и Моцарта.

Получили письмо от Анны Н. <Новаковой> из Праги. Она пишет, что хорошо, если бы советские писатели, особенно такие, как К. Чуковский и А. Твардовский, узнали бы об ответе чехословацких писателей на статью в «Литературной газете», смешивающей с грязью председателя чешского Союза писателей Эдуарда Голдштюкера, этот ответ нас, конечно, не был переведен.

Анна пишет, что в «Литерарных листах» № 6, кажется, 12 декабря должна, скорее всего, появиться фотография Диминого портрета А.И. Солженицына. Сегодня Солженицыну исполнилось 50 лет.

Звонил Юра Левитаныч из Переделкина. Всё ждет, что Дима сообщит по телефону какие-то сногшибательные новости. Звонила Клара, даже хотела заехать, но потом, видно, сильно устала и не приехала. Больше всего Клара хочет, чтобы Дима выздоровел, чтобы в субботу он мог принять целый кагал мальчиков-математиков, друзей ее дочки Леночки.

В. Сидур в мастерской (1968). Фото: Эдуард Гладков

Англичане прекрасно, достойно и доброжелательно, без всяких пустых фраз, по существу, ответили на нашу ноту, обвиняющую Великобританию в ухудшении отношений с СССР после вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию.

11 декабря 1968 г.

Дима чувствует себя плохо. Очень раздражен. Только я пришла с работы, сразу же мы слегка поругались. Дима начал сердиться на Эдика с Валькой. На Эдика за то, что он не дает почитать журнал и фантастическую книжку, которые Эдик принес в подвал, а потом Дима заболел и Эдик унес их домой обратно.

Эдик к нам приехал, привез из холодильника тресковые котлеты и конфеты. Пока Эдик был, Дима меньше стал сердиться. Еще он умилится, что Эдик переснимал «Праздник» в наше отсутствие. Еще он привез контрольки фотографий, где Дима снят с Кириллом Кондрашиным. Эдик с Валькой послали Солжу телеграмму, поздравили с пятидесятилетием. На почте им сказали, что что-то много людей ему посылают телеграммы. Дима передал для него журнал «Могучность» с подписью и устно кое-какие сведения.

Очень много по нашему радио разговоров о дружбе с Чехословакией. Явно чехословаки нас обхитрили. Реально ничего у них не изменилось после нашего вторжения, за исключением некоторых перемещений на местах. Очень как-то приятно, что наши обосрались. Может быть, вообще всё обойдется. А у нашего

правительства еще будет свой Нюрнбергский процесс. Дима всё время это предсказывает, а теперь, говорят, и Аркадий Белинков об этом написал в своем послании Союзу писателей⁵¹⁶.

12 декабря 1968 г.
Выходной у меня. Дима чувствует себя неважно. Правда, выходил из дома минут на 15. Я наконец отдала шить пальто. Вместе с Милой Гитберг ходили в ателье, я бы без Милы пропала. Она с закройщицей говорила на совершенно непонятном для меня портняжном языке. К соседке Гале понаехала целая толпа родственников. Как назло, когда мы дома – у нее народ. Скоро мы, очевидно, расстанемся. Толя Гитберг видел где-то в МОСХе запись: «Квартиру № 45 Сидура и Веселовской предоставить художнику Краснову⁵¹⁷ с семьей». Нам предстоит еще жить с художником Красновым с семьей до построения кооператива.

Дима нарисовал два прекрасных, на мой взгляд, рисунка из серии «Колыма». Мама моя была счастлива, что я отдала шить пальто.

13 декабря 1968 г.
Дима сегодня почти выздоровел. Я, когда пришла, увидела еще один замечательный рисунок, опять на тему о лагерях. Огромная, как монолит, фигура часового и два доходяги что-то волокут. На всё это Диму вдохновил Варлам Шаламов своими рассказами о Колыме.

Завтра Дима выйдет первый раз после болезни в мастерскую. На этот раз его болезнь оказалась на редкость плодотворной. Последние рисунки выглядят в каком-то совершенно новом качестве.

Дима позвонил своей школьной соученице Гале Мазиной, о которой я много слышала и читала о ней в Димином юношеском дневнике. Он не виделся с ней примерно тридцать лет. Она всегда жила в Днепропетровске и всего только два года, как перебралась в Москву. Дима был влюблен в нее в школе. Она врач, занимается кровью. Переехала в Москву, потому что выиграла какой-то там конкурс. Говорит с сильным украинским акцентом.

Есть предположения, что наши выведут к маю войска из Чехословакии. Если только это правда, это будет невероятный шаг. Очень хочется и очень трудно этому поверить. Чехословацкие рабочие грозят забастовкой, если будут притеснять Смрковского. К власти у них сейчас рвется некий Стругал⁵¹⁸, сталинист и подонок.

⁵¹⁶ Большое, очень сильное «Письмо в СП СССР» было написано А.В. Белинковым накануне отъезда из СССР, 20 июня 1968 г.: «Я возвращаю вам билет члена Союза писателей СССР, потому что считаю недостойным честного человека пребывание в организации, с собачьей преданностью служащей самому жесткому, бесчеловечному и беспощадному политическому режиму всех веков человеческой истории». По-видимому, именно это письмо, а не сам факт бегства писателя на Запад, возбудило органы госбезопасности и заставило их отслеживать всех его друзей и знакомых, в круг которых попал и В. Сидур. (См. записи от 17 и 19 октября 1968 г., а также 8 января 1969 г.).

⁵¹⁷ Краснов Никита Павлович (1897–1976) – живописец, график, плакатист. Заслуженный работник культуры РСФСР (1968).

⁵¹⁸ Штроугал (Štrougal) Любомир (р. 1924) – секретарь ЦК КПЧ в 1965–1968 гг., с апреля 1968 г. по январь 1969 г. заместитель председателя федерального правительства ЧССР и председа-

14 декабря 1968 г.

Выбрались в подвал. Дима ужасно совершенно себя чувствовал. Сердце болело так, что он мне сказал, будто бы у него в нем нарыв. Я тоже после работы пришла дохлая. Потом приехала моя мама, она только что где-то на Арбате отдала соболя делать мне воротник для пальто и была этим событием сильно возбуждена. Мама считает, что все кругом жулики и хотят друг дружку обмануть. А уж наши соболя вшивые, так обязательно хотят украсть. Потом пришла Клара. Вчера она все-таки уговорила Диму принять экскурсию ее дочки Леночки со своими друзьями. Клара была в грустном настроении. Много всяких неприятностей и одна из них та, что Корней не хотел Солжу послать телеграмму с поздравлением. Клара сказала, что он не хочет из страха и упрямства, так как все вокруг от него этого ждали. Еще потому, что он очень старый и без причины боится, например, что не выйдет его книга, которая переиздается уже в пятый раз. Дима же мне сказал, что он чувствует на расстоянии совсем другие причины нежелания Корнея посылать Солжу телеграмму с поздравлением. Во-первых, Корнею почти сто лет и ему обидно, что все тетки вокруг обожают Солжа. Он к нему ревнует и, может быть, даже сердится. Он думает: я за свою жизнь видал столько всяких знаменитостей, поэтому, подумаешь – Солж, молодой человек, хотя ему и стукнуло 50 лет. Корней назло сопротивлялся. Так считает Дима. А Клара сегодня все-таки поласковее с Корнеем обошлась и он написал Солжу письмо.

Дима вспомнил сегодня, как в рассказе у Шаламова, один зек пишет домой: «Кормят нас хорошо, одеты по сезону»⁵¹⁹. Дима, когда был в училище в Кушке, которое мало чем отличалось от концлагеря, тоже писал родителям: «Кормят хорошо, на третье – компот».

Была у нас Инна. Новостей у ней никаких нет. Написали Анне письмо. Очень хочется увидеть «Листы» № 6, посвященный целиком Солженищину. Позже пришли студенты. Дима так плохо себя чувствовал, что мы с Кларой вдвоем показывали картинки. Потом сели есть. Моя мама очень активно и невольно всех угощала, а также высказывалась, чем меня сильно раздражала.

В Чехословакии Цисарж, гонимый и ненавидимый нами, снова занял какой-то партийный пост. Чехословакия не сдается. Зато у нас жутко пропагандируется месяц советско-чехословацкой дружбы. Явно чем-то наши идут на уступки, хотя еще не известно, чем это кончится.

Мы тоже не послали Александру Исаевичу телеграмму с поздравлением, примерно по тем же причинам, какие Дима высказал по поводу Корнея. Дима вдруг обиделся, что Солженищину отказался посетить нашу мастерскую. Еще – что Дима подарил ему через Витю Гинзбурга книгу Мераса с прочувственной надписью, а Солж, скорее всего, даже ее не читал. А главное же – Дима очень недоволен его некоторыми высказываниями по поводу искусства, показываю-

тель Экономического совета. С ноября 1968 г. член Президиума ЦК КПЧ. С января 1970 г. по 1988 г. председатель правительства ЧССР. Исключен из партии в 1990 г. Очень сдержанно отнесся к введению советских войск. Правительство возглавил лишь с приходом на пост Первого секретаря ЦК Г. Гусака, взявшего курс на «нормализацию».

⁵¹⁹ Неточно цитируется заключительная фраза из рассказа «Сухим пайком» 1959 года.

щами глубокое непонимание Александра Исаевича в этих вопросах. Все равно – это человек прекрасный, очень большой, если не великий русский писатель. И Димин портрет пошел уже по всему миру. Портрет очень хороший. Дима сумел очень сильно проникнуться этим человеком менее чем за полчаса общения. Насчет телеграммы Дима сказал, что не хочет участвовать в потоке приветствий.

15 декабря 1968 г.

Дима прочел мои записи за несколько последних дней и сказал: «Ты очень по-женски трансформируешь мои слова. Я говорю четко и ясно, а у тебя ничего не поймешь, хотя смысл передан верно».

Целый день мы крутились, как проклятые. Пришли в мастерскую, где, не смотря на все открытые форточки, чем-то воняло. Димин чуткий нос учуял эту вонь еще вчера, но сегодня и я учуяла. Я даже сделала не всерьез предположение, что это пахнет недобитая еще месяц назад Димой мышь. Я оказалась более чем права. Дима отодвинул сейф, откуда несло особенно сильно, и остолбенел. Четыре мышиних трупа аккуратно лежали штабелем, одна на другой, и разлагались. Уволок их туда, конечно, еж, больше некому. Я поскорее убежала от этого зрелища в магазин, а Дима всё убрал и даже скоблил, поскольку эти проклятые мыши прилипли к полу. А ёж явно душит их из удовольствия, так как, по-моему, ни одной не сожрал.

Потом пришел Эдик. Я снова стала готовить жратву, а Дима с Эдиком убрали и вымыли маленькую комнату. Потом пришла Валька с подружкой.

В магазине встретила знакомую кошку. Она очень по-хозяйски себя вела. Меня не узнала. Пока я стояла в очереди за хлебом, я повесила сетку с треской и другими продуктами на край батареи. Кошка тут же подскочила к моей сетке и начала нагло прорываться к треске. Я попробовала ее отпихнуть, она довольно злобно стала отбиваться лапами. Я подумала: «Только приди теперь в наш подвал».

Когда все наконец ушли, Дима стал мне говорить, что Эдик не так радостно и с готовностью мыл пол. Что теперь трудно просить Эдика съездить в Алабино свезти продукты. Что у Эдика портится характер и что он не чувствует, что подвал – это своё, его тоже. А потом, когда были в метро, Дима сказал: «Ты правильно иногда про меня говоришь “псих ненормальный”».

Зинаида Ивановна и Абрам Яковлевич звонили сегодня из Алабина, оба они переболели гриппом.

16 декабря 1968 г.

Напряжение с Эдиком нарастает. Я совсем обалдевая пришла из школы, Дима еще не пришел, он был в редакции «Детской энциклопедии»⁵²⁰. Мы с Эдиком очень мило поговорили, покурили. Потом пришел Дима. Я завалилась поспать и Дима меня накрыл красным одеялом и пальто. А когда я проснулась, Дима сказал, что Эдик был в таком злом состоянии, что Дима даже рад, что он ушел. Явно Эдик чему-то сердится, потому что он Диме говорит, например,

⁵²⁰ В 1964–1969 гг. издательством «Просвещение» выпускалось второе издание «Детской энциклопедии».

такие слова, которые раньше никогда не говорил. Когда Дима ему напомнил, что надо по-новому снять «Эйнштейна», он ответил: «Конечно, теперь уж я не пойду у тебя на поводу». <...> Эдиньке скоро стукнет 30 лет и у него сильно меняется характер.

Потом Дима лепил и сделал много новых монотипий.

В «Известиях» напечатана статья, обруживающая Би-би-си⁵²¹ и особенно самого просоветского диктора – журналиста Анатолия Максимовича Гольдберга⁵²². Би-би-си ненавидима нашими гораздо больше, чем все остальные радиостанции, вещающие на русском языке. Наверно, поэтому нам эта радиостанция наиболее симпатична. Во всяком случае, она наиболее умная, острая и правдивая. А наши сволочи, погрязшие во лжи, крови и бандитизме, естественно, люто ненавидят Би-би-си.

Я почти уверена, что сажать наше МВД обязательно будет.

17 декабря 1968 г.

Сегодня Эдинька был совершенно в другом настроении. Он сам сделал фон и снимал «Эйнштейна» со всех сторон. Дима лепил. Пришел Алик с девицей-манекенщицей, пошло и ярко разодетой. Алик явно в нее влюблен, что свидетельствует о полном отсутствии у него вкуса и непонимания в женщинах. <...> Эдик был доволен, он эту девицу щелкал в разных позах и она была очень послушна и непроницаема.

Дима вырезал новую гравюру и до самой ночи ее печатал.

18 декабря 1968 г.

В школу к моим ребятам приехал Алик. Когда он их отпустил, ему вдруг захотелось нарисовать на доске прелестный образ своей вчерашней девицы. Этим он явно нарывался на какой-то разговор. Я, конечно, тут же высказала свое резко отрицательное к ней отношение. Я думала, что Алик больше огорчится. Он же сказал мне, что всё это сам знает, но решил поискать в ней всякие лучшие качества. Потом поехали в мастерскую, где Алик перекидал всю глину. Дима лепил, а потом очень деликатно сказал Алику про манекенщицу то же самое, что я. Мы втроем долго и с аппетитом ели. Алику ужасно не хотелось ехать на кружок в Дом милиции, где ему уже второй месяц не доплачивают зарплату, потом он себя пересилил и все-таки поехал. Дима начал делать монотипии. Я не

⁵²¹ В. Лядов, В. Розин. «Интеллидженс сервис и Би-би-си» // Известия. 1968. 16 декабря. «Хитроумный механизм деятельности английской разведки – Сикрет интеллидженс сервис – по ведению подрывных операций и психологической войны с использованием всех методов массовой информации Англии, и в первую очередь – Би-би-си. Скажем прямо, за 46 лет на берегах Темзы накопили немалый опыт идеологической диверсионной работы». Далее авторы перечисляют сотрудников Русской службы радиостанции – Гольдберга, Лейти, Ливена, Дмитриевич, Клаффа – и продолжают: «Это они являются прямыми соучастниками всех идеологических и прочих диверсионных акций, проводимых английской разведкой против Советского Союза и стран социализма».

⁵²² Гольдберг Анатолий Максимович (1910–1982) – журналист, основной редактор и ведущий Русской службы Би-би-си. Родился в Риге, в 1918 г. вместе с родителями уехал в Берлин, здесь закончил университет, в 1939 г. переехал в Англию. Полиглот, прекрасный эрудит, с 1942 г. работал на Русской службе Би-би-си, ее руководитель в 1953–1958 гг. Въезд в СССР ему был запрещен.

утерпела и выволокла ежа из его логова, очень захотелось его потискать. Он шипел на меня, шипел. Вчера в булочной снова общалась со знакомой кошкой.

Только я примостилась поспать, пришел какой-то человек, слегка выпивши. Это оказался архитектор Штутман⁵²³, очень жуликоватый на вид мужик. Навероятно хвалил памятник Варге. Он сам работает при таком ужасно деловом и пробивном скульпторе Рябичеве⁵²⁴, с которым Дима когда-то учился в Строгановке. Интересно очень смотрел вещи этот архитектор. Вроде бы и не смотрит, только зыркает хорошо своими острыми глазками. Предложил Диме оформить траурный зал в Институте морфологии. Диме эта идея понравилась.

Би-би-си почти свободно прорывается через глушение, информацию мы, можно сказать, имеем исчерпывающую. Они говорили о трех новых федеральных правительствах в Чехословакии⁵²⁵, о Йозефе Смарковском, которого наши очень хотели бы снять с поста председателя Национального собрания, но ничего у них не выходит⁵²⁶.

Есть слухи, что все телеграммы с поздравлением по поводу пятидесятилетия дошли до Александра Исаевича.

19 декабря 1968 г.
 Сначала убрали, потом весь вечер были в мастерской одни. Дима всё лепит эту несчастную копию «Моющей ногу». В «Листах» опубликовали Димин портрет Солженицына. Он уже дошел в Москву, но мы пока еще его не видели. В двенадцать ночи приехали Толя с Милой, взяли у Димы фотографии, чтобы показать «Эйнштейна» начальству из Министерства внешней торговли через своего делового приятеля, который однажды нас посетил. В третьем часу ночи Толя привез нас домой. Он сказал, что Эрнст имеет какую-то чековую книжку и имеет заказ на 800 тысяч рублей, я не поняла – старыми или новыми⁵²⁷. Опять же журнал «Советский Союз», который не для советских людей, а для иностранцев, очень часто его публикует.

Написали маленькое письмо Юнне и Леве.

⁵²³ Штутман Леонид Исаакович (р. 1926) – архитектор. Вместе с В. Сидуром выполнил ряд проектов, среди которых: декоративные стенки перед Институтом морфологии человека («Структура № 1», 1976 г.) и Институтом геохимии Земли («Структура № 2», 1981 г.) в Москве, металлическая скульптурная композиция «Фанфары победы» перед южной трибуной московского стадиона «Динамо» (1980) и несколько надгробий. Л.И. Штутман является также автором мемориальных досок (например, А.Д. Сахарову и И.Е. Тамму на здании ФИАН в Москве).

⁵²⁴ Рябичев Даниил (Дмитрий) Борисович (1926–1995) – скульптор. Автор многочисленных памятников и монументов, установленных в СССР и за рубежом. Участник Великой Отечественной войны. Лауреат Государственной премии СССР. Лауреат Международной премии ЮНЕСКО. Народный художник РСФСР.

⁵²⁵ Имеются в виду три правительства ЧССР после принятия новой Конституции страны 11 июля 1960 г.: под председательством Вильяма Широкого (1960–1963), Йозефа Ленарта (1963–1968) и Олдржиха Черника (апрель–декабрь 1968).

⁵²⁶ Национальное Собрание ЧССР – высший законодательный орган Чехословакии. Было образовано после вступления в силу Конституции 11 июля 1960 г. Распущено 31 декабря 1968 г. в связи с Конституционным законом. Йозеф Смарковский занимал пост председателя с 18 апреля 1968 г.

⁵²⁷ 1 января 1961 г. была проведена денежная реформа, десять «старых» рублей стали равняться одному «новому». После этого еще долго многие люди переводили цены из «новых» в «старые», из-за чего возникали огромные суммы.

Рисунок В. Сидура (1968)

20 декабря 1968 г.

Увидели мы наконец «Листы». Целая страница и половина предыдущей посвящены Александру Исаевичу. Димин портрет Солженицына напечатан посередине. Очень бледный отпечаток. У нас тогда еще не было еще лучшей фотографии, и мы отдали то, что было.

Александр Исаевич сейчас в Москве, он уже получил журнал «Могучность» и вроде бы даже собирается написать Диме письмо, во всяком случае, справляясь об его отчестве.

Были у нас Клара и Инна. Весь вечер очень уютно посидели вчетвером. В итоге Клара рассказала пару дурацких, но очень смешных анекдотов.

Я вспомнила, как Дима недавно сказал про Солженицына: «Он удивительно счастливый человек. Почти всё, что он написал, уже переправлено и опубликовано за границей. Он вне власти. Ему можно оторвать голову, но ведь для художника это неважно. А я во власти. Я сижу как курица на своих работах и думаю, что в любой момент могут прийти, всё побить, уничтожить, отобрать. В этом смысле я ему немножко завидую».

Очень мне понравилась повесть Амлинского⁵²⁸ в «Юности» № 12 – «Жизнь Эрнста Шаталова». Очень страшно, но здорово. Способный парень, Амлинский.

Судя по чехословацкой печати, никакой там цензуры реально не существует.

21 декабря 1968 г.

Жутко я сегодня устала. Приехала возбужденная моя мама с уже сделанным воротником. Воротник какой-то неинтересный. Может быть, сошьется, будет лучше.

Потом приехал Алик с нашим проигрывателем, который он ездил обменивать в магазин. Проигрыватель не поменяли, поскольку он очень хорошо работает и нисколько не тянет. Что-то с ним случилось странное. Алик немного перелопатил глину и поехал в ВТО на американский фильм. Мама тоже уехала, так как гостей не было, а с нами ей было скучновато. Мы еще сходили с Димой в магазин. Завтра, может быть, Эдинька съездит в Алабино, отвезет старичкам продукты. Мы примерно собрали продуктов 12 кг. Абрам Яковлевич и Зинаида Ивановна звонили сегодня Диме. Мы туда поедem, очевидно, в мои каникулы.

Дима долго-долго лепил и нарезал бумагу для монотипий. Тихо у нас было и очень хорошо. Мы слушали прекрасную музыку: Шопена, Баха, Бетховена и под конец пятую симфонию Шостаковича, пластинку, подаренную Кириллом Кондрашиним.

22 декабря 1968 г.

Дима сегодня работал как проклятый. Почти кончил «Моющую ногу». Наконец он ей доволен и работает с удовольствием. Потом до неизнеможения печатал монотипии. Эдинька съездил в Алабино, отвез продукты и вернулся в

⁵²⁸ Амлинский Владимир Ильич (1935–1989) – прозаик, сценарист, журналист. Печатался с 1958 г. Автор и член редколлегии «Юности». Член правления СП СССР (с 1976). За повесть о молодежи «Жизнь Эрнста Шаталова» получил премию Ленинского комсомола (1980).

сдьмом часу. Говорит, что Зинаида Ивановна и Абрам Яковлевич очень прилично выглядят. Пришел Олег с Мариной, снимал «Эйнштейна» со всех сторон. Пришел Алик, очень чем-то довольный, от этого нагловатый. Дима тут же его осадил, послал мыть руки, когда Алик без спросу стал жрать и особенно хватать хлеб грязными руками. Валька тоже пришла. Они, видно, с Эдиком поссо-рились на почве переклеивания обоев в своей квартире, и Валька пришла м-риться.

Ёж снова разбух и очень шипит и хрюкает, когда к нему приближаешься.

Американские космонавты летят к Луне. Мне в этот раз очень приятно, что они нас обогнали. Немножко собьют спесь. Так отвратительно, когда советские космонавты из космоса благодарят партию и правительство за заботу. Какой-то наш космонавт улетел при Никите, вернулся при Брежневе. Из космоса благодарил одного вождя: «Спасибо нашей родной партии и лично Никите Сергеевичу Хрущеву...», а на Земле рапортовал новому фюреру так же преданно⁵²⁹. Дима очень волнуется за американцев, как бы они не погибли. Он считает, что сейчас проходит первый настоящий космический полет.

До того наши гады глушат плотно, ничего сегодня по радио не слышали.

23 декабря 1968 г.

Я купила себе в первый раз в жизни красивые туфли. Теперь на Новый год мы с Димой можем очень прилично обрядиться, если понадобится. Дима второй день печатает монотипии как оглашенный. Дышит масляным разбавителем и с головы до ног перемазан краской. Сегодня он ходил к плотникам за стеклом⁵³⁰, тащил это стекло, запыхался, на целый день сделалось нехорошо, а после еще порезался, что сильно мешало печатать монотипии. Эдик был в пре-красном настроении, Вальку называл по телефону «киска».

Сегодня глушат тоже, но информация все-таки пробивается. Гусак в Чехо-ловакии требует, чтобы председателем Национального собрания был словак, вместо Смирковского. Жуткое дерьмо, этот Гусак. Американцы летят. У одного бедняги желудочный грипп. Дай им бог благополучно возвратиться на нашу беспокойную Землю.

Я немного успела покемарить, а совсем поздно, в одиннадцатом часу мы по-ехали к Кларе. Она передала нам записку от Александра Исаевича. Он написал Диме несколько слов на письме в редакцию «Литературной газеты». Он написал:

«Многоуважаемый Вадим Абрамович!

Благодарю за внимание, за портрет (хотя, как Вы знаете, манеру изображения мне принять трудно). Мои добрые пожелания Вашей супруге и Вам.

Александр Солженицын

20.12.68».

⁵²⁹ 12 октября 1964 г. был запущен космический корабль «Восход-1» с тремя космонавтами. Первый секретарь ЦК партии Н.С. Хрущев разговаривал с ними по телефону. Полет длился ровно сутки, космонавты возвратились на Землю 13 октября. А 14 октября состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором Н.С. Хрущев был снят со всех своих постов. Торжественная встреча космонавтов в Москве проходила уже под руководством нового первого секретаря ЦК – Л.И. Брежнева.

⁵³⁰ Работая над монотипиями, В. Сидур для последующего отпечатка наносил краску на стекло.

Письмо в редакцию следующее. Копия: журнал «Новый мир».

«Я знаю, что Ваша газета не напечатает единой моей строки, не придав ей исказительного или порочного смысла. Но у меня нет другого выхода ответить моим многочисленным поздравлениям иначе, как посредством Вас:

“Читателей и писателей, приславших поздравления и пожелания к моему 50-летию, я с волнением благодарю. Я обещаю им никогда не изменить истине. Моя единственная мечта – оказаться достойным надежд читающей России.

Солженицын

Рязань, 12 декабря 1968 г.”».

Александру Исаевичу манера, в которой нарисован портрет, кажется, очевидно, слишком формалистической, а нам с Димой она кажется чуть ли не натуралистической. Как всё относительно!

Мы приехали от Клары в первом часу ночи, и я долго примеряла свои новые туфли и другое барахло. Всё никак не могла уgomониться.

24 декабря 1968 г.

Дима целый день жалуется на сердце. Он даже сказал: «Мне всё больше кажется, что всё как на фронте. Цепь идет в атаку и по одному из нее выбивают, а остальные идут дальше и им некогда даже вспоминать о тех, кто упал».

Что-то крутились, колготились целый день. Дима рисовал, Эдик снимал, я спала, потом ходила в магазин, котлеты рыбные жарила, убирала. Никого из чужих не было.

Американцы летят пока успешно. Наши глушат так, как будто подышают от ненависти. Хотелось бы дожить до того момента, когда они за всё ответят.

Бертран Рассел⁵³¹ и 60 других ученых на Западе хотят созвать конференцию по поводу оккупации Чехословакии. Канада передала, что Солженицын у них сейчас бестселлер.

25 декабря 1968 г.

Дима целый день лежит, чувствует себя отвратительно. Болит сердце и вся левая сторона. Хотим попросить Гдаля помочь или чтобы он к нам прислал машину, чтобы снять кардиограмму, или чтобы мы к нему в институт поехали завтра на такси. Целый день ему звоним, а его нет дома. Уже первый час ночи, а он, наверно, где-нибудь пьет. Гдаль позвонил в час ночи «выпимши». Сказал, что приедет завтра утром и пришлет аппарат для кардиограммы. Сказал нетвердым языком: «Профилактика – мать советской медицины».

26 декабря 1968 г.

Гдаль приехал к нам вместе с медсестрой, сделали кардиограмму. Гдаль сказал, что она вполне приличная, но давление повышенное и прыгающее, это

⁵³¹ Рассел (Russell) Бертран (1872–1970) – британский математик, философ, публицист, общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1950 года. Один из инициаторов Пагуошского движения ученых за предотвращение термоядерной войны (1955), основатель и почетный президент «Международного трибунала по военным преступлениям» во Вьетнаме (1967) и т. п.

нехорошо. Вообще, Дима сегодня намного лучше себя чувствует. Гдаль сказал, что ему нужно лежать, но неприковано, и что через два дня ему будет лучше. Гдаль – очень хороший человек. Не пожалел своего времени, приехал, Димку и меня успокоил, привез какие-то лекарства. И всегда он так делает.

Я сварила грибной суп, потом поехала на примерку своего пальто. Мы были с Милой Гитберг. Мила рассказала, какие у них сложности с Иришкой. Иришка от своей болезни доходит и вымещает свои несчастья на Толе.

Потом я поехала в школу на новогодний вечер, хотя у меня сегодня выходной день. Ребята мне ужасно понравились – красивые, нарядные и очень милые.

Приехала домой, смотрю – Валька с Эдиком. Валька бледная, еле дышает, Эдинька, как всегда, розовый. Дима лежит веселый. Всё в порядке, всё спокойно. Скоро Новый год.

27 декабря 1968 г.

Американские космонавты благополучно вернулись, а главное – с поразительной точностью. Помолвились в космосе Богу, чтобы люди на Земле жили в мире. Наше радио, хоть и сдержанно, но все-таки сообщило и о полете, и о возвращении. Зато иностранные радиопередачи глушат с невероятной озверелостью. Ужасно делается стыдно за свою страну. Так это выглядит мелко, злобно, очень трусливо, а главное – недостойно великой державы. Все равно мы всё услышали и в курсе всех событий.

Чувствует себя Дима совсем хорошо, почти совсем хорошо. Может быть, завтра уже выйдет. Идолище поганое явно недоволено, что Дима чувствует себя лучше и бросает косые, ненавистные взгляды. Написали сегодня кучу поздравительных писем.

28 декабря 1968 г.

Были дома, слушали радио. Дима нарисовал два цветных рисунка. Один – очень красивый. То ли глушат меньше, то ли лучше идут волны, но слышно было сегодня почти всех. У нас в Ленинграде на новом судебном процессе по делу против политики СССР в Чехословакии осуждены на несколько лет лагерей пять человек. Канада сообщила, что возобновляет с нами всякие торговые и прочие взаимоотношения, прерванные из-за Чехословакии. Би-би-си сообщает уже не в первый раз, что советским людям не следует в своих к ним письмах писать адрес, имя и фамилию, поскольку в связи с нападками в советской прессе на Би-би-си и обвинениями их в шпионаже, советским людям это может сильно повредить, навлечь всякие репрессии.

Брежнев в своей речи много уделил места искусству⁵³². Очевидно, они его решили по сильнее удавить. Американские космонавты чувствуют себя отлично,

⁵³² Имеется в виду речь Л.И. Брежнева в Минске на торжественном заседании ЦК КП Белоруссии и Верховного Совета БССР, посвященном 50-летию образования БССР и КП Белоруссии. «Построив социализм, советский народ создал и подлинно социалистическое многонациональное искусство. <...> Лучшие произведения советской литературы, советской живописи, советского кино, советской музыки проникнуты большой жизненной правдой, героикой великих дел и уст-

они высказали пожелание, чтобы одним из космонавтов в их полете на Луну в будущем году был бы советский человек. Наши сдохнут, но никогда на это не согласятся.

Дима сегодня ходил на рынок, купил там мяса и творогу. Родители Димины прислали письмо, благодарят за продукты и, судя по тону письма, чувствуют себя неплохо.

29 декабря 1968 г., воскресенье.

Приехала мама. Сначала я с ней поругалась, потом помирились. Дима рисовал почти полностью три больших рисунка. Окончательно убедились, что наша соседка Галочка должна в скором времени провалиться на новую квартиру, а нам поделят художника Краснова с семьей. Мы где-то в душе имеем тайную надежду, что художник Краснов не захочет вваливаться в Идолищины комнаты, пока наш кооператив не отстроится и мы с Димой тоже не удалимся, а тогда уж он влезет сразу во всё жилье сразу и сделает капитальный ремонт. Эта надежда настолько слаба, что Дима в нее почти не верит и уже заранее нервничает. У Идолища при всех недостатках было одно достоинство – мы ее редко видели.

Завтра я иду на работу последний день перед каникулами. А потом до 12 января смогу отдохнуть. Вечером пошли с Димой провожать маму до метро. «На улице дождик и слякоть бульварная...»⁵³³ и еще ветер, очень противно.

30 декабря 1968 г.

Полдня просидела в школе на педсовете. Потом поехала в ателье с Милой и нарядилась в свое новое зимнее пальто. Очень симпатичное и скромное, без всяких фиглей-миглей. Мила испросила у Толи по телефону разрешения купить себе кацавеечку-безрукавку на меху. Я увязалась вместе с Милой и купила себе такую же без Диминого разрешения, благо получила зарплату. Кацавеечка симпатичная, замшевая. Размер был небольшой, нам с Милкой чуть тесноваты, но мы все-таки купили.

Димке пальто понравилось. А за кацавеечку он вначале начал ворчать, что она мне мала, затем натянул ее на себя, и я с ужасом убедилась, что Дима нисколько не толще меня, только в плечах шире. Димочка переставил мне на ней пуговицы, и она стала мне как раз, а Мила обещала надвязать к ней рукава – и к моей, и к своей, и тогда у нас будут шикарные замшевые куртки. Я что-то совсем стала барахольщица, понравилось мне шмотки приобретать.

Дима целый день звонил по телефону кому только можно и поздравлял с Новым годом, и рисовал. Нарисовал такую бабу невероятную, что она его самого

ремлений нашего народа, благородством и гуманизмом, свойственным нашему общественному строю». («Правда». 1968. 29 декабря).

⁵³³ Начальные слова народной песни:

*На улице дождь и слякоть бульварная,
Холодными иглами всю душу гнетет.
В бельенких туфельках девчонка печальная
Словно шальная по лужам бредет...*

всё время возбуждает. В мастерскую мы не пошли сегодня, как-то сил не было. Завалились на кровать и долго возлежали, пока не хлопнуло дверью возвратившееся домой Идолище. Ее портрет с папилютками приколот на стенке рядом с другими шедеврами. Дима хочет сделать ее большой цветной портрет. Я предлагаю назвать его «Памятник погибшим от соседей». Я уже грущу оттого, что мои каникулы кончатся через две недели и я снова начну с нетерпением ждать 23 марта – весенних каникул. Дима рисует целый день, чувствует себя ничего, хотя чихает, я тоже чихаю.

Израиль угробил 13 гражданских самолетов в Бейруте, за то, что арабы-террористы напали на израильский самолет в Афинах, убили одного человека и несколько ранили⁵³⁴. Дима считает, что они поступают правильно, так как общественное мнение, их осудившее за подобный сильный контрудар, никогда не выступало в защиту евреев, ни сейчас, ни во времена Гитлера. Поэтому Израиль может рассчитывать только на свою силу. А что такое мировое общественное мнение – всем известно. Вон наши – захватили целую страну Чехословакию, и общественное мнение потарахтело немножко и заткнулось. А сейчас всё это скушали и восстанавливают с нами отношения и возобновляют торговые договоры, как будто ничего не случилось. А Израиль может надеяться только на себя. Они предупреждали, что возмездие неизбежно за подобные действия против пассажирских самолетов, и сдержали свое слово.

Завтра выберемся в мастерскую, если всё будет в порядке. Обещают похолодание.

31 декабря 1968 г.

Было тепло. Дима с утра до самого конца был в очень веселом настроении. Мы не знали, где будем встречать Новый год, и собирались из мастерской тихо, мирно вернуться домой после двенадцати. Моя мама после долгих мучений и колебаний решила приехать к нам в подвал, а потом тоже вернуться домой и лечь спать.

Позвонил Бранко, сказал, что после театра заедет к нам поздравить. Мы с Димой нарядились и были невероятно красивые. Дима был похож на миллионера, а я на соблазнительную дамочку. В подвале нас ждал голодный еж. Потом я сбегала в магазин. Пришли Валька с Эдиком ненадолго, потому что они каждый Новый год встречают у одних и тех же людей, родителей Валиной подруги. Так интересно, собственные дети у этой семьи празднуют где-то в другом месте. Моя мама пекла для нас пироги, готовила селедку, редиску и еще что-то, и очень сильно устала. В итоге решила не приезжать, а повидаться с нами уже завтра, в Новом году. Мы с Димой даже немножко обрадовались, потому что, пока я хо-

⁵³⁴ Имеется в виду хорошо спланированный рейд израильского спецназа на аэропорт Бейрута 28 декабря 1968 г., когда на земле в течение получаса были взорваны 13 самолетов – половина всего гражданского флота Ливана. Рейд явился ответом на захват боевиками Народного фронта освобождения Палестины израильского гражданского самолета, летевшего из Рима в Тель-Авив 22 июля 1968 г., и обстрел ими другого израильского самолета в международном аэропорту Афин 26 декабря 1968 г. Действия Израиля были осуждены Советом безопасности ООН, ряд государств ввел против Израиля санкции.

дила в магазин, Дима по телефону успел договориться с Юлей Добровольской и Семеном Ганионским, что мы приедем к ним, потому что они сразу же нас пригласили к себе.

Эдик нас пофотографировал в полном параде, Димке очень не хватало золотой цепочки на животе. Валька тоже с нами фотографировалась и с Димой отдельно. Валька с Эдиком ушли, а мы стали ждать Бранко. Я начала нервничать, что он все не едет, а нам уже пора было ехать к Ганионскому. Мне было немножко грустно, уже в который раз в этот день, а Димке всё время было весело. Но вот и Бранко приехал со своей женой Радмилой. Они даже не разделились, потому что спешили к себе домой, где их уже ждали свои гости. Бранко сказал: «Пусть Новый год будет не таким плохим, как старый». Мы расцеловались, подарили друг другу подарки. Дима подарил окантованную как раз недавно моно-типию, а Бранко подарил нам коробку с тремя бутылками югославского вина. Бранко предложил завезти нас к друзьям, но они сами должны были ехать совсем в другую сторону, и мы с Димой отказались, поехали на троллейбусе. Семен и Юля живут на улице Горького. Разукрасили улицу сильно, но света все равно недостаточно, темно. На всех деревьях повесили разноцветные лампочки, чтобы они были похожи на елки, всякие звезды, снежинки. Симпатично выглядело. Было совсем не холодно. Для Юли и Семена мы захватили маленькую бутылочку чешской «Бехеровки» и гравюру на зеленом фоне, где, если приглядеться, можно узнать меня и Диму. У них были гости: супруги из «Литературной газеты», дочка Семена от первого брака с мужем и студентка из ИМО, которая играет на банджо и поет. Дочка Семена – очень интересная на вид. Тонкая, с маленькой черной головкой, вылитая Семен на лицо, с тонкими руками, похожа на ацтека, и даже говорит, как папа, даже тембр голоса у них одинаковый. Первый раз вижу такое поразительное сходство у родственников разного пола. Люди из «Литературной газеты» сказали, что письма от Солженицына не было к ним, что это анекдот. Мы с трудом убедили их, что это не анекдот, а правда, и что мы имеем это письмо.

Юля сказала, что Гоффредо Паризе прислал ей очень мрачное письмо после того, как он побывал в СССР. Ему не стало легче и приятнее жить на свете, на что он надеялся, испытывая к нашей стране большие симпатии.

Мы вышли на улицу после четырех часов ночи. Было очень много людей, как днем. Мягкая погода, грубо орут песни, на редкость бездарные, пошлые песни. Много пьяноватых раздетых людей бегают посреди улицы, чуть не попадая под машины. Мы потихоньку дошли до Маяковской, а там неожиданно поймали такси. Шофер был очень вежлив, поздравил с Новым годом. Для шофера – это редкость. Мы дали ему рубль вместо сорока копеек по счетчику. Он был доволен. Дома жуткий бардак – как мы ушли, переодеваясь, и всё бросили, так всё и осталось.

Вот и кончился год. Еще год жизни ушел. Год был плохой, високосный, солнечная активность, Чехословакия. У меня есть детская надежда, что следующий год, 1969-й, будет лучше.

1969

1 января 1969 г., среда.

Кончился 1968 год. Год смутный, сумасшедший, нехороший. Дима встретил Новый год неплохим самочувствием и веселым настроением, а днем сделалось худо. Я с трудом заставила его заткнуть уши затычками и поспать. Он с кошмарами и с частыми просыпаниями проспал ровно час, но зато встал другим человеком. В мастерскую мы решили не ехать. Целый день с небольшими перерывами шел снег, и Димкино состояние каждый раз остро на него реагировало. Я всё время радуюсь, что ни завтра, ни послезавтра не нужно идти на работу, боже, какое счастье! Отдохну душой и телом. Было много телефонных звонков. Позвонил Булат Окуджава, поздравил с Новым годом, сказал, что они с женой были в ЦДЛ и там было очень скучно. Витечка Шейнберг оправдывался, что не позвонил нам раньше и не пригласил к себе праздновать. Чудак, мы рады были до смерти, что к ним не попали, нам к ним не хотелось. Позвонил Лева Тоом, поблагодарил за открыточку, которую Дима нарисовал. Юнна еще в больнице, но ей вроде бы легче. Юлику Дунскому сейчас тоже легче, а на днях он чуть не умер. Витя Гинзбург пригласил к себе сегодня, но Дима попросил перенести наш визит на завтра, поскольку очень уж сегодня было паршиво. Я никак не могу забыть индейку на столе у Ганионских и жалею, что мало съела. Велта Пliche объявилась после долгого молчания. Алик Киселев тоже позвонил. Моя мама до двух часов ночи смотрела телевизор и сегодня у нее целый день болит голова, завтра заедет к нам. Валька с Эдиком принимают своих родителей. Юра Левитанский прислал поздравление из Переделкина. Чехословакия борется за Смирковского.

Итак, что же было хорошего в 1968 году:

1. Расстались с Лемпортом, Силицом, со всей их шушерой в лице Анапольского, Соколова, блядей и т. д. Остались одни в мастерской.
2. Пересадка сердца Блайбергу.
3. Полет трех американцев к Луне.

Что было нехорошего в 1968 году:

1. Солнечная активность, отнявшая последние мозги у нашего правительства и ЦК.
2. Оккупация Чехословакии и развал коммунистической системы.
3. Политические судебные процессы в нашей стране и возврат к сталинизму.
4. Убийство Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга в Америке.
5. Глушение иностранных радиопередач в нашей стране.
6. Димино неудачное лечение зубов, сильно подорвавшее его здоровье.

2 января 1969 г., четверг.

Я думала, что мы сегодня из дома не выберемся. Дима чувствовал себя так отвратительно, таким слабым, что не мог шевельнуть рукой. Пошел в ванную умываться и сел там на стул от слабости. На него напала странная сонливость, что ему, в общем, совершенно несвойственно, тем более он не может спать днем. Сегодня проспал больше двух часов. Мы были уверены, что выйти из дома не удастся, но позвонил Витя Гинзбург и сказал, что хорошо, если бы мы приехали, или хотя бы я отвезла ему все бумажки, чтобы он смог написать Демичеву письмо по поводу «Портрета Эйнштейна». Мы кое-как собрались и выползли из квартиры. Погода переменялась очень резко – ветер, холодно, может быть, поэтому Диме так плохо. Нам повезло с такси, поймали очень быстро. У Вити с Ниной, как всегда, было приятно. Нина в новом прекрасном платье, ею самой связанном. Диме у них сделалось лучше, он отошел, повеселел, много говорил. Витя с Ниной всегда слушают с большим интересом. Я пила с Ниной джин с апельсиновым соком, Витя выпил водки, а Димка не пил ни капли. Он выпил немного на Новый год и до сих пор жалеет. Витя хочет уже завтра подготовить письмо Демичеву, чтобы поскорее отправить, мы и так много потеряли времени. Сейчас ходят упорные слухи, что наши изо всех сил заигрывают с американцами. Я все равно глубоко уверена, что если не удастся избежать Союза художников, а именно Белашову и всю шайку, то дело гиблое, поскольку Белашова, старая маразматичка, уже неоднократно заявляла: «Сидур делает из людей железки». Обойти же ее практически невозможно, значит, ни фи́га не выйдет. Конечно, есть еще один путь, путь Эрнста, а потом и Лемпорта, Силиса. Можно везде ездить и сделаться миллионером, как Эрнст. Однажды к нам пришел молодой человек, который после многих последующих посещений сказал: «Вадим, я очень хорошо и близко знаком с Трояновским¹, он – правая рука Косыгина. Если вы не возражаете, я поговорю с ним о вас и вы будете ездить (тогда речь шла о Чехословакии) и всё у вас будет хорошо». Дима ответил ему: «Пожалуйста, поговорите, но только скажите ему, что я родине могу служить своим искусством и больше ничем». Молодой человек сказал: «Понятно» и после этого разговора у нас больше ни разу не появлялся. Итак, Дима решил, что он, как Владимир Ильич, пойдет другим путем, больше соответствующим его здоровью и наклонностям.

Я прочитала Димин дневник 1944 года. Я и не знала, что у него столько дневников. Это совершенно отличный дневник. Ему было тогда 20 лет, он учился в Сталинабадском мединституте, мучился от своей израненной челюсти и от желания полюбить девушку или уж хотя бы обладать ею. Еще не кончилась война. Кроме того, Дима поразил меня очень умными рассуждениями, а главное – бесчисленными грамматическими ошибками. Из этого я делаю вывод, что до войны хуже учили в школах русскому языку, да еще на Украине.

Юлику Дунскому гораздо лучше.

¹Трояновский Олег Александрович (1919–2003) – дипломат. В 1950-х гг. помощник министра иностранных дел СССР. В 1967–1976 гг. чрезвычайный и полномочный посол в Японии, в 1976–1986 гг. постоянный представитель СССР при ООН, в 1986–1990 гг. посол СССР в КНР.

3 января 1969 г., пятница.

Сегодня Диме было гораздо лучше, хотя после сна он был очень смурной и что-то ворчал. А я очень много успела: сходить на рынок, сварить, прибрать и, главное, не перестаю радоваться, что мне не нужно ходить на работу и вставать в семь часов утра в такой мороз. Дима явно приходит в себя, так как несмотря на боль, переместившуюся куда-то в правую сторону груди, ему уже хочется рисовать и вообще, функционировать, а у него это первый признак улучшения самочувствия. Снова звонил Булат Окуджава, предлагал поехать вместе к одной женщине, только что вернувшейся из Дании, и желающей нам что-то рассказывать и показывать. Мы с Димкой не поехали.

Вечером к нам в гости приехал Владик. Замерз по дороге, у нас здесь особенно холодно, на «Динамо». Владик говорит, что было очень скользко идти через стадион, и он со своей палкой чуть было не упал. Поскольку Владик был без машины, мы с ним выпили водки. В двенадцать ночи он еле ушел от нас – так мы заговорились, еле расстались. Владик рассказал, как его исключали из Литинститута и он спал у Нели в женском общежитии и покрывался ее бархатной шубой, подбитой лезущим кроликом. Однажды он в этой шубе и с усами пробирался в туалет и тут его застучала комендантша. А Димка очень весело рассказывал, как ему делали операцию на челюсти, он захлебывался кровью, пытался приподняться, чтобы слить кровь, поскольку глотать он не мог, потому что горло от наркоза задеревенело, и хирург своей здоровенной ладонью ударял его по лицу и Димины голова откатывалась назад, а хирург продолжал заговаривать ему зубы. Дима показал Владиду рисунки, которые сделал после чтения Шаламова. Этот цикл рисунков он назвал «Доблестный и тяжелый труд советских чекистов».

Соседка никак нас не покинет, в ее новой квартире идет ремонт, а она жмет деньги на всякие попутные расходы и поэтому пока живет с нами.

4 января 1969 г., суббота.

Дима поправляется. Только кончились физические (почти кончились), начались муки моральные. Он уже страдает из-за Владиковой книжки и говорит, что никогда не сможет ее сделать. Я полдня стирала. Потом приехала моя мама, сказала, что мое белье недостаточно чистое. Она брезгливо говорила «серое», чем убедила меня постирать еще раз, после чего оно осталось такое же, как было. Мама образно рассказывала про внушек, потом про моих родственников-музыкантов, артистов, и всё подбивала нас с Димой сойтись поближе с этими родственниками. Эти астраханские родственники живут сейчас временно в гостинице «Будапешт», поскольку их приняли в московский мюзик-холл – мой двоюродный брат Вовка² и его жена, «молодая татарская певица» Галия Семе-

² Семенов Владимир Константинович (р. 1937) – гитарист, композитор. С середины 1950-х гг. играл в астраханском ансамбле песни и пляски «Моряна». Затем работал в разных филармониях – в Хабаровске, Туле, Астрахани, Саратове. С 1968 г. в Москве. В 1970-х гг. выступал в ансамблях «Коробейники», «Синяя птица», сотрудничал с группой «Цветы». Автор нескольких советских эстрадных песен.

нова³. Я только знаю, что они беспардонные, нахальные, и познакомиться с ними можно только на свою голову. Поэтому мы с мамой решительно не согласились в том, чтобы сходить с ними поближе.

Дима одну особенно нежную и удачно нарисованную голую девицу повесил у себя над кроватью и ходит любуется. Она почему-то особенно его радует, хотя совсем безыдейное произведение. Наша соседка Идолище гадит на кухне также, как Лемпорт, Силис гадили в мастерской перед нашим расставанием. Приятно оставить по себе добрую память. Нас мучает вопрос: вселятся после нее люди, пока мы не переедем, или не вселятся? Так уж нам хочется, чтобы не вселились.

В Чехословакии опять паршиво. На этот раз чехи сами продают Смрковского. Один старикан у них остался настоящий, они его скинут. Наших там целых две делегации. Во главе одной – недавно выбившийся гнида из Горького, некто Катушев⁴. Я на расстоянии чувствую, какая это сволочь.

5 января 1969 г., воскресенье.

Снова целый день были дома, чем огорчали соседку. Дима начал думать впритык над Владиковой книжкой и сделал к ней несколько эскизов. Чувствовал он себя гораздо лучше. Смрковский выступил по радио и телевидению и попросил, чтобы за него не выступали, так как он подчиняется решению ЦК. Катушев там общается с Гусаком.

6 января 1969 г., понедельник.

Сидим с Димой дома. Я использую свои каникулы на все сто процентов. Живу расслабленно, как люблю. Отдыхаю, ложусь когда хочу, сплю сколько хочу, встаю когда хочу. Дима меня не дергает. Чувствует он себя хорошо, нарисовал большую картинку, которая вроде бы должна изображать нас. Ни он, ни я не похожи. Радио ничего особенно интересного не сообщает.

7 января 1969 г., вторник.

Сначала было очень холодно. Мы долго чухались. У Димы целый день то улучшалось, то ухудшалось самочувствие. По Би-би-си слушали очень интересную статью «Крах социализма». В ней приводятся суждения некоторых чехословацких коммунистов о том, что исправить реформами сталинскую систему невозможно. Поэтому, чтобы добиться каких-либо экономических и политических улучшений, необходимо смести эту систему посредством социалистической революции. Но цель остается та же – социализм.

³ Дарвина (Семенова) Галия Искаковна (1943–2003) – эстрадная певица, жена В.К. Семенова, вместе с которым выступала в Астраханской филармонии в 1963–1966 гг., в 1966–1968 гг. – в Саратовской, а с 1968 г. в Москве. В 1970 г. записала сольную пластинку. Пела в ансамблях «Коробейники», «ВИО-66», в ЦДКЖ, с конца 1970-х гг. – в разных московских ресторанах.

⁴ Катушев Константин Федорович (1927–2010) – партийный функционер. В 1963–1965 гг. первый секретарь Горьковского горкома КПСС, в 1965–1968 гг. – Горьковского обкома КПСС. Член ЦК КПСС в 1966–1977 гг., секретарь ЦК в 1968–1977 гг., заместитель председателя Совета Министров СССР в 1977–1982 гг., председатель Государственного комитета СССР по внешним экономическим связям в 1985–1988 гг., министр внешних экономических связей СССР в 1988–1991 гг.

Позвонил Алик. Он сейчас у Марика Розовского общается с польскими артистами. Попросился прийти с ними в мастерскую. Мы с Димой почему-то очень не желаем видеть сейчас поляков после того, как Польша стала позорной антисемитской страной. Из всех посетивших нас поляков мы запомнили троих очень интеллигентных и симпатичных людей. Все трое были из Кракова: два католика-журналиста и писатель Корнель Филипович⁵. Дима сказал Алику, чтобы он позвонил после спектакля, и если мы будем в состоянии, мы, может быть, их примем. В подвале в первый раз за довольно длительное время начало заливать дерьмом. Только мы с Димой появились, нам подарочек. Обнаружил это Эдичка, когда у него в ванной поплыла фотография с парашютистом. Дима долго дозванивался в аварийку и в жэк, а фекалии всё прибывали вместе с запахом. Дима интересно поговорил с кем-то из жэка: «Нас заливают в подвале, пожалуйста, пришлите аварийку». – «Чем зливает?» – «Фекальными водами». – «Чем, чем?» – «Я говорю, фекалиями заливают». – «Чем?» – «Говном из уборной заливают!» – «А, ну так бы и говорили. Сейчас пришлем». Аварийщики-ассенизаторы, действительно, прибыли через некоторое время. Оба в очках, один даже в пенсне. Среди скульптур искали себе невесту, никого не нашли, кроме белой тетки с ребенком. Да и то по поводу той выразили Диме претензию: «Чего такую толстую сделал?» Прочистили хорошо и Дима дал им на пол-литра.

Дима не переставал мучиться из-за той картинки, на которой мы лежим так называемые голые. Она его не до конца устраивает. К тому же она осталась дома на стенке и Дима не мог видеть ее перед глазами. Зато он был очень доволен монотипиями и даже прорисовал несколько тех, которые он считал недостаточно удачными. Из одной сделал хороший портрет Ван Гога. Валька, узнав, что мы наконец выползли в мастерскую, прибежала, как всегда, полумертвая. Вспомнила, что уже полгода, как умерла ее кошка Фимочка, и чуть не заплакала. А мы вспомнили, что через два дня стукнет три года, как умер Изольд. Сколько всего произошло за эти три года! Жена его вышла замуж, в Чехословакию вторглись наши войска, дочка его сделалась молодой прожженной стервой. И даже памятник, эскиз которого ему так нравился при жизни, теперь стоит на его могиле. <...>

В десять вечера позвонил Алик опять со своими поляками. Дима сказал, что мы сегодня не в состоянии и решили отложить этот визит на некоторое время, так как эти поляки здесь до десятого января. У Эдика получились очень симпатичные фотографии 31 декабря, перед Новым годом. Мы с Димой очень нарядные, несколько неуклюжие и глуповатые, особенно я. Правда, мы дурачились. Одна фотография неплохая, где Валька положила Диме на плечо свою голову.

Ёж залег спать в свою кошелку, теперь, наверно, до тепла. Когда мы возвращались, было намного теплее. Сегодня, оказывается, Рождество Христово, праздник. Поэтому огромное количество пьяных в метро и на улице. Наблюдали ужасно тяжелую сцену: мать с дочкой волокли пьяного молодого отца в метро. Он упал, разбил себе в кровь лицо. Они его бросили, потом вернулись, девчонка

⁵ Филипович (Filipowicz) Корнель (1913–1990) – прозаик, поэт и сценарист. Участник Второй мировой войны, узник концлагеря Заксенхаузен.

плакала, потом снова его бросили. Посторонний человек с ним возился. Одна девушка молодая влетела с размаху на эскалатор, который шел вниз. И чуть не упала. Это было очень смешно, и она обиделась на тех, кто смеялся.

Проголготились до трех ночи. Превратили ночь в день, как любит говорить моя мама. В лотерею Дима ничего не выиграл, жульничество сплошное – эта лотерея.

8 января 1969 г., среда.

Сегодня думали оттащить белье в прачечную. Возились, пришивали номерки. Потом Дима имел беседу с Эдиком по творческим вопросам. Дима говорит, что Эдику нужно гораздо больше снимать, чтобы достигнуть международного уровня. И что только количество может в итоге перейти в качество. Дима сказал, что сам он достиг какого-то уровня неавероятным трудом. Он теперь может нарисовать картинку лучше или хуже, но всегда не ниже определенного высокого уровня, и Эдику нужно добиваться того же. Эдик вначале не очень соглашался, а в итоге согласился и был доволен.

Прочли два великолепнейших документа на машинке. Письмо Союзу писателей Аркадия Белинкова. Наша власть приобрела себе очень и очень сильного врага, умного, злого, убеждающего своими блистательными сочинениями. Такого противника за границей у них, пожалуй, еще не было. Говорят, что он начал выпускать журнал «Колокол»⁶.

Второе – статья чешского писателя Милана Кундера, напечатанная в «Листах» от 19 декабря под названием «Чешская судьба»⁷. Статья прекрасная, дающая ответ на многие наши вопросы. Кундера был в нашем подвале несколько лет назад, когда все еще были втроем, он тогда купил Димину тарелку. Судя по этой статье, да и по многим другим, в Чехословакии мало что переменялось после 21 августа. Дима сказал: «Наше спасение, может быть, еще и в том, что мир един. На примере Чехословакии они увидели, что такое общественное мнение, народ и всё это не так просто».

Белинков уверен, что нашу власть постигнет справедливое возмездие: «Четыре года идет побоище из-за издания повести «Раковый корпус» и романа «В круге первом» великого русского писателя Александра Исаевича Солженицына. Эта битва не выиграна, и я не уверен, что писатель выигрывает ее на

⁶ А.В. Белинков задумал такой журнал (или литературно-публицистический сборник) как периодическое издание еще до своего бегства из Советского Союза. Он готовил его к печати, назвав «Новый Колокол», но, к сожалению, закончить работу не успел. Почти готовый журнал выпустила в свет в Лондоне в 1972 г. его вдова Наталья Белинкова. Первый номер оказался и последним. (См. записи от 12 декабря 1968 г.).

⁷ Кундера (Kundera) Милан (р. 1929) – чешский прозаик, поэт, драматург. С 1975 г. живет во Франции. В упоминаемой Юлией статье «Чешская судьба» (распространявшейся в советском самиздате), говорилось, в частности: «Произошло то, чего никто не мог ожидать: новая политика выдержала этот страшный конфликт. Хотя она и отступила, но не распалась, не рухнула. Она не вернулась к полицейскому режиму, не согласилась на доктринерское удушение духовной жизни, не предала сама себя, не отреклась от своих принципов, не выдала своих людей и не только не утратила поддержку общественности, но именно в момент смертельной опасности сплотила весь народ, оказавшийся внутренне сильнее, чем перед августом».

советском писательском поле. Но великие рукописи есть и уничтожить их уже невозможно. Они бессмертны и неоспоримы в отличие от перепуганной, тиранической власти, которую неумолимо ждет Нюрнбергский процесс... Боятся. Боятся умного юноши Хаустова⁸, решившегося сказать драконоподобным и дикообразным советским судьям, что он отвергает советскую веру (марксизм-ленинизм), боятся замечательного художника России Александра Солженицына, боятся Америки, боятся Китая, боятся польских студентов и чехословацких неслухов, боятся югославских ревизионистов, албанских догматиков, румынских националистов, кубинских экстремистов, восточногерманских тупиц, северокорейских хитрецов, восставших и расстрелянных рабочих Новочеркаска, восставших и расстрелянных с самолетов воркутинских заключенных и раздавленных танками заключенных Экибастуза, крымских татар, согнанных со своих земель, и еврейских физиков, выгнанных из своих лабораторий, боятся голодных колхозников и разутых рабочих, боятся друг друга, самих себя, всех вместе, каждого в отдельности».

9 января 1969 г., четверг.

Мои каникулы неумолимо приближаются к концу. В мастерской не были, потому что сразу не уехали, а к вечеру у Димы стало плохо с сердцем, он почувствовал слабость и мы решили остаться дома. С утра стучали работяги, ремонтирующие вроде бы Галочкину квартиру. Они истощили Диму до предела. Целый день он разбирал свои рисунки и решил, что еще до инфаркта его фантазия была более буйной, чем сейчас, и чем-то его рисунки были лучше теперешних.

10 января 1969 г., пятница.

Опять мы не поехали в подвал. Холодно сегодня ужасно. Я сходила на рынок в старом пальто (шинели) и не замерзла. Все обращали внимание на мои унты, или, как мама называет, «чуни». Дима чувствовал себя намного лучше, но в мастерскую мы все равно не пошли. Мы неожиданно по нашему радио на четвертой программе прослушали радиопостановку про еврейское гетто в Вильнюсе, сделанную по дневникам девочки, оставшейся в живых, Маши Рольникайте⁹. Она в отличие от Анны Франк чудом уцелела и недавно опубликовала свои записи. Сейчас ей больше сорока лет. Изольд был с ней знаком и говорил нам о ней. Эта передача произвела на нас с Димой очень большое впечатление, тем более что по нашему радио. Обычно мы наше радио не можем слушать, кроме симфонической музыки и погоды. Мы не можем понять, почему вдруг они сделали

⁸ Хаустов Виктор Александрович (р. 1938) – поэт, рабочий, диссидент. Арестован за участие в демонстрации 22 января 1967 г. на Пушкинской площади в Москве против преследования А. Гинзбурга и Ю. Галанскова. Приговорен к трем годам лагерей. На суде открыто заявил, что отвергает марксизм-ленинизм. В 1973 г. арестован повторно по обвинению в хранении и распространении самиздата. Отбыл четыре года в лагерях и три года в ссылке. Позже стал православным священником.

⁹ Рольникайте Мария Григорьевна (1927–2016) – писательница. Ее книга о гетто на основе дневников «Я должна рассказать» вышла в 1963 г. в Вильнюсе на литовском языке, затем в авторском переводе на русском (в журнале «Звезда» в 1965 г.) и идиш, позже была переведена еще на 15 языков.

Юлия в мастерской рядом со скульптурой «Материнство» (1969). Фото: Эдуард Гладков

такую передачу. Где называют слово «еврей» и называют такие фамилии, как Коган и Каплан. То ли им нужно где-то перед кем-то оправдаться? Передача сделана традиционно, но в ней есть такая правда, которая не может не воздействовать. Я всё время думаю, что если бы Сталин не подох, все бы мое семейство: мама, Сева и я, поехали бы куда-нибудь в Сибирь или на Камчатку, несмотря на то, что наш отец погиб за это отечество. У меня никогда не было непонимания, почему мы виноваты. С самого детства я инстинктивно чувствовала, что мы виноваты. Виноваты в том, что евреи. У Димы не было этого чувства. Во-первых, он полуеврей, во-вторых, он утверждает, что до войны антисемитизма не было, и что его искусственно взрастили во время войны и после войны. Может быть, разбереденный этой передачей, а может быть, просто время пришло, Дима нарисовал рисунок, который он сам назвал эпохальным для себя – ров, заполненный убитыми обнаженными женщинами и детьми. Никакими не скелетами, а очень красивыми людьми. Посреди рва – Святое семейство, у младенчика ручки вверх. А по бокам сверху во множестве сапоги убийц. Дима сказал мне: «Вот нарисуйшь один такой рисунок и, кажется, что недаром жизнь прожил». И еще он сказал, что нарисовал Христа, потому что на земле каждую минуту, каждую секунду распинают Христа заново.

11 января 1969 г., суббота.

Соседки всю ночь не было и мы без нее легче дышали на кухне, в ванной и в других местах общего пользования. Мама проводила Севу с семейством в Анапу, им неожиданно подвернулась горящая льготная путевка, и они тут же сорвались, взяв отпуск, и отправились. Мама теперь целый месяц свободна. Проводив их, она тут же приехала к нам и услаждала нас рассказами о родственниках-художниках и о том, что «молодая татарская певица Галия Семенова» выступала сегодня по телевидению в передаче «Голубой огонек». Мы с Димой думали выбраться сегодня в подвал, но это оказалось невозможным, поскольку Дима совершенно привязан к своему новому рисунку и не может от него оторваться, пока не кончит. Я тоже не очень рвусь, завтра у меня последний свободный день. На улице холодно, около 20° мороза, и что-то выходить не тянет. А сейчас мы в тепеле сидим и слушаем Моцарта. Мама моя уехала, чтобы не опоздать к телевизору смотреть «Голубой огонек». А Чудище приехало, черное, и завалилось спать, предварительно покушавши и поплескавшись в ванне.

Так как Би-би-си слушать тяжело из-за глушения, мы до некоторой степени переключились на Канаду. Дима слушает и по-украински перед русской передачей. Они говорят всё более и более остро. Дима даже решил, что у них есть свой консультант из Би-би-си. Они сказали сегодня, что в ГДР 600 человек бывших фашистов, особенно отличившихся на истреблении евреев и пропаганде антисемитизма, занимают сейчас руководящие должности. Привели даже пример, что какой-то там бывший нацист написал статью «Сионисты взяли власть в Праге», а перед гитлеровской оккупацией Чехословакии этот же самый гад написал статью под названием «Евреи взяли власть в Праге». Все эти сведения канадцы почерпнули из статьи Йозефа Смрковского, за это наши так его и ненавидят. После чего наши так озверели, что потребовали, чтобы Смрковского не выбирали

председателем Национального собрания. В Праге Катушев выступал по телевидению по его собственному требованию. Он говорил, что в основном наши довольны политикой КПЧ, но есть еще недостатки, он назвал какие. Правительство ЧССР предупредило население, чтобы не было никакой критики в печати, по радио и телевидению, иначе советские войска войдут снова.

12 января 1969 г., воскресенье.

Завтра опять иду на работу, не хочется ужасно. Дима всё время говорит мне: «Радуйся, что у тебя было целых 12 дней свободных, у других людей и этого нет». Я с ужасом думаю об остальных советских людях, которые отдыхали только на Новый год, 1 января. У школьников и классных руководителей, как я, есть хоть эта привилегия. Мне кажется, что если бы не было этих двух передышек в учебном году, я бы не выдержала. Теперь буду ждать 23 марта. Несмотря на то, что мы с Димой никуда не уезжали, и даже на то, что он болел, я чувствую себя отдохнувшей и довольной. Кроме того, мне приятно, что я ухитрилось написать рассказик про школу. Мы вышли сегодня на стадион, где было невероятно красиво. Дима сказал, что он в первый раз увидел, как огни отдаленных домов светят сквозь парковые деревни. Он даже настоял, чтобы мы не сразу ехали в подвал, а прошлись кругом. Одеты мы очень тепло и, может быть, впервые красиво. Шли тихонько и не мерзли. Дима нес с собой рисунки. Сегодня старый Новый год.

В мастерской Дима пришел в раздраженное состояние, начал что-то переключать, складывать. Эдик посмотрел новые рисунки и не выразил никакого интереса. Вернее, он бегло глянул на тот, где убитые женщины и дети во рву, а на остальные даже смотреть не стал. Диму эту неприятно задело. Снова прислали жировки с платой за телефонные междугородные разговоры, сделанные еще Лемпортом и Силисом. Потом пришли Гдаль с Витой и Гриней, Боря Хазанов с Мариной. Гриня – толстый-претолстый ребенок, тут же сел за стол и начал есть с большим удовольствием и даже выпил пива с разрешения Гдаля. Гдаль с Витой прочли письмо Белинкова и статью Кундеры в «Листах». Обозвали статью Белинкова базарной, им, видите ли, стиль не нравится, слишком резко, слишком грубо, слишком злобно. Это, конечно, их дело, вернее, дело вкуса. Но я глубоко убеждена, что писать сейчас надо именно так, давно пора поставить все точки над «і».

Как бы ни было тяжело, Чехословакия радуется. Там идут процессы по реабилитации незаконно осужденных. Новый министр юстиции выступил с речью, что люди могут больше не бояться ночного стука в дверь, с этим покончено. Печатники отказались печатать газету, которая не будет держаться послеполночного курса. Наши меняют там людей, солдат и ездят между городами, чтобы попугать. Но ничего у них не выйдет, до сих пор не вышло и сейчас не выйдет. Позавчера мы получили первую открыточку от Милана Ферко¹⁰ по почте: «Да

¹⁰ Ферко (Ferko) Милан (1929–2010) – словацкий журналист и писатель. В 1950-х – 1960-х гг. сотрудник и редактор ряда газет и журналов. Автор произведений для детей и молодежи, а также исторических романов. В 1967 г. В. Сидур выполнил иллюстрации для книги М. Ферко «Снежное дерево», выпущенной издательством «Детская литература».

здравствуют скептические оптимисты!» Инна получила из чехословацкого посольства приглашение ходить на возобновившийся показ кинофильмов. Мы не получили такого приглашения и некоторые другие знакомые не получили. Завтра Инна пойдет и потом нам расскажет, что к чему. Тауфер прислал нам поздравление с Новым годом. Мы не ответили на него. Говорят, что в ЦДЛ он сказал кому-то: «Мы Дубчека повесим» и возмутился, что нашим солдатам-оккупантам в Праге не давали воды. Он, наверно, думал, что их будут встречать цветами, как в 1945 г.

Клара звонила, говорит, что Корнею очень плохо и ему разрешили только поворачивать головой и больше никаких движений. Боре с Мариной, Гдалю с семейством очень понравились Димины новые рисунки.

13 января 1969 г., понедельник.

Всю ночь не спала. В школу явилась в плохом настроении. Ребята меня несколько нейтрализовали, но не развеяли. Что-то мне всё чаще хочется уйти из школы и больше в нее не возвращаться некоторое длительное время, хотя я – учитель очень хороший. Это я про себя точно знаю.

Дима пришел в мастерскую еще позже меня, расстроенный, раздраженный. Оказывается, в редакции «Молодой гвардии»¹¹ кто-то параллельно дал оформлять Владикову книжку другому художнику и тот уже принес рисунки. Несмотря на то, что это действие со всех сторон незаконное, тем более что вопреки воле редактора, художественного редактора и автора, Диме все равно очень противно и все удовольствие от работы над этой книжкой потеряно.

Левитанский прибыл из Переделкина, и сегодня он с Мариной, а также Шуплецовы посетили нас, чтобы справлять старый Новый год. Потом приехал Владик с пол-литром. У него оказался день рождения. Все перепились и даже я наклюкалась столовым вином, чего никак не ожидала. Дима был один трезвый и не поддавался на уговоры Марины, чтобы хоть чуть-чуть выпить.

14 января 1969 г., вторник.

Сегодня вернулась из школы полумертвая и смогла функционировать только после полутора часов отдыха. Димка с Владиком были в редакции, и там всё уладилось. Дима сказал, что он не хотел бы с кем-то конкурировать или, тем более, переступить кому-то дорогу. Но там, в редакции, долго извинялись и сказали, что с тем художником они будут улаживать сами, а Дима должен продолжать работать. Дима говорит, что на них произвело большое впечатление то, что он принес им показать. Дима был в хорошем настроении. Вечером к нам пришли Витя Гинзбург с Ниной и их знакомые Семен и Юлия. Витя так нас с Димкой любит, что весь лучится. Нина выглядела неважно, но най был был великолепный капор, ею самой связанный. Эдинька сегодня тоже был какой-то веселый и бодрый. Впечатление от вечера осталось очень приятное, хотя Семен рассказывал далеко неутешительные новости. Не обошлись наши разговоры без необходимого «еврейского вопроса». Семен утверждает, что сейчас есть инструкции не

¹¹ «Молодая гвардия» – книжно-журнальное издательство, существующее в Москве с 1922 г.

братъ евреев ни на какую работу. Ходят слухи, что Шолохов написал роман, который не хотят печатать. Вот смех-то! Может быть, это и вранье¹². Семен рассказывает, что в китайском посольстве посол и уборщица обедают за одним столом и едят одно и то же. Дима говорит, что это лучше, чем наши разжиревшие мещане, которых обслуживают лакеи, у которых отдельные поликлиники, закрытые распределители, на километры огороженные дачи, и которые хотят воспитать бездушное, сытое и тупое потребительское общество.

Анна <Новакова> прислала из Праги открытку по почте. Это уже вторая чехословацкая весточка.

15 января 1969 г., среда.

Сегодня Диме позвонила Нина и спросила, как Димка спал ночью, так как вчера он своими речами произвел на них на всех глубокое впечатление и вроде бы у него слишком сильно «блестели глаза». Вчера Юля рассказала историю о том, как в Ленинграде Толстикова¹³ со своими горкомовцами кричали на каких-то литераторов за то, что они не так написали несколько фраз в книге Эткинда о русской и советской поэзии¹⁴. И будто бы один очень блестящий литератор из ругаемых прочел им лекцию. Тогда Толстикова так на него заорал, что тот смутился и растерялся, и остальные интеллектуалы тоже сбрендили. Дима по этому поводу очень решительно высказался, что хватит нам их бояться. Нельзя позволять, чтобы на тебя орали безнаказанно. Тем более нечего смущаться, а нужно обязательно сохранять свое достоинство, орать в ответ или ответить так, чтобы они заткнулись. В конце концов, самое страшное – это потерять жизнь. Так всё равно рано или поздно придется умирать.

Еще вчера на всю компанию произвели впечатление рисунки под общим названием «Доблестный и тяжелый труд советских чекистов». Когда все уходили, Витя сказал Диме: «Нам очень понравилось, как ты говорил и что ты говорил».

¹² В 1969 г. М.А. Шолохов отправил в «Правду» новую главу романа «Они сражались за Родину». Однако главный редактор газеты М.В. Зимянин не решился на публикацию, потому что здесь упоминались сталинские репрессии, и переслал рукопись в секретариат Л.И. Брежнева, при этом писателю он не ответил. После долгого ожидания М.А. Шолохов сам написал генеральному секретарю с просьбой разрешить публикацию. Письмо также осталось без ответа. Но как раз в это время «Правда» все-таки напечатала отрывок, удалив без ведома автора все упоминания о Сталине.

¹³ Толстикова Василий Сергеевич (1917–2003) – первый секретарь Ленинградского обкома КПСС в 1962–1970 гг., одновременно член Президиума Верховного Совета СССР. В 1970–1979 гг. посол СССР в Китае, в 1979–1982 гг. – в Голландии. Славился своим антисемитизмом, о чем ходили легенды и анекдоты.

¹⁴ Эткинд Ефим Григорьевич (1918–1999) – филолог, литературовед, переводчик французской и немецкой поэзии, диссидент, автор самиздата. В описываемое время профессор Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена. В 1974 г. исключен из СП СССР, лишен профессорского звания, выслан из страны и лишен советского гражданства. Жил во Франции, был профессором Х Парижского университета. Речь в дневнике Юлии идет о двухтомнике «Мастера русского стихотворного перевода», вышедшем в серии «Библиотека поэта» в 1968 г. Е.Г. Эткинд был его составителем, редактором и автором предисловия, в котором, в частности, писал, что блестящая школа советского поэтического перевода существовала потому, что многие крупные поэты (Б. Пастернак, Н. Заболоцкий и др.) были вынуждены серьезно заниматься переводческой работой, так как не имели возможности публиковать собственные произведения.

Приехали мы поздно и легли еще позже, часа в три. Проснулась я в седьмом часу и уже больше не спала, то ли от жары, то ли оттого, что сильно билось сердце. Потом услышала, как Дима бродит, он, оказывается, тоже уже целый час не спал. Он сказал мне, что проснулся от ненависти – произносил речь против Толстикова. Я думаю всё время, в чем наше отличие от них: они нас сажают в тюрьмы, в лагеря, морят голодом и уничтожают, а мы про себя произносим речи. А что нам еще остается, когда живем в стране, где такой «нищий, темный, жалкий и послушный народ», как говорил Белинков. Поэтому нам остается только одно: «Презирайте их! Презирайте их! Презирайте их!» Я ушла на работу, а Диме удалось смирить свою ненависть на время, и он смог еще заснуть, без помощи снотворного.

Вечером к нам пришел Алик в подвал, просил привести на экскурсию учеников из своего кружка пантомимы из Дома милиции. Мы решили пока воздержаться от просвещения молодых милиционеров. Алик огорчился, так как он считает, что чем больше людей увидит, тем лучше, и что эти милиционеры – вполне хорошие ребята. Эдинька второй день делает фон для съемок, никак не получается, как следует. Бумага на подрамнике никак не покрывается ровным слоем краски из пульверизатора. Пришла к нам Велта, как всегда, издерганная, выговаривающаяся, с навертывающимися на глазах слезами. Информировует нас о высказываниях в «Правде», поскольку мы эту самую лживую газету в мире читать не можем.

16 января 1969 г., четверг.

Мы очень много успели сегодня всяких дел. Дима сходил с Эдиком договариваться насчет репродукций «Дым и пепел», я убирала квартиру, потом в подвале мы с мамой отнесли белье в прачечную, Эдик с Димой, наконец, закончили фон, Дима лепил, рисовал на монотипиях, поздно вечером мы с ним жарили котлеты из трески.

Прочитали любопытную справку о космонавте Вольнове¹⁵, который сегодня вместе с другими стыковался и расстыковался, что у него маму зовут Евгения Израилевна. Наши не побоялись написать это ужасающее слово «Израилевна» во всех советских газетах.

Просидели поздно из-за Веры-Турки <Феоновой>, которая неожиданно пришла со своим молодым человеком и до половины второго ночи нам рассказывала всякие истории, тем более что была выпивши. Ее отчима-танкиста, сражавшегося в Испании и застрявшего в танке между двумя линиями фронта, по приказу генерала Батова¹⁶ разбомбили наши, чтобы он не попал в плен к франкистам, и Верина мать до сих пор об этом ничего не знает.

¹⁵ Вольнов Борис Валентинович (р. 1934) – летчик-космонавт СССР. Совершил два космических полета – в 1969 и 1976 гг. Дважды Герой Советского Союза. Во время первого полета 15–18 января 1969 г. его космический корабль «Союз-5» (в экипаж входили также А.Е. Елисеев и Е.В. Хрунов) впервые в истории космонавтики произвел на орбите удачную стыковку с кораблем «Союз-4».

¹⁶ Батов Павел Иванович (1897–1985) – военачальник, генерал армии, участник Первой мировой, Гражданской, Финской, Великой Отечественной войн и гражданской войны в Испании. Дважды Герой Советского Союза.

18 января 1969 г., суббота.

Вчера не записала. Дима заболел этим проклятым гонконгским гриппом, температура 38°. Мне удалось пораньше уйти с работы, и мы сегодня целый день принимали всякие меры. Вчера Дима чувствовал, что заболевает, но все равно провозился в мастерской почти до двенадцати ночи. А как приехали домой, сразу же поставили горчичники. Они были старые, 66–67 годов. Несмотря на все лекарства, с утра температура была очень высокая. Дима очень опасался этого гриппа, и, конечно, он к нему прилип. Больных в Москве очень много.

На многих людей произвел впечатление не столько сам факт полета в космос, стыковки и расстыковки, сколько то, что мать командира корабля подполковника Волынова зовут Евгения Израилевна¹⁷. Все это заметили. И сегодня в *L'Humanité* имя матери Волынова напечатано, а двух других космонавтов – не указано. Как смешно и грустно, что именно такие факты должны волновать множество людей и в своей стране, и за границей.

В Чехословакии произошла новая трагедия. Один молодой человек, студент, пытался сжечь себя в Праге на площади. Его увезли в очень тяжелом состоянии и, скорее всего, он умрет. Он оставил записку, где требовал вывода войск СССР, прекратить распространение газеты «Справы»¹⁸ и подписался «Факел № 1». Этого юношу зовут Ян Палах¹⁹. ЦК КПЧ пригрозило чехословацкой печати строгими мерами, если они не прекратят выступать «против политики партии». В то же время на правительство и ЦК явно произвело впечатление самоожжение Яна Палаха и они уже выступили в «Руде право» со статьей, явно учитывающей это происшествие. В передовой статье написано, что партия должна вести честную политику.

Сейчас будем Диме ставить горчичники. Температура у него 37,2°.

Французы продали Израилю запчасти для самолетов «Мираж», несмотря на запрет де Голля, старого маршала.

19 января 1969 г., воскресенье.

Умер мальчик, который сжигал себя в Праге. Прожил еще трое суток и умер. На площадь стали стекаться сотни людей с флагами и лозунгами. На од-

¹⁷ Волынова Евгения Израилевна (1910–1991) – врач-педиатр, военврач во время Великой Отечественной войны. Заслуженный врач РСФСР (1963). Б.В. Волынов считается первым евреем, побывавшим в космосе. В паспорте космонавта в графе «национальность» было написано, что он русский.

¹⁸ *Zpravy* («Сообщения») – газета на чешском языке, издававшаяся в Советском Союзе специально для Чехословакии. В 1968–1969 гг. советские солдаты вместе с листовками и другими пропагандистскими материалами раскладывали ее в почтовые ящики или просто заносили в подъезды жилых домов. Часто следом за военнослужащими шла группа чехов, которая тут же собирала и уничтожала эту литературу.

¹⁹ Палах (Palach) Ян (1948–1969) – студент философского факультета Карлова Пражского университета. 19 января 1969 г., облив себя бензином, совершил акт самоожжения на Вацловской площади в Праге в знак протеста против оккупации Чехословакии советскими войсками и против коллаборационистской политики тогдашнего руководства страны. Через три дня скончался от полученных ожогов. Поступок Яна Палаха шокировал общество. Его похороны 25 января переросли в большую демонстрацию протеста. В том же году еще 26 человек совершили попытку самоожжения, семеро из них погибли. Акт самопожертвования Яна Палаха до сих оценивается как один из самых героических поступков в истории Чехии.

ном было написано: «Нам нужен новый политический курс, а не новые жертвы». Студенты остановили советскую военную машину перед штабом наших войск в Праге и скандировали: «Русские, убирайтесь домой!»

Дима чувствует себя плохо, температура упорно держится, несмотря на все лекарства. Правда, под вечер ставили еще раз горчичники и стало легче. Мне кажется, что завтра наступит перелом и ему станет полегче. Врача завтра обязательно вызовем.

20 января 1969 г., понедельник.

В Праге тысячи людей участвовали в похоронах Яна Палаха. Площадь Красной армии переименована теперь в площадь Яна Палаха. На улицах не было ни одного полицейского. Свобода, Черник и другие руководители Чехословакии послали матери Яна Палаха соболезнования. Яну Палаху выпал жребий быть первым. Завтра исполнится пять месяцев с начала оккупации Чехословакии. Ожидаются новые попытки саможжения среди молодежи.

А наши сволочи передают бодрые передачи о благодарности советских стыковщиков родной Коммунистической партии и ее ленинскому Центральному комитету. А также рассказывают о том, насколько важнее и нужнее, оказывается, был их полет в космос и стыковка, чем какой-то там облет американских космонавтов вокруг Луны.

Дима говорит, что нашим хана. Раз молодой человек идет на такую мученическую смерть ради отмены цензуры и прекращения выпуска газеты «Справы», это значит, что они обязательно победят. Еще Дима считает, что наши сейчас больше всего на свете хотят, чтобы там было тихо и мирно. А эта пресловутая нормализация выходит как-то уж чересчур боком. Один чешский писатель выступил с предупреждением, что может быть так, как в Венгрии, когда были вывезены в Сибирь более 80 тысяч человек.

У Димы был врач. Чувствует себя неважно, хотя температура снизилась до 37,2°. У Валиной матери 39,1° температура. У меня в школе болеет очень много ребят и учителей.

21 января 1969 г., вторник.

Еще один молодой человек в Чехословакии пытался себя сжечь и, скорее всего, умрет. Это рабочий из Пльзенья. В Венгрии семнадцатилетний юноша тоже пытался покончить жизнь саможжением из солидарности с чехословаками. В Праге похороны Яна Палаха состоятся только в пятницу. По радио и телевидению выступил Людвиг Свобода, он сказал, что еще один факел – и вы подожжете всю страну. Он говорил, что преклоняется перед мужеством Яна Палаха, сказал, что они многого добились и хотят добиться еще больше, но не могут сделать всё сразу. И что их правительство не может и не хочет руководить страной без доверия народа, а те, кто придет на их место, будут гораздо хуже. Наши сволочи опубликовали в «Правде», что Яна Палаха подговорили сжечься «антисоциалистические элементы». Ян Палах всколыхнул весь мир. Никогда, никогда Чехословакия не будет задавлена узколобыми убийцами. А им конец, теперь это уже окончательно ясно.

Дима всё болеет, читает Хемингуэя «По ком звонит колокол». На улице мороз больше 20°, но мне не холодно. Сегодня еле дотащила до дома восемь банок томатного сока. Из Алабина звонили старички, огорчились, что Дима болен.

22 января 1969 г., среда.

Дима чувствует себя плохо из-за духоты. В его комнате большая батарея и чересчур жарко. Целый день мы манипулируем с форточкой, то открываем, то закрываем. К вечеру резко потеплело, а утром я дрожала в холодном троллейбусе, когда ехала на работу, несмотря на все свои теплые одежки.

Еще один молодой рабочий в Брно пытался себя сжечь. Будто бы между правительствами Чехословакии и студентами достигнуто соглашение о выполнении некоторых требований общественности: 1) о созыве 14 партийного съезда, 2) об организации комитетов цензуры, в которые бы входили представители профсоюзов. Профсоюзные деятели заявили, что они в основном согласны с политикой руководства страны, но не во всем.

Вчера прислал письмо наш знакомый поляк из Кракова, редактор католической газеты Ежи Турович²⁰. Он пишет, что Димина выставка скульптуры, вернее, ее будущее устройство в какой-то галерее, находится, как он пишет, *en bonne voie*²¹. Мы с Димой лишний раз улыбнулись его наивности.

Позвонила сначала Нина, а потом и Витя Гинзбург. Во-первых, Вите позволили от Демичева и сказали, что делом по поводу «Портрета Эйнштейна» поручено разбираться некоему Попову²², заму Фурцевой, и что пока будут связываться только с Витей по этому поводу. От Демичева поступила резолюция разобраться. Тетка, говорившая с Витей, спросила, не в таком ли это духе, как портрет Хемингуэя²³. Она, бедная, даже не представляет, насколько это «хуже». Хотя она и посоветовала Вите пойти на выставку молодых художников, где, как она выразилась, «границы реализма сильно расширены» теперь у нас. У нас с Димой никаких надежд все равно на это не имеется, поскольку дело приняло свой обычный ход, а кто эти люди, от которых всё зависит, мы прекрасно знаем. Большого дерьма не придумаешь. И они скорее сдохнут, чем позволят, чтобы

²⁰ Турович (Turowicz) Ежи (1912–1999) – журналист, основатель в 1945 г. и главный редактор до 1999 г. интеллектуальной, легальной оппозиционной газеты *Tygodnik Powszechny* («Всеобщая еженедельная газета»), уделявшей на своих страницах среди прочего большое место современной литературе и искусству.

²¹ Успешно продвигается.

²² Попов Владимир Иванович (1925–1989) – с 1950 г. в аппарате ЦК ВЛКСМ, с 1960 г. в ЦК КПСС – референт, помощник заведующего отделом, зав. сектором. В 1966–1979 гг. заместитель министра культуры СССР. В 1979–1980 гг. первый заместитель председателя Оргкомитета «Олимпиада-80». В 1980–1989 гг. заместитель, первый заместитель председателя Гостелерадио СССР.

²³ Имеется в виду скульптура «Портрет Хемингуэя», выполненная В. Лемпортом и Н. Силисом в конце 1950-х гг. (но подписанная ЛеСС – Лемпорт-Силис-Сидур) и представленная на выставке «30 лет МОССХ» в Манеже в 1962 г. Это произведение подверг критике ортодоксальный скульптор Б.В. Едунов в журнале «Молодая гвардия»: «По-моему, на этом скользком пути рождается только примитив, а подчас и окарикатуривание светлых образов, как это мы видели на выставке МОСХа в портретах Хемингуэя и Ромена Роллана работы Лемпорта, Силиса, Сидура».

«осквернили память великого ученого-гуманиста Эйнштейна, надругались над его светлым образом в слепом подражании модернистским тенденциям на Западе, особенно в свете последних решений по усилению идейно-политической борьбы с враждебной и вредной идеологией растленного буржуазного мира».

Имеется один шанс на какую-то удачу – это желание иметь некоторое количество долларов и заигрывание в настоящий момент с США и с новым президентом Никсоном. В данной ситуации политический прагматизм (или, как у нас говорят, «чистоган»), а также политические интересы государства могут восторжествовать. Но, скорее всего, победят твердолобость и твердозадость. Витя отказался от поездки в Голландию, поскольку ему разрешили ехать только одному, без Нины.

23 января 1969 г., четверг.

Еще одна потрясающая новость. Каждый день в мире что-то происходит. Сегодня сообщили все радиостанции, за исключением, как всегда, наших, что вчера во время торжественной встречи космонавтов около Боровицких ворот Кремля какой-то молодой человек, лет двадцати, стрелял из двух пистолетов по машине космонавтов и по той, в которой ехали Брежнев и Подгорный²⁴. Косыгина не было, предполагают, что у него грипп. Был тяжело ранен шофер у космонавтов и Береговой²⁵ легко ранен в шею осколком стекла, а также ранен казбешник-мотоциклист. Стрелявший задержан и его тут же объявили шизофреником²⁶. Это первое и невероятное для нашей страны происшествие.

В Чехословакии нашими войсками задержано несколько граждан, правительство ЧССР объявило протест. Обстановка у них очень напряженная. В субботу будут похороны Яна Палаха, и руководство страны обратилось к народу с призывом сохранять спокойствие. Одновременно сообщается, что в Чехословакию вернулись два видных деятеля – Отто Шик и Эдвард Голдштюкер. Ох, как наши поливали их грязью!

До вечера Дима чувствовал себя неплохо, даже сумел вымыться в ванной. А потом у него заболело сердце, и он очень огорчился. Вчера он уснул только в четыре часа ночи, потому что не мог отрываться от «По ком звонит колокол»

²⁴ Подгорный Николай Викторович (1903–1983) – член ЦК КПСС в 1956–1981 гг., член Политбюро ЦК в 1960–1977 гг., председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1965–1977 гг.

²⁵ Береговой Георгий Тимофеевич (1921–1995) – летчик-космонавт СССР. Дважды Герой Советского Союза.

²⁶ Стрелявшим был младший лейтенант Советской армии Ильин Виктор Иванович (р. 1947). Похитив в своей части под Ленинградом два пистолета, он приехал в Москву, переоделся в милицейскую форму и проник в оцепление у Боровицких ворот Кремля по пути следования правительственного кортежа. Дождавшись появления второй машины, в которой, как он считал, согласно неписаному протоколу всегда ездил генеральный секретарь, он выбежал вперед и открыл огонь из обоих пистолетов, выстрелив за шесть секунд одиннадцать раз. Однако в этой машине сидел не Л.И. Брежнев, а советские космонавты. Был убит шофер и ранен мотоциклист эскорта, направивший свой мотоцикл в сторону В. Ильина. В кратком официальном сообщении ТАСС, напечатанном в «Известиях» на следующий день, говорилось, что покушались именно на космонавтов. Стрелявший был схвачен на месте, затем признан невменяемым и с 1970 г. по 1990 г. находился в специальной психиатрической клинике.

Хемингуэя. Обливался слезами и никак не мог успокоиться. Сегодня мы целый день говорили об этой книге. Дима всё время вспоминает о себе и говорит, что сам он очень был похож на мальчика-коммуниста Хуанито, который погиб в отряде Эль Сорди.

Получили письмо из Венгрии от Жужи.

24 января 1969 г., пятница.

В нашей прессе была маленькая заметка «Провокация», где уже не говорилось, что стрелявший – шизофреник. По словам Би-би-си, Москва полна слухов. Одни говорят, что это был переодетый милиционер, другие – что переодетый солдат, а третьи – что это была переодетая женщина. Личность этого человека до сих пор не объявлена. Дима сказал по этому поводу, что наши после 21 августа объявили народу войну, сначала чехословацкому, а затем и своему собственному. Меня поразило отношение людей к этому событию. На работе учителя говорили об этом без особого любопытства, даже несколько весело, а главное – глубоко безразлично к тому, что была в опасности жизнь родного правительства и любимых космонавтов.

Дима почти поправился, хотя один раз у него снова повысилась температура. Сегодня был врач. Дима очень напряженно его ждал и, не выдержав, заснул. Тот долго прорывался. Я была на работе. Наконец, Дима проснулся и честно признался врачу, что заснул, его ожидая. Раз Дима спит днем, это значит он очень сильно ослабел, потому что, в принципе, он днем спать вообще не может. Ночью-то спит ужасно, на ночь пьет один ноксирон или полтора-два димедрола, один элениум, один раунатин и кусочек нембутала – возможны варианты в сторону увеличения, и еще валокордин. Кроме того, затыкает уши самодельными затычками из пластилина, ваты и вазелина, а также завязывает глаза двумя черными повязками, одна из этих повязок – новые сатиновые трусы, специально Димой узурпированные на завязывание глаз. Потом он долго умащивается, а потом плохо спит с кошмарами. Без всех этих приготовлений он вообще не спит, а находится всю ночь в постоянном бреду и устает за ночь больше, чем за день.

Позвонил Эдик, сказал, что у Вальки очень плохой грипп и невероятная головная боль, которая ее вконец измотала.

В Чехословакии совершена седьмая попытка к самосожжению, а также отравилась восемнадцатилетняя девушка газом в знак солидарности с поступком Яна Палаха. Завтра Палаха хоронят, руководители выступили с заявлением, что в стране анархия, и они напустят на народ свои войска для умирения. Словаки тоже выпустили заявление, что они будут бороться с врагами внешними и внутренними. Словацкое руководство по сравнению с чешским выглядит намного более реакционным.

25 января 1969 г., суббота.

Снова резко похолодало. Я ничего. На мне всё очень теплое, особенно унты, тепло, как в валенках.

В Чехословакии похороны Яна Палаха прошли дисциплинированно и спокойно, без всяких эксцессов. Студенты сами наблюдали за порядком. Невеста

Яна Палаха покончила жизнь самоубийством. По всей Италии проходят антисоветские демонстрации в знак солидарности с поступком Яна Палха. Дания вся целиком на две минуты прекратила работу.

Обстоятельства стрельбы в Москве у Кремля до сих пор не ясны. Многие ждут сейчас с тревогой, как это дело будет преподнесено миру и в первую очередь советским людям. Есть мнение, что это может быть провокацией КГБ, как один из предполагаемых вариантов.

У Димы не было первый день повышенной температуры, зато стала распухать челюсть, и я боюсь, как бы она не довела до сильнейшей боли и высокой температуры, как это не раз бывало раньше. Всё время что-нибудь – не одно, так другое. Челюсть он, наверно, застудил во время наших манипуляций с форточкой. Дима нарисовал маленький эскизик к памятнику Яна Палаха.

26 января 1969 г., воскресенье.

Дима был сегодня совсем молодцом – веселый, симпатичный, в хорошем настроении. Если бы не челюсть, всё было бы совсем отлично. Позвонили старички, сказали, что держатся пока с продуктами, и, тьфу, тьфу, тьфу, не болеют. А моя мама, бедняга, имеет чирий в носу, который ее очень мучает. Она долго не могла добиться никакой врачебной помощи, поскольку все врачи заняты эпидемией гриппа. Самые печальные происшествия с моей мамой всегда выглядят немного смешно, такое уж у нее свойство. Дима сегодня очень активно колготился целый день вместе со мной. Всё время вспоминаем Хэма.

Кто стрелял в космонавтов, до сих пор неизвестно. В Праге были небольшие столкновения народной милиции со студентами. В Словакии запрещены любые собрания, демонстрации и скопления народа.

Наша соседка Галочка вроде бы все-таки переезжает, какая она ни есть сволочь, а все же с ней лучше, так как она одна и редко бывает дома. Семейство же из четырех человек – это ужасно.

Неохота завтра идти на работу.

27 января 1969 г., понедельник.

До сих пор неизвестно, кто стрелял. Так, мы, наверно, этого никогда и не узнаем. В Чехословакии полиция разгоняла толпу студентов дубинками и слезоточивым газом.

Позвонил Витя Гинзбург, сказал, что Попов, замминистра Фурцевой, звонил ему по поводу Диминого «Портрета Эйнштейна». Он вдруг начал говорить, что мы не можем играть «двойную игру», то есть, продавать в Америку то, что совершенно неприемлемо для экспонирования у нас. Хотя Дима говорит, что они беспрерывно именно в такую игру и играют – выставляют и показывают на Западе то, что у нас никогда не пробьет себе дорогу. В итоге этот Попов, как Витя сказал, «с интеллигентным голосом», выразил желание сам ознакомиться с портретом. Пока что к Диме никто не обращался. Невозможно, чтобы замминистра общался сразу же с художником. До академика он может снизойти, а на Диму он напустит своих подручных теток из Министерства культуры. Хотя во

время беседы Попов сказал Вите, что не надо было обращаться к Демичеву, а сразу же непосредственно к ним. Мы сейчас еще раз убедились, что действовали правильно, так как Демичеву они обязаны будут дать обстоятельный ответ любого принятого решения – отрицательного или положительного. Ни я, ни Дима никаких иллюзий на этот счет не питаем. Мы видели их рожи из Министерства культуры. Наша соседка Идолище – тоже деятель из Министерства культуры, ведает балетом.

Витя, может быть, все-таки поедет в Голландию вместе с Ниной, только на меньший срок. Дима чувствует себя лучше. Мучается оттого, что надо делать книжку Владику.

В Ираке повесили девять евреев и пять арабов по обвинению в шпионаже. Повесили на площади при огромном стечении народа, и дикторы вели репортаж, как с футбольного поля. Чем эти дикари отличаются от средневековых?

28 января 1969 г., вторник.

На челюсть Дима больше не жалуется, зато простудил себе ночью поясницу и кишки болят.

Сегодня мировая общественность среагировала очень отрицательно на публичную казнь в Ираке. В Чехословакии положение очень напряженное. Ходят слухи, что Брежнев послал письмо Дубчеку с требованием прекратить всякие проявления чувств в связи с самосожжением Яна Палаха.

Юра Левитанский почему-то говорил с Димкой ворчливым, раздраженным тоном.

Никаких новых сведений про стрелявшего у Кремля, кроме того, что это был младший лейтенант, одетый в форму охраны Кремля, и что он пытался съесть ампулу с ядом, но не успел, его увели. Китайцы регулярно обхаивают и нас, и американцев. Очень резко обругали Никсона.

29 января 1969 г., среда.

Дима меня напугал. Прихожу с работы, его нет. Никакой записки, ничего, только недоеденные фрикадельки. Позвонила Эдику а подвал, он сказал, что, скорее всего, Дима гуляет на стадионе. Действительно, он там медленно разгуливал. Сегодня у него болело брюхо, и у меня болит, оба мы дохлые и квелые.

Оттого, что глушат радио, интерес к информации настолько велик, что все время хочется слушать, и на это уходит масса времени. Снова поговаривают о том, что скинут Косыгина. Дима предполагает, что на него могут наплести самые неожиданные и серьезные обвинения. Говорят, что стрелявший у Кремля был латыш.

Купила за 30 к. пластинку с певицей Галией Семеновой, женой моего двоюродного брата. Пошло, но не хуже других.

30 января 1969 г., четверг.

Ужасно интересно, куда делся Косыгин? В Чехословакии один Сморковский держится героически. Про Дубчека сообщили, что у него плохое здоровье.

Юлия (1969). Фото: Эдуард Гладков

Дима впритык рисует Владикову книжку. Эдик не пожалел рубль, купил журнал «Искусство кино»²⁷, где Лемпорт сумел опубликовать свои путевые заметки по Нигерии²⁸. Силис там тоже упоминается, но второстепенно. Дима в уборной извлек из старых газет кусок «Литературки» с рассказом недавней покойницы Галины Николаевой²⁹, рассказ называется «Тина». Там описана одна проблядь, но в стиле социалистического реализма и как положительный персонаж. Женщина-металлург, сначала у нее был муж и любовник, обоих она любила

²⁷ «Искусство кино» – ежемесячный журнал, публикующий аналитические материалы по вопросам кинематографа и других видов искусства. Издается в Москве с 1931 г. В 1960-е гг. был очень популярен, благодаря публикациям прогрессивных современных авторов.

²⁸ Лемпорт В. Без камеры (Дни в Африке) // Искусство кино. 1969. № 1. С. 119–131. Помещены также десять рисунков В. Лемпорта и два рисунка Н. Силиса.

²⁹ Николаева (Волянская) Галина Евгеньевна (1911–1963) – прозаик, поэт. Лауреат Сталинской премии (1951). Опубликовано посмертно в виде рассказа в «Литературной газете» произведение «Тина», является главой задуманного, но ненаписанного романа «Директор завода», который должен был стать продолжением успешного романа «Битва в пути» (1958).

и мучилась. Потом муж, кажется, помер, этого хоть и не написано, но можно догадаться. Любовник куда-то подевался. Она его любит, мучается и не может забыть, но, оказывается, получает от него письма, но их не читает. Потом встретится в ресторане в пьяном угаре (она решила, чтоб забыть горе, шататься по ресторанам и удариться в разгул) с художником-академиком, который пляшет лезгинку и на которого премии сыплются, прямо как горох. Его тоже кинула, потому что не может забыть того, который пишет письма, а она эти письма не читает. После того, как кинула художника-академика, который собирался писать картину о заводе и о прокате, перестала ходить по ресторанам. Последнего полюбила вдовца-полярника с его двоюродной бабушкой, но и его бросила, потому что не смогла забыть того, который пишет и пишет письма. Я бы назвала этот рассказ «Советская нимфомания».

31 января 1969 г., пятница.

Косыгин, как сообщают, оказывается, был болен и в отпуску, и скоро будет функционировать. Отто Шик, вернувшись из Чехословакии, сообщил в своем интервью, что в стране царит недоверие, обстановка очень тяжкая.

У меня болят все зубы, а лечиться некогда и лень. У Димы болит непонятно что, то ли живот, то ли поясница. Но самочувствие у него намного лучше. Он уже третий день гуляет, рисует рисунки к Владиковой книжке. Эпидемия гриппа свирепствует вовсю. Удивительное говно все-таки, французская компартия. Наши фашисты и то молчат о казнях в Ираке. Зато французские коммунисты не только не осуждают эти действия, а пытаются их оправдать и даже относятся к ним доброжелательно.

1 февраля 1969 г., суббота.

Дима снова ночью просыпался от боли то ли в почках, то ли в пояснице. Самочувствие у него очень неплохое. Говорят, что этот проклятый грипп, будучи сам по себе не очень тяжелый, дает серьезные осложнения. Диме со всеми его болячками как раз не хватает еще что-нибудь. Целый день он рисовал книжку Владику. Книжечка получается очень уютная и симпатичная.

Просочились кое-какие сведения насчет покушения у Кремля. Вроде бы фамилия этого человека Ильин, он сам из Ленинграда, служил в инженерных войсках. Потом вдруг исчез, не сдав оружия. Его начали искать, а он проехал в Москву к своему родственнику, брату, который был капитаном милиции, то ли в охране Кремля. Переоделся в его форму, объяснив брату, что хотел бы видеть проезжающих космонавтов поближе. После стрельбы якобы успел все-таки выпить яд, и в него тоже стреляли, он получил несколько пуль и, полагают, что его уже нет в живых. Арестован кто-то еще, кто именно – мы не разобрали из-за сильного глушения. Все эти сведения передала Канада по-украински. По-русски же они ограничились сообщением, что существует несколько версий этого события, поэтому пока они воздерживаются от комментариев.

В Чехословакии уволили несколько работников радио и телевидения. И вообще, всё уже не то. Люди издерганы, озлоблены, никакого энтузиазма и доверия друг к другу. Как только они подписали «протокол» о размещении наших

войск на их территории, всё рухнуло. Новотновцы и вся стайка снова подняли головы, никакого единства, никакого оптимизма. Во Франции Жан-Поль Сартр³⁰ и еще какие-то деятели устроили демонстрацию, во время которой люди кричали: «Брежнев убийца!»

2 февраля 1969 г., воскресенье.

Неожиданно так потеплело, что даже потекло. Мы с Димой один момент очень бурно поругались, но, слава богу, быстро помирились. На этот раз он сам первый пришел мириться. В этом наше счастье, что мы не можем долго ссориться. Около часа мы гуляли по стадиону, наблюдали за сексуальными играми мальчиков и девочек. Мне, как всегда, сначала гулять не хотелось, а потом я была довольна. Чувствуем, что скорый переезд Галочки неизбежен. Это ужасно отвратительно, потому что она одна, а приедет на ее место пятеро. Господи, неужели мы дождемся нашей квартиры у Киевского вокзала!

Звонили из Алабина старички. Пока вроде бы у них всё в порядке. Зинаида Ивановна очень скучает. Продукты пока у них есть. Завтра уже обещают ноль градусов.

На ночь глядя стали вдруг вспоминать песни о Сталине. Я подумала, какое это было страшное, нереальное для сегодняшнего понимания, мистическое время, добровольно приемлемое и фантастически поддерживаемое миллионами. Может быть, оттого что в этом режиме была своя сумасшедшая логика. Очевидно, формула этой эпохи – «Так надо» – действовала магически даже на самых умных и самых честных, даже в тех случаях, когда было совершенно ясно, что именно так не надо, а надо совсем, совсем по-другому. Дима рассказывал, насколько ему стало легче и приятнее избавиться от всяких сомнений, когда он проникся положением Ленина, что «свобода – это осознанная необходимость». И теперь, когда наше руководство пытается действовать не так, как тогда, после двадцатого съезда партии, когда всем всё объяснили, разрушили веру в Сталина и разоблачили его злодеяния, то ясно, что ничего у них не выйдет, что они обязательно проиграют. Хотя на своем пути в могилу они могут увести с собой всё человечество. Они настолько оголтелые, что готовы пойти на всё, угробить весь мир в своем желании удержаться у власти.

3 февраля 1969 г., понедельник.

Что-то грустно. Димка чувствует себя несравненно лучше. Была у нас поху-девшая и непрерывно краснеющая Марина Ильичева. Будет с Димой работать под его руководством. Принесла неплохие рисунки, эскизы для Волгодонска. Рассказывала, что у нее появился парень, бразилец, и она раздумывает, выходить ли ей за него замуж и уехать ли в Рио-де-Жанейро или нет. Радикулит у нее, хоть и не в такой степени, но болит.

³⁰ Сартр (Sartre) Жан-Поль (1905–1980) – французский философ, эссеист, прозаик, драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе 1964 года (от нее отказался). До подавления советскими войсками венгерского восстания в 1956 г., не будучи коммунистом, стоял на левых позициях. Резко осудив вторжение в Венгрию, он осудил также в 1968 г. и вторжение в Чехословакию.

Юлия и Вадим Сидур в мастерской. Фото: Эдуард Гладков

Юра Левитанский целый час жаловался Диме по телефону на жизнь. Пить ему, оказывается, надоело, друзья надоели. Ему, оказывается, нужен лес, или на худой конец, девка. Я не могла из-за него с работы пробиться домой по телефону.

4 февраля 1969 г., вторник.

Выбрались наконец в подвал. Душно, Эдичка бледный. Из-за тепла ёжик два раза вылезал из своей клеенки и теперь снова перебрался в кошелку.

Приходила Клара. Она тоже какая-то бледная и коротко остриженная. Ничего нового мы не узнали, кроме двух анекдотов – «Брат стрелявшего у Кремля сказал: «Мы пойдем другим путем!»» И второй – «Стрелявший был дублером эсерки Фанни Каплан».

Дима недоволен вылазкой в мастерскую, поскольку там ему нечего было делать, а дома он вынужден был оторваться от Владиковой книжки.

5 февраля 1969 г., среда.

Вчера текло, а сегодня ужасная холодина. Дима в мастерскую не ходил, целый день рисовал обложку к «Истории Огогондии»³¹ Владику. В «Литературной

³¹ Первоначальное название книги В. Бахнова «Внимание: Ахи!»

газете» громадная статья о Словакии за подписью «Журналист», свидетельствующая о полном нашем бессилии. Я, когда читаю подобные статьи, чувствую, что там далеко еще не все потеряно. Морис Лейти из Би-би-си написал статью о публикациях в журнале «Коммунист»³² у нас, в которых некоторые генералы полностью реабилитировали Сталина. Итак, всё медленно, и даже не медленно, а очень быстро возвращается назад. Посмотрим, чем всё это кончится.

Брежнев называют очень многими прозвищами: Бровеносец, Бровкин, Ильич.

Павел Литвинов доехал до места <ссылки> в поезде, где в купе на четырех человек набили восемнадцать. В соседнем вагоне подрались уголовники, часовой просунул в щель автомат и перестрелял всех, кто был ближе всего. Так с трупами и доехали до места. В общей камере перед отъездом людей было столько, что можно было только стоять. Сейчас он работает на каком-то руднике электриком и уже познакомился с очень интересными людьми.

6 февраля 1969 г., четверг.

Мы, может быть, не поехали бы в мастерскую, если не надо было встречаться с одним деловым человеком, который хотел нам дать «пару деловых советов». В основном он посоветовал, когда придут из Министерства культуры по поводу «Портрета Эйнштейна», надеть Диме орденские планки. В итоге мы были довольны, что пришли в подвал. Дима квасился полдня, а там наоборот воспрянул. Марина начала делать эскизы, уже приходит второй день. Эдинька был веселый и бодрый. Дима почти целиком вырезал гравюру «Святое семейство» на линолиуме. В сортире подозрительно целый день булькало, скоро, очень скоро зальет дерьмом. Очевидно, это произойдет уже завтра.

В Чехословакии, судя по выступлению Дубчека перед войсками, победили сторонники реформ. Наши собирают совещание в верхах представителей всех стран Варшавского пакта, вторгшихся в Чехословакию. Скорее всего, будут решать, что делать с этой непокорной страной, так как она решительно не желает подчиняться своим братьям-убийцам по классу.

Прочла путешествие Лемпорта по Нигерии в журнале «Искусство кино». Записки не хуже, чем у других, и рисует не хуже, но и не лучше.

7 февраля 1969 г., пятница.

Димка бодрый, веселый, самочувствие хорошее. Пока я лечила зубы, будучи уже не в состоянии терпеть, Эдик, Марина, а позднее и Дима боролись в подвале со стихией. Как и следовало ожидать, сегодня нас бурно затопляло. Одни работники местные взяли мзду и ушли, сказав, что скоро потоп прекратится. Потоп не прекратился, а усилился. Следующие «ассенизаторы и водовозы» с трудом прочистили какой-то там колодец только к ночи.

Завтра у Димы с утра предстоит свидание с чиновницей из Министерства культуры, к которой в итоге поступило дело с «Портретом Эйнштейна» от замминистра Попова. Все эти люди попеременно звонят Вите Гинзбургу, и еще ни один не обратился к Сидуру, человеку, которого непосредственно это касается в первую очередь.

³² Теоретический и политический журнал ЦК КПСС, издававшийся в Москве в 1923–1991 гг.

Вечером приходил Толя, показывал свои тетрадочки. Он рисует очень неплохо. Чувствуется, как на него одновременно влияют Дима и Эрнст. Говорит, что Эрнст сейчас снова пьет, выпивает пол-литра в день. Толя рисует хорошо, но, как сказал Дима, «неблагородно».

Совсем поздно приехал Зденек Ч. <Черны> с человеком из делегации их министра иностранных дел. Оба пьяные. У чеха из делегации ужасно тяжелый взгляд. Первый раз видела чеха, так сильно похожего на кагэбешника.

8 февраля 1969 г., суббота.

Очень неприятный день. Опять начало заливать, Димка так и не добился аварийки. Какая-то баба, сволочь, сказала, что придут через полчаса, но так никто и не появился. Позже уже на звонки не было ответа. Воньца от вчерашнего потолка довольно густая, а завтра нас ожидает не меньший.

После очень долгого отсутствия появился Алик Киселев. У него свои неприятности в артистической деятельности. Что-то он там плел в оправдание своего отсутствия. Я рада, что он появился, потому что хочется поставить пьесу в моем классе, а без Алика трудно.

Дима свидался с женщиной из Министерства культуры, которой поручено дело с «Портретом Эйнштейна». Она совершенно откровенно сказала, что делодохлое и из него ничего не выйдет. А кто эти дела решает, она сама не знает. Факт, что все эти бумажки от Демичева перешли к Фурцевой, от Фурцевой к кому-то еще, от него к Попову и теперь к этой женщине, которая со вздохом сказала: «Да, вам еще долго придется ждать своего часа!»

Я продолжаю лечить зубы. Очень хороший врач, делает решительно, прочно и с минимальной болью.

Вечером пришли Валька с Эдиком, Владик с Нелей и их Ленька³³ с девушкой. Дима показывал Владиду рисунки. Владик высказывал много своих соображений. Дима ужасно устал, к тому же он совершенно не переносит запаха табака.

В Чехословакии наши подписали соглашение, по которому не имеют права сажать чехословаков в тюрьму.

9 февраля 1969 г., воскресенье.

Варила, варила обед, наконец, сварила. Приходил к нам Владик. Давал ценные указания насчет своей книжки. Дима под его воздействием сделал сегодня еще одну обложку.

Кажется, у нашей соседки родился внук или внучка, судя по громогласным телефонным переговорам. Звонили родители из Алабина. Там морозы доходят до 35°. В нашем доме начали строить пятый этаж.

³³ Бахнов Леонид Владиленович (р. 1948) – прозаик, публицист, историк литературы, критик. Окончил филологический факультет МГПИ им. В.И. Ленина. В 1971–1972 г. работал учителем, позже – в «Литературной газете» (1973), журнале «Литературное обозрение» (1974–1988), с 1988 г. член редколлегии и заведующий отделом прозы журнала «Дружба народов». Член Союза писателей Москвы (с 1992), член Академии русской современной словесности, председатель жюри премии им. Аполлона Григорьева, вручаемой этой академией (1997–2004).

На съезде Итальянской компартии Луиджи Лонго³⁴ сказал, что из-за нашего вторжения в Чехословакию в международном коммунистическом движении появились глубокие трещины. При этих словах глава делегации КПСС Пономарев³⁵ вышел из зала. Би-би-си передавало более-менее оптимистические комментарии по поводу наших дел. Они считают, что группа Брежнева у нас пока еще не победила, и еще не известно, как всё будет. Еще они отметили, что Косыгин появился вновь «мрачный, как всегда».

В мастерской мы сегодня не были. Эдик с Валей принимали там каких-то дам. Одна из них – с телевидения. Дерьмом, к счастью, не заливало, ушло куда-то вглубь.

10 февраля 1969 г., понедельник.

Никуда это проклятое говно не ушло, океаном вылилось наружу и благоухало. Эдинька вчера залюбезничался со своими дамами и прикрыл крышку очень неплотно, поэтому мы имеем не только жидкость, но и сами фекалии. Марина была в подвале одна, когда я позвонила с работы. Видно, весь этот потоп подействовал на нее настолько угнетающе, что она мне очень невнятно объясняла, как он протекает. Дима с Эдиком приехали раньше меня. Они энергично взялись за ликвидацию бедствия. Долго добивались аварийки, а потом полдня убирали. Дима сам активно участвовал и осуществлял общее руководство, поэтому после уборки почти не воняло. Марина настолько погружена в свои лирические и всякие другие размышления, что даже не догадается одеться теплее, зажечь рефлекторы и подогреть себе поесть.

Дима чувствует себя очень плохо. Может быть, из-за несуетной холодрыги. Они были с Владиком в издательстве, где Диме говорили всякие комплименты и сказали, что он, если хочет, может делать до 25 иллюстраций. Поэтому, несмотря на плохое самочувствие, у него было хорошее настроение. И даже, будучи очень усталым после усмирения стихии, он еще до 12 ночи резал гравюру. Была у нас Алка-журналистка, что-то рассказывала.

«Голос Америки» сообщил, что на съезде ИКП в Болонье, когда выступающие критиковали интервенцию в Чехословакии войск Варшавского пакта, присутствующие встречали подобные заявления бурными овациями. Когда же один сторонник оккупации что-то сказал в защиту оккупантов, не раздалось ни одного хлопка. Пономарев покинул зал, когда критиковали СССР и других захватчиков, а остальные наши сидели всё время. Очевидно, им были даны такие указания. У польских писателей съезд прошел как по маслу. Постановили и дальше бороться с враждебной идеологией. Ну и вонючая страна, вроде нашей.

11 февраля 1969 г., вторник.

Первую зиму в своей жизни я не мерзну, не бегаю по улицам рысью, спасаясь от холода. Сегодня жутко устала в школе, сидя на производственном со-

³⁴ Лонго (Longo) Луджи (1900–1980) – член Итальянской коммунистической партии с момента ее создания в 1921 г., с 1964 г. ее генеральный секретарь, с 1972 г. председатель.

³⁵ Пономарев Борис Николаевич (1905–1995) – в 1955–1986 гг. заведующий Международным отделом ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС в 1961–1986 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС в 1972–1986 гг. Академик АН СССР (1962). Герой Социалистического Труда (1975).

вещании. Дима выглядит очень неважно, хотя и постригся. В мастерской они с Эдиком пытались включить большую печку и пережгли свет в маленькой комнате. К тому же в сортире снова подозрительно булькает, очень противно, что завтра, наверно, снова зальет, да еще света нет. Завтра днем хотели прийти какие-то чехи. Дима напечатал много новых гравюр, очень красивые. Алик снял себе однокомнатную квартиру с телефоном и сегодня будет в ней ночевать первую ночь.

12 февраля 1969 г., среда.

Дима встречался с чехами. Узнали, что Тауфер – такая гадина, чуть ли не доносчик. Видела фотографию Яна Палаха. Когда я приехала, чехов уже не было. Пришел один парень, Максим, со своей живописью. Он учился у Володи Вейсберга³⁶ и это сразу видно, влияние полнейшее. Потом пришли мои ребята, окончившие школу в прошлом году. Симпатичные, неуклюжие мальчики. Дима сильно притомился. Полдня рисовал книжку, потом резал гравюру. Слушали по «Немецкой волне» письмо Арагона³⁷, в котором он пишет, как его газету *Lettres françaises* присылают обратно, нераспечатанной, из Москвы.

13 февраля 1969 г., четверг.

Вначале с Димой немножко поругались, потому что Дима, узнав, как Алик трактует мою пьесу для моих ребят в классе, очень рассердился и сказал, что это уже не моя пьеса, а этого «болвана» Алика, который, хоть и способный, но «болван», и я иду у него на поводу. Потом мы помирились.

На улице страшный ветер, сбивает с ног, и метель. Эдинька делает слайды на нашей пленке и недоволен ею. Приехала Марина, голодная, холодная, изуродовала себя в своем Загигалове и теперь всю жизнь будет мучиться. Дима говорит, что она очень способная, хорошо и умно всё делает, а главное – сразу чувствует, что Дима от нее хочет. Дима очень ею доволен. <...> Дима ревнует, что я с Аликом делаю пьесу. Я все недостатки Алика тоже знаю, но он умеет делать то, чего я не умею, и в чем-то он ничего. А главное – он совершенно бескорыстно сделал уже один спектакль в моем классе и сейчас делает второй. Как же я могу этого не ценить? Основное в нем неприятное качество – это невероятное самолюбие и желание выскочить сразу, сию минуту. При этом в нем недостаточно гибкости, тактичности и глубины, и одновременно какая-то удивительная наивность и самомнение.

Вечером Дима вырезал гравюру, Марина рисовала эскизы к Волгодонску, Эдинька делал слайды, я ходила в магазин, убирала, готовила. Пришел архитектор Гриша Лозинский. Оказывается, этот парень был с Димой в Кушке в пулеметном

³⁶ Вейсберг Владимир Григорьевич (1924–1985) – живописец и график, член МОССХ с 1961 г.

³⁷ Арагон (Agaron) Луи (1897–1982) – поэт и прозаик. Член Гонкуровской академии. Член Французской компартии с 1927 г., член ЦК ФКП с 1954 г. Редактор газеты *Les Lettres françaises* (1953–1972), выходившей при финансовой поддержке ФКП (а эта партия в свою очередь финансировалась из Москвы). Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1957). В 1960-х гг. выступал с осуждением судебных преследований писателей в Советском Союзе, резко выступил против вторжения советских войск в Чехословакию.

училище, и тоже после фронта остался жив. Четыре раза ранен. Уже трое в Москве, уцелевших после Кушки и фронта – Дима, Эрнст, Гриша. Гриша, так же как Дима, говорит: «Хожу и не верю, как я жив остался». Он предлагает сделать памятник погибшим во время войны студентам МАИ. Он сказал, что умер Борис Петрович Чернышев. Очень жалко. Он был хороший художник и колоритный старик. Казалось, так курить и пить чай из одной заварки, а также ходить с грязной бородой и в рванье он будет до ста лет. Дима считает, что он умер, потому что переменял режим. У него появилась квартира, он не каждый день ходил в мастерскую, которая тоже у него была новая³⁸, он стал богатый, поправился, а ему, оказывается, всё это было вредно. Единственно, повезло ему, что хотя бы устроили ему выставку³⁹. Целый месяц она висела. Выставка была хорошая, а народу, по-моему, было немного.

14 февраля 1969 г., пятница.

На улице метель жуткая, со снегом, но не холодно. Дима долго ковырялся в подвале, целый день. В основном рисовал для Владика и дорезал гравюру «Война». Таких гравюр сейчас две – мужчина и женщина. Ужасно страшные.

Марина совсем испортила свое здоровье. Дима говорит, что ее так скрутило, что всю перекосило от боли. У нее какие-то спазмы в животе и живот болит. Дима говорит, что она всё время голодная. Я заметила, что после еды она немного розовеет и явно ей делается лучше. Рисует она хорошо и чутко. Ходили с Эдинькой в прачечную. Недодали нам два пододеяльника. Обещали отдать позже.

15 февраля 1969 г., суббота.

Ужасно я устала, на ногах не могу стоять. Было много людей. Юра Левитаных с Мариной и с двумя гостями из Сибири. Один из гостей – директор какого-то предприятия в Ангарске, толстый большой мужик. Удивительно, что человек с типично директорской внешностью и высоко подбритым затылком, как у полковников, так здорово понимает или, во всяком случае, чувствует искусство. Ему невероятно всё понравилось. Более того, у него сразу же появились конкретные деловые предложения для Димы. У них есть деньги, и они хотели бы иметь вещи, но поскольку МОССХ никогда на это не согласится, он предлагает как вариант оформить Диму на работу с приличной зарплатой, чтобы Дима мог спокойно работать.

Были Боря Хазанов с Мариной и с неприятными знакомыми-музыкантами. Юра напился, начал цепляться к <жене> Марине, но я это дело быстро пресекла,

³⁸ Осенью 1963 г. Б.П. Чернышев получил мастерскую в помещении бывших складов во дворе по ул. Куйбышева № 3/4, куда перевез свои произведения – мозаичные и фресковые панно, скульптуру, живопись и рисунки – из прежней маленькой мастерской, располагавшейся в бомбоубежище дома на углу Ленинского и Ломоносовского проспектов.

³⁹ В декабре 1966 г. – январе 1967 г. в выставочном зале Дома художников на ул. Вавилова, 65 прошла первая персональная выставка Б.П. Чернышева в Москве, приуроченная к 60-летию со дня его рождения. На ней художник представил все виды своего творчества – мозаики, фрески, сграффито, мелкую пластику, портретную и монументальную скульптуру, темперную и акварельную живопись, линогравюру, рисунки. Был выпущен небольшой черно-белый буклет.

шикнув на Юру погромче, потому что ждать, пока Марина озлится и они поругаются и подерутся было ни к чему. Тогда Юра успокоился и стал лезть мне пальцем в ухо.

16 февраля 1969 г., воскресенье.
 Каждый день мы с Димой на ночь глядя беседуем. Это у нас называется «после полуночи». Сегодня говорили о Борисе Петровиче. Дима очень переживает его смерть. Он говорит, что в его жизни сыграли роль, как учителя, три человека – это Мотовилов⁴⁰ и Саул Рабинович в Строгановке, а позже Борис Петрович. Борис Петрович – самый из них настоящий, потому что он сам хороший художник. Дима противен им всем трем. Он вступил <в конфликт> с Мотовиловым еще в училище⁴¹, Саул, хотя и научил его чему-то, но сам за свою жизнь ничего не создал. Борис Петрович был художник. И в итоге он понял, что такое Дима, и даже снизошел до того, чтобы высказать ему свое одобрение. Несмотря на всё увивание вокруг себя Силиса и особенно Лемпорта, он ему тоже высказал свое отношение к его произведениям, оно было далеко не хвалебным. А Борис Петрович был наивно откровенным в оценках, что очень часто раздражало. Он ходил грязный, нечесаный, с живописной бородой, в рваной ужасной одежде, пил чай, вываливая на заварку почти целую пачку, курил отвратительные папиросы «Прибой». Мастерская у него появилась за несколько лет перед смертью. До этого он пребывал в вонючих щелях, из которых его часто выгоняли. Дима считает, что его сгубило улучшение жизни и еще то, что он выдохся и сделал всё, что ему в жизни было положено. У него изменился режим и он говорил: «Ты знаешь, Дима, что-то со мной случилось, в мастерскую не хочется идти. Вроде бы квартира теперь хорошая, останусь лучше дома». Я вспоминаю,

⁴⁰ Мотовилов Георгий Иванович (1882–1963) – скульптор-монументалист. В молодости систематического художественного образования не получил, закончив медицинский факультет университета. Тем не менее занимался непосредственной, практической работой в студиях лучших скульпторов начала XX века, среди которых С.М. Волнухин. В годы Первой мировой войны – фронтовой врач. В 1918–1921 гг. возобновил занятия скульптурой во ВХУТЕМАСе в Москве у С.Т. Коненкова. В 1945–1963 гг. преподаватель и заведующий кафедрой скульптуры в МВХПУ (Строгановском училище), профессор (с 1953). Один из создателей советской школы монументально-декоративной скульптуры. Удостоен золотой медали на Всемирной выставке в Париже в 1937 г. за статую «Металлург». Автор памятников А.П. Чехову в Ялте (1953), М.И. Кутузову в Смоленске (1954), А.Н. Толстому в Москве (1958) и др. установленных в СССР памятников, бюстов и монументов. Автор барельефов, украшающих здания МГУ, ВСХВ, Дома композиторов в Москве, станций и вестибюлей кольцевой линии московского метро «Парк культуры», «Октябрьская», «Комсомольская», «Проспект мира», а также «Смоленская», «Площадь Революции», «Новокузнецкая», «Электровзаводская». Работал также в малой пластике. Лауреат Сталинской премии (1950).

⁴¹ По рассказам В. Сидура, несмотря на то, что в эпоху «борьбы с космополитизмом» он открыто заступился за своего преподавателя, заявив, что тот не космополит, Г.И. Мотовилов во время подготовки дипломного проекта позволил себе рассердиться на В. Сидура за то, что он выполнил дипломную скульптуру в натуральную величину, а не в малую, как все другие студенты. Он даже кричал: «Или я, или он!», и заставил В. Сидура сделать другую скульптуру в меньшем размере, за которую поставили ему по основной специальности не пятерку, а четверку, единственную в дипломе (все остальные были пятерки), «за гордыню».

что Алка-журналистка рассказывала, что встретила Лемпорта, который ей сказал: «Живем красиво, проживаем состояние».

Мы утром ходили с Димкой на рынок. Нам повезло, потому что была потрясающая погода. На рынке было очень весело. Дима сказал, что если бы у нас была частная торговля, мы бы давно жили в цветущей стране, имели бы избытки.

Эдинька снимал меня с «Эйнштейном». Пришел Алик, мы обсуждали пьесу. У нас возникли расхождения, но в итоге договорились. Дима тоже участвовал, пока не пришел Владик. Владика понравились все рисунки к «Огогондии». Последняя пришла Клара из Таганки, смотрела «Тартюф».

17 февраля 1969 г., понедельник.

В школу к нам приходил Клод читать десятиклассникам лекцию о поэтах-символистах Бодлере, Рембо и Верлене. Он сказал мне, что скоро во Франции должна выйти его статья про Диму с одной фотографией, в газете *Normandie*... и еще что-то⁴². Еще он рассказал, что был у Брусиловского⁴³, и его жена говорила про Диму всякие гадости, хотя они были у нас в подвале в гостях и мы их угощали и хорошо принимали. Этот Брусиловский – завистливый, самодовольный хмырек, очень мастеровитый, но без искры божьей. Ужасно противный малый. И жена его вульгарна и пошла до предела⁴⁴.

Димка плохо спал, но чувствовал себя бодро. Сделал несколько шедевров – монотипий. Свой портрет напечатал невероятно похожий, который, наконец, меня устраивает. Обычно, Димка рисует себя не очень похоже. Сегодня уже второй день сильно пахнет весной. Марина трудилась уже в глине. В рисунках у нее пока что лучше получается.

В школе к моим ученикам шестого класса пришел парень-африканец из Руанды. Очень симпатичный, интеллигентный парень. Он дает ребятам несколько уроков географии на французском языке. Дети были в восторге. Удивительная доброжелательность, уважение, желание работать. Еще перед его приходом они мне сначала сказали, что придет преподаватель-иностранец, а уж потом я поняла, что это черный. Они сразу же вступили в очень дружеский контакт и остались друг другом довольны. Меня обрадовала эта сцена, и я еще раз подумала, откуда же берутся все эти подонки: расисты, антисемиты, человеконенавистники. Явно, что это не заложено в природе человека, а если и заложено, то в крайне небольшом количестве дегенератов. А то, что прививается миллионам – это, безусловно, приобретенное, возвращенное, взлелеянное, навязанное. Недобрые чувства можно «прививать также успешно, как и хорошие».

⁴² Публикации не последовало.

⁴³ Брусиловский Анатолий Рафаилович (р. 1932) – живописец, график, книжный иллюстратор, художник кино. Один из основоположников в Советском Союзе коллажа, ассамбляжа и боди-арта, сеанс которого провел в своей мастерской в 1969 г. Участник неподцензурного альманаха «Метрополь» (1978). С 1986 г. живет в Кёльне (ФРГ). Автор книги мемуаров «Студия» (СПб., 2001).

⁴⁴ Подразумевается гражданская жена А.Р. Брусиловского манекенщица Галина Миловская. (См. записи от 15 сентября 1971 г.).

18 февраля 1969 г., вторник.

18 Марина – из тех учеников, которые в итоге становятся врагами своих учителей.

Неожиданно позвонил Володя Бураковский, пригласил нас в Дом кино на Васильевской смотреть фильм «Андрей Рублев»⁴⁵ Тарковского. Мне рассказали, что в этом фильме кому-то льют свинец в рот, и мне сегодня почему-то не захотелось смотреть на такие картинки. Я уступила свою возможность Эдиньке, который ужасно обрадовался.

Приехал знакомый парень из Харькова Ким. Мы с Мариной и Кимом остались, а Дима с Эдиком помчались в Дом кино. Через час Дима вернулся один. В кино они не попали, так как Бураковский там немного потолкался у входа перед Диминым приходом, а потом ушел в зал, так как места были не пронумерованы. Возле Дома кино собрался весь beau monde: Кадя Мигдал, Женя Зверева, Женя Гусева и многие другие. Дима там замерз и был очень рад вернуться в теплый подвал. Ежичек маленький проснулся, стучит блюдами, второй день уже съедая всё, что ему даю. Ким привез нам в подарок круглую бутылку.

Совсем поздно, часов в десять, пришла Алла З. <Зайцева> со своими друзьями. Одна из них – чешка, только что вышедшая замуж за нашего парня. Были еще какие-то ребята, наши, очень наивные. Они уверяли, что чехи должны были сопротивляться и тогда они обязательно победили бы, а в наших войсках было бы восстание. Ужасно смешно это слышать. Сейчас чехословаки победили нас морально, мы по уши сидим в дерьме. Во всем мире к нам презрение и ненависть. Компартии мира, самые крупные, от нас откололись. В Чехословакии очень и очень относительная цензура печати, если у нас через десять лет будет такая же, мы будем счастливы. Они сохранили страну, свои прекрасные музеи, площади, дороги. Они не дали возможности утопить страну в крови, чего так хотели наши. Ведь нашим не впервой лить кровь чужую, а главное – свою особенно не жалко. Чехословаки не подвергаются репрессиям, они продолжают свои реформы, проводят процессы по реабилитации, готовятся к выборам, они сохранили свое правительство. Нашим остается в злобе и бессилии наводнять страну нелегальной газетенкой «Справы». А главное – они сохранили свое достоинство. Юноша Ян Палах оказался сильнее глупой и преступной силы. Они пошли на компромиссы и, безусловно, наше вторжение и оккупация очень им нагадили, но разве можно это сравнить с тем, что произошло бы, если бы они сопротивлялись вооруженным путем. Это бы длилось очень недолго, разрушена была бы вся страна, голод, кровь, разруха, в такой обстановке обязательное коллаборационистское правительство из типов вроде Тауфера, и никогда никто бы им не помог. Молодцы чехословаки! Великий народ, умный, гордый. Маленькая Чехословакия открыла миру новый путь развития общества. Снова занялись непосредст-

⁴⁵ Художественный фильм «Андрей Рублев» (1964–1966), режиссер и автор сценария (совместно с А.С. Михалковым-Кончаловским) А.А. Тарковский, киностудия «Мосфильм». В 1969 г. фильм был показан на Каннском кинофестивале, удостоен там специального приза и получил известность. В СССР после долгих цензурных запретов выпущен на экран ограниченным количеством копий лишь в 1971 г. Тогда же его посмотрели В. Сидур и Юлия (см. ниже записи от 26 декабря 1971 г.). До этого кинофильм изредка демонстрировался на закрытых просмотрах в «Домах» творческих работников и т. п.

венно человеком. Через свои испытания они указали человечеству следующее Возрождение. Они открыли для людей новую эру и, очевидно, они заслужили это свое высокое назначение, раз бог выбрал именно их для этой прекрасной цели.

19 февраля 1969 г., среда.

Сегодня нам принесли книжечку чехословацкого искусствоведа Душана Конечного⁴⁶. Книжка поражает своей убогостью, неточностью и несерьезностью. В одну кучу собраны многие советские современные художники – от относительно левых до откровенно правых, хотя все одинаково прозваны «левыми». Такое ощущение, что книга писалась под диктовку Эрнста, так как оказывается, что все художники развиваются и развивались возле него. Даже такие, как Соколова и Жилинская. Некоторые слова точно повторены из речей Эрнста, мы прямо как будто слышали его голос. Из большого количества фотографий плохих работ есть одна очень хорошая картина Целкова⁴⁷. Она, единственная, сразу же отличается от всего, что там помещено. Рисунок и скульптура Эрнста выглядят очень неинтересно. Про Диму вообще написан какой-то бред и вранье. Например, что он только с 1965 года отказался от «декоративности» и стал работать более оригинально. Фотографию же скульптуры «Операция на сердце», как нам рассказали, этот Конечный потерял. Еще там написано, что через несколько лет Сидур тоже, наконец, приблизился к группе Неизвестного. Автор настолько невнимателен, что даже не заметил в своей собственной прессе, что работы Сидура печатались в большом количестве, начиная с 1964 года, а сделаны они были еще раньше, и ни о какой «декоративности» там не могло быть и речи. Димины фамилия написана почему-то под Жилинской, выделенной жирным шрифтом, рядом с ее ужасной скульптурой. Сначала несколько слов говорится о Силисе, Сидуре, Лемпорте, у которых портреты Хемингуэя и Хикмета сделаны из керамики (это точные слова Эрнста, хотя эти Лемпортовские головы гранитные). А потом уже написано тоже несколько слов мелким шрифтом, что Вадим Сидур с 1965 г. стал лучше и т. д. Данек говорил, что Конечный – друг Эрнста. Тот даром отдал ему 90 своих гравюр. Поэтому не случайно, что этот Конечный, будучи в Москве, всё время собирался прийти к нам в подвал, но так и не пришел, собирался напечатать фотографию «Операции на сердце», но случайно ее потерял. Будучи искусствоведам, занимающимся советским современным искусством, случайно не заметил фамилию Сидура и его работы, опубликованные в Чехословакии, Югославии, Польше, Швеции и больше всего – именно в Праге и Братиславе. К тому же, какими бы ни были Лемпорт и Силис, они художники, безусловно, лучше, чем то барахло, напечатанное в его, мягко говоря, нечестной книжке. Автор – явно человек недобросовестный, и теперь мы даже

⁴⁶ Конечный (Конеčný) Душан (1928–1983) – журналист, автор исследований по советскому искусству. Имеется в виду его книга: Hledání Tvaru Moskevské a Leningradské ateliry. Praha. *Sveji Soveti*. 1968. Д. Конечный публично поддержал ввод советских войск в Чехословакию в августе 1968 г. Когда вскоре после этих событий он, приехав в Москву, попросился по телефону прийти в мастерскую к В. Сидуре, тот не пустил его. (См.: *Сидур В., Аймермахер К.* «О деталях поговорим при свидании...» Переписка. – М., РОССПЭН. 2004. С. 268).

⁴⁷ Целков Олег Николаевич (р. 1934) – живописец. С 1977 г. живет в Париже.

рады, что не имели с ним никаких дел. Интересно, что Эрнст так боится конкуренции только одного человека во всем Советском Союзе – Сидура.

Встретила Марину с ее бразильяно. Марина людей явно идеализирует. Я не увидела в нем ни грамма наивности, о которой так много говорила Марина. Парень – очень хитрован и, скорее всего, «наш человек» в Рио-де-Жанейро. Они меня не видели. Вернее, Марина окинула меня пустым взглядом и не узнала. Она все время пребывает в прострации.

Дима рисует, доканчивает рисунок, где убитые женщины и дети во рву. Вечером приходил поэт-переводчик с итальянского Женя Солонович договариваться насчет иллюстрирования Петрарки. Неожиданно принес 70 рублей от Пачини за монотипию из цикла «Дым и пепел». Тогда Пачини уезжал, и у него было только 70 рублей, а теперь он дослал через Женю остальные. Это очень кстати.

Имели неприятный визит техника-смотрителя с монтером. Будут придирааться со счетчиком. Ёж вылез совсем. Дима считает, что он где-то складывает удрушенных мышей. Никто, кроме него, этого не чувствует.

20 февраля 1969 г., четверг.

Дима прочитал мои последние записи и сказал, что у него есть некоторые замечания. Он сказал, что чем длиннее я пишу, тем хуже, очень неточно. Например, что значит: «жена Брусиловского наговорила про Диму много гадостей»? Когда она точно сказала: «Сидур – официальный художник, очень богатый». Потом, моя фраза про Марину, что «она из тех учеников, которые потом становятся врагами своих учителей» – ни о чем не говорит. Марина сказала, что она делает по манере и теме близко к Диминым, и поэтому ее раздражают некоторые его работы. Хотя сама вышла из него целиком и полностью в том, что у нее хорошо получается. А как только оторвалась от Димы, сразу стала делать всякую ерунду. Про Конечного Дима тоже сказал, что я плохо записала, слишком эмоционально и мало аргументованно. Книжка его плохая прежде всего потому, что она представляет советское искусство хуже, чем оно есть на самом деле. Даже те, кого он хвалит, представлены худшими вещами, чем их уже представляли в других местах. Например, плохая гравюра Юры Васильева⁴⁸, хотя у него есть гораздо лучшие. Дима считает, что, возможно, Конечный это сделал нарочно, чтобы наши выглядели хуже. Дима говорит, что на Западе вообще наше искусство настоящее никого не интересует. Интерес вызывается только там, где пахнет скандалом. На Западе очень боятся нашей конкуренции, боятся за свои рынки. Их как раз очень устраивает, чтобы у нас все было убогое и серое, потому что, если бы у нас так не давили, мы бы снова дали по мозгам всему миру. Еще Дима сказал, что у нас могут как-то вырваться и процветать только те, кто неизбежно проходит через органы КГБ – как это было в случае Эрнста, Глазунова⁴⁹, Брусиловского, Холина⁵⁰, Сапгира и, наконец, сюда присоединились Лемпорт и Силис. Другого пути пока у нас нет.

⁴⁸ Васильев Юрий Васильевич (1925–1990) – живописец, скульптор, театральный художник.

⁴⁹ Глазунов Илья Сергеевич (1930–2017) – живописец и график. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1973), Народный художник СССР (1980), академик АХ РФ (2000), лауреат Государствен-

Клара Израилевна Лозовская и Юлия в мастерской (начало 1970-х гг.). Фото: Эдуард Гладков

Есть возможность, что Владикова книжка накроется. Ее уже отдали на рецензию, значит редакторша себя на всякий случай страхует. У Димы уже погорела книжка Юрина в Иркутске, Кушнер в Чехословакии, теперь Владик. Наши финансы скоро запоют романсы. Владик очень переживает.

Юра Левитаныч сказал по телефону, что югославы пригласили к себе на симпозиум из литераторов его, Твардовского и еще кого-то, а из остальных будут приглашать Диму и Театр на Таганке. Снова такое сочетание, как тогда в «Млада творбе» – приглашают Сидура и Театр на Таганке, а пришлют кого-нибудь еще или вообще никого не пришлют.

ной премии РФ (1997). В начале 1960-х гг. создал недолго просуществовавший патриотический клуб «Родина», автор журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник». Всегда был невероятно успешным, получая многочисленные зарубежные командировки, портретируя важных персон (короля Швеции Карла XVI Густава, короля Испании Хуана Карлоса I, короля Лаоса Саванг Ватхана, президента Финляндии У. Кекконена, премьер-министра Индии И. Ганди, президента Чили С. Альенде, лидера Кубы Ф. Кастро, актрисы Д. Лоллобриджиды, космонавта В. Севастьянова, писателей С. Михалкова, В. Распутина и др.). Получал право устраивать крупные персональные выставки (например, в Манеже в 1964 и 1999 гг.). Известен крайне ортодоксальными, злыми высказываниями об авангардном искусстве.

⁵⁰ Холин Игорь Сергеевич (1920–1999) – поэт, прозаик. Участник Великой Отечественной войны. В 1950-х–1960-х гг. активный участник Лианозовской группы, член неофициальной литературной группы «Конкрет».

Сидели тихо одни. Дима дорисовывал рисунок с убитыми, чем-то он нас не устраивает. Сегодня очень устали, провернули кучу дел. Убирали квартиру, варили обед, ходили по магазинам, в аптеку, стриглись, мылись и к ночи дошли до ручки. Еще Дима мне сказал, что я очень слабый философ, особенно в обобщениях. И вообще, много рассуждаю и мало даю точных фактов.

21 февраля 1969 г., пятница.

Димка сделал совершенно отличную монотипию «Распятие». Эдинька съездил в Алабино, отвез два чемодана продуктов. Выглядят старички неплохо, но очень соскучились. Мы с Димой решили съездить в четверг в Алабино, всего лишь до вечера, чтобы повидаться. Вечером заехали Толя с Милой. Они сказали, что Эрнст очень недоволен чем-то. Напивается пьяным до бесчувствия, спяну на днях матерился и хвастался, что виделся с самим «бровастым». Мила говорит, что Эрнст недоволен оттого, что его больше не считают «левым», «модным» и так далее. Вполне официальный скульптор, а выставляться широко не дают. Слава на чужбине его не удовлетворяет. Толя сказал, что когда он иногда упоминает при Эрнсте Димино имя, в каких-нибудь сравнениях с ним, Эрнст очень болезненно реагирует.

Милка немного сблелнула.

Есть упорные слухи, что наши готовят по своим серьезный удар. Откровенно на предприятиях вербуют стукачей.

В сортире подозрительно булькает. Ёж снова не выползает, уже два дня.

22 февраля 1969 г., суббота.

Я пришла в подвал первая и никак не могла открыть дверь, что-то заедает в замке. Ковырялась, пока не пришел Эдик и мы вошли вместе. Сразу же услышали немелодичное журчание. Потоп явно продолжался уже несколько часов, все дырки были заполнены доверху и воняло сильно, хотя прикрыто было хорошо и лезла только жижа и бумага.

Потом пришел Дима, а мне нужно было возвращаться в школу на вечер. Они с Эдиком долго ковырялись по устранению бедствия. Я вернулась, когда уже всё было убрано, сидели в гостях Бураковский Володя с женой, Валька, а позже приехали Толя с Милой, привезли книжку с гравюрами Пикассо, чтобы Эдик их переснял. Пикассо – очень лихой старикан. В 87 лет его волнуют всякие эротические проблемы, рисунки почти все выдают это его волнение.

23 февраля 1969 г., воскресенье.

Из дырок, в которые ушел вчерашний потоп, сильно воняет. Сегодня была совершенно изумительная погода. Дима был недоволен тем, что у него сломался будильник, и он проспал. Долгое время ворчал по этому поводу и сердился на меня. Потом наоборот сделался веселым, добрым и красивым. Сходил погулять один, а я чего-то дошла от своей школы и целый день ничего не делала. Вечером у нас был большой прием: Женька Зверева, одна без Бори, он болен печенкой, и она с ним в ссоре. Нина Гинзбург без Вити, Витя болен гриппом, и Нина с ним в полуссоре, Алик Борин с Лялей, их друзья, Эдинька, Юра Леви-

танский со своим родственником Володей, который работает в советском посольстве в Венгрии и привел с собой венгерского фотографа. Фотограф много снимал Диму во всех видах. Перед уходом сказал, что хотел бы, чтобы Дима подарил ему раскрашенную деревяшку. Дима отказал. Непонятно, за что надо было ему ее дарить. Эдик наблюдал за съемкой с большим интересом. Этот фотограф сказал ему слово в слово то же, что и Дима – ему надо очень и очень много снимать, в сто раз больше, и что способности у него есть, а дальше – только работа. Женька очень ловко острела. Когда кто-то сказал, что у Расула Гамзатова⁵¹ в Барвихе была комната с фонтаном, Женька ответила: «Наверно, это было биде».

Последними пришли Ганионские. Семен выдал информацию, что будто бы после покушения был специальный пленум, на котором половина высказалась за репрессии, но «разум восторжествовал» и от этого метода отказались, поскольку в репрессированных обязательно окажутся интеллигенты, а сейчас нужны головы. У нас стоят какие-то там важные машины, на которых никто не может работать. Кроме того, если мы будем всё время гнаться за американцами в вооружении, мы на двадцать лет должны даже забыть о продвижении страны вперед в экономическом плане. Опять же должен был быть пленум по идеологическим вопросам, но его тоже отменили, так как сейчас очень трудно на кого-то опираться. Нужны имена, а их нет. Грибачев и Кочетов – не фигуры, а Шолохов, Полевой, Симонов, Леонов, не говоря уж о Твардовском, сбились с панталыку и недопонимают задач партии на данном этапе.

24 февраля 1969 г., понедельник.

Школьная деятельность в итоге меня доконает. Только приехала в подвал отдохнуть, тут же пришлось ехать обратно на родительское собрание. Дима прорисовывает монотипии, получается очень и очень здорово. У Марины стали лучше получаться барельефы. Приходила при Марине, когда Димы не было, техник-смотритель, что-то орала, грозилась отключить свет. Дура чертова, психопатка.

25 февраля 1969 г., вторник.

Дима в очень раздраженном состоянии из-за этой суки техника-смотрителя, которая буквально нас терроризирует. Грозит отключить свет и всякие другие кары. Несмотря ни на что, Дима целый день прорисовывал монотипии. Получается невероятно здорово. Мы коротко поцапались и тут же помирились, слава богу. Ёжик бегаёт всюду, снова сделался толстый.

Виделись с Сашей и Лерой. Они, как поженились, стали очень похожи друг на друга.

26 февраля 1969 г., среда.

Дима говорит, что гулял по стадтону больше часа, так как была совершенно изумительная погода. Наметились некоторые улучшения с техником-

⁵¹ Гамзатов Расул Гамзатович (1923–2003) – аварский поэт, публицист. Лауреат Ленинской (1963) и Сталинской (1952) премий, Герой Социалистического Труда (1974), Народный поэт Дагестана.

смотрителем и Шурой. Это, оказывается, Шура донесла, что у нас печки, из-за того, что Лемпорт с Силисом должны были ей 15 рублей и не отдали. Позавчера позвонили с АТС и сказали, что Лемпорт с Силисом отказываются платить за телефонные разговоры, которые они вели. И платить должен Дима, так как теперь он хозяин.

Дима нарисовал целую серию рисунков «Воспоминания о каталоге Пикассо», невероятно смешных. Марина угрюмо лепит, иногда улыбаясь. Витя Гинзбург рассказал о беседе с Поповым, заместителем Фурцевой. Витя позвонил ему сам. Тот вначале весело сказал: «Я очень смеялся, глядя на эту фотографию и вспоминая то место в письме, где вы пишете, что этот портрет понравился особенно тем, кто работал вместе с Эйнштейном». На это Витя рассердился и сказал, что лично ему эта работа нравится, что фотография стоит у него на полке и он ею любит, а у Попова, очевидно, другой вкус, и у американских физиков тоже другой вкус. После этих слов Попов сразу же переменяет тон и сказал: «Значит я не дорос». Витя ответил: «Да». Еще Витя сказал: «Если вы отказываетесь, я им так и напишу». – «Нет, – сказал Попов, – пожалуйста, пока не пишите, сначала мы должны дать ответ той инстанции, в которую вы обратились. Я сам постараюсь заехать к скульптору в мастерскую и в понедельник вам позвоню». Теперь мы должны ждать его визита до понедельника. Дерьмо такое. И он, говорят, еще не самый худший.

Архитектор Гриша Лозинский привез парторга МАИ. Оказался человек, на которого Дима произвел сильное впечатление. Они подхватили его и отвезли к себе в МАИ смотреть место для памятника погибшим студентам. Этот парторг хочет поставить памятник к 9 мая 1969 г. Я считаю, что это бред. Даже растленным капиталистам было бы тяжело, а уж в нашем передовом обществе – год срока, это минимум для памятника. Правда, парторг говорит, что если ему понравится проект, то остальные работы: хозяйственные, сварку, литье, фундамент, обработку камня и так далее, они сделают сами очень быстро. Всё равно, мне кажется, что этот человек настолько далек от этих дел, что даже не представляет себе, насколько этот срок нереален. Дима сделал уже один эскиз. Ничего, конечно, действительно хорошего поставить туда не дадут. Речь идет, чтобы это было хотя бы достойно.

Дима продолжает с огромным удовольствием прописывать монотипии.

27 февраля 1969 г., четверг.

Возможно, что я захвораю, температура 37,1°. Температура не страшная, но жутко чихаю, кашляю и в насморке. Димка ушел в подвал без меня, предварительно погуляв по стадиону целый час. Я осталась и сделала много по хозяйству: постирала, погладила, убрала квартиру, несмотря на плохое самочувствие. Сейчас чувствую себя ничего, а выгляжу плохо.

В подвале Дима общался с Наташей Епифановой, Эдиком и Гришей Лозинским. Эдик снимал всякие операции на сердце у Бураковского. Наташа принесла мне в подарок апельсины. Дима с Гришей обсуждали памятник погибшим студентам из МАИ. В подвале было холодно и мозгло, потому что во всем доме отключили отопление.

Дима, когда пришел, прочитал мне рассказ Андрея Платонова «Семён». Он потряс меня совершенно. Я уверена, что это самый лучший писатель России. Я вспомнила рассказ Владика: «Во времена культа Платонов жутко бедствовал, пил и работал дворником во дворе Литературного института. Однажды один дерьмовый “поэт” Сергей Островой⁵² – сытый, довольный, преуспевающий, встретив Платонова, сказал: “Здорово, Андрей!”. Платонов приподнял свой картузик и ответил: “Здрасьте, барин!”».

28 февраля 1969 г., пятница.

Долго ждала в школе Алика. Только перестала его ждать, он приехал. Позанимались с ребятами. Он сказал: «Теперь я богачей, могу отвезти тебя на такси». – «Откуда же у тебя деньги?» – «Я занял». Алик рассказал, что выступил у себя в театре против кандидатуры Брежнева в депутаты, за что Любимов на него рассердился. Алик даже выступил не против, а воздержался, все равно Любимов вызвал его к себе и сказал: «Мы же живем не на Луне». И потребовал, чтобы Алик извинился перед членами райкома, которые там присутствовали, и чтобы он объяснил им свое «воздержание» тем, что он не подумал. Алик отказался и теперь немного тухает.

Погода гадкая и мозгляя, так что Димины гуляния по стадиону уже ему надоели и даже неприятны. В мастерской бродят ёж и Эдик. Эдинька доволен тем, что снимает каждый день в институте у Бураковского. Дима сделал в глине эскиз для памятника в МАИ. Никто никогда такой памятник не поставит.

1 марта 1969 г., суббота.

Сегодня у нас был девичник. Дима ужасно был доволен. Валька с Эдиком привели своих подружек Аню и Аллу, потом пришла Кларочка. Звонила Нина Кондрашина, они с Кириллом Петровичем приглашают нас в консерваторию слушать Малера во вторник.

Ходят нелепые слухи, что Суслов⁵³ якобы теперь вместо Брежнева. Жаль, что это вранье. Суслов тоже сволочь, но говорят, что он умнее.

2 марта 1969 г., воскресенье.

Сегодня очень значительный и интересный день. Мы встречались с чехами.

Получили наконец большое письмо от Вашека Данека. Письмо изумительное – сумбурное, сумасшедшее и пронизано огромной любовью к нам и к России. Мы очень обрадовались этому письму. Мы чуть-чуть стали сердиться на Вашека за его молчание. Тем больше была наша радость, когда мы получили письмо. Кроме того, Вашек прислал нам две замшевые куртки – одну Диме, одну мне, очевидно, он все-таки получил какие-то деньги по Диминой доверенности. Парень-чех, принесший нам письмо – работник Пражского радио, пришел с женой,

⁵² Островой Сергей Георгиевич (1911–2005) – поэт, печатался с начала 1930-х гг. Прославился как автор слов популярных советских песен.

⁵³ Суслов Михаил Андреевич (1902–1982) – партийный функционер. В аппарате ЦК находился с 1931 г., член Политбюро ЦК КПСС в 1952–1953 и 1955–1982 гг., секретарь ЦК КПСС в 1947–1982 гг., один из самых влиятельных партийных деятелей в годы правления Л.И. Брежнева.

словачкой, но на самом деле русской, и товарищем. Была еще Велта, она сказала: «Для меня все чехи на одно очень хорошее лицо». Володя <Брабец>, с радио, предложил Диме интервью на Пражском радио и еще сказал, что они пришлют приглашение на поездку в Чехословакию. У нас сразу же встало несколько проблем. Во-первых, Общество дружбы СССР-Чехословакия себя дискредитировало. Данек, Дрозда⁵⁴ и другие чехи из него вышли, но, по словам Володи Брабца, сейчас в него возвращаются, чтобы их места не заняли явные подонки. Во-вторых, сейчас, когда наши войска там, Диму как раз могут туда пустить, но уже совсем не хочется туда ехать, хотя Дима и сказал: «Я не был бы в обиде, если кто-нибудь там плюнул мне в морду». На что Володя ответил: «Этого никогда не будет». Потом, когда гости ушли, мы с Димой решили, что интервью нужно дать обязательно. Нужно говорить, что Чехословакия для Димы была второй родиной, что нам невероятно близко искусство Чехословакии и что любая боль и горе Чехословакии – его, наша боль и горе. Валек прислал еще пластинку в память Яна Палаха – поэму и музыку. Одну пластинку отобрали у Володи таможенники, причем без его ведома, при обыске в его отсутствие.

Марина призналась, что ее бразильянец был у нас в подвале и ему всё понравилось. Мы решили, что пусть он зайдет, что делать, раз уж все равно был.

3 марта 1969 г., понедельник.

Китайцы с нашими постреляли друг в друга на границе и предъявили друг другу ноты⁵⁵. Это первые проявления войны, открыто-официальные.

Приходила моя ученица Женя Смагина⁵⁶, симпатичный, умный ребенок. Стрекотала что-то, как птичка, и ела с аппетитом, хотя мы с ней только что в Музее Пушкина⁵⁷ плотно пообедали. Дима сказал ей: «Ешь побольше, потому что все подростки всё время хотят есть». Приходил Алик с девушкой. Девушка симпатичная, хотя из породы манекенщиц.

На ночь глядя мерили, мерили свои замшевые куртки. Очень они нам нравятся.

4 марта 1969 г., вторник.

Были в консерватории на исполнении Малера по приглашению Кирилла Кондрашина. Нам понравился не столько Малер, сколько Кондрашин. Очень

⁵⁴ Дрозда (Drozda) Мирослав (1924–1990) – выдающийся чешский филолог-славист. Зав. кафедрой русской литературы в Пражском университете, с 1964 г. профессор. В 1970 г. уволен из университета. Был вынужден публиковать свои работы под вымышленным именем.

⁵⁵ Имеется в виду вооруженный конфликт на острове Даманский на реке Усури, когда 1–2 марта 1969 г. на остров проникли 300 китайских военнослужащих. В завязавшемся бою погиб 31 советский пограничник. Конфликт имел продолжение 14 и 15 марта с применением артиллерии и авиации. В результате китайцы были выбиты с острова. Всего советская сторона потеряла 58 человек убитыми и 94 ранеными. События сопровождались яростной пропагандистской кампанией с обеих сторон. В Пекине и Москве прошли организованные демонстрации и митинги. Обо всем этом сообщали все советские газеты.

⁵⁶ Смагина Евгения Борисовна (р. 1954) – поэт, филолог-библеист, лингвист, преподаватель, переводчик, филолог-библеист, преподаватель. Переводит с греческого, коптского, древнееврейского и арамейского, немецкого, французского языков. Участвовала во втором полном переводе Библии на русский язык (2011). Старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент РГГУ.

⁵⁷ В это время в ГМИИ им. А.С. Пушкина проходила выставка рисунков А.И. Кравченко.

темпераментно и выразительно дирижирует. Просто так смотреть на него очень интересно. Его жена Нина была невероятно элегантна, но выглядела плохо. Говорит, что от низкого давления. Мы наконец выползли в свет из своего затхлого, регулярно заливаемого дерьмом подвала, и были очень довольны. Нина сказала, что Кирилл Петрович неоднократно справлялся: «Сидур пришел?» Дима сегодня даже специально ездил покупать галстук. После концерта, когда ходили к Кондрашину поздравлять его, пообщались с Шостаковичем⁵⁸, вернее, он несколько раз сам очень любезно пожал нам с Димой руку. Шостакович производит очень приятное впечатление. Весь он какой-то неяркий, прихрамывает, с тихим голосом. Гений с бухгалтерской внешностью. Что-то в его белесоватой внешности все-таки есть притягательное и значительное.

Когда вышли, попытались проникнуть в «Националь», устроить себе праздник до конца. Ни фига не вышло, мы там разделись, потолкались и достойно удалились, так как мест решительно не было, а ждать нам было противно.

Кирилл Петрович сказал, когда мы прощались: «Может быть, это посещение вас вдохновит на что-нибудь». У нас с Димой явилась мысль, что он подумывает о собственном увековечении и на всякий случай запасается художником. Дима даже уверен в этом. Он сказал: «Даже я и то подумываю, как бы забраться в могилу к Изольду под свой собственный памятник». Кондрашин был у нас и ему всё ужасно понравилось.

На китайской границе было убито 34 советских солдата.

5 марта 1969 г., среда.

Сегодня в школе были всякие дразги до вечера, не с ребятами, а между собой наш сугубо бабский коллектив никак не мог договориться. Поэтому ввалилась в подвал полумертвая, но возбужденная. Дима пришел через некоторое время. Я прочла стихи Жени Смагиной, написанные на другой же день после посещения нашего подвала. Нам с Димкой понравились ее стихи, и сегодня в школе я долго убеждала Женьку не зазнаваться, очень боюсь. Стихи пятнадцатилетнего человека.

Ход истории

Когда огненный голос,
Зов разрушенья,
Жгущий губы,
Утихнет.
Когда всё построено,
Мир начинает
Покрываться пылью.
Пыльный шепот,
Пахнувший гнилью,
Затхлым жилищем,
Серый и теплый

⁵⁸ Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906–1975) – композитор, пианист. Лауреат Ленинской (1958), пяти Сталинских (1942, 1943, 1946, 1950, 1952) и Государственной (1968) премий, Герой Социалистического Труда (1966), Народный артист СССР (1954).

Смягчает крик.
 Но когда пыли
 Становится много,
 Солнца не видно
 И гаснет свет,
 Черные крики,
 Крики боли
 С привкусом меди,
 С запахом крови,
 Кромешные крики
 Ранят язык.
 И когда жить
 Уже невозможно,
 Ветер бунта
 Сдувает пыль.
 И огненный голос,
 Зов разрушенья,
 Жгущий губы,
 Пахнувший гарью,
 Мокрым рассветом,
 Резкий и странный,
 Снова и снова
 Рвется из уст.

Вечером мы поехали к Гинзбургам. Витя выглядит отлично, но был в плохом настроении и жаловался, что всё надоело. Нина была в насморке и, как всегда, очень красиво одета. Узнали, что Витя лет восемь тому назад ввязывался в какие-то драки, как петушок.

Вспомнили, что сегодня был бы день рождения Изольда, но никто из нас не позвонил Женьке, вроде как-то ни к чему. Сегодня же день смерти Иосифа Виссарионовича, «отца всех времен и народов». Приятно, что он уже в раю, а не среди нас.

Рассказали Эдичке про вчерашний концерт.

6 марта 1969 г., четверг.

Пришел к нам домой Владик. Он сказал, какие рассказы выкинули из его книжки. У него плохо с почками, и вообще он невесел. Потом он отвез нас в подвал, где были Эдинька и Марина. Ёж жрет так много, что еле передвигается на своих коротких ножках.

Еще домой нам позвонил Володя Брабец с чешского радио. Мы несколько дней ходили и думали, давать или не давать нам это интервью. Все знакомые как один сказали, что не давать. Витя сказал, что не стоит, потому что раз «сидишь в говне, так не чирикай». Несмотря на все разумные доводы и безусловный риск, Дима сегодня дал это интервью, и мне кажется, он говорил очень хорошо. С Володиной пришел фотокорреспондент, кое-что снимал. Мы, безусловно, пошли на известный риск. Во-первых, могут среагировать здесь. Но Диму это волновало гораздо меньше, чем то, как, например, воспримут сам факт его выступления по

радио чехословаки и, во-вторых, что нет гарантий полной неприкосновенности текста. Ведь этот Володя Брабец – частично наш человек, во всяком случае, он кормится через нас, его работа неразрывно связана с Россией, поэтому восстановление отношений между нашими странами входит в его кровные интересы. А вдруг им взбредет в голову добавить от себя какие-нибудь слова, что Сидур одобряет оккупацию? Это чудовищное предположение, но оно возможно. Тем не менее Дима согласился и говорил так, как будто он всю жизнь дает интервью, только этим и занимается. Сначала он сказал несколько автобиографических данных. Потом он сказал, что Чехословакия – первая страна, которая его открыла, опубликовала, показала миру. У многих людей есть какая-то своя романтическая любимая страна, в которой они никогда не были, но к которой стремятся, например, Испания или Рио-де-Жанейро, а для меня такая страна – Чехословакия, и я в ней никогда не был. Любовь к Чехословакии и боль за нее вошли в его сердце еще в 1968 году, и такое же чувство у него сейчас, и останется навсегда. Дима сказал, что Чехословакия – великая страна, она дала миру таких людей, как Гус, Кафка, Чапек, Гашек, и он уверен, что новое поколение Чехословакии проявит себя так же, как эти люди. Еще Дима сказал, что у него там очень много друзей. Об искусстве Дима сказал, что он не принадлежит ни к какому течению, он выражает себя так, как может в данный момент. Что все его темы остались прежними, периода 1956 года, хотя форма выражения сильно изменилась, потому что та форма, в которой он работал в 1956 году сейчас уже его, как художника, не устраивает. Еще он сказал, что представляет себе большую магистраль со многими площадями, на которых будут установлены: «Памятник погибшим от бомб», «Памятник сожженным», «Памятник погибшим от любви» (потому что от любви тоже гибнут), «Памятник погибшим от насилия». Скульптура в мастерской в основном вся не в том размере, в котором она должна быть. Ей нужен воздух, пространство, деревья. Она, как человек, должна быть свободна. Основные темы его скульптур – это война, инвалиды, и он изображает человеческие страдания не потому, что он пессимист или мрачный человек, а потому что страстно желает, чтобы так не было. Но есть у него и другие темы – это семья, материнство, любовь. Например, он даже представляет себе скульптуру «Семья – готический собор», как памятник эпохи семьи. Скульптура должна быть установлена где-то на холме и через ее отверстия проходил бы ветер, издающий разные звуки. Звучащая скульптура – ветер с севера издает один звук, южный ветер – другой. Что же касается материала, то он может работать в любом материале, в каком в данный момент ему лучше всего себя можно выразить. И хотя он считается скульптором, но много занимается также живописью и графикой. На прощание Володя сказал Диме: «Вадим, приезжайте к нам». На что Дима ответил: «Приглашайте, постараюсь!»

После этого интервью, когда ушли корреспонденты, Дима помогал Марине. Совсем поздно приехала Кларочка с двумя супругами-бельгийцами, знающими русский язык. Женщина была утомительно экспансивна, она пугающе хохотала и так натурально испугалась нашего ежа, который сам всех боится, что вызвала у меня скорее неприязнь. Наверно, мы с Димой просто утомились за сегодняшний день. Сейчас десять минут четвертого ночи, а мне завтра на работу. Еще

я вдруг почувствовала некоторое очень хорошо скрытое презрение к нашим людям у этих бельгийцев с их мелкими проблемами, и это меня рассердило. Скорее всего, я не права, просто сильно устала, а тетка жутко шумела. Еще я обиделась за ежа, которого она назвала «маленький мышь». Когда ей объяснили, что это еж, она сказала: «Ну все равно кто это». У мужа лицо – абсолютный череп. Ему бы еще косу в руки, и ходил бы, как смерть.

7 марта 1969 г., пятница.

Я пришла с работы «зеленая», как сказал Дима, но со всякими подарками. Дома хлопотала мама, очень бодрая и хорошо выглядящая. Димушка жаловался на сердце и упрекнул меня, что я не поздравляю с 25-летием его ранения. А я что-то жутко устала. Пришлось дать всего два урока, но из-за суматохи, поздравлений, волнений, дурацкой и страшной лекции приглашенных в школу генералов, говорящих о будущей войны и о том, какая мы сильная держава и как каждый юноша должен пойти в армию, уже умея стрелять, я совсем утомилась. Потом еще был сабантуй среди учителей, но я с него сбежала. Потом мы долго собирались и долго не могли поймать такси, пока один левак не согласился свезти нас на Киевский вокзал. Мама всё время что-то командовала, потом на вокзале нас покинула. Попали удачно в поезд, народу мало. Всю дорогу разговаривали. Дима очень доволен, что дал интервью на чешское радио, вопреки всем убедительным доводам этого не делать. Дима придумал новую поговорку: «Сидя в говне, не будь говном».

Родители обрадовались необыкновенно. Оба они прилично выглядят, особенно Зинаида Ивановна. Мы взахлеб делились новостями. В Алабино свои новости: выгнали продавщицу из магазина за пьянство, у мужа соседки-врачи рак желудка, пес Пушок попал под машину и умер, Зинаида Ивановна занимается с сыном лесничихи Кати английским языком. Зинаида Ивановна бурно переживает все политические события, особенно израильские. Перестала любить Косыгина, а раньше относилась к нему очень неплохо.

Прослушали по Би-би-си передачу о письмах Павлу Литвинову после его письма в защиту Гинзбурга, Галанскова и других⁵⁹. Письма разные, есть злобные и матерные, с эпитетами «жидовская морда», «пархатый» и т. д. Но большинство писем очень хороших и умных. И, конечно, как пишет один из корреспондентов Павла Литвинова, наша страна стоит на пороге кризиса. Мы с Димой, оценивая современное положение, пришли к выводу, что нынешняя реакция неизбежно должна разразиться какими-то кровавыми насильственными действиями, а потом, может быть, снова будет возрождение.

Сегодня наших граждан освободили от работы, чтобы они организованно протестовали у китайского посольства, вовремя кричали лозунги и обливали стены чернилами. Моя мама встретила многих «демонстрантов» у Госбанка

⁵⁹ Имеется в виду совместное с Л.И. Богораз обращение П.М. Литвинова «К мировой общественности», переданное иностранным журналистам 11 января 1968 г. и немедленно распространенное в самиздате. «На авторов обрушились потоком письма буквально со всех концов Советского Союза и от всех категорий населения. Людям явно надоело бояться», – вспоминал П.Г. Григоренко. (См. записи 4 марта 1968 г.).

и подумала, что люди берут деньги, потому что что-то случилось. Но ее успокоили, сказали, что они – служащие Госбанка и собрались здесь, чтобы идти протестовать против китайских провокаторов, их для этого с работы сняли.

8 марта 1969 г., суббота, Алабино.

Отоспались, отъелись, второй день слушаем радио с утра до вечера. Переполнены информацией. Ничего утешительного не услышали. В «Известиях» открытое антисемитское заявление ТАСС. В Чехословакии во всем виноваты сионисты, а также Израиль и т. д. Сахарова уволили с работы⁶⁰. Антикитайская пропаганда усиливается, сегодня снова у китайского посольства кричали, били стекла, обливали стены чернилами.

9 марта 1969 г., воскресенье.

Надоела проклятая теснота, ничего нельзя найти, некуда положить. Приехали из Алабина в пять часов, посмотрели дом, его строят сейчас очень интенсивно. Половина шестого этажа готова, а мы живем на седьмом. В мастерской Дима лепил Кондрашина с руками, остался ужасно недоволен, нервничал, всё сломал. Поздно пришел Эдинька. Никаких новостей. Оба мы начали на ночь глядя искать мой свитер, пришли в раздраженное состояние, свитер не нашли.

10 марта 1969 г., понедельник.

Были вчетвером: Дима, Эдик, ёжик и я. Дима рисовал рисунки к Владуку. Ёжик обжирался. Я писала статью для школьной газеты. Весь мир говорит о советско-китайском конфликте. Есть предположения, что у нас Суслов прогрессивный. Борьба за власть на нашем вонючем верху продолжается.

11 марта 1969 г., вторник.

Мы узнали, что в Чехословакии царит атмосфера «умеренного оптимизма». Это невероятно, как наши вурдалаки из руководства ухитрились поссориться со всеми, даже с такими верными режиму людьми, как Симонов, Полевой и даже с «лауреатом Нобелевской премии» Шолоховым.

Приходила Инна, много и плодотворно побеседовали. Дима всё рисует для Владука. Приехали представители из МАИ во главе с их парторгом. Смотрели эскиз памятника погибшим студентам. Парторгу ужасно понравилось и остальным тоже, хотя чувствовалась в нем грусть и уже далеко не тот энтузиазм, что из этого что-то получится. Приятно все-таки, что есть у нас такие парторги и такие директора, как Виктор Федорович⁶¹. Ничего не выйдет с этим памятником,

⁶⁰ В конце 1968 г. после обнародования статьи «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» А.Д. Сахаров был отстранен от секретной работы в ядерном городе Арзамас-16. В 1969 г. его зачислили в Физический институт Академии наук (ФИАН) на должность старшего научного сотрудника теоретического отдела. Зав. отделом был академик И.Е. Тамм, а с 1971 г. – В.Л. Гинзбург.

⁶¹ Имеется в виду Новокшенов Виктор Федорович (1915–1987) – основатель и первый директор Ангарского электролизного химического комбината Министерства среднего машиностроения СССР, производящего ядерное топливо. Получил известность современной организацией произ-

но то, что люди доросли до понимания и до желания приобретать подобную скульптуру, это уже приятно.

Слухи усиливаются, что у нас может многое перемениться в руководстве в ближайшее время, чуть ли не в течение этого года.

12 марта 1969 г., среда.

Страшно устали оба. Я хотела исхитриться поспать перед наплывом гостей, не вышло. Сначала пришли из «Детской литературы» – Рита Смудрид с Аликом и переводчица с английского Шерешевская с дочкой-десятиклассницей. Дочка такая здоровая и взрослая, что мы с Димой с трудом разобрались, что она дочка, а не мамаша. Я сначала не поняла, что дочка учится в школе, и из отрывков разговоров подумала, что она моя коллега – учительница, преподающая математику в английской спецшколе, и теперь сбежала из нее, чтобы преподавать в вечерней школе, где намного спокойнее. На самом же деле эта очень напористая, но страдающая нервным расстройством девица, действительно сбежала из английской школы в вечернюю, чтобы там получить аттестат зрелости, и в основном сбежала из-за математики. Вот, иногда как всё непонятно, кто есть кто.

После этих людей прибыли Толя с Милой и Иосиф Михайлович Шошенский с женой. Они одобрили эскизы по Волгодонску⁶², те, что сделала Марина, с очень небольшими предложениями, и теперь можно двигаться к следующему этапу. Марина была очень довольна, что шефам понравилось. Жена Шошенского – дочка писателя Зозули⁶³, которого в 1938 году изыали начисто отовсюду. Интересно будет его прочесть.

Дима имеет к чехословакам большие претензии за то, что они не послали на съезд коммунистов Югославии свою делегацию.

13 марта 1969 г., четверг.

Целый день плохо себя чувствовали оба. К вечеру развеселились. Мама моя купила себе шубу, ужасно радуется. Занимается только тем, что надевает ее и передевает.

14 марта 1969 г., пятница.

Если бы не поспала в подвале часа два, наверно, радость к жизни ко мне бы не вернулась, такая бурная у меня сегодня была жизнь в школе. Дима кончат рисунки к «Огогондии». Из МАИ уже никто не появляется, как сказал Гриша Лозинский: «Они ездили, чтобы поучиться уму-разуму», а памятник они ни в жизнь не поставят. Насчет «Портрета Эйнштейна» никаких сведений.

водства и труда на своем предприятии. Лауреат Сталинской и Государственной премий СССР. Во время одного из своих приездов в Москву побывал в мастерской В. Сидура.

⁶² В Волгодонск коллектив московских архитекторов строил тогда дворец химиков (ДК «Октябрь»), который воздвигался на средства самого крупного в городе предприятия – Химкомбината. Как декоративное украшение Дворца предполагался большой барельеф «Труд и отдых».

⁶³ Зозуля Ефим Давидович (1891–1941) – писатель, журналист. Один из основателей и автор журнала «Огонёк». Был очень популярен и известен как автор коротких рассказов. В начале Великой Отечественной войны вступил в ополчение, потом работал во фронтовой газете. Заболел и умер в госпитале. Его произведения не переиздавались. Единственное посмертное издание – сборник рассказов «Я дома» – вышел в 1962 г. в издательстве «Советский писатель».

15 марта 1969 г., суббота.

Сегодня в подвал со мной пришли двое моих учеников, Женя Смагина и Юра Геннис. Довольны были ужасно, никак не хотели уходить. С интересом всё смотрели, пили чай и высказывались. Женька особенно много говорила, читала стихи, которые нам с Димой понравились меньше первых. Женька – очень революционерка, попытались направить ее по более реформаторскому пути. Она, сама того не замечая, пришла к пониманию «левацкой троцкистско-маоистской молодежи». Заявляет, что «надо всё разрушить» и так далее. Мы пытались убедить ее, что разрушить легче всего, ломать – не строить, а главное – это хорошо делать свое дело. Если ты писатель, пиши правдиво и хорошо. Юра высказывался гораздо меньше, он меньше знает и меньше читал, но очень умен. Он Диме тоже понравился. Ёж детей не очень боялся, поэтому всё время показывался. Ребята ушли довольные часов в семь вечера.

Дима упорно добывает «Огогондию». Эдик приехал из Звенигорода, где снимал семинар молодых поэтов для телевидения. Между двумя спектаклями заскочил Алик, бледный, но нагловатый. Валька пришла, утомленная донельзя. У нее теперь три кошки, одна своя и две соседских, оставленных на время. Эдик рассказал, что Тарковский для съемок своего фильма «Андрей Рублев» понастоящему убивал лошадь и сжигал живьем, то ли сдирал кожу, с коровы⁶⁴. Это нас жутко возмутило. Это же какая подлая сволочь, этот Тарковский! Садист и негодяй. И я не подумаю пойти на его вшивый фильм. Тоже мне, гуманист! А наверно, думает, что «во имя искусства» всё можно. Дима правильно говорит, что у него очень подлая морда у самого. Это из тех подонков, которые и с людей сдирали бы кожу, чтобы только поэффективнее получилось.

16 марта 1969 г., воскресенье.

Мы заранее открепилась, чтобы не беспокоить несчастных агитаторов, и не голосовали⁶⁵. Диме осталось только один рисунок сделать к «Огогондии». К вечеру ходили к Юре Левитанскому. Он в отличной форме, трезвый. Закончил оборудовать свою большую комнату. Много висит Диминых рисунков. Юра наконец почитал нам свои стихи. Много стихов хороших.

Вспомнила, как вчера Юра Геннис показал нам свою тетрадь, где записывал выражение учительницы русского языка из той школы, откуда он перешед к нам. Это была «Заслуженная учительница РСФСР». Были, например, такие выражения, обращения к ученикам: «Ну что ты бродишь, как Фауст по Европе?» или «Что мычишь, как недоенный теленок?», «Сейчас мы все втроем дуэтом споем».

С китайцами началась самая настоящая война.

⁶⁴ Информация об этом появилась в 1966 г. в одной из газет, возможно, с подачи цензуры, запрещавшей фильм. Сам режиссер отрицал подобный факт и говорил, что горящая в кадре корова была покрыта асбестом и не пострадала. В окончательном варианте этот эпизод был цензурой вырезан.

⁶⁵ 16 марта 1969 г. – «День выборов в местные Советы депутатов трудящихся РСФСР».

Юлия в мастерской. Фото: Эдуард Гладков

17 марта 1969 г., понедельник.

Объявился Володя Брабец, который завтра уже уезжает в Прагу. Мы думали, что он больше не придет после того, как взял у Димы интервью. Но он пришел из человеком из СЭВа, исполняющим функции министра, который живет у нас уже пять лет. Этот человек внимательно всё осмотрел и выразил желание купить тарелку, старую-престарую, с трещиной. Они принесли с собой две совершенно отличных бутылки армянского коньяка. Одну бутылку мы тут же распили «за дружбу».

Вечером был Владик. Пока я спала, они с Димой разглядывали рисунки, и Владик всё одобрил. Владик очень изменился за время нашего знакомства. На жизнь смотрит пессимистически, но явно трусит меньше, чем, например, Юра. Мы долго говорили в машине. Владик рассказывал, как он сначала поверил во всех наших «молодых»: Аксенова, Вознесенского и других, и как потом он в них разочаровался, когда их всех купили и испугали.

Ёж опять перестал бояться, хрумкает молочко на глазах у всех.

18 марта 1969 г., вторник.

Из школы пришла чуть ли не на четвереньках в половине восьмого вечера. Дима сказал, что только что передо мной приходил человек, принес из югославского посольства посылку от Бранко. В этой посылке оказались четыре бутылки вина и коньяка, шоколад и конфеты. Сам Бранко придет на следующей неделе. Потом пришел странный человек, который спрашивал, нельзя ли отреставрировать старую картину. Этот человек явно из органов, так как тут же за ним явился Юра Левитанский с тремя югославскими поэтами и нашей теткой переводчицей. Югославы – симпатичные ребята. Я с ужасом услышала от одного поэта, что «ночь еще долгая», им так понравилось, что захотелось посесть на ночь. Они читали стихи и прозу. Даже наш Юра после долгих уговоров, поскольку он был сильно пьян, прочел два стихотворения. Потом подъехала блестящая Нина Кондрашина. Она в итоге забрала всю эту шарагу, после того, как Марина Левитанская стала звонить в подвал и торопить супруга. Последними забрели Алик со своей новой девушкой Таней⁶⁶. Таня – очень приятная девка, с умным видом, опять же красotka.

19 марта 1969 г., среда.

У Димы почти приняли рисунки. Он очень этому рад. В подвале была Кларочка, она возлежала, усталая. Вскоре я тоже улеглась на этом диване и «подорвала», как везде пишет Шукшин, часа полтора. Дима говорит, что если только книгу примут и заплатят деньги, он тут же начнет делать скульптуру.

20 марта 1969 г., четверг.

Сегодня выходного у меня не вышло. Пришлось ехать в школу – конец четверти и вкалываем, как проклятые. Дима отвез «Огондию», ее приняли пока и есть надежда на какие-то деньги. Был Боря Хазанов, он теперь кандидат наук.

⁶⁶ Макарова Татьяна Васильевна (р. 1951) – в описываемое время студентка Московского Текстильного института и манекенщица у молодого тогда модельера В.М. Зайцева. В браке с Олегом Киселевым родила сына Максима (р. 1976). С начала 1990-х гг. живет в США.

Наши пообещали сбросить на китайцев атомную бомбу. В «Литературной газете» стихотворение Евтушенко, быстро откликнувшегося на китайские события⁶⁷. Ужасно хитрая сука, и подлая. Дима прочитал это стихотворение и сказал: «Я за китайцев». Мы удивились, что Евтушенко не упомянул в своих стихах Эрнста. Дима решил дополнить его стихи и написал:

Экспромт
Славы Эрику мало.
Не лепит он Насера,
Лепит Мао.
Лепится нелепица
У известного,
У Насерика Неизвестного.

Потом пришла Инна. Скоро едет в Чехословакию. Будет очень здорово, если она съездит, будет иметь информацию в наиболее чистом виде.

21 марта 1969 г., пятница.

Наша хоккейная команда проиграла чехословакам со счетом 0:2, мы с Димой страшно обрадовались. Это нашим сволочам не с танками в беззащитную страну влезать. Перед нашим правительством сейчас стоит очень большой диапазон проблем, как говорят: «От острова Даманского до хоккеиста Недоманского⁶⁸».

Я в школе растворилась полностью и окончательно. Скоро, наверно, чокнусь на этом деле. Ставлю спектакли, кого-то воспитываю, кого-то учу, а кого-то не могу ни научить, ни воспитать. Тем не менее моя педагогическая деятельность протекает скорее удачно.

Дима сидел целый день в подвале с Витой <Гельштейн> и она ему что-то разглагольствовала. Она брезговала пить и есть, потому что ей было грязно. Я пришла только в десятом часу вечера, когда Дима остался наедине с ежом и всё чего-то рисовал и подчищал рисунки к «Огогондии».

Как приятно, что чехи выиграли этот матч у оккупантов. Мы с Димой слушали далеко не темпераментный репортаж Озерова⁶⁹ о матче в Стокгольме между СССР и Чехословакией и представляли, как следил за этим матчем весь мир по телевидению, по радио или прямо в Швеции. И Дубчек, наверно, смотрит, и Свобода, и Вашек, и Лида, и Мирек, и Анна, и Зденек, и Йозеф и другие наши друзья, самые близкие, самые родные нам люди. И эта сука бровастая, красавчик, убийца, тоже смотрит, пьет и задыхается от ненависти.

⁶⁷ «На красном снегу уссурийском» // Литературная газета. 1969. 19 марта. С. 12.

⁶⁸ Недоманский (Nedomanský) Вацлав (р. 1944) – лучший нападающий сборной команды ЧССР по хоккею в 1960-х–1970-х гг. Участник десяти чемпионатов мира и двух Олимпийских игр. В 1974 г. бежал в Канаду, где играл в NHL. Юлия упоминает чемпионат мира 1969 г. в Стокгольме. Несмотря на две победы над советской сборной, команда Чехословакии заняла тогда третье место, чемпионами же (только благодаря лучшей разнице забитых и пропущенных голов) стала команда СССР.

⁶⁹ Озеров Николай Николаевич (1922–1997) – актер, спортивный радио- и телевизионный комментатор.

22 марта 1969 г., суббота.

У нас была вдова Михаила Афанасьевича Булгакова. Ее зовут Елена Сергеевна. Ей примерно 75 лет, а может быть, и 85. Выглядит же она не больше, чем на 55, а то и меньше⁷⁰. Одета в брюках и в кофточке с легкой косынкой. Волосы не седые, груди полные, живот маленький. Женщина удивительно обаятельная. Она много рассказывала о Булгакове. Дима показал ей рисунки в цвете – Христа, Понтия Пилата, Левия Матвея. Она представляет их другими, это, в общем, естественно. Христос ей кажется более «детским», Понтия Пилата она «любит» и т. д. Еще она сказала, что Дима очень похож на Солженицына. Елена Сергеевна очень темпераментная, говорит только о Булгакове или о том, что с ним связано. Она мне сильно напомнила Зинаиду Ивановну по повадкам. Всё, что говорила, еще изображала лицом. Она сказала, что Булгаков был верующий человек. «Мастер и Маргарита» появились в печати только благодаря Симонову, который, как она сказала, «очень изменился». Наблюдая же за несколькими вдовами писателей, мне она показалась самой лучшей, самой умной и обаятельной. Я сравниваю ее с вдовой Фалька⁷¹, Маяковского⁷², Гроссмана⁷³, с Женькой Зверевой и другими – она самая выдающаяся вдова.

У нас были люди: Валька с Эдиком со своими друзьями с работы, Димина редакторша из «Детгиза», которая принесла сигнальную книжку индийского автора⁷⁴. Книжечка разочаровала нас своими мелкими картинками внутри, обложка хорошая.

Я зачем-то упиалась коньяком югославским и потом горько сожалела. Мозги мои остались ясными, а брюхо категорически взбунтовалось, и было мне очень плохо.

23 марта 1969 г., воскресенье.

Начались мои каникулы, и мы с Димой с самого утра «отдыхали по хозяйству» в надежде после этого благотворного отдыха отправиться в мастерскую. Ничего не получилось. Я как залегла, так и не встала, не в силах пошевелить ни ногой, ни рукой. Димочка звал меня гулять, в гости или в мастерскую. В итоге мы так и не вышли ни на минуту, чем очень огорчили соседку.

⁷⁰ К этому времени Е.С. Булгаковой исполнилось 75 лет.

⁷¹ Щекин-Кротова Ангелина Васильевна (1910–1992) – искусствовед, вдова художника Роберта Рафаиловича Фалька (1886–1958), вышла за него замуж в 1939 г. После смерти мужа занималась сохранением его творчества, организовала несколько выставок его произведений и написала ряд работ о его творчестве.

⁷² Имеется в виду возлюбленная В.В. Маяковского Лили Юрьевна (Уриевна) Брик (1891–1978).

⁷³ Губер (Сочевец) Ольга Михайловна (1906–1988) – вторая жена В.С. Гроссмана (в 1935–1955, 1958–1964 гг.). После смерти мужа много сделала для сохранения его наследия, хотя не дожила до момента публикации романа «Жизнь и судьба», в спасении которого принимала участие. «Я ни минуты не сомневался в том, что Ольга Михайловна войдет со мной в эшелон», – сказал В.С. Гроссман, вспоминая о планировавшейся депортации евреев в отдаленные районы Советского Союза в начале 1953 г. О.М. Губер просила В. Сидура после смерти мужа выполнить надгробие на его могиле. Хотя модель этого памятника была сделана, план остался нереализованным.

⁷⁴ См. записи от 6 мая 1968 г.

Вчера моя мама демонстрировала новую шубу. Шуба, наверно, хорошая, поскольку очень дорогая и настоящая. Я усиленно хвалила, хотя в шубах ничего не понимаю. Остальные присутствовавшие тоже хвалили, так как мама непрерывно произносила: «Вы так говорите, чтобы мне угодить». Еще одна трагикомическая история, связанная с моей мамой, вернее, с моей старенькой бабушкой 85 лет из Астрахани. Муж тетки Аиды позвонил маме и сказал, что бабушка при смерти. Мама тут же позвонила Диме (я была на работе) и с рыданием сообщила ему, что она улетает в Астрахань. Через несколько часов мама перезвонила и сказала уже спокойным голосом, что бабушка смотрит телевизор, и маме моей пока в Астрахань лететь не надо, так как ей сообщат еще раз, когда дела будут совсем плохи.

Сегодня мы с Димой восстановили по памяти всех знакомых вдов. Это – Заболоцкая⁷⁵, Лиля Брик, Иванова⁷⁶, вдова Хикмета Вера Тулякова⁷⁷, вдова Фалька, Ольга Михайловна Гроссман, наконец, Женька Зверева, и еще Елена Сергеевна Булгакова. Насколько все-таки женщины более живучие.

24 марта 1969 г., понедельник.

Юнна слевой объявились. Мы вспоминали их целый день. Лева позвонил в час ночи, пьяный и довольный. Он сказал: «У нас сейчас просвет, медленно с трудом выходим на дорогу». Они получили наконец однокомнатную кооперативную квартиру на Калининском проспекте, с телефоном, со всякими удобствами, и очень довольны.

У нас был потрясающе длинный день, доставивший нам с Димой полное удовлетворение. Во-первых, Дима убедил меня не спать дальше, а пойти вместе с ним в «Молодую гвардию», потом мы зашли ко мне в школу за книжками. Погода была невероятно симпатичная, солнышко не злобное и не холодно было. По улицам уже текло, и на стадионе было довольно грязновато. Мы вернулись домой, пообедали, собрали всё грязное белье и отправились в мастерскую. Мы очень много успели. Дима поработал над глиняной башкой, которую хочет закончить, потом он начал расписывать темперой старое больничное судно, всё битое, которое Дима подобрал, вымыл, и сегодня целый день с ним расхаживал.

⁷⁵ Заболоцкая (Клыкова) Екатерина Васильевна (1906–1997). В браке с поэтом Н.А. Заболоцким (1903–1958) была с 1930 г. В 1955 г. ушла от него к В.С. Гроссману, но в 1958 г. вернулась. В. Сидур, а также Н. Силис и В. Лемпорт, познакомились с ней после смерти Н.А. Заболоцкого, когда их пригласили снять его посмертную маску. В. Сидур, Н. Силис и В. Лемпорт выполнили также надгробие на могиле поэта на Новодевичьем кладбище.

⁷⁶ Иванова (Каширова) Тамара Владимировна (1900–1995) – переводчица с французского. Вдова писателя Всеволода Вячеславовича Иванова (1895–1963). В 1925–1927 гг. была замужем за писателем И.Э. Бабелем.

⁷⁷ Тулякова-Хикмет Вера Владимировна (1932–2001) – тележурналист, драматург. В 1950-х гг. работала на киностудии «Союзмультфильм». Здесь познакомилась с турецким поэтом, драматургом и общественным деятелем Назымом Хикметом (1902–1963), который с 1951 г. жил в Москве в эмиграции, стала его соавтором по песням, в 1960 г. вышла за него замуж. Автор книги воспоминаний «Последний разговор с Назымом». Похоронена на Новодевичьем кладбище рядом с Н. Хикметом, памятник на могиле выполнили Н. Силис и В. Лемпорт.

Было белое судно, стало все раскрашенное, мой портрет. И еще Дима написал темперой небольшую картинку на оргалите, очень красиво получилось. В итоге мои мозги тоже завертелись, и я написала первую страницу давно задуманной мною повестушки. Эдик сделал много репродукций с фотографии, где вместе Анна Ахматова и Борис Пастернак. Глядя на эту фотографию, Дима сказал: «По этим людям видна их полная несовместимость с советской властью».

Сейчас каникулы и на улицах неожиданно полно детей. Я-то их вижу каждый день, а Дима не привык к такому количеству. Он сказал, что такое впечатление, будто бы дети всё время сидели по тюрьмам, а теперь им дали амнистию.

25 марта 1969 г., вторник.

У меня день начался с мрачного настроения. Во-первых, надо было ехать на сборище учителей. Редко удается видеть так много тупых физиономий сразу. В мастерской был Эдинька, лихорадочно печатал, чтобы поспеть на вождение автомобиля. Он должен сдать экзамен, чтобы получит любительские права. У Эдичкиного папочки-полковника есть автомобиль, поэтому у него прямой стимул иметь права. Дима пришел поздно, я была злая и неконтактная. Дима меня терпеливо и деликатно умиротворил. Вчера он целый день ходил с судном под мышкой, а сегодня приварил его к гипсу, сделал две груди из радиоламп и скоро будет расписывать. Получается очень симпатичная девочка, похожая на меня-старушку. Вечером к нам пришли люди. Жена недавно умершего молодого физика Валерия Павлинчука⁷⁸ из города Обнинска⁷⁹. Пришла вместе с архитектором Леней Штутманом. Валерий Павлинчук умер в июле 1968 года в возрасте 31 года. Он прославился на весь свой город и за его пределами своими левыми убеждениями, а также тем, что, будучи членом партии и даже партторгом своего предприятия, открыто выступал против ее кривой генеральной линии, подписывал всякие письма, написал письмо Дубечку и так далее. Его сначала исключили из партии, уволили с работы. У него был хронический нефрит, и все гонения, травля, тяжелое моральное потрясение подействовали ускорению его болезни, и он умер. На его похоронах был Павел Литвинов. Никому не разрешили выступать. Горком и другое жлобье очень способствовали его известности. Например, секретарь обкома говорил: «В Калужской области есть два отщепенца – Паустовский и Павлинчук». Его товарищи собрали деньги, 2000 рублей, на памятник. За такие деньги нельзя поставить ничего грандиозного, даже в таком размере,

⁷⁸ Имеется в виду Янус Маргарита Рудольфовна (р. 1939) – вдова Валерия Алексеевича Павлинчука (1937–1968), талантливого физика-ядерщика из Обнинска. Кроме науки, он активно занимался диссидентской деятельностью. Также среди прочего вместе со своим другом В.Ф. Турчиным стал автором популярных в свое время у технической интеллигенции книг – юмористических сборников «Физики шутят» (М., 1966) и «Физики продолжают шутить» (М., 1968). По просьбе М.Р. Янус Вадим Сидур в 1970 г. выполнил надгробие В.А. Павлинчуку, установленное на Кончаловском кладбище в Обнинске (мрамор, 93×87×33 см).

⁷⁹ Первый в Советском Союзе наукоград, основанный в 1946 г. в 68 км от Калуги под строительство первой советской АЭС (пущена в 1950 г.). В городе расположен ряд научных центров, конструкторских бюро и высших учебных заведений. Наряду с подмосковной Дубной – один из центров интеллектуальной мысли в СССР тех лет.

как Варге и Изольду. Дима согласился, сказал: «Это дело нашей совести, так что сделаем».

Два раза приходил Марик Гельштейн. Он ходил смотреть фильм «Три мушкетера» в близком к нам кинотеатре «Горизонт». Он сидел у нас до кино и делал политинформацию двухмесячной давности. Мы ее прослушали, так как тринадцать метров по радио почему-то сейчас не идут, а остальные волны наши сволочи вырубает начисто. После кино Марик пришел снова и продолжил политинформацию: Лариса Даниэль купила дом в ссылке, Павел Литвинов работает слесарем, Константин Бабицкий – столяром. Лариса таскает доски на пилораму, кто-то забрался к ней в дом и сломал приемник, на котором ничего нельзя было услышать, кроме Китая.

Выяснилась еще одна любопытная деталь. Марик успел развестись, пробыв в законном браке всего полтора года. Он вернулся в отчий дом – то-то такой чистый и ухоженный. Я ужасно смеялась, потому что этот развод я Марику предсказала, а он внимательно меня прослушал, а потом женился.

26 марта 1969 г., среда.

Завтра опять тащиться в школу. Это называется каникулы. Дима ушел, а я стирала с утра до вечера. Потом писала «План воспитательной работы на IV четверть». В школе проверка из нашего нового вонючего Свердловского района⁸⁰, и директриса спешно нас собирает.

В подвале Дима общался с двумя людьми из «Новоэкспорта». Искусствоведка Шептунова⁸¹, молодая девка, и «искусствовед в штатском» Иванов. Два говнюка, которые должны «пропагандировать советское искусство за рубежом». Меньше всего на свете им хочется продавать произведения искусства⁸², а в основном следить, чтобы за гроши скупать у художников «никакие» вещи, продавать их дешево, но за валюту, иностранцам. Всё это с трудностями, волокитой. В общем, как сказал Эдик, гнусная обираловка. Шептунова-Топтунова пошептала с нами вместе со своим кагэбистом и ушли, посоветовав Диме таскать в худсовет на скульптурном комбинате «спокойные вещи», а уж потом, если их примут, их посмотрит комиссия «Новоэкспорта», которая тоже отбирает или

⁸⁰ В 1960–1969 гг. ул. Достоевского с расположенной по ней школой № 18 относилась к Тимирязевскому району г. Москвы. По новому административно-территориальному делению города с 1969 г. улица отошла к Свердловскому району.

⁸¹ Шептунова Ирина Игоревна (р. 1942) – кандидат искусствоведения (1976), специалист по искусству стран Востока.

⁸² Функционеры Союза художников ни в коем случае не хотели уступать свои привилегии и делиться заработками с новыми, «молодыми» художниками. Записка Министерства культуры СССР в ЦК КПСС от 30 июля 1971 г.: «В соответствии с поручением Министерство культуры СССР рассмотрело вопрос о целесообразности официальной продажи в зарубежные страны модернистских произведений некоторых художников, проживающих в СССР. Министерство культуры не считает возможным организацию такой торговли, так как осуществление ее неизбежно войдет в противоречие с задачами пропаганды лучших реалистических образцов советского изобразительного искусства за рубежом. Союз художников СССР (г. Пономарев П.А.) поддерживают данное заключение» («Аппарат ЦК КПСС и культура. 1965–1972. Документы». Сост. Томилина Н.Г., Конова Т.Ю. и др. – М., РОССПЭН. 2009. С. 918).

отвергает, а потом, может быть, какой-нибудь иностранец на них позарится, а может быть, и нет, потому что вещи должны быть только «спокойные». И если этот иностранец что-нибудь купит, то он платит валюту, а художнику долго-долго потом должен будет выплачивать Фонд⁸³. Так было у Толи Гитберга. Больше года назад у него купил картину Жоржи Амаду⁸⁴, который заплатил сто долларов в «Новоэкспорте», а Толе причитается сто рублей, и Фонд до сих пор ему их выплачивает. Они что-то болтали, болтали, но видно, что ничего не понимают, особенно парень. Дима сильно жалел о потерянном времени. Когда эти кагэбешники отчалили, он стал дальше намазывать гипсовую девочку, а я пела украинские песни. Ёж сердился, что не было молока. Ему показалось, что очень мало жратвы, и он со своим блюдцем проделывал акробатические этюды.

27 марта 1969 г., четверг.

Мы с Димой разделились. Я приехала из школы, когда он был уже в мастерской и уже работал. Я приехала вместе с Идой и ее сыном, третьеклассником Леней⁸⁵. Мальчик вдохновился, стал что-то лепить, и Ида с трудом его увела. Дима целый день возился с гипсом, доканчивая громадную голову «Воина», ту, что он когда-то начал, а потом бросил. «Девушку» он уже кончил. Вечером были Толя с Милой. Толя жутко толстый и неважно выглядит, Милка тоже усталая.

28 марта 1969 г., пятница.

Мы уехали в Алабино. Только что окончилась вторая встреча по хоккею СССР–Чехословакия. Чехословаки выиграли ее со счетом 4:3. Мы посмотрели по телевизору два периода, и все вчетвером бурно болели за чехословаков. Эта победа еще раз доказала, что там, где нет танков и атомной бомбы, там наши довольно-таки слабы. Трудно играть оккупантам с оккупированными. Это чувствовалось и по реакции зрителей. Весь стадион, кроме наших, посланных туда кагэбистов, бурно поддерживал чехословаков.

Я, как всегда, сначала не хотела уезжать в Алабино, а теперь довольна, что мы приехали. Зинаида Ивановна и Абрам Яковлевич выглядят неплохо. Зинаида Ивановна сказала, что они не выдержат здесь еще одну зиму. Мы смотрели, как строят наш дом в Москве. Построено шесть этажей и треть седьмого.

⁸³ Художественный фонд СССР – общественная организация при Союзе художников СССР. Образован в феврале 1940 г. Располагал заводами, фабриками, комбинатами, мастерскими, салонами-магазинами, домами творчества и т. п. Через свои предприятия Худфонд осуществлял заказы на выполнение произведений изобразительного искусства, оформление выставок, общественных зданий и др. Помимо прочих задач, должен был заниматься улучшением материального и бытового положения своих членов, распределяя среди них заказы, предоставляя материалы, мастерские, жилье и т. д.

⁸⁴ Амаду (Amado de Faria) Жоржи (1912–2001) – бразильский писатель и общественный деятель. Академик Бразильской Академии искусств и литературы (1961). Лауреат Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» (1951).

⁸⁵ Нудельман (Розов) Леонид Михайлович (р. 1959) – сын И.Л. Нудельман, ученик Юлии. Закончив школу, получил музыкальное образование, стал певцом, в 1989 г. окончил ГИТИС. В течении ряда лет был главным режиссером Московского музыкального театра при Союзе композиторов России. В 2004 г. организовал антрепризу «Оперный Дом».

Юлия в мастерской. Фото: Эдуард Гладков

29 марта 1969 г., суббота. Алабино.

Я очень рада, что мы приехали. Целый день жила «расслабленно», как я люблю. Дима с Зинаидой Ивановной гуляли до умопомрачения. Зинаида Ивановна вернулась, а Дима не находил в себе сил зайти в дом, такая была невероятно прекрасная погода. Дима общался с двумя белочками и птичками. Прямо за окном по веткам прыгают громадные, как куры, яркие сойки. Сосед, похожий и внешне и по характеру на Дзампано из фильма Феллини «Дорога»⁸⁶, продает свой двухэтажный дворец за 9 тысяч. Мы сразу подумали про Толю с Милой, они поговаривали о покупке дачи где-то в Боровске, у черта на куличках. Если бы у них были деньги и они смогли приобрести этот каменный гроб, мы были бы очень довольны. Этот дом очень уродливый, как и его хозяин, но удобный и добротный. Нам всем было бы веселей летом. Во всяком случае, нам запала в голову эта идея и мы собираемся с Толей об этом побеседовать.

Здесь глушение бессильно оторвать нас от человечества. Мы всё слушаем без усталости. Би-би-си сообщило, что в Чехословакии после победы в хоккее, в Праге,

⁸⁶ Один из любимых фильмов Юлии – «Дорога» (*La Strada*) 1954 года, реж. Федерико Феллини, в главных ролях Джульетта Мазина и Энтони Куинн.

на Вацловской площади чехи устроили демонстрацию, в которой участвовало более 100 тысяч человек, после чего чехи разгромили контору «Аэрофлота», разбили окна, сломали мебель, подожгли имущество и портреты Ленина. Везде вывешивали лозунги «Русские, убирайтесь домой!», «За август!»

Дима очень давно не читал эту тетрадь, поэтому, прочитав почти за целый месяц, не мог обойтись без некоторых критических замечаний. Во-первых, он сказал, что я не записала, как моя мама, позвонив о том, что бабушка уже не умирает, а смотрит телевизор, долго высказывала Диме свои беспокойства насчет своей новой шубы. Например, если бабушка умрет и маме придется ехать в Астрахань, то куда же она денет свою шубу. У них целый день никого нет дома, шуба останется без присмотра и ее украдут. Мама предложила спрятать эту шубу у нас. Дима быстро убедил маму, что у нас эту шубу скорее украдут, поскольку мы дома вообще почти не бываем и ключ оставляем в квартире. К тому же замок у нас очень плохой.

Второе замечание Дима сделал мне по поводу моей записи о фотографии, где Анна Ахматова и Борис Пастернак. Дима сказал, что я неточно записала его слова. Мы из-за этого чуть не поругались. Записываю точно. Я сказала, глядя на мокрую фотографию: «Какие у них благородные лица». Дима: «По их лицам видна полная несовместимость этих людей с советской властью».

«Новый мир» – единственная («Юность» тоже, но несравненно в меньшей степени) отдушина в нашей легальной дозволенной литературе⁸⁷. В марте месяце наконец пришел первый номер. Отдел критики просто изумительный.

Читала стихи Гумилева в рукописи. Кроме стихов, меня поразила его биография. Прожил человек всего 33 года. Расстрелян был чекой при Владимире Ильиче. Слушали по Би-би-си отрывки из книги Евгении Гинзбург «Крутой поворот». Я уже читала эту книгу по-французски, а Дима слушал в первый раз. Ему ужасно понравилось.

30 марта 1969 г., воскресенье.

И вот мы в Москве, в подвале. Толстый ёж вылез первый навстречу пище, появившейся вместе с нами. Через некоторое время приехал Эдик. Новостей никаких. Наши хоккеисты сыграли с Канадой 4:2 и стали чемпионами мира, на втором месте шведы, на третьем чехи. Все равно чехи выиграли у наших оба раза, и это самое главное на этом чемпионате.

Потом пришел Володя Бураковский со всем семейством. Лиле⁸⁸ сделали операцию, что-то вырезали у нее в желудке. Выглядит она сейчас неплохо, как всегда, несколько потусторонне. Две их дочери, старшая Марина, ей 20 лет, красивая девица, непохожая на свое семейство загадочностью, а также явно очень интенсивной внутренней жизнью. И младшая, Ленка, веселая, рациональная, некрасивая, но миленькая девчонка. Володя сильно полевел. Высказывает недовольство, говорит, что сейчас на поверхность всплыли сталинисты, самые подонки.

⁸⁷ «Запад не знает такого типа издания – без картинок, толстый журнал, одновременно художественный и публицистический. Этот тип журнала создан традицией русской литературы, которая представляет и общественную мысль», – говорил о своем журнале А.Т. Твардовский.

⁸⁸ Бураковская Лилиана Альбертовна (р. 1927).

Дима позвонил Елене Сергеевне Булгаковой. Она сказала, что уезжает во Францию, а потом выразила желание повидаться. Мы привезли из Алабина какую-то здоровенную железку. Из которой Дима тут же начал варганить скульптуру, наваривая на нее гипс. Это будет мужчина в очках.

31 марта 1969 г., понедельник.

Вспомнила, что нам рассказал Эдик перед посещением Елены Сергеевны Булгаковой. Один знакомый той девушки с телевидения, которая должна была привести Елену Сергеевну к нам, сказал ей: «Как вы можете вести туда Елену Сергеевну? Вся Москва знает, что Лемпорт, Сидур и Силис – подонки и пьяницы». Дима говорит, что теперь этот отголосок бесславного триумвирата будет тащиться за ним всю жизнь.

Сегодня я сильно замоталась в школе, но не дошла до ручки, так как только еще первый день после каникул. Мы неожиданно вторично побывали в Театре на Таганке. Посмотрели спектакль «Мокиноптт»⁸⁹ Петера Вайса. Нас пригласили Мила с Толей. Нам с Димкой понравилось. Меня немного раздражала сильная «немецчина» и плохие стихи, но смотреть на это интересно, спектакль зрелищный, хотя несколько грубый. Много намеков на нашу радужную дискуссию.

Сначала мы думали поехать в мастерскую к Толе с Милой, но Эрнст был там, и Дима предложил, чтобы Милка вышла одна из машины, взяла свое вязание, и мы бы вернулись к нам в подвал. Дима сказал: «Я не хочу его видеть. Он будет хватать за руку и лицемерно смотреть в глаза, а сегодня у меня не то настроение, чтобы это выносить. Я могу ему что-нибудь сказать, а мне это совсем ни к чему». Когда Милка зашла, Эрнст, конечно, тут же выскочил. Мы вернулись в подвал к нам, выпили за упокой души Толиного отца, умершего 26 лет тому назад. Просидели одни допоздна, только ёж шуршал и гадил, где только возможно. Звонила Рита, вдова Валерия Павлинчука. В среду Дима уже будет договариваться с ней конкретно о работе. Он очень хочет сделать этот памятник.

В «Правде» была напечатана статья «Хоккей и националистический угар». Статья без подписи, от «спец. кор.». В ней всячески ругались чехи, разгромившие нашу контору «Аэрофлота», а также Й. Смирковский, который участвовал в этой демонстрации, и ЦК КПЧ, не сумевшие предотвратить беспорядки.

1 апреля 1969 г., вторник.

Алик был в моей школе, очень здорово порепетировал с моими восьмиклассниками. Пришла в подвал поздно. Дима, окруженный гипсовым маревом, делал своего «Старика-нудиста». Ёж бегал в поисках еды, явно дожидаясь меня.

⁸⁹ Спектакль 1968 г. «Мокиноптт» («О том, как господин Мокиноптт от своих злосчастий избавился»). Пьеса западногерманского писателя Петера Вайса (*Weiss*, 1916–1982) в переводе Л.В. Гинзбурга. Постановка Ю.П. Любимова, режиссер М.З. Левитин, сценограф Т.И. Сельвинская, композитор В.С. Дашкевич. Роли исполняли: В.В. Шаповалов, А.С. Демидова, Р.Х. Джабраилов, Б.А. Хмельницкий, В.Б. Смехов. Спектакль шел в Театре на Таганке недолго. В 1970 г. в Дюссельдорфе состоялась премьера новой пьесы Петера Вайса «Троцкий в изгнании», которая вызвала неожиданно громкое осуждение рядом компартий, в том числе КПСС. «Мокиноптт» был сразу же снят с репертуара театра.

Эдик ездил с фотографиями к Е.С. Булгаковой. Она забраковала все до одной и сказала, чтобы Эдик немедленно принес ей все негативы, так как она уезжает во Францию, и Эдик обязательно должен ей всё принести до отъезда, иначе она будет сильно волноваться, что «этот ужас» существует.

Алик должен был встретиться со своей девицей Таней, которую он недавно к нам приводил. Я рассказала об этом Димке, и он ужасно рассердился. На днях я рассказала ему, что Идиного сына Леньку гладила по голове одна девочка, второклассница. Дима мне признался, что он и к этому мальчику ревновал, так как хотел бы быть на его месте. Ему нравятся все женщины сразу и каждая в отдельности, и всех он хочет иметь, но это, к сожалению, невозможно.

Вечером мы поехали к Гинзбургам. Витя – необыкновенный человек. Прекрасный совершенно парень, юный, милый, иногда очень смешной. Нинка появилась донельзя красивая, выглядит отлично. Она вернулась из ЦДЛ, где всякие писатели выступали с крамольными произведениями на «Вечере смеха». Владик тоже там выступал. Витя показывал нам пачку мацы из московской синагоги с печатью от раввина Левина⁹⁰. Его товарищ, физик, который пришел при нас тоже за мацой, рассказал, как литовская еврейка, певица Нехама Лифшицайте⁹¹ уезжала в Израиль, какие у нее были трудности, потому что она член партии. Тем не менее она добилась и уехала, и ее уже видели в одной компании с Голдой Меир⁹². Витя сказал, что вчера они с Ниной видели академика Сахарова, который выносил мусор. У него только что умерла от рака жена⁹³.

2 апреля 1969 г., среда.

В «Литературной газете» беспомощная и вонючая статья про чехословака Пахмана⁹⁴.

В мастерской было сыро, мозгло и холодно. Отопление не работало. Эдик съездил к Елене Сергеевне Булгаковой, и они вдвоем торжественно сжигали на кухне негативы. Потом она долго поила Эдика кофеом и много всего ему рассказывала про Михаила Афанасьевича. Она хвалила Диму и Эдик тоже хвалил Диму.

Вечером пришли ребята-физики из Обнинска вместе с вдовой Валерия Павлинчука. Они обалдели от всего, что увидели. На той неделе собираются привезти деньги, чтобы Дима начал делать уже эскизы. Мы хотели поехать в гости

⁹⁰ Левин Йехуда Лейб (1894–1971) – главный раввин Москвы в 1957–1971 гг.

⁹¹ Лифшиц (Лифшицайте) Нехама (1927–2017) – певица, исполнительница песен на идиш. С 1969 г. жила в Израиле.

⁹² Меир Голда (1898–1978) – премьер-министр Израиля с 17 марта 1969 г. по 3 июня 1974 г., одновременно в 1970 г. министр внутренних дел Израиля.

⁹³ Вихирева Клавдия Алексеевна (1919–1969). Жена А.Д. Сахарова с 1943 г.

⁹⁴ Пахман (Pachman) Людек (1924–2003) – чехословацкий шахматист, международный гроссмейстер (1954), шестикратный чемпион Чехословакии. Убежденный коммунист, после августовских событий 1968 г. перешел в открытую оппозицию режиму. Дважды арестовывался, провел в заключении более полутора лет. После освобождения в 1972 г. эмигрировал в ФРГ. На его книги и имя в СССР и Чехословакии был наложен цензурный запрет, он не упоминался ни в одном шахматном справочнике или энциклопедии. Юлия говорит о статье И. Молодова «Политические гамбиты Людека Пахмана» в «Литературной газете» 2 апреля 1969 г.

к Юнне слевой и даже договорились с ними по телефону, но к нам пришел студент-журналист Фима⁹⁵ с чешкой, вышедшей замуж за нашего художника. Потом пришла Инна. Мы долго говорили о Чехословакии, о том, что чехи делают ошибку, продолжая идти на уступки нашим. Сегодня их политбюро осудило Смрковского, закрыли временно еженедельник «Политика» и пригрозили «Репортеру», «Листам» и другим еженедельникам закрытием, если те не будут писать всё, как положено.

Так мы и не поехали к Юнне слевой. Юнна сказала, что у Левы начались печеночные колики и ему вызвали неотложку. Юнна разговаривала слабым голосом. Позвонила Юля Добровольская. Она переводит книгу Гоффредо Паризе, предлагает Диме ее проиллюстрировать в издательстве «Прогресс».

3 апреля 1969 г., четверг.

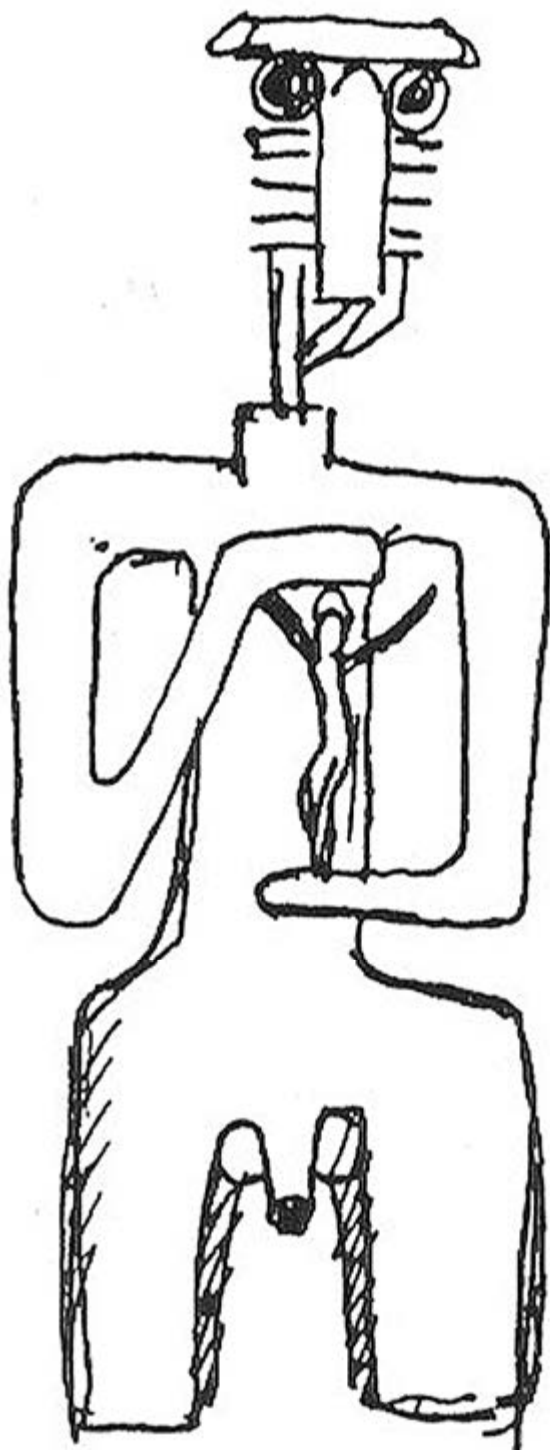
Договорились с Димкой, что он будет врисовывать свои новые скульптуры в эту тетрадь. Он уже сочинил памятник Валерию Павлинчуку и даже сделал эскиз. Мне очень нравится эта вещь, поэтому я и попросила Димку нарисовать ее мне, а то мне пришлось бы самой ее рисовать, так она мне понравилась⁹⁶.

Мы сегодняшним днем, в общем, довольны, хотя было несколько неприятностей. Димка встал раньше меня и убрал всю квартиру за полчаса. Потом мы жарили котлеты. Дима говорил с Левитанским. Дима несколько обижен на Левитанского за то, что он нас пригласил к себе на вечер, но за наши деньги, когда он обязан нас пригласить. Деньги небольшие, но вроде бы так не поступают. Дима говорит, что у Юры срабатывает его Иркутская провинциальность. Возможно, правда, что у него нет денег, так как друзей много и на каждого не напасешься.

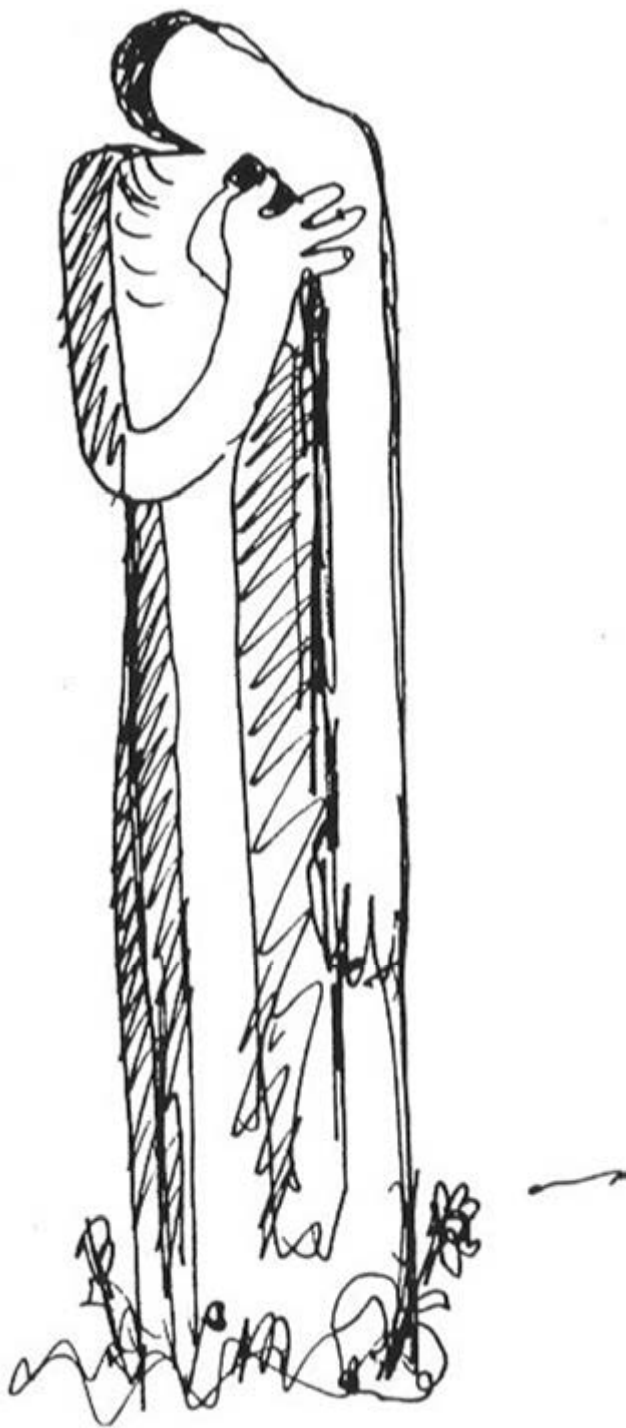
Был неприятный разговор с Шуркой-дворничихой. Она нам гадит за то, что Лемпорт с Силисом остались ей должны какие-то деньги. Дима хотел с ней поговорить по-хорошему, но она начала что-то угрожать в хамском тоне. Дима даже предложил ей отдать третью часть их долга (хотя он и ничего об этом не знает, но тогда все были втроем), чтобы только жить в мире. Она стала что-то орать в ответ: «Мы доведем это до конца, у вас печки, я знаю». Тогда Дима разозлился и сказал ей: «У меня никаких печек нет. У Лемпорта и Силиса, может быть, печки были. Что же ты, знала, ходила к ним и покрывала их? Я не знаю, какие у тебя были с ними отношения. И я тебе не советую так со мной поступать». Ее это испугало, поскольку она глупая, но очень хитрая, и что-то не то учуяла. Димка повернулся и ушел. В подвале он мне сказал: «Ну ее на хуй, еще дворника будем бояться. КГБ и без ее доносов найдет, за что ко мне прицепиться». Еще он сказал: «Шура стоит во главе нашего государства». Она очень похожа на Шарикова из романа Булгакова «Собачье сердце».

⁹⁵ Имеется в виду Ефим Фиштейн (р. 1946) – журналист, публицист, переводчик. В 1964–1969 гг. студент журфака МГУ. С 1969 г. жил и работал в Праге. Наряду с чешскими диссидентами был участником правозащитного движения «Хартия-77». В 1980 г. эмигрировал в Австрию. В 1981–1996 гг. политический обозреватель радиостанции «Свобода – Свободная Европа» в Мюнхене. В 1996–1997 гг. шеф-редактор газеты *Lidové noviny* в Праге. Затем снова редактор и обозреватель радио «Свобода». С августа 2009 г. по май 2012 г. директор Русской службы этой радиостанции.

⁹⁶ О судьбе памятника см. ниже записи от 2 июля 1970 г.

В. Сидур. Эскиз скульптуры «Пророк» (1969)

В. Сидур. Эскиз надгробия (1969)

Опять мы поглощаемся тревогой и болью за Чехословакию. Наше настроение, разговоры, поступки в основном проникнуты предчувствием тех кровавых событий, которые там постепенно нарастают. Наши снова пригрозили в ультимативной форме напустить танки. Правительство ЧССР приняло чрезвычайные меры о предварительной цензуре, об усилении полиции и армии для «поддержания порядка» в стране. Дима с нетерпением ждет решений китайского съезда. Сейчас многие люди поддаются принятию китаизма, поскольку он последовательнее, логичнее и достойнее, чем наш идиотизм с фашистским обликом. Я понимаю всю привлекательность Маоцзедунизма, так как они определенно против нас, но стараюсь не скатываться на их позиции, а главное – не поддаваться этой «привлекательности». Не менее страшный и отвратительный – фашизм по-китайски.

У этой скульптуры, над которой Дима сейчас трудится в гипсовой мгле, есть три названия: «Старый нудист», «Проповедник» и «Двадцатый век». Дима склоняется к последнему названию. Я же предпочитаю первое, поскольку я воспринимаю эту штуку, скорее, как забавную.

4 апреля 1969 г., пятница.

Дима скоро кончит «Проповедника». С каждым днем мне эта штука нравится всё больше и больше. В мастерской стало грязно от гипса. На днях Дима приволок в мастерскую картонную форму, в которой хранят яйца, всю грязную, и положил на гранит, довольно высоко от пола. Она ему для чего-то нужна. Ночью ёж её свалил, всю обгрыз и утащил на середину мастерской, где её и бросил. Дима очень на него рассердился.

Подвалила компания из издательства «Прогресс»: Шуплецовы, Майя Конева, Юра Левитанский, еще какие-то тетки и один мужик. Мне этот человек не понравился, так как я не люблю настолько нелюбопытных граждан. Пришел в мастерскую к художнику, хоть бы для приличия посмотрел, что вокруг него находится. Бабы тоже. Всем им интересно посидеть, мрачно поострить, пожрать и выпить. Правда, жратву и выпивку принесли с собой. Мы вздохнули с облегчением, когда они отчалили. Что отвратительно в нашей интеллигенции – это равнодушие и глубочайшая пассивность, покоящаяся на страхе. Я всячески стараюсь это из себя выгонять, хотя и не всегда удается. Вообще, если не случится всемирной катастрофы, то я возлагаю большие надежды на совсем юных, на моих учеников, людей, родившихся примерно в 1956. Если не сдохнем, то увидим.

Юра всё чего-то пугает, страшает и говорит, что на его выступлении послезавтра готовится какая-то провокация. Будто бы ему сообщил это «доброжелатель». Ни хрена не будет. Дима говорит, что Юра сильно похож на нашего ежа – высунется чуть-чуть, потопочет, а потом испугается и тикать.

5 апреля 1969 г., суббота.

Целый день Дима вкалывал, как проклятый. Валька Эдикова посетила нас и поразила своим дошедшим видом. Были люди: Максим со своими родственниками, Эдинька, Кларочка, Наташа Епифанова тоже пришла.

Я целый день нахожусь под впечатлением спектакля, который мы с Аликом Киселевым ставим в моем классе.

Завтра вся наша команда собирается в ЦДЛ на вечер поэзии, где будут выступать поэты Инна Кашежева⁹⁷, Римма Казакова⁹⁸, а также Юра Левитанский и Дээик Самойлов, из-за которых собственно мы туда и идем.

Вечером появились Толя с Милой и с их дочкой, маленьким толстячком Оксанчиком. Мила держала в руках ночной пластмассовый горшок, который они приобрели сегодня в «Детском мире». Оксанчик восторженно пищала и интересовалась ежом. На столе лежала ярко-красная деревянная тяжелая штуковина вроде груши, пулька, которую Дима собирался вставить в какую-нибудь свою скульптуру. Оксанчик захотела унести ее с собой. Валька благоразумно сказала ей, что дяде Диме она нужна для работы. Мила сказала: «В следующий раз мы придем и посмотрим, куда дядя Дима ее вставит». Оксанчик замолчала, а когда уже оделась, пошла к Диме, где он работал, и спросила у всех присутствующих: «Что мы отсюда заберем?» Дима сказал: «Этот вопрос мы продумаем в следующий раз, что-нибудь поищем». Тогда Оксанчик немного подумала, а потом сказала: «У вас там на столе красная дыня лежит». На это заявление общество засмеялось, и Дима разрешил ей забрать ее себе. Оксанчик тут же ринулась в маленькую комнату и через секунду держала эту штуковину в своих руках. «Она тебе идет к сапожкам», – сказал Дима. «И к платочку», – ответила Оксанчик.

Совсем поздно, когда все ушли, мы наблюдали трогательную, но очень нежелательную картину: возле ежовой миски собралось штук пять мышат и с увлечением лакали его молоко. Дима решил их уничтожить. Он встал рядом с башмаком в руке, сильно стукнул мимо и успокоился. Мыши моментально вернулись. Мы торжественно приняли решение ежа не кормить, давать ему только воду, чтобы он питался мышами. Дима настаивает на неделе, я на четырех днях, чтобы потом устроить ему пир. Боюсь, что я не выдержу и одного дня. Предвижу скандалы по поводу воспитания животных.

6 апреля 1969 г., воскресенье.

Слишком много впечатлений. Трудно писать в два часа ночи, а завтра на работу. Во-первых, мой голубой костюм пожрала в спине проклятая сволочь-моль. Дима потрясающе его заштуковал. Как ему это удалось, я никогда не смогу понять. Мы ушли в подвал потрясающе нарядные. Там сразу же переоделись и начали заниматься делом. Дима домазывал гипсом «Праведника», а я лихорадочно варила борщ. Борщ доваривать придется завтра, так как надо было ехать на вечер поэзии в ЦДЛ. Приятно было встретить моих ребят из класса на вечере, подруги мои, учителя, тоже были. Как зритель пришел Булат Окуджава, совершенно больной, но тем не менее к своим друзьям пришел. Дима шутил надо мной, называл «Проеденная спина». Первой выступала Инна Кашежева. Кашежева раньше

⁹⁷ Кашежева Инна Иналовна (1944–2000) – поэт, переводчик, автор, в частности, стихов многих эстрадных песен.

⁹⁸ Казакова Римма (Рэмо) Федоровна (1932–2008) – поэт, общественный деятель. В 1976–1981 гг. секретарь правления СП СССР, позже первый секретарь Союза писателей Москвы.

писала одно говно, а сегодня прочла вполне ничего. Даже такое актуальное стихотворение прочла про пятый пункт⁹⁹. Юра, по-моему, выступал очень неплохо, но сам он ужасно недоволен. Он был сильно похож на Слуцкого внешне.

Забыла записать, что Абрам Яковлевич звонил позавчера. Он был у врача и ему сказали, что букарбан¹⁰⁰ ему больше не помогает. Ему нужно лечь в больницу, в течение месяца колоться инсулином, и потом якобы букарбан вновь будет действовать. Димка из-за отца очень нервничает. Больше всего он хочет, чтобы скорее построили наш дом, и мы смогли бы воссоединиться с родителями.

Римма Казакова – это муде. Абсолютное барахло! Дэзик Самойлов – лучше всех, он, как говорится, «вне конкуренции». Он поэт самый лучший и настоящий. Уйма знакомых, Дима только успевал со всеми здороваться и светски беседовать. Попытались вызвать Булата Окуджаву на чтение своих стихов. Он отказался, так как паршиво себя чувствовал. После вечера, который кончился довольно поздно для поэтического вечера – в 10 часов, мы всей гурьбой поперли к нам в подвал. Дэзик, Юра, Булат, Феликс Светов, Зоя Крахмальникова¹⁰¹, ее сын Алик с товарищем, Эдик, Валька, Клара с подругой, жены поэтов (Марины Левитанской не было, она на такие вечера не ходит), Камил Икрамов¹⁰² и мы с Димой. В кафе «Крымское»¹⁰³ Юра с Петей, другом Дэзика, купили две бутылки коньяку из-под полы и конфеты, которыми можно забивать гвозди. Сидели у нас, съели весь хлеб и масло. Другого ничего не было. Булат Окуджава вдруг увидел скульптуру. В первый раз за то время, что он к нам ходит, радостно воскликнул: «Смотри, Оля¹⁰⁴, вон, с гармонью!» Заметил также еще одну картинку на оргалите и деревяшку на сейфе. Наконец-то Булат прозрел!

Зоя Крахмальникова очень пугала Диму, чтобы он не делал памятник Павлинчуку. Теперь тех, кто подписывает письма, называют «подписанцы», а тех, кто хоронит таких, как Павлинчук, «похоронцы». Дима ни на секунду не подумал, чтобы отказаться от этого памятника. Мы очень уютно посидели у нас огромной шарагой. Булату даже захотелось спеть, но на нашей гитаре было всего три струны, а четвертая свисала, как веревка, и Булат отказался. Ему не захотелось изображать из себя Паганини. Зои Крахмальниковой сын, двадцатилетний парень, алкоголик, уже лечился и не пьет. Вид у него уже пожившего молодого,

⁹⁹ *Не оттого я нервная и резкая,
Что вспомнила про родичей своих.
Вовек не текла в них кровь еврейская,
И репрессированных нет среди них...
Мы умирали всюду, пострадались,
Намаялись вперед на сотню лет.
А почему? Ответ среди анкет.
Пункт пятый – ничего короче нет.*

¹⁰⁰ Лекарство, оказывающее сахаропонижающее действие в крови.

¹⁰¹ Крахмальникова Зоя Александровна (1929–2008) – писатель, публицист, диссидент. Жена Ф.Г. Светова.

¹⁰² Икрамов Камил Акмалевич (1927–1989) – прозаик, сценарист.

¹⁰³ Кафе «Крымское» располагалось неподалеку от мастерской В. Сидура.

¹⁰⁴ Окуджава (Арцимович) Ольга Владимировна (р. 1938) – вторая жена Б.Ш. Окуджавы. В 1999–2016 гг. директор Государственного мемориального музея Булата Окуджавы в Переделкино.

но очень несчастного человека. Эдик снимал как проклятый, работал изо всех сил и в ЦДЛ, и в мастерской.

Ставим эксперимент. Так как мыши стали жрать с ежом из одной тарелки в огромном количестве, решили его не кормить неделю, чтобы он жрал мышей.

7 апреля 1969 г., понедельник.

Дима совершенно не отдыхает. Пользуется приличным самочувствием и спешит, вкалывает в грязи. Вчера неожиданно в «Иностранной литературе» в 4-м номере мы обнаружили в разделе «Среди книг» маленькую фотографию обложки к книге Мирослава Валека. В статье, где хвалятся переводчики Валека Левитанский, Самойлов, Слуцкий и еще кто-то, но ругается Окуджава, написано также: «Великолепный художник и скульптор В. Сидур». Статья Игоря Иванова¹⁰⁵, с которым мы незнакомы, но наведя справки, узнали, что он богемист из Ленинграда и, очевидно, знаком с Димой по чехословацким источникам.

Сегодня получили письмо из Иркутска, где главный художник не желает платить Диме за проделанную работу, даже половину, как это вообще полагается, если оформление отвергается. Целый день сидели вдвоем с Димой, вернее, я сидела, пока он работал над «Проповедником». Эта скульптура с каждым днем теряет свою забавность и делается все страшнее. Эксперимент с ежом продолжается. Он бегает по всей мастерской и недоволен. Мыши тоже бегают изо всех сил с ним наперегонки.

8 апреля 1969 г., вторник.

Дима закончил «Проповедника» и уже с вожделием думает о следующей скульптуре, тоже гипсовой. Он уже овладел гипсом окончательно, и ему даже больше нравится в нем работать, так как не надо думать об обжиге. Вещи получаются сразу в материале и как костяные. Потом можно тонировать или оставлять белыми, что тоже очень красиво.

Ёж ел у меня из рук. Одна ошалелая мышь пулей выскочила из помойного ведра. Интересно, как она туда забралась? Кажется, Дима завтра получит деньги за Владикову «Огогондию». Не верится, что это может произойти. Звонила Рита Янус, вдова Валерия Павлинчука, завтра она со своими друзьями к нам придет.

Финская компания развалилась, раскололась¹⁰⁶.

Поздно вечером пришел Марик Гельштейн, рассказал последние новости. В «Комсомольской правде» появилась статья под рубрикой «Их нравы» о Чехословакии, где якобы процветает порнография. Обычно под этой рубрикой клеймят только капиталистов-империалистов. Саня Даниэль женится на свояченице

¹⁰⁵ Иванов (Инов) Игорь Владимирович (1930–2003) – поэт, эссеист, переводчик чешской и словацкой современной и классической поэзии, прозы и драматургии, ученый, преподаватель.

¹⁰⁶ Серьезные разногласия наметились в Компартии Финляндии во второй половине 1960-х гг. Два крыла – «марксистско-ленинское» и «оппортунистическое» – не могли договориться о вопросе: завершена ли в Финляндии классовая борьба или она еще продолжается? «Оппортунисты» заявили о возможности создания независимой левой партии. Раскол был зафиксирован на прошедшем 3–6 апреля 1969 г. 15-м съезде партии. Состоявшийся год спустя чрезвычайный съезд ликвидировал разногласия и раскол.

Бабицкого. Марик пропел своим смешным голосом последние песни Галича¹⁰⁷. В одной песне пелось: «Граждане, отечество в опасности! Наши танки на чужой земле»¹⁰⁸.

Позвонила Женька Зверева, светски побеседовали.

9 апреля 1969 г., среда.

Мы были с Димочкой в Музее Пушкина на выставке Матисса¹⁰⁹. Народу бродит много, но очередей за билетами не наблюдалось. Нам всё понравилось, все эти картины мы уже видели, почти все. Больше всего понравилась громадная картина «Музыка».

Мне что-то всё время холодно, несмотря на солнышко. Очень холодный ветер, и нет никакого желания снимать зимнее пальто. Завтра обещают плюс десять градусов. Я так устала после работы и после музея, что не могла двигаться, пока Димочка не подогрел мне пожрать. Потом пришли люди. Сначала Рита Янус с физиком Вале́й Турчиным¹¹⁰, потом Марина Варга с Яшей. Рита с Вале́й принесли деньги, чтобы Дима начинал работу над памятником Валерию Павлинчуку. Кстати, еще очень большая радость – Диме заплатили за «Огогондию». Теперь мы некоторое время можем быть спокойны в смысле заработка. Встретил Дима одну знакомую, которая сказала, что видела путевые заметки Лемпорта и Силиса по Сирии в АПН¹¹¹. Посылают наших бывших сожителей в самые горячие места. Со всем поздно подъехали Владик с Аркадием Аркановым и с пирожными. Они позвонили не по-условному и Дима не хотел открывать. Насилу я его уговорила все-таки подойти и, если чужой, не пускать, сказав, что здесь натурщица. Арканов был удивительно разговорчивым, первый раз я его так много слушала.

Марина <Варга> только что вернулась из Венгрии, рассказывала о «контрастах», где много хорошо живущих, гораздо лучше наших обеспеченных, жрущих нашу икру, имеющих всякий комфорт и т. д., одновременно с оборванцами.

¹⁰⁷ Галич (Гинзбург) Александр Аркадьевич (1918–1977) – поэт, драматург, сценарист, бард. Член СП СССР с 1955 г. (исключен в 1971 г.) и Союза кинематографистов СССР с 1958 г. (исключен в 1972 г.). В 1974 г. эмигрировал, жил в Норвегии, ФРГ, Франции. Был лишен советского гражданства, все его книги, а также театральные постановки и фильмы, снятые по его сценариям, были в СССР запрещены цензурой.

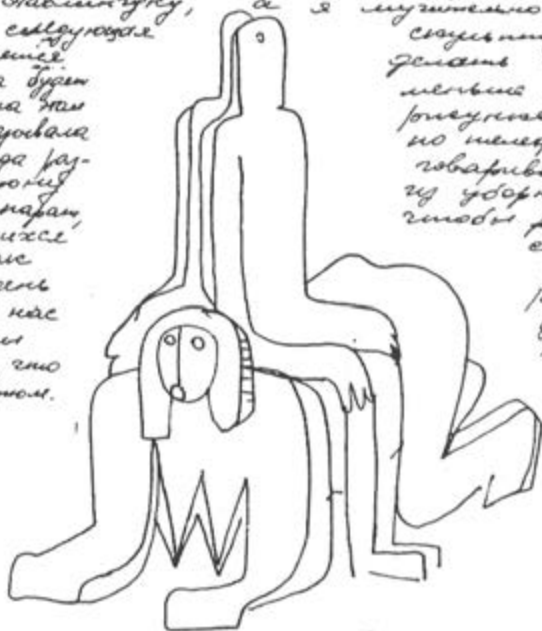
¹⁰⁸ Стихотворение 1968 г. «Бессмертный Кузьмин».

¹⁰⁹ Выставка в ГМИИ им. А.С. Пушкина «Произведения Анри Матисса. Живопись, скульптура, графика, письма. К 100-летию со дня рождения художника» была открыта с 4 апреля по 16 июня 1969 г. Представлены произведения из ГМИИ, Государственного Эрмитажа, Музея современного искусства в Париже, частных коллекций И.Г. Эренбурга, С.И. Юткевича и др.

¹¹⁰ Турчин Валентин Федорович (1931–2010) – физик, математик, кибернетик, информатик, доктор наук, видный правозащитник, автор самиздата. В 1953–1964 гг. работал в Обнинске в Физико-энергетическом институте, с 1964 г. – в Москве в Институте прикладной математики АН СССР. С 1974 г. председатель московского отделения организации «Международная амнистия». Постоянно подвергаясь преследованиям КГБ, в 1977 г. вынужден был эмигрировать, работал в математическом институте университета Нью-Йорка.

¹¹¹ АПН (Агентство печати «Новости») – информационное агентство, образованное на основе Совинформбюро в 1961 г. с целью «распространения за рубежом правдивой информации о СССР». Издавало 60 иллюстрированных газет и журналов, брошюры и книги на многих языках, имело собственных корреспондентов во многих странах мира. В 1991–2013 гг. – РИА «Новости».

мими.
 В мастерской сидели вдвоем. Дима делал эскиз
 памятника Павлинчуку, а я мучительно спала на
 диване. Это следующая
 фото Дима собирает
 Василина должна будет
 на сфинкса, где на том
 Моя мама рассказывала
 в уборной (она всегда раз-
 лимой и по телефону
 замаскирует аппарат,
 день, рано ложилась
 (родственников), как
 прошло Яшимо день
~~мама~~ которое мама нас
 притамана, а мы
 Очень ужасная, что
 перама мой костюм.
 дано переживала

Дима делал эскиз
 скульптура, кото-
 рая в гинсе.
 меньше походила
 (получила)
 по телефону, еще
 говоривали со
 из уборной, куда
 чтобы не бу-
 спали
 всемо
 (открытия,
 удивно
 не пришло
 моль
 Дима,

Страница из дневника с рисунком В. Сидура (1969)

В политическом смысле, как она говорит, царит полная удовлетворенность и равнодушие. Радиопередачи не глушатся, частная инициатива, экономическая реформа и всё такое. Виделась с Жужей. Жужа говорит, что в майском номере про Диму будет что-то там опубликовано в каком-то литературном журнале.

Завтра в Чехословакии открывается пленум ЦК КПЧ.

Эксперимент над ежом продолжается. Он похудел, и мое сердце разрывается от жалости. Завтра я, наверно, прекращу к чертям собачьим этот эксперимент.

10 апреля 1969 г., четверг.

Я ежа немножко подкормила, но несильно. Он в поисках пищи показывает на люди гораздо больше, чем при сытости. Начали с самого утра жить «по хозяйству». В связи с появлением обнаглевшей моли, которая проела спину в моем голубом костюме, мы долго убрали, пересматривали, прыскали аэрозолью в шкаф, где висит наше самое приличное барахло. Гуляли по прекрасной погоде на грязном стадионе. Ездили смотреть, как строят наш дом. Как раз заканчивают седьмой этаж. Дом выглядит богато. Вместо первого этажа строят больницу со странными выступами.

В мастерской сидели вдвоем. Дима делал эскиз памятника Павлинчуку, а я мучительно спала на диване. Моя мама рассказывала по телефону, сидя в убор-

ной (она всегда разговаривает со мной по телефону из уборной, куда затаскивает аппарат, чтобы не будить рано лежащих спать родственников), как весело прошел Ритин день рождения, на который мама нас упорно приглашала, а мы не пришли. Очень ужаснулась, что моль сожрала мой костюм, долго, долго переживала.

Это следующая скульптура, которую Дима собирается делать в гипсе. Женщина должна будет меньше походить на сфинкса, чем на этом рисунке.

11 апреля 1969 г., пятница.

Вчера, когда мы ночью возвращались домой в метро по направлению к «Динамо», мы вошли в вагон, где сидели пять чехословацких высших военных офицеров. У каждого вместо звездочки на фуражке чешский лев. Они держались спокойно и достойно, как будто никто их не оккупировал. Публика с любопытством их разглядывала. У меня тут же возникло острое желание крикнуть: «Да здравствует свободная Чехословакия!» Несмотря на все строгости в Чехословакии, газета «Руде право» выступила в защиту журналистов, которых правительство обвинило в организации антисоветских демонстраций и заявило, что виновны в этом страны Варшавского пакта во главе с Советским Союзом, совершившие вторжение в Чехословакию в августе 1968 года.

Дима ходил сегодня на рынок, купил две скалки из липы и уже почти расписал их темперой. Они называются «Святое семейство». Я после работы еле успела до закрытия купить в Черемушках шприц для инсулиновых инъекций Абраму Яковлевичу. Наблюдала жизнь в новом микрорайоне. Уродливые, но приемлемые для жизни дома, люди, похожие на неандертальцев, озабоченно снуют в разных направлениях. От их многочисленности устаешь невероятно. Лица равнодушные, в основном тупые, озабоченные. Переговариваются односложно и гортанно. Послезавтра Пасха, наверно, оттого такое оживление. Одеты хорошо, несколько однообразно, но не оборванно, не грязно, а как общество, достигшее определенной стадии благополучия. Сыты все, но глубокая неразвитость отличает большинство физиономий. Дети и молодежь – другое дело, у них тоньше лица, живее глаза, свободнее движения, как будто другой народ. У Левитанского есть стихи:

Дети, как жители иностранные,
Приходят, будто с других планет¹¹².

Ёж питается мышами, судя по тому, что выпивает почти всю воду. Мы его подкармливаем, но чуть-чуть, чтобы одна извилина в его мозгу вертелась поживее. Мы сидели с Димочкой вдвоем, я в итоге стала спать, пока он заканчивал эскиз памятника и расписывал скалки. Звонила Зинаида Ивановна. Скучает,

¹¹² Стихотворение «Дети» (вошло в сборник «Кинематограф» 1970 г.):

*Дети, как жители иностранные
Или пришельцы с других планет,
Являются в мир, где предметы странные,
Вещи, которым названья нет. <...>*

очень тоскует одна, ходит в больницу к Абраму Яковлевичу каждый день. Дима не может оторваться от работы, чтобы поехать в Алабино. Он сейчас «в запале». Звонила Нина Гинзбург, приглашала к себе на дачу в воскресенье. Витя уже там. Предлагала, чтобы за нами заехали Шейнберги. Дима отказался, он в Алабино не может съездить, не то что в гости. Витя с Ниной уезжают на месяц в Голландию 17 апреля.

Уже вся Москва знает, что Дима получил деньги за Владикову книжку. Многие звонят и радостно Диме об этом напоминают. Это, конечно, Женька Зверева всем сообщила.

Завтра придумали этот вшивый субботник, очередная обираловка¹¹³. Вспомнили, что 50 лет назад Владимир Ильич носил бревно на своих революционных плечах, и сейчас еще выяснилось, что с ним это же самое бревно носило еще более 300 человек. Завтра же православные пойдут в церковь святить куличи, а послезавтра будет великий праздник «всяя Руси», Христос воскрес.

12 апреля 1969 г., суббота.

Сегодня День космонавта, коммунистический субботник и сегодня же светят куличи в церквях и крестный ход.

У нас было два визита. Сначала приходила Майя Конева с польским писателем и его женой, киноактрисой и с еще какими-то нашими людьми. С ними был мальчик – длинненький, странный восьмиклассник, который за все время не сказал ни единого слова. Поляки были довольны. Фамилию писателя мы не запомнили. Только ушли поляки, пришли Каган Юра с Таней и с их приятелем, физиком из Ленинграда, Грибовым Володей¹¹⁴. Они очень смеялись, глядя на серию рисунков «Из воспоминаний о каталоге Пикассо». Перед уходом, в 12 ночи, взглянул Гдаль. Он проезжал мимо на такси, и они с Витой подвезли нас домой.

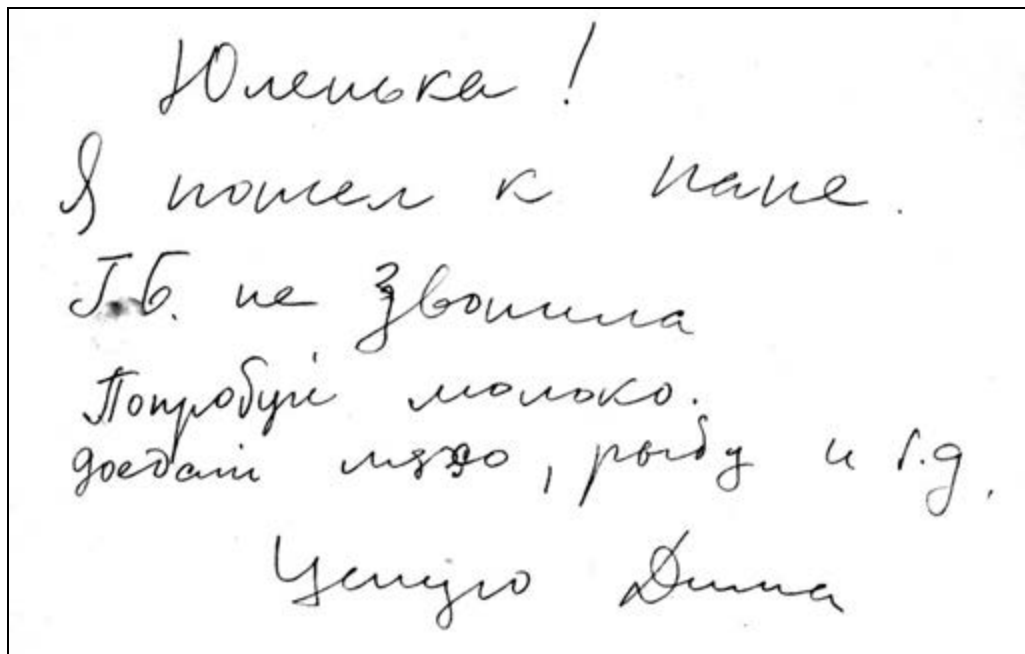
13 апреля 1969 г., воскресенье.

Вчера было много разговоров о том, что евреев не берут на работу. В Ленинграде даже полуевреев дискриминируют. Я знаю, что проигрывают от этого больше те, кто выгоняет евреев, особенно сейчас. Интересно, как постепенно освобождаешься от всяких комплексов. Что бы сейчас ни случилось, у меня нет никакой трусливости, как раньше, когда только начнешь думать о всяких ужасах. Дима говорит, что это от презрения к власти. Мне намного легче и приятнее оттого, что я их не боюсь.

Самочувствие и у Димы и у меня с самого утра было очень паршивое. В мастерскую приехала моя мама. Вела себя как девочка. Выкинула из сумки ежа, чем нас с Димой рассердила, и начала утверждать, что «он сам вылез».

¹¹³ В 1969 г. был объявлен «Коммунистический субботник» – день безвозмездного труда – по месту работы, учебы или по месту жительства в честь 50-летия первого массового субботника, состоявшегося 10 мая 1919 г. В.И. Ленин участвовал в субботнике в Кремле 1 мая 1920 г. В 1970-х – 1980-х гг. проведение «добровольно-принудительных» коммунистических субботников было ежегодным.

¹¹⁴ Грибов Владимир Наумович (1930–1997) – физик-теоретик, профессор, член-кор. АН СССР (1972). В 1962–1971 гг. заведующий отделом теоретической физики Физико-технический института им. А.Ф. Иоффе АН СССР в Ленинграде.

Записка Вадима Сидура к Юлии (1969)

Дима, не отходя, до двенадцати ночи делал «Красавицу». Этой штукой он хочет закончить серию «поп-арта». Никого у нас не было, никуда мы не ходили.

14 апреля 1969 г., понедельник.

Мы были вместе с Гинзбургами на спектакле у Марика Розовского «Из реки по имени Факт»¹¹⁵. Еще перед началом встретили в фойе Владика с Нелей и Мимой. Оказались всякие сложности. Спектакль показывался для просмотра парткому, поэтому всех нас не хотели пускать. Довели Марика чуть ли не до слез. В итоге всех пустили, но настроение испортили. Спектакль нас разочаровал – слишком самодеятельно, разорвано и в «идейном смысле» слабовато. Потом нам сказал Илья Суслов¹¹⁶ из «Литературной газеты», что один француз вы-

¹¹⁵ «Из реки по имени Факт» – спектакль-монтаж театра «Наш дом» на основе «Фауста» И.В. Гете, «Голубой книги» М.М. Зощенко и истории гибели стратогата «Осоавиахим-1». Как название была взята строка из поэмы В.В. Маяковского «Хорошо». Весной 1969 г. прошло четыре прогона спектакля. На пятом, закрытом, прогоне для партактива спектакль был запрещен.

¹¹⁶ Суслов Илья Петрович (1933–2017) – писатель-сатирик, журналист, редактор. В начале 1960-х гг. работал в редакции журнала «Юность», заведовал очень популярным отделом фельетонов. Именно тогда с ним познакомился В. Сидур, который много рисовал для «Юности». С 1967 г. по 1973 г. редактор отдела юмора «Литературной газеты». В 1974 г. эмигрировал из СССР, жил в Вашингтоне, сотрудничал в журнале на русском языке «Америка».

сказался так: «Тот, кто в двадцать лет не становится социалистом, тот подлец, но кто в сорок лет им становится, тот просто дурак». Много, на первый взгляд, каких-то интересных фокусов, но вроде бы они ни к чему, так как не связаны с текстом. Мне кажется, если бы этот спектакль сократить и «объединить», может быть, было бы и ничего. Дима считает, что у них понимание искусства очень на среднем уровне и что без понимания изобразительного искусства – живописи, скульптуры – не может быть современного театра. А наши интеллигенты отличаются очень большим непониманием. Увидели среди актеров Анну Белл, ту самую смешную Асю, которая остриглась наголо, а теперь слегка обросла рыжеватой шерсткой. Бегаёт она среди всего «кордебалета», так же как все, шустро. «Таганка» явно сильнее как театр, и профессиональнее, культурнее, несмотря на все недостатки. «Мокинпотт», пожалуй, самое лучшее из того, что мы с Димой видели за последнее долгое время.

Дима целый день возился с «Красавицей». Я пробовала его уговорить отдохнуть немного, но он мне ехидно отвечал: «Ты же говоришь, что я мало занимаюсь скульптурой». Хотя я этого не говорила.

15 апреля 1969 г., вторник.

Алик мучил моих невероятно терпеливых и прилежных школьников до половины седьмого вечера. Он работает как проклятый и сердится на ребят, а они ничего, терпят. Дима уже стал волноваться, когда я ввалилась полумертвая. На улице теплынь, но моросит беспрерывно. Дима не отрывается от «Красавицы». Она делается все массивнее, скульптурнее, особенно груди у нее здоровые.

Витя с Ниной послезавтра уезжают в Голландию, поэтому мы поехали к ним в половине одиннадцатого ночи попрощаться, а заодно привезли немного фотографий. Долго не могли найти такси на улице, в итоге договорились с частником и доехали под московское радио, сообщавшее «о новой провокации израильской военщины». У Вити болит поясница, он сначала решил, что простыл и даже начал сомневаться в своем желании поехать в Голландию, но после четырехчасовой лекции почувствовал себя гораздо лучше. Нина вся сиреневая, очень здорово выглядит, довольная и веселая. Они с Витей женаты уже 23 года, а мы с Димкой уже почти двенадцать, хотя расписаны только восемь лет.

16 апреля 1969 г., среда.

Дима еле волочил ноги. Нельзя, конечно, так вкалывать без перерыва. Он кончил сегодня «Красавицу». Все, кто приходят, говорят, что это я. А я себя не узнаю в этом портрете, больно красивая эта гипсовая девушка.

У Владика выкинули два рассказа.

Приходила Валька, выглядит она плохо и чувствует себя плохо. Возможно, что у нее камни в почках. Она хороший человек, Валька, но чересчур любит кошек, по-моему, больше, чем людей. Пришел после занятий со своими милиционерами Алик. Он нечаянно высказал, что чехи в хоккее играли «некорректно» и слишком «озлоблены». Мы облажали его совершенно жутко. Во-первых, чехи играли корректно, драка чуть было не возникла всего один раз, но благодаря оперативности судьи, так и не возникла, и то было непонятно, по чьей вине.

Страница из дневника с эскизом афиши спектакля «Диспут о любви и дружбе» (1969)

Во-вторых, чехи совсем не должны любить оккупантов, захватчиков, фашистов, и в данном случае спорт оказался политикой, следовательно, советские хоккеисты представляли для чехословаков самых настоящих врагов и, естественно, что никаких сантиментов, вопросов «этики» и «эстетики», по заумным высказываниям Алика, не ставилось. Чехословаки выиграли оба раза, потому что исторически их победа была предрешена. Они не могли не выиграть, хотя, объективно, наша команда, может быть, в чем-то и сильнее. Чехи победили также, как во

время оккупации Киева фашистами киевское «Динамо» выиграло в футбольном матче у оккупантов, за что немцы отправили всю команду в Бабий Яр. Для чехословаков, слава богу, этот день пока не наступил, и будем надеяться, что они этого не допустят.

Еще я поняла, что Алик спорит лишь бы спорить. Он еще не прошел ту стадию молодости, когда сам процесс спора, очень горячего, неаргументированного доставляет удовольствие. Алик что-то горячо орал, темнил, говорил умные слова (это ужасно) и был доволен. Как только я это поняла, мне стало легче. Он наивный мальчик и глуповатый, чем-то еще совсем неиспорченный, а чем-то сильно подлый. Красивый парень не имеет девки. Дима сказал: «У него плохой вкус. Он все время не там ищет». Алик рассказал, как его не хотели на парткоме пускать в Польшу. И его дорогой Юрий Петрович Любимов не сказал ни слова в его защиту.

17 апреля 1969 г., четверг.

Эту маску Дима нарисовал мне сегодня для спектакля, который состоится в моей школе 30 апреля. Маска яркая и ее видно издалека.

Я что-то стирала, мыла, пока Дима ездил к Владике с Мимой за двумя коробками «Кокарбоксилазы». Миша Гребнев¹¹⁷, сын Мимы и Нёмы, дал Диме альбом, где у него сделал свою запись Солженицын, еще какие-то знаменитости, с просьбой нарисовать ему что-нибудь. Дима сказал, что он очень устал и напишет ему и нарисует, когда Миша придет к нам в мастерскую. Миша вдруг испугался и сказал: «Но ведь у вас там всякие люди ходят, вдруг они увидят этот альбом». Типичный ребенок, запуганный родителями, которому беспрерывно говорят: «никому не говори», «не рассказывай об этом нигде, особенно в школе» и т. д. Дима решил записать ему в следующий раз: «Тебе в альбом писали, рисовали хорошие люди, поэтому не трусь плохих. И вообще, меньше трусь».

Вечером у нас были очень достойные, прекрасные люди. Марина Варга, с ней Миша Литвинов¹¹⁸ с женой Флорой¹¹⁹ – отец и мать Павла Литвинова, и Сима Лунгин с женой Лилей¹²⁰. Первый раз за очень долгое время пришли люди, действительно понимающие и ценящие искусство. Они долго ходили, смотрели и были искренне восхищены. Лунгин сказал, что они с Нусиновым¹²¹ в черном

¹¹⁷ Гребнев Михаил Наумович – литератор, переводчик, редактор.

¹¹⁸ Литвинов Михаил Максимович (1917–2006) – математик, авиационный инженер, участник Великой Отечественной войны. Сын наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова.

¹¹⁹ Литвинова (Ясиновская) Флора Павловна (р. 1918) – физиолог, многолетний сотрудник Боткинской больницы, затем Кардиоцентра АМН СССР. После ареста сына в 1968 г. занялась правозащитной деятельностью. Автор книги «Очерки прошедших лет» (М., Звенья. 2008).

¹²⁰ Лунгин Семен Львович (1920–1996) – драматург, киносценарист; Лунгина (Маркович) Лиана Зиновьевна (1920–1998) – филолог, переводчица художественной литературы с немецкого, французского, шведского. Среди ее переводов произведения Г. Белля, Б. Виана, К. Гамсуна, Г. Ибсена, Э. Кестнера, А. Линдгрена, Ю. Стриндберга, М. Фриша и др. Вадим и Юлия дружили с четой Лунгиных с 1950-х гг. Их младший сын Евгений (Женя) Лунгин (р. 1960) был артистом в *Театре на ул. Достоевского* О. Киселева в Юлиной школе.

¹²¹ Нусинов Илья Исаакович (1920–1970) – драматург, киносценарист, в годы Великой Отечественной войны был военным летчиком. Друг и соавтор С.Л. Лунгина.

списке у Владыкина¹²², зам. министра Фурцевой, и поэтому принято сейчас решение не заключать с ними договоров даже на детские пьесы¹²³. Мы вспомнили тот вечер, лет десять тому назад, когда Сима Лунгин с Виктором Некрасовым сидели у нас в подвале. Были все три хозяина – Лемпорт, Сидур и Силис. Шумели, пели. Я была с косичками и пела по-французски песню «Падам»¹²⁴, Колодко¹²⁵ меня подъебывала. У меня были косички, а Лунгин и Некрасов всё время восклицали: «Мазина! Мазина!»¹²⁶, это про меня. А Колодко злилась на меня, завидовала и крутила замок, пока Некрасов не сказал: «Прекратите, такое ощущение, как будто запирают камеру!»

Дима показал по общей просьбе подлинник портрета Солженицына. Родители Литвинова очень попросили фотографию для Павла. Флора едет к нему на днях и хочет ее отвезти. Дима написал: «Павлу Литвинову. Большой привет из Москвы. Вадим Сидур. 1969 г. 17 апреля». Лунгиным Дима тоже подписал фотографию портрета Солженицына. На одной фотографии, которую они нам показали, мы увидели рядом Александра Исаевича и Павла Литвинова. Павел, молодой еще парень, мы с ним одноклассники. Он очень здоровый, родители говорят, что всё у него хорошо, а главное – есть здоровье. Росту в нем около двух метров.

Всем невероятно понравилась серия рисунков «Доблестный труд советских чекистов». Под конец Дима показал эскиз памятника Павлинчуку. На всех произвело невероятное впечатление. Все даже замолчали. Флора сказала: «Вам никогда не дадут это поставить». А я сказала: «Нам главное сделать, а там посмотрим». Павел очень дружил с этим парнем. Даже тех, кто был на его похоронах, говорят, выгнали с работы и исключили из партии.

Есть слухи, что крымским татарам разрешено вернуться в Крым. Думаю, что это вранье¹²⁷.

Сегодня неожиданно пришла к нам Гуллер, как тень из прошлого, связанного с Лемпортом и Силисом. Безусловно, она могла прийти, так как она их агент. Но скорее всего, ей, действительно, надо было где-то провести время до своего свидания, отнюдь не с Силисом. Она кое-что рассказала, хотя нам казалось, что она хочет узнать что-то от нас. Дима хотел устроить мне скандал за то, что я ее пустила, но потом так и не устроил, раздумал. Она сказала, что им некогда работать, потому что всё время народ из АПН, еще откуда-то, что в Сирии они не были, но упорно занимаются литературной деятельностью, печатаются в журналах, в каких – Гуллер не припомнила. У них в мастерской вонища, а между со-

¹²² Владыкин Григорий Иванович (1909–1983) – заместитель министра культуры СССР. Ранее, в 1943–1945 гг. – в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б): инструктор, зам. зав. отделом художественной литературы, зав. сектором. В 1947 г. член редколлегия «Известий». В 1954–1957 гг. редактор отдела литературы и искусства газеты «Правда». С 1957 г. директор Государственного издательства художественной литературы. Среди прочего, один из главных гонителей Тетра на Таганке.

¹²³ На самом деле никаких запретов не последовало.

¹²⁴ *Padam... Padam...* – песня, исполненная впервые Эдит Пиаф в 1951 г. (слова Анри Конте, музыка Норбер Глансбер).

¹²⁵ Колодко Валя (Колотушка) – одноклассница Юлии, подруга В. Лемпорта и Н. Силиса.

¹²⁶ Мазина (Masina) Джульетта (1921–1994) – итальянская киноактриса, жена Ф. Феллини.

¹²⁷ Возвращение депортированных в 1944 г. из Крыма татар началось лишь в 1989 г.

бой они «беседуют» так, что Коваль их разнимает. Рудольф женился, бывает там редко. Она посетовала, уходя, что Дима не приглашает ее заходить, на что Дима ей ответил, что все знакомые сейчас очень четко разделились, поэтому он органически не может видеть никого, что связано «с тем», хотя он мог бы лицемерно ей сказать: «приходи», а потом не пустить. Гуллер неожиданно сказала: «Мне всегда нравились твои вещи. Почему ты меня не воспринимаешь, как индивидуума, отдельно от них?» Дима сказал: «Чего не могу, того не могу».

Владик сказал, что Женька Зверева состоит на учете в психиатрической лечебнице и собирается лечиться гипнозом. Я – человек жестокий, так как эта грустная новость сильно меня рассмешила.

Гдаль проезжал мимо на такси и подвез нас домой.

Я сегодня вышла очень нарядная в своей замшевой куртке.

В Чехословакии что-то назревает. Ничего поделать там не могут. Наши решили давить их экономически, рубль теперь стоит вместо десяти крон восемнадцать. Смирковский выступил с публичным покаянием, разоблачил свои ошибки. Это очень плохой признак, напоминает старые добрые, «усатые» времена.

Новый дурацкий, но смешной анекдот: «Брежнев выходит из дома. Жена кричит ему вслед: “Леня, Леня, брови забыл!”»

18 апреля 1969 г., пятница.

Тошно, сил нет. Чехословаки имеют нового первого секретаря ЦК КПЧ Гусака. Дубчек остался членом Президиума. Сам Президиум, тем не менее, прогрессивный, кроме двух сук – Биляка и Пилляра, опять же несимпатичная фигура Штроугал. Гусак – это фюрер, какой уж он там будет, мы поглядим – просвещенный или затемненный. По мне, он всегда будет плох, всё, что он публично наговорил за это время, уже достаточно его характеризует со всех сторон, несмотря на его славное и вроде бы чистое прошлое. Гомулка номер два, но чуть-чуть получше, поскольку в чехословацком варианте. Меня расстроили эти известия донельзя.

Дима без меня общался с Дээзиком Самойловым. Дээзик очень умный и с ним интересно говорить. Он сказал Диме: «Я ведь мало пишу. Это не то, что я сажусь за стол и пишу стихи, у меня такого не бывает. Я хожу по улицам, стихи приходят мне в голову, и я записываю их. Пишу сейчас книгу «Русские рифмы»¹²⁸». Дээзик пришел, чтобы встретиться с венгерским поэтом Гарай¹²⁹, но так и не дождался и ушел, выпив вместе с Димой остатки сухого «Мукузани». Потом пришел Женя Евтушенко с венграми, поцеловал Диму, как иезуит с демократическим обликом, и сказал: «Извини, старик, я задержался». А Дима сказал ему: «А мне что, это Дээзик их ждал, а мне плевать на них, так что ты и не извиняйся». Женя ушел, редакторша из «Детгиза» тоже ушла, и Дима остался один с венграми. Гарай выпускает книжку в «Детгизе», возможно, что Дима будет ее оформлять, во всяком случае, Гарай очень бы хотел, поскольку ему всё очень

¹²⁸ Имеется в виду «Книга о русской рифме». – М., Художественная литература. 1973.

¹²⁹ Гарай (Garai) Габор (1929–1987) – поэт, критик, печатался с 1948 г. Секретарь Союза венгерских писателей (с 1965), редактор газеты *Elet es irodalom* (1960–1964). Выполнял переводы произведений многих современных советских поэтов.

понравилось¹³⁰. Он там в Венгрии является редактором двух каких-то литературных журналов, и с удовольствием взял фотографии нескольких скульптур и рисунков.

Я уже начала скучать по Эдику.

Вечером пришла Инна, мы стали обсуждать чехословацкие проблемы. Инна оптимистка, ее какой-то чех убедил, что всё хорошо. Тьфу! Вчера Инна плакала, а сегодня снова верит в светлое будущее. Димка смыкается с ней в каком-то относительно оптимистическом прогнозе, поскольку ясно было, что Дубчека рано или поздно все равно уберут, и он ушел со своего поста незапятнанным, что невероятно само по себе, и даже остался членом Президиума (пока), что еще более невероятно для социалистического образа действия и мышления. Дай бог, чтобы они были правы, но у меня нет никаких иллюзий по поводу этого интеллигентного Гусака, дорвавшегося до горячо желанного места.

Я придумала новое определение Маоцзедунизма – это коммунизм с бесчеловечным пугающим обликом.

19 апреля 1969 г., суббота.

Мы уехали в Алабино. Нагрузились, как ишаки, это уж как всегда. Я вспомнила рассказ Инны о том, как она плакала, а чех ее утешал. Оккупируемый утешает оккупантку – смешно, сил нет. Я перед отъездом заснула, прямо сидя на диване. Дохожу помаленьку от усталости, от педагогики, от весны. Дима меня бодро растолкал и мы отправились. Я чего-то бурчала, стонала – это всегда перед отъездом. Нас встречала Зинаида Ивановна, одинокая сейчас и очень мужественная старушка. В Алабино очень всё бурно-сиренево, и всё ближе надвигается остальное Селятино, скоро и в Алабине покоя не будет. Димка заставил меня чуть ли не со скандалом переодеть синее кожаное пальто вместо замшевой куртки. И напрасно. Куртка гораздо теплее, чем это искусственное пальто, хотя оно мне тоже идет, не хуже куртки. Нет, куртка все-таки лучше.

Ох, до чего мне тошно из-за этого Гусака, который собирается «навести порядок» в Чехословакии. Сволочь!

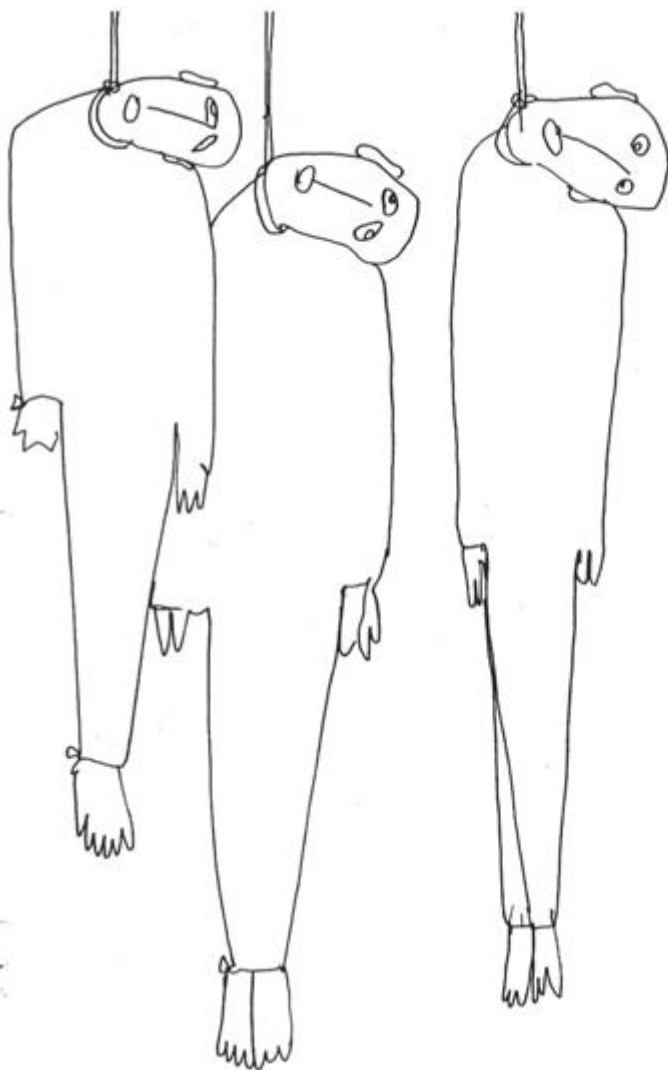
20 апреля 1969 г., воскресенье.

Я предчувствовала, что Дима останется в Алабине на несколько дней, так и получилось. С утра они с Зинаидой Ивановной ходили навещать Абрама Яковлевича. Говорят, что выглядит он ничего. Я пыталась поспать, но не смогла. Зато потом, когда они уже вернулись, я как завалилась, так и отоспалась за целую неделю, еле встала в шесть часов вечера. А в семь Дима проводил меня на электричку.

В третий раз прочла Сэлинджера «Над пропастью во ржи»¹³¹, ужас, как мне нравится! Считаю, что это один из лучших шедевров двадцатого века. Невозможно здорово!

¹³⁰ В. Сидур выполнил иллюстрации к сборнику избранных стихов Г. Гараи «В моем сне звезды» (М., Детская литература. 1970. Автор предисловия и редактор переводов Д. Самойлов).

¹³¹ *The Catcher in the Rye* – роман Джерома Дэвида Сэлинджера (Salinger, 1919–2010), изданный впервые в 1951 г. На русском языке вышел в переводе Р.Я. Райт-Ковалевой в журнале «Иностранная литература» в 1955 г.

Этот рисунок Даша сделала в тот день, когда в Багдаде на площади при народе повесили девять человек из их семьи евреев. Сегодня он нарисовал его слова и подписывали, как можно сделать такую штуку, хотя несколько добавлялись, что в мастерскую, страшно будет войти. Даша была мама и мерзавец, но потом Даша получила зина, которая балом деловая, но не милая, и сказала маме, чтобы она не приехала, так как у нас изменились обстоятельства. Мама обиделась. Мне её стало тяжело. Но в итоге мы были довольны, что никого не было. Даша красилась, когда я к ней пришла Валерия Павловичу. Мне трудно

В мастерской бегал еж. Судя по его многочисленным экскрементам, он питается мышами. Тем не менее на молоко набросился как оголтелый.

21 апреля 1969 г., понедельник.

Живу без Димы. В школе записали с Аликом пленку для нашего спектакля. К вечеру напросилась с Аликом в театр. Он провел меня через служебный вход и я посмотрела «Галилея» Брехта¹³². В итоге я осталась довольна, хотя у меня очень много претензий к этому спектаклю. Прежде всего, мне не понравился главный актер Хмельницкий¹³³. Удивительно одинаковый малый во всех ролях. Очень внешний, шумный, а главное – никакого перевоплощения – что Галилей, что Вурст в «Мокинпотте», что Маяковский. Я в первом акте еле дожила до конца, да еще стоять пришлось, поскольку Алик меня за так провел. Во втором акте стало чуть-чуть повеселей, в смысле – поинтереснее. Мне ужасно понравился Алик, хоть он всего-навсего плясал, но плясал он очень лихо, непринужденно, весело, ненапряженно. Он мне очень понравился, и в «Послушайте!» он мне тоже сильно понравился. Алик – очень способный парень. 26-го он должен играть Гитлера в «Павших и живых»¹³⁴. Наконец, первая его нормальная роль. Спектакль длинный, моментами идет такая «мхатовщина», в самом плохом смысле этого слова, но к концу явно стало лучше.

22 апреля 1969 г., вторник.

Я ребят отпустила, потому что не работал ни один телефон, и Алик не смог дозвониться, поэтому он явился только в пять часов и тут же убежал. Я поехала в мастерскую, позвонила по нескольким телефонам и стала общаться со Зденеком-ежиком. Потом мне что-то стало так тошно и одиноко, что не захотелось уезжать домой. И я заночевала в подвале, только попросила подругу из школы позвонить мне завтра в 7 утра. Ночью мне мешал еж, он шуршал, стучал, бегал, как ненормальный, пытался есть мои башмаки.

23 апреля 1969 г., среда.

Димушка, оказывается, приехал в три часа, а я не смогла с ним пообщаться, так как все школьные телефоны не работают. Алик сегодня репетировал до изнеможения. Я при этом присутствовала и даже пыталась его как-то сдерживать, когда он особенно злился, если у ребят что-нибудь не получалось. Потом

¹³² Спектакль «Жизнь Галилея» по пьесе Б. Брехта. Перевод Л.З. Копелева, стихи в переводе Д.С. Самойлова. Постановка Ю.П. Любимова. Художник Э.Г. Стенберг. Музыка из произведений Д.Д. Шостаковича, музыка к стихам Б.А. Хмельницкого и А.И. Васильева. Премьера состоялась 17 мая 1966 г., спектакль шел затем 10 лет.

¹³³ Хмельницкий Борис Александрович (1940–2008) – актер, композитор. В Театре на Таганке играл с 1964 г. по 1982 г. В спектакле «Жизнь Галилея» заменял обычного исполнителя главной роли, В.С. Высоцкого.

¹³⁴ «Павшие и живые». Сценическая композиция Д.С. Самойлова, Б. Грибанова и Ю.П. Любимова. Постановка Ю.П. Любимова. Режиссер П.Н. Фоменко. Художник Ю.В. Васильев. Музыка из произведений Д.Д. Шостаковича. Стихи Н.Н. Асеева, С.П. Гудзенко, П.Д. Когана, М.В. Кульчицкого, Ю.Д. Левитанского, В.В. Маяковского, М.А. Светлова, А.Т. Твардовского и др. Премьера состоялась 4 ноября 1965 г.

я как ненормальная летела в мастерскую, потому что знала, что Дима должен уже приехать, хотя не думала, что он с трех часов уже в подвале. А он, оказываясь, успел побороться со стихией, так как дерьмо полезло точно при его появлении в мастерской. Когда стихия была усмирена, Дима имел очень живописную в художественном отношении беседу об искусстве со слесарями, поскольку «искусство должно быть понятно народу» (В.И. Ленин). Слесарей было трое, все пьяные. Один, Коля Жданов, уже был раньше, он привык. Другой смотрел внимательно, а третий высказывался. Не могу не записать, несмотря на всю нецензурность нижеследующего диалога. Даже Би-би-си себе это позволяет.

Слесарь, глядя на скульптуру «Раненый»: «А чегой-то он какой обвязанный? Его, блядь, по голове пизданули, вот он, блядь, и такой».

Дима: «Да, блядь, вот меня тоже двадцать пять лет тому назад на фронте пиздануло по голове, вотя я и хожу такой кривой. Понял, блядь?»

Слесарь, который услышал от Димы такие близкие ему слова, обалдел настолько, что больше уже вообще ничего не говорил и помалкивал, только смотрел на него остекленевшим взором. Его это поразило, очевидно, оттого, что до его высказываний Дима терпеливо объяснял им и отвечал на их вопросы, как он всегда это делает. Он всегда всем объясняет, кто бы не пришел, какую бы чепуху не нес.

Гусак в Чехословакии что-то темнит, но обещает (намекает) вывод наших войск. Если он этого добьется, я ему всё прощу.

Абраму Яковлевичу инсулин помогает. Зинаида Ивановна держится молодцом. Дима там устал, потому что написал темперой пять картинок на грунтованных картонках.

24 апреля 1969 г., четверг.

Мы встали рано, несмотря на мой выходной. Ни Диме, ни мне что-то не спится. Оба мы погруженные в свои мысли, но в то же время мы сегодня ни разу не поругались. Очень были в хорошем настроении, хотя в мире очень фиговые дела, особенно в Чехословакии. Мы опять что-то мыли, стирали, убрали, стриглись, грязное белье, чистое белье. Боже, как всё надоело! Тепло стало совсем. Мы заметили, что у Димы в Алабине сразу же подскакивает давление. Вот и сегодня с утра было 150 на 90, а вечером 120 на 80. Лучше всего весной он себя чувствует в подвале.

Встретили в магазине Яна Левинштейна¹³⁵. Потрепанный какой-то. Я его не люблю. Раньше, когда мы были в подвале все вместе, он поссорился с Лемпортом, Силисом и крыл их самыми последними словами, а когда у него открылась выставка в Институте физпроблем, он сразу же позвонил им, стал приглашать к себе, чтобы похвалиться, хотя обсирал их до невозможности. А они к нему на выставку не пришли и он остался в дерьме.

Этот рисунок Дима сделал в тот день <27 января>, когда в Багдаде на площади при народе повесили девять человек, из них семь евреев. Сегодня он нарисовал его снова и подумывает, как можно сделать такую скульптуру, хотя несколько побаивается, что в мастерскую страшно будет войти.

¹³⁵ Левинштейн Яков (Ян) Ильич (1923–2010) – живописец, график.

Мы были вдвоем. Должна была мама приехать, но потом Дима испугался гриппа, которым болеют девочки, мои племянницы, и сказал маме, чтобы она не приезжала, так как у нас изменились обстоятельства. Мама обиделась, мне ее стало жалко, но в итоге мы были довольны, что никого не было. Дима практически кончил эскиз памятника Валерию Павлинчуку. Мне жутко нравится эта скульптура, прекрасная совершенно вещь. Наверно, она будет одной из лучших Диминых вещей.

Ёж сегодня так шипел и хрюкал, когда к нему приближались. Где бы ему достать ежиху для веселья.

Алику Киселеву завтра стукнет 25 лет. Дима нарисовал ему цветную картиночку, и часы мы ему подарили, будильник, а то он уже не раз просыпал и опаздывал на репетицию¹³⁶, а его за это очень ругали.

Приходили сегодня к нам ненадолго две тетки. Одна из них – жена Натана Злотникова из «Юности». Приходили советоваться насчет памятника. Женщина, которая с женой Злотникова, очень милая, приятная, из технической интеллигенции, но такая дремучая, прямо оторопь берет. По поводу скульптуры высказывается так же, как моя мама, хотя у моей мамы четыре класса образования и ей простительно, а у этой женщины высшее образование.

Вчерашний слесарь-матерщинник еще сказал про «Эйнштейна»: «А это Баба-Яга какая-то».

25 апреля 1969 г., пятница.

Жара вдруг сделала, и мы с Димой доходим. Я – от спектакля. Ни черта не готово, а в среду надо показывать. Алик заморенный, весь почерневший, как лагерник, много работает над деталями, а до конца еще ни разу не прогнали. Первое отделение вообще ни разу не репетировали.

В подвале Дима делал эскиз памятника Павлинчуку, успел съездить за родительским бельем на Киевский. Строят восьмой этаж нашего дома. Только я пришла, подросла Кларочка, потом Валька. Потом мне надо было сбежать купить пожрать. Валька с увлечением рассказывала, как она общалась с Рудольфом в диетическом кафе. И он ей сказал, что женится на кандидатке наук двадцати четырех лет, а Сорока выходит замуж за молодого талантливого начинающего писателя. И он ей сказал: «Люка, что ты делаешь, я знал тебя всегда за умную женщину». Сказал, что уже три месяца не был у Лемпорта и Силиса, для них самое главное деньги. Они всё их зарабатывают и зарабатывают, а ему их денег не нужно, поскольку у него большая должность, он прилично зарабатывает, и хоть бы они ему за всё спасибо сказали. «Я их одел с ног до головы!» – воскликнул Рудольф. Спрашивал, ходят ли к нам Гдаль и Бураковский. К ним они не ходят, и те от этого якобы переживают.

Завтра идем на спектакль «Павшие и живые», где Алик, как он наконец к вечеру выяснил, играет. До самого конца, сволочи, его мурыжили – будет он играть или нет. Завтра Алик сразу же как актер вступает в другую стадию и, наверно, зазнается.

¹³⁶ Репетиции в Театре на Таганке начинались в 10 и продолжались до 15 часов.

Моя мама прибыла, заявив, что она в этом районе и обязательно придет. Она говорила много глупостей, и мне было тяжело. Неожиданно пришел Освальд с Валькиной работы, совершенно пьяный. С ним была девушка, которую он подцепил в гостинице «Украина». Эта девушка была француженка от русских родителей, по имени Лена. Девушка прекрасно говорила по-русски. Этот Освальд, комплексоид, бывший алкоголик, который сейчас снова «развязал». Он как-то громко и мерзко шутил, например: «Этот сыр пахнет, как мои носки». Раньше примерно также шутил Силис, но у него получалось более элегантно, а у этого отвратительно. Он сказал про Жюльетт Греко¹³⁷: «Она черномазая, она еврейка, а мы здесь все антисемиты». На это я сказала француженке: «Это он очень плохо шутит. Это всё неправда». А может быть, он действительно подонок? Но трудно поверить, Валька всё время о нем рассказывала с восторгом – «Освальд, Освальд». Просто он пьяный мудака с неприятным громким голосом. Девушка завтра уезжает в Париж к своим маме и папе. Девушка вполне приятная, но рискованная. Все-таки решиться с пьяным идиотом пойти в незнакомое место, да еще спуститься в наш подвал по темной и вонючей лестнице – не каждый сможет решиться на это. Ситуация была очень Достоевская. Валька была поражена больше всех. Сначала мы хохотали, когда Освальд спьяну что-то орал, прыгал, пытался поцеловать русскую француженку, потом стало противно. Кларочка ушла первая. А этот Освальд, оказывается, никогда не пьет, так как он лечился от алкоголизма, а теперь, значит, снова начал.

Моя мама раздражала меня фантастически. Всё, что она говорила, было глупо, пошло и противно. Наконец все ушли, и моя мама тоже. Мы с Димой поплелись домой. В метро масса пьяных, машинисты профессиональными бесцеремонными движениями выволакивали их из вагонов. Мы хоть продышались немного по дороге.

26 апреля 1969 г., суббота.

Сегодня нам, можно сказать, плюнули в морду. Ну и говнюк, этот Алик Киселев. Вчера пригласил нас на спектакль: он играет, всё прекрасно, в половине седьмого должны были быть у театра. Причем еще раньше я его предупредила, что обязательно должны быть приличные билеты, иначе мы не пойдём. Дима отложил все свои дела, не успели побыть с Толей Гитбергом, Милой и Оксанчиком, чтобы не опоздать, не задерживать Алика, раз у него такой сегодня важный день. Ровно полчаса прождали возле служебного входа, глупо, унижительно, бездарно теряя время. Наконец, высунулся без трех минут семь, сказал, что репетировал с Любимовым, и нам в кассе оставлены билеты «с местами». Мы пошли к администратору, хотя было уже отвратительно. Нам выдали два входных билета по 30 копеек, на балконе стоять. Мы тут же повернулись и быстрым шагом направились к метро. Дима мне сказал: «Чтобы я больше его у нас не видел». Мне было жутко обидно, я даже стала плакать от ущемленной гордости. По отношению ко мне всё это терпимо, но Димка, которому вообще до лампочки весь этот театр, этого я Алику не прощу. Диме стало меня жалко и он сказал: «Плюнь». <...> Мы

¹³⁷ Греко (Gréco) Жюльетт (р. 1927) – французская актриса и певица.

вспомнили, как Кирилл Петрович Кондрашин оставил нам пропуск, справлялся, пришли ли, где сидим, как сидим и т. д. Когда мы купили билеты на вечер поэзии, где были Дзэик, Юра и так далее, у нас не хватило двух билетов в первый ряд, а были только в тринадцатый, и я предложила отдать их Алику с девушкой, поскольку они помоложе и ничего страшного. И тогда Дима ни в коем случае не согласился и сказал: «Как же, мы сами пригласили людей, усядемся все в первом ряду, а их посадим где-то далеко. Лучше я сам не пойду». И тогда мы с Валькой решили пойти в тринадцатый ряд, а Алик сидел со своим товарищем (девица не смогла) в первом. Чем-то он очень паршивый малый, ненадежный, нагловатый, снедаемый, а сейчас, когда он выскочил в первые, наверно, совсем испортится. Я сказала Диме: «Но ведь он делает в моей школе спектакль совершенно бескорыстно, просто так». А Дима сказал: «Как ты не понимаешь, что ему это необходимо не меньше, чем тебе для твоей педагогики. Он имеет людей, которых он дрессирует».

В мастерской Дима тут же переделался и начал лепить новый эскиз. Завтра я его попрошу сюда врисовать. А я всё страдала и даже улеглась от огорчения. У меня дурацкое положение, прекратить с ним всякие отношения мне невозможно – 30-го в школе спектакль. Дима тоже мне сказал, чтобы я с ним нормально поговорила, потому что дело нужно сделать. Но больше всё, я с этим человеком не связываюсь. Потом пришел к нам Володя Бураковский со своей старшей дочкой Мариной. Я перестала огорчаться и даже развеселилась.

Как и следовало ожидать, он позвонил. Сначала подошел Дима, но тут же передал мне трубку. «Юля, в чем дело?» – «Нам дали входные билеты, а мы по таким не ходим». – «Администратор меня обманул, он два дня тому назад обещал мне два билета». – «Я не знаю, но вот так. Мы повернулись и ушли. Ты понимаешь, что Дима не только стоять, он сидеть-то на балконе не может. Там у вас духота, ничего не видно, не слышно, а он себя плохо чувствует. И вообще мы по театрам не ходим, мы пришли из-за тебя. Если бы детишки мои, это другое дело, они могут стоять где угодно – на лестницах, на перилах, а Дима не мальчик, ты понимаешь!» – «Мне пообещал администратор два билета в партере, он меня обманул». – «Очень жаль. Надо было проверить. Ну как ты сыграл?» – «Говорят, неплохо». – «Поздравляю». – «Дай мне Вадима, я ему объясню». – «Он занят, никак не может сейчас с тобой разговаривать, у нас люди». – «Второго придете?» – «Посмотрим». – «Целую вас». – «Пока». Он долго молчал, потом снова сказал: «Целую», и я повесила трубку. Если бы не тридцатое число, я бы с ним не так поговорила. А главное – что он врет. Ничего он не заказывал, раз уж сказал: «с местами». Не мог достать, так за целый день должен был позвонить в подвал, где Дима находился непрерывно, и честно бы сказал, что билетов нет и что лучше прийти в другой раз. Ничего страшного бы не было, а вот такое дерьмо ненадежное. «Авось, – подумал, – для того, чтобы только на меня посмотреть, и постоит Сидур».

27 апреля 1969 г., воскресенье.

Я всё еще нахожусь под впечатлением вчерашнего Аликова поступка. Я уже начинаю бояться, что он мне и спектакль не закончит. Ведь он уже не раз опаздывал, приходил не вовремя или без звонка, подводил нас с репетициями.

Сегодня день был жутко тяжелый, Димка устал. Была у нас экскурсия из парней и девушек, окончивших математическую спецшколу, со своей учительницей. Ленька Бахнов с девицей, на которой хочет жениться, чем огорчает безмерно Владика и Нелю. Саша с Мишей Гребневым, смешным подростком, какие-то девочки, мальчики. Кларочка тоже пришла. Потом подросла Машка Зверева со своим новым парнем, Булгаковым¹³⁸. Оба они из «Комсомольской правды», сразу же внесли какую-то бойкость и противность. <...> Булгаков тоже очень «дейтельный», хотя его письмо в «Юности», напечатанное в прошлом году, мне понравилось¹³⁹. Скорее всего, он неглупый парень.

28 апреля 1969 г., понедельник.

Алик пришел не репетицию раньше, чем всегда. Он попытался со мной что-то выяснить, а я только сказала ему: «Ну что мне тебе сказать, Алик. Нечего мне тебе сказать. Потом на репетиции мы были оба злые, потому что ни черта не получалось от ребят. И зло срывали на них ни за что ни про что. Алик убежал в двадцать минут седьмого, а быть ему надо в театре в 6.30.

В подвале была Марина Ильичева, бледная и несчастная. Бразильянец ее отчалил за границу и вроде бы должен вернуться через пару месяцев. Марина с ним «помолвлена» по свойственной в его Бразильской стране буржуазной привычке, и носит уже обручальное кольцо. Дима говорит, что она еле прошкандыбала до дивана и плюхнулась на него, как подкошенная. Одна нога у нее перевязана. Всё у нее болит – ноги, живот, вены, что-то еще. Сестра болеет какой-то жуткой ангиной с кровавыми нарывами в горле, маме, как всегда, плохо, и вообще, в семье они все переругались, чего, по словам Марины, раньше не было.

Дима сделал почти до конца второй эскиз памятника Павлинчуку. Я даже не знаю, какой мне больше нравится. Мама звонила – Танечка в больнице, температура нормальная, но болят ушки, и гайморит, Ирочка почти совсем выздоровела. У Димы зуб болит под коронкой. Ночью, когда мы вернулись домой, вдруг увидели записку от Галочки: «Буду 5-го», чему безумно обрадовались. Я целый вечер в мастерской рассказывала и показывала Диме, как мы репетируем. Он хохотал совершенно как безумный, так я его насмешила.

Я вдруг вспомнила, что Алик, скорее всего, опоздал в театр и ему очень попало. Потому что еще вчера Дима сказал: «Давай простим его». А мне вчера еще не хотелось его прощать, и не за себя, а за Диму. Я совершенно не могу, когда

¹³⁸ Булгаков Николай Алексеевич (р. 1950) – журналист, писатель, православный священник. Окончил журфак МГУ и Литературный институт. Печатался в «Комсомольской правде» с 1966 г., стажер отдела фельетонов и культуры быта, в 1968–1969 гг. редактировал юмористический раздел «Улыбка». Затем работал в редакциях «Литературной газеты», «Литературной России», журнала «Литературная учеба», печатался в «Юности» и т. д., писал для радио и телевидения. В 1976 г. выпустил первую книгу прозы. С конца 1980-х гг. православный публицист. Автор первых православных статей в «Комсомольской правде» (1989–1990) и др. изданиях. В 1981 г. крестился, в 1995 г. рукоположен в сан диакона, в 1995 г. – в сан священника. Настоятель храма в Жуковском. С 1998 г. настоятель храма в поселке Кратово.

¹³⁹ «От дома до школы» // Юность. 1968. № 3. С. 90–92. В статье, помещенной в рубрике «Сочинение на вольную тему», говорилось о доверии к учителю, об авторитете учителя, которые определяются его эрудицией, чувством юмора и т. п.

Диму кто-то обижает, хотя, в общем, Алик никакого преступления не совершил, просто невоспитанность. Сейчас вокруг нас пребывают люди очень и очень приличные, и мы уже привыкли к этому. Алик ужасно обрадовался, что я ему позвонила. Он все-таки не совсем еще испорченный мальчик. Он наконец начал извиняться, а не оправдываться. Я сказала ему: «Всё ничего, просто на будущее все мы сделаем соответствующие выводы». Алик сказал: «Если Вадим не придет второго ко мне на спектакль, это будет ужасно». И вообще, Алик был очень рад, что я позвонила, что мы больше на него не сердимся. Его, явно, это угнетало, а тут он снова воспрянул, и мы с ним начали говорить о нашем школьном спектакле, и он готов был говорить всю ночь. Мне стало легче после этого разговора, и Дима тоже сказал, что всё я правильно сделала. Все-таки Алик моложе нас и его тоже пока еще необходимо воспитывать, тем более что раз уж судьба связала его с нами до какой-то степени.

Де Голль слетел во Францию. Я это предсказала и очень радуюсь, что этот почтенный старец удалился, наконец, на заслуженный отдых. Пусть занимается садоводством, разводит розы. Очень он был демагогический старикашка, жуткое трепло. Может быть, теперь Франция будет вести себя как европейская страна, а не как советско-арабско-китайская.

Оказывается, Косыгин во время инцидента на острове Даманском попытался связаться по прямому проводу с Линь Бяо¹⁴⁰, а тот не пожелал с ним говорить. Очень приятный факт. Косыгин думал, как с Джонсоном¹⁴¹ во время шестидневной войны на Ближнем Востоке – раз и договорились. А тут не вышло.

Дубчек избран председателем Федеральной ассамблеи, а Цолодка – замом Черника. В связи с тем, что де Голль ушел, как пообещал (очень гордый старикан, сказал уйду – и ушел), а китайцы звереют против нас всё больше, я предвижу в Европе относительное «благополучие». Я верю, что наши войска уйдут из Чехословакии. Дима сказал, когда мы ехали в такси домой: «Сейчас очень остро чувствуется неустойчивость мира. Хемингуэй все-таки не был дитя атомного века. Он великий писатель, но сейчас – это уже не его эпоха, может быть, он поэтому и застрелился, что не знал, как отразить нынешнее состояние. А я очень остро чувствую библейское пророчество: «Наступит время, когда живые будут завидовать мертвым».

29 апреля 1969 г., вторник.

Временное приличное самочувствие у Димы кончилось. Он промучился с зубом, который болел под коронкой всю ночь, весь день, и в половине десятого

¹⁴⁰ Линь Бяо (1907–1971) – маршал КНР, с апреля 1969 г. официально единственный заместитель председателя ЦК КПК Мао Цзэдуна, его правая рука и преемник. Погиб при загадочных обстоятельствах, по официальной версии – в авиакатастрофе. Посмертно объявлен предателем.

¹⁴¹ Джонсон (Johnson) Линдон (1908–1973) – президент США с 1963 г. по 1968 г. Во время шестидневной войны 5–10 июня 1967 г. А.Н. Косыгин и Л. Джонсон неоднократно связывались по горячей линии, а 23 и 25 июня они дважды встречались в американском городе Глазборо. Советская сторона считала, что за спиной Израиля стоит США, поэтому А.Н. Косыгин давал американцам понять, что необходимо притушить конфликт и что две сверхдержавы могли бы сотрудничать в деле восстановления мира.

пошел к частнику, одному очень хорошему врачу, который сделал ему пенициллиновый укол, но боль у него нисколько не утихла, хотя он наклеял аналгина, аспирина и еще чего-то. У Димы никогда не бывает, чтобы он себя прилично чувствовал какое-либо длительное время. Тем не менее он закончил второй вариант эскиза памятника Валерию Павлинчуку. Я приехала домой после работы только в десять вечера. Завтра у нас спектакль в школе. Я сомневаюсь, что Дима придет, очень уж сильно у него болит зуб, ему не до спектаклей. Алик сегодня очень меня спрашивал: «как Вадим?», «что Вадим?», «придет ли он в школу?». В итоге он мне сказал: «Я очень люблю Вадима и боюсь его».

30 апреля 1969 г., среда.

Димушка заболел самым настоящим образом. Промучился всю ночь и сегодня ездил на рентген, потом ходил к врачу. Конечно, никакой речи, чтобы прийти ко мне на спектакль, не могло быть. Когда я приехала поздно вечером, он лежал в кровати весь обвязанный и мучился. Чуть-чуть меньше, чем вчера, потому что его раздуло и боль слегка поутихла. Каждый час он полоскал рот шалфеем и делал водочные компрессы.

Я сразу поняла, что ему плохо, когда появились Кларочка, Валька, Эдик, а Димы с ними не было. Алик сильно огорчился. Спектакль прошел потрясающе! Я не ожидала, что это будет так здорово. Публика хохотала беспрерывно. Некоторые мои дети – удивительно талантливы, как раз те, о которых никогда этого не подумаешь.

Мы с Димой разговорились на ночь. Он скучал без меня. Я ему всё рассказывала, как прошел спектакль, а он мне рассказывал, как в госпитале у него проволокой были скреплены челюсти и оставлена только одна дырка, чтобы через трубку вливать жидкую пищу. Была сестра Ася, лет двадцати двух, Диме она казалась очень взрослой, хотя самому ему было 19. В палате были все лежачие, очень хорошие. Они говорили: «Надо Сидуру водку собрать». Ася вливала ему эту водку через трубку, и Диме она казалась сладкой. Он забалдевал и ему делалось легче. Он в Асю влюбился. Она была очень хорошая медсестра и строгая, никто с ней не заигрывал. Позже, когда Диму перевезли из этого госпиталя, он написал ей письмо, а она не ответила.

1 мая 1969 г., четверг.

Мы в Сокольниках кричали в этот день: «Первое мая, курица хромая!» Военный парад отменен, очень приятно¹⁴². Терпеть не могу демонстрацию нашей мощи, предназначенной для запугивания всего человечества.

У Димы болело меньше, но опухоль есть, состояние паршивое, он снова целый день лежал. Боль ему все-таки удастся сбивать всякими лекарствами. Опухоль теперь переместилась вниз и у него примерно стало то же положение, что всегда, чем он страдает уже двадцать лет, с самого ранения. Я ему еще раз тридцать рассказывала про наш спектакль, вспоминая всё новые детали. А Дима

¹⁴² До 1968 г. военные парады на Красной площади в Москве проходили два раза в год – 1 мая и 7 ноября. С 1969 г. парады стали проводиться только 7 ноября.

Спектакль по пьесе Юлии «Диспут о любви и дружбе» (1969)

говорил: «Не рассмейвай меня, а то мне больно». Мы решили, что если у Димы такие дела паршивые, не идти на спектакль «Павшие и живые». Но когда Алик вчера звонил, он сказал, что спектакль будет последний в мае, а следующий будет нескоро. Тогда Дима сказал: «Иди, ведь вижу, что тебе хочется». И мы решили пойти вдвоем с Кларочкой.

Несмотря на Димины зубно-челюстные мучения, все равно приятно, что нет Галочки. Я бродила по всей квартире в неглиже, Дима тоже разгуливал в кальсонах и нижней рубашке. Разгуливал – это я имею в виду – из одной комнаты в другую, чтобы пожрать, а также в туалет. Зинаида Ивановна и Абрам Яковлевич позвонили. Абрам Яковлевич вышел из больницы, сахар в крови у него уменьшился. Зинаида Ивановна на пределе.

2 мая 1969 г., пятница.

Болит, болит, болит, целый день болело с небольшими промежутками. Господи, когда же это кончится. Я успела сбежать в театр. Мы с Кларочкой выпили там пива. Алик пришел точно, с билетами, все как положено. Деньги брать не хотел, но в итоге взял, потому что у него, как всегда, наверно, нет ни копейки. Спектакль мне не понравился. Алик мне понравился, а спектакль весь целиком нет. Это не театр – это театрализованный рассказ, декларация, декламация. Очень хорошие стихи, хорошие поэты, но мало вкуса во всей этой постановке и мало интеллигентности. Публике это нравится, Кларочка даже плакала, хотя смотрела уже во второй раз. Я представляю, как бы невероятно это понравилось моим школьникам. Билеты спрашивают еще в метро. Меня же такой театр явно не устраивает. Я уверена, что Диме тоже бы не понравилось. Я еще раз убедилась, что Алик – один из наиболее способных ребят в этом театре. Из всех, кто там был, мне понравились Веня Смехов, Джабраилов¹⁴³ и Киселев. А Алла Демидова¹⁴⁴ не понравилась, очень грубо играет.

Я забыла записать, что на днях к нам заходил Петька Якир с Виктором Красиным¹⁴⁵ и с двумя женщинами. Помоложе, беременная, это Петькина дочка¹⁴⁶,

¹⁴³ Джабраилов Расми (Рамзес) Халидович (р. 1932) – артист театра и кино. В 1964–1993 гг. актер Театра на Таганке.

¹⁴⁴ Демидова Алла Сергеевна (р. 1936) – артистка театра и кино. В 1964–1994 гг. одна из основных актрис Театра на Таганке. Лауреат Государственной премии СССР (1977), Народная артистка РСФСР (1984). Автор нескольких книг о театре, поэзии и воспоминаний.

¹⁴⁵ Красин Виктор Александрович (1929–2017) – диссидент, неоднократно подвергался арестам (впервые в 1949 г.). В 1966–1968 гг. научный сотрудник Центрального экономико-математического института, уволен за самиздат. В 1969 г. приговорен судом к пяти годам ссылки по обвинению в туеядстве, срок отбывал в Красноярском крае, осенью 1971 г. приговор отменили. В сентябре 1972 г. вновь арестован. В этот раз «активно сотрудничал» со следствием, публично покаялся на пресс-конференции, на которой присутствовали иностранные журналисты (фрагменты пресс-конференции были показаны по телевидению) и в результате в 1975 г. получил разрешение на эмиграцию. Жил в США, работал на радио «Свобода». В 1991–2003 гг. жил в Москве, затем снова в США. Автор книги «Суд» (Нью-Йорк, 1983). См. также записи от 26 мая 1968 г.

¹⁴⁶ Якир Ирина Петровна (1948–1999) – архивист, диссидент. С 1966 г. замужем за Ю.Ч. Кимом. После исключения с третьего курса Историко-архивного института работала в редакции «Литературного наследства». Участвовала в подготовке самиздатских сборников «Хроника текущих событий».

жена Юлика Кима, вторая – Петькина любовь, наверное. Красин – несколько сумасшедший и явный беспределник. Очень они все brave, никакой ущербности или тем более трусости. Настоящие революционеры. Попросили показать портрет Солженицына. Чувствуется, что он для них – как символ, как знамя. Дима сказал им про памятник Павлинчуку. Они сказали, что это был замечательный парень. Про Лемпорта, Силиса Петька сказал: «Я к ним больше не хожу».

3 мая 1969 г., суббота.

Дима провел кошмарную ночь. Боль не утихла, а от огромного количества химии у него разболелась печень. Ему было так худо, что сомнений не было – надо резать. Он еще что-то сомневался, но тут я решительно настояла на том, чтобы ехать к врачу, и он мне поддался. Так ему было больно, что я несколько раз принималась плакать. Мы позвонили Василию Семеновичу <Назарову>, и он нас встретил на Дорогомиловской в поликлинике, куда мы очень удачно приехали на такси. Дима вышел через некоторое время с запекшимися от крови губами, бледный, но с просветленными глазами. Он сказал, что ему вырезали его нарыв, откуда брызнул фонтан всякой нечисти на новый халат врачихи-хирурга, которая была этим недовольна и всё время говорила Диме: «Не хватайте меня за руки! Что это вы локтем мне в живот уперлись?» Василий Семенович при этом присутствовал и пытался держать Диму за руки, чтобы он не очень брыкался, пока врачиха ковыряла ему в ране. Диме стало намного легче, но теперь, когда мы пытались уехать домой на такси, никто не брал, ни одна сволочь. Каждый таксист что-то выгадывал. Диму наконец довели, он сказал одному парню, который не хотел нас везти: «Я инвалид Отечественной войны, видишь, я больной. Я за тебя, мудака, кровь проливал, а ты меня везти не хочешь». У Димы вид был очень страшный – губы в крови, распухший, шепелявый. Публика начала орать: «Вези его, он больной, мы разрешаем». Шофер сказал: «Только без мату». Дима сказал: «Как же без мату, когда ты не понимаешь». Я упорно сидела в машине и не вылезала. А когда шофер нас наконец довез, я начала плакать, в который раз за сегодняшний день, Дима меня успокаивал. По дороге мы остановились у аптеки на Беговой, я там купила все лекарства. У шофера совсем не противная морда. Он что-то кряхтел всю дорогу, наверно, ему неприятно было. Сейчас совсем другое дело, Димка еще всё чувствует, но разве можно сравнить с тем ужасом, какой он испытывал все эти три дня подряд. Василий Семенович сказал, что надо было ехать сразу же, как только после укола не настало улучшения. А Дима всё ждал ухудшения, ему всё казалось, что недостаточно плохо. Диме необходимо все зубы выдирать и делать протез, иначе ему предстоит очень большие муки.

Завтра я иду на работу, неохота ужасно, еще хочется отдохнуть. Вчера Дима прочитал все мои записи и сказал, что там, где я обругиваю Алика, это эмоциональный лепет. А вообще, он говорит, что это бесценная книжка. А сам он совершенно писать не может. Я к нему уже больше не пристаю, бесполезно. Это всё равно, что учить его французскому языку. Пока что лучше всего научился говорить одну фразу: «Жё сюи маляд». Полное нежелание! Так же само, как он не поддавался преподаванию английского языка, хотя Зинаида Ивановна преподавала его, и он шпрыхал на нем гораздо лучше, чем сейчас.

4 мая 1969 г., воскресенье.

Ушла на работу, где сразу же стала портить себе нервы с утра пораньше. Пришла домой, зубы болят меньше, хотя опухоль еще сильная на вид. Один момент Димке стало совсем плохо с сердцем. Это он, оказывается, оголодал, и когда поел, ему стало намного легче.

Потом я завалилась спать. Неожиданно заявила Галочка, которая должна была появиться только завтра. Правда, она быстро куда-то смылась. Я потом еще чего-то убирала и бесконечно рассказывала Диме про школу, а он всё слушал, слушал. Уже столько лет он слушает мои педагогические излияния, и ничего, терпит. Только иногда он говорит: «Стоп! Больше про детей я слушать не могу».

Сегодня мы вспоминали сцену, как Дима порвал с Лемпортом и Силисом окончательно. Меня не было. Это была сцена, как в театре. Дима опрокинул стол со всем, что на нем стояло, и высказал Лемпорту всё, что он о нем думал. Лемпорт сидел бледный, а Силис какой-то жалкий. Если бы Дима этого не сказал, он бы, наверно, лопнул или второй инфаркт его бы точно хватил. Дима тогда сказал Лемпорту, что он отдаст ему деньги. Это после слов Лемпорта: «Я два года на тебя работал». И Силису Дима тоже сказал: «Я и тебе отдам деньги, если ты так считаешь». Силис сказал: «Нет, я так не думаю». После этого на другой день Дима положил в коробку из-под зубного порошка около четырехсот рублей. У нас тогда неважно было с деньгами, а эти четыреста, не то триста восемьдесят рублей – была как раз Диминая часть из последнего заработка еще всех троих. Я думала, что у Лемпорта совести не хватит забрать эти деньги. Я даже сказала Диме: «Вот увидишь, они так и будут лежать в этой коробке». Но я ошиблась – Лемпорт их преспокойно забрал и был, вероятно, очень доволен, а может быть, и недоволен, но какое это может иметь значение, раз он забрал деньги. Дима говорит, что он и тогда одержал над ним верх, и сейчас тоже. Особенно это ясно из письма Лемпорта, присланного в прошлом году.

Сегодня в мастерской случилась одна вещь. Эдичка позвонил и сказал, что в подвал забрались два пацана. Они уронили волан через решетку. Решетка крайняя не прикручена, форточка была открыта, и они через форточку пробрались в подвал и там разгуливали, пока Эдичка не вышел из своей комнаты и не застучал их. Они спокойно ушли, не смутившись и не испугавшись. Вывод один – как можно скорее прикрутить решетки.

5 мая 1969 г., понедельник.

У Димы зуб болит, но даже сравнить нельзя с тем, что было до разреза. Он сегодня ни разу не пил аналгин. У меня было очень хорошее настроение. Я даже решила вымыть пол у Димы, а ко мне подобные желания приходят крайне редко. В моей школе начальство вдруг растрогалось и решило подарить Алику 15 рублей за то, что он целый год делал нам спектакли. Мы с Димой обсуждали мою новую пьесу на будущий год, которая будет называться «Шестидневный поход». Дима мне очень много всего придумал, в первый раз в жизни сочинила «Марш подростков». Дима сказал, что эта песня могла быть еще хуже, поэтому она может сойти, поскольку трогательная:

Видишь, шагают люди,
 Веселые, как скворцы.
 Это идут подростки,
 Юные, как птенцы.
 Сиреневые дороги,
 Грязь запеклась на губах,
 В кровь разбитые ноги,
 Пыль скрипит на зубах.
 Не нужно им, как солдатам,
 В мокром снегу лежать,
 Им не придется к ночи
 От пули стальной умирать.
 Армия желторотых
 Вышла на мирный бой.
 Идет она по России,
 Бредет любопытной толпой.
 Если б ты знал, товарищ,
 Как тяжело шагать,
 Если б ты знал, приятель,
 Как трудно не отставать.
 Оттягивает плечи,
 Пот застилает глаза,
 К вечеру стало легче,
 Песня нам помогла.

Из Алабина звонили родители. У Абрама Яковлевича дела неважны. Инсулин помогает ему мало. Дима очень огорчился. Сегодня целый день звонил по друзьям, добивался для отца консультации с эндокринологом.

6 мая 1969 г., вторник.

Диме стало легче. Он начал рисовать и ходил гулять. Из Алабина звонили родители, старикам очень неважно. У Абрама Яковлевича сахар повысился в моче до 4 %. Радио мне надоело, гудит целый день сквозь проклятые глушилки. Всё равно всё слышно. Ничего хорошего.

7 мая 1969 г., среда.

Женя Смагина весьма скептически отнеслась к моей песне «Марш подростков». Она тактично покритиковала его с художественной точки зрения и сказала, что это взгляд на подростков взрослого человека. Я с этим согласилась и сказала, что мне именно это и было нужно. Женька тогда сказала, что она литературно обрабатывает мой марш. Пусть обрабатывает.

Дима чувствует, что возле зуба у него снова что-то затвердевает. Родители нас ужасно огорчают. Эдичка отъелся на Валькиных харчах после своей командировки. Пришли к нам Велта, Марик Гельштейн, Борис Хазанов. Разговаривали о Владимире Ильиче, интересно поговорили. Всё обсуждали, как Ленин – юрист по образованию, умный, способный, интеллигентный человек – создал самое незаконное государство в мире, не смог предвидеть и предотвратить весь кро-

вавый кошмар, который начался еще при его жизни, и жертвой которого он сам оказался до очень большой степени. Его безответственность и авантюризм, жестокость и хитрость породили Сталина, принесли неисчислимые бедствия не только русскому народу, но и всем тем, в ком разрушили и убили веру в коммунизм, кого уничтожили, попрали, продали, испортили, оболванили, лишили сердца, разума, совести, души, задавили страхом и лишениями. Ленин не имел права всего этого не знать и не предвидеть. Он шел на это сознательно, то есть сознательно шел на преступление, которое сначала поглотило его самого, а затем дало человечеству в вожди мрачного кавказского убийцу, доведшего почти треть земного шара до полного духовного и материального обнищания.

Дима сделал себе водочный компресс, и у него был ужасно смешной и несчастный вид. Я ему сказала: «Нарисуй мне в эту тетрадку себя». Он поставил зеркало, стал в него смотреться и нарисовал себя очень неважно. Мы решили вырвать эту картинку. Дима сказал: «Сама нарисуй».

Юля и Дима,
Из потустороннего мира,
Где на паперти у крематория
Жалобно плачет лира,
Я шлю вам синюю розу
Из пепла и дыма
И мимо
Прохожу в колпаке
Средневекового мима

Юнна Мориц

Это еще давно Юнна нам написала, прямо у нас в гостях. Конец я забыла, а записную книжку, где записано всё стихотворение, я куда-то положила и никак не могу найти.

8 мая 1969 г., четверг.

Дима сказал, что его я очень хорошо нарисовала и с любовью, а себя – ужасно уродливой и чересчур худой. У Димы до сих пор одна щека больше другой, не только то, что у него всегда, а гораздо больше. Дима был в «Детгизе», а я на рынке. Потом мы были в аптеке, потом поехали в мастерскую. Мы еще стояли с Димой в очереди в сберкассе и за апельсинами. В мастерской был Эдинька. Вечером вдруг пришли мои бывшие ученицы Оля и Ира. Ужас, какие они взрослые, а ведь им только по восемнадцать лет. Мы с ними разговаривали и поражались, до чего они дремучие – что такое двадцатый съезд не знают, литературы не знают. Я думаю, что они были чересчур прилежные в школе, делали всё, что положено, а на большее не хватило времени. Они неглупые девочки, но никакой интеллигентской базы за десять лет учения они не получили. В школе, еще на уроках, я пыталась расшевелить Ольгу, и она всё время сопротивлялась, даже по сравнению с Андреем Шульцем и Наташей Епифановой. Какой резкий контраст с моими ребятами из восьмого класса Юрочкой и Женькой. Им только по пятна-

дцать лет, но насколько они живее, острее. Мы говорим с ними, как с равными партнерами, несмотря на разницу в возрасте и их неважные отметки. Системе образования в нашей советской школе необходимо сопротивляться, иначе будешь долбежкой и больше ничем.

Последними перед нашим уходом пришла моя институтская преподавательница Наталья Михайловна Покровская¹⁴⁷ с мужем.

9 мая 1969 г., пятница.

День Победы, прошло 24 года. Сегодня роскошная была погода, давно такой не было. Мы приехали в Алабино с лекарствами, с апельсинами, но не такие нагруженные, как обычно. Родители жутко обрадовались. Абрам Яковлевич выглядит очень неплохо, да и Зинаида Ивановна тоже. Насколько внешность не соответствует самочувствию. Мы сначала погуляли втроем с Зинаидой Ивановной. Она сильно возбудилась, с утра ничего не ела и вдруг у нее закружилась голова, и она чуть не упала. Потом мы ее проводили, а сами еще пошли гулять. Любовались на коров. Красивые такие коровы, одна мама и две телки, двухлетка и четырехмесячная, молоденькая. Это нам сообщила хозяйка этих коров. Коровы ели травку и было видно, как им приятно ее есть. Хозяйка сказала: «Животная, она всё понимает».

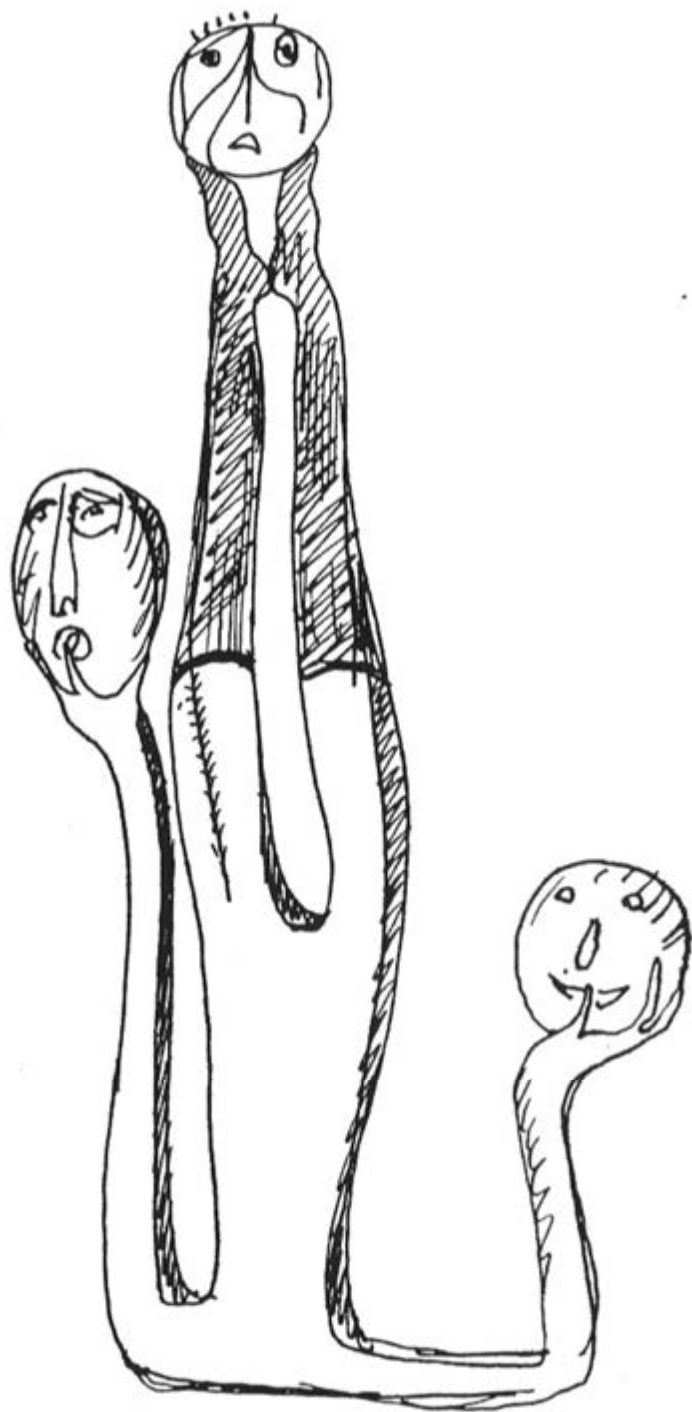
Дима нарисовал эскиз скульптуры из новой серии «Упражнения с головами». Мне очень понравилась живопись, которую Дима написал еще в прошлый свой приезд. Целых пять картинок темперой. Мне сейчас уже не хочется больше видеть цветных рисунков фломастером. Поэтому, наверно, так понравилось темперой.

10 мая 1969 г., суббота.

День получился длинный-предлинный и хороший. Во-первых, прекрасная погода, какая-то невероятная. Первый по-настоящему летний день. Дима никак не мог уехать из Алабина. Мне теперь тоже стало совсем легко там находиться. Почти полностью исчезло напряжение, которое у меня раньше возникало с Димиными старичками. Мы совсем друг к другу привыкли. К вечеру мы выбрались. По дороге на станцию подобрали какую-то штуку, кусок от керосинки, из которой торчат фитили. Дима еще вчера ее заметил и сегодня мы даже взяли с собой газеты, чтобы ее завернуть. Поезд был сильно набит, но мы все-таки сидели в последнем вагоне. Живопись мы тоже с собой увезли. В Москве сегодня меньше воняло, чем всегда. Народу тьма, в глазах рябит.

Эдик встретил нас на выходе. Он уже собрался уходить, потому что было девять часов вечера, и он подумал, что нас не дождетсЯ. Он всё напечатал, как обещал. Есть симпатичные снимки. До какой-то степени есть представление о спектакле, хотя некоторые фотографии совсем нерезкие. Эдик сказал, что вчера звонил Лева Тоом. Мы позвонили им и договорились увидеться. Они живут на Новом Арбате в высотном доме, где магазин «Мелодия». Однокомнатная квартира

¹⁴⁷ Лингвист, доцент романо-германского факультета МГПИ им. В.И. Ленина, автор многих учебников и учебных пособий по французскому языку. Дочь крупного историка-марксиста академика М.Н. Покровского.

В. Сидур. Эскиз скульптуры (1969)

вполне хорошая. Юнна выглядит очень и очень плохо. У нее полумертвые глаза и мертвенно-бледное лицо. <...> Юнна на глазах оживала, что-то говорила, делалась спокойнее. Дима говорит, что это наш приход на нее так подействовал. <...> Мы очень тепло расстались в третьем часу ночи. Они слевой пошли нас провожать. Юнна была довольна, и нам с Димой показалось, что очень хорошо, что мы пришли. Мы очень хорошо на Юнну подействовали. Они нам сообщили, что Слуцкому стукнуло пятьдесят лет, и что он в Коктебеле. Последние его стихи в «Юности» человечнее, чем обычно. <...>

Мышей поймалось в мышеловке штуки три-четыре, а на одной мышеловке мышь слопала всю еду и ушла невредимая, капканчик не сработал. Ёж позволил себя погладить и не убежал.

11 мая 1969 г., воскресенье.

Я вспомнила, какую в Алабино мы видели страшную сюрреалистическую картину. Возле самой станции по рельсам бежал горбатый всклокоченный человек, сильно пьяный. Бежал он, танцуя. Вдруг он упал навзничь прямо на рельсах, а поезд пролетел в это время над параллельными шпалами. Человек махал в воздухе ручками и ножками, как Грегор Замза у Кафки¹⁴⁸. Наконец, с трудом встал и, танцуя, побежал на платформу. У него было воспаленное лицо, капли пота на лбу. Относительно еще молодой человек, на лицо не страшный, но агрессивный. Что-то сосредоточенно глухо бормотал: «Двадцать минут... пятнадцать минут...». Я еще вспомнила, как ходила в магазин перед отъездом в Алабино. Впереди меня широко шагала маленькая, несомненно сумасшедшая старушка, ведя на поводке маленькую облезлую собачонку. Старушка злобно повторяла: «Вперед, комсомолец Израиля!» Очевидно, в эту фразу она вложила всю свою нелюбовь и к советской власти, и к евреям.

Шел дождь сегодня, тепло и парит. Димка не спал почти всю ночь. Ему чуть ли не ежедневно снятся Лемпорт и Силис. Была Велта, рассказала кое-что новенькое об А.Б. <Аркадии Белинкове>. Эдик приехал с дачи. Марина Хазанова привела на экскурсию своих учеников. В этот раз десятиклассники показались нам удивительно маленькими. Как это раз на раз не придется – то очень здоровые, то маленькие. Эти по росту и по виду были такие же, как мои восьмиклассники. Хорошие ребята. Последним на ночь глядя пришел Алик. <...> Потом мы шли с Димочкой по «Динамо», взявшись за руки. Только что прошел дождь и одуряюще пахло липой. Мы испытывали счастье, что идем вот так вдвоем.

Сейчас все ждут, как себя поведет Гусак на совещании компартий в Москве в июне этого года. Очень важно, что он скажет. Мы с Димой считаем, что он скажет всё, что ему прикажут наши. Тем не менее итальянские коммунисты создали специальную комиссию по расследованию причин юридического отставания и нарушения законности в СССР и в странах Восточной Европы.

12 мая 1969 г., понедельник.

Дима сделал первый укол «Кокарбоксилазы». Сегодня же он был у зубного врача, и тот сказал, что можно делать только съемный протез, который будет

¹⁴⁸ Имеется в виду герой рассказа Ф. Кафки «Превращение» (*Die Verwandlung*) 1912 года.

готов не раньше, чем через полтора месяца. Дима сейчас пребывает в раздумьях, начинать с этим протезом или нет.

Приходила Марина Ильичева, принесла нам «Кокарбоксилазу». Собирается делать копию «Эйнштейна». Дима рубил дерево. Задумывает новую скульптуру из керосинки, которую мы подобрали в Алабине. Она будет называться тоже «Пророк» № 2. Эдик не может достать какую-то пленку, поэтому он просил меня обратиться к моему брату Севе с просьбой помочь. После нашего разговора Сева с Ритой были в нашем подвале. Еще раньше приехал Владик. Мы с ним вдвоем усидели бутылку «Гамзы». Владик нас ужасно насмешил, разговаривая с ежом, у нас даже всё заболело от смеха. Где-то Владик переживает, что Ленька женится, но он уже с этой мыслью примирился. Гдаль прибыл с большой компанией армянских врачей, которые ничего не понимают в искусстве и не интересуются им, кроме одной женщины, жены лысого хирурга. Эти армяне ездили в Театр эстрады болеть за Петросяна¹⁴⁹. Кажется, Петросян должен выиграть эту партию. Сева, как бывший специалист, нашел общий язык с одним болельщиком, имеющим при себе карманные шахматы. Сегодня было прохладно, и Дима чувствовал себя гораздо лучше.

13 мая 1969 г., вторник.

Каждый день теперь буду приезжать из школы поздно. Конец учебного года, мои ребята сдают экзамены, всякие совещания, собрания. Я всё время спать хочу. Димка плохо себя чувствовал, когда я приехала, а потом прошел еще один из многочисленных за этот день дождь, и ему стало легче. Он окончательно решил менять себе зубы.

Звонили родители Женьки Смагиной, жаловались мне, что Женька ничего не делает, уроки не учит. Я их успокоила, сказала, что у меня весь класс оболтусы, ни черта не занимаются. В результате разговора им захотелось прийти к нам в мастерскую.

Приходил к нам Саша Махов, наш сосед-художник. Он женился на девочке, которая похожа на него, как сестра-близнец. Очень он лихой художник. Мне он очень нравится. На мой взгляд, он под абсолютным Диминым влиянием. Иначе с чего бы ему рисовать всяких инвалидов с голыми женщинами. Но в то же время он самостоятельный художник и совершенно не хилый. Он приносил свои новые рисунки, они мне нравятся больше, чем у Толи Гитберга. Толя недавно только прозрел и стал делать что-то хорошее. К тому же Толя под очень уж очевидным влиянием Эрнста. А я даже удивляюсь, откуда у этого Саши, такого на вид тихонького и придурковатого мальчика, такой могучий дух и фантазия. Дима говорит, что ему армия много дала. Там на него бревно упало и руку ему повредило.

¹⁴⁹ Петросян Тигран Вартанович (1929–1984) – шахматист, международный гроссмейстер (1952), чемпион мира в 1963–1969 гг. Юлия упоминает проходивший с 14 апреля по 17 июня 1969 г. в Москве, в помещении Театра эстрады матч на звание чемпиона мира между Т.В. Петросяном и претендентом Б.В. Спасским. Выиграв с общим счетом 12:10, чемпионом мира стал Б.В. Спасский.

Велта забежала к нам с каким-то молодым человеком. Она была сегодня очень оживленная и не ехидная.

14 мая 1969 г., среда.

Была Инна, говорили о Чехословакии. Там еще не всё потеряно. Целый день Дима с Эдиком воевали с потопом, очень устали оба. Меня от этого дела освободили. Поздно пришел Алик, плел всякие глупости. Дурачок, все-таки.

15 мая 1969 г., четверг.

Приезжали родители. Абрам Яковлевич очень неважно выглядит. От диабета у него нарушился обмен веществ и на лице появились какие-то болячки, к тому же он был небрит. Зинаида Ивановна выглядит гораздо бодрее и лучше. Дима пошел их провожать на вокзал, а я варила грибной суп.

Эдичка очень удручен – все его фотографии нерезкие. Он считает, что это от плохого зрения. Ему надо обращаться к врачу, а он не хочет. Приходили к нам родители Женьки Смагиной вместе с Женькой. Отец Женьки¹⁵⁰, хоть и неплохой, наверно, человек, но невероятный трепач, неудачник во всем, поэтому беспрерывно самоутверждающийся. Мать¹⁵¹ – умная женщина и приятная, это она не дает Женьке распускаться.

Забрели Левитанские. Юра грустный, с трубкой во рту. Марина хотела выпить, но с собой они не принесли, а у нас не было. Совсем поздно пришла Рита Янус с Валей Турчиным. Они одобрили оба эскиза памятника и выбрали второй вариант. Хотят на следующей неделе показать уже всем своим друзьям.

Есть слухи, что еще в этом месяце должны быть выведены наши войска из Чехословакии. Би-би-си объявило, что в Алма-Атинской области на нашей территории протяженностью в 20 км расположена тысяча китайских войск.

В мышеловке почти каждый день ловятся мыши.

Вчера мы в разговоре с Аликом вспоминали Вознесенского. Вспомнили, как он написал письмо, что его, бедного, в Америку не пускают. Все западные радиостанции читали и перечитывали этот захватывающий крик оскорбленной души. Мы с Димой тоже прониклись к нему лучшим чувством. Наши друзья говорили нам, что Вознесенский спекулянт, что он обиделся за себя и тут же сделал себе рекламу. Мы с Димой как могли везде его защищали. А через несколько дней буквально его припугнули, и он разразился покаянной поэмой «Зарев»¹⁵², настолько же подлой, насколько бездарной (хотя, в принципе, он одаренный человек). Мы же чувствовали себя в полном дерьме. В разговоре с Аликом мы всю эту историю вспомнили и Дима тут же сочинил экспромт на Вознесенского под названием «Треугольный Буй». Потом Дима внес в свой экспромт некоторые изменения.

¹⁵⁰ Смагин Борис Иванович (1921–2003) – физик-экспериментатор, журналист.

¹⁵¹ Смагина Фрума Исааковна (р. 1924).

¹⁵² *Вознесенский А.А.* «Зарев» (главы из поэмы): Вступление. – Зарев языков. – Раздраженный зарев. – Зарев Павлу Филонову. – Сентиментальный зарев. – Испытание болотохода. Зарев-ода. – Лесалки. – Снег в октябре. – Лодка, занесенная снегом на берегу. – Вальс при свечах. – Эпилог баллады о партизанском докторе, работающем сейчас врачом-рентгенологом // Литературная газета. 1967. 25 октября. С. 7–8.

Треугольный Буй¹⁵³
 Треугольный Буй я
 В желтой мгле стою я.
 Слышу небес глас:
 «В море мочи – молчи!»
 Не внемлю гласу небес!
 Оранжевый рот разрывает мне бес,
 Когда желтая пресса прессом
 Из душ выжимает мочи струю,
 Из лужи желтой пить не хочу.
 Мчусь по параболе скоком,
 Сам себя догоняя,
 Не унываю!
 Весь шар выводит кривая!
 Умываюсь лимонным соком,
 Лимонный сок – желт.
 Сок не моча!
 На Кубе стучит пулемет,
 Бьет реактивного влет
 Ча-ча-ча!
 Стучит каблучками фиолетовая красавица,
 Под Солнца апельсином
 Сексом лавится...
 Не хочу больше в Штаты,
 Там стукачи штатны.
 Я член худсовета Таганского театра,
 Но нет у меня сигары-Татры.
 Сёстры!
 Братья!
 Буду всё, что хочу,
 Брать я!
 Лимонный сок дую,
 Самокритику воя,
 Но не воюя!

16 мая 1969 г., пятница.

Сегодня был вшивый педсовет. До чего тошно общаться в школе со взрослыми. Лицемерие, ханжество, удивительная тупость, бабское, базарное общество. Ни смысла, ни логики, ни педагогики. Конечно, дети всеми силами сопротивляются их воспитанию, и правильно делают. Подумать только, что наша школа еще лучше других. И сама я – такой же шкраб.

Димка сегодня целый день бегал. Неприятно себя чувствует в связи с предстоящим выдиранием зубов в понедельник, боится. На Диму напало стихоплетство. Он еще на Тихонова сочинил стих, про гвоздь¹⁵⁴.

¹⁵³ Стихотворение вписано рукой В. Сидура.

¹⁵⁴ Стихотворение «Баллада о гвоздях» (1922) официального поэта Николая Семеновича Тихонова (1896–1979). <...> *Гвозди б делать из этих людей:*

Крепче б не было в мире гвоздей <...>

Гвоздь

Сделан из поэта гвоздь
И забит в его гроб.
Могила не исправит тех,
У кого горб.

Приходили люди. Наталья Васильевна со своим бывшим учеником принесла книгу про Сальвадора Дали, изданную во Франции. Нам с Димой очень активно эта книга не понравилась. Пошлая, очень ядовитая по цвету. Черно-белые рисунки Дали, присланные нам из Чехословакии, намного интереснее и благороднее. Мы с Димой рашили, что этот художник очень и очень нам «неблизкий» (особенно в этой книге «Галин Дали»). Приходил еще Максим Дубах¹⁵⁵. Занимается живописью. Принес всего две картинки, на мой взгляд, слабые, хотя одну из них кропал четыре месяца. Сам парень приятный. Но Саше Махову никто почти из молодых в подметки не годится.

Снова заливало нас дерьмом. Целый день не хотели присылать аварийку. Наконец смилостивилась баба по телефону, прислала.

17 мая 1969 г., суббота.

У нас был сплошной прием. С утра Димка кого-то принимал, потом я пришла с работы, и к нам пришли всей семьей Геннисы¹⁵⁶. Семейство симпатичное, но Юрочка – самый интересный и значительный из всей семьи. Пришли Валька с Эдиком. Потом приехали Толя с Милой и с Толиной мамой Софьей Яковлевной. Дима нервничает из-за своих зубов. Он говорит, что устал переносить страдания. Шел дождь.

18 мая 1969 г., воскресенье.

Я немного захворала. С самого утра мне было паршиво и болело горло. Дима уехал в мастерскую без меня, там снова был потоп. Эдик с ним боролся. Мне как-то тошно. Галя дома, противно высовываться в коридор. Дима пришел очень поздно. Он сегодня рубил дерево и чинил с Эдиком свет, который Дима пережег. Я прочла письмо Пети Якира в журнал «Коммунист», где он доказывает, что по нашему Уголовному кодексу, Сталин – величайший злодей и преступник¹⁵⁷. В конце Петя пишет, что если можно посмертно реабилитировать, то почему нельзя посмертно осуждать.

19 мая 1969 г., понедельник.

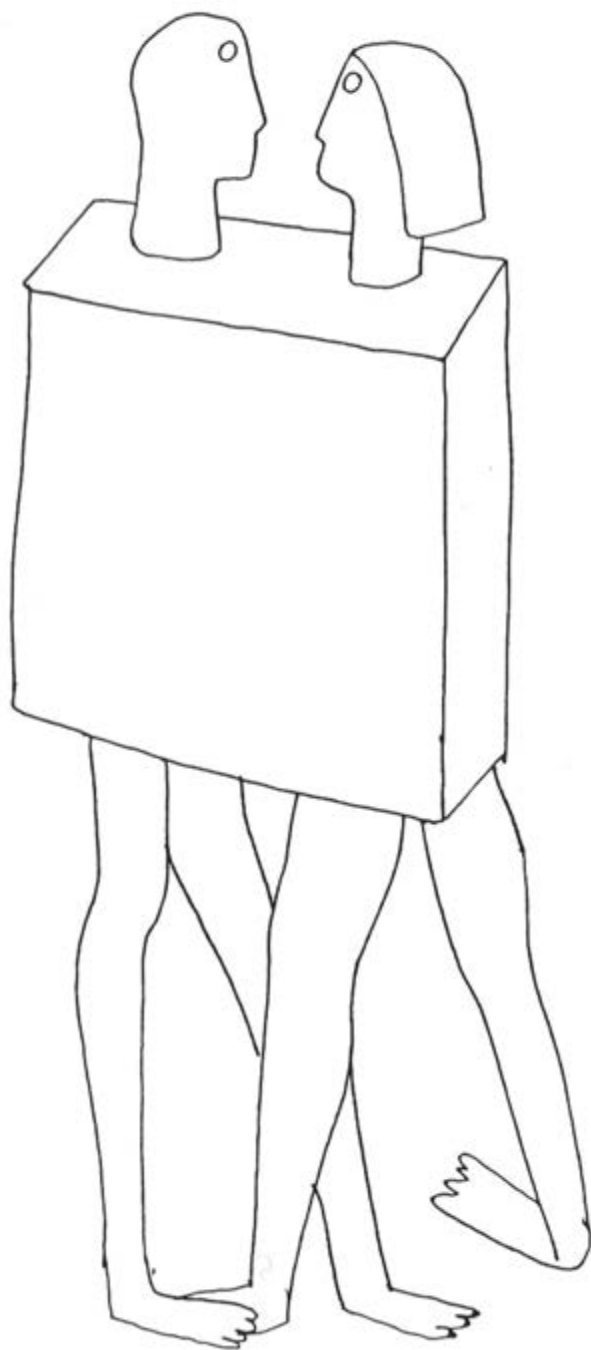
Ночью я не спала ни одной минуты. Утром еле поднялась и пошла, шатаясь, на работу. Меня тошнило от громадного количества съеденного стрептоцида.

¹⁵⁵ Дубах Максим Борисович (р. 1938) – живописец, график, сценограф. По окончании физфака МГУ в 1961 г. работал инженером. Затем был художником на телевидении, рисовал для научно-популярного физико-математического журнала «Квант». В 1970-х гг. принимал участие в выставках на Малой Грузинской ул. и других неформальных выставках.

¹⁵⁶ Родители Георгия Генниса: Геннис Гельмут Гансович (1921–2003) – журналист, переводчик; Костромина Валентина Васильевна (1924–2004) – редактор издательства «Русский язык».

¹⁵⁷ Ходившее в самиздате, «Письмо в ЦК КПСС и в редакцию журнала “Коммунист”» написано в связи с появлением в 1969 г. в №№ 2 и 3 журнала апологетических статей о И.В. Сталине.

„Любовники“

В. Сидур. Эскиз скульптуры «Любовники» (1969)

За ночь я написала вчерне пьесу «Шестидневный поход». Сегодня мое горло хоть и не болит, но все усыпано белыми налетами. Зуб мудрости, сволочь, болит, всё вылезает, никак не вылезет. Дима тоже мученик – ему выдернули сегодня два зуба со старым мостом. Он несколько часов был неконтактный. Я в мастерской чуть-чуть поспала. Как только пришел Эдик, начался потоп, но его, слава богу, удалось быстро ликвидировать. Марина Ильичева уже несколько дней подряд приходит и делает копию «Эйнштейна». Дима очень доволен, как

Марина это делает.

В мире творится бардак. В нашей стране тоже.

Дима врисовал мне скульптуру «Любовники».

20 мая 1969 г., вторник.

Дима всё время рубит дерево. Завтра ему снова вырывать зубы. Юра Левитанский с Володией Огневым приводили какого-то поляка. Это профессор-литературовед и якобы два года преподавал в университете в Америке. Он сказал, что будто бы видел в газете «Ньюс уик» года полтора назад небольшую заметку о советском искусстве, где упоминались из скульпторов Неизвестный и Сидур. Мне кажется, что он, наверно, насчет Сидура что-нибудь перепутал. Дима же считает, что это вполне возможно.

Я всё сочиняю пьесу «Шестидневный поход» и даже придумываю стихи, потому что они мне необходимы, а Женю Смагину дожидаться слишком долго. Приходил Боря Хазанов. Он прекрасный парень. Эдинька получил из Румынии открытку, что ни одна его фотография не принята на выставку. И вообще, Эдинька понемножку склоняется к мысли, что надо бросить курить. Завтра приезжают Гинзбурги. В Чехословакии вшиво. Дождь льет беспрерывно, но очень тепло.

21 мая 1969 г., среда.

Дима сказал мне: «Пишешь моралистические пьесы, а сама в говно скачываешься». Это он сказал мне после того, как я ему призналась, что пила айвовый сок из горлышка, а не налила в стакан. Сегодня же в школе я треснула по щеке ребенка-пятиклассника, который хлопал дверью ради забавы с такой силой, что удивительно, как она до сих пор не отвалилась. Мне очень неприятно.

Холодная, мерзкая погода. Диме вырвали еще три верхних зуба справа. Он пришел бледный и распухший. Беспрерывно ко мне цепляется и за дело и без дела. Я только отдаю честь. Приехали Гинзбурги, Витя сказал, что съездили хорошо, на днях увидимся. Дима пришел после своих вырванных зубов и начал рисовать картинку. Володя Бураковский приходил с двумя киношниками. Симпатичные ребята.

Слушали по «Свободе» письма политзаключенных Ивана Яхимовича¹⁵⁸, Григоренко и других. Такое время наступило, что люди идут на всё.

¹⁵⁸ Яхимович Иван Антонович (р. 1931) – учитель истории, с 1960 г. работал председателем колхоза в Латв. ССР, член КПСС. В январе 1968 г. написал письмо в ЦК КПСС на имя М.А. Сусллова с протестом против суда над А.И. Гинзбургом и Ю.Т. Галансковым. «Я считаю, –

22 мая 1969 г., четверг.

Мне в жизни не встречались люди, которые так бы относились к своим родителям, как Дима. Очень многие относятся хорошо к родителям, но так, как Дима – это редко. Сегодня из Алабина приехал Абрам Яковлевич на консультацию эндокринолога. Еще до посещения врача нужно было ему полечить зуб. От этого проклятого зуба Абрам Яковлевич не спал трое суток. Еще несколько дней назад он, не выдерживая боли, пошел в Алабинскую поликлинику. Там он просидел в очереди три часа, потому что вместо того, чтобы принимать больных в 14 часов, как положено и написано в этой поликлинике, врач начала прием почему-то только в 16 часов. А Абрам Яковлевич был в очереди третьим. Когда он наконец сел в зубоврачебное кресло, надеясь через несколько минут избавиться от боли, врачаха объявила ему, что она ничего поделывать не может, поскольку в этом случае нужен протезист. Почему именно протезист – было совсем непонятно, так как у Абрама Яковлевича для его возраста вполне благополучные зубы, и никогда речь о протезе не заходила. Он же вернулся домой с такой же сильной болью, как и раньше, и после этого не спал три ночи, а вместе с ним и Зинаида Ивановна, которая всё время предлагала ему позвонить Диме, а он отказывался, дожидаясь четверга, когда ему все равно придется ехать в Москву на консультацию к эндокринологу. Дима тут же попытался дозвониться Василию Семеновичу, но того дома не оказалось, и Дима поехал вместе с отцом в стоматологический институт, где ему несколько месяцев назад попытались лечить остатки зубов, чтобы потом вставить протез и т. д. Поскольку у отца не было челюстного ранения, а просто болел зуб, Дима отвел его туда, потому что они самые близкие от мастерской. Там врачаха чрезвычайно быстро зашпаклевала Абраму Яковлевичу зуб, и он вернулся в мастерскую чуть-чуть повеселевший, изредка повторяя: «До чего же здорово, когда не болит зуб!» При этом выражение лица у него было странное. Дима предусмотрительно покормил отца анальгином до лечения и после. Через некоторое время Дима с отцом быстро поехали на свидание с эндокринологом. Каково же было наше с Эдичкой удивление, когда они неожиданно быстро вернулись, объяснив, что «там все ушли», хотя договаривались именно на это время. Абрам Яковлевич реже повторял фразу: «Какое счастье, когда не болит зуб!», потому что у него еще болели верхние зубы, хотя и не так сильно, как тот, из-за которого он не мог спать, но все-таки все мы сожалели, что врачаха не успела полечить ему еще верхние зубы, так как спешила на комсомольское собрание. Дима с трудом дозвонился в областную больницу МОНИКИ, где сказали, что эндокринолог принимает завтра с утра, но завтра лучше не приходите, потому что много народа. Посоветовавшись, мы решили, что откладывать все-таки нельзя, и что Абрам Яковлевич останется ночевать в Москве. Зинаида Ивановна должна была звонить к нам в семь вечера, чтобы узнать, как дела. Пока я ходила в магазин, стояла в очередях, с ленивым

писал он, – что преследования молодежи (инакомыслящих) в стране, где свыше 50% населения моложе 30 лет, – крайне опасная линия, авантюризм». В марте 1968 г. И. Якимовича исключили из партии, в мае сняли с должности председателя колхоза, в марте 1969 г. арестовали. По решению суда в апреле 1970 г. он бы помещен в психиатрическую больницу, в которой затем провел год.

интересом наблюдая нашу советскую действительность, Зинаида Ивановна позвонила в мастерскую и одобрила мудрое решение насчет ночевки. Абрам Яковлевич делал себе укол инсулина, ел печенье, которое ему нельзя, но он уверяет, что можно, что об этом прочел в какой-то книжке. Кстати, это единственное нарушение, которое он себе позволяет, при этом он уверяет, что печенье несладкое. Говорить: «Какое счастье, когда не болит зуб!» он уже перестал, потому что было явно видно, что зубы у него болели. Дима в итоге дозвонился Василию Семеновичу. Тот говорил, что он собирается с дочкой Людочкой красить квартиру. Дима его уговорил принять отца сегодня, и тот согласился на девять вечера. Они вернулись вдвоем в одиннадцатом часу, оба похожие, со следами перенесенных мучений на лицах. Василий Семенович сразу сказал, что Абраму Яковлевичу зашпаклевали не тот зуб, болел у него соседний, а верхние зубы у него не болят, просто казалось, что они болят тоже. Пока он сверлил, Абрам Яковлевич доходил от боли, и Дима, сидя рядом, чувствовал всё то же самое. <...> И тут, наконец, Абраму Яковлевичу действительно стало легче, и теперь он уже с полным основанием повторял: «Какое счастье, когда не болит зуб!», и было видно по его успокоенным глазам, что он избавился от своей муки. Мы решили все вместе, что Абрам Яковлевич переночует в мастерской, потому что там удобней одному, теплее из-за двух рефлекторов и лучше завтра ехать в МОНИКИ. Мы ему всё постелили, сварили, поставили рядышком, написали как включать, выключать и закрывать, и уехали домой.

Получили письмо от Данека. Письмо грустное. Он ничего не пишет про Димино интервью на радио, зато пишет, что Володя сказал неправду, будто бы Данек возвращается в Общество Советско-Чехословацкой дружбы, а также, что тот раздавил пластинку «На смерть Яна Палаха» в чемодане, а нам он сказал, что у него украли таможенники. Значит, снова какое-то вранье. Сейчас Володя уже больше недели в Москве, но нам не звонит и к нам не приходит, что тоже весьма странно, хотя Данек пишет, что он обязательно должен к нам зайти. Поглядим.

Арестован в Ташкенте Григоренко¹⁵⁹. Теперь арестован Габай¹⁶⁰. Его сын поступил в нашу школу в первый класс¹⁶¹. У нас в школе не знают, кто такой Габай, и слава богу. А мы с ним знакомы. Во-первых, мы учились в одном инсти-

¹⁵⁹ П.Г. Григоренко приехал в Ташкент в качестве общественного защитника на предстоящий процесс над десятью крымскими татарами.

¹⁶⁰ Габай Илья Яковлевич (1935–1973) – поэт, писатель, учитель русской литературы, диссидент. Один из наиболее активных участников правозащитного движения. Один из редакторов правозащитной «Хроники текущих событий». В мае 1969 г. на его квартире было проведено несколько обысков, в ходе которых изъяты материалы крымскотатарского движения. 19 мая И.Я. Габай был арестован и отправлен самолетом в Ташкент. В январе 1970 г. приговорен по статье 190-1 УК РСФСР («Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй») к трем годам заключения, которое отбывал в лагере общего режима в Кемеровской области. Освобожден в мае 1972 г. Близкий друг П. Якира, он был потрясен его предательством, и крайне разочарован в успехе правозащитного движения. 20 октября 1973 г. он покончил жизнь самоубийством. Похоронен в Баку на еврейском кладбище. В 1976 г. В. Сидур выполнил надгробие на его могиле (мрамор, 130×93×13 см).

¹⁶¹ Габай Алексей Ильич, в 1974 г. вместе с матерью, правозащитницей Галиной Викторовой Габай (р. 1937), уехал из СССР в США.

туте <МГПИ>, только он на истфиле, а я на инфаке. В институте его все знали, так как его стихи часто публиковались в институтской стенгазете. Он работал учителем русского языка и литературы и даже был завучем, но это продолжалось недолго. А теперь он арестован за сбор подписей против ареста Григоренко. Сегодня западным корреспондентам передано письмо в ООН, подписанное пятьюдесятью советскими гражданами с просьбой о защите прав человека в Советском Союзе¹⁶². Среди подписавших Якир.

Позавчера позвонила Рита Янус. Когда они были, они одобрили эскиз памятника, остались довольны, им нравилось и они попросили фотографию. Дима им сдуру дал фотографию. Теперь кто-то сказал, что «не для этого места», кто-то, что «очень остро, чересчур», «голова не так наклонена» и еще массу глупостей. Дима очень решительно ответил, что он абсолютно уверен в этой вещи, что лучше он сделать не может, а хуже делать не будет, что он просит ограничить количество заказчиков до минимума и не желает никаких массовых обсуждений, что делать памятник этому парню надо так же, как он жил. Когда Рита сказала: «Я за вас беспокоюсь», Дима ответил, что за него нечего беспокоиться, он знает, на что идет, и делает это совершенно сознательно. Дима предложил встретиться последний раз, чтобы уже окончательно договориться – делает он этот памятник или нет. То, что Рита задрезбуждала – это неприятно. То была такая бравая, а теперь вдруг задрейфила.

23 мая 1969 г., пятница.

Дима выдрал еще два зуба передних. Снова заливало дерьмом. Вечером поехали к Гинзбургам. Витя с Ниной выглядят хорошо, было много людей. Вся компания острила, орала и всё очень напоминало пир во время чумы. Женька Зверева была со своим Борей. <...> Витя с Ниной съездили хорошо, были в Дании и в Голландии, всем довольны. Привезли Диме такую штуку для рисования – «рапидограф», которую Дима просил по совету Толи Гитберга, но с которой Дима не знает, как обращаться.

Приходила к нам журналистка Алла <Зайцева>. Защитила диплом. Приходила с двумя студентками и со своими преподавателями. Алик приглашал на спектакль «Мать»¹⁶³, мы не пошли. Неохота что-то проникаться еще раз произведением социалистического реализма, даже облагороженным Любимовым.

Абрам Яковлевич был счастлив, что зуб у него не болит, но ночь все-таки спал плохо. Не было снотворного и чересчур уж он перенервничал и намучился за день. В МОНИКИ ему сказали, что снова надо ложиться в больницу в Наро-фоминске, пребывание в Алабинской больнице ничего ему не дало. Потом он уехал до вторника в Алабино. Хорошо, что Нина и Витя уже вернулись, лучше, когда они здесь.

¹⁶² Имеется в виду письмо «В Комитет прав человека Объединенных Наций» от 20 мая 1969 г., которое подписали пятнадцать членов «Инициативной группы защиты прав человека в СССР» и еще 39 правозащитников.

¹⁶³ 23 мая 1969 г. в Театре на Таганке состоялась премьера спектакля «Мать» по роману М. Горького. Инсценировка и постановка Ю.П. Любимова, художник Д.Л. Боровский, композитор Э.В. Денисов.

Это Юнна, которую Дима нарисовал
похожую на меня, а потом исправил,
и она стала похожа на себя.

Страница из дневника с рисунком В. Сидура (1969)

Приезжали снова аварийщики, мы дали им рубль и еще бутылки. Обедняем мы с ними к чертовой матери, через день потоп.

24 мая 1969 г., суббота.

Холодно на улице и дома. Я так устала, что прислонилась к Димке и заснула, пока он говорил по телефону, прямо при свете, и даже захрапела. Потом у нас были Клара, Валька, Боря с Мариной, Эдинька. Через два дня мои ребята сдают экзамен по французскому. Многие ни черта не знают. Сидела с ними до потери сознания.

25 мая 1969 г., воскресенье.

Я купила кубинский сок гуава – жуткая гадость. Дима выпил две крохотных рюмочки и его стало тошнить. Еще, конечно, из-за того, что он без зубов и уже несколько дней ест, заглатывая. Мы слушали ночью по «Свободе» чтение книги Анатолия Марченко «Мои показания»¹⁶⁴. Потрясающе!

Вечером у нас были люди. Мы думали о том, как сейчас можно бороться с нашими убийцами у власти. Нужно ли подписывать все письма в защиту политических заключенных, например, сейчас арестованного генерала Григоренко. Лучше ли подписать письмо в его защиту, привлечь к себе внимание, остаться без работы, сесть в конце концов в тюрьму, или же сделать памятник Павлинчуку и совершать поступки, менее громкие, но более эффективные в наших условиях? В тюрьму же, если настанет такое время, всё равно сесть придется. От этого не уйти. Сейчас многих людей мучает эта проблема. Дима считает, что в России сейчас существует революционное движение. После небольшого взлета послесталинского периода сейчас мы присутствуем при разгуле реакции, как после 1905 года. Интеллигенция в разброде. Никто не хочет большего, чем «социализма с человеческим обликом»¹⁶⁵. В основном революционеры – это реформаторы, но не больше.

26 мая 1969 г., понедельник.

Дима сегодня оклемался. Его немного поташнивает, но общее самочувствие лучше. Я после работы спала. Завтра экзамены у моих ребят, я волнуюсь. Дима все время рубит дерево. Французы передали, что якобы Евтушенко и Розов¹⁶⁶ выведены из редколлегии журнала «Юность» и Твардовский снят с должности главного редактора журнала «Новый мир»¹⁶⁷. Пока это неподтвер-

¹⁶⁴ Марченко Анатолий Тихонович (1938–1986) – писатель, публицист, диссидент. Неоднократно арестовывался с 1958 года, провел в общей сложности 12 лет в лагерях и тюрьмах, несколько лет – в ссылках. В лагере познакомился с Ю.М. Даниэлем. В 1967 г. написал книгу «Мои показания» о жизни советских заключенных, получившую широкое распространение в самиздате, вскоре переданную за границу и переведенную на ряд европейских языков (в СССР опубликована в 1989 г.). За эту книгу получил дополнительный срок. Позднее написал книги «От Тарусы до Чумы» (1976) и «Живи как все» (1978–1981). Последняя жертва советского репрессивного режима – погиб в самом начале перестройки, в 1986 г., в результате голодовки, объявленной во время заключения в Чистопольской тюрьме.

¹⁶⁵ «Социализм с человеческим лицом» – формула, выдвинутая философом Радованом Рихта в подготовленном им выступлении А. Дубчека по телевидению 18 июля 1968 г. и вошедшая в «Программу действий КПЧ».

¹⁶⁶ Розов Виктор Сергеевич (1913–2004) – драматург, киносценарист. Лауреат Государственной премии СССР (1967). Членом редколлегии «Юности» был с 1958 г.

¹⁶⁷ Весь 1969 год главный редактор «Нового мира» А.Т. Твардовский боролся за выживание издания и за сохранение редколлегии в связи с развязанной с подачи М.А. Сулова против журнала кампании. В марте 1969 г. появилась статья в «Правде», в которой говорилось, что журнал публикует произведения, «содержащие идейные ошибки, очерняющие нашу действительность». В июле софроновский «Огонёк» (№ 30) опубликовал коллективное письмо одиннадцати писателей под названием «Против чего выступает «Новый мир»?». К травле подключились газеты «Социалистическая индустрия» и «Советская Россия». После того, как 9 февраля 1970 г. бюро секретариата СП СССР приняло решение о переменах в редколлегии «Нового мира» и из тринадцати ее членов были освобождены семь, А.Т. Твардовский заявил о своей отставке с поста главного редактора. На его место был назначен литературный функционер В.А. Косолапов.

жденный слух, но, очевидно, на днях мы узнаем, что так оно и есть¹⁶⁸. Закручивают, сволочи, методично и последовательно, но всё равно ничего у них не выйдет. Они обречены и мы их будем судить, а если мы не успеем, значит другие это сделают, но сделают обязательно.

Американские космонавты благополучно вернулись.

27 мая 1969 г., вторник.

Мой класс сдал французский, хотя было очень много слабых ответов. Чудес не произошло. Все отвечали так же, как учились в году.

Приезжал Абрам Яковлевич, был у эндокринолога, а потом вместе с Димой – у зубного врача. Эндокринолог посоветовал применять инсулин длительного действия, укалываться один раз в день и одновременно принимать букарбан.

Заходил Олег Милуков. Они с Мариной поменялись квартирами. Живут теперь с тещей в двух комнатах и имеют соседку, а также приобрели садовый участок в 70 км от Москвы. Дима на днях приволок кусок канализационной трубы и никак на нее не налюбуется. Это еще один вариант скульптуры из этой трубы в сочетании с керосинкой.

Поспать мне не удалось, хотя устала я жутко. Велта пригласила нас в ДК МГУ на ул. Герцена, где показывали фильм Антониони «Ночь»¹⁶⁹. Сеанс начался только в 11 ночи.

Приехал в Москву словак Милан Ферко, который сказал, что теперь его собственные дети будут считать его коллаборационистом за то, что он поехал в Москву. Он пришел к нам в громадной компании. Кроме Левитанского и Максимова, мы познакомились с Жорой Владимовым¹⁷⁰. Я его не читала, но говорят, что он очень способный, к тому же он написал в свое время письмо в поддержку «Письма съезду писателей» Солженицына¹⁷¹. У него половина лица то ли обожжена, то ли родимое пятно. Фогель длинный тоже был и Шуплецовы. У Макси-

¹⁶⁸ Слух был основан на реальном событии – в мае 1969 г. секретарь правления СП СССР по организационным вопросам К.В. Воронков предложил А.Т. Твардовскому, хотя и не в категоричной форме, сложить с себя обязанности главного редактора «Нового мира».

¹⁶⁹ «Ночь» (*La notte*) – художественный фильм 1961 года, авторы сценария Микеланджело Антониони и Тонино Гуэрра, режиссер Микеланджело Антониони, в ролях: Марчелло Маджорани, Жанна Моро, Моника Витти и др.

¹⁷⁰ Владимов (Волосевич) Георгий Николаевич (1931–2003) – прозаик, литературный критик, диссидент. В 1956–1959 гг. редактор отдела прозы «Нового мира». Получил известность после публикации в 1961 г. в «Новом мире» повести «Большая руда» и ходившей в самиздате повести «Верный Руслан. История караульной собаки» (1963–1965, напечатана в эмигрантском литературном журнале «Грани» в 1975 г.). В 1977 г. исключен из СП СССР. В 1983 г. эмигрировал в ФРГ. В 1984–1986 гг. главный редактор журнала «Грани».

¹⁷¹ В «Письме IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей» (16 мая 1967 г.) А.И. Солженицын требовал отмену цензуры в СССР. 26 мая Г.Н. Владимов обратился в Президиум съезда писателей с поддержкой А.И. Солженицына: «Я прочитал многие вещи “самиздата”, и о девяти десятых из них могу сказать со всей ответственностью – их не только можно, их должно напечатать. И как можно скорее, пока они не стали достоянием зарубежных издательств, что было бы весьма прискорбно для нашего престижа. Ничего антинародного в них нет, но в них есть дыхание таланта и блеск раскрепощенной художественной формы, в них присутствует любовь к человеку и подлинное знание жизни, а подчас в них слышится и гнев и боль за свое отечество, горечь и ненависть к его врагам, прикидывающимся его ярыми друзьями и охранителями».

мова очень заботливая новая жена <Татьяна>. Милан Ферко сказал, что привез для Димы приглашение на скульптурный симпозиум от Союза художников Словакии. Ферко встречают все друзья, как брата. Это хорошо, что он приехал. Мы вообще думаем, что нужно ездить, не надо это делать официально, потому что приходится неизбежно чем-то платить, но другие пути для общения использовать необходимо. Нам нельзя разъединяться.

Потом мы посмотрели фильм Антониони «Ночь». Фильм, конечно, хороший. Но у меня к нему есть претензии. Излишняя красавица, а также, как говорит Дима, неоправданная многозначительность по мелким поводам. Для меня пока что самым лучшим фильмом, который я видела, остается «8½» Феллини.

Володя Максимов подписал Диме свою книжку «Шаги к горизонту»¹⁷².

28 мая 1969 г., среда.

У Димы наступил такой момент, когда он уже почти совсем без зубов, сильно шепелявит, но чувствовал себя сегодня после выдиранья нижнего протеза лучше, чем всегда. Врач долго не мог ему сделать укол во рту, потому что спайки из-за ранения в челюсти никак не пропускали иглу. Дима принес с собой эти страшные вырванные зубы, которые он хочет вставить в какую-нибудь скульптуру.

Вечером было много людей. Снова приходил Милан Ферко, Юра, Тупицын, Инна. Милан принес приглашение на скульптурный симпозиум в Словакию почему-то на французском языке. Скорее всего, это абсурд. Никуда мы не поедем, тем более сейчас.

Мы много говорили о Чехословакии. Похоже на то, что там всё кончено. Дима предсказывает, что в ближайшее время там ситуация ухудшится больше, чем при Новотном. Милан говорит, что его собственные жена и дети осудят за то, что он приехал. Он считает, что Чехословакия отброшена назад лет на десять-пятнадцать. У него нет никаких иллюзий ни насчет Гусака, ни насчет вывода войск. И все-таки хорошо, что он приехал. Все-таки в нас он увидел большую поддержку и расскажет о ней. Нас, хоть и не очень много, но мы есть, а это главное.

Только мы собрались уходить, приехала компания из ЦДЛ: Карякин, адвокат Золотухин, Володя Войнович¹⁷³, Феликс Светов и Витя Фогельсон. Мне в этот раз Карякин очень не понравился. Он и раньше мне не нравился, а сегодня – окончательно. Во-первых, его восстановили в партии, что совершенно непонятно¹⁷⁴. Во-вторых, он шепнул Диме: «Эрик передает тебе привет. Вот он правильно

¹⁷² Максимов В.Е. «Шаги к горизонту». Повести. – М., Советский писатель 1967. 424 с.

¹⁷³ Войнович Владимир Николаевич (1932–2018) – прозаик, поэт, драматург. В 1969 г. в эмигрантском литературном журнале «Грани» во Франкфурте-на-Майне была опубликована первая часть романа «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана», ходившая до этого в самиздате. Хотя произведения В.Н. Войновича еще продолжали издавать в СССР, он стал подвергаться преследованиям. В 1974 г. исключен из СП СССР, членом которого был с 1964 г. В декабре 1980 г. эмигрировал из СССР, лишен советского гражданства. До 1990 г. жил в США и ФРГ, затем вернулся в Москву.

¹⁷⁴ Ю.Ф. Карякин был исключен из партии после того, как выступил со смелой антисталинистской речью в ЦДЛ на вечере, посвященном А.П. Платонову в феврале 1968 г. (См. выше записи от 5 февраля 1968 г.).

делает – говорит одно, а делает другое». Затем он назвал Милану фамилию какого-то человека, так как раньше Карякин работал в Чехословакии, а потом был главным референтом у временного редактора «Правды» Румянцева¹⁷⁵. Ферко насмешливо ответил: «Я не люблю говорить плохо о неприсутствующих». Карякин явно перестроился и тут же сказал: «А я люблю говорить плохо о подонках». Этот трюк был слишком очевиден, и мы с Димой не могли его не отметить. Второе, он спросил у Милана, не знает ли тот какого-то министра «беспечности» (безопасности). Милан ответил с осторожной улыбкой, что он с такими людьми незнаком. На что Карякин сказал: «Он сидел». – «Все равно», – сказал Милан. Третье, мне не понравилось, когда Карякин сказал: «Я не знаю ни одного хорошего человека, который не пьет». – «А я знаю», – ответила я. «А я не знаю», – сказал Карякин. «А я знаю», – снова сказала я. «Это Сидур», – сказала Марина Левитанская. «Да, – сказала я, – и другие». Карякин тут же вывернулся: «Я говорю не о тех людях, которых удерживает состояние здоровья или другие причины». Он малый очень хитрый, несмотря на такую простецкую, крестьянскую внешность. Чем-то он из породы КГБ.

Милан привез несколько мрачных острот: «Гусака называют – “федералиссимус”». «Адольф Виссарионович Брежнев или Ульбрихт, кому как нравится». Следы разрушений на здании Национального музея в Праге теперь называют «фрески эль Гречко». И еще одно слово появилось: «Интервенционал».

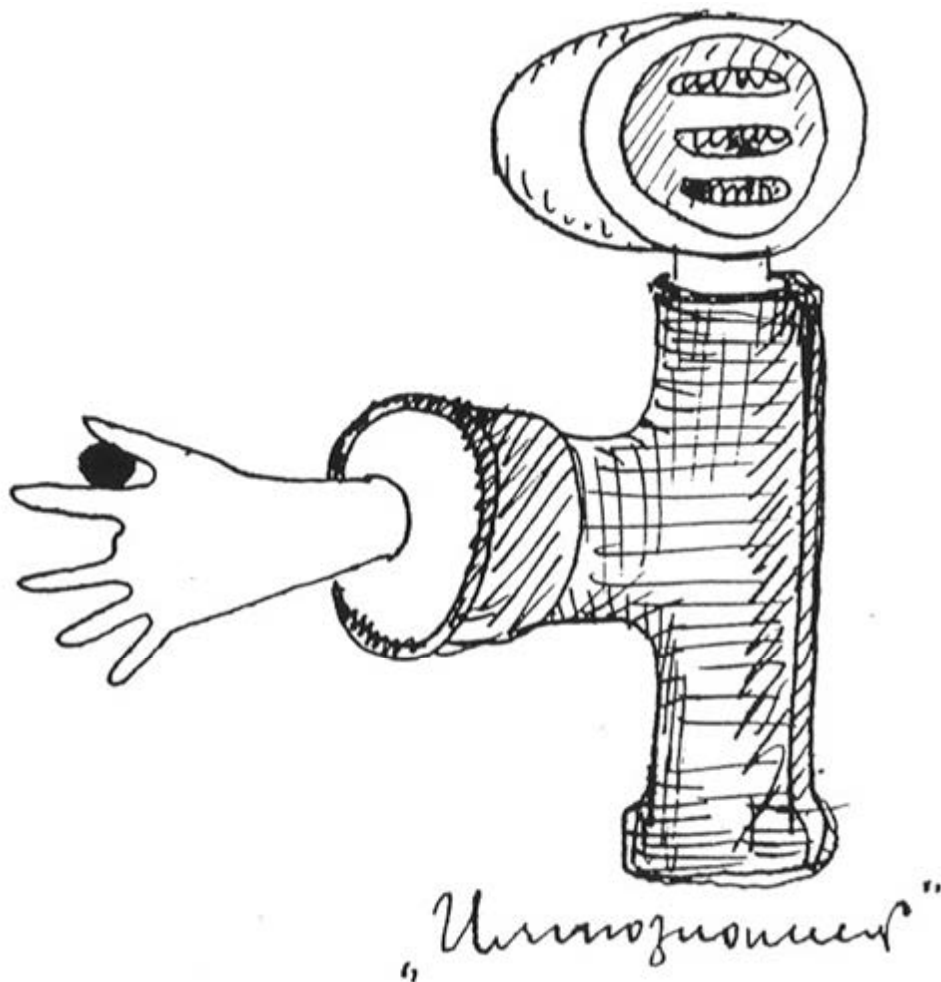
29 мая 1969 г., четверг.

Милан Ферко был у нас сегодня третий вечер подряд. Завтра рано он улетает. Он взял у нас фотографии и сказал, чтобы Дима обязательно пошел с приглашением в Союз художников и получил утвердительный или отрицательный ответ, а дальше уже в Словакии будет действовать Мирослав Валек, который теперь министр культуры Словакии.

30 мая 1969 г., пятница.

Дима продолжает рвать зубы. У него повысилось давление, он раздражен, но долго работал над большим деревом. Вечером было всё мужское семейство Гдаля. Гдаль, как всегда, много и нелогично спорил. Гриня – такой же толстый, как всегда, несмотря на диету, которую он соблюдает. Съел полкоробки шоколадных конфет.

¹⁷⁵ Румянцев Алексей Матвеевич (1905–1993) – член ЦК КПСС (1952–1976). В 1953–1955 гг. зав. Отделом науки и культуры ЦК КПСС. В 1955–1958 гг. главный редактор журнала «Коммунист». В 1958–1964 гг. шеф-редактор журнала «Проблемы мира и социализма» (уволен после смещения Н.С. Хрущева). В 1964–1965 гг. главный редактор «Правды», в феврале 1965 г. снят с этого поста после публикации не понравившейся Л.И. Брежневу статьи «Партия и интеллигенция», в которой осуждалась сталинская политика в отношении интеллигенции и проводилась линия на необходимость следовать ленинским принципам в вопросах литературы и искусства. В 1965–1967 гг. академик-секретарь Отделения экономики АН СССР. В 1967–1971 гг. вице-президент АН СССР. Одновременно с 1968 г. по 1972 г. директор новосозданного Института конкретных социальных исследований (позже Институт социологии) АН СССР. После переезда Ю.Ф. Карякина из Праги в Москву в июле 1965 г. А.М. Румянцев пригласил его в штат «Правды» на должность спецкора.

В. Сидур. Эскиз скульптуры «Иллюзионист» («Улыбка века», 1969)

31 мая 1969 г., суббота.

Дима сверкает единственным зубом, который агрессивно выпирает на нижнюю губу. Зуб крепкий, желтоватый. Язык у Димы болтается в разные стороны, от этого он сильно шепелявит и даже картавит чуть-чуть. Приходила моя мама, починившая мне и укоротившая несколько юбок, и я теперь смогу их носить. Эдик пушистый, обстриженный, бросил курить и плохо себя чувствует. У него резко повысился аппетит. Пришла Валька, вся больная. Они с Эдиком слегка поругивались. Потом пришла раздраженная больная Велта. Дима ковырял дерево. Мама жаловась на меня Вале, говоря, что я всю жизнь была «выродок». Велта читала один интересный документ и ушла к Эдику в комнату, так

как ей надоело слушать наши разговоры. Велта обижена, как мы с Димой предполагаем, из-за того, что она пригласила нас на кинофильм «Ночь», после фильма убежала вперед в толпу и тут же исчезла, а после этого три дня мы были так затурканы и все время говорили о том, чтобы позвонить ей, но так и не позвонили, кроме сегодняшнего дня. Она пришла и ушла. Выглядела ужасно, у нее сильно болела голова и это было видно. Деньги за билеты Велта не взяла.

1 июня 1969 г., воскресенье.

Сегодня до одурения «отдыхали по хозяйству». Начал всё Дима, он всё разворошил в моей комнате, а я уже позже только присоединилась. Потом мы убрали, убрали до умопомрачения и ссорились. Мы уже давно не ссорились. Эдик без нас предотвратил в подвале потоп.

Гусак заявил, что не нужно дискутировать по поводу Чехословакии на коммунистическом совещании в Москве¹⁷⁶. Гусак – полное и бесспорное говно. Из тех, кто сидел и не досидел. В «Советской России»¹⁷⁷ сегодня появилась статья против интеллигенции¹⁷⁸. Итак, реакция наступает по всему фронту. А после коммунистического совещания в Москве, которое пройдет как положено, несмотря на мелкие осложнения, о чем советскому народу, как всегда, знать не обязательно, настолько он полностью доверяет родной партии и правительству, она расцветет полным цветом. Безусловно, это явление временное с исторической точки зрения, но на наш век хватит, и нам от этого грустно, но не страшно, так как мы давно ко всему готовы. Мы с Димой почти приняли решение не обращаться с приглашением в Союз художников. Сейчас могут пустить, и многие здесь воспримут это очень странно, учитывая нынешнее паршивое положение в ЧССР. Диме ехать туда неохота, особенно из-за этого вонючего Гусака, который там «наводит порядок», закрывает газеты, смещает приличных людей.

¹⁷⁶ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий прошло в Москве 5–17 июня 1969 г., участвовало 75 партий (26 стран прислали наблюдателей). Созывая совещание, советское руководство пыталось реанимировать находящееся в кризисе и расколотое коммунистическое движение. Мероприятие проводилось с большой помпой и широко освещалось средствами массовой информации. Дискуссия насчет ввода войск пяти стран в Чехословакию не велась, однако некоторые делегаты в своих выступлениях затрагивали эту тему.

¹⁷⁷ «Советская Россия» – ежедневная газета ЦК КПСС, издающаяся в Москве с 1956 г. С самого начала стояла на консервативных, псевдопатриотических позициях, использовалась в качестве трибуны во время погромных кампаний против интеллигенции. В январе 1974 г. нападки газеты подвергся В. Сидур (*И. Юрченко*. Миша Скамейкин из Лондона // Советская Россия. 1974. 12 января).

¹⁷⁸ Большая, на два подвала, статья, написанная невыносимо корявым языком и довольно сумбурная по содержанию – «Куда нацелены отравленные стрелы. Заметки о буржуазной пропаганде и социалистической интеллигенции», подписанная: *Х. Сабилов, канд. философских наук*. Речь среди прочего шла о Чехословакии, о пропаганде, о зарубежном радио и т. д. «Нет интеллигенции вообще, а есть интеллигенция буржуазная или социалистическая. Любой интеллигент в классовом мире поставлен перед объективной дилеммой: служить своими знаниями, способностями, дарованиями реакции или прогрессу, империализму или социализму. Интеллигент, не понявший прописных истин логики классовой борьбы, не сделавший сознательного выбора между пролетариатом и буржуазией <...> рискует стать, а порой и действительно становится игрушкой в руках “ловцов душ” из лагеря империализма. <...> Не секрет, что и в нашей стране появляются редкие экземпляры из числа творческой интеллигенции, сочинения которых по каналам идеологических контрбандистов попадают в империалистические страны». («Советская Россия». 1969. 29 мая).

Мы приехали в подвал около девяти вечера. На лестнице кто-то свежо пописал. Вытащили грязное белье, варили, кормили животное. Дима ковырял дерево и совсем устал. Три часа ночи, пора спать.

2 июня 1969 г., понедельник.

Дети мои сдали второй письменный экзамен по алгебре. Слава богу, прилично сдали. Диме вырвали последние ненужные зубы. Передний желтый урод тоже удалили. Ненадолго заехал Димин протезист к нам. Смешной длинный человек, похожий на портного из Одессы. У Димы был маленький окровавленный рот с однородными зубными желтоватыми останками. Врач сказал, смеясь: «Он у нас будет хорошенький».

На днях мы прослушали передачу по Би-би-си об Эрнсте Неизвестном, а я забыла об этом написать. Передача какая-то смешная. В ней сказано было немного о советском искусстве двадцатых годов, немного об Эрнсте, как о личности, и ничего, как о скульпторе. Передача составлена, на мой взгляд, в несколько детективном жанре. Во-первых, упоминается о том, что враги Неизвестного называют его бандитом. Что у него беспокойные движения, и он похож на быка и низкорослый. Потом пошли легенды о встрече Эрнста с Хрущевым, рассказанные им самим. Еще было сказано, что Эрнст умирает с голоду, имеет одну плохую мастерскую (про вторую, где они с Толей соседи, вообще ничего не сказали), и вынужден добывать бронзу на черном рынке, чтобы отливать свои вещи, поэтому он ведет себя как мелкий преступник. Эта передача составлена по книге некоего англичанина Бергера¹⁷⁹, «бывшего коммуниста». Особенно забавно выглядит разговор Эрнста с Хрущевым, где Эрнст в ответ на обвинение его в гомосексуализме предлагает Никитке привести ему девицу, чтобы он доказал ему, что он не педераст. Когда Эрнст еще жил в нашем доме на первом этаже, в 1964 году, после «исторической встречи» с интеллигенцией он прибежал к нам ночью и изображал перед нами всю его беседу с Никиткой, как на сцене. Мы чувствовали себя как на спектакле. Я помню, как Эрнст рассказывал, что он один момент схватился за сердце и Хрущев ему тут же сказал: «Ишь ты, розамимоза, за сердце хватается». Эрнст тут же снял свою руку. Здесь он не врал, потому что мы с Димой тоже «имели счастье» беседовать с этой невероятной личностью (об этом я как-нибудь напишу) и эти слова очень похожи на Никитку. В передаче этого, конечно, не было. Эрнст выглядел невероятно героично, хотя нельзя сказать, что ему было там так уж легко, и чем-то он вел себя действительно бесстрашно тогда. Дима говорит, что он играл игру, в которой ему вполне могли откусить голову, и он, безусловно, рисковал. В этой же передаче было очевидное вранье в некоторых моментах: 1). Эрнст родился не в 1926 г.,

¹⁷⁹ Бергер (Berger) Джон (1926–2017) – британский художник, писатель, критик, «независимый марксист», лауреат Букеровской премии 1972 года. С 1962 г. жил в Приморских Альпах во Франции. В 1965 г. побывал в Москве, где познакомился со многими неофициальными художниками. Особое его внимание привлек Э.И. Неизвестный, о котором он сделал фильм и выпустил статью и книгу (*Berger John. The Unofficial Russians // Sunday Times Magazine. 1966. 6.11. P. 44–51; Berger John. Art and Revolution: Ernst Neizvestny and the Role of the Artist in the USSR. New York. 1969; изд. 2-е: New York. 1997*). В начале 1970-х гг. помог Э.И. Неизвестному вывезти многие его произведения и добиться выезда из СССР на Запад.

а в 1925-м. Это он сейчас прибавляет себе год, чтобы считалось, что он попал на фронт в 16 лет сам, а не по призыву, как все 1925 г. рождения. В Кушке, где они служили вместе с Димой, Эрнст был в роте, где Дима стажировался, как офицер. Дима вспомнил Эрнста, он стоял в строю слева, был веселый, энергичный мальчик с толстыми ногами, похожий на поросенка. В этой роте все курсанты были призывники 1925 года рождения, а Дима, 1924-го, был у них офицером. 2). Эрнст не умирает с голоду. Он миллионер. Никто его не зажимает. Наоборот, органы создают ему условия, но быть вторым Вучетичем ему трудно. 3). Эрнста пустили в Югославию, после чего он читал нам с гордостью отчет о настроениях югославской интеллигенции. 4). Мы не знаем, бандит Эрнст или нет, но он продал публично на собрании группу Андропова и Никонова, с которыми вначале скомпановался¹⁸⁰, а потом сблизился с подонком Глазуновым, про которого все, и Эрнст самый первый, говорят, что он стукач. 5). Эрнста, еврея, пустили в Египет, где он делал памятник советско-арабской дружбы на Асуанской плотине, и не забыл на обелиске прилепить портрет Насера. Из всего этого вытекает, что Эрнст – личность незаурядная, но ничего не поделаешь – подлая и беспринципная. Скульптор же он, очевидно, хороший, хотя я его искусство понимаю плохо. Но те памятники – Ситковецкому, Николаевой и Луговскому, которые он поставил на Девичке¹⁸¹, – очень плохие, а рисунки в «Литературной газете» и в журнале «Знание-сила» – ужасны. В мастерской же у него есть хорошие работы, но с Димой я его никогда не сравню. Дима выше его как художник неизмеримо. Я в этом твердо убеждена, и не только потому, что он мой муж. Я не считаю, что Дима лучше скульптор, чем Цадкин, Мур, Джагометти, но то, что интереснее, сильнее, чем Эрнст – это бесспорно.

3 июня 1969 г., вторник.

Дима чувствует себя плохо. Я была в походе с шестиклассниками. Приезжал Абрам Яковлевич. Он окончательно залечил зубы.

¹⁸⁰ Андронов Николай Иванович (1929–1998) – живописец, график. Председатель бюро Секции монументальной живописи МОССХ (1976–1986). Заслуженный художник РСФСР (1978), лауреат Государственной премии СССР (1979), действительный член АХ (1997); Никонов Павел Федорович (р. 1930) – живописец, график. Действительный член АХ, член Президиума АХ, Народный художник РФ (1994). Юлия имеет в виду период после посещения выставки «30 лет МОССХ» в Манеже Н.С. Хрущевым в 1962 г., когда произведения Н.И. Андропова, П.Ф. Никонова, Э.И. Неизвестного и др. были подвергнуты высокой партийной критике. Но она смешивает два события: заседание Идеологической комиссии ЦК КПСС с участием молодых писателей, художников, творческих работников кино и театров Москвы 24 и 26 декабря 1962 г., на котором П.Ф. Никонов выступил с речью, а Э.И. Неизвестный – лишь с репликой, и заседание президиума правления МОССХ 17 декабря 1962 г., когда ставился вопрос об исключении из Союза его членов-участников выставки на Большой Коммунистической ул. (а затем и соответствующего раздела в Манеже). Также принимавший участие в экспозиции Э.И. Неизвестный (Н.И. Андронов и П.Ф. Никонов здесь не выставлялись), на заседании стал выкручиваться, заявив, что «не заметил», что рядом с его работами размещены работы «абстракционистов», и в итоге отделался выговором, тогда как его недавних друзей исключили. (Подробнее см.: Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964. Документы. – М., РОССПЭН. 1998. С. 305–309, 318; *Рабицев Л.* Манеж 1962, до и после // Знамя. 2001. № 9. С. 143).

¹⁸¹ Имеются в виду надгробия скрипачу Ю.Г. Ситковецкому (1925–1958), писательнице Г.Е. Николаевой (1911–1963) и поэту В.А. Луговскому (1901–1957).

4 июня 1969 г., среда.

Вчера играла в футбол с ребятами. Сегодня болит всё тело. Дима чувствует себя легче. Приходили Марина Варга с Витей. Марина взяла фотографии, чтобы отправить их своему кузену в Венгрию. Читаю дневники Пушкина, наслаждаюсь и поражаюсь, до чего на моей прекрасной родине ничего не изменилось, а только еще ухудшилось. Как тошно было Пушкину, так же тошно, как нам сейчас. А еще ему не повезло, что жена у него была говнюха, не могла понять, кто был с ней рядом.

Завтра открывается совещание компартий в Москве.

5 июня 1969 г., четверг.

Сегодня началось коммунистическое совещание. Входы в Кремль охраняются усиленными нарядами милиции.

Мы читаем книгу Анатолия Марченко «Мои показания». Это не слабее Шаламова и Солженицына. Весь кошмар, который он описывает, вызывает отнюдь не страх, а ненависть к нашим управителям. Сейчас Марченко снова в тюрьме. Этой книгой он себя обессмертил и может считать себя счастливым человеком. Во всяком случае, цель своей жизни он выполнил.

6 июня 1969 г., пятница.

Страшная новость. Лева Тоом выбросился из окна и разбился насмерть. Вчера его хоронили, а нам об этом сообщил сегодня Юра Левитанский. <...> По словам Юры, Юнна держалась стойко. Нас эта новость поразила. Мы были у них дома около месяца тому назад. Значит, не выдержал Лева своей непрерывной муки. <...>

7 июня 1969 г., суббота.

Дима сказал сегодня: «Калининский проспект имел свою первую жертву». Последний раз, когда мы виделись, мы договорились слевой, что я подарю ему сборник песен Брассенса¹⁸² на французском языке. Юра, засранец, не мог позвонить нам раньше. Дима даже рад, что Юра опоздал с этим сообщением, ему было бы слишком тяжело идти на похороны, а я на Юру за это очень сердита. Может быть, для Юнны было бы очень важно увидеть на похоронах Диму и меня. Мы точно знаем, что они слевой нас очень любили.

Сегодня был грандиозный потоп. Потом, в самый разгар потопа, пришел врач-протезист. Он обтачивал Димины зубы, врач хороший. Димке было больно, особенно с верхними зубами. Я сидела напротив, мучилась. В это время еще дерьмо журчало, раздражало. В середине обтачивания Дима побледнел, ему плохо стало. Решили остановиться, отдохнуть. Врач старался, как только мог, чтобы не было больно. Когда он ушел, мы вызвали аварийку. Дима всегда называет себя: «слесарь Жданов из десятого ЖЭКа», потому что когда он говорил раньше: «скульптор», его всегда отсылали звонить в ЖЭК, чтобы потом уже кто-нибудь оттуда звонил им в аварийку и они присылали машину. Эдичка стесняется

¹⁸² Брассенс (Brassens) Жорж (1921–1981) – поэт, бард, актер.

соврать, и ему всегда очень тяжело вызывать аварийку, а Дима быстро сориентировался и самовольно присвоил себе имя Коли Жданова, слесаря-матерщинника из нашего ЖЭК. К тому же Дима говорит жутко косноязычно, без всяких интеллигентских интонаций, и аварийку ему присылают моментально. Дима всегда дает им на четвертинку или на пол-литра, и они уезжают довольные. Бригадир Иван Сергеевич, как вошел, сразу сказал: «Здорово, мученики! Всё мучаетесь?» Один мужик, совсем пьяный, пьянее всех, отвел Диму в сторону и предложил ему работать на пару: «Я тебе гранитные плиты буду доставать, а ты на них надписи будешь выбивать. Брать будем по сто рублей, и пополам». Дима отказался, сказал, что он не умеет, у него другой профиль. До чего эти ассенизаторы с любопытством глазеют на скульптуру. Невероятно любознательная публика!

Только ликвидировали потоп, Дима пошел всё промыл, а потом ему сделалось совершенно паршиво. Померили температуру – 37,6°. Долго ждали такси, вызванное по телефону. Тепло на улице, приятно было стоять. Диме полегчало, он напился всяких лекарств, и температура сбилась до 37°.

Австралийский делегат на коммунистическом совещании выступил против наших¹⁸³. Интересно, появится завтра его речь в «Правде» или нет.

8 июня 1969 г., воскресенье.

Дима болеет. Я устала страшно. Оба мы сильно устали. Эдинька в мастерской предотвратил новый потоп. На совещании в Москве уже наметились разногласия. Речь австралийского делегата напечатана в «Правде». Мы, честно говоря, этого не ожидали. Портрет Брежнева в газетах поражает своей красотью, прилизанностью и тупостью.

9 июня 1969 г., понедельник.

Дима всё болеет. Днем было жарко, а ветер холодноватый. На коммунистическом совещании снова выступал Чаушеску, защищал КПК. Надоело ходить на работу.

10 июня 1969 г., вторник.

Димушка чувствует себя лучше. Велта уговорила нас посмотреть польский фильм «Жизнь Матиуша». Нам не хотелось, но она так уговаривала, что в итоге уговорила. Я после работы поехала в Дом кино на Васильевской, где одна знакомая оставила нам билеты. Там я имела счастье видеть Лемпорта вместе с

¹⁸³ Ааронз (Aarons) Лоренс (1917–2005) – национальный секретарь КП Австралии в 1965–1976 гг. Он первым поднял на совещании вопрос о Чехословакии, сказав в своем выступлении: «Когда австралийская делегация открыто говорит о том, что ввод войск в Чехословакию в августе 1968 г. является ошибочным, то она делает это не потому, что хочет вмешиваться во внутренние дела партий, принявших это решение. <...> Эта акция нанесла ущерб делу борьбы за установление социализма во всем мире. Ее влияние – было глубоким, а последствия – далеко идущими. Их нелегко будет преодолеть; это весьма трудно, пока сохраняются неравные отношения. Интернационализм нельзя отделять от уважения прав всех наций». На совещании Л. Ааронз выступал также по вопросу ближневосточного конфликта, по его настоянию в Основной документ совещания была включена фраза против антисемитизма. Но в итоге Л. Ааронз, а также представители еще восьми партий не подписали Основной документ совещания.

Кадей Мигдалом и Полиной, женой Вульфовича. Я сначала решила отвернуться, сделать вид, что их не заметила, но потом не вышло. Кадя кивнул, я ему кивнула, тут и Лемпорт кивнул, я тоже ему кивнула, а теперь жалею. Лемпорт – толстый, морда осунувшаяся, а живот и зад сильно выпирают.

Как только Дима поправится, поедem к Юнне в больницу. Начали читать очень интересную самиздатовскую статью Вали Турчина «Инерция страха»¹⁸⁴. Мы и не знали, что Валя что-то пишет, когда говорили о памятнике Валерию Павлинчуку. Эту книгу Валя тоже посвятил Павлинчуку.

Мы приняли окончательное решение не пытаться даже поехать в Словакию. Сегодня в «Правде» прекрасная фотография – все чехословацкие жополизы вокруг своего гегемона-людоеда. Все улыбаются – и оккупант и коллаборанты. В связи с тем, что в Чехословакии сейчас делается, нам только не хватает поехать туда, чтобы своим приездом озаглавить «нормализацию».

Польский фильм оказался неважным – сентиментальным, слишком красивым, хилым, хотя и с проблесками.

11 июня 1969 г., среда.

Смерть Левы Тоома обрастает легендами. Рассказывают всякие небылицы, одну нелепее другой. Но одна деталь очевидна. Лева был не один, с ним вместе находился Феликс Дектор¹⁸⁵, который пытался его спасти, но не сумел. То ли Лева висел на карнизе, то ли свесился из окна, так и не ясно. Умер он не сразу. В сознание не пришел.

Завтра Диме снова к зубному врачу, надевать коронки. Сегодня в подвале Эдичка ликвидировал следы потопа, который начался, но и, слава богу, сам по себе кончился. Эдик не курит. Заходил Алик, что-то кривлялся, как всегда. Сильно поправился, принес для Инны билеты на «Мокинпотта». Я хожу на работу, где делаю бессмысленную канцелярскую работу, но устаю больше, чем давая уроки.

12 июня 1969 г., четверг.

Сегодня был небольшой скандал. Дима сильно хотел жрать, а я пришла с работы только в восемь часов, так как завтра мы вручаем «Свидетельства об окончании восьми классов» моим ребятам и я много писала. Потом мы с Димой быстро всё уладили. Я сварила ему манную кашу, а потом подобрала овощи и черешню, которую он раскидал в припадке гнева.

Диме сегодня дотачивали зубы.

¹⁸⁴ Брошюра «Инерция страха. Социализм и тоталитаризм» получила большое распространение в самиздате. В значительно переработанном виде вышла вторым изданием через десять лет (Нью-Йорк. «Хроника». 1978. 295 с.).

¹⁸⁵ Дектор Феликс Адольфович (1930–2020) – литератор, переводчик. В 1930-х гг. вместе с родителями был репрессирован. В 1961–1963 гг. старший редактор издательства «Детская литература». С середины 1950-х занимается переводами стихов и прозы литовских писателей. В частности, перевел романы Ицхока Мераса «На чем держится мир» и «Ничья длится мгновенье» (М., Художественная литература. 1966). В начале 1970-х гг. принимал активное участие в протестах евреев-отказников, за что в 1975 г. исключен из СП СССР. С 1976 г. живет в Израиле. Основал в Иерусалиме издательство «Гарбут». С 1990 г. редактор альманаха «Ковчег» (Москва).

13 июня 1969 г., пятница.

Сегодня в школе поздравили ребят с переходом в 9-й класс, вручили им «Свидетельства». 16 июня я выхожу со своими детьми в поход на пять дней, до 20 июня. Все мои ребятки сдали экзамены, никто не остался на второй год, только двое из тридцати шести уходят в техникум и в другую школу.

Дима чувствует себя неважно, но так как меня сейчас почти нет, он справляется сам с едой – сварил бульон. Вечером приходила учительница из нашей школы, Инна Давыдовна, со своей приятельницей, она сейчас у нас не работает. Потом пришли Нина и Кирилл Петрович Кондрашины, принесли в подарок коробку западногерманских фломастеров. Эдинька отвез нас на папиной машине домой.

14 июня 1969 г., суббота.

Приходила к нам моя мама. Мы хорошо поговорили, мы были только вдвоем с Димой и разговаривали с мамой «за жизнь». Сегодня было очень тепло. Дима вставлял в скульптуру, в керосинку, которую мы выбрали в Алабине, старые зубные протезы, очень вонючие. Дима остался недоволен результатами, к тому же его доконал тошнотворный запах.

15 июня 1969 г., воскресенье.

Завтра ухожу в поход. Дима обещал записывать в эту тетрадь каждый день, пока меня не будет. Галочка выволокла из кухни свой стол. В мастерской убирали приюток в маленькой комнате. На днях там умер голубь, а сегодня он куда-то исчез. Эдик ездит на папиной машине и радуется. Поздно вечером к нам приехали Толя с Милой. Вчера они ездили прицениться к своей будущей даче. Это далеко, где-то за Боровском, но прекрасная совершенно дача. Толя рассказывал, что будто бы Чаушеску на коммунистическом совещании говорил об антисемитизме у нас, о Насере, уничтожившем свою компартию, и будто бы ему аплодировали и т. д. Этого нет в изложении в «Правде». Мы с Димой в это не особенно верим, так как западное радио ничего об этом не говорило.

16 июня 1969 г., понедельник¹⁸⁶.

Можно считать, что ночью не спали. Встали в половине седьмого. Я в быстром темпе собрался и поехал к врачу. Юлька пошла с детьми в поход. Ночью и утром было очень жарко, а днем пошел дождь, но духота сохранялась до самого вечера. Как там наши походники? Наконец, вставил все зубы в скульптуру (которую я уже рисовал в этой тетради). Условное название: «Улыбка века». Так как в мастерскую я пришел рано, то застал Марину, которая лепила копию «Эйнштейна». Эдик приехал с Валею на своей машине только вечером. У Вальки все время болит голова. Вчера она выпила три таблетки промидола. Звонил Вита Гинзбург, побеседовал с ним, а потом с Ниной. Нина всё в грусти. Вечером звонила веселая Женька Зверева, ужасалась смерти Левы Тоома.

¹⁸⁶ С 16 по 19 июня 1969 г. записи в дневнике делал В. Сидур.

Забыл поставить доску от ежика, чтобы он не смог попасть в маленькую комнату. Теперь он всю ее загадит. Мы с Юлькой решили увезти его в Алабино и там выпустить.

17 июня 1969 г., вторник.

Слава богу, прошло уже два дня из пяти дней Юлькиного путешествия. Почти целый день трудился над «Улыбкой века». Теперь это приняло примерно такую форму.

Поставил коронки и снял форму для протезов. Звонил отец, в четверг пойдем с ним на консультацию. Получил повестку на кооперативное собрание. Очевидно, нужно будет завтра пойти.

18 июня 1969 г., среда.

Сегодня пришел в мастерскую очень рано и обнаружил огромный потоп. Дерьмо лезло со страшной силой, хотя я вчера поставил на унитаз два огромных камня. В середине дня приехала аварийка. Шура-дворничиха учинила скандал по этому поводу, строя из себя большого начальника. Я думаю, что она и есть виновник участвовавших засоров. Она убирает квартиру какого-то генерала в нашем подъезде и, наверное, что-нибудь бросает в унитаз. Завтра предстоит противный разговор с управдомшей.

Можно считать, что почти закончил «Улыбку века». Умаялся за сегодняшний день страшно. Был на собрании кооператива. Строят уже 10-й этаж, обещают сдать к ноябрю. Снова собирают деньги.

Беседовал с Мариной о ее участии в работе над Волгодонским барельефом вроде договорились. Эдик две трети дня лежит под машиной и замазывает гипсом выхлопную трубу. Остальное время отвозит и привозит Вальку. Он получил очки, и выглядит абсолютным технократом.

Пусть скорее приедет Юля!

19 июня 1969 г., четверг.

Съездил с отцом в Институт эндокринологии неудачно, правда, я это предчувствовал. Снова поедем завтра. Отец говорит, что чувствует себя значительно лучше, но анализ показывает 3,8 % сахара в моче.

Не могу понять, довольна ли Марина условиями, на которых я предложил ей работать. Позвонила Лида Перкаль¹⁸⁷, предлагает сделать панно из стандартных плиток для Монголии (вернее, эскиз и картон), а на месте выполняют рабочие. Позвонила Наташа, вьетнамская дикторша, хочет, чтоб я сделал ей портрет Хикмета.

Самое главное – поход к Марии Захаровне, начальнику нашего ЖЭКа. Трудно передать, как мне не хотелось к ней идти. Я представлял ее глупой и скучной бабой (как бывшая техник-смотритель Надежда Степановна). Нас с М.З. познакомил пожарный Ваня. М. З. оказалась женщиной с хитрыми всепонимающими глазами. Мы очень быстро решили все вопросы. 1) На наш подвал собес больше

¹⁸⁷ Перкаль Лидия Захаровна – архитектор.

не претендует. 2) Договор, который кончается 17 января, она продлит. 3) Я буду вести в Фонде переговоры о капитальном ремонте канализации, а пока будем вызывать аварийку, она распорядится, чтоб препятствий не чинили.

После я дал Ване рубль, договорился с ним, какой подарок сделать М.З. (бутылочку коньячку, шампанского, конфет). И мы разошлись, довольные друг другом. Я отправился примерять протез, а потом домой, где помыл посуду и целлофановые мешки, так как завтра собираюсь на рынок за творогом.

Моя дорогая летописка, Юленька, ты даже не представляешь, как я жду твоего возвращения!

20 июня 1969 г., пятница.

Мы вернулись рано, в половине двенадцатого дня, обгоревшие, искусанные комарьем, но дети, кажется, довольны. Я тоже, хотя из четырех ночей более-менее спала только одну. В мастерской никого не было. Воняло ежом и потопом. На стуле лежала сумка Абрама Яковлевича. Я догадалась, что он в Москве, и они вместе с Димой поехали к эндокринологу. Я на минутку улеглась и тут же заснула. Меня разбудил возглас: «Привет походникам!» Дима с Абрамом Яковлевичем меня рассматривали, улыбаясь. У Димы пять оставшихся зубов одеты в сверкающую сталь. Смеется он как японец, что называется, ощерившись. Абрам Яковлевич выглядит прилично, но правый глаз сделался у него вдруг ужасно красный. Дима мне подробно рассказывал описанные здесь новости. Эдичка, когда пришел, продемонстрировал свои очки. Вид у него сделался невероятно благородный и значительный. Плохо, что он опять закурил. Вчера ел пилюли, от которых якобы не должно хотеться курить, а сегодня закурил. Абрам Яковлевич уехал, а к нам один за другим пошли люди. За время моего отсутствия Дима сделал, почти сделал, отличную, на мой взгляд, скульптуру «Улыбка века».

Приехал словак Влаховский, который когда-то совсем мальчиком был у нас, и потом они опубликовали в журнале *Slovenské pohľady*¹⁸⁸ Димины скульптуры. Сейчас – это солидный человек, зам. директора издательства художественной литературы в Словакии¹⁸⁹. У них выпустили «Доктор Живаго». Есть упорный слух, что Тауфер будет министром культуры Чехии. Словацкий министр культуры поэт Мирослав Валек сейчас в Москве. Юра с ним виделся и сказал, что тот будет говорить с Фурцевой про Диминову поездку на скульптурный симпозиум в Словакию. Мы с Димой ехать сейчас не хотим.

Заглянули Боря Хазанов, Владик и Инна. Инна рассказала, что она общалась с Иржи Гаеком, бывшим редактором журнала «Пламен». Первый журнал в Чехословакии, который опубликовал Вадима Сидура. Нам очень нравился Гаек, он был несколько раз у нас в мастерской. Теперь он ведет себя как последний гад, самый правый из правых. Инна холодно с ним встретилась, хотя они были большие друзья, а после того, как он высказал свои взгляды в иностранной ко-

¹⁸⁸ Словацкий литературный журнал, издающийся в Братиславе с 1846 г. В №№ 9 и 10 за 1967 г. здесь были опубликованы фотографии скульптуры «Треблинка» и рисунок В. Сидур.

¹⁸⁹ Братиславское издательство *Tatran*.

миссии Союза писателей, она ушла, не попрощавшись с ним. Ясно одно, что никакой нормализации там нет. Всё ненормально. Антисоветизм очень большой. Лозунг такой, что делать ничего не надо, работать надо плохо и чем хуже, тем лучше. Чешские писатели держатся железно, ни один из них в Москву не приехал. А словаки едут многие, Гаек не в счет.

21 июня 1969 г., суббота.

Очень был утомительный день. Неожиданно к нам домой пришли художники из Ангарска. Этих ребят прислал Виктор Федорович Новокшенов. Молодые ребята, простоватые, очень симпатичные. Виктор Федорович потерял наши телефоны, и дал им адрес, вот они и завалились к нам домой. Мы как раз что-то убирали и разбирали. После трех они уже были в нашей мастерской с бутылками, закусками. Их поразила мастерская и Дима сам. Они его уважительно называли Вадим Абрамович. Мне понравились эти ребята, хотя ясно, что художники они очень слабые, недаром Виктор Федорович послал их «поучиться у Сидура».

Приехал грустный и какой-то весь больной Юра Левитанский. Он беседовал на днях с министром культуры Валеком. Валек говорил всё, как в газетах: «Гусак – великий человек», «хорошо, что пришли войска», «честным коммунистам нельзя было ходить по улицам», «мы реалисты, а чехи донкихоты». И тогда, при встрече, он нам не понравился, а сейчас ясно, какое это дерьмо. Он предложил Юре приехать в Словакию. Юра ему ответил: «Ты лучше Сидура пригласи». На что Валек сказал, что это ему ничего не стоит, так как Фурцева обещала ему всё, что он только попросит. Когда Валек узнал, что Диме привез приглашение Ферко, он даже говорить об этом не захотел. Это лишний раз подтверждает, что Ферко очень приличный человек. В Словакию мы никогда не поедим, сам Дима не пойдет проситься с этим приглашением, а если вдруг ему предложат, что маловероятно, то он откажется.

Ангарские парни тоже приехали с конкретным заданием от Виктора Федоровича, чтобы Дима согласился приехать туда на некоторое время и сделать для города несколько скульптур или еще чего-нибудь. Мы с Димой почти согласились на август, если они пришлют официальный вызов.

Потом пришла Кларочка, рассказывала, до чего же этот старый пердун Корней скупой. Кларочка выглядит ужасно устало. Валька с Эдиком пришли тоже. Валька мучается от головной боли непрерывно. Вчера они были в Театре на Таганке, и она там приняла три таблетки промидола. Дима считает, что у нее что-то серьезное, и ее надо показать хорошему врачу.

22 июня 1969 г., воскресенье.

28 лет назад, тоже в воскресенье, началась война. У Димы повысилось давление, поэтому он целый день был в раздраженном состоянии. Опять же один зуб под новой коронкой у него чувствуется. Тем не менее Дима докончил сегодня скульптуру «Улыбка века». Совершенно отличная получилась скульптура. В мастерской жутко воняет ежом. Когда он гадит на виду, то убирать легко, но он устроил себе уборную за камнями, куда не доберешься. Дима с Эдиком отодвинули эти граниты, а там жуть какая-то. Дима сказал мне, чтобы я варила

рисовую кашу и бульон, а он сам уберет всё это. Эдик снимал последние скульптуры. Дима в разгар этой уборки на меня сильно рассердился, ни за что, и мы поругались, но не надолго. Еще Дима очень раздражен, потому что над ним повис Ангарск, а поскольку, несмотря на всякие деловые предложения, всё это лишено конкретности, и надо вроде бы туда ехать, Дима тоже недоволен. Вечером пришли ангарские ребята. Они очень устали. Бродили по Калининскому проспекту, утром были в Театре на Таганке по входным, стоячим билетам. Это им Алик устроил по моей просьбе. Они неплохие ребята, но несколько дикие. Один парень, Гена, архитектор-ленинградец, немного более продвинутый, а остальные совсем ничего не знают – кто такой Булгаков, Модильяни. «Мастер и Маргарита» не читали и даже не слышали. Показали и в итоге оставили фотографии своего Дома культуры. Сделано современно, ничего выдающегося, но очень с любовью. Теперь перед входом им нужна скульптура, которую они хотят, чтобы сделал Дима. Мы очень тепло с ними распрощались.

23 июня 1969 г., понедельник.

Пришла в школу, чтобы закончить кое-какие дела. Можно сказать, теперь освободилась до 26 августа, если начальство чего-нибудь не придумает. Дима доволен своей скульптурой «Улыбка века» (второе название «Иллюзионист»).

Приехала из Чехословакии Вера, жена студента-журналиста Фимы Фиштейна, порассказала кое-что. Говорит, что положение там очень и очень плохое. Одобрив наш отказ ехать в Словакию. С Фимой и Верой была еще одна девушка, тоже Вера, которая рассказала нам очень интересную историю про молодого писателя Анатолия Гладилина¹⁹⁰, про которого Катаев сказал: «мой друг мовист» в своем романе «Святой колодец»¹⁹¹. Мы знали Гладилина как друга Аксенова, и часто видели его в ЦДЛ пьяного. Этот Гладилин стал дружить с писателем Жорой Владимовым, который известен своим романом «Большая руда», а также тем, что он написал письмо в таком же духе, как Солженицын свое «Письмо съезду писателей». Однажды в компанию, где был Владимов, пришел Гладилин с американцем по имени Джон, или как там еще. Этот Джон отлично говорит по-русски, знает русскую литературу, и после этой вечеринки подружился с Жорой Владимовым. Американец оказался вторым секретарем американского посольства. Жора с женой стали ходить в посольство, американец приходил тоже к ним домой, где они вели всякие разговоры, и по телефону и друг с другом, прекрасно зная, что их подслушивают. Гладилин во время этой дружбы снова пришел к Жоре и попросил его подписать одно из писем в защиту заклю-

¹⁹⁰ Гладилин Анатолий Тихонович (р. 1935) – прозаик. В 1958 г. окончил Литературный институт им. М. Горького. Печатался с 1956 г., автор «Юности». Один из участников «Маяковки» в 1958–1961 гг. Друг В.К. Буковского. С 1976 г. живет в Париже.

¹⁹¹ Катаев Валентин Петрович (1897–1986) – прозаик, поэт, драматург, сценарист. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Печатался с 1921 г. Герой Социалистического Труда (1974). Повесть «Святой колодец» напечатана в «Новом мире» в 1967 г. В ней приводится диалог автора с одним из неназванных персонажей: «Но вы действительно умеете писать хуже всех?» – «Почти. Хуже меня пишет только один человек в мире, это мой друг, великий Анатолий Гладилин, мовист номер один».

ченных, где уже было примерно десять фамилий. Жора отказался, сказав, что он уже раньше подписал подобное письмо, но в другом списке подписей. Тот ушел. Через некоторое время к Жоре пришел какой-то его сосед и сказал, что он знает, что к Жоре ездит американец, и не мог бы Жора передать тому самиздатовскую вещь. Жора согласился. Будучи великим конспиратором, он позвонил Джону по телефону и решил встретиться с ним на нейтральной почве, чтобы передать ему эту книжку. У Жоры машина «Запорожец». Когда они съехались с американцем, только Жора успел подойти к его машине и передать ему рукопись, как их осветили фары автомобиля «скорой помощи». Выскочила милиция и стали проверять их документы. Американец небрежно швырнул рукопись назад, милиционеры сунулись туда, но найти ничего не смогли. Их отпустили. На другой день появилась статья, кажется в «Известиях», об агенте из ЦРУ, который вербует молодых писателей, неопытных и легковверных, и что его высылают из страны. Статья была за подписью «Владимиров». Джон пришел в тот же день к Жоре домой и сказал, как же тому не стыдно писать такие статьи, ведь они были друзья, и почему знание русской литературы расценивается как шпионаж, да еще из ЦРУ, когда он являлся служащим Госдепартамета. Джон был уверен, что статью написал Жора и что в его фамилию просто вставили две буквы. Жоре было ужасно неловко и он совершенно напрасно пытался тому доказать, что этой статьи он не писал. Еще через пару дней Джон пришел уже с двумя людьми из английского посольства. Джон извинился и сказал, что эти люди точно знают, кто написал эту статью, и Жора здесь ни при чем. Потом Джона выслали из Союза. Один из соседей Жоры по дому, бывший кагэбист в отставке, питая к нему симпатию, признался, что кагэбешники пытались его заставить установить на стенке Жориной квартиры микрофон, но он отказался. Во-первых, он был на пенсии, а во-вторых, принадлежал раньше к дипкорпусу и имел право не соглашаться. Еще совсем через короткое время Жоре позвонили из КГБ и пригласили его зайти на Лубянку. Жора спросил: «Когда?» Ему ответили: «Через неделю, через две». Тогда Жора сказал: «А почему не сейчас?» Кагэбешники согласились, и он к ним поехал вместе с женой. Он беседовал часа четыре с ними, пока жена ждала его в машине. Его долго увещевали, уговаривали так больше не делать, говорили, что Джон – шпион, агент ЦРУ и т. д. При этом у одного из кагэбешников на столе лежала «Большая руда» с подчеркнутыми «сомнительными» местами. Жору отпустили. Он вернулся домой и тут же к нему пришел один из его друзей, очень взволнованный, и спросил, чем кончился его визит в КГБ. Жора, пораженный, спросил: «Откуда ты знаешь? Кто тебе сказал, что я там был?» Друг ответил, что Гладилин. Они тут же вдвоем отправились к Гладилину, приперли его, и тот признался, что стучит в КГБ. Завербовался, потому что его, бедного, плохо печатают, ему есть нечего, что работает он в основном по иностранцам, и что он подумал, вступая в эти органы, какую пользу он принесет писателям, выручая их из беды. На примере Владимирова, которого из-за него чуть не посадили, это особенно ощущается. Еще раньше нам рассказывала про Гладилина Юнна, и еще тогда у нас появилось сомнение в его «чистоте». Собиралась какая-то демонстрация на Красной площади. Почти всех писателей загребли в милицию еще в метро. Среди всех был Гладилин. В милиции писатели держались довольно

стойко, доказывали, что их задержание незаконно и т. д. Потом милиционеры предложили им подписать акт, где говорилось, что они нарушали работу транспорта, мешали проезду и что-то еще. Никто этого вранья подписывать не хотел. Тогда Гладилин проявил невероятную активность. Он доказывал, что надо подписать это письмо, чтобы на этом всё кончилось и не было бы хуже. В итоге он их убедил. Аксенов, Юнна, Лева и другие подписали этот акт, их тут же отпустили, а на другой день в Союз писателей пришло огромное письмо, где этих писателей обвиняли в пьяном дебоше, хулиганстве, и у всех у них были неприятности. У этого Гладилина очень мерзкая нечистая рожа. Он как будто предназначен для подобной должности. Но ведь там работают и очень приятные внешне люди. На днях приходил Женя, студент из МИМО, переводчик у Влаховского, приставленный к нему, хотя тот прекрасно говорит по-русски. Такой милый на вид мальчик, а ведь тоже стукач.

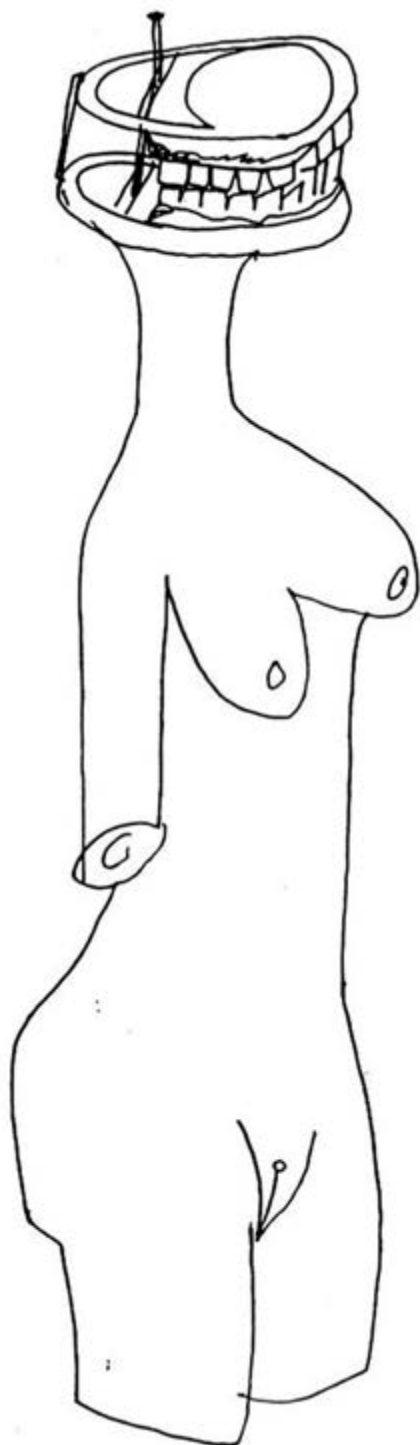
Мы прослушали историю про Гладилина с большим интересом, а потом поехали в цирковое училище, где был концерт выпускников. Нам всё очень понравилось. Уровень мастерства иногда невероятно высокий, а главное – молодые, красивые ребята, одеты в костюмы, сделанные уже по-европейски, ярко, со вкусом. Получили очень большое удовольствие. Были с нами Валька с Эдиком и Алик со своей новой девочкой, которая, собственно, нас и пригласила. Она делает сейчас номер с Аликом где-то в эстрадном номере на ВДНХ, и сама тоже проучилась четыре года в этом училище на эстрадном отделении.

24 июня 1969 г., вторник.

Появилась Марина Ильичева. У нее очень плохо с мамой, поэтому она в эти дни не приходила. Дима включает ее в договор соавтором по Волгодонску. Дима очень хотел бы сотрудничать с Мариной, но все время нет уверенности в ее надежности. Она может исчезать неожиданно и ничего не давать о себе знать. Была у нас архитектриса Лида Перкаль. Она вообще-то из компании Лемпорта, Силиса, но тут вдруг обратилась к Диме с деловым предложением – сделать для фасада здания в Монголии картоны, чтобы потом по ним увеличивать панно в натуре. Дима почти отказался, так как за это слишком мало платят. Лемпорт, уезжая, не пожелал взять с собой свою работу – голову из известняка. Дима начал рубить ее сегодня и уже получается интересная «сидуровская» вещь.

Звонила Клара из Переделкина. Она получила письмо из Австралии от Нины Михайловны, которая посетила наш подвал, много записывала, взяла фотографии и обещала объявиться. Кларочка прочла мне по телефону следующие слова: «На выставке все восторгались фотографиями одного скульптора. Одна женщина даже разрыдалась. Уже прошла передача по радио и теперь готовится передача на телевидении».

Вечером мы с Димой ходили «примерять» челюсти к нашему протезисту. Он совершенно отличный человек и изумительный мастер. Зубы эти совершенно неестественно прекрасны, к ним придется привыкать не только Диме своим ртом, но и мне глазами. Вчера в цирковом училище впереди нас сидела наша бывшая соседка Галочка, которая пришла сюда как начальство. Мне это портило удовольствие, а Диме нет, потому что он был уверен, что наше присутствие портит удовольствие ей. Дома мы теперь живем одни, так как Галочка отчалила

В. Сидур. Эскиз скульптуры (1969)

окончательно, двери ее комнаты опечатаны, и пока мы блаженствуем, хотя каждый раз, возвращаясь, с ужасом боимся увидеть свет в ее комнатах, куда переехали новые соседи.

25 июня 1969 г., среда.

Дима рубит камень, наследство Лемпорта. Приходила мрачная Марина и веселый Эдинька, он вновь на папиной машине. Вечером были у Гинзбургов. Они завтра уезжают в Сортавалу. Виделись у них с Юликом Дунским и Валериком Фридом. Юлик явно болеет. Вообще, они процветают, сотрудничают с Сашкой Митгой, получают премии, делают фильмы, какие надо. Витя сказал Диме: «Сделай десять картинок по пятьдесят рублей, я тебе их продам».

В Чехословакии некоторые парторганизации прекратили платить членские взносы в знак протеста Гусаковой политике.

26 июня 1969 г., четверг.

Сегодня Дима надел свои прекрасные ослепительные зубы. К ним необходимо также привыкать, как, например, к деревянной ноге или резиновой руке. Во рту везде трет, болит, а главное – левая щека беспрерывно попадает между зубами. Наш врач, Леонид Маркович, дал коробочку для хранения, проинструктировал, как носить эти протезы и сказал, чтобы к завтрашнему вечеру приехать к нему и показать все натертости. Я тоже сегодня зашпаклевала огромное количество пока еще своих собственных зубов. Дима рисовал книжку венгра Гараи для «Детской литературы». Сегодня была ненадежная подмоганка Марина, хмурая и неконтактная.

В Чехословакии не хотят работать на советскую оккупацию. Политика Гусака не имеет никакой поддержки и держится только на наших штыках.

27 июня 1969 г., пятница.

Вчера Дима говорил с женой Феликса Дектора про Юнну. <...> Дима испытывает жуткие мучения от своих новых челюстей. Неожиданно забрел Володя Бураковский, несколько «выпимши». Он сильно расстроен из-за своей старшей дочки Марины. <...>

Эдичка снова раскатывает на папиной «Волге», но большинство времени он под ней лежит и что-то ковыряет. Он отвез нас всех, и Володю тоже, в Димино поликлинику, где протезист немного подточил Димины челюсти, а потом мы поехали к Володе домой. Мы ели копченую салаку, очень вкусную. Володя разболтался спьяну, сказал, что у него умерло в последнее время на операции четверо больных, что сволочь Петровский не разрешает не только делать пересадку сердца, но даже печатать об этом какую бы то ни было информацию. Потом пришла его жена Лиля, она только что виделась с Мариной у ее подружки, и снова мы говорили о Марине. Ей уже 20 лет, и она сама не знает, чего хочет.

Завтра у Димы день рождения, сорок пять лет. А Володя сказал, что он завтра обязательно приедет праздновать, ну и Гдаль, конечно. И мама моя позвонила, тоже жаждет праздновать. Скажу ей, чтобы помалкивала, никому в рот не совала угощения, и ни за кем не ухаживала невпопад, чтобы меня не раздражать. Зубы

у Димы красивые, и вообще, Валька и Лиля и многие другие считают, что он прекрасивел, но мне приходится привыкать к его внешности. Что-то изменилось, прикус другой, те зубы были большие, широкие и выпирали, хотя и плохие зубы, перебитые и желтые, и страшные. А теперь какие-то всё аккуратное, маленькое. То ли из-за зубов, то ли из-за погоды, давление у Димы повысилось до 160 на 115.

Вчера возле дома встретила Яна Левинштейна. Такой же суетливый, как всегда. Он бросился ко мне как ненормальный, чтобы я позвонила его девке, которая не может подойти на мужской голос из-за мамы. Мы зашли к нам в подвал, и я с отвращением помогала ему дозваниваться, называя себя Галей, подругой Тани. Ян стоял рядом и дирижировал. Чумная мама на другом конце провода предусмотрительно кидала трубку, несмотря на мои женские призывы. Ян в итоге успокоился, так как Дима убедил его, что девка сама никуда не денется. Так и случилось, сегодня она сама к нему прибежала как ни в чем не бывало. Ян восхищался новыми Димиными скульптурами, потом затащил его к себе на верхотуру. Дима сказал, что очень неплохо. Он вырос профессионально, картины у него стали большого размера. Мастерская загажена донельзя, особенно топчан, как только девица может на него улечься, не подцепив какой-нибудь заразы. Сегодня Ян, воодушевленный возвращением своей девицы, убежавшей из-под маминого надзора, снова прибежал в мастерскую и долго расточал Диме комплименты про последние скульптуры, сказав, что вчера в ажиотаже от своих амурных дел недостаточно высказывался. Особенно он хвалил «Пророка» и «Иллюзиониста». Потом он сказал, что где-то на Арбате есть свалка со всякими унитазами и другим барахлом. Дима моментально загорелся, и они с Эдиком тут же поехали на эту свалку. Там давно всё разворовали, ни одного унитаза, привезли только несколько мотков проволоки и детское корытце. До чего Сидур любит всякое старье! Марина Ильичева сегодня вообще не явилась, и Дима почти решил, что он с ней связываться не будет.

28 июня 1969 г., суббота.

Отпраздновали Димушкины сорок пять лет. Был огромной кагал людей. Юра Левитанский сказал, что написал стихи «В мастерской Вадима Сидура», но пока еще не кончил. Дима красовался в новых зубах, и сегодня уже меньше мучился, чем вчера. Все были довольны. Эдик заснял нас в большом пьяном количестве. Дима чуть-чуть выпил. Были: Велта, Володя Бураковский с женой Лилей, Гдаль с Мариком и избалованным Гриней <...> (их мать, Вита, ушла с рюкзаком в турпоход), Валька с Эдиком, Владик, Жужа из Венгрии, наша союзница по Варшавскому пакту, с которой мы вместе вторглись в Чехословакию, Юра Левитаныч с Мариной и свояченицей, моя мама, и наконец Алик Киселев с другом Кимом и какой-то теткой с телевидения, у которой серьги из ушей свисали до пояса. Венгерка Жужа сразу же кинулась на Алика и захотела его изнасиловать. Алик испугался, сославшись, что ему надо провожать друга в Новосибирск, несмотря на нежные призывы Жужи: «Я вас отвезу домой сама». Тем не менее завтра она уже идет в театр, и я думаю, что Алик падет в ее объятия.

Ёж обжирался, пользуясь днем рождения. Звонила Зинаида Ивановна из Алабина. Отец захворал гриппом, но сейчас уже лучше себя чувствует.

Стало тепло, а завтра, наверно, будет жарко. В метро Гдаль сказал, что недели три тому назад он и Володя были у Лемпорта и Силиса, впервые за примерно год. Гдаль сказал, что они что-то делают, но это неинтересно, ничего особенного и необычного, зато, как сказал Гдаль, «хоромы». Коваль пел старые песни. Гдаль сказал, что они долго звонили, приглашали зайти. Еще Гдаль сказал, что он там критически высказывался. Это уж, как всегда, Гдаль всё говорит, что ему на ум придет. А Диме Гдаль сказал: «Скоро ты совсем останешься один в гордом одиночестве. Я был у Биргера, и у него тоже ничего необычного. А у Тышлера¹⁹² интересно».

29 июня 1969 г., воскресенье.

Толя с Милой предложили нам поехать в Алабино на их машине. Дима еще спал после вчерашнего праздника, я хотела, чтобы он отдохнул, и не разбудила его. Тогда Толя с Милой, подхватив Толину маму, уехали сами в Алабино, без нас. Зинаида Ивановна ничего, а Абрам Яковлевич похуже.

Дима упорно носил зубы, хотя они ему натирают, и завтра едем снова к Леониду Марковичу подточить протезы. Дима сегодня пытался ими жевать и получалось неплохо. Что же касается внешнего вида, они прекрасны.

Велта пригласила на оперу «Золушка» в Большом театре, исполняемую болгарскими певцами. Я решительно отказалась, поскольку опера на меня плохо действует, и я чувствовала, что сегодня мне было не до оперы. Дима согласился, договорился с Велтой встретиться и опоздал, вернулся через некоторое время. Я успела кое-что сделать по хозяйству, пока он туда-сюда разъезжал. Димка жутко красивый, джинсы на нем светлые, рубашка белая ослепительная, с синим галстуком, куртка замшевая коричневая, и зубы сверкают. Он теперь кажется менее кривым, с новыми зубами. Никогда не скажешь, что ему стукнуло сорок пять лет и весь он насквозь хворый. Еще он похудел, брюха нет, весь из себя стройный и подтянутый. Я тоже стала старше, и мы с ним очень нормально смотримся. Ни один кретин не задает больше дурацкого вопроса: «Эта ваша дочка?», как раньше, когда мне стукнуло семнадцать лет и были тоненькие кошечки, как крысиные хвостики, и волосы у меня были совсем светлые. А теперь я потемнела, уже далеко не такая светлая, белобрысая девочка с белыми бровями и ресницами, как тогда, девятнадцать лет назад.

Приехала Кларочка, хорошо выглядела. Рассказала интересную историю. К Корнею пришел какой-то тип, назвал себя сыном, то ли внуком, Нечаева¹⁹³, из

¹⁹² Тышлер Александр Григорьевич (1898–1980) – живописец, график, театральный художник. Оформлял постановки для многих театров, известность принесли ему декорации спектаклей московского Государственного еврейского театра (ГОСЕТ) С.М. Михоэлса, с которым сотрудничал с 1935 г. В середине 1930-х обвинялся в формализме и подвергался нападкам в печати. Лауреат Сталинской премии (1946).

¹⁹³ Нечаев Сергей Геннадиевич (1847–1882) – первый революционер, назвавший себя «профессиональным революционером». Основатель «Общества народной расправы», в которой стал диктатором. Проповедник казарменного коммунизма, считал, что для достижения цели нельзя брезговать

дореволюционных убийц, называвших себя социалистами, и стал доказывать Корнею, что всё зло от евреев. Когда Клара встряла в разговор, то сильно рассердилась и, не владея собой, стала кричать чисто по-женски: «Хулиган, антисемит, фашист! Вон отсюда!» Корней Иванович говорил ему примерно то же самое, но только в более спокойной форме и более аргументированно. Эта сволочь, потомок Нечаева, побежал с криком: «Я не антисемит, я революционер!» Позже он рассказывал библиотекарше, что он приходил не к Корнею, а к Лидии Корнеевне, на что библиотекарша ответила ему, что Лидия Корнеевна не стала бы его слушать и минуты. Этот гад ушел со словами: «Я буду мстить». Вся грудь у него была в многочисленных значках.

Радио «Свобода» передало о том, что из лагеря в Потье попало в лондонский еженедельник «Обсервер» письмо Юлика Даниэля, где он пишет о порядках в этом концлагере, а также о том, что Алику Гинзбургу не разрешают жениться на своей невесте, и поэтому не дают с ней свидания. Мы узнали на днях, что Юлик Даниэль передавал нам привет.

30 июня 1969 г., понедельник.

Марина появляется в мастерской не раньше одиннадцати-двенадцати часов дня, мы приезжаем не раньше часа-двух. Марина тут же переодевается и говорит: «Через двадцать минут я ухожу». Приехал ее бразильянец, ему не разрешили жениться и через некоторое время он отчаливает навсегда. Марина страдает, у нее полные слез глаза, говорить с ней о чем-либо совершенно невозможно. К тому же здесь существует советский человек, тоже влюбленный в роковую Марину, и когда нет бразильянца, она мучается уже в связи с этим товарищем. От всех этих трагедий Дима тоже нервничает, поскольку он связывается с Мариной работой, но она абсолютно ненадежна. Говорит, что придет тогда-то, не приходит. Один день говорит, что будет приходиться каждый день, но уедет на две недели отдыхать, потом говорит, что не придет два дня, но зато никуда не уезжает. Дима включил ее в соавторы, потому что работает она хорошо, но больно уж крутит мозги и даже врет, свои кошачьи дела сваливает часто на маму, хотя мама у нее действительно очень сильно и безнадежно больна. Сегодня Марина уже говорила, что бразильянец вроде бы пока не уезжает, поэтому она тоже не уезжает, но если он уедет, то и она уедет с русским отдыхать до 25 июля. В общем, мы так ничего и не поняли, когда и куда она уезжает и насколько можно на нее рассчитывать. Она все-таки девка сдвинутая, и поступает непорядочно. Ездил в свое Загигалово на кукольную фабрику, писала лозунги «Да здравствует КПСС» и другие, ежедневно ходила на работу, как все советские люди, заболела там, ходит теперь с перевязанной ногой, и теперь, когда великий художник Сидур берет ее в соавторы, чему-то ее уже научил, может сделать из нее художника, она погрязает в своих делах, никак не может закончить копию «Эйнштейна», приходит часа на два и говорит: «Я через двадцать минут ухожу». Мы даже смеялись с Димкой сегодня, когда вспоминали эти ее слова.

никакими средствами. Обладал невероятным влиянием на людей, даже находясь в тюрьме, сумел склонить на свою сторону охрану. Назван Ф.М. Достоевским «бесом». Осужден за убийство студента И. Иванова, умер в заключении в Петропавловской крепости.

Это следующая Великая скульптура „Христос“

В. Сидур. Эскиз скульптуры (1969)

Из Переделкина звонила Кларочка. Она, оказывается, не заметила раньше среди присланных из Австралии книг программу австралийского радиотелевидения, где 27–28–29 марта этого года была показана по телевидению передача о жизни и страданиях Христа, где среди всяких великих классиков, изображавших Христа, таких, как Гойя, Эль Греко, Шагал, Пикассо, Боттичелли, Босх, Беллини и многих других указана фамилия Вадима Сидура. Кларочка чрезвычайно обрадовала нас этим известием и сказала, что Корней Иванович подарил нам эту программу. Мы только можем пожалеть, что не могли дать Нине Михайловне ничего, кроме фотографий.

В СССР с дружеским визитом приедет Борман, американский космонавт¹⁹⁴. Есть предположения, что Штроугал и Биляк скинут Гусака. Вот оказался дурак. Кругом обосрался, а сейчас еще и скинут, как он перед нашими не выслуживался.

¹⁹⁴ Борман (Borman) Фрэнк (р. 1928) – астронавт США, совершивший 21–27 декабря 1968 г. первый в истории полет к Луне в качестве командира космического корабля «Аполлон-8». До этого он побывал в космосе в 1965 г.

В Чехословакии студенты предлагают 21 августа не посещать никаких зрелищных мероприятий, не ходить в кафе, не ездить по улицам, и по всей стране прекратить работу на пять минут, только возложить цветы жертвам оккупации. Наш проклятый огромный концлагерь трещит по всем швам и изнутри тоже. В Узбекистане недавно была драка между узбеками и русскими в Ташкенте по всему городу, всё началось с футбольного матча¹⁹⁵. Узбеки кричали: «Русские, Узбекистан без вас!» Примерно то же самое делается на Украине, в Прибалтике, в Молдавии. Крымские татары упорно требуют свое право возвращения в Крым.

Мы снова ездили к Леониду Марковичу подрегулировать Димины зубы. Сейчас уже постепенно наступает момент, когда Дима без зубов чувствует себя хуже, чем с зубами, несмотря на боль и на то, что жевать новыми челюстями пока что не очень получается.

Вечером у нас были Рита Янус и Валя Турчин. Они сказали, что поставить скульптуру в Обнинске абсолютно невозможно, но так как вещь уже есть в эскизе, они пока к годовщине установят доску, а скульптура будет дожидаться лучших времен. Обнинское начальство, прослышав, уже начало давить на мать и на брата Павлинчука, и мать сильно испугалась и уже ничего не хочет из-за второго сына, чтобы ему не было плохо. Мы согласились. Говорили о Валиной статье «Инерция страха». Валю уже таскали за эту статью и пугали, но не испугали. Дима кое с чем в этой статье не согласен, а я ее, честно говоря не прочла, времени не хватило. Валя послал ее в журнал «Коммунист», где ее отвергли, обвинив автора в «неклассовом подходе» и в некоторых «разухабистых» выражениях. Кроме того, с Валей беседовал кагэбист с его работы и требовал список людей, которым Валя давал читать эту статью. Когда же Валя отказался, кагэбист угрожал, что Валя сам будет нести ответственность за распространение статьи, тем более что к ней якобы было приписано антисоветское предисловие. И так, эта история с Валей еще не кончилась. В «Хронике самиздата»¹⁹⁶ мы встретили фамилию Турчин в последнем номере.

1 июля 1969 г., вторник.

Эдик сфотографировал весь наш кагал в Димин день рождения. На одном из снимков Валька склонила голову на плечо Алику Киселеву, как когда-то она

¹⁹⁵ Имеются в виду события 4, 8 и 12 апреля 1969 г., когда во время и после матчей ташкентского «Пахтакора» с командами из Москвы и Минска узбекская молодежь на трибунах стадиона скандировала антирусские речевки и разворачивала лозунги «Русские – вон!» Беспорядки продолжались целую неделю и повторились в сентябре, при этом милиция попустительствовала вооруженным ножами и колющими предметами погромщикам. Имелись жертвы. Лишь применив силы внутренних войск и спецтехнику, властям удалось навести порядок. Официально правительственная комиссия, расследовавшая беспорядки, свела причину их возникновения исключительно к хулиганству на почве футбола, скрыв националистическую подоплеку. Однако многие высокопоставленные работники узбекской милиции, прокуратуры, суда и совмина были уволены со своих постов.

¹⁹⁶ Юлия имеет в виду машинописный журнал («информационный бюллетень») «Хроника текущих событий», выпускавшийся и распространявшийся советскими диссидентами в самиздате с 30 апреля 1968 г. сначала шесть раз в год, затем (после 1973) реже. Всего (по 1984) вышло 63 выпуска. В каждом имелся подробный раздел «Новости самиздата». В седьмом выпуске (30 апреля 1969) опубликована информация о ходившем в самиздате протестном письме В.Ф. Турчина главному редактору «Литературной газеты» А.Б. Чаковскому.

склонила ее на Димино плечо, не менее нежно, что зафиксировано, как и сейчас, ее собственным мужем. «Знакомый жест», – сказал Эдик.

У нас был скандал с Димой, непонятно из-за чего, но очень бурный. Дима сказал еще с утра: «Бывает ли у тебя такое, когда ощущаешь, что физически устал мозг, его хочется вынуть и промыть, как эти зубы?» Проанализировав все причины и следствия, Дима пришел к выводу, что кроме всяких неприятных мелочей, как зубы, управдомиха, к которой надо идти с подарком, усталость, больше всего его раздражает ненадежность Марины. Мы посоветовались втроем с Эдиком, и Дима принял решение, что Марину он в договор по Волгодонску не включает, а если она будет работать, то он ей будет платить из собственного кармана. А рисковать и полагаться на ее ответственность – это только самому себе нагадить, поскольку Марина может совершенно неожиданно влюбиться, исчезнуть и обо всем забыть. Дима сказал: «Сначала я думал, что она больше художник, чем баба, а теперь вижу, что баба перевешивает в ней слишком сильно».

По телефону Дима целый час говорил с матерью Юнны. <...> В ту ночь Светлана, жена Дектора, рожала третьего ребенка. Феликс названивал в роддом, а мать Юнны задремала. Лева был дома один, он позвонил Феликсу, чтобы тот приехал. Когда мать проснулась, она прочла записку, что Феликс уехал к Лева, так как тот очень его просил. У Левы Феликс хотел продолжать свою работу и даже взял ее с собой и сидел в кухне, где у них телефон. Лева же в два часа ночи побежал в ресторан «Прага», где купил пол-литра. Феликс, в общем, не пьет, но тут онпил с Левой, чтобы тот меньше накачался, хотя бы по количеству. Тем не менее Лева очень быстро напился, и Феликс уложил его на диван, а сам продолжал на кухне звонить в роддом. Несколько раз Лева падал с дивана. Феликс укладывал его заново, пока наконец не положил матрац, чтобы Лева сваливался на него, а не на пол. На некоторое время все стало тихо, но вдруг Феликс, сидя на кухне, услышал какой-то шорох. Он вернулся в комнату и увидел, что Левы нет. Он стал искать его под кроватью, в туалете, но нигде не мог найти. И только вдруг внезапно глянув на окно, увидел торчащую, согнутую в колене ногу при закрытых шторах. Феликс начал кричать, тянуть его за эту ногу, но была ночь, никто его не слышал, отойти он не мог, и так он Лева и не удержал. Умер Лева в больнице. Света родила сына, его назвали Тоом.

2 июля 1969 г., среда.

До какой-то степени наступила пора решать квартирный вопрос. Вернее, наши новые жильцы, теперь уже новые, по фамилии Добросердовы¹⁹⁷, предлагают обмахнуться квартирами, то есть, они въезжают к нам всей оравой в семь человек, а мы переселяемся в их отдельную двухкомнатную квартиру в нашем же дворе, в доме № 5, забираем осенью к себе родителей и ждем дальше кооператива. Это событие должно произойти буквально в несколько ближайших дней, чуть ли не послезавтра. Сегодня приходят к нам начальники худгородка¹⁹⁸ –

¹⁹⁷ Имеется в виду семья живописца Добросердова Михаила Владимировича (1906–1986).

¹⁹⁸ На ул. Верхняя Масловка в Москве на бывшем пустыре давно сгоревшей киностудии А. Ханжонкова в 1930-х–1950-х гг. сложился так называемый Городок художников, состоящий из

Селиванов¹⁹⁹ и член жилищной комиссии сын Соколова-Скаля²⁰⁰. Они согласны, если мы с Добросердовыми между собой договоримся. Мы с Димой зашли сегодня в их квартиру, она, конечно, фиговая – прихожей практически нет, две комнаты смежные, санузел совмещенный. Для двух человек было бы прекрасно, но для четырех, имеющих разный режим дня, возникнут, безусловно, некоторые трудности. Тем не менее преимущества по сравнению с нашими конурами огромные. Во-первых, отдельная квартира, кухня метров шесть, есть темная трехметровая комната. Всего в квартире 28 с половиной метров, восьмой этаж, лифт, телефон, горячая вода, балкон, дом новый. Возможны осложнения со стороны людей, которые ожидают переезда Добросердова, в свою очередь претендующих на его квартиру. В связи с этим они могут приходиться к нам и портить нам нервы. Но Диму это не волнует, мы явно ничего не теряем в этой ситуации, а скорее, приобретаем. У нас было около 20 метров, а теперь будет 28 в отдельной. Милка Гитберг, которая приняла самое живое участие во всем этом деле, чтобы нам помочь, поговорила сегодня с председателем жилищной комиссии МОСХа, где мы никого не знаем. Этот человек ей тут же сказал: «Они выйдут из своего кооператива, дадут любые расписки, и останутся жить в этой квартире навсегда. Таких случаев тысячи». Он прав, советские люди научились от всяких невзгод и мытарств так ловко изворачиваться и ориентироваться во всяких подобных ситуациях, что, возможно, кто-нибудь другой действительно мог бы поступить именно так на нашем месте. А мы все равно с нетерпением будем ждать свою трехкомнатную прекрасную квартиру с двумя лоджиями в доме-башне у Киевского вокзала, где площадь больше 44 метров, все комнаты несмежные, санузел раздельный и кухня 10 метров. В доме строят 10-й этаж, обещают сдать к 7 ноября, но опытные люди говорят, дай бог переселиться к Новому году. Мы свое любимое государство не обманем, лучше бы оно нас не обмануло.

Потом в мастерской Дима имел разговор с Мариной. Выдал ей деньги за «Эйнштейна» и вообще всё ей высказал. Марина со всем согласилась, а дальше – посмотрим. После этого Дима ходил к управдомше с подарком. Управдомша – хорошая тетка, умная и незлобная, гадить нам не будет. Приехала из Переделкина Кларочка. Она привезла нам проспектик, где объявлено о представлении в церкви в Австралии, посвященном Христу. Указаны разные художники, участники этой программы, то есть, их произведения или фотографии. Димину фамилию Корней Иванович отчеркнул красным карандашом: Beakon, Bellini, Bosch, Botticelli, Carpaccio, Chagall, Corrado Malteze, Dali, Dolci, Donatello, Dürer, El Greco,

нескольких зданий. Первое из них, в котором расположились коммунальные квартиры и мастерские 130 художников, было построено в 1930 г. В 1934 г. для живописцев и скульпторов – членов МОССХ велось строительство нового огромного дома, он был отстроен и заселен в 1938 г. «Растет из года в год «Московский Монпарнас» – «Городок художников», – сообщал об этом событии журнал «Творчество». – <...> Первое, что в нем замечательно, – это огромные светлые, построенные по последнему слову строительной техники, мастерские. Затем квартиры. Удобные, светлые, чистые, благоустроенные». Кроме упомянутых зданий, к Городку относились еще два-три дома, в одном из которых (в доме № 6 по ул. Петровско-Разумовская аллея) жили Вадим и Юлия.

¹⁹⁹ Селиванов Николай Александрович (р. 1929) – скульптор. Народный художник РФ (2006).

²⁰⁰ Соколов-Скаля Виктор Павлович (1923–1985) – живописец-пейзажист.

Goya, Grunewald, Giorgione, Leonardo da Vinci, Luini, Picasso, Raphael, Rouault, Rubens, Scrovegni, Vadim Sidur, Sironi, Titian, Van Loyden, Van der Weyden, Velasquez.

Вечером приехал к нам Владик. Дима сегодня выпил водки, сто пятьдесят грамм. Эдинька учил меня упражнениям, чтобы не толстеть. Я уже третий день делаю всякие упражнения, надолго ли меня хватит?

3 июля 1969 г., четверг.

Я не ходила в мастерскую, обдeldывала непрерывно и бесконечно хозяйственные делишки. Зуб мудрости, сволочь, снова начал вылезать справа, никак не вылезет. Я уже опухла, и болит. Дима уехал в мастерскую один. Ездил в комбинат за договором по Волгодонску. Зашел случайно в салон «Искусство», где продают всякие произведения для иностранцев. Там полно работ Лемпорта, Силыса, ни одного иностранца, и вообще, эти вещи никто не покупает. Иностранцы умные – они хотят тратить свою валюту не за то, что прошло через наши художественные советы, а выбрать самим по мастерским у художников то, что нравится. Но наши на это не идут. Таким образом, все остаются при своих: наш никому не нужный ширпотреб – у нас, а доллары – у иностранцев. Советская власть едина во всех своих проявлениях, глупость превалирует. Вечером нас навестили старики Добросердовы вместе с представителем жилищной комиссии Соколовым-Скала. Старушка проявляла какое-то неудовольствие, что где-то протекает, что-то запущено, нет ли клопов, как ей увязывать бутылки, и всячески хотела это дело тянуть, а Дима упорно настаивал, чтобы они не тянули и поскорее увязывали свое барахло, а мы – свое. Вроде бы договорились. Старик симпатичный и более сообразительный, чем старушка. Он понимает, что тянуть – для всех хуже, и особенно для них. Вдруг с нами что-нибудь случится, или мы возьмем и выйдем из кооператива, а так они уже будут целиком в этой квартире, которую им предназначила жилищная комиссия, и попробуй их оттуда выпереть. Нам тоже неизмеримо лучше быть в отдельной квартире, чем в коммунальной.

Марина после разговора с Димой ведет себя как штык. Дима говорит, что сейчас стало гораздо лучше, и работает она лучше, и смотрит с симпатией. Странная девка. Деньги, которые Дима ей уплатил за «Эйнштейна», уже пошли на бразильскую революцию. Марина отовсюду достает ему деньги, так как он совсем без них, ейный хахаль. Он, конечно, наш человек, шпион, но ему до черта надоела революция, и больше всего он хочет жениться на Марине и поселиться здесь навеки, а ему не дают. Шпионы сами себе не принадлежат. Тем не менее в Бразилию он возвращаться не хочет, здесь его не оставляют, и он собирается жить в Европе, в ФРГ. Дима тут же сделал предположение, что наши засылают его в ФРГ, чтобы он там на нас работал во имя коммунистического светлого завтра в Бразилии. Марина очень страдает, но как только революционер-агент отчалит в Европу, уйдет в турпоход вдвоем с простым советским человеком, который в течение всего романа с бразильцем Марину не покидал, из чего мы с Димой предположили, уж не специально ли он был там третьим по особому заданию. Возможно, что мы ошибаемся, но наше КГБ тоже не лыком шито, всякие штуки придумывает.

Никсон посещает Румынию.

4 июля 1969 г., пятница.

Добросердовы начали переселяться. Мы тоже. Перебирали, сортировали книги, половину макулатуры выбросили. К вечеру устали, но все-таки поехали в подвал. Сдали белье в прачечную, сварили рисовую кашу и провернули мясо через мясорубку. Снова на два дня Дима переходит на жидкое питание, потому что протез трет в одном месте, и Леонид Маркович не велел носить его два дня, чтобы лучше подогнуть. Дима так уже привык к своим роскошным зубам, что без них чувствует себя как голый. До этого ходил совсем беззубый, шепелявый почти два месяца и совершенно не комплексовал, чувствовал себя спокойно и даже гордо. Владик успел дать ему прозвище «Дед Щукарь». Теперь же он совершенно не может без зубов, полюбил их, как часть самого себя.

Вытащили с лопатой два скульптурных портрета, которые я вдруг ни с того ни с сего слепила 12 лет тому назад. Это я и Дима. Я только сейчас поняла, что это хорошие получились портреты. Дима же от них в совершенном восторге. Я же тогда вылепила так просто, бессознательно, люди вокруг лепили и мне захотелось. Дима говорит, что он перед этими скульптурами остается в восхищении так же, как перед произведениями искусства древнего человека. Дима считает, я очень способный человек ко всему, но педагогика – самое органическое мое дело, и еще он говорит, что, может быть, я стану хорошим писателем.

5 июля 1969 г., суббота²⁰¹.

Сегодня Юлька писать не может. Она даже вообще хотела отказаться от писания дневника. Дело в том, что у нас не всегда и не всё идет гладко. Мы довольно часто ругаемся и даже говорим друг другу грубые отвратительные слова. Даже потом не верится, что это мы говорили. Ругаемся всегда из-за пустяков, из-за серьезных вещей мы не ругались еще ни разу. Юльке кажется, что если не писать об этой стороне нашей жизни, то дневник получится лживый, но я думаю, что это не так. Когда я перечитываю дневник, я даже не могу вспомнить о наших ссорах – из-за чего, почему? Я думаю, что будет лживо именно, если писать об этом идиотизме, когда два человека, любящих друг друга, в периоды обострения своих болезней (у Юльки сегодня снова режется мудрый зуб, а у меня болит сердце и колотится уже две недели подряд, я даже ночами просыпаюсь от сердцебиения) говорят друг другу гадости. Самое же главное – это то, что Юлька пишет ежедневно о нашей жизни, о том, что мы делаем, о наших друзьях и недругах. Завтра переезжаем на новую квартиру.

6 июля 1969 г., воскресенье.

Мудрый зуб болит, сил нет. Вчера я Диму доводила, ему было плохо с сердцем. Сегодня сама дошла. Целый день переезжали. Завтра, наверно, всё окончательно перетащим и заночуем на новом месте. Соседи тоже хотят побыстрее перебраться. Я дошла до кондиции. Опухла дико, под глазами черно, вся желтая и постаревшая. Напиваюсь пятерчаткой и полощу рот. Иногда есть просветы, не болит, а потом снова. Так у меня, пожалуй, в первый раз болит. Дима говорит,

²⁰¹ Записи рукой В. Сидура.

что у меня тоже глаза сделались прозрачными от боли, как у него тогда в майские праздники. Завтра после переезда пойдем к Леониду Марковичу, так худо сделалось, что хочу лечиться. Более того, у меня все время есть желание взять бритву и резануть по своей десне, чтобы сразу мне стало легче.

Эдинька очень нам помогал. Эдинька, хороший мой мальчик, как хорошо, что ты у нас есть. Димка волнуется, что родители не дают о себе знать. То-то они удивятся, также, как и моя мама, когда узнают, что мы уже живем в другом доме, в отдельной квартире, на восьмом этаже.

7 июля 1969 г., понедельник.

Ночуем на новом месте. На полу всё разбросано, с трудом отыскиваем самое необходимое. Но все равно невероятно довольны. Нет и не будет соседей, проклятого коммунального прошлого. Эдинька устал с нами тоже. Всё было бы хорошо, если бы не проклятая «мудрость», рождающаяся во мне с такими муками. Уже третий день болит, то тупо, то невыносимо, а к Леониду Марковичу не поехали, сил не было. Другей у нас много, а помочь вроде бы кроме Эдика, никто не может. Дима волнуется за родителей, потому что они ничего не дают о себе знать. Завтра пошлем им телеграмму. Они обалдеют, что мы переселились, а что с моей мамой будет – вот, кто изумится, как в кино!

8 июля 1969 г., вторник.

Не выдержали сегодня, сразу же побежали к Леониду Марковичу. Сначала не могли найти такси, потом не могли найти саму поликлинику, потому что сняли буквы – Димин ориентир. У врача мне было больно, после очень больно, сейчас тоже больно, но уже меньше. Опухоль тоже меньше, но тошнит от лекарств.

Марина отправляется в турпоход завтра. Эдик мучается, что папина машина барахлит. Мы ночью с трудом вставили пружины в рычащий холодильник, и он успокоился. Дима отослал родителям телеграмму. Обживаем квартиру. В мастерской прохладно как в раю.

9 июля 1969 г., среда.

Смотрю на мир больными глазами.

11 июля 1969 г., пятница.

Всё болею, пью анальгин с аспирином регулярно, на этом и держусь. Новую квартиру уже освоили. Хорошо все-таки иметь свою собственную квартиру без Галочки. Вчера я не записала, мы были у Юнны Мориц. Она только что вернулась из больницы. Мы вернулись в четвертом часу ночи и мне было не до записей. Юнна очень возбуждена, у нее сильно дрожали руки, но в общем, она полна энергии, страстности. <...> У нее, как всегда, железная воля, ясная голова, острый язык. Рядом как тень бродила ее сестра, иссохшая старая девушка с тихим голосом и сильным киевским акцентом, так что ее с трудом можно было разобрать. У Юнны в гостях был Сергей Дрофенко²⁰², молодой поэт, с какой-то

²⁰² Дрофенко Сергей Петрович (1933–1970) – поэт, журналист. В 1960-х гг. заведующий отделом поэзии журнала «Юность».

Зинаида Ивановна и Абрам Яковлевич Сидур в Алабино (1969). Фото: Эдуард Гладков

девушкой. Дрофенко был уже сильно пьян. Он, наверно, неплохой парень, Дрофенко, и стихи у него в «Юности» были напечатаны неплохие. Еще был один парень, Георгий Ашкинадзе²⁰³, неприятный, хотя он рассказал, что у него два года назад, в возрасте 29 лет, был инфаркт, и его приговорили к смерти и он чудом выжил. Сейчас он курит как паровоз и поправился на 15 кг, а до инфаркта много лет подряд занимался боксом, был в хорошей спортивной форме, потом резко бросил спорт, а потом у него сделался инфаркт.

13 июля 1969 г., воскресенье.

Приехали из Алабино на Толиной машине. Оксанчик тоже приехала с нами. Безумно замечательный ребенок. Родители радовались неповторимо. Особенно Зинаида Ивановна. Провели длинный прекрасный день. Толя с Милой и Оксанчиком уехали, а мы остались. Зуб у меня болит нудно и упорно, но терпимо.

Юнна сильно изменила наше отношение ко всей <...>²⁰⁴ и расстроила, рассказав кое-какие новости. <...> привязать Леву к окну, он не лег ему на ногу и не стал висеть на ней, лишь бы не дать человеку упасть. Юнна сказала: «Если бы у меня была подобная ситуация, и это был бы даже не близкий мне человек, я не дала бы ему упасть, или выпала бы вместе с ним». Итак, Феликс растерялся. Он побежал за помощью, когда Лева уже шмякнулся о мостовую.

14 июля 1969 г., понедельник.

Феликс не стал звонить по телефону в скорую помощь, а стал на улице ловить машину. Ему это долго не удавалось, наконец, он остановил милицескую машину, и милиция сама вызвала скорую помощь. Стоя над телом Левы, Феликс объяснил следователю: «Он алкоголик». <...> Когда Юнна спросила: «Зачем ты это сказал?» Феликс ответил: «Я не соображал, что говорю, к тому же я защищался». Снова Феликс растерялся, не соображал, что говорит, не поехал с Левой в больницу, а остался в квартире, потому что ему так сказал следователь. В больнице Лева умер от болевого шока. Очень странно, что вскрытие не показало алкоголя в его крови. У него был перелом на пояснице и легкий разрыв печени. Юнна утверждает, что если бы ему оказали помощь сразу, он бы не умер. А ему ничего не сделали, потому что пострадавшим от несчастных случаев алкоголикам у нас не оказывают помощи в первую очередь. Лева умер. <...>

Феликсу позвонил бывший муж Лидии Петровны²⁰⁵ писатель Бек²⁰⁶ с просьбой взять на квартире Левы костюм, так как не в чем было его хоронить. Феликс, не задумываясь, отдает ключи от квартиры. Бек забрал не только костюм, но и все рукописи и фотографии и отвез их Лидии Петровне, матери Левы, к которой тот довольно прохладно относился.

15 июля 1969 г., вторник.

Мы вернулись из Алабина. Дождь, холод, резко после 30-градусной жары.

²⁰³ Ашкинадзе Георгий Александрович (р. 1937) – поэт, переводчик восточной поэзии.

²⁰⁴ Записи 13 и 14 июля 1969 г. сохранились лишь в копиях, при этом оригинал, сделанный карандашом, скопировался плохо, этим вызваны пропуски в тексте.

²⁰⁵ Тоом Лидия Петровна (1890–1976) – критик и переводчик с эстонского. Мать Леона Тоома.

²⁰⁶ Бек Александр Альфредович (1902–1972) – прозаик. Отчим Леона Тоома.

16 июля 1969 г., среда.

Получили из Братиславы телеграмму, где Диму спрашивают, когда он собирается приехать на международный симпозиум в Словакию. Завтра напишем отказ. Получили книжку Дюлы Ийеша, иллюстрации к которой Дима сделал года четыре тому назад²⁰⁷. Книжка испохаблена донельзя. Обложка, где должно быть четыре цвета, имеет только два – серый и черный. Из рисунков внутри только один приличный – скрипач. Видно, что с художником долго и плохо поработали.

Заходил к нам Петя Якир, сильно выпивши. Бородатый, с пузом, в грязных штанах и с рюкзаком за плечами. Он только что вернулся из Сибири, виделся с Павлом Литвиновым и с Ларисой <Богораз>. Лариса очень больна, весит 45 кг. У нее язва, гастрит, а главное – ей надо с кем-то общаться. Петька говорит, что они ее там показали врачам, добились, чтобы ее перевели на легкую работу. Между собой все друзья договорились, чтобы туда ездить по очереди. Павел, наоборот, прекрасно выглядит и себя чувствует. Купил себе старый мотоцикл, отношение к нему хорошее. Петька никак не может забыть Лемпорту и Силису, что те отказались взять на работу Юлика Кима. У Юлика дела плохи, он как прокаженный. Людей, которые хотят помочь опубликовать или поставить его пьесы тут же увольняют с работы²⁰⁸. Уходя, Петька сказал Диме: «Увидишь Лемпортов, скажи им, что они говнюки». Марченко сейчас должны снова осудить на три года. Судить его будут якобы не за книгу «Мои показания», а просто возьмут из лагеря 3–4 свидетелей-уголовников, которые скажут, что он клеветал, антисоветчик и т. д.²⁰⁹

<...> Дима сказал про Феликса: «Он очень большой трус. Такие люди из трусости могут наделать очень много беды». Феликс не сумел спасти Леву, хотя у того в комнате торчала нога. И надо уж было ухватиться за эту ногу и висеть на ней до конца. Феликс сказал над телом умирающего Левы, что <...> он алкоголик. Он не поехал с ним в больницу, послушав следователя, поэтому Леве, как алкоголику, не оказали вовремя нужной помощи, а если бы слевой кто-то был, он мог бы добиться этой помощи. Феликс отдает ключи чужим людям, зная, что Юнна в больнице и никто не имеет права заходить в ее квартиру. У него просят ключ, чтобы взять костюм. Феликс не едет с друзьями Левы на квартиру, где сам бы отдал костюм, запер квартиру и уехал. В результате эти «друзья» забирают всё, что их интересует, а именно – рукописи и Левы, и Юнны, фотографии и т. д. Квартира фактически разграблена. Наконец Феликс, который больше всего думает о том, что ему надо защищаться, что у него четверо детей, отдает интимные письма жены своего друга главному кагэбешнику Союза писателей²¹⁰ <Ильину>.

²⁰⁷ Имеется в виду выпущенный московским издательством «Прогресс» сборник венгерского поэта, прозаика, драматурга, эссеиста и публициста Дюлы Ийеша (1902–1983). В. Сидур выполнил обложку и четыре рисунка.

²⁰⁸ Для того, чтобы иметь возможность осуществлять пьесы, сценарии и т. д., Юлий Ким с 1969 г. стал подписывать свои произведения псевдонимом Юлий Михайлов.

²⁰⁹ По предъявленному обвинению по статье 190–1 УК РСФСР («распространение клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй»), 22 августа 1969 г. он был приговорен к двум годам лагерей.

²¹⁰ Речь идет о секретаре по оргвопросам Московского отделения СП СССР (в 1956–1977) Викторе Николаевиче Ильине (1904–1990). В 1937–1938 гг. следователь, комиссар госбезопасности, позже генерал-майор КГБ в отставке, «Почетный чекист», он был приставлен к писателям (секре-

Дима сказал Юнне: «Если ты будешь его преследовать и разоблачать, он почувствует себя жертвой и тогда из трусости может наделать очень много беды. Ты не должна сейчас им поглощаться. Самое лучшее – это молчать. Вот этого Феликс не выдержит и будет писать тебе письма с объяснением, как всё это происходило». Юнна жаждет только одного – мести. Она вся горит от жажды деятельности и от злости.

Наши знакомые засранцы и главный кретин Слуцкий вместе с Шуплецовым, Грибановым²¹¹ и Дзэиком Самойловым вдруг вознамерились издать Левино творчество. Юнну они решили исключить из этого совершенно. Невероятные сволочи! Юнна сказала также, что Слуцкий предложил Антокольской, первой жене Левы²¹², чтобы памятник Леве делали Лемпорт и Силис, это более чем странно. Лева не любил Лемпорта, они с Юнной выбрали себе в друзья Диму, хотя когда-то Лева учился с Лемпортом в одной школе. Юнна хочет, чтобы памятник делал Дима. Урну с прахом хотят захоронить в Переделкино. Снова Дима с Лемпортом, Силисом вступают в конкурирующие отношения. Это очень противно. Единственно, зная, насколько это мутное дело с памятником, может быть, да и скорее всего, ничего из этого не выйдет. Но Дима сделал бы Леве хороший памятник, потому что мы взаимно очень хорошо друг к другу относились.

17 июля 1969 г., четверг.

Дима с Эдиком ходили на выставку Глазунова²¹³. Глазунов – стукач, все об этом знают, но не без способностей. Диме понравились некоторые коллажи. Потом они зашли в Музей Пушкина напротив, где выставлена древняя японская скульптура. Дима говорит, что после Глазунова преимущество вечного искусства особенно наглядно.

Я спала, пока они бродили. Ёж наш несколько дней ничего не ел, вчера он наконец вылез и попил молочка. Дима говорит, что его необходимо выпустить на свободу, потому что в мастерской пахнет, как в зоосаде, и он не может работать. У нас скоро развалится унитаз – из-за того, что мы заваливаем его на ночь камнями, он дал трещину. Дима замотал его проволокой на деревянных клиньях, и теперь унитаз весь топорщится, как поп-артовская скульптура. Сегодня заходил инженер-канализатор. Димы с Эдиком не было. Пришел инвалид с палкой, высокий человек с очень значительным лицом и перекоруженной фигурой. Не застав хозяина, решил «поглядеть искусство». Человек очень простой, хоть

тарем творческого союза *по вопросам* мог стать только партийный функционер или сотрудник госбезопасности), собирал среди прочего сведения на тех литераторов, которые передавали свои сочинения на Запад, организовывал против неугодных кампании, добивался исключения диссидентов из Союза.

²¹¹ Грибанов Борис Тимофеевич (1920–2005) – литературовед, прозаик, переводчик. В 1966–1982 гг. работал в издательстве «Художественная литература» заместителем главного редактора, заведующим редакцией «Библиотека всемирной литературы».

²¹² Антокольская Наталья Павловна (1921–1980) – художник-график, иллюстратор книг для детей.

²¹³ Персональная выставка художника проходила в Доме культуры и техники на Волхонке, 13. Примечательно, что тридцать пять лет спустя, в 2004 г., это здание целиком было передано «Московской государственной картинной галерее Народного художника СССР Ильи Глазунова».

и прораб, он говорил очень интересно: «Очень у этого скульптора большое своеобразие». А еще до этого он сказал: «Небось у вас машина своя тут стоит. Вон сколько я скульпторов знаю, у всех машина». Я ему ответила: «У тех в мастерской пусто, они что сделают, сразу продают и машины покупают. А у нас все вещи здесь стоят». – «Что ж он не продает?» Я не нашла ничего лучшего, как сказать: «Общество пока не принимает, не доросло». Он смотрел очень внимательно и только повторял: «Да, большое у него своеобразие. А сколько ему лет?» – «Сорок пять. Это вот вы смотрите на скульптуру из серии “Инвалиды”». – «Я уж вижу. Я сам инвалид. Как его фамилия?» – «Вадим Сидур». – «А какой он национальности?» – «Наполовину русский, наполовину еврей». Мне показалось, что у него в глазах что-то промелькнуло. А может быть, мне только показалось, мы на этот счет люди настороженные. «Небось в правлении в его не очень всё это нравится». – «Да, они любят другое». – «Тяжело ему, очень уж у него вкусы свои». – «Да уж, конечно, свои, а не чужие». Мне понравился этот человек. Явно хороший человек. Я не думаю, что он антисемит. Мне понравилось его любопытство и, как это ни странно, понимание и уважение и к труду художника, и к «своеобразию». Его зовут Егоров Михаил Васильевич. Уходя, он мне сказал к кому обратиться насчет поломки и пообещал содействовать.

Вечером мы были у Марины, преподавательницы из университета²¹⁴, которая только недавно вернулась из Дании, где она была по обмену. Мы были вместе с Левитанскими. Датчане считают нас варварами, которых надо бояться, как идиотов, которые сами не понимают, что они творят. Марина привезла Диме фломастеры и каталог эротического искусства. Мы прослушали пластинку Булата Окуджавы, записанную во Франции. Меня песни эти разочаровали, они показались нам с Димкой очень сладкими, он, наверно, чересчур старался. Потом слушали музыку к кинофильму «Доктор Живаго»²¹⁵. Марина очень хочет общаться.

18 июля 1969 г., пятница.

Приехала моя мама, жаждет увидеть квартиру. Дима уже начал рисовать новыми фломастерами, сделал два рисунка. Вечером к нам пришли Марина из Дании с мужем и Левитанские с польской выставки²¹⁶. Дима сильно огорчается из-за зубов, верхние недостаточно плотно прилегают.

19 июля 1969 г., суббота.

Мне стукнуло 29 лет. Дима пошел с Владиком смотреть какие-то говенные фильмы. Мама приехала на Масловку и одобрила квартиру. Вечером пришли

²¹⁴ Имеется в виду Гореликова Марина Ивановна – лингвист, на протяжении многих лет одна из ведущих преподавателей кафедры русского языка для иностранных студентов гуманитарных факультетов МГУ.

²¹⁵ Американский художественный фильм 1965 года (реж. Дэвид Лин), получивший пять премий «Оскар», в том числе за музыку, которую написал композитор Морис Жарр. В 1966 г. в США (фирмой *MGM*) была выпущена пластинка с саундтреком, имевшая невероятный успех и ставшая лидером продаж.

²¹⁶ В июле 1969 г. в Москве была открыта «Польская юбилейная промышленная выставка», одновременно развернута «Выставка группы польских художников-реалистов».

Юлия в мастерской. Фото: Эдуард Гладков.

гости. Кларочка выдала замуж свою ненаглядную Леночку и отправила ее с мужем в свадебное путешествие. Она пришла вместе с Валькой, Эдиком и учительницей Натальей Васильевной. У них всех было похоронное настроение. Моя мама, конечно, задавала бестактные вопросы: «Небось вы, Кларочка, рады, что дочку замуж выдали?» Эдик был неприлично хмур – то ли заморен, то ли чем-то неудовлетворен. Дима очень раздражен, что время идет бездарно, дело не идет, книжку Гараи делать тошно. Его сильно мучает протез – верхняя челюсть недостаточно прилегает, это невероятно травмирует, хотя где-то он полагает, что это психоз. Мне же кажется, что ничего он не выдумывает, и эта проклятая челюсть действительно барахлит, и надо снова идти к Леониду Марковичу.

Потом эти гости сменились другими. Пришла наша соседка Алла-журналистка со своими друзьями, очень симпатичными ребятами. И, наконец, Володя Бураковский подрос с бутылками. Они с Аллой напились как следует и были довольны.

20 июля 1969 г., воскресенье.

Только что американские космонавты прилунились. «Америка открывает Луну», – как сказал один английский обозреватель. Браво, Америка!

С утра мы с Димой поругались на старые хозяйственные темы. Потом приехали в подвал, где Дима рисовал, а я пребывала в тоске. Неожиданно приехали Владик с Нелей. Просидели с нами целый вечер. Завтра приезжают Гинзбурги.

Александр Дубчек дал интервью западной журналистике. Он повторил всё, что говорил раньше. Он за социализм с человеческим лицом, он никогда не был за антисоветизм, он любит людей и верит в свой народ. Это интервью появилось в лондонской «Таймс». А Гусак сейчас что-то замолк.

21 июля 1969 г., понедельник.

Что-то с Эдиком. Дима считает, что его сильно изменила машина. <...> Сегодня он до вечера чинил свою машину, появился на час, проспал прямо при свете, при радио полчаса и уехал.

Дима в совершенном восторге от американских космонавтов. Би-би-си и Канада сообщили, что только Советский Союз и Китайская Народная Республика лишили своих телезрителей этого невероятного зрелища. Наши лишний раз доказали, какое они мелкое говно. Американцы притащили на Луну медаль с изображением советских и американских космонавтов, которые погибли. Единственно, что теперь ясно всему миру, что наши отстали, и очень-таки сильно.

Приехал мой брат Сева и увез ежа прямо в сумке. Это наш подарок моим племянницам. Теперь ёж будет жить на даче в Мамонтовке. Мы сегодня много успели. Приходил канализатор Михаил Васильевич. Мы с ним выпили немного коньячку. Договорились с его работягами насчет раскопа. Один из рабочих говорил, глядя на скульптуру: «Это же надо, сколько кропотливости надо, терпения, труда». Я заметила, что работяги всегда очень уважают за труд, если даже им понятно.

Дима выклеил красивую обложку к книжке Гараи. Вечером пришли Алик Киселев, шумный, с подвернутой ногой. Огорчился, когда увидел Диминову фамилию в программе австралийского телевидения. Мы даже засмеялись и сказали, что он еще молодой и у него всё впереди. Его поразило окружение – Тициан, Пикассо.

22 июля 1969 г., вторник.

Только сегодня удосужились отправить в Братиславу телеграмму с отказом от поездки на симпозиум. Гусак – невероятное дерьмо.

С утра приходил сосед снизу. На них течет из нашей ванны. Долго ждали слесаря, наконец он пришел с еще одним мужиком. Слесарь этот был такой наглый, что Дима тут же с ним поругался, тем более что мы спешили в мастерскую, а этих слесарей прождали больше, чем полтора часа. Вечером я собрала тряпкой из-под ванны почти ведро воды, которая непонятно, через что туда протекает и потом льется на голову соседям. Дима сам хочет обмазать щель, через которую, как нам кажется, просачивается вода. Дима до всего вынужден допираться своим умом. У нас везде такие умельцы, что только держись! Оказывается, Дима всю ночь просыпался и думал о том, что предложенный вариант раскопа в мастерской для ремонта канализации, чтобы нас не затопляло, будет еще хуже, чем сейчас. Сегодня это подтвердил пришедший прораб, и пришлось срочно вы-

бирать другой вариант. Я думаю, если бы Дима не сообразил или это я была на его месте, нам переделали бы не так и потом наши мучения увеличились бы в тысячу раз. До чего плохо наши люди тумкают в своем деле. Эдик постепенно отходит, но органическое изменение, которое в нем наметилось, прогрессирует с каждым днем. К подвалу он уже почти не испытывает никакого интереса. Раскоп его совершенно не интересует, когда Дима говорил о том, что, может быть, стоит посмотреть другой подвал, которому не угрожает собес, у него в глазах было полнейшее равнодушие.

23 июня 1969 г., среда.

Звонили нам с симпозиума из Братиславы. Получили Димину телеграмму и еще раз спрашивали, почему он не приезжает. Дима ответил, что плохо с сердцем. У Эдика сегодня было хорошее настроение. Канализаторы уже приволокли трубы и старую задвижку. Мы заезжали в издательство «Детская литература». Почти всем понравилась обложка к книге Гараи, но некоторые привычно боятся, как бы не намылили шею, хотя ничего особенного нет в этой обложке.

Снова домой к нам приходили слесаря, но уже другие. Заказали трубу, а вечером Дима сам замазал цементом стенку по борту ванны.

Приехали Гинзбурги из Карелии. Нина через два дня снова уезжает на юг, а Витя остается.

24 июля 1969 г., четверг.

В подвале сняли доски на полу, докопались до трубы, и сегодня же нас затопило, правда, не сильно. К вечеру пришла Шура-дворничиха с инженером. Она была настроена примирительно. В щитке, где пробки, Эдик оставил какую-то хренацию. Инженер ухватился за нее, она была горячая. Он тут же сказал, что у нас сегодня мог бы быть пожар. Диме было ужасно неловко, но он сделал вид, что это была какая-то случайность. Потом они ушли. Эдик в это время лежал под машиной, он с самого утра под ней лежал. Дима сказал ему про шнур, тогда Эдик ответил: «Я по твоему совету оставил его болтаться». Дима очень сильно рассердился, но сдержался и спокойно сказал Эдику, что у того давно появилась тенденция многие свои оплошности объяснять тем, что это посоветовал Дима или что раньше Диме нравилась эта фотография, а теперь не нравится и т. д. Дима говорил очень твердо и на Эдика это произвело впечатление. Подоспела бледная Валька и они втроем пошли в кино смотреть дурацкий французский фильм «Девушки из Рошфора»²¹⁷. Я работала над своей пьесой «Шестидневный поход». Приехала толстенькая Наташа Епифанова. После кино поехали на Эдиковой машине к нам домой. Ребята сидели у нас до одиннадцати.

25 июля 1969 г., пятница.

Приехали в мастерскую, а там свет горит. Мы думали, что это Эдик не уехал в командировку, оказалась Марина. Похудевшая, смуглая, с большими

²¹⁷ «Девушки из Рошфора» (*Les Demoiselles de Rochefort*) – музыкальный художественный фильм 1967 года, реж. Жак Деми, музыка Мишеля Леграна, в главной роли Катрин Денёв.

зубами. Жила две недели в палатке с молодым человеком, спала с ним в одном мешке. Продукты у них съела корова, и было голодно. Я сварила пожрать, Марина ела так, как будто ее год не кормили. Мне было приятно, что она рубала с таким удовольствием.

Работяги себя не утруждают, роют в нашем подвале самое большее часа по два. У нас уже второй день ковыряет добродушный толстяк Петро. Он всё изумляется, как Дима делает скульптуру из всяких ржавых железяк. Очень хорошо, что он сам проявляет инициативу. Сегодня за трояк приволок три чугунных штуки, Дима ужасно доволен. Петро невероятно удивляется: «Надо же, а по мне валяются они и ничего в них интересного». Тем не менее, когда Дима с ним ходил отбирать обрезки труб, он всё пытался подобрать ему поизящней. Место, где засоряет, до сих пор не нашли.

Дима сейчас рисует каждый день датскими фломастерами. Звонил Абрам Яковлевич, у него повысился сахар в крови. Дима не сумел дозвониться врачу, придется ждать понедельника. Вечером пришла одна старая знакомая – Наташа, диктор на вьетнамское радио. Хочет подарить своему любовнику, вещающему на Турцию, какое-нибудь произведение, касающееся Назыма Хикмета. Готова платить довольно большие для нее деньги. У нас это почти невероятно и потому достойно уважения. Если даже и ничего из этого не выйдет, само желание – уже очень приятный факт. Наши богатеи сто раз купят какую-нибудь тряпку, чем картинку или тем более скульптуру.

26 июля 1969 г., суббота.

Я закончила пьесу «Шестидневный поход». Дима меня похвалил и я ужасно обрадовалась. Мне очень важно его одобрение. Сегодня была жара. С утра день начался плохо. Поехали на такси, взяли с собой бабу, которая ехала на Казанский вокзал. Мы сели первые, но шофер повез сначала бабу, Дима очень рассердился. Мы хотели выйти из машины, полаялись с бабой. Шофер повез тетку первую не со зла, просто он счел, что мы не возражаем. В отвратительном состоянии приехали в подвал. Дима тут же начал делать Христа из жестяной консервной банки и других железяк. Я усиленно варила и ходила в прачечную. Дима поранил себе палец ржавой железкой. Но в 11 вечера отличная совершенно вещь была готова. Вечером пришли Алик с молоденькой манекенщицей Таней, обгоревшие на пляже, и Валька. Алик что-то шумел. Девочка совсем помолодела и похорошела. Валька была бледная, как всегда.

Дима сказал: «Бог простит меня за мою говнистость». Это он вспомнил, как лаялись с бабой в такси. К зубам своим протезным Дима, наверное, никогда не привыкнет. Ночью пошел дождь. Устали мы жутко.

27 июля 1969 г., воскресенье.

Сегодня снова никакой жары. Пришли в подвал и целый день пробыли в нем вдвоем. У нас был небольшой кусок оцинкованного железа, чтобы закрывать мусорное ведро. Дима вдруг его увидел, тем более что ведро я все равно им не закрываю, и выбил на нем «Богоматерь с младенцем». Потом мы ее покоптили свечкой, и очень хорошая получилась вещь. Дима возился с ней целый день, очень устал.

28 июля 1969 г., понедельник.

Канализационщики переменили трубу и поставили новую штуку под названием «Москва». Самый симпатичный из них, толстяк Петро, хотя и выпивоха. Марина была с перевязанной ногой. Женя Смагина вернулась из турлагеря, хорошенькая, самолюбивая, прочла подражательные стишки. Вечером приходила Алла Зайцева. Сейчас за ней всюду ударяет Володя Бураковский. Она принесла стихи незнакомого нам до сих пор Эдика Лимонова²¹⁸. Просто потрясающе! Молодой человек двадцати четырех лет, с женой. В Москве живет год, без прописки, снимает комнату то у одних, то у других. Талантлив удивительно. Зарабатывает на жизнь тем, что шьет брюки.

29 июля 1969 г., вторник.

Вчера Алла Зайцева рассказывала, как они с Бураковским ходили к Эрнсту. Эрнст очень хвалил Диму, говорил, что они с Димой друзья, и даже якобы сказал, что он по сравнению с Димой – ничто. Почему Эрнст начал так говорить? Наверно, почувствовал, что пришли Димины друзья.

Мы всё вспоминаем стихи Лимонова, отличные совершенно стихи. Дима выбил на алюминиевой крышке от кастрюли лик. Это уже третья такая вещь. Вечером нас навестили Витя Гинзбург с дочкой и еще одной девицей, знакомой Лемпорта и Силиса. Витя отлично выглядит. Может быть, двадцать пятого августа поедет в Принстон.

30 июля 1969 г., среда.

Писатель Анатолий Кузнецов²¹⁹ попросил в Лондоне политического убежища. Поехал туда писать книгу о Ленине и остался. Его только что ввели в редколлегию журнала «Юность» вместе с Алексиным²²⁰ и Амлинским вместо Аксенова, Евтушенко и Розова. Говорят, что хотели еще ввести Рождественского²²¹, но тот отказался. Кузнецов написал одну хорошую вещь – «Бабий Яр»²²². Меня совсем тоска берет. Дима, наоборот, настроен оптимистически.

²¹⁸ Лимонов (Савенко) Эдуард Вениаминович (1943–2020) – поэт, прозаик, публицист. С 1974 г. жил в США, с 1980 г. – во Франции, вернувшись в 1991 г. в СССР, занялся политикой.

²¹⁹ Кузнецов Анатолий Васильевич (1929–1979) – писатель, член СП СССР, член КПСС. В июле 1969 г. получил разрешение на командировку в Лондон для сбора, как он объявил, материалов о Втором (Лондонском) съезде РСДРП для своей книги о В.И. Ленине. Два дня спустя после приезда в Англию попросил политическое убежище, на родину не вернулся. Десять лет работал в лондонской студии радиостанции «Свобода».

²²⁰ Алексин (Гоберман) Анатолий Георгиевич (1924–2017) – прозаик, драматург. Лауреат Государственной премии СССР (1978).

²²¹ Рождественский Роберт Иванович (1932–1994) – поэт, автор «Юности». Член КПСС (с 1972). Лауреат Государственной премии СССР (1979) и премии «Ленинского комсомола» (1972).

²²² Оставаясь в Киеве во время немецкой оккупации, А.В. Кузнецов оказался свидетелем трагедии киевских евреев. Увиденное, а также свидетельства людей, уцелевших во время расстрелов, легло в основу романа «Бабий Яр». Даже в сильно усеченном цензурой виде роман, опубликованный в журнале «Юность» (1966, №№ 8–10), стал огромным событием. Описанные факты вызвали настоящий шок у советских читателей, так как не вписывались в официальную историю Великой Отечественной войны. В 1967 г. «Бабий Яр» вышел отдельной книгой в московском издательстве «Молодая гвардия». В 1970 г. роман без купюр напечатан издательством «Посев» во Франкфурте-на-Майне.

Вечером пришла Машка Зверева с мальчиком из Ленинграда. Она поступила на сценарный факультет ВГИКа. <...>

Американцы закинули на Марс какую-то штуку и она оттуда сигналит. А наши по всем фронтам сидят в говне. В Чехословакии уже начинаются репрессии за распространение листовок, где граждан призывают отметить 21 августа как «День позора».

31 июля 1969 г., среда.

Анатолий Кузнецов уже успел выступить с несколькими заявлениями по зарубежному радио. Уже «Свобода» передавала, что все его романы подвергались цензуре и сокращениям. А корреспонденту «Дейли телеграф» заявил, что он принял решение покинуть родину 21 августа 1968 года. Он увез с собой два новых романа, которые переснял на микроплёнку и зашил в подкладку пиджака. Это был один из более-менее «благополучных» литераторов, ругали его мало. Он прославился еще в 1957 г., написав повесть «Продолжение легенды»²²³. Нам с Димой он очень нравился по своим вещам, хотя лично мы незнакомы. Чувствовалось, что это очень честный человек. Если уж такие писатели бегут, то плохо ихнее фашистское дело. Седьмой номер «Юности» уже мало чем отличается от «Октября». Сегодня в новом печатном органе «Социалистическая индустрия» опубликовано письмо рабочего Твардовскому, где этот рабочий пеняет Твардовскому, что журнал «Новый мир» неправильно освещает нашу действительность²²⁴. Еще ранее подобное письмо было опубликовано в журнале «Огонёк» за подписью десяти писателей²²⁵.

²²³ Во время учебы в Литературном институте им. Горького А.В. Кузнецов по заданию журнала «Юность» побывал на строительстве Братской и Иркутской ГЭС, где работал бетонщиком. Впечатления от этой поездки легли в основу его первой повести «Продолжение легенды. Записки молодого человека». Напечатанная в 1957 г. («Юность», № 7), она имела большой успех, была переведена на многие языки, а театр «Современник» сделал по ее мотивам спектакль.

²²⁴ «Социалистическая индустрия» – ежедневная газета ЦК КПСС, выходила в Москве с 1 июля 1969 г. по 1989 г. 31 июля в рамках проводившейся травли «Нового мира» напечатала «Открытое письмо главному редактору “Нового мира” тов. Твардовскому А.Т.» за подписью токаря Подольского машиностроительного завода, Героя Социалистического Труда Ивана Захарова. «Подтолкнул меня взяться за перо один разговор, который состоялся недавно в цехе. Спросил меня мой товарищ, рабочий наш, про журнал “Новый мир”. <...> Стал я вспоминать, что же читал я на страницах “Нового мира” про рабочий класс за последние два года, а вспомнить нечего. <...> И еще один вопрос хочу Вам задать, как коммунист коммунисту – кто дал право некоторым Вашим авторам издеваться над самым святым чувством наших людей? Над их любовью к Родине, к дому своему, к березке русской, наконец?» В связи с этим письмом необходимо отметить, что в списках Героев Социалистического Труда имя слесаря Подольского машиностроительного завода Ивана Захарова не значится.

²²⁵ В июле 1969 г. «Огонёк» (№ 30) опубликовал коллективное письмо одиннадцати писателей под названием «Против чего выступает “Новый мир”?», где говорилось о том, что журнал «давно уже утратил представление о своем истинном месте в борьбе с чуждой идеологией», что в нем «планово и целенаправленно культивируется тенденция скептического отношения к социально-моральным ценностям советского общества, к его идеям и завоеваниям», что его критика проникнута «космополитическими идеями». Письмо подписали: М.Н. Алексеев, С.В. Викулов, С.А. Воронин, В.А. Закруткин, Ан. С. Иванов, С.И. Малашкин, А.А. Прокофьев, П.Л. Проскурин, С.В. Смирнов, В.А. Чивилихин, Н.Е. Шундик.

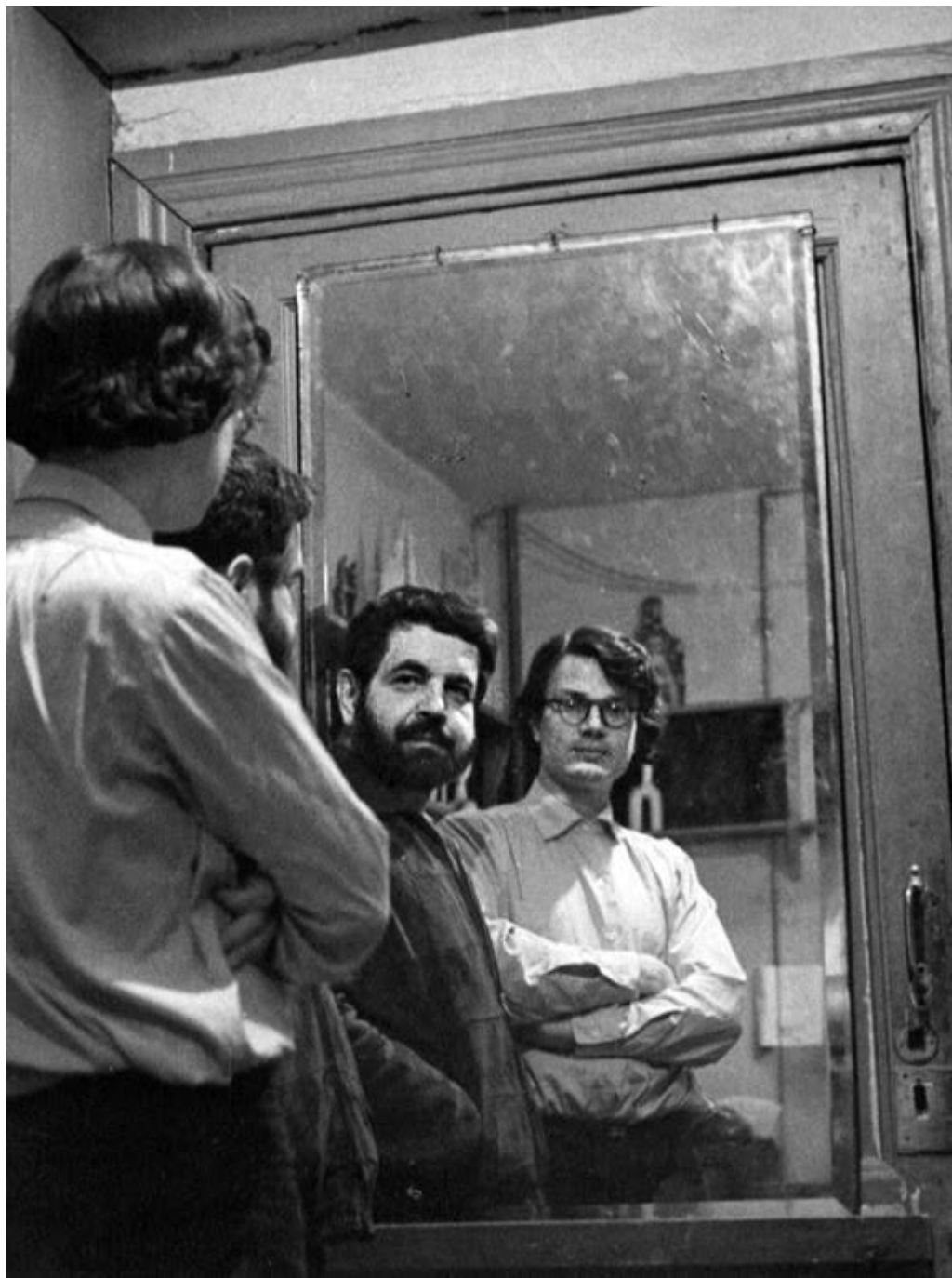
Дима изранил себе все руки, выстукивая на железках. Сегодня выгреб все прямки, а потом целый день делал «Распятие». Канализаторы не появляются уже второй день. Ясно, что ни в чем они не нуждаются, заработать не спешат. Марина Ильичева невероятно старается, Дима ей доволен. Эдик приехал, но что-то в наших отношениях надломилось и, боюсь, навсегда. Звонила Юнна, объявилась. Сказала, что все время разбирает рукописи Левы с Лидией Петровной. В «Советском писателе» у нее должна идти книжка, она хочет, чтобы Дима ее оформлял. Вечером была у нас большая молодежная компания. Боря Хазанов приехал с севера, подруги мои из школы, Алла-журналистка пришла с Эдиком Лимоновым и еще с друзьями. Лимонов – очень обаятельный юноша. Снял с Димы мерку, чтобы сшить брюки. Стихи свои отказался читать, сказал, что почитает в следующий раз. Какой-то еще парень пришел, весь опереточный, Виталий Стесин²²⁶. Он очень шумел, напился, спорил об искусстве, говорил, что скоро евреям будет совсем плохо, всех евреев сошлют на север. Такие разговоры идут беспрерывно. Дима считает, что сейчас это почти невозможно, Сталин мог это сделать, но не успел, а сейчас Сталина нет. При нынешнем «коллективном руководстве»²²⁷ подобную акцию осуществить очень сложно. Необходим фюрер, а его пока нет. Брежнев – это все-таки говно собачье, и кончит плохо.

1 августа 1969 г., пятница.

Володя Бураковский пребывает в платонической любви с Аллой Зайцевой. Вчера он признался, что несмотря ни на какие запреты, готовится сделать операцию на сердце, даже если потом ему будет очень плохо. Дима сказал ему, что если операция будет удачной, никто Володю не осудит. Эдик Лимонов шьет брюки. А у Володи кругом знакомые. Мы поехали с ним в «Дом ткани» на Ленинском проспекте. Там его принимали невероятно. Я купила Димке финский материал – черный вельвет, а нашему Эдику – рыжий вельвет. За прилавком, конечно, ни фига нет. Теперь Лимонов будет шить нам всем брюки. Алла сказала, что ему это хорошо, чтобы заработать. В такси Володя мне жаловался на свою семейную жизнь. Двадцать лет он живет с Лилей, и все время плохо – скандалы, люди они очень разные. Сказал, что у Маринки есть любовник, но его это, в общем, не беспокоит, лишь бы она вела себя прилично. Больше всего ему хочется, чтобы Лиля уехала отдыхать, а самому пожить одному. Оказывается, он не раз подумывал, чтобы уйти из дому. Володя удивительно ненадутый человек. Для своего ранга он вообще невероятно свой парень. Жалко только, что сильно пьет. Еще он сказал, что ему очень нравятся наши с Димой отношения.

²²⁶ Стесин Виталий Львович (1940–2012) – художник-нонконформист, коллекционер. В 1971 г. эмигрировал из СССР, жил в Австрии. «Когда-то мой приятель, полубезумный тип, – вспоминал о нем Э.В. Лимонов, – среди других странностей, он ходил летом в меховом пальто, и приклеивал свои уши к черепу клеем БФ. Он считал, что неприклеенные уши у него торчат».

²²⁷ Первые годы после снятия Н.С. Хрущева в советской партийной иерархической системе был объявлен принцип «коллективного руководства». Так было и в 1924 г. после смерти В.И. Ленина, и в 1953 г. после смерти И.В. Сталина. Однако всегда очень скоро новый генеральный секретарь восстанавливал собственную руководящую роль.

Эдуард Лимонов в мастерской Вадима Сидура (1969). Фото: Эдуард Гладков

Пришли сегодня канализаторы, заделали полы. Марина очень хорошо делает «Эйнштейна», очень старается, и Дима снова решил взять ее в соавторы. Дима сегодня до изнеможения делал «Распятие». Обил железными уголками два скрещенных полена и к ним прибил голову. Вещь получилась интересная. Он постепенно утаскивает многие металлические предметы домашнего обихода и не велит выбрасывать консервные банки.

Интересная вещь. Вчера был целый кагал молодых ребят, все вроде красивые, умные, но мой Дима – лучше всех и красивей всех. Объявилась Клара. Валька Эдикова дозвонилась к ней в Переделкино. Клара была в Ленинграде, уехала, никому ничего не сказав, а мы волновались.

Есть слухи, что Яхимович в сумасшедшем доме несколько раскололся. Будто бы его жена с его согласия отправила в ЦК покаянное письмо. Слухи неподтвержденные.

Анатолий Кузнецов отказался свидаться с представителями советского посольства, но согласился побеседовать с ними по телефону.

В Праге собираются принимать меры по отношению к рабочим с автомобильного завода, которые закидали камнями советскую делегацию во главе с Гришиным²²⁸. В «Огоньке» № 30 большая статья против журнала «Новый мир». Одновременно в этом же номере громадный разворот с фотографиями, посвященный американским космонавтам, высадившимся на Луне. В статье против «Нового мира» талдычат об идеологической опасности, и в то же самое время ведутся переговоры с США и ФРГ о завязывании всяких торговых и прочих связей. Погрязли, бандиты, в своих собственных противоречиях.

4 августа 1969 г., понедельник.

В субботу мы с Димой уехали в Алабино. После дикой жары наступил дикий холод. Два дня лил дождь. Мы все-таки поехали, так как уже необходимо было повидаться с родителями. Зинаида Ивановна только и мечтает о переезде в Москву. Выглядит она неважно, а главное – им там очень тоскливо. Два дня подряд мы слушали радио, в Алабине это несравненно легче, там глушение почти что не чувствуется. Мы поностью прослушали все заявления Анатолия Кузнецова, слушать его было больно. Он говорил то, о чем мы беседуем непрерывно между собой – о невыносимости существования талантливого человека в СССР, а главное – думающего и честного человека. Он написал о цензуре, которая всегда ставила его на колени, о том, что ни одно его произведение не вышло из печати таким, каким он его написал. О вздрагивании при стуке в дверь, о том, что в его письменном столе не было ящиков, чтобы, не дай бог, он ничего туда не положил, так как во время его отсутствия квартира могла быть вскрыта и подвергнута обыску. Он просил исключить его из партии, уничтожить все его произведения, так как он отказывается от них. Назвал себя конформистским трусливым

²²⁸ Гришин Виктор Васильевич (1914–1992) – член ЦК КПСС в 1952–1986 гг., с 1961 г. кандидат в члены, с 1971 г. член Политбюро ЦК КПСС (по 1986), в 1956–1967 гг. председатель ВЦСПС, в 1967–1985 гг. первый секретарь МГК КПСС. Дважды Герой Социалистического Труда.

автором. В письме к советскому правительству он просит не мучить его мать, жену и сына, и личного секретаря, не конфисковывать у них вещи, не отбирать жилища. Так как в атмосфере тотального стукачества в СССР он не мог поделиться своими мыслями о побеге ни с одним человеком, у него не было сообщника. Он клянется, что его близкие ничего не знали. Он пишет, что считает социалистический реализм реакционным, порочным, идиотским течением, особенно – принцип партийности литературы. Он больше не верит в теорию марксизма-ленинизма, как в устаревшую, примитивную и наивную, принесшую человечеству столько несчастья и грозящую новыми несчастьями. Он пишет, что дошел до точки, «когда писать не могу, спать не могу, дышать не могу». Много горьких слов написал в своих письмах этот очень честный и глубоко несчастный человек, но явно обладающий решительным характером, раз он решился на такой шаг, ради только одной цели – писать свободно и надеяться, что его произведения выйдут неизуродованными и неискаженными, «а потом, хоть убейте». Он пишет, что сможет увидиться с представителями советского посольства и протянуть им руку не раньше, чем наши войска уберутся из Чехословакии навсегда. Еще он написал, что иногда устраивал себе пир, то есть писал, что хотел, и это было подобно тому, как если бы в стране, где все ползают на четвереньках, кто-то у себя в подвале выпрямился во весь рост. Мы с Димой тут же решили, что это про нас. Это мы в нашем подвале выпрямляемся во весь рост. Анатолий Кузнецов отказывается от своей фамилии, отныне он будет подписывать свои произведения «А. Анатоль». В том потоке дерьма, который выливается на советского читателя, книги Анатолия Кузнецова, безусловно, отличались какой-то долей искренности и таланта. В 1957 г. я прочла «Продолжение легенды» и тогда мне эта книжка понравилась, тогда у меня было другое отношение к жизни. За мои семнадцать лет так сильно засирали мозги, что в тот момент очень хотелось попасть под обаяние комсомольского боевика, созданного вызывающим к себе симпатию молодым автором. Там тоже была искренность, но все-таки это была лажа. И сейчас смешно о ней вспоминать, а тогда мой брат Сева сказал, что это талантливая пропаганда, потому что почти всегда была бездарная пропаганда. Из всего, что написал Анатолий Кузнецов, более-менее прилично только две вещи: рассказ «Артист миманса»²²⁹ и повесть «Бабий Яр». Посмотрим, что он напишет и опубликует сейчас на свободной английской земле.

Мы вернулись в наш подвал, предварительно проторчав целый час в Апрелевке, потому что предыдущий поезд был набит до отказа, а мы не ознакомились как следует с расписанием, выскочили в Апрелевке, надеясь через десять минут поехать с комфортом, то есть свободно, и влипли. В подвале была Марина. Подпол подтекает, Дима из-за этого огорчился. Канализаторы не пришли устанавливать новый унитаз. В одной из мышеловок начала разлагаться незамеченная мышь. Дима целый день заканчивал «Распятие». Закончил уже в двенадцатом часу ночи, доработавшись до полного изнеможения. Заходила наша соседка Алла Зайцева и два мальчика-студента.

²²⁹ Напечатан в № 4 журнала «Новый мир» за 1968 г.

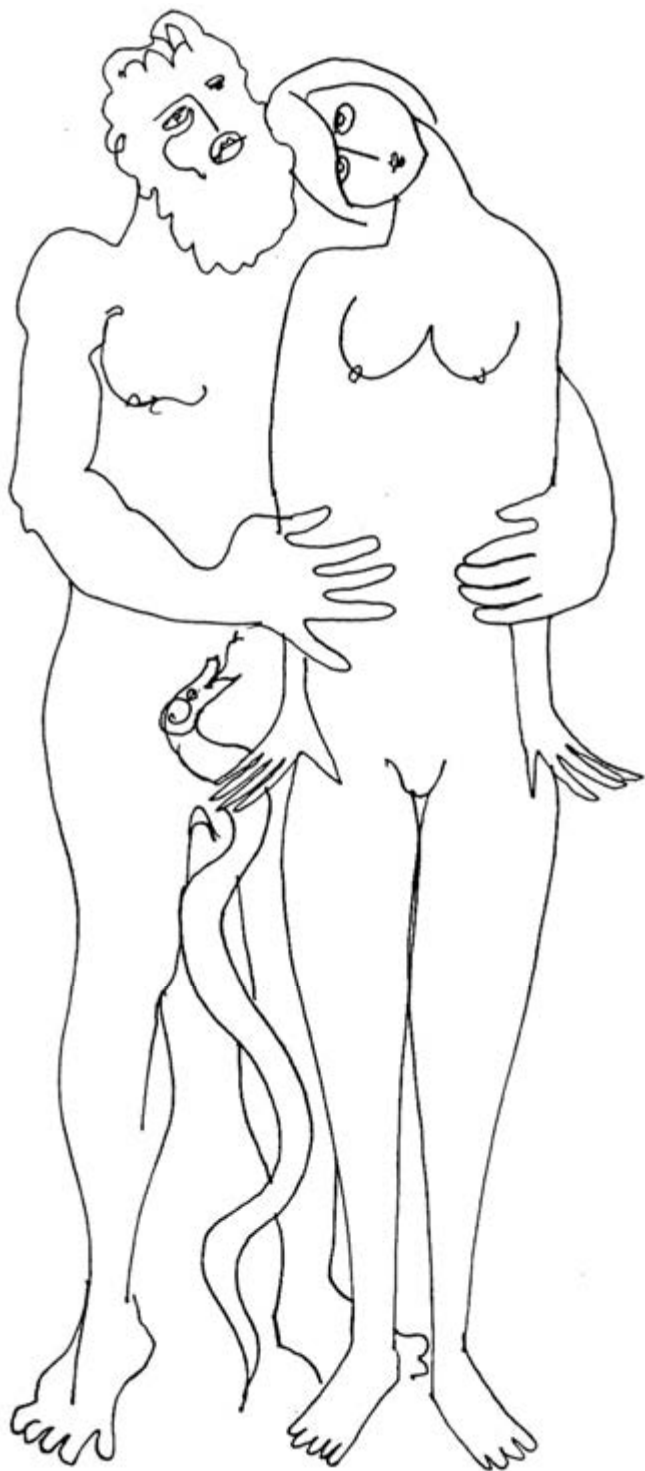

Рисунок В. Сидура (1969)

5 августа 1969 г., вторник.

Сегодня наконец закончилась канализационная эпопея. Даже не верится. Целый день дождь и холод. Вечером было много людей. Заходил Эдик Лимонов в прекрасной громадной черной кепке. Очень симпатичный малый. Вокруг журнала «Новый мир» поднимается довольно-таки мерзкая кампания. Думаю, что этот журнал доживает свои последние дни. Черная сотня резко активизировалась и скоро начнет нас душить. Но мы все равно их не боимся и не смиримся. «Свобода» уже передавала статью Полевого в завтрашней «Литературке» об исключении Кузнецова из Союза писателей. Подонок Полевой поспешил спасти свою продажную шкуру. Дай бог здоровья писателю А. Анатолию.

6 августа 1969 г., среда.

Я точно определила поведение Полевого. Кузнецов так и сказал, что он не собирается отвечать на выпады против него в СССР, а Полевой, естественно, спасает свою шкуру, так как он сам послал его за границу. Главным обвинением, конечно, является аморальность. У нас это основной козырь, чтобы оскорбить целомудрие мещанина. Разумеется, Кузнецов в Лондоне сразу же побежал смотреть стриптиз и попросил привести ему проститутку и т. д. Конечно, его обзывают Иудой, изменником, предателем, в общем, всё, как мы ожидали. Полевой, наверно, не думает, что если начнутся старые времена, его подлую шкуру обязательно попортят тоже.

Были на премьере фильма «Чехословакия, год испытаний»²³⁰ с Аллой и ее друзьями. Фильм поразителен в том отношении, что как ни старались авторы убедить зрителя, что в стране была контрреволюция и нашему отечеству грозила опасность от западногерманских реваншистов в союзе с американским реваншизмом, им это не удалось. До 21 августа – спокойная страна, радостная, абсолютно европейская, свободная, митинги, разные мнения, свободная пресса, радио, телевидение, и после 21 августа – наши танки с смурными, настороженными солдатами. Наглядная тупая азиатская сила. Тысячи проклинающих людей, в основном молодых. Они названы «обманутые». Небольшая группа просоветских стариков, поющих Интернационал вокруг нашего посла с дегенеративной физиономией и такой же речью, Червоненко²³¹. Я думаю, что этот фильм скоро пе-

²³⁰ Полнометражный документальный фильм (68 мин.), ЦСДФ, 1969 г., авторы сценария А. Колошин и И. Медведев, режиссер А. Колошин, операторы О. Арцеулов, А. Истомин и В. Ковнат. «Трудным, тревожным для Чехословакии был год 1968-й, – сообщал диктор в предисловии к фильму. – Враждебные социализму силы решили, что настал их час. Используя политическую обстановку, сложившуюся в стране после январского пленума ЦК Компартии, используя критику ошибок прошлого, они перешли в наступление. Штабные генералы НАТО и политики Бонна взяли на вооружение “чехословацкий вопрос”, снова сделали лозунгом дня старый клич антикоммуниста Даллеса: “Запад должен вернуть Чехословакию в свое лоно!” При поддержке империалистических кругов и всей западной пропаганды антисоциалистические силы в стране стремились вернуть старые буржуазные порядки. Но мощь социалистического содружества исключала военные акции империализма в этом районе мира. И враги социализма прибегли к новой стратегии: тихой контрреволюции». В 1970 г. А.А. Колошин был удостоен за этот фильм Государственной премии СССР.

²³¹ Червоненко Степан Васильевич (1915–2003) – партийный функционер, дипломат. В 1956–1959 гг. секретарь ЦК КП Украины. Член ЦК КПСС в 1961–1989 гг. В 1959–1965 гг. посол

рестанут показывать. Текст практически не действует, потому что показ начисто ему противоречит и действует невероятно сильно в обратном направлении. Интересна реакция зрителей – гробовое молчание и во время показа, и после. Только один раз смех, когда какой-то юноша бьет по танку ногой. Вся молодежь, которая не желает нормализации при оккупации, родившаяся при социализме, вся она «обманута». Когда мы вышли из кино, увидели толпы молодых людей в мини-юбках, ярко одетых, волосатых, и Дима сказал: «Куда не посмотришь, одни конрреволюционеры».

Мы вернулись в подвал, а потом зашли к Алле, благо она живет в следующем доме. Она с товарищем пишет сценарий про доярку, который редактор у них никак не принимает. Живет она в двенадцатиметровой комнате, с тремя соседями. Старый дом без лифта, четвертый этаж, довольно высоко. Показала нам несколько картинок, подаренных ей художниками, тоже молодыми. Очень слабые, Саша Махов – просто гигант по сравнению с этими. Алле очень тяжело одной. Ужасно ей хочется пробиться, но для этого надо совсем оподлеть, а она хорошая девка, умная, способная, и ей трудно.

8 августа 1969 г., пятница.

Вчера не записала. Читала дипломную работу Аллы Зайцевой. Так интересно было, что не могла оторваться. Дима ходил в кино, Юра Левитанский пригласил его в польское посольство смотреть фильм Вайды «Охотники за мухами»²³². Фильм издательский, и судя по тому, что там показывают, там все-таки лучше, чем здесь. Дима даже сострил: «Антисемитизм с человеческим лицом».

Пока Дима был в кино, я узнала про Аллу то, что меня всегда интересовало. Алла ужасно разволновалась, когда говорила. Она с семи лет сирота. Ее мать работала в Министерстве финансов, занимала крупный пост. В 1949 г. ее посадили и расстреляли. Отец, прошедший войну, инвалид, военный инженер, после ареста матери тоже был арестован, затем вернулся и был арестован вторично. Он сошел с ума, и после своего вторичного возвращения был в невменяемом состоянии. Алла находилась в детском доме в Сокольниках, где было совершенно ужасно. Она описала свою жизнь в детском доме в тетрадке, которую подарила какой-то женщине. Отец был женат второй раз, и Алла некоторое время жила в чужой семье. Отец, бабушка и тетка умерли примерно в одно и то же время у Аллы на глазах. Мачеха и другие родственники растащили всё имущество, а Аллу снова отдали в детдом. Она весь этот период приютской жизни оставалась забитым, затравленным ребенком. В 15 лет с ней случилось новое несчастье. Ехала на мотоцикле с каким-то парнем и попала в катастрофу. Алла целый год лежала в больнице, у нее была трещина в позвоночнике. Какая-то родственница забрала ее из детдома, и Алла снова жила в чужой семье. Ей было ужасно тяжело. Когда ей исполнилось 18 лет, Министерство финансов вдруг заинтересова-

СССР в КНР. В 1965–1973 гг. посол в Чехословакии. В 1973–1982 гг. посол во Франции. В 1982–1988 гг. заведующий Отделом ЦК КПСС по работе сграничными кадрами и выездам за границу. В 1988–1993 гг. советник МИД СССР.

²³² «Охота на мух» (*Polowanie na muchy*) – польский художественный фильм 1969 года, комедия, реж. А. Вайда.

лось ее судьбой. Вот тогда-то она и получила ордер на эту комнату, по соседству от нашего подвала. Несмотря на все муки, Алла сумела поступить в университет, очень хорошо его окончить, что-то понимать и чувствовать. Глаза у нее жутко грустные, даже когда смеется. Что-то Алла совсем не понимает, например, изобразительное искусство, но это у нас вообще редко кто понимает. Что-то Алла не договаривает. Нам с Димой кажется, что в ней есть что-то еврейское, несмотря на фамилию Зайцева.

Вчера в посольстве у поляков Дима общался с Евтушенкой. Тот отлично выглядит. Только что вернулся из Сибири, где виделся с директором Виктором Федоровичем <Новокшеновым>. Виктор Федорович сказал ему, что хочет, чтобы Дима для Ангарска что-нибудь сделал. После кино, когда мы с Аллой перетасили из ее жилья маленький столик под неодобрительные взгляды соседки-эпилептики (у нее целых три семьи соседей), Дима приехал. Не один, с ним были Левитанские, только что приехавшая из Польши Вера, жена поляка Дравица, Володя Войнович и Оля, жена Окуджавы. Булат болен, у него, бедняги, геморрой разыгрался, и он смотрел бокс по телевидению. Говорили о Кузнецове, самая волнующая тема. Вера рассказывала про польские мерзкие дела.

А сегодня у нас были Кларочка и Боря Хазанов. Дима сегодня очень плохо себя чувствовал. Он очень грустно сказал, глядя на маленького пацана в метро: «Подрастает новое поколение, которое всё сильнее пихает тебя к могиле». Валька, Эдик и еще одна их знакомая завтра в шесть утра уезжают на Валдай.

Анатолий Кузнецов написал французскому издателю, с которым он судился в 1965 году за то, что не так перевел роман «Продолжение легенды», что он судился под давлением, хотя перевод его вполне устраивал, и сейчас он требует пересмотра этого дела²³³. Уже какие-то тульские писатели выступили в «Комсомольской правде» с резкими нападками на него.

9 августа 1969 г., суббота.

Дима очень плохо себя чувствовал. Мы никуда не ходили. Ему было так плохо, что даже голову тяжело было поднять на подушки.

10 августа 1969 г., воскресенье.

Дима чувствовал себя лучше. Я на него сильно обиделась, когда он вылез из ванны и не тем тоном сказал, чтобы я выжала тряпку. Быстро помирились. У него вдруг неожиданно наступает такой момент, когда ему делается очень плохо, а я не всегда могу это уловить.

Вечером пришел Алик Киселев. Показал свои новые рисунки цветными фломастерами. Он сделал некоторые успехи в этом направлении, но еще далеко не-

²³³ Когда в 1960 г. повесть «Продолжение легенды» издавалась во Франции, переводчик Поль Шалей дал ей название «Красная звезда в тумане», а также сократил некоторые главы. (*Anatole Kouznetsoff. L'étoile dans le brouillard. Traduit du russe par Paul Chaleil avec l'avant-propos du traducteur. Lyon. Emmanuel Vitte. 1958*). Появление книги дало тогда повод Союзу писателей СССР и А.В. Кузнецову подать в суд на издательство и переводчика и выиграть процесс. 7 августа 1969 г. в интервью газете «Монд» А.В. Кузнецов заявил, что фрагменты, которые переводчик выбросил из повести, в большинстве были действительно чужеродными, вставленными цензурой, и что сам он готов приехать во Францию для дачи показаний французскому суду.

достаточные. Неожиданно заехали Толя с Милкой и с Оксанчиком. Толя сказал, что Эрнст к юбилею Ленина предложил свою старую скульптуру в гипсе, что-то про атом, и ее покупают у него за пять тысяч. Дима ответил, что Эрнст врет, потому что за гипс такую сумму дать не могут, просто Эрнсту нужно как-то объяснить свои доходы. Толя предложил Диме тоже участвовать, на что Дима решительно отказался.

Сегодня вдруг нас посетила вдова старого большевика, поэта Арского²³⁴, на предмет памятника. Разыскала Диму по адресному столу, такая оказалась упорная. Долго советовалась, сказала, что денег у нее нет и удалилась.

11 августа 1969 г., понедельник.

Диме было получше сегодня, но вдруг заболела язва, очень сильно. Эта язва дает о себе знать чрезвычайно редко. Мы думаем, что язва разыгралась из-за чрезмерного употребления огурцов, которые Дима теперь поглощает в больших количествах, благодаря новым зубам. Нас посетил Юра Левитанский. Он уже выпил «в одной нехорошей компании», то есть у своей знакомой бабы.

Анатолий Кузнецов опубликовал в английских газетах статью «Русский писатель и КГБ»²³⁵. Нам до сих пор не удалось услышать ее полностью, познакомились только с небольшими выдержками. В Чехословакии передвигаются наши оккупационные войска. Приближается 21 августа. Наши хотят устроить там какую-нибудь провокацию, чтобы больше оснований было для подавления. Дима сказал, что сейчас в СССР самое бездарное руководство за все времена.

Юра захотел «похлебать супчику» и сам решил его сварить. Получился великолепный суп из ничего.

12 августа 1969 г., вторник.

Нас посетил Боря Хазанов. Начинается жара. У Димы снова болел желудок, довольно сильно. Это я перекормила его овощами. Статью А. Кузнецова «Русский писатель и КГБ» до сих пор не слышали. Зато комментарии и отклики на нее слушаем беспрерывно. У Кузнецова на квартире был обыск. В Чехословакии нарастает напряжение, провокаторы готовятся.

13 августа 1969 г., среда.

Выбрались в подвал, который нас встретил грандиозным потоком. Говно подпирало дверь, и Дима нагреб его целое ведро. Тем не менее ремонтную работу, сделанную канализаторами сделать было необходимо, иначе было бы еще

²³⁴ Имеется в виду Арская Анна Михайловна, вдова прозаика, поэта, драматурга Арского (Афанасьева) Павла Александровича (1886–1967). Участник трех революций, участник Гражданской войны, автор многочисленных стихов о рабочем классе и революции, он прославился как автор слов романа «В парке Чаир распускаются розы». Похоронен на Новодевичьем кладбище.

²³⁵ 10 августа 1969 г. газета *Sunday Telegraph* опубликовала статью А.В. Кузнецова, озаглавленную «Русские писатели и тайная полиция». Автор писал, что не знает ни одного писателя в СССР, который так или иначе не имел бы дела с КГБ. Далее он признался, как в августе 1961 г., перед его первой в жизни поездкой за границу, в Париж, к нему пришел агент КГБ и заставил под угрозой отмены поездки наблюдать за другими литераторами, спутниками в путешествии. А.В. Кузнецов рассказал и о других своих контактах с КГБ.

хуже. Марина Ильичева сейчас ведет себя исключительно прилично. Хорошо, что сгинул ее чертов бразильский революционер, и она снова предана искусству. Это она известила нас о затоплении. Дима сразу же после болезни вынужден был заниматься говночисткой. Мы с Мариной посильно ему помогали. Дима решил выдать Марине еще полсотни за какую-нибудь работу до заключения заказа в Волгодонске. Хотя, какие это деньги. Димина мечта была бы платить Марине рублей 150 в месяц, но он, к сожалению, совершенно не в состоянии этого делать сейчас, да и, наверно, никогда не сможет.

Вечером нагрянула большая компания. Толя с Милой и с Шошенскими, а также молодые ребята – Алла с Володей и Машей и Никита Хубов²³⁶ – по словам Аллы, отличный кинорежиссер. В восемь часов вечера наконец-то прослушали по Би-би-си статью Кузнецова «Русский писатель и КГБ». Статья потрясающая. Кузнецов рассказывает, как сам он стал кагэбешником, хотя долго отказывался, но они и его сломали. Но все-таки, будучи не до конца подонком, он нашел в себе силы и убежал. Он даже написал ложный донос на Евтушенко, Аксенова, Гладилина, Аркадия Райкина и других, что они хотели издавать подпольный журнал «Полярная звезда». Он даже хотел написать, что заговорщики собираются взорвать Кремль, но понял, что чересчур загнул и вовремя остановился. Это, а также треп о том, что он хочет написать роман о Ленине, позволили ему выскользнуть из нашего ада. Он подробно остановился на том, как его постоянно и непрерывно преследовали кагэбешники и как постепенно он сам стал стукачом, но не смог этого выдержать и приложил все силы, чтобы удрать.

У нас разгорелся спор. Шошенские и Толя, особенно жена Шошенского, дочь писателя Зозули, жутко его хаяли. Мы были с ними не согласны, и Милка была явно на нашей стороне. Я могу понять Толю, он человек приличный и добрый, Толя – явно очень неплохой парень. Но кто мне активно не нравится – это Зозуля. Надо же сказать, что Лариса Даниэль ведет себя «глупо»! Человек, доведенный до крайнего морального и физического истощения, таскающий доски на пилораму, тысячу штук в день, подышает за справедливость, за правду, ведет себя «глупо»! Хотела бы я посмотреть на эту вшивую Зозулю в подобных условиях. Ее отец был неплохой писатель, а какой он был человек, мы не знаем, но она явно хуже своего отца, ничто, как личность, и рассуждает, как кагэбешница. Еще раньше она повторяла газетный треп о том, что Павел Литвинов развратник, устраивает оргии и так далее. Она приводила в пример Твардовского как человека, действительного борца. Мы не меньше ее любим и уважаем Твардовского, но как можно сравнивать человека другого склада, другой эпохи с молодежью, шагнувшей дальше в этой борьбе, прибегнувшей уже к открытому действию, которая идет за правду не только в тюрьму, в концлагерь, но и на смерть. Что бы Толя ни говорил, мое отношение к нему не изменилось. Во всяком случае, пока. Толя – человек честный, порядочный, добрый. Он доказал это, он воспитывает своего больного ребенка, забрав Иришку от паскуды матери. Толя нарисовал уже одиннадцать тетрадок для себя, для души. В этих тетрадочках очень

²³⁶ Хубов Никита Георгиевич (р. 1936) – режиссер, сценарист, оператор, работал в документальном и художественном кино.

неплохие рисунки, хотя он немного поздно за них взялся. И я не сержусь на него за то, что он с нами не согласен. Шошенские – другое дело. Иосиф Михайлович – неплохой мужик, но супруга его, Зозуля, явная зараза, чтобы не сказать хуже.

Эдик Лимонов привез Диме брюки из вельвета, которые он сшил. Отличные брюки. Для Эдика нашего тоже привез рыжие брюки. А Диме подарил с надписью сборник своих стихов. Стихи прекрасные. Стихи человека взрослого и мудрого.

14 августа 1969 г., четверг.

Как только встали, начали собираться в Алабино. Дима даже пошел со мной на рынок, чтобы быстрее обернуться. Пришли, начали мыться и стричься, потом Диме стало плохо, он на меня сердился, я обижалась. Потом слушали Канаду. Наконец выбрались, нагруженные, как ишаки. В Алабино поспели только в половине девятого вечера. Здесь только что прошла гроза. Родители невероятно обрадовались. Но вдруг все мы сильно огорчились – оказывается, Зинаида Ивановна и Абрам Яковлевич сожгли Димины письма к ним за несколько последних лет. Родители сильно сокрушались. Дима очень расстроился. Родители объяснили это действие тем, что в этих письмах не было ничего интересного, всё обыденное – о здоровье, о том, о сем.

Каждый день во всем мире говорят о том, что наши могут первыми начать войну против Китая.

15 августа 1969 г., пятница.

Отдыхали, ходили за грибами. Один момент Диме сделалось очень плохо, а потом ничего, оправился. Подобрали на прогулке огромную ржавую жестяную банку.

В Сибири сильное наводнение, эвакуировали население в Чите и вокруг. Газета «Красная звезда»²³⁷ написала, как наши войска победили китайских негодяев. В Чехословакии растёт напряжение. Армия и народная милиция готовятся к 21 августа. Наши хотят там спровоцировать какую-нибудь заваруху, чтобы снова влезть с танками и установить оккупационный режим. Правительство Гусака и Свободы больше Брежнева не устраивает.

16 августа 1969 г., суббота.

Ходили за грибами. Я нашла пять штук, Дима ни одного. Приходил один мужик, который носит старикам воду и иногда помогает. Его зовут Мишка Курносиков. Трезвый, он хмур и неразговорчив, спьяну – любезен и всё время повторяет: «Извините». Сегодня он пришел пьяный за тремя рублями. Зинаида Ивановна зовет его Мишель Дебре²³⁸. Три рубля он получил и ушел довольный. Очень жалеет, что родители уезжают в Москву, некому будет на пол-литра подкидывать. Дима начал делать книжку Левитанскому в «Советском писателе».

²³⁷ «Красная звезда» – ежедневная газета, выходящая с 1924 г., центральный орган Министерства обороны СССР.

²³⁸ Прозвище дано по ассоциации с именем французского премьер-министра (в 1959–1962) Мишеля Дебре (Debré), бывшим на слуху.

Слышали по Би-би-си интервью с Анатолием Кузнецовым. Человек явно на пределе, чувствуется по голосу. Настроен в смысле нашего советского будущего крайне пессимистически. Он прав, и скоро нам, наверно, будет очень и очень худо.

Китайцы, судя по их передачам, явно задрейфили. В настоящий момент они намного слабее нас. Это им не бумажные тигры, а вооруженные преступники. Они будут трепаться, а наши будут атомные бомбы кидать.

17 августа 1969 г., воскресенье.

Слушаем радио, как Москву. Не могут наши заглушить правдивый голос мира. В Брно было вооруженное столкновение между советскими и чехословацкими солдатами. Наших убито 30 человек, чехословаков – шесть или семь. Началось всё из-за того, что чехословацкий офицер отказался выполнять приказ советского офицера и был убит им выстрелом в спину. 21 августа наступает через четыре дня.

Комментатор радиостанции «Свобода» Виктор Франк²³⁹ несколько критически отнесся к статье Анатолия Кузнецова «Русский писатель и КГБ». Он считает, что не обязательно все литераторы в СССР, которые ездят за границу, являются сотрудниками КГБ, например, Ахматова и Паустовский. Он считает также, что русское общество сильно оздоровилось за последнее время.

18 августа 1969 г., понедельник.

Скончался Филипп Блайберг, проживший дольше всех до сих пор с пережитым сердцем.

Добрали всю смородину. По радио передают новости одна мрачнее другой. Дима делает довольно симпатичную книжку Левитанскому. Зинаида Ивановна чаще всего говорит о переезде в Москву.

19 августа 1969 г., вторник.

Целый день текло с неба – то сильнее, то тише. Дима мучается над титульным листом Юриной книжки. У Зинаиды Ивановны ломит все кости от сырости. Пора нам всем перебираться в Москву.

В Праге выступали Гусак, Свобода и Дубчек, и все втроем призывали к спокойствию. Гусак почти сказал, что прошлогодняя интервенция СССР была необходимой. Радио Израиль передавало о египетских солдатах. Солдат этих офицеры за людей не считают, на каждом шагу бьют, те дезертируют из армии. Сейчас этих несчастных феллахов обучают советские военные, и офицеры обращаются с ними чуть-чуть лучше, хотя побои до сих пор не устранены. Радиопередачи Би-би-си настолько интересны, что невозможно оторваться, когда их слушаешь. С каждым днем я всё больше убеждаюсь, что самая умная, самая действительно демократическая и человеческая страна – это Англия. Мне бы хотелось жить в этой стране.

²³⁹ Франк Виктор Семенович (1909–1972) – литературный критик, историк, радиожурналист, сын крупного философа С.Л. Франка. Работал на радиостанции «Свобода» со дня основания, одно время возглавлял ее лондонский корпус.

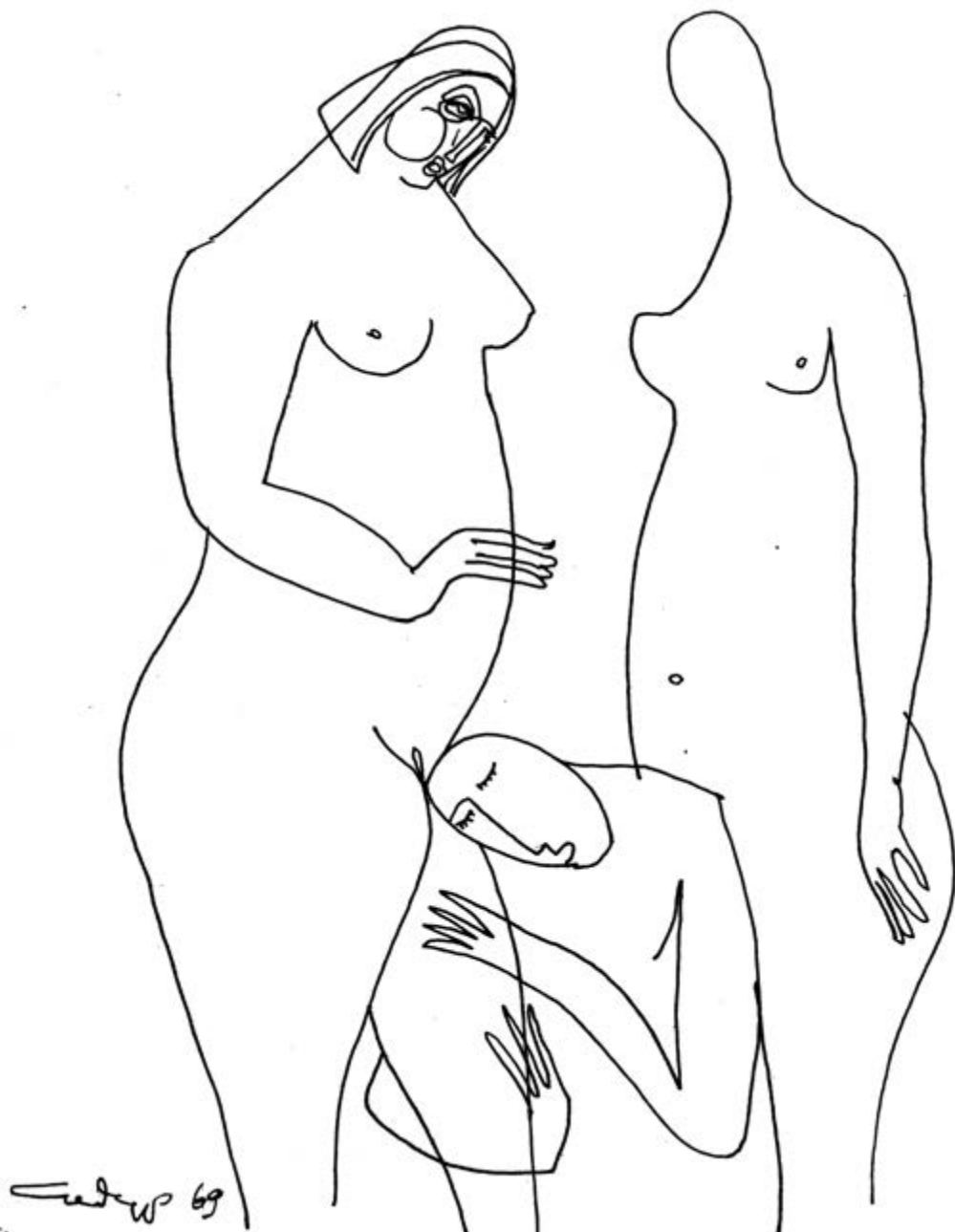

Рисунок В. Сидура (1969)

20 августа 1969 г., среда.

В Чехословакии сотни людей разогнаны на Вацлавской площади при помощи слезоточивого газа. Год прошел, ничего не изменилось, только усилилась ненависть чехословаков к оккупантам. Пассивное сопротивление в итоге перейдет в активное. Перспективы самые мрачные для всего мира. А завтра «День позора». Прекрасный комментарий Мориса Лейти по поводу годовщины советского вторжения в Чехословакию.

Опять целый день дождило, но тепло. Завтра едем в Москву. Скоро мне на работу, неохота. Еще хочется гулять и слушать радио.

21 августа 1969 г., четверг.

Через этот дневник, который тоже является документом, поздравляю всех советских граждан и себя тоже с «Днем позора». Дима плакал вчера, слушая голоса чехословацких дикторов по записям 21 августа прошлого года. Сегодня Анатолий Кузнецов от имени всех нас попросил прощения у Чехословакии. Не все же у нас убийцы, есть и приличные люди, а есть даже герои. Их было шестнадцать, они снова написали письмо нашим правителям, что социализм с человеческим обликом возможен²⁴⁰. В Праге целый день шли демонстрации, два человека убито, восемь ранено, более трехсот арестовано, двух из народной милиции избили. Войска объединялись с демонстрантами, дубинки, слезоточивые газы свое сделали плохо. Люди скандировали: «Да здравствует Дубчек!», «Русские, убирайтесь домой!» С утра чехи и словаки шли на работу пешком, транспортом не пользовались, в магазины не ходили. В 12 часов дня по всей стране на пять минут была прекращена работа, завывли сирены и клаксоны автомобилей. В общем, Чехословакия отметила годовщину «Дня позора».

Уехали мы из Алабина, и слава богу. Мокро там и тоскливо. Будем перевозить родителей в ближайшее время. В подвале всё закупорено. Эдик, помолодевший и доброжелательный, сделал несколько отличных фотографий скульптур. Неожиданно ввалилась выпившая изрядно компания во главе с Игорем Дадацким, который Диме так много наобещал инструментов, еще чего-то, взял года полтора назад 50 рублей, просил еще и ничего не сделал, хотя уверяет, что всё у него находится в Ивано-Франковске, но Дима должен сам за всем этим бархлом приехать и увезти. Прохиндей какой-то! Насилу Дима добился, чтобы эта теплая братва отвалила. Без нас снова был потоп, с которым с переменным успехом воевала Марина, текло и снизу и сверху. Тем не менее Марина вела себя очень даже похвально, это убедило Диму снова, что он берет ее в соавторы по Волгодонску, тем более что заказчик смету подписал. Есть надежда на заработок.

²⁴⁰ 20 августа 1969 г. группа диссидентов сделала заявление, в котором, в частности, говорилось: «Мы солидарны с народом Чехословакии, который хотел доказать, что социализм с человеческим лицом возможен. Эти строки продиктованы болью за нашу родину, которую мы желаем видеть истинно великой, свободной и счастливой. И мы твердо убеждены в том, что не может быть свободен и счастлив народ, угнетающий другие народы». Заявление подписали семнадцать человек.

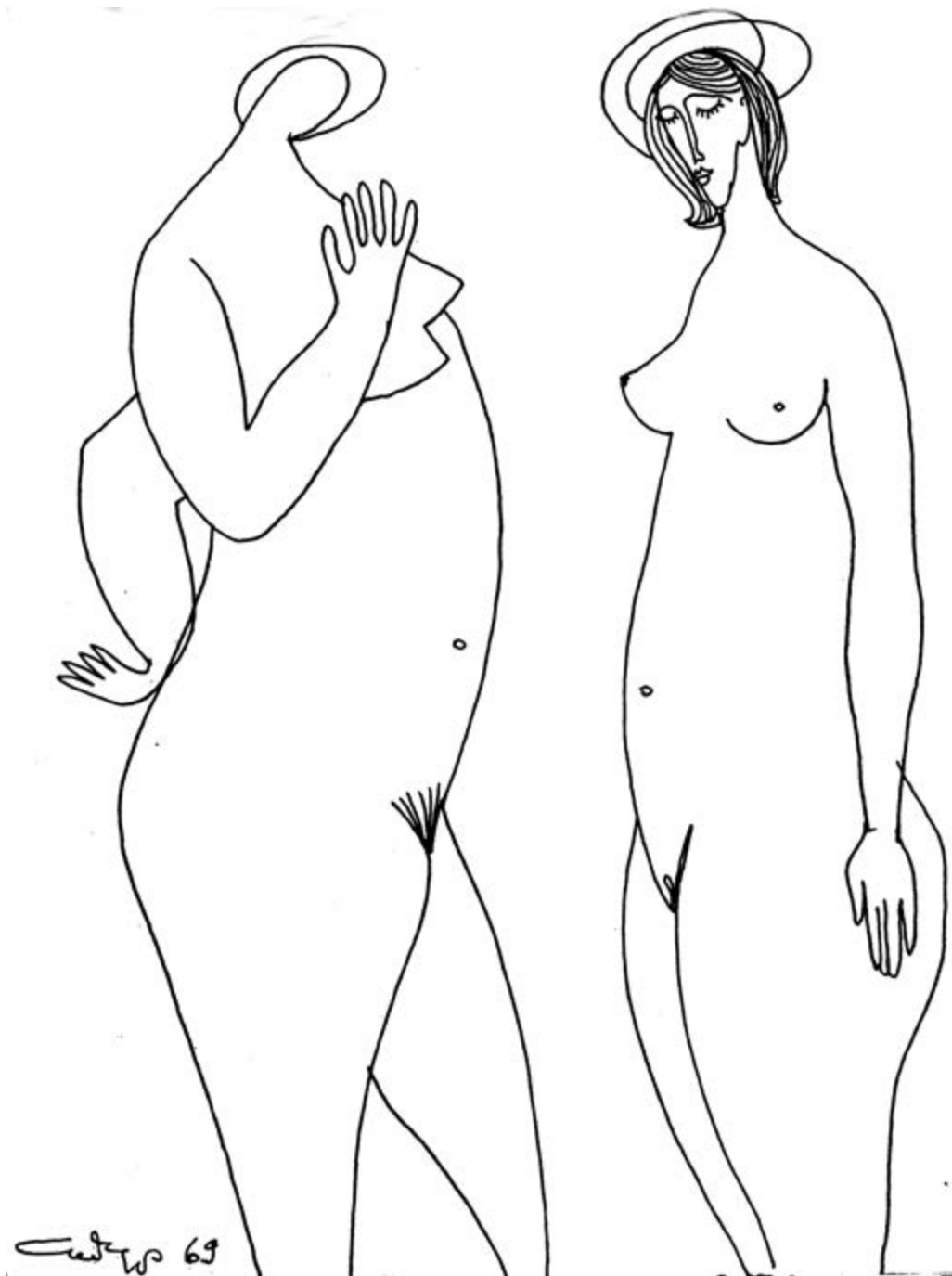

Рисунок В. Сидура (1969)

Слух о снятии Твардовского с редакторов «Нового мира» почти точный. Они действуют последовательно, иначе было бы странно, назад на 180 градусов. И все-таки сейчас у них так не получится, не выйдет у них устроить 1937 год. Будь они прокляты, фашисты, эсэсовцы, гестапо!

22 августа 1969 г., пятница.

Были в подвале Левитанские, Боря Хазанов, Эдик в оранжевых вельветовых брюках, пошитых Лимоновым. Позвонил Витя Гинзбург, в последний момент ему сообщили, что он все-таки едет в Америку на конференцию. Эдик не напечатал «Эйнштейна», которого просил Витя. И вообще, Эдик сделал очень мало из того, о чем мы договорились. Нервные мы с Димой оба, психованные – мы с Левитанцем затеяли извечный спор. Он считает, что Чехословакию обязательно задавят арестами, страхом и все там будут сидеть и молчать. Я абсолютно с этим не согласна. Уж если даже мы в нашей тюрьме и то что-то попискиваем, не боимся, то уж чехи никогда не перестанут сопротивляться, тем более что им почти год удалось пожить настоящей свободной жизнью при Дубчеке. Дима и Боря согласны со мной, но у Димы вообще насчет дебилов-управителей самые мрачные предчувствия. Он считает, что они решили воевать сразу со всем миром от идиотизма и от страха.

23 августа 1969 г., суббота.

30 лет назад Сталин подписал с Гитлером пакт о ненападении. В Чехословакии принят самый жесткий закон со времен Новотного: все, кто участвует в демонстрациях, будут увольняться с работы, подвергаться суду и ссылке. Семь человек убито, арестовано более шестисот.

Эдик сделал все фотографии, сидел с нами допоздна и отвез домой на своей папиной машине. Увиделись наконец с Гдалем, Витой и совсем потолстевшим Гриней. Гдаль, разумеется, считает Анатолия Кузнецова «подонком», так же как дочь Сталина он считал «блядью». Гдаль – прекрасный человек, но он отказывается принимать во внимание тот факт, что человек этот все-таки грешник, а не подонок, потому что, будь он подонок, он не стал бы каяться на весь мир. А для Гдаля главное, впрочем, как и для многих других, что он стукач, кагэбист, которому там лучше, чем здесь. Я считаю подобное мышление примитивным, хотя спорили мы и орали, как ненормальные. Марика не было, но они утверждают, что он с ними согласен. Марик в турпоходе. Обычно Марик соглашается с нами, а не со своими родителями по всем политическим вопросам. Приходила Кларочка с подружкой Музой. Ей несколько дней не пишут Леночка и Ося, поэтому она беспокоится. Рассказала нам любопытную историю о том, как неделю или две тому назад к Корнею в Переделкино приехали на машине три американца. Через секунду на дачу прямо в комнату ворвалось несколько милиционеров во главе с капитаном и стали требовать, чтобы американцы «немедленно покинули территорию»²⁴¹. Никто ничего не мог понять. Митька²⁴², внук Корнея, был

²⁴¹ Это происшествие упомянул в своем дневнике К.И. Чуковский: «Налет милиции на мою дачу ради изгнания Ривов, которые приехали ко мне с 3-мя детьми». Американский славист Франклин Рив (Reeve) приехал в Переделкино с детьми и женой, Еленой Рив, которая писала диссертацию о

в совершенном ужасе. Корней Иванович хватался за сердце и тонко кричал: «Что вы делаете?» Капитан говорил: «Спокойно, Корней Иванович, мы вас очень уважаем. А вы – покиньте территорию!» Американцы были напуганы, но куда не ушли. В итоге милиционеры удалились. Кроме грузовика, возле дачи находилось еще три машины ГАЗ-69 с людьми. Американцы пообщались с Корнеем около получаса и удалились. Все были подавлены происшествием. Корней уже написал жалобу в МВД.

Слух о снятии Твардовского снова не подтверждается. Зато другой слух всё упорнее распространяется – о выселении евреев. Одни говорят, в Израиль, по примеру Польши, другие, как в том анекдоте: «Всем евреям, отправляющимся в Израиль, быть в 8.30 на Северном вокзале с вещами». Все наши знакомые евреи этому слуху верят. Я тоже верю, Дима тоже. Но мы не боимся. Когда-то Генрих Сапгир написал в одном стихотворении: «Пусть придут, пусть убьют».

Мы привезли из Алабина ходики с кукушкой, и вчера Дима подвесил их в маленькой комнате. Дима предположил, как ночью входят кагэбешники, чтобы вставить микрофоны или еще какую-нибудь пакость сделать, и вдруг: «Ку-ку», они в страхе хватаются за револьверы и цепенеют от ужаса. Мы долго смеялись.

24 августа 1969 г., воскресенье.

Нужно уйти во внутреннюю эмиграцию. Нужно уметь чему-то радоваться и в этой ситуации. Хорошо, что у нас нет детей. Думать о том, что твоего ребенка ждет детский дом или концлагерь после того, как тебя арестуют, совершенно невыносимо.

Мы были у Гинзбургов. Витя, как всегда, удивительно симпатичен. Завтра уезжает в Америку на конференцию. Нина была загорелая дочерна, но чем-то озабочена. К вечеру подошли Валерик Фрид и Юлик Дунский. Юлик выглядит неважно, а Валерику недавно вырезали полипы. Они очень хорошие люди оба. По десять лет просидели при Сталине и по два года в ссылке. Но их сценарии нам с Димой не нравятся. Говорили о Кузнецове, все его осуждают за сотрудничество с КГБ, но объективно рады, что он убежал и этим нанес «органам» чувствительный удар.

Потом мы вернулись в подвал, перебирали фотографии и рисунки. Вспоминали стихи Левитанского: «Живешь, как сдерживаешь крик»²⁴³.

25 августа 1969 г., вторник.

Завтра мне на работу. И не в школу, а прямо на районную конференцию. Совсем тошно.

Н.А. Некрасове и хотела обсудить ее с Корнеем Ивановичем. Однако не успели американцы начать беседу, как появились милиционеры.

²⁴² Чуковский Дмитрий Николаевич (р. 1943) – режиссер, работал в Главной редакции литературно-драматических программ Центрального телевидения в Москве.

²⁴³ Стихотворение «Живешь, не чувствуя вериг...»

<...> *Итак – не чувствуя вериг,
среди измен, среди интриг,
среди святых, среди расстриг,
живешь – как сдерживаешь крик. <...>*

Встретили Майю Коневу. Интересно, папа ее сталинский верный маршал²⁴⁴, а она – умная интеллигентная женщина, и по всем пунктам наши взгляды едины. Ее товарищ Кузнецов порадовал также, как и нас.

Марина не могла попасть в подвал, у нее ключ отказал. Приходили Валька с Эдиком и Алла Зайцева. Валька необычно хорошо выглядит, вся загорелая. Алла всё рассказывает о том, как ей преподает бесплатно философию и французский язык профессор-экзистенциалист Абельсон²⁴⁵. Старик на пенсии, преподававший ранее математику во ВГИКе на экономическом факультете. Ему 73 года. Он уже признался Алле в любви и целовал ей руки. Он рассказал Алле всю свою жизнь, всякие свои несчастья, а теперь они только занимаются. У этого старика рукава нижней рубашки слишком длинны и закатаны на манжеты пиджака, а верхняя рубашечка – с короткими рукавчиками. Старик невероятно ученый, рассказывает интересно, пишет стихи на французском языке, и хочет подарить Алле несколько томов Еврейской энциклопедии на русском языке. Он сказал, что Сидур по-древнееврейски значит – какой-то молитвенник. Это мы и раньше знали. А по-эстонски – это какой-то винтик.

Вечером у нас была Марина с мужем, которая уезжает 28-го в Данию.

28 августа 1969 г., четверг²⁴⁶.

Юлька теряет квалификацию, не пишет уже третий день. Вчера я закончил опус о себе самом для Марины Гореликовой. Юлька его переписала, а вечером сын Марины, Сережа²⁴⁷, очень симпатичный мальчик, взял его у нас. А накануне мы отдали Марине много фотографий и 25 рисунков. Сегодня у нас была Велта, вся в белом. Платье белое, как у невесты, а на глазу белая повязка (на нее упало что-то подпиральное форточку на работе). Были также ее друзья из Риги, муж и жена с двумя мальчиками. Часов в семь они уехали к себе в Ригу, а Велта осталась. Потом пришли Боря с Мариной. Велта, увидев Борю, глянула на него с неудовольствием. А когда Боря критически высказался о «Свободе», Велта закричала, что это то же самое, что Боря утверждал якобы, что Ленин – еврей. Так, крича, Велта покинула подвал, а я крикнул ей вдогонку: «Велта, кончайте ваши антисемитские штучки!»

Уговариваю Юльку написать рассказ о мальчике, который, желая сделать хорошо, сделал плохо – вырвал на большой клумбе все гладиолусы, думая, что это сорняки.

²⁴⁴ Маршал Советского Союза Конев Иван Степанович (1897–1973) – профессиональный военный, служивший в армии с 1916 г., крупный военачальник во время Великой Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза (1944 и 1945), после войны – верховный комиссар по Австрии, главнокомандующий советскими сухопутными войсками. Он не был убежденным сталинистом, хотя сам И.В. Сталин высоко ценил его полководческий дар. По свидетельствам современников, не осуждая власти в целом, он перед войной пытался спасти многих от репрессий в армии, а позже, когда стало возможным, осудил сталинский террор. В декабре 1953 г. именно он возглавлял Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР по делу Л.П. Берия.

²⁴⁵ Абельсон Исаак Борисович – в 1930-х гг. автор научно-популярных книг по математике для молодежи.

²⁴⁶ Записи рукой В. Сидура.

²⁴⁷ Гореликов Сергей Александрович (р. 1953) – филолог, лингвист, доцент МГУ.

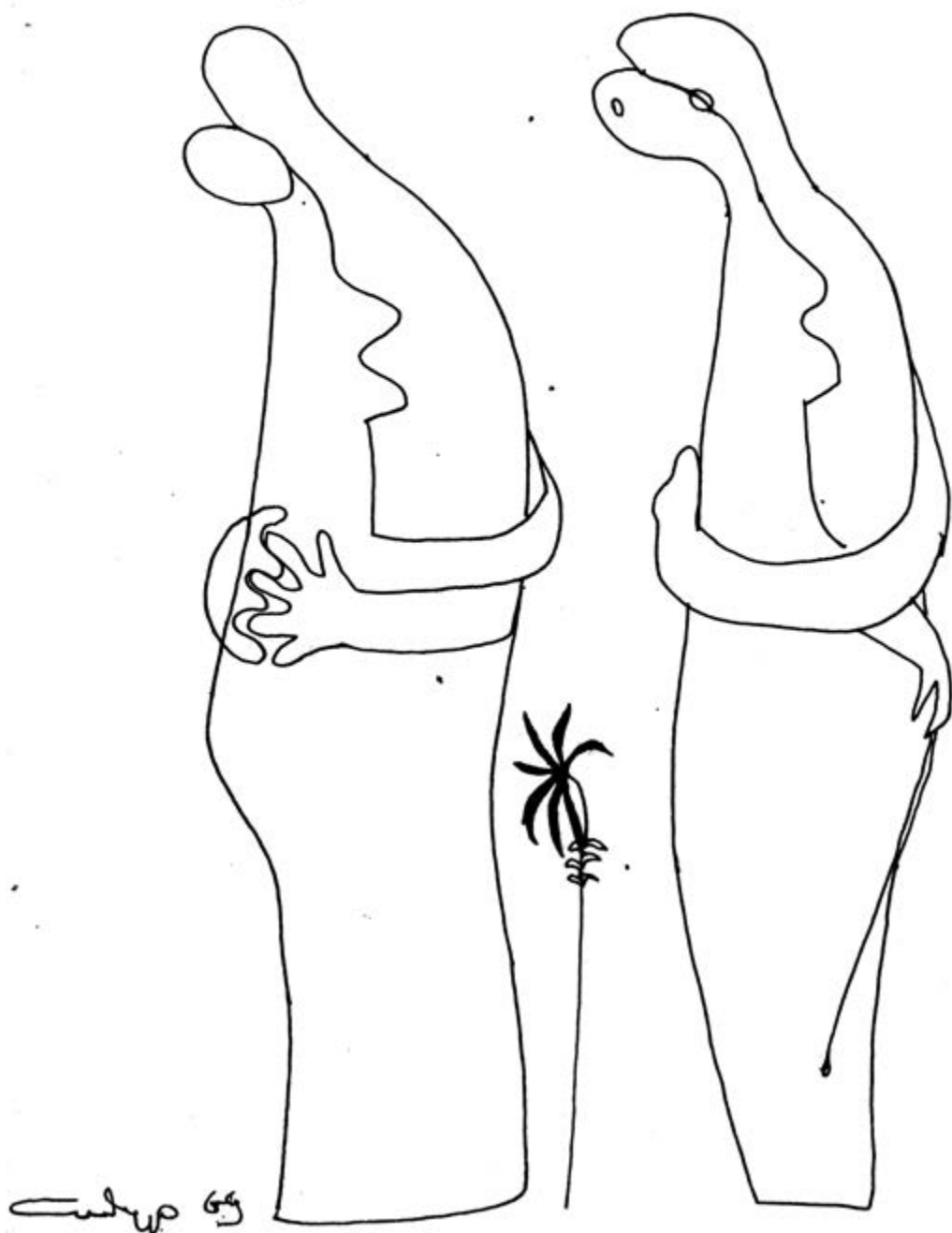

Рисунок В. Сидура (1969)

29 августа 1969 г., пятница.

Димочка уехал в Алабино. В Москве такая жара и такой грохот от трамваев с улицы, что Дима не выдержал. На вокзале мы были только в девятом часу вечера. Я была на педсовете, сильно устала. Спрыгивала с окна в своем затхлом от новой краски кабинете, и очень неловко, с открытым ртом. Наткнулась на стол и чуть ли не насквозь прокусила себе язык. Теперь мучаюсь.

Дима целый день убирал маленькую комнату в подвале, морально готовя себя к работе над книгой Гараи. Комната оказалась убранной, но рисовать он так и не начал.

Гусак наконец сказал те слова, которые от него потребовали – назвал прошлогоднюю оккупацию «необходимой братской помощью». Таким образом, Гусак оказался свиньей, не досидевшей в тюрьме у Новотного²⁴⁸.

30 августа 1969 г., суббота.

Зуб у меня болит. Я его полощу, но толку пока немного. Надеюсь, что все-таки не будет так же плохо, как в начале моего отпуска. Жила целый день расслабленно. Жара вроде бы уже кончается.

31 августа 1969 г., воскресенье.

Завтра в школу, увижу ребят. Почти все громадные, смотришь на них снизу вверх, очень глупо себя чувствуешь. Зуб у меня болит. Звонила Велта, была необычайно ласкова.

1 сентября 1969 г., понедельник.

Приехал Димушка. Кое-что сделал для книги Гараи. Плохой поэт, и рисовать к нему не хочется. В школе было суматошно. После уроков пошли в ресторан «Минск». Вечером в подвале был у нас Марик <Гельштейн>. Говорили о Кузнецове. Марик скорее согласен с нами, чем со своим папой.

Дубчек тоже подписал закон о репрессиях. Все-таки сломали его окончательно. Вот тебе и социализм с человеческим лицом. Погибнуть за свою же собственную прекрасную идею не хочет. Остался у них один несгибаемый человек – это Франтишек Кригель²⁴⁹, настоящий пример бесстрашия и принципиальности. А Дубчек скоро подпишет, что он хотел перейти в лагерь врагов социализма и для этого участвовал в заговоре с империалистическими заправилами Запада.

²⁴⁸ В феврале 1951 г. Г. Гусак был арестован по обвинению в «буржуазном национализме», в 1954 г. приговорен к пожизненному заключению. В 1960 г. выпущен из тюрьмы в ходе объявленной первым секретарем ЦК КПЧ А. Новотным амнистии политических заключенных, в 1963 г. полностью реабилитирован.

²⁴⁹ Кригель (Kriegel) Франтишек (1908–1979) – член Компартии Чехословакии с 1931 г. С 1968 г. председатель Национального фронта ЧССР и члена Политбюро ЦК КПЧ. Вместе с остальными руководителями Чехословакии был насильственно привезен 23 августа в Москву для подписания капитулянтского «Московского протокола». Тогда как все члены Политбюро его подписали, он единственный отказался поставить свою подпись, за что чуть не подвергся аресту в Москве и чудом смог вернуться в Прагу. В 1969 г. исключен из партии. Официальная пропаганда приклеила к нему ярлык «американо-сионистского шпиона и наймита».

2 сентября 1969 г., вторник.

Дима был в «Детской литературе», там вроде бы всё в порядке. Марина кончает «Эйнштейна». Дети меня радуют и отвлекают от всяческих тяжких мыслей. Эдинька очень милый в ярко-рыжих вельветовых брюках. Прослушали интервью Анатолия Васильевича Кузнецова с Анатолием Максимовичем Гольдбергом. Кузнецов сказал, что он никак не может привыкнуть к свободе передвижения, к свободе выражения. У него уже спокойный голос, он смеется. Не то, что в начале своего бегства, когда он был на пределе и голос у него сбивался на истерику.

4 сентября 1969 г., среда.

Дима договорился насчет соавторства Марины. Ему советовали взять ее только исполнителем. Каждый в худсовете говорил, зачем ему это надо, так как делать можно в течение года, и он мог бы справиться один. Марина вроде бы довольна. Эдик, оказывается, не только на нас производит впечатление сильно изменившегося человека, но и на своих родителей. Они сегодня заходили в подвал, и Эдик их распекал за то, что его сестра Галка неудачно для всех выбрала день замужества. Как будто бы у нас выбирают сами, а не назначают в загсе.

Заходил Витя Шейнберг со своим дядей Монеи, французским гражданином. Звонила Майя Конева, которая вроде бы добилась в «Прогрессе», чтобы Дима делал книгу Элиота²⁵⁰. Юнна звонила, что она вроде бы тоже договорилась насчет того, чтобы Дима рисовал в ее книжке в «Советском писателе».

Дима вчера убрал всю мастерскую. Я была сильно усталая после школы, и только совсем поздно выбросила несколько ведер мусора.

5 сентября 1969 г., пятница.

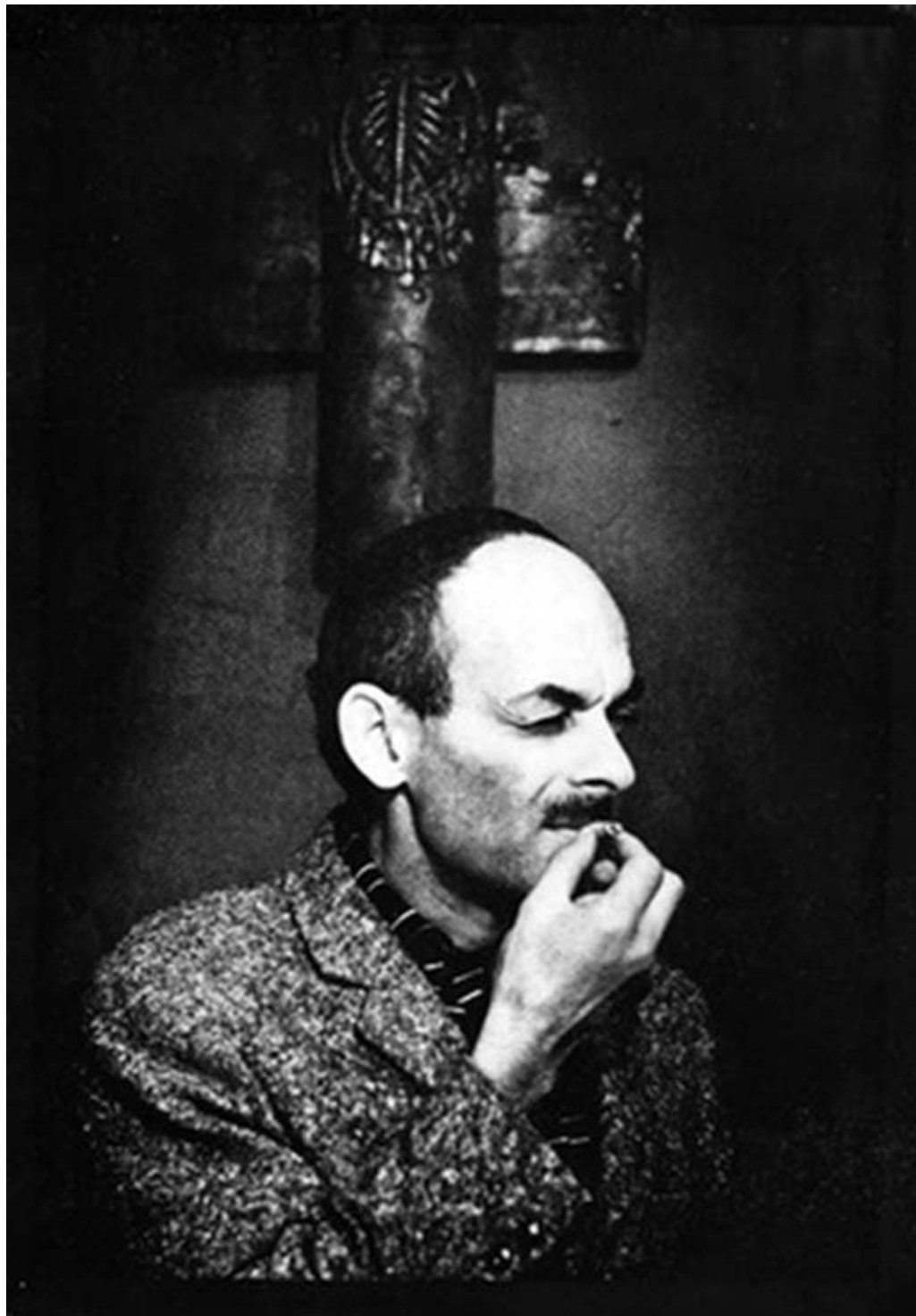
Дима напрасно проехался в комбинат. Мы были у Аллы Зайцевой на дне рождения. Было шумно и пьяно, мы потихоньку смылись. Отвыкли мы, наверно, от всех этих шумных компаний. Лимонов был невероятно симпатичен.

6 сентября 1969 г., суббота.

Сегодня после длительного перерыва у нас был огромный кагал знакомых. Нинка Гинзбург пришла с американцами, Женька Зверева со своим Борей, Эдик, Валька, Владик, Неля, их Ленька с женой, Мима, Шейнберги и Женя Гусева, последними прибыли Наташа, Нинина подруга со своим мужем, композитором Николаевым²⁵¹. Американцы – физик с женой и нейрохирург – были в полном восторге и сказали, что в Америке Дима был бы миллионером. Как будто нам это нужно. Дали бы только показать людям, что сделано за столько лет, а больше ничего не надо. У нас всё есть самое необходимое – сыты, одеты, скоро должна быть приличная квартира. Если бы здоровье, силы и хоть один раз выставить свои вещи для людей, но только по-честному, не вступая в сделку с КГБ.

²⁵⁰ Элиот (Eliot) Томас Стернз (1888–1965) – американско-английский поэт, драматург, литературный критик.

²⁵¹ Николаев Алексей Александрович (1931–2003) – композитор, профессор Московской государственной консерватории. Народный артист РСФСР (1985).

Буллат Окуджава в мастерской Вадима Сидура (1969). Фото: Эдуард Гладков

Булат Окуджава и Юрий Левитанский в мастерской Вадима Сидура (1969). Фото: Эдуард Гладков

На это Дима не способен и никогда на это не пойдет, какие бы блага они не сулили взамен. Снова у Димы наступает период, когда его гложет тоска, он начинает задавать вопрос: «Для чего я живу и зачем я всё это делаю?»

События 21 августа 1968 года и то, что происходит в Чехословакии сейчас, ужасно сильно нас пришибло. Как постепенно ломают Дубчека и, наверно, скоро сломят окончательно. Не он первый, не он последний. Наша система имеет большой опыт калечить людей не только физически, но и морально. Духовно этот человек уже сломлен почти окончательно.

7 сентября 1969 г., воскресенье.

Холодрыга. Встретились с Юрой Левитанским в метро и поехали к нам в подвал. Долго совещались насчет обложки для Юриной книжки. Позже приехал Булат Окуджава, художник-худой. Его только что не пустили в Югославию. Пообещал свою пластинку, выпущенную во Франции. Завтра я за ней к нему съезжу. Боря с Мариной пришли. Боря утверждает, что когда американцы подвесят над нами телевизионный спутник, глушить их передачи будет практически невозможно. Булат удивил меня сегодня своей внимательностью, наконец-то он начал разглядывать то, что находится вокруг него.

8 сентября 1969 г., понедельник.

Я уже крепко погружаюсь в школьную обыденность. Дима готовит маленькую комнату к приезду родителей, разгружает ее от книг. В мастерской занимаемся хозяйством. На днях Петро приволок большой лист жести, Дима уже начал его чеканить, но пока отложил. Ему больше всего неохота делать Юрину книгу, так как делать книгу своему близкому другу – это все равно, что оперировать родственника.

Приехал Алик Киселев из Новосибирска. Помог прибавить полки для посуды в предбаннике. Эдинька что-то напечатал. С Булатом договорились на завтра.

9 сентября 1969 г., вторник.

Сегодня встретились с Булатом в ЦДЛ, где он подарил нам с Димой свою пластинку, изданную во Франции²⁵², и дал послушать, как его песни исполняют поляки. Нам с Димой гораздо больше понравилось, как Булат поет сам в записи на французской пластинке, потому что мы слышали до этого английскую пластинку, и нам она не понравилась. Булат говорит, что англичане надергали из всяких пленок, тогда как во Франции он пел сам. В ЦДЛ была целая компания: Левитанец с югославским поэтом Ацо Шоповым²⁵³ и его супругой. Они приехали в ресторан, а вечером, конечно, к нам. Жена Булата Оля – очень даже ничего девка, и красивая и умная. Пришла Алла Зайцева с полбутылкой спирта и с чайником. У них дома отключили воду по непонятной причине. Алла почитала Лимонова. Юра Левитанский жутко его охаял, Булат был более снисходителен, остальные тоже. Гвалт стоял до часу ночи.

10 сентября 1969 г., среда.

Дима с Эдиком съездили в Алабино, привезли много книг. Абрам Яковлевич был в Москве, возвратился очень быстро в Алабино, как раз тогда, когда Дима с Эдиком уехали. Вечером была Инна, Алка Зайцева, Эдик Лимонов, Эдика нашего родственники – мама и муж сестры. Все хотели сшить брюки. Мы коротко рассказали Лимонову о вчерашней дискуссии. Он воспринял ее спокойно. Лимонов, безусловно, способный невероятно малый и если не собьется, будет прекрасным поэтом. Он и сейчас молодец.

Дима докончил небольшой черно-белый рисуночек из цикла «Противоатомная оборона»²⁵⁴.

²⁵²Эту замечательную и редкую пластинку, записанную и выпущенную в 1968 г. в Париже фирмой грамзаписи *Le Chant du Monde*, Вадим и Юлия часто давали друзьям в прокат, так что в конце концов от частого прослушивания она пришла в негодность.

²⁵³Шопов (Šopov) Ацо (1923–1982) – македонский поэт, переводчик. Партизан в годы Второй мировой войны. В 1972–1977 гг. посол Югославии в Сенегале. Член Македонской (1967) и членкор. Сербской (1968) Академий наук и искусств. Считается основоположником современной македонской литературы. Среди прочих переводов, выполнил переводы произведений русских и советских поэтов.

²⁵⁴На создание этого цикла В. Сидура натолкнула брошюрка по гражданской обороне, которую бесплатно раздали всем школьникам и учителям в Юлиной школе. Позже цикл получил название «Мутации». (См. ниже записи от 6 ноября 1969 г.).

11 сентября 1969 г., четверг.

11 Один очень, очень, очень молодой человек сочинил стихотворение под названием «Юбилейное»²⁵⁵.

Над картою страны в тисках
 Рыдает дьявол Мефистофель
 А на знаменах и деньгах
 Торчит осточертевший профиль.
 Спасенья нет. Оружья нет.
 И не восстать. И не заплакать.
 И только голос с двух кассет
 Поет о смерти Пастернака.

Димушка, увидев, какая прекрасная сделалась погода, быстро собрался и уехал в Алабино. Я одна. Слушала песни Булата, проверяла тетради, готовилась к урокам и вела многочисленные телефонные переговоры. Завтра у нас прощальный вечер в школе с французскими лицеистами²⁵⁶. Придет Киселев посмотреть и присмотреться для нового спектакля, и Эдик придет снимать.

12 сентября 1969 г., пятница.

12 Вечер прошел жутко весело, хотя бестолково и шумно. Французские лицеисты невероятно довольны, наши тоже, а мы, взрослые, невероятно устали. Погода совершенно великолепная. Дима в Алабино, и я рада, что он там. А я уже на пределе всех сил.

13 сентября 1969 г., суббота.

13 Погода все еще хорошая. Дима в Алабино. В подвале я не была. С Эдиком виделась вчера вечером в школе, он говорил, что всё в порядке. Алик Киселев приступает к своей артистической деятельности и у себя в театре, и в моей школе. Начнем ставить мою пьесу «Шестидневный поход». Как там Димушка, я уже соскучилась. Дел у меня выше головы.

14 сентября 1969 г., воскресенье.

14 Сегодня ко мне приехала Алла Зайцева. Мы с ней занимались по французскому. Она привезла свое юношеское письмо к подруге, где пишет о своей жизни в детском доме. Что-то страшное. Алла у меня засиделась и теперь спит в Диминой кровати.

15 сентября 1969 г., понедельник.

15 Я сдуру поставила часы на час раньше, вскочила как встрепанная, пошла умылась, собралась одеваться и, наконец, заметила, что всё еще полседьмого.

²⁵⁵ Стихотворение Е.Б. Смагиной.

²⁵⁶ В 1968 и 1969 гг. в школу приезжали группы учеников Парижских лицеев. Естественно, что лицеисты вызывали невероятный интерес у советских школьников. Сразу же с ними устанавливались дружеские неформальные контакты, общение происходило на французском языке. Никакого контроля или присмотра, никакого идеологического руководства и т. п. не было.

Мне стало жутко обидно. Алла зарылась в Димину подушку своей мальчишечьей головой и ничего не слышала. Я влезла обратно к себе в кровать, но ни черта у меня не вышло поспать. Я стала про себя произносить речи на педагогические темы и так в полубреду провалялась еще с полчаса.

Появилась я в подвале. Видела Марину в хорошем настроении. Она окончила почти «Эйнштейна». На этот раз Дима даже ничего ей не помогал, она всё сделала сама с начала до конца. Потопа нет и не было, слава богу. Эдик пришел к вечеру усталый донельзя. Они с папочкой починили где-то слева выхлопную трубу, заехали на какую-то автобазу, где у них были всякие неприятности. Эдик ужасно огорчается из-за этого проклятого автомобиля. Валька болеет ангиной.

Алла со своими грустными глазами и в моих пижамных брюках в цветочках была похожа сегодня утром на всклокоченного подростка.

Димушка, приезжай скорее, я скучаю, солнышко мое бородатенькое.

16 сентября 1969 г., вторник.

Учитель новый по литературе в старших классах – отличный парень. Молодой, умный, опять же Зальцман²⁵⁷. Дима предложил мне не поддавать под обаяние еврейской фамилии, я не попадаю. Но учитель этот – малый выдающийся. Наши старшеклассники в полном восторге, мои ребята сделались такие хорошие. Мне было очень приятно, что вот этот парень, совсем новый человек, сразу же сказал, что они очень толковые и интересные и даже лучше параллельного класса. Значит, все эти пять лет моих мучений не пропали даром. Все-таки я их расшевелила, раз они даже спорят с этим учителем и что-то еще ему доказывают. Он уже принес в класс, кроме портретов всех классиков, Цветаеву и Пастернака. Он уже идет в поход. У него на уроке идеальная дисциплина и удивительная работоспособность. А начал он свои уроки с рассказов Изольда.

Чувствую я себя плохо, несмотря на то, что политикой не занимаюсь и всякие тяжкие новости не слушаю. Особенно Чехословакия, мне делается особенно невыносимо, когда я слышу о том, что там сейчас творится. Сегодня звонила Юнна, рассказала, как она боролась за то, чтобы Дима рисовал ее книжку в «Советском писателе». Еще сказала, что чувствует она себя неплохо: «Юля, я чиста абсолютно». <...> Ей предложили какого-то художника оформлять ее книгу. Юнна поехала к нему, чтобы посмотреть, чем он занимается. Художник ей не понравился, она со своейственной ей откровенностью всё ему сказала, что он ей не нравится. И завтра пойдет писать заявку, чтобы книгу ей делал только Сидур. А Дима, я надеюсь, кончит в Алабино Левитанского, потому что иначе он не успеет, так как Юнину книгу надо сдавать в октябре, и тогда она выйдет еще в этом году. Вообще, Сидур только успевает выполнять какие-то обязательства. Вдруг посыпалось ни с того ни с сего. И везде он должен исхитриться так, чтобы,

²⁵⁷ Зальцман Олег Михайлович (Эммануэльевич) (р. 1944) – с 1969 г. учитель русского языка и литературы в спецшколе № 18. Обладая тяжелым, часто неуживчивым характером, был творческой личностью, талантливым педагогом, учил школьников мыслить. Большой театрал, руководитель школьного театра «Здравствуйте». Позже перешел на работу в немецкую спецшколу № 13 (ныне № 1277). Заслуженный учитель РФ.

несмотря ни на что, сделать прилично, когда все редактора и издательства только и следят, чтобы было похуже, посерее, попроще, хотя самим им даже хочется чего-то хорошего, но не смеют и боятся, боятся.

Погода такая роскошная, что завтра, наверно, Димуха тоже не приедет.

Юнна была такая ласковая. Сказала: «Целую тебя и Димку». Это Юнна, человек далеко не сентиментальный. Живет она у каких-то людей.

17 сентября 1969 г., среда.

Димусь приехал точно – началось похолодание и дождь. Я обрадовалась очень, очень. Там всё в порядке. Димка кончил книгу Левитанского, сделал еще одного «Христа» из кастрюли, помогал готовиться к отъезду. Мы были в подвале вдвоем. Только с Юнной беседовали немного по телефону.

18 сентября 1969 г., четверг.

Юнна приехала к нам с двумя людьми. Один вскоре ушел. А другой человек, по имени Роман Сеф²⁵⁸, явно с Юнной состоит в каких-то отношениях. Юнна красивая, только руки у нее дрожат. Потом пришла Алла Зайцева, а затем Алик Киселев после спектакля. Юнна читала стихи. Они меня поразили. Она про Леву читала, про больницу, и еще два стиха, которые Дима считает вообще невероятно прекрасными. Парень, который с ней, несколько с Юнной пикируется. Юнна подарила нам книжку свою «Веселый жук»²⁵⁹ с трогательной надписью. <...> Меня Юнна всегда гипнотизирует, когда я ее вижу. Я ее очень, очень люблю. Жалко только, что все поэты так нетерпимы друг к другу. Юнна так понесла Левитанского, а заодно и Лермонтова обругала. Сестра Юннина Инна была тоже, но была так, как будто ее и не было. Я чуть было не забыла о ней написать. Книгу Юнна хочет необыкновенную, и у нее даже сомнений нет, что всё обязательно пройдет, что бы Дима ни предложил. Хотим, чтобы завтра Эдик ее поснимал.

19 сентября 1969 г., пятница.

Вчера мне очень понравилось, когда Юнна сказала, что Лемпорт – это платяная вошь. Очень точно она выразилась. А сегодня Дима взял рукопись Юнны в «Совписе». Там есть и то стихотворение, которое Лева в позапрошлом году нам прислал, только здесь оно гораздо короче, точнее и лучше. Может быть, пойдет в книгу²⁶⁰. <...>

Вечером были у нас Эдик Лимонов и Алка Зайцева. Эдик принес Диме новые брюки, хорошие брюки, Дима теперь такой стройный и красивый. А потом Эдик стал читать свои стихи, они нам снова понравились. И новую свою поэму прочитал, под названием «ГУМ», отличная поэма. А наш Эдик заболел гриппом. Ученица

²⁵⁸ Сеф Роман (Роальд) Семенович (1931–2009) – поэт, переводчик. В 1951 г. репрессирован, провел в заключении и на поселении пять лет, реабилитирован в 1956 г. Член СП СССР с 1966 г.

²⁵⁹ Юлия имеет в виду книжку Ю. Мориц «Счастливый жук». – М., «Малыш». 1969. Иллюстрации И. Рублева.

²⁶⁰ Далее Юлия записала стихотворение «Мастерская» с посвящением Вадиму Сидуру. (См. выше записи от 5 ноября 1968 г.). Стихотворение включено в сборник «Лоза», вышедший в 1970 г.

Марина Ильичева всё привыкает больше и больше, это хорошо. Дима сегодня общался с Левитанским и тот его довел ужасно, всё поучал, поучал, как делать книжку, так что Дима с трудом удержался, чтобы не послать его на... Но слава богу, удержался, хотя Левитанец кого хочешь занудит. Сейчас людей приличных мало и нужно быть к ним снисходительными, тогда, может быть, и они к нам будут снисходительны. У Вальки день рождения. Димка послал им телеграмму, которая кончалась словами: «Обнимаем Антона, Ньюшу и Эдика» (Антон и Ньюшка – котенок с мамашей).

20 сентября 1969 г., суббота.

Дима чувствовал себя плохо, плохо. Потом я пришла из школы со своими двумя девочками-ученицами, Леной и Машей. Дима с ними пообщался и стал чувствовать себя лучше. А потом пришел Юрочка Геннис с товарищем и Алла Зайцева, с которой мы учили французский. Дима читал рукопись Юнны, и она снова его поразила.

Я вылила нечаянно Димину траву для живота, и он сочинил про меня стихи:

Нельская Юлия,
Ты вредитель.
Правильно говорила
Твоя родитель.

21 сентября 1969 г., воскресенье.

«Как это ни парадоксально, именно сознание своей смертности заставляет человека созидать. Я имею в виду сознание личной смертности. А сознание всеобщего катаклизма и всеобщей смерти, сознание не созидательное», – Дима толковал мне об этом, когда мы ехали домой в такси.

Юнна была сегодня со своим парнем Романом Сефом. Хороший парень, добрый, умный, а самое главное, что Юнна его слушает. Это вообще невероятно. <...> Фотографировалась она очень стойко и во многих видах. <...> Были еще муж с женой, Юннины друзья – скульптор Циммерлинг²⁶¹.

Когда все ушли, мы пошли к знакомым моей школьной коллеги с Валькой и Эдиком, и принесли громадное зеркало. Дима даже не устал, а потом, уже дома, когда он читал мне стихи Заболоцкого, ему вдруг сделалось очень плохо.

22 сентября 1969 г., понедельник.

Поэтические связи продолжают. Сегодня у нас был Дэзик Самойлов. <...> Эдик его долго и упорно снимал. Дэзик был, странно, трезв, и это меня в нем настораживало. Еще раз мы убедились в том, как поэты друг друга не любят. Дэзик сказал, что ему не нравятся стихи Юнны.

Потом у нас пропал рисунок. Дима ужасно расстроился, я тоже. Маленький окантованный цветной рисуночек, где изображены черные одетые мужчины,

²⁶¹ Циммерлинг Владимир Исаакович (1931–2017) – скульптор, автор в основном скульптурных портретов, среди которых несколько портретов Ю.П. Мориз. Член МОССХ с 1957 г.

танцующие с голыми красными и зелеными дамами. Дима начал на меня ругаться, а я огрызаться. Тут же присутствовали Эдик с Борей Хазановым, и им было неловко, что мы ругаемся. Потом прибежала Алка Зайцева, мы с ней позанимались по французскому. Марина Ильичева показывала что-то. А потом уже возле самого дома мы с Димушкой помирились. Дима совсем обалдел. Пока я дохожу на работе, он готовит комнату для стариков и таскает книги с одного места на другое. Над ним висят три книги, три срочные. Рисунок ужасно жалко, и не верится, что его сперли. А я как пришла в подвал, так не могу двинуть ни рукой, ни ногой.

23 сентября 1969 г., вторник.

Сегодня я себя ничего чувствовала, несмотря на тяжелый день в школе. Дима тоже сегодня в форме. Он разобрал почти всё в квартире и в подвале, теперь комната готова к приезду родителей, а Дима готов делать книги. Эдик снимал очень много фотографий Юнны. Есть совершенно прекрасные. По телефону поговорили с Аликом Киселевым насчет нашего школьного спектакля. Еще ничего не начали делать, а уже не согласны друг с другом.

24 сентября 1969 г., среда.

Встречались сегодня с Левитанским и с Дээзиком Самойловым и его второй женой Галей²⁶². Фотографировались. Эдик долго и упорно снимал Дээзика в моей замшевой куртке и в Диминой белой рубашке. Дээзик принес бутылку коньяку. Я не пила ни грамма, Дима – тем более. Инна Бернштейн ужасно переживала за чехословаков, только она это делала очень эмоционально, а мы – мрачно. Завтра в Праге будет пленум и там решится судьба Дубчека. Есть слухи, что он не подписывал чрезвычайные законы после демонстраций в августе. Но теперь, поскольку цензура и информация только односторонняя, можно инспирировать что угодно. Пахман, Кригель и кто-то третий сидят в тюрьме. Мы получили от Вашека из Праги маленькую вырезку из непонятно какой английской газеты – ни даты, ни названия неизвестно. Дано изображение рисунка Димы, посвященного Яну Палаху, и небольшой текст, где Вадим Сидур назван «мятежным» русским скульптором. Господи, только бы Дубчек не каялся и не «признавал свои ошибки». Конечно, если его не будут пытаться, делать уколы или еще что-нибудь, такое тоже возможно. Даже Цисарж, уже такой стойкий человек, и то покался, хотя ничего вроде бы над ним не делали.

Есть слухи, что Мао Цзэдун скоро сдохнет, туда ему и дорога.

25 сентября 1969 г., четверг.

Дубчек пока еще ни в чем не признался. Мао Цзэдун жив.

Мы были целый день дома. У Димы болят кишки, он их грел грелкой. Начал с великим трудом рисовать к книге Гараи. Я сварила отличный борщ. Ездила на собрание нашего кооператива. Есть возможность, что вселят до Нового года. В десять вечера пришлѐндрали Алик Киселев со своей девушкой Таней-манекенщицей.

²⁶² Медведева Галина Ивановна (р. 1938) – киновед. Вторая жена Д. Самойлова.

В. Сидур рядом с надгробием Е.С. Варге на Новодевичьем кладбище (1969). Фото: Эдуард Гладков

26 сентября 1969 г., пятница.

Димочка снова сегодня не выходил. Приезжал Абрам Яковлевич. Вроде бы там всё в порядке, в Алабине.

Завтра Юра Левитанский приедет ко мне в школу читать свои стихи. Волнуюсь, как это пройдет. Звонила Булату, он совершенно наотрез отказался. Но я его добыю. Димушка нарисовал мне картинки для школы, очень симпатичные. А вообще, он сегодня только ненадолго вышел, а так целый день рисовал книгу Гараи.

Дубчек уже выступил на пленуме КПЧ, но пока еще никто не знает, что он там сказал. Во всяком случае, не каялся.

27 сентября 1969 г., суббота.

Сегодня Юра Левитанский пришел ко мне в школу на вечер поэзии. Почитал он свои стихи. Все остались довольны – и дети, и Юра. Юра пришел весь такой пушистый. А потом Женька Смагина прочла свои стихи, тоже очень хорошие, на мой взгляд. Димушка в мастерской не был, рисовал книгу Гараи.

28 сентября 1969 г., воскресенье.

Целый день лил дождь, и мы просидели дома. Никуда не выходили, только я выскочила в магазин. Димушка всё рисует Гараи. Позвонил Бранко, давно мы с ним не общались. Хочет зайти с каким-то художником.

29 сентября 1969 г., понедельник.

Дима был какой-то озверелый. Оказывается, он сердится на Эдика, оттого, что Эдик перестал быть своим, а стал чужим. Снимает Эдик сейчас очень здорово, фотографии у него всё лучше и лучше. А человек он чужой. А Дима говорит: «Не для того я избавился от Лемпорта и Силиса, чтобы чувствовать, что рядом чужой человек, которого я все время должен просить что-то сделать». Потом у нас сломался замок. Эдик вылез через крайнее окно, где решетка не прикручена, и попытался открыть замок снаружи. Ни фига, замок польский – говно. Мы отпустили Эдика, и Дима сбил этот замок к чертовой матери. <...>

Гусак назвал Дубчека слабовольным человеком, а Дубчек в интервью, которое он еще раньше дал западному радио, сказал, что если бы надо было делать всё сначала, он поступил бы точно так же.

30 сентября 1969 г., вторник.

Дима чувствовал себя ужасно паршиво. Он попытался с кошмарами подремать часа полтора после того, как я приехала с работы, но ничего у него не вышло, потому что помешал звонок Юнны. Юнна очень интересуется Эдиковыми фотографиями и, возможно, завтра придет. Вечером, несмотря на плохое Димино самочувствие, мы поехали в гости к Гинзбургам. Витя чувствует себя неважно, заболел еще в Америке гриппом и до сих пор не очухается. Чем-то заболели его дочка и внучка. Он ужасно расстроен, но что с ним, так и не сказал. Были еще в гостях композитор Николаев с женой. Чем-то эти люди мне не нравятся, хотя вроде бы никаких особых оснований относиться к ним плохо у меня

нет. Витя привез Диме в подарок белую кепку. Дима обычно от солнца прикрывается газеткой. Ему очень плохо делается, когда он по солнцу ходит с непокрытой головой, особенно летом. Такого говна в нашей стране достать невозможно, надо ехать за океан или в Европу. Витя говорил, что в Америке, несмотря на все материальные блага, довольно-таки паршиво и неудобно. Он там жил в Нью-Йорке один на 27 этаже, чувствовал себя одиноко и хотел домой. Никаких стучащей с ним не было. Он общался с друзьями и те говорили ему о своих проблемах. Во-первых, черная опасность – негры агрессивны и стараются побить белых при возможности. Во-вторых, молодым ученым, например, физикам трудно устроиться на работу, так как все места заняты. В-третьих, Вьетнам. В-четвертых, беспрерывные и бесцельные разрушительные студенческие волнения. На все это Витя рассказал им анекдот: «Нам бы ваши заботы, господин учитель».

Здесь Нина узнала от своей домработницы, что приходили к соседям кагэбешники, расспрашивали, когда Гинзбурги уезжают на дачу и на сколько. Опять же интересовались соседями слева и справа. Есть слухи, что к некоторым ученым без их ведома и во время их отсутствия заходят в квартиры кагэбисты и там шарят. Таким образом, у нас свои проблемы.

1 октября 1969 г., среда.

Мы с Аликом начали репетиции. Приехали после в подвал и столкнулись с Юнной и Романом. Кларочка уже была там. Потом к Алику пришли две девушки-красотки – Тania и ее подружка, тоже художница-модельерша. Алик бродил по холодной мастерской с девушками, а мы, все остальные, сидели в маленькой комнате с тремя рефлекторами. Юнна была похожа на нахохленную больную птицу. Они с Романом были на редколлегии в «Детгизе». <...> Дима мне потом сказал: «Юнне везет, ей попадают золотые мужики». Все фотографии Эдика, кроме одной, Юнна забрала. Она сказала: «Не лицо, а мыло. Никто так плохо меня не снимал, как Эдик». Когда Юнна сказала: «Как мыло», я смотрю – и правда, как мыло.

Потом пришли Алка и Эдик Лимонов. Лимонов зашел ненадолго, но специально остался, чтобы насмотреться на Юнну подольше. Лимонов – невероятно милый парень. Юнна сморела на него искоса и недобро.

2 октября 1969 г., четверг.

Сегодня в подвал мы не ходили – Дима жутко себя чувствовал. Стучал на меня кулаком, ругался и орал, потом извинялся. Сделал несколько рисунков к книге Гараи. Мне жалко его ужасно. Он сердится на Эдика за то, что он стал такой отчужденный, мастерская его не интересуется, обо всем его надо просить, потому что сам он ничего не догадывается сделать – ни в смысле фотографий, ни в смысле ухода за помещением. Меня всё это огорчает и пугает. Раз Дима так упорно и настойчиво ругает Эдика, значит ничего хорошего из этого не выйдет. Я тоже Эдика больше не люблю, а я очень сильно его любила и была всегда благодарна ему, да и сейчас очень благодарна за то, что он для нас сделал. Дима считает, что сейчас Эдик уже сам себя считает конкурирующей фирмой и хочет быть сам по себе. <...> Ему трудно понять, что то, что происходит в подвале,

гораздо интереснее, важнее и нужнее, чем съемки парашютистов для журнала «Крылья родины». Дима даже согласен был бы платить ему какие-то деньги за съемки скульптуры, но Эдик отказался. У него уже проснулось чувство понимания, что такое Дима, он все ему сопротивляется. А для Димы невероятно тяжело и унизительно обращаться к нему с какой-то просьбой. Дима считает, что Эдик сам, без напоминаний, должен все снимать, следить за помещением и не забывать, что Дима из себя представляет.

Приехала к нам Марина с рисунками для Волгодонска. Дима уже с утра завелся насчет Эдика, и с Мариной стал об этом говорить. Марина что-то неясно бормотала: то ли Эдик держит себя с Димой как лакей, то ли Дима обращается с Эдиком, как с лакеем, а Эдик самоутверждается. Это было безумно странное объяснение. Марина, конечно, с большим приветом. Эдик с Димой на «ты», в отличие от всех остальных молодых людей. У Димы много недостатков: он человек гневливый, властный, но чего у него нет и никогда не было – это неуважения к людям, причем к людям любого возраста и любой профессии. Дима вчера успел с Кларочкой наедине пожаловаться на Эдика. <...> Дима, наконец, напился элленiuма и к вечеру совсем успокоился. Легче ему стало и давление понизилось. Звонила Юнна, просто так, поговорить. У нее температура и ее уложили на несколько дней в кровать. Дима сказал ей: «Тебя сейчас окружают очень хорошие люди, ты лечись и не сопротивляйся». Юнна все-таки Диму тоже слушает. Я Юнну очень сильно люблю.

3 октября 1969 г., пятница.

Сначала мы с Димой поругались за то, что я не знаю, куда делись 15 рублей, потом помирились. Пришли Валька и Алла Зайцева. Дима разговаривал с Валькой про Эдика. Оказывается, Эдик на меня обижается за то, что я считаю, что Боря Хазанов лучше всех понимает, что Дима делает, и вообще, что Боря – человек умнее многих других людей. Дима долго, долго говорил с Валькой про Эдика и потом ему стало легче. Валька сказала, что Эдик всё никак не может понять, что Дима все-таки на пятнадцать лет старше, что Дима воевал – то, что сама Валька очень хорошо понимает. Из всех наших молодых ребят только Эдик и Алла говорят Диме «ты», а остальные – и Боря Хазанов со своей Мариной, и Валька, и Алик Киселев – все Диму на «вы» называют, потому что все-таки чувствуют к нему невероятное уважение.

4 октября 1969 г., суббота.

Завтра перевозим родителей, а сегодня сломался в нашем доме лифт.

Вечером у нас был Бранко с женой и с еще одним сербом, его товарищем из посольства. Они выбирали рисунок, чтобы подарить его какому-то человеку, который уезжает в Югославию послезавтра. Была Велта, читала свою рецензию на рассказ Солженицына «Для пользы дела»²⁶³. Рецензия мне понравилась, хотя рассказ этот совсем не нравится. Я считаю, что это один из самых слабых рассказов Александра Исаевича.

²⁶³ Рассказ написан в 1963 г., в том же году напечатан в № 7 журнала «Новый мир».

Дима дома с утра наводил порядок, готовился к приезду родителей. Мы долго после его уборки искали на ночь глядя мою китайскую ручку и грелку.

5 октября 1969 г., воскресенье.

У Димы очень плохо с желудком. Сегодня был невероятно бурный день. Дима ездил в Алабино, разгружался там, загружался, потом в мастерскую, потом домой. Парень-шофер Валера приехал для этого дела со своей пятитонкой с самого утра. Алик Киселев тоже помогал всё таскать, а в мастерской – Боря Хазанов. Вечером приехали родители. Выглядят они ничего, особенно Зинаида Ивановна. Абрам Яковлевич видит ужасно плохо, ходит почти ощупью, но не хочет сам себе в этом признаться. Очень они обрадовались, что приехали. Там, в Алабино, им опостылело и надоело. Только Дима плохо себя чувствует, плохо у него с брюхом.

Приехала моя мама из своего вояжа. Ей было там плохо, наверно, она перепугалась и перезагорала. Явно отдыхала не по возрасту.

6 октября, 1969 г., понедельник.

Все мы уже устроились, пристроились. Я отлично живу в кухне, мне удобно и хорошо. Димушка начал рисовать. Родители тоже спокойны и довольны. Я чувствую, что всё у нас будет в порядке, лишь бы все были здоровы. Я сегодня намоталась. Утром работа, приехала на два часа домой и обратно в школу на родительское собрание. Вернулась уже в одиннадцать ночи. За меня даже начали все волноваться. Абрам Яковлевич очень плохо выглядит, хотя старается этого не показывать. Завтра поедет к врачу. Один глаз у него совсем красный.

Про Диму напечатали в Венгрии в журнале *Nagyvilag*²⁶⁴ № 7 за 1969 г. Текста нет, только три фотографии скульптур: «Памятник погибшим от насилия», «Памятник погибшим от страсти»²⁶⁵, «Любители пива». В этом же журнале один рисунок Неизвестного, мелкий дрипаный, выглядит неинтересно. А Дима выглядит отлично.

Дима рассказал, что сегодня в ГУМе молодые ребята, шведка и норвежец, разбрасывали листовки за освобождение генерала Григоренко, а чтобы их сразу не схватили, они прицепили себя наручниками к перилам, и их долго не могли отцепить. Героические ребята²⁶⁶.

Вчера звонила Юнна, говорила, что книгу надо делать быстрее. Дима сказал, что он всегда готов. Корней Иванович, бедный, заболел желтухой и сейчас в больнице. Только мы собрались с ребятами к нему поехать.

7 октября 1969 г., вторник.

Были с Димушкой на дне рождения Инны Бернштейн. Был у нее чех. Инна вроде бы должна ехать в Прагу во вторник. У Инниной знакомой муж, который

²⁶⁴ *Nagyvilág* – литературно-художественный журнал, с 1956 г. ежемесячно издается в Будапеште.

²⁶⁵ Первоначальное название «Памятника погибшим от любви».

²⁶⁶ Речь идет о демонстрации, проведенной 6 октября шведкой Элизабет Ли и норвежцем Харальдом Бристоль. После ареста их выслали из СССР. Подобные акции еще трижды были проведены норвежскими, бельгийскими и итальянскими гражданами в Москве и Ленинграде в январе 1970 г.

был здоров и весел недавно, перенес только что операцию рака горла. Было жутко слышать его сипение и клокотание, хотя никто не показывал виду, что в этом есть что-то необычное.

Все время звонит Алла Зайцева, скучает по нас явно. Мы с Димой заехали в подвал. Отличную штуку привез Димка из Алабина – «Христос» с железной головой из кастрюли на деревянной доске. И большого «Христа» тоже привезли. Была Марина, совсем стала похожа на японку.

Приехали ночью домой, у Зинаиды Ивановны с животом плохо. Здесь тепло, топить не надо, уборная нормальная. И нам спокойнее, и им с нами легче. Нам намного лучше стало с родителями, они очень деликатные, хорошие люди. Я, честно говоря, побаивалась их приезда, а теперь у меня нет по этому поводу абсолютно никакого беспокойства. Всё у нас будет в порядке. У Левитанского та же проблема. Его старики в Иркутске пропадают. Юра хочет перевезти их сюда и снимать им квартиру, а Марина категорически против. Она совершенно неправа, Юра мучается и завидует, что Дима решил эту проблему, а он никак не может.

8 октября 1969 г., среда.

Нас посетили Валька и Алла Зайцева. У Аллы Бураковский, наверное, потерял диплом, который она ему дала почитать, а этот диплом ей очень нужен для поступления в аспирантуру. С Валькой снова по ее желанию возник разговор об Эдике. На этот раз она говорила со мной. Она сказала, что ей было плохо в тот раз, после того, как они поговорили с Димой. Я сказала ей, что все мы крутимся вокруг Димы. Он – ось, а мы все вокруг него вращаемся. Я, как жена, нахожусь на самом близком расстоянии, а все остальные наши друзья – чуть-чуть подальше, но тоже вокруг него. Поэтому Дима нас всех в этом подвале объединяет, а именно меня, Эдика, Вальку, Марину и Кларочку. Это самые близкие люди. Остальные друзья тоже более или менее близкие люди. Они уже сами какие-то центры, и вокруг них вращаются свои люди. Вот Алла Зайцева явно уже втиснулась в нашу среду довольно прочно. Поэтому я сказала Вальке, что мы должны Диму принимать таким, какой он есть, со всеми его недостатками и достоинствами. И вопрос ставится только так: или принимать, то есть во всем ему подчиняться, а делать так как он говорит, или же не принимать, и тогда конфликт, а в итоге и разрыв неизбежен. Дима переделаться не может, да и не будет, он – человек другого возраста, другой судьбы, другого уровня в искусстве, поэтому приспособиться надо к нему, а не он должен приспособливаться к нам. Что же касается меня, то я сказала Вальке, что для меня уже давно решено и ясно, что любое Димино действие, как бы оно не было расценено окружающими, останется для меня единственно правильным, и я всегда и во всем буду на его стороне. И не только потому, что я его жена, но еще потому, что я понимаю – что Дима такое. Валька начала плакать, а я ничего не могла ей сказать, кроме того, что всё зависит от Эдика. Еще Валька обиженно сказала, еще до разговора об Эдике, что мы уже три года у них не были, и что я всегда разговариваю с кем угодно, но только не с ней. Потом она еще сказала, что если мы поссоримся, то она умрет. Потом Валька рыдала у Димы на плече, и он сказал ей, что всё будет хорошо. А мне, когда я ему рассказала о нашей беседе, Дима сказал: «Ты бы лучше сказала

ей, чтобы Эдик интересовался мастерской так же, как и я. А чтобы я не ходил и не убирал за всеми». Я думаю, да и Дима сам знает, что все проблемы гораздо серьезнее. Люди вырастают, меняются, начинают тягаться, самоутверждаться, а силенок и талантов особенных у них нет, во всяком случае, пока. Зато желание преуспеть преобладает, а главное – теряется понимание, кто рядом с ними вот так запросто находится и что он значит и для нашей несчастной родины и для всего мира. Мы сейчас по Эдику не скучаем, а раньше скучали.

Студентов-иностранцев, которые разбрасывали в ГУМе листовки, отпиливали от перил в течение двадцати минут.

9 октября 1969 г., четверг.

Сегодня у нас было шумно. Приехала моя мама, и стало совсем невыносимо шумно. Я несколько обалдела. Мы долго все хором что-то варили, возились с грязным бельем. Мама рассказывала про свой вояж по курортам плюс Астрахань. Бабушка оклемалась и, наверное, постарается дожить до девяноста лет, дай ей бог.

А сегодня в школе произошло ЧП. Ночью кто-то пытался ограбить школу, утром вызвали милицию, и она там шурувала, пока все ученики оставались на улице под дождем. В итоге учеников впустили и занятия продолжились как всегда, только мой уважаемый девятый «А» смылся вместе с параллельным классом в неизвестном направлении. Завтра мне предстоит это дело разбирать и «принимать меры».

Вечером поехали в подвал, только начали возить грязь, пришли к нам Рита Янус, Валя Турчин со своими друзьями. Симпатичные интеллигентные люди. В беседе преобладал юмор висельников. Каждый предчувствует, что с ними может случиться в любой момент то же самое, что с Григоренко, Даниэлем, Синявским и тысячами других, но шутят, так как делать не фига. Рита сказала, что она вместе с матерью Валерия Павлинчука решила памятник ставить и собирается привести свекровь к нам в подвал, чтобы показать ей эскиз. Поздно совсем пришел Киселев с товарищем по имени Вадим Суховерхов²⁶⁷. Непонятно, что это за человек.

10 октября 1969 г., пятница.

В школе я произнесла перед своими учениками речь негромким голосом, но явно – это произвело на них соответствующее впечатление. «Меры» будут приняты позже.

В подвале сидел толстый Юра Левитаныч с двумя шведами – молодым парнем и женщиной средних лет. Оба говорят по-русски. Дима очень устал, крутился, крутился. Марина, его помощница, очень плохо себя чувствует. Приехали Толя Гитберг с Милкой с курорта. Толя там чуть не утонул. Вечером пришел пьяный Володя Бураковский с Лилей и молодым парнем-грузином. Лиля пристала ко мне с французским. Я согласилась ей помогать, если Лиля будет учить меня английскому.

²⁶⁷ Суховерхов Вадим Иванович (р. 1935) – новосибирский друг О. Киселева, телевизионный и театральный режиссер, педагог, сценарист и писатель.

11 октября 1969 г., суббота.

Болит все мое тело. Мы в школе играли в волейбол на открытии нового спортзала. Проиграли. Дима на Масловке полдня занимался хозяйством. Потом в подвале Дима общался с Мариной Бураковской и ее подружкой. <...> Потом девочки ушли и пришла Валька со своей подружкой. Мы слушали Баха, Битлов и Окуджаву. Дима сидел и спокойно рисовал книгу Гараи.

Мне ужасно нравятся «Бранденбургские концерты» Баха. Никогда я не думала, что вообще смогу полюбить симфоническую музыку. Получила трогательное длинное письмо от девочки Марианны из Парижа, которая была в нашей школе в составе французских лицеистов в начале сентября. Удивительно, до чего четырнадцатилетнему человеку хочется с кем-то общаться, высказываться. Эта Марианна невероятно симпатична, сидела у меня подряд на всех уроках.

12 октября 1969 г., воскресенье.

Зинаида Ивановна заболела, наверно, гриппом, температура 37,7°. Я сегодня полдня стирала, а потом, не разгибаясь, делала все свои рабочие дела. Очень много у меня всяких дел накопилось. Димушка кончает книгу Гараи. Вечером он поехал в мастерскую один. Инна уезжает в Чехословакию во вторник.

13 октября 1969 г., понедельник.

Зинаиде Ивановне стало легче, температура у нее снизилась, и она уже ходила по квартире. Дима выкупал отца. Все довольны.

Я ходила в Театр Вахтангова с несколькими моими ребятами посмотреть спектакль «Живой труп». Буза дикая. Учитель наш новый тоже ходил. Я уговорила его с товарищем смотаться после второго акта к нам в подвал. Олег Михайлович – хороший парень, но комплексует и сдается. Это жаль. Алла Зайцева пришла. Она с Лимоновым и другой компашкой была у Целкова. Теперь Целков должен вроде бы приехать к нам, а потом мы к нему поедem.

14 октября 1969 г., вторник.

Дима закончил Гараи и отнес книжку в «Детскую литературу». Я занималась с Лилей Бураковской французским, а она со мной – английским. Женька Смагина написала стихи про Франсуа Вийона, мне очень они понравились. У нас было много народу. Ребята из Киева переписывали на пленку Булатову пластинку. Был Толя Гитберг и наконец Алик Киселев.

15 октября 1969 г., среда.

Дегтярев²⁶⁸ вроде бы собирается подписать книгу. Очень здорово, если бы это получилось. Дима уже начал рисовать свое. Он очень, очень устал. Вечером

²⁶⁸ Дегтярев Борис Александрович (1908–1993) – график, иллюстратор книг для детей, сценарист, автор теоретических работ по графике. Главный художник издательства «Детская литература» в 1945–1977 гг. (на этом посту часто давал работу нуждающимся в заработке художникам). Преподаватель МГХИ им. В.И. Сурикова в 1935–1937 гг. и с 1948 г. (с этого же года профессор), где вел книжную мастерскую. Лауреат Сталинской премии (1947), Народный художник РСФСР (1966), член-кор. АХ (1975).

у нас были Юнна с Сефом. Сеф очень интересно рассказывал, как сидел в лагере. Его посадили в 1951 году, когда ему было 19 лет. Сначала приговорили к расстрелу, потом заменили на 25 лет, потом снизили до 10 лет, а потом, когда сдох Сталин, он вышел в 1956 г., отсидев пять лет. На вид такой парень мягкий, а на самом деле с очень твердым характером. <...> Они принесли нам уже окончательно ими отобранную рукопись. <...> Сеф должен был ехать в Швейцарию, но его не пустили. Юнна сказала мне: «Его не пустили из-за меня». А я сказала: «Подумаешь, дерьма – за границу не пустили. Он имеет большее сокровище». Юнне было приятно это слышать. Я сказала: «Ты попала в хорошие руки». На что Юнна ответила: «В хорошие наручники». Сеф сказал Диме: «Не нужно нам с вами отбирать рисунки, мы вам абсолютно доверяем и как вы сделаете, так и будет». <...> Он парень закаленный – у него отца в 37-м расстреляли, дядьки сидели, мать просидела 17 лет, и сам он просидел пять лет. <...>

Валька к нам приходила. С Кларочкой мы говорили по телефону. Корнею очень плохо, у него инфекционная желтуха, его рвет все время. Кларочка в ужасном состоянии.

16 октября 1969 г., четверг.

У меня выходной. Я по этому поводу спала до половины первого дня. Потом мы всем семейством копошились, стирали, убирали, варили. Зинаида Ивановна впервые вышла погулять со времени своего приезда. Потом я стала читать стихи Юнны. Стихи прекрасные. Пока не дошли до стихов, где про нас с Димкой. Юнна снова вставила в эту книгу старые стихи, а не те, короткие и лучшие, которые нам нравятся. Дима ужасно расстроился и решил, что я в этом виновата. Если бы не было родителей в соседней комнате, он бы разорался и так далее. Но тут, чтобы не поднимать шуму, он с искаженным лицом подошел ко мне и совершенно неожиданно как шарахнет меня по голове. Во мне всё сотряслось. Я сразу поняла, что такое сотрясение. Я тут же говорю: «Кретин, идиот, псих!» Сама говорю негромко, чтобы родители не узнали. А Дима весь дрожит от ярости: оказывается, он подумал, что вот он так расстроился, а я не реагирую. А я тоже огорчилась, но что я могла сказать. Потом я на Диму ужасно рассердилась и не хотела идти в подвал. Но он мне сказал: «Ударь меня тоже». Я сказала: «Не сходи с ума». И он очень извинялся и всё говорил: «Как я тебя ужасно люблю». А потом мы с ним смеялись и он говорил, что он действительно псих и ему больше не на ком отыграться, как на мне.

Заходил к нам Петька Якир с девицей. Потом пришел какой-то парень насчет памятника для своего отца. Потом Алка пришла с киношниками-документалистами и наконец Эдик Лимонов, бледный, вконец отошавший и несколько сумасшедший. Только у нас он в итоге отошел. Прочел все Юннины стихи и сказал, что ему это чуждо. Все они друг друга не приемлют. А в тот раз, когда была Юнна, а Лимонов еще не пришел, но зашел разговор о том, что он шьет брюки, Юнна, не читая и не зная его стихов, сказала: «Это хорошо, что он шьет брюки, Россия не познакомится еще с одним плохим поэтом». Потом киношники ушли, а мы начали извечный спор о том, что искусством настоящим можно заниматься только для себя, не идя ни на какие компромиссы. Алка доказывала, что и при

легальных методах можно чего-то добиться и что особенно в кино – иначе нельзя, так как это коллективное предприятие. А Дима говорил, что и кино можно делать в стол, как пишут стихи и романы. Эдик с Димой соглашается во всем. Эдик – вообще удивительно умный человек. Он перерос свой возраст. Они с Алкой одногодки, но насколько Эдик всё лучше понимает, даже удивительно. Алка почему-то решила, что мы обижаем ее друзей, хотя их никто не обижал. Лимоннову она сказала: «Ты вообще пуп земли. Шьешь свои штаны, а в кино не понимаешь». Алка вся красненькая стала, спорит, спорит. «Я про кино лучше вас всех знаю, здесь всё зависит от техники. Один человек не может сделать хороший фильм, особенно в наших условиях». А Дима сказал: «Роман написать в стол или стихи, а также сделать скульптуру в подвале и поставить ее на полку – так же тяжело, как снять фильм, и стоит не менее дорого. Чаплин делал гораздо лучше фильмы, когда техника была хуже и денег у него было меньше, чем сейчас, когда у него всё есть».

17 октября 1969 г., пятница.

После школы мы с Женей Смагиной и Юрой Геннисом поехали в ЦДЛ на выставку югославского художника Саво Николича. Художник не бог весть какой, но югослав, и Романенко²⁶⁹ специально пришел, предупредил, чтобы мы пришли. Там было полно знакомых: Игорь Тупицын с женой, Саша Романенко взволнованный, всё спрашивал, когда Дима приедет, Левитанские пришли. Дима пришел с опозданием. На него как все набросились! Одни интервью просят на югославское радио, другие из АПН что-то хотят, непонятно чего, из «Иностранной литературы» какая-то женщина подошла о чем-то договариваться. Оказывается, всё это Романенко устроил. Сейчас снова с Югославией налаживаются отношения, поэтому нужно поддерживать какие-то связи. Дима сказал по югославскому радио, где-то в углу, не столько про художника, сколько про то, как хорошо, что мы с Югославией имеем отношения, а у Николича он отметил несколько работ, которые были получше, на военную тему, лошади и дети. Тупицын явно обижается, что мы с ним почти не общаемся. Дети мои, Юрочка и Женька, совершенно умилительно выглядели в своих школьных костюмах среди всех этих взрослых гудящих деятелей. Левитанец познакомил Диму с Николичем. Слава богу, Николич с семьей уезжает в Ереван, а то бы у нас сегодня был утомительный вечер в подвале.

Я, когда пришла, сразу ребят накормила, а потом, когда Дима пришел, мы еще раз пошли поели. Ребятки мои – довольные такие. Окунулись в светскую жизнь. Пообщались с мы с Бориным, с Таней Виртой, видели Феликса Дектора. Он сам подошел к Диме и поздоровался с ним за руку, а я сделала вид, что его не вижу. Потом мы взяли с собой детей и уехали в подвал к нам. Женька читала свои стихи, Диме они ужасно понравились. Дали им почитать стихи Юнны Мориц. Женька попросила показать рисунки, особенно те, что Дима рисовал к «Мастеру и Маргарите». Вдруг сказала, что есть сходство с Целковым. Мы уже не раз об этом слышали. А до сих пор не знаем, что же он все-таки делает. Я ви-

²⁶⁹ Романенко Александр Данилович (р.1932) – критик, переводчик, литературовед.

дела две репродукции с его картин без цвета, и мне все равно понравилось. Самого его мы видели в день похорон Назыма Хикмета в ЦДЛ, когда он просил у нас закурить. На днях он должен был к нам заехать с тем, чтобы потом мы поехали к нему, но почему-то сорвалось, Алла не смогла договориться. Завтра Юрочка Геннис по секрету от всех учеников, но по желанию Олега Михайловича, дает урок литературы в моем классе по роману Тургенева «Отцы и дети». Мне ужасно интересно, как это получится. А Зальцман, безусловно, молодец. Вот уж повезло и школе и детям.

18 октября 1969 г., суббота.

Юрочка провел урок средне, смушался и не мог владеть аудиторией, он пока еще не имеет в себе большой уверенности. Я так притомилась, что как приехала домой, так проспала весь день. Дима неважно себя чувствует и в мастерскую не ходил. Сделал вариант обложки для книги Юнны, мне нравится. Родители чувствуют себя прилично.

19 октября 1969 г., воскресенье.

Дима сделал очень красивую обложку к книге Юнны Мориц. Я снова сегодня прочла ее стихи и была в полном восторге. Мама моя была, всех нас потешала своими рассказами о чем угодно.

20 октября 1969 г., понедельник.

Толя Гитберг рассказал по телефону интересную историю. Лемпорт и Силис посадили в тюрьму замдиректора скульптурного комбината <Рыболтовера> за взяточничество. Будто бы они предупредили органы, что дадут ему взятку, а когда тот возьмет, они его продадут. Так и сделали. Теперь все говорят, что Лемпорт, Сидур и Силис посадили замдиректора скульптурного комбината. Димино имя неизменно пачкается, и так, наверное, будет еще долго. Сегодня Дима был в издательстве, какие-то художники смотрели на него косо. Толе уже приходилось объяснять, что Дима не имеет к этой истории никакого отношения, но всем ведь не объяснишь.

Увиделись с Эдиком. Эдик очень симпатично держится. Я съела мясо, которое он принес с собой. Видела Марину с охрипшим голосом и многими седыми волосами. Дима кончил обложку к книге Юнны. Обложка очень красивая, только лицо у мужчины надо сделать менее сусальным.

21 октября 1969 г., вторник.

Все Сидур врет, обожаемый мой идол. Я, Сидур, твоё создание. Ты вылепил меня по образу и подобию своему. И нет у меня на свете человека ни ближе, ни дороже, ни роднее. А в других людей я влюбляюсь. И нечего врать про «ремесла и про чресла».

Мы с Эдиком ходили в кафе «Крымское». Я там выпила двойной черный кофе, съела взбитые сливки и лишилась своего зеленого цвета на лице, который мне теперь постоянно сопутствует, очевидно, из-за переутомления. Я сплю пять часов в сутки за исключением двух дней в неделю, в четверг и в воскресенье. На

Юра Геннис.

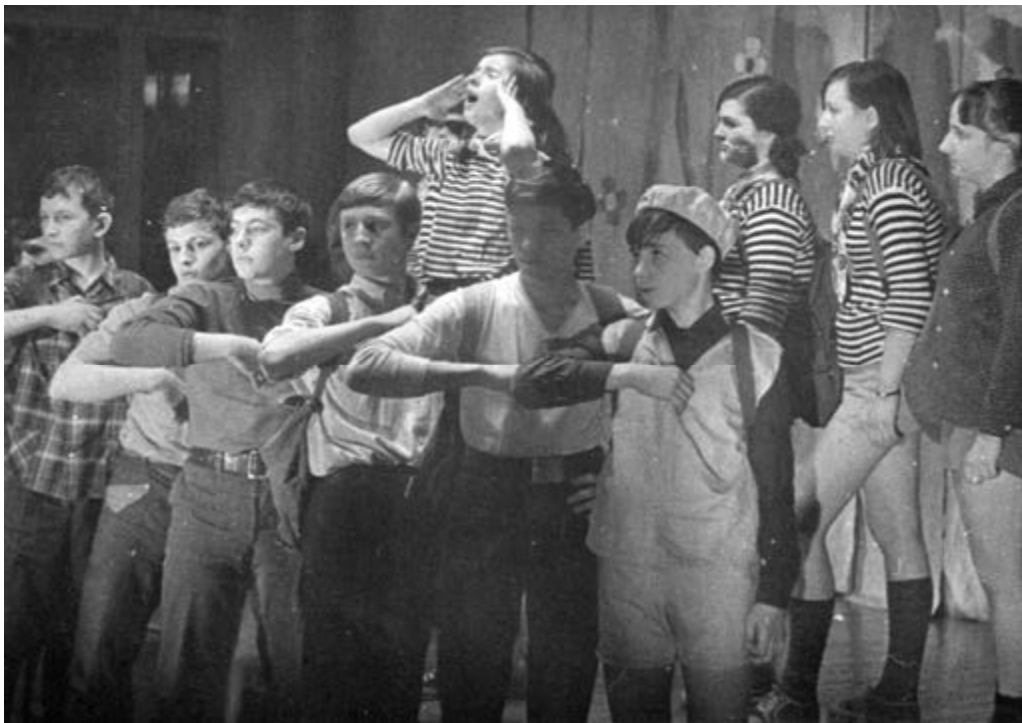
21 Октября 1969г. Вторник.

Мой талантливый народ, доброты ради
Юлии Сидур
Сидура сгорает не меньше и
зелена.

Страница из дневника с рисунком В. Сидура (1969)

работе у меня жизнь очень интенсивная, а после работы я еще урывками пытаюсь готовиться к урокам и проверять тетради. Я пока, слава богу, это выдерживаю, так как у нас, к счастью, нет детей, а старички понемногу копошатся с едой. Кроме того – бурная светская жизнь, от которой никуда не денешься: люди, люди, люди. Несмотря на такое нервное напряжение, я, пожалуй, физически чувствую себя даже лучше, чем летом во время отпуска. То ли у меня зуб болел, то ли мне не хватало моей активной педагогической деятельности. Потому что всё, что делает Димка, настолько раз и навсегда сделалось для меня прекрасно, бесспорно и неповторимо, что я уже привыкла к этому состоянию. А Дима иногда думает, что я недостаточно интересуюсь его делами, высказываюсь, и он сердится, чудак.

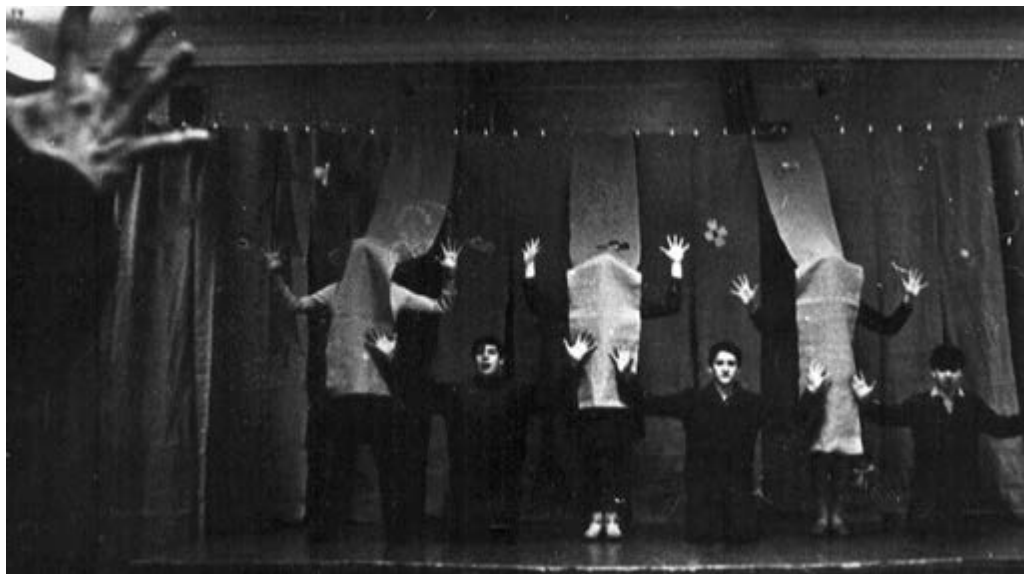
Спектакль «Шестидневный поход», сцена «оперы». (Нижний ряд слева направо: В. Медведев, В. Воловников, В. Лавров, А. Фролов, Ю. Руднев, М. Курс, наверху в центре Е. Гамазина, справа О. Пичугина). Фото: Эдуард Гладков

Он сделал сегодня еще два варианта обложки к Юнниной книжке. Оба хорошие, но первый пока что мне нравится более других. Вообще, Дима несколько переживает из-за этой книги, потому что очень сильно чувствует свою ответственность. А книга получается совершенно прекрасная. Только бы ее приняли. Дима нарисовал вдруг портрет Баха. Он сказал: «Хочу сделать скульптурный портрет Баха. Это как мечта моей жизни». Хочет сделать его из сварных труб. А может быть, в гипсе с металлом сделает, если, даст бог, будем живы-здоровы.

Эдик Лимонов заходил, принес еще один сборничек своих стихов. Хороший мальчик. Мир на душу спадает, когда его видишь. Хотя, когда выпьет, совсем сумасшедший.

22 октября 1969 г., среда.

Сегодня в школе репетировали с Аликом до потери сознания. Оперу придумали к моему спектаклю. Потом в подвале занимались с Лилей Бураковской. Я ее учила французскому, а она меня – английскому. Может, я в итоге, выучусь английскому. Дима с Абрамом Яковлевичем приобрели кухонный комбайн за большие деньги и пылесос «Чайка». Обуржуазиваемся. Нас теперь много, а крутить котлеты каждый день невозможно. Пока мы с Лилей занимались у Эдика

Репетиция спектакля «Шестидневный поход». (Нижний ряд слева направо: В. Лавров, Г. Геннис, М. Курс).

в комнате иностранными языками, Дима дал себе отдых, немного почитал газету, хотя все время мучился, что он ничего не делает. Он придумал и выклеил еще две обложки для Юнниной книжки. Все три очень красивые. Димка теперь на ночь читает ежедневно по три главы из Библии и всё восхищается. Он даже собирается ее иллюстрировать. Не знаю только, когда ему этим делом заниматься. Завтра Юнна должна прийти с Сефом смотреть на обложку. А затем придет художник Олег Целков, Алла Зайцева его к нам приведет.

23 октября 1969 г., четверг.

С утра мы разбирали и собирали кухонную машину. Даже выжали из двух фиговеньких яблочек полстакана прекрасного соку. Дима по телефону отчитывал Марину за то, что она не звонит, когда приходит, и слишком медленно работает.

Сегодня пошел снег и холодно стало жутко. Возле нашего подвала лежал человек навзничь с синим лицом. Мы подошли, думали больной, оказался мертвецки пьяный. Через два часа я ходила в аптеку, этот человек уже стоял, покачиваясь, а рядом два милиционера. Мы должны были встретиться с Юнной и Романом, но у них случилась авария. Во-первых, пробило трубу в туалете. <...> К нам пришли Алла и Олег Целков со своим приятелем, писателем из Ленинграда Вадимом Нечаевым²⁷⁰. Один момент, еще до прихода гостей, Диме вдруг стало очень плохо. Были только Эдик и Марина. Димка лег на диван,

²⁷⁰ Нечаев (Бакинский) Вадим Викторович (1937–2015) – писатель, журналист. В 1978 г. эмигрировал во Францию, жил в Париже, окончил аспирантуру славянского отделения Сорбонны (1982), создал частную школу русского языка и литературы для французских студентов, выступал как эксперт по русскому искусству XX в.

Олег Целков и Алла Зайцева в мастерской В. Сидура (1969). Фото: Эдуард Гладков

наелся валидолу, и тут вдруг Марина открыла дверь Вале-пожарному, пьяному в дым, который пришел за рублем. Дали ему рубль, он еле ушел.

Целков – приятный, живой парень Он сейчас под антабусом, не пьет уже полгода. Говорит, что очень доволен и продуктивность у него гораздо выше. Он смотрел невероятно внимательно и серьезно. Наконец Юнна с Романом пришли с бутылкой «Гамзы». Юнна почему-то осталась на улице, Роман сказал, чтобы Дима за ней сходил. Дима говорит, что Юнна бросилась к нему, стала обниматься, целоваться. Непонятно, почему она решила не спускаться к нам сразу. Тут еще пришел Никита Хубов с оператором, своим товарищем. Мы ушли с Юнной и Сефом к Эдику смотреть варианты обложки. Они ужасно были довольны, выбрали второй вариант. Согласились со всеми шумуцами. Юнна отлично выглядела, была веселая. А Роман мне совсем понравился сегодня. Я даже его полюбила. Морицы ушли. Кларочка позвонила убитым голосом. Корнею Ивановичу очень плохо.

Мы поехали к Олегу Целкову к черту на кулички, в Тушино. Эдик тоже с нами поехал, Алка и Нечаев. Эдику я сказала, чтобы он его снимал. Понравилась нам очень его живопись, очень сильная, но недостаточно, на мой взгляд, страшноватая, хотя идея именно такая. Сходство с Димой действительно есть. Причем само собой, поскольку ни Олег, ни Дима до сегодняшнего дня не видели работ друг друга. Когда-то еще давно Эрнст сказал Диме: «Целков похож на тебя, но как человек, который не был на фронте, не имел инфаркта, не пережил того, что ты». Дима шире по масштабу, по охвату, и разнообразней, не говоря уже

Вадим и Юлия дома у Олега Целкова. (Слева направо: Вадим Нечаев, Вадим Сидур, Юлия, Алла Зайцева, ?, Олег Целков). 1969. Фото: Эдуард Гладков

о количестве. Тем не менее мы еще раз убедились, так же, как и раньше по отдельным редким его репродукциям, что это один из сильнейших художников самого высокого класса. Чем-то очень наивный парень. Вдруг стал читать нам Бабеля вслух. Мы всё это знали, но он читал с таким восторгом и так восхищался, что мы с удовольствием его прослушали. Очень приятно, что парень абсолютно ненадутый.

24 октября 1969 г., пятница.

Я до того устала, что как пришла в подвал, так прямо свалилась на диван, Дима меня покрыл зеленым пальто (шинелью), и я заснула. Свет горел, телефон звонил, я всё слышала и спала. Марина пришла, Дима рисовал свои страшные рисунки, Эдинька что-то тоже ковырялся. Кларочка когда пришла, я сразу вскочила. Кларочка у нас немного отошла. Корней Иванович очень худо себя чувствует и вообще дела неважны. У Зинаиды Ивановны сегодня день рождения. Лет ей много, чувствовала она себя плохо. Отец немного получше.

Целый день вели телефонные разговоры с Юнной и Романом. Дима оставил эскизы в «Советском писателе» у худ. редактора Володи Медведева²⁷¹, и тот уже

²⁷¹ Медведев Владимир Васильевич (1931–1999) – график, книжный иллюстратор. С 1955 г. работал в издательстве «Советский писатель», с 1989 г. был главным художником независимого издательства «Слово/Slovo».

Юрий Левитанский, Юлия, Давид Самойлов, Галина Медведева в мастерской В. Сидура (1969). Фото: Эдуард Гладков

сейчас сказал, что это очень плохо «проходило». Юнна еще не беседовала по поводу рукописи с Елисеевым из «Совписа».

Алла Зайцева пришла к нам поздно, прочитала стихи, которые Юнна про нас с Димой написала, и сказала мне: «Эх ты, куриное яйцо». Я ей сказала: «Это ты – куриное яйцо, а я – соловьиное». Вот так мы пошутили.

25 октября 1969 г., суббота.

Я участвовала в субботнике в школе, Дима участвовал в кухонных забавах с кухонным агрегатом и маялся с животом. У Зинаиды Ивановны с утра была температура, а к вечеру стало ей легче. В мастерскую мы не ходили.

26 октября 1969 г., воскресенье.

Я к двенадцати поехала в ЦДРИ²⁷², а Димочка остался дома на весь день. В ЦДРИ был какой-то устный журнал, который начался фильмом о Ленине. Где-то в середине Юнна прочитала три стихотворения, которые хоть и вызвали аплодисменты, но не дошли до той школьной и разношерстной аудитории, которая там присутствовала. Юнна, разумеется, не должна выступать в такой сборной

²⁷² Центральный Дом работников искусств – творческий клуб деятелей театра, музыки, изобразительного искусства и эстрады, существующий в Москве с 1930 г.

солянке, и Сеф зря ее в это пихает. Это не была даже встреча с поэтами. А вообще, Юнна должна выступать одна, тогда это звучит. Голос у нее не очень сильный, но аудиторию она совершенно завораживает. А здесь мне было даже обидно, что она с таким бараклом смешалась. Я познакомила двух моих мальчиков из класса – Юрочку Генниса и Игоря Берлянта²⁷³ – с Юнной. Алка Зайцева пришла со своими друзьями, которые Юнну послушали, а потом ушли. Потом мы многочисленной компанией: Юнна, Сеф, друзья Сефа, какой-то парень-араб, Алка, сестра Юнны Инна с каким-то белобрысым киевлянином, сидели в буфете, пили вино, черный кофе. <...>

Очень возможно, что Юнна с Сефом приедут к нам в школу 29-го и почитают свои стихи, мы почти договорились. Сеф накупил вина, я забалдела от него порядком. Юнна пила только кофе. <...>

Дома у нас шумела моя мама. Зинаида Ивановна чувствует себя неважно, немного температурит. У Димы брюхо болит. На улице снег пошел и остался лежать, не стоял. В Чехословакии полицию называют «Густапо».

27 октября 1969 г., понедельник.

Димочка общался с Юнной в «Совписе». Там очень паршивая обстановка. Юнна ходила там полубезумная и все время шептала Диме: «Ты кретин, кретин, зачем без меня пришел? Я бы всё устроила». В общем, к обложке там придрались и к шмуцам тоже. <...>

Корней Иванович, наверно, не выкарабкается на этот раз. Плохо с ним, совсем плохо.

28 октября 1969 г., вторник.

Умер Корней Иванович. Кларочка придет к нам завтра вечером. Дима с девяти утра до часу ночи просидел над книгой Юнны. Завтра он с ней встретается в «Совписе». А потом приедет с ней ко мне в школу, а Сеф приедет, наверно, еще раньше.

29 октября 1969 г., среда.

Сегодняшний день был совершенно прекрасный, несмотря на всякие тяжкие события. Во-первых, Дима с Юнной практически протолкнули книжку. Буров, главный художник²⁷⁴, подписал все рисунки, кроме одного. Они захотели, чтобы Анна Франк была моложе. Этот факт – совершенно прекрасный, что нужно переделывать только один рисунок. Потом Сеф, а за ними и Юнна с Димой без опоздания приехали ко мне в школу. Народу было человек пятьдесят. Сеф выступил первый, на него очень неплохо реагировали. Он затем уехал в

²⁷³ Берлянт Игорь Моисеевич (р. 1954) – бизнесмен, с 1990-х гг. живет в Нью-Йорке.

²⁷⁴ Буров Константин Михайлович (1915–1985) – с 1935 г. по окончании Редакционно-издательского техникума ОГИЗа занимался оформлением книг, в 1945–1958 гг. заместитель главного художника Гослитиздата, в 1958–1961 гг. главный художник Главиздата Министерства культуры СССР, в 1961–1970 гг. главный художник издательства «Советский писатель», в 1970–1975 гг. главный художник издательства «Художественная литература». Известный коллекционер оригиналов печатных обложек (коллекция передана в Музей книги РГБ).

гостиницу за Биссетом²⁷⁵, а Юнна осталась. Юнна сидела вначале бледная, урюмая, кусала ногти. Но когда она встала, она сделалась совершенно прекрасной. Такая красивая женщина. Она стала читать и тут же заворожила нас всех. Читала она удивительно. Такой тишины в нашем школьном зале я что-то вообще не припоминаю. Дети и взрослые сидели, совершенно затаив дыхание. Для них это было вообще что-то потрясающее. Они и после того, как Юнна сказала «спасибо», никак не могли опомниться. Затем мы помчались в подвал, куда Сеф приехал вскоре вместе с Дональдом Биссетом и «сопровождающими» – одна из иностранной комиссии Союза писателей, другая, симпатичная женщина, переводчица книги Биссета на русский язык²⁷⁶, вместе со своей восемнадцатилетней дочкой. <...> Биссет, краснолицый старый англичанин, написал Диме автограф: «Бескомпромиссному духу». Алка всё время была с нами, еще со школы. Потом приехала Кларочка, совсем без лица, с Валькой и Эдиком. Эдик сказал, что про Корнея лучше не разговаривать, Кларочка может не выдержать. Потом, когда все ушли, Юнна, как всегда, стала пикироваться с Романом. Я написала и стала говорить Роману, что я его полюбила за то, что он любит Юнну. Бывшая жена Левы Тоома, Наталья Антокольская, сообщила Лидии Петровне Тоом, что Юнна уже вышла замуж. Юнна от этого переживает. <...> Они всё чего-то переругивались, потом он взял вилку и сделал ей громадную дыру на чулке. Я пыталась его остановить, а Димка с Алкой смеялись, и Юнна тоже. Тогда я сказала: «Вот дурак! Все вы шезы, друг друга стоите, что один, что другой!» Все стали смеяться еще пуще. Роман отвел меня в сторону и стал объяснять: «Ты ничего не понимаешь, подобный безрассудный поступок необходим, чтобы сбить стереотип». Я ему мрачно сказала: «Ты меня не убедил». Я вообще не люблю всякие игрушки с колющими и режущими предметами. Юнна невероятно развеселилась и сказала: «Я в этом доме одна нормальная. Его мама ходит в одном конце коридора и поет, он ходит в другом конце и бубнит, а я сижу в ванной на решеточке, болтаю ногами и думаю».

Юнна ужасно поразилась, что Дима и пил и курил в свое время. Она думала, что он всегда был такой непогрешимый. Марина, ученица, тоже откуда-то появилась ненадолго. Постояла в дверях, слушала, как Юнна читала свое стихотворение «Зейдер-Зее»²⁷⁷. А Биссет потом говорил, какое оно красивое, и пытался

²⁷⁵ Биссет (Bisset) Дональд (1910–1995) – английский детский писатель, киноактер и театральный режиссер.

²⁷⁶ Имеется в виду Шерешевская Наталья Викторовна (р. 1925) – прозаик, переводчица произведений Г.Х. Андерсена, Д. Биссета, Д. Дефо, Э. Фарджона, английских, болгарских, валлийских, ирландских, шотландских сказок.

²⁷⁷ Стихотворение 1968 г., включенное в сборник «Лоза».

*Я подвержена идее
Побывать на Зейдер-Зее,
На заливе, столь воспетом
Мореплавецem и поэтом
В древней саге и позднее,
В тех столетиях и в этом.
Да! Мечты моей предметом
Стал далекий Зейдер-Зее. <...>*

разложить строфы на слоги. Смешной человек, Биссет, лицо красное, глазки голубенькие, прямо – мистер Пиквик.

30 октября 1969 г., четверг.

Мы с Димушкой поехали в «Совпис». Отвезли переделанный шмуц к разделу Юнниной книжки «Анна Франк».

Дома у нас было шумно. Мама моя приехала, чтобы отнести кое-какое наше с Димой барахло в хичистку. Дима наконец рисовал свои жуткие рисунки в подвале. Марина сколачивала каркасы. Дима работал вместе с ней, а потом у него заболело сердце. Я ему что-то чуть-чуть возразила насчет фотографий, он так на меня разобиделся, чуть не заплакал. Ну хорошо, мы потом быстро помирились.

Завтра на работу не пойду, скажу, что больна, пойду Корнея Ивановича хоронить. А Дима так себя плохо чувствует, что, может быть, завтра и не пойдет в ЦДЛ.

31 октября 1969 г., пятница.

Я несколько кашляю. На работу не пошла, но на похороны Корнея Ивановича поехала. А Димочка нет, он еще вчера плохо себя чувствовал, а сегодня плохо спал и с нами не пошел. Сначала Валька приехала, а потом Эдик с Аллой подъехали на машине. У Эдика на задку неприлично порвались штаны. Валька, оказывается, зашивать не умеет. Я стала ему зашивать, а материал весь ветхий, светится. Через некоторое время снова порвалось, только рядом с тем местом, где я зашила. У него радикулит, а он ходит в плавочках под брюками. Пижон. Мы вынесли Зайцевой, которая ждала в машине, бутерброды, она обрадовалась.

В ЦДЛ ничего не было оцеплено, хотя внутри людей было много. В большом зале гроб стоял на сцене, рядом близкие: Кларочка, Люша, Лидия Корнеевна, Митька с противной мордой майора Пронина, два одинаково одетых подростка, близнецы, но непохожие, и еще какие-то люди. Людей знакомых было много. Даже Биссета приволокли двое «сопровождающих». Он с большим любопытством на всё взирал своими голубенькими глазками. Александра Исаевича не было, его никто не видел ни в ЦДЛ, ни в Переделкине. Хотя Кларочке он звонил. Выступили: Михалков, заикающийся мудака, директор «Детской литературы» Пискунов²⁷⁸, Лев Кассиль с залепленной щекой и в черных очках, шепелявый, похожий на Азазелло, симпатичный человек и хороший писатель Пантелеев²⁷⁹, приехавший из Ленинграда, который потом шел все время под руку с Лидией Корнеевной. Все говорили приличные речи, какие-то человеческие слова, никаких громких слов, даже странно. Сеф появился тоже один. Длинновязый Евтушенко стоял в почетном карауле. С Женькой Зверевой мы только перекинулись, но не поговорили. После речей мы с Алкой и Эдиком ухитрились вскарабкаться на сцену, хотя нас туда никто не звал и даже распорядители шепотом не

²⁷⁸ Пискунов Константин Федотович (1905–1981) – в 1944–1948 гг. заведующий редакцией, в 1948–1974 гг. директор издательства «Детская литература».

²⁷⁹ Л. Пантелеев (Еремеев Алексей Иванович, 1908–1987) – писатель, журналист. Автор, в частности, очень популярного произведения «Республика Шкид» (в соавторстве с Г.Г. Белых, 1927 г.).

хотели пускать. Но я также шепотом энергично прошипела: «Мы родственники», и нас впустили. Мне хотелось поглядеть на Кларочку, просто встретиться с ней глазами. Там мне понравился молодой человек в очках, Володя Глюцер²⁸⁰. Если бы не он, так бы и не было Корнеева завещания, где все свои деньги и свой архив он завещает Люше. Женщины – никто не могли с ним говорить о завещании, пока он еще что-то соображал, и только Володя один всё сделал. В завещании Корней пишет, что Люша должна найти удобную форму, чтобы позаботиться о Кларочке. Дима считает, что старик мог бы выразиться по этому поводу более конкретно, и не в тот момент, когда помираешь, а раньше. Люди или не видят свою смерть или боятся о ней думать, потом и случаются всякие недоразумения.

В Переделкино грязь по колено. Снег то шел, то переставал. Мы ехали в Эдиковой машине – Алка и Кларина Леночка с Осей. Там опять собралась толпа, но тихая, чинная, мирная. Там я увидела Слуцких – Таню и его самого. Таня не выглядит так уж плохо, несмотря на свою страшную болезнь²⁸¹. Ей скоро будут вырезать лимфотический узел. И она и Борис невероятно элегантны. Потом подъехали Сеф с Юнной. Сеф весь зеленый, сбледнувший. Юнна без шапки, в своих коротеньких смешных брючках, ярко-голубом пальто и полуботиночках. Она тут же промокла, там грязь дикая. Опять говорили речи писатели. Ничего говорили. Корней Иванович в гробу не произвел на меня никакого впечатления – ни страшного, ни красивого, ни грустного, ни благородного, одним словом – никакого. Желтое лицо с большим носом, всё в цветах. Памятник Изольду красивый, черный от воды, а вокруг уже полно могил. Юнна пошла беседовать с Таней Слуцкой. <...> Юнна, конечно, болтала что-то лишнее Тане Слуцкой, что-то о Наташе Антокольской. А потом, когда они с Сефом уехали раньше нас, мы шли сзади Слуцких и слышали, как они обсуждали все Юннины новости. Уж кто Юнне не друг, так это Слуцкий. <...>

В подвале мы были втроем – Алла, Эдик и я. Дима так и не выбрался за весь день. Мы с Аллой выпили по три рюмки коньяку и забалдели. Эдик не пил, он за рулем. Он отвез меня домой. Когда ехали в Переделкино, мы подкинули Сефа до его дома на Кутузовском, чтобы он заехал за Юнной. Ося посадила Леночку на колени, и мы поместились все. Сеф сказал, что вчера в издательстве было жутко тяжело. Юнна со своим темпераментом хотела бросить в редактора пресс-папье или какой-то другой тяжелый предмет, но Сеф это дело самортизировал. Выкинули два очень хороших стиха, несколько тоже хороших, но не таких дорогих для Юнны. Вдруг этот Егор Исаев²⁸², пропойца, человек с лицом нашего пьяницы-электрика Васьки, который является главным литературным редактором от-

²⁸⁰ Глюцер Владимир Иосифович (1931–2009) – литературный критик, литературовед, сценарист, одно время был секретарем К.И. Чуковского. Исследователь и публикатор произведений поэтов-обэриутов.

²⁸¹ Дашковская Татьяна Борисовна (1930–1977) – жена Б.А. Слуцкого. Она долго болела и умерла от рака.

²⁸² Исаев Егор Александрович (1926–2013) – поэт. Участник Великой Отечественной войны. С 1955 г., по окончании Литинститута, редактор отдела поэзии издательства «Советский писатель». С 1981 г. секретарь правления СП СССР. Лауреат Ленинской премии (1980), Герой Социалистического Труда (1986).

дела поэзии, сказал, что обложка, где портрет Юнны за ветвями лозы, похож на лицо за колючей проволокой, и что он это не пропустит, хотя еще на днях он всё сам подписал. Сеф очень опасается, что обложку выкинут. И вообще, у нас с Димой вдруг появились сомнения, что такую прекрасную книгу могут выпустить к 100-летию В.И. Ленина. Это случится, только если бог существует и захочет этого.

Слышали передачу по Би-би-си – выдержки из новой книги Аллилуевой Светланы «Только один год»²⁸³. Очень любопытны ее беседы с Косыгиным и Суловым. Мрачные люди, настоящие и достойные наследники ее проклятого папочки. Прочли совершенно отличный роман Булата Окуджавы «Бедный Авросимов»²⁸⁴. Просто молодчина Булат!

На днях, когда у нас был Биссет, он после долгих размышлений вдруг спросил у Димы: «Вы были на войне?» Дима сказал: «Да». – «Я это чувствую».

1 ноября 1969 г., суббота.

Кларочку дети ее повели в кино на американский фильм «Лучшие годы нашей жизни»²⁸⁵. Дима рисует свою страшную серию «Противоатомная оборона». Была у нас симпатичная шведка Анника²⁸⁶, показывала фотографии своих прекрасных трех детей. Были Валька, Эдинька и Хазановы. Мы Аннике рассказывали про нашу жизнь, она нам про свою.

Левитанского неплохой стишок в «Новом мире» – «Новый год у Дуная».
<...>

2 ноября 1969 г., воскресенье.

Эдик Лимонов потряс нас своими новыми стихами. Они все у него эротические и кое-где, на мой взгляд, есть перегибы. Но последняя большая поэма удивительная. Дима сказал: «Люблю двух человек из поэтов – Юнну и Лимонова». Вышли мы из подвала прямо на аварию. Небольшой автобусик валялся на боку, а рядом стояло исковерканное такси. Алла Зайцева бросилась в это дело с радостным воплем: «Скорой помощи еще нет. Быстрой!» Больше всего ей было жаль, что у нее в руках нет кинокамеры. Жертвы были уже увезены, следов крови тоже не было.

3 ноября 1969 г., понедельник.

Ходили смотреть в ДК МГУ программу документальных фильмов. Ребята из моей школы пришли, учителя, Юнна с Романом и его мамой, Эдик наш.

²⁸³ Книга воспоминаний, написанная в Принстоне в 1968 г., была издана в 1969 г. в Нью-Йорке издательством *Harper & Row Publishers*. В ней С.И. Аллилуева объясняет причины своего бегства из СССР.

²⁸⁴ Исторический роман, впервые опубликован журналом «Дружба народов» в 1969 г. (№№ 4–6), под названием «Глоток свободы» выпущен «Издательством политической литературы» в 1971 г.

²⁸⁵ «Лучшие годы нашей жизни» (*The Best Years of Our Lives*) – американский художественный фильм, реж. Уильям Уайлер, 1946 г., в том же году удостоен семи премий «Оскар».

²⁸⁶ Бэкстрём (Bäckström) Анника (1927–2022) – шведская славистка, литературовед, переводчица, почетный доктор филологии университета в Упсале.

Несколько фильмов – ничего, а именно: «Замки на песке» и «Шаговик»²⁸⁷. Еще два – с намеками, но, как сказал Олег Целков, который тоже был, всё это буза и фига в кармане. Роман привел свою старенькую матушку, которая просидела 17 лет. Очень симпатичная старушка. Юнна вдруг сказала мне: «Сефка считает, что ваша Аллочка стучит». Я ответила: «Пусть он не выдумывает». Какая все-таки у нас паршивая страна, где все друг друга подозревают в самом что ни на есть подлом. Я ни за что не буду этому поддаваться. <...> Олег Целков сказал, когда мы шли обратно: «Я всё время думаю о твоём ранении. Вот ты интеллигентный, милый человек, очень спокойный. И, наверное, тот, кто в тебя стрелял, тоже был ничего человек. Это невозможно постигнуть». Интересное дело – Юнна для меня такой человек, без которого я скучаю и хочу ее всё время видеть. <...>

4 ноября 1969 г., вторник.

День был удивительно сумасшедший. Красивый мой Димочка, в замшевой курточке и лимоновских брюках, вкалывал сегодня как проклятый. А главное – он всё мучился, что не делает чего-то важного и нужного, и только урывками мог рисовать рисунок из серии «Противоатомная оборона». Мы пребывали одни с Мариной и Эдинькой, потом прибыли Леня Штутман с Ритой Янус и людьми из АПУ, чтобы получить бумажку на разрешение памятника Павлинчуку. Рита решила все-таки памятник поставить, несмотря на боязнь, что его скинут в первый же день. Люди из АПУ такой бумажки не дали, так как боятся Калужской области и не хотят связываться. Посоветовали Диме закрыть почти все работы, когда он будет приглашать худсовет по Волгодонску.

Только они ушли, пришла бледная Алла, сообщила, что идет к кому-то на свадьбу. Показ вчерашних документальных фильмов ее тоже чем-то разочаровал, и она огорчилась за своих друзей. Позвонили Гинзбурги, сказали, что придут. Мы очень обрадовались, потому что не виделись уже давно. И вдруг позвонил Кадя Мигдал, попросился зайти с друзьями. Димка нерешительно согласился. Я стала ему выговаривать: «В кои-то веки раз собрались посидеть с Гинзбургами тихо-спокойно, зачем-то пригласил еще Мигдала». Дима понял, что сделал глупость. Потом все у нас собрались. Мигдал с компанией, с балеринами Рябинкиными²⁸⁸, и Витя с Ниной и еще каким-то человеком по имени Наум. Мигдалова компания уважительно всё смотрела. Мы с Ниной трепались обо всем понемногу. А до них, я еще забыла записать, была у нас еще одна компания: Женя Солоневич пришел с каким-то итальянским поэтом и с нашими людьми. Поэт черненький, молодой, жуликоватый. Жена вся обвешана железками-украшениями, вся гремит. Поэт явно неинтересный, но самолюбивый. Умный человек в этой компании был Томашевский²⁸⁹. Шел разговор о романе

²⁸⁷ «Замки на песке» – короткометражный фильм 1967 года, производство «Киргизфильм», авторы сценария и режиссеры Яков Бронштейн, Альгимантас Видугирис; «Шаговик» – короткометражный фильм 1969 года, «Свердловская киностудия», автор сценария и режиссер Борис Галантер.

²⁸⁸ Рябинкина Елена Львовна (р. 1941) – прима-балерина Большого театра; Рябинкина Ксения Львовна (р. 1945) – солистка Большого театра.

²⁸⁹ Томашевский Юрий Владимирович (1932–1995) – критик и литературовед.

Кочетова в «Октябре» «Чего же ты хочешь?»²⁹⁰ Говорят, что его необходимо прочесть, поскольку это «роман века». «Тля» Шевцова²⁹¹ бледнеет перед этим шедевром.

5 ноября 1969 г., среда.

Я еле встала сегодня на работу. Занятий с учениками не было, нас только просвещали с идеологической точки зрения, рассказывали о безрадостном международном положении. Марина Ильичева носит толстое обручальное кольцо. Сказала, что они поженились, не узакониваясь. Я ее поздравила. Эдинька напечатал несколько хороших фотографий, где Дима с Олегом Целковым. У Велты мама умерла от инфаркта. Завтра поеду ее хоронить как представитель от нашего подвала, Димку не пушу, он устал безумно. Вечером у нас сидела Алла Зайцева. Дима показал ей рисунки, и она смотрела их с невероятным интересом и совершенно неуставшая.

С Юнной беседовала по телефону. У нее выбросили еще два стихотворения, даже три. Итак, всего выкинули больше тридцати стихотворений, сделали одиннадцать правок в тех, что остались. Юнна сказала, что Беллы Ахмадулиной уже два года книга лежит в наборе и не выходит. Чувствует себя Юнна неплохо, слышно по голосу. Кларочка звонила, но зайти не сумела. Я устала жутко. Эдик, Дима и Марина заклеивали окно в маленькой комнате. Они громко разговаривали, смеялись, свет горел, телефон гремел, а я спала, накрывшись шинелью. Я всё слышала, что они говорили, и спала.

Толя Гитберг сказал, что у Лемпорта с Силисом дело со взяточничеством проходит не так гладко. Ведется следствие. Деньги нашли у этого человека в столе, и он говорит, что он их не брал, а ему их туда вложили. Свидетелей, как он их брал, нет. Пока что ясно только одно, что Лемпорт и Силис взятку дали, подонки.

6 ноября 1969 г., четверг.

Снова мне пришлось быть на похоронах. Велта стала заикаться и непрерывно курит после более чем десятилетнего перерыва. Мы с Мариной вдвоем были от нашего подвала. У Велты большое количество знакомых, в основном женщин. Нас набралось целых две машины. В морге приносили всё время красные гробы, гроб Марии Александровны был белый. В Востряково мы шли невероятно долго, пока дошли до могилы. Могильщики весело покрикивали: «Бросайте земельки, родные!» Пока ждали какую-то бумагу, мы с Мариной решили зайти в контору погреться. Снег нас всех залепил. Навстречу вышла тетка с фонарем под глазом и сказала: «Никого тут нету. Все уже отгуляли, отпели. Праздники,

²⁹⁰ Роман «Чего же ты хочешь?» напечатан журналом «Октябрь» в №№ 9, 10 и 11 за 1969 г. Публикация этого произведения – злобного по отношению к интеллигенции, убогого по стилю и содержанию – стала одним из символов наступавших в стране реакции и попыток реабилитации сталинизма.

²⁹¹ Шевцов Иван Михайлович (1920–2013) – прозаик. Антисемитский роман-памфлет «Тля», написанный в конце 1940-х гг., был опубликован в 1964 г. московским издательством «Советская Россия» стотысячным тиражом; (изд. 2-е: М., «Голос». 2000).

а вы тут ходите». Я говорю: «Мы хоронить приехали». – «А зачем хоронить? Веселиться надо».

Вечером в подвале сидели с Димкой вдвоем. Эдинька ушел, Марина заскочила вместе со мной, съела бутерброд и убежала. Дима рисовал свою ужасающую серию «Противоатомная оборона», а я спала на диване и громко стонала. Слышала сама и никак не могла перестать, Димка даже испугался. Дима стал рисовать эти рисунки после того, как я принесла домой маленькую брошюрку, которую нам раздали в школе, чтобы обучать детей, как спастись от атомной бомбы. В этой книжечке есть рисунки. Дима тоже решил откликнуться на эту злободневную тему.

Лифт у нас сегодня не работал. Абрам Яковлевич вернулся с рынка и еле поднялся, нагруженный.

7 ноября 1969 г., пятница.

К вечеру выбрались в подвал. Погодка хорошая, подморозило слегка. Настроение у меня было препаршивое, кашляю и небольшой насморк. Дима рисовал. Потом приехала Анника, шведка. Всё в тех же джинсах и той же лиловой рубашечке. Потом пришли Гдаль с Витой и Гриней и их друзья, онкологи Юра Васильев с женой. Владик Бахнов сбежал с обеда из семейства своего собственного сына. Всё было бы ничего, но Дима стал читать стихи Лимонова и все начали спорить. Владик, Гдаль и женщины Лимонова обхаяли. Дима, Юра и я его защищали. Анника только глядела своими невероятно живыми глазами и пыталась всё понять.

Есть слух, что Александра Исаевича Солженицына исключили из Рязанской организации Союза писателей²⁹².

8 ноября 1969 г., суббота.

С трудом выползли на свет божий в восьмом часу вечера. Перед этим прослушали Би-би-си всем семейством. Слышно было чисто, как будто и не глушили. Чехи снова нас радуют, никак интеллигенция не хочет нормализоваться по советскому образцу. Министр культуры ЧССР требует усиления цензуры. Неожиданно Тауфер прислал Диме поздравление из посольства. Левитанский, оказывается, тоже получил такое же. Им, очевидно, велено восстанавливать контакты. Но нам что-то не хочется пока контактировать с Тауфером-сталинистом. Инна вернулась вчера из Чехословакии. Сказала по телефону, что все наши друзья держатся «на высшем уровне». Подробности завтра при встрече.

На улице очень легкий морозец и очень приятно. Пришли, а там уже Эдик с Валькой. Потом пришли Кларочка с Володей Глоцером. Очень симпатичный человек. Ему, оказывается, сорок лет, а выглядит он на тридцать и даже моложе. Кларочка вспоминала, как она иногда обижала Корнея, и плакала. Мы ее утешали.

²⁹² 4 ноября 1969 г. А.И. Солженицын, живший тогда в Рязани, был исключен из Союза писателей Рязанским отделением СП РСФСР. Голосование прошло после доклада «О мерах усиления идейно-воспитательной работы среди писателей», который сделал приехавший из Москвы секретарь СП РСФСР Ф.Н. Таурин. На заседании присутствовал и секретарь по агитации и пропаганде Рязанского обкома партии А.С. Кожевников.

Есть слухи, что Александра Исаевича таки исключили из Союза писателей, и будто бы Лидия Корнеевна уже сейчас готовится как-то на это откликнуться. Она тоже хочет выйти из Союза сама. Но будто бы две иностранных радиостанции слухи об исключении Солженицына опровергли.

9 ноября 1969 г., воскресенье.

Виделись с Инной. Имеем полную информацию о положении в Чехословакии. Оно плохо, но не безнадежно. Инна видела наших друзей, почти всех. Считает, что съездила с большой пользой. Говорит, что почти все, с кем она виделась, передавали большой привет Диме.

Есть слухи, что будто бы в эмигрантском журнале «Грани» в каждом номере помещено объявление, что желающие могут приобрести портрет писателя А.И. Солженицына, выполненный художником Вадимом Сидуром в 1967 г.²⁹³

Вечером к нам пришла Алла Зайцева, беседовали с ней «за жизнь».

10 ноября 1969 г., понедельник.

Солженицына из Союза писателей исключили, есть уже абсолютно точные сведения. Дима считает, что сейчас может начаться всеобщая чистка. Я думаю, что поглядим еще, как оно будет. Дима всё рисует свою серию «Противоатомная оборона». Вечером был у нас Эдик Лимонов. Рассказал, как он в Харькове сидел в сумасшедшем доме. Я задала ему совершенно бестактный вопрос: «Расскажи, Эдик, как ты сидел в сумасшедшем доме», и он вдруг рассказал. Ему в девятнадцать лет вдруг захотелось перерезать себе вены на руках. И он это сделал без всяких на то причин, но остался жив. Просидел в «шизиловке» четыре месяца. Сбежал оттуда один раз. <...> Жена у Эдика уехала в Харьков. Вид у него бледный и несчастный. Такой тихий, спокойный, удивительно симпатичный мальчик, и такой талантливый. Алла Зайцева пришла в ангине, бледная, глазки блестят.

Сеф называет Диму по телефону «Солнышко моё», мне почему-то противно. У меня сейчас изменилось к нему отношение, он мне неприятен. Дима вдруг высказался: «Как бы Юнна не сделалась сверхнормальная по-Сефовски, это было бы совершенно ужасно. Единственное утешение, что этого быть не может. Юнна не может измениться». <...>

11 ноября 1969 г., вторник.

Виделись с еще одной женщиной из Праги. Она из издательства «Свобода»²⁹⁴, приехала налаживать хоть какие-нибудь контакты. Дима считает, что скоро чехи будут ездить. Был Левитанец, обсуждали исключение Солженицына

²⁹³ «Грани» – ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественной жизни, издававшийся в 1946–1991 гг. во Франкфурте-на-Майне Народно-трудовым союзом, с 1992 г. выходит в Москве. Какого-либо объявления о продаже портрета Солженицына в журнале помещено не было.

²⁹⁴ Издательство *Svoboda* существовало в Праге в 1945–1998 гг. Выпускало книги по философии, истории, экономике и т. п. (См.: *Knihy Nakladatelství Svoboda, 1945–1975. Praha. Svoboda. 1975.*)

и что теперь будет. Юра боялся нашу Марину. Марина помаленьку привыкает, сидит, слушает, не дичится, как раньше. Она уже сделала два пилона и набила их глиной, теперь приступает к рисунку. Приходил за ней ее Миша.

Радио глушат по-страшному, ничего не слышали. Дима сосватал чешке роман Булата «Бедный Авросимов» и стихотворение Юры «Новый год у Дуная».

12 ноября 1969 г., среда.

Солженицына исключили пятью голосами, один был против²⁹⁵. Александр Исаевич уже написал письмо в секретариат Союза писателей РСФСР, который это исключение подтвердил. Письмо удивительное, в скором времени я постараюсь переписать его в эту тетрадь. Одновременно он сам сделал стенограмму своего исключения²⁹⁶. Уже весь мир говорит об этом событии. В западных компартиях выступили некоторые коммунисты, например, Луи Арагон в *Lettres françaises*. Альберто Моравиа тоже выступил в защиту Солженицына. Меня невероятно интересует человек, который проголосовал против. Нашелся же среди них такой человек.

13 ноября 1969 г., четверг.

Мы были с Димой в своем кооперативном доме. Шлепали по жуткой грязи и возле дома, и внутри. Дом внутри совершенно не готов, хотя работает полно людей. Мы с невероятными ухищрениями, чтобы не запачкаться, добрались до второго этажа. Видели трехкомнатную квартиру. Квартира, в общем, большая, но потолки низковаты. А может быть, нам показалось. Я в итоге устала от этого зрелища. Темно было, грязно и мало понятно, какая это квартира – ни полов, ни потолков, ни дверей – ничего пока нет. Погода жуткая, тепло и целый день дождь, сыро, грязно.

Вечером зашли к нам Никита Хубов с товарищем, а потом Алла. Она сдала последний экзамен в аспирантуру и теперь свободна.

14 ноября 1969 г., пятница.

Дима чувствовал грипп и никуда не ходил. Абрам Яковлевич чихает изо всех сил. На улице теплынь. Американцы летят к Луне, одновременно протестуют против войны во Вьетнаме. В Чехословакии целиком ушел в отставку партийный комитет службы на радио. Письмо в секретариат СП и стенограмму исключения А.И. Солженицына читают и комментируют все радиостанции мира.

15 ноября 1969 г., суббота.

Сегодня нас Димой занесло в кино, вернее, Алла Зайцева затащила. В ЦДЛ показывали французский фильм 1939 г. «Правила игры»²⁹⁷. В этом фильме были

²⁹⁵ За исключение проголосовали пять из семи членов Рязанского отделения СП РСФСР. Один член находился с приступом аппендицита в больнице, седьмой – сам А.И. Солженицын.

²⁹⁶ «Открытое письмо секретариату Союза писателей РСФСР» от 12 ноября и стенограмма заседания в Рязани помещены А.И. Солженицыным в приложении к хронике «Бодался теленок с дубом».

²⁹⁷ «Правила игры» (*La Règle du jeu*) – художественный фильм 1939 г., реж. Жан Ренуар (1894–1979). Знаменитая картина неизменно входит в рейтинг десяти самых значительных фильмов мирового кино.

Мы наконец
заинтересовались
кооперативной
КВАРТИРОЙ

в зачаточном состоянии все современные проблемы, разработанные и дополненные позднее Бергманом, Феллини и Антониони, режиссер Жан Ренуар.

Звонили Юнне. Она сказала больным голосом, что «сегодня чувствует себя ничего». Сеф спросил: «Кто же вас провел в ЦДЛ?» И когда узнал, что Алка, потому что переводчик этого фильма ее приятель, не без намека сказал: «Ох уж эта ваша всемогущая Алка». И тут же похвастался, что он тоже может провести через кого-то. Тогда я ему ответила с деланным смехом: «Значит, ты тоже всемогущий».

После фильма мы пошли пешком по Арбату, сначала по старому, потом по новому. Прошли мимо дома, из которого выбросился Лева Тоом. Суббота, десять часов вечера, все кафе и рестораны или закрыты, или нет мест. С большими ухищрениями и при помощи Алкиной пробивной силы и хитрости проникли в ресторан «Арбат». Алка была довольна, она молодая, ей интересно пожрать, поглазеть на танцующих, а нам все это уже не интересно. Ресторан громадный, уютный, похожий на привокзальную столовую, жратва невкусная. Когда вышли, увидели современный город, толпы веселых гуляющих и, возможно, довольных людей, которым наплевать на свободу слова, печати, на то, что исключили из Союза писателей Солженицына, на то, что существуют у нас концлагеря, где страдают невинные люди. Лишний раз убеждаешься, как мало у нас тех, кто считает, что «ни хлебом единым...» Очень как-то грустно от всего этого. Алка Зайцева совсем к нам привязалась.

16 ноября 1969 г., воскресенье.

Мы с Димой были на Девичке. 19-го исполняется девяностолетие Варги, и Марина просила подправить буквы. Погода сейчас плохая, и надпись почти не видна. Через один ряд стоит один интересный памятник – театральному деятелю Юзовскому²⁹⁸, сделанный скульптором Берлиным²⁹⁹ в бронзе. Маска. Нам с Димой понравилась. На этом мерзком и безвкусном кладбище уже есть несколько приличных скульптур. Начался дождь, и Дима на четвереньках елозил под кленкой, прорисовывая буквы черным фломастером. Мимо прошла экскурсия. Руководитель объяснил, что «скорбь выражена остроумно».

В подвале был Эдик. Он задумал сделать книгу из фотографий. По качеству у него не все хорошие фотографии, но фактический, документальный материал прекрасный. Приехала моя мама из Риги. Снова я ощутила огромные отделяющие нас друг от друга расстояния. Мать на меня обижается, а я ничего не могу поделать. Потом подошла Алка со своим товарищем Володей Максимовым. Алка

²⁹⁸ Юзовский Иосиф Ильич (1902–1964) – театральный и литературный критик. 29 января 1949 г. в «Правде» была опубликована редакционная статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», в которой семь театральных критиков во главе с И.И. Юзовским обвинялись в стремлении «оболгать национальный советский характер». Эта статья положила начало кампании борьбы с «космополитизмом».

²⁹⁹ Берлин Леонид Львович (1925–2001) – скульптор, живописец, график, книжный иллюстратор. Член МОССХ (с 1950). Автор около двадцати установленных скульптур. Юлия познакомилась с ним уже после смерти В. Сидура. В 1999 г. в Московском государственном музее Вадима Сидура была устроена его персональная выставка.

нервничала и всё время спорила, особенно нападала и нападала на Максимова. Хочет пристроить к Диме в ученики своего приятеля Владика <Кадышева>. А на что нам нужен этот ученик – непонятно. Я ужасно боюсь сейчас новых людей. Максимов – парень интеллигентный и умный, хотя Алла, наверно, правильно его ругает за несобранность, неточность и неделовитость. Максимов почти ей не отвечал, так чуть-чуть оправдывался. Когда же он слегка задел ее товарища Владика в критическом плане, Алка так на него набросилась, что прямо невозможно. Эдик Лимонов снова где-то пьет, и как бы он не спился совсем.

17 ноября 1969 г., понедельник.

В мастерской вовсю формуют «Эйнштейна». Эдик и Марина вкалывают. Дима недоволен своим последним рисунком, он его «перечернил». Вечером была у нас Кларочка. Сказала, что будто бы к Воронкову³⁰⁰, кагэбисту из Союза писателей, пришли сегодня восемь писателей с требованием всё разъяснить им по поводу исключения Солженицына, так как это исключение произошло без их ведома. Это: Володя Максимов, Володя Войнович, Булат Окуджава, Борис Можаяев³⁰¹, Георгий Владимов, Юрий Трифонов³⁰² и Сергей Антонов. Восьмого Кларочка не запомнила³⁰³. Очень интересно, что в эту компанию попали Юрий Трифонов и Сергей Антонов. Лидия Корнеевна уже написала что-то вроде того, что исключение Солженицына – это величайший позор в истории России. Какое-то письмо она еще готовит. Будто бы Вениамин Каверин прислал свой членский билет. Радио глушат как сумасшедшие, двое суток без информации. Зинаида Ивановна уже начала скучать по Алабину.

18 ноября 1969 г., вторник.

С Зинаидой Ивановной творится что-то неладное. Она часто принимается плакать. Сегодня несколько раз теряла почти полностью зрение, не могла набрать номер телефона, чтобы позвонить в мастерскую. Дима чувствует себя совершенно ужасно, его несколько раз прихватывало за грудиной. Кроме того, его ужасно угнетает состояние матери. Он показал мне бумажку, где Зинаида Ивановна неразборчивыми каракулями пыталась записать номер телефона мастерской, но так и не сумела это сделать. Когда мы пришли в половине первого ночи, она неожиданно вышла, еле одетая, с распущенными волосами, и с силой захлоп-

³⁰⁰ Воронков Константин Васильевич (1911–1984) – прозаик, драматург, сценарист. В 1950–1970 гг. оргсекретарь, секретарь правления СП СССР, директор Литфонда СССР. В 1970–1978 гг. заместитель министра культуры СССР. С 1979 г. директор Театрального музея им. А.А. Бахрушина.

³⁰¹ Можаяев Борис Андреевич (1923–1996) – прозаик, драматург, сценарист. Публиковался с 1949 г. Лауреат Государственной премии СССР (1989).

³⁰² Трифонов Юрий Валентинович (1925–1981) – прозаик, один из самых популярных писателей 1950-х–1970-х гг.

³⁰³ 13 ноября к К.В. Воронкову в кабинет пришли, чтобы выразить свой протест: С.П. Антонов, Г.Я. Бакланов, В.Н. Войнович, В.Е. Максимов, Б.А. Можаяев, Б.Ш. Окуджава, В.Ф. Гендряков, Ю.В. Трифонов. Б.А. Можаяев заявил тогда: «Солженицын – писатель с мировым именем, и группа в пять человек неправомочна его исключать: он принадлежит Союзу. Нужно созвать расширенный пленум».

нула раскрытое настежь окно. Дима ужасно расстроен, он считает, что это у нее какое-то мозговое явление.

19 ноября 1969 г., среда.

Дима чувствовал себя плохо и не пошел в мастерскую. Говорит, что утром совсем ему было фигово. Зинаида Ивановна чувствует себя получше, но не намного. Всё время проливает воду. Призналась Диме, что вчера, когда нас не было, они с отцом плакали.

А мы сегодня в школе дорепетировались с Киселевым до потери сознания. Как пришла домой, так села и почти час отходила, сидела с мрачным лицом. На ночь глядя разошлась. Погода мерзкая, оттого и тошно. А американцы прыгают по Луне³⁰⁴.

20 ноября 1969 г., четверг.

Зинаида Ивановна лучше. Дима тоже. Погода мерзейшая. Я полдня проверяла тетради. Вечером в подвале приняли у форматора гипсового «Эйнштейна». Пришел к нам Эдик Лимонов, потом пришел Левитанский. Сказал про Лимонова: «Симпатичный мальчик». Наш Эдик снимал Лимонова, а потом Левитанского. Рита Янус заходила. Левитанский сказал Диме по поводу исключения Солженицына: «Все мы говно. Мы между собой поговорили и решили, что никаких писем писать не будем. Я решил – пусть молодые этим занимаются. Буду вести себя честно, но никуда не лезть». Он сказал, что всех, кто ходил к Воронкову, уже вызывали в Союз для обработки. Дима не стал говорить Юре, что он-то себя говном не считает. Его портрет Солженицына неоднократно опубликован за границей, а сейчас вообще приобретает невероятное значение этот факт. Когда сжегся Ян Палах, Дима сразу же нарисовал по этому поводу рисунок и отправил его в Чехословакию, и теперь он опубликован. Дима не испугался дать интервью на чешское радио, которое наши друзья сами же не пустили, чтобы у Димы не было лишних неприятностей. Дима просто сказал Юре, что сейчас каждый сам за себя решает, как поступать. А Юра пишет песенки и вообще хочет, как он сказал: «Печатать всё, что берут».

В «Литературной газете» напечатано обращение чехословацких писателей, которые поддерживают Гусака. Среди подписавших мы нашли знакомые имена: Иржи Гаек, Иржи Тауфер, Ржиги³⁰⁵, а главное – Душан Конечный. Вот этот – действительно говоно! Все Димины предположения подтвердились.

21 ноября 1969 г., пятница.

Мерзейшая сырая и теплая погода. Димино самочувствие совершенно отвратительное, целый день был дома, не выходя. Я пришла поздно и свалилась в кухне на свою лежанку, проснулась в одиннадцать ночи.

³⁰⁴ 19 ноября 1969 г. на Луну опустился посадочный модуль космического корабля «Аполлон-12», он оставался на ней 31 с половиной час, и за это время астронавты совершили два выхода на поверхность. Весь полет корабля с тремя астронавтами на борту проходил 14–24 ноября 1969 г.

³⁰⁵ Ржиги (Řiha) Богумил (1907–1987) – прозаик, сценарист. В 1956–1967 гг. директор Государственного издательства детской книги. С 1971 г. член правления Союза чешских писателей.

Уже сообщило иностранное радио, что Булат Окуджава и другие ходили к Воронкову насчет Солженицына. Булат – молодчина! Знает точно, на что идет, и все-таки идет. Американские космонавты возвращаются на Землю. Французские писатели во главе с Сартром выступили за свободу писателей в Чехословакии.

22 ноября 1969 г., суббота.

Я очень поздно приехала из школы. В подвале было до черта людей, все свои. Только что ушли Варги, остались Боря Хазанов с Мариной, Эдинька наш, Валька пришла попозже, Алик Киселев с югославской девицей Ивицей. Ивица – стажерка при ГИТИСе, занимается современными танцами, знает многих наших друзей в Югославии³⁰⁶.

Дима не пустил Коваля, который пришел без звонка «поболтать». Кто-то скинул нам на лестницу канистру с бензином, какая-то сука. Дима ее вытащил и облил себе ботинки. <...>³⁰⁷

23 ноября 1969 г., воскресенье.

Познакомились сегодня с Михаилом Гробманом³⁰⁸, человеком, вокруг которого группируется много молодых людей искусства. Он не член МОССХа, непонятно, какой у него статус и на какие заработки он существует. На нас он произвел, скорее, неприятное впечатление. Занимается он тем, что что-то продает, перекупает, рисует, пишет и так далее. Ему всё очень понравилось, и он усиленно звал нас к себе в гости. Он не произвел на нас впечатление «невероятно многого» человека, по словам Аллы. Он умен в меру и очень сильно снедаем.

Вечером была Кларочка, ее Леночка с Осей. Забежали Валька с Эдиком, Анника и Алла Зайцева. Алла рассказала, как Эдик Лимонов вчера напился, приехал с какими-то женщинами и Алейниковым³⁰⁹ к товарищу на день рождения и там натворили бог знает что, пока его не выгнали.

24 ноября 1969 г., понедельник.

Ходили с Аллой на Таганку смотреть спектакль «Мать». Совершенно неожиданно мне этот спектакль очень даже понравился. К тексту у меня есть пре-

³⁰⁶ Бобан (Boban) Ивица (р. 1942) – хорватская театральная сценаристка и режиссер. С 1965 г. училась в Загребской Академии драматического искусства. В 1969–1970 гг. стажировалась в Москве и Ленинграде. Позже стала профессором упомянутой академии. В качестве приглашенного профессора преподавала в Нью-Йоркской *Tisch School of Arts*, в университете Торонто, *ELIA Teachers' Academy* в Амстердаме и т. д. Ставит спектакли в театре Загреба, принимает участие в международных фестивалях и т. п.

³⁰⁷ Далее Юлия переписала «Открытое письмо в секретариат Союза писателей РСФСР» А.И. Солженицына от 12 ноября 1969 г.

³⁰⁸ Гробман Михаил Яковлевич (р. 1939) – живописец, график, поэт, коллекционер. Сотрудничал в журнале «Знание-сила». Эмигрировав в 1971 г. в Израиль, основал там художественную группу «Левиафан» и журнал того же названия, являлся также членом редколлегии журнала «Зеркало».

³⁰⁹ Алейников Владимир Дмитриевич (р. 1946) – поэт, переводчик, один из основателей поэтического объединения СМОГ (см. выше записи от 14 марта 1968 г.). В 1980-х гг. редактор в издательстве «Молодая гвардия». Стихотворения В.Д. Алейникова ходили в самиздате, впервые официально опубликованы на родине в 1987 г.

тензии, но поставлено вполне прилично. Алик играет там какого-то Букина. А Зинаида Славина – просто прекрасная актриса³¹⁰.

Дима перестает на меня сердиться за вчерашний вечер, когда я с ним спорила при людях. Наш извечный спор об оптимизме и пессимизме. Я, конечно, как всегда, оптимистка. Без меня приходил Виталий Стесин с товарищем, который умеет лить из бронзы. Стесин предлагал Диме вступить в альянс с Мишей Гробманом, а дальше, так сказать, их дело заботиться о Диминой судьбе. Гробман остался очень доволен всем, что увидел, и захотел сблизиться, общаться и дружить. Дима решил, что пообщаться можно, но вступать в какие-либо деловые отношения с этими ребятами ему не стоит. У него другое, более серьезное и «солидное» положение, к тому же ему претит любое участие в группах. Дима решил, что он будет одиночкой.

25 ноября 1969 г., вторник.

У нас у всех сделалось лучше настроение, даже непонятно почему. Дима беседовал с Мариной по поводу работы и чему-то ее обучал. У Эдика нашего сейчас постоянно ровное доброжелательное отношение к Диме и вообще ко всему. Это невероятно здорово. Дима окончательно отказался вежливо от сотрудничества с Гробманом и Стесиным.

Мы только что, в час ночи, услышали по «Голосу Америки» о том, что в завтрашней «Литературной газете» появится статья об Александре Исаевиче, где ему будет предложено покинуть Советский Союз. Это потрясающее сообщение! Как откликнется на это Александр Исаевич? Я бы на его месте уехала, а он, наверно, не поедет, и тогда они его тихо придушат.

Дима делает последний (пока) рисунок из серии «Противоатомная оборона», которую он сейчас переименовал в «Мутации».

26 ноября 1969 г., среда.

Прочли в «Литературной газете» про Солженицына. Там, действительно, предлагается ему «уехать туда, где публикуются его антисоветские произведения и письма»³¹¹.

Дима всё рисует свои жуткие «Мутации». Эдик под Диминым руководством составляет свою книгу фотографий. Есть совершенно прекрасные варианты. Марина тоже ковыряет Волгодонск, а Дима ее учит, как делать.

27 ноября 1969 г., четверг.

Меня сегодня в подвале не было, Дима уехал один. Я готовилась, писала свои планы. Приехала моя мама, стало шумно. Зинаида Ивановна плохо себя

³¹⁰ Славина Зинаида Анатольевна (р. 1940) – актриса театра и кино. В Театре на Таганке играла с 1964 г. Народная артистка РСФСР (1986).

³¹¹ 26 ноября «Литературная газета» опубликовала заявление секретариата правления Союза писателей РСФСР с осуждением «Открытого письма» А.И. Солженицына от 12 ноября 1969 г. Заявление заканчивалось словами, что никто не будет задерживать писателя, если он «пожелает отправиться туда, где всякий раз с таким восторгом встречаются его антисоветские произведения и письма».

чувствовала, запыхивалась. Потом поговорила с Ольгой Федоровной из Алабина по телефону и повеселела.

Дима приехал <в мастерскую> рано, в 11 часов. Рисовал «Мутации», общался с человеком, который может отливать скульптуру в бронзе. Один момент ему сделалось плохо. Хорошо, что были Эдинька и Алка, они посадили Диму в такси.

28 ноября 1969 г., пятница.

Алик всё репетирует или песню в спектакле, или оперу, и мне, как непрофессионалу, кажется, что это никогда не кончится. А пьесы своей я не вижу. Дима неважно себя чувствовал, сидел дома. Погода дикая какая-то, как будто лето сырое.

Радио сообщило, что будто бы Евтушенко и еще какие-то писатели послали в секретариат ССП телеграмму и письма в защиту Солженицына³¹². Зато Шолохов на съезде колхозников обругал всех инакомыслящих «колорадскими жуками» и заявил, что их всех надо изгнать. Гниет заживо, старый подлый маразматик. А ведь способный был когда-то писатель.

29 ноября 1969 г., суббота.

После небольшого перерыва мы с Лилей Бураковской возобновили занятия английским и французским языками. Народу у нас было много. Дима повесил две надписи: «Не курите, пожалуйста!» Приехал Владик. У него окончательно зарубили книгу, которую Дима оформлял. Я, честно говоря, не сомневалась, что эту книгу зарубят – больно она хорошая. Владик, естественно, расстроен. Тем более что не прошла книга на самом последнем этапе – цензура. Забегала Кларочка. Александр Исаевич был в Москве, веселый, бодрый. Сказал: «Они хотят выгнать меня из своего дома, ничего у них не выйдет. Сам я никуда не уеду». Купил хлеба в Москве и уехал в Рязань. Булат, Тендряков³¹³, Бакланов³¹⁴ и другие послали свои письменные протесты в секретариат ССП против исключения Солженицына. Вообще, около 300 граждан направили свои протестующие письма по поводу Солженицына в Союз писателей.

Заходили к нам Кондрашины, Нина и Кирилл Петрович со своими прекрасными мальчиками – Сережей и Андрюшей. Приятно видеть в Советском Союзе детей воспитанных. <...> Валька Караваева болеет ангиной. Эдику нашему грозит увольнение с работы.

30 ноября 1969 г., воскресенье.

Никуда не ходили, целый день читали в рукописи «Всё течет»³¹⁵ Василия Гроссмана. Потрясающе! Первый раз, пожалуй, наш современник сделал такой

³¹² Телеграммы и письма послали: Ф.А. Абрамов, А.Н. Арбузов, С.А. Бабеньшева, К.П. Богатырев, И. Грекова, Е.А. Евтушенко, Ф. Ефимов, Н.И. Ильина, Л.З. Копелев, Т.В. Литвинова, Л. Пантелеев, В.А. Хинкис, Л.К. Чуковская, А.П. Штейн.

³¹³ Тендряков Владимир Федорович (1923–1984) – прозаик, член правления СП СССР с 1967 г.

³¹⁴ Бакланов Григорий Яковлевич (1923–2009) – прозаик, киносценарист. Участник Великой Отечественной войны. В 1986–1993 гг. главный редактор журнала «Знамя». Лауреат Государственной премии СССР (1982).

³¹⁵ Повесть «Всё течет» (1955–1963) широко ходила в самиздате. В 1970 г. вышла в издательстве «Посев» во Франкфурте-на-Майне. В СССР впервые напечатана в журнале «Октябрь» в 1989 г. (№ 6).

серьезный и правдивый анализ нашей кровавой пятидесятилетней истории. Особенно здорово написано про «великого гуманиста» Ленина. Его имени с такой точки зрения еще никто у нас не касался.

Вечером мы с Димушкой прогулялись немного. Погода стала лучше, стало похолодней и посуше. Димочка сказал: «Ну вот, я теперь целый год буду вспоминать, что с собственной женой погулял». Днем Дима позвонил Булату. Он сказал, что болен гриппом, но через несколько дней, возможно, к нам пойдет.

1 декабря 1969 г., понедельник.

Дима сказал, что ему необходим порядок, чтобы он мог дальше рисовать свои «Мутации» или что-либо еще. Поэтому, когда я пришла, он всё что-то убирал, прибирал с помощью Эдика. Заодно у нас случился потоп, правда, его довольно быстро ликвидировали. Дима разговаривал с Сефом. Тот сказал, что Юнна на выступлении. <...>

Всё время находимся под впечатлением от повести Василия Гроссмана.

2 декабря 1969 г., вторник.

Вместе с Гинзбургами были в гостях у Юры Кагана и Тани Вирты. Там познакомились с Юриной сестрой Леной³¹⁶ и ее мужем И. Крамовым³¹⁷, сотрудником «Нового мира». Снова много говорили о том, сплошной ли мрак нас ждет впереди, или же это время короткого спада, не дошедшего до своей низшей точки, за которой снова будет подъем. Я отстаивала, как всегда, оптимистическую точку зрения, а Дима – пессимистическую, хотя и не впадает в уныние.

3 декабря 1969 г., среда.

У меня явно портятся отношения с новым учителем литературы. Мне это ужасно неприятно. Он начал со мной соревноваться и конкурировать, чем показывает свой женский характер. Наверно, правда, что мужчина, попадающий в сугубо бабью атмосферу, феминизируется. Мне очень и очень хочется с ним похорошему, потому что мои дети у него учатся, и если мы с ним будем в плохих отношениях, это может каким-то образом на них отразиться.

Марина грустит, но работает. Дима ей всё показывает, как и что надо делать. У нее то получается, то нет. Эдик наш буквально на днях становится безработным. Мы пришли сегодня с Женей Смагиной, которая была довольна и стрекотала что-то без умолку, а мы все ее поучали, как жить. Она слушает и учитывает, хороший ребенок. Эдик Лимонов пришел, за ним Алла Зайцева. Обрадовался Лимонов своим фотографиям. Сидел такой чистый, юный мальчик в очках, спокойный, добрый. Никогда не поверишь, что он напивается до потери сознания, а потом себя не помнит и творит всякие безобразия, матерится, агрессивен к окружающим, кидается под машину. Я, когда его вижу, никак поверить не могу во

³¹⁶ Каган (псевд. Ржевская) Елена Моисеевна (1919–2017) – писательница. Участница Великой Отечественной войны, военный переводчик. Печатается с 1950 г. Член СП СССР с 1962 г.

³¹⁷ Крамов (Рабинович) Исаак Наумович (1919–1979) – писатель, литературный критик, исследователь, в частности, творчества А.П. Платонова. С 1958 г. работал в редакции «Нового мира». Произведения подписывал: «И. Крамов».

всё это. Очень мне этот человек нравится. Я говорю ему: «Зачем же ты так напи- ваешься, Эдик?» А он отвечает всегда одно и то же: «Ну что вы, Юля, разве я пью? Вот Алейников и Ворошилов³¹⁸ пьют. А по сравнению с ними я совсем мало пью. Ко мне никто в магазине не подходит с предложением «на троих», а к Алейникову тут же подсакивают». Эдик Лимонов рассказывает очень здорово про то, как он в Харькове в школе учился, или про своих дружков-алкоголиков Алейникова Володю, поэта, и Ворошилова, художника. А у Алейникова жена, 23 года, тоже полная пьяница.

Дима опять стал прорисовывать монотипии.

4 декабря 1969 г., четверг.

Мы все дома. Дима прекрасно постриг Зинаиду Ивановну, она помолодела и покрасивела. Дима нездоров, чихает, кашляет, и мы никуда не пошли. Я занима- лась хозяйством, а Дима крутил радио. Моя героическая мама сообщила, что простояла четыре часа в очереди на американскую выставку, но так и не попала на нее. Еще Дима читает мерзейший роман Кочетова в «Октябре» и получает из- вращенное удовольствие. Почти все радиостанции мира говорят об исключении А.И. Солженицына и выступают в его защиту. Но ничего от этого не изменится.

Учу английский язык, стараюсь. Еще два дня буду дома отдыхать. На улице гололед, люди падают.

5 декабря 1969 г., пятница.

День Конституции, записанные заповеди которой никогда в нашей стране не выполнялись. Шестнадцать писателей во главе с Артуром Миллером написали письмо в Союз писателей о своем протесте против исключения Александра Солженицына. Среди подписавших имена Жана-Поля Сартра, Джона Апдайка, Митчелла Уилсона, Гюнтера Грасса, Фридриха Дюренматта, Генриха Бёлля, композитора Игоря Стравинского и других. На днях Бертран Рассел послал ана- логичное письмо Косыгину.

Сегодня снова не выходили. Дима в гриппу, но самочувствие получше. В подвале жизнь идет без нас. Там трудятся Эдик с Валькой и Марина с Мишей. Алла звонила, привет передавала. Вчера я говорила с Сефом по телефону. Он говорит, что живется им «нелегко». <...> Мне бы очень хотелось повидать Юнну, я скучаю без нее.

6 декабря 1969 г., суббота.

Завтра на работу, неохота. А с другой стороны, охота. Надоело три дня подряд безвыходно находиться дома. Холодно, говорят, стало на улице. Дима чувствует себя лучше и «упивается» этим подонком Кочетовым. Прочла статью нашего нового знакомого И. Крамова о Платонове в восьмом номере «Нового мира»³¹⁹. Очень умная, хорошая статья.

³¹⁸ Ворошилов Игорь Васильевич (1939–1989) – художник-нонконформист, поэт.

³¹⁹ И. Крамов. В поисках сущности // Новый мир. 1969. № 8.

7 декабря 1969 г., воскресенье.
Устали мы все жутко.

8 декабря 1969 г., понедельник.

Сегодня исполнилось восемь лет с тех пор, как мы с Димой состоим в законном браке. До этого мы четыре года состояли в незаконной связи. Итого двенадцать лет. Мы супруги старые и, слава богу, счастливые.

Дима продолжает и развивает свою серию рисунков «Мутации». Я упорно учу английский язык. Говорила по телефону с Юнной. <...> Может быть, на днях они с Сефом зайдут, потому что Юнна сказала, что у нее очень много всяких новостей. Новые стихи пишет, если придет, почитает. Димушка снова чихает и чувствует себя гриппозно.

Французское радио сегодня рассказывало что-то о беседах Мао Цзэдуна с богом, где он кается в своих злодеяниях. Но эти сведения почерпнуты из секретных источников.

9 декабря 1969 г., вторник.

Эдик с 15 числа уже не будет работать в своей шарашке. Марина подключилась помочь мне по английскому. Дима бесконечно и упорно рисует свои «Мутации», одна страшнее другой. Марина уже под Диминым руководством очень успешно продвигает Волгодонск. Отнесли, наконец, белье в прачечную, гора с плеч.

10 декабря 1969 г., среда.

У Димы сломался протез нижней челюсти. Чувствует он себя паршиво. Рисует «Мутации». Я всё репетирую в школе «Шестидневный поход» вместе с Аликом Киселевым.

11 декабря 1969 г., четверг.

Собрали активистов творческой интеллигенции в 1000 человек³²⁰. «Голос Америки» уже сообщил, что утверждена резолюция, поддерживающая политику партии. На этом совещании резко критиковались писатели – невозвращенец А. Кузнецов и Александр Солженицын.

Был у нас Юра Левитанский, снова что-то нудил Диме насчет своей книги. Диме все это так надоело, что он и не хочет уже делать ему эту книгу. Кроме того, Юра все время хочет всем доказать, что все мы дерьмо последнее. Этим он себя успокаивает. Его совесть мучает, что он решил жить спокойно, поэтому ему

³²⁰ Имеется в виду Объединенный пленум правлений творческих союзов СССР (писателей, художников, кинематографистов, композиторов, с участием представителей Всероссийского Театрального общества и Союза архитекторов) 10–11 декабря 1969 г. в Колонном зале Дома Союзов. «Собрались, чтобы поделиться мыслями о воплощении ленинских принципов партийности и народности в советской литературе и искусстве» («Литературная газета». 1969. 17 декабря. С. 1–5). В пленуме приняли участие секретарь ЦК КПСС П.Н. Демичев, зав. Отделом культуры ЦК КПСС В.Ф. Шауро, министр культуры СССР Е.А. Фурцева, начальник Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота А.А. Епишев и другие руководители.

хочется, чтобы все были трусами и говнюками. А тот факт, что кое-кто ведет себя не так, например, его приятель Булат Окуджава, или Вадим Сидур, очень его раздражает. Всё его нытье звучит, как непрерывное самооправдание своей конформистской позиции.

Мы были у нашего знакомого дантиста Леонида Марковича и забрали починенные Димины зубы. Он говорит, что Диме придется делать новый верхний протез.

12 декабря 1969 г., пятница.

Много всяких событий. Димин протез починили. Он счастлив и пока не жалуется, что плохо. Алик Киселев помогает Диме делать каркас и прокладывать его глиной для памятника Валерию Павлинчуку. Эдинька снова стал таким прекрасным, как и был, спасибо тебе, господи. Марина совсем привыкла. Она немного приостановилась в своей работе, но Дима сегодня за три часа очень сильно всё продвинул, это вшивый Волгодонск. Потом Дима жутко устал и решил вместо того, чтобы отдохнуть, составить разобранную гипсовую модель скульптуры Варги. Он начал примораживать гипсом сломанный низ, гипс оказался слабый, и в итоге всё развалилось и разбилось. Слава богу, что не покалечило ни людей, ни скульптуры не побил. Мы ужасно огорчились. Дима, конечно, решил, что во всем виновата я, потому что много говорила с Аликом о спектакле в нашей школе и о моем школьном конкуренте Зальцмане.

Мы ждали Бураковского, он должен был принести Аллы Зайцевой диплом. Ни черта он не пришел, а Алла пришла очень хорошенькая. Алик уехал в десятом часу к себе домой, где у него живет девица по имени Тамара, с которой Алик «делает номер» и больше всего не хочет, чтобы думали, что он с ней живет, как с женщиной, хотя это очевидно. Мы все дружно его дразнили насчет «номера», который он ставит вместе с Тамарой. Алик – удивительно целомудренный парень. Это очень странно, но приятно, поскольку редко. Потом я занималась английским языком. А великие наши сексологи-теоретики – наш Эдик и Алла – небрежно перекидывались такими терминами, как «оргазм», «эрекция», «гетеросексуальность» и так далее. В итоге Дима в этот содержательный разговор вмешался и спросил, не может ли Алла подтвердить все эти положения примерами из собственного опыта. Алла не стала этого делать, а Дима скромно сообщил, что он в основном практик, а не теоретик. Мы с Димой считаем, что Алла – сексуальная загадка.

13 декабря 1969 г., суббота.

Сегодня снова развалился каркас, который делал Алик. Поленились вчера сделать его попрочнее. Зато сегодня Алик уж очень постарался. Марина Ильичева ревнует Диму к Алику. Была сегодня хмурая и неразговорчивая. Эдик нашел негатив Левы Тоома и напечатал несколько фотографий. Валька его тоже пришла. Дима ухитрился собрать развалившийся вчера кусок от модели памятника Варге. Я тоже переделалась и наполняла корыто сухой глиной. Мы сегодня все усиленно колготились. Напоследок пришла Алка, которую Дима прозвал «Сексуалка». Мы вдруг начали с ней танцевать. Она очень здорово изображала обезьяну, орангутанга, даже несколько страшновато.

14 декабря 1969 г., воскресенье.

Меня помаленьку мучает зуб мудрости. Прошу бога, чтобы больше не болело. Смотрели нашу квартиру. Дом такой роскошный, и квартира такая отличная, что даже неловко, что мы будем в ней жить. Потом приехали к нам в подвал, и со мной что-то случилось. Я еле сходила в магазин, а потом свалилась на диване, то ли спала, то ли бредила. Эдинька печатал, он делает сейчас передачу на телевидении о Володе Бураковском, за гроши, 25 рублей. Дима рисовал следующий рисунок из серии «Мутации», пока я валялась в полубреду, подложив под голову его папку.

К вечеру к нам подвалили люди. Я бы сказала, довольно симпатичная компания во главе с Инной Бернштейн и ее дочкой Аней. Семья Инны Лиснянской с дочкой³²¹, переводчик по фамилии не то Моран³²², не то Мурант, тоже с женой и дочкой. Очень все приятные люди. Интеллигентный молодой человек по имени Сережа из компании Пети Якира, друг Габая. И, наконец, дорогие наши чехи. Их было трое, и все прекрасные. Один из них сказал Диме, что Зденек Черны, который был у нас в подвале не раз, написал в своем каком-то посольском отчете о том, что он был у Сидура, о том, что Сидур говорил, и о том, как Сидур ко всему относится. Наш друг узнал об этом случайно, но никаких подробностей сообщить не смог. Так что чехи – они тоже разные.

15 декабря 1969 г., понедельник.

Зуб у меня болит, сволочь, даже скучно об этом писать.

Когда иностранное радио произносит имя Солженицына, начинается такое дикое глушение, что можно подумать, что это самый опасный для советской власти человек. Кто бы мог подумать, что писатель, больной, прошедший каторгу и фронт, станет таким страшным для правителей его родины.

Дубчека хотят отправить послом в Турцию.

Алик Киселев по-новому и очень толково делает каркас. Марина старается, учит меня правильной английской интонации и свое дело хорошо лепит. Эдинька опять стал родным человеком.

Вечером поехали к Велте в гости. У нее было много знакомых женщин, с которыми она сегодня была на кладбище. Они ей подарили чижа в клетке. Велта в черном платье, рада была, что мы пришли. Дала нам коньячку выпить и лекарство мне дала. Велта очень добрая вообще женщина.

16 декабря 1969 г., вторник.

Прочли поэму Эдика Лимонова «Поэма» (названия еще нет). Что-то совершенно невероятное. Дима сказал: «Да-а, Лимон – это поэт для меня».

³²¹ Имеются в виду: Лиснянская Инна Львовна (1928–2014) – поэтесса; ее муж Корин Григорий Александрович (1926–2010) – поэт; их дочь Макарова Елена Григорьевна (р. 1951) – скульптор, прозаик.

³²² Моран Рувим Давидович (1908–1986) – поэт, переводчик, журналист. Член СП СССР (с 1968). Участник Великой Отечественной войны. В 1948–1955 гг. репрессирован. В основном переводил еврейскую и татарскую поэзию.

Я распухла, пришла в мастерскую, улеглась спать. После этого появилась успокоенность в моих глазах, и асимметричная моя морда меня не раздражала. А Лимонов, наверно, гений. Дима рисует последний рисунок из серии «Мутации». Можно всю эту серию считать иллюстрацией к поэме Лимонова.

17 декабря 1969 г., среда.

Мы с Киселевым всё репетируем. Возможно, что хороший спектакль получится. Дима снова приобрел вид грязный, рабочий. Возился с гипсом и доканчивает помаленьку Волгодонский барельеф.

Был Эдик Лимонов, написал Диме трогательную надпись на своей поэме. Просит, чтобы наш Эдик сделал его фотографию в размер конверта, чтобы он смог послать ее своей матери. Потом мы втроем с Лимоном поехали к Толе Гитбергу в его новую мастерскую у Покровских ворот. Мастерская намного приятнее старой, уютнее, комфортабельнее. Милка кормила нас вкусными карпами. У Толи сосед, дверь в дверь, художник Леня Ламм³²³. Мы видели оформленные им книги и они нам понравились, но то, что он делает для себя, на редкость неинтересно. Не злой, видно, человек, но какой-то косой, и лицо тупое. Толя против него великий корифей, большой талант. Толя рассказал нам, что Эрнст уехал в Индию по туристической путевке старостой группы. Мы с Димой этому не удивились, так как ясно, что Эрнст уже крепко сидит в официальной обойме и даже какой-то там член Комитета защиты мира. По поводу его поездки в Индию Дима пошутил: «Эрнст Иосифович поехал как Иван Иванович».

Я вчера подумала про Аллу Зайцеву, что несмотря на все ее достоинства, у нее такая крепкая подкорка, куда невозможно проткнуться.

18 декабря 1969 г., четверг.

Вдруг у меня ни с того ни с сего сделалась температура 37,6°. Непонятно, отчего – то ли от зуба, то ли от гриппа. Хотя самочувствие у меня отличное. Через 20 минут померили снова, не было температуры. Это какая-то шальная температура на меня напала.

Мы были с Димой были в тракторном НИИ, где Алик занимается с ребятами, и он познакомил нас с одним Юрой³²⁴. Юра провел нас по всему этому институту, и Дима оставил там маленькую модельку, первую композицию памятника Павлинчуку, чтобы ее отлили в бронзе. Были мы в МОСХе, видели выставку ширпотреба: ткани, тарелки, посуда, платья. Уровень сильно повысился. Дима накупил в ларьке бумаги, красок и гвоздики. На улице сильный ветер, снег, погода очень февральская.

В подвале Марина с Эдинькой сменились Аликом Киселевым. Эдик снова начал снимать скульптуру. Алик красиво кидал глину, ему нравится это дело. А уж когда пришла его подружка, югославка Ивица, он совсем стал устраивать театр. А вообще, Алик ничего мальчик. Привыкает всё больше, а главное – проникается. А Лимонов – это что-то невероятное!

³²³ Ламм Леонид Израилевич (р. 1928) – живописец, график, скульптор. Член МОССХ (с 1964). С 1982 живет в Нью-Йорке.

³²⁴ Имеется в виду Никитин Юрий Николаевич, инженер НИИ Тракторостроения (НАТИ).

Юлия в мастерской. (Сзади эскиз барельефа для дома культуры в Волгодонске, 1969). Фото: Эдуард Гладков

19 декабря 1969 г., пятница.

Метель. На работу еле добралась из-за снежных заносов. Дима себя неважно чувствует. Работал над Волгодонским барельефом. Заглянула к нам Женька Зверева со своим Борей. Давно мы уже не виделись. Женька сумела отбиться от своего парторжества и довольна.

20 декабря 1969 г., суббота.

Мы наконец встретились с Лилей, позанимались по английскому и по французскому языку. Потом набежали люди всякие. Дима с Мариной, грязные, долепливали Волгодонский «Труд и отдых». Потом пришли Гдаль с Витой и менее чем всегда противным Гриней. Алла Зайцева, чудной, тихий парень Максим с девушкой, Хазановы, наконец, нас посетили. Мы с Мариной <Хазановой> обсудили всякие педагогические события. Бураковский – такой смешной человек, всё не верит, что его жена чего-то соображает. Алла мне принесла красивую темно-голубую водолазку. Сидур померил ее на себя. Она ему так лихо подошла, что мы решили, что она ему и будет, невероятно идет.

Надрыкалась я сегодня Бураковским коньяком, зачем спрашивается? Сама не знаю.

Зашла на несколько секунд Велта, оставила у нас двоих людей, супругов, и тут же удалась. Она еще днем звонила и звала нас на четырнадцатую симфонию Шостаковича «Смерть». Мы с Димой отказались. Дима работал, а мне просто не хотелось никуда идти. Велта несколько обиделась.

21 декабря 1969 г., воскресенье.

90 лет со дня рождения «великого кормчего» И.В. Сталина. В «Правде» статья без портрета, где он назван выдающимся, с заслугами, но допускаящим ошибки, и его роль в истории была верно освещена на XX съезде партии. Подобный прогноз все мы сочли скорее оптимистическим явлением.

Сегодня в час дня французы передали, Якир Петя, генеральша Григоренко³²⁵ и другие написали письмо в защиту Солженицына. Кларочка рассказала еще одну любопытную историю. На Красной площади, позади Василия Блаженного собрались наши революционеры: Петька Якир, Толя Якобсон³²⁶ и другие. Среди них была одна несколько истеричная девица, которая держала под пальто перечеркнутый портрет Сталина, с которым она собиралась пройтись по Красной площади. Ее все уговаривали этого не делать, так как они собирались здесь только для того, чтобы противодействовать, если придут сталинисты. Сталинисты не явились. А вокруг революционеров всюду шурували стукачи, кагэбешники, снимали их с разных сторон и ждали повода, чтобы действовать. Истеричная девица наконец выронила из запазухи перечеркнутый портрет и бросила его на землю. Толя Якобсон тут же поддал его ногой и портрет полетел. Немедленно на него налетели кагэбисты, втолкнули в «Волгу» и увезли. Кларочка рассказывала нам всю эту грустную историю и думала про свою подругу Музу, которая сейчас как жена живет с Толей Якобсоном, и как ей теперь будет ужасно. И здесь, как в кинофильме со счастливым концом, всё разрешилось неожиданным образом – Толю отпустили. Кларочка позвонила Лидии Корнеевне, у которой Толя и Муза в этот момент находились. Подробности узнаем позже.

Была Валька. Она пьет «Седуксен», новое психопатическое средство. Дима с Мариной заканчивали барельеф. Эдинька – снова свой, родной. Господи, сделай так, чтобы это не изменилось. Потом подъехали Толя Гитберг с Милкой и Шошенскими, Алла Зайцева. Толя с Иосифом Михайловичем одобрили барельеф и посоветовали – когда Дима будет вызывать совет, закрыть все остальные скульптуры.

22 декабря 1969 г., понедельник.

Скоро нам с Димушкой переселяться, если ничего не случится и мы доживем, в буржуйские апартаменты.

Киселев пришел в какой-то новой сверхмодной дохе, явно фиговой, но за фантастические деньги – 250 рублей. Девица Ивица с ним пришла, очень элегантная. Мы все Аликову шубу обхаяли, как могли. Он огорчился и заснул, сидя на диване. Так ничего и не работал, а потом побежал на спектакль.

³²⁵ Григоренко Зинаида Михайловна (1909–1994) – правозащитница. В 1937–1938 гг. была репрессирована. Участница Великой Отечественной войны. В 1960-х–1970-х гг. выступала в защиту мужа, подписывала письма в защиту политзаключенных. В 1977 г. эмигрировала из СССР, жила в Нью-Йорке.

³²⁶ Якобсон Анатолий Александрович (1935–1978) – поэт, переводчик, литературовед, диссидент. В 1965–1968 гг. учитель истории и литературы во второй математической школе Москвы. Занимался переводами европейской поэзии. В 1969–1972 гг. редактор «Хроники текущих событий». С сентября 1973 г. жил в Израиле. Покончил жизнь самоубийством.

Дима заштопывает помаленьку барельеф. Марина лепит перекладину. Дима хочет до Нового года успеть пригласить худсовет, чтобы они приняли, и можно будет получить сорок процентов.

Позвонила моя мама, загробным голосом сообщила, что в очереди она слышала слух о девальвации один к семи. Дима, хоть и не верит в это, но огорчился.

У Аллы Зайцевой невероятные плечи.

Дима узнал сегодня от Зинаиды Ивановны старинную русскую поговорку, которая его совершенно восхищает: «Есть старики – убил бы, нет стариков – купил бы». Дима потрясен ее жестокостью и современностью.

23 декабря 1969 г., вторник.

Зинаида Ивановна регулярно читает мои дневники, несмотря на обещания этого не делать. Потом Диму мучает, высказывая свои соображения по поводу прочитанного. Ей, например, кажется, что я напиваюсь, или что Дима находится у меня «под башмаком». Что Алла Зайцева – ужасная женщина, Бураковский – тоже плохой, Левитанский – «усатый» и так далее. В общем, Дима находится в каком-то вертепе, где все им командуют и сидят у него на шее. Дима сегодня был совершенно выведен из равновесия, был скандал с валидолом, с элениумом. Зинаида Ивановна каялась, ходила Диму провожать, он возвращался, они обнимались, целовались, но на целый день у Димы уже сделалось ужасное тоскливое состояние, поскольку у его матери подобные истерические и явно болезненные приступы происходят всё чаще. Отец мучился больше всех, так как пытался всех успокоить и не мог. Вот кто святой человек, так это Абрам Яковлевич. Дима легко впадает в истерику и обиду, когда самые для него близкие люди причиняют страдания. Зинаида Ивановна – человек очень тяжелый, очень нетерпимый, хотя чем-то она добрая и, в общем-то, хорошая женщина. Я нахожусь с ней на совершенно определенной и довольно далекой дистанции. Раз мы не можем быть «на равных», значит наше отчуждение неизбежно. Я стараюсь вести себя прилично и, главное, избегать конфликтных ситуаций. Но где-то подобная ситуация между нами возникает и, естественно, она выплескивается на Диму, который несет свой тяжкий крест обожания двух самых для него родных женщин. Сегодня в мое отсутствие разразился этот ужасный скандал и нет никакой гарантии, что он не будет продолжаться с определенной цикличностью. Дима правильно говорит, старость – это тяжелая болезнь. Я же считаю, что Зинаиде Ивановне плохо еще оттого, что ее сильный женский дух находится в жестоком противоречии с исчезнувшими из-за старости физическими силами. Для меня не удивительно, что сейчас она ежедневно говорит о том, как уедет жить в Алабино. Я знала, что так будет. Новизна и прелесть первых дней прошла, когда она была так счастлива. Здесь скучно, нечем дышать, выйти погулять – целая проблема: лифт, неразношенные жесткие валенки, не сходится пальто. Ей надоело, как она выразилась, «носить тряпье», но в то же время покупать она ничего не хочет и не может, а без нее купить что-то не так просто. Она уже забыла о том, как тяжело им было в Алабино, потому что оно ей «опостылело». Там действительно был мир, хоть и убогий, но мир. Там Зинаида Ивановна могла кого-то поучить, проповедовать, а главное – ругать. Одну – за то, что красит волосы,

другую – за то, что дура, детей – за то, что не воспитаны, соседа – за то, что хам, и так далее. Сейчас мир сузился до крайних пределов. Передо мной не очень позразглагольствуешь. Я с ней почти ничем не делюсь, ее же высказывания меня раздражают и ни в коем случае не вызывают согласия, хотя я и говорю машинально «да, да». Дима рассказал мне о сегодняшнем событии и ему, может быть, стало легче. Хотя навряд ли. Скоро, если будем живы, мы переедем в новую квартиру, но все наши проблемы переедут вместе с нами. И ничего утешительно-го в этом, хотя у нас будут прекрасные, по нынешним условиям, изолированные клетки. Но ведь от себя не уедешь.

Итак, мы принимаем первую срочную меру – Зинаида Ивановна с сегодняшнего дня моих дневников читать не будет. Я буду их надежно прятать. Дима постарается относиться к ее нытью, ворчанию, недовольству, нетерпимости снисходительно, так как от нее христианского смирения не добьешься.

Мы были вечером на собрании нашего кооператива. Тоже театр, требует специального художественного отношения.

Но таких людей, как Димка, вообще почти нет. И особенно – как он любит своих стариков. Я свою маму и в половину так не люблю.

24 декабря 1969 г., среда.

В мастерской, как в театре. Приехала я поздно. Мы с Киселевым репетировали и сегодня довольно удачно. Что-то начало уже проявляться и получаться. Здорово играют мои прекрасные дети, даже не ожидала. В мастерской, как в театре, потому что завтра Дима приглашает худсовет, и он вместе с Эдиком и Мариной завешивал и заматывал все «нежелательные» произведения. Оставили на виду только «спокойные» вещи.

Вечером меня вдруг обуяла сильная обида на Зинаиду Ивановну за то, что она без разрешения читала мои дневники, да еще их обсуждала. Я вдруг представила, как бы я могла себе это позволить. Диме ужасно всё надоело и он устал. А у меня тоже конец четверти и я тоже жутко усталая. Оба мы усталые до последнего предела.

25 декабря 1969 г., четверг.

Худсовет не принял барельефы. Больше всех злобствовала бывшая Димина «подруга жизни» Танька Соколова. Марина очень огорчилась, ей деньги нужны. Даже в таком барельефе, реалистическом и попросту симпатичном, есть «не тот дух». В итоге, конечно, они его примут, но помурьжат. А мне очень неприятно, что Дима связался с этим говнючим барельефом.

26 декабря 1969 г., пятница.

Смотрела я сегодня в нашей школе спектакль «Тень» Е. Шварца. Поставлен спектакль нашим новым учителем Олегом Михайловичем Зальцманом. С удовлетворением убедилась, что он нам не конкурент.

Приехала в подвал очень поздно. В нем явно пахло чем-то дохлым в районе входной двери. Дима был один и рисовал хорошие рисунки, так приятно.

27 декабря 1969 г., суббота.

Димушка был в нашей новой квартире, записал на бумажках все недостатки, так положено. Мы с ним в подвале очутились одновременно, он – из квартиры, а я – из школы. Алик Киселев исхитрился поработать сегодня до своего спектакля на Таганке. Эдик почему-то не показывал вполне приличные фотографии Булата и Лимонова. Кларочка пришла, подарила Зинаиде Ивановне книжку о переводах Корнея Ивановича. Приехала из Дании Марина Гореликова. Завтра едем к ней в гости. Возможно, Булат тоже приедет. Дима подарил Вальке свою военную фотографию, она его давно просила. Алла Зайцева, великий сексолог-теоретик, решила преподнести нам сюрприз. Приволокла большой холст в раме. Я думала, что это грунтованный холст, и Дима сможет написать на нем картину, о которой он давно мечтает. Алла долго развязывала веревки, а мы с нетерпением ждали. И вдруг нашим удивленным взорам представился огромный портрет Хрущева со всеми бородавками. Где-то Алла его сперла, и обещает еще Молотова приволочь и других бывших вождей.

28 декабря 1969 г., воскресенье.

Что-то дохлое в нашем подвале у входа, очевидно, сдохло окончательно и сгнило, поэтому больше не воняет.

Были на Преображенке у Марины из Дании, она на днях вернулась. Булат с Олей пришли и родители Павла Литвинова, Миша и Флора, удивительно симпатичные люди. Очень у них было приятно. Марина выглядит, как датчанка. Димины дела в Дании развиваются, как надо. Слушали пластинки Булата. Какой-то юноша из Дании прислал свои фотографии, где он с гитарой поет песни Булата, и свою пленочку прислал, где он поет на датском языке. Булат подписал Эдиковы фотографии, роман «Бедный Авросимов» подписал какой-то Гале Орловой, которая Булата обожает, но роман еще не читала, пустила его по людям.

Литвиновы рассказали про Павла. Они бывают у него под Читой по очереди. Купили ему там домик из двух комнат. Рассказали, как Павел с полгода тому назад поругался с директором по имени Владимир Ильич. Он сказал ему: «Вы говно, Владимир Ильич». За это его из слесарей-электриков разжаловали в рабочие-откатчики. Работа жутко тяжелая, на руднике. Павел, несмотря на свое здоровье, заболел воспалением легких и болел полтора месяца. После болезни снова стал работать слесарем, а Владимир Ильич перевелся в другое место, где Лариса Даниэль. Ларисе гораздо тяжелее. Павла окружают очень неплохие люди, Лариса же страшно одинока, и это ее убивает. Юлик сидит во Владимирской тюрьме, где совершенно ужасно. У Павла висит Димин портрет Солженицына, и они передали Диме его благодарность.

Марина говорит, что за границей в «Гранях» она видела опубликованные вместе рассказ Солженицына и старый неизвестный роман Булата «Фотограф Жора». Димин портрет Солженицына она тоже видела в тех же «Гранях»³²⁷.

³²⁷ Повесть (или «маленький роман») «Фотограф Жора» написана в 1964 г., тогда же Б.Ш. Окуджаву предложил ее в «Юность», редакция ее отвергла, она распространялась в самиздате. В 1968 г. во время поездки в Мюнхен Б.Ш. Окуджаву передал повесть в журнал «Грани», где

Булат написал несколько слов на сочинении мальчика, ученика Марины Хазановой, который написал сочинение про стихи Булата. Очень хорошее сочинение, мне даже завидно стало, что этот мальчик не учится в моем классе. Сережа, девятиклассник, сын Марины и Саши, невероятно приятный парнишка.

Сегодня Дима вел любопытную беседу с одним пьяноватым мужичком, пока мы ехали в метро до «Преображенской»: «Послушай, старина, ты москвич?» – «Москвич». – «Вот мы все мешочники мешаем вам, ездим. А как до “Курской” доехать?» – «До “Комсомольской”, а потом пересадка на кольцевую». – «А я с Урала. Мы ничего живем, в магазинах ничего нет, а на рынке всё – и коровина, и свинина, два рубля кило или два пятьдесят. А что же у вас тут в Москве ничего нет? Мы же все по Москве равняемся. Вот Хрущева ругали, и этих будут ругать». Мужичку надо было выходить, но он быстро вернулся и сказал напоследок: «Когда с правительством будешь говорить, так и скажи: “Народ недоволен!”».

29 декабря 1969 г., понедельник.

После работы приехала в подвал, где были Толя с Милкой, Иосиф Михайлович Шошенский и два члена худсовета – Шмаков и Альтшуллер³²⁸. Нашли в итоге компромиссное решение по барельефу. Импозантный Иосиф Михайлович вел диалог как по нотам. В итоге распили пол-литра коньяка в честь наступающего Нового года. Меня удивило, до чего же внимательно смотрел на вещи Альтшуллер, в отличие от Шмакова, который с любовью и восхищением смотрел на разглагольствующего Иосифа Михайловича. Декорация в нашем подвале сохранена та же. Мы всё сделали, чтобы на время барельефа мастерская выглядела убоже и хуже. И все-таки нам это удалось не до конца, раз Альтшуллер глядел на то, что осталось, с таким интересом.

После этого визита Дима отправился с коробками конфет в наш ЖЭК, где должны нам продлить договор на владение мастерской. Вернулся замерзший, температура упала до 30 градусов, а обещают минус 33.

Из политических событий ничего не знаем, кроме того, что арестовали Красина и Горбаневскую, а Петька вроде бы запил.

Я спала на диване, пока Дима рисовал. Потом Дима стал делать памятник Валерию Павлинчуку. Отличная скульптура получается. Говорила по телефону с Сефом. <...> Сеф сказал: «Я провалил три договора, и книгу мою выкинули из плана. Ее книгу я сделал, а свою нет. Чувствую себя жутко, сердце болит». – «Ты же знал, на что шел». <...> Потом мы пожелали друг другу всего самого лучшего в Новом году. <...>

Пришла Алла Зайцева с мороза. Принесла три колбы с заспиртованными мухой, лягушкой и рыбой, Димка был рад.

она и была опубликована (№ 73. 1969. С. 99–170). В этом же номере напечатана пьеса А.И. Солженицына «Олень и шалашовка» (С. 3–95). Журнал никогда не публиковал иллюстраций и других изобразительных материалов.

³²⁸ Шмаков Марк Александрович (1919–1986) – скульптор, выполнил ряд памятников и декоративных панно в Москве и других городах, Заслуженный художник РСФСР; Альтшуллер Моисей Соломонович (р. 1922) – скульптор, участник Великой Отечественной войны, автор ряда памятников, установленных в разных городах СССР, с 1988 г. живет в США.

Юлия (1969). Фото: Эдуард Гладков

Дома у нас тоже невесело. Зинаида Ивановна очень плохо себя чувствует. Согреться никак не может, даже с грелками.

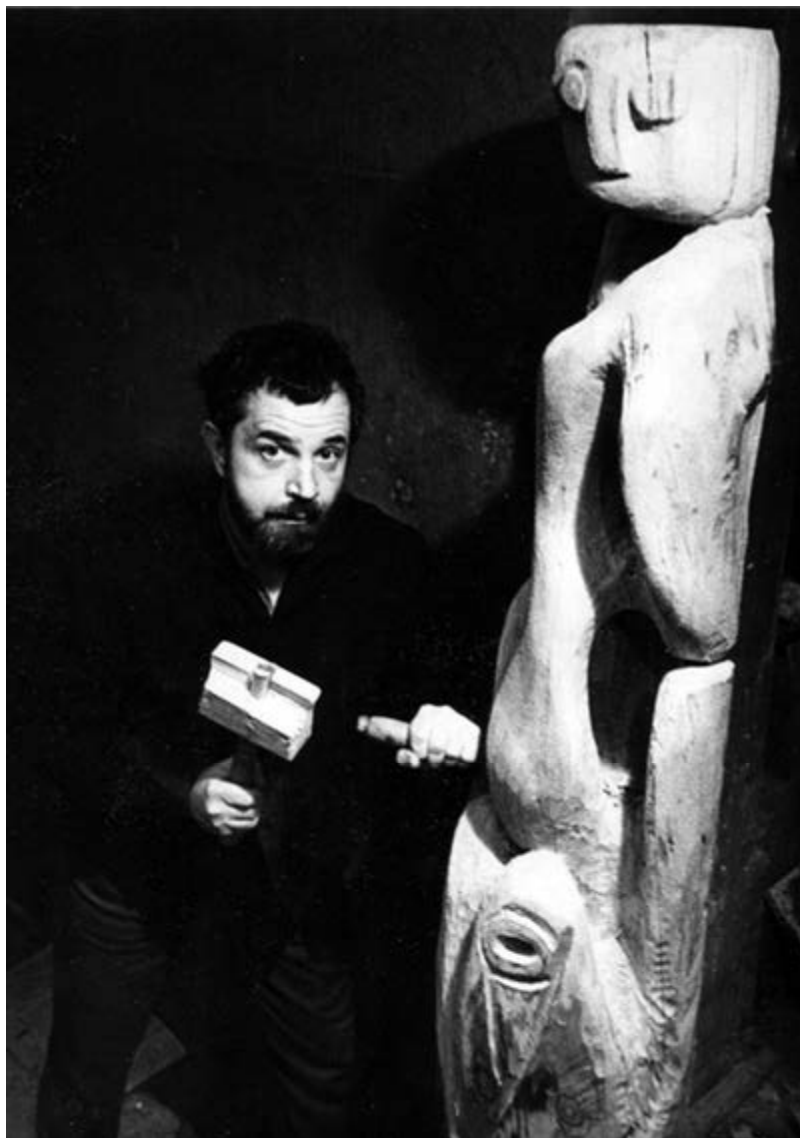
А скоро Новый год, «Юбилейный», черт бы его побрал.

30 декабря 1969 г., вторник.

Завтра начинаются мои каникулы. Сегодня был педсовет и больше до двенадцатого января я в школе не появлюсь. Четвертого еду с ребятами в Таллин. Наш подвал собрался в полном составе: Эдик, Марина и мы с Димой, а в итоге и Алла Зайцева с венгерской мороженой курицей, которую она купила, выстояв в огромной очереди. Приехал к нам Бранко с подарками для Юры Левитанского. Он, оказывается, никак не мог нам дозвониться. Рассказал нам несколько страшных историй. Парень один, журналист, который был у нас вместе с ним и Маслешей, Веселинович Саша, погиб в начале этого месяца в автомобильной катастрофе на Кутузовском проспекте. Он ехал вдвоем с товарищем и решил подвезти молодоженов, беременную женщину с мужем, получивших только что квартиру. Они столкнулись с аварийной машиной, погибли Саша, супруги, и сильно ранило товарища, который все еще в больнице, погиб шофер аврийной машины. И как какой-то кошмар – вчера Бранко одолжил свою машину товарищу из газеты «Политика»³²⁹, и тот сбил женщину, которая находится сейчас в очень тяжелом состоянии. Бранко в совершенно угнетенном состоянии от всех этих несчастий, а мы с Димой никак не можем поверить, что Веселинович, такой молодой, красивый парень, недавно сидевший на нашем диване, уже больше не существует на этом свете. Я вспоминаю, как он говорил с горечью тогда, что бог не дал им с женой детей, а он так бы хотел ребенка. Бранко долго у нас сидел. Из-за того, что он долго не мог Диму добиться, он вдруг начал подозревать, что Дима не хочет с ним встречаться и скрывается. Мы его раз и навсегда успокоили на этот счет. Дима не такой человек и никогда таким не был. Бранко читал роман Кочетова и роман Булата «Бедный Авросимов». Он очень интересовался нашим мнением насчет статьи в «Правде» 21 декабря по поводу 90-летия Сталина. Мы сказали, что эта статья произвела на нас, в общем, положительное впечатление. Роман Булата ему очень понравился. Бранко удивительно симпатичный парень. У него такое простое лицо, рябоватое, шрам на лбу, в пятнадцать лет он партизанил в Югославии, и сейчас это по-настоящему интеллигентный человек, говорящий на нескольких иностранных языках, и так тонко понимающий что к чему. Димка подарил ему картинку, написанную темперой, «Лик». Бранко очень обрадовался, хотя и не хотел брать сначала, говорил, что неудобно. Потом, когда Бранко ушел, Дима нарисовал еще один рисунок и подарил его Алле Зайцевой. И тут началась комедия. Только Алла собиралась его поцеловать в благодарность, тут же звонил телефон и отвлекал. Потом, наконец, Дима сам Алку поцеловал и с удивлением убедился, что она почти наверняка девица, настолько она застенчива и неуклюжа. Мы это и раньше подозревали. Вот тебе и великий теоретик-сексолог. Смешная девочка, эта Алла Зайцева.

³²⁹ «Политика» – центральная ежедневная газета Югославии, выходящая с 1904 г. в Белграде.

Я вспомнила про вчерашний телефонный разговор с Сефом и подумала, что он явно что-то хитрит. Он хочет побороть Юнну по-своему, на свой лад. <...> Но никогда у него этого не получится. Юнна из породы неподдающихся. Она, может быть, умрет или его уморит, но на свой благополучный, конформистский лад Сеф ее не переделает. И как бы Юнна не выбрыкивала, что бы она не вытворяла, я всегда буду на ее стороне. А ему следует лучше соображать – что она такое, раз уж он с ней связался, и жить ради нее, а не перебарывать и не переделывать ее на свой манер. Тем более что у него все равно это не получится.

В. Сидур за работой. Фото: Эдуард Гладков

1970

31 декабря 1969 г. – 1 января 1970 г.

Встретили этот вшивый Новый год. Втерлись в новое десятилетие. Шумной оравой – мы с Димой, Валя, Эдик и Алла Зайцева – приперли к Инне Бернштейн с питьем и едой. Собрались сначала у нас в подвале, побесились, повеселились. Сидур надел четверо кальсон, четыре нижних рубашки, шерстяные брюки, верхнюю рубаху с галстуком, шерстяной бельгийский жилет и свитер, как кольчугу, затем дубленку, ботинки, само собой, теплые, и шел по здоровому морозу медленно прогуливаясь, пока другие граждане, менее тепло одетые, трусили мелкой рысцой. У Инны Дима долго раздевал с себя многие одежды в отдельной комнате и это было похоже на «мужской стриптиз». У Инны было, в общем, ничего. Мы с Аллой, Инной, Аней и еще каким-то парнем даже плясали. Разговоры вели всякие интересные, только один пьяный человек, Александров (Дима говорит, что сто лет назад он был хороший), очень во всё лез и раздражал. В общем, вернулись домой в семь утра. Давно с нами такого не бывало.

1 января 1970 г., четверг.

Пришли мы, было темно еще, встали после сна – снова темно. Дима пораньше встал, я позже. Варили «книптики». Никуда не ходили. Дима чувствует себя неважно. Устал, обожрался. А у меня, как всегда в праздники, началась тоска. Прочла сегодня записки Пущина о Пушкине. До чего здорово написано. До чего же Пушкин был человек – человек, а нисколько не сверхчеловек.

По очереди звонили все наши близкие: мама, Валя, Эдик, Боря Хазанов, Инна, Алла. Инна сказала Димке, что Алла их вчера раздражала своим существом, что она агрессивна и т. д. Но больше всего было ясно, что Инна боится, как бы молодой человек Сережа, который вроде бы в их доме за жениха, не перекинулся бы на Аллу. Алка, действительно, несколько выпивши была, и часто говорила: «Стрелять их всех надо!» Но это было явно в шутку, спьну, и я ей на это сказала: «Заткнись, экстремистка!» Дима заверил Инну, что парень Сережа с Аллой никаких контактов иметь не будет и чтобы она на этот счет не волновалась. Бедняга Аня вчера была удивительно красива. И вообще, странно, девка молодая, ей, кажется, 20 лет, красивая, даже очень, сейчас уже дурочка комплексует на почве отсутствия мужика. Все почему-то от нее отпадают.

Слушали песни Галича в чтении, потому что магнитофона нет. Мне понравилась очень «Памяти Пастернака», «Граждане, отечество в опасности! Наши танки на чужой земле». Остальные понравились меньше.

2 января 1970 г., пятница.

Можно назвать новую новеллу «Алла и социолог». Опасения Инны оправдались самым очевидным образом. Уже сегодня социолог Сережа сидел дома у Аллы Зайцевой и она кормила его уткой. Об этом мы узнали по телефону от са-

мой Зайцевой. Инна оказалась более прозорливой, чем опытный волк в таких делах Сидур. Если у Аллы с Сережей не будет великой любви, мы решили попросить ее не очень его привечать, в пользу красоты Ани Бернштейн.

3 января 1970 г., суббота.

Завтра уезжаю в Таллин до 11 января. Были в мастерской, где нас встретила Марина. На улице вдруг теплынь невероятная. Решили переименовать новеллу про Аллу в «Сексолог и социолог». Эдик с Валькой пришли, груженные фотографическими принадлежностями. Потом появилась Алла. А вслед за ней Виталий Стесин – личность весьма опереточная, а жена у него никакая, с «плоским лицом», как сказал бы Лимонов. Алла сказала, что социолог ей до фени, и, оказывается, она его давно знает через своих знакомых. Утку у нее сожрали гости, поскольку нас она так и не дождалась.

Дима был так вчера грязен, как никогда. Пока мы вели светскую беседу и дразнили Аллу в связи с социологом, он вкалывал возле скульптуры Валерию Павлинчуку, и глина с него летела во все стороны.

Алла, когда была в 10 классе, написала сочинение «Печорин и счастье». Навероятно любопытное сочинение, до ужаса. Но до чего же она способный человек! Если сейчас не испортится, будет из нее толк.

Дима, пиши!

4 января 1970 г.¹

Юлька уехала в половине второго. Я начал убирать раскладушку, на которой она спала, а кончил только около пяти часов, убрав комнату, стол, подмел и т. д. Почти всегда у меня есть желание закончить этап. Позвонили из комбината, предложили формовать часть работы для Волгодонска, которую принял совет. Когда я выходил из метро «Парк культуры», увидел стремительно несущегося Эдика. Он сегодня полностью расстался со своим ВНИИ ПИ-ПИ. Вместе подошли к подвалу и увидели внизу Марину, отпирающую дверь. Она совершенно замучена домашними делами. Я быстро переоделся, думал поработать, но тут пришли Кларочка, потом Инна Берштейн, потом Кларина Леночка с Осей, и только около десяти я дорвался до памятника Павлинчуку. Работал до двенадцати, успешно. Когда работал, подумал, что только то зовется произведением, что при всем желании не может исправить никакой худсовет, где всё с их точки зрения неправильно, как в этом памятнике или в пьесе Беккета². Вспоминал, как лет десять назад я сказал, что хочу сделать камень с дыркой, что это будет хорошая скульптура. Сам допер.

5 января 1970 г.

Сегодня снова часов до трех занимался хозяйственными делами: крутил мясо, жарил и варил «книптики». Теперь у меня запас этих «книптиков» почти до Юлькиного приезда.

¹ Записи с 4 по 13 января сделаны рукой В. Сидура.

² Беккет (Beckett) Семюэль (1906–1989) – драматург, прозаик, лауреат Нобелевской премии по литературе 1969 года.

В мастерской застал Марину почти в отчаянии. У нее никак не «перedefельвается» антураж пилонов в духе, желательном художеству. Целый час учил ее тому, что работа в каждый момент должна сохранять эстетичность (с самого начала до конца), иначе противно работать. Марина успокоилась и пошла домой. Эдик сходил в магазин и тоже ушел. Я остался с памятником Павлинчуку. Часов в десять пришла Алка, совершенно сопливая. Говорили о жизни и о сексе. Сережа пытался поцеловать ей руку, но она с испугом свою руку вырвала. Говорит, что умнеет в нашем подвале. Позвонил Стесин и сказал, что завтра на Масловке выставка Кабакова³.

6 января 1970 г.

Кто мне сейчас нужен, так это Юлька, а она, сикушка, бродит сейчас по Таллину с Зальцманом... Пускай бродит и пребывает в хорошем настроении.

Сегодня утром меня разбудила мама: пришел какой-то человек из кооператива. Это был член правления Руслан Кобозев⁴. Он дал мне бумажку с телефоном Любови Александровны, сказал, что я должен ей позвонить, а на вопросы отвечать отказался. Оказалось, когда я, наконец, дозвонился до Л.А., что в нашей квартире не 43,7, а 49,1 м², и что такую площадь райсовет не утвердит на двоих. Все мои планы на сегодняшний день рухнули. Да и планы показались планчиками: выставка Кабакова, окантовщик... Я поехал в Московск. управл. распредел. жилплощади к Тольденберг, инспектору, которая проявила ко мне участие два года назад. Она оказалась больной. Очень противная тетка, очевидно, ее начальница, выпытала у меня, по какому я делу, и сказала, что никогда нам не разрешат на двоих. «Ищите кооператив с 43 м²». Поехал к технику, которая обмеряла квартиру, может быть, она ошиблась. Оказалось, та тоже больна.

В мастерской в это время совершенно замученная Марина безуспешноковырялась в барельефе, ничего не предлагая и не соглашаясь на мои предложения. В конце концов согласились. А в это время пьяный форматор отвратительно формовал рабочую модель балки. Эдик дал мне несколько дельных советов... Позвонил некто из правления кооператива и, не называя себя, говорил со мной хамским тоном. Потом назвался Архиповым и сменил тон, когда я доказал ему, что виноват кооператив.

Потом, когда все разошлись, я немного полепил Павлинчука. Потом посоветовался по телефону с Милой, Толей, Иосифом Михайловичем, Ниной Зозулей и ее знакомой юристкой. Потом поехал к Люб. Алекс. Перед уходом попытался закрыть лудло, увидел лужу, оказалось, Марина забыла его открыть. Любовь

³ Кабаков Илья Иосифович (р. 1933) – художник, график, сценограф, книжный иллюстратор. Член Московского объединенного комитета профсоюза художников-графиков. С 1988 г. живет и работает в США. Личное знакомство В. Сидура и И. Кабакова состоялось в 1985 г. Они с удовольствием побывали тогда друг у друга в мастерских (В. Сидур чужие мастерские посещал крайне редко). 20 апреля 1986 г., в самый канун «перестройки» и незадолго до смерти В. Сидура, оба они оказались персонажами погромной статьи о современном искусстве, помещенной в «Московской правде»: А. Степанов. Путешествие от «А» до «Я». От неофициального искусства к проповеди антисоветчины.

⁴ Кобозев Руслан Андреевич (1927–1995) – живописец. Член МОССХ.

Алекс. была энергична и весела, смотрела на меня жульническими глазами. Решили попытаться пробиться через райисполком в четверг. Скучать некогда.

В голове, как испорченная пластника: «Глубокоуважаемый Леонид Ильич, я, инвалид войны, и мои старики родители...» Самое смешное, что завтра мне нужно принимать эту квартиру у прорабов.

7 января 1970 г.

Сегодня целый день потрачен следующим образом. 1. Измеряли с Эдиком квартиру, у нас получилось на два метра меньше, чем у техника. 2. Писал заявление в депутатскую комиссию. Завтра встаю в 8 ч. и попытаюсь проникнуть на эту комиссию. С этой ситуацией никакая пьеса абсурда не сравнится, всё время приходится доказывать, что ты не верблюд.

8 января 1970 г.

Сегодня встал в 7 ч., хотя заснул в два. Поехал на «Сокол» в жилотдел. Оказалось, что все «либеральные» начальники больны. Вести заседание будет Дергунов – страшная образина, он отказал мне в просьбе присутствовать на депутатской комиссии: «Если мы каждого будем пускать, нас всех отсюда выгонят. Если у вас всё законно – пропустим, незаконно – откажем», – и рубанул рукой как по горлу. Но я сумел все-таки вручить свое заявление помощнику инспектора по кооперативным делам. Даже в этом учреждении оказался добрый человек, видимо, инвалид войны, с орденскими колодками. Сидел, смотрел, как быстро заходили и выскакивали представители разных учреждений, многих «резали», все говорили, что сегодня кошмарный день. Наши пришли в 11 ч. 10 мин. Попытался вручить Л.А. копию своего заявления, но она сказала, что всё помнит. Стоял у двери, слушал (и другие страждущие старались услышать). Время от времени выходящие сотрудники нам говорили: «Стыдно подслушивать, товарищи!» Но почему-то никто не стеснялся. Наконец, услышали: «Сидур, рекомендован Моссоветом, на двоих три комнаты 43 метра, но по жеребьевке досталась квартира 49 метров». И голос Л.А.: «Он Брежневу писал...» И голос Дергунова: «Все они пишут Брежневу». А потом слова: «Оставить для утверждения исполкомом». Слово «отказ» не было произнесено, уже радость. Потом вышли Л.А. и Кобозев и сказали: «У вас всё в порядке». Даже не поверилось. Потом ехали в метро, говорили на абстрактные темы (о детской преступности). Поехал домой, обрадовал стариков. Потом зашел на выставку Кабакова. Думаю, что это ниже того уровня, на котором можно начать разговор, если об искусстве вообще можно говорить. Купил много бумаги для Марины и для себя. В подвале рисовал. Сейчас дохожу.

9 января 1970 г.

Послушал радио. Отец уехал в МОНИКИ к Винтовкиной и эндокринологу. Отец очень верит в медицину. Мама очень нервничала, как всегда в таких случаях, тем более что отец вернулся только около четырех. Звонила Нина Гинзбург, они съездили очень хорошо. В то время, когда мы с мамой нервничали, в коридоре матрасный мастер переобшивал наш диван. Сам напросился, почуял добычу.

После возвращения отца я поехал к окантовщику, так как Люша устроила Кларочке скандал из-за того, что нет фотографии Исаича. Хорошо, что Саша-окантовщик исправил эту фотографию, и я вернул ее Кларочке. Приходили ребята-электрики, обещают всё сделать. Лимонов приходил и Алка-сексуалка, которую соседи-гады заели, утверждая, что она засорила «толчок», только Райка ее сейчас не ругает. Лимонов пытался доказать, что Кабаков – это хорошо, но доказывал неубедительно. Я же доказал, что нужно говорить «стульчак», а не «толчок», но сокольническим это втолковать трудно.

Чувствую себя неважно, погода сильно меняется. Договорился, что Гдаль приедет посмотреть маму в воскресенье. Не забыть сказать ему про «Кокарбок-силазу» и витамины. Звонила Юнна, просила свою рукопись (временно), но я сказал, что Юлька увезла в Таллин. Потом, когда мы попрощались, немного поговорил с Романом и понял, что у них две трубки и один из них слушает, когда говоришь с другим.

Снова появились канализаторы, таскают мне всякие железки и требуют пол-литра и еще пол-литра.

10 января 1970 г.

Вчера был день смерти Изольда, но я к Женьке не звонил, как-то жутко получается при новом муже всё поминать покойника... Чувствовал я себя сегодня ужасно, все жилы болели, спал отвратительно. Но это всё ничего бы, но мама очень плоха, совсем ослабла. Почти не двигается, а если двигается, то с великим трудом, задыхается.

11 января 1970 г.

Кажется, я почти проморгал маму. Сегодня был Гдаль, сказал, что у мамы декомпенсационный склероз сердечной мышцы, вследствие этого отеки, увеличена печень, мерцательная аритмия и может быть отек правого легкого. Нужно немедленно госпитализировать. Он, Гдаль, прямо от нас позвонил Володе Бураковскому, чтоб положить маму в их институт. Володя согласился, завтра будем это делать.

Приехала Юлька из Таллина. Зеленая, худая, но довольная.

12 января 1970 г.

Сегодня маме чуть-чуть лучше, завтра повезу ее в больницу. Даст бог, всё будет хорошо. Сегодня ездили в наш дом, там медленно, но верно, всё идет к завершению. Ездил в Фонд, подал заявление, чтобы родителей записали в поликлинику.

Когда вчера мы с Гдалем поднимались в лифте, с нами поднимался еще один «морд», совершенно идиот, с пакетом лука. Влез в лифт и возгласил: «Вы русские? Хочу подарить вам это!» И вытащил из кармана луковицу: «От Народного художника РСФСР Руднева⁵, от России, надеюсь, я вас не обидел...». Сегодня один из Юлиных учителей назвал Булгакову Баскаковой и сказал, что она напи-

⁵ Руднев Алексей Михайлович (1913–1972) – живописец, Заслуженный художник РСФСР (1969).

сала роман «Маргарита», а ее муж – «Дни Турбиных». Знает Освальда. Очень страшная история.

Завтра 13-е. Мама очень любит это число.

13 января 1970 г.

Всё перепуталось... У меня такое ощущение, что мама и папа – мои дети, маленькие, беспомощные... Сегодня отвезли маму в больницу. Она ведет себя героически – безропотно глотает горькое лекарство и выполняет все предписания. Очень медленно прошли к такси, а потом из такси – в больницу. Около раздевалки всё было занято молодыми родителями «синих» детей. Только один стул был свободный. Гдаль пришел довольно быстро. Мы посадили отца на стул (у него, бедняги, ко всему сильный насморк), и я повел маму в приемный покой. Там всё записали, что нужно, посадили маму в кресло на колесах, я около лифта маму поцеловал и она уехала. Я узнал, что посещать больных можно от четырех до шести часов, и мы с отцом отправились в метро. Батя поехал на «Динамо», а я – в мастерскую. Там уже был Эдик. Мы поели и стали снимать пленки для книги Левитанского. Я чувствовал страшную усталость. Марины не было, Юлька не звонила. В начале пятого пошел в больницу. Шел очень медленно, болело сердце. У кафе «Крымское» увидел Юльку, из-за которой тоже переволновался, и мы пошли вместе. Я нашел маму на втором этаже, в палате на двоих, воздух чистый, кровати хорошие. Мама сидела на кровати, свесив ножки, и бодро говорила мне, что нужно принести. Гдаль у нее уже был. Мама сказала, что с удовольствием пообедала – съела и суп, и второе, и компот. «Я им сказала, что у вас прекрасно готовят». Потом я был у Гдаля. Он считает, что на этот раз всё обойдется. Потом мы пошли к Володе, я его поблагодарил, а он всё приглашал меня и Гдаля в «Арагви». Он уже прилично поддал, так что не узнал Юльку в вестибюле. Видели Галю Авруцкую, которая обещала помочь маме с вторым одеялом. А потом пошли с Гдалем на метро, он поехал домой, а мы – в мастерскую. Там сидела Марина с мигренью и тошнотой, очень хотела, чтоб мы с Юлькой поскорее ушли. Она, мол, поработает, несмотря ни на что. Оказалось, что за ней должен зайти Миша.

Дома батя был в совершенной тоске и скуке, они с мамой как один организм теперь. Снова меняется погода, наверно, от этого ноет сердце. Завтра будет писать Юлька.

14 января 1970 г., среда.

Зинаиде Ивановне явно легче. Дима говорит, что у нее совсем другое лицо. Отец тоскует, но держится. Дима доходит, устал совершенно безумно. Я тоже устала. Всё вспоминаю про Таллин. Понравилось мне там, и эстонцы понравились. Европа. Население к русским относится, в общем, неприязненно. Алик Киселев репетировал сегодня с моими ребятами, а потом еще в подвале помогал перетаскивать доски. Алла Зайцева завела дурацкий спор о том, какой народ великий, какой не великий. Идиотка. У нее явно «корни в пяточки ушли» – цитата из ее сочинения, в котором были стихи с такими словами. Это сочинение под названием «Печорин и счастье» Алла писала в школе, забавное сочинение, но корни у Аллы точно ушли в пяточки.

Дима нарисовал много хороших рисунков, пока меня не было. Павлинчука он еще не открывал, но говорит, что доволен, как она получается. Марина совсем сбледнувши. Мы ее потихоньку поддразнивали, уж не беременна ли она. Она категорически отрицает. Эдик очень милый. Мне вдруг предложили делать какие-то передачи на телевидении на французском языке для дошкольников. Дима считает, что необходимо мне попробовать, а там посмотрим. Я согласилась.

В Эстонии мы с Наташей, моей подругой⁶, подружились с прекрасным парнем, режиссером телевидения, которого дали нам в гиды, потому что кто-то там заболел. Его зовут Пэтер, и скоро он приедет в Москву в командировку. Парень удивительно симпатичный, душевный, умный, хотя и очень сдержанный внешне, как все эстонцы. Благодаря ему наше пребывание в Таллине было совсем приятным, потому что в Пэтере не было обычного профессионального налета, свойственного гидам-переводчикам. А с нашим коллегой Зальцманом мы, к счастью, вообще крайне редко виделись, и слава богу, потому что более избалованного, самовлюбленного и снедаемого кретина трудно найти. Дети прозвали его «Мефистофелем местного значения».

В мастерской душно, грязно, и отвратительная декорация в ожидании художника еще не снята. За столько времени Дима в первый раз изменил себе, взялся за этот вшивый заказ, и стало совсем невыносимо.

В моем сознании Юнна из-за Сефа как-то поблекла, его тусклая личность накладывается на ее яркую и она меркнет.

15 января 1970 г., четверг.

Мы с Димушкой были у Зинаиды Ивановны. Ей несравненно и очевидно лучше. Мама моя тоже была. Соседка Зинаиды Ивановны – иссохшая женщина с удивительным стянутым желтым лицом и яркими голубыми глазами, выражение лица непонятно, только рот иногда растягивается, говорит она с трудом, еле слышно и бесшумно, как тень бродит медленно возле своей кровати. Женщина без возраста, коротко стриженная и старая закаленная больная. Зовут ее Сима. Зинаида Ивановна с ней очень подружилась.

Были мы в нашей квартире. Кажется, всё уже в порядке, и скоро можно будет вселяться. Вечером были у Гинзбургов. Витя немножко нездоров, хотя выглядит неплохо, а Нинка совершенно отлично выглядит. Хорошо очень у них посидели.

Женька Зверева придумала острогу в связи с тем, что есть подтверждение сведений о выезде евреев из Черновиц в Израиль: «Москва – Черновцы, далее везде».

16 января 1970 г., пятница.

Я ездила сегодня к Зинаиде Ивановне. Там неожиданно объявили карантин и никого не пускали, боятся гриппа. Я написала Зинаиде Ивановне записку, а потом случайно увидела Гдаля, и с его помощью меня пропустили. Зинаида Ивановна ничего. У них с Симой мир и покой. Сима степенно, медленно кушает

⁶ Исаева Наталья Александровна (р. 1944) – коллега Юлии. Учительницей французского языка в 18-й спецшколе она проработала до 2012 года.

и руководит Зинаидой Ивановной в больничной жизни. Состояние у нее чуть похуже, но Гдаль считает, что всё у нее протекает нормально и, возможно, ей не придется находиться в больнице больше десяти дней. Конечно, если не будет хуже. Кто очень тоскует и скучает, так это отец, ему ужасно тяжело одному.

Вечером в подвале у нас был Игорь Тупицын с журналистом из АПН. Что-то кумекали, чтобы поместить Димины работы в журнале для Югославии. Игорь – жутко утомительный человек. Показал нам свою книгу «Рисунки советских детей», которую он выпустил в 1957 г. и которая выглядит невероятно убого. Неужели советские дети так бездарны? Это уж явно Игорева подборка. У младших еще что-то проблескивает, но старшие рисуют в худших москховских традициях.

Вечером сидела у нас Алла Зайцева. Их с Димой обуяли детские эротические воспоминания. Им бы еще Эдика в компанию, они бы побеседовали. Эдик наш стал позже уходить, как ушел с работы. Дима всё время рисует цветные рисунки.

Би-би-си сообщило, что книга Солженицына «В круге первом» признана в Англии одной из лучших книг года.

17 января 1970 г., суббота.

Димушка себя неважно чувствовал, и они с отцом сегодня не выходили. Я приехала поздно после репетиции. Явно что-то неплохо получается у нас со спектаклем. Алик недоволен своим положением. Хочется ему всё вырваться в первые и никак не получается. Зинаиду Ивановну сегодня не видели, поедem к ней завтра.

18 января 1970 г., воскресенье.

Мы с Димой сегодня жили порознь. Я целый день не выходила из дому, заканчивала свои школьные дела. Дима с Абрамом Яковлевичем были у Зинаиды Ивановны. У нее дела явно идут неплохо. Володя Бураковский к ней заходил, и она сказала, что у них в больнице рай. Потом Дима пытался уладить небольшой конфликт между Володей и Гдалем. Соседка Зинаиды Ивановны Сима скоро выписывается. Это очень жаль.

В мастерской были чехи с Инной. Один чех купил у Димы небольшой рисунок за тридцать рублей. Приехала шведка Анника. Привезла мне книги Симоны де Бовуар и Беккета. У нее там в семье все в порядке.

Вчера Канада передавала, что Саня Даниэль направил открытое письмо писателю Грэму Грину, где пишет, что Юлика перевели во Владимирскую тюрьму и добавили ему срок. Он пишет еще про одного товарища, который с Юликом⁷.

⁷ В письме речь шла о Ю.М. Даниэле и В.Е. Ронкине (1936–2010), отбывавшем с 1965 г. семилетнее заключение за написание и распространение самиздатских сочинений. Обоих обвинили в «нарушении лагерного режима» и приговорили к заключению до конца срока в тюрьме (Ю.М. Даниэлю оставалось 10 месяцев, В.Е. Ронкину – 3 года). А.Ю. Даниэль писал о несправедливости нового приговора, о тюремном режиме, который особенно страшен для В.Е. Ронкина. «Чего же я хочу от Вас, м-р Грин? – честно говоря, не знаю. Я не знаю, что Вы сможете сделать... не знаю, что вообще можно сделать в этой ситуации. Я, например, уже больше ничего не могу сделать. Мне еще нет девятнадцати, в конце концов... Я надеюсь на то, что Вы сочтете возможным и нужным что-либо сделать. У меня еще есть надежда, что гласность поможет нам, хоть чем-то».

19 января 1970 г., понедельник.

Дима плохо себя чувствует, наверно, из-за пурги. Завтра поеду к Зинаиде Ивановне.

Снова два итальянца приковали себя в ГУМе, а один бельгиец разбрасывал листовки с требованием освободить Григоренко и других⁸.

Ходила я на телевидение. Попробуем с Димушкой сделать одну передачу на французском языке.

20 января 1970 г., вторник.

Я заезжала в больницу к Зинаиде Ивановне. Ее, конечно, не видела, не пускают. Передала ей кое-что и еще три записки – от Абрама Яковлевича, от Димы и от себя. Вечером Дима говорил с Гдалем. Он считает, что состояние почти нормальное, но мерцательная аритмия не пропадает, и если не появится больше отеков, можно будет выписаться в ближайшем будущем.

Дима завтра должен будет получать газовые горелки для нашей плиты в квартире. Эдик говорит, что нам еще предстоит присутствовать на торжественном вручении крышки от унитаза.

Вечером был у нас Эдик Лимонов. Мама у него очень плохо себя чувствует. Наш Эдик вернулся из Ногинска, где делал репортаж с парашютистом Сашей Карапузкинским. Марина заканчивает антураж у этого вшивого Волгодонского барельефа. Алла Зайцева приходила советоваться насчет не пойми каких дурацких кинозглядов некоего Ханютин⁹. У Аллы удача – у нее приняли передачу о Ленинском зачете¹⁰, получит 100 рублей.

21 января 1970 г., среда.

Сегодня снова была в больнице. Пробыла там долго, потому что сначала задержалась в школе, а потом долго не могла передать Зинаиде Ивановне записку, пока, наконец, одна знакомая врач не сходила к ней и не поговорила с ней сама. Ответ Зинаида Ивановна не смогла написать. Ей было нехорошо, несколько раз рвало, потому что Сима угостила ее селедкой, и теперь у Зинаиды Ивановны снова нет аппетита. Больше всего она тоскует, что не может общаться со своими из-за карантина. Тем не менее выглядит она неплохо, и врачиха Нора <Нисневич>¹¹ сказала, что она произнесла страстную речь в защиту Израиля¹².

⁸ 18 января 1970 г. в ГУМе в Москве фламандцем Виктором ван Брантегем и итальянцем Вальтенио Такки была устроена демонстрация в поддержку советских политзаключенных, одновременно в Ленинграде в ДЛТ провели такую же демонстрацию итальянка Тереза Маринуцци и норвежец Гуннар Йенгсет. После ареста их судили, приговорив к году заключения, но под давлением мировой общественности отпустили.

⁹ Ханютин Юрий Миронович (1929–1978) – киновед и кинокритик, сценарист, специалист в области западного кинематографа. Среди прочего, автор сценария документального фильма «Обыкновенный фашизм» (совместно с М.И. Роммом и М.И. Туровской, 1965 г.).

¹⁰ Пропагандистское, лживое мероприятие, организованное ЦК ВЛКСМ в 1970 г. к столетию В.И. Ленина. В ходе его рассматривалось выполнение личных обязательств, успеваемость комсомольца, участие в общественной работе и т. п.

¹¹ Нисневич Элеонора Давыдовна (р. 1935) – с начала 1960-х гг. научный сотрудник НИИ сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева, кандидат медицинских наук.

Димка ужасно волновался, что меня долго нет, стал думать бог знает что. И они с Эдиком уже стали разрабатывать план, где и как меня разыскивать. На завтра Дима вызвал худсовет по Волгодонску. Марина старалась изо всех сил. Позвонил Зденек Черны. Его теперь назначили заниматься культурой при посольстве и налаживать контакты. Он прежде всего решил наладить контакт с нашим подвалом. Долго расхваливал Диму, говоря о том, что его знают все чешские художники и скульпторы. Потом приехала Лиля Бураковская. Мы ушли с ней немного позаниматься по французскому, и Володя вызвал ее домой встречать гостей. Неожиданно позвонила из Будапешта Жужа Раб. Сказала, что в мартовском номере какого-то журнала будет напечатана про Димку статья, фотографии и обложка.

Молодых ребят-итальянцев и бельгийца будут у нас судить. Во Франции сожгли себя два школьника в знак протеста против войн и несправедливости в мире.

22 января 1970 г., четверг.

Зинаиде Ивановне очень плохо. Дима совсем издерган. Он был сегодня у нее, и говорил, что она в очень плохом состоянии, есть ничего не может, заговаривается, не помнит, что были записки от отца и от Димы позавчера. Гдаль считает, что мы опоздали. Надо было раньше класть ее в больницу. Отец ужасно переживает.

Сегодня же был худсовет в мастерской. Приняли еще половину работы. Танька Соколова опять злобствовала, но несколько меньше. Когда они там стали болтать, что женщина похожа на негритянку-африканку, Дима сказал: «Мне кажется, что эта женщина похожа на Таню». Тогда Танька тут же сказала: «А я считаю, что она на тебя похожа». Марину спрятали за занавеску, и когда совет ушел, она сказала: «Всех баб стрелять надо».

Я целый день выдавливала из себя сценарий на телевидение.

23 января 1970 г., пятница.

Сегодня Зинаиде Ивановне было получше. Она была вроде бы поспокойней. Дима натер яблоки и покормил ее бульоном. Им поставили третью кровать и подселили еще одну женщину, Дима говорит, что на вид она ничего. Володя Бураковский выписал Диме постоянный пропуск, он сможет ходить, несмотря на карантин. Дима говорит, что Зинаида Ивановна очень нежно обо мне говорила. Меня это радует. Дай бог, чтобы она выкарабкалась на этот раз и пожила еще с нами.

¹² Государство Израиль в интерпретации советской пропаганды являлось рассадником сионизма, представляющим угрозу всему миру. Советская печать начала 1970-х гг. была насыщена антиизраильскими, антисионистскими (по существу – антисемитскими) материалами. Их уровень в пропаганде достиг тогда поистине высшей в послесталинскую эпоху точки. Апофеозом можно считать сделанный в 1973 г. на киностудии ЦСДФ по заданию ЦК КПСС и при содействии КГБ полнометражный (89 мин.) документальный фильм «Тайное и явное» (сценарий Д.А. Жуков, режиссер Б.Л. Карпов, оператор А. Киселев), по стилю мало отличимый от нацистской пропаганды. В кадры фильма были включены изображения змей, паутины, червей. Поразительной была попытка доказать, что в уничтожении евреев в годы Второй мировой войны виноваты сами евреи. Фильм получился настолько одиозным, что в последний момент в ЦК было решено не выпускать его на широкий экран.

Я вечером купила два широких польских пищевых термоса, один для Зинаиды Ивановны, а другой Димушка подарил Симе. Диме легче немного стало, когда он чуть-чуть выпил. Эдинька был с нами очень хороший.

24 января 1970 г., суббота.

У Зинаиды Ивановны состояние такое же, но сегодня она ела. Димушка всё привез и покормил ее.

Вселяться будем вот-вот.

Эдик был у нас с Аликом на репетиции в школе, много фотографировал. Приехали с ним в подвал. Дима уже вернулся из больницы. Хазановы пришли. Марина купила для нас две курицы, спасибо ей. Сварим, отнесем Зинаиде Ивановне. Несмотря на Володин пропуск, Диму пустили в больницу с большим трудом из-за карантина.

Посетила нас Ивица, привезла Диме <сердечное> лекарство, которое обещала – интенсаин. Мне привезла Ионеско. Валька пришла, вся ужасно выглядит. У нее мама тоже очень плохо себя чувствует, собирается класть ее в больницу из-за сердца. Моя мама тоже болеет, температура 37,7°. У Эдикова отца 39° температура, он в гриппу. Марины Хазановой мама сломала второе бедро, тоже в больнице.

Алла Зайцева пришла бледная, с перекошенным лицом. Оказывается, она вчера была на свадьбе и там обьяелась и опилась, так что сегодня ей было тошно. Мы с Димой безуспешно советовали ей сунуть в рот два пальца и поплевать. Алла пыталась, но у нее ничего не получалось. Наконец, когда все ушли, мы отпили ее просто очень крепким сладким чаем.

Как тень из прошлого, возникла Колодко. Алка рассказывала, что она появилась у нее неожиданно вчера и попросила сигарет. Алла спешила на свадьбу и сказала, что не курит. Тогда Колодко стрельнула окурочек у соседней. Сказала, что она бедствует. Спросила: «Ты у Лемпорта бываешь?» – «Нет». – «А у Сидура?» – «Да». На этом их беседа закончилась.

25 января 1970 г., воскресенье.

Вчера забыла написать интересную байку, которую Ивица привезла из Югославии. Будто бы в Хельсинки собрались наши с американцами и решили между собой поделить Югославию. Себе отнять Македонию, Сербию и еще что-то, а остальное – американцам. Мы успокоили Ивицу, что эти слухи ничем не оправданы. Пожалуй, подобная акция сейчас ни к чему.

Димушка был у Зинаиды Ивановны, снова кормил ее куриным бульоном. Она физически явно лучше, но психически явно у нее что-то не то. Она заговаривается, ничего не помнит, и новую больную, по имени Нина, упорно называет Женя. Сима – молодчина, удивительная женщина. Доходит совсем, но говорит шелестящим голосом: «Я, как всегда, лучше всех». У Зинаиды Ивановны плохо с головой из-за щитовидки, а эндокринолога там нет, а пришлый никак не придет. Я просидела целый день дома с Абрамом Яковлевичем, не докончила сценарий, не сумела. Единственно, что научилась – это закапывать Абраму Яковлевичу

пилокарпин в глаза. Я – ничтожество, ничего не могу написать. Безвольное, ленивое существо.

*

Позавчера я ехал к маме в больницу на леваче¹³. Шофер всё время говорил о политике: «А Чехословакию чуть не потеряли! Хорошо, что наши вовремя вступились, а то бы заговор – и всё... Сейчас газеты всё про Израиль пишут, а это всё ерунда, про Китай нужно думать... Даже если их миллион в день уничтожать, и то год нужно, чтобы половину уничтожить, а хоронить как успеть...» – «А ведь они еще сопротивляться будут», – это уже я говорю, ему эта мысль почему-то даже в голову не приходила. «Да, ведь они идейные, им скажут – все пойдут», – согласился он и испугался.

26–27 января 1970 г.

Юлька – шантажистка, пользуется тем, что пишет сценарий для телевидения, заставляет меня писать дневник. Я второй день сижу дома, простужен. В больницу вместо меня ездит отец. Он ужасно страдает из-за мамы. У мамы боли в желудке, сегодня почувствовала боль в ногах, второй день совершенно ничего не ест. Маму в четверг хотим из больницы забрать, иначе она там затухнет совсем. О чем мы сейчас ни говорим, о чем ни думаем – кругом мама... Но жизнь продолжается и думать нужно еще о чем-то, и делать что-то...

28 января 1970 г.

Сегодня проснулся в 6 часов, мне показалось, что мама меня позвала: «Дима!» Часа в три дня позвонил отец и сказал, что маме сегодня лучше, и хотя она ничего не ест, боли у нее меньше.

Специально и только для Юли

Только что приготовил себе «фирменное» блюдо: взял несколько тефтелек (называемых в нашем семействе «книптики»), заготовленных Юлей несколько дней назад, точнее неделю. Заготовленных – это значит сваренных. Залил их кипятком, добавил рокфору, прокипятил – и блюдо готово. Очень, очень вкусное, ешь изо дня в день месяцами. Сегодня было особенно вкусно, долго не мог понять, почему. Но после того, как извлек: жучков – 3, червяков – 5, я всё понял. Вывод: когда обваливаешь «книптики» в муке, смотри, много ли в ней живности. Думай о том, что делаешь в данное время. Иначе я возьму в руки... и дам по... Интересно, при мысли о съеденных пауках и червяках почему-то тошнит.

18 ч. 15 м. Только что позвонил отец. Мама ничего не ест. Жалуется на боль в ногах. С клизмой неудачно. Очень это мне не нравится.

1 февраля 1970 г.

1 Меня Димкина запись о червяках и жуках невероятно травмировала, поэтому я и прекратила писать на такое долгое время. Мне было обидно, жалко себя, потому что я выгляжу каким-то отвратительным чудовищем, а не женой великого художника. Отравительница. Дело в том, что эту проклятую муку родители при-

¹³ Далее записи по 28 января включительно сделаны рукой В. Сидура.

везли с собой еще из Алабина. Они ее там просеивали от всякой дряни и потребляли. Я, наивно предполагая, что в ней нет никаких зверей, тоже ее употребляла, тем более что все эти живые сволочи от меня прятались. Абрам Яковлевич постарался, он столько намолол этого мяса, что я жарила и варила эти вшивые книптики целый день, как настоящая повариха из общепита. Поэтому Дима и лопают их до сих пор. Выбрасывать категорически отказывается, мне назло. Но вообще, нам не до шуток, тем более таких кислых. Зинаида Ивановна болеет тяжело, хотя объективно всё у нее лучше. А субъективно она устала жить и вследствие этого у нее нет никакого интереса к жизни. Даже проблемы Израиля больше ее не волнуют. Она почти ничего не ест, жутко ослабла и похудела. Отец ездит к ней ежедневно и очень страдает от ее отчужденности и апатии. Только когда Дима, несмотря на свое ужасное тяжелое физическое и моральное состояние, появляется у нее, он как-то может пробудить ее к дальнейшему существованию.

Я как проклятая всё работаю, работаю. Сплю по 4–5 часов в сутки. Написала сценарий – дурацкую историю про Толя и Николь – в учебную передачку на французском языке. Если пойдет, что навряд ли, получу больше ста рублей и, может, дальше буду работать. Завтра свиданье в телевидении с редактором.

Странный звонок раздался вчера. Искусствовед из Австралии Саша Гришин¹⁴ должен прийти к нам во вторник. Время подоспело сдавать книгу Левитанского. Дима сначала чуть с ним не поругался, потом помирился. Зоя Крахмальникова с ним была. Баба, а понимает в сто раз больше, чем Юра. Сидел у нас Игорь Тупицын, собирается писать статью про Диму в АПН на Югославию. Эдик ездит на аэродром, снимает парашютистов для «Крыльев родины». На глазах видно, как Эдик снимает всё лучше и лучше. Алла Зайцева с потресканными губами. Дима сказал ей: «Небось покусал кто!» Алка начала оправдываться, что нет, как маленькая девочка. Легка на подначку.

Говорят снова, что Твардовского уже сняли¹⁵. Во всем мире черт знает что. Тоска жуткая. Квартира наша новая вся в грязи. Никак не приведем ее в порядок. Времени нет, да, честно говоря, и желания острого, как раньше, тоже нет. Дима исхитряется рисовать. А вообще, как-то всё надоело.

2 февраля 1970 г., понедельник.

Димушка один может влиять на Зинаиду Ивановну. Она его слушает, всё ест и не капризничает. Отец измучен до предела.

В квартире нашей помаленьку убирают, циклюют и окна помыли. Скоро закончат общую грязь убирать, может быть, будем тогда переезжать. Лифт пока не работает, вода идет нерегулярно, газа нет. Дом уже начал трескаться.

¹⁴ Гришин Саша (р. 1949) – славист из университета Мельбурна, в 1970 г. находился несколько месяцев в Москве. В. Сидур подарил ему большое количество гравюр, выставку которых С. Гришин устроил по возвращении в своем университете. В 1972 г. в Аделаиде он выпустил 114-страничную книгу о В. Сидуре с 36 фотографиями его скульптур, выполненных Э.Н. Гладковым: *Vadim Sidur. A study in modern soviet sculpture*. Она стала первым подобным изданием на Западе, В. Сидур ее очень ценил.

¹⁵ 9 февраля 1970 г. постановлением секретариата СП СССР из редколлегии «Нового мира» были выведены несколько наиболее близких А.Т. Твардовскому сотрудников. После этого 12 февраля он сам подал заявление об уходе.

Была на телевидении. Сценарий мне сказали переделывать. Мы с Димой решили попробовать.

У Зинаиды Ивановны явно сдвиг в сознании, что невыносимо отягчает и ее, и наше существование.

3 февраля 1970 г., вторник.

Димушка возил Зинаиду Ивановну в кресле на рентген, а там держал ее на руках, пока просвечивали, потому что сил у нее нет никаких. Домой она просит ужасно. Отец измучен так, что завтра, сказал, в магазин не сможет пойти.

Я приехала в подвал и свалилась на диван отдышаться. Сегодня были городские контрольные работы и очень интенсивная репетиция нашего спектакля. Очень здорово получается.

Новые неприятности у Вали, она у нас сегодня плакала. Ее, суки, сокращают с работы, хотя она хорошо работает и нужна как работник, но у нее нет детей.

Вечером был у нас австралийский искусствовед Саша с женой. Передал привет от Нины Михайловны.

Послезавтра перевозим Зинаиду Ивановну.

4 февраля 1970 г., среда.

Завтра перевозим домой Зинаиду Ивановну. Дима с отцом были у нее. Состояние физическое у нее, безусловно, лучше, а моральное явно неважное. Но домой она хочет. Отец покашливает, как бы он не свалился.

Были в нашей новой квартире, расплатились с женщиной, которая убирала. Окна чистые, пол хороший. Отличная квартира. Еще бы здоровья всем, и не давили бы морально, чуть-чуть свободы, той самой буржуазной демократии, которая больше не устраивает воинственную западную молодежь. А нас бы на данном этапе вполне устроила бы.

Вечером мы с Димой были в Театре на Таганке. На этот раз Алик пришел вовремя, принес билеты, всё было в порядке. Видели многих наших «прогрессивных» деятелей¹⁶. Слуцкий Боря в отличном виде, Марик Розовский, ныне безработный, Володя Максимов очень маститый и грустный. У Марика театр в университете разогнали, а Любимов к себе не берет, боится конкуренции. Посмотрели мы спектакль Вознесенского¹⁷ «Берегите ваши лица»¹⁸. Он нам не по-

¹⁶ На прогоне спектакля 28 января и двух премьерных показах 4 и 10 февраля 1970 г. рядовой публики в зале практически не было – большую часть мест занимали чиновники высокого ранга, вплоть до министров и работников ЦК (которых для придания прочности пригласил А.А. Вознесенский). Присутствовали знаменитые ученые, космонавты, хоккеисты, журналисты, артисты, художники, писатели, приглашены были важные иностранцы.

¹⁷ Вознесенский Андрей Андреевич (1933–2010) – поэт, прозаик, художник.

¹⁸ Спектакль «Берегите ваши лица» прошел только три раза – 28 января, 4 и 10 февраля 1970 г., а потом снят Управлением театров Министерства культуры СССР для «устранения недостатков», и позже уже не восстановлен. «Спектакль был экспериментальным, и в нем мы применили принцип открытой режиссуры. Спектакль был очень фрагментарен, без сюжета», – писал Ю.П. Любимов («Алгебра гармонии» // Аврора. 1974. № 10). Режиссер и автор постановки (вместе с А.А. Вознесенским) Ю.П. Любимов, художник Э.Г. Стенберг, артисты: В.С. Высоцкий, В.С. Золотухин, О.Г. Киселев, З.А. Славина, В.Б. Смехов, Б.А. Хмельницкий, Н.С. Шацкая и др.

нравился в общем, хотя есть хорошие моменты. Высоцкий¹⁹, конечно, очень способный человек. Аликову сцену Любимов выбросил, решил сократить спектакль за счет этой сцены. Стихи Вознесенского, которые хорошие, они и раньше были хорошие. Спектакль же сам безвкусен до предела. После спектакля мы делились мнениями, говорили с Володей Максимовым. Тут подошел Марик Розовский и сказал очень весело: «Вам (обращаясь к Максиму), кондовым реалистам, этого не понять. А вам (к Сидуре), мохровым модернистам, это детский лепет». Насчет нас Марик выразился как нельзя более точно. Видели Ивицу, ей уже тоже таганковский однообразный стиль надоел.

5 февраля 1970 г., четверг.

Перевезли Зинаиду Ивановну в санитарной машине на носилках. Перевезли удачно, сноровисто. Коля, шофер, помог. Зинаида Ивановна, конечно, очень слаба, но может садиться, сама ест и, на мой взгляд, бойко реагирует на окружающую действительность, хотя и слабым голосом.

«Только боль реальна, а всё остальное в жизни иллюзорно», – это Дима вдруг сказал только что.

В больнице Зинаида Ивановна высказывалась в своем духе: то по-латински, то по-английски, то произносила речи. И многие, не знающие ее, приняли это за бред или сумасшествие. Главное сегодня – когда мы ее привезли, у нее появился аппетит, что невероятно важно. Может быть, бог вылечит ее на этот раз и продлит ей жизнь всем нам на радость. Гдаль – удивительно хороший мужик, удивительно. Про Диму Зинаида Ивановна сказала: «Я родила Христа». Христа, не Христа, но Вадима Сидура она родила, это точно. Сама Зинаида Ивановна похожа на икону. Абрам Яковлевич тоже сегодня почувствовал какое-то душевное успокоение и даже начал шутить. Я, хоть и устала очень сегодня с уборкой и походами на рынок и в магазин, но в общем, довольна, что перевезли Зинаиду Ивановну. И явно, она как-то мирно настроена и чувствует себя лучше. Только очень у нее болит правая нога, она даже всё время вскрикивает: «ай-ай-ай», когда двигает ею нечаянно.

Получили письмо из Венгрии от Жужи Раб. Она пишет, что какой-то там журнал в марте поместит про Диму очень много всякого материала с ее статьей. Она прислала свой перевод статьи на русский язык. Есть очень смешные моменты, хотя суть она ухватила правильно. Например, она пишет: «Его простреленному лицу делает коррекцию густая борода». Прости нас, Жужа, за то, что мы тебя раньше поругивали, когда ты нам не прислала журнал «Надь вилаг».

6 февраля 1970 г., пятница.

Зинаида Ивановна не может спать ночью. Никакие снотворные на нее не действуют. Еще она – человек нетерпеливый к боли, к неудобству. Болеть надо тоже уметь. Отец не спит вместе с ней и скоро совсем изведется. Я вспоминаю, как болел Дима в 1961 году. Он сам, в инфаркте, лежа, ставил себе на грудь тарелку

¹⁹ Высоцкий Владимир Семенович (1938–1980) – поэт, бард, артист театра и кино, один из ведущих актеров Театра на Таганке.

и ел очень ловко. Он ни разу не пошевелился, потому что нельзя было. Только в самый первый день болезни, когда у него еще были какие-то силы, он встал, потому что иначе не мог помочиться. После этого он болел, как положено, несмотря ни на что, и, может быть, благодаря этому и выжил еще раз. И художником он всерьез стал после своей болезни.

Был у нас снова искусствовед Саша со своей женой Марианной. Ему 21 год, а ей 19. Он принес австралийский журнал «Мейнжин», где напечатано штук десять Диминых рисунков и портрет Солженицына.

7 февраля 1970 г., суббота.

На репетицию сегодня Алик пришел вместе с Ивицей. Вечером собрались у нас Анника, Эдик и Валька с подругой.

Зинаида Ивановна на прежнем уровне. Завтра будем у ребят-паркетчиков принимать работу и расплачиваться. Сегодня эти ребята заезжали к Диме в мастерскую и сказали ему: «Вы человек с большой буквы». Невероятно трогательно.

Роже Гароди выступил на съезде Французской компартии при полном и враждебном молчании всего зала. Его, наверно, скоро исключат.

8 февраля 1970 г., воскресенье.

Зинаида Ивановна так вскрикивает, когда у нее меняется положение больной ноги, что даже страшно становится. У нее непрерывная, как Гриша Авруцкий назвал, «суетливость». Она все время чего-то хочет и сама не знает чего. Израиль даже ее больше не интересует. У нее сейчас полнейшая поглощенность собой, своей болью, которая явно ею преувеличена, потому что эта боль не постоянно. Отец измучен, но стойко терпит все капризы и несправедливости нашей старой и несчастной леди. В аптеке нет эмалированного судна. Зинаида Ивановна полюбила его в больнице и сейчас хочет иметь такое же. Хочет сыр *Viola*, а где его взять? Когда-то мне удалось его купить всего две баночки в наборе, да и то с нагрузкой трески в томате, которую мы тут же выкинули, больно она воняла. А больше ни черта не достанешь.

Были мы в своей квартире. Сверкает она лакированными полами, обои «стреляют» и трескаются. Дом еще будет оседать и будет еще долго трескаться. Газа нет, лифта нет, телефона нет, хотя говорят, что «кабелируют», вода в ванной проходит плохо, ручки у дверей похабные, у мойки у одной дверцы ручки нет, а другая дверца болтается, плита польская с трещиной, паркет «гремит», двери заляпаны, потолок в ванной чем-то черным забрызган, в шкафах должны быть какие-то верхние полки, которых нет, стекла кривые и так далее и так далее. Но всё равно – квартира прекрасная. Лучше, чем эту, нам бы в жизни не достать.

Дима вместо того, чтобы делать книгу Левитанского, рисовал свои безыдейные рисунки. Эдик занялся наконец своей фотографической книгой. Только Марина по-прежнему Диму раздражает. Была у нас Кларочка, очень хорошая, Кларочка, тетка. Леночка болеет, Ося тоже. Лиля Бураковская заезжала. Плодотворно позанимались и французским, и английским.

9 февраля 1970 г., понедельник.

Алик забыл про репетицию и не пришел, черт бы его побрал. У нас было дурацкое производственное собрание. Ребята прождали Алика до пяти часов вечера. Ночью позвонил, извинялся, а спектакль назначен на 27 февраля.

Дима рассказал, как жалко ему было сегодня смотреть на Зинаиду Ивановну, когда она ползла к подушке. Она вся маленькая, и правая нога у нее синяя.

Эдинька печатает фотографии для своей книги.

10 февраля 1970 г., вторник.

Был у нас Юра Левитанский. Купил в ЦДЛ сыр «Виола» и принес для Зинаиды Ивановны. Давал Димке советы и указания, но всё прошло, слава богу, мирно. Принес мне в подарок пластинку Брассенса. Ему не нравится Брассенс, а я его очень люблю. Алла Зайцева что-то часто говорит о ребенке. Перевели часть денег за Волгодонский барельеф, и Марина воспрянула духом.

12 февраля 1970 г., четверг.

Зинаиде Ивановне плохо, плохо.

Худсовет ждали до восьми вечера. Так они, сволочи, и не приехали. По непонятной причине. Приехали Юра Левитанский, Бранко, и мы поехали к Бранко в гости. Поели невероятно вкусно, кормили нас удивительно много, обильно. Там у Бранко пообщались со Светом Маслеша, журналистом из Сараево. Досидели до двенадцати, потом Бранко под взглядами всяких милиционеров повез нас домой. Бранко говорит, что скоро, наверно, уедет, потому что очень трудно работать. Люди, говорит, удивительные, великолепные, родные, как братья, а условия созданы такие жуткие, что все всего боятся, и атмосфера очень тяжелая. Свет Маслеша хочет прийти к нам в мастерскую на следующей неделе.

13 февраля 1970 г., пятница.

Рисунки Гришиным, Нине Михайловне, Бузаши, Репке.

Был у нас поэт из Братиславы Петер Репка. Он из редакции «Млада творба», где шеф Яно Бузаши.

14 февраля 1970 г., суббота.

Зинаида Ивановна мучается и Абрама Яковлевича с Димой мучает. Она уже в таком состоянии, что не понимает ничего. Какие-то странные пятна появились у нее на правой ноге. В общем, всё ужасно и тяжело. Проклятое судно с крышкой в аптеке не можем купить, ни в одной аптеке нет. Я, как всегда, до ручки на своей работе. Пора переселяться на новую квартиру, но нам теперь не до этого.

Вечером приехали Бураковский с Лилей, Валька бледная пришла, Алла Зайцева, архитектор Леня Штутман с кем-то. Эдинька, как сделался безработным, стал намного больше работать для себя, и фотографии у него хорошие получились. Алка вдруг начала веселиться и раздухарилась изо всех сил. Повеселила нас немного.

Олег Киселев на репетиции (1970). Фото: Владимир Воловников

Репетиция спектакля «Шестидневный поход» (1970). Слева направо: М. Курс, Г. Геннис, В. Медведев, В. Лавров, А. Фролов, С. Ястржембский

Репетиция спектакля «Шестидневный поход». В центре О. Киселев (1970)

Репетиция спектакля «Шестидневный поход» (1970)

15 февраля 1970 г., воскресенье.

Зинаида Ивановна умирает в муках. Завтра с утра должны ампутировать ей правую ногу, гангрена. Первое большое несчастье на нашу голову. Гдаль и Володя помогают нам, как могут. Спасибо им.

16 февраля 1970 г., понедельник.

Дима всё плачет и плачет, когда мы остаемся вдвоем. А на людях держится. Отрезали ногу Зинаиде Ивановне. Думали ей не говорить, чтобы не пугать, а она, оказывается, узнала от медсестры, и ни капли не испугалась. Сказала: «Черт с ней, с этой ногой». Операция у нее неплохо прошла. Сухая гангрена. Дима только и повторяет: «Господи, я буду ее на руках носить, только бы она перенесла сейчас это». А когда Дима плачет, я тоже плачу. Так мы и плачем вдвоем.

17 февраля 1970 г., вторник.

Зинаида Ивановна есть попросила. Это свидетельствует об очень неплохом ее состоянии. Но все равно жизнь ее пока на ниточке и в любую секунду может оборваться. Дима сказал мне: «Я понял, что мать мне нужна любая, с ногой и без ноги, вообще без ног. Она мне необходима». Рисует Дима все время

мать. Такая она у него красивая, благородная, прекрасная женщина. Я только удивляюсь мужеству Зинаиды Ивановны и ее страстному желанию жить. Молодец! У нее абсолютно ясное сознание, и Дима утверждает, что после операции она выглядит лучше, чем до нее. Её эта проклятая мертвая нога отравляла. Отец наконец-то всё понял, как следует. Он всё не понимал, что речь идет о смерти, а не просто о болезни, которая есть всегда и вроде бы будет всегда.

18 февраля 1970 г., среда.

Кажется, пока всё ничего. Димушка сегодня первый день после всех этих событий более-менее оправился. Даже голос у него стал крепче. Зинаида Ивановна уже начала задумываться.

Люди все-таки хорошие: Эдинька, Валька, Кларочка, все что-то предлагают помочь. Ну уж они-то нам самые близкие. Юра Левитанский очень тоже выражает свое сочувствие. Всё время звонит, справляется. Даже Нёма Гребнев, с которым мы вообще-то не видимся по несколько лет и не общаемся, даже он вдруг два раза позвонил, предлагал денег. Учитель наш новый, мой товарищ Олег Михайлович, узнал через Наташку про мою ситуацию, подошел сам ко мне, спросил, не нужно ли что мне достать из еды, у него есть связи. А ведь у меня с ним последнее время были очень неважные отношения.

19 февраля 1970 г., четверг.

Снова плохо всё. Почти безнадежно. Зинаида Ивановна не узнавала Диму.

20 февраля 1970 г., пятница.

Умерла Зинаида Ивановна.

15 марта 1970 г., воскресенье.

Живем теперь втроем в новой квартире. Как всё было страшно и жутко! Дима в постоянном очень и очень плохом моральном состоянии. Отец сгорбился и еле передвигает ноги. От Димушки не отходит ни на шаг. Жизнь, конечно, продолжается, как ей положено, но вообще, так тошно, что никаких сил нет. Но все равно не хочется расставаться с этой проклятой и несправедливой жизнью. Дима не потерял веру в бога, но ожесточился несколько. Он больше не молится на церквушку напротив нашего подвала. Мне он сказал сегодня: «Сегодня я тебя не люблю». Особенно же он маму мою не любит.

16 марта 1970 г., понедельник.

А сегодня Дима меня снова любит.

В Венгрии вышел какой-то журнал, вроде нашей «Иностранной литературы». В нем много опубликовано Диминых работ, на обложке «Эйнштейн». Журнал называется «Уй иреж»²⁰.

²⁰ Имеется в виду публикация: *Rab Zsuzsa. Vagyim Szidurnál // Ú írás. 1970. № 3.* Помещено также семь фотографий произведений В. Сидура.

Спектакль «Шестидневный поход» (1970). Нижний ряд слева направо: В. Воловников, В. Лавров, второй ряд: Г. Геннис, А. Фролов, стоит в центре М. Курс, справа Е. Смагина

17 марта 1970 г., вторник.

Димушка очень рассердился на меня за то, что я поздно пришла. Но потом мы всё уладили. Завтра они с отцом, может быть, придут на спектакль. Мы показываем его уже второй раз.

18 марта 1970 г., среда.

Спектакль у нас прошел хорошо. Димушка был вместе с Абрамом Яковлевичем. Народу сегодня было гораздо меньше, совсем немножко. Но все равно спектакль понравился. Завтра еду на телевидение, а потом занимаюсь только домом и семьей.

19 марта 1970 г., четверг.

Кларочка плачет. Дима говорит с ней по телефону, она плачет просто так, из-за плохого морального состояния. Потом Кларочка без всяких предосторожностей, прямо по телефону сообщила, что какой-то английский журналист, не то Стел, не то Смел, не то Стил, написал про Диму статью, которая то ли уже пошла, то ли должна пойти в каком-то журнале или газете «Сервей»²¹. В общем,

²¹ Речь идет о публикации английского литературоведа Майкла Скэммела: *M. S [cammell]. Soviet art and literature. Vadim Sidur // Survey. London. Winter-Spring. 1970. P. 160–161.*

Афиша В. Сидура к спектаклю «Шестидневный поход» (1970)

Кларочка сама толком не знает. Факт, что из Англии приехали два друга этого журналиста и собирались с Димой общаться по старому адресу. Но тогда нам было не до общений, и поэтому они уехали в Ленинград, и будут обратно 9 апреля. Хорошо, если удастся с ними встретиться, любопытно. Жужа прислала очень милое и смешное письмо из Будапешта.

Мы были все втроем в мастерской. Эдинька проявлял. Алла Зайцева, дико заморенная, появилась.

Наконец Дима получил скульптуру, отлитую в алюминии. Мне она чем-то не нравится. Слишком приобрела «ширпотребный» вид, но Дима сказал, что он ее доведет свечкой до кондиции.

Была я на телевидении. Не приняли у меня пока ни одного сценария, но требуют уже три. Пока мы с Димой решили не отказываться.

20 марта 1970 г., пятница.

Сегодня месяц, как умерла Зинаида Ивановна. Дима показал мне рисунки. Потрясающие! Яша, муж Марины Варга, принес журнал «Уй иреж» № 3 за этот год. Красиво там смотрятся Димины скульптуры. Особенно разворот «Женское начало» и памятник Варге, на обложке «Эйнштейн».

Спектакль «Шестидневный поход» (1970). Слева В. Лавров, справа В. Воловников

Дима выходит всюду только с Абрамом Яковлевичем, один оставаться не может. Эдинька сделал очень красивую фотографию, где Дима среди скульптур.

21 марта 1970 г., суббота.

Дима говорит, что я небожитель и мало участвую в его жизни. Он на меня сердится. Купили они, пока я была на работе, шкаф, при деятельном участии Аллы Зайцевой. Шкаф что-то чересчур красив.

22 марта 1970 г., воскресенье.

Дима мною недоволен очень сильно. Он говорит, что я душой отдаляюсь, и у нас будет разлад в семье. Не дай бог. Что я могу поделаться, если я так поглощаюсь своим делом. К тому же я ненормальная. Я сама с собой вслух говорю, и всё про свою чертову работу. Дима говорит, что я мало занимаюсь семьей физически и недостаточно радуюсь новому шкафу. Шкаф мне нравится, но сколько же я могу им радоваться? Вообще, Дима, конечно, прав, надо больше заниматься домом и семьей. А меня уже на это не хватает. Дима говорит, что для женщины я делаю очень мало. А я устаю жутко, и сегодня, например, отсыпалась полдня. Обед я сварила, и даже очень вкусный. Какое счастье, что у нас нет детей. Вот когда был бы кошмар.

Дима на днях показал мне рисунки. Невероятные!

23 марта 1970 г., понедельник.

Дима сказал мне: «Теперь я понял, почему твоя мать называла тебя “враг в доме”. Ты – одиночка. Ты человек не семейный». Может быть, и правда, что я человек не семейный, но я твой человек, Дима. Завтра в школу не пойду. И не покажусь туда до самого первого апреля, что бы не говорила мне чертова завуч Хиросима.

24 марта 1970 г., вторник.

Сегодня мы втроем дружно купили мебель. Кажется, это почти конец. Общались с пьяными и страшными людьми в лице шоферов и грузчиков. Купили три книжных шкафа, очень симпатичных, две кушетки, один стул польский. Теперь моя комната приобрела невероятно интеллигентный вид.

Димушка к ночи, когда мы вдвоем сидели на кухне, снова вспомнил про Зинаиду Ивановну, как героически она умирала, и заплакал. Отец очень мало спит. Какой же он замечательный старик! Изю всех сил старается помогать, несмотря на то, что очень слаб. Жалко его, и помочь ничем нельзя.

25 марта 1970 г., среда.

Снова мы сделали невероятный вояж. Сегодня ударили по свету – закупили всякие светильники, не фонтан, но других не было. Не Рио-де-Жанейро. Моя комната закончена, выглядит отлично. Я себя чувствую почти как Жорж Санд. У Димы простор, простор. Абрам Яковлевич доволен по-всякому: есть у него кровать – хорошо, нет кровати – тоже хорошо. Золотой старик. Но иногда вдруг чувствуется, до чего же ему тяжело.

С абажурами заехали в мастерскую уже в восемь вечера. Эдинька собирался уходить вместе с Олегом Милоковым. Олег принес великолепные фотографии «Пророка». Одна вообще фантастическая. Олег – удивительно талантливый фотограф. Эдинька тоже молодчина. Он очень сильно продвинулся. Но Олег на этот раз показал, что хотя он очень давно не снимал скульптуру и вообще мало сейчас этим занимается, показал самый первый класс. И Дима еще сказал про него: «У него талантливый подход».

Дубчека временно исключили из партии. Сволочи, сволочи!

Я читаю письма Пушкина и поражаюсь, до чего же в России всегда было вшиво. Сто пятьдесят лет назад, а всё то же самое. Тогда было КГБ, сейчас КГБ. Тогда были темные хамы, но верили в бога и боялись. Теперь неграмотные хамы в бога не верят, зато правят. А Пушкину тошно было до невозможности, вот они его и умурили. В те времена все-таки немного лучше было: людей по количеству морили меньше, каторга была легче, выжить можно было. У власти все-таки образованные индивидуи стояли, породистые²². Книги читали, по-французски изъяснялись, понятия чести, совести, добродетели культивировали. Царь Николай Палкин, большой гад, но ведь он царь, самодержец, он же не коммунист, он же монарх. И не боялся к народу выходить, холерные бунты умирять. Заразиться не боялся, покушения не боялся. Представляю себе, как Брежнев с народом беседует. Смех один.

26 марта 1970 г., четверг.

Сегодня лампы в колпаки одевали. Теперь у нас сплошной уют. Отец тоскует. Читаем вслух и про себя вдову Мандельштама²³. Написано очень здорово. Вроде бы всё это мы уже знаем про «душегуба и мужикоборца», но все равно иногда кажется, что это бред какой-то. И самое смешное, что всё может начаться то же самое в любой момент. Например, через час или завтра утром. Одно лишь дает нам некоторую и, возможно, длительную отсрочку – руководство у нас коллегиальное, оно сначала еще друг друга передушит, а потом и за нас примется.

27 марта 1970 г., пятница.

До сих пор у нас работает пролетарий Боря, делает полки в шкафах в коридоре. Дима упрашивал его чуть ни с первого дня, как мы въехали в эту квартиру. Сегодня Боря снизошел. За все про все просит сорок рублей, Дима согласился без звука. Нам нужны эти полки в коридорных шкафах, а Боря, умница, заработает за один день столько, сколько я получаю за десять. Я думаю, если бы Димка не зарабатывал действительно большие деньги, как бы мы жили? А сколько же зарабатывают Лемпорт и Силис, Фрид и Дунский, Витя Гинзбург, покойный Изольд? Это же уму непостижимо. Еще я думаю про нищету, в кото-

²² «Правительство все еще единственный европеец в России. И сколь бы грубо и цинично оно ни было, от него зависело бы стать сто крат хуже. Никто не обратил бы на это ни малейшего внимания» (Пушкин А.С. Чаадаеву П.Я. 19 октября 1836 г.).

²³ Имеется в виду книга Надежды Яковлевны Мандельштам «Воспоминания» (Нью-Йорк. Издательство им. Чехова. 1970).

рой жили наши гении: Ахматова, Зощенко, Мандельштам, Цветаева, Платонов и многие, многие другие.

Выдали нам всем по квартирам телефонные аппараты, завтра будут про- водить.

28 марта 1970 г., суббота.

С утра поставили нам телефон, который пока еще не функционирует.

Пока Дима с отцом были в магазинах, забежала Зайцева. Она как раз соби- ралась с Лимоновым к старому Кропивницкому²⁴.

Состоялась эпопея с вручением нам Владикова телевизора. Нёма Гребнев привез нам этот телевизор. Телевизор с комнатной антенной, его еще долго надо отлаживать. Сначала мы были у Владика, куда пришла Мима. Мима долго Диму утешала, а про отца говорила, что ему было бы легче, если бы он мог утешаться в синагоге. Узнали, что смешной толстенький Нёма Гребнев был на том же Третьем Украинском фронте, что и Дима, и был ранен в живот в январе сорок четвертого, а Дима – в марте. Видно, Нёме повезло, потому что вроде бы он себя ничего чувствует, кроме давления.

Из всех женщин, которых я когда-либо читала, самой умной мне кажется На- дежда Яковлевна Мандельштам.

29 марта 1970 г., воскресенье.

Я сижу дома и довольна, что никуда не надо выходить. Мужчины мои са- ми всё ходят и выясняют. Я же – только что по дому. В мастерской Эдик много говорит по телефону. Люди по нас скучают и хотят общаться. Приходила сего- дня Зайцева, смешное существо. Телевизор, чертов, еще надо долго налаживать, чтобы что-то увидеть. Передачи – говно редкое.

30 марта 1970 г., понедельник.

Дима с Абрамом Яковлевичем ходили с утра пораньше совсем обалделые. Это на них так подействовал тезерцин²⁵. Владик говорил, что от него бывает «глубокий утренний сон». Проснулись они как обычно, и ходили полдня смур- ные. Съездили в писательскую поликлинику к Белле за <коронарорасширяю- щим> интенсаином.

Неожиданно нам включили телефон. Мы рады невероятно. Долго выясняли, какой у нас номер, с трудом выяснили: 240-68-92.

Вечером нас посетили Гинзбурги Нина с Витей. Нинка совершенно изуми- тельно выглядит – поправилась и посвежела. Витя – несколько устало. Они со- вершенно отличные ребята. Я только удивляюсь, до чего нас окружают пре-

²⁴ Кропивницкий Евгеньевич Леонидович (1893–1979) – поэт, художник, композитор, автор самиздата. Организатор в 1950-х гг. «Лианозовской группы» – кружка поэтов и художников (к которому с конца 1960-х гг. был близок, в частности, Э.В. Лимонов, считающий Е.Л. Кропивницкого своим учителем). В 1963 г. обвинен в формализме и исключен из МОССХ. Отец художника Льва Евгеньевича Кропивницкого (1922–1994).

²⁵ Психотропное средство, которое В. Сидур принимал от бессонницы.

красные люди – Владик Бахнов, Гинзбурги, Кларочка, я уж не говорю – Эдик с Валькой, Хазановы или Алла Зайцева.

Витя Гинзбург, уходя, сунул Димке 50 рублей. Сказал, что это вперед за рисунок, который он хочет приобрести для кого-то.

31 марта 1970 г., вторник.
Неохота завтра в школу идти, ужас как.

1 апреля 1970 г., среда.
Сегодня я уже не выпалась и жизнью недовольна. Эдик печатает большие скульптуры, выглядят красиво. Диму обманули с машиной, которую они с Мариной ждали, чтобы уехать в Бабушкино. Отец дома не смог остаться один и приехал в мастерскую.

Дима говорит, что когда я на него ворчу, на отца это плохо действует. Мне кажется, что я добродушно ворчу. Я сказала: «Вот дурной, повесил мокрое белье на батарею одно на другое, чтобы оно скорее высохло». Я настирала целую кучу, темное отдельно от светлого. Дима сначала давал мне советы, как стирать. Он говорил, что надо это делать «комом», потом он «комом» всё и повесил и кое-что, конечно, полиняло. А вообще-то, в нашем маленьком семействе Дима больше всех командует и меня ругает очень часто. А я его – редко.

2 апреля 1970 г., четверг.
Сегодня снова машина, чтобы ехать в Бабушкино, не приехала. Абрам Яковлевич был в МОНИКИ на приеме у своей врачихи. Высидел длинную очередь. Давление у него в обоих глазах нормальное, но зрение портится из-за диабета.

Была у меня моя мама. Одобрила мебель, в основном шкаф, как мы и ожидали. Много рассказывала про Астрахань, где бабушка моя 86-летняя умирает.

3 апреля 1970 г., пятница.
Еще вчера иностранное радио сообщило, что у нас полетела идеологическая верхушка, а Дима ничего мне не сказал. Фурцева, идиотка, слетела²⁶, Михайлов²⁷, большая сволочь сталинистская, а Месяцев²⁸, заведующий радио и телевидением, направлен послом в Австралию. У нас пока никаких сведений нет ни в

²⁶ Это оказалось лишь слухом.

²⁷ Михайлов Николай Александрович (1906–1982) – партийный функционер. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ в 1938–1952 гг. Член ЦК КПСС в 1939–1971 гг. С октября 1952 г. по март 1953 г. секретарь ЦК КПСС, член Президиума ЦК КПСС и одновременно заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС. С марта 1953 г. первый секретарь Московского обкома КПСС. С 1954 г. посол в ПНР. В 1955–1960 гг. министр культуры СССР. В 1960–1965 гг. посол в Индонезии. С октября 1965 г. председатель Комитета по печати при СМ СССР. С апреля 1970 г. на пенсии.

²⁸ Месяцев Николай Николаевич (1920–2011) – государственный деятель. В 1941–1946 гг. следователь СМЕРШ. В 1946–1952 гг. в аппарате ЦК ВЛКСМ. В 1953–1955 гг. в МГБ. В 1955–1959 гг. секретарь ЦК ВЛКСМ. В 1960–1963 гг. занимал посты в обществе «Знание», в МИД. В 1964–1970 гг. председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению. В 1970–1972 гг. посол в Австралии. В 1972 г. исключен из партии («персональное» дело) и назначен старшим научным сотрудником в ИНИОН АН СССР (по 1988).

газетах, ни на радио. Неясно, что с негодяем Епишевым. Неясно пока, кто назначен на их места – более правые, но вроде бы дальше некуда, или более либеральные?

В журнале «Посев»²⁹ тоже напечатано о том, что роман Солженицына продается в роскошном издании с фотографией автора и портретом писателя работы московского художника В. Сидура.

4 апреля 1970 г., суббота.

До сих пор все-таки неясно, какие у нас во властях изменения – справа или слева.

У Димы болело сердце и он так и не выбрался в мастерскую. Дома у нас было что-то вроде новоселья, только маленького и неожиданного. Кларочка пришла, Зайцева Алла и Боря Хазанов. Зажарили курицу, которую нам Зайцева достала давным-давно, и она пролежала в морозильнике. Вшивая курица, невкусная и твердая.

5 апреля 1970 г., воскресенье.

По всему зарубежному эфиру бродят всевозможные слухи о переменах в наших верхах. Будто бы вся шайка самых главных больна. Но толком никто ничего не объясняет.

Я теперь дома в основном посиживаю, отдыхаю по хозяйству. Даже нахожу в этом какую-то прелесть. Дима говорит про Зайцеву: «Дикарь. Вы, – говорит, – с нею похожи. Только ты беспризорник из семьи, а она – из детского дома». Алка рассказывает всякие анекдоты, один неприличней другого, и при этом самозабвенно матерится.

6 апреля 1970 г., понедельник.

Димушка снова паршиво себя чувствовал. Тем не менее они с Мариной съездили в Бабушкино. Я была в подвале, но быстро уехала на родительское собрание в школу. Возле нашего дома грязь по колено.

Би-би-си комментирует наши изменения во властях – то ли хуже будет, то ли лучше, сами не знают.

7 апреля 1970 г., вторник.

Дима выглядит бесконечно устало, отец тоже не лучше.

8 апреля 1970 г., среда.

Сегодня посетил нас молодой парень, главный инженер из Волгодонска, Рыбаков. Ничего парень, я и Эдик с ним выпили.

Дима очень огорчен – рука у памятника Павлинчуку отвалилась.

²⁹ «Посев» – общественно-политический журнал, орган НТС, издается в Западной Германии с ноября 1945 г. (сначала в Лимбург-на-Лане, с 1952 г. во Франкфурте-на-Майне), с 1968 г. выходит ежемесячно, до этого с разной периодичностью. Печатает новости, текущие комментарии, статьи, а также беллетристические произведения с продолжением и т. д.

11 апреля 1970 г., суббота.

11 Сегодня был субботник у нас в школе, всё мыли и оттирали. После окончания субботника грязи стало намного больше, чем раньше, а также разбитых стекол.

Димушка виделся с людьми, которые сказали, что журнал «Сервейер» с его работами уже вышел. Вечером нас посетила Анника. Ей не разрешили поехать в Вильнюс к друзьям. Она прекрасно выглядит. Потом прибыла Алла Зайцева. Подарила нам свою фотографию, сделанную Эдиком, с трогательной надписью.

Дима нарисовал 23 небольших рисунка. Один из них меня потряс – Христос с лицом Зинаиды Ивановны.

12 апреля 1970 г., воскресенье.

12 Дима мне сказал, что ему приснился сон, будто бы я его чем-то ужасно обидела. А чем я его обидела, он так и не вспомнил, проснувшись. Ему часто снятся сны о моем предательстве и изменах. Он тяжело страдает и устает от этого во сне. Наяву ничего подобного ни разу не было и, я надеюсь, не будет. Даже наши ссоры так редки, и мы часто не помним, из-за чего ссорились. Лемпорт же и Силис ему снятся, наоборот, всегда в дружеском виде.

Сегодня я наконец убедила Димушку снять с себя грязный медный медальон, который он носил «на счастье». Нитки из белых сделалась черными, а сам медальон позеленел. После смерти Зинаиды Ивановны Дима к этому талисману охладел, а сегодня, слава богу, снял, потому что на груди у него уже стало чешаться.

В мастерскую приходили электрики менять проводку. Дима с Абрамом Яковлевичем были там, а я читала дома «Технологию власти» Авторханова³⁰, своеобразный учебник нашей истории. Мы всё это знаем отрывочно, но всё вместе производит жуткое впечатление о нашей стране. Когда-нибудь всё это обязательно издадут, и все наши многомиллионные темные «массы» поразятся, какое они несчастное и терпеливое стадо, которому всё делают и делают безнаказанно кровопускание.

Вечером были гости: Инна, Алла. Мы говорили о политике. До чего у нас интеллигентные женщины, всем интересуются. И вообще, женщины у нас – очень сильные люди. По-моему, ни в одной стране этого нет.

13 апреля 1970 г., понедельник.

13 Электрики оказались очень положительными ребятами. Всё закончили и сделали на высшем уровне. Мы долго и содержательно побеседовали с ними об искусстве. Абрам Яковлевич с Димой смотрели, как я с ними выпиваю. Один из них говорил, что не может понять скульптуру, ту, которую он видел сейчас перед собой, потому что: «Это как математика. Сначала арифметика, потом алгебра,

³⁰ Известная книга «Технология власти» историка и политолога Абдурахмана Геназовича Авторханова (1908–1997), сбежавшего в 1942 г. через линию фронта к немцам, а после войны оказавшегося в США, была издана в СССР только в 1991 г. До этого – одна из самых распространенных книг самиздата. Первое издание на русском языке: Мюнхен. Издательство ЦОПЭ. 1959. 418 с.; второе, дополненное, издание – Франкфурт-на-Майне. «Посев». 1976.

«Портрет Александра Солженицына» работы В. Сидура, помещенный в 1970 г. в шестом томе собрания сочинений писателя

геометрия и дальше всё труднее». Огромный прогресс, что наши люди, непонимающие в искусстве, стали, наконец, признавать собственное невежество, а не обвинять в этом художника. Это колоссальный сдвиг в сознании наших граждан. Еще один интересный факт – люди, почти совсем необразованные, очень часто воспринимают и чувствуют искусство лучше, чем полуобразованные и кое-как нахватавшиеся путем пропаганды. Но что объединяет всех трудящихся людей – это уважение к труду художника. Для них этот факт бесспорный и очевидный, часто не понимают, но почти всегда уважают.

К нам в гости в квартиру поздно вечером приехали Юнна с Сефом. Выглядит Юнна неважно, да и Сеф не лучше. Между собой они также дразнятся и пикируются, но что-то у Сефа есть страшноватое, когда он, например, схватил Юнну за нос. И чувствуется, что Юнна его побаивается. <...> Потом Юнна прочла два стиха. Один называется «К весне». Юнна называет это «новой манерой письма». Меня эти стихи не поразили, как многие другие, но что они очень хорошие и сильные – это бесспорно. Сеф тоже прочел один хороший стих. Он, безусловно, очень способный человек, только ему тяжело сочетать свою общественную деятельность с творчеством. Юнна снова общается с Дектором. <...> Что бы она не вытворяла, я всегда буду Юнну любить за то, что она пишет стихи, какие бы мне самой писать хотелось.

14 апреля 1970 г., вторник.

Мне вручили сегодня в райисполкоме Свердловского района медаль «За доблестный труд» в честь Ленинского юбилея³¹. Медаль – довольно красивая бляшка с Ильичом. Из всех учителей, кому вручали, людей моего возраста нет, все значительно старше. Я специально искала помоложе, так и не нашла во всем зале. Лица у учителей в основном тупые. Одни женщины, а редкие мужчины – какие-то недоделанные – или хромые, или уродливые. Я в этом зале была явно по ошибке, очевидно, поэтому меня так удивленно рассматривали, а может быть, мне показалось, просто у меня мания величия.

В подвале мне захотелось поспать, что я и сделала. Потом пришли Владик и Гинзбурги Нина с Витей. Нинка вся из себя сиреневая. Вспоминали, как Нина с Юликом и Валериком «покушались на Сталина». Нина в камере потом сидела с дочерьми Тухачевского³² и Уборевича³³. Нинка – героическая женщина. Она одна

³¹ Имеется в виду юбилейная медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Учреждена в ноябре 1969 г., ею награждались «передовые рабочие, колхозники, специалисты народного хозяйства, работники государственных учреждений и общественных организаций, деятели науки и культуры, показавшие высокие образцы труда в ходе подготовки к ленинскому юбилею». Всего награждено 11 миллионов человек. (См. также ниже записи от 21 апреля 1970 г.).

³² Тухачевская Светлана Михайловна (1922–1982) – дочь Маршала Советского Союза Тухачевского Михаила Николаевича и Тухачевской Нины Евгеньевны. После ареста родителей в 1937 г. была отправлена в детский дом, в сентябре 1944 г. арестована, в феврале 1945 г. приговорена к пяти годам исправительно-трудовых лагерей (срок был продлен, освободилась в 1956 г.).

³³ Уборевич Владимира (Мира) Иеронимовна (р. 1924) – дочь командарма Уборевича Иеронима Петровича и Уборевич Нины Владимировны. После ареста родителей в 1937 г. оказалась в детском доме, в 1944 г. арестована, до 1947 г. находилась в заключении, затем жила в Воркуте, реабилитирована в 1955 г., в 1957 г. вернулась в Москву.

из всех ребят, кого забрали в 1944 г., ни в чем не призналась. Может быть, поэтому и просидела меньше всех, всего три года. Правда, потом она была выслана в Горький, где Витя с ней познакомился. И еще – будто бы ей повезло, потому что за нее ходатайствовал сам академик Варга, так как Нина дружила с Маришей еще на воле. Это всё скучные сведения, которые из Нины время от времени просачиваются. Надо будет ее порасспросить поточнее.

Вчера Юнна сказала Сефу: «Ты приклатненный фраер». Похоже. Потом Юнна мне одной сказала, что она все время думает про Леву и пишет стихи «с подтекстом». Попросила у меня книжку Брассенса, которую я специально для Левы приготовила. Еще Юнна ужасно обрадовалась иностранным сигаретам, которые я для нее скопила, четыре пачки.

Димушка долго сегодня работал над Павлинчуком. Получается очень красивая и грандиозная скульптура, мне невероятно нравится.

Американцы должны возвращаться на Землю из-за аварии. Господи, сохрани их!³⁴

15 апреля 1970 г., среда.

Американским космонавтам худо – дышать нечем, света нет, и от их корабля отваливаются какие-то куски. Вернуться должны завтра или послезавтра.

Пришли к нам Володя Бураковский с Лилей и Гдаль. Стали обсуждать свои производственные дела. Они это делают очень часто в нашем подвале. Дела у них в институте паршивые, дисциплина плохая, неорганизованность и неразбериха, а страдают в основном больные. Гдаль с Володей были слегка подавши, поэтому горячились. Дима работал сегодня снова над Павлинчуком.

16 апреля 1970 г., четверг.

Космонавты должны вернуться завтра в 9 часов вечера.

Сегодня нас посетила моя мама. Мы вместе что-то целый день ковырялись. Дима с Абрамом Яковлевичем ушли в поликлинику. Анализы у Димы вполне приличные. Давление у отца в глазах тоже ничего. Вчера на Абрама Яковлевича очень тягостное впечатление произвели разговоры Гдаля и Володи об их внутренних неполадках. Он так и ушел раньше, потому что не мог их больше слушать. Он считает, что Зинаида Ивановна умерла по вине врачей. Если это и так, то только до очень небольшой степени.

Алла Зайцева заехала. Мы с ней переводили философию о любви. Заумно жутко, но разобраться можно, Макс Шелер³⁵. Киселев забежал ненадолго, уже без бородавки, сходил-таки к врачу.

17 апреля 1970 г., пятница.

Противный период времени. Топить перестали, а холодно. В подвал мне ехать не хотелось, но потом поехала. Дима переделался и лепил, а я мерзла.

³⁴ Экспедиция космического корабля «Аполлон-13» к Луне 11–17 апреля 1970 г. с самого старта сопровождалась чередой поломок и аварий, и хотя посадка на Луну оказалась невозможной, полет завершился благополучным возвращением на Землю.

³⁵ Трактат немецкого философа и социолога Макса Шелера (Scheler, 1874–1928) *Ordo amoris* 1914 года.

Абрам Яковлевич находится в постоянном молчаливом нервном возбуждении. Только иногда он вдруг отвлекается и существует с нами, а так – весь в себе. Уже весь дом знает, что Дима ходит с отцом вместе.

Мне было очень холодно. Я надела Димкину красную шерстяную рубашу, потом мою меховую безрукавку и сверху Эдикову меховую летческую куртку, и мне совсем не было жарко.

Американцы благополучно привоэдились. Не повезло им с цифрой 13. Но, слава богу, живы.

Эдик Лимонов приходил невероятно элэгантиый, с безумием в глазах за круглыми очками, в громадной черной кепке, пестром пальто и рыжих джинсах. Худенький Лимонов, как дирижерская палочка. Алла Зайцева говорила об индийской любви, где всякие способы физического сближения выражены лаконично и точно, да еще по-индийски называются. Я прочла ровно одну страницу и заскучала. Такие книжонки очень волнуют подростков в период полового созревания, а Алла у нас – вечный подросток, к тому же сексолог-теоретик. Зато «Роковые яйца» Булгакова – отличная повесть, очень здорово – смешно и страшно³⁶. Был Киселев, чистый, без бородавки. Эдик порадовал его фотографиями, где он со своей новой девочкой.

18 апреля 1970 г., суббота.

У меня был день сна. Как приехала домой, так завалилась и забылась в бредовом сне. Дима и Абрам Яковлевич поехали в мастерскую, где уже был Эдик. У них в гостях был Свето Маслеша с семьей. Он рассказывал, как был в посольстве Китая с другими иностранными корреспондентами. У китайцев к нашим совершенно непримиримая ненависть. Там показывали фильм-хронику: величественный и бодрый Мао Цзэдун в простой кофте, без единой звездочки приветливо машет толпе рукой. Многомиллионные массы смотрят на него с обожанием. Свето побывал также в Ульяновске. В гимназии, где учился Ленин, один американский корреспондент, самый дошлый, вдруг разглядел карту, выпущенную в тысяча восемьсот каком-то году. На карте границы Китая и России обозначены совсем другие, чем сейчас. Американец проявил к этому бурный интерес и вся толпа корреспондентов стала шелкать эту карту с необычайной поспешностью. Этот акт был расценен как провокация. В Казанском университете, опять же американец, задал вопрос ректору, как бы он поступил, если бы в его университете сейчас произошла такая же демонстрация, как та, в которой участвовал В.И. Ленин. Ректор ответил, что это невозможно, так как сейчас для этого нет оснований. Американец был неудовлетворен. Но я бы, очевидно, на месте ректора сказала бы что-нибудь подобное. Сказать-то, в общем, нечего.

Сегодня Абрам Яковлевич несколько раз собирался плакать, но к вечеру отошел. Мы надеемся, что постепенно все-таки его боль утихнет. При мне он

³⁶ Повесть публиковалась в Советском Союзе журналом «Красная панорама» в 1925 г., а также издательством «Недра» в том же году. Имела очень широкое хождение в самиздате в виде фото- и машинописных копий. Последующие советские издания появились только после 1988 г.

вообще никакого вида не показывает, только при Димушке. Ему очень нравятся книги покойного Изольда, особенно повесть «Она и он»³⁷. Я читаю роман расстрелянного Сталиным Бориса Пильняка «О'кей. Американский роман»³⁸. По техническому и материальному уровню Америка в 1930 г. была уже такой, какой Советский Союз, если не будет всяких катаклизмов, станет, дай бог, лет через пятьдесят или сто.

19 апреля 1970 г., воскресенье.

Нас посетили мои родственники в полном составе: Сева с Ритой и девочками и мама. Ирочка – удивительно симпатичный ребенок, умненькая, любознательная и взрослая, несмотря на свои семь лет. И очень хорошенькая. Танечка – это гадкий утенок, пучеглазый и ушастый крошечный уродец, опять же носатенькая, говорит редко, но басом. Явное сходство со мной в детстве. Но что-то в ней есть, то, что называется «себе на уме». С ней пока что тяжело общаться, с Ирочкой намного легче. Дима уже хочет, чтобы Ирочка к нам почаще приезжала, ему хочется с ней беседовать, воспитывать ее и т. д. Сева с Ритой – типичные технические интеллигенты, оба в очках, выглядят прекрасно. Жизнь наша таки сильно изменилась со времени Сокольнического периода.

У Димушки сил не было идти в мастерскую. Я же всё сплю себе при первой возможности. Я всё время стараюсь отоспаться впрок. Вечером нас посетила Алла Зайцева. Поговорили на любимые эротические темы. Алла рассказывала, как ненормальный профессор Абельсон всякий раз объясняется к ней в любви.

Рита деловито обмерила окна в нашей квартире. У них в Останкино за телецентром будет точно такая же квартира, как наша.

20 апреля 1970 г., понедельник.

Ровно два месяца, как умерла Зинаида Ивановна. Мужчины мои сегодня особенно тосковали и плохо себя чувствовали. Никуда они не ходили. Дима перебирал свои рисунки. Забежал к нам Эдинька.

Читаю Набокова «Приглашение на казнь». Ничто меня не потрясает так, как Кафка, хотя ход точно кафкианский. В предисловии сказано, что Набоков не читал Кафку³⁹, но я этому не верю. Если бы он жил в СССР в 1938 г., когда «Приглашение на казнь» была написана, это было бы правдой. Но на Западе, да еще такой интеллигент, как Набоков, чтобы он не читал Кафку – ни за что не поверю. Есть отличные моменты, но «Лолита» мне понравилась больше со всех точек зрения – и с художественной, и с человеческой.

³⁷ Повесть «Она и он. Из семейной хроники» вошла в сборник «Второе апреля» (М., «Советский писатель». 1968. Илл. В. Сидура). Начинается с посвящения Вадиму Сидуру.

³⁸ Книга очерков «О'кей. Американский роман» написана Борисом Андреевичем Пильняком (1894–1938) после поездки в США (М., «Федерация». 1933). До 1976 г. в СССР не переиздавалась.

³⁹ Написанный в 1935–1936 гг., роман «Приглашение на казнь», как и остальные произведения В.В. Набокова, в СССР до 1988 г. не печатался. В описываемые годы имело хождение издание, вышедшее в Париже (без указания года, предположительно в 1964 г.) в *Editions Victor* (репринт издания 1938 г.), с предисловием Д. Мойнихена, отредактированным самим В.В. Набоковым.

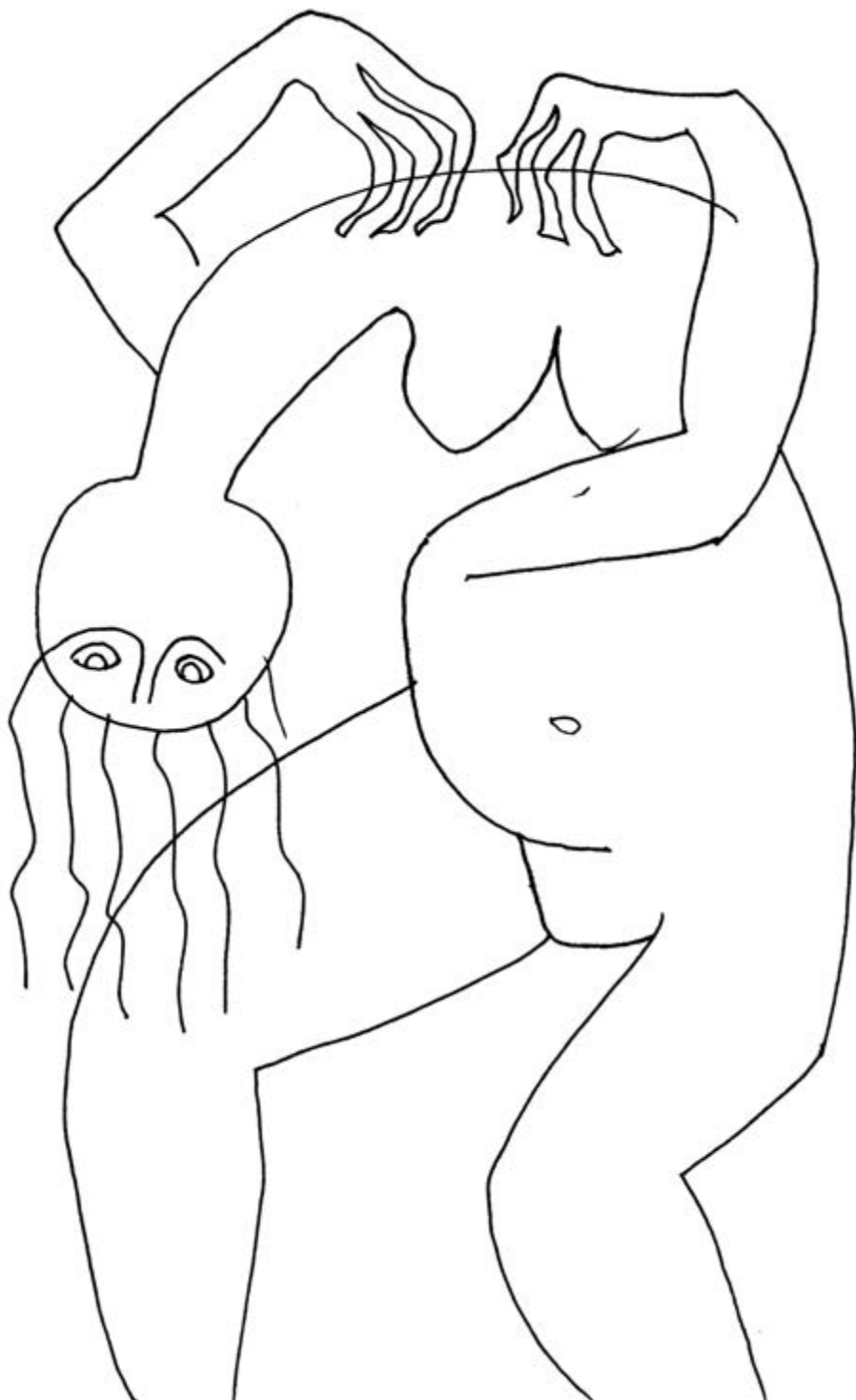

Рисунок В. Сидура (1970)

21 апреля 1970 г., вторник.

У Димушки слева за челюстью подпухла какая-то железа. Очень это неприятно. Абрам Яковлевич пытается меня убедить, что я с гордостью должна носить свою медаль. Я ее на себя нацепила и ужаснулась. Громадная безвкусная советская бляха с профилем Ильича, отвратительно сверкает и приковывает взгляды. Сделаю всё возможное, чтобы завтра на себя ее не цеплять, хотя, очевидно, придется. В школе начальство принудит.

22 апреля 1970 г., среда.

Отпраздновали, слава тебе, господи, великое столетие⁴⁰. Ходила с медалью и чувствовала себя, как идиотка.

Были с Димушкой у Гинзбургов, отвезли им рисунки. Они говорят, что попытаются их продать. Как всегда, очень хорошо посидели у Вити с Ниной. Нинка удивительно талантливая в умении делать себе одежки. Они получают у нее невероятно роскошные и в то же время с потрясающим вкусом.

23 апреля 1970 г., четверг.

До чего же я себя паршиво чувствую по выходным дням. Брожу, как сомнамбула, еле-еле шевелю руками, с трудом могу что-то делать. А главное – всё время неудержно хочу спать. Я теперь реже значительно бываю в подвале. Ближе к от него и в нужные моменты Димушка меня вызывает. Димусь работал сегодня над Павлинчуком, а я общалась с моей мамой и отсыпалась. Анализы Димы оказались довольно неважные – повышенный гемоглобин и что-то там на протромбин не так. Завтра Дима встречается с Гдалем по этому поводу.

24 апреля 1970 г., пятница.

Димочка чувствует боль в левой ноге. У него на ней вены набухли. <...>

Вечером у нас сидела в куртке, сначала мрачная, а потом повеселевшая, Алла Зайцева. Были Эдик с Валею и Анника со шведом. Швед – американистый, галантный, но без значительности в лице. Анника невероятная симпатяга – живая, помолодевшая, хорошенькая, очень милая и умная, своя в доску. В брюках вельветовых синих и в полосатой рубашечке. Ни за что не поверишь, что у нее трое детей. Дочка ей написала, что ей пора кончать в СССР свою холостую жизнь и возвращаться домой. По-русски Анника балакает уже гороздо бойчее, чем раньше.

25 апреля 1970 г., суббота.

Практически летний день, первый за эту весну. У Димы всё болит нога. Он очень устает, работая над Павлинчуком.

Вечером пришли Левитанский с Бранко, Радмилой, Мариной и супружеской парой югославов – поэт с женой. Молодой бородатенький поэт <Мичо Данойлич>, мало понимающий искусство, но симпатичный. Мы очень устали. Очень жаль, что Бранко должен в сентябре уехать совсем. Можно представить, как им тут надоело.

⁴⁰ Празднование прошло с невероятным размахом, к нему готовились два года, специальное постановление ЦК КПСС о подготовке к юбилею было принято еще 10 августа 1968 г.

У меня в школе неприятность. Один гориллообразный десятиклассник много лет назад избрал своей жертвой моего ученика, умного и интеллигентного юношу Володю Воловникова, и издевается над ним. Я об этом узнала недавно и теперь разрабатываю план действий.

26 апреля 1970 г., воскресенье.

Мне сегодня жутко не хотелось ехать в подвал. День был невероятно прекрасный, теплынь, красота, самое настоящее лето. Толпы приезжего народа, толкающегося на эскалаторах в метро. Еще вчера ходили с куличами, а сегодня каждый третий пьяный. Одновременно выделяются солдаты в новой форме⁴¹. Мне не нравятся на очень многих кителя в талию. На черных или красных погонах буквы ВВ или СА, на рукавах вышитые эмблемы, чего раньше никогда не было.

Китайцы вчера спутник запустили, который поет «Алеет Восток»⁴². Скоро нам на Москву какую-нибудь гадость кинут.

Приходила моя мама, по-летнему одетая. Дима с отцом ходили гулять, оба в берегах, со спины вообще не поймешь, где сын, где отец. Я, как всегда, в состоянии дикой утомленности. Брожу по квартире с полуоткрытым ртом и обдумываю, как бы покимарить. Дима с отцом ушли и я тут же, несмотря на мамины протесты, завалилась и как провалилась в бездну. Пока мама меня не разбудила, непрерывно и монотонно вопя одно и то же слово: «Юля! Юля!» Встала с диким трудом, но мне стало явно легче, и я собралась с новыми силами убирать квартиру. Но тут Дима так стал орать на меня по телефону, чтобы я немедленно ехала в подвал, потому что должен прийти академик Александров, тот, который директор Института им. Курчатова, и ему некогда мыть рюмки. Что делать, я поехала, благо близко. Академик Александров⁴³ и его «бедовая», по словам Зайцевой, жена⁴⁴ производят неплохое впечатление. Достаточно демократичны, если учесть, что он к тому же член ЦК нашей любимой партии. Он и она удивительно просто одеты, без машины. Он с палкой, поскольку недавно свалился с трапа. Привели их Юра Каган и Таня Вирта. Они удивительно внимательно смотрели скульптуру и были чрезвычайно довольны. Таня даже рассказала, что Александровы живут летом в палатках, где-то отдаленно, как простые люди.

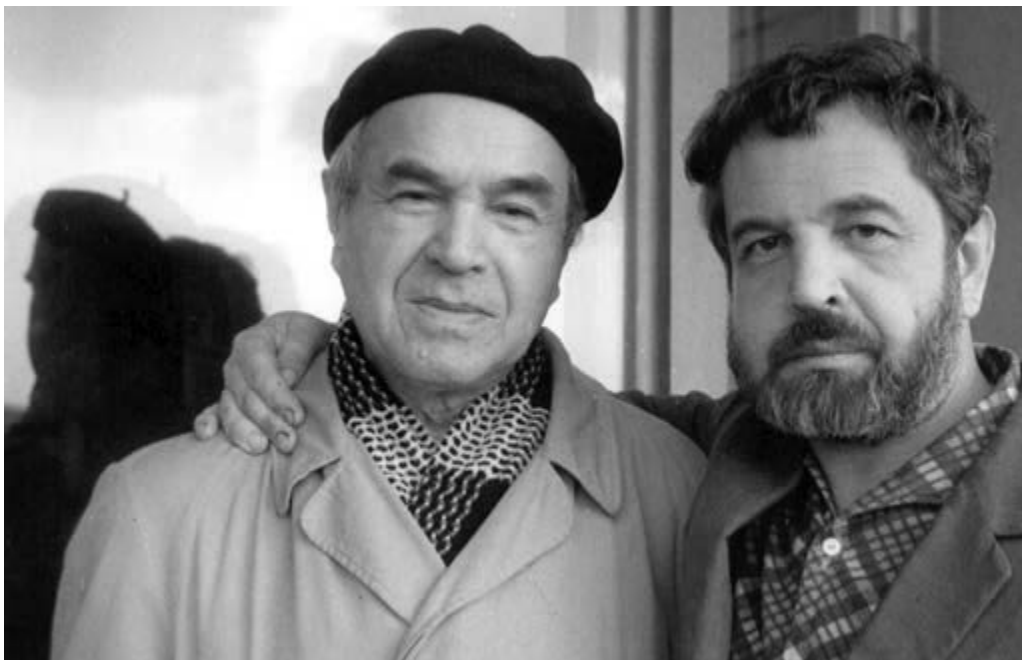
⁴¹ В 1970 г. в Советской армии была введена новая форма, сменившая образец 1954 г. Она сохранялась в армии до 1991 г.

⁴² Песня, бывшая в годы культурной революции гимном КНР:

*Алеет Восток, взошло Солнце,
В Китае родился Мао Цзэдун.
Он работает ради счастья народа,
Он – звезда, спасающая народ. <...>*

⁴³ Александров Анатолий Петрович (1903–1994) – физик, действительный член АН СССР (с 1953), президент АН СССР (1975–1986). С 1943 г. участник проекта по созданию советского ядерного оружия. Один из создателей советских атомных реакторов и двигателей. В 1946–1955 гг. директор Института физических проблем АН СССР. С 1955 г. зам. директора, с 1960 г. директор Института атомной энергии. Лауреат Ленинской (1959), четырех Сталинских (1942, 1949, 1951, 1953) и Государственной (1984) премий, Трижды Герой Социалистического Труда (1954, 1960, 1973), награжден десятью Орденами Ленина.

⁴⁴ Александрова (Белашова) Марьяна Александровна (1911–1986).

Вадим Сидур с отцом (1970). Фото: Эдуард Гладков

Еще один недостоверный факт, будто бы этот Александров чем-то существенно помог Сахарову. Водку они все пили очень активно и с удовольствием.

Пришла к нам в итоге Зайцева со своим приятелем, очень симпатичным на вид мальчиком Владиком <Кадышевым>, который чем-нибудь хочет помочь Диме. Мальчик мне понравился хотя бы тем, что вдруг вымыл всю посуду, пока мы с Зайцевой «выпимши» сидели празднично на диване и философствовали.

У Александрова абсолютно голый с несколькими отдельными волосками удлиненный череп, орлиный взгляд и сходство с Фантомасом. Его загорелая жена, которая, оказывается, цыганка, сняла про него фильм «Фантомас на Волге». Александровы с Каганами ушли раньше, как простые советские люди, ловить такси или левака, потому что на такси в Пасху не надейся.

Вчера Юнна разговаривала с Димой. <...>

Когда мы шли из мастерской вчетвером – мы с Димой и Зайцева с Владиком – Алла очень смешно перед нами танцевала. Вид у нее очень уморительный, брючки короткие – как клоун. Она принесла селедку, которую нам не захотелось разделявать, и унесла обратно. Мы совершенно падали, когда она танцевала с селедкой во рту, держа ее за хвост, и требовала, чтобы Владик ловил ее в танце на бедро.

27 апреля 1970 г., понедельник.

Абрам Яковлевич с самого раннего утра поехал в МОНИКИ. Пока доехал, у него в одном глазу поднялось очень сильно давление, и его прямо там в больнице и оставили. Дима поехал туда к нему, а я после педсовета в школе приехала в мастерскую. Вроде бы Абраму Яковлевичу стало полегче. Он ходит в жуткой арестантской больничной одежде, и уже взял себе в подшефные какую-то слепую старушку, водит ее в столовую и обратно. Димушка расстроился – он уже сейчас всё время с отцом находится и сразу же начал тосковать без него. Эдик ушел лечить зубы. Дима поработал над Павлинчуком, продвигается скульптура, хоть и медленно, но дело идет. Зашла к нам Кларочка, очень симпатичная, помолодевшая к весне. Говорит, что Александр Исаевич чувствует себя неплохо и вроде бы живет на даче у Ростроповича. Димушка дал Кларочке денег на взятку директорше кладбища в Переделкино. Дима хочет, чтобы урна с прахом Зинаиды Ивановны была захоронена там. Там место неплохое. К тому же там могила Изольда и Димушкин памятник. Он раньше думал про себя, чтобы его вместе с Изольдом захоронили под своим памятником, но теперь будет вроде как бы свое место на всё семейство. Дима поставит свою скульптуру. Опять же компания покойников там симпатичная – Изольд, Пастернак, Чуковский.

Сегодня уже звонил Владик Кадышев, хочет что-то делать. Заходил Архитектор Ляня Штутман. Одинокий, неприкаянный человек, но чем-то ничего парень.

28 апреля 1970 г., вторник.

Оказывается, Ляня Тоом тоже захоронен в Переделкино.

Абраму Яковлевичу предлагают делать операцию на втором глазу. Он уже начал там тосковать. Лежит пока в коридоре, в палатах мест нет. Димушка был у Вити Шейнберга со своей челюстью. Сделали ему рентгеновские снимки. Потом ходил к Гдалю с Володей. Говорит, у них полное разложение, никто ничего не делает, все обленились.

Был у нас в подвале симпатичный Саша Алешин.

29 апреля 1970 г., среда.

Абрам Яковлевич вместе с нами не может решить проблему, делать ли ему операцию или нет. Состояние у него, судя по телефону, смутное.

Димушка ездил сегодня вместе с Кларочкой в Переделкино. Там их долго мучила сторожиха насчет места на кладбище. Оказывается, да впрочем, давно это известно, что похороны у нас – невероятно сложное дело и с технической стороны. Дима видел совсем крохотный кусочек земли, где захоронили урну с прахом Левы Тоома. Разрешение при помощи взятки, чтобы захоронить Зинаиду Ивановну, Дима и Кларочка добились, а насчет того, чтобы место было приличным для памятника, пока еще не удалось. Дима с Кларочкой приехали домой к нам к вечеру. Немного попали под дождь. Мы пообедали, а потом сидели в моей комнате. Кларочка с Димой уютно лежали валетом на моем диване, а я третья уже не поместилась. Потом заехали Эдик с Валькой. Эдик на машине в связи с папочкиным отъездом в командировку. Затем Толя с Милкой зашли. Мы уже сто

лет не виделись. Они приехали к своей знакомой на день рождения, которая живет этажом выше.

Дима имел беседу с Юнной. <...>

30 апреля 1970 г., четверг.

Сегодня Димушка вдруг обнаружил в своем горле довольно сильную ангину, он выковырял из правой миндалины большой кусок засохшего гноя. Самочувствие при этом у него было вполне приличное, никакой температуры. Но, сделав это открытие, он очень огорчился. У него тут же начало болеть горло, справа железки опухли. Так он и не пошел в мастерскую.

В течение дня мы совершенно неожиданно совершили маленький бизнес. Белла, Вити Шейнберга жена, попросила у Димы рисунок за 25 рублей для подарка. Дима все свои рисунки ценит значительно дороже, но так как свои люди – он тут же согласился. Он решил нарисовать рисуночек поярче. Получился такой, что нам стало жаль с ним расставаться – девица с петушком. Дима тогда нарисовал второй, желая сделать похуже. Получилось по-другому, но значительно лучше. Наконец, Дима нарисовал третий, совсем отличный. В итоге решили расстаться с первым. Сидур совершенно не может делать ниже первого класса. Моя комната обогатилась еще двумя роскошными картинками.

Я ходила по магазинам с толпами предпраздничного народа. Потом поехала к Абраму Яковлевичу. Ему будут делать операцию на втором глазу. Он гораздо бодрее и выглядит неплохо. Поговорили с ним обо всем. Вечером у нас сидела Алла Зайцева. Беседовали на разные морально-этические, сексологические темы. Алла очень смешно ест. Смотреть на нее приятно, так как она это делает с удовольствием.

Вчера Толя Гитберг сказал, что Эрнст лечился вроде бы от алкоголя, хотя это и недостоверно, и уехал отдыхать в Цхалтубо.

1 мая 1970 г., пятница.

Димусь чувствует себя гораздо лучше, но белый бобон в горле пока еще до конца не проходит. Сегодняшний день был для него невероятно плодотворным. Он нарисовал семь потрясающих рисунков. Сидит все время у меня в комнате, здесь ему уютнее. В своей громадной пустой зале не ошивается. Целый день с нами провела мама. Стирала кое-что, пожарила картошки, пожаловалась на своих родичей. Абрам Яковлевич общался сегодня с нами по телефону. Завтра мы с ним свидаемся. Может быть, поедет с Димушкой, если всё будет ничего. У Абрама Яковлевича самочувствие, кажется, вполне приличное.

2 мая 1970 г., суббота.

Димушке стало хуже, гораздо хуже, чем вчера. Он уже не рисовал, а только бродил по всей квартире и быстро утомлялся. Я съездила к Абраму Яковлевичу. У него вполне неплохой вид, и заметно, что он борется со своими несчастьями как только может. Я ему почти два часа чего-то рассказывала, а он меня слушал с громадным интересом. Он невероятно благодарный слушатель.

Прочла на днях удивительно умные рассуждения А. Амальрика «Доживет ли Советский Союз до 1984 г.»⁴⁵. Всё, что он излагает, крайне черно и пессимистично, но убедительно и, пожалуй, всё так и будет. То есть, нас ждет война с Китаем и постоянное насилие, насилие, насилие и анархия, как вариант насилия. Он возлагает слабую надежду на так называемый «средний класс», который, если сумеет прийти к власти, может быть, пойдет по пути демократизации общества, блокированию с Западом, а именно с США, но сам он в это очень мало верит. Скорее, он предполагает, что Китай, страна, у которой есть какие-то духовные богатые традиции и ценности, в отличие от нас пройдет в своем развитии тоже через периоды либерализации и в итоге станет серьезным партнером США, а мы будем загнивать и разлагаться в муках. Мне было очень горько читать эту статью, потому что с ней невозможно не согласиться. Единственно, я не могу полностью принять его отношения к людям. Он явно в наш народ не верит и симпатии к нему не испытывает. А я, так же как Дима, стараюсь не терять веры в положительное духовное начало нашего народа, хотя его и очень сильно испортили за годы советской власти. Его еще больше поработили и развратили. К тому же я верю, что есть люди, которые рвутся к власти, молодые и энергичные, и понимающие положение вещей не хуже Амальрика. Для того, чтобы нам уцелеть, а им у власти удержаться, нужны будут перемены в сторону либерализации, и они пойдут на это. А больше всего я верю в молодежь. Они совершенно по-другому мыслят. Лучшие из них будут всячески сопротивляться нашей загнившей и окостеневшей системе. Другое дело, как они будут сопротивляться. Возможно, что пассивно и всячески изворачиваясь. Но ведь именно им принадлежит будущее – самым юным и самым жизнеспособным. Ясно, что им подобное положение вещей не подходит, и они будут пытаться его изменить. Молодежь поразительная – эрудированная, толковая, хитрая, замечаящая всякую фальшь, но не обязательно тут же вслух, глупо и безнадежно подставлять себя под огонь. Молодежь затаивается и ждет своего часа. Они не сомневаются, что их время придет. Я очень верю в них, ведь их так много.

Вечером приехали к нам из Переделкина Клара, Эдик и Валька. Эдик на папиной машине. Они устали после отдыха. Димушка немного разошелся к вечеру, а то мы уже стали переругиваться, так как я тоже устала.

3 мая 1970 г., воскресенье.

Кончились праздники. Мне повезло – целых четыре дня праздновали. Завтра на работу идти не хочется. Сегодня у Димушки наступило явное изменение.

⁴⁵ Амальрик Андрей Алексеевич (1938–1980) – историк, писатель, публицист, диссидент. Неоднократно подвергался арестам с 1964 г. Автор эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года», в которой предсказал неизбежный распад СССР из-за усиливающихся внутренних противоречий. Эссе, опубликованное в конце 1969 г. в Голландии, перепечатывалось и распространялось в самиздате. 21 мая 1970 г. арестован по обвинению в «распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй». Приговорен к трем годам лагерей. В 1973 г. получил новый трехлетний срок, замененный вскоре под давлением мировой общественности на ссылку, в которой оставался до 1975 г. В 1976 г. эмигрировал, жил во Франции. Реабилитирован на родине в 1991 г.

Лучше ему стало с горлом намного. Может быть, оттого что он вновь начал пить стрептоцид. Сегодня мы целый день убрали, пылесосили, чистили. А к вечеру нас посетила Зайцева.

Прочла я программу действий демократов. Появились такие люди. До того мне нравится то, что они там написали, что я бы с удовольствием вступила бы к ним в партию, или там еще куда. Очень здорово они всё пишут и знают, чего хотят⁴⁶.

4 мая 1970 г., понедельник.

На работу ходила, ничего нового. В больнице была у Абрама Яковлевича. У него расстроился желудок, и он всю ночь не спал, поэтому выглядел плохо. При такой жаре у них в палате лежит человек, который не позволяет открывать окно, потому что боится простудиться. В общем, Абрам Яковлевич уже жутко устал и не чаёт, как оттуда выбраться. Возможно, что в четверг операция. Димушка почти выздоровел, но крошечный бобончик на миндалине еще виднеется.

Вечером нас посетили наконец Женька Зверева с Борей. Им понравилась наша квартира.

5 мая 1970 г., вторник.

Сегодня Димушка выходил на улицу. Завтра поедем к отцу. Абрам Яковлевич звонил. Операцию ему делать пока не собираются. На улице жара июльская уже червертый день подряд.

7 мая 1970 г., четверг.

Сделали операцию Абраму Яковлевичу, результат пока неизвестен. Он должен минимум сутки лежать неподвижно. Сегодня раза два прошел дождь, и прекрасно запахло тополями. Мы были у отца в больнице и сначала нас не хотели пускать. Диму в итоге пустили.

Димушка дочитал «Лолиту». Пока читал, многое его раздражало, когда прочел, сказал: «Хорошая книга». Но «Приглашение на казнь» ему понравилось больше. А мне «Лолита» больше нравится. Завтра собирают всех членов нашего дома на собрание для вручения ордеров.

8 мая 1970 г., пятница.

Никаких ордеров нам не вручили.

Международное положение до того фиговое, что никаких сил нет. Чехословакию сожрали целиком и сейчас еще наши удушители-гориллы получают чехословацкие ордена. Фантастическое надругательство. В кинотеатрах показывают

⁴⁶ Документ «Программа Демократического движения Советского Союза» был подписан: «Демократы России, Украины, Прибалтики». Настоящим автором был инженер из Таллина, диссидент Сергей Иванович Солдатов (1933–2003), передавший его на Запад. Напечатан в Амстердаме «Фондом им. Герцена» в 1970 г. Распространялся в самиздате. КГБ объявил «Программу» фальшивкой, сфабрикованной в русской редакции радио «Свобода». В 1975 г. С.И. Солдатов был арестован, до 1981 г. находился в заключении, затем уехал из СССР, жил в ФРГ, в 2000 г. вернулся в Таллин.

Сталина, и русский великий и безмозглый народ аплодирует восточному деспоту, кровавому убийце⁴⁷. До чего же у «массы» велика тоска по идолу. Народ велик, а масса презренна.

Димушка был у Абрама Яковлевича. Он вроде бы неплохо себя чувствует. Видит глазом пока неважно, морально держится стойко.

9 мая 1970 г., суббота.

Отпраздновали на славу день Победы. Шумно. Были Владик с Нелей, Левитанские, Кларочка и Алка. Когда приходят гости, особенно понимаешь, что квартира у нас хорошая.

Никсон беседовал сегодня с демонстрирующими студентами⁴⁸. Не боится. Зато у нас – ни демонстраций, ни забастовок, ни бесед с недовольными, поскольку считается, что все счастливы и довольны. Прочитали в «Литературной газете» статью Мирослава Валека, нынешнего министра словацкой культуры. Какая редкая падла! Дима тогда сразу же его разгадал. Если бы он только знал, что это за сволочь, Дима не стал бы рисовать ему книжку.

Был Дима у Абрама Яковлевича. Вроде бы – тьфу, тфу, тфу – он явно поправляется. Свои собственные несчастья отвлекают его от ужасных и черных мыслей.

10 мая 1970 г., воскресенье.

Еще одни праздники кончились. Конец года учебного, и я уже не могу, мне уже работать не вмоготу. Димушка был у отца, а я всё больше по хозяйству. Потом Дима поехал в мастерскую, общался там с Эдиком и работал над Павлинчуком. Вечером заехала к нам в гости Анника, завтра едет в Ереван. До того ей нравится у нас жить, что прямо невозможно. Говорит, что гораздо лучше, чем в Швеции. Здесь ей не надо хозяйством заниматься, а там семья – муж, трое детей. Здесь она вольная студентка, мотается по друзьям. Там жизнь тихая, размеренная и скучная, всё позволено, всё есть. У нас нет свободы, зато есть к ней большое стремление среди интеллигентов. Интересно.

11 мая 1970 г., понедельник.

Выбрались сегодня в подвал вместе с Димочкой. Я после работы, а он только что вернулся из Бабушкина, где исправляли они что-то с Мариной для

⁴⁷ В 1969–1970 гг. в советских кинотеатрах шли три первые серии официозного, монументального пятисерийного художественного фильма «Освобождение», режиссер и автор сценария (в соавторстве с Ю.В. Бондаревым) Ю.Н. Озеров. В некоторых сценах на экране возникал Сталин, показанный, впервые после XX съезда, с налетом культа личности, как главный и чуть ли не единственный руководитель страны. Были случаи, что при его появлении на экране в кинозалах раздавались аплодисменты.

⁴⁸ Во время разгона антивоенной демонстрации 4 мая 1970 г. национальными гвардейцами были застрелены четыре и ранены девять студентов университета Кент-Стейт (Огайо). Расстрел поднял волну протестов по всей стране. Р. Никсон вынужден был встретиться со студентами Кентского университета. Здесь он произнес ставшую знаменитой фразу: «Когда несогласие превращается в насилие – это влечет за собой трагедию».

Волгодонска. Приходил Алик Киселев со своими друзьями и с каким-то мексиканским профессором⁴⁹, который сам из себя швейцарец и вообще, турист, в общем, и юрист. Станный какой-то и подозрительный человек. В искусстве понимает слабо. С Аликом ужасно нежен, и Алик с ним, как девочка. Уж не педераст ли этот мексиканец швейцарско-голландского происхождения?

Дима работал над Павлинчуком. Алка заходила, симпатичная и смешная. Эдик вернулся из командировки в арабских джинсах.

13 мая 1970 г., среда.
Провели весь день с удивительно симпатичным парнем Майклом Скэммелом⁵⁰.

14 мая 1970 г., пятница.
Снова общались с Майком. Ходили с ним и с Кларочкой смотреть фильм «Освобождение». Полуправда. Никаких аплодисментов при показе Сталина. Ужасно противный. В общем, фильм плохой. Но Сталин так отвратителен, что даже приятно.

Майк – просто невероятный малый. Это уму непостижимо, как может человек из другой страны и из другого мира стать в первый же свой приезд к нам совершенно близким человеком. К тому же еще красив. Я второй день удивляюсь.

15 мая 1970 г., пятница.
Завтра Абрам Яковлевич выходит из больницы. Дима упорно работает над Павлинчуком. Майк Скэммел имеет троих детей – двух девочек и одного мальчика. Ему 35 лет, а выглядит он самое большее на 28. Третий день мы с ним общаемся, отличный малый. Очень хорошо для Димы, что он не пьет и не курит.

16 мая 1970 г., суббота.
Димушка привез домой Абрама Яковлевича. Вроде бы пока всё ничего. В мастерской снова сидели с Майком.

17 мая 1970 г., воскресенье.
Умер позавчера Аркадий Белинков. Что-то он все-таки успел сказать и пожить на свободе, и даже умереть на свободе. До нас дошли слухи, что ему там морально было тяжело, хотя во всех остальных смыслах хорошо, а уж жене его прекрасно.

Дима человек удивительный. Мне иногда страшно становится от его провидения. Он сказал когда-то, что Душан Конечный, чешский искусствовед, еще за-

⁴⁹ Имеется в виду профессор из Мехико Гульельмо Маргадант. Олег Киселев познакомился с ним в Театре на Таганке.

⁵⁰ Скэммел (Scammell) Майкл (р. 1935) – английский литературовед, переводчик и журналист, друг Вадима и Юлии, а также Л.З. Копелева, Л.К. Чуковской и К.И. Лозовской, автор большой статьи о В. Сидуре в лондонском еженедельнике *The Observer* (15 ноября 1970 г.) и др. публикаций. Автор биографий и переводов Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, В.В. Набокова, А.И. Солженицына.

хочет с нами пообщаться, «но я не захочу с ним видеться». Случилось именно так. Он позвонил позавчера и Дима вмеру вежливо попросил его позвонить на следующей неделе. Инна виделась сейчас с Иржи Гаеком и говорит, что его выступление где-то произвело совершенно удручающее впечатление. Конечный, Гаек и Валек приехали в «неделю чехословацкой культуры». Не хватает только видеться с этими коллаборантами.

К Майку сегодня утром в Новодевичьем монастыре пристали два фарцовщика – то ли шпана, то ли кагэбешники.

18 мая 1970 г., понедельник.

Димушка работал над Павлинчуком. Позвонила Рита Янус. Скоро они с Валей Турчиным придут смотреть. Эдик приехал. Майк с Кларочкой пришлэнд-рвали вечером голодные.

2 июня 1970 г., вторник.

Мы с Кларой учим английский, много смеемся. Дела в мире фиговые. Дубче-ка сволочи чехословацкие хотят судить. Посадили Амальрика и Жореса Медведева⁵¹. За Медведева и Григоренко вступились наши академики, написали письмо с протестом: Сахаров, Капица, Энгельгардт⁵², Рой Медведев (брат)⁵³, Твардовский и еще кто-то⁵⁴.

Были у Юнны на дне рождения. Ей стукнуло 33 года. Роман сильно напился, но говорил внятно. <...> Интересно, пишет ли она стихи?

Абрам Яковлевич тоскует непрерывно, но мне виду не показывает. Димушка чувствует себя, как всегда, неважно. Фильм «Освобождение» – полное говно. Дима считает, что генералы, которые сейчас взяли власть, сделали этот фильм для себя. Сталин выглядит противным старым пердуном, хотя и кого-то специально сажают, чтобы аплодировали при его появлении. Когда мы этот фильм смотрели, ни одной такой суки не было.

⁵¹ Медведев Жорес Александрович (р. 1925) – биолог, писатель, диссидент. В 1969–1970 гг. в самиздате известна была его большая книга «Взлет и падение Т.Д. Лысенко», а также статьи «Международное сотрудничество ученых и национальные границы» и «Тайна переписки охраняется законом» с осуждением цензуры и с критикой существовавших для ученых ограничений. 29 мая 1970 г. насильственно увезен из своего дома в Обнинске и помещен в Калужскую психиатрическую клинику. Однако через три недели под давлением общественного мнения освобожден. А.Д. Сахаров назвал подобный случай освобождения «совершенно исключительным». В 1973 г. выехал в командировку в Англию, сразу лишен советского гражданства (возвращено в 1990 г.).

⁵² Энгельгардт Владимир Александрович (1894–1984) – биохимик. Действительный член АН СССР (1953) и АМН СССР (1944). Один из основоположников молекулярной биологии в СССР. Основатель и директор Института радиационной и физико-химической биологии АН СССР (1964–1984). Лауреат Сталинской (1943) и Государственной (1979) премий. Герой Социалистического Труда (1969). В августе 1973 г. подписал письмо сорока членов Академии наук СССР с осуждением А.Д. Сахарова.

⁵³ Медведев Рой Александрович (р. 1925) – историк, писатель, публицист, диссидент.

⁵⁴ Письма в защиту Ж.А. Медведева за подписью крупных академиков: Б.Л. Астаурова, П.Л. Капицы, М.А. Леонтовича, А.Д. Сахарова, Н.Н. Семенова, И.Е. Тамма, В.А. Энгельгардта были отправлены Л.И. Брежневу, генеральному прокурору, министру здравоохранения СССР. Письма подписали также другие представители научной и творческой интеллигенции, среди которых: Л.В. Альтшулер, В.Д. Дудинцев, В.А. Каверин, С.А. Ковалев, М.И. Ромм, А.Т. Твардовский, В.Ф. Тендряков, В.Ф. Турчин и др.

3 июня 1970 г., среда.

Дима был в Бабушкине целый день, устал, как черт. Я на работу не ходила. Всё обед варила. Абрам Яковлевич места себе не находит, всё время двигается туда-сюда. Завтра собирается в Алабино.

Вечером приехал Владик с книжкой «Внимание: Ахи!» Вполне симпатичная книжка, и очень приличные Димины рисунки. Я никак не думала, что эта книга выйдет, но она таки вышла, хоть и порезанная сильно, но вышла.

Алла Зайцева к нам прибыла. Напились мы, книгу обмывая.

4 июня 1970 г., четверг.

Я сегодня второй день не ходила на работу. Делать там пока мне нечего, а так просто показываться неохота. Завтра поплетусь.

Абрам Яковлевич ездил в Алабино. Повидался там с Мишей Курносиковым, дал ему деньги за то, что он там присматривал зимой за домом. Сосед наш отвратительный продал дом, а жена с сыном его бросила и куда-то удрала. Кто бы ни был теперь там, все равно лучше, чем эта горилла.

Димушка снова ездил в Бабушкино. Работы там еще много, но продвигается помаленьку. Он очень устает в такси, когда едет туда и обратно, от бензиновой вонищи. Приходила ко мне Машка Зверева заниматься французским, у нее завтра зачет. Она стала намного лучше, умнее и человечнее. Одно время она была очень противная воображала, а сегодня я даже удивилась, до чего она изменилась к лучшему. Вечером к нам пришла югославка Ивица, принесла интенсаин. Симпатичная, умная девка.

5 июня 1970 г., пятница.

Димушка снова ездил в Бабушкино. Очень устал лазить там по лесам. Я ходила в школу на экзамен по географии к моим детям. Переживала за них больше, чем они. Но, слава богу, все сдали. Была у нас в гостях пропавшая шведка Анника, вся из себя довольная и веселая. Хорошая тетка Анника, но ни фига не понимает в нашей действительности. Я лишний раз поразилась Скамейкину⁵⁵, насколько он понятлив и доходчив умом. Недаром я ему сразу сказала: «Вы приехали к нам в первый раз, а у меня такое ощущение, что вы живете здесь всю жизнь». Все-таки мужчины не зря во всем преобладают. И в школе так же. Пока растут, всюду давят девочки – и прилежнее, и аккуратнее, и якобы умнее, учатся лучше, а как выросли – большинство девочек – бабешки или дворняжки, за редким исключением, и почти все юноши – личности, за еще более редким исключением.

6 июня 1970 г., суббота.

Дима был в Бабушкино. В соседнем доме живет скульптор Слава Буйкин⁵⁶, у которого машина, он тоже работает в Бабушкино и часто возит Диму туда и обратно. Спасибо ему большое. Я просидела полдня на экзамене в школе, дико утомилась.

⁵⁵ Прозвище Майкла Скэммела среди московских друзей.

⁵⁶ Буйкин Вячеслав Иванович (1930–1975) – скульптор-монументалист. Автор памятника Л.Н. Толстому в Туле (1973).

7 июня 1970 г., воскресенье.

Дима, Абрам Яковлевич и Клара ездили в Переделкино. Ничего эта чертова похоронщица Маруся с бандитскими глазами не сделала.

Женька Зверева позвонила, сказала, что Леве Тоому будут делать памятник Лемпорт и Силис. Юнну вообще от этого дела отстранили, а большего надругательства над Левиной памятью придумать нельзя. Люди, которых Лева более чем не любил.

Мама моя помогала целый день, производя лишний шум. Вечером в подвале мы общались с Анникой. Она написала мне очень любопытное письмо, не умея высказаться на словах. Анника – очень симпатичный шез, чуть-чуть. Это письмо она написала мне после того, как я намекнула, что она очень мало понимает в нашей действительности, несмотря на то, что живет уже почти год. Да еще сдурю я сравнила ее со Скамейкиным, который с первой же минуты нашего знакомства, и будучи впервые в нашей стране, поразил нас своей полной осведомленностью и пониманием нашей умопомрачительной действительности. У Скамейкина не было выбора внутри себя о том, чтобы писать или не писать правду, так как эта правда может помешать ему приехать сюда еще, а ему, как специалисту, это не только очень хочется, но необходимо. Он же для себя решил точно, что не пойдет на сделку со своей совестью, если даже наша страна будет закрыта для него навсегда. Анника ставит перед собой подобный вопрос и колеблется. Она мать троих детей, муж <Ларс Бэкстрём> у нее хороший критик и т. д. Но, по-моему, ей есть, что сказать о нашей стране всякого: хорошего и дурного. Но во всяком случае, если она собирается писать для людей, ни в коем случае нельзя руководствоваться подобными причинами, как пустят или нет сюда после того, что она напишет. Писать надо то, что есть, и то, что чувствуешь. У них, при всех сложностях и проблемах, о которых она в письме пишет, для высказывания правды возможностей неизмеримо больше, тогда как у нас подобных возможностей практически нет. И об этом она должна знать, обязана. Если она не курица, она должна понимать, что речь не о большем или меньшем материальном благополучии. Лично мы живем хорошо, многие весьма терпимо, особенно по нашим меркам, а громадное большинство населения не подыхает с голоду, как можно предполагать из многих фактов, хотя живет тяжело и бедно. Но, как кажется, и скорее всего, это так, сейчас от голода не умирают, явление раньше нередкое в нашей стране. Но речь идет не об этом. И Анника, очевидно, это понимает. Нам нужно, а именно советской интеллигенции, самой мыслящей и так называемой «передовой», немного свободы и демократии, простой демократии, которая имеется, например, в Швеции. А не «высшей формы демократии», которую имеем мы в СССР. Она пишет, что мы узнаем о Западе из «Голоса Америки» и что это далеко не всё. Смешно, если Анника так думает. Мы на Западе не были и, наверное, много по мелочам не знаем. Но поскольку нас интересуют люди Запада, мы попытались и пытаемся кое-что узнать и понять. До какой-то степени нам это удалось. Мы встречались с людьми очень часто после того, как поднялся «железный занавес», читали западных писателей и поняли одно: там много противоречий, трудностей, сложностей и проблем, короче говоря, они имеют налицо все пороки капиталистического мира, но при всем при

этом они обладают какой-то относительной свободой и определенными человеческими правами при поддержке закона. Мы же в стране победившего социализма не имеем никакой свободы и никаких прав. Это отличие основное, а не в том, у кого больше машин, квартир и холодильников, а также жратвы. Хотя это тоже невероятно важно. Дима очень часто повторяет слова покойного президента Кеннеди: «Демократия несовершенна, но нам хотя бы не приходится строить стены, чтобы люди от нас не бежали»⁵⁷. А у нас строят и строят стены, опутывая их колючей проволокой. Правда, теперь им тоже стало тяжелее душить, но сила у них еще очень большая, и они душат.

8 июня 1970 г., понедельник.

Димушка приехал из Бабушкина очень усталый. Сначала мы не могли найти общего языка. Диме всё не нравилось – и я, и вообще вся жизнь. Потом он поел, и жить нам стало легче. Я прочла на днях «Защиту Лужина» Набокова, это невероятно здорово. Сколько все-таки отличных писателей дала Россия. Но Платонов всех перебивает. Я его считаю для себя самым лучшим из всех писателей. Я и других очень люблю, и русских и иностранных, но от Платонова обмираю от восхищения. Это же надо так писать! Я даже не понимаю, как у него это получилось. Мне другие писатели понятны, как они писали, мне кажется, что я понимаю. А как такое чудо, как Платонов, не понимаю.

Волновались, что отец очень долго был в Алабино. Приехал в одиннадцатом часу ночи. Приводил там всё в порядок. Мама моя потеряла какую-то фиговую брошку за рубль двадцать, второй день переживает, бедная. Я усиленно учу английский язык. Очень хочется овладеть, чтобы общаться и читать. Мне уже мало французского. Это Скамейкин так меня встряхнул и Клару тоже. А Валька всю жизнь изучает английский язык и всю оставшуюся ей жизнь будет его изучать, но так ни разу на нем и не заговорит.

10 июня 1970 г., среда.

У Димухи завтра худсовет в Бабушкино. Скорее всего, не примут. Клара получила от Скамейкина открытку. А мы почему-то пока не получаем. На открытке лес. Хорошо живет буржуй. Этот лес чуть ли не у него дома.

11 июня 1970 г., четверг.

Художественный совет работу у Димы не принял. Приехал он расстроенный ужасно. Я только жалею, что он за это дерьмо взялся. Марина как будто специально заболела. Работнички, два инвалида! Мы с Кларой занимались английским. Абрам Яковлевич в тоске невероятной. Он сказал сегодня: «Наверное, я скоро как гоголевский Афанасий Иванович пойду к ней». На такие слова трудно что-то ответить. Любые утешения звучат фальшиво и некорректно. Я только подумала, что все мы туда к ней уйдем с небольшим промежутком во времени. И самое ужасное – уйдем туда, где ничего нет, ни с кем мы уже там не встретимся, даже с самим собой там не встретимся.

⁵⁷ Из знаменитой речи, произнесенной 23 июня 1963 г. в Западном Берлине.

12 июня 1970 г., пятница.

Сегодня, можно сказать, немного отдохнули. На работу я не ходила, Дима в Бабушкино не ездил. Они с отцом заехали в подвал, взяли белье из прачечной и приехали обратно. Вечером приехала к нам смешная Анника. Бывают же такие шведы чудные! Но очень она чем-то приятная тетка. Вся какая-то восторженная, порывистая, как девочка. Носки на ней какие-то шведские рыжие и рубашка-ковбойка. Можно подумать, что она чуть ли не из нищих или, во всяком случае, из бедных. Мы с Димой попытались поговорить с ней насчет ее письма «Юлии». Она вроде бы поняла. Через неделю она едет в Ленинград, а потом в Швецию, уже надолго. Как, интересно, поживает в капиталистическом мире дорогой наш друг Миша Скамейкин?

13 июня 1970 г., суббота.

Я спала полдня. Дима сердился. Затем мы писали письма. Вечером были у Гинзбургов. Они вчера вернулись из Японии. Они кое-что рассказали. Страна любопытная, но для европейского жителя непригодная, поэтому живущих там европейцев почти нет.

Наши местные события нерадостны. Зяму Паперного исключили из партии за пародию на Кочетова⁵⁸, а Сергею Сергеевичу Смирнову⁵⁹ будто бы дали выговор, но в устной форме. Будто бы где-то, на каком-то биологическом симпозиуме академик Сахаров написал на доске «Свободу Жоресу Медведеву»⁶⁰. Витя думает и мучается, как он должен себя вести – подписывать или нет подобные письма. Нинка, конечно, старается не думать и жить в свое удовольствие. Пришли еще Женька Зверева и Шейнберги. Женька, как всегда, неистощимо остроумна. Она сказала, что Димкин рисунок Александра Исаевича размножают изо всех сил и продают по Москве по три рубля штука. Я вот думаю, не вытащи я тогда Диму насильно на это свидание с Солженицыным, не было бы сейчас этого портрета, известного во всем мире.

⁵⁸ Паперный Зиновий Самойлович (1919–1996) – литературовед, литературный критик, писатель. Научный сотрудник ИМЛИ им. М. Горького АН СССР (1954–1996). Член СП СССР (с 1954). Автор монографий о творчестве А.П. Чехова, В.В. Маяковского, М.А. Светлова. В январе 1970 г. написал пародию под названием «Чего же он кочет?» на роман В. Кочетова «Чего же ты хочешь?». Пародия распространялась в самиздате. Из-за этой пародии в июне 1970 г. на заседании в МГК КПСС под председательством первого секретаря МГК В.В. Гришина исключен из КПСС с формулировкой: «За действия, несовместимые с пребыванием в партии». В СССР пародия опубликована в 1990 г.: *З. Паперный*. Музыка играет так весело... Фельетоны. Пародии. Дружеские послания. Рассказы. Мемуары. Дней минувших анекдоты. – М., «Советский писатель». С. 109–120.

⁵⁹ Смирнов Сергей Сергеевич (1915–1976) – прозаик, драматург, телеведущий. Участник Великой Отечественной войны. В 1958–1965 гг. секретарь Московского отделения СП РСФСР. В 1975–1976 гг. секретарь СП СССР. Лауреат Ленинской премии (1965). Автор ходившей в самиздате пародии на роман В. Кочетова под названием «Чего же ты хохочешь?»

⁶⁰ «Я поехал в Институт генетики, – вспоминал А.Д. Сахаров. – В этот день там проходил международный симпозиум по вопросам биохимии и генетики. Было много гостей из социалистических стран и человек двадцать-тридцать из западных. Перед заседанием я подошел к доске и написал на ней следующее объявление: “Я, Сахаров А.Д., собираю подписи под обращением в защиту биолога Жореса Медведева, насильно и незаконно помещенного в психиатрическую больницу за его публицистические выступления. Обращаться ко мне в перерыве заседания и по моему домашнему адресу (далее адрес и телефон)”».

14 июня 1970 г., воскресенье.

Вечно я из-за своего дневника страдаю. Сегодня моя собственная мама на меня обиделась. Из излишнего любопытства завладела этим плохо спрятым дневником, всё прочла, а потом обиделась, что я написала будто бы брошка, которую она потеряла, стоит всего рубль двадцать копеек, когда на самом деле она стоит значительно дороже.

Дима с Абрамом Яковлевичем ездили в Переделкино. Ничего там эта кладбищенская бандитка Маруся не сделала. Дождь сегодня был жуткий. Дима с отцом приехали все вымокшие. У Димы с животом плохо, кишки болят.

Клара пришла. Мы прилежно занимались, освоили семь уроков. Кларочка очень даже неплохо соображает и всё запоминает, а прибежняется. Алик Киселев был. Очередная его любовь лопнула, но он не унывает. А вдруг поступит во ВГИК на режиссерский факультет?

15 июня 1970 г., понедельник.

Димушка плохо себя чувствовал целый день. Только к вечеру немного отошел, когда Зайцева пришла. Интересно вчера советские граждане провели голосование в Верховный Совет <СССР>. Мы уже много лет не голосовали, открепляемся. А те, кто голосовал, рассказывают, что даже кабинки закрытые на многих участках уже отменили. Стоят урны, а вокруг них несколько угрюмых мужиков смотрят на опускающих бюллетень. Дима считает, что такое нововведение сделали после предыдущих выборов, на которых люди вытворяли бог знает что со своими бюллетенями. И, очевидно, это приобрело массовый характер. Есть сведения, что на этот раз открепилось только по Москве около 300000 человек. То-то мне с трудом дали открепительные талоны.

16 июня 1970 г., вторник.

Александр Исаевич Солженицын написал резкое письмо против заключения в сумасшедший дом ученого-генетика Жореса Медведева. Он там сравнивает помещение в сумасшедший дом с газовыми камерами у фашистов. А также говорит, что у нас власти считают ненормальными тех, кто думает не так, как приказано⁶¹. Полного текста пока еще никто не передал, но «Голос Америки» и Би-би-си кратко сообщили о самом факте. Молодец Солженицын!

Витя Гинзбург позвонил, что Дэвид Пайнс приехал всего на четыре дня. Очень захотел увидеться с Димой, поэтому приедет в четверг в половине второго вместе с Гинзбургами.

17 июня 1970 г., среда.

Невероятно! Жореса Медведева освободили. У нас это впервые. Значит, все-таки не напрасно люди у нас борются. Сейчас дело серьезнее. Стали ссориться с учеными, а с ними лучше не ссориться, без них пропадешь.

⁶¹ Письмо от 15 июня 1970 г. распространялось в самиздате и было опубликовано в «Хронике текущих событий» (Вып. 14. 30 июня 1970). «Раз думаешь не так, как положено – значит, ты ненормальный! А адаптированные – должны думать все одинаково. И управ нет. <...> Захват свободомыслящих здоровых людей в сумасшедшие дома есть духовное убийство, это вариант газовой камеры, и даже более жестокий».

Эдик вернулся из командировки, загорелый и чем-то недовольный. Приходили люди из АПН, фотограф и редактор, снимали, хотят что-то опубликовать на Югославию. Гдаль – чудака. Мы в подвале давно не были. Гдаль на той неделе решил зайти. Спустился по лестнице, увидел в щели для писем толстую газету. Разглядел на ней адрес мастерской и вроде бы, что она югославская. Газету не вынул, она очень плотно была всунута, и повернул обратно. Потом, конечно, эту газету увели. Какой-нибудь прохиндей спустился пописать и ушел с газетой. Дима очень огорчился. Мы предполагаем, что это «Борба», где поэт Мичо Данойлич что-нибудь опубликовал про Диму⁶², но точно не знаем. Валька с Эдиком получили тоже от Скамейкина открытку. Только нам он ничего не сообщает пока. Ему виднее. Завтра мы ждем в подвале Дэвида Пайнса с Витей Гинзбургом.

18 июня 1970 г., четверг.

Дэвид Пайнс посетил нас со всем своим семейством: женой Сузи и двумя симпатичными детьми – девочкой Кетрин 14 лет и мальчиком Джонатоном 10 лет. Девочка в длинном до пят пальто, как в шинели. Говорит, что на улице все на нее глядят во все глаза. Как раздела свою шинель, оказалась в мини-платье. Конечно, такой контраст несколько поражает. Мордочка у нее совсем юная, а грудь и ножки очень даже зрелые. Мальчик очень симпатичный, худенький, и все время ел, потом захотел спать. Дэвид уехал на свидание с физиком Капицей, Гинзбурги тоже ушли по своим делам, а мы беседовали с детьми и с Сузи до возвращения Дэвида. Девочка, несмотря на свои 14 лет, очень умная. У мальчика тоже вид умный, но он еще мал и высказывался редко.

Они привезли нам много подарков – книги по искусству: скульптура Пикассо, Бен Шан, Липшиц и Генри Мур, и еще японские фломастеры Диме.

Имею полный текст письма А. Солженицына⁶³. <...>

19 июня 1970 г., пятница.

У Клары внезапно умер отец, скоропостижно. Сегодня в моей школе хоронили девочку – девятиклассницу <Жанну Селиванову>, которая три дня назад бросилась с 24 этажа на Новом Арбате.

В Англии победили консерваторы⁶⁴, вопреки всем ожиданиям. Гольдберг, Ливин и Дмитриевич⁶⁵ из Би-би-си беседовали по этому поводу загробными голосами. Но Анатолий Максимович, как оптимист, быстро оправился. Есть слухи,

⁶² *Danojlić M. Umetnik // Borba. Beograd. 1970. 23.05.* (Помимо статьи, помещены фотографии шести скульптур).

⁶³ Далее Юлия приводит текст письма А.И. Солженицына, написанного после насильственного помещения Ж.А. Медведева в психиатрическую больницу. (См. выше записи от 16 июня 1970 г.).

⁶⁴ На прошедших 18 июня парламентских выборах победу одержали консерваторы, возглавляемые Эдвардом Хитом, который стал премьер-министром (1970–1974 гг.). Считавшиеся непотопляемыми, лейбористы и их премьер Гарольд Вильсон были вынуждены уйти в отставку.

⁶⁵ Барон Ливин и Нина Дмитриевич – эмигранты первой волны, одни из первых ведущих программ Русской службы Би-би-си. (Об А.М. Гольдберге см. выше записи от 16 декабря 1968 г.).

что в Ленинграде арестованы семь человек, вроде бы из тех, кто просился в Израиль через ООН⁶⁶.

Дима снова ездил в Бабушкино. Понавез оттуда всякого железного хлама. Вечером заходила к нам Анника, на днях уезжает к себе.

20 июня 1970 г., суббота.

В нашем подвале был невероятный субботник. Мы с Димой, а также Эдик, Алик, Алка и ее приятель Владик всё вымыли, вычистили, и теперь Дима счастлив. Наконец открыли окна, залезли во все углы и вытащили горы грязи и пыли.

21 июня 1970 г., воскресенье.

Сегодня так грохнуло, что мы с Димой, каждый в отдельности, подумали, что что-то случилось – то ли война, то ли газ взорвался, а это была всего-навсего сильная гроза. В подвал не ходили, потому что пришел к нам Иван Сергеевич, слесарь, и добавил батарей, чтобы мы зимой не мерзли. Смотрели финальный матч Бразилия-Италия⁶⁷. Видели совершенно прекрасную игру, невероятного класса, особенно у бразильцев. Счет 4:1. Была у нас Анника, скоро уезжает.

22 июня 1970 г., понедельник.

Наконец сквозь эфир просочились кое-какие подробности об арестах. Посадили около двадцати человек в нескольких городах, включая Ленинград, Москву, Киев, Каунас и Черновцы. Речь идет о людях, которые вроде бы собирались похитить самолет. Началось с того, что на аэродроме задержали женщину и мужчину. Женщина – еврейка, а мужчина – полуеврей, которые подписали письмо У Тану⁶⁸ в ООН о выезде желающих евреев в Израиль. Поднимут ли наши в связи с этим антисемитскую кампанию? И станем ли мы ее жертвами? Тоже интересно.

Мерзейшая погода, холодно. Димушка рисовал целый день. Абрам Яковлевич целый день ходил по магазинам и в прачечную. Он совершенно не может находиться в спокойном состоянии. Завтра Клара хоронит своего отца. Просила нас не приходить. Сказала, что сама придет послезавтра.

23 июня 1970 г., вторник.

Умер Лев Кассиль. Царство ему небесное. За всю жизнь ничего хорошего не сделал и не написал, кроме одной книги «Кондуит и Швамбрания»⁶⁹.

⁶⁶ Имеется в виду волна арестов активистов за право выезда в Израиль, начавшаяся после неудачной попытки угона рейсового самолета «Аэрофлота» Ленинград-Приозерск 15 июня 1970 г. В тот день группа из 16 человек готовила захват самолета АН-2 в ленинградском аэропорту «Смольное», чтобы бежать из СССР в Швецию. План был раскрыт КГБ, участники акции арестованы и позже над ними был устроен громкий судебный процесс по обвинению в «измене родине», получивший неофициальное название «Самолетное дело». (См. ниже записи от 16 мая 1971 г.).

⁶⁷ С 31 мая по 21 июня 1970 г. в Мексике проходил девятый чемпионат мира по футболу.

⁶⁸ У Тан (1909–1974) – бирманский дипломат, генеральный секретарь Организации Объединенных Наций в 1962–1971 гг.

⁶⁹ Автобиографическая повесть написана Л.А. Кассилем в 1928–1931 гг., переработана и издана в новой редакции в 1955 г.

Погода отвратительная. То вдруг жара наступит, то холод и дождь. Абраму Яковлевичу невозможно обходиться без какой-либо деятельности, он непрерывно находит себе дела. Особенно много ходит. Была моя мама, а с ней вдруг мой двоюродный брат Вовка Семенов, музыкант-гитарист. Мы с ним не виделись, наверное, больше пяти лет, хотя он живет в Москве уже давно, правда, без прописки. За эти годы он стал более мордастым, но изменился мало.

Вечером в подвале были Ивица с подружками, Алик Киселев, Юра Никитин, а позже пришла Алка с Никитой Хубовым. Алка подарила Диме джинсы на день рождения 28 июня. Отлично на нем сидят, очень ему идут. Он, несмотря на свои сорок шесть лет, очень даже молодежavo выглядит. Но сердце у него болит непрерывно. Сегодня приехал из Бабушкина и около часа отлеживался.

24 июня 1970 г., среда.

Говорят, что Солженицына собираются лишить советского гражданства и будто бы даже оставили специальное место в газете для объявления, но почему-то раздумали. В Чехословакии никак не удается распясть Дубчека. В Лондоне на советском посольстве и других русских домах молодые евреи нарисовали шестиконечные звезды в знак протеста против арестов в СССР. Израиль передал десять фамилий арестованных.

Приходила Кларочка. Очень устало выглядит. Её отец умер совершенно неожиданно, за одну секунду. В подвал я не ходила, Димушка один ходил. Заходили Левитанские туда с какой-то своей знакомой девушкой, студенткой Литературного института.

26 июня 1970 г., пятница.

Дубчек исключен из партии. Как сказал Морис Лейти из Би-би-си: «Мы ожидали этого известия, но все-таки оно нас поразило». Диму тоже поразило. Меня не поразило, я считаю, что иначе и быть не могло. И что общего у Дубчека с теми сволочами, которые продали свою страну? Теперь главное, чтобы они не добились от него публичного покаяния. А они этого, я надеюсь, не добьются, если, конечно, не прибегнут к особым методам.

Говорят, что Твардовского после его шестидесятилетия вызвали в ЦК, где с ним «беседовали». Мягко журили за то, что он выступил в поддержку Жореса Медведева, то есть – влез не в свое дело, и из-за этого ему не присвоили звания Героя Социалистического Труда. На что Твардовский ответил: «А я и не знал, что Героя дают за трусость»⁷⁰. После этого он поехал в гости к Жоресу Медведю.

⁷⁰ А.Т. Твардовского вызвал секретарь ЦК КПСС, кандидат в члены Политбюро П.Н. Демичев, который сказал: «Мы, конечно, должны были дать вам звание Героя Социалистического Труда, но вы так себя ведете...» А.Т. Твардовский сыграл очень большую роль в вызволении Ж.А. Медведева из психушки. Узнав о его помещении туда, он сразу же вместе с В.Ф. Тендряковым отправился в Калугу, добился встречи с Ж.А. Медведевым, а у главврача потребовал его скорейшего освобождения. В связи с 60-летием А.Т. Твардовского наградили орденом Трудового Красного Знамени.

День рождения Вадима Сидура. Слева направо: Юрий Левитанский, Валентина Скорина, Вадим, Владлен Бахнов (1970). Фото: Эдуард Гладков

27 июня 1970 г., суббота.

Завтра Димушке стукнет сорок шесть лет. Нам об этом очень настойчиво напомнил Левитанец. И мы готовимся. Сегодня была жара. Каждый день мы с лоджии наблюдаем одних и тех же цыганок с малолетними детьми. Иногда, как сегодня, у них бывают удачные дни. Они очень активны и даже несколько агрессивны. Набрасываются на прохожих, которые редко, на поддаются. Еще одна их отличительная черта – если им подадут, они вместо благодарности тут же начинают вымогать дальше. Абрам Яковлевич их не любит, я отношусь с доброжелательным любопытством, а Дима с явной симпатией. Недаром они часто принимают его за своего. Абрам Яковлевич считает, что они паразиты и дармоеды. А Дима уважает их за то, что сквозь века сохранили свою свободу по-цыгански.

Дима много рисует, и очень даже неплохо. Вечером мы заехали в подвал, где нас навестила Алла Зайцева в новом замшевом жилете. Чем-то Алла напоминает клоуна. Она принесла бутылки с вином, которые приобрела по нашему поруче-

нию для завтрашнего дня рождения. «Мне хочется иметь такого мужчину, как Сидур», – сказала Алла. «Сидур один, – сказала я, – и он уже мой».

28 июня 1970 г., воскресенье.

Отпраздновали великий праздник – Димин день рождения. Гостей было много, только Кларочка не пришла из-за плохого настроения. Левитанские подарили рубашку и сервиз, мы его еще не видели, так как не развернули. Валька с Эдиком – чашки керамические с блюдецками, Владик с Нелей – рубашку в клеточку, Мима с Нёмой – лампы, Алка – джинсы, мама моя – торт, Боря Хазанов – пластинки, и Владик – пластинку. Оба они принесли Баха, Моцарта и Шопена – то, что мы с Димой любим больше всего. Последними пришли Гдаль с Витой и Гриней. Абрам Яковлевич на празднество не остался, его тоска забирала. С Левитанскими пришла совсем молоденькая девочка, смешной цыпленок в желтых брюках с цветочками. Она студентка Литинститута на отделении критики, по имени Валя⁷¹. Вроде бы влюбилась в Диму. Стала ревновать его к Алке. Ко мне, как к законной жене, почему-то никто не ревнует. Алка была в джинсах и белом пиджаке, красotka была сегодня невероятная. Она то ли почувствовала, что девочка на нее реагирует, и разошлась вовсю. Плясала, двигала ушами, поднимала одну бровь, изображала зайца, который просит морковку. Девочка так непосредственно стала страдать, что даже ушла, но недалеко, ее скоро вернули. Марина в перерыве между рюмками мне про нее кое-что рассказала. Девочка написала курсовую работу про стихи Левитанского и, таким образом, узнала их семейство. <...> Дима, конечно, доволен, потому что ему она тоже понравилась. А мне это не нравится, не потому, что я ревную. Я не ревную. Но не хочется, чтобы, не дай бог, это как-то отразилось на Юре. Во-вторых, девочка с большим приветом на вид, а Дима и сам достаточно «оригинальный» тип, чтобы связываться с детьми. Ей двадцать лет, но на вид еще меньше. Ужасно смешно и умилительно смотреть, как такие молодые девчонки так непосредственно выражают свои чувства на глазах у почтенной публики.

Завтра Диме предстоит еще одно празднество. Юнна Мориц уговорила Диму пойти с ней на пятнадцатилетие «Юности». Она сказала: «Юля – человек широкий, пойди со мной». С Сефом, конечно, она пойти не может, и отказаться не может, поскольку «Юность» ее печатает. Я с радостью согласилась, лучше ей пойти с Димой. Он не даст ей там вытворять над собой какие-нибудь фокусы. А мы с Аллой завтра пойдем в театр.

Сегодня позвонила Кларочка, сказала, что у Зинаиды Ивановны на могиле поставили загородку. Дима с усмешкой сказал мне: «Как жизнь устроена, испытываешь радость, что на могиле стоит, наконец, забор». Как бы мне хотелось, чтобы бог дал Димочке прожить еще тридцать лет. Мне бы хотелось, чтобы мы вместе с ним вместе встретили Новый, двухтысячный, год. Ему было бы семьдесят шесть лет, а мне шестьдесят. Чтобы, вступив в двадцать первый век и в но-

⁷¹ Имеется в виду Левитанская (Скорина) Валентина Георгиевна (р. 1948) – в то время студентка Литинститута. На пятом курсе вышла замуж за Ю.Д. Левитанского, в браке родились три дочери – Екатерина, Анна, Ольга. 14 января 1987 г. брак закончился разводом.

вое тысячелетие, мы бы легли рядышком, два немощных старичка, обнялись бы и умерли во сне без всяких мук. Это, конечно, если Земля еще будет существовать в те времена.

30 июня 1970 г., вторник.

Вчера ушла из театра «Современник» с пьесы «Чайка»⁷². Полная старомодная буза. Текст ничего, но постановка совершенно невыносимая – скучная и безвкусная. Алка осталась. Дима не пошел на юбилей «Юности». Сегодня оправдывался перед мамой Сефа. Я его понимаю, я бы тоже не пошла. Жрать что ли там, в духоте? Юнна, наверно, сильно обиделась. Она его долго ждала и наконец вызвала Сефа. Дима тут уж совсем не пошел. А Юнна с Сефом потом тоже ушли и пошли в Парк культуры. Дима в этот моемент культурно проводил время в подвале с девушкой Валей в желтых брюках. Он говорит, что показывал ей рисунки, а она вроде бы отметила, что всё его творчество отмечено легкой сексуальностью. На телефонные и дверные звонки Дима не реагировал.

Сегодня девица Валя в тех же штанах вновь появилась в нашем подвале в присутствии Димы, Клары, Абрама Яковлевича и меня. Она поссорилась с Левитанскими, потому что они выпили в ЦДЛ, а потом Валя зачем-то захотела войти в египетское посольство. Марина сказала, что она ее презирает. Валя, разобидевшаяся, сказала Диме, что хочет повеситься. После чего Дима пригласил ее в подвал, чтобы утешить. От девочки несло, как из винного погреба. Клара и отец ушли, а девочка почему-то очень хотела меня обнять. Но ей это было трудно, поскольку я не могу понять, почему такие, как она, хотят чтобы их любили все сразу – и мужчины, и женщины, а они чтобы любили только самое себя. Девочка неглупая и прогрессивная, но больно баба, а того, что из нее получится, слишком уж неясно. Возможно, что и ничего не получится, хотя она любит Анну Ахматову и Платонова. В наших условиях, чтобы чего-то достичь, даже при способностях, женщине нужно иметь больше мужественности и изворотливости, а не бить только на обаяние и повышенную сексуальность.

1 июля 1970 г., среда.

Дима сначала собирался поехать в Бабушкино, а потом так и не поехал. Две сволочи в худсовете решили ему снизить расценки, хотя им это и не нужно, а просто так, чтоб сделать гадость. Дима пытается добиться, чтобы пересмотрели, потому что всего два гада сделали это по собственной инициативе. С одним из них, Смирновым⁷³, Дима когда-то учился, а другая, Ольга Петровна, секретарь совета, просто сволочь по призванию плюс подруга Таньки Соколовой.

⁷² Последний спектакль, поставленный главным режиссером О.Н. Ефремовым в театре «Современник» в 1970 г. Сорежиссер В.П. Салюк. Художник С.М. Бархин. Актеры: Е.А. Евстигнеев, Т.Е. Лаврова, В.Ю. Никулин и др.

⁷³ Смирнов Михаил Николаевич (1926–2011) – скульптор. В 1945–1950 гг. учился в МВХПУ (Строгановском училище). В 1951–1952 гг. работал в составе бригады Г.И. Мотовилова по оформлению зданий и станций метро. Затем занимался в основном мелкой пластикой. Член МОССХ с 1952 г. Член правления СХ РСФСР (с 1975). Заслуженный художник РСФСР (1976). Народный художник РСФСР (1983).

Вечером пришли Алла и Анника. Мы с Аллой затеяли идиотский спор – хорошая ли женщина Жаклин Кеннеди. Я утверждала, что в ней ни фиги нет хорошего, баба, как баба, и единственное ее достоинство заключалось раньше в том, что Джон Кеннеди удостоил ее своим вниманием и сделал своей женой. Алла утверждала, что независимо сама по себе она прекрасная женщина. К тому же Алла утверждала, приводя в доказательство какие-то бредовые слухи, что Кеннеди жив. И доказывает это тем, что Жаклин к нему на кладбище не ходит. Это уж совсем с ума сойти. К тому же Алле «интуиция» подсказывает, что он жив. Спорили мы довольно раздраженно, за что я себя презираю. Мне это непростительно. В это время Анника с удовольствием общалась с Димой тут же, наедине. Анника пришла сегодня очень хорошенькая, подстриженная, со сверкающими глазами. В итоге она купила у Димы рисунок за 100 рублей. Я об этом узнала позже, когда мы уже ехали домой. Оказывается, Дима отказывался изо всех сил, но она убедила его тем, что всё равно деньги кому-нибудь отдаст. Причем выбрала из тех рисунков, которые уже у нее там, в Швеции. Дима хотел ей дать еще один здесь, окантованный, но она отказалась. Сказала, что не хочет ничего отсюда везти с собой.

2 июля 1970 г., четверг.

Дима ездил на совет, но сегодня мы так и не узнали, пересмотрели они или нет свое решение насчет снижения расценок. Дима решил ни в коем случае с этим не примиряться. Оказывается, посадив взяточника на десять лет, Лемпорт и Силис задели каким-то образом и Ольгу Петровну, поэтому, очевидно, она решила отомстить Сидуру, а им вроде бы расценки повышают, так как теперь их боятся.

Дима уже сильно продвинул памятник, который раньше предназначался Валерию Павлинчуку, а теперь, так как родные его отказались, потому что местные в Обнинске сказали матери Павлинчука, что не допустят ничего, что они не видели заранее на эскизе, Рита попросила Диму сделать что-нибудь другое, попроще. Этот памятник, действительно, для калужско-обнинского начальства будет вызывающим, и они его не допустят. Дима даже немножко рад этому обстоятельству, потому что скульптура такая отличная, что Дима хочет поставить ее в Переделкино Зинаиде Ивановне, а следовательно, и нам всем⁷⁴. Он хочет, чтобы ее потом отформовали в цементе с мраморной крошкой.

3 июля 1970 г., пятница.

Отвоевал Дима у совета свои деньги. Сволочи! Мы вместе поехали с ним в Бабушкино, потому что очень уж он себя паршиво чувствовал, не хотел ехать один. Возле Киевского вокзала толпа, человек с фиолетовым лицом лежит на асфальте, а солдат делает ему искусственное дыхание. На скульптурном комбинате огромное количество говна. Димин с Мариной рельеф – далеко не шедевр, но там выглядит вполне прилично на общем фоне, особенно та часть, «Отдых»,

⁷⁴ Этот памятник был установлен в 1973 г. в Москве на Новодевичьем кладбище на могиле академика Игоря Евгеньевича Тамма (гранит, 205×70×55 см).

которую больше пяти раз принимали. Дима должен лазить по лесам, высота семь метров. Я туда залезла – довольно-таки страшновато, и вообще, я еще раз убедилась, что эта деятельность не для Димы. Может он заработать и другими способами. Что симпатично на этом комбинате – это рыжий толщенный щенок Шустрик и его мама Матрешка. Живут припеваючи, все их кормят и любят. Из Шустрика пыль летит, если похлопать по спине, как из ковра. Еще подсобник Юра там, смешной, очень маленький человечек. Таскает Диме медные обрезки, Дима рад. Ехать в это Бабушкино даже на такси – не меньше, чем полчаса, а на городском транспорте больше часа только в один конец. И всё это по жаре. И сколько нервов вымотают Димины старые однокашники, бездарь на бездаре, зато все начальники.

Приехали в мастерскую, как в рай. Абрам Яковлевич подошел с борщом. Раскрыл Дима скульптуру – грандиозная вещь, достойная скульптора Вадима Сидура. Пришел Алкин приятель Владик, хочет чему-то научиться, снять фильм про Диму. Ничего мальчик, но уж больно дремучий. С ним надо, если заниматься, то только с самых азов. Но вроде времени жалко.

У Димы вдруг справа слюнная железа вспухла и стала болеть. Завтра с утра поедет к Вите Шейнбергу.

Радио глушат, как звери. Ничего сегодня не слышали.

4 июля 1970 г., суббота.

Мы прожили длинный-предлинный день. Встали очень рано, поехали в больницу к Витечке Шейнбергу, чтобы он сделал Диме разрез в слюнном протоке, но он сказал, что этого пока не нужно. Велел пить пилокарпин. У Димы, хоть и распухло, но все-таки болит терпимо. Приехали домой в страшной жаре. Димушка еще поспал. Отец все время куда-то ездил, что-то закупал по хозяйству. Абрам Яковлевич невероятно много делает по хозяйству. Благодаря ему нам с Димушкой намного легче. Жалко только, что он не бережет себя. Вместе с Эдинькой съездили на его машине в Алабино, отвезли туда белье, матрац и раскладушку. Нас трое, и еще на двоих, чтобы могли остаться переночевать. Там хорошо, в Алабине, но ужасно грустно. Дима еле сдерживался, чтобы не плакать, особенно, когда увидел столик с зеркалом Зинаиды Ивановны. На участке всё заросло, но я все-таки набрала немножко клубничек для Абрама Яковлевича. Катя, соседка, говорит, что там пошли слухи, будто бы мы дом продаем, и даже видели объявление в «Вечерней Москве». Соседи наши теперь тоже другие. На людей похожи, хоть их и много. Не то, что это чудище злобное Сашка, от него жена с ребенком убежала.

На обратном пути попали в потрясающую грозу, с градом. Мы ехали час, и целый час под проливным, почти не стихающим ливнем. Как Эдинька ехал! Вдоль обочины стояло огромное количество машин, которые не могли ехать из-за дождя. Мы же только один раз остановились, чтобы пожрать. Огромное количество воды пролилось. Диме сразу стало легче. Ехать было хоть и тяжело, но очень красиво. Отец тут за нас сильно волновался. Заехали сразу в мастерскую. Димушка открыл скульптуру. Я с ним рядом сидела, смотрела на нее. Я очень и очень люблю эту вещь. Мама моя приехала к нам домой, пока мы были в подвале,

за забытыми своими часиками. Привезла вкусные пироги. Она куда-то устраивается работать, а куда – держит в секрете. Мне жалко ее очень. Никак она себе места не находит.

Ходят слухи, будто бы Суслов на каком-то совещании осудил книжку И. Шевцова «Во имя отца и сына», назвал ее антипартийной⁷⁵. Будто бы он осудил антисемитизм, сказал, что за это надо наказывать, а евреев непризывного возраста и незанятых в военном производстве нужно выпускать в Израиль. Еще – будто бы он осудил кинофильм «Освобождение» за возрождение культа личности. Мы с Димой не верим ни в «прогрессивность» Суслова, ни в его порядочность и человечность тем более. Но мы думаем, что тысячная доля правды, может быть, и содержится в этих слухах, поскольку Брежнев представляет военщину, а Суслов – партийных аппаратчиков, и между ними идет явная борьба. Пока они между собой борются, нам, наверно, лучше, чем если победит кто-нибудь один. В «Правде» умилительная картина. На фотографии все наши мрачные вожди: Брежнев, Косыгин, Подгорный, в середине импозантный Герой Советского Союза фашист Насер⁷⁶ с космонавтами. Наши правители всегда испытывали слабость к национал-социалистам. Эта трогательная фотография войдет в историю также, как наш незабвенный пакт о дружбе с Гитлером.

5 июля 1970 г., воскресенье.

Все осадки пролились вчера, и сегодня опять было жарко. Моя мама наконец открыла тайну. Хочет работать в гостинице «Националь» – то ли посуду собирать в ресторане, то ли горничной. В горничные ей, конечно, больше всего хочется. Мне кажется, она зря это делает. В шестьдесят лет идут люди на такую работу только от большой нужды. Я только думаю, что мама скоро оттуда сбежит.

Мы с Димой целый день были в подвале, а потом к вечеру и Абрам Яковлевич подошел. Скульптура очень интенсивно продвигается. Дима сильно устал сегодня. Снова его слюнная железа вспухла, начинается это после еды. Не может Дима жить, чтобы что-нибудь его физически не мучило. В подвале у нас райское убежище. На днях получили письмо из Еревана от Дэвида Пайнса. Они всем семейством должны вернуться в Москву после 10 июля и хотят с нами пообщаться.

Дубчек где-то сделал заявление, что он правильно делал, ни в чем не раскаивается и с надеждой смотрит на свою судьбу и на будущее Чехословакии. Вот

⁷⁵ Роман выпущен издательством «Московский рабочий» в 1970 г. Парадоксальным образом консерватор и сталинист М.А. Суслов являлся одним из недругов И.М. Шевцова (еще большего консерватора и сталиниста), всячески препятствовал изданию его произведений (с 1965 г. до 1970 г. не был напечатан ни один роман) и даже вступлению в Союз писателей СССР (И.М. Шевцова приняли лишь в 1979 г.). Неприязнь писателя по отношению к М.А. Суслову была взаимной, он глумливо вывел его под именем Мирона Андреевича Серого в романе «Набат» (1978 г.). Естественно, что у И.М. Шевцова были в ЦК и покровители («Во имя отца и сына» опубликован усилиями члена Политбюро Д.С. Полянского). Примечательно, что по положению с публикациями И.М. Шевцова творческая интеллигенция могла судить об уровне «национал-патриотических» настроений во власти. (Об И.М. Шевцове см. примеч. к записям от 4 ноября 1969 г.).

⁷⁶ С 1968 г. Г.А. Насер неоднократно приезжал в Советский Союз на лечение. В июле 1970 г. он приехал в последний раз.

какой молодчага! А Гусак, старый болван, в «Руде право» написал, что Дубчека исключили из партии за то, что он во всем виноват и довел страну до экономического развала, поссорил с СССР и расколол партию. Не даром в 1968 г. по площади в Праге бегала гусыня с дощечкой, на которой было написано «Мой брат болван».

6 июля 1970 г., понедельник.

Кончилось Димино относительно сносное самочувствие. Сегодня он был уже по-настоящему болен. Плохо с желудком, слабость, сердце целый день болит. Съездил в Бабушкино, потому что не было солнца, но работать там было невероятно тяжело. Приехал домой и слег.

Мама моя завтра выходит на работу в гостиницу «Националь». Будет ездить с подносом в столовой для служащих гостиницы и собирать грязную посуду. Платить будут около семидесяти рублей. Надеюсь, что моя мама быстро оттуда сбежит, несмотря на свою неумную энергию.

Мы с Абрамом Яковлевичем читали вслух Платонова.

7 июля 1970 г., вторник.

Димушка хворает. Мы даже съездили в мастерскую и сходили с договором в ЖЭК. Нам, конечно, ничего не сделали. Но работать Дима так и не смог. Приехал к нам Алик Киселев, и мы все уехали. Алик звал нас в кино, но нам было не до кино. Так и разошлись – мы домой, а он – в кино.

Сегодня информация шла отлично. Брежнев не поехал в Румынию, сославшись на катар в горле, а самого видели вчера на футболе. Договор с Румынией⁷⁷ почему-то в последний момент не разрешили публиковать, хотя часа за два перед этим уже сообщили о коммюнике, где румыны настаивали на дружбе без вмешательства в их дела со стороны наших громил, а наши написали о взаимной военной помощи в случае нападения. На Румынию, кроме нас, никому и не нужно нападать. Через пару дней у нас вдруг собирают пленум ЦК. Американцы сказали, что якобы по вопросам внешней политики⁷⁸. Во всем мире очень серьезно говорят о нашем возможном столкновении с американцами на Ближнем Востоке. Будто бы наши уже установили там самые новейшие ракеты «Сам-3» и еще какие-то. И будто бы наши летчики уже начали там воевать⁷⁹. Никсон сказал, что они этого не допустят.

⁷⁷ Договор «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи» сроком на 20 лет с советской стороны подписал 7 июля 1970 г. в Бухаресте председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин.

⁷⁸ Пленум ЦК КПСС прошел 13 июля 1970 г. и был посвящен проблемам сельского хозяйства. Принял постановление по докладу Л.И. Брежнева «Очередные задачи партии в области сельского хозяйства».

⁷⁹ В феврале–марте 1970 г. была осуществлена крупная операция по переброске в Египет советских войск и вооружения, получившая кодовое название «Кавказ». Секретно доставили зенитно-ракетные комплексы и полки истребительной авиации. При отплытии транспортов из СССР советские офицеры и солдаты сдавали свои документы и переодевались в гражданскую одежду («специалисты по сельскому хозяйству»), а по прибытии в Александрию – в форму египетской армии. На советские военные автомобили прикреплялись египетские номерные знаки и т. д. С 1 апреля советские авиационные части приступили к боевым действиям. Скрыть всё это было невозможно,

Юбилейные монеты, на которых изображена голова Ленина, называют «картавички». У нас их уже двадцать девять штук, а Дима хочет набрать сто одиннадцать и положить в чулок на черный день. У нас уже в одном чулке лежат сто одиннадцать таких кругляшей с вучетичевским памятником в Берлине.

Моя мама, по ее словам, после первого рабочего дня еле добрела домой. Пока что она там никакой посуды не убирала, поскольку столовая еще не работает, не принята комиссией, а все работники мыли окна, отмывали грязь с пола, с кафеля и вообще просто работали уборщиками. Мне ужасно ее жалко. Зачем она себе придумала новые мучения?

8 июля 1970 г., среда.

Снова бабушка моя в Астрахани при смерти. Маме позвонили вчера ночью. Сегодня она отпросилась со своей новой работы на десять дней, а завтра улетает. Принесла к нам на хранение свою шубу. Мы с Димушкой были в ЖЭКе, взяли исправленный договор, а потом были в мастерской. Дима работал. Радио сообщает то же, что и вчера. Вечером нас посетили Инна и Валька. Кларочка по телефону еле говорит от огорчения жизнью. Уходя из подвала, встретили Яна Левинштейна. Давно не видела человека, который бы выглядел так омерзительно. Только Лемпорт может с ним сравниться. Они с Димой стояли рядом, и я только поражалась, до чего Дима красив и благороден, особенно по контрасту с ним. Валька это тоже отметила, когда он ушел.

Холодно вдруг стало и дождь шел. Сегодня Димушка значительно лучше себя чувствовал.

9 июля 1970 г., четверг.

Целый день ездили с Димой по делам: в ЖЭК, в МОСХ, наконец, приехали в мастерскую, но Дима не работал. Очень устал. Мама моя уже в Астрахань не летит – бабушке стало лучше. Мама моя собирается завтра вместе с Абрамом Яковлевичем в Алабино.

Получили письмо от Мичо Данойлича, что он послал нам два месяца назад газету «Борба» и «Книжевна новина», где было опубликовано семь скульптур и четыре Диминых репродукции⁸⁰. Это те самые газеты, которые Гдаль видел в щели в двери нашего подвала и не взял их, а потом кто-то спустился и унес эти газеты, какая-то сволочь, которой они вовсе и не нужны.

10 июля 1970 г., пятница.

Умерла моя старенькая бабушка. Маме позвонили и телеграфировали вчера ночью, и она вылетела в Астрахань. Димушка ездил в Бабушкино. Абрам

почти сразу о советском военном присутствии стало известно на Западе. Всего же к июню 1972 г., моменту вывода советских войск из Египта, там находились более 20 тыс. военнослужащих, СССР имел исключительное право пользования пятью египетскими морскими портами, восемью аэродромами, шесть из которых находились под полным советским контролем.

⁸⁰ *Književne novine* – белградский еженедельник Союза сербских писателей, выходящий с 1948 г.; *Borba* – белградская ежедневная общественно-политическая газета, выходившая в 1922–2009 гг. Речь идет о выпусках того и другого издания 23 мая 1970 г.

Яковлевич ходил целый день по хозяйственным делам, а потом тосковал и даже плакал потихоньку. Я целый день убирала квартиру и варила обед. Горячую воду очень некстати выключили.

11 июля 1970 г., суббота.

Были в гостях у Марины <Гореликовой>, которая только что вернулась из Дании. Были также Булат с Олей, очень красивой. Булат спел на магнитофон три песенки. Хорошо спел, но те старые песни лучше.

Моя мама так и не уехала в Астрахань. Перенервничала вчера, намучилась на аэродроме, но билета так и не достала. Приехала с утра к нам, вся измученная. Бедная моя старая мама. И смешно мне на нее и сержусь я, и жалко мне ее. Я, конечно, дочь плохая.

12 июня 1970 г., воскресенье.

Созвонились с Дэвидом Пайнсом, но поскольку сегодня он уезжал за город и мы могли бы увидеться только поздно вечером, перенесли свидание на завтра. Чтобы не терять время, поехали с Димой в Бабушкино. Он там невероятно много сделал и очень устал. Я ему помочь ничем не могла. Попробовала и только напортила. Зато там собаки, две изумительные дворняги, и худая кошка, тоже дворняжка, откуда-то появилась. Работал там также Мишка Смирнов со своей женой, член худсовета, очень важный член. Дерьмо какое-то делали привычное – всё солдаты. Там, на всем комбинате, одни солдаты с автоматами и почти ничем друг от друга не отличаются, хотя авторы разные. Вообще, я сегодня еще раз прошла по всему комбинату – убогость фантастическая. Для настоящего художника, только начни с ними компоноваться, это конец. Солдаты, Ленины, пионеры и физкультурники, других тем почти нет. Этот Смирнов со своей женой деньги гребут невероятные, по всему свету он ездил. Во время худсовета всем скульпторам дает ценные указания и поучает. При этом даже пытается быть обаятельным. Дима помнит его по Строгановке. Сейчас этот Смирнов тоже не упустил случая, чтобы сделать гадость. Во-первых, из-за него сразу не принимали, во-вторых, расценки снизили, в-третьих, он, наверное, знает, что такое Дима на самом деле и ему это не нравится. Правда, строит он из себя очень большого доброжелателя. Дима сказал, что он сейчас абсолютно не реагирует на то, что говорят все эти бездари из худсовета. Он десять лет с ними не связывался, и сейчас взялся за эту работу только из-за денег. Мы надеемся, что это в последний раз. Дима делает вид, что ему очень важны их замечания, обещает всё исправить. Оказал Мишке честь – попросил посмотреть его отдельно во вторник. Тот, небось, доволен. А для Лемпорта и Силиса это стало жизнью. Особенно для Лемпорта. Я даже помню его теорию: «Не всякий умеет работать на заказ». Я ему тогда сказала: «Не всякий хочет работать на заказ. К тому же – смотря на какой заказ».

13 июля 1970 г., понедельник.

Абрам Яковлевич и моя мама уехали в Алабино.

Мы встречались с Дэвидом Пайнсом и его детьми. Дэвид выглядит устало, а дети – как огурчики. Сузи простудилась и осталась в отеле. Был Юра Каган с

ними. Все бойко лопотали на иностранных языках. Девочка по-французски высказывала свои многочисленные идеи, которые возникают у нее в самой разнообразной романтической форме от слишком хорошей жизни. Я поражалась ее физической абсолютной внешней зрелости, несмотря на четырнадцать лет. В школе привыкаешь ко всем и не так обращаешь на это внимание, потому что надо учить их, и об этом больше всего думаешь. Дима подарил Дэвиду скалки, нарисовал специально для Кетрин рисунок, подарил ей еще один, который она выбрала машинально самый лучший. Мальчик сел и нарисовал портрет Эйнштейна со скульптуры. Парень удивительно симпатичный. Стали чуть-чуть проявляться мои слишком скромные познания в английском языке. Я кое-что понимала и даже спросила у парня: «How are you?» И он ответил: «Fine». Дима болтал невероятно. «А если б, – говорит, – мне еще два дня, я бы вообще отлично говорил». Он подарил еще Кону рисунок, чтобы Дэвид передал.

14 июля 1970 г., вторник.

Алика Киселева отсеяли сразу же на собеседовании во ВГИКе. Вонючие подонки! Им наплевать на его способности и таланты. Он отвечал слишком самостоятельно, а им этого не надо. Они уже давно решили, кого примут, и только Алик, наивный дурачок, никак не хотел этого признавать. Чем талантливее, интереснее и способнее человек, тем для них хуже. Ромма же самого не было. Мы долго Алика утешали. Я всё равно верю в него. Он обязательно пробьется и чего-то достигнет, хотя в нашем гадстве это нечеловечески трудно. Везде очень тяжело пробиться, не только у нас, но у нас особые условия для подлых, циничных, изворотливых, продажных, которым дорога широко открыта. Алик очень сильно вырос за эти годы, и с каждым днем ему становится всё труднее.

Димушка говорит, что он все время по несколько раз в день вспоминает Зинаиду Ивановну и просыпается по ночам, думая о ней. Он мне сказал: «Раньше я молился богу, а теперь говорю: “Мама, помоги мне!”»

15 июля 1970 г., среда.

Сегодня в этом чертовом Бабушкине произошло опасное событие. Громадную балку длиной 13 метров работяги подвесили под самым потолком на соплях, как раз над барельефом, где должна была работать жена Мишки Смирнова. И вдруг она обвалилась, тяжелая, несколько тонн тяжестью. К счастью, никого не убила, хотя одного отшвырнула на другие леса, а одного чуть-чуть прицепила, но он все-таки ушел домой своим ходом. Хорошо, что не было на ней Ритки, жены Смирнова. Все там перепугались ужасно. Хотя Дима говорил им, что балка плохо прикреплена. А если бы начали формовать, то тяжесть еще бы увеличилась. Какие у нас все-таки говнюки, делают халтурно. И сегодня ходил какой-то проверяющий по технике безопасности, которому демонстрировали на других местах, как всё хорошо устроено. И рельеф, где Дима с Мариной работают, тоже трудно делать, леса неудобные. В воскресенье Дима буквально висячем положении, держась левой рукой за стояк, больше часа ковырял физиономию у центральной фигуры. Но зато в другом плане Дима вроде бы договорился со многими членами худсовета, чтобы они не особенно вякали. А Смирнову

даже оказал особую честь – попросил посмотреть сегодня и сделать свои замечания. Потом тот сказал, что у него нет никаких замечаний и завтра он будет «за». И то хорошо. Возможно, что завтра примут.

Дима хотел позвонить М.И. Ромму насчет Алика, но позвонил Митте. Тот сказал, что с Роммом Алику почти не удастся встретиться, но обещал помочь, чем сможет. Он, оказывается, набирает в декабре группу на Высшие режиссерские курсы⁸¹. А Алику туда ужасно хочется, но у него нет высшего образования, которое там необходимо, а есть всего лишь среднее актерское.

Димушка простыл, снова поддевал махеровый шарф под поясницу.

16 июля 1970 г., четверг.

Приняли, слава богу, этот чертов рельеф. Осталась одна злосчастная балка, чуть было не наделавшая столько беды.

Вчера я говорила с Юнной. Она очень тепло со мной разговаривала. А сегодня Дима с ней почти час беседовал. Вышли уже гранки ее книги, пока без обложки и супера, но скоро будет тираж. Вчера мне Юнна говорит: «Ты, Юлька, всё такая же розовенькая?» А я отвечаю: «Нет, я несколько желтовата». Юнна засмеялась: «Что-то в твоём голосе появились не свойственные тебе интонации. У меня ведь уже сложился твой образ». Юнна меня несколько идеализирует. Мне даже неловко. Сегодня она рассказывала Диме, что говорила, как она его любит, Борису Жутовскому⁸², а Жутовского зачем-то поддъебывала. Мы ей сказали, что это ни к чему. Жутовский – ничего художник. Он сказал, что он знаком с Димой и был у нас в мастерской, но мы почему-то об этом не помним.

17 июля 1970 г., пятница.

Вдруг сделалась невообразимая жара. Мы бы уехали сегодня в Алабино, если бы не Юра Левитанец. В подвале – рай. Валька своим ужасным бледным видом подчеркивала здоровье загорелого и крепкого Эдика. Кларочка все-таки пришла. Сначала показалась невероятно эффектной в красной юбке и в белой блузке, а потом стало видно, до чего у нее измученный вид.

С Левитанским было начальство из журнала «Дружба народов». Юра упорно пытается Диму публиковать. Главный начальник, Николаев, без руки, много рассказывал и довольно интересно, про то, где он был в других странах. При этом он живописно взмахивал обручком правой руки с пустым руковом и был похож на Диминых инвалидов. Ему и его товарищу всё очень понравилось и он смотрит на осуществление кое-каких публикаций, как на реальное дело. Мы сидели до поздна. Дима очень недоволен, как всегда после таких, в общем-то, пустых вечеров. Николаев стал изо всех сил ухаживать за Аллой. Предлагал ей приехать за ней к нам в Алабино на черной «Волге», увезти ее есть ногу изюбря. Алла оказалась очень стойкой и сказала, что поедет только с нами. У Николаева

⁸¹ Высшие двухгодичные курсы сценаристов и режиссеров – учебное заведение, дающее квалификацию кинорежиссера или кинодраматурга. Существует в Москве с 1960 г.

⁸² Жутовский Борис Иосифович (р. 1932) – живописец, график, портретист, книжный и журнальный иллюстратор. Член МОССХ с 1969 г.

Вадим Сидур и Юрий Левитанский. Фото: Эдуард Гладков

дома всякие звери: обезьяна, кошка и собака. Он рассказал, что у него две собаки умерли от рака крови. Он живет рядом с нами, в доме, где жил Изольд. Врачи сказали ему, что это от нашего Дорхимзавода⁸³, и что будто бы этот факт уже учтен врачами, но почему-то Дорхимзавод никто не собирается никуда девать.

Пришел к нам архитектор Ленья Штутман. Дима встретил его с женой. Говорит, что невероятно симпатичная женщина. Она поехала куда-то по делам, а он с пол-литром пришел к нам.

18 июля 1970 г., суббота.

Выбрались в Алабино с Аллой. Еще в Москве, вернувшись из магазина, смотрю – сумка хозяйственная с зонтиком, а в ванной журчит вода. Оказывается, отец и моя мама вернулись. Мама позвонила уже из дома, а отец помылся и тут же поехал с нами назад. В Алабино хорошо, тем более что в Москве было 32°, а завтра обещают 33.

Пока гуляли, Алла изображала всех – от обезьяны до овцы.

19 июля 1970 г., воскресенье.

Мне тридцать лет. Мы вчетвером в Алабино с Аллой. Потом приехала моя мама. Я ни минуты не сомневалась, что она появится. И, действительно, появилась с тортом «Прага». Мы хорошо прожили сегодняшний день и разбили нечаянно блюдце на счастье. У меня было желание и неожиданно много сил варить, чистить клубнику, поливать и вообще, заниматься физическим трудом. У меня такие желания крайне редки. Чаще брожу полудохлая и тоскую сама не знаю отчего. Я с сегодняшнего дня, можно сказать, вполне зрелый человек. Алка – хорошая девка. Вдруг сегодня выяснилось, что она училась в ГИТИСе на актерском факультете. То-то она иногда так лихо кривляется, это там научилась. Абрам Яковлевич накинул белый пиджак, когда провожали мою маму на станцию. Я очень люблю его и даже без него скучаю. Ему с нами намного легче, он постепенно отходит. Дима шарлатанит в гадании девицам всегда с одинаковым успехом. Он Алке что-то врет по левой руке, а она слушает во все уши и верит.

Прочли тринадцатый номер «Хроники самиздата». Такое движение по нашей стране, куда там! Нас потрясли стихи одной девочки, Валерии Новодворской, студентки Иняза второго курса, которая распространяла листовки во Дворце съездов⁸⁴.

⁸³ Крупный Дорогомиловский химический завод им. М.В. Фрунзе, существовавший еще с 1925 г. на Бережковской набережной (дом Вадима и Юлии стоял в километре от него), постоянно выпускал из огромных труб густые, едко пахнущие клубы желтоватого дыма. Среди прочего, Дорхимзавод занимался производством боевых отравляющих веществ для военных нужд.

⁸⁴ Новодворская Валерия Ильинична (1950–2014) – журналистка, политический деятель, диссидент. 5 декабря 1969 г. распространила 125 экземпляров написанных под копирку листовок со своими стихами в Кремлевском Дворце съездов. Была арестована и по определению суда с июня 1970 г. по февраль 1972 г. находилась на принудительном лечении в психиатрической больнице. Об этой истории сама В.И. Новодворская ярко рассказала в книге «По ту сторону отчаяния» (М., «Новости», 1993). Юлия приводит стихи по публикации в «Хронике текущих событий» (Вып. 13. 30 апреля 1970).

Юлия рядом со скульптурой «Бабий Яр». Фото: Эдуард Гладков

Юбилейно-конституционная

Спасибо, партия, тебе
 За все, что сделала и делаешь,
 За нашу нынешнюю ненависть
 Спасибо, партия, тебе.
 Спасибо, партия, тебе
 За рабский полдень двоедушия,
 За лень, измену и двудушие
 Спасибо, партия, тебе.
 Спасибо, партия, тебе
 За этот вымысел и ложь,
 За все портреты и доносчиков,
 За выстрелы на Пражской площади,
 За все, что ты еще сотрешь.
 За рай заводов и квартир,
 На преступлениях построенных
 В застенках старых, и сегодняшний
 Расколотый и черный мир.
 Спасибо, партия, тебе
 За наше горькое неверие
 В обломки формулы, потерянной
 В туманной предрассветной мгле.
 Спасибо, партия, тебе
 За нашу горечь и отчаянье,
За наше подлое молчание
 Спасибо, партия, тебе.
 Спасибо, партия, тебе
 За тяжесть обреченной истины
 И за боев грядущих выстрелы
 Спасибо, партия, тебе.

20 июля 1970 г., понедельник.

Моросило несколько часов подряд. Мы воспользовались непогодой и уехали. Отец не хотел, остался. Моя глупая мама пошла-таки на работу, вместо того, чтобы уволиться, как мы вчера договаривались. Уезжать не хотелось, но Диме необходимо кончать дела с чертовым Бабушкиным, а Алке – на работу. У Алки правая лопатка выпирает. В пятнадцать лет она попала в аварию, будучи с парнем на мотоцикле, и пролежала год в гипсе. Лицо у нее суровое и мужественное. Дима говорит, что еще более мужественное, чем у меня. Но вообще, она хорошенькая и к ней пристают как мужики, так и бабы.

В Москве холодный ветерок. Дома у нас пыльно и душно. Уехали в подвал. Повидались с бронзовым Эдиком. Он теперь будет зарабатывать в месяц рублей двести. Это совершенно прекрасно, что он своим делом будет зарабатывать. Затем пришел Леня Штутман со своей новой женой. Очень милая женщина. У нее, оказывается, годовалый ребенок. А самое смешное, что эта женщина хочет сменить свою законную русскую фамилию на еврейскую – Штутман, несмотря на связанные с этим очевидные осложнения.

Дима работал над памятником. Он постепенно заканчивается. Совершенно прекрасная скульптура. Заехала к нам Рита Янус. Одобрила новый проект памятника своему мужу, ей очень понравилось. У Димы есть подходящий кусок мрамора, поэтому с камнем забот меньше, но дело затягивается на целый год.

21 июля 1970 г., вторник.

Целый день мельтешили по делам, а вечером уехали в Алабино. К нам домой приехала Кларочка и помогла уехать. Мы нагрузились, как ишаки, поскольку прибыли на неделю. Мама моя работает посудосборщицей и, судя по бодрому голосу, довольна. Надолго ли хватит молодого задору в шестьдесят лет. Абрам Яковлевич нас не ожидал и сильно обрадовался.

Французские литераторы предложили дать Нобелевскую премию в этом году Солженицыну. Я думаю, что ему присудят. На заводе «Шкода» рабочие избили партийных активистов.

Дима ежедневно таскает домой металлолом. Половина моего балкона занята красивыми ржавыми шедеврами, до которых маэстро никак не доберется. И даже микробов не боится.

25 июля 1970 г., суббота.

Живем в Алабине. Никакой жары нет в помине, даже холодновато. Надеваем на себя всякое тряпье и выглядим очень смешно. Дима кажется мне опухшим и обросшим. Он делает скульптуру из бревна. Скульптура эротическая. Абрам Яковлевич все время с нами. Сегодня у него сердце болело. По вечерам смотрим многосерийный польский боевик о времени оккупации⁸⁵. Ерунда, но оторваться невозможно. На экране всё мелькает и троеится, но мы упорно смотрим. Здесь тихо, живем несуетливо. Вчера гуляли, я нашла одну сыроежку. Приходят разные кошки. Старушка черная, которую Дима увековечил на своих рисунках, приходит сытая. С ней дочка, хорошенькая кошечка с белыми лапами и красным носом, а сама вся черная.

26 июля 1970 г., воскресенье.

Купили роскошные яйца у «яичной бабушки». Видели в лесу возле дома рыженькую белочку с черным пушистым хвостом, она ела гриб. Дима работает целыми днями над своей дыной. Абрам Яковлевич обрубает лишние ветки у яблонь. У соседей маленькую девочку зовут Юля. Когда ее окликают по имени, я всё время оглядываюсь. Приходил Мишка Курносиков, налил воды в бачок. Теперь можем протопить, если заохлодеем. Потом я этого Мишку видела в магазине, где он без очереди получил пол-литра. Водка, несмотря на подорожание, всё также популярна. Поразительно, до чего много стало людей в Алабино. Дома стоят густо, участки налеплены. Когда вышли из поезда, с нами сошло, наверно, не меньше полвагона.

⁸⁵ Речь идет о 18-серийном приключенческом художественном фильме «Ставка больше, чем жизнь» (1967–1968). Реж. А. Кониц, сценарий А. Збых, в главной роли Станислав Микульский.

28 июля 1970 г., вторник.

В Москве были в девять вечера. К большому неудовольствию Абрама Яковлевича сорвались в гости к Юнне Мориц. Вышел сигнальный экземпляр книжки. Сеф был полуголый, Юнна, как пионерка, в синих шортиках. Еще у них была Марта Цифринович⁸⁶, кукольная артистка. Мама Сефа уехала отдыхать. Книжечка – вполне ничего. Они могли бы ее еще больше испортить. А стихи Юнны, несмотря на всякие цензурные искажения, совершенно прекрасны. Медведев, художественный редактор, засранец, написал: «художник Д. Сидур», вместо «В. Сидур», хотя ему сто раз говорили. Юнна выглядит неважно. Как говорит Марта, «накрученная». Рассказала, как в ЦДЛ обругала Лемпорта и Силиса каким-то художникам. Они сказали, что Сидур «функционален» и «недаром от него ушли» Лемпорт и Силис. Юнна сказала, что Лемпорт и Силис – «привокзальные бляди». Когда они спросили: «Почему вы решили дать книгу Сидуру?» Она ответила: «Это не я решила, это бог решил». Как нам Марта рассказала, Юнна еще безо всяких оснований ревнует Сефа. Дима считает, что они могут расстаться, если Юнна его чересчур припечет, а мне кажется, что Сеф никуда не денется. Оказывается, как сегодня выяснилось, он подписал письмо в защиту Даниэля и Синявского, но после этого его почему-то пустили в Англию, это, безусловно, странно. Юнна, Юнна, храни тебя бог!

29 июля 1970 г., среда.

Погрузились в московскую жизнь. Дима ушел в мастерскую, работал там над памятником. Алка подарила мне рубашку всю в цветочках. Мне рубашка велика, а на Диму в самый раз. Пусть ходит в цветочках. Читали с Абрамом Яковлевичем Платонова вслух.

30 июля 1970 г., четверг.

Сегодня окончательно приняли барельеф в Бабушкино. Дима приехал вероятно довольный. На какое-то время мы можем быть свободны и пожить в Алабино. Витя с Ниной Гинзбурги уезжают 4 августа в Англию в какой-то университет на «С», где Вите присудят звание почетного доктора и наденут на него красную мантию и шапочку.

Кларочка к нам приходила. Сказала, что на днях видела Александра Исаевича, на радостях с ним обнималась и целовалась. Говорит, что он совершенно великолепно выглядит, и сказал ей, что ест теперь в два раза меньше, чтобы не толстеть. Ездит он на стареньком «Москвиче» первого выпуска.

31 июля 1970 г., пятница.

Завтра хотим уехать в Алабино, опять на неделю. Приехал Эдик, худой и чем-то говнистый. Вечером были у Гинзбургов. У Нины болела голова, а Витя выглядел вполне прилично.

⁸⁶ Цифринович Марта Владимировна (1924–2009) – кукловод. С 1951 г. артистка эстрады. Известность получила, придумав (в 1955) сатирический кукольный персонаж – «кандидата околосельских наук» Венеру Михайловну Пустомельскую.

Я в миноре. Как Дима говорит, как будто в оцепенении. Есть моменты, когда чувствую себя весьма фигово, непонятно отчего.

1 августа 1970 г., суббота.

Уехали в Алабино. Здесь хорошо, только с соседнего участка чем-то воняет, сортиром воняет. Малина роскошная здесь, я еле от нее оторвалась. Навьючились мы сегодня – что-то невероятное. Непонятно, как добрались.

2 августа 1970 г., воскресенье.

Занимались сбором и переработкой смородины на витамин. Дима принял за второе бревно. Пока еще неясно, что из него будет. Я хочу переселиться на террасу, чтобы иметь свое логово.

Густо идет заграничная информация. Прослушали уже несколько раз по «Свободе», Би-би-си и «Голосу Америки» интервью, взятое у Петьки Якира, Андрея Амальрика и Владимира Буковского⁸⁷. Особенно мне понравился Буковский, говорил спокойно, интеллигентно. И не верилось, что он был и в лагерях, и в тюрьмах, и в сумасшедшем доме. Кроме того, Алик Гинзбург ухитрился переслать из лагеря магнитофонную пленку со своим голосом. Сегодня мы порадовались: французским засранцам из русской секции, вещающим на СССР, какой-то человек прислал письмо о том, что их передачи – полное говно, а Виктора Галана, их директора, он назвал «королем пошлости»⁸⁸. Их это задело и они без конца говорили такие слова, как «мерзость», «грязь» и так далее. Очень приятно. Дима правильно говорит, что де Голль всего за несколько лет превратил такую страну, как Франция, в ничтожную, мешанскую провинцию. Правда, их подконтрольное радио не может отражать всей страны, также, как наши управители тоже не отражают нашей действительности, несмотря на всю чудовищную ложь, которой они сами себя опутали.

3 августа 1970 г., понедельник.

У меня теперь свой кабинет. Разобрали веранду от старого хлама, сделалась прекрасная комнатка для меня. Теперь для каждого из нас свои апартаменты.

⁸⁷ Буковский Владимир Константинович (р. 1942) – писатель, публицист, общественный деятель, один из первых диссидентов. Лидер «Маяковки» в 1958–1961 гг. Неоднократно арестовывался, впервые – в 1963 г. (затем год провел в психбольнице). В 1965 г. организовал в Москве демонстрацию в защиту А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля. В марте 1971 г. арестован в очередной раз (за «антисоветскую агитацию и пропаганду»). Тогда же в «Правде» появилась статья, в которой В.К. Буковский был назван «злостным хулиганом». 5 января 1972 г. приговорен к семи годам заключения (с отбыванием первых двух лет в тюрьме) и пяти годам ссылки. В декабре 1976 г. был обменен на находившегося в заключении в чилийской тюрьме генерального секретаря Компартии Чили Л. Корвалана. С 1977 г. живет в Англии. Продолжает заниматься политической деятельностью. В 1992 г. ему вернули российское гражданство.

⁸⁸ До 1974 г. во Франции существовала государственная монополия на радио- и телеэфир, частные станции были запрещены. Управление французского телерадиовещания (ORTF), осуществлявшее среди прочего и радиопередачи на русском языке, являлось государственной организацией, подчинялось непосредственно президенту и премьер-министру, и следовало установкам властей – не портить отношений с СССР, сосредотачиваться в передачах на французских делах. Из-за отсутствия какой-либо критики советского руководства, эти передачи никогда не подвергались глушению в СССР. Правительство назначало и всех директоров своего радио.

Целый день мы что-то делали. Дима ковыряет новое бревно. Все втроем перерабатывали смородину. Абрам Яковлевич второй день чувствует неожиданные приступы голода и обильно покрывается потом. Он невероятно активно участвовал сегодня в очищении веранды и, очевидно, перетрудился.

Здесь очень здорово жить в смысле информации, только успевай слушать. Мы слушаем подряд Францию, Канаду, Би-би-си и «Голос Америки». Кроме того, сейчас очень хорошо пробивается «Свобода».

4 августа 1970 г., вторник.

В Праге появились листовки с призывами бойкотировать всякую общественную жизнь 21 августа, во вторую годовщину советской оккупации.

Черная кошечка с белыми лапками целый день присутствует у нас на участке. Ее подружка, серо-белая соседская кошка, совсем дикая, к ней даже приблизиться невозможно, по глазам видно, что дикий зверь. Я тоскую, что 25 августа надо возвращаться на работу. Ужас, до чего неохота. Читаем с Димой Томаса Манна «Волшебная гора». Отличный роман и великолепный писатель, умный, интеллигентный, как будто бы наш современник. Удивительно, что Германия наряду с такими людьми, как Томас Манн и другими гениями, породила такое чудовище, как Гитлер и ему подобных крокодилов.

5 августа 1970 г., среда.

Дима начал лепить абстрактную стенку для Морфологического института⁸⁹. Ему очень хочется сделать такую стенку, ничего получается.

Кошка черная еще ребенок, но сегодня громадный котиче, наглый насильник, пытался ею овладеть на моих глазах. Мы с кошкой его прогнали, но она, бедняга, сильно перепугалась и закричала. Жить здесь хорошо. С утра ходили гулять все втроем. Снова видели очень ярко-рыжую белочку. Невероятно пахло хвоей. Нашли пять грибов: один шампиньон и четыре сыроежки.

В Чехословакии наконец дошли до антисемитизма сверху. Мы всё ждали, когда они до этого дойдут, и дождались. Всё по плану. Надо кого-то обвинить во всех неполадках, тут евреи и выручают.

6 августа 1970 г., четверг.

Сегодня было жарко, думали, что будет гроза, но она так и не разразилась. Димушка плохо себя чувствовал. Он лепит стенку. У нас целый день пребывает черная кошечка, она веселенькая и ласковая, нам от нее весело. Подружка ее, дикая соседская красotka, тоже приручилась. Я ее покормила и она далась погладить и даже на руки пошла. Они у нас на участке весь день играли вдвоем. Закончили делать из смородины «витамин», получилось четырнадцать банок. Помаленьку истощаются продовольственные запасы. Но вообще, здесь благодать. Мне бы хотелось тут жить безвыездно еще месяц по меньшей мере, но не выйдет.

⁸⁹ Научно-исследовательский Институт морфологии человека АМН СССР (ПАМН) в Москве, в Черемушках, на ул. Цюрупы, 3.

7 августа 1970 г., пятница.

Дождь начался очень рано, а потом весь день не прекращался. Дима рубил дерево в комнате. Несколько раз радовался своим успехам и тут же разочаровывался. В такую погоду уже не хочется здесь жить безвыездно.

8 августа 1970 г., суббота.

Мы с Зайцевой Аллой лежим на веранде. Сегодня моя мама, а потом Алла прибыли одна за другой. Сразу у нас стало шумно. Мама моя уже доходит на своей работе и подала заявление об уходе. Всё случилось, как я предполагала. Выглядит она очень неважно и не радуется ни кормежка почти бесплатная, ни зарплата в шестьдесят рублей.

Невероятная и страшноватая новость – эпидемия холеры распространена по нескольким городам: Астрахань, Одесса, Ульяновск, Сухуми, Батуми и Баку. Вернее, вроде бы эпидемии пока нет, но есть случаи заболевания. В этих городах объявлен карантин⁹⁰.

9 августа 1970 г., воскресенье.

Уехали в два часа гости – и Алла и моя мама. Осень надвигается очень ощутимо. Было солнышко, довольно горячее, но уже много пожелтевших листиков на соседской рябине и на нашей маленькой вишенке. Алка поехала в другие гости, на дачу тоже, только по Северной дороге. Димушка расчихался, сердце у него болело. Приходил в дым пьяный Мишка Курносиков. Громким голосом плел всякую чепуху, что называется у Достоевского, «куражился». Бесперывно апеллировал к Абраму Яковлевичу: «Абрам Яковлевич, вы меня извините... Вы люди умные, способные». Потом начал ругать власти. Сказал: «Зря они народ обижают». Человек он несчастный и неприятный. Трезвый молчит, а пьяный агрессивен и куражится.

Дима закончил эскиз стенки.

10 августа 1970 г., понедельник.

Был совершенно прекрасный день. Мы в полном смысле этого слова отдыхали. Снова приходили люди справляться, не продаем ли мы дом. Уже в который раз. После обеда приехала машина с тесом. Дима с отцом решили строить еще одну сараюху, чтобы там хранить всё барахло. Тот же Мишель Дебре, как его называла Зинаида Ивановна, трезвый, перетаскивал доски и угрюмо молчал. Соседский старичок восьмидесяти пяти лет успел невероятно много рассказать

⁹⁰С конца июня 1970 г. холера была зарегистрирована в 32 населенных пунктах СССР. Во многих городах началась паника, в Одессе, например, тысячи человек, стремясь выехать, бросились на вокзал и в аэропорт в первые же минуты после известия о холере. Уехать стало практически невозможно после того, как был объявлен карантин и для его обеспечения привлечены войска. Эпидемия закончилась в ноябре 1970 г., но ее вспышки продолжились и в 1971–1973 гг. Распространение холеры стало возможным в то время из-за нарушения элементарных санитарных норм – сброса сточных вод в Волгу и в Черное море и из-за отсутствия очистных сооружений, строительство которых началось по специальному постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР только в марте 1972 г.

Абраму Яковлевичу о своей жизни, пока стоял у ворот, наблюдая за тесом. Он слепой, к тому же у него белокровие, так как он жил в Казахстане под Семипалатинском, где производят ядерные испытания, и там у очень многих людей белокровие. Еще он рассказал, что сам – сын ссыльного еще до революции, был знаком с Абаем⁹¹, что говорит по-казахски, и еще много чего.

Кошка черненькая, можно сказать, поселилась у нас на участке. К ночи пришла ее подружка Пушок.

11 августа 1970 г., вторник.

Про холеру радио сообщает неутешающие новости. Практически ее завячен весь юг и все время прибавляются новые города. Есть сведения, что она перебросилась уже на Румынию. Анекдот про холеру в Одессе сделался более чем актуален⁹², и смех по этому поводу становится циничным.

У нас подошли к концу все продукты, но жара 29 градусов и уезжать ужасно не хочется. Я прогулялась в Петровское, кое-что купила, но там, естественно, нет ни мяса, ни овощей.

Мы с Димой удивились, обнаружив сегодня, что черная кошечка оказалась котом с крошечным пенисом. В погоде намечаются явные изменения, потому что у Димы сердце болит.

12 августа 1970 г., среда.

Еще в Алабино Диме сделалось очень плохо с сердцем. Мы думали даже, что не сможем поехать в Москву, хотя нам это совершенно необходимо. Жара страшнейшая. Отец ходил к «яичной бабушке» и по дороге ему тоже сделалось плохо с сердцем. Он еле до нее добрел. Вечером мы все-таки уехали. Москва поразила нас полным отсутствием кислорода. Квартира наша была закупорена и сильно воняла лаком. Дима решил лечь в лоджии, посмотрим, как это у него получится. Обещают дожди, грозы и похолодание.

13 августа 1970 г., четверг.

Димушка так и не стал спать в лоджии. Он там чихнул, испугался и пришел ко мне. Сказал, что у меня лучше всего и остался на моей тахте, а я ушла к нему. Сегодня целый день хмурилось, температура снизилась. Один раз даже поднялась пыльная буря. Дождя так и не было. Чуть-чуть покапало и перестало. Дима сделал кое-какие дела, самые неотложные.

Французы сообщили, что из-за холеры закрыта наша граница с Польшей. Вчера в Алабино наша соседка Катя сообщила, что будто бы в Петровском в больнице лежали двое холерных больных.

Алик Киселев вернулся из Алушты, где отдыхал. Говорит, что оттуда выпускают, а туда не пускают. Он себя очень плохо чувствует, у него явно плохо с копчиком. Володя Бураковский в Швеции.

⁹¹ Абай Кунанбаев (1845–1905) – казахский поэт, философ, просветитель, общественный деятель.

⁹² В Одессе эпидемия холеры. Умирает старый еврей и просит доктора позвать священника, чтобы продиктовать завещание. На удивленный вопрос, почему он зовет священника, а не раввина, еврей отвечает: «Доктор, ну что вы такое говорите? Ребе – в холерный барак!»

14 августа 1970 г., пятница.

Приехал Алик, черный, как негр. В Москве находится его друг-мексиканец, который путешествует по всему миру и говорит на десяти языках.

Ходят слухи, что в Москве насчитывается уже восемь случаев заболевания холерой. Ветер очень холодный. У Абрама Яковлевича сильно усталый вид.

15 августа 1970 г., суббота.

Проторчали в подвале почти до часу ночи, еле успели на метро. В гостях у нас был Бранко с югославами и Юра Левитанец с певицей Еленой Камбуровой⁹³ и ее парнем, очень умным мальчиком. Валька с Эдиком пришли и Алка в белом костюме. Камбуrowa невероятно здорово спела «Шумел камыш». Я в первый раз услышала эту песню до конца. Хорошая, красивая песня.

Только что сегодня узнали, что уже почти месяц тому назад умерла Елена Сергеевна Булгакова.

Когда все югославы ушли, один из них, профессор из Сорбонны, остался и много разглагольствовал. Первый раз в России, а по-русски говорит совершенно отлично. Рассказал много интересных фактов, например, о записях Романа Роллана, где тот записал свои беседы со Сталиным и с Горьким, а также споры со Стефаном Цвейгом. Цвейг понимал больше Роллана, потому и покончил с собой.

Моя мама сообщила, что переводится в горничные, делать ей нечего.

Le 16 août, dimanche.

On est resté chez soi toute la journée. Le professeur d'hier de la Sorbonne nous a téléphoné. Après quelques mots de remerciements sur la soirée il a demandé le téléphone d'Alla. Dima le lui a dit. Ce prof. est laid comme crocodile. Alla a ri mais est restée contente, même elle lui a promis un rendez-vous si elle ne part pas après-demain à la mission de sa télévision.

Il faisait très mauvais. Demain nous n'allons pas à Alabino.

Les Tchecoslovaques se préparent à l'anniversaire de l'occupation par nos fascistes.

Les vers de Levitanski sont publiés dans le dernier livre № 6 de «Новый мир»⁹⁴. Pas mal⁹⁵.

17 августа 1970 г., понедельник.

Кларочка рассказала вчера, что два раза виделась с А.И. Солженицыным. Выглядит он хорошо, но нервничает, потому что ходят упорные слухи, что его

⁹³ Камбуrowa Елена Антоновна (р. 1940) – певица, актриса. Народная артистка РФ (1995).

⁹⁴ Опубликовано шесть стихотворений из книги «Кинематограф».

⁹⁵ 16 августа, воскресенье. Целый день оставались дома. Позвонил вчерашний профессор из Сорбонны. После нескольких слов благодарности за вечер он спросил номер телефона Аллы. Дима ему его назвал. Этот профессор уродлив как крокодил. Алла посмеялась, но была довольна и даже пообещала ему свидание, если не уедет послезавтра по заданию своего телевидения. Погода очень плохая. В Алабино мы завтра не поедem. Чехословакия готовится к годовщине оккупации страны нашими фашистами. В последнем номере, № 6, «Нового мира» опубликованы стихи Левитанского. Неплохо.

могут изгнать из России. Сказал еще, что теперь ест в два раза меньше, чем раньше. Клара говорит, что и раньше он мало ел. У него повышено давление и несколько раз у него были приступы, когда очень болела голова и всё лицо делалось невероятно красным. Его врач сказал, что надо меньше есть. Кларочка с ним целовалась, она теперь всегда с ним целуется при встрече. Говорит, что с ним невероятно тяжело разговаривать – беспрерывно смотрит на часы и повторяет: «Короче, пожалуйста».

Снова в подвал не ходили. Алка получила от профессора письмо, где он называет ее представителем лучшей русской современной интеллигенции и просит ее прийти к нему в номер, а также звонить ему по телефону. Мы посмеялись профессорскому хамству.

Мерзейшая холодная и сырая погода. Люди на улицах перешли на осеннюю форму одежды. Мою маму перевели в горничные. Она еще не работала, поэтому пока довольна. Дима рисует.

18 августа 1970 г., вторник.

Забывают, гады, иностранное радио по-страшному. Второй день ничего толком не можем услышать.

Моя мама горничная. Пока довольна. Работа легче, чем в столовой. Долго рассказывала, как устроены номера. Сегодня пообедала на семьдесят шесть копеек, а вчера – на шестьдесят копеек. Помидоры и огурцы приносила из дома. Завтра у горничных получка. Мама получит колоссальные деньги – рублей тридцать.

Кларочка простыла в эту холодину в Переделкине. Дима ездил с Леней Штутманом и главным инженером строительства смотреть Институт морфологии⁹⁶. Ему очень хочется, чтобы удалось поставить такую стенку перед этим зданием. Леня – приятный парень и честный. С ним можно иметь дело, не какой-нибудь прохиндей.

19 августа 1970 г., среда.

Целый день хожу обиженная.

Нам вроде бы скоро выдадут ордера и мы будем жить в своей квартире на законном основании. Для этого много формальностей: Дима должен сняться с учета в своем военкомате и встать в этом районе, я должна взять справку с места работы, уже мы сдали паспорта на проверку, что мы – это мы, потом мы должны выписаться с Масловки и прописаться здесь.

Вчера Абрам Яковлевич был в МОНИКИ. С глазами у него даже некоторое улучшение. Он очень этому рад и мы тоже.

Сегодня прорвалась информация Би-би-си и «Голоса Америки». Услышали про нашего Витю Гинзбурга. Только англичане назвали его Гинзберг. Сказали, что в Англии советский профессор Гинзберг предложил на средства всех стран соорудить радиотелескоп, чтобы наблюдать за космосом.

⁹⁶ Тогда шло строительство нового здания этого института на ул. Цюрупы. Завершено в 1973 г.

Алик Киселев просился завтра прийти со своим мексиканом. Димушка все эти дни рисует. Про Юру Левитанского критик из «Юности» Е. Сидоров⁹⁷ написал положительную рецензию в «Литературной газете». И вообще, Левитанец пошел в ход. В восьмом номере «Юности» должна быть его подборка. Юннина книжечка еще не появилась, мы звоним каждый день. Так они с Сефом никуда и не поехали.

Леня вчера рассказал, как по центру двигалась медленно милицейская машина, в ней сидела врач и через микрофон вещала: «Борьба с холерой ведется успешно. Мойте руки и овощи» и т. д. Он говорит, что производит довольно-таки зловещее впечатление. Весь Советский Союз сейчас призывают тщательно мыть руки. Говорят, что по Киевской дороге на станции Малоярославец всех пассажиров выгоняют из поездов на оцепленный автоматчиками вокзал и держат в специальных бараках в течение трех дней, и даже питают на 80 копеек в день.

20 августа 1970 г., четверг.

Мы узнали, что в Астрахани сорок тысяч холерных больных и две тысячи умерло. Сильная эпидемия также в Одессе, но вроде бы эпидемия сворачивается.

Димушка сегодня работал над скульптурой Зинаиде Ивановне. Он всё время в сомнениях, в каком материале ее делать. Очень хочется в граните, но это, во-первых, безумно дорого, и, практически, нереально. А в цементе не очень хочется. Я думаю, что дай бог в цементе-то отбить. Вечером у нас в гостях были Нора <Нисниевич> и Алик с Маргадантом. Он очень интеллигентный человек, этот мексиканец швейцарского происхождения. Показывал свой дом, который он купил у Сикейроса⁹⁸. Красивый дом. Он в нем живет один с семьей кошками и двумя слугами. Дом трехэтажный и в нем три туалета, кроме того, сад, садовник приходящий. Еще есть дача и, естественно, автомобиль. Я подумала, что по нашим условиям, мы живем как невероятные богатеи именно сейчас. У нас квартира из трех комнат с двумя лоджиями, с большой кухней, правда, с одним туалетом и ванной. В центре города, но рядом с Дорхимзаводом, о котором говорят всякие ужасы, но никуда его не девают. По этой же дороге с Киевского вокзала у нас дача в часе езды от Москвы. Участок шесть соток с сортиром и колодец возле участка близко. Две комнаты, жилая кухня, веранда, кладовка, прихожка. Можно топить углем и жить зимой. Две кошки приходят развлекать нас, а потом уходят по домам. Напротив лесок, а в нем рыжие белочки. Если бы не кошки, птичек было бы больше. Кроме того, у нас мастерская совсем близко от дома, подвал, в котором тоже сто двадцать метров, и который, к счастью, больше не заливает дерьмом, только иногда какой-нибудь несчастный хрен спустится по

⁹⁷ Сидоров Евгений Юрьевич (р. 1938) – критик, автор книг и статей о литературе, кино и театре.

⁹⁸ Сикейрос (Siqueiros) Альфаре (1896–1974) – мексиканский живописец и график. Революционер по духу, с молодости принимал участие в революционных событиях в Мексике, участвовал в Гражданской войне в Испании, руководил неудачным покушением на Л.Д. Троцкого 24 мая 1940 г. Член ЦК Мексиканской компартии. В 1960–1964 гг. из-за политической деятельности находился в тюрьме. Неоднократно бывал в СССР. Почетный член Академии художеств СССР (1967). Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1967).

лестнице помочиться или поблевать, а потом, облегченный, пойдет дальше. Крайне редко такой бедолага устраивается после содеянного на ночлег и из-за этого тяжело открыть дверь. Автомобиля у нас нет, но мы обходимся, поскольку удобно расположены. Потому, в общем и целом, мы живем, не так уж сильно отличаясь от Маргаданта. И при этом производим (я имею в виду Диму) невероятные ценности, к сожалению, пока наотрез отвергаемые советским руководством, но ценности от этого не страдают, так как не становятся менее ценными, а даже наоборот. Автор, в общем, счастлив и материально обеспечен вместе с семьей. Ему не хватает здоровья и умершей мамы, с чем он почти не может примириться и страдает. Но эти ценности – не в людской досягаемости, и даже не известно в чьей. Поэтому даже жаловаться некому. Желание свободно передвигаться по всему миру, как это делает Маргадант, с годами ослабевает и, очевидно, скоро это благо перестанет быть такой уж проблемой, отсутствие же внешней свободы человек, творчески одаренный, может заменить свободой внутренней, что и является подлинной свободой, а человеку посредственному свобода не нужна, он стремится только к экономическому благополучию. Вот такие дела.

В Чехословакии трех человек, очень известных, арестовали в связи с завтрашним событием, мы не могли разобрать – кого. Моя мама, горничная из отеля «Националь», сегодня уже устала и начала сомневаться, стоит ли ей продолжать свою деятельность, и спрашивала у меня совета, как быть. Я наотрез отказалась что-либо советовать, потому что с самого начала была против того, чтобы она шла работать, не нуждаясь абсолютно ни в чем. Она меня не послушала, а теперь я не желаю больше влиять на людей старше шестидесяти лет.

Алик с Маргадантом ведет себя, как девка, кокетничает, строит глазки. Тому даже немного неудобно. Может быть, Алик юный гомосек?

Нора вернулась из Иркутска и говорит, что там жрать совершенно нечего. Ни еды, ни одежды. А в Ангарске производят что-то атомное и часть тайги погибла⁹⁹. Но зато в городе по утрам бывает еда, и иркутяне ездят туда отовариваться. Интересно, как живут в Астрахани моя тетья Аида и двоюродная сестра Неля с двумя детьми?

21 августа 1970 г., пятница.

Два года оккупации Чехословакии. Говорят, что там всё тихо, хотя и были какие-то листовки. Да, на сегодняшний день там всё кончено. Даже память о подвиге Яна Палаха не воспламенила сердца чехов и словаков. Сволочи ненавидят, оккупанты.

22 августа 1970 г., суббота.

Сенсация! Мою маму из горничных «переманивают» в кастелянши. Прорывание в отеле. Дима говорит, что в итоге моя мама станет директором «Националя».

⁹⁹ В Ангарске Иркутской обл. с 1957 г. расположен крупный Электролизно-химический комбинат Министерства среднего машиностроения СССР, занимающийся обогащением урана и производством ядерного топлива. (См. также выше записи от 11 марта 1969 г.).

Были у нас в гостях мои подруги из школы, Ида и Наташа. Им очень понравилась наша квартира, говорят – большая. Наташка рассказывала про свою квартиру за ВДНХ, тоже кооперативную. Она меньше нашей, хотя в ней четыре комнаты, но тоже дай бог. Люди помаленьку устраиваются. Много всяких новостей про школу, про наших учеников. Мой ученик Воловников, оказывается, живет с Наташей в одном доме. Его семейство тоже туда переехало, только на восьмой этаж.

23 августа 1970 г., воскресенье.

Алка поехала в совхоз под Кострому со своей съёмочной группой. А перед этим приехала с нами прощаться и помыться, так как в их доме уже давным-давно нет горячей воды. Рассказала про очень любопытный разговор с Лемпортом. Она уже два года с ним не общалась и вдруг он сам позвонил ей по телефону вчера. А до этого, еще в Алабино, Алка рассказывала, как она случайно попала на квартиру к Силису. Приехала из Риги ее подруга, которая была раньше с Лемпортом в близких отношениях. Она позвонила Алке, чтобы та пришла по одному адресу, где эта подруга и ее муж остановились. У Алки шла как раз ее передача по телевизору, и она поехала. Оказалось, что она попала на квартиру к Силису. Кольки с семейством не было, они уехали. Выяснилось, что подруге дала ключи Колодко. <...>

Лемпорт прочел ей мораль по телефону. <...> Затем начал долго распространяться о том, что Сидуру он писал письма и говорил, когда тот должен был ему деньги. Мы очень удивились, таких писем от Лемпорта мы не имеем, но может быть, скоро получим. Уж если он и читал Сидуру мораль, «так за дело», как говорил Лемпорт. <...> Тут Лемпорт начал говорить Алке, что он ей помогал, когда она бедствовала и что сейчас он всех кормит, поит, ему все должны, а долгов никто не платит. Зачем-то сказал ей, что ему должны около двух тысяч рублей и что он всех разгонит, кто «ходит туда-сюда». Интересно, что к нам никто не ходит от них, Дима это пресек в самом начале. Исключение составляют врачи Гдаль и Бураковский. Остальных Дима не пустил: Ковалю, Рудольфа, Гуллер, Алика Фридмана, Юзефа <Кирцера> и других. <...> Мы сейчас совершенно о них не вспоминаем. <...>

Вечером у нас в мастерской были Свето Маслеша с товарищем из агентства ТАНИЮГ. Свето уезжает, пришел попрощаться. Очень хороший парень. Димка растрогался и подарил ему три рисунка, а его товарищу один рисунок подарил. Абрам Яковлевич очень живое принимал участие в разговоре, даже задержался в мастерской и уехал позже.

24 августа 1970 г., понедельник.

Димушка с Абрамом Яковлевичем уехали в Алабино, хотят воспользоваться последними теплыми деньками. Я одна, и завтра отправляюсь на работу. Кончилась моя привольная жизнь.

Би-би-си сообщило, что Алика Гинзбурга перевели во Владимирскую тюрьму за то, что он переслал за границу каким-то невероятным образом пленку со своим выступлением о порядках в лагерях для политических заключенных. Они

сказали, что ему тридцать четыре года. Несколько лет назад, когда он ненадолго к нам спустился в подвал, я поразила его молоджавости. Он выглядел как мальчик-подросток. Еще сказали, что в Праге было арестовано накануне второй годовщины шесть тысяч человек, а сейчас еще в тюрьме сидит около восьмисот человек. У Юлика Даниэля срок кончается 13 сентября. Если он выйдет, это будет невероятный факт.

25 августа 1970 г., вторник.

Вышла на работу. Болтали весь день. Встретилась со своими ребятами, зовут в поход, а мне идти неохота – холодно.

Мама сегодня выходная, и вдруг приобрела нам с великими мучениями румынскую вешалку. Теперь у нас есть еще и вешалка и зеркало.

Би-би-си очень трудно поймать с приставкой.

26 августа 1970 г., среда.

Полдня мучилась на конференции. Сегодня она была почему-то особенно идиотская, самая пустобрехая за все годы. Каждый оратор начинал: «Весь наш народ в обстановке всеобщего подъема готовится к достойной встрече 24 съезда партии...» Это было так ужасно, что у меня голова заболела сразу же и не переставала болеть до конца.

Зато вечером к нам домой приехал Юра Геннис, мой самый любимый ученик. Мы с ним обо всем поговорили. Это какой-то удивительно хороший мальчик. Мне даже страшно за него. Когда он уехал, я через некоторое время позвонила его маме, как он доехал. Слава богу, всё в порядке. Он мне признался, что его мечта стать писателем. У меня нет никаких сомнений, что он им будет, и будет очень хорошим писателем. Господи, я всё поверить не могу, что ты одарил мой класс таким прекрасным мальчишкой. Он дал мне прочесть два своих рассказика. Очень симпатично и трогательно. Какая я была чумовая в шестнадцать лет! А в семнадцать узнала Диму, и жизнь моя перевернулась в счастливую сторону. У меня много ребят совершенно отличных, и люблю я всех без исключения, но таких, как Юра нет и, думаю, что не будет. Мне кажется, что Дима был таким же в свои шестнадцать лет. Храни тебя бог, мой мальчик.

Димуся, родной мой, как вы там, не мерзнете в Алабине? Солнышко мое бородатенькое. Может быть, завтра к тебе съезжу, соскучилась.

Сегодня Би-би-си передало, что математик Есенин-Вольпин обратился с открытым письмом к Солженицыну, чтобы тот заступился за Григоренко.

27 августа 1970 г., четверг.

У меня сегодня день необыкновенный, можно сказать, счастливый. Я была в гостях у Юнны. Мекасиканец, когда был в последний раз у нас, подарил мне пачку американских сигарет и мы сохранили ее для Юнны. Я им позвонила, и Юнна попросила меня приехать с ними и сказала, что в обмен подарит свои последние стихи. Она мне их тут же прочла по телефону охрипшим голосом. Стихи высшего класса. Я приехала. Сеф, помолодевший, но бледный, Юнна лежит и выглядит жутко. Около ее постели двое очень молодых людей – толстая некра-

сивая еврейская девушка и хорошенький юноша. Они супруги, приехали из Караганды. Старушка Людмила Павловна выглядит великолепно, с молодыми не сравнить. Молодые ребята очень милые и наивные до крайней степени, я бы даже сказала, до идиотизма. Но это, очевидно, кажется, потому что они очень забуренные простодушные провинциалы. Парень – студент-медик, а девушка кончила музыкальное училище. Она так непосредственно говорила Юнне, что она гениальная и великая, звезда в ее жизни, что мне было смешно и неловко, к тому же у девушки еще на редкость невыразительный голос и невоспитанная восторженность в каждом жесте. Это ощущение исчезло, когда она стала читать свои стихи. Поразительно, что вся вульгарность и даже глуповатость ее не проявились ни в одной строчке. Стихи были хорошие. Конечно, влияние Юнны огромно, но все равно хорошо, хотя читала она плохо. И тут меня потрясла Юнна. Она сделала совершенно блестящий анализ этих стихов, и я снова поразились ее неженскому интеллекту, отточенности ее формулировок и гипнотической силе ее личности. Она стихи похвалила. Это Юнна-то похвалила! К сожалению, я не помню точно, как она говорила, как не могу записывать за Димой. Моя память сейчас уже этого не удерживает в буквальном виде и это чрезвычайно жалко. Она сказала, что девушка говорит полуграмотным языком, а пишет чисто. В стихах вкус безупречный, на что сама Юнна потратила десять лет жизни, чтобы этому научиться. Правда, сказала Юнна, что у нее уже сейчас проскальзывает элемент занудства и скуки, возможно, от недостатков ее темперамента, но она будет жить и в дальнейшем ее личность тоже будет проявляться более остро. Юнна много и невероятно здорово говорила и при этом у нее было такое прекрасное, благородное лицо. Эти ребятки только счастливо переглядывались. Они, оказывается, и в Москве-то остановились, чтобы увидеться с Юнной, посмотреть на нее. Разыскали ее телефон по справочному. <...> А потом Сеф, в связи с Карагандой, очень здорово рассказывал о лагере, невероятно интересно. Всякие обыденные кошмары, и жаль будет, если он нигде этого не записал и не запишет. Юнна даже встала, надела свои джинсы синенькие и клетчатую байковую рубашку и сделалась похожа на стриженного черномазенького пацана со слишком взрослыми глазами. Мы пили чай на кухне, и Юнна попросила Сефа почитать стихи Пушкина, Заболоцкого и Пастернака. Сеф отлично читает. Сеф – парень все-таки очень хороший. Это он спас Юнну. Он сильно похудел, и сегодня мне очень понравился. Потом мы слушали музыку. Юнна опять легла. У них живет черепаха Цилия. В общем, когда вышли, была половина второго ночи. Ребята налегке, приехали из Евпатории, и без денег, а холод. Еле такси достали, я их довезла до их родственников.

Юнна подарила мне свои стихи последние.

Когда умру на раскладушке
И станет лезвием лицо,
И сигарета на подушке
Прожжет последнее кольцо,
И отвращение к прохладе,
К отливу кожи нежилой

Вам волю здравую отладит,
 Чтоб вынести меня домой,
 Вспороть продольно в морге тусклом,
 Умыть, украсить, нарядить,
 В кругу широком, в гробе узком
 В предел морозный проводить, –
 Мне всё равно, огонь ли, почва.
 Хочу дешевых похорон.
 Чтоб вам была хмельная бочка
 С полночной тягой на перрон,
 Где отодвинув суть попойки
 Руками в красных рукавах,
 Подружка встречная у стойки
 Договорится в двух словах,
 Что от могилы до постели
 Сладчайший путь, безгрешный жест,
 Который греки не хотели
 Скрывать от жен или невест.
 Она умно распорядится
 Всем тем, что я не заберу,
 Оставит всё, что пригодится,
 Раздарит всё, что не к добру.
 Тряпьем согреет нищих телом,
 Стихами утолит иных,
 А с вами подзаймется делом
 От всей души, без выходных.
 Но словно подлинную древность,
 Чью стоимость нельзя солгать,
 Как сладко вам придется ревность
 В любой звезде предполагать!
 26 авг. 1970 г.

Дорогие, любимые Юля и Дима,
 Мне сиротливо и нелюдимо,
 Вихрем безродства, облаком дыма
 Мимо вульгарных любителей грима,
 Жрущих, орущих, пьющих и лгущих,
 Змеем ползущих в яблочных куцах,
 Мимо любовников, горло грызущих,
 Мимо влюбленных, страсть не имущих,
 Я пролетаю и всеми костями
 Вас обнимаю со всеми людьми
 Юнна
 27 авг. 1970 г.

28 августа 1970 г., пятница.

Я сильно возбудилась и всю ночь не спала до самого утра. А только заснула, в восемь часов позвонила мама. Волновалась, почему меня не было накануне

дома. Потом я снова попыталась заснуть, но тут меня разбудил звонок из Волгодонска. Потом я встала и пошла за ордером и на работу, полдня на педсовете.

Вечером пришел Алик. Он вдруг кое-что рассказал о своей личной жизни. Очень интересно. Показал вполне хорошие свои монотипии. Сказал, что Дима влияет на него не только как художник, но и на человек.

Я вспомнила, как вчера Юнна рассказала, что после вытупления в Лужниках она подумала: «Если тебе, Мориц, рукоплещут одиннадцать тысяч человек, значит, что-то у тебя не так».

29 августа 1970 г., суббота.

Сегодня меня посетила Кларочка. Мы с ней сидели на моей койке вальтом. Через месяц ее служба у Чуковских кончается.

Выпустили из тюрьмы церковного писателя Левитина-Краснова¹⁰⁰. Он не просидел даже года. В общем, разгул демократии. Ходят слухи, что «Октябрь» разогнали.

30 августа 1970 г., воскресенье.

Дима свалился в Алабине. Позвонил отец, что ему плохо с сердцем. Я, не дозвонившись до Гдаля, помчалась в Алабино. Вид у Димухи очень бледный. До пятницы чувствовал себя очень хорошо. Вечером поздно дозвонилась до Гдаля. Если он сможет, съездим с ним завтра в Алабино. Это было бы хорошо, потому что если нет инфаркта, Димушка поедет с нами в Москву.

31 августа 1970 г., понедельник.

Слава богу, всё обошлось. С трудом договорились с Толей Гитбергом, чтобы поехать в Алабино на его машине. Большое спасибо и ему с Милкой и Гдалю. У Толи очень много дел, и баллоны слабые, но все-таки сумел доехать под дождем туда и обратно. У Димки был сильный спазм. Выглядит он фигово. Гдаль сказал, что ехать можно и нужно, чтобы там не оставаться. Дима очень ослабел за эти два дня и ехать не хотел, но потом мы его убедили. Они вчетвером поехали на машине со скульптурами, а мы с Абрамом Яковлевичем всё прибрали и приехали позже поездом. Мы с Абрамом Яковлевичем вошли в квартиру, а здесь веселье. Все сидят в кухне, выпивают и курят. Дима тоже выпил две маленькие рюмочки вермута. Эдик подъехал. Мы всех успокоили по телефону.

В газете-еженедельнике «Обсервер» за вчерашнее число объявился М. С<кем-мел>. Статья о Солженицыне биографического характера и четыре фотографии Эдика. Значит, он жив-здоров и дай ему бог. Скульптуры здорово смотрятся. Длинная девушка в моей вьетнамской шляпе, красивая.

¹⁰⁰ Левитин-Краснов Анатолий Эммануилович (1915–1991) – христианский философ, писатель, диссидент, автор самиздата, неоднократно подвергался арестам еще с 1930-х гг. (См. о нем также ниже записи от 6 августа 1971 г.).

1 сентября 1970 г., вторник.

Уже устала в школе, но самочувствие бодрое. Дима испытывает слабость, выглядит бледновато. Заходили к нам Валя с Эдиком. Эдик снял все деревянные, которые Дима привез с собой.

12 сентября Юлик Даниэль выходит из тюрьмы.

2 сентября 1970 г., среда.

В этом году у меня свободным днем будет среда. Сегодня я уже не ходила в школу. Димушке значительно легче. Погода, конечно, установилась идеальная. Сухо, тепло, настоящее бабье лето. Я зазря проездила по военкоматам. Сняла Диму с учета, а на новый не поставила, потому что он так и не сменил свой старый военный билет. Квартира все-таки у нас очень удобная. Мы с Димушкой прочитали рассказ другого моего ученика, Володи Воловникова. Талантливый малый.

3 сентября 1970 г., четверг.

Была у нас Кларочка. Она получила письмо от Скамейкина, из которого ясно, что все наши послания он получил. Пишет, что посылал письма нам, Кларе и Леве К<опелеву>, но мы этих писем не получили, Клара тоже. Мама моя была, кое-что нам состряпала. Она купила себе румынскую кровать.

4 сентября 1970 г., пятница.

Димушка чувствует себя очень неважно. Погода сделалась паршивая. Дождит полдня, но тепло. Я уже устала от своей деятельности.

9 сентября 1970 г., среда.

Столько дней без единой строчки. Так и разучиться писать можно. Сил совсем не было, да и желания. Димусь пару дней, как функционирует. Ездит по военкоматам. Завтра начнем прописываться на новом месте.

В мире творятся всякие ужасы. Палестинские бандиты крадут самолеты с беззащитными безоружными людьми. Издеваются над ними, грозят взорвать самолеты. Весь мир ломает голову, что с ними делать и ничего придумать не могут. Наши руководящие сволочи только сегодня осторожно поведали своим равнодушным от соответствующего воспитания подданным об этих драматических событиях¹⁰¹. Недавно в Лондоне попросила убежища балерина Наталья Макарова¹⁰² из Ленинградского балета, а в Мексике – танцор Александр Филиппов из

¹⁰¹ Имеется в виду неудачная попытка угона пассажирского самолета компании «Эль-Аль», вылетавшего по маршруту Тель-Авив–Нью-Йорк 6 сентября, а также захват и удержание самолетов на аэродроме «Доусон филд» 6–8 сентября 1970 г. террористической организацией «Народный фронт освобождения Палестины», когда были сожжены четыре самолета американских и европейских компаний и лишь по счастливому стечению обстоятельств обошлось без жертв.

¹⁰² Макарова Наталия Романовна (р. 1940) – прима-балерина, балетмейстер. До сентября 1970 г. ведущая артистка балета Ленинградского театра оперы и балета им. С.М. Кирова. 4 сентября 1970 г. попросила политическое убежище в Великобритании. С декабря 1970 г. прима-балерина Американского театра балета, работала со многими труппами Америки и Европы. С 1988 г. приезжает и выступает в России.

Ансамбля Моисеева. Юлика Даниэля должны выпустить 12 сентября. Он выбрал себе для житья Калугу, но три дня имеет право пожить в Москве. Хотелось бы с ним повидаться.

10 сентября 1970 г., четверг.

Что-то Гинзбурги из Англии не возвращаются. Получили книги Юнны Мориц «Лоза», целых пятьдесят экземпляров. Технически похабно сделаны: бумага плохая, обложка – сикось-накось. Димусь чувствует себя неважнецки. Ездил сегодня целый день с пропиской. Я кручусь на работе без продыху.

11 сентября 1970 г., пятница.

Опять перемена погоды. Пошло на тепло, и Дима, как всегда, страдает от этого. Абрам Яковлевич последнее время пребывает в сильной тоске.

Сегодня новые неприятности. Позвонила Марина из Волгодонска, сообщила, что директор Химкомбината со свитой осматривал незаконченные барельефы. Ему очень всё не понравилось. Звезду отыскал шестиконечную – сионизм, «грубо», «негладко», «слишком толсто», «рыбку нарисовали – так и ребенок может». «Это, – говорит, – не отдых, а семья изображена» и т. п. В итоге послали телеграмму в комбинат: «Работы прекратить ввиду непригодности рельефов». Периферийные идиоты еще страшнее центральных. Мы можем убедиться еще по Иркутску с книжкой Левитанского. Теперь надо из этого дерьма выпутываться.

Еще один танцор из Ансамбля Моисеева остался в Южной Америке. Заложники в пустыне всё мучаются, хотя палестинские храбрецы по беззащитным уже задрейфили. Гусак в Чехословакии хочет замиряться со своими интеллигентами. Всё бы ничего, если бы наши танки не стояли у него за спиной.

12 сентября 1970 г., суббота.

Сегодня сделалось 20° градусов тепла и Димка от этой перемены чувствовал себя ужасно паршиво. К вечеру, как солнце зашло, ему сделалось полегче.

Были в мастерской у Гитбергов на Милкином дне рождения. Удивительно, до чего серая погрязшая публика. Толя и Милка, а также Шошенские – как свет в окошке. Еда была невероятная вкуснотища.

Из Волгодонска пришла телеграмма, где требуют, чтобы Дима туда прибыл. Дима сказал, что и не подумает.

13 сентября 1970 г., воскресенье.

Были у Гинзбургов. Они отлично выглядят. Витя дал мне книгу почитать, «Одноэтажная Америка», а я ее оставила в автобусе. Чуть с ума не сошла. Теперь, наверное, не вернуть. Перед Витей жутко неудобно.

Умер поэт Сергей Дрофенко, зав. отделом поэзии в «Юности», молодой парень. Поперхнулся в ресторане <ЦДЛ> чем-то и умер. Был сильно пьян.

Дожди идут, но тепло.

14 сентября 1970 г., понедельник.

Мы сегодня неожиданно попали на прием в югословское посольство. Бранко вдруг объявился. Он, оказывается, не только не уехал, но еще собирается

ехать в Сибирь путешествовать. В посольстве было невероятно любопытно. Мы туда пошли вместе с Левитанским и Володей Огневим. Там заметили Тауфера, но не подошли к нему, и он к нам не подошел. Там же был Богословский¹⁰³, который проявлял к Диме невероятный интерес. Ходил вокруг и около, потом, наконец, встал за Диминой спиной, что было очень неприятно. Может быть, он хотел, чтобы Дима ему кивнул, а Дима так и не кивнул¹⁰⁴. Левитанские напились очень здорово оба. Юра совсем упился, хотя Марина пила больше. Увидели двух китайцев, у меня к ним был совершенно невероятный интерес, как и у многих других. Они меня поразили своей уверенностью в себе, абсолютной свободой движений и исходящей из них силой и перспективностью. Одеты оба в одинаковые темно-зеленые глухие костюмы. Один высокий, пролетарского вида, страшноватый. Второй – маленький, интеллигентный, в очках. Боже, как вокруг них все прыгали и их обхаживали, всё югославское начальство, включая посла. Я смотрела и думала – совершенно нормальные люди, не лишённые некоего обаяния, а такие кровожадные. И не потому, что им хочется, а потому, что сейчас у них так положено. Им ничего не стоит весь мир угробить и себя самих тоже. Незыблемость их убеждений сочится сквозь улыбки. Правда, переменись у них режим, и они перемянутся. Еще я разглядела в их азиатских лицах следы очень большой культуры, даже у пролетария. У наших людей подобного типа ничего подобного не проглядывается. Меня это открытие потрясло. Я сразу вспомнила статью Амальрика, как он пишет там о китайцах. Жутко и интересно было смотреть на этих двух зашнурованных и непринужденных представителей завтрашней сверхдержавы номер три.

Дима общался с новым представителем агентства ТАНЮГ Сашей, который был у нас в подвале со Свето. Познакомились с корреспондентом газеты «Политика». С новым советником по культуре, преемником Бранко тоже познакомились. Ничего человек на вид, но с Бранко мы сильно подружились и жалеем, что он уезжает. Под конец к нам по собственной инициативе подошел представитель из румынского посольства, смешной такой человечек. Еще один бывший мальчик из МИМО вдруг тут очутился, вполне зрелый человек с тяжелым взглядом. Устали там на ногах стоять. Поехали к нам в подвал, а потом с Левитанскими к ним домой. Юрины стихи какие-то студенты из Караганды записали с музыкой под гитару на пленку. Очень мило поет парнишка, со вкусом. Девушка Валя у Левитанских живет. Она сильно похудела и вообще сблелнула. Но девка умная, что-то есть в ней беспомощное, цыплячье. Левитанский всё жаловался, что ему с ней тяжело, и он уже изнемогает. Никаких с ней интимностей у него, естественно, нет, как мы и предполагали. Марина же относится к ней, как к дочке, да и Юра тоже. Они все-таки очень хорошие люди. Юра спяну мне признался, что

¹⁰³ Богословский Никита Владимирович (1913–2004) – композитор, пианист. Народный артист СССР (1983). Бывал в мастерской В. Сидура, В. Лемпорта и Н. Силиса в 1950-х гг.

¹⁰⁴ Среди творческой интеллигенции хорошо было известно о дружбе Н.В. Богословского с начальником Пятого («идеологического») управления КГБ при Совете Министров СССР генералом Ф.Д. Бобковым. Говорили, что композитор является «консультантом» последнего. Известно было и о тесном «сотрудничестве» Н.В. Богословского с председателем Госкомитета по радио- и телевидению СССР С.Г. Лапиным, весьма одиозной личностью.

Дима ему один из самых-самых близких людей. У Димки есть свойство, столь редкое в наше время, хранить своим друзьям глубокую верность и внушать надежность. Это уж я по себе знаю. Дима удивительно верный и благодарный человек. У него есть недостатки, но только не в этом.

15 сентября 1970 г., вторник.

Говорил Димушка по телефону с директором Волгодонска, который сейчас в Москве. Тот плел бог знает что: у детей всякие штуки, в том смысле, что там младенец голенький, у девочки что-то вроде нимба, похоже на икону, мужчина стоит на коленях, как будто бы он молится. А главное, директор говорит, что сам он ничего не понимает, а местные «специалисты» и начальство не довольны.

Позвонил Алкин приятель Володя Максимов. Он работает в Институте им. Курчатова и предложил Диме устроить выставку там у них в Доме культуры. Дима согласен. Хотя бы день провисит, и то хорошо.

16 сентября 1970 г., среда.

Ужас как люблю выходные! День кажется длинным и удается немного отдохнуть. Сегодня было прямо-таки лето, жара. Абрам Яковлевич ездил в Алабино. Димушка полдня чувствовал себя паршиво, а вечером отошел и даже ходил в мастерскую.

17 сентября 1970 г., четверг.

Тепло и суетно живется. Дела, дела какие-то, всего не переделать.

18 сентября 1970 г., пятница.

Смотрели с Димушкой премьеру на Таганке «Что делать?» Чернышевского¹⁰⁵. Нам очень понравилось. Молодчина Любимов! Получили большое удовольствие. Приехала Марина из Волгодонска. Говорит, что тамошние дикари стали потихоньку привыкать к рельефам, но решать будут после установки балки. Марина достойно давала им отпор.

19 сентября 1970 г., суббота.

Опять было тепло. Мы были втроем в Переделкине. Привели там всё в порядок, захоронили урну, засыпали могилку красными и желтыми листьями. Поражались на обратном пути красоте вокруг. Кошки в Переделкине породистые, похожие на тигров.

Поздно к нам приходили Гдаль с Витой. Мы хорошо посидели, выпили коньяку. Дима чуть-чуть выпил со всеми.

Сегодня еще в школе созвонилась с Булатом Окуджавой, чтобы он пришел к нам в школу. Он пообещал.

¹⁰⁵ Инсценировка и режиссура Ю.П. Любимова, художник Д.Л. Боровский, композитор Ю.М. Буцко. Артисты: Л.А. Филатов, З.А. Славина, В.С. Золотухин, Р.Х. Джабраилов, И.И. Ульянова, С.Л. Фада и др. Премьера прошла 18 сентября 1970 г.

Вита Иделевна и Гдаль Григорьевич Гельштейн. Фото: Эдуард Гладков

20 сентября 1970 г., воскресенье.

Вот и дождь пошел к ночи, хотя тепло. Димушка уже почти месяц жалуется на боль в глазах и во лбу. У него и раньше это бывало, но сейчас слишком упорно держится.

Приехала Алевтина. Пришла с цветами в красном пиджаке, долго разыгрывала меня, не отвечая за дверь. Абрам Яковлевич и Дима в это время гуляли. Потом к нам приехал Эдик. Мне нужно было готовиться к урокам. Дима с Эдиком поехали к Левитанскому. Он подарил Диме тигровую мазь, чтобы Дима помазал себе лоб. По-моему, надо к врачу идти, а Дима считает, что никто все равно толком ничего не знает. Алка рассказала про Кострому, какая там повсюду дичь и убогость.

Радио сообщает о всяких ужасах на Ближнем Востоке. Очень может быть, что на этот раз многих вовлекут, чтобы кровь проливать.

21 сентября 1970 г., понедельник.

Дима говорил с Булатом по телефону. Он еще раз подтвердил, что придет в четверг в мою школу выступать. Вечером заехал к нам Эдинька и мы весь металлический хлам перевезли в мастерскую на его машине. Зашли к Алке домой,

Булат Окуджава выступает на вечере в Юлиной школе (1970). Фото: А. Гранкин

забрали у нее огромную доску, икону, на которой ничего не видно, и оклад, очень красивый, она привезла из-под Костромы.

Наша станция «Луна-16» загребла грунт на Луне и вернется назад¹⁰⁶. Завтра наше радио скажет, что американские полеты с людьми ничто по сравнению с нашим подвигом. А в Иордании страшнейшая бойня¹⁰⁷.

22 сентября 1970 г., вторник.

Имеем сведения от Скамейкина. В «Обсервере» очень здорово скомпонованы Эдиковы фотографии. Будто бы в ноябре должна быть статья про Диму, тоже в «Обсервере». Просит Скамейкин мои записки о том, как мы с Александром Исаевичем свидались, а мы всё сомневаемся, имеем ли мы право их ему давать.

23 сентября 1970 г., среда.

Завтра Булат обещался прийти вечером в мою школу. А вдруг не придет? Но вроде бы на этот раз очень серьезно обещал. Сегодня были на дне рождения у Бори Хазанова. Ужасно совершенно наелись, очень вкусно, но много.

Погода дикая – холодрыга и дождь через каждые пять минут.

24 сентября 1970 г., четверг.

Был Булат у меня в школе, свершилось это событие. Я никогда не забуду ему этого. Еще раз убедилась, что он прекрасный человек. Выступать ему было тяжело и он даже не допел «По Смоленской дороге». Он был, как говорится, «не в ударе». Но все равно сам факт, что он пришел в нашу школу к детям и выступил перед нами – это невероятно здорово. Это при его-то популярности! Так мне хочется сделать для него что-нибудь хорошее и не знаю что. С Булатом приехал целый кагал людей: Витька Фогель, Володя Медведев, художник из «Совписа», и еще какие-то противные люди. Наши друзья тоже пришли: Марина с Борей Хазановы, Марина Ильичева с Мишей, с Валькиной Караваевой работы, Эдинька, Алла Зайцева и еще много ребят из Марины Хазановой школы.

Булат и выглядит неважно и вообще что-то страдает. Тяжело ему было выступать и вообще, сейчас у него другой период. Выступления кончились, вроде шансонье, тем более перед большой аудиторией. Он написал второй роман¹⁰⁸ и, наверное, не менее интересный, чем первый. Отличный человек.

А Димуха мой совсем расклеился после вчерашнего пиршества у Хазанова. Сегодня с утра совсем расхворался и с брюхом плохо, и состояние гриппозное, и соседи сверху начали деятельность с шести часов утра. Сволочи беспокойные!

¹⁰⁶ Автоматическая межпланетная станция «Луна-16», запущенная 12 сентября 1970 г., совершила мягкую посадку на поверхность Луны 20 сентября, а 24 сентября ее возвращаемый аппарат вернулся на Землю, доставив 101 грамм лунного грунта.

¹⁰⁷ В сентябре 1970 г. король Иордании Хусейн начал вооруженное подавление палестинских боевых организаций в стране. В результате военных операций имелись многотысячные человеческие жертвы. События вошли в историю под названием «Черный сентябрь».

¹⁰⁸ «Похождения Шипова, или Старинный водевиль. Истинное происшествие» (1970).

Булат Окуджава выступает на вечере в Юлиной школе (1970). Фото: А. Гранкин

А совсем поздно я говорила с Людмилой Павловной, мамой Сефа. Она говорила, как с Юнной тяжело. С Юнной, конечно, так трудно, что даже немислимо себе представить, но она никогда не будет другой. <...> Людмила Павловна считает, что за талант нельзя всё прощать. Может быть, она права. Но ведь талант – это то же что-то вроде болезни, болезни неизлечимой. Поэтому круг замыкается.

25 сентября 1970 г., пятница.

Виделись с двумя молодыми англичанами. Ничего люди, муж с женой, но уж таких, как Скамейкин, наверно, везде немного. Он особый парень – и умный, и симпатичный, и талантливый, и работающий. Он удивительный парень.

Эдинька последнее, уже долгое время – тьфу тьфу, тьфу! – очень хороший, совсем, как прежде. Алла Зайцева опять с нами, как и раньше. Кларочка в понедельник переезжает.

27 сентября 1970 г., воскресенье.

Неожиданно попали в гости к Булату Окуджаве. У черта на куличках, за Речным вокзалом. Проплутали, пока дошли. В одной из квартир, куда попали, симпатичная девочка лет шестнадцати, смеясь, заявила нам, что все Булатовы гости почему-то попадают в их квартиру, и через окно показала нам его дом.

После нашей его квартирка оказалась нам крошечной, с низенькими потолка-ми, хотя и уютная, и трехкомнатная. Все стенки чем-то завешаны: всякими штучками из-за границы и картинками. Димушка специально нарисовал для Булата акварель «Святое семейство». Красивая получилась штука, смотрится у него отлично. На полу ковер, Булат в основном сидел на нем, да и некоторые по-следующие гости тоже. Кухонька тоже маленькая. Оля с сынишкой Булатиком¹⁰⁹ в Ленинграде, Булат должен к ним поехать 30 сентября.

У Булата была его мама, ей 73 года, но очень моложавая женщина. Оказыва-ется, она просидела 19 лет¹¹⁰. Еще была женщина, молодая, симпатичная и ум-ная, жена Олега Ефремова, режиссера из «Современника», Алла¹¹¹. Я сдуру об-ругала «Современник», сказала, что ушла с «Чайки», а она, кажется, там играет. С ней был человек по имени Олег Столяров. Раньше он был в РК ВЛКСМ, и по-страдал за театр «Современник, теперь работает строителем и всем поддакивает, кому только можно. Жена его тоже имеет какое-то отношение к театру, хотя и работает сейчас в Доме дружбы.

Мама Булата ушла, и он зажег свет. Мы немного поговорили о том, о сем. Дима всё советовался со строителем, не стоит ли сделать второй потолок, чтобы спастись от проклятых соседей. Нас огорчили: это очень дорого и совершенно бесполезно.

Евтушенко появился возбужденный, пьяноватый, длиннющий, с двумя бу-тылками вина и с двумя веселыми чилийками, студентками Университета им. Патриса Лумумбы. У Евтушенко крошечный лоб, а когда он его морщит, то лоб почти совсем исчезает. Он в клетчатом костюме, руки, ноги длинные и весь дергается лицом. Невероятное количество гримас, ужимок, оскаливаний, завыв-аний и т. д. Постоянное шутовство и самолюбование. То вопит, то воет, то шепчет. Эрнст номер два. Невероятно похожи по повадкам.

Le 28 septembre 1970, lundi.

Позавчера посмотрели наконец вместе с Аликом фильм Митты «Искремас» или с новым названием «Гори, гори, моя звезда»¹¹². Фильм, хоть и хитрый, но лажавый. Хитрый, потому что смотреть его интересно, а иногда и слезу прошибает.

¹⁰⁹ Окуджава Антон (Булат) Булатович (р. 1965) – сын Б.Ш. Окуджавы от второго брака, музы-кант и композитор.

¹¹⁰ Налбандян (Окуджава) Ашхен Степановна (1903–1983) – экономист. В 1939 г. арестована по статье 58-10 («антисоветская агитация и пропаганда») формально, а по существу как жена рас-стрелянного врага народа Шалвы Степановича Окуджавы (1901–1937), первого секретаря Нижне-тагильского горкома ВКП(б). До 1946 г. находилась в ГУЛАГе. В 1949 г. судима повторно по той же статье, приговорена к ссылке, которую отбывала в Красноярском крае до 1954 г. Юлия ошиб-лась, называя ее возраст и время, проведенное ею в заключении.

¹¹¹ Имеется в виду Покровская Алла Борисовна (р. 1937) – артистка театра и кино. С 1959 г. иг-рала в театре «Современник», с 2004 г. – в МХТ им. А.П. Чехова. С 1974 г. преподает в школе-студии МХАТ. Народная артистка РСФСР (1985); Ефремов Олег Николаевич (1927–2000) – актер театра и кино, режиссер. Основатель и главный режиссер театра «Современник» в 1956–1970 гг. С 1970 г. главный режиссер МХАТ. Народный артист СССР (1976), лауреат трех Государственных премий СССР (1969, 1974, 1983). Герой Социалистического Труда (1987).

¹¹² Художественный фильм 1969 года. Киностудия «Мосфильм». Режиссер и сценарист (совме-стно с В.С. Фридом и Ю.Т. Дунским) А.Н. Митта. Композитор Б.А. Чайковский. В ролях: О.П. Та-баков, О.Н. Ефремов, Е.А. Леонов, Е.И. Проклова и др.

Но в сути своей – фильм лживый, сопливый и даже подлый. Вот тебе Юлик и Валерик! Не даром они процветают, по границам разъезжают. Мне очень понравился в фильме только Ефремов. Он невероятно лихо играет художника. Не говорит ни одного слова, молчит, но совершенно удивительно молчит. Он выглядит значительно и интересно. Всё остальное – говно и полная лажа. Алику понравилось, нам резко нет, ни Диме ни мне.

Вечером у нас была Кларочка с интересным мужиком, на вид не очень приятным. Он отсидел всего-навсего десять лет и вышел только в 1967 г. Кларочка выглядит отлично. Мы говорили о Юлике Даниэле. Есть слухи, что КГБ устроил его работать в Калуге, всячески его опекает и даже к нему приезжал корреспондент западногерманской газеты «Штерн». Живет Юлик в гостинице «Интурист». Ему будто бы дали отпуск за свой счет, чтобы он смог съездить к Ларисе. Этот парень явно Юлика осуждает, Кларочка тоже. Мы с Димой считаем, что пока рано торопиться с осуждениями. Все эти сведения более чем странны. КГБ, возможно, хотело бы его купить, но до сих пор они этого не смогли. Посмотрим, что будет сейчас.

Алла Зайцева пришла попозже. Веселила всех рассказами о своих друзьях – псих Лимонов и компания.

29 сентября 1970 г., вторник.

Сегодня Боря Хазанов помогал развешивать картины. Немножко постучали по стенкам, а то всё нам стучат. Завтра у нас новоселье. Собираются мои коллеги по работе. Мне необходимо, а то скажут, что я зажала это дело.

Помер Насер, царство ему небесное. С одной стороны, вроде бы хорошо, что он умер. Он заслужил смерть. А с другой стороны, я хоть и гоню от себя это чувство, но вроде бы жалко, что человек умер. Но вообще, хорошо, что он сыграл в ящик. Приятно, когда бог прибирает к себе фашистов для перевоспитания.

12 декабря 1970 г.

Утекло много воды за время, что я не писала. Дела были фиговые, и мы прятали документы. Сейчас есть некоторое ощущение, что осада снята. Очевидно, временно. Один раз Клару посетили на дому, другой – она была вызвана в «дом любви». Среди многих тем спрашивали про Диму.

Прошла эпопея с Нобелевской премией А.И. Солженицыну, отголоски в нашей прессе регулярны. В его личной жизни колоссальные изменения, явно не вовремя, но такова се ля ви, как у нас говорят. 15 ноября в журнале *Observer* огромная статья о том, какой Димка замечательный индивидуум. Автор – Майк¹¹³. В этот же день эту статью излагала Би-би-си, ни разу не переврав фамилию. Димка слышал, я, к сожалению, нет – была в школе на дурацком, но необходимом вечере встречи с выпускниками. С тех пор прошел месяц, а мы до сих пор слышим от людей впечатления об этой передаче. Невероятное количество слушающих людей.

¹¹³ M. Scammell. Sculptor in a vacuum // *The Observer*, иллюстрированное приложение. 1970. 15 ноября. С. 34–39. Здесь же помещены десять фотографий В. Сидура и его произведений.

Потрясающее событие. Днем нас посетил Юлик Даниэль собственной персоной. Мы с Димой обалдели, потом опомнились и стали его обнимать и целовать. Он всегда был нам симпатичным, но сейчас у него сделалось очень значительное лицо. Говорит, что в Москве он один день. С трудом выпросился у начальства «по делам». К нам зашел случайно: «Был недалеко от вас. Дал себе слово никуда не заходить, но не смог. Подошел к вашему дому и чувствую, что не могу не спуститься к вам». Я на него смотрела и у меня сердце болело. Димка ему сказал: «Мы, Юлик, гордимся, что с тобой знакомы, и всегда всем об этом говорили. Я считаю, что с вас с Синявским вообще начался переворот в нашей жизни». Дима сказал ему, что он талантливый человек и очень хороший писатель. Юлику было приятно с нами.

Он все время озирался. Видно, что эти пять лет стоили ему очень и очень дорого. «Особенно последний год во Владимирской тюрьме», – сказал Юлик. Еще он сказал, что ограничил круг своих друзей до минимума и встречается только с людьми самыми ему близкими. Очень плохо Ларисе. Она одинока, а его к ней не пускают, работает на тяжелой работе. Плохо Синявскому. Когда Юлик давал интервью газете «Штерн», то всё время говорил об Андрее. В опубликованном материале не было о нем ни единого слова. На Западе тоже говна навалом продажного.

Мы выпили все втроем коньяку за него. Он сам про себя говорит: «Я несколько чокнулся». Видно, что он изменился очень сильно. Но не сломался. Его оружие – это искусство, а не бомбы и прокламации. Он ведет и вел себя логично. Ему необходима передышка и, слава богу, что она у него есть. Дима до самой ночи ходил и говорил, что Юлик произвел на него невероятное впечатление. Ему захотелось сделать его портрет.

Вслед за Юликом через некоторое время зашел Володя Максимов, маститый, но несколько сумасшедший. Интересный он все-таки мужик. Пока трезвый. Говорит, что много работает. Его очень хвалят те, кто читал. Майк перевел его повесть «Двор среди неба», говорил, что это потрясающе. Володя сказал, что это всего лишь часть его большого романа¹¹⁴. Мы пока что ничего не читали у него, кроме напечатанного сборника «Жив человек». Новые его вещи, очевидно, печатать не будут.

Майк в своей статье про Диму поместил фотографию Юнны с ее скульптурнам портретом и ее стихи про наш подвал, только тот первый, короткий, вариант, который нам больше нравится.

13 декабря 1970 г., воскресенье.

Юнна рассталась с Сефом и ожила. Очень обрадовалась и за Димку и за себя, увидев свой портрет и стихи в *Observer*. <...> Дома у нее хорошо, уютно. Друзья – девки, одна манекенщица с умными глазами, другая просто подруга. Мальчик пришел, полный дурачок, новоиспеченный режиссер и фотограф-любитель. Стихи она пишет, а это самое главное.

¹¹⁴ Имеется в виду роман «Семь дней творения», вышедший в издательстве «Посев» во Франкфурте-на-Майне в 1971 г. Широко ходил в самиздате. За этот роман В.Е. Максимов в 1973 г. был исключен из Союза писателей СССР.

Александр Исаевич Солженицын вступил в Комитет по защите прав человека в СССР к Сахарову¹¹⁵. Одновременно будто бы вчера по «Голосу Америки» передали, что он отдал свою Нобелевскую премию в помощь Вьетнаму. Мы этому не верим.

14 декабря 1970 г., понедельник.
Были у нас какие-то американцы, биофизики.

Алик Киселев сдавал первый экзамен на Высшие режиссерские курсы. Бородавка на его губе стала черной. Завтра он идет к врачу в онкологическое отделение. Завтра же узнает результаты первого экзамена.

Димушка выглядит очень прилично уже некоторое время. Погода паршивая, у Абрама Яковлевича болела сердце. Были Толя с Милкой. Толя тоже выглядит весьма неважно.

Майк все-таки очень хорошую написал про Диму статью.

21 декабря 1970 г., понедельник.
Польский народ полностью себя реабилитировал и доказал, что это действительно великий и храбрый народ. Правительство Гомулкуноса свергнуто, и новые деятели обещают народу всё, что тот требует. Поляки добились этого очень дорогой ценой, своей кровью и беззаветной храбростью¹¹⁶. Теперь люблю Польшу не меньше, чем Чехословакию, чувствую, что они мне братья.

Алик Киселев поступил на Высшие режиссерские курсы. И он и мы сделали для этого всё возможное. Завтра будет удалять доброкачественную бородавку на своей губе.

Димуся, родной мой, вроде ничего, более-менее. Были у Мимы Гребневой на дне рождения в ресторане «Арагви». Владик Бахнов ужасно смешно острил, но мы бездарно нажрались до одури. Теперь обидно и тяжело таскать переполненное брюхо, а в ресторане было обидно не жрать.

Абрам Яковлевич такой прекрасный старик. Очень я его люблю.

¹¹⁵ Комитет прав человека в СССР – правозащитная ассоциация, созданная в Москве в ноябре 1970 г., учредителями, помимо А.Д. Сахарова, были В.Н. Чалидзе и А.Н. Твердохлебов. Комитет просуществовал до середины 1970-х гг. А.И. Солженицын отказался принять участие в его работе, несмотря на неоднократные приглашения и даже предложение стать его членом-корреспондентом.

¹¹⁶ 12 декабря 1970 г., незадолго до Рождественских праздников правительство Польши объявило о повышении цен на продовольствие, промтовары, стройматериалы и т. п. в среднем на 30%, при одновременном замораживании заработной платы. Уже через два дня на судовервях Гданьска начались массовые стачки и митинги, быстро охватившие всю страну и обернувшиеся массовыми беспорядками с погромами официальных учреждений и магазинов. 17 декабря произошли столкновения рабочих гданьской судоверфи им. В.И. Ленина с солдатами и милицией, открывшими огонь по людям: 44 человека убито, 1164 ранено. В результате властям пришлось пойти на попятный – был снят первый секретарь ЦК польской Компартии В. Гомулка, а в конце января 1971 г. отменен указ о повышении цен и одновременно увеличена заработная плата рабочим.

1971

Chronique et témoignage de notre vie
Au grand artiste de notre temps Vadim Sidur
et chère enfant Michel Chouncov

Что было¹

Солженицын поженился, родил ребенка². Младенец недоношенный, восьми-месячный, но пока здоров. Жена – Наталья Светлова³, 33 года, полуеврейка? Старая жена⁴ травилась. В настоящее время исчезла неизвестно куда. Имеем фотографию с его портрета, сделанного карандашом другом-художником на шарашке⁵. Портрет реалистический, очень чем-то схож с Диминым портретом⁶, только что возраст разный. Есть мнение, что А.И. погиб для дем. движения в результате своих семейных неурядиц. Очевидно, это не так, поскольку вчера радио объявило, что он член-кор. Комитета прав человека во главе с Сахаровым.

На Люшу⁷ напал то ли пьяный, то ли кто-то в подъезде её дома. Я считаю и кое-какие другие умные люди считают, что это КГБ.

¹ Кратко описаны некоторые события времени с 1 октября по 11 декабря 1970 г., когда записи в дневнике не делались.

² Солженицын Ермолай Александрович (р. 30 декабря 1970 г.) – старший сын А.И. Солженицына. Окончил факультет восточных языков в Гарварде, жил и работал на Тайване, с 1995 г. живет в Москве, управляющий партнер московского офиса одной из зарубежных консультационных компаний.

³ Солженицына (Светлова) Наталья Дмитриевна (р. 1939) – литературный секретарь и помощник А.И. Солженицына с 1968 г., в 1973 г. стала его женой.

⁴ Имеется в виду Решетовская Наталья Алексеевна (1919–2003) – пианистка, в браке с А.И. Солженицыным состояла с 1940 г., в 1948 г. заочно оформила развод и вышла замуж за другого человека, прожив с ним пять лет. В 1957 г. повторно стала женой А.И. Солженицына, который с 1968 г., после знакомства с Н.Д. Светловой, добивался развода и получил его в 1972 г., уже накануне рождения своего второго сына.

⁵ Имеется в виду Ивашев-Мусатов Сергей Михайлович (1900–1992). Отбывал срок в одной «шарашке» с А.И. Солженицыным (выведен под именем Кондрашева-Иванова в романе «В круге первом»).

⁶ Портрет А.И. Солженицына, сделанный В. Сидуром в 1967 г.

⁷ Е.Ц. Чуковская играла особую роль в работе А.И. Солженицына до его высылки из СССР. В то время, когда писатель жил на даче К.И. Чуковского, находившейся под круглосуточным наблюдением КГБ, Елена Цезаревна уносила и приносила письма и рукописи, занималась перепечаткой и редакторской работой и т. д. По словам самого А.И. Солженицына: «Люша Чуковская почти пять лет, с конца 1965, стояла в самом эпицентре и вихре моей бурной деятельности: эти годы на ней перекрещивались все линии, все связи, вопросы, ответы». (*Солженицын А.И.* «Бодался теленок с дубом»). Неоднократно подвергалась со стороны органов КГБ преследованиям и провокациям (см. ниже).

Димка много хворал гриппом, сердцем и брюхом. Работать не прекращал. Делает потрясающие гравюры. От Майка приезжали из кругосветного путешествия два грязных-прегрязных журналиста. Пришли к нам пару раз под Новый год. Симпатичные ребята, хотя от грязи всё чесались. Едут из Азии, но вроде бы не заразные. Один из них, 24-летний парень по фамилии Шоукросс, кажется, из благородных кровей, написал толстенную книгу о Дубчеке. Он особенно скреб себя во всех местах, даже жалко его было. Второй, Тони Смит, с телевидения. Сегодня получили от него письмо, милый парень. Отправили с ним больше двадцати гравюр, по две им, остальные Майку. В Англии бастуют почтари, контакты нарушены, жаль.

Польские события весьма радуют. Лишний раз убедились – свободы добиваются кровью. Правда, там всё еще только начинается.

Невероятно приятное событие. Мы познакомились с одним западногерманским писателем, а также врачом-гомеопатом и вице-председателем Всегерманского антропософского общества Готфридом Бютнером⁸. Очень милый и умный человек, его жена Мария – прекрасная женщина. Они были со своим старшим сыном. Кроме того, Готфрид оказался биографом Беккета и Ионеско, написал книгу о театре абсурда⁹, а также, что самое главное – личным другом Семюэля Беккета. Дима подарил Готфриду гравюру и попросил его передать Беккету тоже в подарок гравюру, на которой Христос на кресте. В ответ мы неожиданно получили сначала автограф Беккета на одной из его пьес, а затем и письмо от него с благодарностью и наилучшими пожеланиями. Мы с Димкой были поражены таким его замечательным отношением. Ему очень понравилась гравюра. Готфрид переслал нам фотокопии с письма и автографа, так как подлинники вручит нам по приезде лично, а то не дай бог, потеряются. Теперь мы имеем письменные свидетельства от трех нобелевских лауреатов: А.И. Солженицын, американский физик Джон Бардин и Семюэль Беккет. Дима считает, что как писатель Беккет стоит выше Солженицына.

Абрам Яковлевич грустит, но более-менее держится. Я очень сильно люблю его, почти так же, как Диму.

Карлуша¹⁰, немец, уехал. Хороший был парень. Пока тут был, мы его слегка поругивали, а сейчас скучаем по нему.

⁸ Бютнер (Büttner) Готфрид (1926–2002) – доктор медицины и доктор филологии, антропософ. Автор ряда статей о В. Сидуре. Знакомство Вадима и Юлии с Г. и М. Бютнер произошло через М.И. Гореликову, которая изучала антропософию. Супруги Бютнер были инициаторами установки в 1974 г. в Касселе монументальной скульптуры В. Сидура «Памятник погибшим от насилия».

⁹ В 1960-х–1990-х гг. Г. Бютнер посвятил творчеству этих основоположников абсурдизма ряд работ. Через Г. Бютнера В. Сидур передал С. Беккету свою скульптуру «Инвалид» (1962).

¹⁰ Аймермахер (Eimermacher) Карл (р. 1938) – славист, семиотик, историк литературы, искусствовед, профессор. В описываемое время – ассистент Констанцкого университета и впервые находится в научной командировке в Москве (с октября 1970 г. по февраль 1971 г.). Именно ему суждено сыграть самую важную роль в том, что творчество В. Сидура стало известно на Западе. Организатор его многочисленных выставок, участник установки почти всех его скульптур в Германии, автор многих статей и книг о В. Сидуре, а также исследований по истории неофициального советского искусства. Основатель и первый директор Института русской и советской культуры им. Ю.М. Лотмана Рурского университета (г. Бохум). Кроме того, известен как яркий фотограф и авангардный художник.

Эдуард Гладков и Карл Аймермахер фотографируют скульптуры Вадима Сидура (1970-е гг.)

Чехи, друзья наши, откликнулись. Дела у них фиговые, но их не так-то легко сломить. Войтек, Лида и Анна пока еще работают.

Саша Гришин уехал в свою Австралию. Тоже ничего был парень.

Познакомились через Карлушу с одним немцем – аспирантом-юристом по обмену¹¹. Ничего парень, с громадной головой на тонком теле. Милый, интеллигентный малый. Разговорились, он мой ровесник, тоже сорокового года. Его отец погиб в России, мой отец погиб за Россию. Его отец был нацист, мой – без пяти минут коммунист. Его отец погиб за Гитлера, мой – за Сталина. Я сказала: «Вот видишь, наши отцы убивали друг друга, а мы, их дети, сидим рядом и не только не испытываем ненависти, а наоборот дружим». Он сказал: «Да». Хотя про себя я подумала, что хорошо, что твоего отца убили, раз он был нацистом, значит, его вину можно было смыть только кровью. И опять же – это они развязали ту страшную войну, они к нам пришли, а не мы к ним. И где-то у меня шевельнулась к нему неприязнь, но я ее в себе подавила. Дима всё время рассказывает, что когда смотрит на немцев, он их всех представляет в форме. А немцы это чувствуют и говорят, что у них комплекс вины. Этот парень сказал: «Если бы сейчас мой отец вернулся, мы бы были совсем чужими людьми». Я: «Не бойся, наши отцы не вернуться, с того света не возвращаются». Вот так и поговорили.

Моя школьная деятельность совершенно неумна. Я кое-чего добилась. Я не устаю поражаться на молодежь, мне кажется, что они освободят мою страну от многих кошмаров. Они умны и бесстрашны, я верю в них.

Алик Киселев поступил на Высшие режиссерские курсы. Разумеется, благодаря себе самому, но и не без нашей помощи. Счастлив донельзя!

КГБ оставил Клару в покое. Надолго ли?

Эдик добился в фотографии невероятно высоко мастерства.

С Левитанским большое охлаждение. Дима считает, что он трусит с нами общаться после передачи по Би-би-си из Лондона. О нем говорят, что он почти ежедневно пьет в ЦДЛ с удивительной мразью Аркадием Васильевым¹².

Владик Бахнов – прекрасный человек, как и был.

Многие евреи уезжают в Израиль¹³. Например, из наших знакомых – Борис Исаакович Цукерман, отличный мужик, умнейший. «Правда» ежедневно вопит

¹¹ Имеется в виду Винкельман (Winkelmann) Хорст (р. 1940) – юрист, дипломат. В 1968–1970 гг. научный сотрудник Свободного университета Западного Берлина. В 1970 г. находился в Москве в МГУ как стипендиат Немецкого научно-исследовательского общества (DFG). В 1972–1986 гг. сотрудник Федерального министерства по внутригерманским вопросам. С 1986 г. сотрудник МИД ФРГ. В 1987–1992 гг. сотрудник посольства ФРГ в СССР (России) в ранге посланника. В 1992–1995 гг. посол ФРГ в Эфиопии и Эритрее. В 1998–2001 гг. чрезвычайный и полномочный посол ФРГ в Белоруссии. В 2001–2005 гг. посол ФРГ в Норвегии. С 2005 г. на пенсии.

¹² Васильев Аркадий Николаевич (1907–1972) – ортодоксальный писатель, киносценарист. С 1929 г. работник ОГПУ. С 1932 г. сотрудник ряда центральных газет и журналов. Секретарь парткома СП СССР (с 1960). В 1966 г. выступил общественным обвинителем на процессе Ю.М. Даниэля и А.Д. Сняевского, один из погромщиков А. Галича в 1971 г.. Автор такого официального романа, как «Есть такая партия!», книги для детей по истории КПСС «Биография века» и т. д.

¹³ В июне 1968 г. Политбюро ЦК КПСС приняло решение о возможности выезда в Израиль советских евреев. Летом 1970 г. выехала первая тысяча человек – начало «третьей волны» эмиграции. В целом за 1970–1988 гг. СССР покинула примерно 291 тысяча евреев и членов их семей.

о «происках сионизма», среди населения абсолютное равнодушие. Но всё чаще собирают «дрессированных евреев», чтобы они «давали отпор врагам»¹⁴. Открытого антисемитизма не наблюдается, но, как всегда, – упорные разговоры о том, что евреев не принимают в институты и не берут на работу. Факты слишком многочисленны, чтобы считать их преднамеренными и систематическими по сравнению, например, с 1952 годом, но слухи тем не менее всё более упорные. Странно и трудно поверить, но говорят, что сейчас есть люди, которые носят на груди нашитые желтые звезды, поразительно! Они это делают специально, это те, которые хотят уехать в Израиль. Когда уезжают знакомые, ужасное ощущение, что все уезжают, а ты остаешься на съедение. Что-то будет из всего этого?

Комитет по правам человека хотят распустить по-хорошему. И вообще, пока в основном «цацкаются», что совершенно неслыханно, хотя репрессии проводятся регулярно и очень сурово.

24 февраля 1971 г., среда.
В журнале «Ньюс уик»¹⁵ на обложке напечатана большая фотография Солженицына с надписью, что Эдуард Гладков ее автор. Также напечатано, что это фото из книги Майкла Скэммела о Солженицыне.

Газеты и радио в нашей стране заполнены откровенно антисемитскими выступлениями в связи с конгрессом в защиту советских евреев в Бельгии¹⁶. Поразительный факт – население на это никак не реагирует вообще, а может быть, даже сочувствует евреям, ощущение скорее такое. Я вспоминаю те страшные годы, с 48 по 52, вот тогда был кошмар! И всё это я испытывала на собственной шкуре, несмотря на малый возраст.

Кларочка приехала к нам со швейной машинкой и помогла сделать занавески. Нам приспичило из-за солнца в основном. Картинки на стенках жалко.

Валька вся из себя дохлая, но чем-то даже привлекательная, вид доходяги. Эдик доволен публикацией, несмотря на возможные последствия. Нам тоже приятно.

Есть слухи, что Майю Синявскую¹⁷ вызывали в КГБ и уговаривали, чтобы она повлияла на Андрея, чтобы тот попросил помилования, тогда его отпустят и даже разрешат жить в Москве. Майя сказала, что Андрей никогда на это не пойдет.

¹⁴ Борьбу советских евреев за право выезда в Израиль поддерживали международные общественные организации. В качестве противовеса руководство Советского Союза устраивало выступления (иногда с показом по телевидению) известных евреев – ученых, писателей, артистов, журналистов и др., осуждавших сионизм и доказывавших, что никаких притеснений, запретов, ограничений для евреев в СССР не существует. В апреле 1983 г. для этих целей был даже создан «Антисионистский комитет советской общественности».

¹⁵ *Newsweek* – крупный американский еженедельный журнал, основан в 1933 г., выходит в Нью-Йорке. Имеет семь зарубежных версий, в том числе русскую (с 2004).

¹⁶ В 1970-х–1980-х гг. Бельгия была одним из крупных центров борьбы за права евреев в Советском Союзе. В феврале 1971 г. в Брюсселе состоялась первая Всемирная конференция по вопросу о положении советских евреев, вторая Всемирная конференция прошла там же в феврале 1976 г.

¹⁷ Имеется в виду жена А.Д. Синявского Мария (Майя) Васильевна Розанова-Синявская (Розанова-Кругликова, р. 1929) – литератор, публицист, издатель.

Что касается Москвы, то она за нее не держится и будет жить с ним где угодно. «Я его прокормлю, – сказала Майя, – он меня раньше кормил, а теперь я его».

Мы с Инной решили съездить к Юлику Даниэлю весной в мои каникулы.

Это было невероятно, в декабре. В мастерской ходили мои ребята-восьмиклассники. И вдруг я слышу – Дима с кем-то обнимается у двери. Я чуть не обомлела – Юлик. Лицо у него исстрадавшееся, очень резкое, и всё время он озирался. Дима рассказал мне, что сначала Юлик очень настороженно стоял и ждал на темной лестнице, не зная, какой прием окажет ему Дима. Мы закрылись в маленькой комнате, Дима принес бутылку коньяка, и мы не могли друг на друга наглядеться. Видно, что эти пять лет были для него очень тяжкими. Особенно последний год во Владимирской тюрьме. Самое страшное – это или один, или с чужими враждебными людьми. Ларисе плохо, его к ней не пустили, не разрешили им быть вместе¹⁸. Он пробыл у нас минут двадцать, очень спешил. Ему с великим трудом разрешили приехать на день в Москву по делам. Он сказал, что не мог не спуститься к нам в подвал, когда проходил мимо. Дима сказал ему: «Всё началось с вас, началась новая эра. Всё, что вы сделали – правильно!» – «Не все так думают, – сказал Юлик грустно, – многие осуждают»¹⁹. – «Не слушай никого, – сказал Дима, – вы молодцы, и всё делали правильно»²⁰. Юлику приятно было это слышать. Мы до сих пор с Димой находимся под впечатлением этой встречи.

Я рассказала о нем одной знакомой девочке-школьнице. Девочка эта сказала жутко трогательно: «Передайте ему, что я с радостью первая подам ему руку». Смешно это прозвучало, а приятно все-таки, когда дети так хорошо говорят.

25 февраля 1971 г., четверг.

Дима делает эскиз памятника одному молодому парню, Андрееву Сергею, захороненному в Пушкино²¹.

26 февраля 1971 г., пятница.

Дима сказал мне: «Всё-таки блядство, что у нас нет свободы. Вот Бюффе²², как сказали французы по радио, выставил недавно серию картин «Сумасшедшие женщины», а я своих «Сумасшедших женщин» сделал лет десять назад».

¹⁸ Л.И. Богораз отбывала четырехлетнюю ссылку в Иркутской области за участие в демонстрации протеста на Красной площади в Москве 25 августа 1968 г. против ввода советских войск в Чехословакию.

¹⁹ О противоречиях в диссидентской среде см., например, воспоминания друга А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля (а также и В.А. Сидура) Игоря Наумовича Голомштока *Воспоминания старого пессимиста. О жизни, о людях, о стране* // Знамя. 2011. № 3. С. 177.

²⁰ Оба писателя были подвергнуты после ареста травле в печати, исключены из СП СССР, а позорный громкий (хотя и закрытый) процесс по их делу стал первым политическим процессом послехрущевской эпохи и положил начало диссидентскому движению в Советском Союзе. В 1989 г. вышел сборник материалов об этом процессе «Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля» (сост. *Великанова Е.М.* – М., Книга. 1989).

²¹ Надгробие Сергею Андрееву установлено в 1971 г. на кладбище г. Пушкино близ Москвы (мрамор, 115×53×71 см).

²² Бюффе (Buffet) Бернар (1928–1999) – французский живописец. Упоминается серия его картин *Les Folles* (1970 г., масло, холст).

Примерно неделю назад у нас дома были гости: Рита Янус с Вале́й Турчиным и еще кое с кем. С ними была еще женщина, очень симпатичная, Тамара Хачатурова²³. Она жена адмирала, Героя Советского Союза²⁴, муж ее раньше сидел, теперь умер. Родственники ее какие-то высокопоставленные, с самого верха. Ее дядя – что-то по авиации²⁵ и тоже раньше сидел²⁶ с Туполевым²⁷. Их ставили к стенке, вроде для расстрела, они стояли по трое суток²⁸. С тех пор у дяди большие ноги, но он жив и не менее крепко любит советскую власть. Эта Тамара даже жила в доме, где соседями была семья Сулова. Когда же стало известно, что она дружит с Солженицыным (они с Александром Исаевичем на «ты»), ее высокопоставленные родственники заволновались. И дядя вызвал ее в свой дом (где она тоже жила раньше, и куда без пропуска не пускали, но ее пустили, так как она была там известна), и дядя в этой квартире неестественно громко говорил по направлению к камину, что если она хочет продолжать видеться со своими родственниками, пусть выбирает – либо они, либо Солженицын. Она, естественно, выбрала Солженицына. Тогда же, то ли в другой раз, она встретила в лифте самого Руденко, и так как она только что вернулась из Калуги с процесса Пименова²⁹, она, пользуясь знакомством с Руденко, который любезно сам с ней

²³ Хачатурова Тамара Константиновна (р. 1923) – переводчица с французского. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. работала в Научно-исследовательском физико-химическом институте им. Л.Я. Карпова. В 1960-х – начале 1970-х гг. сотрудница научной библиотеки ФИАН. Затем – в издательстве АН СССР «Наука». Во время работы в ФИАНе познакомилась и подружилась с И.Е. Таммом, В.Л. Гинзбургом, А.Д. Сахаровым, Е.Л. Фейнбергом. (Подробнее о ней см. ниже записи от 3–13 мая 1973 г.).

²⁴ Здесь Юлия допускает неточность. Вероятно, она неправильно запомнила рассказ Т.К. Хачатуровой, так как приведенные сведения не соответствуют действительности.

²⁵ Имеется в виду авиаконструктор Мясищев Владимир Михайлович (1902–1978), который был женат на дочери композитора А.А. Спендиарова Елене Александровне Спендиаровой (1905–1981), тете Т.К. Хачатуровой (Е.А. Спендиарова и К.И. Хачатуров были единоутробными сестрой и братом).

²⁶ В.М. Мясищев был арестован в 1937 г. Находясь в заключении (по 1940 г.), работал в ЦКБ-29 НКВД («Туполева шарашка»), где, как и А.Н. Туполев, руководил собственным конструкторским коллективом. В 1951 г. по личному указанию И.В. Сталина стал генеральным конструктором своего ОКБ (по 1960 г., и снова с 1967 г.). Герой Социалистического Труда (1957), лауреат Ленинской премии (1957).

²⁷ Туполев Андрей Николаевич (1888–1972) – авиаконструктор, с 1936 г. первый заместитель начальника и главный инженер Главного управления авиационной промышленности Наркомтяжпрома СССР. Вместе со многими руководителями авиационной промышленности в 1937 г. арестован по обвинению в шпионаже и вредительстве. Находясь в заключении, руководил коллективом в ЦКБ-29 НКВД («Туполева шарашка»), освобожден в июле 1941 г. со снятием судимости. С 1956 г. генеральный конструктор своего ОКБ. Действительный член АН СССР (1953), трижды Герой Социалистического Труда (1945, 1957 и 1972), Лауреат Ленинской (1957), четырех Сталинских и Государственной премий.

²⁸ Вывод на расстрел, многосуточное стояние – распространенные методы пыток, применяемых советскими репрессивными органами с целью получить нужные показания. По рассказам Т.К. Хачатуровой, она сама (будучи беременной) простояла на Лубянке перед тремя следователями, сменявшими друг друга, 17 часов – от нее добивались отречения от мужа.

²⁹ Пименов Револьт Иванович (1931–1990) – математик, публицист, диссидент. В 1963–1970 гг. научный сотрудник Ленинградского отделения Математического института им. В.А. Стеклова АН СССР, в котором руководил научным семинаром по математическим проблемам теории простран-

поздоровался, сказала, что этот процесс – ни что иное, как гнусная комедия и т. д. Руденко был очень смущен и посоветовал ей подать заявление на имя его референта по фамилии Каганович. «Ну, этого еще не хватало», – воскликнула Тамара. «Это другой», – сказал Руденко. После этой беседы Тамару вызывали в КГБ. То ли на Лубянке, то ли еще где-то (но дело происходило в полуподвале) ее ждал комендант того высокопоставленного дома, где она жила когда-то, и еще один молодой неизвестный ей человек. Этот человек сказал ей: «Вы дружите с Солженицыным?» Она ответила, что не собирается беседовать о своих друзьях с людьми, которые даже не считают нужным представиться. Тот опешил, но тут же сказал: «А я вот вам сейчас дам прослушать одну пленочку, и вы узнаете, какой он человек». Тогда Тамара зажала руками уши и закричала, что она ничего слушать не желает, и если они не прекратят, она выбросится в окно. Комендант тут же сказал, что раз она не хочет, то не надо. Этот комендант – генерал в отставке. Все забыли, что они в полуподвале, даже из окна выброситься было бы не так-то просто. На прощанье комендант сказал ей, что если она вдруг вздумает подойти к Суслову как к своему бывшему знакомому и заговорить с ним, это будет рассматриваться как покушение. Вот такая интересная история о нашей действительности.

27 февраля 1971 г., суббота.

Наконец повидались с Юнной. Она теперь одна, как говорит, всех своих баб вокруг разогнала. У нас была в подвале Алка, а еще раньше пришел Эдик и ушел. Я после репетиции в школе никак не могла остановиться, возбудилась, всё продолжала репетировать и всех чуть не довела до умопомрачения. Димка делал эскиз памятника, несколько раз чихал, но, кажется, не захворал. Юнна приехала с Игорем <Бубновым>. <...> Юнна в черном сюртуке, в черных брюках, очень величественна. Как всегда, когда ее вижу, мое сердце переполняется к ней нежностью. Весь вечер она сочиняла у нас стихи про нас. Ей этого сразу захотелось, как только она увидела Диму за работой. Игорь, Алка и я вели бредовый разговор о театре, Игорь употреблял такие слова, как «пластика», «метафоричность», «фактура». Я заметила сейчас – чем мельче личность, чем дальше от настоящего искусства, тем мудренее выбирает слова.

Напоследок Алка проявила к Юнне агрессивность. Юнна, даже странно, никак на это внешне не прореагировала, хотя ей ничего не стоит смешать человека с дерьмом за одну секунду. Она же, напротив, была задета. Был такой разговор. Юнна говорит: «Я теперь одна, без <подруги> Тани и вообще без никого». – Я: «Что, надоело?» – Юнна: «Не знаю, наверно». – Алка: «Может быть, ты им надоела». Как-то это грубо было сказано. Потом в машине Юнна сказала: «Я Аллу не люблю». Я ей на это посоветовала смотреть поверх голов некоторых людей. Хорошо иногда дать совет великому человеку.

ства-времени, преподаватель математико-механического факультета ЛГУ. С 1949 г. занимался диссидентской деятельностью, неоднократно подвергался репрессиям, находился в лагерях и ссылке. В октябре 1970 г. был осужден Калужским областным судом по статье 190-1 УК РСФСР за распространение самиздата на 5 лет ссылки, которую отбывал затем в республике Коми.

Диме и Юле

Из глины серой, как халва
 Подсолнечной фактуры,
 Возникла голова волхва,
 Являя суть натуры,
 Которой звезды Рождества
 Сияли с верхотуры.
 Ладоней замкнутый замес,
 Обозначая схватку
 Огня и почвы, и небес,
 Взывающих к порядку
 (И зря – кто по дрова, кто в лес,
 поскольку бес повсюду влез!)
 Немедля вызвал интерес
 Во мне и вник в тетрадку.
 Напротив мастера жена
 Сидела с чашкой чаю.
 И не была поражена,
 Что я не замечаю
 Прохладу нежную вина
 И на глазах дичаю.
 И мастер был не поражен
 Отсутствием участия.
 Он выбрал сам друзей и жен,
 Не скрыв ни сладострастья,
 Ни знания, что окружен
 Толпой, не евшей счастья.
 О чем я думала? О том,
 Что чувствую по норме,
 Которой боязно потом,
 Что мастер – в чудной форме,
 Что в этот дом ходил Тоом,
 Что я глотаю холод ртом,
 Как нищий на платформе.
 Юнна Мориц³⁰ 27/II-71 г.

28 февраля 1971 г., воскресенье.

В который раз уже Дима приходит к выводу, что всё, что он создал – ни к чему, и никому не нужно. Вот уже второе помещение <подвала> заполнено. А дальше что? К счастью, он всегда находит в себе силы создавать дальше, как бы бессмысленно это ему не казалось.

У меня такое ощущение, что с годами Дима становится похож на Зинаиду Ивановну внешне. Иногда очень сильно, особенно, когда он лежит. Поразительно похож.

Алка к нам заезжала, ее голова переполнена умными цитатами.

³⁰ Вадиму Сидуру посвящено еще одно прекрасное стихотворение Ю.П. Мориц «Мастерская» (1964 г., исправлено в 1968 г.). См. записи от 5 ноября 1968 г.

Георгий Геннис, Владимир Воловников, Елена Гамазина, Евгения Смагина, Михаил Шунков с Вадимом и Юлией в мастерской. Фото: Эдуард Глазков

1 марта 1971 г., понедельник.

Какие у меня дети в школе хорошие! Старшие – вообще идеальные, и маленькие растут невероятные. Юра Геннис, Володя Воловников, Женя Смагина, Лена Гамазина, Миша Шунков – родные мои ребятки³¹.

Димушка нарисовал с утра три акварели отличных. А вечером мы были в подвале вдвоем, он печатал гравюры.

Наши евреи советские совсем обнаглели, 24 февраля требовали в помещении Верховного Совета, чтобы их отпустили в Израиль³². Пробыли там девять часов

³¹ Перечислены самые близкие ученики Юлии, оказавшиеся в мастерской В. Сидура и ставшие и его учениками: Геннис Георгий Гельмутович (р. 1954) – поэт, прозаик, переводчик, редактор; Воловников Владимир Григорьевич (р. 1954) – будущий историк и преподаватель; Смагина Евгения Борисовна (р. 1954) – поэт, переводчик, будущий языковед и историк литературы; Гамазина Елена Геннадьевна (р. 1954) – будущая учительница французского языка; Шунков (Сидур) Михаил Вадимович (1955–2010) – будущий переводчик и искусствовед, с 1989 г. директор Московского государственного музея Вадима Сидура, автор монографии «Вадим Сидур. Очерк творчества на фоне событий жизни» (М., Полигон-пресс. 2004).

³² В 11 часов дня в приемную Президиума Верховного Совета СССР зашли 24 человека и подали заявление по поводу выезда в Израиль («Заявление 32-х»), а также потребовали личной встречи с председателем ВС СССР Н.В. Подгорным. Когда в этой просьбе было отказано, при-

и ушли только тогда, когда им пообещали решить их вопрос как можно скорее. Это прямо-таки неслыханный разгул демократии! Это у нас-то!

На некоторый ширпотреб цены снизили. У меня есть ощущение, что реакция спадает. Что-то у нас наверху перерешили. Дай им бог разума!

2 марта 1971 г., вторник.

Дима с Эдиком пошли смотреть сразу два фильма. Один – Ильенко по Гоголю³³, другой – «Россияне» режиссера А. Петрова. Алка, которая приобрела билеты, уверяет, что фильмы интересные и для нас необычные, а самое главное – «труднопроходимые». Поэтому смотреть их надо.

Будто бы сына Солженицына назвали Ермолай. Не могли найти имени более славянофильски претенциозного. К сожалению, у нашего живого классика очень и очень дурной вкус, несмотря на все заслуги. Боюсь, что как писатель он кончился. Дай бог здоровья младенцу Ермолаю Солженицыну.

3 марта 1971 г., среда.

Алка жутко выглядит. Говорит, что вчера где-то перепила. Кто-то опять наблевал у нас на лестнице. Дима закончил штук шесть акварелей, очень красивые. В подвале лепил памятник Сергею Андрееву. Читали интервью Эжена Ионеско с журналистом из журнала «Экспресс»³⁴. Потрясающе! Я и раньше Ионеско очень любила, но сейчас мне даже захотелось ему письмо написать, может быть, я даже напишу. Мы с Димой очень рады, что во всем совпадаем с Ионеско. Он очень здорово говорит про Сартра, какое тот все-таки дерьмо по существу. А ведь когда-то я этого Сартра очень любила. И с каким громадным уважением говорит он о Беккете. Невероятно!

5 марта 1971 г., пятница.

Что-то ругались с Димой помаленьку. Я то обижалась, то переставала. Дима недоволен эскизом к памятнику Сергею Андрееву. Это всегда так – любая заказная работа вызывает у него вначале всякие мучения, не то, что свое.

7 марта 1971 г., воскресенье.

Праздники. По улицам сплошная пьянь. Читаю про Рудольфа Штайнера³⁵. Опять сегодня по радио получили как бы привет от Майка. Вчера Юра Каган та-

шедшие объявили голодную забастовку и отказались покидать помещение приемной. События подробно описаны непосредственным участником писателем Эфраимом Севелой «Последние судороги неумирающего поколения» (1975).

³³ Речь идет о художественном фильме «Вечер накануне Ивана Купалье» известного в то время среди интеллигенции кинорежиссера и оператора Юрия Герасимовича Ильенко (1936–2010), снятом на киевской Киностудии им. Довженко в 1968 г. В широкий прокат этот фильм не вышел и показывался в клубах и небольших кинотеатрах. (См. также выше записи от 31 июля 1968 г.).

³⁴ Французский левый интеллектуальный еженедельник *L'Express* (издающийся с 1953 г. в Париже) в 1970-х гг. не раз помещал на своих страницах обширные интервью с Э. Ионеско. Какое из них подразумевает Юлия, неясно. Возможно, очень известное следующее: *Frédéric de Towarnicki. L'Express va plus loin avec Ionesco // L'Express. 1970. 5–11 octobre* (годы спустя в переводе на русский язык оно вошло в сборник эссе писателя «Противоядия». – М., Прогресс, Литера. 1992).

³⁵ Штайнер (Steiner) Рудольф (1861–1925) – доктор философии, оккультист, основоположник антропософии. Юлия заинтересовалась им, познакомившись с антропософами Готфридом и Марией Бютнер.

индивидуально сообщил по телефону, что нам необходимо увидеться. Увиделись. Восторженно рассказал, что в Германии, откуда он только что вернулся, он чуть не обомлел, когда его спросили, знает ли он в Москве «подпольного» скульптора Вадима Сидура. Короче говоря, он попал на выставку фотографий Диминых скульптур к Готфриду Бютнеру в Касселе, нашему новому и очень милому приятелю. Он передал нам с Юрой подлинник письма Беккета и его пьесу *Oh, les beaux jours*³⁶ с автографом. Юра аж захлебывался, а мы, конечно, были рады. Но что-то в нас изменилось – не можем мы уже так сильно радоваться славе, как раньше. Стареем мы и сил не хватает. Димка страдает, что он меньше, как ему кажется, работает. Хотя это не так. Сейчас почти не занимается скульптурой, но зато много рисует и пишет. Меня же мои мелкие школьные дела волнуют больше всего на свете. Дерьмо всякое.

В женский день вывесили красные флаги, кретины. Купила себе в подарок рубашку цвета хаки, и даже она меня не радует.

9 марта 1971 г., вторник.

Дима плохо себя чувствует, поясница болит, а также простуда. Тем не менее рисовал весьма удачно. Среди нескольких акварелей за сегодня одна – «Левий Матвей» – совершенно отличная. Неожиданно по почте получили великолепный привет от Анники из Швеции. Публикация про Димку: шесть фотографий и большая статья³⁷. Что там написано – непонятно, но судя по отдельным словам, что-то биографическое. Там же написано, что фотографии Эдика Гладкова, и еще я разобрала, что жена Julia – учительница во французской школе. Всё это очень приятно, хотя действует только несколько первых минут, потом как-то обычная жизнь заедает. Газета «Дагенс нюхетер»³⁸ за 21 февраля 1971 г.

Вечером домой к нам пришел Алик с актрисой из своего театра Л. Комаровской³⁹. Ничего женщинка, миленькая.

Ужасно хочу быть антропософом и верить в загробную жизнь, как Рудольф Штайнер, но не могу. Димка тоже не больно-то верит. Всё это придумывается для человеческого утешения. Сам Штайнер, безусловно, был человек необыкновенный, но я, например, не чувствую себя способной на познание того счастья, которое наступило бы, если бы духовное существование имело место в загробной действительности. Но поверить в это безумно хочется, тогда, действительно, смерти нет. А разве такое может быть? И что это за научные факты? Готфрид Бютнер – человек невероятно интересный, может быть, он что-то знает сам? Во всяком случае, антропософы жизнь ведут праведную – не пьют, не курят, аборт не делают, это уже хорошо. Еще мне нравится, что Штайнер сказал своей жене: «У жалости нет границ». Антропософия очень сильно связана с искусством и отрицает мистику и суеверие. Это же прекрасно!

³⁶ Пьеса *Happy Days* («Счастливые дни»), 1960 г.

³⁷ Статья *K. Olovsson Krigsupplevelserna brände sig fast* («Пережитое на войне не отпускает») в стокгольмской газете *Dagens Nyheter* 21 февраля 1971 г.

³⁸ *Dagens Nyheter* («Новости дня») – крупнейшая шведская ежедневная утренняя газета, выходит в Стокгольме с 1864 г.

³⁹ Комаровская Людмила Георгиевна (1937–2012).

Рисунок В. Сидура (1971)

10 марта 1971 г., среда.

Сто человек наших евреев бузили в Верховном Совете, до того сильно хотя-т в Израиль⁴⁰. Понабежали иностранцы и даже, будто бы, площадь оцепили КГБ. От Анники пришла очень милая открытка. У них что-то все бастуют. Дима чихает, кашляет, слегка температурит. Вызывали врача.

Я ушла из дома в 8 утра, а приехала в 11 вечера. На ногах, в общем, держусь и даже почти не похудела, а мне не помешало бы.

12 марта 1971 г., пятница.

Наша слава растет. Звонил Хорст, сказал, что читал в немецкой газете «очень интересную статью про одного скульптора». У него этой газеты нет, но он ее «уже просиль».

Дима чихает со страшной силой, может чихнуть раз двадцать подряд. У Абрама Яковлевича глаза сегодня опять красные и сильно гноятся, очень неприятно.

13 марта 1971 г., суббота.

«Реакционные политики посеяли подозрения по отношению к интеллектуальной активности, запугав публику внешней опасностью. Что должна делать интеллигенция, столкнувшись с этим злом? По правде, я вижу только один путь – революционный путь неповиновения в духе Ганди... Если достаточное число вступит на этот опасный путь, он приведет к успеху. Если нет – тогда интеллигенция этой страны не заслуживает ничего лучшего, чем рабство», – Альберт Эйнштейн⁴¹.

«В силах одного человека лишь служить примером для других и мужественно защищать их нравственное начало...», – Альберт Эйнштейн⁴².

14 марта 1971 г., воскресенье.

Посмотрели с Димушкой спектакль у Любимова «А зори здесь тихие»⁴³. Очень здорово. Когда-то я пыталась прочесть эту повесть Бориса Васильева⁴⁴ в «Юности», она мне очень не понравилась – показалась ложнокрасивой. Но Любимов сделал отличный спектакль. Дима правильно говорит, что это спектакль, который устраивает всех – и снизу и сверху. Первый спектакль на Таганке, получивший высшее официальное признание через газету «Правда».

Наше руководство – полные кретины. Таких, как Любимов, Солженицын, Сидур и других надо использовать, а не давить. Они бы защищали систему на самом высоком уровне. Правильно говорит Дима: «Надо бежать впереди движения, а не вести идеологическую войну с винтовками 1812 года».

⁴⁰ См. записи от 1 марта 1971 г.

⁴¹ Из письма-ответа Альберта Эйнштейна (1879–1955) в июне 1953 г. учителю физики из Бруклина Вильяму Фрауэнглассу, которого вызывали в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности.

⁴² Из письма Альберта Эйнштейна к немецкому физико-теоретику, Нобелевскому лауреату Макс Бору (1882–1970).

⁴³ Премьера прошла в Театре на Таганке 6 января 1971 г.

⁴⁴ Васильев Борис Львович (1924–2013) – писатель, участник Великой Отечественной войны. Лауреат Государственной премии (1975). Повесть «А зори здесь тихие» была напечатана в № 9 журнала «Юность» за 1969 г.

Олег Киселев и Евгения Смагина (автор пьесы) на репетиции спектакля «Леона Пигма» (1971)

15 марта 1971 г., понедельник.

Всё ещё находимся под впечатлением вчерашнего спектакля. Алик Киселев должен быть благодарен Любимову по гроб жизни. Он невероятно здорово работает.

Сегодня Дима снова лепил вариант памятника Сергею Андрееву, получается очень хорошо. Приходила нынешняя Димина ученица, выпускница из моей школы Наташа Нольде⁴⁵, печатала гравюры. Смешная девочка, толстая и, кажется, добродушная. Вообще-то, поглядим.

⁴⁵ Нольде Наталья Львовна (р. 1953) – художник, полиграфист, искусствовед, преподаватель, ученица Юлии и Вадима Сидура, написала кандидатскую диссертацию о его искусстве, автор ряда интересных работ о нем, среди которых монография «Драма человека в творчестве Вадима Сидура». (М., Канон-плюс. 2014).

Олег Киселев на репетиции спектакля «Леона Пигма» (1971)

Олег Киселев на репетиции спектакля «Леона Пигма» (1971)

Олег Киселев на репетиции спектакля «Леона Пигма» (1971)

Спектакль «Леона Пигма» (1971), справа М. Крамер

Спектакль «Леона Пигма» (1971)

18 марта 1971 г., четверг.

Получили немецкий журнал *Zeit-Magazin*⁴⁶. Это оказался Майк, выжимки из «Обсервера» с фотографиями: «Пулеметчик», Дима среди скульптур, Юнна со своим портретом и со стихами про мастерскую, уже переведенными на немецкий язык. Неприятно, что в соседстве статья про Глазунова с его самодельными работами. Правда, его дешевка лучше оттеняет Димины вещи.

Вознесенский совсем ссучился, полное дерьмо. В «Литературке» опубликовано совершенно омерзительное стихотворение с припевом «рот в рот»⁴⁷, Юнна назвала его «лучшим представителем фаллической поэзии».

Мы с Аликом послезавтра показываем спектакль по пьесе моей ученицы Жени Смагиной «Леона Пигма». Оба доходим и детей, наших актеров, доводим до ручки. Но они почему-то довольны.

20 марта 1971 г., суббота.

У нас фантастический успех. Димке невероятно понравилось. Прямо-таки триумф у нашего спектакля. И ребята, и Алик, и я, конечно, не ожидали такого. «Леона Пигма» прошла на высшем уровне. Полный зал людей, да еще качество какое. Даже Юнна пришла и была довольна.

⁴⁶ В приложении к влиятельной газете *Die Zeit* 5 марта 1971 г. был помещен сокращенный вариант статьи М. Скэммела под названием *Kritik aus dem Kreml. Vadim Sidurs lebenslange Klausur in Moskau*.

⁴⁷ Стихотворение 1970 года «Донор дыхания».

Есть слухи, а именно французские слухи через ОРТФ⁴⁸, что советских евреев, не особенно ценных, будут выпускать из страны⁴⁹. В связи с этим Боря Хазанов и Инна Бернштейн полны надежд и собираются подавать заявления. Они сказали Димке: «Мы и тебя вытащим». Димка не хочет ни в какую. Я вроде бы сейчас тоже не хочу. Дима правильно говорит, что мы здесь нужнее и должны оставаться в своей стране. Мы и здесь, пока дышим, делаем свое необходимое и бесценное именно для нашей страны дело.

Сегодня после школы, еще раз увидев лица своих ребят, я как-то особенно ощутила необходимость нашего присутствия здесь. Еще Дима сказал: «Никуда я не поеду. У меня нет ни сил, ни желания. Я за эту страну воевал, кровь проливал, здесь могила моей матери, стоят мои памятники. И если придется помирать, так будем помирать здесь, я никуда не поеду». Я тоже.

23 марта 1971 г., вторник.

Есть ощущение, что Александр Исаевич что-то крутит. Это нам неприятно. Конечно, тяжело быть знаменем, но уж если взялся, так держись. Тамара Хачатурова при нашей встрече рассказывала, что он будто бы написал Суслову какое-то письмо, где намекает на желание опубликовать свои произведения, не касающиеся политики⁵⁰. Точно про содержание этого письма не известно, но Тамара сама назвала это «лакейским жестом». Я бы не стала вспоминать об этом факте, если бы Би-би-си вчера не сообщило, что Солженицын отказался послать в Нобелевский комитет обязательную в случае присуждения премии речь, так как по почте эту речь может исковеркать цензура, а посылать с оказией нельзя, поскольку подобные нелегальные действия уголовно наказуются. Дурацкие аргументы. Никаких статей уголовного кодекса по данным поступкам нет. Его благодарственная речь – не «военного завода план» или что-нибудь в таком духе. И нечего даже подавать властям эти мысли. При таком «патриотическом» отношении все мы можем быть преступниками, и он сам в первую очередь. Я уж не говорю о Диме и Эдике. Явно, чем-то он свихнулся с тех пор, как развелся, вновь женился и родил Ермолая. Не верю я, что его роман про Первую мировую войну хороший. Дай бог, чтобы мы с Димой оказались неправы, а Алек-

⁴⁸ Office de Radiodiffusion Télévision Française (ORTF) – государственное Управление французского телерадиовещания, существовавшее в 1964–1974 гг. (См. также выше записи от 2 августа 1970 г.).

⁴⁹ В 1971 г. разрешение на выезд в Израиль получили 13 тыс. человек добавить: (в 1972 г. – 31 тыс., в 1973 г. – 34 тыс.).

⁵⁰ «Через несколько дней после объявления премии, – писал А.И. Солженицын, – мелькнула у меня идея: вот когда я могу первый раз как бы на равных поговорить с правительством... А кому послать, колебаний не было: Сулову!» В письме от 14 октября 1970 г. писатель предложил до вручения Нобелевской премии напечатать отдельной книгой значительным тиражом и выпустить в свободную продажу «Раковый корпус», снять все виды наказаний (исключение студентов из институтов и др.) с лиц, обвиненных в чтении и обсуждении его книг, снять запрет с библиотечного пользования еще уцелевшими экземплярами его прежде напечатанных рассказов. «Если это будет принято и осуществлено, – писал он, – я могу передать Вам для опубликования мой новый, на этих днях хрончаемый роман “Август Четырнадцатого”». (Письмо опубликовано позже как приложение к хронике «Бодался теленок с дубом»). Обращение писателя имело последствием усиление на него давления свыше.

сандр Исаевич оставался бы таким же стойким, как и раньше. Ведь он же не раз повторял, что никому не остановить путей правды и за движение ее он готов даже на смерть.

Общее ощущение на спад реакции. Есть мнение, что Брежнев прогрессивнее других. Во всяком случае, они хотят, чтобы всё было тихо и спокойно. Мне их жаль, потому что ничего у них не выйдет. Они – люди конченные. Время работает на нас. Хотя на наш век, скорее всего, хватит безумия, идиотизма и жестокости.

25 марта 1971 г., четверг.

Договорились по телефону с Юликом Даниэлем. Поеду к нему послезавтра с Инной и Аней Бернштейн. Голос у Юлика нормальный.

Прочитали вчера отличную статью Г. Померанца «Человек воздуха»⁵¹. Блестяще и здорово написано. Сколько же у нас талантливых и умнейших людей высказываются «за сценой», здорово высказываются! Г. Померанц привел в своей статье гениальное стихотворение Марины Цветаевой⁵².

Жизнь – это место, где жить нельзя:
 Ев – рейский квартал...
 Так не достойнее ль вó сто крат
 Стать Вечным Жидом?
 Ибо для каждого, кто не гад,
 Ев – рейский погром –
 Жизнь. Только выкрестами жива!
 Иудами вер!
 На прокаженные острова!
 В ад! – всюду! – но не в
 Жизнь, – только выкрестов терпит, лишь
 Овец – палачу!
 Право-на-жительство свой лист
 Но – гами топчу!
 Втаптываю! За Давидов щит –
 Мечь! – В месиво тел!
 Не упоительно ли, что жид
 Жить – нé захотел?!
 Гетто избранничеств! Вал и ров.
 По – щады не жди!
 В сем христианнейшем из миров
 Поэты – жидаы!

⁵¹ Померанц Григорий Соломонович (1918–2013) – философ, писатель, публицист. Участник Великой Отечественной войны. В 1949 г. арестован по обвинению в антисоветской деятельности и в 1950–1953 гг. находился в ГУЛАГе. С начала 1960-х гг. активный участник диссидентского движения. Эссе «Человек воздуха», написанное в 1967 г., является первой редакцией эссе «Человек ниоткуда» (1969).

⁵² Фрагмент из «Поэмы конца» (1924).

26 марта 1971 г., пятница.

Пришли к нам в гости мои ребятки десятиклассники и Кларочка с Валькой и Эдиком. Отлично посидели. Женя Смагина напоследок сочинила стихи. Приятно, хоть и ни бог весть что.

Вадиму Сидуру

Случайно (или, может, просто сдуру)?
 Пришла я в мастерскую к В. Сидуру.
 Меня пленили живопись, скульптура
 И графика художника Сидура.
 С тех пор хожу, подобно трубадуру,
 Слагая дифирамбы лишь Сидуру.
 Мне все шедевры кажутся халтурой.
 Взвиряю на пустые стены хмуро:
 «Ах, почему здесь не висит гравюра
 Великого художника Сидура?»

Дима говорит: «Как пародия».

31 марта 1971 г., среда.

Завтра на работу. И охота и неохота. Ленка Гамазина прибежала сегодня в мастерскую без звонка. Смотрит на Диму с нескрываемым обожанием. Сказала ему tête à tête, что хотела бы быть его дочкой. Раньше она мне говорила: «Вот бы мне такого мужа». Димка доволен ужасно. Дурачок! Говорит ей: «Я могу с тобой гулять иногда, если тебе не с кем». Она говорит: «Сейчас уже некогда».

Сегодня в подвале был целый кагал: деловитая Алка, как Чапаев, и ее армия – Игорь <Тимофеев> с Владиком <Кадышевым>. Приступают к фильму про Димку. Всё чего-то обсуждали, довольно плодотворно.

Путешествие в Калугу

Утомительное пребывание в поезде три с половиной часа. С ума можно сойти! Нас было трое, и мы развлекали друг друга как могли. Самая умная Инна – была в шубе. А нам с Аней было холодно в синтетиках и искусственных кожах.

Калуга – городок не из противных, как, например, Дмитров, где совсем нет общественных уборных, а рыночный туалет всегда закрыт, поскольку в нем «санитарный день», поэтому граждане делают все свои дела рядом с туалетом. В Калуге много троллейбусов с удивительно невоспитанной, многочисленной, шумной, но добродушной публикой. Еще там творил великий Циолковский, затеявший всю космическую кутерьму для общения с трансцендентными духами. Он верил в теософию⁵³, от которой в итоге отказался Рудольф Штайнер в пользу антропософии.

Мы устроились в гостинице «Ока» относительно легко, хотя все и по разным номерам. Раньше, во времена Достоевского, такие гостиницы назывались «меб-

⁵³ Теоретик освоения космического пространства К.Э. Циолковский (1857–1935) вдохновлялся идеями религиозного философа, футуролога, основоположника «космизма» Н.Ф. Федорова (1829–1903).

лирашки». Мне ночью было холодно, пока я не нацепила на себя всё имеющееся в наличии барахло. На соседней койке безмятежно спали две школьницы-волейболистки из крупного центра Подземенска за 200 км от Калуги. В гостиничном буфете кормят так же плохо, как в московском самообслуживании. Я имела успех у некоторых пьяноватых мужчин сельского вида, а может быть, и калужского. К молодой и красивой Ане никто не лез, а меня сосед в очереди, услышав, как меня зовут, всё допытывался: «Юлька, небось, в детстве тебя звали Шпулька?» Я сказала, что имеено так и было. Потом он пожалел, что я скоро уезжаю. Я ему посочувствовала.

У нас было много продуктов с собой, т. к. предполагалось встретить каторжника в голодном городе. Ничего подобного! Те же продукты, что в Москве, кроме яблок и апельсинов. Повсюду толпы и очереди.

Юлику Даниэлю дали комнату в новостройке, пятиэтажной панельной коробке, в двухкомнатной квартире с соседями-официантами. Во-первых, его не было дома, и никого в квартире не было. Но выскочило много соседей, все «выпимши», не исключая женщин, и громко стучали в дверь, приговаривая: «Ай да Юрий Маркович! Это же надо – сразу три женщины!» Мы еще не знали, куда нам деться и решили поехать на вокзал, предположив, что Юлик поехал туда нас встречать. Сумки у соседей все-таки не оставили, хотя они любезно предлагали. Встретили мы Юлика неожиданно с четвертой женщиной под ручку, тоже прибывшей из Москвы накануне. Красивая высокая баба в брюках. Невооруженным глазом видно, что у них отношения. Я узнала его первая, он был в том же берете и сером пальто, как в тот раз в подвале. Но это был уже другой человек. Он отъелся, не озирался, глаза спокойные, дотюремные галантные движения, ласково-кошачьи. Условия жизни по нашим меркам идеальные, все удобства. Кровать, стол, два стула и маленький столик. Кроме кровати, всё дали с завода. Работает он на Калужском машиностроительном заводе в должности «инженера-переводчика» за 100 рублей. Собирается уходить, так как ничего ровным счетом не делает, кроме переключивания бумажек из одной папки в другую. Намеревается возобновить свою старую профессию поэта-переводчика, и в этом смысле у него даже что-то налаживается. Очень обрадовался, когда я сказала, что указ о тунеядстве отменен⁵⁴. Его одолевают люди, он рад был, что я позвонила, так как «не всех можно совмещать», по его словам. У меня сложилось впечатление, что он наконец начал понимать свое историческое значение, во всяком случае, я это почувствовала.

2 апреля 1971 г., пятница.

Что-то уж слишком быстро стало тепло, прямо-таки жарко. Дима сделал третий вариант памятника Сергею Андрееву. Тоже очень красиво.

⁵⁴ Имеется в виду указ Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни», основанный на статье 12 Конституции СССР 1936 г.: «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: кто не работает, тот не ест». Указ часто использовался в целях преследования инокомыслящих. Был отменен позже, чем говорит Юлия – 7 августа 1975 г.

Народ доволен речью, произнесенной на съезде Брежневым⁵⁵. Много обещаний.

Посадили Владимира Буковского. У Александра Исаевича дома сына называют Ермак – очень героически.

Путешествие в Калугу

(suite)

Говорили мы о многом и довольно интересно. Юлик один выпил бутылку коньяка, мы же, женщины, пили вино «Гамза». Он не опьянел, но стал сосредоточеннее и жестче. Слышит он тоже с некоторым усилением, но почти без затруднений.

Слушали его песни на задрипанном магнитофоне на полу. Мне эти песни показались довольно слабыми, они о лагерях, о тюрьме. Пели двое – сначала Бабицкий⁵⁶ получше, подушевнее, хоть и очень плохая запись, потом какой-то актер, гораздо хуже. Вести какие-либо разговоры Юлику не очень-то хотелось, хотя он и говорил. Радио у него нет, только репродуктор, чтобы знать время. Он отрицательно относится к Беккету. Скорее всего, не понимает. Слышал, то ли читал и ознакомился со Штайнером, с Блаватской⁵⁷ и с другими. Блаватскую называет истеричкой. К этим людям у него отношение или пренебрежительное или отрицательное. Он говорит, что сейчас в лагерях замечается большая интеллектуализация среди политзаключенных. Сидят невероятные умники, которые всё время между собой спорят, фанатически отстаивая свои взгляды, и, как считает Юлик, всё это призыв к действию. Ему это ужасно не нравится. А мне нравится. Я тоже за действия, только не революционные. Юлик сам себе противоречит. Сам он всё время действовал, и довольно смело. К самиздату у него тоже весьма критическое отношение. Он считает самиздат «поприщем для русских фашистов». Я ему возразила: «Публикуются далеко не всегда одни фашисты. Гораздо чаще – великолепные, совершенно блестящие вещи не только в публицистическом, но и в художественном смысле, как свидетельства раскрепощенной мысли». Еще Юлик сказал, что через самиздат идут призывы изготавливать гранаты. Ничего же хорошего он не читал, так как в лагерь не доходило ничего, кроме литературы для иеговистов, у которых центр в Бруклине, но благодаря жесточайшей дисциплине и законспирированности они имели свою литературу регулярно с опозданием в крайнем случае не дольше месяца. Любопытно в этом смысле такое его отношение к книге Анатолия Марченко «Мои показания». Когда я его спросила, он сразу же насторожился, потом все-таки стал говорить: «Книга Марченко написана не о политзаключенных, а об уголовниках, обо всем этом татуированном отребье, которых я стрелял бы сам, потому что это скоты, а не люди, и им не место на земле. Этих людей, всех им названных, я знаю. Все

⁵⁵ Имеется в виду XXIV съезд КПСС, проходивший 30 марта – 9 апреля 1971 г. В первый день съезда генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев выступил с отчетным докладом.

⁵⁶ В 1960-е гг. К.И. Бабицкий был известен как исполнитель авторской песни (в основном на слова Ю.М. Даниэля), его записи распространялись на магнитофонных пленках.

⁵⁷ Блаватская Елена Петровна (1831–1891) – религиозный философ, оккультистка, теософ, мистификатор. Основатель Теософского общества – сначала в 1875 г. в Нью-Йорке, а затем его филиалов в других странах. В немецком отделении Теософского общества начинал свою деятельность Р. Штайнер.

они негодяи, стукачи, педерасты, готовые зарезать тебя за пачку чая. И все – стукачи. Мне их не жалко, что они голодают. Им место только там и даже еще в худшем месте. О политзаключенных Марченко не пишет, а они есть и они настоящие герои. Я удостоился его внимания. Но есть и другие, которые с ним встречались, учили его, воспитывали, говорили что читать, разъясняли что к чему».

Итак, Юлик очень недоволен книгой Марченко. Я с ним согласиться не могла. Марченко написал, как сумел, и написал здорово. Книга потрясает именно своей страшной достоверностью. Пусть Юлик напишет другую книгу о героях-политзаключенных. В пример он привел книгу кардинала Слипого⁵⁸, которую мы пока еще не читали.

Мы были одни в квартире, соседей-официантов не было, те работают через день. Юлик рассказал, как к нему приезжал журналист из западногерманского еженедельника «Штерн» с двумя молодчиками из АПН, которые были все в замше и сильно нервничали. Потом в публикации ряд вопросов и ответов был просто опущен, а именно – все разговоры об Андрее Синявском и о том, что ему плохо, о том, хотел бы Юлик получить деньги за свои книги, вышедшие за границей. Юлик, естественно, сказал, что хочет, но только через советский банк. Корреспондент выслушивал бесстрастно о положении ссыльного, о том, что надо время от времени отмечаться в милиции, что нельзя выходить из дому после восьми часов вечера, но ужасно удивился, когда Юлик сказал, что ему запрещено посещать рестораны. «А где же питаться?» – воскликнул он. Юлик, конечно, ничего этого не соблюдает. В рестораны ходит, где из-за соседей-официантов его идеально встречают и стараются накормить получше. После восьми часов он ходит куда хочет. Пошел нас провожать после двенадцати ночи. Отношение вокруг к нему очень хорошее, так как, во-первых, он пьющий (у него полбалкона пустых бутылок), а во-вторых, много людей, властями недовольных по мелочам. Не в Москве он обязан пробыть еще года четыре, так как считается «особо опасным государственным преступником». Но если бы он сказал, что сожалеет о своих поступках, то мог бы немедленно жить в Москве. Либерализм пошел невероятный!

Я видела у него книгу «Говорит Москва» на французском языке⁵⁹ с приложенным к ней dossier. Прочла его лагерные стихи в «Гранях», ничего не могу сказать о стихах, потому что читать было сложно, невозможно было как следует сосредоточиться из-за общего разговора. Всё это он держит у себя свободно, шмона не боится. В двенадцатом часу ночи ему вдруг принесли телеграмму о том, что на следующий день у него в два часа должен быть телефонный разговор с Ларисой. Он говорит, что ей таки довольно плохо. Она такелажница. Но так как она «уголовница», то после ссылки имеет право жить в Москве.

⁵⁸ Слипый (Slipyj) Йозиф (1892–1984) – богослов, католический священник во Львове, с 1944 г. архиепископ Львовский, патриарх и предстоятель Украинской католической церкви восточного обряда. С 1945 г. неоднократно арестовывался. В 1963 г. освобожден благодаря вмешательству Папы Иоанна XXIII и президента США Д. Кеннеди. Выехал в Рим, где основал Украинский католический университет. Кардинал (1965).

⁵⁹ *Nicolas Arjak. Ici Moscou. Nouvelles.* – Paris. Sedimo. 1966. (По-русски повесть была опубликована в Вашингтоне в 1962 г. В СССР – в 1991 г.).

Юлик невероятно превозносит Дзэика Самойлова. Считает, что он лучший поэт в России из ныне живущих. Я сказала ему про Юнну Мориц. Он ставит ее очень высоко, но плохо знает ее стихи. Когда мы говорили о Марченко, я спросила, как он относится к Володе Максимову. Юлик прочел в лагере его книгу «Шаги к горизонту» и книга ему понравилась, хоть и об уголовниках, потому что, как он выразился: «Максимов думает о душе». Я думаю, что Марченко о душе не меньше заботится. Книгу он написал отличную. Уголовники – все-таки тоже люди. Они, ужасны, что говорить, но тоже заслуживают и внимания, и сострадания.

Юлик спрашивал меня про Диму. Чувствовалось, что к Диме он относится, как и раньше, с огромной симпатией. Очень радовался, что я привезла ему в подарок гравюру. Еще маленький Димкин рисуночек приклеен у него на стенке.

Вернулись мы в гостиницу поздно, Юлик сначала нас довел, а уж потом остался с любимой женщиной, которая делала вид, что собирается тоже в гостиницу, только в другую, в новую. Может быть, так оно и было. В воскресенье мы решили больше не встречаться, потому что как-то всё друг другу сказали. Это я предложила, а он согласился. Тридцать рублей он у меня брать никак не хотел, но потом я его все-таки уговорила, тем более что с работы он уходит.

На другой день мы до отъезда успели зайти в краеведческий музей и в калужский <Георгиевский кафедральный> собор. В соборе толкотня, сытые, веселые молодые люди в рясах машут кадилами и что-то суетятся. Тут же крестят младенцев, тут же отпевают покойных. Бойко торгуют крестиками и помяниками. Благолепия и смирения мало. Как в учреждении, идет работа и довольно-таки будничная. Но собор красивый – фрески на стенах роскошные, иконы очень красивые. У входа объявление, что нищим стоять в приходе и на паперти запрещено. А также, что крестить младенцев – только с предъявлением паспортов обоих родителей с пропиской и со свидетельством о рождении ребенка. Матерям же одиночкам – тоже паспорт и справку с места работы. Всё как положено. Недаром православная церковь объявила, что она строит коммунизм.

Fin

Сегодня начали снимать в подвале кино. Пришел Алик Киселев с Кимом, своим другом из Новосибирска, и затеял какой-то дурацкий спор об оптике. Всех в этот спор вовлек и утомил. Любит поорать, режиссер. Сегодняшним днем довольны, много успели сделать. Дима закончил последний вариант памятника Сергею Андрееву.

5 апреля 1971 г., понедельник.

Вчера второй раз показывали в школе спектакль «Леона Пигма». Директриса в первый раз не видела, поэтому поразилась и испугалась⁵⁹. В невиннейшей и даже глуповатой пьеске, правда, хорошо сделанной, вычитала подтекст. Спектакль,

⁶⁰Юлия (вне дневника) записала тогда о Е.Д. Суханкиной: «Если она не остановится в своей очень личной трактовке пьесы, по существу довольно слабой, в которой на самом деле нет никаких намеков на нашу великую родину, и привлечет внимание высшего начальства – она же первая пострадает, я тоже. Хуже всего будет детям, которые лишатся великолепного директора, неплохого учителя и прекрасного режиссера, который тоже много сделал для школы, причем бескорыстно».

естественно, запретила. Всё равно – она тетка хорошая. Сейчас идет съезд и она бдит чересчур. Народу было до черта. Откуда подвалили люди, непонятно.

7 апреля 1971 г., вторник.

Косыгин произнес речь⁶¹, в которой обещает райскую экономическую жизнь. Я, как учитель, могу надеяться на повышение зарплаты. Опять же пенсии увеличат. Абрам Яковлевич может надеяться и моя мама.

9 апреля 1971 г., четверг.

Моя директриса от страха совсем озверела. Вызывает по одиночке детей и внушает им, что мы сделали антисоветский спектакль, что дети «оказались марионетками в руках взрослых». Мальчишка, играющий полицейского, оказывается, «олицетворяет советскую милицию», маленький мальчик, актер, исполняющий самодура-взяточника, оказывается – это Сталин. «Правду надо искать за Гималаями» и тому подобный бред.

11 апреля 1971 г., суббота.

Вчера закончил свою работу «съезд потребителей», обозванный так местными остроловами. Есть ощущение некоторой стабильности. Пьяных до черта, а также невероятное число дружинников с повязками на улицах. Буквально по наряду через каждые десять метров. Я этих людей не люблю еще больше, чем милиционеров.

Инна с Аней и Боря с семейством хотят уезжать в Израиль. Практически они решились.

15 апреля 1971 г., четверг.

Вроде бы американцы начинают помаленьку блокироваться с китайцами⁶². Наши где-то опять сильно фразернулись. Может быть, это даже и к лучшему.

Димушка железно продолжает делать цикл «Сто одна гравюра».

Появился у нас еще один мальчишечка из моих учеников, из «трудных» – Миша Шунков, восьмиклассник. В семье брошенный и страдающий. В голове сумбур, но симпатичный чрезвычайно. Очень умен, хотя совсем пацан, даже голос еще не изменился. Очень мы его с Димой любим и страшно за него. Естественно, при такой интеллектуальной активности конфликтует где только возможно, всё борется за справедливость и болтает всё, что думает бесстрашно. Он вырос на моих глазах за эти семь лет, я всегда его любила и не ожидала, что он сделается настолько буйно действующим из того прилежного и положительного школьника, каким он был прежде. Уже выпустил в школе рукописный журнал, разумеется, при моем участии, «Кашалот». Журнал легальный и разрешенный,

⁶¹ Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин выступил на съезде с докладом «Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 гг.».

⁶² В 1971 г. между Китаем и США стали восстанавливаться связи. В июле и октябре состоялись визиты в Китай государственного секретаря США, в ходе которых готовился визит президента (январь 1972 г.).

но, боюсь, что ненадолго. Юра Геннис и Володя Воловников со «Спиралью»⁶³ старше и хитрее. А этот – чрезвычайно необузданный и забияка. Но мы с Димой очень его любим.

22 апреля 1971 г., четверг.

Имеем сведения от Майка и от Карлуши. Они про Диму там всю действуют. Хотят какие-то выставки делать и публиковать дальше его вещи. Готфрид Бютнер приедет летом на двух машинах в составе четырнадцати человек. Пишет, что купил нам подарки, среди которых почему-то ложки, вилки и даже утюг. Вся эта дружеская орава, конечно, спустится в наше подземелье. Ложки и вилки, очевидно, для мастерской – им, наверно, наши страшные не понравились. По их взглядам, мы, наверно, бедные, хоть и не истощенные, а даже весьма упитанные. Хорст к нам забегал. Очень все-таки приятный малый. Скоро приедет его мама, вдова фашиста. Как сильно всё изменилось! Мы с ней, очевидно, познакомимся.

Димка мой, как заведенный, режет гравюры. Уже семьдесят штук, а должна быть сто одна, целый цикл. Он очень доволен Наташей Нольде, она хорошо настраичилась печатать. Деятельность невероятная (тьфу, тьфу, тьфу!). Алка с Игорем <Кадышевым> упорно снимают фильм в подвале. Алик Киселев продолжает утверждать, что самый большой его учитель – Сидур. Дима же хочет, чтобы я не отвлекалась на школьный театр, не работала на Киселева. Я бы рада кончить, но такие дела сразу не кончить. Алик делает курсовую, хочет снимать моих ребят. Не могу же я ему отказать. А в то же время директриса настрожена и мне до смерти не хочется с ней конфликтовать, потому что без меня в школе будет намного хуже. Вот и крутись.

Приходили сегодня всякие люди. Устали жутко. Смешная была пара – молодая, жутко модная, наштукатуренная и безумно смешная девица, поэтесса, со своим пожилым, в два раза меньше ее ростом, мужем – богатым графиком. Колоритная пара! У Димы даже появились идеи. Вчера был черный Эдик, вернулся из командировки в Ташкент.

Сейчас в Москве Бенджамин Бриттен. Дима мог бы подарить ему свою картину из тех, которые он сделал три года назад, будучи под сильнейшим впечатлением от прослушанной по радио его оратории «Авраам и Исаак».

23 апреля 1971 г., пятница.

Мы договорились с Кондрашиным насчет Бриттена. Кирилл Петрович сказал, что приведет его с женой в мастерскую утром в десять часов. Дима очень рад. Он хоть и жалеет свои эти две картины, но все равно хочет подарить их Бриттену. Кондрашин сказал, что тот отнесся к этому очень тепло.

Был у нас грустный-прегрустный Владик Бахнов. Рассказал анекдот, дурацкий, но мы очень смеялись:

⁶³ «Спираль» – рукописный журнал, основанный в 1968 г. и редактируемый Георгием Геннисом. Публиковал заметки, стихи, рассказы, пьесы, фотографии, был хорошо иллюстрирован. Юлия очень ценила это издание и радовалась каждому новому его выпуску. Всего до 1971 г. вышло десять номеров, в 1972 г. – еще два.

Обложка журнала «Стираль» работы О. Киселева (1971)

Обложка журнала «Спираль» работы О. Киселева (1971)

Рисунок О. Киселева в журнале «Стираль» (1971)

Рисунок О. Киселева к пьесе «Леона Пигма» в журнале «Спираль» (1971)

Рисунок О. Киселева в журнале «Стираль» (1971)

писателя Льва Николаевича Толстого.
 пять штук пар подряд, и никто не знает
 Я, конечно, ничего, не отлыниваю. Пр

Рисунок В. Сидура в журнале «Спираль» (1971)

«Наша редколлегия». Слева направо, внизу: В. Лавров, В. Воловников, сидят: М. Шунков, Е. Гамазина, Юлия, Е. Смагина, Г. Геннис, наверху О. Киселев (1971). Фото: Эдуард Гладков

Приходит человек в магазин, спрашивает: «У вас есть финский унитаз?» – «Нет». – «А чешский?» – «Тоже нет». – «А какой есть?» – «Эскимосский». – «Ну давайте эскимосский!» Продавщица приносит две заостренные палки. «А как им пользоваться?» – «Одну палку втыкаете в снег и вешаете на нее шубу, а другой волков отгоняете».

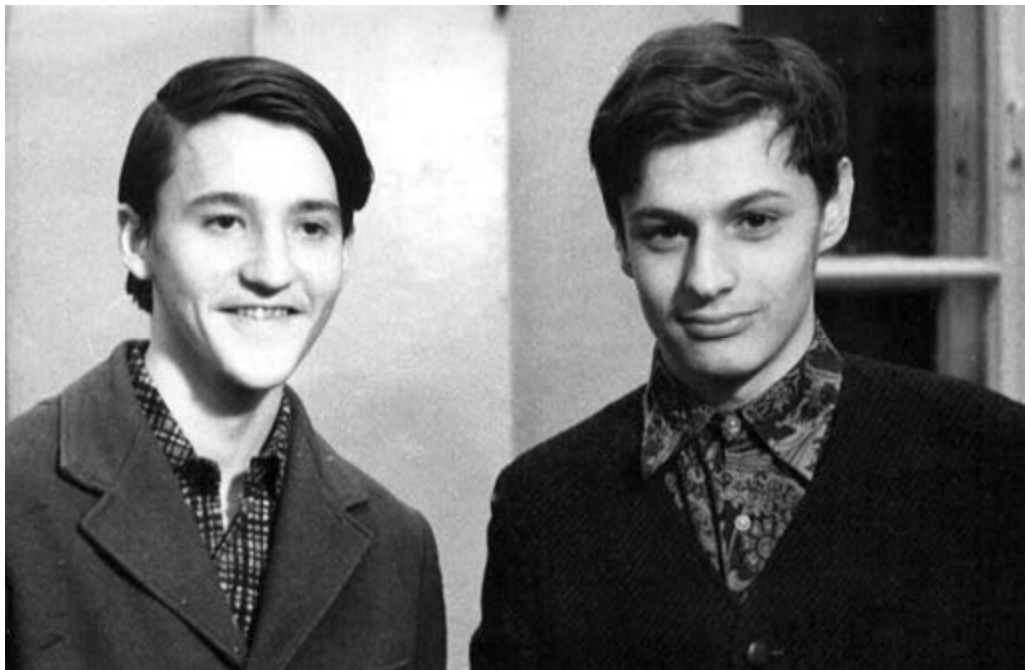
На днях еще пару анекдотов услышали актуальных:

Толстиков, когда приехал послом в Пекин, сказал встречающим китайцам: «Что, жида, прищурились?»

И еще: война между СССР и Китаем будет называться «Первая социалистическая».

24 апреля 1971 г., суббота.

Захватили с собой в Зал Чайковского Мишку Шункова слушать оперу Юры Буцко «Записки сумасшедшего». Понравилось нам очень. Кондрашин здорово дирижировал, и музыка Юрина отличная. Певец был не особенно, слишком наигрывал. Юра сильно поседел, не похож больше на того студента, который ходил с продранными карманами, но покупал у Димы картины.

Георгий Геннис и Владимир Воловников. Фото: Эдуард Гладков

Наталья Нольде и Георгий Геннис. Фото: Эдуард Гладков

Была сегодня у Шункова дома. Не дом, а музей, куча старинных ценных вещей. Бабушка и мать⁶⁴ очень симпатичные. На стенах сплошь подлинники, в основном «Мир искусства». Отчим Миши, правда, теперь он вдруг стал называть его «папа», произвел на меня неплохое впечатление. Его зовут Анатолий Слепышев⁶⁵. Вещи его, хоть их и не много, приятные. Скульптуры тоже ничего. В основном его работы в мастерской. Он не типичный москховец, так как работает, а не только зарабатывает. В разговоре мы обнаружили единство взглядов на многие вещи. Мне жаль, что с Мишкой они договориться не могут и, скорее всего, не договорятся. У Слепышева очень много едкости и насмешливости по отношению к мальчишке. К тому же сам он очень циничен, в чем-то холоден и беспощаден, это чувствуется. А парень жаждет любви и внимания. Холодный душ ему не на пользу, он от него не закаляется, а отдалается и насмерть обижается. Как этого взрослые умные люди понять не могут!

25 апреля 1971 г., воскресенье.

С утра Кирилл Петрович позвонил и сказал, что сам Бриттен нездоров, но его певец Пирс⁶⁶ хотел бы приехать. Мы, конечно, согласились, но тут Абрам Яковлевич унес с собой в магазин Димины ключи. Димка нервничал, пока всё утряслось, потом с приключениями поймал такси (около которого его чуть не прибили цыгане). Все-таки он успел, опоздав всего на две минуты. Кондрашин и Пирс его ожидали около подвала. Этот Пирс – высокий, седой, очень породистый английский джентльмен. Искусство явно здорово понимает. Неудивительно, так как сказал, что Генри Мур его друг. Дима передал ему, Муру, привет. Времени было очень мало для общения. Кирилл Петрович сильно торопил, потому что они сегодня улетали, и посол лично просил вернуться быстрее. Эдик тоже был, и я вскоре после Димы прибыла. Дима вынул из рамы свою картину «Авраам и Исаак», а еще подарил Пирсу две свои хорошие гравюры, которые которые тот выбрал. И они с Кондрашиным уехали. Теперь Дима эту картину жалеет, так как расставаясь с любой своей вещью, он считает, что она была самая лучшая.

Потом Дима полдня красил плохо отпечатанные гравюры и делал из них совершенно прекрасные. Потом мы вернулись домой и меня сморило, несмотря на прибытие моей мамы и необузданное веселье во всем доме.

26 апреля 1971 г., понедельник.

Мы сидели с Димушкой в подвале. Он красил свои гравюры, а я писала упражнения для экзаменов. С нами был Ленья Штутман и рассказывал о своей сложной жизни.

⁶⁴ Бабушка – Шункова Татьяна Михайловна; мама – Шункова Елена Викторовна (1930–2001) – искусствовед.

⁶⁵ Слепышев Анатолий Степанович (1932–2016) – живописец, график. Член МОССХ с 1967 г. Заслуженный художник Российской Федерации (2000), член-кор. Российской АХ (2001). Отчим М. Шункова, в браке с его матерью состоял с 1961 г.

⁶⁶ Пирс (Pears) Питер (1910–1986) – английский певец (лирико-драматический тенор). Спутник жизни Б. Бриттена, первый исполнитель всех главных партий в его операх. Неоднократно гастролировал в СССР.

На улице становится что-то жуткое – снег, холод и слякоть. Отвратительно! Всё время думаю про Мишку Шункова и скучаю по нему, маленькому дурачку.

Абрам Яковлевич чувствует себя неважно.

27 апреля 1971 г., вторник.

Сделали с Димой большое дело – пербрали и разложили огромную пачку отпечатанных гравюр. Они представляют собой весьма внушительное зрелище. Много самых настоящих шедевров. Пока только немного больше шестидесяти, но Дима поставил себе цель – «сто одна». Хорошо, что есть Наташка Нольде, сильно помогает, пока еще не зазнается и печатает всё лучше и лучше. Дима ей очень доволен.

Был у нас Хорст со своей мамой. Вполне нормальная немецкая женщина, хоть и вдова фашиста. Дима мне потом сказал: «Какая жуть – война. Вот сидела женщина, у нее муж убит, твой отец убит, я искалечен. Зачем всё это было?»

Написали кучу писем друзьям. У нас их теперь очень много по всему свету.

29 апреля 1971 г., четверг.

Были с Мишей Шунковым на выставке Ван Гога. Великий художник, как я это и раньше знала. Больше всего меня потряс его небольшой автопортрет, где у него всё лицо как будто окровавленное. Потом пришли в мастерскую, где была сильно постаревшая и подурневшая «дочка» Левитанского Валя⁶⁷ с какой-то подружкой-бабешкой, солидный Эдик. Мишка очень не хотел идти домой, насилу я его уговорила и проводила до метро, после того, как мы поели и посидели немножко. Были Ленья Штутман со своей новой женой Олей, потом Рита пришла. Будем устанавливать Валерию Павлинчуку памятник.

Есть слухи, будто бы желающих уехать в Израиль неценных евреев будут выпускать, но за большие деньги. Одновременно многие евреи задумываются – что будет с теми, кто останется? Если исходить их истории, то не будет ничего хорошего.

30 апреля 1971 г., пятница.

Целый день отсыпалась. Вечером в мастерской были мои прекрасные ребята: Юра Геннис, Володя Воловников, Женя Смагина и Лена Гамазина. Мишку Шункова я сегодня не пригласила, чтобы не было слишком часто. Все-таки он еще маленькой. Женька читала свои стихи. Они у нее вполне хорошие. Юрочка был очень красив в ярко-красной кофте. И остальные были немислимо красивые. А до этого Дима выдержал экскурсию из пятнадцати человек ребят из Марины Хазановой кружка. Тоже хорошие ребята. Боря Хазанов, правда, говорит, что мои лучше. Ребята мои разжались, много говорили, а это случается с ними не часто.

Потом нагрязнул Генрих Сапгир с какой-то девицей, пьяноватый, но несильно. Прочел совершенно великолепные стихи. Я рада, что ребята мои послушали. Женька сидела обмирая от восторга. Морда у Генриха опухшая, глазки маленькие, стихи гениальные.

⁶⁷ О ней см. выше записи от 28 июня 1970 г.

1 мая 1971 г., суббота.

Опять шел дождь и снег. Как там правительство бедное, мокло, небось. Или на них всё непромокаемое и электричеством подогревается. У нас был день уборки, грязи убрали много-много. А вечером у нас были Юнна с Игорем. Парень уже влюблен по уши как бобик. Он мне сегодня совсем понравился, он симпатичный, морда у него добродушная и довольно приятная. А скорее всего, хорош он с Юнной, значит, он и для нас хорош. Самое главное, что Юнна беременна и хочет рожать. Рожать впервые в тридцать четыре года – не шутки! <...> Игорь дружит с Любимовым и вообще свой человек в Театре на Таганке, даже член худсовета, хотя сам он работает по авиации на каком-то засекреченном производстве и пишет докторскую диссертацию. Он очень хотел бы зарегистрировать их брак, но Юнна ни в коем случае не хочет. Игорь хочет только, чтобы Юнна подошла к Любимову и сказала: «Мне понравился ваш спектакль». А Юнна никогда в жизни этого не сделает, потому что ей спектакли на Таганке не нравятся. Ей не нравится и чуждо Любимовское общение с Евушенко и Вознесенским и его полный конформизм. И Димке это не нравится. Он уже сейчас спектакль «А зори здесь тихие» ругает, говорит, что его надули. Юнна тоже говорит, что это обман. Зато оба они считают, что наш школьный спектакль «Леона Пигма» невероятно хороший. Вообще, они оба по всем вопросам изъясняются прямо одними и теми же словами. Им хорошо, великим одиночкам, гениям. Они сами с собой и в себе. А мы – с людьми, с коллективом, и чтобы сделать что-то в наших условиях мы всё время хитрим и идем на компромиссы. Нам деться некуда. Кончилась бесцензурная деятельность Алика. Директриса будет редактировать наши тексты или же совсем прикроет. А Любимов всё равно остается в Москве лучшим режиссером легальным. И еще говорят, Эфрос⁶⁸. Мы, к сожалению, ничего у него пока не видели.

Анекдот. Приехал на 24-й съезд Гомулка и говорит Косыгину: «Вы не знаете, как себя чувствует Никита Сергеевич?» – «Какой Никита Сергеевич?» – «Ну как же, Хрущев Никита Сергеевич». – «Не знаю такого. Спрошу у Брежнева». Идет к Брежневу: «Скажите, Леонид Ильич, вы не знаете, кто такой Хрущев Никита Сергеевич?» – «Нет, не знаю. А кто спрашивает?» – «Гомулка спрашивает». – «А кто такой Гомулка?»

3 мая 1971 г., понедельник.

Когда мы с Юнной разговаривали о том, что Эрнст ищет вдохновения у Данте или у Достоевского, Юнна сказала: «Зачем мне Данте, у меня свой ад». Дима очень был доволен, он всегда это же говорит.

Вечером собрались в подвале мы с Димкой, Алка, Эдик, Наташка. За праздники граждане постарались – столько мочи налили под дверь, что можно пла-

⁶⁸ Эфрос Анатолий (Натан) Васильевич (1925–1987) – театральный режиссер. В 1954–1963 гг. режиссер-постановщик московского Центрального детского театра, в 1963–1967 гг. – Театра им. Ленинского комсомола, в 1967–1984 гг. – Театра на Малой Бронной, в 1984–1987 гг. – Театра на Таганке. Вадиму и Юлии очень понравились его «Дон Жуан», который они увидели в Театре на Малой Бронной в 1973 г., а также «Отелло» там же в 1976 году.

вать. Пахнет, разумеется, вдобавок бросили здоровый бумажный мешок с мусором. До чего же много скотов среди простых советских людей! Говорят, в Нигерии то же самое – где человеку приспичит в туалет, он тут же всё и делает. Из-за этой вони, а также из-за того, что слухи о массовых выездах евреев растут с невероятной быстротой, мы определенно впали в тревожное и боязливо-циническое состояние. Миша Гробман должен уезжать, кинорежиссер Калик⁶⁹ и прочие люди едут. Кажется, что все-все уезжают или хотят уехать.

Дима красил свои жуткие гравюры из цикла «101». Последняя его особенно радует – «Мутант». Дима, как всегда, никуда не хочет – ни в Израиль, ни в Европу. А я не то чтобы хочу, но могу запросто уехать, если бы пустили. Я теперь твердо убедилась, что я, конечно, космополит безродный, самый настоящий. Мы договорились до того, что Димка стал на меня орать и так треснул кулаком по столу, что Алка, не привыкшая еще к его приступам гнева, даже испугалась бедная. По дороге домой он всё говорил, что это его страна, он ее любит, что он никогда не убежал – ни от фронта, ни на фронте, ни от инфаркта – всё перенес, всё пережил. Он не привык спасаться и идет навстречу своей судьбе. Здесь есть маленький круг, но очень дорогой, и наше существование здесь все равно, что оазис в пустыне. И даже те, кто приезжают, всегда говорят, что в нашем подвале им лучше, чем у себя дома. Они у себя-то на свободе далеко не с каждым могут так разговаривать, как в нашем подвале. Здесь он упорно и неуклонно ставит свои памятники. Хоть и с трудом, но все-таки он это осуществляет, а сейчас обязательно поставит памятник матери в граните, как бы тяжело это ни было. Те, кто туда едут, хотят жить, а Дима хочет творить. Творить же он может только здесь, так как его творчество связано именно с этой страной. У него есть полная уверенность, что покинув страну, он погибнет и физически, и как художник. У него нет в этом никакого сомнения. Анатолий Кузнецов написал свой «Бабий Яр», и это было событием, хотя и с купюрами и с лирическими отступлениями. Сейчас он вновь издал свой «Бабий Яр», как он хотел, но никто не вспоминает о нем и не говорит. Никому сейчас это не интересно. А в России звучало невероятно сильно для всего мира⁷⁰. Не едет же Солженицын, не хочет покидать свою страну Амальрик, несмотря ни на что. То же самое говорил мне Юлик Даниэль в Калуге.

Конечно, есть прецедент. Германия тридцать третьего года, когда все уехавшие евреи остались живы, а те, кто остались – погибли, и немецкие коммунисты в России почти все погибли. Есть Польша, как очень яркий пример в наше время – вариант менее страшный, но достаточно отвратительный. Наконец, мы. Мы пережили сорок восьмой год и пятьдесят третий год, когда были готовы эшелоны для отправки евреев куда-то на Камчатку, на гибель. И если бы Сталин не сдох,

⁶⁹ Калик Михаил (Моисей) Наумович (1927–2017) – кинорежиссер, сценарист. Студентом ВГИКа, был в 1951 г. арестован и до 1954 г. находился в ГУЛАГе. Реабилитирован и восстановлен в институте, по окончании которого в 1958 г. снял свою первую картину. Среди его фильмов: «Колыбельная» (1959), «Человек идет за солнцем» (1961), «До свидания, мальчики!» (1964), «Любить» (1968). С 1971 г. жил в Израиле. После подачи заявления на выезд подвергался преследованиям КГБ.

⁷⁰ См. выше записи от 30 июля 1969 г.

кто-нибудь все-таки исхитрившийся выжить, написал бы вместо меня эти строчки. Но мы пережили ту чуму и не погибли. Сидур для себя решил твердо – оставаться в любом случае, даже на гибель. В итоге Дима сказал, что он против капитализма и что он все-таки коммунист. Я ему возразила: «Коммунисты – это те же фашисты». – «Нет, – сказал Дима, – также, как церковь извратила христианство инквизицией, так тираны извратили и испоганили идею коммунизма». Опять же, если позволить себе поддаться таким мыслям, что нужно бороться за отъезд, то это поглотит все силы, все нервы и здоровье. А он не имеет права отвлекаться от работы ни на минуту. У него цель – цикл «101 гравюра», памятник матери и следующие произведения, так как он – орган созидающий. Нынешняя ситуация тоже должна быть отражена в творчестве.

Нёмы Гребнева жена, Мима, хочет в Израиль. Владика Бахнова жена, Неля, русская женщина, тоже хочет в Израиль. Их еврейские мужья что-то ничего об этом не говорят. А пока Мима с Нёмой освобождают своего сына от экзаменов на аттестат зрелости, уже освободили его от армии и наняли ему огромное количество репетиторов, чтобы в обязательном порядке пропихнуть парня в институт. А Неля своего Леньку заставила на пятом курсе вступить в комсомол. Сейчас многие русские вдруг начали жалеть, что они не евреи и не могут таким образом пытаться уехать. «Надо же, – сказала Алла Зайцева, – евреям вообще плохо, но бывает, что и повезет». Я посоветовала Алле выйти замуж за еврея и добиваться вместе с ним. Эдик пошутил, что он со своего украинского папы переписется на еврейскую маму. А Наташку Нольде уже сами родители переписали с еврейского папы на русскую маму.

В общем, мой Сидур патриот, а я – космополит, и горжусь этим. Если бы не Дима, я обязательно пыталась бы вырваться отсюда, потому что, работая переводчиком, я также искренне любила иностранцев, как и своих. У них свои тяжкие проблемы, но при несовершенной демократии более бережно относятся к человеку, чем при совершенном тоталитаризме. Но Дима прав, что постоянно сопротивляясь, в страхе, беспомощности и даже обреченности, настоящие художники только закаляются и творят бессмертное искусство. Опять же надо ценить, что в настоящий момент, как никогда при советской власти, царит немислимый либерализм и соблюдается так называемая «законность». Поэтому есть надежда помереть без особой помощи со стороны начальства. Бровеносец относительно по-отечески шевелит своими бровями, хотя в любую минуту может нахмуриться и проглотить. Итак, живем из политического любопытства, как сказал Стендаль.

Вчера были у Женьки Зверевой. Вид у нее загнанный.

4 мая 1971 г., вторник.

Сегодня было много шума из-за вопроса, как снимать фильм про Сидура в его мастерской. Концепция Сидура – в замкнутом пространстве. В подzemелье находится художник, одиночка, производящий ценности. У него есть ограниченное пространство, которое он в течение своей жизни беспрестанно заполняет, отражая через скульптуру, рисунки, гравюры свой мир, далеко не радостный, но глубоко правдивый, так как всё созданное автором отталкивается от пережитой,

переувствованной и переосмысленной им реальности. Цель этого фильма – свидетельство нашей эпохи. Настоящий художник – это созидающий орган. Его творческое извержение – такая же необходимая потребность, как еда, сон и всё остальное. Спор же разгорелся из-за полуголого Алика, который помогал Диме таскать глину, а Алка захотела его снять в таком животном виде на Димином фоне. Дима был категорически против, так как сама по себе живая плоть, мышцы, мясо, мускулы, да еще рядом с деревянной скульптурой, ему, как он говорит, совсем «не в дугу». На мой взгляд, это действительно выглядело очень безвкусно, так же, как съемки Козловой-Щаповой⁷¹, которая хотя бы была смешная. В спор включились все присутствовавшие: Алка, Игорь, Владик, Дима и, конечно, я. Все орали, кроме Димы, который сел на стул, потому что устал. В итоге Дима послал Алика на хуй. Тот обиделся и ушел колотить глину. Потом Дима перед ним извинился. Алка очень противостояла, но как-то несерьезно, по-бабьи. Больше всего из-за того, чтобы не утратить свой авторитет перед Игорем и Владиком. Димка не удержался и сказал, что она оказалась, к сожалению, глупее, чем он думал. Алка начала ругать всех наших друзей: Борю Хазанова, Юнну Мориц и даже моих десятиклассников, но похвалила Клару. Владика, который был с ней не согласен, обозвала холуем и раболепствующим. Это вранье. Меня, наоборот, Владик сегодня удивил своим серьезным мышлением и отказом от жанра и литературщины. В итоге Алка стала плакать и сказала, что единственный человек, с кем она в гармонии – это Лимон.

Чуть было не опоздали на метро из-за всех этих темпераментных споров. А еще перед этим распили с каменщиками, которые будут рубить «Памятник матери», пол-литра. Алик Киселев очень помог перелопатить и наложить глину. Сейчас четвертый час ночи, мне завтра вставать в половине восьмого утра. Я – герой! В подвале исхитрилась еще подготовиться к урокам. Дима сказал мне: «Ты молодец, но не защищай меня, когда я с ними беседую, потому что я себя в обиду не дам. А когда ты еще шумишь, то всем делается ничего не понятно. А я Диму не защищаю, это смешно. Просто я абсолютно с ним согласна.

5 мая 1971 г., среда.

Сегодня в мастерской было тихо, мирно. Дима резал гравюры, я спала под его пальто. Алка сидела, снова слушала всё, что Дима вчера сказал. Я проснулась, они всё о том же говорили. Я не лезла и было лучше. Все обо всем договорились, чувствуют друг к другу большую симпатию.

⁷¹ Козлова (Щапова де Карли) Елена Сергеевна (р. 1950) – манекенщица московского Дома моделей, поэтесса, с 1967 г. член неофициальной литературной группы «Конкрет». В 1973 г. после развода с художником В. Щаповым вышла замуж за Э. Лимонова, вместе с которым в 1974 г. выехала из СССР в США. Здесь через несколько лет стала самой знаменитой «русской моделью». Героиня романа Э. Лимонова «Это я – Эдичка». В 1976 г. рассталась с Э. Лимоновым и после развода с ним в 1980 г. стала женой итальянского графа Д. де Карли. Автор автобиографических романов «Это я – Елена. Интервью с самой собой» (Нью-Йорк. «Подвал». 1984), «Нил Низи Бене. Ничего, кроме хорошего» (Иерусалим. «Хамелеон». 1989) и двух поэтических сборников. Лауреат престижных литературных итальянских премий.

Галина Борисовна Нельская (1970-е гг.)

6 мая 1971 г., четверг.

Посетила нас Марина Ильичева. Она худа, вдохновенна, в глазах иступленность. Пришла с цветочками. Нигде не работает, хочет устроиться экскурсоводом по Москве и Подмосковию. Мы с Эдиком по этому много острили. Дима сказал, что, может быть, ее возьмет, если будет что-нибудь, при условии, что она не будет говорить таких слов, как: «Ладно, уж я на вас поработаю». Вообще, Дима ее считает очень способной и настоящей своей ученицей. Я знаю только одно, что Марина – человек очень тяжелый, и как нам быть, когда сами мы тоже очень тяжелые люди.

Потом все ушли и мы с Димой допоздна трудились. Я накидывала глину, а он начал большую скульптуру – памятник Сергею Андрееву. Устали мы сильно. Мне с непривычки руки было трудно поднимать.

Узнали неприятное, но, возможно, неточное известие. Будто бы вышел путешественник по Новодевичьему кладбищу с Диминым памятником Варге и написа-

но, что автор Силис. Глупо и противно, когда такие ошибки. Завтра будем выяснять.

По радио одни глушилки, тоскуем без информации. На улице очень приятно, тепло и даже душновато.

7 мая 1971 г., пятница.

Таки да! В этом вшивом путеводителе написано, что автор памятника Варге Силис. Составитель, некий Антипов, звонил, долго распинался и в итоге мы договорились, что он сядет и перышком будет исправлять «Н.А.» на «В.А.», а «Силис» – на «Сидур», это, в общем-то, нетрудно – Силис-Сидур, и так все десять тысяч тиража⁷². Правда, тысячу штук уже продали с Силисом.

Вчера были у нас Валя Турчин с Таней, Рита Янус и еще кое-кто обнинские. Говорят, что Солженицын дал распечатывать свой роман про Первую мировую войну. Кто читал, говорит, что хороший.

8 мая 1971 г., суббота.

Димка всё доволен своими гравюрами. В рисунках, говорит, все-таки иногда была некоторая легкомысленность, а в гравюрах он достиг наконец той суровости, которой хотел, той, что была в монотипиях. Он считает их своим высшим достижением.

А я вспомнила, как Алка говорила, что у Эдика есть качество в фотографиях и только. Глупость полная. Эдик на наших глазах сделался профессиональным фотографом, причем художником, а Алка пока еще бобик. Посмотрим еще, что она сделает.

В честь Дня победы посетил нас наконец Юра Левитанский, трезвый, принес югославский журнал *Lica*, 1/2 за этот год. В нем пять фотографий Диминых работ⁷³. Были также Гдаль с Витой и с Гриней. <...> Марик намного симпатичнее, хотя и зануда.

Юра был трезвый. Ничего не пил. Валька пришла к нам без Эдика, он дежурит на своей шарашке. Возник разговор, всегда один и тот же – о евреях, о политике и т. д. Юра говорил, что у него комплекс вины. Гдаль же, невероятный прогресс, цитировал Евангелие. Хорошо, что Левитанец пришел. Всё как-то снова стало на свои места. Он человек добрый.

9 мая 1971 г., воскресенье.

Были на новоселье у моей мамы. У нее вполне хорошая однокомнатная квартира. Тетя Аида, единственная из любимых мной родственников, тоже была. Она сейчас гостит у мамы. Мама уже неделю, как ушла с работы. Были мы всем семейством, и кормили нас на славу. Дима теперь боится за брюхо. Сева с Ритой живут на этой же улице чуть-чуть подальше. Две моих племянницы – хорошенькая Ирочка и смиренная, некрасивая, но чем-то очень интересная Танечка. Рита, я бы даже сказала, похорошела. Сева – как всегда. После мамы пошли к Севе

⁷² Это намерение выполнено не было.

⁷³ Фотографии в Сараевском журнале *Lica* сопровождали статью Р.П. Ного (Nogo) «Добровольная аскеза Вадима Сидура».

с Ритой. Дом такой же, как наш, только чуть больше обшарпанный. Внутри хорошо, приятно. А главное – точь-в-точь наша квартира, только у них мебель лучше, побогаче, на лоджиях кафель и нет тех прекрасных рисунков на стенках, что у нас. И очень далеко – это большой минус.

10 мая 1971 г., понедельник.

Сидели в подвале. Наташка делала оттиск с гравюр. Владик Кадышев пришел, снимал на кино, как Дима работает. Алка пришла. Дима лепил памятник Сергею Андрееву. Получается очень здоровая скульптура.

Алик сегодня снимал моих ребят на киностудии им. Горького. Что и как – пока не известно.

11 мая 1971 г., вторник.

Дима вкальвует вовсю. Алик всё ругается на своих курсах с преподавателями. Не так ему преподают, как он хочет. Он, наверно, прав, но его могут и выгнать. Съёмки с моими ребятами откладываются до будущего года. Теплынь на улице – красота!

12 мая 1971 г., среда.

Вчера хоронили Белашову. Она была очень плохим скульптором и большим начальством. Всю жизнь боролась за чистоту искусства в ее понимании, так и померла. О Диме один раз упомянула историческими словами на каком-то правлении: «Сидур из людей железки делает». Я однажды видела ее, как ни странно, в метро. Даже забежала вперед, чтобы заглянуть ей в лицо. Она еле тащилась, старая, вся искореженная телом, вдохновенно-уродливая и фанатичная. Она отказала Бранко Вукушичу, когда он пришел просить, чтобы Дима поехал на симпозиум в Югославию. Она сказала, что Союз художников может послать своего скульптора, настоящего художника, кого-нибудь другого. Эрнст боролся с ней другими средствами, посредством начальства, стоящего над ней, оттого больше преуспел. А Дима не хотел и не мог с ней бороться, у него не хватало на это времени, да и желания не было.

У Димы очень хорошая скульптура получается, здоровая, «Памятник Сергею Андрееву».

16 мая 1971 г., воскресенье.

За несколько дней много событий. С Мишкой Шунковым родители его просили меня больше не общаться, чтобы я на него вредно не влияла. Даже ходили жаловаться к нашему директору. <...> Мне жалко будет с мальчиком отдаляться, но, очевидно, придется, чтобы ему же не было хуже. Постараюсь сделать это как можно деликатнее. Пусть подрастет, окрепнет, кончит школу, а там видно будет. Родители его за восемь лет ни разу в школе не появились, его жизнью не поинтересовались, когда он допоздна где-то гулял один, куда-то ездил и т. д., не волновались. Сейчас же, когда ему стало плохо одному и им занялись другие, они заволновались за свою собственность и проявили невероятную активность, вплоть до обвинений.

Георгий Геннис, Наталья Нольде и Вадим Сидур в квартире на Брянской ул. (начало 1970-х гг.).
Фото: Эдуард Гладков

Эскизы скульптур цикла «Женское начало» (1971)

Димушка работает сейчас как очумелый – грязный, потный, но вдохновенный. Боюсь, чтобы он не надорвался. Вчера вечером смотрели фильм по сценарию Владика Бахнова по книге Ильфа и Петрова «12 стульев»⁷⁴. Книга гениальная, фильм весьма средний.

Из новостей в мире самые любопытные только египетские, что уволено множество пронаших людей. К чему бы это?

Брежнев в Грузии⁷⁵ осудил культ личности и волюнтаризм. Смело. В Ленинграде судят евреев⁷⁶, которые напропалую признаются. Интересно, применяют ли к ним особые методы дознания или же они сами раскаиваются.

17 мая 1971 г., понедельник.

Дима в невероятном запале. Трудится в грязи и в поту. Сегодня ночью ходили воровать железяки, которыми крепят леса. Дима из них будет делать кандалы. Соорудил он уже два новых страшных пророка. Жуть!

Приходила Кларочка, жаловалась на жизнь, и я ей тоже жаловалась на нашу жизнь в школе. Трудно, когда начальство – умная, враждебная сила, хоть и делает вид, что она сила дружественная.

19 мая 1971 г., среда.

Сплошь приключения. Позавчера старики наши – Абрам Яковлевич, мама моя и тетя Аида поехали в Алабино, чтобы немного подготовить дом к жилью. Они там все втроем ковырялись, а потом матери стало плохо. Отравление. Все считают, и мама в первую очередь, что это от арахисовых орешков. Мы с Севой ночью на его драндулете «Запорожец» старой модели прибыли туда не без приключений, за два часа, вместо часа на поезде. Мать уже была в местной больнице, где ей было очень плохо. Сева с тетей Аидой ничего не добились и так и уехали в Москву. А мы с Абрамом Яковлевичем опоздали на поезд и вернулись на дачу. В шесть утра встали, приехали в Москву, я даже не опоздала к первому

⁷⁴ Художественный фильм 1971 года, киностудия «Мосфильм», сценарий В.Е. Бахнова и Л.И. Гайдая, реж. Л.И. Гайдай.

⁷⁵ 14 мая Л.И. Брежнев выступил в Тбилиси на торжественном заседании, посвященном 50-летию Советской Грузии и компартии республики.

⁷⁶ С 11 по 20 мая 1971 г. в Ленинградском городском суде проходил второй процесс по так называемому «Самолетному делу». Ранее, 15–31 декабря 1970 г., состоялся громкий судебный процесс группы евреев, арестованных в ленинградском аэропорту «Смольное» и обвиненных в попытке захвата рейсового самолета «Аэрофлота» Ленинград–Приозерск, чтобы бежать из СССР. Приговор – двоих (М.Ю. Дымшица и Э.С. Кузнецова) к смертной казни – вызвал протест мировой общественности и подъем движения евреев за право выезда из Советского Союза (первые разрешения на выезд были даны почти сразу, еще летом). (Отметим, что под давлением общественного мнения упомянутые смертные приговоры были заменены на 15-летнее заключение). На этот раз к суду были привлечены девять человек, обвиняемых «в том, что они в сговоре с ранее осужденными Дымшицем и Кузнецовым явились инициаторами и активными участниками подготовки захвата самолета гражданской авиации для бегства за границу, систематически занимались изготовлением и распространением литературы антисоветского характера, для чего использовали множительную аппаратуру, в том числе похищенную из государственных учреждений, а также нелегально передавали за границу клеветническую информацию». Все они были проговорены к длительным срокам заключения. (См. выше записи от 19 июня 1970 г.).

уроку. Сегодня после уроков опять ездили с тетей Аидой к матери. Ей явно по-лучше. Ужасно ее жалко, мою неразумную матушку. Когда мы уходили, она снова себя хуже почувствовала. Отец наш обессилел, но немного днем поспал, и сейчас вроде бы ничего.

Дима вкалывает как проклятый. От возможности отлить в металле вещи он обезумел от счастья. Очень боюсь, чтобы он не надорвался.

В школе вчера поговорили с Мишкой. Ему дома нелегко из-за Слепышева. Но я думаю и надеюсь, что он всё переживет и перенесет. Господи, помоги ребенку.

20 мая 1971 г., четверг.

Димушка как в бреду от желания объять необъятное. Составил из труб две страшные штуки, режет гравюры, делает памятник Сергею Андрееву, получается красивая скульптура. Зачищал отливки «Памятника погибшим от насилия», этими отливками он недоволен.

В подвал сегодня пришли после работы с Женей Смагиной. Женька – потрясающе талантливая девочка. Я могу гордиться такой ученицей. И вообще, у меня невероятные дети в школе.

У Миши Шункова левое ухо немножечко больше правого. Меня сегодня поразило это открытие. Сегодня у нас был такой разговор. Миша: «Завтра вы свободны, а я в школу не пойду, давайте посмотрим фильм “Большая прогулка”⁷⁷». Мне стало смешно, это звучало невероятно трогательно. Мне все-таки удалось его уговорить идти в школу завтра, а не в кино.

Маме, кажется, получше, тетя Аида к ней ездила.

22 мая 1971 г., суббота.

Слепышев <...> сегодня больше часа говорил с Димой по телефону. Требовал «это прекратить». Что прекратить – он толком не сказал. Высказывал какие-то политические намеки, договорился наконец, что я «люблю мальчиков». Дима говорил с ним очень достойно и спокойно, когда тот обозвал его сексуальным маньяком и шантажистом, он и глазом не повел. Всё время только твердил, что я буду за всё отвечать и что он будет жаловаться в РайОНО, так как он человек упорный. Еще он сказал, что у него знакомый в прокуратуре⁷⁸.

Дима хочет идти к нашей директрисе, которая очень сильно поправила от ответственной внутренней и внешней политики и теперь уже далеко от меня не в восторге. А раньше она меня любила, даже медалью наградила⁷⁹. Умная баба,

⁷⁷ «Большая прогулка» (*La Grande Vadrouille*) – французская кинокомедия 1966 г., реж. Жерар Ури, в главных ролях Луи де Фюнес и Бурвиль.

⁷⁸ «Несмотря на наши давние с ним нелады, – писала Юлия об А.С. Слепышеве в 1987 г., – я имею в виду в основном 71-й год, когда Миша убежал из своей семьи к нам, с годами все эти неприязни сгладились, а что касается Мишиной матери, то с ней отношения просто идеальные. Со Слепышевым тоже весьма терпимые, хотя на расстоянии» (из письма Юлии Карлу Аймермахеру 15 февраля 1987 г.).

⁷⁹ Имеется в виду юбилейная медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

а носорог. Хороша на любой режим, лишь бы с властью в ногу. Мишка же сейчас, наоборот, очень весел, кажется, спокоен и неплохо выглядит. <...> После того разговора мы с Мишей общаемся только в школе. Он <...> очень просил, чтобы мы не прекращали нашей дружбы, так как, как он сказал, «из-за них» он начинает сомневаться в моем хорошем отношении к нему. Я заверила его, что никогда не изменю к нему своего отношения, чтобы ни случилось, чтобы он за меня не волновался и что я понимаю, как ему тяжело, но нужно перетерпеть некоторое время. Подрасти, закалиться и тогда многое станет проще. <...> Миша сказал мне, что когда схватил бутылку с кислотой, он был очень «близок к этому». Мне удалось доказать ему, что это не только не выход. <...> Только бы он пережил эти два года, а там будет легче. А сейчас нам предстоит борьба и очень серьезная. Может быть, в результате этой борьбы мне придется уйти из школы, и это, пожалуй, будет наиболее благоприятный вариант. Не думаю, чтобы было что-нибудь худшее, но у нас всё возможно. Первое и главное – чтобы сохранить мальчика. <...>

Димушка, конечно, был сильно взбудоражен утренним разговором. <...> Много возился с гипсом. Почти полностью отреставрировал и укрепил на станке разбившегося на той неделе «Иллюзиониста».

<...>

24 мая 1971 г., понедельник.

Дима был у директора. Она была с ним очень мила и полностью на нашей стороне. Тем не менее после длительного педсовета по разным вопросам я оставила директору письмо, и Елена Даниловна даже приняла его с удовлетворением, чего я не ожидала. Еще она подтвердила ему мысль, что дед в своем завещании оставил Мишке все накопленные им богатства и вещи и книги. <...> Ей больше всего хочется спокойствия. Мне, честно говоря, хочется того же, но парня я не оставляю, Дима тоже вместе со мной. А теперь Елена в это дело втянута, и она мальчика все-таки любит. Она, в общем, к детям хорошо относится, но требует, чтобы они думали, как она. Они же, сегодняшние дети, сопротивляются любому давлению и верят только тому, в чем они убедятся сами. Зажимать же их предельно она не хочет, чтобы не терять популярности. Но, очевидно, зажимет. И тут она и я вступаем в противоречия. Мои ребята свободны по существу своему и чересчур бесстрашны. В этом моя вина, я пока не научила их быть осторожными, а с этого надо было начинать. У старших это есть, у таких, как Мишка – нет. В школе его сегодня не было, и я постоянно нахожусь в волнении. Сегодня Елена позвонила ему домой. Ей сказали, что у него насморк. На Елену Мишкина мать произвела очень убогое впечатление. Елена сказала Диме, что ее лицо «не обезображено интеллектом» и что ей показалось, будто бы эта женщина пришла наниматься в технические работники. Я не согласна с Еленой. Несмотря ни на что, в Мишкиной матери есть что-то очень симпатичное, милое, хотя большая странность и забитость. <...> Мне же будет урок. Если не нравится человек с первого взгляда, не нужно изо всех сил закрывать на это глаза и уговаривать себя, что он хороший. <...> Да и мать тоже. Мне кажется, что пока она мальчика любит. Хотя Мишка рассказал об одном с ней разговоре нам с Димой.

Он сделал это совершенно неожиданно, сам по себе. «Я спросил у мамы: “Почему мы с тобой не дружим?” Она ничего не сказала и ушла». Мишенька, родной мой мальчик, мы с Димой не оставим тебя, пока живы, верь нам. <...> Сейчас нужно немножко перетерпеть, а мы тебе поможем.

Я была в школе до вечера. Дима в мастерской общался с Константиновским⁸⁰, не очень приятным человеком, но вполне приличным писателем. Дима будет сейчас оформлять его книгу. Затем я застала некую самостоятельную скульпторшу Дину Коненкову (никакого отношения к старику Коненкову) вместе с ее довольно убогим, но большим начальником Блохинцевым, физиком, директором Дубны. Были у нас Владик Кадышев, Игорь Тимофеев и Юра Никитин. Юра доводил металлический «Памятник погибшим от насилия». Дима лепил памятник Сергею Андрееву. Владик с Игорем с интересом слушали мою историю про Мишку Шункова.

25 мая 1971 г., вторник.

Видела Мишку в школе. Всё в порядке – веселенький, спокойный. Пока ничего ему не говорила, договорились побеседовать после экзаменов. Вообще, в школе было приятно и грустно. Последний звонок. Ребятки мои прекрасные, рядные, замечательные. Надарили мне цветов.

В мастерской застала тьму людей, а рядом с подвалом двух стукачей, по виду – студенты школы КГБ, даже не очень противные. Лева Копелев был с какими-то людьми, очень симпатичными, и с усатым немцем из ГДР Бирманом⁸¹, которого я, поднадужившись, узнала по снимку на его пластинке, переданную нам кем-то для вручения Булату Окуджаве. Парень очень умный, понимающий, но, на мой взгляд, несколько догматического мышления. Был с ними со всеми актер с Таганки Веня Смехов со своей женой. Этот Веня мне симпатичен. Такие мужики – в моем духе. И вдруг появляется мой цыпленок Женя Смагина с гвоздикой в руке. Она шла мимо и решила зайти без звонка. Не прогонять же ее, когда сверху сторожат стукачи. Еще был Юра Никитин, помогал зачищать «Памятник погибшим от насилия».

Наконец вся компания ушла и стукачи, очевидно, с ними, поскольку ходят они залевой. А до этого, когда говорили, что Алик Киселев – ученик Сидура, Женька всё время говорила: «Я тоже ученик Сидура! Ведь правда же, Юлия Львовна, я тоже ученик Сидура?» Наконец и она с Юрой ушли, потому что у нее дома волновались. Димка был в грязном, только хотел поработать – пришел человек от Майка. Сам американец русско-еврейского происхождения, живущий в Глазго, специалист по русской истории, особенно по городу Ленинграду, женатый на англичанке, имеющий двоих детей – мальчика четырех лет и удочеренную

⁸⁰ Константиновский Илья Давыдович (1913–1995) – прозаик, драматург, переводчик. В. Сидур выполнил иллюстрации к его «Книге странствий» (М., Советский писатель. 1972).

⁸¹ Бирман (Biermann) Вольф (р. 1936) – поэт и бард. Его иногда сравнивают с Б. Окуджавой при всей непохожести стихов и стиля их исполнения, имея в виду скорее схожесть самого явления бардовской поэзии в тоталитарных Советском Союзе и ГДР. В 1976 г. выехал с концертами в Западную Германию, и когда находился там, узнал, что лишен восточно-германскими властями гражданства.

девочку полуяпонку двух лет, проживший четыре года в Польше и познакомившийся с Майком десять лет назад в Америке. Молодой человек по имени Алан Росс. Смешной, косою, интеллигентный парень. Приятный, но с Майком пока никто сравниться не может. Рассказал, что Майк стал главным редактором журнала, который будет заниматься вопросами цензуры во всем мире. Майк спрашивает у Димы, как делать его выставку – через общество Англия – СССР или через какого-то там богатого мецената. Разумеется, через мецената, потому что с нашими связываться не только бесполезно, но и опасно. О Диме должны появиться статьи в Америке, Голландии и Швейцарии. Алан – парень хороший, но он нас утомил и сам устал. Вдруг сказал, как маленький ребенок: «Ну, пойду домой». По-русски говорит смешно, но говорит.

Клариса звонила, радуется, что повидала Солженицына, обнималась с ним. Говорит, что выглядит он прекрасно, бодр, но озабочен. Его роман называется точно – «Август 1914 года»⁸². Говорит, что роман абсолютно патриотический, не криминальный с цензурных позиций, но очень хороший.

Перед уходом спугнули какого-то беднягу с нашего подвала, зажегши свет на лестнице изнутри. Он хотел мирно пописать, а мы ему не дали. Он с ужасом топал по нашей зловещей лестнице, оставляя мокрые следы, так как вляпался в уже кем-то написанную лужу. Я замечаю, что чем ближе мы к светлому будущему, тем больше гадят на нашей лестнице. Дима, например, сегодня по приходе большую кучу фекалий убирал. Он относится к этому почему-то очень спокойно, считая, что всё зло от малого количества уборных, и гадящие к нам в подвал граждане – совсем не виноваты. А я почему-то беспокоюсь, хотя знаю со школы, что в человекек всё должно быть прекрасно, даже говно, которое он не в состоянии удержать в себе при виде нашей лестницы.

Мама моя не выйдет из больницы раньше, чем через неделю, потому что у нее плохие анализы. Вдруг сделалось сильно холодно.

26 мая 1971 г., вторник.

<...> Димуха работает изо всех сил. Приходили заказчики памятника Сергею Андрееву. Очень по-крестьянски говорили о деньгах, жутко бояться, что Дима их обманет. Был у нас врач Леонид Маркович <Лурье>, который сделал Диме зубные протезы. Хороший мужик. Наташка Нольде, перемазанная в краске, ушла довольная с книгой Мераса под мышкой.

Дело пошло на потепление. Димушка начал себя плохо чувствовать.

27 мая 1971 г., четверг.

Димушка совсем фигово себя чувствовал. Кончилась благополучная полуса в его самочувствии. У Абрама Яковлевича тоже сердце болит. Я думаю, что у него невралгия, потому что больно дотрагиваться.

⁸² Написанный А.И. Солженицыным в 1969–1971 гг., роман «Август Четырнадцатого» опубликован впервые в 1971 г. в Париже издательством YMCA-Press. Является первой частью («Узел Ё») многотомного исторического романа-эпопеи «Красное колесо» о Первой мировой войне, Февральской и Октябрьской революциях 1917 г.

В школе более-менее всё в порядке. Мишка сдал экзамен по французскому на пять. Ни он, ни я этого не ожидали. Сказалась снисходительность комиссии. Я поставила ему четыре, все остальные – пять. Тем лучше. Сегодня он мне сказал: «Больше я насчет Вас ни в чем не сомневаюсь». Мальчик до того издергался, что даже во мне сомневался, не хочу ли я ему зла. Очевидно, дома тоже производилась соответствующая обработка со стороны матери. <...> Дима мне тоже сейчас сказал, что полюбил Мишку больше всех моих учеников, хотя и других любит. Но я хороша! Был момент, когда я считала его избалованным ребенком, который с жиру бесится и ему только птичьего молока не хватает. Мне будет урок на всю жизнь. Мы можем подозревать трагедию, но не понять, насколько она серьезна. Я надеюсь, что мальчик перенесет все свои несчастья, но пока что опасность еще не миновала.

28 мая 1971 г., пятница.

Дима чувствовал себя паршиво. Абрам Яковлевич тоже неважно. Я – туда-сюда. Кларочка приезжала, говорили о Солженицыне. Дима им очень недоволен, у Кларочки тоже есть претензии к нему в его поведении. Дима считает, что он чересчур хитрый. Хочет обмануть всех на свете и для этого выбирает недостойные для него средства, как, например, его письмо к Суслову. Я же пока не могу ставить крест на этом человеке. Дима говорит, что Солженицын взвалил на себя крест и потащил его на Голгофу, на полпути получил Нобелевскую премию и затем стал спускаться вниз. По фактам, по всем своим поступкам в последнее время, Солженицын многих разочаровывает и все-таки я пока еще не могу ставить крест на этом человеке.

Как там поживает наш мальчик Мишенька?

В мастерской было паршиво и невыносимо воняло на лестнице, пока Дима всё не убрал, засыпав гипсом. Юра зачищал две отливки «Лолита». Нам не хотелось в подвале оставаться, как вдруг появилась Алка с Игорем, своей подружкой и громадным дорогостоящим тортом. Опять не предупредив, что она хочет прийти. Дима категорически отказался сидеть в подвале, тем более что жрать торт для него не представляет никакого удовольствия, сидеть ради этого в духоте и грязи, когда на улице такая роскошная погода. Пришлось Алке вместе с друзьями и тортом отчаливать к ней в мансарду, а мы с Димушкой посидели немножко на бульваре, и он отдышался.

29 мая 1971 г., суббота.

Виделись с Мишкой, это было совершенно необходимо, потому что он издерган до крайности. Довели-таки родственнички! Парень звонит к нам из автомата и видимся мы тайно. Долго мы его успокаивали, пока он отошел. <...> Дима долго с ним разговаривал, говорил, что матери его тяжело разорваться между ним, Слепышевым и двухмесячной Настей⁸³. Я лично считаю, что ее пове-

⁸³ Слепышева Анастасия Анатольевна (р. 1971) – дочь Е.В. Шунковой и А.С. Слепышева, сестра Миши. Живописец. В 1988 г. закончила районную детскую художественную школу в Москве. В 1990–1996 гг. вместе с родителями жила в Париже. Училась здесь в Высшей национальной школе прикладного искусства и ремесел, получила диплом об окончании Версальской Академии изящных искусств. С того же времени принимает участие в выставках. С 1997 г. член Московского союза художников. Живет и работает в Москве и Санкт-Петербурге.

дение с сыном ничем не оправдано. Мишка очень здорово ей сказал: «Если бы был жив дедушка, он сумел бы призвать к порядку распоясавшегося». <...> Мать рассказывает Мишке всякие истории с целью нас опорочить, что какие-то знакомые их знакомых сказали, что Дима бросил «Лемпортов» в трудную минуту, а я – неумная женщина. Я сказала ему, чтобы он привыкал ко всяким гадостям, которые будут говорить о его друзьях и о нем самом, это в порядке вещей среди москховцев. <...>

Еще Мишка очень хочет, чтобы мы любили его больше всех. Он это не говорит, но это чувствуется. Я ему сказала: «Я очень люблю тебя, но ты бы сам меня меньше уважал, если бы я плохо относилась к другим ребятам». Он согласился. На самом же деле мы с Димой сейчас любим его больше всех, потому что он самый незащищенный из всех и самый нуждающийся в духовном лечении, потому что такое ощущение, что у него на сердце кровоточащая рана. Если бы это было возможно, мы бы забрали его к себе и тогда было бы легче. Но эт осоввершенно нереально. 7 сентября ему только исполнится шестнадцать лет, до совершеннолетия еще долго. Во всяком случае, мы с Димой решили ни в коем случае не прекращать с ним общения, потому что тогда он совсем лопнет от страданий и не дай бог не выдержит. После экзаменов он с бабушкой уедет отдыхать в Эстонию, а на будущий год видно будет. Мы с Димой никогда его не бросим. Это тоже один из его комплексов, что я с ним вожусь только из педагогического любопытства, а потом мы перестанем с ним дружить. Чудак! Скорее он, если все будет в порядке, влюбится в кого-нибудь, окрепнет, и мы будем ему не нужны. Что ж, дай бог ему счастья. Мы немного погуляли по набережной. Ему безумно не хотелось уходить, но нужно было, потому что он обещал дома быть в девять. Нам не хотелось расставаться. Мы ехали на парходике к Кларочке, и ему хотелось быть с нами. Мы расстались, пожав друг другу руки и договорившись встретиться в следующий раз после письменного экзамена по алгебре 1 июля. У меня такое впечатление, что он будто постарел за эти два месяца.

Потом, простившись с Мишкой, мы встретились с Аликом, долго ждали парохода, он прибыл полный. У выхода нас ждала Кларочка. Лифт у нее в доме работал, и Дима долго добирался пешком, останавливаясь подышать на каждой лестничной площадке. Очень приятно у нее посидели. У нее два приятненьких хомячка в клетке. Ушли довольно поздно, и вдруг Дима захотел показать нам с Аликом свое общежитие в Малом Толмачевском переулке, где он восемь лет прожил в подвале⁸⁴. Наш подвал сегодняшний по сравнению с тем совершенно райский, шикарный. Оттуда унесли из хлама глушитель от мотоцикла, в Димином скульптурном хозяйстве это пригодится. Шли до метро пешком, и Алик рассказывал, как тяжело ему было и одиноко в Москве на первых порах.

Звонил Венья Смехов, сказал, что заказал нам билеты на 14 июня на свой спектакль «Час пик»⁸⁵.

⁸⁴ В этом переулке, непосредственно за Третьяковской галереей, в полуподвале дома № 6 располагалось общежитие МВХПУ (Строгановского училища). Окно комнаты В. Сидура выходило к тротуару переуллка.

⁸⁵ В.Б. Смехов выполнил инсценировку повести польского писателя Ежи Ставинского (1921–2010), поставил спектакль Ю.П. Любимов, художник Д.Л. Боровский, премьера в Театре на Таганке состоялась 4 декабря 1969 г. В.Б. Смехов сыграл в спектакле главную роль Кшиштофа Максимиловича.

Самая радостная весть: говорят, что будто бы сегодня по радио объявили о досрочном освобождении Андрея Синявского «за хорошее поведение»⁸⁶. Господи, вразумляй и дальше наше правительство на поступки гуманные. Несмотря ни на что, я продолжаю утверждать, что начальство наше верхнее что-то перешило.

30 мая 1971 г., воскресенье.

Мы оба с Димой дошедшие. Дима не мог спать из-за сердцебиения, которое он никакими лекарствами успокоить не мог, а я – из-за живота. К матери обратиться не могу, хотя тетка у нее бывает и говорит, что мать чувствует себя хорошо, но скучает и хочет домой, но ее пока не выпускают из-за плохих анализов.

Виделись сегодня с Аланом Россом, много говорили. Приятный парень очень. Дали ему двадцать шесть гравюр, из них две ему, остальные Майку. Он рассказал, что они с женой уехали из Америки, из штата Техас, потому что жена боялась за детей. Они были против войны во Вьетнаме, и им там всё время угрожали. Сейчас, он говорит, там невероятно все против войны, очень много народа. И вообще, он хочет возвращаться из Англии в Америку, потому что в Америке он знает людей лучше и они ему понятны. Спрашивал Диму, хотел бы он уехать из СССР. Дима сказал, что не хочет никуда уезжать. Поглядеть бы еще мог съездить, но и на это сил нет. И еще Дима сказал, что всё его искусство основано на русской базе.

Вечером был у нас Алик, помогал разбираться с гравюрами, которых у нас уже невероятное множество – 67 досок, в среднем с каждой по пять оттисков. И еще у Димы намечено вырезать тридцать четыре, чтобы было «101». Чувствовал себя Дима сегодня довольно паршиво с временными улучшениями.

Слухи насчет Андрея Синявского пока проверить не удалось. По радио ни американцы, ни англичане, ни французы ничего не сказали.

Мишенька, наш детеныш, наверно, занимается.

31 мая 1971 г., понедельник.

Видела Мишку в школе. Вид у него совершенно ужасный – под глазами черно, издерган до крайности, нервный, возбужденный. Говорит, что мама всё у него выпытывает куда он ходит и что он делает. Он, конечно, не выдержал и дал понять, что он знает о разговоре Димы со Слепышевым, так как сегодня он мне заявил радостно, что никакого «знакового в прокуратуре» у них нет. Тем не менее ему очень тяжело, потому что он мать любит и быть с ней хладнокровным ему не под силу. Сказал, что он хочет прийти к нам завтра в мастерскую, а мама предложила ему погулять с ним. Я сказала ему, что, может быть, ему действительно лучше погулять с мамой, раз она хочет. Он сказал: «Нет, я хочу к вам, потому что в вас у меня большая поддержка». «Раз так, – сказала я, – значит, приходи к нам». Пока мы с Мишей говорили в школе, его мать беседовала по телефону с Димой, сетовала, что мы напрасно Мишке рассказали о телефонном звонке Слепышева. Дима пытался ей объяснить, что ребенок не вещь, которой

⁸⁶ Был освобожден досрочно 8 июня 1971 г., за 14 месяцев до конца срока.

Виталий Лазаревич Гинзбург и Нина Ивановна Гинзбург в мастерской. Фото: Эдуард Гладков

можно распоряжаться, как угодно. <...> Дима еще долго с ней говорил, и в итоге они договорились, что она с Мишей вместе хочет с нами пообщаться. Дима согласился, хотя из первого моего общения с семейством лучше не стало, а только хуже. Тем не менее – мать есть мать, и Дима согласился. <...> Дима говорит, что тон ее был вполне миролюбивый и интеллигентный. Завтра они втроем будут «гулять». Дима не хочет вести ее к нам в мастерскую, во всяком случае, в этот раз. И еще Дима дал ей понять, что мы не собираемся отделяться от парня, чтобы не предать его. О том, дружить или не дружить с нами, будет решать он сам. И если ему нужна будет наша помощь, мы никогда ему в ней не откажем.

Слухи о Синявском не только не подтвердились, а даже наоборот, его жене не дали с ним свидание. Итак, наши радужные предположения не оправдались.

Дима работает изо всех сил. Вечером были у нас Гинзбурги. Выглядят оба совершенно великолепно. Андрей Дмитриевич Сахаров теперь под началом Вити, который говорит, что он «святой», но «без чувства юмора». Я думаю, что если это даже так, ему это можно простить. Дела, которыми он занимается, далеко не веселы. Ему, как говорят, не до смеха. Дима всё время сравнивает его с Солженицыным, который, по его мнению, слишком много хитрит и оттого из святых выпал. Нина с Витей, так же, как и я, пока в него верят.

1 июня 1971 г., вторник.

День был совсем сумасшедший. Десятиклассники мои писали сочинение. Кажется, все написали очень хорошо. Завтра-послезавтра узнаем. Мишка тоже сдавал письменный экзамен по алгебре. Написал очень плохо, если бы мы с Идой и Наташей не вмешались, ему бы поставили двойку. На тройку мы уговорили учителей. Слава богу, не сволочи! Только этого сейчас не хватало. И вообще, с математикой что-то надо делать. Договорились с Борей Хазановым, чтобы на будущий год он ему помог. Тем более что Мишка хочет понять и осилить математику, но у него ничего не получается. Мишка пока еще и не знает, что ему еле-еле натянули три балла. Послезавтра сдает устно геометрию. Господи, хоть бы сдал! Он совершенно не приспособленный – шпаргалить не умеет, списывать тоже. Говорит, что геометрию он почти всю выучил.

Я целый день была в школе, а Дима виделся с ним и его мамой. Они провели на бульваре примерно полчаса. За это время Мишка с матерью лениво препирались, очевидно, по своей вечной проблеме. <...> Мать отвечала, что Толя их всех кормит, на что Мишка отвечал, что его содержит бабушка, а не Толя. Дима занял примирительную позицию, но твердую, в том отношении, что мальчик будет с нами видеться. Сейчас только в день после сдачи экзамена, а там, может быть, и почаще. Мать не возражала.

Потом Дима вкалывал допоздна в подвале. Игорь с Алкой его снимали. Юра Никитин приволок к нам довольно большой сверлильный станок. Еще один наш новый знакомый литейщик принес металлические отливки. Была Наташка Нольде, красила эти отливки. Приходил Боря Хазанов со своим товарищем, тоже доктором математических наук, Гришей.

Неожиданно появился Игорь Тупицын. На днях он ложится со своей ногой на операцию. И вообще, вид у него весьма несчастный. С математиками очень умно и интересно поговорили. У Игоря Тимофеева свои проблемы. Оказывается, у него есть дочка от первой жены, с ним разведенной, и два сына от второй жены, Наташи. Первая жена вышла замуж за другого и сейчас требует, чтобы Игорь отказался от дочки, чтобы ее новый муж мог ее удочерить. Игорь любит девочку очень сильно, хотя шесть лет уже с ней не общался и видел ее только однажды через окно. Он очень не хочет отказываться от нее в письменном виде и страдает. Мы здесь были абсолютно едины с Димой, предлагая Игорю эту формальность выполнить, щадя девочку, которой сейчас в той семье хорошо, и не забывать, что у него существуют два своих парня, о которых надо много думать.

Так случилось, что нас сейчас окружают удивительно хорошие люди. Если бы Диме было лучше со здоровьем, то вообще было бы нам прекрасно. И еще этот мальчик каким-то нам самим непонятным способом прочно вошел в нашу жизнь и занимает в нашей душе первое место.

Нам понравилось, как Лимонов написал предисловие к стихам непечатаемых поэтов.

Дима работает как проклятый. Заканчивает очень красивое надгробие Андрееву Сергею.

2 июня 1971 г., среда.

Сегодня в школу не ходила и очень этому рада. Хоть поспала побольше. В мастерскую тоже не ходила. Дима там был без меня, доработался так, что еле домой прибрел. Полностью восстановил «Иллюзиониста». Приходила Кларочка, пробыла со мной и Абрамом Яковлевичем целый день. Я читала сегодня Абраму Яковлевичу про Мери Бэйкер Эдди Стефана Цвейга⁸⁷. Очень здорово Цвейг пишет.

Тетя Аида привезла маму. У мамы вполне поправившийся и даже отдохнувший вид. Она там все время была на воздухе с утра до вечера. Приехал Сева на машине и отвез маму с тетей домой.

Кларочка все-таки глупенькая. Дает в долг деньги, которые ей оставил Корней Иванович, каждому, кто ни попросит. А ей надо квартиру покупать. Пока дело дойдет до квартиры, денег уже не будет.

Вечером позвонил Мишка, сначала Диме, потом мне. Сказал, что соскучился по нам. Завтра он сдаст геометрию, дите наше. Мишка сказал, что теперь мама после свидания с Димой беспрепятственно разрешает ему с нами видеться. Что ж, на данный момент это неплохо.

3 июня 1971 г., четверг.

Мишка сдал геометрию на четыре, это невероятный успех. Мои ребята-выпускники тоже сдавали. Женька Смагина не так рассказала про Павла Корчагина и получила четыре. Страдания были очень сильные, но потом утряслось, в аттестат ей пойдет пять все равно. И даже, может быть, грамоту получит по литературе. Ушла из школы, потому что больше не было сил за всех болеть. Знаю только, что Лена Гамазина получила пять, а как Юрка и Вовка не знаю. Наверно, четверки. Они люди умные, но сверкать не умеют.

В мастерской был уже Мишка, когда я пришла. Дима сказал: «Я так его люблю, что меня это даже пугает». А меня не пугает, потому что если даже мальчик оставит нас в итоге, но окрепнет и выживет, это уже само по себе будет прекрасно. А мы переживем, нам не в первой терять людей, бывших когда-то близкими.

Дима работал над памятником Сергею Андрееву. Леня Штутман приходил и рассказывал о своих очень сложных отношениях с Олей, с которой он на грани расставания. Мишка сидел с нами и в итоге как-то скис, потом стал лазить по всем комнатам, возиться со сверлильным станком и повеселел. Излагал мне снова свои бредовые идеи о разделении людей на хороших и плохих посредством террора со стороны доброго диктатора. Плохих уничтожить, а хороших оставить. У него на этом деле бзик, но, кажется, уже меньше. Скоро он откажется от диктаторства и перейдет к чему-нибудь другому. Его идеал – свобода личности, которую надо насаждать силой. Его неоригинальные, но неприятные и опасные идеи противоречат с его обликом, а также с его поступками, удивительными по доброте, гуманности и человечности. Пока что он способен только на одно уничтожение, а именно – самого себя. Вот тебе и фюрер. Нам не хотелось нарушать наше с матерью решение о том, что он будет возвращаться от нас не позднее

⁸⁷ Художественная биография религиозной писательницы Мэри Бэйкер Эдди вошла в трилогию Стефана Цвейга «Врачевание и психика» (1931).

девяти часов вечера. С трудом проводила его до метро в половине девятого, чтобы он поспел вовремя. Следующий экзамен – письменное сочинение – он сдает седьмого, а девятого – последний, устный экзамен по русскому языку. Он русский знает плохо, так как весь год ни черта не учил. Сочинение же он напишет, скорее всего, прилично. 30 июня, если всё будет в порядке, уезжает с бабушкой в Эстонию, под Пярну. Говорит, что будет писать.

Приходила Рита Янус со своим новым мужем. Ничего парень. Чувствуется, что сильно пил, потому что у нас не выпил ни капли, и это было явно странно, судя по его виду. Заехали к нам югославы – Саша Новачич⁸⁸ с женой Секой. О многом говорили. Как всегда, о политике, об искусстве и вообще, обо всем.

На следующей неделе будем устанавливать памятник Валерию Павлинчуку в Обнинске.

4 июня 1971 г., пятница.

Была первая сильная гроза. Целый день в подвале сморазивали с Димой нового страшного «Пророка». Вечером зашел Боря Хазанов. Ему и хочется и не хочется в Израиль. Но больше хочется. Дима две свои новые скульптуры из труб называет «Пророки сексуальной революции». Как там Мишель?

5 июня 1971 г., суббота.

Мои ребята-десятиклассники сдали французский. Результаты для моего слабого класса совершенно прекрасные. Пятнадцать пятерок и всего три тройки. Юра Геннис и Женя Смагина признаны самыми лучшими по ответам. И Вовка Воловников, слава богу, получил четыре. Лена Гамазина тоже пять, хоть это и не чистая пятерка, не совсем блеск. Вечером позвонил Мишка, сказал что он выучил четырнадцать билетов и просился к нам. Он с матерью договорился. Дима сдуру посоветовал ему позвонить домой, предупредить, что он опаздывает. Мать его была этим недовольна, и у Мишки с ней по телефону разгорелся спор. Парень тут же взвинтился и настроился очень воинственно, качая права на независимую жизнь. Не позвони он по нашему совету, было бы лучше.

Упаковали памятник Валерию Павлинчуку в доски. Пьяненький упаковщик взял за эту процедуру тридцать рублей. Цены растут со страшной силой. Дима доделывал «Пророка сексуальной революции». Такое страшило, не приведи господь! Радио глушат как сволочи, уже сколько дней без информации.

6 июня 1971 г., воскресенье.

Сегодня наконец в одиннадцать вечера прорвалось Би-би-си. Очень интересно рассказывали, как знаменитый рабочий Емельянов⁸⁹, прятавший Ленина и Зиновьева в Разливе, а также устраивавший им побеги за границу и обратно,

⁸⁸ Корреспондент Телеграфного Агентства Новая Югославия (ТАНЮГ) Саша Новачич после Москвы работал в Пекине, вернувшись в Югославию, работал заместителем главного редактора авторитетного белградского еженедельника НИИ (*Недельне информативне новине*). 6 декабря 1981 г. НИИ опубликовал большую статью о В. Сидуре. В 1985 г. снова послан корреспондентом ТАНЮГ в Москву.

⁸⁹ Емельянов Николай Александрович (1871–1958) – революционер. Член РСДРП с 1904 г., участник трех революций. С 1921 г. находился на хозяйственной работе. В 1932 г. стал персональ-

просидел в лагерях с 1935 по 1954 год. А после освобождения и реабилитации вскоре умер.

Были у нас в гостях Боря с Мариной, Инна и Кларочка. Совсем поздно пришел Алик, у которого на киношных курсах сплошные неприятности. Иннина Аня перенесла довольно-таки серьезную операцию фибромы и сейчас еще как следует не вылечилась. У Марины в школе примерно те же проблемы, что у меня. Она всеми силами опекает одного талантливого мальчишку, которому не хотят давать медаль. А ему эта медаль весьма кстати, так как парень еврей и без медали может не поступить в институт. Опять же у нее очень плохие отношения с директрисой, чего у меня, к счастью, пока нет в такой сильной степени. Хотя после нашего спектакля ее ко мне доброе отношение сильно поколебалось. Это жаль, потому что, как в злобе проговорился Слепышев, она будто бы сказала, что я испортила Медведева и Шункова. Правда потом в разговоре с Димой она от этих слов отреклась. Но я глубоко уверена, что она эти слова сказала, потому что при всех ее достоинствах она в то же время лицемерна и лжива, не терпящая никаких несовпадений и отклонений от своей линии, неизменно совпадающей со всеми зигзагами нашей партии. При более либеральных временах любит поиграть в широту и прогрессивность. Восхищалась произведением «Раковый корпус», слушает зарубежное радио, выступила где-то на бюро райкома, членом которого она является, о плохо поставленной нашей пропаганде, но это не мешает ей на педсовете заявить во всеуслышание, что мальчишке нельзя давать характеристику в Польшу за его «низкопоклонство перед Западом». Многие дети ее не любят, чувствуя ложь во всей ее сущности. Я тоже ее не люблю, хотя уважаю за ум, хитрость и за то, что до последнего времени давала жить и работать спокойно, во всяком случае, не мешала. А также за то, что она очень терпимо относится к евреям, которых в нашей школе довольно много. Даже Зальцмана терпит, хотя он очень трудный для коллектива человек.

Дима сегодня сильно продвинул книгу Константиновского. Завтра Мишенька пишет сочинение.

7 июня 1971 г., понедельник.

Написал Мишка сочинение. Говорит, что вроде бы неплохо. Конечно, сразу же после экзамена прилетел к нам. Говорит, что дома «слишком хорошо». Мама хочет писать с ним рассказ, а Слепышев предлагает начать учить его рисовать. Мы с Димой сказали ему, что это вообще хорошо, лучше так, чем по-другому, и чтобы он особенно не сопротивлялся. Мишка же сейчас уже сам от них ничего не хочет, особенно от Толи. И говорит, что думает, как бы «поделикатнее отказаться».

Приходили работяги-отливальщики, принесли очень симпатичную бронзочку с деревянной статуэткой. Потом мы втроем с Мишкой пошли в парк Горького.

ным пенсионером. В декабре того же года арестован и приговорен к 10 годам лагерей, затем до 1953 г. находился в ссылке в Казахстане. Одновременно с ним были репрессированы его жена и семеро детей, двоих из которых расстреляли, арестован был также старший брат. После смерти Сталина освобожден и реабилитирован. В 1956 г. ему возвратили персональную пенсию и наградили орденом Ленина.

Переехали туда на катере. Довольно прилично пообедали в грязной, но симпатичной забегаловке возле самого пруда. Гуляли в парке до самого вечера. Всё было ничего, если бы не Димино плохое самочувствие – сердце побаливало и давление подскочило.

Пока мы разгуливали, Абрам Яковлевич принимал двух французов-супругов, которые прибыли к нам с приветом от Мишеля Сиама⁹⁰. Объявился-таки Мишель. Дима всегда говорил, что Мишель еще в нашей жизни объявится. Оставили свой телефон в гостинице. Я им позвонила, жена отлично говорит по-русски, даже мои знания французского негодились.

Юрочка Геннис позвонил, написал сегодня алгебру. Наверно, хотел прийти, ждал, что я его позову, но я сказала, что мы встретимся после экзаменов. Из-за Мишки. Он очень ревнивый и сразу насторожился, когда мы с Юрочкой разговаривали.

8 июня 1971 г., вторник.

Чувствовал себя Дима плохо. Пришел сезон и поперли люди. В подвале валялась записка от сэра Джона Лоуренса – председателя ассоциации Великобритании – СССР⁹¹. Он от Майка, остановился в гостинице «Метрополь», но мы ему так и не дозвонились. Потом прибыли работяги с отливками. Потом Хорст, вернувшийся из Иркутска, с двумя симпатичными немцами-супругами, очень молодыми, но у которых уже трое детей, и они сейчас путешествуют вдвоем на автомобиле. А до них были Гребневы Мима с Нёмой и с венгерским поэтом Андрашом Мезаи. Симпатичный очень человек и стихи у него красивые, хоть и в переводе Голембы⁹². Мезаи еврей, во время войны жил в гетто, отца у него убили, он и мать чудом выжили. Еще он совсем потерял зрение несколько лет назад, и ему зрение вернули путем трансплантации. Он очень хвалит Кадара, и вообще все венгры его хвалят. Он говорит, что жизнь у них вполне сносная во всех отношениях, но также, как во всем социалистическом лагере, нет гарантий. В любой момент может всё перемениться, и сожрут. Вечером смотрели у Владика Кадышева в подвале куски <фильма> про Диму. Ничего, получается кое-что.

9 июня 1971 г., среда.

Сдал наш детеныш последний экзамен на четыре, и очень достойно – всего лишь с одной тройкой по алгебре – перешел в девятый класс. Завтра бабушка покупает ему в честь этого события магнитофон.

⁹⁰ Сиама (Sciamia) Мишель – в 1960-х гг. преподаватель французского языка в МГПИ им. В.И. Ленина.

⁹¹ Баронет сэр Лоуренс (Lawrence) Джон Вальдемар (1907–1999) – дипломат. В 1939–1941 гг. работал в Европейском отделе Би-би-си. С 1941 г. редактор газеты «Британский союзник». В 1942–1945 гг. пресс-атташе посольства Великобритании в Москве. Президент общества Великобритания – СССР в 1970–1985 гг. Автор ряда книг о Советском Союзе, среди которых *History Of Russia* (1960).

⁹² Големба (Рапопорт) Александр Соломонович (1922–1979) – поэт, переводчик. Член СП СССР с 1957 г.

Мишка с Диминой помощью сделал в предбаннике выключатель. Юра Никитин зачищал «Памятник погибшим от насилия». Вечером нас посетил сэр Джон Лоуренс – председатель ассоциации Великобритании – СССР, очень милый старик. Он познакомился с Майком и тот его направил к нам. Отлично говорит по-русски. Написал книгу «История России», был создателем во время войны газеты «Британский союзник»⁹³, работал на Би-би-си на Европу в оккупированных странах, таких, как Голландия, Дания и другие. Очень интеллигентный и совершенно не надутый старикан. Просидел у нас очень долго и все мы остались довольны друг другом. Хочет прийти в субботу с друзьями из посольства.

Дима чувствует себя получше. А завтра нам принимать друзей Мишеля Сиамы, и никуда не денешься.

10 июня 1971 г., четверг.

Бабушка купила Мишке магнитофон «Орбита»⁹⁴. По этому поводу он звонил нам очень радостный и возбужденный. Такой нервный мальчишечка! Но сейчас в основном его эмоции скорее радостные, чем отрицательные.

Виделись с друзьями Мишелем Сиамы, хорошие ребята. Девушка говорит отлично по-русски, это ее профессия. Ее муж фармацевт, любит искусство и литературу, даже кое в чем разбирается, красивый парень. Получили письмо от Флакерова. В «Советском писателе» уже начались нелады с рисунками для книги Константиновского. Сам Константиновский вчера был рад рисункам и обложке, а сегодня испугался. На ночь глядя прибыл Левитанский с какой-то венгеркой, подругой Жужи Раб, и толстой переводчицей при венгерке.

11 июня 1971 г., пятница.

До чего же мы устали. Целый день Дима метался по мастерской между слесарями, которые чинили окно, отливщиками Толей и Юрой, Игорем Тупицыным с культурным атташе посольства Югославии Сашей Джуровичем, и нашим Мишкой, прибывшим к вечеру с магнитофоном «Орбита-2». К тому же Дима все-таки успел полепить почти конченную фигуру памятника Сергеева Андрея.

Записывались на Мишкин магнитофон. Мы с Димой много наговорили нравоучительных историй. Потом мы с Мишкой побеседовали по-французски и даже попытались спеть «Марсельезу», но не выдержали и расхохотались. Невозможно смеемся на магнитофоне. Мишка всё это время прыгал от восторга и возбуждения. Сегодня в школе на физкультуре ему сделалось плохо – заболело сердце, голова закружилась. И вообще, здоровье у малого очень слабое.

⁹³ «Британский союзник» – еженедельная газета на русском языке (издание Министерства информации Великобритании), выходившая по воскресеньям и распространявшаяся в Советском Союзе с 1942 г. по 1949 г. Публиковала сводки с фронтов, статьи об англо-советском военном и культурном сотрудничестве, дайджесты свежих номеров английской прессы. Первое время редакция газеты располагалась в Куйбышеве.

⁹⁴ Катушечный транзисторный магнитофон, выпускавшийся в Ленинграде с 1965 г., несмотря на тяжесть (вес 4,9 кг без батареек, питание же от восьми больших батареек), считался «портативным».

Юлия, Михаил Шунков и Вадим в мастерской. Фото: Эдуард Гладков

Конечно, пересидели. Маг – довольно тяжелый, решили, что Мишка поедет на такси. Такси не было, только зря прождали. Он поехал на метро, но почему-то не позвонил по приезду. Мы с Димой волновались, но думаем, что всё в порядке, потому что иначе родственники бы сами позвонили.

12 июня 1971 г., суббота.

У нас мокнет в мастерской стена возле двери, у самой лестницы. Мы начали беспокоиться.

Принимали у себя сэра Джона Лоуренса с двумя молодыми людьми, работниками британского посольства. Очень сердечно расстались. Старик невероятно симпатичный и интересный.

Будто бы Андрея Синявского все-таки выпустили, и Майя увезла его на дачу в Боровск. Пока еще эти сведения не подтверждены. Солженицына роман «Август 1914» вышел в Париже. Наконец-то зазвучал наш классик. Сэр Джон сказал, что его знакомые читали и говорят, что есть совершенно блестящие страницы, но в целом роман ничего особенного из себя не представляет. Радиоглушение явно усилилось, мы почти ничего не слышим.

13 июня 1971 г., воскресенье.

Сегодня, хоть и поздно, проголосовали за кого-то. Поучаствовали в избирательной комедии, жалея агитаторов, которые непременно бы нас дергали⁹⁵. Опять Мишка приехал к нам домой со своим тяжелым магнитофоном. Очень дерганый парень, жалко его. К сожалению, бабушка его тоже стала к нам хуже относиться. Наверно, ревнует. А мы его любим совершенно ужасно. Уже и Абрам Яковлевич его полюбил ужасно.

Вечером общались с Ирэн и Робером Журдан⁹⁶. Мы с ними совсем уже подружились. Даем им гравюры, фотографии и даже скульптуры. Они нам нравятся и постараются тоже сделать что-нибудь с выставкой.

Завтра, может быть, пойдем с Димой в Театр на Таганке на «Час пик». Сначала думали, что Мишка с Димой пойдут, а потом оказалось, что бабушка его имеет какие-то пригласительные билеты в ВТО, где будут читать рассказы Ильфа и Петрова и Зощенко. Мы его уговорили пойти с бабушкой, чтобы она не очень огорчалась.

14 июня 1971 г., понедельник.

Мы – люди удивительно энергичные и деловые, кроме того, что Дима – творец-художник, а я – творец-педагог. В загнивающем капиталистическом обществе нам бы явно нашлось место под солнцем, поскольку, как говорят, каждый там стоит столько, сколько он стоит. Уж если даже здесь мы себе какое-то место находим, несмотря на всякие пункты и другие минусы. Эти размышления появились у нас сегодня, когда мы с Димой проделали фантастическую работу с подбором более сотни гравюр и пяти скульптур из металла, где Дима на каждой выбил свое имя и год. Ирэн и Робер как могли, нам помогли. Мы всё записали, упаковали, уложили и отдали этим ребятам. Надеемся, что они понимают, какими они теперь обладают ценностями. Всё это, разумеется, Дима дал для тамошней выставки или еще где на Западе. Димке бы очень хотелось, чтобы про него вышла книга с фотографиями скульптур и рисунков.

Вечером мы впритык успели на Таганку на спектакль «Час пик», где Веня Смехов играет главную роль и является автором инсценировки по роману польского писателя Ставинского. Мне очень понравилось, Димке меньше, поскольку его сейчас устраивают только либо Семюэль Беккет, либо «Театр на ул. Достоевского» в моей школе.

⁹⁵ 13 июня 1971 г. был «Днем выборов в Верховный Совет РСФСР и местные Советы депутатов трудящихся».

⁹⁶ Чета французов из Бриансона – аптекаря Робера и Ирэн Журдан (Jourdan). Находясь в Москве, они пообещали В. Сидуру помочь вывезти на Запад ряд его произведений. С ними он отправил пять скульптур из цикла «Женское начало», полный комплект гравюр цикла «101» и множество листов другой графики, которые Журдан должны были передать К. Аймермахеру в Германии для выставки, оставив себе в качестве вознаграждения 30 рисунков. Но привезя все эти вещи во Францию, Журдан ничего не передали К. Аймермахеру, фактически присвоив их. В дальнейшем, выставя произведения В. Сидура на различных выставках, они указывали, что скульптура и графика из «их коллекции». Лишь уже после смерти В. Сидура Ирэн Журдан (ее муж к тому времени умер) передала упомянутые пять скульптур (но не графику) в Кассельский музей.

На ночь глядя звонил ребенок по имени Мишель. Радуется приобретению электрического паровоза, но от вековых проблем бытия нашего избавиться не может. Завтра мы с ним увидимся. Живи, родной, нам на радость.

Радио забивается зверски. Слухи об освобождении Синявского почти точные. Насчет Солженицына есть какие-то новости, но какие, мы пока не знаем. Что-то он такое хорошее написал в каком-то предисловии.

15 июня 1971 г., вторник.

Мишка, детенок наш любимый, готов поселиться у нас навеки. Но ведь это невозможно, а сейчас и не нужно. У этого человека масса прекрасных, положительных задатков, развитых и воспитанных дедом, а затем бабушкой. Он невероятно аккуратен. Сегодня с восторгом обдирал от гудрона трубу для следующего Диминого шедевра. Трогательно ходит со мной в магазин, стоит во всех очередях и тащит сумки. Дима поражается его пониманию искусства. Трубу ободрал, всё замел за собой чисто, аккуратно. Жалко только, что всё время таскает за собой магнитофон жутко тяжелый. Вид у парня усталый и всё время болит голова. Завтра идет с бабушкой в Большой театр на «Сказание о невидимом граде Китеже» <Н. Римского-Корсакова>. Бабушка сама нам сегодня позвонила, спросила, как Миша добрался, потому что он очень устал, так как повсюду таскает за собой свой тяжелый магнитофон. Еще бабушка сказала, что они с Мишей уезжают куда-то на дачу по приглашению на несколько дней.

У Вальки с Эдиком, особенно у Вальки, большое несчастье – вчера ее кот Антон вывалился с 12 этажа и убили насмерть. Эдик снова ездит на папиной машине, но она у него сломалась, и они еле от нас выбрались.

Дима целый день потратил на писание писем, что является для него жутким трудом, возился с Мишкиным магнитофоном и, наконец, закончил совсем памятник Андрееву Сергею. Заходил к нам немец Хорст.

Абрам Яковлевич ездил на Арбат, как он говорит, «в мое отечество» из песни Булата Окуджавы. Старается мне всё время купить чего-нибудь вкусненькое. Он поразительно прекрасный старик.

16 июня 1971 г., среда.

Мишке позвонила Елена и пригласила завтра к себе для беседы. При этом она сказала, что к ней приходил его отчим, на что Мишка ответил: «не отчим, а отец». Елена тут же сделала реверанс и сказала, что он произвел на нее хорошее впечатление, так как он о Мишке заботится и еще что-то. После этого звонка Мишка тут же позвонил Диме, чтобы встретиться с ним. Я в это время была в школе. Они с Димой беседовали в мастерской часа три. Самое же для Мишки главное было то, что Толя – отчим, а не отец, хотя в младших классах на мое желание познакомиться с его мамой или папой он говорил: «Он мой отчим». В школе все знают, что Слепышев ему не отец, только самому Мишке дома, очевидно, внушили, что Слепышев его родной отец. Сегодня же он потребовал объяснений от матери и та вынуждена была признаться, что Слепышев его отчим, а его отец такой нехороший человек, что она и говорить о нем не хочет.

Заходил Эдик Лимонов со шведом по имени Ларс. По-моему, всех мужчин в Швеции зовут Ларс. Леонид Маркович купил для Димы пять пар глазных прозетов.

Господи, господи, помоги ребенку Мише!

17 июня 1971 г., четверг.

Мишенька говорил с Еленой. Она не беседовала с ним о Толе совсем. Сказала, что ей понравилась ее мама. Спросила, как Миша относится к модернистскому искусству, Миша сказал, что никак не относится, поскольку слабо в нем разбирается. Еще она сказала, что его мать ревнует его ко мне. Мишка сделал удивленный вид, но, как он сам признался, ему это плохо удалось. Затем она стала говорить, что наши враги за рубежом очень много денег тратят на идеологию. И заодно решила ему сообщить, что Медведев абсолютно разложен кем-то⁹⁷, кто сильнее его. Мишка спросил: «Кто же это?» Она сказала: «Не знаю», хотя ясно, что намек был направлен в мою сторону. То ли она притворялась, то ли действительно считает, что Медведев испорчен мною. Мальчик этот неглуп, но несколько примитивен. Никакого «разложения» я в нем не вижу. Мне с ним было работать так же тяжело, как и другим учителям, но мы всегда договаривались. Потом Елена снова говорила о нашем спектакле. Мишка вновь сказал, что, на его взгляд, пьеса весьма безобидная. Елена не согласилась, хотя на эту тему беседовать прекратила. Затем спросила, ходит ли Мишка к нам в мастерскую. Мишка сказал, что бывает «иногда». Спрашивает, что в у нас мастерской за искусство. Мишка сказал, что недавно Вадим Абрамович отлил в бронзе женскую фигурку. Елена спросила, можно ли в этой фигуре узнать женщину. Мишка сказал, что да. Напоследок она сказала, что собирается посетить нашу мастерскую. Осчастливило начальство. Теперь, когда она стала таким говном, нам это совсем ни к чему. Уж больно круто она изменила курс назад, к тридцать седьмому году ближе.

Мишка приехал к нам, чтобы обо всем этом рассказать. У нас в это время формировали надгробие Андрееву Сергею, мы были с Кларочкой. Потом Мишенька ушел, так как с утра еще не был дома. Потом позвонил по телефону, сказал, что мама собирается провести с ним длинный и серьезный разговор. Дима сказал ему, чтобы он держался крепко, больше слушал, чем говорил, мать не осуждал бы ни за что. Он согласился. На глазах пятнадцатилетний человек стал взрослым, взрослым и мудрым. Еще я ему сказала сегодня, чтобы он бережно относился к бабушке, потому что у мамы его есть и муж и Настя, а у его бабушки нет никого, кроме него. Мишка снова согласился и всё понял. Какая странная жизнь и судьба каждого человека. У нас появилась потребность сама по себе, чтобы был с нами еще один родной человек, именно такой, как Мишка. Это желание было подсознательным, но сильным. Вопрос о рождении собственного ребенка был давно и навсегда отвергнут. И вот бог посылает нам Мишку в минуту смертельной для него опасности. Обрели сыночка.

⁹⁷ Медведев Владимир – одноклассник Миши. По окончании школы, а затем вуза стал кадровым сотрудником КГБ.

Приятная новость. Приехала Нина Михайловна из Австралии⁹⁸. Привезла проспект выставки про Диму, где Саша Гришин выставил семнадцать Диминых гравюр. В этом проспекте три фотографии со скульптур совершенно великолепно выглядят. На обложке «Христос», внутри «Памятник Треблинке», и на последней странице мой портрет с ключами. Выставка была в университете в Мельбурне, ее посетило несколько тысяч человек, и Саша читал там лекции про Диму. В проспекте австралийском написано, что фотографии Э. Гладкова.

Сегодня же получили от Бютнеров открытку. Это «Эйнштейн» Димы, а на задней стороне – марки и текст о том, что они приезжают. Всё как положено. Вечером были у нас Ирэн и Робер, совершенно замечательные ребята. Принесли мне кипу книг по французской истории и литературе для французских школ. Мы безумно устали, но довольны.

Хоть бы только Мишкин разговор с матерью прошел благополучно. Бедный детеныш, сколько сразу всего на его голову.

Александр Исаевич официально с женой не разведен. Она забрала у него дачу под Наро-Фоминском, машину и требует, чтобы он купил ей в Москве квартиру, чего он сделать не может. Живет у Ростроповича «в гараже»⁹⁹. Я полагаю, что этот «гараж» – что-то вроде дворца. А может быть, и нет. Андрей Синявский на свободе. Майя увезла его за город на дачу. Он своим освобождением совершенно ошеломлен, так как не ожидал. По слухам, выглядит хорошо.

18 июня 1971 г., пятница.

Почти целый день была в школе, где Елена была со мной удивительно приветлива. Это всегда, когда она что-то за моей спиной против меня замышляет. Дима с Мишкой обзоредали свалки на Фрунзенской набережной и вернулись очень довольные с каким-то железным хламом. Дома мама не вела с Мишкой никакого серьезного разговора, а сам он не настаивал.

Отцу нашему стало скучно дома и он приехал к нам в подвал. Вечером были примирившиеся Леня Штутман с Олей, Рита Янус с <мужем> Виктором. Мишка всё время демонстрировал, как ездит его паровозик, игрушка, которую он приобрел себе после долгих сомнений и колебаний. Стали есть, оказалось, что Леня именинник, ему исполнилось сорок пять лет.

Подбирали гравюры для Нины Михайловны. Мишка позвонил ровно в 10 часов, что он добрался до дома благополучно, но мама была недовольна, так как он приехал поздно. По телефону Мишка громогласно заявил (очевидно, чтобы домашние слышали), что он может возвращаться тогда, когда считает нужным. Надо сделать так, чтобы он возвращался не позже девяти или половины десятого.

⁹⁸ Кристенсен (Максимова) Нина Михайловна (1911–2001) – профессор русского языка и литературы. Родилась в Санкт-Петербурге в семье морского капитана, в 1917 г. эмигрировала с родителями в Харбин, затем в Австралию. Основательница первого в Австралии отделения русского языка и литературы при университете Мельбурна. Близкая подруга Л.К. Чуковской и К.И. Лозовской.

⁹⁹ Во флигеле огромной дачи М.Л. Ростроповича и Г.П. Вишневской в Жуковке близ Москвы А.И. Солженицын прожил с осени 1969 г. по 1973 г.

19 июня 1971 г., суббота.

У Мишки руки здоровые, как лапы у щенка. Он, наверно, будет очень длинным. Он уже и сейчас все наше семейство перерос. Я дежурила в школе, а он пришел и мы с ним ходили в школьный подвал, где он что-то такое искал, но так и не нашел. Мои ученики сдали физику более-менее прилично, и остался им только один экзамен 25-го – история и обществоведение вместе. Я им почти что все аттестаты уже приготовила.

Валька была у нас без Эдика, который уехал в командировку. Выглядит ужасно. Довольно хорошо перевела статью Саши Гришина. Вполне умная и хорошая статья для такого молодого парня. Были Кларочка и Нина Михайловна, которая рассказывала об Австралии очень много интересного. Быть там русским, по ее словам, почти то же самое, что у нас быть евреем. (Правда, у нас еще хуже быть евреем). Она рассказала о выставке в Аделаиде¹⁰⁰, где Дима попал в компанию с Тицианом, Веласкесом, Пикассо и другими деятелями. Оказывается, это было что-то вроде феерического представления с музыкой Пендерецкого и световым показом в небе произведений великих художников. Дима тоже попал в эту прекрасную компанию со своим «Христом», очевидно, тем же, что он нарисовал к «Мастеру и Маргарите» Булгакова, и другими вещами. Устраивал же это представление поляк, родившийся и живущий в Австралии, Станислав Остойя-Котковский¹⁰¹, который, по словам Нины Михайловны, пришел от Диминых вещей в дикий восторг.

20 июня 1971 г., воскресенье.

Абрам Яковлевич с моей мамой и тетей Аидой должны вернуться завтра. А завтра, наверно, будет очень жарко. Сегодня я целый день убирала квартиру, а то мы грязью заросли. Приходил Мишка после посещения со своей мамой выставки немецкой гравюры. Они с Димой ушли в мастерскую, а я осталась убирать. Дима говорит, что они вдвоем углядели выброшенный кем-то стол, приволокли его в подвал и установили в глиняной комнате, где Мишка тоже стал умищаться и соорудил себе отличное логово. Он бы, наверно, у нас навеки поселился. Теперь, когда ему стало точно известно, что Толя его отчим, он хочет сменить себе отчество по получении паспорта. Я сказала, чтобы он плюнул на это дело, так как это невозможно, раз Толя его усыновил. Дима ужасно рад, что у нас появился Мишка.

¹⁰⁰ С 1960 г. в Аделаиде каждые два года устраивается грандиозный фестиваль разных видов современного искусства *Adelaide Festival of Arts*. Здесь речь идет о представлении в рамках фестиваля 1970 г.

¹⁰¹ Остойя-Котковский (Ostoja-Kotkowski) Станислав Йозеф (1922–1994) – польский и австралийский художник, сценограф, фотограф, один из пионеров компьютерной графики и лазерного искусства. Родился в Польше, в конце 1940-х гг. учился в Дюссельдорфской Академии художеств, в Австралию переехал в 1949 г. В конце 1960-х гг. увлекся разработкой темы «Звук и образ» с использованием новаторских лазерных технологий. В 1971 г. спроектировал 30-метровый *Chromatics unit-laser*, показав с его помощью музыкально-визуальное шоу сначала в университете Канберры, а позже в других городах.

Сегодня после долгого отсутствия информации вдруг прорвались «Свобода» и «Голос Америки». Самое интересное, что наш ученый Анатолий Федосеев¹⁰², работающий по космическим исследованиям, остался в Англии.

21 июня 1971 г., понедельник.

Дите уехало с бабушкой к кому-то на дачу на несколько дней, и мы по нему скучаем.

Дима закрасил черной краской барельефную голову «Левия Матвея» и теперь страдает, что она сделалась слишком глухо-черная. Были у нас Юра Никитин, Алик и Алка. Алик собирается фиктивно жениться на Лиде. Алка очень смешно спросила: «Бесплатно женишься?» У Алика с Лидой давно уже какие-то дела, но Алику, очевидно, спокойнее думать, что он женится фиктивно. Мы с Димой Лиду недолюбливаем, у нее характер склочный. Алка же сейчас собирается всерьез фиктивно бракосочетаться за 400 рублей, так как у нее в перспективе ломают дом и дают жилье на новом месте. Ей хочется иметь однокомнатную квартиру отдельно, чтобы снова не оказаться в коммуналке. Она идет на риск, так как этот человек будет иметь право на половину ее площади.

Приехал Абрам Яковлевич со старушками. Всё у них было хорошо, но сегодня у них кончилась еда и опять же моя мама сильно командовала. Абрам Яковлевич из-за своей деликатности всё переносит, но ему с моей матерью тяжело. Еще бы, я-то уж ее знаю!

22 июня 1971 г., вторник.

Мы с Димой чувствуем себя безумно усталыми. У него к тому же болит нога. Целый день Дима меня ругал с небольшими перерывами. Холодно, дождь шел. Мишка нас обрадовал, позвонил с дачи, где он живет в своей палатке один на участке. Сказал, что соскучился, завтра приедет. Бабушка живет в доме, а он – в палатке, и не мерзнет.

23 июня 1971 г., среда.

Меня одолела суетность на некоторое время. Мой коллега Зальцман, зараза, выступал по телевизору про свой шивый театр, а про наш театр ничего не сказал, хотя мы договорились, что он будет говорить про нас тоже. Передачу ему устроила родительница одного восьмиклассника. И всего-то минуты на три, в каких-то новостях, а все равно мне неприятно. И я это учту. Зато прибыл с дачи симпатичный Мишка и смотреть на него было необыкновенно приятно. У него свои проблемы. Во-первых, он не хочет иметь Толино отчество, но не знает, как его поменять, поскольку Толя его усыновил. Во-вторых, Толя курил в бабушкиной комнате и оставил там в пепельнице окурки, чем Мишка невероятно возмущен и поэтому даже не подошел к матери, которую видел в окне на лавочке

¹⁰² Федосеев Анатолий Павлович (1910–2001) – крупный ученый-физик, специалист в области электроники и радиолокации, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда. Находясь в командировке во Франции, отказался вернуться в СССР. Позже жил в Англии, работал в Кембриджском университете.

с Настей. К Насте у него тоже сейчас добрых чувств нет, так как ее зарегистрировали Слепышевой, а не Шунковой, как обещала мать. Больше же всего ему нравится свой стол в глиняной комнате. Он сбил себе ящик, навалил туда всякого барахла и доволен. Были моя мама и тетя. Смешные женщины, темпераментные, но утомительные. Тетя Аида как раз за едой рассказывала, как моя мама любит чистоту и когда моет унитаз, то залезает туда чуть ни с головой. Мама купила мне чехословацкие башмаки, весьма кстати. Но плохо, что она готова говорить об одежках сутками без перерыва.

Дима перекрасил гипсового Левия Матвея и стало получше. Ушли из подвала раньше, Мишка поехал за город, а мы домой. Отец был доволен. Договорились завтра увидеться с Булатом у нас в подвале. Созвонились с Юнной, у нее всё ничего. Наверно, пойдет завтра с нами смотреть «Асю-Хромоножку»¹⁰³. Завтра же придет Тупицын с каким-то югославом.

24 июня 1971 г., четверг.

Тупицын с югославом не пришел, а пришел Булат. Мы очень приятно пообщались. Обсудили дурацкую Юрину ситуацию. Оказывается, Юра <Левитанский> советовался с Булатом, как ему быть со своей безумной любовью к Вале. Ни на какие, конечно, безумства, Юра не способен, никогда в жизни он не бросит свою квартиру, где он так домовито приделывал всякие полки. С Мариной, как всегда, живут они плохо, пьют оба, но совершенно неразделимы.

Сердимся мы с Димой на Киселева. Все-таки – засранец, Алик. Сманивает куда-то в пустыню Игоря и Владика у Димки за спиной. И вообще, он нам безумно надоед, прет как танк к своей цели, не гнушаясь средствами. Во всяком случае, добился, что мне на него неприятно даже смотреть, не то что общаться. Чувствую, что «Театр на ул. Достоевского» закрывается сам по себе. Его даже начальство не закрыло, а само всё прикроется, если, разумеется, Алик не наладит с Димой отношения, но сейчас, с каждым новым конфликтом это становится все труднее.

Вечером мы видели в телецентре с Алкиной помощью несколько фильмов. Три документальных фильма одного армянина, явно способного человека по имени Артур Пелешян¹⁰⁴, и большой художественный фильм «Асино счастье», ранее названный «Ася-Хромоножка». Фильм этот пока запрещен, но многие его хвалили. Мы ходили смотреть вместе с Юнной. Режиссер – сын Михалкова. Дима и раньше говорил, что не может сын Михалкова сделать ничего хорошего (также, кстати, как и Тарковский). Дима не ошибся – это сделано предельно убого и не имеет никакого отношения к искусству. И никакой правды, сплошная лажа.

¹⁰³ «История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж» (другое название «Асино счастье») – художественный фильм, киностудия «Мосфильм», автор сценария Ю.Н. Клепиков, реж. А.С. Михалков-Кончаловский, в главной роли И.С. Саввина. Почти во всех остальных ролях заняты простые деревенские жители. Съемки велись в реальном селе под Нижним Новгородом. Фильм, снятый в 1967 г., в широкий прокат был выпущен лишь в 1987 г.

¹⁰⁴ Пелешян Артавазд (Артур) Ашотович (р. 1938) – кинорежиссер-документалист. В 1964–1968 гг. учился на режиссерском факультете ВГИКа. Уже его студенческие работы имели большой успех. К 1971 г. снял семь фильмов.

И Ия Саввина выглядит лажово. Абсолютная соцреалистическая буза, хотя есть горбун, хромоножка, инвалид, играют настоящие деревенские, все жутко косноязычные. Скучно и ничтожно. Непонятно, за что это запрещается. Дима считает, что это можно объяснить неоднозначностью для восприятия. Можно так увидеть, а вдруг этак. Мне кажется, что этот фильм выйдет и будет идти везде и повсюду.

После кино приехали к нам с Юнной и Мариной Хазановой. Слава богу, Юнна всё также беременна и ничего над своим организмом не выделяет. Выглядела плохо, наверно, от голода. У нас с величайшим удовольствием поела борща, котлет с жареной капустой, и стала прекрасно выглядеть. Оказывается, она просто-напросто не питается как надо, оттого и доходит. Много интересного рассказала нам про Сефа. Дима и раньше подозревал Сефа в том, что он кагэбешник. Так оно и оказалось. Он младший сотрудник у международного негодяя Виктора Луи. Сеф попытался пристроить Юнну тоже где-то в сфере Луи, как, например, с этим Луем якшаются Евтушенко, Белла Ахмадулина, Вознесенский, Эрнст Неизвестный и другие официальные фронтеры, но с Юнной этого не получилось, хотя Луи ее очень обхаживал. Юнна теперь помаленьку матерится, чего раньше с ней не было, но ее ничто не портит!

Завтра должен вернуться с дачи Мишенька. Завтра мои десятиклассники сдают последний экзамен. Я уже по ним соскучилась.

25 июня 1971 г., пятница.

Целый день до позднего вечера колготилась в школе без прорыва. Детей нет, они сдали экзамен и ушли, одни взрослые обрыдлие рожи «коллектива», за исключением некоторых друзей. Коротко сцарапнулась с директрисой, но потом мы обе взяли себя в руки и стали улыбаться. Она, в общем, по-своему хорошая баба, но ей тяжело примириться с мыслью, что я в чем-то сильнее ее.

У нас была Кларочка, Рита Янус с Виктором и Валя Турчин. Завтра утром они увозят памятник Павлинчуку в Обнинск.

Мишка, бедный наш ребенок, только приехал и сразу же позвонил о своих неприятностях. У бабушки в комнате бутылки и окурки, и нет одной картины. В голосе его была такая горечь и обида, что Дима тут же сказал, чтобы он приезжал, хотя уже было около восьми часов. После приезда домой Мишка снова позвонил нам из автомата и сказал, что картину продали, а бабушка недостаточно возмущена. Опять же ему отвратительно, что самодовольный Толя разгуливает по квартире в майке. Дима, разумеется, его как мог успокаивал. Мы его понимаем, Мишку, но ведь другие люди его не поймут. Картина не его, сам он еще маленький, и остается ему одно – терпение и смирение.

Радио передало, не наше, конечно, что на телеграфе всё еще голодают какие-то тридцать человек евреев¹⁰⁵.

¹⁰⁵ 22 июня 1971 г. началась голодовка на Центральном телеграфе в Москве тридцати евреев из Прибалтийских республик, которым ранее было отказано в выезде в Израиль. Они послали телеграмму советскому руководству, что не покинут телеграф, пока не получат разрешения на выезд, и оставались там в течение трех суток. Через месяц там же голодали 44 еврея-отказника из Грузии, а еще позже – из Москвы.

Юлия со своим классом в день выдачи аттестатов зрелости (1971)

27 июня 1971 г., воскресенье.

Только что прибыла с выпускного вечера. Было всё отлично, очень тепло, трогательно, вкусно кормили. Потрясающе красивые дети! Великолепный оркестр, под который я вместе со своими детьми отплясывала современные танцы, благо танцевать их легко. Потом мы побрели на Красную площадь. По дороге одна моя девчонка упала в лужу и мы, семь человек из моего класса, отстали. Среди них Женька Смагина, Вовка Воловников и Ленка Гамазина. Мы ехали на носу катера по Москве-реке до Ленинских гор, приятно, но холодновато.

Елена разрешила Мишке Шункову сделать репортаж на магнитофоне. Записалось прекрасно. А еще днем Мишка мне очень помог приготовить школу к вечеру, как и другие мои ребята. Дима в это время без меня общался с Ирэн и Робером. Мы с Димой не виделись сутки.

Вечер. Убирали втроем с Алкой мастерскую. Всю замели, скульптуру передвинули на место. Днем был отец погибшего Андреева Сергея с Колей, товарищем этого парня. Отец оказался человеком жутко хитрым, жуликоватым и сквалыжным, а главное – в первый раз Дима поймел дело с человеком, имеющим, по его собственным словам, дело с подонками, так как он врач-венеролог, и оттого меряющим всех людей на свой подоночный аршин. Мне этот старик не понравился. Врач-венеролог, берущий, по собственному признанию, за визит по десятке, мог бы сам за свои очень большие шиши поставить памятник родному сыну, горе по которому он очень живо изображает. Он же всё время требует каких-то расписок, гарантий, не понимает, идиот, что это не Рио-де-Жанейро, где все дела делаются по другим законам. Короче говоря, Диме ужасно противно, всерьез, что он ввязался в эту историю.

Юлия выступает перед выпускниками школы. Слева направо: С.Ф. Абатурова, Е.Д. Суханкина, Юлия, Е.Н. Осипова, Е.С. Слуцкина, И.Л. Нудельман, О.М. Зальцман, внизу с магнитофоном сидит М. Шунков (1971)

Звонил Мишенька, у него сдох хомячок, который долго болел. Почти целый день он оформлял свои вчерашние магнитофонные записи.

Вечером с Хорстом были какие-то немцы. Хорста девушка мне понравилась. Хорст посылал из Ташкента две открытки – одну нам, другую – «госпоже Прокофьевой». Ни «госпожа Прокофьева», ни мы его месячной давности открыток не получили. Хорст рассказал, как у него в Ташкенте подпрыгивал телефон, он был этим потрясен и напуган. Его девушка рассказала, что их соотечественница в своей комнате в отеле в Москве громко возмущалась, что за такую цену только «одна полотенце». Потом ушла куда-то, а по приходе обнаружила «две полотенца». Еще одна немка в своей комнате сама с собой ругала какую-то сотрудницу в иностранном отделе. В следующее ее посещение иностранного отдела эта сотрудница обратилась к ней с очень недовольным видом: «Вы ходите везде и жалуетесь на меня». В общем, эти немцы часто беседуют сами с собой, а потом с ними случаются чудеса. Сплошь клевета на советский народ. Еще один немец рассказал опять же клеветнический анекдот: «Приехали два американца в Россию. Оба остановились в одной гостинице – один этажом выше, другой этажом ниже. На другой день при встрече тот, который спал выше, сказал приятелю: «Я обнаружил на полу под ковром потайной микрофон, но я перерезал все про-

вода и оборвал все соединения”. – “А, теперь я понимаю, – ответил второй, – почему на меня ночью лампа с потолка упала”».

Завтра будем праздновать Димины сорок семь лет.

28 июня 1971 г., понедельник.

Отпраздновали. Алка пошла Димке пеструю ситцевую рубашку, сейчас пошла такая деревенская мода.

Утром была в школе. Мишель тоже помогал своей классной руководительнице убирать физический кабинет. Потом мы с ним тайком один за другим, чтобы не афишировать наши дружеские отношения, проследовали, нагруженные всяким нужным барахлом, на стоянку такси и прибыли в мастескую. Димы еще не было, и мы с Мишкой ждали его в садике. Мишка рассказал о мирной инициативе со стороны Толи, который дал ему какие-то напечатанные на машинке стихи, якобы интересные по форме, и чтобы Мишка сказал свое мнение. Мишке они не очень понравились, и он притащил их нам. Графоманская беспомощная ерунда. А еще в школе Мишка подарил нашему директору Елене отпечатанный им с магнитофона репортаж.

29 июня 1971 г., вторник.

Жарко. В подвале – красота! Были мои дети и, конечно, Мишка. Женя Смагина в творческом порыве выдавала четверостишья одно лучше другого. Эдинька нас всех фотографировал. И с Мишенькой, и всех вместе. Завтра Мишка уезжает с бабушкой под Тарту. Уезжать жутко не хочет. Звонил по телефону и всё расстраивался, что ему надо ехать, а он этого ужасно не хочет. Мы с Димой долго-долго его убеждали, что он едет отдыхать, а не на каторгу. Глупышка родная.

30 июня 1971 г., среда.

Погибли наши космонавты, все трое. Смерть их мистична, как в фантастическом романе. Корабль приземлился в заданном районе с тремя мертвыми телами, сидящими на своих местах. Отчего они погибли мы, скорее всего, не узнаем¹⁰⁶.

Дите наше уехало с бабушкой в Эстонию. Успел позвонить и сообщить, что тайком от бабушки везет с собой магнитофон. Сказал, что будет слушать наши голоса.

Вечером сидели в подвале с Абрамом Яковлевичем, чтобы он не скучал дома один, с Эдиком, Борей и Витей Радуцким из Киева. Димка опять взялся за гравюры. Приходила Марина Ильичева. Очень рада, что брезжит работа, куда Дима ее возьмет. Марина сейчас вполне хорошо работает и в живописи, и в рисунке. Димино влияние – безусловное, но много своего, и очень ценного. На глазах сделалась вполне хорошим художником.

¹⁰⁶ Речь идет о катастрофе 29 июня 1971 г. космического корабля «Союз-11» с экипажем в составе Г.Т. Добровольского, В.В. Волкова и В.И. Пацаева, побывавшем на орбитальной станции «Салют-1». Космонавты погибли при возвращении на Землю при разгерметизации кабины из-за отсутствия у них скафандров.

1 июля 1971 г., четверг.

В Киеве в народе евреев называют маланцы. Почему маланцы? Станный неологизм. Приходил в мастерскую болгарин – поэт Михаил Берберов¹⁰⁷, главный редактор газеты «Народна культура» с нашим человеком по фамилии Опульский. Взяли несколько фотографий и интервью. Забегал Константиновский, чтобы подписать обложку. Дима вырезал еще одну гравюру. Я полдня жила расслабленно, передвигалась как во сне и не чувствовала никакого удовольствия от жизни. Завтра, наверно, всем семейством уедем в Алабино на несколько дней.

2 июля 1971 г., пятница.

Приехали в Алабино. Здесь хорошо, но кругом сплошной тюль из-за моей мамы. Отдыхали, радио слушали без затруднений. Луи сообщил всему миру, что наши космонавты погибли из-за утечки кислорода. Брежнев, говорят, и плакал. Нынче вождь пошел сентиментальный. Пустили на похороны одного американского космонавта, это впервые¹⁰⁸.

У соседей пес на цепи скучает. По-моему, пес симпатичный. Участок весь запустелый, но мне это приятно. И так места мало, а когда ухожено, так и вообще повернуться негде. Сейчас же благодать, резвись по всей территории.

3 июля 1971 г., суббота.

До вечера жили совсем хорошо, хотя было пасмурно. Даже прогулялись недалеко. Слушали радио. Будто бы наши хотят восстанавливать отношения с Израилем. Вечером прошел очень сильный дождь. Дома, наверно, нас ждет письмо от Мишки. На прогулке нашли две ржавых штуки для скульптуры. Дима вырезал еще одну гравюру из цикла «101».

4 июля 1971 г., воскресенье.

Несмотря на пасмурность и даже дождь, отлично отдохнули. Даже играли с Димой в бадминтон. С соседской собакой мы теперь большие друзья. Слушаем радио. Завтра едем в Москву.

5 июля 1971 г., понедельник.

Вчера мы читали вслух «Демона» Лермонтова. Ужаснулись его гениальности, и Дима вырезал еще одну гравюру из цикла «101».

Из Алабина сбежали, не выдержали беспредельной сырости и холодрыги в тринадцать градусов. Подтрунивали над моей бедной и неугомонной мамой,

¹⁰⁷ Берберов Михаил (1934–1988) – болгарский поэт и переводчик.

¹⁰⁸ В почетном карауле у гробов космонавтов стояли члены ЦК партии во главе с Л.И. Брежневым. Среди других важных персон в почетном карауле стоял американский астронавт Томас Стаффорд, прибывший в СССР по просьбе президента США Р. Никсона. «Брежнев вместе с членами правительства обходил родственников погибших. Выражал соболезнования, целовал, – вспоминала сестра космонавта В. Пацаева. – Тогда, в 1971 году, еще молодой. На лице у него были слезы. Позже моей маме рассказали, что Леонид Ильич сказал на людях, обращаясь к погибшим космонавтам: «Лучше бы умер я, чем вы, сынки, погибли такими молодыми». Эта фраза мне очень хорошо запомнилась». Погибших космонавтов хоронили на следующий день. Двигавшуюся к Кремлевской стене процессию возглавлял генсек.

а Абрам Яковлевич нас за это осуждал. Дома нас ждало письмо от ребенка. Димка, переполненный нежностью, тут же накатал ему ответное письмо с картинкой. Я тоже приписала несколько строк. Даже алабинские цветочки мы ему послали в этом письме.

Завтра зайдем к Кондрашину. Он, бедняга, лежит с сердцем. А потом пойдем к Марине Хазановой на день рождения, где будет курица, по которой Боря большой мастер. Звонил Эдик, сообщил, что всё по-старому, а у Вальки живот болит, так как она поела в харчевне под романтическим названием «Кристалл».

Сегодня в Алабино, когда мы шли к поезду, роскошная трехцветная кошка бежала следом за моей мамой, которая ужасно не хотела, чтобы это животное перебежало ей дорогу. А животному, оказывается, хотелось именно этого, оно таки мою маму настигло и дорогу ей перебежало. Дима всё не может забыть, как этот зверь был прекрасен.

6 июля 1971 г., вторник.

От Мишки уже пришло второе письмо. Дитя, хоть и скучает, но уже меньше. Гуляет в лесу, катается с бабушкой на лодке, получает некоторое удовольствие от жизни.

Были в гостях у Кондрашина. Его уложили в постель, подозревая микроинфаркт. Они с Ниной вдвоем в потрясающей квартире, детей отправили в пионерлагерь. Слушали у них мессу Бетховена. Дима сказал, что Бетховен не очень верил в бога, когда писал эту мессу.

Солженицын уехал от Ростроповича, куда – не известно пока. Наверно, к своей новой жене переселился. Есть слухи, что у него очень тяжелое моральное состояние.

Вечером были у Бори Хазанова на Маринином дне рождения. Взросленькая Тюпа. Валька с отвращением про нас сказала: «Обжорный ряд». Мы ели кур, кстати, без всякого удовольствия – жестковато и слишком много перца. У Димы вздулась губа. С Мариной самозабвенно беседовали о школе и детях.

Эдик принес фотографии, где мы с Мишкой, отличное фото! Мы – два умудренные опытом, могучих на вид человека, и симпатичнейший тоненький ребенок.

Сегодня в «Советском писателе», куда Дима отнес варианты обложки для книги Константиновского, видели Вознесенского. Благополучный чиновник с ужасающе скучным и мертвым лицом. Он был рядом с неким Егором Исаевым, заведующим от поэзии, так тот на вид был чем-то человечнее, поскольку он ограничен в своем ничтожестве. Вознесенский же уже даже не страдающий живой труп. Туда ему и дорога, продажному.

7 июля 1971 г., среда.

Появился французский ребенок Марианна, сообщившая мне в письме о своем приезде на месячные курсы русского языка в июле в Москве. Такая же симпатяга в очках, только теперь ей не четырнадцать, как она говорила два года назад в моей школе, а шестнадцать. Она почти не изменилась на лицо, но явно поздоровела, потому что занимается греблей и плавает. Переходит в первый класс, по-нашему – в десятый. Я ждала, что она придет, но это все равно было неожи-

данно. Я убирала нашу необъятную квартиру до потери сознания и вдруг появляется Марианна. Дима был в мастерской с Юрой Никитиным, который прилаживал какой-то моторчик. Пока я отмывалась в ванной, Абрам Яковлевич беседовал с Марианной по-русски. Она немного лучше лепечет, чем два года назад. Потом мы с ней поехали в мастерскую. Ей было невероятно хорошо с нами и, кажется, она бы только у нас и сидела бы. Жаль, что Мишки нет, они, во-первых, чем-то похожи, оба умники, а во-вторых, он бы вынужден был балакать с ней по-французски, чего от него в обычной жизни не добьешься. У Марианны программа, которую им предлагают устроители, но уже сегодня она смоталась к нам вместо Большого театра, куда всех повели на оперу «Риголетто». Завтра хочу собрать своих детей, абитуриентов несчастных, чтобы они с ней побольше поболтали по-французски, поскольку у всех у них французский профилирующий.

У Димы приняли второй вариант обложки для книги Константиновского. Первый, естественно, был самый лучший, но и этот ничего. Теперь ему предстоит отстаивать каждый шмуц. И вообще, что-то заказчики повалили гурьбой. Алла Гербер звонила, чтобы Дима оформлял ей книгу в «Детской литературе».

У Димушки губа как вчера у Бори распухла, так сегодня до самого вечера не опала. Очевидно, из-за чеснока и перца, до которых Диме и дотрагиваться нельзя. В одиннадцать прорвалось Би-би-си, передавали отрывки из книги Иосифа Бергера¹⁰⁹ «Кораблекрушение поколений». Не устаешь удивляться, до чего же веселая была сталинская эпоха. По сравнению с теми годами, у нас сейчас золотой век.

Евтушенко сказал на съезде наших инженеров человеческих душ жутко хитрую прогрессивную речь¹¹⁰. При всех своих недостатках все-таки Женя намного приятнее Вознесенского, хоть и тоже деятель.

Опять сегодня шел дождь, черт знает что.

8 июля 1971 г., четверг.

Мишка прислал сразу два письма – оба толстые и интересные. Везде пишет, что скучает и хочет к нам, но явно время проводит неплохо. Он совершенно замечательный, прекрасный мальчик. Я и раньше это знала, но теперь еще раз в этом окончательно убедилась. Французское дите, Марианна Бернас, тоже замечательная девочка. Принесла мне в подарок книги и пластинки, всякие учебники,

¹⁰⁹ Бергер-Барзилай Иосиф Михайлович (Исаак Железняк, 1904–1978) – журналист, политический деятель. Родился в Кракове, в 1920 г. уехал в Палестину, один из основателей и секретарь нелегальной Коммунистической партии Палестины. В 1932–1934 гг. жил в Москве, руководя Ближневосточным отделом Коминтерна. В 1934 г. смещен с поста и исключен из партии, в январе 1935 г. арестован по обвинению в контрреволюционной «троцкистской» деятельности, затем пятнадцать лет провел в тюрьмах и лагерях ГУЛАГа, в 1951 г. освобожден и отправлен на вечное поселение в Сибирь. Окончательно освобожден и реабилитирован в 1956 г. В том же году уехал на родину в Польшу, а оттуда в Израиль. Автор нескольких книг-воспоминаний, написанных на иврите и по-английски. Книга «Крушение поколения. Воспоминания», написанная на английском языке, в 1973 г. выпущена во Флоренции издательством *Aurora* по-русски в переводе Я. Бергера.

¹¹⁰ Пятый съезд писателей СССР проходил с 29 июня по 2 июля 1971 г. Е.А. Евтушенко сказал в своей речи, в частности: «Мы – дети XX съезда, раз и навсегда осудившего культ личности и практику отношения к человеку как к винтику».

все, что я просила. Принесла показать, какие они в лицее выпускают рукописные журналы. Это что-то вроде нашей «Спирали» Юры Генниса и Мишкиного «Кашалота». Но у нас это редкость, а у них – обычное дело. Журнал называется *Facettes* («Грани»). Выпускают старшеклассники, и наша Марианна в нем очень активно участвует как автор и организатор. Судя по содержанию, у них, безусловно, шире выбор тем, меньше детскости в статьях, а главное – это не в единственном экземпляре и можно купить, кому охота, примерно за 10 копеек. Мы же имеем каждый драгоценный номер один единственный, и я лично осуществляю некоторую цензуру и редакцию, потому что ребята готовы написать что угодно, и тогда нас живо прикроют и еще что-нибудь пришьют. Особенно боюсь за Мишку, он человек отчаянный, но пока нас, слава богу, слушает.

Пришли мои девочки, заучившиеся до умопомрачения – Лена Гамазина и Женька Смагина. Обе они зубрят историю. У Ленки вид дошедший, а Женька ничего, цветет. Юра Геннис мне не дозвонился в течение дня, а Вовка Воловников на даче, вроде бы занимается, но я знаю, что он лентяй. Женька Смагина свиделась с Марининым <Хазановой> медалистом Игорем Галынкером, и они очень друг другу понравились. Игорь сдавал на химфак в университет письменную алгебру и получил четыре из-за одной ошибки в простейшей задаче, четыре трудных задачи решил верно. Теперь ему придется сдавать все остальные экзамены, несмотря на золотую медаль, так как он не получил пятерку. Девчонки всю болтали с Марианной. Они по-французски могут неизмеримо лучше, чем она по-русски. Все-таки мы в нашей школе хорошо учим.

Приходила Алка, очень элегантная. Выпила водки. Дима сегодня целый день делал книжку Константиновского, писал Мишке письмо, нарисовал ему картиночку, резал гравюры. На меня действовал террором – поднимал с постели, ругал всячески, посылал на рынок за молодой картошкой и помидорами. Не дает мне жить расслабленно, как я люблю.

Би-би-си интересно передавало о Мао Цзэдуне и его теории «выпрямления мышления» у людей. Ему бы, гаду старому, убийце, самому бы выпрямить мышление и отправить в ад.

9 июля 1971 г., пятница.

Большая неприятность, а может быть, и несчастье. Среди дня вдруг звонит мне Марианна и сообщает, что срочно возвращается во Францию. Мама прислала телеграмму, что ей необходимо возвращаться. Почему – она не написала, но, очевидно, очень плохо с отцом. Отец Марианны физик. Она мне рассказала, что в этом году он никуда не едет в отпуск, потому что не совсем здоров. У него что-то в одном легком и плохие анализы крови. Кошмар какой-то! И везде одно и то же. Наверно, там дела очень плохи, если ребенка вызывают немедленно из другой страны с каникул. Мы с ней даже не имеем возможности увидеться сегодня, потому что она уехала сразу почему-то в Ленинград, чтобы оттуда отправиться во Францию. Бедный детеныш!

Мишка тоже, присылает пятое письмо, где снова пишет, как он по нас скучает. Мы думаем, что это потому, что наши письма до сих пор до него не дошли. Ему было бы веселее, потому что мы ему сообщаем о всех здешних делах, а Дима

рисует ему симпатичные картинки, все цветные. Мы уже послали ему целых три письма, а сейчас я напишу ему четвертое.

Вечером в гостях у нас была Марина Гореликова. Снова дождь, паршивая холодная и мокрая погода. Дима много работает – режет гравюры и кончает книгу Константиновского. Мишку любит совершенно нестерпимо. Если бы это был наш ребенок, он бы его обязательно избаловал. Солнышко наше худенькое.

10 июля 1971 г., суббота.

Я никуда не ходила, кроме рынка, где жуткая толпа и очереди. Холодно и пасмурно. Дима почти кончил книгу Константиновского. Приходила Кларочка, вся почерневшая. У нас поела и порозовела. Слушаем радио, одно заглушают – другое слышно. «Голос Америки» и «Свобода» слышны великолепно, а Би-би-си забили начисто. В Америке отметили речь Евтушенко на нашем съезде писателей. Новый роман Солженицына оспаривается разными американскими издательствами за бешеные деньги. Еще раз сказали, что Луи – кагэбешник.

11 июля 1971 г., воскресенье.

Нет от Мишки писем, жаль, мы уже к ним привыкли. Я сегодня сидела целый день и читала педагогическую повесть в журнале «Октябрь»¹¹¹. Видно, что писал кретин, хотя и искренний кретин и даже эрудированный. Дима и Абрам Яковлевич ходили в мастерскую, а я не ходила. Была у нас моя мама.

12 июля 1971 г., понедельник.

Стала жара и мы сбежали в Алабино. Здесь хорошо и сыровато вечером. Получили Мишкино письмо. Он наконец только сейчас получил наше первое письмо и заметно повеселел. Письмо внутри страны авиапочтой шло больше недели. Провинция азиатская – наша родина.

Здесь мощно идет информация, глушилки бессильно завывают. На Телеграфе в Москве голодают 27 грузинских евреев. Анатолий Федосеев заявил, что не хочет возвращаться в СССР не из-за материальных причин, а из-за несвободы. Какой-то переводчик Якушин остался в Швеции. В Румынии начали зажимать интеллигенцию. Та еще свобода в нашем социалистическом лагере! Румынский барак не долго отличался либерализмом. У них там есть свой Солженицын, сидевший, потом прославленный, теперь в опале. «Голос Америки» очень хвалил роман Солженицына «Август Четырнадцатого». Какая-то американка, биограф Солженицына, действует вовсю. Наш Скамейкин явно опоздал. Обидно! Валька сказала, что «Сага о Форсайтах», многосерийный английский телефильм, ужасная тягомотина¹¹².

¹¹¹ Речь идет о повести В. Галунчикова «Тихая заводь. Из тетради учителя истории» («Октябрь», 1971. № 4).

¹¹² 26-серийный телевизионный художественный фильм «Сага о Форсайтах» (*The Forsyte Saga*) по произведению Д. Голсуорси, удостоенному Нобелевской премии, производство Би-би-си, 1966 г., реж. Д. Гайлз и Д.С. Джонс.

13 июля 1971 г., вторник.

Всё было бы ничего, если бы Дима лучше себя чувствовал. Погода отличная, здесь прекрасно, а в Москве, наверно, невыносимо, правда, обещают дожди и грозы. Приехала, намучившись, моя мама. Оказывается, в Москве отменили утром несколько поездов, и мама ехала после двухчасового ожидания в переполненном вагоне, с трудом нашла себе местечко, которое было под самым солнцем.

Вчера вместе с Мишенькиным письмом пришло письмо от Марианны, посланное из Ленинграда, а написанное еще в поезде. Прекрасная, умная девочка. Господи, что ждет ее дома, помоги ей!

Вечером пришла еще одна собачка, ужасно лохматая, тоже по имени Пушок, старый приятель Зинаиды Ивановны, умеет улыбаться.

14 июля 1971 г., среда.

Ночь была плохая, потому что жутко брехали собаки и не давали спать. Совершили с мамой культпоход в мифическое Селятино, где, по слухам, невероятный гастроном. Ничего особенного, неплохой магазин, но идти в такую даль, да попадать под дождь, нет никакого смысла. В Петровском можно купить всё то же самое, что и в Селятино.

Дима вырезал гравюру. Читал стихи Юры Ряшенцева¹¹³, говорит, что ничего. Слушаем радио. На Телеграфе в Москве голодают 34 грузинских еврея и к ним еще присодинились десять московских, им уже пригрозили. Неприятно, что Чаушеску становится маленьким фюрером, как везде у нас. Может быть, он хитрит? Погода очень неустойчивая – то изумительная, то дождь и холод.

15 июля 1971 г., четверг.

Всем здесь прекрасная жизнь, но несчастная лающая псина на цепи сильно мешает жить. Сегодня, правда, она затыкала уже в семь утра, все равно для нас рано. Совершили поход в аптеку втроем. В развалинах Казаковского дворца¹¹⁴ я нашла Диме тяжелую детскую пятитонку, изумительно ржавую. Дима был в восторге. Сзади жители глядели на нас и насмехались: «В музей, небось, автомобиль несете». Мы добродушно отвечали: «Ага!» У Димы болят его бедные челюсти под протезами. Абрам Яковлевич находится в постоянном возбуждении от воспоминаний, связанных с Зинаидой Ивановной, совершенно не может отдыхать. Вечером на прогулке наткнулись на великолепную помойку. Дима обомлел от восхищения и лихорадочно стал вытаскивать разные замечательные железяки. Отнесли одну порцию домой и тут же вернулись за второй. Теперь у нас на участке, где дрова, накапливается живописный железный хлам. Одна железяка – прямо настоящая африканская маска. Дима сказал, что ее хоть сейчас можно вешать на стенку, такая она прекрасная.

¹¹³ Ряшенцев Юрий Евгеньевич (р. 1931) – поэт, прозаик, киносценарист.

¹¹⁴ Имеется в виду дом-усадьба Петровское-Алабино, принадлежавший князьям Мещерским. Построен в 1776 г. по проекту архитектора М.Ф. Казакова. Серьезно разрушен в 1941 г. (сохранились лишь стены и фронтон с колоннами).

На почте в Покровском послали Мишке письмо с нарисованной соседской собакой, несчастной узницей с разинутой пастью. Собак, вообще, в этом году великое множество и все брешут, хотя на вид сытые. Перед сном устроили всеобщее измерение давления. У всех давление приличное, кроме Абрама Яковлевича. Верхнее у него почти 210, очевидно, поэтому он совершенно не может находиться в спокойном состоянии. Полежать днем для него невыносимо. Дима же сегодня, видимо, сильно притомился, потому что поспал днем почти час. Для него это редкость. Мы с ним поиграли в бадминтон. Я видела дятла, очень красивого, полосатенького с красным, но я его спугнула, и он улетел, я ужасно огорчилась. Еще Абрам Яковлевич охотится за одной птичкой с восьми утра, которая очень симпатично поет, но ее не видно, она где-то на верхушках дубов прыгает.

Милиция задержала около сорока пяти евреев, которые три дня голодали в Москве на Телегафе¹¹⁵.

16 июля 1971 г., пятница.
«Будем жить вместе с этой расползшейся империалистической державой, которая нам судьбой дана», – сказал Дима.

Сегодня как-то грустно. То дождь, то солнышко. Но обещают жуткую жару под 30°. Собака начала свою брехню сегодня в шесть утра. Мы реагировали на нее не так остро, наверно, привыкли. Дима меня ругал после обеда за то, что я неправильно записала про металлические скульптуры, которые мы отдали Ирэн и Роберу¹¹⁶. А до обеда мы ходили по ближайшим мусорным кучам и возвращались с добычей, но не такой великолепной, как вчера. Вечером играли в бадминтон. Мама моя ходила одна на прогулку. Вернулась с букетом полевых цветов, и в доказательство, что она ходила далеко, зачем-то приволокла серый булыжник. «Чтобы вы поверили, что я так далеко ходила». У Абрама Яковлевича к вечеру вновь подскочило давление до 210.

Потрясающая новость. Никсон поедет в Китай устанавливать отношения. Пинг-понгисты проложили дорожку. Наши мудаки опять про... ли. Одни друзья у нас – арабы. Дима даже считает, что этот факт может в итоге привести к изменениям в нашем руководстве. Мне нравится этот хитрюга Киссинджер, который симулировал колики в брюхе, а сам летал в Пекин договариваться¹¹⁷. Пожалуй, Никсона переизберут в 1972 г. еще раз, особенно, если он прекратит войну во

¹¹⁵ Речь идет о евреях из Грузии. После задержания милицией все они были насильно посажены в поезд и отправлены в Тбилиси.

¹¹⁶ Ниже В. Сидур изобразил скульптуры из цикла 1968 года «Женское начало», переданные Журдан, и указал их названия.

¹¹⁷ Киссинджер (Kissinger) Генри (р. 1923) – помощник президента США по вопросам национальной безопасности в 1969–1975 гг., государственный секретарь США в 1973–1977 гг. Инициатор политики разрядки между США и СССР, а также восстановления отношений США с КНР. В 1973 г. при его самом активном участии было подготовлено и подписано Парижское мирное соглашение о прекращении войны во Вьетнаме. Лауреат Нобелевской премии мира 1973 года. В ходе своей двухнедельной «ознакомительной поездки» по Азии в начале лета 1971 г. Г. Киссинджер сказался в Пакистане большим расстройством желудка, исчезнув из поля зрения на три дня якобы для поправки здоровья. На самом деле в это время он тайком от всего мира посетил Пекин.

Вьетнаме. Еще один поразительный феномен – это шахматист Роберт Фишер¹¹⁸, который всех подряд обыгрывает. Довел бедного Ларсена до гипертонии после четырех выигранных партий. Я думаю, что быть ему чемпионом мира. И в этой области, где у нас столько лет подряд был приоритет, мы тоже продумем. Дима, правда, считает, что у нас еще есть шанс делать ставку на «Объединенную Европу». Дима закончил гравюру из цикла «101».

17 июля 1971 г., суббота.

Дима себя очень плохо чувствовал. Его «прихватывало», он полдня лежал и был в очень раздраженном состоянии, очевидно, из-за погоды, которая не переменится на жару. К вечеру отошел. Я совершила два похода по местным магазинам. Первый неудачный, так как здесь открывают и закрывают магазины по собственным неписаным правилам, к которым невозможно приспособиться, потому что они каждый день новые. Второй раз мне больше повезло в магазинчике на станции. За мной даже пытался ухаживать местный Остап Бендер с медальным профилем, только уж чересчур пошлый. Вечером мы с мамой посетили алабинский Кремль. Показывали старый фильм с педагогической начинкой «Доживем до понедельника»¹¹⁹. Смотрело вместе с нами на семичасовом сеансе примерно десять девочек и около восьми старушек. Места нумерованы, билеты все по 20 коп. Жуткая видимость, кошмарный звук, с трудом можно понять, о чем говорят. В фильме много лишних соплей. Опять же к кино всё это не имеет никакого отношения. Но все педагогические воззрения главного героя симпатичны и прогрессивны, некоторые реплики весьма острые и смелые. Прямо скажем, учитель – молодец. И само появление этого фильма и даже то, что он имеет такой резонанс, и опять же то, что в журнале «Октябрь» дебил Галунчиков его ругает в своей повести¹²⁰ – всё это явление положительное.

Дима рассказывал, что видел, пока мы с мамой были в кино, незабываемую сюрреалистическую картину. У наших соседей справа, где брехливая собака, живет дедок девяноста лет. Он еле ходит, ничего не видит, но проявляет большую активность, чтобы участвовать в этой жизни. Поэтому он каждый день, доковыляв до забора, часами глядит на дорогу и иногда даже пытается заговаривать с прохожими. Например, открыт ли магазин, а если закрыт, то это оттого, что вчера там был учет. Дима говорит, что бородатая голова этого деда висела на заборе как какой-нибудь горшок. Сзади, в глубине, мелькали какие-то людишки, взрослые и дети, и не обращали внимания на висящую голову, так же как на печную трубу. Эта голова хотела бы участвовать в их жизни, но не может,

¹¹⁸ Фишер (Fischer) Роберт Джеймс (1943–2008) – американский шахматист, международный гроссмейстер (1958), чемпион мира 1972–1975 гг. В июле 1971 г. со счетом 6:0 одержал победу в полуфинальном матче претендентов над датским шахматистом Бентом Ларсеном, затем в финальном матче претендентов выиграл у Т.В. Петросяна, а в июле 1972 г. стал чемпионом мира, обыграв Б.В. Спасского.

¹¹⁹ Художественный фильм 1969 года, Киностудия им. М. Горького, сценарий Г.И. Полонского, реж. С.И. Ростоцкий, в главной роли В.В. Тихонов. Лучший фильм года по результатам опроса журнала «Советский экран». В 1970 г. фильм удостоен Государственной премии СССР.

¹²⁰ См. записи от 11 июля 1971 г.

потому что она уже из другого мира. Людишки не замечают ее намеренно, потому что она их тревожит, а им это неприятно. Тем не менее в голове есть что-то величественное, она напоминает о смерти и вечности. Людишки же по сравнению с ней ничтожны, но они из этого мира.

Би-би-си прочло совершенно великолепное письмо кинорежиссера Михаила Калика, обращенное к русской интеллигенции¹²¹.

18 июля 1971 г., воскресенье.

Мама съездила во Внуково к моим племянницам, ее внукам. Погода плохая, холодно. Я очень дружу с соседским псом. Мама попробовала мне прочесть мораль о моем образе жизни, но я дала решительный отпор этим бестактным попыткам.

Дима сделал почти целиком «Лик» на принесенном из мусорной свалки куске оцинкованного железа.

Познакомились с соседями слева. Малосимпатичные люди, как все соседи. При помощи еще одного соседа Мишки, которого Зинаида Ивановна называла Мишель Дебре, разобрали веранду.

19 июля 1971 г., понедельник.

Мне сегодня стукнул тридцать один годик, ничего хорошего. Мама уехала в Москву до завтра. Мне с ней тяжело и без нее тяжело. Дима с отцом ходили в сберкасса в Петровское, где у Абрама Яковлевича пенсия, но она оказалась закрыта. Разбирали снова веранду и душ. До черта ненужного барахла. В результате Дима составил две отличные скульптуры – «Распятие» из корня и «Пророка» из той маски, что мы нашли на днях в помойке. Испортился аппарат для измерения давления. Радио еле слышно. Мой друг пес спать по утрам не дает по-прежнему. И вообще, грустно. Я уже устала отдыхать и хочу в Москву. Дима из Петровского позвонил Кларочке. Она намекнула, что будто бы у Майка наконец вышла книга про Солжа с Эдиковыми фотографиями. Завтра уедем в Москву, но Дима очень не хотел бы, ему здесь очень нравится.

20 июля 1971 г., вторник.

Мама вернулась еще до обеда. Мы же уехали сразу после обеда. Наши порядочки: обычно поезда опаздывают, сегодня наш поезд пришел на четыре минуты раньше. Мы опоздали и полчаса ждали следующего, холодно и ветер. Дома нас ждали от Мишки два письма, а поздно вечером, когда мы вернулись из подвала, лежало уже третье письмо от него. Прекрасный наш мальчик, любит нас и в разлуке. Требуется в письмах от своей мамы, чтобы она нам позвонила. Она, естественно, не звонит. Бабушка, по его просьбе, шлет приветы только мне, Диме

¹²¹ В открытом письме «К русской интеллигенции» М.Н. Калик писал, разъясняя причины своего отъезда в Израиль: «Ибо как ни интернационален язык кино, корни любого художника в его национальной подоснове. В этой ситуации единственный выход для себя я вижу в единении со своим народом, который в век национальной катастрофы, на грани полного исчезновения, нашел силы возродить себя в своем государстве. Это государство моего народа, воссозданное после тысячелетий мук и скитаний, и здесь я вижу свое место».

Юлия в мастерской. Фото: Эдуард Гладков

не хочет, чтобы его родственники нас непременно полюбили. Не понимает, маленький глупыш, что это невозможно, да и не нужно. Еще он пишет, что очень недоволен покупкой телевизора матерью и Толей. Телевизор этот будет стоять на кухне, где у Мишки много его растений. К тому же ему неприятно, что все будут целый день из-за этого телевизора толкаться на кухне. В общем, находит себе поводы для нервозности. Он побывал в Таллине, остался очень доволен посещением. Заодно заметил, что эстонцы не любят русских, так как они отняли у них свободу. Моя директриса, очевидно, если бы узнала об этих Мишкиных размышлениях, сочла бы, что я внушаю ребенку такие крамольные мысли. А сам он, конечно, слепой, глухой и ничего такого клеветнического ни услышать, ни увидеть не может.

Еще одно неожиданное явление поджидало нас здесь. В подвале была незапертой наружная дверь, а вторая закрыта только на один замочек, ключ от которого у Димы. Внутри явно никто не был, так как всё в порядке, всё на месте. Но все равно это событие нас расстроило. Много беседовали по телефону, Дима беседовал. Кларочка к нам так и не зашла. Эдик в командировке. Звонила Валька. Алла Гербер борется в «Детгизе», чтобы Дима оформлял ей книжку, а главный художник «Детгиза» Дегтярев очень не хочет, чтобы Дима оформлял: «Ино-

странных авторов ему еще можно дать, но наших ни за что». Алка приглашает нас в кино завтра на какую-то, как она говорит, невероятно интересную американскую картину. Мы отказывались, а потом согласились, уж больно она хвалит. Она уже достала нам билеты на 25 число смотреть фильм «Забриски Пойнт»¹²². Мы о нем много слышали, поэтому постараемся сходить.

Получили на адрес мастерской открыточку от Нины Михайловны Кристенсен.

21 июля 1971 г., среда.

Получился жутко длинный и тяжелый день. Ни в какое кино мы, конечно, не пошли. Дима почти всю ночь не спал из-за жары и из-за мыслей о мастерской. Мы съездили в Баковку к <каменотесу> Виталию Суховерхову, где он нам показал почти законченную мраморную скульптуру – надгробие Андрееву Сергею. Невероятно красивая вещь в мраморе. Вечером как раз звонил старик Леонид Иванович <Андреев> и почему-то говорил совсем другим тоном и даже несколько подобострастно. Оказывается, <физик> Женя Вишневецкий написал ему из Новосибирска и, как выразился старик, дал ему «нагоняй». Черт их разберет, этих старых. Вот наш старик, Абрам Яковлевич, это человек. Но таких почти нет.

К вечеру невозможная знойная духота разразилась ливнями. Юра Никитин с Димой поехали покупать замки, а я в это время общалась с товарищем Юры, тоже из технической интеллигенции, Костей. Очень приятный парень. Мы с ним беседовали об искусстве. Дима и Юра вернулись промокшие и до поздней ночи возились с замком. В итоге вставили, но успели только во внутреннюю дверь. В наружную завтра будем вставлять.

Перед отъездом в Баковку встретили Кларочку с переделкинской библиотекаршей у нас на вокзале. Поговорили по телефону с Ряшенцевым, Гдалем, Инной, Левитанским, <каменщиком> Дубликом, сообщившим очень радостную весть, что наконец камень для памятника Зинаиде Ивановне перевезли в Бабушкино¹²³ и завтра он начнет его прожигать специальным аппаратом, и еще с кем-то – целый день. Звонил Хорст, очень хочет нас увидеть, но сегодня не смог, может быть, завтра придет.

22 июля 1971 г., четверг.

Звонил отец из Алабина. Они там с мамой проживают, несмотря на дождь. Звонил Юрочка Геннис. Уже его документы не приняли на переводческий факультет, якобы из-за здоровья. У мальчика, действительно, здоровье не очень, но я уверена, что причина в другом. Юрочку зовут Георгий Гельмутович Геннис. Отец у него немец, а скорее всего, его принимают за еврея. Остается одна надежда, что он поступит на педагогическое отделение, документы у него

¹²² «Забриски Пойнт» (*Zabriskie Point*) – американский художественный фильм 1970 года, реж. Микеланджело Антониони. Не был допущен в СССР в широкий прокат и демонстрировался только на закрытых просмотрах, в 1971 г. показан вне конкурса на VII Московском международном кинофестивале. Сценарий фильма (М. Антониони, Ф. Гарднер, Т. Гуэрра, С. Шеппард, К. Пиплоу в переводе М. Богемского) опубликован в журнале «Иностранная литература» (1972. № 2).

¹²³ Здесь был расположен московский Скульптурный комбинат, на котором по моделям В. Сидура изготавливались скульптуры в камне или цементе.

уже приняли. Один мой ученик из параллельного класса, Сережа Ястржембский¹²⁴, уже попал в омерзительный институт МИМО. Другой, из моего класса, сачок Володя Лавров¹²⁵, туда не попал, что и следовало ожидать. Девочка из моего класса, Валя Гальперина¹²⁶, сдала три экзамена на пятерки в МГУ на юридический факультет, правда, на вечернее отделение. Завтра у нее последний экзамен, если она даже сдаст на четыре, всё равно попадает. Но она еврейка, поглядим. Еще один мальчишка, Болтинов, уже поступил в МГУ на экономико-географический, а девочка, Марина Попова¹²⁷, еще не известно, прошла или нет. Основная же масса моих ребят будет поступать в августе.

Наш ребенок по имени Миша, он же Мишель, он же Майкл прислал нам сегодня семь писем и одну телеграмму. В основном это копии его писем для его дневника, чтобы мы их сохранили, и два новых, где он буквально плачет о том, как он по нам скучает. В телеграмме же он сообщает, что приезжает 28 июля, и чтобы мы его ждали после обеда. В письмах последних беспокоится, сможет ли он с нами видаться по-прежнему и не изменилось ли наше отношение к нему. Ничего не изменилось, мальчик, еще больше укрепилось.

Масса информации. Имеем письма от Карлуши, Майка, Бютнеров и от Шуры, жены Б. Цук<ермана>. Бютнеры приезжают в Москву 26-го вечером. Карлуша изо всех сил работает, чтобы прославить Диму еще больше. Хороший парень, Карлуша, а главное – очень серьезно и обстоятельно относится к делу. Хочет, чтобы всё выглядело на высшем уровне. Молодец! Майк скоро будет иметь четвертого ребенка. Для них это плевое дело по сто детей иметь. Живет в своем роскошном новом-старом доме с садом, где невероятное количество всяких деревьев, названий которых он сам не знает. К Диме он относится с невероятной симпатией и даже нежностью. Тоже чего-то там шурует с выставками, вернее, с их организацией. Сейчас и он, и Карл, и все наши друзья считают, что самое лучшее – это участвовать в выставке *Dokumenta*¹²⁸, которая состоится в 1972 году. Книгу о Солженицыне Майк еще не выпустил из-за своей невероятной добросовестности, хотя на него ужасно жмут издатели. Все наши письма он получил, гравюры тоже, скульптуру, очевидно, тоже, так как в письме от 28 июня пишет, что должен встретиться с сэром Джоном Лоуренсом.

Имеем книгу издательства «Посев» – шестой том собрания сочинений Александра Исаевича Солженицына¹²⁹ с Диминим портретом на мелованной бумаге,

¹²⁴ Ястржембский Сергей Владимирович (р. 1953) – государственный деятель, дипломат. Занимал в разное время ряд ответственных постов. В 1992–1993 гг. директор Департамента информации и печати МИД, в 1993–1996 гг. чрезвычайный и полномочный посол в Словацкой Республике, в 1996–1998 гг. пресс-секретарь президента РФ Б.Н. Ельцина и одновременно зам. руководителя Кремлевской Администрации. В 2000–2008 гг. помощник президента РФ В.В. Путина. Кроме того, получил известность как журналист, яркий фотограф и кинодокументалист. В 2009 г. основал кинокомпанию «Ястреб-Фильм».

¹²⁵ Лавров Владимир Александрович (р. 1954) – экономист-международник, финансист.

¹²⁶ Гальперина Валерия Исааковна (р. 1954) – адвокат.

¹²⁷ Попова Марина (р. 1954) – географ.

¹²⁸ *Dokumenta* – крупнейшая, наряду с венецианской *Biennale*, традиционная международная выставка современного искусства, проходящая с 1955 г. в Касселе в ФРГ. Сначала каждые четыре года, а с 1972 г. – каждые пять лет.

¹²⁹ Франкфурт-на-Майне, 1970.

где написано, что это портрет московского художника В. Сидура. Майк еще пишет, что очень недоволен публикацией в *Zeit-Magazin*, так как они искалечили его статью¹³⁰, не предупредив, да еще рядом с Глазуновым, про которого Майк всё знает. Он перед Димой извинился за это. Вечером к нам пришел донельзя усталый Хорст с корреспондентом и даже членом редколлегии газеты *Die Zeit*¹³¹, который перевел Юннино стихотворение про мастерскую на немецкий язык. Старый человек из прибалтийских немцев, отлично говорящий по-русски. Ему всё ужасно понравилось. Он взял несколько фотографий и книжку Юнны Морич.

Днем приходил поэт Юра Ряшенцев. Дима ему будет оформлять книгу. Он поэт далеко не первого класса, но парень неглупый. Конформист, хотя человек приличный.

Сегодня слесаря сделали сетки на все наши окна. Возможно, теперь будет почище и безопаснее.

23 июля 1971 г., пятница.

В 10 утра неожиданно появилась моя мама, у которой вдруг ночью заболел и распух глаз. Она тут же поехала в поликлинику, кое-что взяла с собой из продуктов и снова отправилась в Алабино. Погода плохая – дождь, холод. Им с отцом надо возвращаться в Москву. Прописали маме какие-то капли и сказали, что через три дня всё пройдет.

Дима рассказал сон. Будто бы он бригадир женской бригады, которая шьет перчатки. Дима тоже шьет перчатки, почему-то прошивая себе пальцы. У него идет кровь и ему очень больно. Девушки же из его бригады шьют как-то легче. Тут же на трибуне лектор всё время произносит слова: «Мы должны усилить идеологическую борьбу!» Дима вдруг раскрывает рот и громогласно говорит: «Ха-ха-ха». Появляются молодые люди, на вид миловидные, хватают Диму, который этому не удивляется, так как понимает, что обречен. Возникает наш Мишка, который взирает на эту картину с ужасом и изумлением. Дима обнимает его и говорит: «Сынок, держись! Слушайся Юлию Львовну, она тебе всё расскажет и объяснит». Всех девушек из Диминой бригады тоже забирают. Дима спрашивает: «А вас за что?» – «Как же, – говорят девушки, – мы же из твоей бригады». Дима испытывает пронзительное чувство вины и просыпается. Вполне нормальный советский сон.

Юра Никитин сегодня целый день вставлял нам замок в наружную дверь в подвале, но у него не очень получилось. Вчера Дима стукнул себя по пальцу (от этого, наверно, ему сон приснился про шитье перчаток с прошиванием пальцев), а сегодня Юра ему защемил другой палец. Заходил Эдик, вернувшийся из командировки. Домой к нам заходила Кларочка, подарила мне книжку «Айболит» с трогательной надписью.

¹³⁰ M. Scammell. Kritik aus dem Kreml. Vadim Sidurs lebenslange Klausur in Moskau // *Zeit-Magazin*. 1971. 5 марта. С. 15–20. Здесь же четыре фотографии В. Сидура и его произведений. Данная публикация была сокращенным вариантом статьи *Sculptor in a vacuum* в лондонском *The Observer* от 15 ноября 1970 г.

¹³¹ Влиятельная интеллектуальная еженедельная газета ФРГ, издается с 1946 г., тираж достигает 500 тыс. Приложением к газете является *Zeit-Magazin*.

В мастерскую приходил Игорь Тупицын, весь разнесчастный и страшненький. Завтра ложится на операцию своей хромой ноги. Принес журнал *Umetnost* югославский, № 17, который, оказывается, вышел в 1969 г. Игорю его выслали, но он его не получил, а теперь ему его кто-то привез. Это, пожалуй, первый художественный журнал, поместивший Димины работы. Мне только не нравится Димкин портрет, где он, во-первых, с папиросой, чего уже не происходит более двенадцати лет, во-вторых, у него очень театральная заливчатая поза, явно ему не свойственная. Это Эдик побаловался, а нам изменил вкус, раз мы сами дали такой портрет. Правда, я этого момента не помню. У Игоря только один экземпляр и он нам его не оставил. Надо достать.

25 июля 1971 г., воскресенье.

Мы получили последнее Мишкино письмо, где он совсем уже не может жить в разлуке с нами и пишет об этом с поразительно трогательной откровенностью. Он, конечно, слегка псих, наш дорогой детеныш. Если он так тяжело переживает разлуку в один месяц, когда отдых ему, как каторга, то что же с ним будет, если его заберут в армию. Теперь у нас начнется новая забота, чтобы он во что бы то ни стало поступил в институт. Дима считает, что Мишка очень сильно похож на него по характеру. Он тоже совершенно не мог выносить разлуки и очень страдал от этого. Нам нужно закалять нашего пацана, чтобы ему же было легче в этой жизни. Вот если бы эту свою непомерную и прекрасную чувствительность он мог бы применить в творчестве. У него есть явные литературные способности, но разве можно предположить, что он станет писателем? Вот послал нам бог заботу и утешение во второй половине нашей жизни.

Видели два фильма, на которые Алка принесла нам вчера билеты¹³² – «Березняк» Анджея Вайды¹³³ и «Забриски Поинт» Антониони. Фильм Вайды – совершенно отличный, человечный, благородный, очень красивый, с великолепными актерами. Фильм Антониони нас разочаровал. Он нам, в принципе, не близок как художник. Безусловно, этот фильм сделан на довольно высоком уровне, но мелковато по существу. Очевидно, что их проблемы – от большой сытости – не могут нас пока очень сильно трогать. Показана удивительно красивая и великая

¹³² Билеты на один из внеконкурсных просмотров на VII Московском международном кинофестивале, который проходил с 20 июля по 3 августа 1971. Он считался у киноманов очень удачным, потому что тогда в конкурсе и вне конкурса были показаны, среди прочего, по-настоящему интересные фильмы: «Смерть в Венеции» Л. Висконти, «Беспечный ездки» Д. Хоппера, «Сегодня жить, умереть завтра» К. Синдо, «Маленький большой человек» А. Пенна, «Убийцы именем порядка» М. Карне, а также «Березняк» А. Вайда и «Забриски Поинт» М. Антониони, о которых пишет Юлия, и др. Таким образом, зрителям предоставлялась редкая возможность посмотреть картины, которые позже уже увидеть на советском экране было невозможно. Купить билеты в кассах было невероятно трудно, счастливики доставали их по знакомству или же за большие деньги у перекупщиков. По традиции московских кинофестивалей на одном сеансе показывали сразу по два фильма.

¹³³ «Березняк» (*Brzezina*) – польский художественный фильм 1970 года по повести Ярослава Ивашкевича. На Московском кинофестивале в 1971 г. Анджей Вайда был удостоен Специальной золотой премии за режиссуру этого фильма. В широкий прокат в Советском Союзе картина допущена не была и показывалась только на закрытых сеансах.

страна Америка, резко разграниченная на молодых и взрослых. Взрослые всё создали, молодые недовольны и хотят разрушать. Они революционеры, чего хотят – непонятно, но то, что есть, им не очень нравится. Героиня, красивое и глуповатое животное, не думает о революции, а просто курит марихуану, слушает джаз и занимается любовью с молодым человеком, который готов умереть и от студенческой говорильни перейти к делу, кстати, готов убивать. Когда при осаде захваченного бунтующими студентами университета полицейский убивает одного студента, парень убивает этого полицейского. Захватывает частный самолет и летает на нем над пустыней, где в итоге встречается с девушкой в автомобиле. Долго с ней бегают, занимается любовью в песке. И тут откуда-то еще много очень неприятных молодых людей в голом виде изо всех сил демонстрируют очень плотскую кровожадную случку, катаясь по песку. Показано это долго, даже скучно делается. Зал никак особенно на это не реагирует, но когда в этом песке показаны уже сотни подобных парочек, начинает смеяться (надо сказать, что публика смотрит вполне профессиональная). Автором эти сотни случающихся показаны, очевидно, через мозги главной героини-марихуанщицы. Потом главный герой почему-то решает вернуть угнанный самолет на место, поскольку он «не против частной собственности». Он разрисовывает с девушкой и каким-то старичком-художником самолет в разные веселые картинки и летит на нем обратно на аэродром. Там его уже поджидают полицейские машины. Короче говоря, он приземляется и его тут же убивают, опасаясь, что он будет стрелять, потому что он уже убил полицейского. Убили вроде бы ребенка, так как его самолет был раскрашен всякими смешными рожами с надписями *shi, hi, it*. Девушка несется по пустыне в своем обшарпанном автомобиле и слышит по радио, что студента убили. Она переживает, но не очень сильно, возвращается к своему «взрослому» любовнику, который с другими «взрослыми» всё обсуждает, как застроить пустыню такими же невероятно роскошными, замечательными по красоте виллами, как та, где они сейчас обсуждают свои проекты. Девушка в мини-платье, да еще с разрезом посерединке ужасно красиво мокнет под водопадом. Любовник доволен, что она вернулась, а она, увидев его, недовольна вообще ничем и возвращается в свою машину, где мечтает, как взорвутся все эти изумительные постройки. В ее мозгу все эти виллы, города, книги, продукты питания иллюзорно взрываются и превращаются во весь экран в картины Миро¹³⁴. Вот в таком духе фильм. Очень рассудочный, очень холодный, безусловно, интересный, но в нем, как сказал Дима, мало вечности, много красотостей вопреки вкусу. Разумеется, есть очень удачные детали – туалеты в пустыне ярко-красного цвета, вода в желтой бочке среди бесконечных песков, старик в ковбойской шляпе, стоящий у стойки в одном из городков и не знающий, как называется город, где он живет или, по крайней мере, находится уже очень давно. В принципе, мы с Димой рады, что посмотрели эти фильмы. В перерыве увидели на лестничной площадке у входа в зрительный зал человека, которого мы не раз встречали, поражающего и восхищающего нас своим мужеством. Человек этот

¹³⁴ Миро (Miró) Хуан (1893–1983) – испанский живописец, график и скульптор.

без двух ног и одной руки, с очень прямым торсом, на колясочке. К телу его была прижата хозяйственная сумка его жены, которая куда-то удалась на время. Он, наверно, живет где-то у Киевского вокзала, потому что я видела его там несколько лет назад, явно еще не женатого, пьяноватого и заговаривающего с девушками. В прошлый раз, уезжая в Алабино, мы видели его в нашем вагоне с женой, женщиной очень здоровой и сексуально притягательной, с физиономией довольно грубой. Она спала у него на плече. Дима сказал, что теперь при встрече, если этот парень на него взглянет, он будет с ним здороваться. Вид у него даже поздоровевший. «Вот тебе жизнь, – сказал Дима, – ни в каком кино этого не увидишь». Парень этот, конечно, инвалид не с фронта, так как относительно молодой. После кино поехали в мастерскую к Толе Гитбергу. Они с Милой были вдвоем. Толя написал много новых очень хороших вещей темперой на оргалите. Толя вдруг зафонтировал. Молодец! В его возрасте таких возрождений почти не бывает. Разговор зашел об Эрнсте, о его выставках за границей, куда он пересылает свои вещи, довольно большие, без всяких затруднений. Дима вдруг тоже решил похвастаться своей славой. Потом он сам себя за это осудил. Ему это, в принципе, не свойственно. Толя, хоть и боится пока, но тоже уже на грани того, чтобы начать как-то высовываться.

26 июля 1971 г., понедельник.

Приехали из Алабина Абрам Яковлевич и моя мама. Вчера маме было там снова плохо. Вызывали скорую, которая определила, что у нее гипертонический криз. В общем, моя мать надорвала себе здоровье очень серьезно в этом чертовом отеле. Пошла туда по собственному желанию, ни в чем не нуждаясь, а так, для разнообразия жизни. Сегодня ей стало легче, а с завтрашнего дня она пойдет лечиться в свою поликлинику. Погода плохая и в Алабино ничего хорошего. Из Алабино они привезли Мишкино письмо и открытку, где он пишет только о том, как ему плохо без нас и заклинает, чтобы мы непременно были в Москве 28-го после обеда, чтобы он с нами увиделся. Характер у Мишки тяжелый, но я что-то вокруг легких людей не вижу.

Бютнеры никак не объявились. Но был Гдаль с двумя супругами из Армении. Понимающие, симпатичные люди. Она врач, он геолог, объездивший всю Америку на своей машине. Как он туда попал, мы не спрашивали. Первый раз Гдаль привел не идиотов.

Вдруг получили сумбурное письмо от Вити Гинзбурга из Сортавалы. У них с Ниной ангина, рыба не ловится, и вообще ничего хорошего, хотя он пишет, что «настроение неплохое». В основном письмо о том, что Дима должен немедленно идти в Министерство культуры, чтобы хлопотать о продаже вещей за границу, потому что он видел, как кто-то передавал в Копенгаген фотографии портретов Эйнштейна, Бора и еще кого-то работы Лемпорта и Силиса, чтобы продать их за валюту по официальным каналам. Сейчас Дима прямо и побежит туда. Чудак, Витя, всё не может понять, что Диме не нужна валюта – это раз. Во-вторых, никогда наши официальные органы не будут продавать, покупать или выставлять Димины вещи (если он, конечно, не согласится сотрудничать с КГБ, а он совершенно точно не согласится). В-третьих, Лемпорт и Силис делают все-таки плохо,

художники они весьма средние, да и путь они себе избрали другой. У них всё на продажу – и души, и вещи. Эрнст тоже продан, по самому высшему счету, хотя оправдать его трудно, несмотря на его талант, потому что продаваться нельзя. Диме же нельзя даже соваться во все эти органы, ведающие искусством. Ему никогда ничего не разрешат, зато обратят очень пристальное внимание, еще более пристальное, чем до сих пор, и постараются вообще его прикрыть каким-либо способом. Дима не продает, а дарит бесплатно и будет отдавать и дальше. Если, конечно, выставка *Dokumenta* получится – это будет грандиозный успех, так как многие, многие люди это увидят и поймут, что в России живет великий художник, который, несмотря ни на какие трудности, страх за себя, за близких, за вещи, несмотря на болезни, слабые физические возможности и безнадежность показать выполненные буквально из дерьма, из грязи, из отбросов шедевры своему народу на своей родине, продолжает существовать и творить. В этом Димина задача, пока он жив, а моя задача – помочь ему в этом. Он сам кует свою славу, но не ради себя, а ради того, что он создал через свою переполненную муками и страданиями жизнь. Вадим Сидур всегда был и останется русским советским художником, хотя можно понять, что ему очень хотят сделать рекламу в Израиле (нам об этом сообщили), вдохновленные его древнееврейской фамилией. Дима, конечно, очень во многом чувствует себя евреем, но все-таки он художник русский и советский. <...>

Вокруг нас сейчас люди порядочные. И для нас этот факт весьма важный, потому что мы – люди тяжелые, настроенные, нервные, но мы приличные люди и того же хотим от тех, кто нам близок.

27 июля 1971 г., вторник.

Прибыли Бютнеры. В Москве были еще вчера, но телефон у них там был сломан, и они дозвонились до Марины только сегодня. С ними приехала еще голландская семья из семи человек. Пришли к нам Готфрид, Мария и их шестеро детей – пять мальчиков: Андреас, Кристиан, Эммануэль, Лукас, Себастьян, и девочка Майя, пятилетняя обезьянка, очень симпатичная. С нашей стороны – Марина Г. <Гореликова> и ее сын Сережа. Мальчики прекрасные, умные, воспитанные. Десятилетний Себастьян – с великолепным шрамом на щеке. Один парень, Лукас, очень смутил Диму своим женским видом. Дима так его и прозвал – мальчик-девочка, и долго не мог поверить, что это все-таки мальчик. Мы отвыкли от таких громадных семей из одного корня, и зрелище это произвело очень сильное впечатление.

До них был у нас Хорст. Хоть и спешил, но все-таки дотянул до того момента, когда пришли Бютнеры, специально, чтобы на них посмотреть, ужасно любопытный парень, очень хороший. У Хорста теперь коллекция из 39 гравюр, из которых девять его, а тридцать он должен отдать Карлуше, поскольку тому нужнее, так как он пишет про Диму книгу.

У Бютнеров на границе таможенники отобрали роман Солженицына «Август Четырнадцатого» на русском языке. Они везли много книг Штайнера по-немецки, их не отобрали, но так как они религиозного содержания, вписали их в декларацию, чтобы их обязательно увезли обратно в Германию. Учебники для

меня они, слава богу, довели в целости. От нас Бютнер хочет увезти кроме скульптуры «Памятник погибшим от насилия» несколько цветных рисунков. Поглядим, как это ему удастся. Дима согласен, он решился на этот шаг в первый раз. Он еще ни разу не мог расстаться со своими хорошими цветными подлинниками, которых у него по одной штуке. Завтра мы снова встречаемся с Бютнерами в 12 часов дня, едем с ними на пароходике и завтра же ждем Мишку. Придется его к нашей компашке присоединить, куда не денешься.

28 июля 1971 г., среда.

Прибыл наш сумасшедшенький Мишель. Успел дома сказать «здравствуйте», и тут же убежал к нам. Загорелый, но такой же дерганый, как и был. Очень недоволен, что в кухне у них телевизор, а главное, что мама не смотрела за его растениями. Кое-что выбросила, а один цветок поставила в уборную, где он совсем зачах. Для Мишки это совершенно ужасно. Снова он начал разговоры о том, чтобы увидеть своего настоящего отца и, таким образом, не носить Толиного отчества. Эта проблема невероятно его занимает.

Сегодня с 12 часов мы с Бютнерами, Мариной, Мишкой и еще одним голландским семейством гуляли полдня в парке культуры и катались на речном трамвае по Москве-реке. Потом бесчисленные дети (Бютнеры + трое маленьких голландцев) бегали, прыгали и катались на чертовом колесе. Поели в забегаловке рядом с прудом, где лебеди, грязно, невкусно, долго, но поели. Потом мы Димой, Мариной и Мишкой ушли. Пришел Хорст с женой посла, со своей девушкой и с послыхиной дочкой. Послица абсолютно в совершенстве говорит по-русски, но по типу – точно Фурцева или на крайней случай моя директриса. Хитрая, как бестия. Глазунов ей нравится неслучайно, ей должен нравиться Глазунов. Умом она, очевидно, понимает, что Дима неизмеримо выше, но Глазунов ей ближе по душе. Дочка у нее очень приятная. Она стала приглашать Диму в свое посольство «посидеть», «поговорить». Дима вежливо отказался, сказав, что он подумает. Лучше нам, конечно, от этого посещения не будет, лишь бы хуже не было. Я так думаю, что мы ее еще приняли из-за Хорста.

После послыхи, которая выражала очень большой интерес и сильно хвалила, пришел Эдик, а за ним и супруги-голландцы, но уже без детей. Приятные люди. Они пришли специально, чтобы посмотреть. Парень, как из Одессы, очень веселый. Димка болтал изо всех сил по-английски, я поражаюсь, какой он молодец. Он ни одной фразы не может сказать правильно, но говорит тем не менее очень бойко.

29 июля 1971 г., четверг.

Сегодня мы отдыхали от друзей. Перебирали рисунки. Мы с Димкой решили – отдаем почти самые лучшие вещи, даже портрет А.И. <Александра Исаевича>. Отдаем просто так, лишь бы люди видели. Вечером сидели с Мишкой и рассматривали его совершенно роскошные английские автомобильчики, которые он накупил на 20 рублей. Дали же ему деньги бабушка и мама. Вообще, Мишка говорит, что дома с ним обращаются очень ласково и хорошо. Разрешили ему сразу же поехать с нами в Алабино мама и бабушка. Довольно трагиче-

ская ситуация с бабушкой. Мишка у нее самый родной и близкий человек. Но трудно нам, например, взять с собой в Алабино и бабушку тоже. Мишка понемножку капризничает, но не сильно. Наслаждается нынешней необычной для него ситуацией, когда вдруг он стал нужен сразу всем. Кажется мы сможем убедить его не связываться с ними из-за изменения отчества. Мы с Димой посоветовали ему называть себя другим отчеством, если ему так хочется, а в паспорте пусть он будет Анатольевич. Называет же себя Зальцман Олегом Михайловичем вместо – Эммануэльевичем. Правда, он это делает из-за своего еврейства, чтобы оно менее резало чужие уши, но это ему не особо помогает, так как морда у него самая что ни на есть сионистская. Мишка же тоже хочет называть себя Михайлович, так как он видел это свое отчество в каких-то документах.

На ночь глядя пошли по делам книги к Юре Ряшенцеву в гости. Рядом с их жильем понастроены совершенно шикарные цековские дома с постриженными лужайками, розами, спортплощадками и теннисными кортами. Мало того, что улицы тихие и утопают в зелени, так еще на этих улицах светят бесполезные светофоры. Воистину, им есть, что терять, кроме своих цепей. Дома у них очень старая и приятная мебель, которую они всей семьей любят. Мама Юрина, женщина семидесяти лет, выглядит максимум на пятьдесят. Юра сам – парень неглупый и приятный, но, как сказала Юнна: «человек менее одаренный, чем я». Что касается его поэзии – это правда. Жена у него никакая.

Из моего класса в институт поступили уже трое: Валя Гальперина на юрфак МГУ с потрясающими баллами – 20 из 20, Саша Болтинов и Марина Попова на географическо-экономический тоже в МГУ. Основная же сдача экзаменов у моих ребят начнется сейчас, в августе.

30 июля 1971 г., пятница.

Мишка нам звонил. Сообщил, что приобрел еще один английский автомобильчик, читает Эдгара По, раздражается на существование Толи и сегодня дома громогласно распространялся, как ему отвратительно появление в доме телевизора. Еще интересно, что он очень активно прореагировал на вчерашнее заявление Димы, что собрание автомобильчиков – это пассивное коллекционирование. Сказал, что теперь очень много рисует, даже бумагу стало ему жалко. Дима считает, что он может научиться рисовать, а мне почему-то кажется, что он не очень способный к этому делу.

Вечером у нас были донельзя элегантные Готфрид и Мария на двух своих автомобилях, которые они оставляют где-то, где – мы не знаем, хотя рядом с мастерской, но мы пока еще не видели. Зато небось все стукачи всё уже зафиксировали. Отобрали вместе 35 рисунков и скульптуру, которую Готфрид полюбил еще в тот приезд. Дима ему напишет, что дарит скульптуру, но если у него найдут, то вещи эти к нам, наверно, уже не вернуться. Итак, мы рискуем очень хорошими и совершенно уникальными Димиными вещами и все-таки мы идем на это сознательно, хотя если вещи найдут, то неприятности у нас будут огромные. Готфрид сказал, что Димин «Христос» («Иешуа Га-Ноцри») будет опубликован на обложке книги об истории еврейского народа в Европе. Это было бы здорово.

Завтра Гдаль устроит нам встречу с Надеждой Яковлевной Мандельштам¹³⁵. Бютнеры очень просили. Они прочли ее гениальную книгу про Осипа Мандельштама и попросили нас о том, чтобы с ней познакомиться. Мы очень рады, что вместе с ними и сами с ней наконец познакомимся. Она невероятная молодчина.

На ночь глядя пришла совсем заморенная Алка. У нее большая неприятность – поручают делать картину о сионизме. Мы, конечно, ей сказали, чтобы она ни в коем случае не позорила свое честное имя. Она очень пугается, потому что к ней пристали вплоть до увольнения. Будем теперь думать, как ей достать документы о плохом здоровье и что она ложится на обследование или еще какие-нибудь болячки ей придумаем. В любом случае, эту картину на своем мерзейшем телевидении она делать не будет.

31 июля 1971 г., суббота.

Мы познакомились с Надеждой Яковлевной Мандельштам. Мы никогда не забудем этой встречи. На машине Готфрида мы заехали за Гдалем куда-то на ул. Горького, где он лечил брата Надежды Яковлевны, оттуда поехали к ней в Новые Черемушки. Несколько плутали, потому что Гдаль плохо ориентируется. Доехали до пятиэтажного, вроде бы кооперативного дома. Квартирка однокомнатная, на первом этаже. Готфрид и Мария в своих элегантных костюмах взирали на ее убогое жилище с чрезвычайным интересом и некоторым ужасом. Она приняла нас на кухне, где стоял старый-престарый диван и столик. В комнате раскиданы вещи, которые она, очевидно, собирает, так как уезжает завтра в Тарусу¹³⁶, куда, как она выразилась: «Ездят евреи, чтобы любить Россию». Старушка несколько даже уродливая – с тяжелым и длинным носом, чем-то поразительно похожая на Зинаиду Ивановну. Дима выразил предположение после, что люди этого поколения вообще чем-то похожи. Умная, острая, с потрясающе пронизательными зеленоватыми глазками, немного ехидная, даже задиристая и абсолютно бесстрашная. Никакой внешней красивой старости и удивительное внутреннее величие. У нее сильная одышка, говорить ей тяжело. Очень скромное платье, что-то вроде халата. Весь ее облик, поступки, речь составляли такой странный контраст между ней, нами и немцами, что еще раз мы почувствовали, как при всей своей симпатичности, Готфрид и Мария – чужие, другие люди, а Надежда Яковлевна и мы – это одно. Нас объединяют ее бесчисленные страдания, чудовищная смерть ее мужа, бессмысленное изуверское истребление огромной части нашего народа, весь незабываемый кошмар, который и сейчас продолжает существовать – увы! – в нашей великой и подлой стране. Мы со-

¹³⁵ Мандельштам (Хазина) Надежда Яковлевна (1899–1980) – вдова поэта О.Э. Мандельштама. Лингвист, писатель, преподаватель. Автор книг: «Воспоминания» (впервые напечатана в Нью-Йорке издательством им. Чехова, 1970; в СССР – в 1989), «Вторая книга» (Париж. YMCA-Press, 1972; в СССР – в 1990) и «Книга третья» (Париж. YMCA-Press, 1978). Г.Г. Гельштейн познакомился с Н.Я. Мандельштам через математика И.М. Гельфанда в 1965 г. «Мы обычно приходили к ней раз в неделю», – вспоминала В.И. Гельштейн. Жила на Большой Черемушкинской ул., 14.

¹³⁶ Всю жизнь Н.Я. Мандельштам провела в скитаниях по необъятной стране – и вместе с мужем, а потом и после его смерти. В Тарусе, расположенной в 101 км от Москвы, она оказалась в 1958 г. и прожила здесь до 1962 г.

шлись с ней во взглядах по всем вопросам. И вообще, она сказала, что русские писатели никогда не разбирались в искусстве со времен XIV века. О своей гениальной книге отзывается очень пренебрежительно, говоря, что это всего лишь «отчет», «публицистика», «очерк» и т. д. Про А.И., когда речь зашла о его «Молитве»¹³⁷, сказала: «Он думает, что его рукой водил Бог. Это совесть. Ему легче так думать». Из современных художников ей нравится Володя Вейсберг, который был у нас как-то уже много лет назад, но мы так и не удосужились у него побывать. Он приходил с Натальей Ивановной Столяровой.

Надежда Яковлевна говорит по-английски, хотя кое-что и подзабыла. Охотно раздает фотографии Осипа Манделъштама. Согласилась, чтобы наш Эдик сделал с них хорошие репродукции, но с подлинников, которые хранятся где-то в другом месте. Ей, оказывается, присудили какую-то премию по журналистике сразу четыре организации на Западе, и она сказала, что хотела бы получить деньги, если можно. Готфрид говорил ей что-то по-английски с невероятным почтением. Потом она поила нас чаем, совсем как в нашей мастерской, насыпая чай прямо в стаканы без чайничка. Мы ушли от нее пораженные. Как это старушка сохранила такой ум, ясное мышление и откуда у нее такой фантастический талант?

Готфрид подарил ей свою книжку про Ионеско и Беккета¹³⁸. Она попросила его подписать, он был смущен и счастлив, он не ожидал, что она его об этом попросит.

Потом отвезли Гдаля на том же замечательном «Мерседесе» к нему домой, затем вернулись опять на той же машине в мастерскую, договорившись встретиться вечером, когда придет Булат. Не успели мы прийти, появился Мишка. Симпатичный-пресимпатичный и родной. Купил еще три автомобильчика на деньги от проданных вместе с бабушкой уже прочитанных и ненужных ему книг. Помог сходить в магазин за соком и за сметаной. Соком напивался, что говорится, от пуза. Но долго у нас не пробыл, заскучал, погрустнел от гостей и ушел. Говорит, что он тяжело переносит иностранцев, стесняется. Дома мы наконец получили его письма, которые он выслал нам авиапочтой чуть ли не неделю тому назад. Там он пишет, как рассказал всё другу их семьи Николаю Николаевичу Хмелеву о разладе в их семействе и о дружбе с нами. Николай Николаевич между прочим спросил, каковы наши политические убеждения, на что Мишка ответил, что не знает. В итоге же старичок пообещал написать Мишкиной маме письмо, где он посоветует ей рассказать Мишке всё о его отце. Придя домой, Мишка пошел в автомат, чтобы по телефону рассказать нам о том, как Толя попросил у него какую-то книгу, а Мишка отказался ему ее дать. Тогда Толя потребовал назад книгу Эдгара По, взятую мамой из библиотеки. Мишка, разумеется, отдал. Я конечно, сказала ему, что напрасно он не дал Толе книгу, но Мишка даже слышать об этом не хочет. Хоть и зря он так поступает, но как всё это нам понятно.

Булат выглядит неплохо. Вся наша еда почти осталась, едят люди крайне мало, и советские, и немецкие. Правда, пельмени немцам понравились. Готфрид ска-

¹³⁷ Стихотворение в прозе 1963 г. из цикла «Крохотки».

¹³⁸ *Gottfried Büttner. Samuel Beckett – Eugene Ionesco. Klassiker der Moderne. Über den seelsicheren Realismus im Drama unserer Zeit.* Книга выдержала три издания.

зал Булату, что какое-то издательство хочет заплатить ему деньги за роман «Бедный Авросимов». Деньги не очень большие, потому что издательство маленькое, но что если он что-нибудь хочет иметь, они готовы купить ему какую-нибудь вещь, так как деньги ему передать невозможно. Булат захотел хороший проигрыватель. На ночь глядя Булат пригласил нас к себе. Мы жутко устали, но ради Готфрида и Марии поехали. Им было, конечно, интересно посмотреть, как живет Булат. Выходя из подвала, ужаснулись вонище на нашей лестнице. Андреас, старший сын, всё время находится вместе с Готфридом и Марией. Они его берут с собой. У Булата дома сидела красотка Оля, она только что откуда-то вернулась. Мы посидели с полчаса, выпили коньяку, Булат подарил нам экземпляры своей книги «Бедный Авросимов», вышедшей в ГДР. Готфриду он подарил симпатичную штуку – Булат берет деревянные брусочки, на них наклеивает репродукции старинных мастеров, затем покрывает лаком. Получается очень симпатично. Вообще, Булат очень милый парень. Еще у нас в подвале вдруг пожаловался – выпил что ли – что у него с Олей очень сложные дела и что их отношения – это так, светская жизнь. Сказал, что не хочет встречаться с Надеждой Яковлевной Мандельштам из робости. В кабинете у него висит Димино «Святое семейство» – совершенно отличная вещь.

Днем успел забежать Хорст, правда, с опозданием. Сказал, что послыха хотела купить «Памятник погибшим от насилия», а Дима почему-то отказался. Дима объяснил, что отдает его в подарок Готфриду. Она хочет еще одну вещь – «Заговор». Вообще-то я думаю, что это, скорее всего, разговоры, но что-то такое вдруг на Диму появился спрос. Хорст решил приобрести «Похороны» и даже имеет возможность ее отправить. Но тут мы очень не хотим этого. Даже если Хорст сумеет заплатить за нее три тысячи рублей, это все равно нам не восполнит ее потери, так как она – одна из лучших Диминых скульптур. Единственное, что нас удерживает от немедленного отказа – это возможность выставить ее на *Dokumenta*. Она, конечно, если будет выставлена, должна прозвучать очень сильно. Завтра немцы дают нам роздых на три дня. Завтра Дима пойдет с Женей Смагиной смотреть фильм «Вальпараисо»¹³⁹. У Женьки только один лишний билет, но мы решили, чтобы шел Дима, ему нужней. Завтра я встречаюсь у нас дома с Юрой Геннисом и Леной Гамазиной и подзаимусь с ними французским, так как послезавтра у них первый экзамен.

Квартиру Надежде Яковлевне помог приобрести Симонов. Он совершил, говорят, еще много хороших поступков. Молодец!

Возможно, что скоро мы прошибем и в арабском мире. После событий в Судане¹⁴⁰ и заявления в Египте о том, что там никогда не будут допущены к власти коммунисты, наши позиции и там пошатнулись, несмотря на многие наши кровные советские миллионы. Но нам плевать, что они встают и расстреливают ком-

¹³⁹ «Вальпараисо, Вальпараисо» (*Valparaiso, Valparaiso*) – французский художественный фильм, политическая сатира, реж. Паскаль Обье (Aubier), 1970 г.

¹⁴⁰ 19–22 июля 1971 г. группа левонастроенных офицеров предприняла попытку государственного переворота. За неудавшимся переворотом последовала кампания репрессий против левых сил Судана и начался процесс политической переориентации.

мунистов, как это делали Несер или Гитлер, ведь мы дружим с арабской нацией. Мудаки!

1 августа 1971 г., воскресенье.

Дима с Женькой Смагиной смотрели два фильма – один английский, «Мэлоди»¹⁴¹, другой – французский, *Valpouiso*. Сказали мне, чтобы я не жалела, так как не много потеряла. Вообще на этом фестивале очень много фильмов с обнаженными, с сексуальными извращениями и, главное, с протестами. Советским гражданам такие фильмы смотреть вредно, чего доброго, тоже начнут протестовать.

Кстати, о протестах. Булат рассказал вчера историю своего старшего сына – советского хиппи. Его зовут Игорь¹⁴², школу он не кончил, хотя учился в десятом классе¹⁴³. Этих хиппи в Москве около ста человек. К ним подослали провокатора, одного студента, который уговорил их устроить демонстрацию перед американским посольством против войны во Вьетнаме. Все эти дети-хиппи собрались в каком-то скверике с лозунгами, а самый большой лозунг гласил: «Советское правительство, не вмешивайтесь в дела Вьетнама!» Всех их благополучно окружили милицейские фургоны и потом арестовали на 15 суток. Игорь тоже был там. Булата по этому поводу вызвали в райком и сказали: как же так, что его сын и т. д. Булат обещал принять меры. Игоря этого выпустили¹⁴⁴, а остальные сидят, то ли уже отсидели 15 суток.

К двум часам приехал наш Мишка, не хиппи. До этого мы говорили с ним по телефону, где он мне чрезвычайно громко рассказал о том, что мама хочет, чтобы Миша вынес мусорное ведро, но он этого делать не желает, хотя ему и не трудно ведро вынести, но так как всегда это ведро выносил Слепышев, а не он, он не собирается облегчать жизнь Слепышеву. Я очень настойчиво попросила его вынести это шивовое ведро и не скандалить из-за дерьма, портить нервы себе и другим. Мишка меня послушал, но, приехав, заявил, что наша политика умиротворения ему не подходит. Я же была рада, что он это ведро чертово все-таки вынес.

Мишка возился с пластинками, сам поел, разобрался в шкафу, в холодильнике, всё за собой убрал и даже согласился прочесть книгу Ионеско *La cantatrice chauve*¹⁴⁵, несмотря на то, что она по-французски, и придется ему себя утруж-

¹⁴¹ «Мэлоди» (*Melody*), мелодрама, реж. Уорис Хуссейн (Waris Hussein), 1971 г.

¹⁴² Окуджава Игорь Булатович (1954–1997) – сын Б.Ш. Окуджавы от первого брака с Г.В. Смольяниновой.

¹⁴³ «Старший сын Окуджавы Игорь рос мальчиком добрым, мягким, обаятельным, безвольным, разнообразно одаренным, но не чувствующим особенного влечения ни к одному занятию. Он сменил впоследствии множество профессий, от музыканта до мясника, большую часть жизни страдал от алкогольной, а потом и от наркотической зависимости, в молодости хипповал, отслужил в армии, неудачно женился, побывал под судом, чудом спасся от тюрьмы, болел, бедствовал, перенес тяжелую операцию, лишился ноги и умер 11 января 1997 года, почти сразу после своего сорок третьего дня рождения. Отец пережил его на полгода» (*Быков Д.Л.* Булат Окуджава. – М., 2009).

¹⁴⁴ В 1971 г. Игорю Окуджаве не исполнилось еще 18 лет, поэтому он не мог быть осужден к административному аресту на 15 суток.

¹⁴⁵ «Лысяя певича» – первая пьеса Эжена Ионеско, премьера которой состоялась в Париже 11 мая 1950 г.

дать. Согласился же он потому, что это совершенно роскошно изданная книга, подарочное издание с отличными графическими фотографиями и невероятными шрифтами. И пластинку Булата Окуджавы тоже взял. После вчерашнего знакомства заинтересовался.

Пока Мишка занимался всеми этими делами, пришли ко мне Юрочка Геннис и Ленка Гамазина. Я с ними отлично позанималась французским. Юрочка знает блестяще, Ленка похуже, особенно грамматику. Завтра же им нужно получить только «пять». Если «четыре», тоже ничего. Завтра очень много моих ребят сдают первый экзамен.

Когда были ребята, Мишка почувствовал себя менее уютно. Он очень любит, чтобы были мы и он. Тогда ему хорошо. В мастерскую с нами не поехал, а поехал домой, потому что с мамой идет в кино смотреть Куросаву¹⁴⁶.

Юрочка очень повзрослел. Ленка, как и была, хорошенькая, нервная. Поехала домой доучивать грамматику, а мы с Юрой заехали к нам в подвал, где Дима с Женькой рассказали нам фильмы. Женька завтра пишет сочинение. Что-то эти трое моих учеников совсем не исполнены подготовкой к экзаменам, во всяком случае – на вид. Вовка Воловников очень боится. У него на истфаке МГПИ восемь человек на место. Его спасет только то, что он мальчик, потому что там кругом одни девочки, и еще, если он сдаст историю на «пять». У него экзамен послезавтра.

Домой вернулись необычно рано для нас. Абрам Яковлевич был очень доволен, даже попросил меня, чтобы я не употребляла слово «вшивый». Я пообещала постараться, хотя сказала, что для меня это почти невозможно. Я это слово люблю, потому что оно для меня звучит очень сильно для определения чего-либо крайне отрицательного.

Что-то последнее время Юра Левитанский звонит почти ежедневно и разговаривает с Димой как-то умиленно. С чего это он? Может быть, потому что Дима сразу же сказал, что сможет одолжить ему сто пятьдесят рублей, когда он будет у всех одалживать на кооператив для своих родителей. Дима ему и больше бы одолжил, если бы родственники Андреева Сергея с ним расплатились.

2 августа 1971 г., понедельник.

Юра Геннис получил пять, Ленка четыре из-за грамматики, невероятно расстроилась, Маша Балабашкина – пять, Лена Кислова – пять. Про остальных не знаю. Женька Смагина писала сочинение на тему «Значение художественной детали в рассказе Чехова “Ионыч”». Я бы никогда не смогла написать сочинение на такую тему, а Женька Смагина, я глубоко уверена, написала блестяще.

Договорились увидеться с нашим дитем в шесть вечера в мастерской, но он не выдержал и примчался к нам домой раньше. Порхал по всей квартире без башмаков, потому что они ему жали, бегал по лоджиям, ел пельмени,пил сок и вообще был счастлив. Потом поехали мы втроем на парходике от Киевской до Парка культуры, по дороге всё беседовали, внушали ему, чтобы он смирял свой воинственный пыл по отношению к малейшим отрицательным явлениям вокруг

¹⁴⁶ На кинофестивале был показан фильм А. Куросавы «Под стук трамвайных колес» (1970).

себя. Сегодня он уже принес рисунки значительно лучше, чем раньше. Он уже что-то постиг. Цвет он тоже явно неплохо чувствует. Может быть, у него и есть способности, которые даже в итоге разовьются?

После парохода Мишка ужасно хотел зайти к нам в мастерскую, начал капризничать, говорить, что он как вещь, которую в любой момент можно отправить домой и т. д. Сам же устал, зевал и все-таки мы проводили его до самого метро, дав две трехкопеечные монетки, потому что он умирал от жажды и говорил, что ему необходимо спуститься к нам в подвал попить соку. Дима ему сказал, что весь сок вчера Женя Смагина выпила. Поладили на газированной воде из автоматов в метро.

Когда Мишка ругает Слепышева, он говорит: «Да, я мелочный».

В мастерской всё было по-старому. Звонила Алла Зайцева, которая сегодня в Доме кино видела Лемпорта и беседовала с ним. Беседа весьма любопытна. «Почему ты, Аллочка, так ко мне относишься? Вчера сказала Бураковскому, что тебе “противно подходить к этому типу...” Некоторые люди распускают слухи, что мы уже пятнадцать лет служим в КГБ. А раз мы посадили человека, так мы на что угодно готовы. Так вот, знай, мы нигде не служим. Посадили мы его только потому, что он нас самих чуть не посадил за то, что мы даем взятки. Хотели нам дать десять лет. И только когда мы признались, что даем взятки, тогда нас оставили в покое, и мы вынуждены были его посадить. У нас было безвыходное положение. Ты же сама знаешь, что творится в советском искусстве. Чтобы как-то жить, мы вынуждены были давать взятки. Мы и сейчас не жалеем, что его посадили. Вот Дима о нас плохо говорит, а мы о нем ничего не говорим, потому что всякий умный поймет – если я говорю о ком-то плохо, то я и сам не лучше. Знаешь, кто мне тогда сказал про твои слова? Валька Колотушка (Колодко)». Тут Алла встряла в его монологи и сообщила, что Колодко говорит везде, что Лемпорт в полном маразме. «Ну что с нее взять? – продолжал Лемпорт. – Ты не обижайся, что я тебе тогда позвонил, это я сгоряча. Никаких денег мне от тебя не надо, я бы их от тебя не взял. А ты знаешь, что Дима очень серьезно болен? Он шизофреник! Наше с Колей существование не дает ему житья».

Алка говорит, что всё время молчала и слушала. Лемпорт кончил беседу, пригласив ее к ним в мастерскую. Эта его оправдательная речь сама по себе чрезвычайно важна и в комментариях не нуждается. Всё было сказано на Диму. Дима, действительно, прореагировал следующими словами: «Какое счастье, что я уже столько лет не вижу и никак не завишу от этого человека¹⁴⁷. А если бы ты сдуру дала ему требуемые деньги, он бы их подобрал, так же как он подобрал их, когда я их ему швырнул». Перед своим монологом перед Алкой Лемпорт беседовал с рядом сидящей Галей Евтушенко¹⁴⁸. Усиленно приглашал ее заходить посмотреть их новые работы, которых полным-полно, новое помещение¹⁴⁹, где

¹⁴⁷ В.А. Сидур, Н.А. Силис и В.С. Лемпорт работали вместе с 1954 г., заключив так называемый *тройственный союз*, в 1956 г. они получили мастерскую в подвале дома № 19 по ул. Чудовка (с 1957 г. Комсомольский проспект, № 5) и делили ее до лета 1968 г.

¹⁴⁸ Вторая жена Е.А. Евтушенко Галина Сокол-Луконина, состояла в браке в 1961–1978 гг.

¹⁴⁹ Подвальное помещение в доме по ул. Олега Дундича, в котором Н.А. Силис работает до сих пор.

даже можно посмотреть без них, так как они уезжают выполнять какой-то заказ, но в мастерской всегда находится Лева Соколов, который всё покажет. Лемпорт говорил чрезвычайно громко, чтобы Алка всё это слышала. Когда же подошел сам Евтушенко, он спросил: «Вам можно сейчас заказать какую-нибудь штучку?» Лемпорт сказал, что разумеется. А уж после всего это Лемпорт подсел к Алке.

Да, всё меняется. Раньше я Лемпорта ненавидела, теперь глубоко презираю, но не могу найти в себе ни капли жалости к нему. Это нехорошо. Даже такую мразь как он нужно научиться жалеть, ибо «для жалости нет границ», как сказал Рудольф Штайнер.

Мишка весь расцветает и удивительно хорошеет под нашими влюбленными взглядами. Спорит чего-то беспрерывно, а сам слушает внимательно и мотает на ус. Голос у него делается все толще и скоро начнет басить. <...> Готфрид и Мария <Бютнер> сказали про него: «Very nice boy!» Иногда он очень смешной. Свои жуткие, как китайские, широченные и длиннющие синие штаны подтягивает чуть ли не к самому подбородку.

Никак не могу забыть Надежду Яковлевну Мандельштам – ее острые умнейшие глазки, разговор с одышкой, желтое платье-халат, редкие косички на затылке, плохие, но свои зубы, которыми она ела соленые орешки. И судьбу ее страшную, невероятно тяжелую, но тем не менее сохранившую ее, для того, чтобы она поведала нам правду. Каждая эпоха таких людей оставляет, даже когда кажется тиранам, что всех их уничтожили.

3 августа 1971 г., вторник.

Дима чувствовал себя сегодня совершенно ужасно. В мастерскую не ходил и всё больше лежал.

Мишка приехал к нам несколько перепуганный после разговора с мамой о его отце. Мать, конечно, всё ему наврала, сказала, что его отец умер и после него осталась вдовой. Дальше мать прекратила разговор об отце и начала Мишку запугивать нами, точнее – мной, сказав, что я человек «хороший, но опасный» и вообще, что мы люди, скептически относящиеся к советской власти, и если что случится, хоть я и не поняла что, то мы с Димой обязательно выкрутимся, а его, Мишку, упекут на 25 лет, и тому подобный бред. Опять же мама его сказала, что она недовольна, что Мишка едет с нами в Алабино, что мы должны были бы им позвонить и спросить разрешения. Здесь она, пожалуй, права. Дима позвонит его бабушке, хотя Мишка отчаянно сопротивляется. <...> И опять мы сказали Мишке, чтобы он несмотря ни на что любил свою мать, потому что она его мать.

Целый день успокоившийся и счастливый ребенок бегал по всей нашей квартире, хватался за все ручки, включал и выключал все выключатели, нажимал на любую подвернувшуюся кнопку. Сломал сидение у нашего единственного нового стула, тут немножко смутился и извинился. Мы его мягко останавливали, а он говорил, что ничего не может с собой поделать. Дите наше – типичный неврастеник. Всё это у него пройдет – и упрямство, и эта запоздалая инфантильность. Он избавился от от страданий и кинулся в другую крайность – в наслажденчество. Он ест с невероятным аппетитом. Но самое тяжелое начинается к вечеру, ко-

гда ему нужно уходить домой. Это совершенно невыносимо, выпроводить его почти невозможно, он начинает тянуть с едой нарочно, только чтобы протянуть лишние пятнадцать минут. Всё время говорит, что ему плевать на семью, что он должен быть независимым, что раньше они плевали на него, а теперь ему плевать на них. Но мы тоже люди упрямые и упорно ему внушаем, что он живет в семье и обязан с ней считаться. Во-вторых, своим поведением он не должен подводить нас. С ним трудно, но любовь наша к нему от трудностей не уменьшается.

Молодчина мой выпускник Вовка Воловников – сдал главный свой предмет сегодня – историю – на пять. Теперь почти точно он попадет. На переводческий факультет в Иняз сдали французский Витя Жуков на пять, Саша Фролов на четыре. Всё так и должно было быть.

4 августа 1971 г., среда.

Нашего Мишеля сейчас очень сильно занимает новая забота – имеется или не имеется какое-либо завещание, по которому его дедушка¹⁵⁰ завещал ему всю свою коллекцию картин и других ценных вещей. Больше всего его это занимает, поскольку дома из всех сил ведётся распродажа. Уже проданы Головин и Жуковский¹⁵¹. Мишка ужасно это переживает. <...> А бабушка этому не только не препятствует, но и поощряет. Слухи о подобном завещании уже ходили, но Мишке бабушка и старый дедушкин друг Николай Николаевич упорно говорят, что никакого подобного завещания нет, а все вещи – бабушкины. Даже если подобное завещание существует, то всё равно Мишка будет, очевидно, иметь на него право только по достижении совершеннолетия, то есть через два года. Обсуждали <эти> новые Мишкины неприятности в нашем подвале, пили сок. Мишка выпил немного, видно, мысль о том, что его богатством распоряжаются без его ведома, мешает ему даже сок пить.

Меня он чрезвычайно порадовал. Написал мне в подарок хвалебную рецензию на мою старую-престарую повесть «Я – классный руководитель». Мне ужасно приятно, что ему понравилось. Рецензия совершенно прекрасная.

Потом заехали к нам Готфрид и Мария. Доехали вместе с Мишкой на их Мерседесе до нашего дома. Мишка сидел впереди, смотрел, как у машины открывается крыша и вообще невероятно радовался. Он ушел затем домой, потому что мы рассудили, что так будет лучше.

Готфриду и Марии квартира наша понравилась. Они первый раз видят в СССР более-менее приличную квартиру. Я ее с самого утра всю отмывала и пылесосила.

¹⁵⁰ Шунков Виктор Иванович (1900–1967) – историк, профессор, член-кор. АН СССР (1962), в 1949–1967 гг. директор Фундаментальной библиотеки общественных наук им. В.П. Волгина АН СССР (ФБОН), одновременно в 1959–1967 гг. заместитель академика-секретаря Отделения истории АН СССР, основные труды по истории Сибири XVI–XVII вв.

¹⁵¹ Коллекция В.И. Шункова включала предметы антиквариата, книги, а также, главным образом, картины известных русских художников XVIII–XX вв., среди которых, помимо упомянутых А.А. Головина и С.Ю. Жуковского, например: Ф.С. Рокотова, К.Е. Маковского, художников объединения «Мир искусства» и др.

Посмотрели все рисунки, им всё очень понравилось и они сказали, что если бы наш семейный портрет выставился на *Dokumenta*, он имел бы большой успех. Но тут Дима сказал, что это невозможно. С этой вещью он расстаться не сможет никогда.

Пришел Эдик, долго говорил с Готфридом про аппарат, кажется, убедился, что этот аппарат очень хороший.

Абрам Яковлевич чувствовал себя с ними неплохо.

5 августа 1971 г., четверг.

Ездили в Мытищи со стариком Андреевым и его другом, смешным уродливым старичком. Оба они – пара трагикомичная, чем-то их жалко, а чем-то они очень раздражают. В Мытищах выбрали дурацкий здоровый камень, около трехсот рублей. Потом заехали в Пушкино, где могила. Могила в очень красивом интимном месте. Эту дурацкую плиту с золотом туда поставили совсем ни к чему. Вечером Дима позвонил, сказал, что отказывается от этой плиты и будет ставить скульптуру в цветах, как и договаривались первоначально, а рядом мраморную доску с надписью. Старик сейчас уже согласен на всё. Но вдруг может снова начать выбрыкивать. Его лихорадит и потому мы не могли спокойно подумать. Так и пришлось покупать этот камень, но поскольку у его соседа там знакомство, можно вроде бы взять деньги обратно.

С Мишкой мы сегодня не виделись. Вернулись полумёртвые на тархтящем такси. Через некоторое время пришли Вим с Генриеттой и двое молодых супругов-американцев, довольно приятных. Парень говорит по-русски, а девушка, хоть и русского происхождения, по-русски не говорит. Готфрид с Марией не приехали, Готфрид неважно себя чувствует. Вим забрал приготовленные для них двадцать девять рисунков, которые мы с Димушкой с невероятными трудностями упаковали, чтобы весь рулон не превышал в диаметре 9 см. Нам удалось, слава богу, но шесть монотипий (одну черно-белую) пришлось выложить обратно. Вим хотел купить «Памятник Треблинке» или «Заговор», но Дима сказал, что эти вещи он продать не может, а даст ему бесплатно три металлические скульптуры из серии «Женское начало», лишь бы он сумел их провезти. Потом Вим говорил, как у нас тяжело жить. Особенно невозможно зайти в магазин – это что-то страшное. Когда они ехали в Суздаль, их останавливали одиннадцать раз, спрашивали документы. Но тем не менее он говорил, что несмотря на жуткое напряжение, в каком он здесь находится, он бы хотел приехать еще из-за людей как мы. Но что его ужасно здесь у нас подавило – это то, что к нему беспрерывно подходят какие-то молодые люди, которые просят у него продать с себя шмотки и предлагают за это цену в пять раз большую, чем они стоят. Он говорит, что его это ужасно угнетает, что у нас есть так много людей с убитым человеческим достоинством. В пример он привел Мексику, где народ очень бедный, но гордый и на такое никогда пойдёт. Я сказала, что в Мексике, очевидно, люди бедные и не могут себе купить то, что им хочется, именно из бедности, а у нас готовы платить деньги, но не за что, а иметь хочется, оттого и теряют свое достоинство. Вим же считает, что у нас это из-за системы, которая убивала, убивала человеческое достоинство и наконец убила. Я же уверена, что все-таки в очень многих – не убила.

Потом мы их кормили, поили и они были довольны. Почему всем так нравится в нашем подвале?

Валька даже говорила по-английски, не боялась. Димка мой великолепно трепался на своем пиджин-инглиш¹⁵², ухитряясь даже еще всех веселить.

6 августа 1971 г., пятница.

Ленка и Юра писали сегодня сочинение. Звонил Вовка Воловников, сообщил некоторые сведения. Руднев Юра сдал французский на пять, Женя Андреев, самый нерадивый ученик моего класса, еле-еле кончивший школу, сдал французский на четыре, Надя Качурьян в МГПИ им. Ленина – тоже на пять, Вера Владимировна, туда же – на четыре, Славка Новожилов сдал физику в МАТИ на четыре. Про остальных пока не знаю. Огорчает Вовка Лавров, сдал французский на три. Неглупый парень, правда, очень большой лентяй, но почему-то очень плохо сдает. В школе сдал слабо, в МИМО получил одни тройки и не попал. Сейчас по основному предмету в Валютно-финансовом институте, куда они поступают вместе с Андреевым, тоже получил тройку. Начинают мои ребятки в большинстве неплохо, посмотрим, что получится в итоге.

Провели весь день с Мишкой. Он упивался соком, мыл бутылки вместе со мной, готовил их для сдачи, а на полученные деньги купит что-нибудь себе. Купил двух хомячков, корму для птиц, и сообщил, что в зоомагазине появился попугай Ара, который стоит двести рублей. Мишка собрал весь зацветший в подвале хлеб, раскрошил его и отдал голубям и воробьям во дворе.

Нам надоело сидеть в подвале и мы переехали на теплоходе в парк. В парке было довольно много людей. Но мы пошли в нашу забегаловку под названием «Встреча». Там жутко грязно, рядом многие распивают за соседними столиками вино-водочные изделия и шумят сиплыми голосами. Но тут же прудик с лебедями и утками. К тому же съели по очень вкусному цыпленку табака, который оказался Диме не по зубам, а только нам с Мишкой. Затем Мишка стал канючить, что не хочет домой и предложил доехать на пароходике до Киевской. Мы с Димой согласились, хотя уже было девять вечера. Проехались невероятно sympathично, спокойно и приятно. Ребенок наш тоже избавился от своего постоянного возбуждения и начал зевать, хотя упорно повторял, что домой не хочет.

Из дома позвонил, что благополучно добрался и пересказал следующий диалог с мамой, за который я его решительно осудила как несправедливый, фрондерский и мелочный.

Мать: «Хочешь кушать?»

Миша: «Нет, меня прекрасно угостили. Купили десять бутылок соку по 70 копеек – десять бутылок овощного соку! И цыпленка табака ели.

Мать: «Конечно, они богатые».

Миша: «Они много трудятся, много работают и потому могут себе это позволить».

Последние слова Мишка говорил так громко, чтобы Слепышев его слышал. Дурачок инфантильный, не может понять, что такими разговорами вызывает к нам еще большую неприязнь, если не сказать – ненависть.

¹⁵² *Pidgin English* – туземно-английский.

Ненадолго заходили Вим с Генриеттой. Забрали три металлические скульптурки, как они их довезут?¹⁵³

Позвонила Мария, чтобы завтра мы не покупали никакой еды. Они со своей к нам приедут. Это будет что-то вроде прощания – девятого они уезжают.

«Голос Америки» передал, что Сахаров и Чалидзе¹⁵⁴ снова вступились за одного несправедливо осужденного еврея¹⁵⁵. Перед этими людьми преклоняюсь.

7 августа 1971 г., суббота.

Наконец распрощались сегодня с Готфридом, Марией и Андреасом. Они люди хорошие, но мы устали. Завтра еще раз пообщаемся с Wimom и его семейством.

Они нас кормили своей едой, которую привезли с собой. Еда хорошая, сплошные овощи: помидоры, огурцы, горошек, морковка, яйца под майонезом, пудинг, кажется, из перловки со смородиновым вареньем, какой-то странный сироп из бузины, лимонной и апельсиновый сок. Всё отлично, но мне бы каждый день так питаться не хотелось.

Марина Гореликова пришла со своим знакомым датчанином Келем¹⁵⁶, который сейчас у нее в семинаре. Невероятно интересный рыжебородый парень. Он, оказывается, сделал в Орхусе в Дании в консерватории что-то вроде Диминой выставочки из вещей, хоть и подлинных, но все-таки второсортных, монотипий. Там они отпечатали даже что-то вроде каталога, но этот Кель побоялся, чудак, с собой привезти. Должен был привезти, не понимает, как для нас это важно. Обещает прислать.

Эдик с Валькой тоже были. Два раза пили чай. Сначала все иностранцы удивились, увидев, как я кладу в чай смородиновое варенье, потом сделали то же самое и были довольны. Конечно, Готфрид и Мария стали обладателями бесценных Диминых вещей – подлинных рисунков, которые Дима никогда уже не повторит. Но ничего, у него другие есть. Всё это в общем-то задаром, но ведь мы друзья. К тому же они, может быть, помогут Эдику с хорошим фотоаппаратом, а Димке подарят приемник с короткими волнами и большой растяжкой, чтобы мы были в курсе мировых событий.

¹⁵³ В тетради Юлии рисуночек этих скульптур с подписью: ««Женщина», «Женское начало», «Мать с двумя детьми» у Wim Riedijk».

¹⁵⁴ Чалидзе Валерий Николаевич (р. 1938) – физик, публицист, диссидент, редактор и автор самиздатского журнала «Общественные проблемы». В 1970 г. основатель вместе с А.Д. Сахаровым и А.Н. Твердохлебовым Комитета прав человека в СССР. В 1972 г. выехал по приглашению в США для чтения лекций, через короткое время лишен советского гражданства (возвращено в 1990 г.). Автор историко-публицистического исследования «Уголовная Россия» (Нью-Йорк. Хроника-Пресс. 1977; в СССР – в 1990).

¹⁵⁵ Имеется в виду Анатолий Эммануилович Левитин-Краснов (1915–1991) – христианский философ, писатель, диссидент, автор самиздата, неоднократно подвергавшийся арестам еще с 1930-х гг. В мае 1971 г. был осужден на три года лагерей. А.Д. Сахаров присутствовал на этом суде, 6 августа 1971 г. он совместно с правозащитниками В.Н. Чалидзе, А.Н. Твердохлебовым, И.Р. Шафаревичем и А.С. Вольпиным послал обращение в Верховный Совет СССР с просьбой о помиловании А.Э. Левитина-Краснова. В 1974 г. выслан из СССР.

¹⁵⁶ Йенсен Кьёльд Бьёрнагер (Jensen Kjeld Bjørnager, р. 1947) – сотрудник института славистики университета Орхуса, исследователь футуризма.

Пока что у нас не было ощущения, что за нами смотрят. Никаких следов, никаких стукачей. Как обычно, на лестнице в уголке большая куча дерьма, то ли от двуногого животного, то ли от четвероногого.

Ребенок наш замечательный. Как трогательно сказала Валька, очень похож на олененочка. Ужасно хороший ребенок, мы с Димой чуть не плачем, на него гляючи. Одно только невыносимо у него с Димой – это патологическая страсть к помойкам и железным свалкам. Сегодня они приволокли какие-то ржавые железяки с соседней стройки, потом мы никак не могли выйти из нашего двора, потому что у нас тоже есть вонючая свалка, куда они с Димой влезли и как безумные начали в ней ковыряться, несмотря на мои причитания. Набрали целый ящик какого-то грязного барахла и потом Мишка еле-еле оттащил это ящик к нам в квартиру на лоджию. Ему было жутко тяжело, и Абрам Яковлевич потом сделал нам за это выговор.

Обратно Мишка бежал нам навстречу как в каком-то фильме, это было нестерпимо трогательно.

Юрочка Геннис звонил огорченный – обнаружил в своем сочинении дурацкую ошибку. Написал слово «программный» с одним «м». Я его уже успокаивала как могла. Лишь бы двойку ему не поставили, а с тройкой у него еще есть шансы. А вдруг четверку поставят?

Сообщил, что еще один мальчик из нашего класса, Валера Сокулев, вроде бы сдал математику на четыре, но повздорил с отцом и не ночевал дома. Родители какие-то кретины – мучают детей во время экзаменов. Игорь Берлянт сдал математику на три, Оля Пичугина, Наташа Бордюкова сдали французский на пять, из параллельного класса Оля Слуцкая и Алла Свириновская – тоже на пять. На переводческий факультет из параллельного класса Костя Макеев на пять, Алик Логинов тоже на пять. Пока что я могу гордиться моими ребятами. Господи, хоть бы они всё сдали и попали.

8 августа 1971 г., воскресенье.

Шизофреничек наш родной детеныш пугает нас очень сильно. Рассказывал, как вчера вечером не мог заснуть и всё думал о самоубийстве. Казалось бы, уж до того вчера был приятный день, вернее полдня, а все-таки это нападает на него приступами. Просто жуть какая-то. И всё теоретизирует и теоретизирует и задает один и тот же талмудистский вопрос: «А зачем?» Мы его всё успокаивали, уговаривали, убеждали, объяснялись ему в любви и, кажется, ему это было приятно.

Катались на пароходе до Киевской, и он всё время повторял: «Не хочу домой». Когда приехал, опять позвонил и сказал, что вот мы же расстались с Киселевым и ничего. Дима ему полчаса объяснял, что он нам родной, как сын, а Киселев всегда был чужим и им останется¹⁵⁷.

Мы с Димой решили сейчас его забрать поскорее в Алабино, чтобы он там отдохнул, а потом показать его Грише Авруцкому. Может быть, ему надо по-

¹⁵⁷ С самого начала своего знакомства с В. Сидуром Олег Киселев называл его своим отцом, что позже невероятно злило Мишу и потом привело к разрыву отношений (а через него Вадима и Юлии) с Олегом.

пить какие-нибудь лекарства. В итоге он пообещал, что если эти мысли на него будут находить, он изо всех сил постарается им не поддаваться. Возможно, что сейчас на него напали еще какие-либо эротические муки и он от этого страдает. Правда, несмотря на все мучения, он приволок с великим трудом бачок от унитаза и сказал, что Слепышев пытался по этому поводу острить на тему об абстрактных скульптурах. Мишка считает, что сейчас Слепышев его чем-то боится.

Приходило сегодня семейство Вима попрощаться, с двумя голландцами из посольства. Вим в шортах – Мишке было смешно. Генриетта, облепленная детьми. Слава богу, отхлынули иностранцы – надоели немного.

Завтра мои ребята сдают следующий экзамен, кто что. Завтра хотим съездить с Мишкой в Бабушкино, накрыть модель «Памятника матери»¹⁵⁸. Работягам всем наплевать, они ушли себе в отпуск. Виталий забрал деньги и не появляется. Модель же, скорее всего, стоит там непокрытая, все на нее глазают и могут покоробить.

9 августа 1971 г., понедельник.

Ребята мои сдают экзамены завтра, а не сегодня. Сегодня писал сочинение Володя Воловников и очень недоволен своим сочинением, потому что, во-первых, не успел переписать на чистовик и, во-вторых, написал «Сабакевич» – через «а».

Мишка принес нам целую пачку листков со своими записанными бредами, когда на него нападает то, что он называет «мерзкое вечернее настроение». Записки действительно сумасшедшие, но несколько литературные. Это немножко утешает. Дима позвонил сегодня бабушке и попросил разрешение взять Мишку в Алабино. Бабушка согласилась совершенно спокойно. Но через некоторое время позвонила его мама и сказала Диме, что она не может разрешить Мишке ехать с нами, потому что она недовольна, так как нас не знает, кто мы такие не знает, дома у нас не была, в мастерской не была и на даче у нас тоже не была. Дима сказал, что сейчас уже как-то нет времени ее знакомить с нашим бытом. Я же думаю, что у нее было целых семь лет познакомиться, например, со мной, когда я ее так усиленно и безуспешно приглашала, а когда отчаялась, то пришла к ним домой, но ничего хорошего из этого не вышло.

Мишка звонил Николаю Николаевичу, спрашивал о своем отце. Тот сказал, что ничего не знает. А что еще он мог сказать? Может быть, действительно, кроме его матери никто ничего не знает.

Приходили снова голландцы с пожилой дамой, очень симпатичной. Она является заместителем директора крупнейшего музея Ван Гога в Амстердаме, очень понимающая старушка. Дима подарил ей три гравюры.

Только мы собрались уходить, появились еще двое супругов, англичане от Майка. Чем-то похожи на наших. Он архитектор, она типичная жена. Дима разболтался по-английски отлично. Но устали мы безумно.

За дитя наше страшно. Господи! Господи!

¹⁵⁸ Памятник родителям установлен на кладбище в Переделкино в 1980 г., гранит, высота 226 см. Под этим памятником покоятся Абрам Яковлевич и Зинаида Ивановна Сидур, Вадим и Юлия.

10 августа 1971 г., вторник.

Мишка приехал с опозданием. Мы уже начали волноваться и обдумывать, как поступать дальше, но тут он появился, сообщив, что дома был скандал, несмотря на вчерашнее согласие.

Собирались безумно долго. Навьючились как ишаки, и в шесть часов вечера прибыли. Мишка осматривался, обнюхивался, но, кажется, привык. Местный, Мишель Дебре, очень здорово покрыл веранду шифером. Теперь туда не протечет. Мы веранду вымыли, но потом Мишка вдруг сказал, что там ему как-то одиноко, и устроился в комнате, где угнездилась моя мама. Теперь даже и не знаем, как быть, когда она придет.

Вроде бы ребенок пока доволен. А как дальше будет, поглядим. Ребенок, конечно, чокнутый, но совершенно прекрасный.

11 августа 1971 г., среда.

Опять день прошел замечательно. Полдня я что-то варила, потом ходили гулять, играли с Мишкой в бадминтон и в карты. До обеда он ходил с Димой и с Абрамом Яковлевичем на почту, оттуда позвонил домой. Мама приглашала его в Москву. Малый неугомонный. Быстро устает, но тут же возбуждается и всё время требует какой-нибудь деятельности. Ходили по свалкам, но ничего хорошего не нашли. Домой пока не просится, только хочет съездить за микроскопом. Мы его отговариваем. Хотим прожить здесь как можно дольше без перерыва.

16 августа 1971 г., понедельник.

Живем безвыездно уже шестой день. Бог нас любит и дал хорошую погоду. Каждый день я собираю прекрасные желтые сливы. Затеяли генеральную уборку. Я вымыла все полы. Все помогали. Мишка больше мешал, чем помогал. Выбрыкивает он с нами, как будто ему не шестнадцать лет, а шесть. Наверно, дома он ничего этого не имел, оттого и такая инфантильность. С утра поднимали его в течение часа со всякими играми. Он был счастлив совершенно невероятно.

Дима чувствует себя неважно, но радуется, что есть Мишка. Абрам Яковлевич любит порядок, который наш пацан часто нарушает, но привык, говорит ему «ты» и любит его так же, как мы.

Волнуемся за Александра Исаевича. Какой он все-таки молодчина! Дима хитрил, услышать главы из романа «Август Четырнадцатого». Ему понравилось.

Как там мои ребятки в Москве, попали они в институт или нет?

Ленка, бедняга, наверно, не поступила. Конечно, ей в армию не идти. Как там Юрочка, Вовка, Женя? Как остальные мои детки?

Мишка начал уже обыгрывать меня в дурака значительно чаще. Скоро нам с ним в школу.

17 августа 1971 г., вторник.

Кончается наше счастливое пребывание. Послезавтра отчаливаем в столицу нашей родины. Ребенок объелся. Вчера тоже объелся. Сообщил: «Я ужасный обжора». Такому длинному иначе нельзя пока он растет. По дому своему не скучает, домой не хочет.

Юлия и Вадим в Алабино (1970-е гг.). Фото: Георгий Геннис

Дима себя сегодня опять очень паршиво чувствовал.

Тяжело Мишку отправлять спать и утром поднимать. Всё время балуется, но на мордочку отошел, успокоился и растёт не по дням, а по часам.

Всё очень у нас тут прекрасно, а у Александра Исаевича, наверно, настроение очень и очень паршивое¹⁵⁹. Теперь у него тоже сын, да еще младенчик.

18 августа 1971 г., среда.

Неожиданно появилась моя мама с докторской колбасой и сладким творогом, а мы завтра уезжаем.

Вчера, оказывается, в Москве был ливень, а здесь слегка побрызгало. Дима и Абрам Яковлевич плохо себя чувствовали. У Мишки с каждым днем взрослеет физиономия, поступки же младенческие. Звонит целый день как звоночек.

19 августа 1971 г., четверг.

Вернулись. Из-за мамы переселили Мишку на веранду, и он там разоспался до двух часов дня. Дима очень плохо себя чувствовал, к тому же моя мама всегда сильно его раздражает, плюс озабоченность всякой с отъездом и беспокойство за мастерскую – всё это привело его в крайне мрачное и суровое настроение. То, что мы все что-то колготились и собирались, а Мишка в это время валялся, нам сильно не понравилось. Мы с Димой ушли в лес, где долго размышляли о том, что мальчик очень хочет сесть нам на шею, но у него это не выйдет, а потому возможны осложнения. Парень как будто это почувствовал, когда мы вернулись. Мы не сказали ему ни слова и всё было как всегда, но не совсем. Никаких тлю-лю. Он моментально среагировал: во-первых, очень аккуратно сложил свою постель и снял занавески, которые тоже сложил, во-вторых, впал в сильно минорное настроение и заявил, что он устал. Несмотря на усталость, принимал довольно активное участие в дальнейших сборах и нисколько не потерял аппетита. К сожалению, в нем есть очень сильный элемент занудства, что утомительно и скучно. Есть и ехидство. Но пока очень мало творчества и тяги к творчеству.

Привез с собой найденный на чердаке совершенно ужасный допотопный радиоприемник, к которому он надеется прикрутить лампу и тот заработает. Дима говорит, что это совершенно невозможно, никогда Дима не закинул бы на чердак приемник мало-мальски пригодный для употребления. Может быть, Мишка его наладит, но мы думаем, что нет. Он ничего не может более или менее прилично сделать до конца своими руками. Сейчас он на это не способен. Я удивляюсь, что он выпустил-таки журнал «Кашалот»¹⁶⁰. Помогать Диме ему не хочется. Он даже, наоборот, старается его отвлечь от работы и безуспешно. Дима так устал, что был рад.

Зато, что Мишка делает с удовольствием – это нарезал салаты и ходил со мной в магазин, а также играл в бадминтон неумело и шумно, и в дурака мы с ним резались до потери сознания. Обоим нам эта игра осточертела и я подарила карты маме.

¹⁵⁹ См. записи от 20 августа 1971 г.

¹⁶⁰ «Кашалот» – школьный рукописный журнал, сделанный М. Шунковым под сильным влиянием Юлии.

Юлия в Алабино (1970-е гг.). Фото: Георгий Геннис

Юлия и Вадим в Алабино (1970-е гг.). Фото: Георгий Геннис

По приезду в Москву всё восстановилось, прошли эти неприятные минуты отчуждения, но мы с Димой твердо решили парня не портить, потакая, например, таким его очень дурным привычкам, как бросание личного полотенца на пол. Он пообещал нам этого больше не делать, хотя и не сразу, так как он привык и ему будет тяжело отвыкать. Мы согласились.

Из Алабина возвращались не менее нагруженные, чем туда. Мишка честно много нёс и даже помогал тащить сумку Абрама Яковлевича, который вообще еле доплелся сегодня.

Безусловно, появление моей мамы внесло некоторый диссонанс в нашу идиллию, это верно, потому что она – антимир. С мальчиком, при всех его недостатках, мы едины, а с мамой моей нет.

Дома Дима Мишку постриг. Он у нас вымылся и чистый как ангелочек поехал к себе домой с банкой прокрученной смородины для бабушки и с радиоприемником. И из дома сообщил по телефону, что всё в порядке, кроме хомячихи, которая беременна. Прическа, над которой Дима так трудился, бабушке не очень понравилась, у нее другой вкус.

Мы же, грязные и дошедшие, направились в мастерскую с «Распятием», «Христом» и другими железяками. Дима еле дотерпел, пока дошел своим медленным шагом, так как быстро идти не мог. В мастерской всё в полном и абсолютном порядке. Даже на лестнице сухо и совсем мало мусора.

Юлия и Вадим в Алабино (1970-е гг.). Фото: Георгий Геннис

Беседовали с Кларочкой по телефону. У нее много всяких новостей, одна из них про Левитанского. Небось, о его романе с Аркадием Васильевым.

Забегала Алка. Бледная, патлатая, хоть и элегантная, в белых брюках и белом пиджаке. Вид полнейшей доходяги.

Про своих ребят узнаю что-нибудь только завтра.

20 августа 1971 г., пятница.

Мылись, убрались слегка. Пришла Кларочка, сообщила кое-какие подробности об Александре Исаевиче. Он очень тяжело болен, температура 40° – воспаление лимфатических желез. Вся эта история с КГБ застала его в самый разгар болезни¹⁶¹. Сын его здоров.

¹⁶¹ Имеется в виду избивание сотрудниками КГБ на даче А.И. Солженицына в садовом поселке Рождество под Наро-Фоминском его друга, инженера, сослуживца тещи Александра Моисеевича Горлова, оказавшегося там случайно (заехал за деталью для автомобиля). На пустой даче сотрудники КГБ проводили обыск. Они избили А.М. Горлова и потребовали у него дальнейшего молчания насчет происшедшего. Однако Горлов поставил Солженицына в известность, а тот выступил с протестом, послав 13 августа 1971 г. открытое письмо Ю.В. Андропову и копию А.Н. Косыгину. Вскоре А.М. Горлов был уволен с работы, а потом эмигрировал из СССР. (См.: *Горлов А.М. Случай на даче*. Paris. YMCA-Press. 1977).

Юлия в Алабино. Слева Владимир Воловников (1970-е гг.). Фото: Георгий Геннис

Вадим Сидур и Юлия в Алабино. Фото: Георгий Геннис

Кларочка была со своей племянницей, десятилетней беленькой девочкой Олечкой. Тихий, спокойный, послушный ребенок, не то что наш бешеный парень Мишка, роднуля с прыщичками на носу. Пришел невероятно симпатичный, но несколько напряженный. Опять что-то крутился. Истратил свои последние пять рублей на никому не нужную антенну для телевизора.

Вместе с Кларочкой и Олей поехали к вечеру в Парк культуры на нашем парходике прямо от Киевской. В парке всякие зарубежные аттракционы и дикие очереди на каждый. Всё это ярко, празднично, с визгом и грохотом. Мишка, конечно, захотел, но стоять мы не стали.

Наташка Нольде звонила. Она поступила на худграф пединститута, получив все пятерки, неизвестно еще как сочинение, но если не «два», то она принята. Женька Смагина прошла, набрала 19, «четыре» только за сочинение, но пятерок вроде бы там вообще нет. Воловников тоже набрал 19 с четверкой за сочинение, безусловно, прошел. Юрочка – 18, Витя Жуков – 18, Славка Новожилов поступил в МАТИ, Игорь Берлянт – в Институт связи, Лена Пилюгина – в МГПИ на инфак, Сорокин Саша – в МИИТ, Саня Фролов набрал мало, но он из пролетариев, поэтому пройдет на переводческий. Многие у меня под вопросом, некоторые завалились. Точно будет известно числа 25.

После парка обнаружили в почтовом ящике болгарскую газету «Народна култура» за 14 августа 1971 г. На последней страничке статья про Диму Анны Рошковской¹⁶² и две фотографии – Димин портрет и «Портрет Юнны Мориц».

Кларочка рассказала про Левитанского то, что мы давно знаем о его альянсе с Аркадием Васильевым, за что люди приличные относятся к Левитанскому всё хуже и хуже.

Марины Гореликовой сын Сережа поступил в МГУ на филфак, русское отделение, набрав восемнадцать баллов.

21 августа 1971 г., суббота.

Три года как, оккупировали Чехословакию. Радио не слышали, ничего не знаем.

Щеночка нашего сегодня не видели, но по телефону он сообщил, что они с бабушкой приобрели транзистор «Россия» за 73 рубля¹⁶³. Хотят еще купить старую радиолу в комиссионном рублей за тридцать. Бабушка его такая же неистовая покупальщица, как и Мишка. Завтра они с бабушкой едут за город, а вечером, возможно, мы увидимся.

В мастерской встретались с Мариной и датчанином Келем. Очень красивый парень с рыжей бородой. Болел у нас гриппом, имел температуру 40°.

Я всё, что могла, выстирала и выгладила, потому довольна.

Говорили по телефону с Юнной. Говорит, что нам надо повидаться. Знает, что в болгарской газете есть статья про Диму и ее скульптурный портрет.

22 августа 1971 г., воскресенье.

Дима сделал четыре обложки для книги Ряшенцева¹⁶⁴. Одна, на мой взгляд, очень приличная, но она, конечно, не пройдет.

Мишка прибыл с приемничком «Россия», вроде бы ничего транзистор. Уже сообщил, что он слушал Израиль, Би-би-си и «Голос Америки». Спрашивает, что такое «Доктрина Брежнева»¹⁶⁵. Весь замечательный отдохнувший вид уже с него сошел. Бледный, на носу сковыривает прыщи, поясница болит, ноги промочены. И вообще, сплошное мельтешение.

Приезжала к нам Ида, моя подруга из школы. В школе количество подонков увеличилось на одного стукача, который будет нашим непосредственным начальником, завучем по французскому языку. Наша директриса любит окружать

¹⁶² Рошковская Анна – искусствовед, в 1968–1991 гг. научный сотрудник болгарского Национального Института памятников культуры. Автор статьи о В. Сидуре «Скульптор воспевае человека» // Народна култура. София. 1971. 14 августа. С. 5.

¹⁶³ Интерес, если не страсть, к транзисторным приемникам исходил от Вадима Сидура – хотелось ему подражать. Практически каждую свободную минуту он включал радио и на коротких волных сквозь глушение пытался услышать зарубежные русскоязычные передачи. Располагая несколькими первоклассными приемниками, Вадим время от времени пополнял свою коллекцию новыми, более совершенными, при возможности просил друзей привезти из-за границы новейшие модели.

¹⁶⁴ *Ряшенцев Ю.Е.* Часы над переулком. – М., Советский писатель. 1972. В. Сидур выполнил обложку и четыре рисунка.

¹⁶⁵ «Доктрина ограниченного суверенитета» – сформулированная западными дипломатами направленность внешней политики СССР в 1968–1986 гг., основанной на праве вмешательства во внутренние дела стран Восточной Европы.

себя людьми с подмоченной репутацией для того, чтобы легче ими управлять. У нас уже есть одна уличная воровка, она же председатель месткома, есть растратчик и пьяница <учитель физкультуры>, прокутивший на бегах казенные деньги дважды, есть пионервожатая <Лариса> и зам. <директора> Бенья¹⁶⁶, находящиеся в прелюбодейственной связи и грешащие, по утверждению святой Елены, в ее кабинете на ее диване, к тому же Елена считает, что пионервожатая тоже нечиста на руку, хотя и очень хороша на пионерской работе. Наши дети под ее руководством маршируют не хуже, чем гитлерюгенд и получают за это грамоты в райкоме. Наконец появился Перельгин¹⁶⁷, личность совершенно омерзительная, только что изгнанный из Дома дружбы, где он брал подарки от иностранцев, предназначенные для Дома дружбы, себе. Перельгин, председатель месткома Голицына <учительница начальной школы> и Бенья – преданные члены КПСС.

Слушали по «Голосу Америки» некий «Политический дневник», про который мы давно слышали как о байке, что в ЦК есть самиздат. Оказывается, правда. Круг участников не превышает 50 человек. Думают эти люди, примерно, как мы. В общем, это приятный факт. С 1964 г. до сих пор они себя не проявляли более широко. Но сейчас, очевидно, не выдержали и передали на Запад. Там вышла книга в страниц 700. Эта новость невероятно любопытна и отрадна.

23 августа 1971 г., понедельник.

Я начинаю страдать, потому что послезавтра на работу, где увижу не детей, а коллектив. Жуть, какая тоска.

Наш издерганный детеныш прибыл сегодня весь серенький на мордочку, хоть и элегантный, в новой курточке и при запонках. Голова у него болит, настроение плохое, а в кармане 35 рублей – бабушкин подарок на приближающийся день рождения, который он немедленно хочет потратить на старый приемник в комиссионном магазине. Дима с ним ходил и насилу уговорил не покупать какое-то там дерьмо. Вечером с трудом с ним расстались. Как всегда, ему тошно возвращаться домой, несмотря на любящую бабушку. Дите говорит, что ему всё время хочется куда-то бежать, но, оказывается, некуда.

Вечером были у Гинзбургов. Ели всякую вкусную жратву, объелись. Витя обижен, что его не пустили в Австралию за два дня до отъезда. По этому поводу написал письмо Келдышу, на которое, очевидно, ответа не получит.

Про Солженицына они почти ничего не знают, особенно о его болезни.

24 августа 1971 г., вторник.

Завтра на работу. Тошно, сил нет.

Мыша нашего не видели. Вечером он ходил в кино с мамой на «Маленького купальщика»¹⁶⁸, завтра с бабушкой и Игорем идет в театр на «Дни Турбиных»¹⁶⁹.

¹⁶⁶ Безыменский Григорий Бенедиктович – зам. директора и преподаватель НВП.

¹⁶⁷ Перельгин Виталий Митрофанович – проработал в школе два года, был завучем французского языка. Ранее и потом работал за границей, а также в Доме дружбы с народами зарубежных стран в Москве.

¹⁶⁸ «Маленький купальщик» (*Le Petit Baigneur*) – французская кинокомедия, 1968 г., реж. Р. Дери, в главной роли Луи де Фюнес.

¹⁶⁹ Новая постановка легендарной пьесы М.А. Булгакова (1926) во МХАТе в 1968 г. (реж. Л.В. Варпаховский, сценораф Д.Л. Боровский).

Посетила нас моя мама, приобретшая для Димы чешские ботинки за восемнадцать рублей, вполне сносные.

Вечером в мастерской ждали Хорста, но он не пришел, позвонив несколько раз, что не сможет. Приходили Валька с Эдиком. Эдик снова на папиной машине.

«Голос Америки» сообщил обращение Союза итальянских писателей к нашим писателям, чтобы они защищали Солженицына.

Самиздат в нашем ЦК пока не выходит из головы.

До чего же противно на работу идти, ужас!

26 августа 1971 г., четверг.

Второй день хожу на работу. Рано встаю. Вчера проколготилась в школе. Узнала свою нагрузку и то, что я классный руководитель в шестом классе. Это Ида мне устроила из-за своего трудного сына Лени, с которым я лажу.

Сегодня сидела на педагогической конференции нашего района. Было полегче, так как я смоталась от своих и села сзади, где вокруг меня шел немислимый треп, а в это время прочла очень хорошую статью в «Юности» – «Воспитание по команде»¹⁷⁰. Ничего нового, ничего умного с трибуны не вешали. Ну и убогая же у нас педагогика! Правда, сегодня мне показалось, что проскользнули какие-то новые, едва уловимые, человеческие нотки у двух теток, но, может быть, мне это показалось, потому что я сидела далеко от начальства и мне не было уж совсем нестерпимо противно.

Моя директриса на общем тускло-сером педагогическом фоне выглядит ярко и привлекательно. Она зачитывала какое-то вшивое решение (это, говорят, большая честь), но, несмотря на ее притягивающий взгляд, вид в белом, как у невесты, платье, ее все равно никто не слушал и зал равнодушно гудел. Был задан вопрос нашей зав. РОНО – можно ли прийти на урок в темном брючном костюме. Произошло некоторое оживление, зав. РОНО сказала, что ни к чему задавать подобные вопросы, но никто так и не понял – можно или нельзя. Я уверена, что нельзя. В нашей бы школе осудили, а у нас лучше, чем везде.

Во второй половине нас развлекали пошлым мексиканским фильмом «Дикое сердце»¹⁷¹ – разновидность арабской мерзости. Наша <директриса> Елена сидела

¹⁷⁰ Критический обзор новейшей литературы по педагогике известного педагога и журналиста Симона Львовича Соловейчика (1930–1996) «Воспитание по команде. Педагогическое обозрение» («Юность». 1971. № 8. С. 92–97). Автор выступает за развитие прав личности ребенка, против диктата учителей. «Разговаривать в <грубом> тоне с детьми, а тем более подростками-семиклассниками недопустимо, грубость нетерпима в советской школе; есть разница между словами «тетрадь давай», в которых так и слышится рык учителя, и, скажем, выражением «дай, пожалуйста, тетрадь»».

¹⁷¹ «Дикое сердце» (*Corazon Salvaje*), Мексика, 1967 г. Действие фильма происходит в XIX в. в Пуэрто-Рико. Побочный сын богатого дворянина контрабандист по прозвищу Хуан Дьявол влюбляется в Айме, невесту своего сводного брата Ренато, и Айме становится его любовницей... Фильм-прообраз позднейших мексиканских сериалов. В условиях сильного цензурного контроля, отсекавшего от советских зрителей лучшие западные кинофильмы, экраны кинотеатров в 1970-е – 1980-е гг. занимали дешевые индийские, арабские и мексиканские мелодрамы, франко-итальянские комедии и т. п. продукция. Именно такие фильмы являлись лидерами проката, собирая десятки миллионов зрителей.

сади меня и обильно пускала слезу. Учительская публика осталась от фильма в совершенно немыслимом восторге. Многие смотрели уже во второй и в третий раз. У них трогательное совпадение во вкусах с моей мамой.

В перерывах продавали губную помаду, кремы, духи «Быть может» за 1 р. 20 к., <зубную> пасту «Поморин», а также бутерброды с черной икрой, с рыбой и с чем-то еще. Мне не досталось, и я ела с колбасой, с голодухи сошло.

В мастерской был Дима, ждавший Мишку. Дима сдал сегодня эскизы книги Ряшенцева. Отложили ее просмотр до завтра. Мишка пришел с опозданием и с целым рюкзаком барахла. Дима сделал ему выговор за опоздание, Мишка извинился. Потом пришел какой-то человек шизофренического вида с неработающей <магнитофонной> приставкой. Потом Дима с Мишкой ушли в сберкассу, где Мишка положил на сберкнижку 41 р. 62 коп. После этого он носился с этой книжкой и всё говорил, как завтра покажет ее Игорю, а тот ужасно удивится.

Когда ходили с Мишкой выбрасывать ненужные бутылки, познакомились с симпатичной беременной кошкой, которая родит, по-моему, сегодня – такое у нее громадное брюхо. Кормили ее колбасой, ласковое, хорошее животное. Мы все трое ужасно любим кошек.

Пришла Алла, как Гаврош – в брюках и вся из себя длинноволосая. Не спит, не ест – делает картину про Париж. Довольна совершенно безумно.

Дите наше, Мишенька, такое замечательное. Мальчик наш родной.

В восьмом номере «Юности» хорошие стихи Булата¹⁷² и злобная пародия на Левитанского некоего Михаила Владимова. Видно, люди не простят ему роман с Аркадием Васильевым.

28 августа 1971 г., суббота.

Отсыпаюсь последние денечки. Были втроем с Мишкой на Телецентре Останкино, смотрели Алкин фильм о Париже. Фильм приятный. Но самые симпатичные места – где негры пляшут и хиппи бродят под пение Адамо – наверно, и даже точно, выберят.

Видели там Игоря Тимофеева, который совершенно ужасно выглядит, и Алкиного нового приятеля от Эдика Лимонова – бородатенького красавчика Диму Савицкого¹⁷³. Он тоже поэт и вполне ничего.

Парижские куски остались от фильма Хуциева про Коммуну¹⁷⁴, и вроде бы он теперь недоволен, что без его спроса из этих отрезков сделали документальную картину.

В телецентре ездили вниз в бар, где нет вина, но есть полумрак, стойки, бутерброды, лимонад, чай и кофе.

¹⁷² В № 8 «Юности» за 1971 г. Б.Ш. Окуджава опубликовал стихи: «Напутствие сыну», «Боярышник “Пастушья шпора”», «Старинная студенческая песня», «Бывшее нельзя воротить», «Приезжая семья фотографируется на пл. Пушкина».

¹⁷³ Савицкий Дмитрий Петрович (р. 1944) – поэт, прозаик. В 1967–1972 гг. заочно учился в Литературном институте им. М. Горького, был исключен, с 1978 г. живет во Франции, с 1979 г. один из ведущих на радиостанции «Свобода».

¹⁷⁴ Имеется в виду телевизионный документальный фильм М.М. Хуциева «Алый парус Парижа» (1971), снятый к столетию Парижской коммуны.

В подвале Мишка собрал все бутылки и сдал их рублей на пять. Тут же угорил Диму сходить с ним в сберкассy, чтобы положить эти пять рублей на сберкнижку. Вернулся с результатом, что у него теперь 47 руб. 03 коп. Вечером пошел с бабушкой в гости к каким-то знакомым старушкам, верующим в бога. От метро «Щербаковская» Мишка ташил две тяжелейшие железки для Димы.

Нас посетил Юрий Шатон, полунемец-полурусский, приятель Карлуши, преподаватель русского языка из Констанца. Его мать, русская, вышла замуж за иностранного специалиста-немца Шатона, строящего Кузбасс в 1936 г. Юрий родился в 1937 году. Потом в Германии Гитлер стал возвращать всех немцев отовсюду – «Немцы в Германию!» Отец уехал, а мать и сын ждали визу еще полтора года и жили в это время в подвале немецкого посольства. Наконец они уехали в Германию и воссоединились. В Ставрополе осталась бабушка. Отец воевал на Западном фронте, но симулировал болезнь и вернулся домой, а в самом конце войны загремел в народное ополчение. Но, к счастью, тут же попал в плен и его отпустили домой, так как жена была русская. Удивляет, что во время оккупации немецкие солдаты доставляли какие-то посылки для бабки в Ставрополе, а после войны наши русские солдаты передавали им посылки от бабушки в Германию. Это еще в сталинские времена! Потом его отец умер в 1956 году. А в 1961 году Юрий успел переплыть через реку в Западный Берлин за день до воздвижения берлинской стены. Мать его жила в ГДР до 1968 г., пока не вышла на пенсию, и ее отпустили с ним повидаться, но обратно она не захотела вернуться. Сейчас мать его очень довольна, потому что работает в вечерней школе, где преподает русский язык, и она просто ожила. Юрий знает язык поразительно благодаря ей. Говорит совершенно без акцента, употребляет всякие словечки и видно, что ему невероятно приятно говорить по-русски. Дима передал с ним скульптурку металлическую из цикла «Женское начало» для Карлуши в подарок¹⁷⁵.

Сегодня Дима вырезал почти целиком две гравюры из цикла «101».

Купили у Димы Савицкого сборничек Лимонова, им самим отпечатанный, из трех поэм. По-моему, совершенно отличные вещи.

29 августа 1971 г., воскресенье.

<...> Мишка с бабушкой вернулся из гостей от старушек. У Слепышева в комнате лежит стопка пластинок, из которых некоторые бабушкины. Мишка попросил у матери взять пластинки к себе в комнату, так как там есть Вивальди и Бах, чтобы их у себя слушать, тем более что Слепышев и мама их никогда не слушают. Мама отказалась, тогда Мишка предложил разделить все пластинки, чтобы бабушкины забрать себе, естественно, с бабушкиного согласия. Здесь пришел Слепышев и начал ворчать о том, что у Миши новая причуда и т. д. Слово за слово – завязалась перепалка. <...>

Мы с Димой мальчика похвалили за его благородство и смелость. Он же был уверен, что мы его поругаем: «Вы же говорите, что худой мир лучше доброй ссоры». Это верно, когда Мишенька вдруг стал сбиваться со своей матерью на

¹⁷⁵ В тетради рисуночек этой скульптуры.

Юрий Любимов, Алла Смехова, Вениамин Смехов и Вадим Сидур в мастерской (1971). Фото: Эдуард Гладков

«вы» и сообщил ей, что хотел бы так к ней обращаться. Опять же, когда он от нас, капризная, говорит с бабушкой, втягивая нас при этом в свой разговор, показывая при этом, как он у нас прекрасно утвердился и как ему неважно всё остальное – в таких случаях мы его никогда не одобряли и не одобрим. Мы с Димой всегда были против мелочных демонстраций в том, что Мишка называет «борьбой за независимость». <...>

Сегодня утром мать сделала очень решительный шаг к примирению. Сообщила, что Мишка может забирать себе все пластинки вообще, а пока он ходил звонить нам, приготовила ему завтрак тщательнейшим образом, т. е. даже красиво сервировала, что, по словам Мишки, случается крайне редко. Никаких разговоров не было. <...>

30 августа 1971 г., понедельник.

Был педсовет в нашей школе. Я классный руководитель 6 класса «Б». Там очень живые и симпатичные ребятки. Я учу одну группу в этом классе уже третий год. Пришел после педсовета еще один мой выпускник из параллельного класса, Леня Мерзон, уже студент МГУ на экономическом факультете. Завтра у него кое-какое собеседование на французском языке, чтобы, если он его сдаст, попасть в лучшую группу. Мы с ним часок пообщались после уроков. Он знает неплохо, но делает кое-какие ошибочки.

В это время Мишка с Димой ходили в юридическую консультацию, где Мишке сообщили, что он может сменить свое отчество только после восемна-

дцати лет. Дома Мишка отверг пластинки, которые предложила ему мама, сказав, что после всего происшедшего он не может их принять. Мама бурно выражала по этому поводу свое негодование, а бабушка очень быстро выбрала из этой кучи пластинки, принадлежащие ей, и оттащила их к себе в комнату.

Кларочка к нам приходила с очень неутешительными вестями. Александр Исаевич очень тяжело болен. По рукам и по всему телу у него пошли какие-то прыщи. И вообще, плохо.

Еще одна неприятная новость – будто бы видели в статьях в «Комсомольской правде» и в «Труде» репортаж из зала суда, где судили одного парня, пытавшегося бежать за границу с швейцарским паспортом, и в этом деле была замешана наша Анника. Теперь ей совершенно точно путь в СССР закрыт если не навсегда, то во всяком случае на долгое время. Какая все-таки Анника молодчага, а я явно ее недооценивала, считала восторженной клушкой.

Мама моя купила какие-то тапочки и туфли для меня. Тапочки слегка великоваты, туфли сильно велики, хотя хорошие, и они пошли для Кларочки.

Алка сдала свой фильм про Париж. Заходил смешной швед Ларс с пейсами.

«Не хочу в школу», – как говорит наш ребенок.

Не хочу в школу еще два месяца, а потом хочу.

31 августа 1971 г., вторник.

Хотим мы с Мишкой или нет, а завтра пойдем.

Посетил нас сегодня в подвале Любимов Юрий Петрович, которого привел Веня Смехов с Аллой, своей женой¹⁷⁶. Любимову, кажется, очень понравилось у нас, во всяком случае, он много и интересно говорил¹⁷⁷. Эдик снимал с его разрешения нас всех. Веня такой чувствительный, много благодарил по телефону

¹⁷⁶ Смехова Алла Александровна (р. 1940) – теле- и радиожурналист. В описываемое время училась на театроведческом факультете ГИТИСа (закончила в 1976). Во время учебы работала администратором в Театре киноактера, помощником режиссера в учебной редакции на телевидении. Позже – в отделе художественного воспитания радиостанции «Юность» (до 1982), готовила программы «Ваш собеседник», «Творчество молодых». Затем перешла в литературно-драматическую редакцию (до 1991). Позже заведующая литературной частью в театре «Ромэн».

¹⁷⁷ «Я привел в гости к Сидуре Юрия Петровича Любимова, – вспоминал В.Б. Смехов. – Я знал, что думает художник о тогдашних спектаклях «Таганки» и как ему интересно послушать создателя такой школы вблизи. Любимов, конечно, непростой человек. Ему явно понравилось в подвале, но он не сказал «интересно», мол, и всё. Он начал перечислять Сидуру всё, что ценит в русском и зарубежном авангарде. Мы сидели за столом в подвале, Юля разливала чай, в изобилии имелись баранки, мармелад и прочее, а Юрий Петрович гневно издевался над начальниками, которые считают искусство глупые копии, и цитировал Гёте («Если художник правдиво изобразит собаку, никакого искусства тут нет – просто одной собакой стало больше»), и хвалил Эйзенштейна, Шостаковича, Шнитке, Пикассо, Денисова, Феллини, горячая защищал в искусстве всё экспериментальное, авангардное, антиреалистическое... а рука его при этом с удовольствием поглаживала изумительно красивую миниатюрную бронзовую статуэтку голой женщины. Статуэтка была абсолютно реалистической, ее автор Вадим Сидур улыбался и пил чай, а я, невоспитанный актер любимого театра, прямо в глаза своему шефу сказал горькую правду. Вот, мол, умом вы постигли сложное искусство, а душа ваша просит реализма, о чем рука ваша говорит красноречивее всех слов. Юрий Петрович простосердечно ответил: «Я человек все-таки, и ничто человеческое мне не чуждо»». (Смехов В.Б. Театр моей памяти. – М., Вагриус. 2001. С. 293).

Юрий Любимов и Вадим Сидур в мастерской (1971). Фото: Эдуард Гладков

после посещения. Поразительна очевидность, что Алик Киселев подражает Любимову везде, где только может, а сейчас от него отрекается. От Димы он, конечно, тоже отречется как от учителя¹⁷⁸. <...>

Веня обещал показать Мишке все спектакли на Таганке по входным билетам. Сейчас театр уезжает в Киев, а потом с 25 сентября – в Москве. Начинают они с «Гамлета»¹⁷⁹, Веня пообещал пригласить нас.

Мишка очень грустит, что надо будет эти два года вкалывать в школе как следует, но, кажется, уже с этим примирился. Вдруг ему пришла в голову идея быть в моем классе вожатым. Это совершенно превосходная мысль.

1 сентября 1971 г., среда.

По средам я буду свободна, но сегодня 1 сентября и, естественно, я была в школе. С утра до вечера приходили мои ребята, выпускники. Поступило у меня из 33 человек – семнадцать и трое пока под вопросом, сдают на вечерний. В параллельном классе абсолютно то же самое.

¹⁷⁸ Юлия ошибалась – Олег Киселев до сих пор не устает повторять, что является учеником В. Сидура.

¹⁷⁹ «Гамлет» – спектакль Театра на Таганке, постановка Ю.П. Любимова, художник Д. Боровский, композитор Ю.М. Буцко, в ролях: В.С. Высоцкий, В.Б. Смехов, А.С. Демидова, И.С. Бортник, Л.А. Филатов, И.В. Дыховичный, Ф.Н. Антипов и др. Премьера состоялась 11 ноября 1971 г. В.Б. Смехов играл Клавдия.

У Мишки в школе болела голова и болело сердце. Он, естественно, не выспался. Толя с Милкой привели Оксанчика в школу. После уроков Мишка приехал к нам, предварительно поругавшись дома с матерью.

Моя мама вымыла у нас целые два окна – в кухне и в моей комнате, теперь они сверкают чистотой, а на них четыре Мишкиных растения. Кормила нас мама очень вкусными блинчиками, нам с Мишкой очень понравились, Диме – не очень.

У Кларочки кошка вылетела с шестого этажа и убилась насмерть.

Ездили втроем с Мишкой в Переделкино. Там очень хороший запах и воздух. Рядом с могилой Зинаиды Ивановны еще кого-то захоронили. У Левы Тоома на могиле Лемпорт и Силис поставили кусок известняка с надписью «Леон Тоом» – не бог весть что, но лучше, чем ничего. Подъехать туда, чтобы установить скульптуру, будет чрезвычайно трудно.

2 сентября 1971 г., четверг.

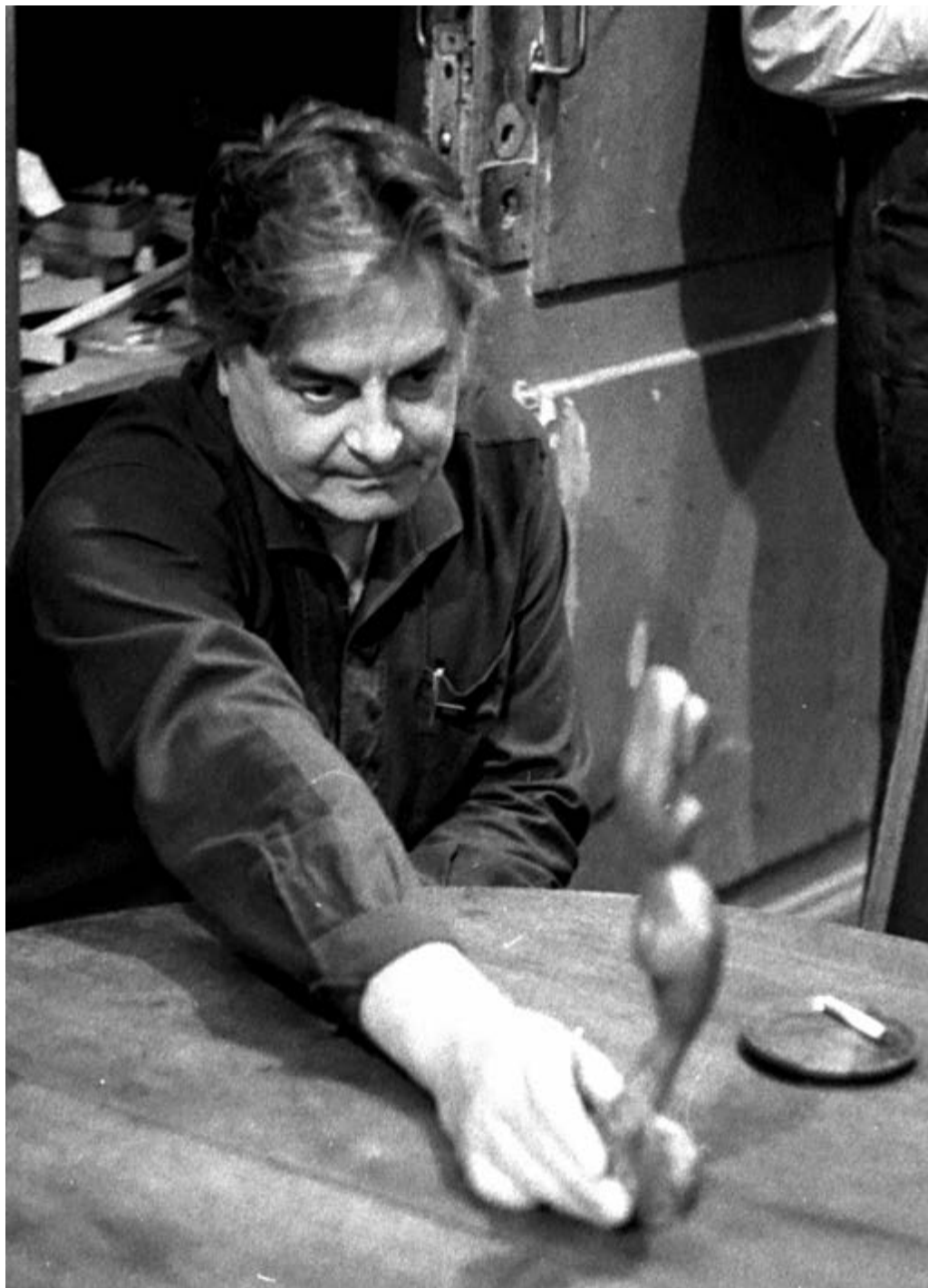
Александр Исаевич очень плохо себя чувствует. Мишка не хочет учиться, самочувствие у него ужасное. Завтра пойдет к врачу.

3 сентября 1971 г., пятница.

Вчера в подвале Мишка ужасно выпендривался и отстаивал свое право не делать уроки и прогуливать. Нам это с Димой ужасно не понравилось, и я даже в итоге сказала, что если он не будет заниматься, я не смогу с ним общаться. Он воспринял это мрачно, но ничего не сказал. Сегодня сообщил, что уроки сделал и приехал в очень решительном настроении. Прямо с порога заявил: «Юлия Львовна сказала, что не хочет со мной общаться, таким образом, я вижу, что бабушка была права, когда говорила, что Юлия Львовна дружит со мной не всерьез. Скоро и Вадим Абрамович перестанет со мной общаться и тогда я покончу с собой, вот тогда, действительно, вся ответственность падет на вас».

Мы, естественно, этот натиск отбили, обозвав его грубым шантажистом. Все эти страсти и подобные выводы происходят только оттого, что ему не хочется учиться и делать то, что ему не доставляет удовольствия. Он был очень сердит, но уроки сделал сегодня. Дальше мы будем придерживаться твердо той же самой тактики. Мы долго говорили что к чему и как он извращает любой смысл сказанного. В итоге договорились, и парнь из своего мрачно-воинственного состояния перешел в необузданное веселье. Буквально на голове стоял. С фокусами помогал мне пылесосить. Лежал под кроватью, откуда я его выволакивала как мешок. Потом измеряли силу – кто кому руку перегнет. Он мне перегнул и был счастлив. Рассказал о своем походе в поликлинику, там сказали, что никаких шумов в сердце у него не слышно и, скорее всего, недомогания у него возрастные (узкая грудная клетка и оттого сердцу некуда деться, оттого оно и бьется как ненормальное), но выписали валерианку и направили в понедельник на кардиограмму. Даже предположили, что, возможно, ему имеет смысл больше заниматься физкультурой, особенно плаванием.

Вечером они пошли с Димой в мастерскую, а я осталась наводить чистоту к завтрашнему бабушкиному визиту к нам. Там Дима с трудом выпроводил Мишку домой. Сразу же после его ухода позвонила бабушка и попросила, чтобы Дима

Юрий Любимов в мастерской (1971). Фото: Эдуард Гладков

его выпроваживал в 9 часов вечера. Дима сказал ей, что разговор об уходе начнется всякий раз часа за полтора и как это тяжело его выпроваживать.

Киселев явился не запыхавшись. Диме звонил, а потом пришел ко мне в школу. Договорился с Еленой, что будет снова работать с детьми.

4 сентября 1971 г., суббота.

Приняли у нас бабушку. Всё было очень мило, пока неожиданно разговор не перешел на Мишку, и тут началось. Мы оказались едины в обругивании парня по очень многим моментам. Он яростно и научнообразно отбивался. В итоге Мишка вообще вышел, и там Дима долго его убеждал тихим голосом.

Мишка – мальчик трудный, но мы в него верим, как он верит в нас. Чем-то он человек совершенно прекрасный и редкий. Для нас жизнь без него невысказана.

6 сентября 1971 г., понедельник.

<...> Очень неприятно, что он пытается использовать такие методы, как прямой шантаж и угрозы – дома говорит, что убежит к нам, нам говорит, что покончит с собой и мы будем отвечать. Сумел свои вечные домашние распри перетянуть к нам и из нашего дома сделал филиал для своей извечной склоки с родителями. <...>

Завтра у него день рождения. Этому нашему инфантильному верзиле исполняется шестнадцать лет. Уже не младенец. Мы с Димой очень любим его со всем, что в нем есть – и с хорошим и с плохим, но мы ему очень четко объяснили сегодня – принимаем его со всеми недостатками, но мириться с ними не намерены. Так и знай, курносый мальчик. Мы сами не бездельники и делаем много неприятного ради крупицы творчества, и если ты хочешь быть с нами, тебе придется, детеныш, принять наши условия, потому что ты пока еще ничто, а мы уже что-то. Именно за это ты выбрал нас в свои друзья и родители, когда тебе было очень плохо. Сейчас тебе уже не так плохо и спрос с тебя другой. Мы с себя много спрашиваем и с тебя – тоже. Ты должен вырасти человеком порядочным, интеллигентным, а уж чем ты будешь заниматься – это твое дело.

Бабушка хоть и ругает Мишку, но ни в чем не может ему отказать. <...> Ему скучно, потому что он человек нетворческий. Почему-то нам с Димой никогда не скучно. Тоскливо бывает и тошно, но никогда не скучно.

Вечером нас посетил Роланд Смит с женой из английского посольства, принес партитуру Бенджамина Бриттена «Авраам и Исаак» с его автографом.

9 сентября 1971 г., четверг.

Вчера праздновали Мишкино позавчерашнее шестнадцатилетие. Ходили в ресторан «Варшава», где ребенок объелся и был чрезвычайно доволен. В такой жуткий дождь парень бегаёт в сандалетах с дырочками и ноги у него постоянно мокрые. Бабушка магнитофоны ему покупает, а ботинки необходимые не может купить. <...>

Дима сегодня ушел в мастерскую, где они с Наташкой Нольде печатали новые гравюры. Я, пользуясь непривычной незанятостью, целый день провалялась на Димкиной койке и слушала Вивальди. Очень рада. <...>

Французы передали, что наши дали объяснение инцидента на даче Солженицына вполне официальное. Оказывается, Горлова избили, потому что приняли его за вора. Подонки!

10 сентября 1971 г., пятница.

Французы снова передали, что КГБ официально извинились перед Горловым. Как бы то ни было, но если КГБ в нашей стране извиняется, это невероятный прогресс. <...>

11 сентября 1971 г., суббота.

Толя с Милкой заехали за мной в школу, откуда мы вместе с Мишкой и с ними поехали к нам домой за Димой. Толя повез нас на строительную выставку в Сокольники, где я прожила двадцать один год. Я даже не ожидала, что во мне зашевелятся всякие воспоминания, когда мы туда прибыли.

Выставка неплохая. Толины мозаики из разных материалов и стекла очень симпатичные. Видели павильон, оформленный Лёвой Нусбергом с его ребятами. Это очень приятно. Висят всякие стеклянные штуки, зеркала, цвет – всё это под вполне соответствующую музыку. Мишка бегал рядом с нами, такой нескладный щеночек. Двочник, получил «два» за контрольную по алгебре. Ничего, послужит в армии, будет нам письма писать, а мы ему.

Лёву Нусберга увидели через лет восемь после первого нашего общения. Он так же красив и энергичен как раньше, такое ощущение, что даже помолодел. Сошлись на мнении, что книга этого засранца Душана Конечного о советском искусстве очень плохая. А сейчас он, оказывается, вторую написал, которую никто не видел пока. Лева посмотрел на Мишку и сказал, что сын очень похож на Диму. «На тебя не похож», – сказал он мне. Мы с Димой не стали возражать.

Вечером заходил Хорст со своей девушкой Андрея¹⁸⁰. Они очень милые ребята оба. Девушка тоже хорошенькая и умная.

На этой выставке устали мы совершенно жутко и потом, в подвале, Диме было плохо с сердцем.

12 сентября 1971 г., воскресенье.

Умер Хрущев, еще вчера. Наши ничего не сообщили, а во всем мире только об этом говорят и пишут. Вроде бы завтра собираются сообщить о его кончине в «Правде», а также о том, что он будет похоронен на Новодевичьем кладбище. С ним началась у нас новая эра, которая, к счастью, несмотря ни на что, пока еще не кончилась.

Дима ходил в мастерскую один без меня. Мы с мамой мыли окна, а потом я убирала всю квартиру.

¹⁸⁰ Имеется в виду Андрея Херман (в замужестве фон Кнооп [von Knoor], р. 1946). Изучала славистику, историю и экономику в университетах Кельна и Вены (докторская степень в 1973 г.). В течение многих лет работала в Москве, представляя ряд крупных западногерманских банков. В 1993–2007 гг. уполномоченный представитель Объединения торгово-промышленных палат Германии в РФ, одновременно (в 1995–2007) председатель правления Союза немецкой экономики в России, затем его почетный президент.

Наташка Нольде приехала к Диме, очень много напечатала и показала Диме свои новые наброски. Дима считает, что у нее невероятный прогресс. Она очень трудолюбивая девочка.

<...>

13 сентября 1971 г., понедельник.

В «Правде» было сообщение о смерти персонального пенсионера Никиты Сергеевича Хрущева. Чрезвычайно кратко, до неприличия. Сегодня же его втихаря захоронили на Новодевичьем кладбище¹⁸¹.

Мишка нас не посещал. Говорит, что занимался с маминной помощью. В школе его не было, ходил на повторную кардиограмму. <...>

Дима ходил в мастерскую снова без меня, где много работал и общался с Тупицыным и одним югославом, который принес Диме лекарства и подарил блок сигарет, которые я Юнне подарю (американские) и несколько фломастеров. Одним из них я сейчас пишу.

Перечитывала Димкины дневники, когда он был в Мишкином возрасте, то есть – более тридцати лет назад. Дима был очень умный и глубокий парень, чем-то старше, а чем-то наивнее Мишки, но он был в миллион раз сексуальнее. Мишку пока что эти проблемы, кажется, вообще не интересуют. Но чем-то Мишка совсем малолетка, прямо-таки младенец. Поэтому, в общем, тогдашний Дима и сегодняшний Мишка очень похожи.

14 сентября 1971 г., вторник.

Позвонила Юнна. Говорит, что чувствует себя неплохо. У нее уже семь месяцев беременности и в субботу она уезжает в Гагры. Игорь уехал куда-то в командировку и она теперь одна.

Опять в мастерскую я не ходила, отдыхала дома. Димка же работал в мастерской – резал гравюры, Нольде печатала, Игорь Тимофеев переснял все уже готовые гравюры.

Пришел Алик Киселев и произошло так называемое примирение, как-то само собой. Алик сказал, что он извиняется и что он не хотел так, а Дима сказал, что, возможно, ему не надо было Алика ругать перед его девушкой. Надолго ли? Алик женился на Лиде. Он считает, что этот брак фиктивный, а Лида считает, что всё нормально.

Приходили мои ребята в школу – Юра, Вовка, Лена, Маша и Женя Андреев.

Мишка сегодня ходил в ЖЭК, а потом собирался печатать слайды. Я с ним общалась только в школе, а с Димой он днем беседовал по телефону. Больше он

¹⁸¹ Власть принимала все меры, чтобы похороны прошли как можно незаметнее. Сообщение о смерти Н.С. Хрущева в «Правде» появилось утром в день похорон. Территория вокруг кладбища была оцеплена, доступ на него закрыт (под предлогом «санитарного дня»), пройти могли только родственники и друзья семьи. «Каждого, проникшего к воротам и на территорию, не скрываясь, фотографировали сотрудники органов в штатском. Их было в избытке», – вспоминал С.Н. Хрущев. Ближайшая станция метро «Спортивная» не выпускала пассажиров, городской транспорт в районе не работал. Из Кунцевской больницы катафалк следовал к кладбищу по Кутузовскому проспекту, а потом не по Садовому кольцу, а по малолюдным набережным Москвы-реки.

Вадим и Юлия в мастерской (1971). Фото: Эдуард Гладков

не звонил. У него сейчас дома идиллические отношения с матерью и бабушкой. Дай бог, как говорится.

Юнна сказала, что, возможно, Женя Евтушенко будет редактором нового журнала^{181а}. Надежд на это дело больших возлагать нечего, но объективно это хорошо.

15 сентября 1971 г., среда.

Завтра Мишка снова не идет в школу. Его назначили на анализ крови.

Мы с Димой были в мастерской, где он резал гравюру, а я посмотрела на Натاشкины отпечатки. Отлично! Скоро Дима уже закончит свой цикл «101».

Приходил к нам Игорь Левшин со своей женой Наташей, учительницей литературы в школе, и Эдик Лимонов. Эдик как-то покрутел. Любовь его с Козловой-Щаповой продолжается. Жена его возвращается в субботу, необъятная Анна Моисеевна Рубинштейн¹⁸², которая в письмах писала ему, что, во-первых, она удавится или повесится¹⁸³, а во-вторых, что она теперь гениальная художница масштаба Пикассо. В письмах же к друзьям она пишет, что полна *joie de vivre*. Эдик рассказал кучу новостей. Брусиловский, у которого был салон и который вместе с Щаповым¹⁸⁴ расписывал какую-то бабу, очевидно, в голем виде

^{181а} Е.А. Евтушенко получил согласие из ЦК на новый молодежный журнал под названием «Лестница», в котором он должен был стать главным редактором. Однако в результате его громкой скандальной ссоры с В. Аксеновым и А. Гладилиным издание не состоялось. Один из идеологов ЦК Л.Ф. Ильичев вызвал Евтушенко и сказал: «Вот она, ваша вшивая интеллигенция, у вас еще и журнала нет, а вы уже успели поругаться!» И журнал не вышел.

¹⁸² Рубинштейн Анна Моисеевна (1937–1990) – художница-экспрессионистка, в 1964–1971 гг. жена Э. Лимонова.

¹⁸³ Она покончила жизнь самоубийством в 1990 г., повесившись на ремешке от дамской сумочки.

¹⁸⁴ Щапов (взял фамилию первой жены, настоящая фамилия Шерешевский) Виктор Аврамович (р. 1927) – живописец, график, плакатист, книжный иллюстратор, член МОССХ.

(я так и не поняла как), и поместили <фотографии> вместе с другими нашими подпольными богемниками полтора года назад в итальянском еженедельнике «Эспрессо» под заголовком «На прахе Сталина»¹⁸⁵. Брусиловский тут же продал свою роскошную мастерскую, и будто бы ему теперь нигде не дают работу, и он, бедный, вынужден теперь ехать работать художником в каком-то фильме. Брусиловский – чрезвычайно противный парень, и как художник, по-моему, весьма посредственный, хотя мастеровитый. Очень многие говорят про него, что он стукач¹⁸⁶. Может быть, это и неправда, так как в нашей проклятой стране чуть ли не про каждого так говорят. Неизвестно, стукач он или нет, но противный малый ужасно.

Еще одна жуткая новость – жена Юры Соболева¹⁸⁷, главного художника «Знание-сила», бросилась в метро под поезд. Один раз, лет десять назад, мы общались с ними у Эрнста <Неизвестного>. Была длинная девка, мне она тогда не понравилась, но никогда не подумала бы, что она шез и бросится под поезд.

У Лимона, возможно, скоро выйдет книга в Италии и статья про него. Канада передавала, как у нас вшиво сейчас с Египтом, но, кажется, мы налаживаем отношения с Индонезией.

<...> Юнна сдала несколько стихов в «Юность». Натан Злотников, большой говнюк с ласковыми повадками, предложил ей, чтобы этот долдон Ося Оффенгенден¹⁸⁸ рисовал к ее стихам, тогда на редколлегии он может замолвить словечко за то, чтобы их напечатали. На это Юнна ответила: «Оформлять будет только Сидур¹⁸⁹, а уж если мои дела так плохи, что напечатание стихов зависит от Оси Оффенгендена, то уж пусть лучше их вообще не печатают».

¹⁸⁵ «Как-то в конце 60-х приехал знаменитый итальянский фотограф Кайо Марио Гаррубба, которого уже знали в Москве, – вспоминал А.Р. Брусиловский. – Он искал для самого популярного в Италии журнала “Эспрессо” такой материал, чтобы номер вмг расхватали. Я пригласил в мастерскую знаменитую тогда красавицу манекенщицу Галю Миловскую. <...> Пригласил также несколько пар друзей, накрыл красивый стол, выложил натюрморт: из раструба старинного граммофона, как из рога изобилия, высыпались горы фруктов (с Центрального рынка), на столе цветы, вино, старинные бокалы. Но это так – для вдохновения! И – сел за работу. Я написал на Гале картину – цветы, листья, бабочки. Прямо по Галиному прекрасному телу ползли стебли и ветви. Глаза и губы превращались в метафоры. Гаррубба снимал как бешеный».

¹⁸⁶ О круге общения А.Р. Брусиловского можно судить по воспоминаниям его приятеля, кинорежиссера А.Б. Стефановича: «У Толи была роскошная по тем временам мастерская, где гуляла буквально вся московская тусовка – поэты, писатели, артисты, художники, дипломаты и самые стильные все московские красавицы. Там можно было встретить знаменитых корреспондентов западных изданий – Виктора Луи или Эдмунда Стивенса, американского посла Уолтера Стессела и первого секретаря посольства США Эле Флема, крупнейшего коллекционера русского авангардного искусства Георгия Костакки, а также множество других важных персон» (Стефанович А. «Post scriptum, или жизнь богемы в эпоху развитого социализма» // Коллекция Караван историй. 2012. № 2).

¹⁸⁷ Соболев-Нолев Юрий Александрович (1928–2002) – живописец, график, книжный иллюстратор. Являясь в 1967–1979 гг. главным художником известного научно-популярного журнала «Знание-сила», предоставлял возможность публикации многим художникам-нонконформистам, экспериментальная графика которых спокойно обходила цензуру под видом иллюстраций научной фантастики. В. Сидур рисовал для журнала в 1965 г.

¹⁸⁸ Оффенгенден Иосиф Моисеевич (1925–1997) – график-карикатурист, с 1955 г. работал в журнале «Юность».

¹⁸⁹ В. Сидур рисовал для журнала «Юность» с 1964 г.

<...> Мальчик ездил целый день на велосипеде по всяким свалкам, собирал там всякие жуткие железяки и привез всё это добро к нам. Дима был умилен. Уроки Мишка кое-как выучил, но далеко не все. Во всяком случае, он не сделал ни французского, ни литературы. Морда у него была такая родная и симпатичная, что мы почти его не ругали за поздний звонок и за несделанные уроки. Тем не менее просидел он у нас не долго, так как были люди, а он тяжело переносит большие компании незнакомых людей. <...>

Чем больше я его люблю, тем свирепее отношусь к нему на уроке. Меня жутко раздражает и злит любое его незнание, а также отвлекаемость на уроке, кога он болтает или же демонстрирует, как ему всё надоело. Я с ним очень свирепа в школе. Раньше я была к нему более снисходительна. Что значит свой, с него и спрос больше. Завтра он сам выразил желание поехать к Боре Хазанову заниматься математикой.

По радио не глушат только французов и Канаду. Воспевают Хрущева как одного из самых выдающихся людей двадцатого века. У него на могиле побывали сотни людей, и вся могила завалена цветами. Во время же его похорон кладбище было закрыто, оцеплено милицией. Присутствовало человек двести по специальным пропускам. Насмешила одна деталь, вероятно, брехня – «на похоронах играл духовой оркестр, состоящий из близких друзей покойного». Никого из правительства не было. Такое производил здоровое впечатление, когда-то мы с ним общались около бассейна, сто лет тому назад, а вот помер. А антипартийная группа живет и примкнувший к ним Шепилов – тоже¹⁹⁰. Хрущев был самый темпераментный, оттого и раньше всех загнулся. Я никогда не питала к нему особых симпатий. Был он тиран неграмотный и косноязычный, но свершил историческое прогрессивное дело, ничего не скажешь. Разоблачение Сталина величайшая его заслуга. Царство ему небесное! Если есть тот свет, пусть ему будет там хорошо.

В Чехословакии скоро выборы и там ходят по рукам какие-то листовки, где людей призывают эти подлые выборы бойкотировать. Повсюду шевелятся людишки.

17 сентября 1971 г., пятница.

Вчера мы были у Юнны и вернулись только в третьем часу ночи. Сегодня же я, пошатываясь, поплелась на работу, сама собой восхищаюсь.

Беременная Юнна представляет собой зрелище странное, но реальное. Я всё себе не представляла ее в таком обличье. У Юнны облик более чем мужественный, и вдруг совершенно круглый и выпирающий живот. Отец будущего младенца, Игорь Бубнов, уехал куда-то на Сахалин за рыбой и икрой, как говорит Юнна. <...> Мы были одни и чувствовали себя чрезвычайно близко друг к другу, как бывает всегда, когда мы общаемся.

¹⁹⁰ «Антипартийная группа Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова» – так официально была названа группа высших функционеров партии, попытавшихся в июне 1957 г. сместить Н.С. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС. Все они дожили до глубокой старости – В.М. Молотов умер в возрасте 96 лет, Г.М. Маленков – 86, Л.М. Каганович – 98, Д.Т. Шепилов – 90.

Женя Евтушенко опять весь в политике. Едет в Америку. Дерьмо, которое мнит себя Пушкиным или на худой конец Некрасовым, а на самом деле на одно прогрессивное высказывание – ушат реакционной мерзости. Высказывал Юнне свое недовольство Солженицыным – не нравится ему, что тот на КГБ сердится. Евтушенко считает, что в системе есть недостатки, а Солженицын такой нехороший, посягает на всю в целом замечательную систему.

Когда мы были у Булата, Евтушенко ругал Даниэля и Синявского, но хвалил Солженицына «за мужество». Теперь и Солж ему не угодил. Хоть Евтушенко и сложная личность, но очень противная, а чем-то и подлая.

Рассказывала Юнна, как художник из «Сов. писа» Володя Медведев всё время за спиной говорит про Диму всякие гадости и ужасно не хочет давать ему работу и вынужден все-таки уступать под давлением авторов. Толя Гитберг говорит, что Володя взяточник, окружает себя всякими мальчиками, которым он подкидывает работенку, а они с ним делятся. Юнна говорит, что она с ним очень боролась за Диму. Теперь Медведев злится, что Ряшенцев захотел, чтобы был Дима, да и Темина¹⁹¹ сегодня. А Дима сам сроду к нему не ходил и работу не просил. Он всегда работал по желанию авторов, хоть и материально это очень даже немного.

Мы всё уговаривали Юнну поехать в Гагры в Дом творчества, поскольку страшно, раз она на седьмом месяце беременности, да еще у нее фиброма. Но Юнна, конечно, не послушает и не поедет. Она подарила нам на прощание свои новые, совершенно прекрасные стихи.

Кроме Франции по радио ничего не слышно. Но информация у них хорошая. Смрковский в Чехословакии сказал всё, что думает в интервью для итальянской газеты. Старик на костылях, ничего не боится. На мой взгляд, сейчас наступил новый и, надеюсь, длительный период оттепели. Слава богу, китайцы и Никсон¹⁹² помогли. Брежнев начнет ездить по миру и продолжать дело персонального пенсионера Никиты Сергеевича Хрущева. С арабами пытаемся наладиться, но, видно, трудно. Я снова пребываю в оптимизме.

Гуннар Яринг¹⁹³ – говно. Не дает Солженицыну Нобелевскую премию, чтобы наши не заругались. Ростроповича выпускают в Вену¹⁹⁴. <...>

Алик Киселев сегодня пришел в школу к моим ребятам, стал снова заниматься. Меня же Сидур категорически отстранил от «Театра на ул. Достоевского».

¹⁹¹ Темина (Темис) Леонид (1933–1983) – поэт, переводчик. В. Сидур выполнил обложку для сборника его стихов «Дом», вышедшего в 1972 г. в издательстве «Советский писатель».

¹⁹² Р. Никсон стал первым президентом США, совершившим официальный визит в Китай в феврале 1972 г. А в мае того же года он приехал в СССР, впервые после президента Ф. Рузвельта. В Москве был подписан предварительный договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ), положивший начало политике разрядки.

¹⁹³ Яринг (Jarring) Гуннар (1907–2002) – ученый-торколог, дипломат, в 1958–1963 гг. посол Швеции в США, в 1964–1973 гг. – в СССР, в 1967–1990 гг. спецпредставитель генерального секретаря ООН на Ближнем Востоке.

¹⁹⁴ Когда, поддерживая А.И. Солженицына, М.Л. Ростропович и Г.П. Вишневецкая поселили его осенью 1969 г. на своей даче, последовала отмена концертов и туров артистов, в том числе заграничных.

Димка вкалывает изо всех сил. Уже составил отличную штуку из Мишкиных железок, особенно из одной, похожей на порванную грудную клетку. Приближается в гравюрах к сотне.

Отливщики Толя и Юра принесли замечательные штуки, особенно с деревянной скульптуры «Голова молодого человека».

18 сентября 1971 г., суббота.

Оттепель продолжается. Еще Юнна сказала со слов Евтушенко, что сейчас всё начальство объединяется в борьбе со славянофильством. Сегодня еще одно «потепляющее» подтверждение – в Институте мировой литературы дано указание на то, чтобы выпустить книгу о России как стране европейской, и о том, как все писатели русские любили Европу.

В школе очень милый мальчик, студент, своей добротой и слабохарактерностью распустит мне всех ребят. Нашему Мишке за двоичный ответ поставил «четыре». Тот от радости чуть с ума не сошел, тем более что он видел, что для меня это было тоже неожиданностью. Мишка еле бормочет что-то невразумительное. По литературе у Зальцмана он тоже пока что в основном отмалчивается. Бойтся его. Бойтся, что он скажет что-нибудь в оскорбительном тоне, а Мишка не сумеет отбрехаться. Я ему сказала, что если он будет компетентен, то бояться ему нечего, Зальцман будет его больше уважать и сам будет его бояться.

Сегодня наконец мы общались с дитём не на школьной почве. Он с восторгом приволок целую сумку на колесиках с отличными железками. Дима сложил из них и из всего другого отличную скульптуру распятого Христа на обитой железом крышке от сундука.

Были у нас Эдинька, переснявший скульптуры старого периода для Анны Рошковской из Болгарии, и все Хазановы. Перед встречей в подвале мы занимались с Тюпой французским. Боря – с Мишкой, я – с Тюпой. Вполне толковый ребенок и даже очень. Мы много говорили о внешней и внутренней политике у нас, и Мишка принимал самое активное участие в нашем разговоре, не скучал, не бегал, а наоборот, высказывался довольно складно и слушал с интересом. Мы сказали ему только одно – чтобы что-то критиковать, надо много знать, то есть быть компетентным. Вообще, он все-таки меняется в лучшую сторону и довольно быстро. Любим его с Димой по-страшному.

После всех еще остались с Хазановыми рассматривать гравюры. Когда разложили их в ряд, получилось совершенно потрясающее зрелище.

У Бори с Мариной разногласия. Марина совсем не хочет ехать в Израиль. Боря же очень хочет и сам себя уговаривает, что у нас жить невозможно, но в том, что совсем плохо, он сам сомневается.

Познакомились с женой Лимонова Анной Моисеевной Рубинштейн. С первого же взгляда мне она показалась ненормальной и не очень приятной. Возможно, я ошибаюсь. Она не столь толста, как рассказывали, просто у нее необъятные бедра. Ей, очевидно, лет под сорок. Алка несла ее живописные творения. Очевидно, Анна Моисеевна человек способный, принимая во внимание тот факт, если это правда, что она пишет впервые. Но ничего потрясающего или невероятного в ее картинах нет. Очень приятные размытые акварелечки, Разумеется, предельно самодеятельные.

19 сентября 1971 г., воскресенье.

Я проявила так называемую «педагогическую твердость». Может быть, и не надо было ее проявлять. Вчера договорились с Мишкой, что в два часа он позвонит и придет с учебниками, чтобы мы с ним позанимались литературой и французским. Он позвонил только в пять. Я очень спокойно высказала ему свое недовольство подобной неточностью, тем более что это происходит уже не в первый раз. В итоге я сказала, что видеть его сегодня мне не хочется, так как мы вынуждены выяснять отношения, а мне это ужасно противно, потому что позавчера был у нас подобный же разговор. Еще я ему сказала, что вести себя так безответственно он может со своими родственниками, на которых он плюет, и с которыми непрерывно перебрехивается, а не с нами. После этой беседы он позвонил Диме и приехал в мастерскую, где принимал активное участие в ликвидации потолка. – Наконец потоп разверзся, давно не было! – Дима говорит, что Мишке было неприятно, что он такой свинтус. Я же думаю, что это ему показалось. Когда мы только подружились и ему было тяжело, он был предельно аккуратен. Сейчас он привык и лелеет своё драгоценное разгильдяйство, даже жертвуя своей привязанностью к нам. Не поощрять же его! Сегодня он ездил на велосипеде за город, был в лесу. Очень доволен, но два раза ему делалось плохо с сердцем. Сейчас у него новая страсть – катание на велосипеде. Про себя он говорит: «Я истерик». Всё это верно – он истерик, он чокнутый, он не гигант здоровья, мы всё знаем, но всё равно он должен считаться с нашими делами, если хочет, чтобы мы с ним имели дело. В начале нашего знакомства он был удивительно аккуратен и чуток, сейчас же распустился в надежде, что мы будем с этим мириться. Не выйдет, родной, или ты будешь приличным человеком или, как говорится, «гуляй отдельно».

Дима невероятно доволен Наташкой Нольде. Эта девочка надежная и невероятная трудяга. Звонит вовремя и вкалывает на совесть. Правда, сегодняшние ее цветные наброски Дима разругал. Но она может быть художником.

<...> Дима сказал, что заходил англичанин Робин Голанд, который друг Евтушенко и сейчас находится в Москве как переводчик туристской группы. Рассказал, что Майк свою книгу о Солже до сих пор не выпустил и теперь ее перенесли на 1972 год. Его невероятная добросовестность явно ему в ущерб, так как сейчас о Солженицыне вышло очень много всяких документов. Я думаю, что Майку виднее. Он хочет сделать хорошо и сделает¹⁹⁵. Такой уж он парень.

21 сентября 1971 г., вторник.

Вчера у нас был Петр Гелазония¹⁹⁶, ответственный секретарь из журнала «Семья и школа». Очень симпатичный мужик. Он был у нас лет десять назад,

¹⁹⁵ Тысячестраничная монография об А.И. Солженицыне *Solzhenitsyn: A Biography* была закончена и издана в Нью-Йорке лишь в 1984 г. (премия *Los Angeles Times* и британского ПЕН-клуба).

¹⁹⁶ Гелазония Петр Ильич (1937–2011) – журналист, писатель, редактор. С 1958 г. работал в издательстве Академии педагогических наук, в литературной и педагогической прессе, преподавал в школе. С начала 1960-х гг. редактор, ответственный секретарь, главный редактор (1997–2011) ежемесячного журнала «Семья и школа», издающегося в Москве с 1946 г. (в 1969–1992 гг. издательством «Педагогика»).

с тех пор помолодел и похорошел. Забрал мою старую повесть «Я – классный руководитель». Может быть, напечатает у себя в журнале. Мне бы хотелось.

А сегодня Мишка буквально носился как бешеный на всех переменах. Выглядит плохо. Завтра снова идет к врачу, как его назначили. Помогал Диме убирать железный хлам.

Пришел Эдик с очень неважными снимками старых каменных работ. Одно только «Дерево поколений» снято прилично.

Были у нас Левитанский, Владик Бахнов, Инна. Левитанский рассказывал довольно интересно о мемуарах Хрущева¹⁹⁷. Но нет у нас к Хрущеву нежности и вообще – скучно.

Из Венгрии прилетела Жужа Раб. Она развелась со своим мужем, живет одна и больше всего интересуется Аликом Киселевым. Сказала, что поэт Мезаи опубликовал что-то про Диму в венгерской литературной газете, но газету нам не послал. И Жужа тоже, умница, с собой захватить не догадалась. Зато ей сказали, что в Москве нет рюмочек, поэтому она прихватила нам рюмочки. Можно вообще-то составлять бесконечный список того, чего нет в Москве, но газета с публикацией все-таки нам интереснее.

Про нашу начинающуюся дружбу с Европой¹⁹⁸ Дима сказал: «Китайцы дали нам ногой под зад и мы головой вылетели в Европу».

Левитанский с Жужей ушли, а мы с Владиком и Инной завелись в дурацком споре о том, что у нас будет и как внутри страны. Владик считает, что будет плохо. Инне – лишь бы выпускали в Израиль желающих евреев. Мы с Димой за то, чтобы не было хуже.

Игорь Тимофеев вчера еще принес совершенно невероятные Димины фотографические портреты. Пожалуй, это самые лучшие Димины изображения. Особенно одна, с вытарашенными глазами.

23 сентября 1971 г., четверг.

Вчера целый день читала Абраму Яковлевичу повесть Трифонова «Долгое прощание»¹⁹⁹. Ничего повестушка, о нашей скучной жизни и, главное, без руководящей роли партии, но не блеск. От такого реализма уже мало радости.

А сегодня составляли с Мишкой сочинение по пьесе Островского «Гроза». Он выбрал тему «Отцы и дети в «Грозе»». С огромным трудом сбили его со сте-

¹⁹⁷ Воспоминания были продиктованы Н.С. Хрущевым во второй половине 1960-х гг., когда он уже был отстранен от власти и находился на пенсии. Впервые фрагмент их опубликован в США по-английски журналом *Life* в ноябре 1970 г., а в декабре они напечатаны отдельной книгой (*Khrushchev Remembers*. Boston-Toronto). По-русски – также в США в 1979–1981 гг. В СССР их публикацию начал журнал «Знамя» лишь в 1989 г.

¹⁹⁸ К 1971 г. в советском руководстве возобладала точка зрения на мирное сосуществование и сотрудничество с капиталистическими странами Европы и США, названная на очередном, XXIV, партийном съезде «Программой мира». Началась важная эпоха «разрядки международной напряженности», или «детант». 3 сентября 1971 г. было подписано Четырехстороннее соглашение по Западному Берлину, 11 ноября – межправительственное соглашение СССР и ФРГ о воздушном сообщении; в октябре состоялся официальный визит генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева во Францию и т. д.

¹⁹⁹ Повесть «Долгое прощание» опубликована в № 8 журнала «Новый мир» за 1971 г.

реотипного мышления и косноязычного изложения. В итоге сам завелся, заинтересовался и стал соображать.

Зарос почти как хиппи. Дима его так и не постриг, потому что красил металлические отливки и был весь в краске. Юра зачищал вторую отливку «Памятника погибшим от бомб». Алик Киселев пришел, созвонился с Жужей и ушел.

Мишка ездил сегодня с моими двумя пионерами в военкомат, отыскивать погибшего выпускника нашей школы, чтобы мой отряд мог присвоить себе его имя. По дороге встретил Слепышева. Они друг на друга поглядели, но ничего друг другу не сказали.

24 сентября 1971 г., пятница.

Что-то Хорст не звонит.

Что творится в Китае – никто не знает, но по слухам из Франции, непроверенным, конечно, Мао Цзэдун гигикнул²⁰⁰.

Мишка написал сочинение очень хорошо. Зальцман сказал, что из всего класса ему понравились только два сочинения – Мишкино и еще одной девочки.

Он съездил сегодня на занятия к Боре. Говорит, что что-то понял. Ел у них яичницу и борщ, а также разглагольствовал. Трепаться на вольную тему он может очень удачно. Это не сочинение о «Грозе» писать.

26 сентября 1971 г., воскресенье.

Я заболела ангиной, совершенно жутко. Вообще-то я болею крайне редко и мне грех жаловаться. В этот раз не повезло, потому что ходили сегодня в поход с моими ребятками и, конечно, с Мишенькой. Я еще вчера заболела, совершенно внезапно – после школы, в подвале, меня стало колотить. Температура 38° и в горле справа два громадных бобона.

Мишка трогательно за мной ухаживал. Но задержался у нас дома – отмывал ведро, в котором носят воду для купания, а он брал его с собой в поход. Позвонила его мама, спрашивала, не у нас ли он задержался, и говорила как-то очень по-доброму. Я извинилась, сказала, что прихворнула и Миша мне помогал.

Димушка решил откликнуться на Борино предложение пойти в Большой театр на венгерскую оперу, на Монтеверди, особенно для того, чтобы вывести отца. Он очень не хотел идти из-за моей болезни, но я его все-таки убедила пойти. Для Абрама Яковлевича это огромное удовольствие.

В походе один раз я почувствовала себя совершенно жутко, но потом отошла. Мы ехали два часа в Дубосеково под Волоколамск, где панфиловцы остановили немецкие танки. Дети с восторгом бегали там по блиндажам. Потом возле убогого обелиска провели так называемую «линейку». Моя начальница, новая завуч – тетка добрая и неплохая, но тоже какая-то безумно убогая, что-то жутко проговорила о подвиге панфиловцев. Лучше бы она этого не говорила, потому что

²⁰⁰ Мао Цзэдун умер в 1976 г., но в сентябре 1971 г. между ним и его влиятельным соратником маршалом Линь Бяо вспыхнула ожесточенная борьба за власть, в результате погиб Линь Бяо. Пресса тогда не располагала точной информацией об этих событиях, но крупными буквами просачивались, обрстая неправдоподобными слухами.

заикалась, плела какие-то глупости и, скорее, навредила, чем принесла пользу в патриотическом воспитании. До этого в поезде она мне очень интересно рассказывала, как во время войны работала на лесоповале, будучи школьницей, и еще что-то о тех годах. Естественно, наш скептик Мишка, не терпящий громких слов, тут же пожалел, что не записал ее на магнитофон, который взял с собой.

28 сентября 1971 г., вторник.

Болею. Дома сижу. Если бы не паршивое самочувствие, была бы очень довольна. Дима целый день в подвале. Общался там с Жужей, с Аликом, с Ленкой Гамазиной и Юрой Никитиным.

Мишка по телефону рассказывал мне школьные дела. Он получил паспорт сегодня «в торжественной обстановке». Того, кто желал забрать свой паспорт и уйти, не отпускали – заставляли смотреть концерт.

Что теперь наши будут делать с Англией?²⁰¹

Почему нам не пишут Ирэн и Робер?

29 сентября 1971 г., среда.

Наконец позвонил Хорст. Явился к Диме в подвал с Андреа и со своей мамой. Я всё болею, температуру всё время. Мишка сообщает по телефону о своих «успехах», завтра придет. Завтра вызовем врача.

30 сентября 1971 г., четверг.

Нашу школу, вернее школьную комсомольскую организацию, основательно прохватили в газете «Московский комсомолец»²⁰². Это несправедливо, потому что если уж в нашей очень деятельной школе ничего не делается, то где же делается. Правда, работа эта ведется не за счет комитета комсомола или таких завучей-кретинов, как Бенья или Дина Михайловна²⁰³, которая хоть и старается, но не умеет, а за счет учителей и наиболее головастых ребят. В основном мы с Зальцманом вкалывали и наши ребята. А сейчас они ушли, остались одни рыбные девки в комитете, которые толком сказать ничего не могут. А этих газетчиков я видела. Сразу видно – говно. Завтра Мишка будет выступать на собрании в школе по этому поводу.

Я всё болею. Мишка был у меня, обсуждали эту статью и его завтрашнее выступление. Играли в карты.

²⁰¹ Имеется в виду скандал, разгоревшийся 24 сентября 1971 г., когда Великобритания выслала из страны 105 советских представителей дипкорпуса, заподозренных в шпионаже. В ответ советские власти 8 октября выслали из СССР или арестовали в общей сложности 18 британских граждан.

²⁰² «Московский комсомолец» – ежедневная газета, издающаяся с 1919 г., в описываемое время орган МК и МКГ ВЛКСМ. 30 сентября 1971 г. на «Странице старшеклассника “Сверстник”» в рубрике «Тебе слово, товарищ комитет» газета поместила заметку корреспондента Ю.П. Щекочихина «Тихая школа, или почему не получилось разговора штаба “Сверстника” с комитетом комсомола 18-й спецшколы». Публикация показалась в школе несправедливой, с разбирательствами делегация школьников ездила в редакцию газеты, а Ю.П. Щекочихин приезжал в школу и участвовал в разгоревшейся дискуссии на общем комсомольском собрании. (См. также ниже записи от 21 октября 1971 г.).

²⁰³ Гринчик Дина Михайловна – учительница начальной школы и зам. директора по воспитательной части.

Дима с моей ученицей Леной Гамазиной приводили в порядок, складывали и перекладывали «101» гравюру. Еще Дима общался в подвале с Леной Теминым. Мои ребята-выпускники, когда узнали про эту статью, тут же захотели тоже прийти в школу и выступить. Меня же там не будет, и я этому рада.

1 октября 1971 г., пятница.

Я продолжаю болеть, но уже в весьма легкой форме, поэтому к жизни отношусь активно и с интересом.

Важнейшее событие имело место в нашей школе – комсомольское собрание старшеклассников по поводу вчерашней статьи в газете «Московский комсомолец». Наш Мишель выступил первым с блестящей речью, которая прерывалась аплодисментами, а закончилась бурными овациями. Он, естественно, насколько мог обругал наш комитет комсомола и всё остальное начальство, пытаясь свои слова сглаживать.

После своего великолепного выступления Мишка вскакивал еще раза четыре, огрызаясь на реплики по его поводу со стороны комитетчиков, но это уже носило характер сведения личных счетов, от чего, кстати, я его вчера предупреждала, но безуспешно.

Ида с Леной²⁰⁴ навестили меня, привезли эту статью и зарплату. Статья совсем не произвела на меня впечатления отвратительного или нечестного отношения. Наоборот, она написана даже смело. Просто наши коровы из комитета комсомола оболгали нашу школу, не назвав ничего из того, что у нас действительно есть²⁰⁵. Все эти девки – сами тупые, очень исполнительные, очень занятые сами собой и своей карьерой, поэтому и говорили именно от себя, а их купили на откровенность.

К Диме Мишка тоже не поехал, хотя и порывался, но устал совершенно безумно. В моем шестом классе он практически заменяет меня, и его там уже боготворят.

На собрание приходили тоже мои ребята-выпускники, но выступила лишь одна Женька Смагина, причем по существу вопроса ничего не сказала, а только о том, как неграмотно написана статья с точки зрения грамотности, стилистически и т. д. Мишка сказал, что ее выступление было неудачным, так как именно от нее как раз ждали другого.

Всё равно выработали резолюцию, где в основном обвиняли газету, а не комитет и решили послать всё это в газету, чтобы потребовать опровержения.

²⁰⁴ Слуцкина Елена Самойловна (р. 1939) – преподавательница французского языка, подруга Юлии.

²⁰⁵ «Мы приехали в эту школу, – говорилось в газете, – по совету секретаря Свердловского РК ВЛКСМ т. Севрюковой. Она сказала: “В 18-й спецшколе – самая интересная комсомольская организация”. И мы приехали, <...> чтобы понять, как добилась авторитета комсомольская организация, как добился авторитета комитет комсомола? И не поняли. <...> Далее беседа с активистами, которые говорили о себе же: “А у нас не увлекаются. У нас не такие ребята. Каждый любит только себя и думает только о себе”. “Наши классы зажечь нельзя”. “Кому это нужно что-то организовывать”. Тогда мы поняли школу, в которую приехали».

Дима сидел в подвале, красил «Лик», который мы отнесем завтра в подарок Гинзбургам на 25-летие их свадьбы²⁰⁶.

Была у меня Алка Зайцева, потрясающе играет в дурака. Дима пришел, тоже стал в карты играть, меня обыграл и Алку обыграл. Жутко дурацкое занятие, выбросить что ли карты? Жалко, Мишкин подарок.

Гробман уехал в Израиль. От нас еще какая-то баба из посольства попросила политического убежища в Англии, а из Англии какой-то наш шпион вроде бы убежал к нам. В общем, идет международная веселая жизнь.

Новый анекдот, по-моему, очень удачный: «Что такое КПСС? – Ряд глухих согласных». Алка придумала еще один анекдот на эту тему, менее удачный, но не лишенный правды: «Что такое КПСС? – Коммунистическая партия СС».

2 октября 1971 г., суббота.

Оказывается, как Дима сразу предположил, у Лимона это не фамилия, а он сам себе придумал. Его жена, Анна Моисеевна Рубинштейн, живя у Алки, проговорила, что мать у Эдика – по фамилии Зыбина, а отец – Савенко. И вообще, Лимон очень горазд врать, хоть он, пожалуй, и гений, а если не гений, то очень большой поэт.

Сегодня у нас был невероятно суматошный день. Совершенно неожиданно пришлэндрали меня навестить мои замечательные детишки из шестого класса. Совершенно невероятные симпатяги. Дима с Абрамом Яковлевичем за стенкой умилялись, слушая, как они щебечут как птенчики. Я же с диким интересом обсуждала все школьные дела. Потом пришли две девчонки из девятого класса, тоже прекрасные девочки из Мишкиного класса. До этого я беседовала по телефону с Юрочкой Геннисом. Они с Вовкой Воловниковым решили написать статью в «Комсомольскую правду» в ответ на ту, что была в «Московском комсомольце». И только наш Мишка, от которого я так долго ждала звонка, позвонил позже всех и то только для того, чтобы сказать, что не придет, так как должен провожать бабушку на пароход. Сообщил также, что дома у него сейчас товарищ. Он собирался долго со мной беседовать, но мне не хотелось, потому что были ребята и мне было некогда. Он успел сказать, что за вчерашнее выступление его похвалили ребята из 10 «б», осудила учительница химии и Перельгин. Я его довольно сухо поздравила и сказала, чтобы он звонил завтра в 12.

Мне показалось, что ему было неприятно, что у нас такая компания из школы и все без него. Особенно же он удивился, что пришли девочки из его класса. Этого он никак не ожидал.

²⁰⁶ В.Л. Гинзбург и Н.И. Ермакова познакомились в 1945 г. в Горьком. Виталий Лазаревич работал в университете, а Нина Ивановна приезжала в Горький из расположенного неподалеку села Бор, в котором отбывала ссылку. До этого, 1 июля 1944 г., ее, студентку мехмата МГУ, по доносу арестовали, обвинив вместе с тринадцатью друзьями в подготовке покушения на Сталина (на самом деле молодые люди собирались, чтобы попить чай и потанцевать). Девять месяцев Нина Ивановна провела в тюрьме, потом отправлена в лагерь, но в 1945 г. по амнистии заключение заменили ссылкой. В 1946 г. Виталий Лазаревич и Нина Ивановна поженились. Юлия любила рассказывать эту историю друзьям. (Обо всем этом В.Л. Гинзбург вспоминал в книге «О науке, о себе и о других». – М., 1997. С. 209).

Мы с Димой никак не можем понять, почему Мишка так себя ведет. Он прекрасно знает, как мы ждем его звонка, тем более что я болею, и всё, что происходит с ним и в школе, нас невероятно интересует и волнует. Всё это он прекрасно знает. Предположить, что он забыл позвонить – тоже невозможно. Совершенно очевидно – он делает это намеренно. Он хочет, чтобы мы ждали и волновались. Тем более я рада, что были ребята, и он со своим звонком влип совсем не вовремя. Завтра, если он не позвонит в двенадцать, как договаривались, мы, пожалуй, совсем не будем с ним встречаться. Еще один неприятный факт – успехи кружат ему голову, даже самые незначительные, и он тут же на глазах делается хуже. Господи, до чего же хочется, чтобы мальчик был приличным человеком. А ведь мы по своему опыту знаем, насколько недостатки, подобные Мишкиным, серьезны, если с ними вовремя не справиться. Что же касается наших с ним отношений, то от подобных его поступков они могут сильно пошатнуться.

Я всё время думаю, неужели у мальчика есть безумная идея подчинить нас полностью своим прихотям и приспособить нашу к нему любовь к его образу жизни? Скорее всего, подсознательно у него такая идея есть. И сейчас он пробует различные варианты, даже угрожал с собой покончить, но потом от этого варианта отказался и теперь пробует всякие другие. И всякий раз, дурачок, получает щелчок по своему курносому носу. И мне жалко его, ведь он такой псих, и сам же в итоге больше всех от своих собственных психопатических выкрутасов страдает. Нам с Димкой тоже неприятно, он нам очень дорог, но мы переживем чтобы ни случилось, мы люди закаленные и в общем-то ко всему привычные. Ему же, Мишке, без нас в этой жизни будет совсем худо. Нельзя сказать, что мальчик этого не понимает и не ценит, но все-таки экспериментирует.

Вечером были у Гинзбургов на 25-летию их свадьбы. Выглядят они отлично. Кормили так хорошо, что Сидур просто-напросто обожрался, а я объелась. Потом оба сожалели. Была Женька Зверева со своим Борей. Она наконец защитилась, стала кандидатом и никак не очухается. Выдала Машку замуж за симпатичного парня, кинорежиссера Горлова²⁰⁷, и Женя с Борей отдали им насовсем квартиру на Преображенке.

Фрид и Дунский были очень европейские и элегантные. Оба, даже Юлик, в отличной форме. Они сейчас в невероятном фаворе. Выпускают одно кинодерьмо за другим. Но их дерьмо в несколько более цивилизованной упаковке. Хитрое, но всё же дерьмо. А сами они ребята хорошие, не злые, режим не любят, насмеваются над ним, опять же – от него пострадали, оттого они самые что ни на есть идейные конформисты²⁰⁸.

Женька говорит, что встретила Лемпорта с Силисом. У Лемпорта, говорит, морда красная, обветренная, без возраста. Силис несколько зеленоват, ну он все-

²⁰⁷ Горлов Валентин Анатольевич (р. 1946) – автор сценариев научно-популярных и игровых фильмов, кинорежиссер.

²⁰⁸ В.С. Фрид автор сценариев около сорока художественных фильмов, а Ю.Т. Дунский – двадцати. В описываемое время на экраны вышли, например, такие их фильмы, как «Служили два товарища» (1968), «Старая, старая сказка» (1968), «Всего одна жизнь» (1968), «Гори, гори, моя звезда» (1969), «Красная площадь» (1970), «Тень» (1971). (См. также выше записи от 28 сентября 1970 г.).

гда таким был, несколько зеленоватым. Усиленно приглашали Женьку придти. Напоследок Силис даже дал Женьке свою визитную карточку. Подобную буржуйскую привилегию в Советском Союзе имеют считанные лица по особому разрешению²⁰⁹. Очевидно, у них есть определенные заслуги на такую привилегию.

Англичане нас разоблачают со страшной силой, нам с Димой жаль. Так не хочется, чтобы у нас портились отношения с Англией. У нас там такой кагал друзей, и всё это прекратится. Хорошо, что Смит успел привезти автограф Бриттена. Теперь бы уже побоялся.

До чего же у меня дети замечательные!

3 октября 1971 г., воскресенье.

Мишка ужасно обиделся, чуть не до слез, за то, что я ему сказала, что он вчера позвонил поздно. Оказывается, он звонил, но было занято, и к тому же ему было трудно звонить из-за товарища. Доводы его показались мне малоубедительными, но стало так его жалко, что мы это прекратили. Всё это у нас от очень большой любви друг к другу. Прочитал он нам свою речь, которую сказал на собрании. Речь отличная, хотя и уязвимая для сильного противника, но таковых не оказалось и Мишка стал героем, хотя были в его высказываниях и очень детские заявления.

Были у нас в гостях в мастерской голландцы из посольства, принесли в подарок книги про Липшица²¹⁰ и Мура. Сказали, что в Голландии какой-то профессор при амстердамском Музее Ван Гога хочет что-то писать про Диму. Всё это сообщила та старушка, замдиректора музея, которая у нас была летом. Эта же тетенька и книги прислала. Совершенно великолепные книги. Липшиц тоже абсолютный скульптурный гений, как и Мур.

Приходили Валька с Эдиком. Эдинька принес замечательные фотографии, где Дима с отцом. Великолепные фото.

4 октября 1971 г., понедельник.

Я нашла крошечного котенка, которого девочка со двора хладнокровно предлагала «кокнуть, чтобы не мучился». Я не могла его не взять и взяла. Конечно, от нас котенок попал Мише.

Я выписалась на работу, выстояв предварительно в очереди в коридоре. Подобные очереди отбивают у советских людей всякую охоту болеть. Особенно когда нервничаешь в коридоре, как бы кто не прошел впереди тебя.

Нас уже во второй раз посетил молодой парень <Михаэль Кайзер> – австриец, музыкант из венского оркестра, который привез нам привет от Бютнера, какие-то христианские брошюры по-немецки, интересные нам только из-за неко-

²⁰⁹ Разрешение необходимо было получить в Главлите.

²¹⁰ Липшиц (Lipchitz) Жак Хаим Якоб (1891–1973) – скульптор, дизайнер, декоратор, автор станковой и монументальной скульптуры. Родился в Литве, с 1909 г. жил в Париже, с 1941 г. – в Нью-Йорке. Ж. Липшиц и Г. Мур были одними из самых почитаемых В. Сидуром скульпторов современности.

торых фотографий скульптур и рисунков, какую-то ценную штучку для Эдикова аппарата и два романа Беккета для Надежды Яковлевны Мандельштам с его авторграфом. Парень приятный, серьезный, виолончелист. Говорит, что попробует достать нам по четыре билета на «Тристана и Изольду», Бетховена, Шуберта и Моцарта²¹¹. Мы были бы очень рады – могли бы пойти все вместе с папой и Мишкой.

Мишенька ничего не понимает в математике, то есть – совсем ничего, и завтра поедет к Боре Хазанову, а сегодня он со своим магнитофоном собрал интервью для выпуска стенгазеты, связанной с выступлением против нас газеты «Московский комсомолец». Привез на такси жуткое количество замечательных железяк и забрал котеночка, который невероятно пищал.

Забегала к нам Клариса²¹², у которой отменили все поезда, и она просидела у нас до часу дня. Рассказала, что Андрей Синявский доволен жизнью и пишет то ли роман про Пушкина, то ли исследование²¹³. И будто бы кагэбешники уже что-то из его вещей продали за границу.

Юлик Даниэль звонил нам на днях. Он посетил Инну. Выглядит хорошо, только что был у Ларисы, она должна скоро выйти. Ужасно Юлик ненавидит революционеров, спокойно говорить о них не может.

Выпустили Красина. Сказали ему, что восстановят его на прежней работе, лишь бы он только не лез на рожон и трогать его не будут. В общем, невероятный либерализм и гуманизм.

5 октября 1971 г., вторник.

Пошла на работу первый день. Уже недовольна, одни дети хорошие. Столкнулась с Еленой из-за того, что я не пошла на политинформацию куда-то в школу № 204. Первый день после болезни можно было со мной и не связываться ей. Я относилась к ней вполне хорошо, но теперь всё кончено, после нашего спектакля и особенно после истории с Мишкой.

Дима был в мастерской целый день и что-то вкалывал. Я же спала дома.

Абрам Яковлевич и моя мама съездили сегодня в Алабино, собрали там несколько яблок и выпустили воду из котла.

7 октября 1971 г., четверг.

Мишка получил двойку по физике, а у меня по французскому – «пять». На него сердятся ребята в школе, очевидно, из-за его склонности к зазнайству

²¹¹ Речь идет о гастролях Венской государственной оперы в Москве с 2 по 16 октября 1971 г. Из Вены приехали 400 артистов и музыкантов. В Большом театре были представлены три оперы: «Свадьба Фигаро» В.А. Моцарта, «Кавалер роз» Р. Штрауса, «Тристан и Изольда» Р. Вагнера. Помимо этого, в Большом зале Консерватории состоялись три симфонических концерта, на которых были исполнены Девятая симфония Л.В. Бетховена, Неоконченная симфония Ф. Шуберта и Реквием В.А. Моцарта. Концертами дирижировали К. Бем и Й. Крипс. Одновременно в Вене с тремя спектаклями выступала оперная труппа и оркестр Большого театра. (См. также запись от 13 октября 1971 г.).

²¹² Подразумевается К.И. Лозовская.

²¹³ Речь идет о книге «Прогулки с Пушкиным», начатая А.Д. Синявским еще в заключении, законченная в 1973 г., а опубликованная в 1975 г. в Лондоне.

и пижонству. За мной он ходит как хвост и это, наверно, тоже многих раздражает. Он же и не думает ничего скрывать, а наоборот, дурной, всячески афиширует.

Гдаль посмотрел его кардиограммы и сказал, что его недомогания функциональные и всё у него пройдет.

Был у нас Хорст с товарищем. Дима подарил ему еще 34 отличные гравюры, чтобы часть он взял себе и Андрею, а часть для Карлуши. Эти гравюры завершают цикл «101». Дима вкалывает как проклятый и не снимает с себя рваную шерстяную рубашку.

Мальчик огорчает, потому что он не такой, каким мы его хотим видеть.

8 октября 1971 г., пятница.

Мишка меня убил! Написал редакционную статью о комсомольском собрании, которое прошло по поводу обсуждения статьи в «Московском комсомольце». Такая жуткая лажа, которую мне стыдно читать. Полное отсутствие вкуса, такта, невероятная говнистость, которая так и прет из него. Даже не верится, что писал человек умный и наш с Димой сынок. Безумная самовлюбленность – «Я – левый», «Я обругал», «Я был польщен», «Девочки из 10 “б” восхищены тобой, – как сказал Костя» и тому подобный кошмар. Более 50 % всей статьи – о себе и о произведенном на публику впечатлении, затем в очень пренебрежительном и несерьезном тоне о других.

Естественно, я высказалась очень резко и даже написала свой комментарий. Мишка пошел весь пятнами – так ему было неприятно, но вида не показал и вел себя так, как будто бы ничего не случилось. Но я потом в присутствии Юры Генниса, который тоже был редактором и в общем свой человек, всё ему еще раз повторила. Он пытался что-то возражать, смеясь, но у него очень плохо это получилось. В общем, я очень здорово дала ему по мозгам и результаты не замедлили сказаться. Он сник, посерьезнел, звонил и разговаривал без всякого жеманства и вообще стал похож на нормального человека. Боюсь, что все эти взрывы идиотизма исходят от Зальцмана, малого истеричного, тоже невероятно самовлюбленного, хотя и не лишнего некоторого обаяния, особенно на нашем в основном бесцветном учительском фоне.

Мишка вступает в конфликты из-за дерьма, а сегодня Зальцман стал издеваться над ним в классе из-за того, что Мишка носит такие смешные брюки (которые, действительно, смешные и уродливые) и пошел звонить его матери, чтобы та заставила его переодеть брюки, иначе он, как учитель, устроит ей скандал. Меня это хамство невероятно возмутило, а Мишка ничего, даже не очень обиделся. Я сказала ему, что думаю по этому поводу. Юра меня поддержал и сказал, что у Зальцмана это было всегда – бестактность и пошлость. Мишка пообещал надеть другие портки завтра, но после нашего разговора сказал, что придет в тех же самых штанах, а Зальцману постараемся объяснить по возможности вежливо, что это не его дело.

Мишка очень и очень трудный мальчик и чем-то баба по характеру, вернее, девочка.

Вечером у нас был Хорст с двумя немцами-супругами – переводчиком при посольстве с женой. Хорст уезжает. Очень милый парень. Уезжать не хочет совсем, страдает.

Разговаривали по телефону с Левой Копелевым, он хочет привести завтра к нам писательницу-антифашистку из ФРГ.

Эдинька принес замечательные фотографии Димы со скульптурами «Пророки».

9 октября 1971 г., суббота.

Вывесили в школе газету. У нас появилось много сторонников из Мишкиного класса. Его статья, естественно, не пошла, а новой он не написал.

Дима в мастерской встречался с немецкой писательницей, которая пришла с Левой Копелевым. Ему очень понравилась эта женщина, понимающая и очень симпатичная. Купила гравюру за 50 рублей и еще Дима подарил ей свою скульптуру «Лик». Ее зовут Луиза Ринзер²¹⁴, она антифашистка и при Гитлере была приговорена к смертной казни, но каким-то чудом уцелела. Потом Дима принимал экскурсию из молодых поэтов во главе с Леней Теминым.

Я занималась с Тюпой у нас дома, Мишка с котенком прискакал в подвал. Я тоже потом приехала, и Боря с Тюпой тоже попозже, после кафе-мороженого. И Наташка Нольде приехала, но вдруг у нее сильно заболела голова. Она даже попечатала немножко, но потом уехала. Ужасно жалко ее.

Мишкина кошка невероятно умильная. И Мишка тоже был очень симпатичным мальчиком сегодня. Не выпендривался и не воображал. А я его мимоходом поругивала. Очевидно, поэтому, а может быть, еще почему-либо, когда он приехал, то позвонил из дома и в разговоре с Димой сказал, что у него что-то накапливается и нам необходимо объясниться. Я уверена, что это из-за меня, вернее из-за моей критики. Я, конечно, перегибаю, но чувствую, что иначе нельзя. Мне и жаль его, но слишком опасен путь, по которому ему так хочется идти и тут уж наши дорожки точно разойдутся. Он все-таки нас слушает и принимает к сведению. Хорошо, что не затаивается в себе, раз хочет объясниться. Значит, все-таки очень сильно доверяет и любит нас. Мне жаль мальчика, но иначе я не могу. <...>

11 октября 1971 г., понедельник.

Дима все время занимается своими металлическими отливками. Доволен ужасно. Сегодня вдруг прислали по почте из Югославии три номера журнала *Umetnost* за 1969 год. На адресе написано «Друг Вадим Сидур», очень приятно.

Мишка высказал, наконец, правда с большим трудом, то, что у него «накопилось». Сначала он сказал, что поскольку он решил больше нам не говорить насчет своих настроений о самоубийстве, то у него сейчас двойственное положение, потому что, как он высказался, эти настроения достигли у него «высшей стадии». Потом он вдруг неожиданно перешел к самому главному, что его волновало – это к тому, что я его критиковала при Юре Геннисе. Он стал весь крас-

²¹⁴ Ринзер (Rinser) Луизе (1911–2002) – писательница, педагог. До 1939 г. работала учительницей в баварской школе, в 1944 г. по доносу была арестована Гестапо. После войны занялась литературской деятельностью – автор тринадцати романов, огромного числа рассказов для детей и взрослых, статей, автобиографических сочинений, лауреат многих литературных премий.

ненький и тут всё стало ясно. Еще он сказал, что я ругала его при Тюпе. Оказывается, это тоже его волнует, хотя изо всех сил он хочет показать, что ему плевать. Но самое главное, что он тут же начинает всерьез задумываться о самых крайних мерах, настолько это его задевает. Я знала, что этот разговор состоится, и он состоялся. Я сказала, что говорила при Юре нарочно, так как он тоже редактор, как и Мишка. Мне хотелось именно Юриной поддержки, поскольку он человек исключительной порядочности, к Мишке относится прекрасно и никогда не использует то, что я говорила, против Мишки. К тому же Юра очень часто писал статьи, у него есть некоторый опыт и ему можно вполне доверять. В тоже время я не стала скрывать, что очень хотела, чтобы Мишка почувствовал, насколько он зазнался и даже поглупел, судя по этой статье. И что это опасная тенденция в нем – непомерно раздуваться от малейших успехов. Еще я сказала, что учту обязательно его такую тяжелую реакцию на подобные явления, но хотелось бы, чтобы он это тоже учел. И снова я ему говорила, что мы с Димой связали с ним свою жизнь, и нам очень хочется, чтобы он был человеком порядочным, скромным, честным и добрым, то есть, чтобы он развивал в себе с нашей помощью то лучшее, что в нем есть и подавлял всё нехорошее, особенно, желание суперменствовать и выпендриваться перед другими. Я сказала снова, что, на мой взгляд, у него есть очень неплохие литературные способности, но, к сожалению, мало знаний. Но может быть, при очень большом труде и жизненном опыте эти способности выльются в итоге в какое-либо творчество. Нам с Димой этого бы хотелось, но чем бы он не занимался в дальнейшем, нам уже сейчас хочется, чтобы он был приличным человеком.

Расстались мы, кажется, облегченные, так как всё выяснилось. <...>

12 октября 1971 г., вторник.

Познакомились с очень симпатичным французом Жоржем Саада, физиком, приятелем Мишеля Сиамы, который уже неделю в Москве, но до сих пор не мог нам дозвониться. От него мы узнали, что отец Марианны умер. Ее отец, Бернас, тоже физик, а Жорж, хотя и незнаком с ним, слышал, что он умер. Ужасно жалко девочку. Мы, правда, подозревали, что дела плохи, но все равно очень огорчились. Напишу девочке письмо и отправлю с Жоржем.

<...> Вечером Мишка приехал. Была Наташка Нольде. Мишка немного болтал по-французски, с ошибками, разумеется.

Жорж – очень милый француз, ему у нас нравится – и люди, и атмосфера. Почему так нравится у нас иностранцам? Правда, он говорит, что из-за бюрократизма до сих пор не начал работать и что ему затрудняют контакты с людьми. И всё равно ему у нас нравится. Я думаю, это оттого, что у нас большой интерес к людям с Запада и большое гостеприимство, к чему они там не привыкли, разъезжая везде и всюду.

13 октября 1971 г., среда.

Начала читать роман Солженицына, прочла 26 страниц и пока ничего не могу сказать – хорошо это или плохо.

Дима ходил в консерваторию с Мишкой, Кайзер провел²¹⁵. Я отказалась в пользу Мишки, чтобы почитать «Август Четырнадцатого». Оказалось, что они претерпели всякие трудности, но Кайзер постарался и провел в ложу, хотя было полно КГБ и милиции, так как присутствовала Фурцева²¹⁶ и другое начальство. Дима говорит, что концерт был совершенно потрясающим. Неоконченная симфония Шуберта и Реквием Моцарта. Особенно Моцарт. Говорит, что это, пожалуй, самое сильное впечатление от музыки за всю жизнь – по какому-то абсолютному слиянию музыки и исполнительского мастерства хора и оркестра. <...>

14 октября 1971 г., четверг.

Погода стала совсем сырая. Никакого потепления, наоборот, дождь и холодно.

Вместо директрисы по ее просьбе ездили в «Комсомольскую правду» расхлебывать наше обругание. Те сволочи из «Московского комсомольца» активизировались, почувствовав, что мы что-то делаем. Сегодня появилась совсем уж гнусная статеечка в «Московском комсомольце» какой-то ученицы²¹⁷. Это дело уже совсем инспирировано.

Мишка получил двойку по физике. Он будет неуспевающим в этой четверти примерно по четырем предметам – по алгебре, геометрии, физике и химии. Так, может и на второй год, дурак, остаться.

Димушка любит бронзочками, которые ему отливают бронзотавры, потом их очищает. Послезавтра он устанавливает памятник Андрееву Сергею в Пушкино, если, конечно, всё будет в порядке.

Пришли к нам в гости Жорж и Михаэль Кайзер. Кайзер завтра уезжает в Вену. Мы все говорили на английском и французском языках. Кайзер попробовал рассказать Жоржу про антропософию, но тот с самого начала стал забивать его своей физикой, и на этом все кончилось. Оба очень хорошие ребята – и француз, и австриец. Заговорили о войне. Мы сказали, что немцев называли у нас Фрицами, а французы называли их боши. Кайзер сострил: «А нас называли “autres chien”, что значит – “и другие псы” по-французски от слова “autrichien”». Жорж тоже ужасно приятный парень. Мы выпили водки, закусили и как-то об очень многом сумели поговорить. В связи с отъездом Дима подарил Кайзеру четыре гравюры. Он вчера очень трогательно старался провести их с Мишкой

²¹⁵ См. запись от 4 октября 1971 г.

²¹⁶ Министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева. На концерте в этот вечер присутствовал также министр иностранных дел Австрии Р. Киршлегер, прибывший в Москву на заключительные спектакли Венской оперы.

²¹⁷ 14 октября 1971 г. газета «Московский комсомолец» в очередном выпуске «Страницы старшеклассника “Сверстник”» поместила пафосное письмо девятиклассницы из 408-й московской школы: «Самая большая вина тут самих комсомольцев. Неужели им не было скучно киснуть в этом тихом болоте? <...> И вот, что я хочу посоветовать комсомольцам спецшколы № 18. Встряхнитесь, посмотрите, те ли люди сидят в комитете и так ли вы живете, как должны жить? Проснитесь! Ведь вы же комсомольцы, а не какие-нибудь пресмыкающиеся с холодной кровью. Еще не поздно начать жизнь по-настоящему. Так беритесь же за дело! <Надо> заниматься в кружках и секциях, работать в совете дружины и районном пионерском штабе, в районном комсомольском штабе».

в консерваторию. Даже надел на Мишку свой плащ, чтобы тот не казался столь юным.

Господи, до чего же хочется, чтобы Мишенька стал хорошим человеком.

15 октября 1971 г., пятница.

Завтра Димушка должен устанавливать памятник Андрееву Сергею в Пушкино. Погода сегодня на редкость омерзительная – целый день дождь со снегом, и Димушка как нарочно очень плохо себя чувствовал.

В мастерскую заходили кое-какие люди: Юрочка Геннис, Ленка Гамазина, наш Мишка, Юра Никитин, Оля с телевидения со своим мужем-болгаринном и Эдинька.

Дима остучал молотком, приведя в порядок, одну бронзочку Солженицына. Кларочка забрала, но я не жалею.

Что-то скудно.

16 октября 1971 г., суббота.

Установка памятника не состоялась. Целый день была пурга и шофер отказался ехать на установку.

Димушка рисовал книжку Темина и сидел с заказчиками, которые тоже безуспешно ждали Виталия с машиной.

Вечером к нам домой приехал Боря Хазанов с Тюпой и наш Мишка. Мы с Тюпой успешно позанимались французским. Она невероятно продвигается вперед. Потом играли в карты двое на двое.

Удалось схватить кусок передачи по Би-би-си. Читали «Август Четырнадцатого». Ничего нового не сказали.

Мишка очень хочет, чтобы мы его как детеныша приласкали. Такое ощущение, как будто мальчик был с нами всё время.

17 октября 1971 г., воскресенье.

Мы с Димушкой, несмотря на его гриппозное состояние, поехали в мастерскую, где встретились с Абенсуром и еще одним французом с пятилетним сынишкой. Потрясающе умный пацан. Абенсур принес мне несколько книжек, из которых одна замечательная о французской литературе с 1945 г. до наших дней. Вечером дома слушали Би-би-си и вдруг услышали знакомый голос Майка, который теперь занимает очень ответственный пост директора организации, борющейся за свободу выражения писателей во всем мире²¹⁸. Журнал этой <организации> будет называться «Индекс»²¹⁹. Нам с Димой очень приятно было его услышать.

²¹⁸ Речь идет о правозащитной организации *Index on Censorship* (Индекс цензуры), существующей с 1972 года до наших дней и ставшей со временем одной из ведущих в Великобритании и в мире.

²¹⁹ Имеется в виду основанный в 1972 г. в Лондоне ежеквартальный журнал *Index on Censorship*, М. Скэмелл был его редактором до 1981 г. В феврале 1997 г. Фонд защиты гласности по инициативе организации *Index on Censorship* учредил в Москве русскую версию журнала «Индекс/Досье на цензуру».

18 октября 1971 г., понедельник.

Димушка чувствует себя неважно, но в мастерскую все равно пошел, потому что Толя-отливальщик принес двух отличных «Инвалидов перерубленных» из алюминия. Кажется, книга Темина наконец закончена.

Мы с ребятами – я, Мишка и еще трое комсомольцев, хоть и с трудом, но все-таки пробились в редакцию «Комсомольской правды». Заведение на редкость бюрократическое и практически никакого молодежного духа там нет. Но мы во что бы то ни стало хотели обелить честное имя нашей школы и первый шаг сделали, можно сказать, успешный. Нас выслушали, сделали вид, что поняли и даже взяли кое-какие документы – возмущенные письма наших ребят.

К Косыгину привязывались в Канаде²²⁰, но он очень достойно на это отреагировал, то есть спокойно и даже невозмутимо.

19 октября 1971 г., воскресенье.

На днях Би-би-си сообщило, что Володя Максимов вступился за Буковского, посаженного в сумасшедший дом. А сегодня французы сказали, что Солженицын готов получить Нобелевский диплом не при закрытых дверях, а чтобы произнести публично свою речь.

Теперь мой Дима удовлетворен.

Мишка поехал встречать бабушку, но оказывается, пароход прибывает только в три часа ночи из-за опоздания. Мишка хочет поехать ее встречать ночью.

Димушка чувствует себя неважно, но продолжает долбить свои бронзочки. Абрам Яковлевич тоже неважно себя чувствует.

Приехал Алик Киселев, черный от загара и со здоровой солдатской мордой. Рассказал об отвратительном эпизоде из нашей действительности, когда его обхамили в гостинице «Пекин» вместе с Жужей, которая от страха чуть не умерла. Алика чуть не загребли в милицию за то, что он «позорил СССР перед иностранцами», а те улыбались.

В школе тоже ни фига хорошего. «Комсомольская правда» – вшивая продажная газета, конечно, отказалась нас защищать.

20 октября 1971 г., среда.

Сегодня установили, слава богу, памятник Сергею Андрееву. Виталий приехал поздно и рассказал, что всё в порядке, хотя было очень трудно и без него ничего бы они не сделали.

Дима просидел допоздна в подвале, прорабатывая бронзовые чушки молотком. Он устает, но получает оромное наслаждение от этой работы.

Я была дома с моей мамой и Абрамом Яковлевичем. Мама кое-что сварила и ушла, а я пропылесосила в комнатах.

²²⁰ 18–26 октября 1971 г. состоялся официальный визит председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина в Канаду – первый в истории двух стран визит советского руководителя такого ранга. В день приезда из группы прессы, которая находилась в полутора метрах от А.Н. Косыгина, на него попытался напасть с ножом эмигрант из Венгрии, но террориста вовремя оттолкнул премьер-министр Канады П. Трюдо, а затем повалила охрана.

Мишка позвонил и рассказал, как он ночью ловил такси, чтобы встретить бабушку. По заказу такси не пришло, и он, бедняга, намучился, но бабушку привез вместе с вещами в целости и сохранности. В школу, естественно, сегодня не пошел, так как проспал до двух часов дня. Позвонил нам с Димой каждому по отдельности и рассказал, что делает уроки – готовит доклад по сравнению характеров Базарова и Павла Петровича.

Я читала вслух Абраму Яковлевичу про Рембрандта, он был ужасно доволен.

21 октября 1971 г., четверг.

Мы виделись с Хельмутом²²¹ из ФРГ. Красивый немец с усиками, но не в моем духе. Некоторые женщины очень любят таких блондинистых мужчин, громадных и мужественных. Он принес кое-какие вести от Карлуши, в основном всё, что мы знаем о том, как он старался насчет Диминой выставки²²². Молодчина парень! Хотя у него, может быть, ничего и не выйдет, но он очень трогательно старается.

Действительно, Дима не зря любит свои металлические отливки, с которыми он возится с такой любовью. Целый день стучит молотком и очень радуется.

Позвонил Валерий, один из заказчиков памятника Андрееву Сергею, сказал, что всё очень красиво выглядит, и они все Диме благодарны. Это приятно, тем более что Дима с ними потерял очень много нервов, когда они думали, что он их обманывает, не хочет платить, да еще не верили, что скульптура в действительности существует. Очень хвалили Виталия Суховерхова. Он и впрямь парень редкий среди каменщиков, пьет мало, а десятку, которая осталась у Валерия, взять отказался. Очевидно, из-за того, что Дима через Кларочку устроил его жену к одной очень хорошей врачухе. Его жена страдает застарелым геморроем и до свидания с врачом очень боялась, что у нее рак.

Мишка делается лучше на глазах. Не по дням, а по часам. Сегодня ездил с моими шестиклассниками в редакцию газеты «Московский комсомолец», где имел разговор с одним из авторов статьи о нашей школе, неким Щекочихиным²²³.

²²¹ Имеется в виду Яхно (Jachnow) Хельмут (р. 1939) – друг и коллега К. Аймермахера, с 1969 г. ассистент Констанского университета, лингвист, историк славянских языков, в 1976–2004 гг. профессор, зав. кафедрой славянских языков Бохумского университета. Во время пребывания в Москве Х. Яхно помогал К. Аймермахеру и В. Сидуру осуществлять переписку, пользуясь правом отправлять письма через посольство.

²²² Речь идет о совместной выставке В. Сидура и Э. Неизвестного в *Galerie zum Licht* швейцарского города Фрауенфельд, прошедшей с 27 ноября по 5 декабря 1971 г. под названием «Современное советское искусство на примере двух художников: Вадим Сидур, Эрнст Неизвестный». Эта выставка, подготовленная К. Аймермахером, была для В. Сидура первой в Западной Европе. Были представлены его гравюры и рисунки.

²²³ Щекочихин Юрий Петрович (1950–2003) – журналист, писатель, сценарист. По окончании журфака МГУ начал работать в газете «Московский комсомолец». В 1972–1980 гг. вел в ней рубрику «Алый парус», где занимался проблемами подростков. В 1980–1996 гг. редактор отдела исследований в «Литературной газете». С 1996 г. заместитель главного редактора и редактор отдела исследований «Новой газеты». В 1990 г. избран народным депутатом СССР. В 1995 г. и 1999 г. избирался депутатом Государственной Думы от фракции «Яблоко». Входил в состав Комитета по

Вечером он приехал к нам с кошкой, которая нажралась у нас печеночного паштета и начала вся трястись, чихать и плевать, но потом повеселела и играла и бесилась совершенно уморительно. Изумительная совершенно кошка. <...>

Неожиданно мне предложили ехать переводчиком от газеты «Вечерняя Москва», чтобы взять интервью у корреспондента газеты *L'Humanité* Пьера Дюрана. Тот не сказал ничего интересного, кроме общих фраз, но для интервью поделился, что приехал специально, чтобы увидеться с Брежневым. Уже стало ясно, что у него ничего не получится, поэтому он уедет завтра вечером. Опять же мне конфиденциально он сообщил, что в Париже Брежнев собирается говорить какие-то теплые слова Picasso. Мы с ним вдвоем этому событию порадовались.

В десятом часу вечера приехал к нам в подвал Саша Новачич, по моему, последний югославский корреспондент от агентства ТАНЮГ, оставшийся в настоящее время в Москве. <Потом> мы мило у них посидели, тем более что у них тоже живет кошка-дворняжка, и она нас забавляла своим тигриным видом и кротким характером.

22 октября 1971 г., пятница.

С Димкой виделись только около 12 ночи. Я так притомилась, что, придя с работы, заснула как камень. Димушка возился в подвале со своими бронзами и беседовал с Эдиком.

23 октября 1971 г., суббота.

Сидели целый день дома. Дима тоже устал и в мастерскую не пошел, хотя его туда тянуло. Утром мы поругались из-за фломастеров. У Димы их целая куча, и три дня назад он мне обещал дать их в воскресенье, а сегодня, когда пришло время отдавать, ему стало жалко и он устроил мне скандал. Я просила немного, но он всё равно мне не дал, а ушел и стал ими рисовать и нарисовал три отличных рисунка.

А вчера Дима мне сказал: «У меня состояние тихого отчаяния». Сегодня он тоже пребывал в мрачности, оттого и не дал мне несколько вшивых фломастеров из огромного количества, что ему подарили наши западные друзья.

Вечером приехал Мишка с замечательными железками и с замечательной кошкой Муркой. Зальцман задал сочинить сценарий по одной из глав из романа Тургенева «Отцы и дети». Зальцман ужасный халтурщик – учить не учит, а «задает задания». Короче говоря, Дима сочинил отличный сценарий по последней главе романа «Отцы и дети». Мишка, к сожалению, очень туго мыслит сам в плане выдумки и художественного вымысла, у него больше склонности к публицистике. Но вообще, парень наш нам нравится. Мы не переставали его любить ни разу, но сейчас нам уже приятно, что он меняется в лучшую сторону, серьезнее делается и старше.

безопасности Госдумы (заместитель председателя) и Комиссии по борьбе с коррупцией в органах государственной власти. Рассматривал проблемы организованной преступности. Умер после загадочной скоротечной болезни. Есть версия преднамеренного убийства. Расследование обстоятельств смерти до сих пор не закончено. (См. также выше записи от 30 сентября 1971 г.).

26 октября 1971 г., вторник.

Витя с Ниной Гинзбурги приехали к нам домой в гости. Мы очень мило посидели у нас. Абрам Яковлевич сидел с нами допоздна и ему было интересно.

Дима упоенно выстукивает свои бронзы. В металле это то, что надо.

С Мишкой опять напряжение. При всем хорошем, что в нем есть, хватает у него и говнистости, и хамства, и свинства. И все эти отрицательные проявления особенно невыносимы при внешней благовоспитанности, особенно, когда он очень вежливо здоровается и прощается. Нагадит, наплюет в душу, а потом вежливо скажет: «До свидания, Юлия Львовна». Вчера сняла его с двумя другими ребятами по их просьбе с урока истории, чтобы покрасить мой кабинет в школе. Делали всё паршиво, халтурно, Мишка моментально выдохся, при этом выпендривался совершенно невыносимо. Я долго терпела, пока он не измазал мне краской один стул, а затем совершенно нарочно – и другой, причем у меня на глазах. Естественно, я его выгнала, и всё стало нормально тут же. В этот день он уже мне не звонил, только позвонил на минуточку Абраму Яковлевичу, чтобы сообщить, что он будет занят со своей кинокамерой, которую он купил, а она не работает. Сегодня в школе появился в моем кабинете среди ребят, но не подошел, не поздоровался, и вид у него был довольно фиговый, чувствовалось, что переживает.

Зальцман наконец отдал его сочинение. Он единственный в классе получил пять. То самое сочинение по «Грозе» Островского, которое мы с Димой с ним вместе готовили. Написал он неплохо, но мы с Димой ожидали большего. Есть места слабые и даже беспомощные. Очевидно, эта пятерка и вскружила ему голову до беспределности. Его совершенно нельзя похвалить чуть больше нормы. Я торчала в школе до темноты, когда он вдруг появился вместе с моей выпускницей Мариной Крамер, якобы ее сопровождая. В зале шла репетиция Наташиных десятиклассников, где я присутствовала в качестве консультанта, и слышала, как Мишка в беседе с Мариной выдавливает из себя напряженный невеселый смех. Потом мы увиделись у выхода, где валялся его допотопный велосипед. Мы вежливо попрощались, и я отдала ему сочинение без каких-либо комментариев. Он поехал провожать Марину, и я не сомневалась, что он меня догонит на своем рассыпающемся драндулете. Опять как ни в чем не бывало стал спрашивать про сочинение. Я сказала, что думала. Ответы мои были более чем сдержанные. Тем не менее он делал вид, что ничего не замечает. Простилась я с ним тоже очень просто и очень незаинтересованно. Он же был чрезвычайно вежлив.

Вечером, когда были Гинзбурги, он опять позвонил и, очевидно, ждал, что мы будем говорить, как всегда. Но после первых же пустых фраз мне это надоело и я сказала, что мне очень трудно с ним говорить, как всегда после вчерашнего и нам необходимо это выяснить, а притворяться, что ничего не произошло и вести светскую беседу мне неприятно. Он же очень стрался говорить просто, передал привет от кошки, говорил, как он будет помогать моим шестиклассникам выпускать журнал и т. д. На меня это не подействовало, тогда он сказал, что тому, что вчера произошло, он «не придавал особого значения». Я ответила, что, напротив, придаю этому большое значение, а притворяться не могу. С другими не

могу, а с ним – тем более. Он сказал: «Хорошо». Мы опять попросились и повесили трубки.

А днем, пока я была в школе, он с Димой беседовал, и Дима не дал ему понять, что он в курсе наших «событий». Можно было, конечно, плюнуть, но, думаю, что этого делать было нельзя. Нельзя спускаться, когда человек гадит намеренно, я все-таки не верю, чтобы он был настолько шизофреником, чтобы совсем не контролировать свои поступки. Тем более непорядочно, что он распускается, используя наши отношения как ширму для всяких, может быть, и детских (хотя я в это уже не верю), но очень отвратительных действий. Ведет же он себя в такие моменты так нагло и противно, что я с трудом верю, что это тот же самый человек, который способен на благородство, на смелость, даже на героизм. Как сочетается в нем эта мелочная гадливость – измазать стул краской, забрызгать пол, по пояс высовываться в окно, чтобы кто-то волновался, его жеманный тон, мелкое и бесцельное ехидство, незаслуженное желание привлечь всё внимание на себя, причем чем угодно, любыми жалкими средствами – от завистливости до шутовства и склоки.

Это, безусловно, срыв, потому что в последнее время он явно стал лучше. Но с грустью констатирую, что подобные срывы порождают во мне отчужденность, которую я с трудом перебарываю. Дима уже давно понял, что такое Мишка, и в душе оставил ему очень скромное место. В повседневной жизни он считает его человеком ненадежным. Опять же Мишка при всей своей любви к железному хламу и даже удивительного для его возраста понимания искусства, кто такой Дима – по-настоящему ни понять, ни осмыслить не может. Руками сделать ничего не может. Даже такая ерунда, чтобы следить за тем, чтобы инструменты в мастерской были в порядке, оказалось ему не под силу. Он на себя этой ответственности не взял. Разворошил заднюю комнату, сделал жуткий беспорядок, а убирала за ним Владик и Игорь под Диминым руководством. Пишет статьи в основном цинично и разрушительно, большею частью слабо, хотя и запальчиво (но другие и так не умеют). Сочинение готовили мы с Димой, сценарий по Тургеневу Дима сочинил, потому что Мишка признался, что не имеет ни единой мысли в голове. Зато от полученной пятерки, заслуженной все-таки не самостоятельно, приходит в неопишуемый раж и раздувается. Жалко мальчика.

27 октября 1971 г., среда.

Отсыпались. Приезжал к нам Женя Вишневецкий, который из Новосибирска, хороший очень парень. Привез и подарил нам свой перевод Беккета «Конец игры». Жалко, что мы не смогли пригласить его с собой в мастерскую из-за этого чертова Хельмута, который должен был к нам сегодня прийти, но который не пришел и не позвонил. Димка стучал молотком по своим скульптурам, а я подписывала фотографии скульптур и совсем очумела от этого стука.

Мишка позвонил около шести и беседовал с Димой. Дима говорит, что чувствуется по голосу, что он говорит как человек провинившийся. Мы с Димой решили все-таки с ним обязательно поговорить. В школе он должен мне помогать и во всем меня поддерживать, а не вступать со мной в конфликт.

29 октября 1971 г., пятница.

С Мишкой всё снова прояснилось. И слава богу! Он, конечно, нас терять не хочет. Мы дороги друг другу пока очень. Он часто спорит и многого не может понять, а многого не хочет понять, потому что так легче существовать – так, как ему хочется. Но поскольку он с нами, мы от него требуем, возможно, большего такта и большей чуткости, а ему так хочется детского идиотизма и детской дикости.

Сегодня в нашей школе с невероятным блеском прошел семинар для директоров школ района. Выступали мои ребята – студенты Юра Геннис, Вовка Волонников и Ленка Гамазина от «Спирали», а наш Мишка – как редактор журнала «Кашалот». Все очень хорошо выступили, а Мишка вообще всех обаял и даже сорвал аплодисменты. Алик Киселев тоже с ребятами показывал свои маленькие отрывочки, упражнения и всех убил своей лихостью.

Вчера мы во второй раз были у Надежды Яковлевны Мандельштам. Она лежала в кухне на своем диване и выглядела довольно-таки плохо²²⁴. Был Эдик, он ее снимал и нас вместе с ней. Она хорошая старушка. Ехидная. Меня пыталась экзаменовать по французскому языку, но у нее не очень получилось, потому что французский она знает хуже меня, а произносит совсем плохо. Ей захотелось, чтобы я прочла стихи Верлена²²⁵ *Les sanglots longs des violans de l'automne Blessent mon coeur d'une logueur monotone*²²⁶. Я сказала, что мне не хотелось бы сдавать экзамен, так как я его уже сдала. И вообще, это мое ремесло, поэтому я не люблю говорить по-французски без надобности, для того только, чтобы показать, как я его знаю.

Еще она спросила: «Вы чулки “надеваете” или “одеваете”?» Я сказала, что никогда не задумывалась, но в общем мне все равно. И вообще мне очень жаль, что именно я ее раздражала, а мне совсем этого не хотелось. Может быть, мне кажется, но уж больно она ко мне цеплялась. Она сказала, что резко отрицательно относится к роману «Август Четырнадцатого», что из наших художников

²²⁴ «Она лежала. Она всю жизнь лежала. Лежала и писала. Около нее всегда кто-то сидел, и она вела с ним какую-то беседу. Иногда выходила на кухню и садилась на свой диванчик из карельской березы. Гдаль говорил ей: “Надежда Яковлевна, вам надо ходить”», – вспоминала В.И. Гельштейн.

²²⁵ Верлен (Verlaine) Поль Мари (1844–1896) – французский поэт-символист. Один из двух (второй Ф.И. Тютчев) самых любимых поэтов О.Э. Мандельштама.

В принужденности творящего обмена

Суровость Тютчева – с ребячеством Верлена.

Скажите – кто бы мог искусно сочетать,

Соединению придав свою печать?

А русскому стиху так свойственно величье,

Где вешний поцелуй и щебетанье птичье! (1909)

²²⁶ Начальные строки стихотворения П. Верлена «Осенняя песня» (*Chanson d'automne*) 1866 г.

Долгие песни

Скрипки осенней

Зов неотвязный

Сердце мне ранят

Думы туманят

Однообразно (перевод В.Я. Брюсова)

любит Вейсберга и Биргера. Мы посмотрели их вещи, которые у нее висят. Вейсберг нам понравился, Биргер – значительно меньше, можно даже сказать, совсем не понравился.

Надежда Яковлевна дерябнула с нами довольно много водочки, рюмочки три. Нас был целый кагал: Гдаль с Витой, Мариком и его супругой, и мы втроем с Эдиком. И самое интересное – старушка хочет ехать в Израиль. Это потрясающе! Она, по-моему, еле передвигается даже по комнате, а в Израиль, если даже разрешат, нужно иметь силы, чтобы доехать. Дима передал ей оба романа Беккета с автографом и письмецо для нее – всё, что прислал Бютнер. Ей, оказывается, очень понравилась книга Бютнера, и она даже осилила ее по-немецки. Пообещала ему написать. Он, наверно, будет очень рад, если она это сделает.

Саша Флакер передал для нас с людьми изданную в Югославии книгу для чтения, что-то вроде учебника на русском языке. Там две Диминых фотографии – «Эйнштейн» (почему-то оборотная сторона, значительно худшая, так как она всего лишь маска), и еще один рисунок из книги Валека, тоже далеко не самый лучший. В этой же книжке фотографии какой-то скульптуры Эрнста Неизвестного, совсем ерунда. Непонятно, почему Саша представил и Сидура и Неизвестного на самом, по возможности, низком уровне. Очевидно, от лени.

Надежде Яковлевне Дима подарил гравюру № 21 7/10, ту самую, что он послал Беккету.

Весь СССР потрясен, что Брежнев в основном высказывает свои речи без бурмажки и почти не запинаясь, наверно, выучивает наизусть по ночам или же у него какая-нибудь невидимая и невесомая шпаргалка. Будто бы по нашему радио передавали, что он был на выставке Пикассо и говорил о нем всякие положительные слова. Но в газетах ничего об этом не сказано, поэтому неясно.

Пьер Дюран увиделся все-таки с Брежневым, и в «Юманите» было опубликовано обширное интервью, о чем наш Мишка прочел во вчерашней, кажется, газете «Известия».

30 октября 1971 г., суббота.

Я совершенно жутко чихаю и теку из носа, но постараюсь не заболеть. Думала сегодня уйти пораньше из школы, но не ушла, потому что пришли в гости мои старшие ребята – выпускники и всё что-то рассказывали.

Диме принесли отливку – трехфигурный «Праздник» с гармошкой. Совершенно отличная, но, конечно, надо доделывать.

В половине пятого мы, то есть Боря с Мишкой геометрией, а я с Тюпой французским, занимались у нас дома. Боря говорит, что Мишка вроде бы чуть больше петрит, чем раньше.

Абрам Яковлевич очень хочет записаться в библиотеку для слепых, чтобы брать там магнитофонные записи для прослушивания. Мы хотим купить для этого магнитофон.

31 октября 1971 г., воскресенье.

Кажется, я отошла. Целый день у меня было совершенно жуткое самочувствие. Но я отсыпалась и даже выздоровела. Димуся пошел в подвал без меня.

Мы получили сегодня два письма по почте. Одно от Луизы Ринзер, немецкой писательницы, другое от Саши Флакера. Луиза прислала Диме любовное письмо для Левы Копелева. Дима открывает конверт, а там по-немецки: «Lieber Lew» и т. д. про цветы, про запахи и вообще очень нежно. Нам один немец, Хельмут, который сегодня появился, перевел. Дима не знал – читать или не читать, но адресовано письмо было ему и к тому же там написано, что приветы Сидура она передала, это значит, что она вошла в контакт со всеми нашими друзьями.

Теперь проблема, как передать Леве это письмо в тайне от Раи²²⁷. Невероятно, как через наш подвал идет столь обширная международная деятельность, вплоть до любовных историй.

Мы теперь всё думаем, какой будет выставка во Frauenfeld.

Кирилл Петрович позвонил, завтра они хотят зайти с Ниной, потому что через день улетают в Стокгольм.

Позавчера звонил Булат, сказал, что когда мы встретимся, расскажет о своей поездке куда-то в Сибирь, где он был на китайской границе.

Говорят, что уже точно у Евтушенко будет свой журнал.

4 ноября 1971 г., четверг.

Вчера в последний раз общались с французским физиком Жоржем Саада. Отдали ему 34 гравюры.

Дима стучит молотком по металлическим отливкам. Их у нас набирается всё больше. Вещи в металле, хоть и нужно доводить, производят очень сильное впечатление.

Была у нас Кларочка. У нее кончается возможность работать у женщин Чуковских²²⁸, и она очень нервничает.

С Мишкой у нас внешне, кажется, всё хорошо, а по существу что-то изменилось. То ли ему с нами скучно, то ли нам с ним скучно, но явно, что-то не то. Дима спокоен, так как говорит, что Мишка ему ясен, но переживаю я больше. Ясно, что несмотря ни на что, мальчик всё равно очень хороший. Мне не надо терять ни любви, ни терпенья. А если и суждено нам с ним расстаться, то произойдет это само собой. Мне бы не хотелось.

Дима нарисовал сегодня три гениальных распятия. Невероятно здорово, потрясающе сильно!

Вернулась из Гагр Юнна, где, как она говорит, очень хорошо отдохнула. Игорь жалуется, что Юнна его не слушает, <...> главное – не ложится заранее в больницу. <...> С Юнной бесполезно что-то обсуждать, всё равно она сделает, как хочет. Рожать ей буквально вот-вот.

Были у нас в подвале Ленька Бахнов со своей супругой Аней. Ленька – мой коллега, работает в школе учителем русского языка и литературы в четвертом классе. Уже доходит.

²²⁷ Имеется в виду Орлова Раиса Давыдовна (1918–1989) – филолог, литературный критик, писатель, переводчица, жена Л.З. Копелева.

²²⁸ Подразумеваются Лидия Корнеевна Чуковская и ее дочь Елена Цезаревна Чуковская.

5 ноября 1971 г., пятница.

Дима придумал хулиганское выражение о том, что мать-героиню надо награждать «Орденом золотой п...ы». И еще он придумал про мавзолей Ленина – «мавзолениум».

Наташка Нольде с нами как-то воспрянула. Хорошая девчонка.

6 ноября 1971 г., суббота.

Мы не выходили до десяти вечера, когда вышли проводить до метро Мишку. Он приехал с кошкой, которая выросла уже в два раза, ужасно симпатичная и потешная зверюга. Очень любит кусаться. Мишкины лапы все исцарапаны ею.

Дима продолжает рисовать свои потрясающие распятия.

Абрам Яковлевич в ужасно минорном состоянии и чувствует себя плохо.

Мы с Димусей договорились, что если с ним заключат договор на стенку перед мединститутом²²⁹, он заберет меня с работы и я буду жить при нем и помогать ему, чем могу. Он тогда возьмет меня на свое иждивение, но надежда на это очень и очень маленькая. Мне очень хочется не работать, хотя я люблю свою работу.

7 ноября 1971 г., воскресенье.

Дима продолжает свой цикл распятий. Потрясающие вещи!

У Пикассо в Мадриде уничтожили двадцать четыре гравюры, сволочи! Слышали по Би-би-си целых два раза – и в шесть, и в восемь часов.

Приезжал Мишка. Он сделался такой здоровенный, а морда детская и сам дитё, похож на свою кошку, растет так же, как она.

8 ноября 1971 г., понедельник.

Маме моей исполнилось сегодня шестьдесят два года. Она приехала к нам вместе с теткой Рахилькой из Риги, и здесь ей сделалось плохо. Вызывали неотложку. Оказалось – гипертонический криз – давление 195 на 100. Ей сделали дибазоловый укол, но еще до него ей стало полегче. Несмотря на мои уговоры, они с Рахилькой ночевать у нас не остались, а с трудом уехали на такси, с моей помощью пойманном, к себе домой.

10 ноября 1971 г., среда.

Съездили в Алабино, несмотря на дождь. Кое-что там прибрали и подоткнули. Забрали две банки смородины по три литра, белье постельное, мое красное одеяло, и уехали. Абрам Яковлевич очень доволен – необходимость этой поездки всё время над ним висела. Мишка болен, простыл. А может быть, не так простужен, как не хочет идти в школу. Я его понимаю, мне тоже не хочется идти в школу.

²²⁹ Речь идет о декоративной стенке перед Институтом морфологии человека в Москве, договор на нее был вскоре заключен. Выполненную в цементе (400×150×250 см), В. Сидур назвал ее «Структура № 1», установлена в сентябре 1976 г. (архитектор Л.И. Штутман). (См. выше записи от 5 августа 1970 г.).

Приехав в Москву, мы еще умудрились посмотреть два иностранных фильма с Алкиной помощью. Оба фильма – полное дерьмо, английский про наркоманов и западногерманский про безнадежную любовь подростка к уже пожившей сверстнице. Много голых и очень мало смысла во всем. За все это надо было платить по 3 р. 20 с рыла. Весь просмотр обставлялся с невероятной секретностью, шушуканьем, перемигиванием. В зальчик при музее архитектуры впускали по группам. И вообще, всё наше скопище выглядело очень подозрительно, а мы, как всегда, чувствовали себя униженно и мерзко. Добро бы страдали из-за фильма Феллини или Висконти²³⁰, а то полное барахло. Публика тоже весьма любопытна – куча бородатых мальчиков, много интеллигентов, евреев, масса несимпатичных знакомых. Среди них Брусиловский, Щапов со своей Козловой-Щаповой, которая уже разлюбила Лимонова. Щапов ужасен, у него вид очень крепкого мертвеца, занимающего крупный пост в КГБ. Он бодр и энергичен, и как бы постоянно звучит громко и пусто. Имеет белый «Мерседес». От Козловой-Щаповой не осталось и следа былой робости и застенчивости, ведет себя и выглядит как разнузданная блядь. Громко хохочет, чуть ли не истерически, и за версту веет от нее скандалом.

Генрих Сапгир выглядит как живой классик. Из всей компании у него наиболее значительный вид, к тому же он необычно трезв. Что-то случилось с Брусиловским, куда-то делась его наглость. Лимон рассказывал нам о каких-то его неприятностях. Брусиловский явно сник и даже смотреть на него не так противно, как раньше.

Наконец, устроительница всего этого просмотра, что делает из подобных мероприятий бизнес²³¹, на редкость вульгарная, пожилая и толстая баба, которая вполне могла бы содержать бордель. Больше мы с Димой на подобную липу не попадемся.

11 ноября 1971 г., четверг.

Вчера еще моя тетя Рахиль получила из Риги телеграмму, что в ее новой однокомнатной квартире выбиты стекла. Она, конечно же, тут же умчалась.

Мама чувствует себя плохо. К ней ходят делать уколы магнезии, но чувствует она себя очень плохо.

Мишка наш сидит дома, ни черта не делает. Совершенно не в состоянии написать сочинение по им самим же выбранной теме «Могли бы быть друзьями Тургенев и Базаров?» Мыслит примитивно и беспомощно. Дима подсказал ему несколько совершенно отличных мыслей, но на этот раз нам хочется, чтобы он написал это сочинение предельно самостоятельно.

В мастерскую я теперь буду редко ходить, чтобы заниматься хозяйственными делами.

²³⁰ Итальянские кинорежиссеры Федерико Феллини (Fellini, 1920–1993) и Лукино Висконти (Visconti, 1906–1976) – одни из любимых режиссеров Юлии.

²³¹ На подобных просмотрах демонстрировались нелегальные копии из Госфильмофонда СССР в подмосковных Белых Столбах. В условиях тотальной цензуры, идеологического прессинга, повышенного интереса к западной культуре и вообще культурного голода в Советском Союзе – успех подобных просмотров (а следовательно, и доход от них) был гарантирован, даже за большие деньги попасть на них имели возможность лишь избранные, имеющие необходимое знакомство.

12 ноября 1971 г., пятница.

Мама опять вызывали неотложку, снова ей было плохо. А днем мама говорила с Димой, что ей сегодня значительно легче, голова ясная, и она хочет погулять около часа.

Дима чувствовал себя ужасно и сегодня вообще из дома не выходил.

14 ноября 1971 г., суббота.

Мама вроде бы гораздо лучше. Врач сказал, что ей необходимо сходить к невропатологу, так как эти явления могут быть связаны не только с сердцем.

Димушка сегодня вышел, но ненадолго, но завтра уже пойдет в мастерскую.

Был у нас Мишка, привез сочинение вполне сносное. Конечно, у нас были замечания, но это уже совсем другое дело. Написано самостоятельно, хотя и по Диминым мыслям, но это ничего, потому что осмысленно. Мы ему кое-что почистили, но в основном остались довольны, сдвиги налицо.

Вчера я на мальчика сердилась – он в школе ничего не делал у меня на уроке. А сегодня пришел весь лохматый и очень симпатичный. У него новое увлечение – ежедневно слушает Израиль, благо его не глушат. Спросил у матери, какой национальности был его отец, не еврей ли. Мать сказала: «Боже упаси!» Мишка был очень разочарован, он надеялся. Раньше парня евреи совсем не интересовали, теперь всё время что-то спрашивает. Вчера Дима с Борей Хазановым рассказали ему всю еврейскую историю от Библии до наших дней. Я сказала Мишке, что всё это ерунда, кто лучше, а кто хуже. В нашей стране сложилось так, что евреям всегда было плохо, поэтому для русского мальчика желать быть евреем благородно, но по существу – буза всё это разделение по национальному признаку. Везде есть сволочи, и среди евреев, к сожалению, тоже.

16 ноября 1971 г., вторник.

Димка очень плохо себя чувствует. У него снова болит левая нога, он даже из-за нее очень плохо спал ночью.

Мишка весь в двойках. Я сегодня глянула в журнал и ужаснулась. Надеемся, что на второй год все-таки не останется. При нашей системе образования даже полные идиоты кончают, а Мишка уж точно кончит.

На улице сырость фантастическая, тоскливо и муторно. Мама, кажется, лучше.

17 ноября 1971 г., среда.

С Димушкиной ногой получше. С мамой тоже вроде бы полегче. Абрам Яковлевич, как всегда, не показывает виду, но чувствует себя неважно. Я сегодня отсыпалась аж до двух часов дня без просыпу. Понедельник и вторник были совершенно жуткие по загруженности дни. Я приходила из школы и тут же бежала в нее снова через пару часов – сначала на вечер встречи с моими ребятами, а вчера на родительское собрание. <...>

Наконец стало ясно, что он влюблен. Безобидная болтовня с Лилей Шамраковой на всех уроках постепенно превратилась в влюбленность. Во всяком случае с его стороны. Эта девочка очень неглупая, даже способная в гуманитарном

плане. <...> До того как влюбиться, Мишка сомневался только из-за того, что считал ее некрасивой. Я его успокоила, сказав, что она вполне ничего, даже хорошенькая, а некрасивой бывает, когда злится. Мишка успокоился и тут же влюбился. Сегодня они уже вместе прогуляли физкультуру и о чем-то беседовали.

Мишка долго проводил свою мысль, чтобы мы пригласили ее в мастерскую. Наконец мы согласились. Надо знать человека, который имеет такое большое значение для нашего сыночка. Но для этого Дима хочет с ним вместе пройтись по всей мастерской и всё ему рассказать, чтобы он, приведя свою подружку, всё сам ей показал и не выглядел бы перед ней как лапоть. Мишка с радостью согласился. Он теперь с нами во всем соглашается и не спорит, как раньше.

Димушка продолжает свои совершенно потрясающие рисунки.

18 ноября 1971 г., четверг.

Получили письмо от Карлуши, где он очень подробно и оптимистически информирует нас о Диминой выставке. Выставка должна состояться 27 ноября во Frauenfeld, в 17 часов открытие. Майк и Готфрид собрались у Карла в Констанце и кое-что обсудили. Они даже скинулись деньгами, что нас с Димой ужасно умилило, собираются выпускать каталог, куда войдет более восьмидесяти репродукций с Диминых вещей. На обложке будет «Памятник погибшим от насилия», а на последней обложке – Димино письмо Готфриду насчет мира и дружбы между нашими народами, которое Дима написал и отдал Готфриду вместе с цветными рисунками и скульптурой. Тираж каталога – пять тысяч экземпляров, три тысячи на немецком языке, а две тысячи на французском и английском. На приглашении на открытие, которое будет разослано, будет портрет Солженицына.

Затем Готфрид устроит выставку в Касселе, когда там будет Dokumenta, а Майк сделает передвижную выставку из 80 вещей и пошлет ее по всем странам. Готфрид хочет попросить Беккета написать свое посвящение, Майк напишет биографическую справку, Карл – текст, а Луиза Ринзер тоже что-нибудь напишет о том, как она была в нашем подвале. В общем, друзья наши очень стараются. Эти сведения очень приятны и ободряющи.

<...> Я теперь в мастерскую уже давно не хожу, сил нет. А Дима был, там у него были и Эдик, и Наташка, и Юра Никитин, и Мишка сегодня тоже примчался. Но Дима так и не успел пройтись по мастерской, чтобы всё ему рассказать, потому что сначала приехал Владик Бахнов, что-то рассказывал, а затем, перед уходом, Леонид Маркович Лурье, который посоветовал Диме в связи с массовыми отъездами в Израиль, ему тоже уезжать, потому что именно ему там будет значительно лучше, так как его будут ценить и им гордиться, а не так, как здесь – сиди и жди, что завтра башку оторвут и все вещи уничтожат. Дима снова сказал, что такова его судьба – оставаться здесь, несмотря ни на что.

19 ноября 1971 г., пятница.

Мы с Димкой как-то очень приободрились из-за письма Карлуши. Все-таки очень приятно.

Я сегодня в мастерскую не ходила из-за усталости. Димка был в мастерской, а ко мне приехала Ленка Гамазина. У нее дома начинаются конфликты с мамой. Ленка не всегда думает «как положено», а это не нравится ее маме, вступающей в партию. В том, что Ленка имеет подобные мысли, виноваты, конечно, по мнению мамы, я или кто-нибудь еще, раз Ленка к нам бегаёт. Допустить, что дети сами тумкают головами и начинают в чем-то сомневаться – невозможно для человека, в наше ясное время вступающего в партию. Мне Ленкина мать никогда не нравилась, а Ленка – девочка неплохая.

Курносый наш щеночек немного нас порадовал. Во-первых, Боря сказал, что он начал соображать, а во-вторых, он получил «четыре» по истории. Заросло дите ужасно, Дима постриг его в воскресенье.

Его подруга Шамракова отказалась завтра идти с ним к нам в подвал, Мишка, хоть и огорчился, но не особенно.

20 ноября 1971 г., суббота.

Дима был в мастерской, где они с Наташкой приготовили глину для нового барельефа. У нас дома я занималась с Тюпой, а Боря с Мишкой. <...>

21 ноября 1971 г., воскресенье.

В мастерскую не ходили. Я целый день убирала и варила. На улице пурга не переставала. Были у нас Мишка с кошкой и Валя с Эдиком. Мишка с гордостью объявил, что совсем «опустился» и не мылся уже две недели. Зарос он совершенно жутко, Дима его постриг. Он у нас вымылся и стал похож на ангелочка. Сразу помолодел и стал выглядеть на двенадцать лет. Кошка Мурка стала хулиганка, настоящий дикий зверь, очень больно кусается. Валька чуть не задушила ее в своих объятиях.

Тьфу, тьфу, тьфу, Мишенька делается постепенно все лучше и лучше. Хорошо все-таки, что он у нас есть.

Марианна прислала очень большое письмо. С Жоржем она еще не успела повидаться, так как письмо датировано 5 ноября, а Жорж уехал только 4-го. Письмо невероятно умное и взрослое. Она пишет, что ее отец умер от рака крови совершенно неожиданно. Пишет, как сейчас у них трудно дома. Кроме того, она в этом году кончает лицей, ей необходимо сдать на бакалавра, а потом поступать на подготовительные курсы при Ecole Normale supérieure. Пишет о своей политической деятельности, она является делегатом от лицеистов в каком-то там совете учащихся. В общем, судя по Марианне, можно предположить, что их система приучает людей к значительно большей самостоятельности, а главное – к активному участию в общественной жизни. Отсюда и гораздо большее чувство ответственности за свои поступки, а также почти никакой инфантильности. Я сравниваю ее с нашим Мишкой. Он тоже неглупый парень, тоже очень активен, они ровесники с Марианной, но во всем, что он делает и говорит – невероятная печать малолетства и наивности. Мы с Димой подумали, что вот было бы здорово, если бы Мишка и Марианна смогли бы подружиться, а в итоге и пожениться, она достойная для него подружка. <...>

Булат Окуджава в мастерской В. Сидура (1971). Фото: Эдуард Гладков

22 ноября 1971 г., понедельник.

Час от часу не легче! В школе у нас совершен поджог. Подожгли кабинет завуча Хиросимы. Кто и за что поджег – совершенно непонятно. Возможно, что кто-то из ребят, обозлившихся на запрет начальства пригласить в школу бит-группу на вечер с Грецией²³² за собственные деньги учеников. Такие дела нас не на шутку тревожат. Примерно неделю назад кто-то тоже ночью перебил в школе все окна и порвал все стенды.

В мастерскую приходили Булат и Марина Гореликова. Булат очень грустно выглядит. Любопытно рассказывал о Сибири, где он был на китайской границе. Дома у него плохо. Старший парень очень много доставляет хлопот, потому что не работает и не учится. Младший два месяца подряд болел гриппом, ветрянкой, воспалением легких, и сейчас у него осложнение на сердце.

Поговорили по телефону с Юнной. Чувствует она себя очень плохо. Должна рожать в самое ближайшее время.

²³² Вечер солидарности с Грецией был устроен потому, что тогда по этой стране, управляемой военными диктаторами, так называемыми «Черными полковниками», прокатывались волны репрессий.

23 ноября 1971 г., вторник.

Нашли нашего несчастного поджигателя. Этой ночью он пытался взорвать химический кабинет и тут его накрыла милиция. Это Леша Григорьев, десятиклассник, мальчишка очень тяжелый и отчаянный. Ничего худого в школе ему не делалось, возились с ним все, кто только мог и много лет подряд. То ли ненависть его, то ли злоба все пересилила, хотя на вид он не производил впечатления человека до страсти озлобленного. Три раза он совершал свои безумные и страшные дела без какой-либо корыстной цели. 10-го побил стекла почти во всей школе, перебил цветочные горшки и пробил голову гипсовому Ленину, в это воскресенье поджег учительскую, закуток Хиросимы, и только случайно школа не сгорела. И наконец этой ночью пытался взорвать химический кабинет, пытаясь нагадить в основном своему классному руководителю. Никакой корысти, парень не взял ничего, что можно было бы продать, например, магнитофоны, проигрыватели или какие-нибудь там ценные усилители. Только сам факт разрушения и протеста. Говорят, что при своем неудачном взрыве повредил себе глаза. Во всем признался, написал объяснительную записку и утверждает, что всё совершал один. Милиция не верит. Школа наша бурлит, дети, узнав обо всем, чрезвычайно удручены. Мальчик – преступник, но ему шестнадцать лет, и мне жалко мальчика.

Зато Мишка наш чуть-чуть стал проблескивать. Получает тройки по математике – невиданный прогресс. Говорит, что Шамракова его больше не интересует, очевидно, это верно до какой-то степени. Случай с Григорьевым потряс его, так же как и всех остальных.

Владик Бахнов и его Ленька с Аней подарили нам свой старый магнитофон со множеством записей всякой джазовой музыки. Для Абрама Яковлевича это, очевидно, не подойдет, так как ему нужны литературные тексты, которые он не может читать из-за глаз, а с пленками надо много возиться и у него это не получится. Пластинки гораздо удобнее.

Иностранное радио передает, что из Египта выслано много наших людей²³³, это, наверно, хорошо.

24 ноября 1971 г., среда.

Просидели с Димой дома. Он все возился с магнитофоном, у которого жутко неудобные кассеты. Но кроме этого, Дима еще рисовал свои «Мутации» кошмарные.

Отец неважно себя чувствует, но вида не показывает. Мишка приезжал, очень хороший.

Наша директорша послезавтра уезжает в Швейцарию с другими директорами. Вдруг она там узнает о Диминой выставке во Фрауенфельде. Вот удивится-то!

²³³ Уже накануне заключения советско-египетского договора о дружбе и сотрудничестве 27 мая 1971 г. и позже, несмотря на него, правительство президента Египта А. Садата стало проводить переориентацию внешней политики в сторону США. С 20 июня 1972 г. Советский Союз вынужден был начать вывод своих военных специалистов (которых в Египте была 21 тысяча человек), к концу июля 1972 г. их в стране не осталось. В марте 1976 г. майский договор 1971 г. был окончательно египтянами денонсирован.

Приехал какой-то болгарин от Анны Рошковской. Звонил, просит увидеться. Мерзейшая погода, скользко, снег стаял и потеплело.

25 ноября 1971 г., четверг.

У меня не сработал будильник и я чуть не опоздала в школу. Хорошо, что Абрам Яковлевич меня в итоге разбудил.

Дима рисует, у него болит брюхо. Мишка снова к нам приезжал. Дела у него в школе получше. <...> Димушка ходил лохматый и в промежутках между рисованием занимался магнитофоном Владиковым. Для Мишки тоже невероятное развлечение.

28 ноября 1971 г., воскресенье.

Интересно, был ли вернисаж во Frauenfeld и как он там прошел?

Димушка выбрался в подвал вместе с Абрамом Яковлевичем. Отец был чрезвычайно доволен, так как не был в подвале уже очень давно.

Заходил интеллигентный болгарин, экономист от Анны Рошковской.

Я варила полдня еду. В мастерскую не ходила. Хотела поспать, но приехал Мишка, и мы с ним вели всякие беседы на различные темы, в основном школьные. Он порадовал меня, что выучил все уроки, почти все.

Вчера мы с Димусей видели потрясающий фильм Висконти «Гибель богов»²³⁴. Это благодаря Алке. Отличная картина, хотя и страшная. У нас были сомнения, брать ли Мишку с собой, но в итоге мы были очень рады, что не взяли. Ему уже есть шестнадцать лет, но смотреть на такие кошмары, где сын насилует свою мать, и другие ужасы – ему еще рано. Спасибо Алке, может быть, мы еще что-нибудь увидим таким же образом.

29 ноября 1971 г., понедельник.

Можно сказать, некоторый успех. Дима с Леней Штутманом ездили показывать эскиз стенки перед Институтом морфологии академику Авцыну²³⁵, и тому неожиданно понравилось. А раз ему понравилось, то все остальные рыла, его подчиненные, ничего не вякали, хотя им не понравилось очень. Министерство тоже из-за согласия Авцына приняло решение добавить на это денег. Теперь речь идет о договоре с комбинатом, который, естественно, они затеряли, но обещали найти завтра.

Дима говорит, что если это дело получится, то я могу уходить с работы. Но я такой странный человек: всё время ною, что не могу больше работать, сил нет, а как дело дошло до реальности, начинаю сомневаться. Как же можно оставить этого обалдую Мишку, двоичника и вытворяющего почти на всех уроках – интересных и неинтересных – всякие кренделя! Сегодня он снова получил двойку по химии, да еще перед этим двойку за контрольную, тоже по химии. Снова катаст-

²³⁴ Фильм 1969 г. «Гибель богов» (*La Caduta Degli Dei*) рассказывает о крушении человеческой морали на фоне событий прихода нацистов к власти в Германии в 1933–1934 гг.

²³⁵ Авцын Александр Павлович (1908–1993) – патолог и физиолог, академик АМН СССР (1965), директор Института морфологии человека АМН СССР (с 1961).

рофа, сваливает на то, что его завалила химичка, а завалила специально, потому что он болтал на ее уроке с Шамраковой. И преподаватель истории снова на него жаловалась: Медведев запикивал кому-то за шиворот яблоко, а Шунков весело смеялся. Не было видно, как все это продельывает Медведев, зато было слышно, как забавлялся Шунков.

Мы с Димой очень сурово побеседовали с ним по телефону. Он теперь не сопротивляется, совершенно не противоречит и даже на какое-то время успокаивается, опять же до очередного взрыва.

Выпустили нашего преступника Григорьева до суда. Новые подробности его дела: его взяли в больнице, куда он прибежал ночью после своего неудачного взрыва в хим. кабинете, когда опалил себе лицо и на некоторое время ослеп. Никакой засады наша вшивая милиция не устраивала. Если бы малый не перепугался и убежал, в следующий раз он взорвал бы всю школу. Якобы в милиции его били. Сначала он признался, что все три раза преступления совершал он – когда выбил все стекла, поджег кабинет в учительской и пытался взорвать хим. кабинет. Теперь он оправился и утверждает, что кроме химического ничего больше не делал. Это, конечно, брехня. Мне кажется, что всем очень хочется, а именно милиции и особенно нашему РОНО, чтобы всё это замляли. Как сказала наша зам. РОНО: «Не допускать суда во что бы то ни стало, так как это пятно на весь район». Малый бравирует, хотя видно, что изнутри крайне возбужден. Завтра к нам придут из газеты «Правда» по этому делу. Что-то в нашей в общем-то благополучной, а главное – весьма либеральной и прогрессивной школе, неприятности пошли одна за другой.

Дима всё рисует отличные совершенно рисунки.

Мама моя чувствует себя неважно, а в чем дело, понять никто не может.

Читаю Селина «Путешествие на край ночи»²³⁶. Поражаюсь, как мог такой замечательный писатель, такого огромного таланта, стать антисемитом, фашистом, спутаться с нацистами. Ужасно горько, потому что писатель совершенно потрясающий.

2 декабря 1971 г., четверг.

Не пишу, потому что нет ни сил, ни времени.

В воскресенье приезжает Дэвид Пайнс, который захочет с нами увидеться. Он уже звонил Вите Гинзбургу из Ленинграда.

Писательница из ФРГ Luise Rinser прислала свои две книжки – одна о ней самой, и еще два романа. Эта бандеролька лежала на ступеньках подвала, и если бы Дима сегодня не пошел в мастерскую, ее бы кто-нибудь унес, как тогда югославские газеты. Судя по этим книгам, она очень известная писательница.

²³⁶ Селин (Célin) Луи-Фердинанд (1894–1961) – французский писатель. Роман «Путешествие на край ночи» (*Voyage au bout de la nuit*), написанный в 1932 г., принес Селину всемирную известность. В 1934 г. роман (с купюрами) опубликовали в СССР. В 1936 г. писатель побывал в Москве. В конце 1930-х гг. написал несколько антисемитских памфлетов, в годы войны сотрудничал с оккупантами, бежал в Германию, потом в Данию, где был арестован и затем провел несколько лет в заключении во Франции до амнистии. Последний, автобиографический, роман написал в 1960 г.

На Мишку мы ждем из всех сил, чтобы он учился. Он поддается, хотя и с трудом. Бледненький, ласковый котенок не высыпается и всё время спать хочет.

3 декабря 1971 г., пятница.

Это что-то вроде эпидемии. Настоящее поветрие – евреи покидают Россию, дорвались! Неслыханный, невысказанный в СССР либерализм продолжается. Конечно, мытарят, но те, кто очень хочет, уезжают. Булат рассказывает, что в Прибалтике многие вступают с евреями в фиктивные браки только для того, чтобы уехать.

Сегодня нас прямо ошарашило. Ввалился Игорь Галанин в тулупе, похожий на шизоидного русского мужичонку, и заявил, что он уезжает в Израиль. Мы с Димой обалдели. Кто-кто, но Галанин, который еврей всего лишь по матери, да и раньше он всё время гордился, что какие-то его родственники из русских дореволюционных реакционеров Уваровых, уезжает с женой, двумя детьми и матерью²³⁷. Этот человек процветал, имел всё, что касается материальных благ, а сейчас совершенно одержим идеей отъезда²³⁸. Продал свою мастерскую, не работает, подписывает все письма, демонстрирует у здания ЦК, ходит в синагогу. Здесь мы с Димой с трудом не рассмеялись. Он умен, этот зараза Галанин. Говорит убедительно, везде агитирует. Его, естественно, выпускают, чтобы спокойнее было начальству. Это – потрясающая новость! Глаза у Игоря горят ярко-ярко, как у рыжего кота. Предельно возбужден. Настроен был благодушно, но походил по мастерской, посмотрел на Димины работы и начал сердиться. Некоторым отъезжающим ужасно хочется, чтобы у нас всё было в полном и окончательном дерьме. Это поддерживает их в своих желаниях. Их раздражает, что несмотря на весь кошмар нашей действительности, у нас все-таки есть, например, искусство, да еще на таком высоком уровне.

Вторая новость – это Лимонов, который из-за Козловой-Щаповой чуть не отправился на тот свет, вскрыв себе вену на правой руке. Щапов в командировке, а его жена гуляет, как хочет. Лимонов прождал ее всю ночь на ступеньках ее дома. Та приехала с любовником из театра «Современник», Квашой²³⁹, на рассвете.

²³⁷ Галанина Берта – в 1950-е гг. была секретарем ортодоксального президента Академии художеств СССР А.М. Герасимова. В. Сидур познакомился с президентом и его секретарем в 1956 г. во время одной из групповых выставок молодых московских художников и скульпторов, проходивших в залах Академии.

²³⁸ Вот что вспоминал о нем В. Лемпорт: «Он, бывший инженер лесосплава, теперь рабочий-керамист, вел себя как художник с именем. Он даже вступил в Союз художников каким-то образом. Организовал свой художественный салон, создал целый ряд иллюстраций к детским книгам. Сделался известным графиком. Любил поговорить о своем древнем дворянском роде, идущем чуть ли не от Рюрика. И вдруг в Аргентине оказался родной дядя Хаим, брат мамы Берты. Дядя был не просто дядя, а король кнопок для бархатных джинсов, следовательно, мультимиллионер, семидесятивосьмилетний холостяк. Игорь Галанин сделался единственным наследником, совладельцем филиала этой фирмы в Нью-Йорке и ее главным художником. Не раз говорил по «голосам», что входит в десятку известнейших художников из последней эмиграции». (*Лемпорт В. Мальюта Скуратов Академии художеств // Континент. № 66. 1991*).

²³⁹ Кваша Игорь Владимирович (1933–2012) – актер театра и кино, режиссер, телеведущий. С 1957 г. играл в московском театре «Современник». Народный артист РСФСР (1978).

Лимонов сначала хотел убить ножом кошку, Квашу, Щапову, а потом себя. Но начал почему-то с себя, но и кошку слегка поцарапал. Что этому засранцу сделало бедное животное? Убивал бы сразу Щапову. Лимонова спасли и даже выпустили из больницы, где на вопрос, зачем он это сделал, он ответил: «Я поэт, я всё могу себе позволить!»

В школе у меня неприятности. Парторга школы Шиганову Анну Федоровну²⁴⁰ приглашают в райком партии с журналом, который выпускали мои ребята, со «Спиралью». Сигнал подала, очевидно, одна сволочная баба из директоров школ, которые присутствовали в нашей школе на семинаре директоров, куда собственно наш директор Елена Даниловна и пригласила моих ребят вместе со «Спиралью», чтобы они выступили. Тогда это выступление и журнал всем очень понравились. Журнальчики, действительно, очень милые и абсолютно невинные²⁴¹, хотя там и поругивались иногда, естественно, в аллегорической форме некоторые учителя. Но главное – нет директора, которая сейчас присутствует за границей. Она, когда не теряет разум от страха за свою шкуру, действует смело, умно и прогрессивно.

Князь Мышкин жутко переутомила. Я сама отпросила его с уроков. Он ушел домой и даже выпался. Завтра тоже в школу идти не хочет. Мы с Димой не возражаем, уж больно плохо он выглядит.

Алик Киселев собирается ставить в нашей школе спектакль по «Республике Шкид»²⁴². Идея хорошая, но получится ли?

6 декабря 1971 г., понедельник.

Много событий, много неприятностей. Уже второй день общаемся с американскими физиками, нашим старинным другом Дэвидом Пайнсом и другими. За два дня безумно устали. Дэвид привез в подарок великолепную книгу про Генри Мура. Дочка его работала летом уборщицей с другими молодыми людьми и заработала пятьсот долларов, на которые едет в Европу.

²⁴⁰ Шиганова Анна Федоровна (1926-?) – учительница математики и секретарь школьной партийной организации.

²⁴¹ Тем не менее издание подобного неподцензурного журнала сочли «самиздатом». К счастью, какого-либо скандала тогда не последовало. Из всех номеров «Спирали» Юлия выбрала для показа в райкоме наиболее нейтральные. Интересно, почему парторга школы вызвали с журналами в райком. Еще 29 июня 1971 г. начальник Главлита П.К. Романов в большой секретной информации-ной записке (с огромным приложением на 24 листах), направленной в ЦК КПСС, сообщил: «Американский журнал “Мичиган куотерли” посвятил целый выпуск за первый квартал с.г. материалам состоявшегося в Нью-Йорке симпозиума на тему “Поэзия протеста”. <...> Он открывается статьей Д. Брауна. <...> Он указывает на появление таких подпольных изданий, как “Бумеранг”, “Спираль”, “Сфинкс”, “Феникс” и “Коктейль”, выпускавшихся тиражом до 300 экз. каждого номера в Москве и Ленинграде. Опубликованные в них произведения автор статьи называет “истинно правдивыми”». (См.: «Аппарат ЦК КПСС и культура. 1965–1972. Документы». Сост. *Томлина Н.Г., Конова Т.Ю. и др.* – М., РОССПЭН. 2009. С. 986). Напомним, что «Спираль» выходила тиражом в один экземпляр. Однако сам факт ее издания вызывал у властей тревогу и требовал «расследования».

²⁴² «Республика Шкид» – книга Г.Г. Белых и Л. Пантелеева, вышедшая первым изданием в 1927 г. и получившая уже тогда огромную популярность. Затем почти 30 лет не переиздавалась после ареста Г.Г. Белых в 1935 г. В 1960-е гг. переиздана и экранизована с новым невероятным успехом. Олег Киселев сделал свой замечательный спектакль по этому произведению в 1972 г.

Н.Я. Мандельштам у себя дома (1971). Фото: Эдуард Гладков. На обороте фотографии Надежда Яковлевна написала: «Эта отвратительная старуха – я, какова я есть. Н. Мандельштам»

Вчера после визита физиков были вместе с Юрой Каганом, его Таней и их десятилетним умным красавчиком Максимом²⁴³ у мамы Тани, которая выглядит почти так же молодо, как Таня.

Кроме того, неприятность, и довольно серьезная. <...> Это произошло вчера. Мальчик позвонил нам около часа ночи и сказал, что домой он не вернется, Слепышев разбил его транзистор. Мы с Димой с ним очень ласково поговорили и уговорили вернуться домой. Мишка вернулся, заявив бабушке и матери, что явился только из-за нас. Сегодня домой идти отказался, сразу после уроков вместе со мной поехал к нам. Мы с Димой ушли в мастерскую, а он в это время поспал на моем диване, а потом даже поделал уроки. Произошло следующее. Вчера мальчик целый день был дома. Всегда, когда он не с нами, у них что-нибудь происходит со Слепышевым. Мишка вернулся из кино и слушал у себя в комнате

²⁴³ Каган Максим Юрьевич (р. 1961) – физик, специалист в области физики твердого тела, главный научный сотрудник Института физических проблем им. П.Л. Капицы, член-кор. РАН (2006).

радио, крутил свой транзистор. Было уже поздно и, возможно, что он крутил его довольно громко, правда, парень утверждает, что не очень. <...>

Мы все сегодня обсуждали у нас этот вопрос и пришли только к одному выводу. Им необходимо разделиться. Взять к себе мы парня не можем – во-первых, он несовершеннолетний и поэтому не может жить где угодно и не ночевать дома, даже если ему это и не хочется. Во-вторых, уйдя из дома, он теряет все права на свою комнату, так как они всеми силами постараются его выписать, мотивируя тем, что он там не живет, а у них семья и они вынуждены жить в одной комнате. К нам же его никогда не пропишут. Если даже Диминых стариков к нам не прописали! Абрам Яковлевич у нас не прописан²⁴⁴. Поэтому наш мальчик вполне может остаться в дураках.

Выход один – ему с бабушкой купить двухкомнатную квартиру, а Слепышева с семейством оставить в их старой трехкомнатной. Деньги на первый взнос должны дать мать и Слепышев. Если же те откажутся, то бабушка должна сама купить эту квартиру на то, что осталось Мишке «на учение», как объясняла бабушка – четыре тысячи рублей. Мы Мишку не оставим в любом случае, но подобный выход – приобретение кооператива, является единственным. Мишка со всем согласен и сам этого хочет, но теперь надо уговорить бабушку и мать, особенно – бабушку.

Мишка написал даже Елене Даниловне, нашему директору, жалобу на Слепышева, но мы с Димой уговорили его не обращаться к ней пока с этим. Ничего толку от этого не будет, а главное – ничего не изменится. Сейчас только одно важно для них всех – разделение.

7 декабря 1971 г., вторник.

Юнна должна родить не сегодня, завтра. Дима примерно неделю занимался по телефону ее родами, то есть звонил кому только можно.

Сегодня Игорь отвез ее в роддом № 67, где роды должен у нее принимать какой-то профессор Бейлин, по слухам, очень хороший врач. Перед отъездом Юнна позвонила, попрощалась с Димой, а поздно к ночи позвонил Игорь и сообщил, что Юнну поместили в отдельную палату, вроде бы сам Бейлин ее уже осматривал. Очень хотим надеяться, что все обойдется благополучно.

Мишка ужасно не хотел идти домой после школы, мотивируя это тем, что ему очень невыносимо и противно. Послемоих длительных уговоров все-таки поехал и вернулся к нам с ободряющими вестями. Оказывается, бабушка относится к идее кооператива очень положительно и согласна вновь с нами поведаться, чтобы обсудить эту проблему. <...>

8 декабря 1971 г., среда.

Мишка теперь домой совсем не хочет идти. Сразу после школы приехал к нам, поспал, а потом я его заставила заниматься французским. Мы с ним позанимались вместе и довольно успешно.

²⁴⁴ Родители В. Сидура с 1952 г. были прописаны в подмосковном Алабине.

Димушке завтра предстоит неприятное действие – тащить эскиз стенки для Института морфологии вместе с подрамником на худсовет.

Что-то вроде анекдота. Дэвид Пайнс, который сегодня уже уехал в Америку, сказал, что по поводу «Эйнштейна» к Диме придет советник Никсона Киссинджер²⁴⁵, когда будет вместе с Никсоном в Москве. Бред, конечно, но веселый бред.

9 декабря 1971 г., четверг.

Отец наш заболел гриппом. Завтра вызовем врача.

Вечером смотрели с помощью Алки фильм Бергмана «Молчание»²⁴⁶. Очень здорово, хотя я больше люблю Феллини и лучше, чем «Восемь с половиной», ничего в кино не видела. Диме фильм понравился.

Мишкина мать снова пытается с парнем примириться. Даже сказала, что они со Слепышевым хотят выстроить себе однокомнатный кооператив и отдадут ему деньги за поломанный приемник. Кроме того, сегодня в шесть часов вечера они с матерью пошли на какую-то выставку.

Мы с Димой думаем, что наиболее реальный вариант – это Мишке с бабушкой купить двухкомнатный кооператив, а Слепышеву оставаться в их трехкомнатной квартире.

11 декабря 1971 г., суббота.

Меня всё мучают в школе Анна Федоровна и Серафима – требуют «Спираль», которую в свою очередь требуют начальники из РОНО. Елена вернулась из Швейцарии, но в школе до сих пор не появлялась. Мне всё это действует на нервы.

Отец болеет, температура у него держится 38°, по утрам и сильный кашель.

Димушка рисует и выглядит бесконечно усталым.

Была моя мама. Сева тоже болен. Мама вроде бы ничего.

Мишка снова опоздал в школу, и я чувствую, что скоро над его бедной легкомысленной и не совсем нормальной головой разразятся всякие неприятности, а я, учитывая данную отрицательную ситуацию, не смогу его уберечь.

Сегодня в школу пришла бабушка сообщить ему, что она достала два билета во Дворец съездов на оперу «Дон Карлос», чтобы Мишка не уезжал к нам, а пошел бы с ней. Мишка очень не хотел, но я ему сказала, чтобы он обязательно пошел. Бабушке он больше всего обязан за свое детство, вернее за то, что у него в детстве было хорошего.

13 декабря 1971 г., понедельник.

Слава богу, Елена Даниловна вернулась из капиталистического ада. Сразу же мне стало легче. Я ей завтра несу все «Спирали», а уж она без меня справится.

²⁴⁵ Киссинджер (Kissinger) Генри (р. 1923) – в 1969–1975 гг. Советник по национальной безопасности США, в 1973–1977 гг. Государственный секретарь США. Лауреат Нобелевской премии мира 1973 года.

²⁴⁶ Бергман (Bergman) Ингмар (1918–2007) – шведский кино- и театральный режиссер. Фильм «Молчание» (*Tystnaden*) снят в 1963 г.

Мы не успели поговорить, но по нескольким репликам ясно, что она очень довольна.

Абрам Яковлевич, кажется, поправляется. Во всяком случае, сегодня за весь день самая высокая его температура была 37°, не выше.

Дима чувствует себя неважно, но ходил в мастерскую и ездил в комбинат, где наконец подписали договор с заказчиком, а теперь Дима должен отвезти его в министерство.

Мишка очень хочет кооператив, а бабушка очень не хочет. Вернее, она хочет, но чтобы всё само собой сделалось. Сегодня же она вообще захворала, Мишка говорит, что у нее прострел. Мишка уже предпринял первое действие в своем доме: вставил замок в своей комнате. Один ключ дал бабушке, другой оставил себе. Очень трогательно, что Мишка одолжил у бабушки 10 рублей и купил нам сумку на колесиках, которую мы уже давно хотели иметь.

Вечером мы с Димой смотрели шведский фильм «Я любопытна»²⁴⁷. Фильм нам не понравился. Опять же голые, вытворяющие на экране всё, что только можно, выглядят не эротично, а неприятно. Опять же скучно, а этого быть не должно.

14 декабря 1971 г., вторник.

Елена продолжает меня поддерживать и по-прежнему восхищается «Спиралью».

Димуся сумел сегодня что-то подписать в Министерстве здравоохранения, а в мастерской ему наладили станки. Теперь обрабатывать металлические чушки будет легче.

Мишка получил двойку по физике, а у нас дома сказал: «Хорошо все-таки, когда есть папа и мама».

Абраму Яковлевичу, слава богу, стало полегче.

Наконец наступила самая настоящая зима: -17°. Холодно!

15 декабря 1971 г., среда.

Димушка сегодня из дома не выходил и рисовал. Абрам Яковлевич явно поправляется. На улице самый настоящий мороз. Приехал Мишка, учили с ним физику – о расширении тел при повышении температуры. Кое-что даже я начала понимать, несмотря на мою врожденную тупость ко всем точным наукам. Потом говорили о сочинении на дурацкую тему «С кого я буду делать жизнь». Зальцман вернул Мишке сочинение по Тургеневу с тройкой, сочинение очень хорошее, а Зальцман сдуру написал еще и свой отзыв. <...>

²⁴⁷ «Я любопытна – желтый» (*Jag är nyfiken – gul*), автор сценария и режиссер Вильгот Шеман (Sjöman) – фильм-коллаж 1967 года, эпохи расцвета сексуально раскрепощенного шведского кино и начала культурной революции в Западной Европе. Длинный, двухчасовой черно-белый фильм, в котором документально снятые интервью с реальными людьми перемежаются с откровенными сексуальными сценами, имел успех, но был запрещен к показу во многих странах. Вадим и Юлия увидели его на одном из «закрытых» платных просмотров, о которых говорилось выше.

16 декабря 1971 г., четверг.

Димка чувствовал себя плохо и в мастерскую не ходил. <...>

Звонили по поводу кооперативов. Нам очень нравится один вариант на Матвеевской. Это 10 минут по нашей дороге, недалеко от станции. Квартира 39 метров, если бабушке дадут право на дополнительную площадь, они могут его приобрести. Вселение уже в марте, если бы это получилось, было бы отлично.

17 декабря 1971 г., пятница.

Снова оттепель, чувствую себя паршиво.

Мишкина мама почему-то замкнулась, что она пойдет вместе с Мишкой к директору школы и спрашивала, кто парторг. Можно же представить, как они там нас ненавидят в своем семействе.

18 декабря 1971 г., суббота.

Сегодня приехал Боря Хазанов. Он занимался у нас с Мишкой, а я с Тюпой.

Инна Бернштейн, бедняга, вся распухшая от своей аллергии, принесла нам два билета на французский театр «Ателье»²⁴⁸. Дима сходил с Мишкой на спектакль Марселя Эме «Лунные птички». Диме не очень понравилось. Текст хороший, театр плохой. Было много народу из моей школы, вплоть до Зальцмана²⁴⁹.

Прорвалась неожиданно сквозь глушилки «Свобода». Лариса Даниэль должна вернуться из ссылки в Москву. Юлик сейчас в Москве, в Кунцевской больнице²⁵⁰, где ему лечат уши.

По неподтвержденным пока слухам умер Твардовский. Очень жаль, он был замечательным человеком.

В «Новом мире» отличная статья Гранина «Священный дар»²⁵¹. Как сейчас люди научились писать о всех наших кошмарах! А придаться нельзя, так как речь идет о Моцарте, о Сальери, о Пушкине и Булгарине, о самодержавии и III-м отделении²⁵². Аналогии один к одному с нашей реальностью, а почему-то проходит. Сейчас такое время – «либеральное».

Когда Мишка расставался с Димой, он сказал: «Как бы я хотел сейчас поехать с вами, хоть бы вы мне коечку где-нибудь на кухне поставили». Это же

²⁴⁸ Известный драматический театр, существующий в Париже с 1822 г. (с 1922 г. под названием *Théâtre de l'Atelier*), в 1940–1973 гг. его возглавлял режиссер и художник Андре Барсак (*Barsacq*). Осуществлял в основном классические постановки. Спектакль «Лунные птички», поставленный в 1955 г., считался одним из лучших. В Москве театр гастролировал тогда второй раз (первый в 1965 г.) и показал также спектакль «Свидание в Санлисе» Жана Ануя.

²⁴⁹ О.М. Зальцман был большим театралом и вообще не пропускал ни одной премьеры и ни одних гастролов.

²⁵⁰ «Кунцевская больница» – городская клиническая больница № 71 (с 2015 г. им. М.Е. Жадкевича), ближайшая к писательским поселкам Переделкино и Пахра. Именно в этой больнице лечились многие писатели, артисты, художники. Здесь 26 июня 1986 г. умер Вадим Сидур.

²⁵¹ Гранин Даниил Александрович (1919–2017) – писатель, публицист, общественный деятель. Упомянутая большая статья была опубликована в № 11 журнала за 1971 г. в рубрике «Дневник писателя».

²⁵² Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии создано императором Николаем I в июле 1826 г., орган политического сыска и следствия в России.

просто ужас, до чего Мишка не любит свой дом. Бабушкиной любви ему мало, а кроме нее, да своих зверей, ничто его домой не влечет. В школе он старается вести себя лучше и даже учится более-менее, но, к сожалению, у него это плохо получается.

19 декабря 1971 г., воскресенье.

Мишка, кажется, заболел. Кашляет, насморк, горло болит, завтра хочет в школу не идти, а врача вызывать тоже не хочет. Завтра же мы должны идти на «Гамлета» на Таганку. Мы с Димой по билетам, которые нам заказал Веня, а Мишка с Наташкой по входным.

Нас совсем одолели кинособлазны. Сегодня поперли в «Уран» смотреть американский фильм «Полуночный ковбой»²⁵³ и еще один детективчик. Про «Ковбоя» все говорили в один голос, что это что-то невероятное. Нам с Димой не понравилось. Надоели все эти несчастья деклассированных элементов. Сделано хоть и не на плохом уровне, но очень поверхностно и дальше коммерческого фильма «на потребу» не идет. После всего, что мы смотрели, нам больше всего понравились Бергман и Висконти, остальное всё не фонтан.

Алик Киселев был, вчера у него прорвался нарыв на копчике и ему стало легче.

Нам нравится Алкин парень, довольно красивый малый с длинной черной бородой и желтым лицом, несколько иконописный. Не противный и не выпендривается и, явно, умный.

Была с нами в кино Наташка. Мишку мы в кино еще ни разу не брали, оберегаем его впечатлительную натуру от зрелища всякой грязи, особенно там, где кроме грязи нет и капли искусства.

20 декабря 1971 г., понедельник.

Князь Мышкин заболел и бабушка вызвала ему врача. У него бронхит, чувствует себя, видно, действительно паршиво и мы без особого труда уговорили его не ходить по входным на «Гамлета». Там было столпотворение, и ему, больному, не выстоять.

Спектакль нас разочаровал. Он очень хорошо сделан формально, но нет проникновенности. Высоцкий в роли Гамлета – обыкновенный злобный неудачник, необаятельный. Веня мне понравился, он отлично играет короля. И вообще, Веня – очень милый парень. Сам выкупил наши билеты.

Опять же раздражало, что Гамлет почти не сомневается. Стихи Пастернака «Гамлет» из «Живаго» – гениальные, а когда Высоцкий поет их под гитару, получается пошло.

Мать Мишкина вдруг попросила у него фотографию, где мы с Димой, он, Юра, Вовка, Ленка и Женька в нашей мастерской. После разговоров о парторге

²⁵³ «Полуночный ковбой» (*Midnight Cowboy*) – американский художественный фильм 1969 года режиссера Джона Шлезингера с Дастином Хофманом в одной из главных ролей. Удостоен трех «Оскаров» (1970) и многих других престижных премий. Несмотря на известность, в советский прокат фильм не выходил. Вадим и Юлия посмотрели его, по-видимому, на какой-либо «неделе» американских фильмов, проходившей в связи с начавшейся тогда эпохой детанта и советско-американского сближения.

мы думаем, что это не к добру. Возможно, что она «собирает материал», при ее коварстве все возможно. Мальчик, естественно, ей ничего не дал, а когда по нашему настоянию спросил ее – зачем, то она ответила, что он на этой фотографии больно хорош. Возможно, но верится с трудом, что цель столь безобидна.

21 декабря 1971 г., вторник.

С заказом уже начались неприятности из-за одной заразы, который ужасно не хочет, чтобы эту стенку возводили. Он зам. Авцына, ему и без украшений хорошо живется. У Димы насморк, он целый день сидел дома и вел телефонные переговоры. Если этот заказ не пройдет, у нас будет довольно фигово с зарплатком.

Наша школа – это наше государство в миниатюре. Есть крайне правые, есть левые (крайне левых нет), есть центр. Наверху стоит Елена, которая колеблется, но тянет ее все-таки неудержимо влево.

В школе мне становится все труднее молчать, да и другие не молчат. Крайне правые стали слабее, хотя власть на их стороне и сила тоже. Но сила уже совсем не та. А главное – ученики с нами, а не с ними.

Мишке бабушка ставила горчичники, чувствует он себя неважно. Читает «Чрево Парижа»²⁵⁴, это лучше, чем какая-то там «Обледенелая любовница», произведение прошлого века, которое он читал вчера до 3-х часов ночи.

22 декабря 1971 г., среда.

Нёма Гребнев сам видел вчера на похоронах Твардовского Солженицына. Он сидел вместе с семьей покойного в первом ряду. На кладбище Александр Исаевич поцеловал покойного в лоб и перекрестил его²⁵⁵.

Князь Мышкин жутко кашляет. Мы сегодня снова не виделись, но нам совершенно необходимо повидаться, потому что мальчик находится в очень большой хандре и как бы там не получилось взрыва. Вроде бы Слепышев нашел кооператив где-то по нашей Киевской линии, пять минут от станции метро до дома. Дом низшей категории, пятиэтажный, без лифта, 32 метра в двухкомнатной квартире на пятом этаже. Бабушка согласна, несмотря на то, что нет лифта. Мишка, дурачок, сначала был резко против: во-первых, из-за того, что это Слепышевский вариант, а не наш. Во-вторых, из-за того, что бабушке будет тяжело вскарабкаться на пятый этаж. В-третьих, он законно сердится, что во всех этих вопросах его игнорируют. Насилу мы Мишку убедили соглашаться, поскольку в данный момент цели Слепышева и Мишки совпадают. Мишка наемнул, что это якобы кооператив людей, уехавших в Израиль, стоит он почему-то чрезвычайно дешево – 2500 руб., и вселяться можно уже в январе.

²⁵⁴ Роман Эмиля Золя «Чрево Парижа» (*Le Ventre de Paris*), 1873 г.

²⁵⁵ Панихида прошла 21 декабря 1971 г. в Москве в Центральном Доме литераторов, проход в который осуществлялся строго по приглашениям, похороны состоялись на Новодевичьем кладбище, закрытом в тот день для посещения и оцепленном милицией и солдатами. (Обстановка на похоронах описана А.И. Солженицыным в книге «Бодался теленок с дубом»). А.Я. Лакшин вспоминал, что А.И. Солженицын, пришедший тогда в ЦДЛ, оказался в центре внимания.

Юлия. Рисунок Вадима Сидура (1972)

Еще Мишку ужасно волнует их вшивое наследство. Надо ему мотать оттуда как есть, а ему ужасно жалко, что не всё барахло ему останется. Особенно ему жалко книги и картины.

У нас с Димой тоска у обоих.

Говорят, будто бы такие преуспевающие графики, как Збарский²⁵⁶, Красный²⁵⁷, Кабаков и другие собираются ехать в Израиль²⁵⁸. У Гробмана уже там выставка открылась.

Вчера неожиданно позвонил Зальцман. <...> Предложение: «Хотите сводить вашего Мишку на балет “Лебединое озеро” в Большой театр?» Мы с Димой согласились. Это он почувствовал, что сделал глупость, несправедливо поставив Мишке тройку за сочинение по Тургеневу, и теперь лезет примиряться. Он всегда так себя ведет. Нагадит, а потом заглаживает. Ничего был бы парень, если бы не настолько весь закомплексованный.

24 декабря 1971 г., пятница.

Забыла записать, как мы встретили в театре на «Гамлете» Виктора Некрасова с Лилей Лунгиной. Это совершенно мертвый человек, потухшие глаза, потусторонний взгляд и нетвердые движения. Впечатление производит ужасающее. Во всяком случае, сильнее, чем трагедия «Гамлет», которую мы видели в этот день.

На другой день Дима разговаривал с Веней по телефону и тот сказал, что у Любимова спектакль не получался и всё зло он срывал на актерах. Почти все режиссеры так делают.

Приехал из Австралии Саша Гришин, несколько потолстевший. Он уже преподаватель. Говорит, что делает про Диму книжку, но она долго тянется.

Мишка все кашляет. Сегодня мы опять не виделись. Мама моя все болеет.

Солженицын согласился принять премию на частной квартире²⁵⁹.

<...>

26 декабря 1971 г., воскресенье.

Юнна назвала своего сына Дмитрием, то есть Димой, хотя и не Вадимом. Нам с Димой очень приятно.

²⁵⁶ Збарский Лев (Феликс) Борисович (1931–2016) – график, книжный иллюстратор, кино- и театальный художник, оформитель выставок. По окончании в 1955 г. Московского полиграфического института сотрудничал со многими издательствами, главным образом – с «Искусством» и «Художественной литературой». Эмигрировал в Израиль в середине 1970-х гг., затем переехал в США.

²⁵⁷ Красный Юрий (1925–2005) – график, книжный иллюстратор. В середине 1970-х гг. эмигрировал в Израиль, затем переехал в США.

²⁵⁸ Имена художников, упомянутых Юлией, после их отъезда из СССР сразу же были преданы забвению. Сейчас о них мало кто знает, хотя во второй половине 1950-х, в 1960-х и начале 1970-х гг. это были очень модные, знаменитые художники, оформлявшие лучшие книги в самых лучших издательствах Москвы, театральные постановки в лучших театрах, советские павильоны на международных выставках (вплоть до *Expo*), у которых осуществлялись государственные закупки произведений, которые свободно выезжали за границу, являлись «звездами» многих богемных компаний.

²⁵⁹ А.И. Солженицын отказался от поездки в Стокгольм, опасаясь, что его не впустят обратно в СССР. Посольство Швеции воздержалось от устройства церемонии в Москве. Тогда Шведская академия заявила о возможности вручения премии на какой-либо частной квартире. А.И. Солженицын предложил квартиру Н.Д. Светловой. 9 апреля 1972 г. премию должен был вручить ученый секретарь Шведской академии Карл Рагнар Гиров. К ожидаемому событию А.И. Солженицын подготовил «Нобелевскую лекцию», разослал пригласительные билеты и т. д. Однако 5 апреля советские власти отказали Гирову в визе, таким образом сорвав церемонию. Диплом, медаль лауреата и денежный чек А.И. Солженицын получил после высылки из СССР, 10 декабря 1974 г. в Стокгольме.

Видели фильм «Андрей Рублев»²⁶⁰, очень хороший, серьезный фильм. Я даже не ожидала, что фильм такой хороший.

Мышонок наш всё кашляет. В кино были вместе. Было много ребят из моей школы, учителя и даже сама директор, Елена Даниловна, которая со мной и с Димой поздоровалась за руку, а на Мишку смотрела со жгучим интересом, в связи с тем, что он с нами.

Получили от Карла серьезные письма с анализом всего происходящего на выставке во Фрауенфельде. Очень интересно.

27 декабря 1971 г., понедельник.

Я когда-то записала, что не пойду на фильм «Андрей Рублев», потому что говорили, что Тарковский живьем сжег на съемках корову. Очень не хочется этому верить. Фильм хороший, никакой сожженной коровы в нем нет. А фильм прекрасный, и я рада, что нарушила свой обет на него не ходить²⁶¹.

Киномания нас одолела, это всё из-за соблазнительницы Алки. Сегодня видели «Сатирикон»²⁶² Феллини. Не фонтан.

28 декабря 1971 г., вторник.

Столько событий! Я дошла до ручки, до полного изнеможения. В моем шестом классе был праздник, на котором я плясала и пела вместе с детьми со страшной силой.

Приехала домой поздно и узнала новость. У Мишки снова произошел скандал, в котором виноват только он сам. <...> Потом Дима спросил у матери, приехать ли ему Мишку домой или же она за ним приедет. Она сказала, что приедет сама. Действительно, приехала. На вид женщина она приятная, мне и раньше так казалось и теперь кажется. Хитрая ужасно! С любопытством смотрела Димины картинки. С ней Мишка уехал.

В общем, творится у них в семье что-то жуткое. Парень не выдерживает еще и потому, что он слегка сдвинутый. Им надо разделяться, хотя, узнав, что мать собирается жить с ним в новой квартире (во всяком случае, она так сказала Диме), парень чуть с ума не сошел от гнева.

Мой директор – лучший в Советском Союзе! Сегодня она одержала решительную победу за «Спираль». Что-то явно изменилось в нашей действительности: осудили доносчицу, а Елену выслушали не только благосклонно, но даже

²⁶⁰ Художественный фильм «Андрей Рублев» был закончен А.А. Тарковским в 1966 г. Цензура подвергла его сокращению, но в прокат не пропустила. Лишь в октябре 1971 г. картина появилась на советских экранах, но вышла в так называемый «ограниченный прокат» – ее можно было посмотреть в клубах, домах культуры, маленьких кинотеатрах на окраинах городов, в области и т. д. В описываемом Юлией случае фильм показывали в Клубе им. С.М. Зуева на Лесной улице. Это был один из первых его показов в Москве. Не случайно, что в зале присутствовало много зрителей из Юлиной школы. Так шло распространение билетов – в основном не через кассы, а «по предприятиям» района: школа и клуб располагались неподалеку и находились в одном районном ведомстве культуры. (См. выше записи от 18 февраля 1969 г.).

²⁶¹ См. записи от 15 марта 1969 г.

²⁶² *Fellini Satyricon* – художественный фильм 1969 г. по мотивам романа Гая Петрония. В 1970 г. удостоен американской премии «Золотой глобус», в 1971 г. – «Оскара».

одобрили ее. Если бы она тогда так не перетрусилась с нашим спектаклем «Леона Пигма»²⁶³ и не продала бы меня немножко Слепышеву, была бы идеальный директор.

29 декабря 1971 г., среда.

<...> Мишка болен, звонит по телефону, просится к нам жить. Своих обзывает негодяями, очевидно, что-то чувствуя. Мы с Димой уже начинаем понимать, что всё идет к тому, что после многих скандалов и мучений, возможно, придется брать Мишку к себе, хотя юридически мы не имеем на это никаких прав.

30 декабря 1971 г., четверг.

<...> Сегодня мы целый день с перерывами беседовали по телефону. Завтра Мишка встречает Новый год с нами.

Вадим Сидур за работой над барельефом «Моисей» (1972). Фото: Эдуард Гладков

²⁶³ Е.Д. Суханкиной тогда не понравились некоторые места отличного спектакля, в которых она вдруг усмотрела политический подтекст, заявив, что «дети стали марионетками в руках взрослых», и запретила дальнейший показ. (См. выше записи от 5 и 9 апреля 1971 г.).

1972

1 января 1972 г., суббота.

Встретили Новый год с ребенком, рожденным нами в муках, и муки эти только начались.

Мы позвонили его матери, поздравили ее с Новым годом. Заставили Мишку позвонить и сказать все положенные в таких случаях слова. Дима сам попросил у нее разрешения, чтобы Мишка остался у нас ночевать вчера и сегодня. Она разрешила.

Парня постригли, он вымылся, хотя ужасно не хотел, так как грязнуля и лентяй. Потом помылся и сам был очень доволен. Ел от пуза. Праздник был настоящий. Никто к нам не пришел, да мы и не жалели об этом. Всё было бы отлично, если бы Мишка не кашлял так страшно из-за своего хронического бронхита.

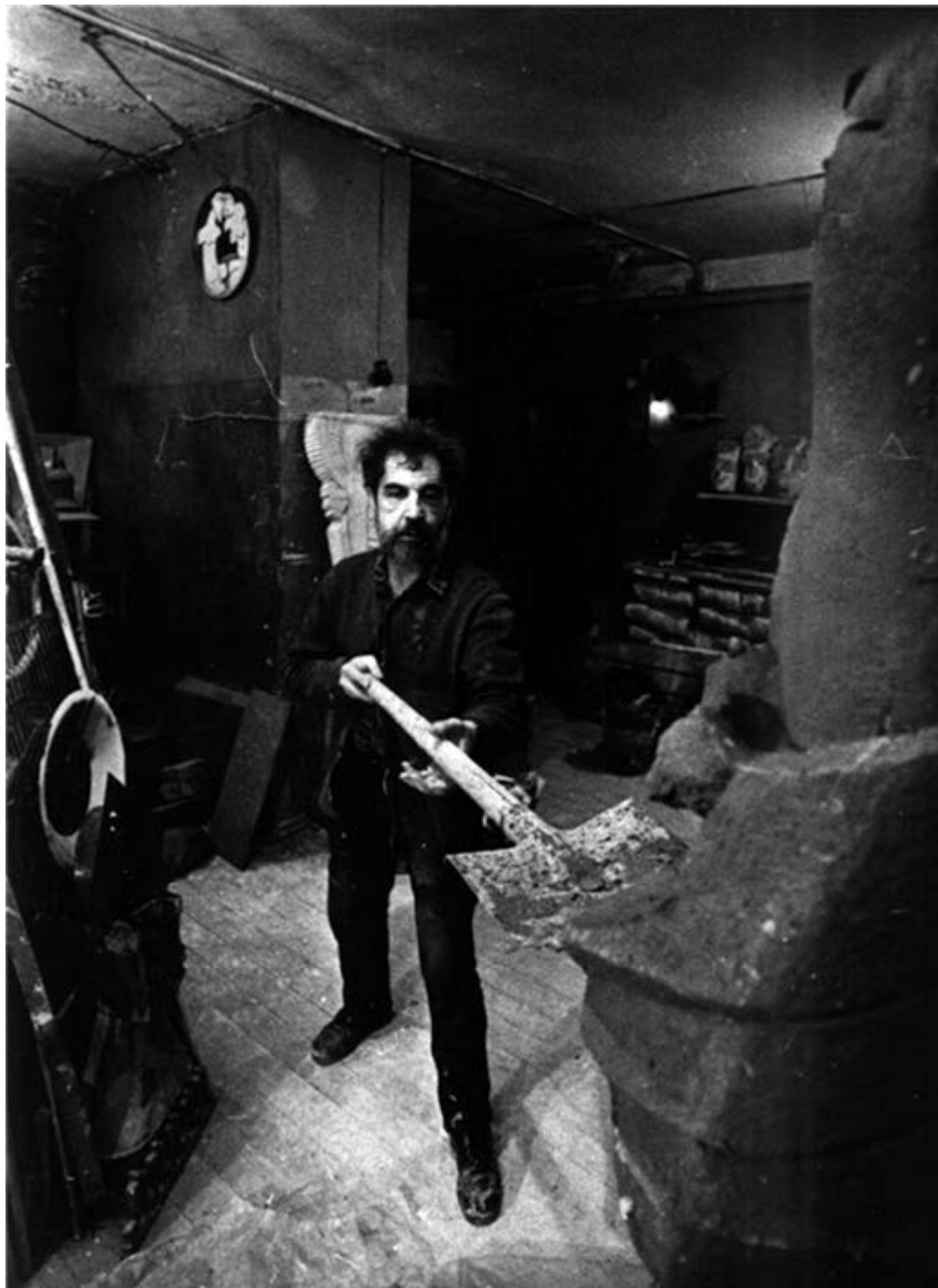
<...>

2 января 1972 г., воскресенье.

«Идиллия» продолжается. Малый уехал домой вовремя. Попытался там похандрить, но в итоге объелся гусем и опился соком, кошка его тоже обожралась. У нас он тоже двое суток объедался. Дима позвонил его матери еще утром и попросил разрешение подарить Мишке голубой английский свитер, так Диме он маловат, а Мишке будет в нем тепло, а из своих он вырос. Мать разрешила, даже пошутила, что Дима из него «вырос». Вечером у них дома всем этот свитер очень понравился. Бабушка с мамой его примеряли, а мама даже попросила отдать свитей ей. Мишка отказался, потому что он ему самому очень нравится. А я ему сразу сказала, чтобы он отдал, мы бы ему другой подобрали. У нас их много – пять штук, и все очень хорошие, только носить некогда. Мишка, в общем, добрый мальчик, сказал, что немного сам поносит, а потом маме отдаст. <...>

Позвонил Лева Копелев, намекнул, что они были у Солженицына. У них всё хорошо, ребеночек здоров. Александр Исаевич вспомнил, как я с Эдиком приезжала с ним повидаться в первый раз в 1967 г. на дачу к Корнею Ивановичу Чуковскому. Больше Лева ничего по телефону не сказал, но мне было ужасно приятно. Должны увидеться слевой послезавтра.

Были у нас Эдик с Валькой. Валька прибарахленная, наконец, она себе справила всякие приличные одежды, а то всё ходила, хоть и приятно одетая, во всем стареньком. Выглядит Валька очень хорошо. Эдинька тоже в новых брюках. Эдик с Димой подбирали фотографии для их книги. Из-за того, что у нас Мишка, Дима меньше работает, мальчик требует постоянного внимания. К Диме же он особенно льнет, обнимает его и не может отцепиться. «Сколько, – говорит, – я бы отдал, чтобы у меня была бумажка с записью: отец Вадим Абрамович Сидур».

Вадим Сидур за работой (1970-е гг.). Фото: Эдуард Гладков

Исключили из Союза писателей Галича и Маркина, поэта из Рязани¹. То, что исключили Галича – это не удивительно, он для этого сделал всё, что мог, а Евгений Маркин – другое дело, совсем недавно он, хоть и с оговорками, но все-таки исключал вместе с другими А.И. Солженицына из Союза писателей². С тех пор эволюция взглядов и поступков этого человека оказалась совершенно стремительной. В номере 10 «Нового мира» за прошлый год были опубликованы два стиха, не бог весть что, но про Исаича, то есть про Солженицына³. Это каким-то образом проглядели цензоры, а теперь Маркин вылетел из Союза и, очевидно, об этом не жалеет, так как знал, на что шел.

4 января 1972 г., вторник.

Я в очень плохом настроении, так как каникулы, а мы вынуждены ходить то в школу, то на политзанятия. За восемь лет первый раз такое гадство. Димуся чувствует себя очень плохо, в мастерскую не ходит, вчера была даже небольшая температура.

Мышкин ходил сегодня с матерью в кино. Ни о чем он с ней не говорил, ни она с ним. Так, говорит, и молчали и до кино, и после кино. Завтра мальчик опять идет в кино, но на этот раз с бабушкой, в «Россию» на 10 часов вечера, смотреть фильм «Индийские йоги»⁴. А седьмого января опять идет с бабушкой на балет «Лебединое озеро» в Большой театр. В общем, великий наслажденец. Я же тоскую, и плохо мне.

5 января 1972 г., среда.

Дима с Эдиком всё в фотографиях роются.

Приехал днем перепуганный Мышкин. Сначала он не был перепуганный, а потом мы его испугали. Дело в том, что он, проснувшись, нашел на холодильнике послание от бабушки, где она писала: «Миша, я не могу больше жить среди

¹ Маркин Евгений Федорович (1938–1979) – поэт, журналист, печатался с 1954 г., автор восьми поэтических сборников, член СП СССР с апреля 1968 г.

² А.И. Солженицын был исключен на заседании Рязанского отделения СП 4 ноября 1969 г. (См. записи от 7 и 12 ноября 1969 г.). Тогда из шести голосовавших писателей за исключение проголосовало пятеро, против – один, сам А.И. Солженицын. Во время предшествовавшего обсуждения Е.Ф. Маркин единственный высказался против, однако во время голосования все-таки поднял руку. «Вот как сошлось: добивался он два года комнаты – и завтра обещают ему ордер выписать», – вспоминал А.И. Солженицын в «Теленке» о поступке Е.Ф. Маркина. «Еще в коридоре ловил меня Маркин, громко просил прощения (это – по хорошему Достоевскому, еще несколько раз он будет каяться, плакаться, на колени становиться, и опять отрекаться, ему и правда тяжело, он душой и правда за меня, да грешное тело не пускает»).

³ Стихотворение «Белый бакен» («Новый мир». 1971. № 10. С.). А.И. Солженицын вспоминал в «Теленке»: «Год спустя он умудрился протащить в “Н. мире” (с новым руководством) стихотворение о бакенщике “Исаич”, которого очень уважают на большой реке, он всегда знает путь, – то-то скандалу было потом, когда догадались! – и исключили-таки бедного Женю из СП». Официально поэта исключили не за это стихотворение, а под благовидным предлогом – за злоупотребление алкоголем. Полтора года Е.Ф. Маркин вынужден был провести на принудительном лечении в ЛТП – «учреждении п/я 25/4».

⁴ «Индийские йоги – кто они?» – документальный фильм, режиссер Альмар Серебренников, киностудия «Киевнаучфильм», 1970 г. Пятидесятиминутный фильм, в популярной форме рассказывающий об индийской оздоровительной гимнастике, пользовался огромным успехом.

лжи и обмана. Мне надоело убирать за всеми, а ты мне совсем не помогаешь. Я уезжаю к тете Шуре». Письмо было примерно такое, хотя Мишка его почему-то порвал и выбросил. Дома при этом никого не было. После этого Мишка поехал на Арбат по своим кошачьим делам – таскался по книжным магазинам и покупал фотопленки. Нам об этом письме он сказал по телефону, да и то, делая вид, что это что-то незначительное. Дима тут же его обругал за то, что он это письмо уничтожил, и сказал, чтобы он немедленно приезжал к нам. Мишка приехал бледненький, испуганный и кашляющий. Кашляет он жутко, как чахоточный, даже захлебывается. Сказал, что никакой ссоры, никакого повода для подобного бабушкиного поступка вроде бы не припоминает. Мы заставили его от нас позвонить тете Шуре. Та была очень удивлена и сказала, что бабушки у нее нет, и она ничего не знает о ее намерении. Тогда Мишка позвонил домой, бабушка оказалась дома и сказала, что она ходила к зубному врачу. Мы тут же прогнали Мишку домой объясняться. Из дому он нам быстро позвонил, успокоенный. Оказывается, бабушка вроде бы обиделась на него за то, что он продал букинистам какой-то альбом, который сама бабушка разрешила продать, и забыла об этом. А заодно она вспомнила другую обиду на Мишкину маму, когда та летом продала какую-то картину, а деньги положила себе на книжку. В ответ на то, что Мишка рассказал, как он волновался, прочтя ее письмо, так как это было равносильно тому, что он оставил бы записку, что идет кончать самоубийством, бабушка рассмеялась. Недоразумение кончилось очень просто. Мишка опять прилетел к нам невероятно веселый, с кошкой. Фотографировал меня с этой замечательной скотинкой. Потом я заставила его с большим трудом прочесть и перевести статью во французском журнале. Он занимался даже с интересом. Потом еле-еле его выпроводили, чтобы он не опоздал пойти с бабушкой в кино «Индийские йоги» на сеанс 10 часов вечера. Бабушка ездила на станцию метро «Молодежная», где предполагается кооператив. Ей показалось далеко и дико, то есть совсем в лесу. Естественно, что пожилому человеку никуда не хочется переезжать из насиженного гнезда. Но как раз «Молодежная» – место относительно обжитое и там совсем неплохо, плохо только, что пятый этаж без лифта, и претендуют на эту квартиру военные. Всё это Мишка узнал урывками от матери и бабушки. Последние Мишкины приключения за сегодняшний день – это борьба за то, чтобы бабушка пошла с ним седьмого на балет «Лебединое озеро» в Большой театр, а мать требует, чтобы бабушка осталась дома, так как в этот день у Слепышева творческий вечер. У него, оказывается, сейчас выставка. Дерьмо, небось, всякое.

7 января 1972 г., пятница.

Димушка очень плохо себя чувствует, в мастерскую опять не ходил. Отец тоже чихает и сморкается. Вчера у нас был Лева Копелев. Я несколько разочаровалась оттого, что Лева вспоминал обо мне не с Александром Исаевичем, а с Юликом Даниэлем. Просто из-за конспирации по телефону Дима его не понял. Буковскому дали семь лет. Совсем озверели, сволочи! Да еще пять лет ссылки потом.

Сегодня были у нас Инна с Аней, они уже совсем решили ехать в Израиль. Мишка с бабушкой ходили на балет «Лебединое озеро» в Большой театр. Я была в школе на репетиции у Киселева «Республики Шкид». Все время приходит Эдинька, Дима с ним вместе делает фотокнигу.

9 января 1972 г., воскресенье.

Не получается теперь у меня «ни дня без строчки»⁵, ленюсь. Вчера ходила с Инной и Аней заниматься английским. Они знают значительно больше меня, я многое понимала, но воспроизводить почти не могла. Димушка все время неважно себя чувствует и уже который день не ходит в мастерскую. Вчера к нам забежала Алка и Игорь Тимофеев. Алка продала Димухе невероятно яркую польскую махровую рубашку. Были Владик Бахнов с Нелей. Владик починил магнитофон, который нам подарил его сын Ленька. Магнитофон хоть и старый, но хороший. Владик рассказал, что Аркадий Васильев, сволочь из Союза писателей, написал отрицательный отзыв на его книгу в «Сов. писателе».

Мишенька написал историю своего детства за сегодняшнюю ночь. Интересно. Но еще интереснее его дневники. Вчера он принес нам на хранение I и II часть своих дневников. Раньше он мне эти именно тетради не давал из-за того, что там несколько раз описаны ссоры со Слепышевым. <...> Дома сейчас у него затишье, и очень ценно, что он сам старается не нарушать этого «худого мира». Сегодня, когда он ушел, мы с Димой наговорили ему письмо на магнитофон, ничего получилось. Завтра ему будет очень приятно.

11 января 1972 г., вторник.

Пошла в школу и еле стою на ногах. Говорила с Еленой Даниловной, поставила ее в известность, как мы договаривались, о том, что сейчас происходит с нами и с Мишкой. Сказала, что мы перезваниваемся с матерью, поздравляли друг друга с Новым годом, и вообще, сейчас всё хорошо вроде бы. Елена тут же этим благоприятным случаем воспользовалась, чтобы вызвать ее в школу, так как Мишкина мать за ее спиной обратилась с жалобой к нашему парторгу Анне Федоровне, думая сдуру, что в школе можно миновать директора в подобных делах. Итак, эта встреча произойдет в субботу в три часа. Когда Елена при мне звонила Мишкиной матери по телефону, Мишка слышал, так как бабушка, подзывая мать, сказала, что ее просит Елена Даниловна. Бедный наш Мышонок тут же вскочил на велосипед и помчался в школу, чтобы предупредить меня об этом звонке, но я уже ушла. Тогда из автомата он позвонил к нам домой и всё рассказал Диме. Я как раз приехала, когда они говорили по телефону. Перед тем, как звонить матери Мишки, Елена рассказала мне подробнее о весеннем визите кагэбешника. Этот человек пришел именно по поводу Шункова Миши. Справлялся обо мне и о Диме. Елена меня прекрасно аттестовала и назвала меня самыми лучшими словами. Разговор шел об искусстве. Елена сказала, что тов. Сидур работает в новом направлении, отчим Миши тоже не в старом, оба они художники и это их дела. Ее же интересует только судьба мальчика, которого она давно знает, у которого, безусловно, есть завихрения, но он вырастет и сам

⁵ «Ни дня без строчки» – книга писателя Ю.К. Олеси (опубликована в 1961 г.).

во всем разберется, сейчас же нам важно, чтобы он был жив, потому что если он над собой что-нибудь натворит, будет очень худо. Тогда кагэбешник попробовал другой прием. Каковы наши отношения с Димой? Потому что Дима меня значительно старше, а Мишка все-таки мальчик. На это Елена сразу сказала, чтобы ее не втапывали во всякую грязь. Она была у нас дома, видела, что у нас доверительные идеальные отношения, что Дима приходил в школу и что подобные гнусные предположения следует отвергнуть сразу же. <...> Меня очень трогает, что мой директор Елена Даниловна Суханкина оказывает мне такую большую поддержку.

Вечером Мишенька с бабушкой ходили в театр на Таганку смотреть «Павшие и живые», им обоим очень понравилось. Теперь Мишка одержим идеей продать свой старый магнитофон «Орбита» и купить новый «Романтик». Это предприятие отвлекает его даже от предстоящих тяжелых событий.

Димуха чувствовал себя получше, но не выходил. Были у нас Эдинька, Саша Гришин и Кларочка, которая принесла завтрашний номер «Литературки» со статьей «Журнал “Штерн” и семья Солженицыных»⁶. Там какая-то полоумная старая тетка Солженицына давала интервью журналу «Штерн» (опять же не без КГБ обошлось), рассказывает о том, какие родственники Солженицына были богачи – помещики, миллионеры, грубияны, ездили на «Роллс-Ройсах» и т. д. Из этой статьи, а также из примечаний редакции читатель должен сам сделать вывод, почему Солженицын не любит замечательную советскую власть. Опять же описывается двоюродная сестра Солженицына, которая живет и радуется в каком-то потрясающем богатом колхозе, а двоюродный брат даже весточки никогда не пришлет. Тете своей прославленный племянник тоже не помогает. В общем, ужасный тип. Статья на редкость убогая, облить грязью – и то не сумели, зато славы Солженицыну еще прибавили, так как статья явно сенсационная. Такие трогательные ссылки на вражескую прессу в лице западногерманского журнала «Штерн». К сожалению, на Западе тоже дерьма хватает.

12 января 1972 г., среда.

Я сегодня так паршиво себя чувствовала, что целый день лежала без движения. Сил не было шевелиться, только к вечеру слегка оклемалась.

Вдруг повалили иностранцы. Подряд звонили американцы, знающие Майка, а у нас Леву Копелева – мужик, специалист по влиянию немецкой литературы в России, супруга которого искусствоведка. Затем какой-то человек, англичанин, завтра придет к Диме в подвал, и Дима объяснял ему по-английски довольно складно, как добратся. Последним звонил венгр, какой-то доктор Левинг, он от Жужи, сказал, что она нам прислала какую-то посылочку. С супругами-амери-

⁶ Проживавшая в Георгиевске тетка А.И. Солженицына Ирина Ивановна Щербак вела дневник, который был выкраден у нее сотруdnиками КГБ. На основе отрывков из него появилась публикация в «Литературной газете». «Мы, конечно, далеки от мысли проводить прямую вульгарно-социологическую связь между происхождением человека, окружавшей его в юности обстановкой, его воспитанием – с одной стороны, и его деятельностью в зрелом возрасте – с другой. Редакция «Литературной газеты» решила проверить факты, изложенные в «Штерне», и направила своего корреспондента в Ставропольский край», – говорилось во вступлении к этому редакционному материалу без подписи.

канцами Дима общался сегодня без меня, я была совершенно как труп и не выходила.

Наконец наступили страшнейшие морозы, под -30° . Прошлую зиму такого не было. Мишка сегодня мерз в школе, хотя и надел под пиджак меховую безрукавку. Дима даже покричал на него немного за то, что он в школе на уроке истории читал Драйзера, когда ему совершенно необходимо знать историю очень хорошо. Кроме того, с двумя другими девятиклассниками где-то стучал крышками от парт и попался Елене, она их очень отругала. После критики Мишка позвонил через пару часов и сообщил, что он добросовестно учил физику, но много в ней не понял, так как материал рассчитан на четверочника, а не на такого физического бездаря, как он. Мы договорились, что завтра он еще до уроков подойдет к учителю и скажет, что ему не понятно.

14 января 1972 г., пятница.

Завтра предстоит нам объяснение в школе с Мишкиной матерью при директоре и парторге.

Наконец нам написали письмо Ирэн и Робер из Франции. Они только что получили все вещи из Москвы.

15 января 1972 г., суббота.

Объяснение состоялось. <Парторг> Анна Федоровна заболела и ушла. Мы были втроем. Мать талдычила что-то миролюбивое о Мишкином режиме дня и что-то еще. Решили, чтобы он возвращался домой в девять часов, но что ходить он к нам может, чтобы заниматься, и вопрос об этом не стоял. В это время Мишка был у нас. Я пришла и сказала, что всё хорошо, но нужно, чтобы Мишка возвращался в девять. За этим последовала буря возмущения.

Пришли Хазановы. Мы занимались с Тюпой, Боря – с Мишкой. Дома Мишка опять поругался с матерью, так как потребовал, чтобы возвращаться в десять, хотя мать была согласна на полдесятого. Позвонил нам, мы его отругали. Мать говорила, что Вадим Абрамович может его кормить, поить, содержать и т. д. В этом был явный элемент провокации с ее стороны, хотя Мишка тоже виноват.

16 января 1972 г., воскресенье.

Учились с Мишкой всей семьей. Дима научился решать задачи по геометрии, Мишка нет, хотя и решил одну с Бориной помощью по телефону. Принес сочинение по Некрасову, вообще сейчас он занимается, и от непривычки ему это дается с трудом.

Я целый день убираала, а Дима с Мишкой поехали к Владику Бахнову. Там были Гребневы и Женька Зверева с Борей. Мишка сразу же захотел унести с собой Владиков магнитофон «Романтик»⁷, но не было времени даже, чтобы как следует его попробовать. Дима Мишку проводил, а сам вернулся к Владику.

⁷ Первый советский портативный (хотя и тяжелый – вес 5 кг без батареек) катушечный магнитофон, выпускавшийся с 1965 г. Был очень популярен и купить его в магазине было трудно, хотя стоил он недешево – 160 руб., при средней месячной зарплате по стране в то время 125 руб.

Мишка позвонил мне уже из дома и долго недовольно бурчал по поводу всего. Но больше всего из-за того, что магнитофон он сегодня не взял, а возьмет как-нибудь еще.

18 января 1972 г., вторник.

Вчера еле заставили парня выучить географию, а сегодня он получил пять. Вообще, сейчас отметки у него резко улучшились. Конечно, это ненадолго. Он уже получил пять по химии, пять по литературе, четыре по истории, три пятерки по французскому у меня, потому что я с ним занимаюсь. Но пока еще нет двоек по физике и математике, но скоро будут.

Дима начал снова делать эскизы для стенки. Мишка отнимает ужасно много времени, но мы не жалеем. Очень пугает его кашель. Его даже два раза рвало. Возможно, что это действительно его застарелый бронхит, так как температуры у него нет. Но вообще, надо идти к врачу. Сегодня наконец Мишка и Дима поехали к Владу, и парень уволок этот магнитофон к себе. Дома у него он стал жужжать или что-то там еще. Бабушка его страдает, с матерью не ладит, а Мишка тоже не может принадлежать ей полностью. Конечно, старушке тяжело.

Дима остался после Мишкиного ухода у Владика и там велись всякие разговоры в основном вокруг одной темы – ехать или не ехать в Израиль. Оказывается, Нина Герман и Вова Вишняк⁸ тоже собираются ехать и уже имеют вызов. Художники Збарский и Красный тоже имеют вызовы. На днях Инна рассказала, что какая-то ее знакомая должна ехать в Израиль, но вдруг вышла замуж и теперь хочет ехать вместе с ним. Это очень интересный человек, его зовут Дмитрий Панин⁹, тот самый, который Сологдин из «Круга первого» Солженицына.

Мы теперь радио практически не слышим из-за глушилок. Оказывается, у Петьки Якира был очень длительный обыск после того, как к нему приходили иностранцы.

Кларочка, кажется, устроилась на полставки в «Лит. газету». Абрама Яковлевича сегодня посетила родная сестра его, тетя Роза. У нее умер муж, и она навсегда переехала к сыну Косте в Москву, недалеко от нас, на станции Матвеевская. Ее сын женился во второй раз, очень доволен своей женой, а тетя Роза недовольна. Она и первой его женой была недовольна. Неприятная молодая

⁸ Герман Нина Львовна – специалист по кинодубляжу; Вишняк Владимир Лазаревич (р. 1921) – муж Н.Л. Герман. Участник Великой Отечественной войны, до 1947 г. военный переводчик (Маньчжурия, Индокитай, Корея), поэт, прозаик, специалист по английской и немецкой литературе, преподаватель МГУ и МГПИИЯ, необыкновенный эрудит, после отъезда из СССР в 1972 г. – сотрудник Русской службы Би-би-си, почетный ассистент русской кафедры университета Манчестера, преподаватель русского языка в Манчестерской женской гимназии. Близкий друг В.Л. Вишняка и Н.Л. Герман В.Е. Бахнов и рассказал об их отъезде Вадиму и Юлии.

⁹ Панин Дмитрий Михайлович (1911–1987) – инженер, писатель, публицист. В 1940 г. арестован по обвинению в контрреволюционной агитации. Работал инженером в разных лагерях ГУЛАГа, в 1947 г. оказался в «Марфинской шарашке» (НИИ Связи, спецтюрьме МГБ), где познакомился с А.И. Солженицыным. В 1953 г. освобожден из заключения и отправлен в ссылку в Кустанай. Реабилитирован и отпущен из ссылки в 1955 г. Затем работал в Москве в конструкторском бюро. С 1972 г. жил во Франции. Автор нескольких философских работ и книги воспоминаний «Лубянка – Экибастуз. Записки Сологодина» (Париж. 1973).

старуха. Насколько все-таки Абрам Яковлевич лучше всех своих родственников, недаром его в семье звали «мишигинер», то есть, на идиш – ненормальный.

19 января 1972 г., среда.

Сердце разрывается, когда Мишенька кашляет. А кашляет он, хоть и реже, но ужасно. Уже получил повестку из военкомата, чтобы туда явиться.

Французы передали, что у Виктора Некрасова в Киеве был обыск на квартире, значит не умер еще Виктор Некрасов, раз у него обыски делают. Опять происходит у нас так называемое «обострение реакции».

20 января 1972 г., четверг.

Мишка получил двойку по биологии, по литературе в дневник, за то, что не прочитал «Господа Головлевы» – тоже двойку от Зальцмана. Сегодня много не соглашался, а Зальцман этого не любит. Кажется, занимается теперь парень изо всех сил, а все равно не успевает. Лучше всего у него идет французский, с моей помощью просто великолепно.

22 января 1972 г., суббота.

Вчера был у нас Владик. Он ужасно страдает оттого, что многие вокруг едут в Израиль, а он ехать не может, так как русскому писателю там нечего делать. И вообще, он почему-то именно сейчас страдает от советского антисемитизма. Когда мы все по-настоящему страдали в эпоху «космополитизма» и «дела врачей», он почему-то не страдал¹⁰. Опять же не может писать. Про других не хочет, а про своих не дадут. Книжка, которую он сейчас сдал, его несколько не радует – то, что там есть лучшего, выбросят, и она будет поуродована пострашному¹¹.

Уезжают Нина Герман и Вова Вишняк. У Вовы какой-то там очень видный дядя.

Передачи из Израиля – единственные, слышные совершенно великолепно¹². Сейчас они стали значительно интереснее, так как говорят исключительно о наших еврейских делах. Сегодня я долго ждала, назовут ли под одним из писем Двадцать восьмому сионистскому конгрессу¹³ фамилию Игоря Галанина. Назвали. Встречаются русские фамилии, кроме Галанина, какие-то Орловы, Михайловы и еще кто-то. Какие-то несчастные Зайчики собираются голодать в Калининграде,

¹⁰ Намек на то, что в те годы В.Е. Бахнов продолжал успешно печататься в журналах и газетах, писать эскизы для популярных артистов эстрады, репризы для цирковых клоунов и т. д.

¹¹ Имеется в виду сборник юмористических рассказов «Тайна, покрытая мраком», вышедший в 1973 г. в издательстве «Советский писатель» с иллюстрациями художника-карикатуриста Е.А. Гурова.

¹² Передачи государственной радиостанции «Голос Израиля» на русском языке велись с 1964 г. два раза в неделю по 15 минут, с 1967 г. – ежедневно по два часа. Глушение передач началось как раз в 1972 г. (до 1988 г.).

¹³ В 1897–1946 гг. Всемирный сионистский конгресс собирался каждые два года в различных крупных европейских городах. После создания государства Израиль проводится раз в четыре года в Иерусалиме. В 2015 г. состоялся 37-й конгресс.

чтобы их выпустили. Мы считаем с Димой, что у нашей власти выход один – всех желающих выпустить, а остальных объявить русскими или советскими, или уж как хотят. Есть еще один выход – всех угробить, но, пожалуй, сейчас у них это не получится. Не та историческая ситуация.

Большая радость в нашем доме – Михаил Шунков впервые за очень долгое время вдруг получил четыре по алгебре. Правда, за контрольную он получил два, но учительница не поставила, потому что, наверное, двойка была не совсем очевидная, и предложила ему переписать. К Мишке сегодня домой приходила медсестра, когда он был в школе, чтобы он шел на медкомиссию для военкомата. Скорее всего, несмотря на его жуткий кашель, его признают годным. Кашляет он какими-то страшными приступами, от которых его даже два раза вырвало.

Сегодня я ездила заниматься английским языком. Если бы у меня была возможность больше заниматься самостоятельно, я бы, наверное, научилась говорить и читать. Дома Боря занимался с Мишкой, а с Тюпой. У Тюпочки французский идет легко и работает она с удовольствием.

Димушка уже второй день лепит эскиз стенки. Мне нравится значительно больше, чем первоначальный вариант.

Студентики, мои ребята, здают неважно. Только Женя Смагина на четыре-пять. Юра Геннис завалил свой единственный экзамен по истории Франции. Вовка Воловников тоже на тройки сдает, лентяй. Юрочка меня огорчил, как бы он не вылетел из института.

24 января 1972 г., понедельник.

Димуся лепит эскиз стенки дома, в подвале очень холодно. Мне ужасно нравится этот эскиз. Мышенькин завтра второй день не пойдет в школу, так как он теперь допризывник, и им интересуется власть насчет воинской повинности. Несмотря на его хилость, его, конечно, признают годным. Юра Геннис пересдал историю Франции, и хотя отвечал на отлично, преподаватель поставил ему три, сволочь.

Мы троим – Абрам Яковлевич, Мишка и я – читаем вслух «Господа Головлевы». Вернее, я читаю, а Мишка, чтобы интереснее было, записывает меня на магнитофон, который он ежедневно с собой таскает. Ребенок ужасно утомленно выглядит, и быстро устает. Тот еще воин. Подарил нам две фотокарточки (для приписного свидетельства) с очень трогательной надписью: «Дорогим родителям Вадиму Абрамовичу, Юлии Львовне и дедушке Абраму Яковлевичу от любящего сына Миши. М. Шунков». Жаль, что наш мальчик не может постигнуть гениальность Достоевского в романе «Преступление и наказание». Так и признается, что ничего не понимает и не чувствует. Читает с трудом. Сейчас мы добиваемся, чтобы он все-таки прочел роман до конца, чтобы можно было с ним о нем беседовать.

25 января 1972 г., вторник.

У мальчика совершенно дошедший прозрачный вид, смотреть на него сердцу больно. Сегодня зазря два часа проторчал в военкомате, а потом их всех распустили и сказали, чтобы явиться 30 января. У нас дома он закашлялся и его

стошнило. Это уже не впервые. Но вообще ребенок возрождается. Любимый наш мальчик, одновременно умный и глупый, взрослый и младенец. Хочет написать рассказ, правда, он сам забыл, о чем. Но само желание мне очень приятно, потому что он снова, почти регулярно, пишет дневник, который получается у него совершенно замечательно. Временами он капризничает, но в основном нас слушает, потому что верит нам. Сегодня мы благополучно добрались до конца романа «Господа Головлевы». Мишка лежал и слушал, но очень скоро лежать устал и стал сползать с моей койки, пока не очутился вообще под кроватью, перевернувшись через голову.

Дима почти закончил эскиз стенки. Прекрасно! Приходила к нам еще одна сдвинутая девочка, Наташка Нольде. Завалила два экзамена – марксизм и начертательную геометрию. Марксизм уже пересдала. Говорит, что у нее очень часто болит голова. Они с Димой пошли в мастерскую посмотреть что как, убрать лестницу. Дима позвонил и сказал, что жутко холодно. В это время мы с Мишкой и Абрамом Яковлевичем делали уроки.

На ночь глядя Мишка вдруг позвонил, чтобы рассказать о своей большой обиде на бабушку. Оказывается, бабушка оставила пакет апельсинов Мишке пополам с Настей, а не ему одному. <...> Бабушка была где-то на концерте и по этому даже никакого объяснения с ней не произошло.

Слышно было Би-би-си. Алика Гинзбурга выпустили за год досрочно.

27 января 1972 г., четверг.

Димушка сделал уже второй вариант стенки, не менее красивый. Конечно, еще не закончил.

Вчера у отца было очень неважно с сердцем, и сегодня вызвали Михайловского, он обещал в понедельник прислать сестру, чтобы снять кардиограмму. Правда, сегодня Абраму Яковлевичу легче, он ходил по квартире.

Слышно снова Би-би-си, Израиль вещает вообще как Москва.

Мишка вчера ходил к врачихе выписываться, но она его не только не выпишала, но даже велела еще сидеть дома до понедельника. Навыписывала кучу всяких лекарств и велела ни в коем случае не снимать шерстяные носки. Мишка, естественно, обрадовался, что можно не ходить в школу и сегодня целый день отсыпался. Наконец, он вчитался в «Преступление и наказание» и ему даже нравится. Вчера я его как только не обзывала: и серым, и убогим, и некультурным. Мы с Димой боимся, что дома сидя, он скоро начнет дуреть и устроит какой-нибудь скандал, поэтому решили, что послезавтра он придет, как всегда, заниматься с Борей.

Посетила нас Алка, наговорила кучу новостей. Народ, как взбесился, я имею в виду евреев. Как лихорадка, всех тянет в Израиль. Уже будто бы Генрих Сапгир и Эрнст Неизвестный тоже собираются уезжать. Я не верю, чтобы Эрнст уехал, а Дима верит¹⁴. Генриху же, русскому писателю, там вообще, по-моему, делать нечего¹⁵. Но это, конечно, их дело, а не наше.

¹⁴ Э.И. Неизвестный эмигрировал в Швейцарию в 1976 г., на следующий год переехал в США.

¹⁵ Когда в 1978 г. Г.В. Сапгир отказался от эмиграции, последовал развод с женой, писательницей Кирой Александровной Сапгир (1937–2022), которая уехала во Францию одна.

Еще одна неприятная новость, в которую я не верю. Будто бы Толя Гитберг выступил свидетелем на процессе Бориса Пенсона¹⁶ и в чем-то там его обвинил. И будто бы об этом сообщило радио Израиля. Бред какой-то. У нас про всех почти говорят, что стукач.

31 января 1972 г., понедельник.

Вчера позвонила Юнна и говорила: почему мы не идем посмотреть ее сына, когда уже все приходят, люди гораздо менее желанные.

Вчера же должно было состояться сборище у Виталия Стесина, чтобы послушать стихи Эдика Лимонова за рубль с рыла. Диму и Юнну приглашал, но они, в разных местах, не сговариваясь, решили не ходить, при всей симпатии к Эдику. Дима же виделся вчера со Стесиным, поскольку он временно находится в мастерской у Ламма, соседа Толи Гитберга. Дима пошел поговорить со Стесиным насчет Толи, так как слух о связи Толи с Пенсоном распространяет именно он. Всё, что сказал Стесин, очень неубедительно. Будто бы он слышал своими ушами, что московский художник Анатолий Гитберг охарактеризовал деятельность Пенсона, будучи свидетелем, как антисоветскую. Будто бы жена Ламма спросила у Толи, знает ли он Пенсона, которого вроде бы по Израильскому радио назвали его учеником. Толя сказал, что не знает, но «странно потупился». Я этому ни на грамм не верю. Стесин – величайшее трепло и сплетник. Они там с Толей соседи сейчас и, естественно, чем-то друг друга раздражают. Ламм в своей мастерской развесил несколько совершенно убогих вещей, а Толя сделал за год много хороших штук. К тому же у Стесина непрерывные сборища, в которых Толя не участвует. Опять же Стесин развесил у Ламма всех «левых» художников во главе с Эрнстом. Толя свои вещи не дал, Дима тоже отказался. Из того, что там Дима видел, лучше всех Эрнст и сумасшедший алкаш Яковлев¹⁷, остальные слабее. Что же касается сообщения, то это или совпадение, так как Толя никогда не говорил, что у него есть какие-либо ученики, да еще в Ленинграде, а мы уже знакомы не первый год и Толя многое нам рассказывал и делился и сейчас тоже делится, или же – это просто вранье. А Стесин парень вредный, завистливый. У нас нет большей радости, чем обвинить человека в самой гадости – в доносительстве. Мы с Димой решили спросить у Толи сами.

Мышкин на бюллетене, кашляет значительно меньше и вообще выглядит намного лучше. Пишет рассказы, в которых проявляет совершенно определенные способности. Как это радует. Позавчера у него дома опять был скандал – мать не хотела, чтобы он у нас ночевал, а он ужасно хотел. Дима ей позвонил и попытался как-то это дело уладить. Мишка же много дома бузил, был раздражен, со всеми ругался, и после разговора Димы с матерью, когда та не разрешила ему ехать к нам, Мишка в знак протеста выскочил из дома и в мороз 20° без кальсон убежал на Арбат. Дима его по-страшному обругал всякими словами

¹⁶ Пенсон Борис Соломонович (р. 1946) – ленинградский художник, проходил по так называемому «Самолетному делу» (см. выше записи от 19 июня 1970 г. и 16 мая 1971 г.). Отбыв восемь лет заключения, в 1979 г. был обменян вместе с четырьмя другими заключенными (среди них А.И. Гинзбург) на двух советских шпионов и выслан в США.

¹⁷ Яковлев Владимир Игоревич (1934–1998) – художник-нонконформист.

и сказал, чтобы он немедленно возвращался домой. После этого Дима опять позвонил его матери и стал ее ругать – к нам парня не пускала, а из-за этого он полуголый убежал на Арбат и там шатается. Она чего-то кудахтала в ответ. <...> Мишка вернулся домой послушно, собрал свои монатки – ему обязательно хотелось взять свой спальный мешок, запихнул в порфель кошку с ее персональной уборной, и прибыл к нам, сказав матери, что это необходимо, так как ему надо заниматься математикой. Говорит, что мать была очень огорчена. Я как раз прибыла с английского, Боря с Тюпой тоже уже были у нас. Опять начали Мишку ругать, но он так искренне раскаивался и переживал, не вопил «я им не вещь!», «гады», что мы его ругать перестали. Заставили его поговорить с матерью по телефону по-хорошему, сказать все нужные слова. Мы его оставили одного. Он всё там сказал, и она даже разрешила ему остаться. Ему самому стало легче, что всё как-то устроилось. Потом Дима его постриг, он вымылся и стал похож на человека. Спал в одном спальном мешке вместе с кошкой на моем диване, а я у Димы. И позанимался, и отдохнул, и даже почти дочитали вслух «Господа Головлевы», и Достоевского тоже сильно продвинул вперед. И всё то же самое этот дурила мог добиться, если бы не скандалил. И Диме не пришлось бы его мать ругать. После этого разговора ему сделалось плохо с сердцем.

Сегодня Мишка с бабушкой сдали в комиссионный свой магнитофон. Теряют на нем около пятидесяти рублей.

Слышно Би-би-си. Английские ученые и другие интеллигенты, 39 человек, опубликовали в «Таймс» письмо в защиту Владимира Буковского.

4 февраля 1972 г., пятница.

Совсем дохожу от усталости. Записывать и то нет сил.

В связи с постановлением ЦК об усилении критики¹⁸ уже начали усиленно заниматься искусством. Дима очень сомневается, что ему дадут возможность поставить стенку перед Институтом морфологии, а из-за этого у нас будет фигово с деньгами. В газете «Московский художник»¹⁹ на днях появилась статья о том, что три года назад на Западе вышла книга нашего искусствоведа Александра Каменского²⁰ (в СССР она не появлялась), где опять протаскивались нехорошие имена – Тышлера, Фалька и других, а замечательные советские художники, такие, как Томский²¹ и другие даже не упоминаются. Книгу эту, наверно, само

¹⁸ В опубликованном 25 января 1972 г. постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» указывалось, что «долг критики, глубоко анализируя закономерности современного художественного процесса, всемерно содействовать укреплению ленинских принципов партийности и народности, бороться за высокий идейно-эстетический уровень советского искусства, последовательно выступать против буржуазной идеологии».

¹⁹ Газета МОССХ, издается с 1957 г.

²⁰ Каменский Александр Абрамович (1922–1992) – искусствовед, публиковался с 1946 г. В 1949–1962 гг. декан факультета Истории искусств в Художественном институте Вильнюса. Автор монографий по искусству XX в. (М. Шагал, С.Т. Коненков, М. Сарьян, А.С. Голубкина, О.Г. Верейский и др.). Член правления МОССХ. Придумал термин «суровой стиль» для работ художников из молодежной секции МОССХ.

²¹ Томский Николай Васильевич (1900–1984) – скульптор, действительный член АХ СССР (1949), ее президент (1968–1983). Лауреат Ленинской (1972), пяти Сталинских (1941, 1947, 1949,

КГБ продало на Запад, как это у нас часто случается, а тот факт, что ее решили обругать три года спустя, это, разумеется, из-за того, чтобы усилить критику художественных произведений по желанию ЦК.

Саша Гришин получил от Димы огромное количество гравюр. Задавал ему вопросы насчет творчества. Хороший парень, умный, приятный, но безумно хитрый.

Вчера у нас в гостях были Веня Смахов с женой Аллой. Они у нас засиделись до двух ночи. Разговор был интересный. В результате Дима снял рисунок со стены и подарил его ребятам – «Мать с ребенком», красный и зеленый фломастер.

Сегодня нас посетил французский физик, совсем молодой парень, друг Жоржа Саада. Привез письмо от Жоржа и подарочки от Марианны и тоже письмецо. Парень симпатичный, зовут Габриэль. Марианна замечательная девочка. Вот бы была хорошая невеста для Мишки. Меня эта бредовая мысль совершенно не оставляет.

Из Соединенных Штатов пришло письмо из Принстона, что они хотят купить «Эйнштейна».

Мишка выкупил два билета на послезавтра днем на спектакль «Послушайте» о Маяковском. Это Веня устроил по нашей просьбе. Наконец-то мальчик кончил читать «Преступление и наказание» Достоевского. По собственной инициативе читает рассказы и повести Льва Толстого. Герой.

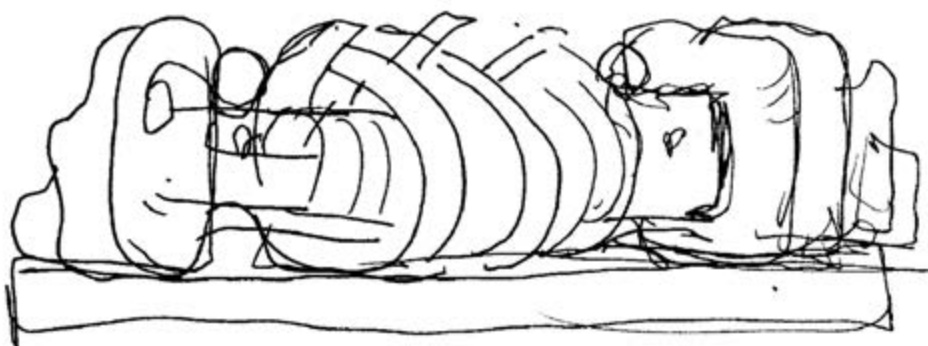
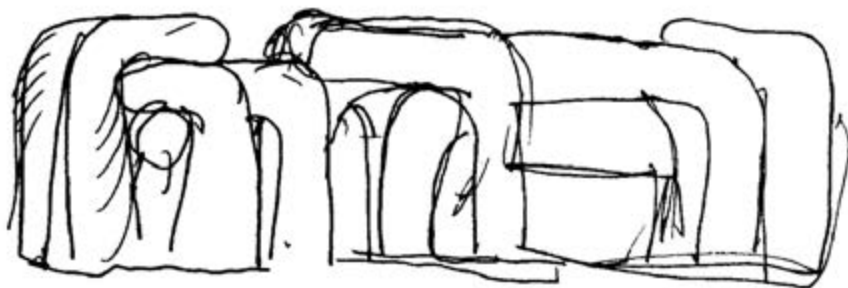
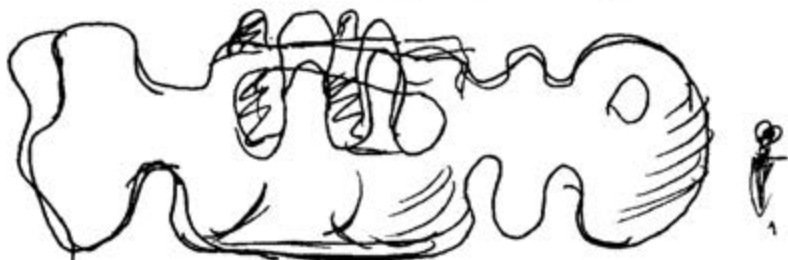
6 февраля 1972 г., воскресенье.

Вчера, то ли позавчера получили от Мишки письмо с признанием в любви, письмо несколько завихренное, но не романтическое. Наш парень к романтизму не склонен. Подписано: «ваш сын М. Шунков». Завтра Мишка идет в школу, а сегодня у него был день развлечений. Им с бабушкой очень понравился спектакль «Послушайте!». А вечером он ходил с нами в кино через Алку. Один фильм смотрели совершенное дерьмо, стыдно, что Франция делает подобные фильмы – «Любовнички Франции». А второй – хороший, «Зази в метро»²². В «Зази» много матерятся, Мишку мы предупредили, и он был готов. На мой взгляд, переводчица могла бы переводить менее грубо, и без ущерба для смысла. Встретили мою ученицу, Женю Смагину со своим кавалером, бывшим Алкиным ухажором Сашей Мидлером. Когда мы с Мишкой расстались в метро, он, оказывается, очутился в одном вагоне со Стесиным и Холиным, с которыми вместе мы смотрели эти фильмы. Неделikatный Холин, конечно, с Мишкой побеседовал: «Ты чей сын?» – «Вадим Абрамычев». – «От Юли или от другой?» – «От другой». Этот диалог нам Мишка передал по телефону, когда уже вернулся домой.

Дима, возможно, сделает четвертый вариант стенки.

1950, 1952) и Государственной (1979) премий, Герой Социалистического Труда (1970), Народный художник СССР (1960). Автор, в частности, пятнадцати памятников В.И. Ленину, пяти памятников И.В. Сталину, четырех С.М. Кирову и т. п., установленных в разных городах СССР.

²² «Зази в метро» (*Zazie dans le Métro*) – французская кинокомедия по одноименному роману Раймона Кено, реж. Луи Маль, 1960 год.

7 февраля 1972 г., понедельник.

У Абрама Яковлевича оказалась плохая кардиограмма. Гдаль был у нас сегодня, сказал, что микроинфаркта нет, а есть отрицательная динамика по сравнению с прежней кардиограммой. Велел дней на пять улечься в постель накрепко.

Мишка вышел первый день в школу. Выглядит бледно.

9 февраля 1972 г., среда.

Пишу нерегулярно. Как-то все мы раскисли. Димка чувствует себя паршиво. Абрам Яковлевич вроде бы ничего, но лежит с трудом, все время старается встать. Во всяком случае, есть все время ходит в кухню, несмотря на запрещение Гдаля вставать в течение пяти дней. Мы с Димой не настаиваем, чтобы он лежал беспрерывно, так как для отца это совершенно невыносимо.

Мишенька, родной мальчик, старается даже помочь. Мы сегодня ходили с ним и в комбинат, и в сберкассу, и по магазинам. Он всё тащил, а дома у себя вымыл пол в бабушкиной комнате. Мальчик радуется и спасает от совсем беспредельной тоски. Пришло время, когда наша взаимная договоренность перешла в любовь. Мишка теперь наш сын.

12 февраля 1972 г., суббота.

У Абрама Яковлевича дела очень неважны. Вторая кардиограмма оказалась так же плоха, как и первая. Теперь он должен лежать как следует. Димушка немного лучше. Почти долепил третий, очень красивый, вариант стенки.

Приехал Эдинька из Челябинска. Говорили по телефону с Юнней. Чувствуется, как сильно любит она своего сына, Дмитрия Игоревича Морица²³. Наш сынок тоже молодчина. Вчера ужасно не хотел заниматься литературой, но я его пересилила. Мы всё сделали, и сегодня он получил пять. У меня на уроке тоже отлично отвечал и получил пятерку. Самое его большое желание – поселиться у нас навсегда.

13 февраля 1972 г., воскресенье.

Абрам Яковлевич лежит. Пока лежит, сердце у него не болит, а как приподнимается, становится хуже. Совсем лежать на спине он не может. Настроение у нас совершенно фиговое, кошмар какой-то.

15 февраля 1972 г., вторник.

Абраму Яковлевичу надо лежать не менее месяца. Сердце у него побаливает, но самочувствие одинаково – терпимое.

Дима ушел ненадолго в мастерскую специально, чтобы встретиться с Бураковским. Тот очень просил, чтобы показать мастерскую каким-то своим друзьям.

Мишкины пятерки сменились двойкой по химии и двойкой по алгебре, что и следовало ожидать. Сегодня мы с ним готовили еще одну тему по Достоевскому –

²³ Глинский (Васильев) Дмитрий Юрьевич (р. 1971) – политолог. В 1994 г. окончил филологический факультет МГУ. Работал в независимом Институте проблем глобализации (ИПРОГ), в Институте мировой экономики и международных отношений РАН. С начала 2000-х гг. живет и работает в США. (См. о нем также ниже записи от 2 октября 1972 г.)

«Разговор с Порфирием» и обсуждение статьи Раскольниковова. Занимались неввероятно долго. Мишка хотел спать и я брызгала его холодной водой, потом он залезал под кровать и я его оттуда выволакивала за ноги. Наконец, проникся, и мы закончили. Ничего другого сделать не успели.

На ночь глядя позвонил Игорь Бубнов и вызвал Диму поговорить, наверное, о своих неладах с Юнной. К нам он подняться отказался, не желая говорить при мне. Второй час ночи, а Димы всё нет. Юнна на днях сказала Диме по телефону, что с сыном все хорошо, а с Игорем все плохо. «Ты же знаешь, что про меня говорят, что я иду по трупам».

Мишка сегодня мне признался: «У меня никогда не было папы, и я вообще к мужчинам отношусь с неприязнью. А теперь я чувствую, как хорошо, когда есть отец».

16 февраля 1972 г., среда.

Сегодня сердце у Абрама Яковлевича болело совсем немного, в основном самочувствие у него было неплохое.

Димка закончил наконец третий вариант стенки и завтра он думает начать еще один.

У Мишки дома некоторые изменения – что-то решается с кооперативом. Люди получили визу на выезд в Израиль, и теперь, возможно, Мишка с бабушкой переедут, хотя бабушка очень этого не хочет. Я с парнем усиленно занимаюсь. Сегодня мы снова массу времени занимались французским и Достоевским. Этот чертов халтурщик, наш литератор Зальцман, ни черта не учит, зато задает задания. К урокам не готовится, почти ничего не объясняет, но всё время говорит детям, что они тупые. Наш Мишка имеет пока одни пятерки, но это потому, что я с ним занимаюсь и проделываю ту работу, которую должен делать Зальцман.

17 февраля 1972 г., четверг.

Приехал Гдаль и снял Абраму Яковлевичу кардиограмму. Она нас очень обрадовала всех. Наконец появилось явное улучшение. Перед сном опять ему сделалось хуже, из-за деликатности он сказал об этом только тогда, когда сердце заболело уж совсем сильно. Мы поставили ему горчичники, дали все лекарства, и ему стало легче. Но с Димкой снова немного приуныли.

За день Дима начал делать уже четвертый вариант стенки. Опять получается очень неплохо, но, по-моему, непродоходимо.

Мишка с нами, дорогой наш сыночек.

Позавчера Дима часа два ночью успокаивал как мог Игоря Бубнова, которого мучает Юнна. Она его выгоняет. <...> И вообще, ему, скорее всего, действительно очень несладко. Но никто ему в этом помочь не может. Связался с такой бабой – терпи или беги. <...> С работы его уволили, друзей своих он растерял, а Юнна тоже его мучает.

18 февраля 1972 г., пятница.

Получше немного Абраму Яковлевичу, слава богу.

Димушка делает четвертый вариант стенки, который тоже очень неплохой.

Мишка получил двойку по физике, а позавчера по химии. Мы давно этих двоек ждали и дождались. Парень ни черта в этих науках не понимает, особенно в физике, да и желания большого, чтобы понять, не имеет. Дома у нас ему всё время хочется шалить, как малолетке. Залезает под кровать и обмирает от радости, когда я его оттуда выволакиваю. Дима правильно говорит: наверно, наш верзилушка не доиграл в детстве. С кооперативом у них пока неясности. Мишка страстно желает переехать.

20 февраля 1972 г., воскресенье.

За эти двое суток был сплошной кошмар, который продолжается еще и сейчас. В ночь на субботу в половине четвертого отцу стало внезапно худо. Он встал и разбудил меня и Диму. Мы с трудом сняли боль в сердце горчичниками и валокардином. Он съел почти целую пачку нитроглицерина. Хотели вызвать неотложку, но Абрам Яковлевич отказался, так как почувствовал себя значительно лучше. Пошли с Димой спать, но уже в полседьмого снова приступ. Вызвали неотложку. Тетка-врачиха пришла относительно быстро, в течение часа, как и обещали. Сделала какой-то укол в вену. Абраму Яковлевичу сделалось намного легче, он даже стал смеяться. Я не пошла на работу и даже умудрилась поспать пару часов, а Дима все время был рядом с отцом. Днем Толя Гитберг, спасибо ему, заехал за Гдалем, потом в его институт за аппаратом, потом к нам. Гдаль снял кардиограмму, которая не показала инфаркта, хотя, по словам Гдаля, клиническая картина инфаркта была совершенно очевидна. Потом Гдаль поехал к Надежде Яковлевне Мандельштам, оставив нам промедол, кордиамин, морфин и что-то еще. Тут-то нам и стало делаться жутко. У Абрама Яковлевича начались дикие боли в сердце и в руке. У нас на глазах он стал помирать. У него заострилось лицо и выступил холодный пот. Мы метались рядом совершенно беспомощные. Позвонили в неотложку, те обещали прийти. Гдаль уже ушел от Надежды Яковлевны. Дима сделал отцу подряд три укола – промедол, кордиамин, и морфин, боль продолжалась почти так же сильно. Тут появились Гдаль с Витой, Гдаль все-таки решил заехать. При нем Дима сделал еще один укол промедола, и Абраму Яковлевичу стало делать чуть-чуть легче, хотя боль была все еще очень сильной. Позвонили Бураковскому, он тут же сказал, чтобы везти к ним. Гдаль позвонил в скорую и, назвавшись профессором, быстро довольно добился, чтобы приехала скорая помощь, специальная инфарктная бригада. Приехали три молодых парня, очень толковые, профессионалы, мне очень понравились – не всегда видишь ребят таких молодых, равнодушных, а главное, знающих, что им делать. Они сняли кардиограмму, которая наконец показала обширный инфаркт всей передней стенки. Сделали Абраму Яковлевичу какой-то длительный укол, после которому ему первый раз стало легче, боль почти прекратилась. Потом с большими мучениями они снесли его, закутанного в одеяла, по нашей страшно неудобной лестнице. Очень хорошие ребята, не ворчали, не бурчали, не злобствовались. Дима дал десятку старшему из них, тот взял очень просто. Они за свой каторжный труд гроши получают. Гдаль поехал с ними, а мы вслед за ними на метро. Дима чуть не падал, он не спал ночь, целый день

делал отцу уколы, кормил, я тоже ему помогала, но у меня оказалось хоть два часика для сна, у Дима ничего. Эту ночь мы провели в институте у Гдаля в кабинете. Отцу опять стало плохо и была сильная рвота. Потом ему окончательно сняли боль, подсоединили ко всяким аппаратам, поместили в отдельную палату. Мы были так измучены, что даже умудрились задремать у Гдаля на диване в самых неудобных позах. Гдаль все время ходил к отцу и говорил нам, что там происходит. Еще одна кардиограмма подтвердила сильнейший инфаркт, но болевых приступов больше не было. Мы ушли около восьми часов, а перед уходом Дима с ним повидался. Абрам Яковлевич в полном сознании. Гдаль сказал, что в настоящий момент состояние стабилизировалось, ухудшения не было, но если эти приступы повторятся, то ручаться ни за что нельзя.

Дома мы свалились и чуть-чуть поспали. Потом ходили по квартире, что-то убирали, разбирали и плакали. Нашли записки Абрама Яковлевича, в которых он пишет, что прошло ровно два года, как умерла Зинаида Ивановна. Еще он пишет что-то из своей биографии, как они жили и познакомились с Зинаидой Ивановной. Я еще их не читала, Дима мне дал. Записи помечены сегодняшним числом, именно во вторую годовщину смерти Зинаиды Ивановны, хотя писал он явно несколько дней тому назад, когда был еще в состоянии писать.

Днем мы снова были в институте. Диму сначала не пускали, потом пустили. Абрам Яковлевич выглядит совсем неплохо, значительно лучше, чем до того, как его сюда взяли. Пришли домой вечером полумертвые. Саша Новачич из агентства ТАНЮГ пообещал выписать лекарства из Белграда по телетайпу. Говорит, что завтра уже получит – изоптин и интенсаин в ампулах. Мишка звонит уже второй день и все время просится приехать, чтобы что-нибудь помочь. Но мы сейчас не хотим, пока всё так плохо. Мальчик и так слишком впечатлительный. А мы с Димой все время плачем, ему на это смотреть не нужно.

21 февраля 1972 г., понедельник.

Был у отца Димушка утром, а я вечером после работы. Отца поташнивает, один момент даже очень сильно затошнило. Аппетита у него никакого. Рядом тоже очень тяжелый больной, которому сделали операцию после инфаркта, симпатичный человек, 46 лет. Часто заходит Гдаль. Начинаются муки с уборной, Абрам Яковлевич ничего не сумел сегодня с этим судном, но хоть газы немного вышли, а то было совсем худо.

Мишка наш все-таки дурачок, маленький еще, наверно. Вроде бы чуткий, спрашивал как, что, хочет увидиться. А на уроке у меня сегодня что-то рисовал, не слушал, отвлекал девочку. Зачем мальчик это делает, точно зная, что меня это очень сильно раздражает? Я в таких случаях всегда чувствую по отношению к нему некоторое отчуждение, оно, конечно, мимолетно, но все-таки есть.

Саша Новачич из Белграда по телефону заказал и уже сегодня получил интенсаин в ампулах, это ужасно ценное лекарство, но, может быть, пока и не придется его применять. До чего же есть хорошие люди, такие, как Саша или Толя Гитберг, который столько раз выручал со своим автомобилем, даже когда Зинаида Ивановна была жива, и сейчас тоже.

22 февраля 1972 г., вторник.

Абраму Яковлевичу явно лучше, у него совсем здоровый цвет лица, он смеется, и вообще, притерпелся. Привык уже и к судну, вообще, с этим делом у него всё гораздо легче, чем было у Димы 11 лет назад. Дима даже помочиться не мог без трудностей. Сосед тоже мученик, только что после операции аневризмы, всё время страдает от всяких болей.

Мишка сегодня в школе очень просто сказал мне, что сожалеет о том, что мешал мне вчера на уроке. Я была рада, потому что видела, что он действительно сожалеет. Я ему сказала: «Может быть, Мишенька, я чересчур воспринимаю подобные мелочи, но сейчас как-то так тяжело вообще, что когда еще ты чем-то мешаешь вместо того, чтобы помочь, становится совсем невыносимо». Мы несколько дней не виделись, и парень совсем одичал.

На улице весна и замечательно тепло, очень приятная, прозрачная погода. Димушка после больницы заезжал в мастерскую. Там всё в порядке, только, как всегда, загажена лестница.

Я вернулась вечером от Абрама Яковлевича и чуть не заплакала – такие прекрасные сидели, обнявшись, Мишка и Дима, отец и сын. Дима еще умудрился сегодня полепить. Гдаль сегодня позвонил рано утром, сказал, что едет к своей какой-то дальней родственнице, у которой инсульт, и чтобы мы не волновались, что его не будет.

23 февраля 1972 г., среда.

Вот и еще день мы прожили благополучно. Сегодня у Абрама Яковлевича немножко заболело сердце, не сильно, но ощутимо. Боль быстро сняли и тут же сняли подряд две кардиограммы, которые не показали никакого ухудшения. Мы вспомнили с Димушкой, как сидели ночью около раздевалки, не зная, жив ли еще наш отец, и Дима сказал: «У меня такое чувство, как будто мать зовет отца к себе и с радостью ждет его». – «Значит, бог есть?» – спросила я. – «Не знаю», – сказал Димушка. Сейчас Зинаида Ивановна дала отцу отсрочку.

Приехал Мишка, Дима его постриг, а потом он помылся у нас и стал чистый, как ангел. К Димушке все время притуляется, истосковался ребенок по отцу, которого обрел в самом конце своего детства. Опять же мальчик получил сегодня пять по французской литературе, вчера четыре по техническому переводу. Нам это очень приятно, и Абраму Яковлевичу тоже. Он очень все время интересуется Мишкиными делами.

В больнице всё отделение на втором этаже знает о печальном событии: молодой парень 32-х лет не очнулся после операции на сердце, хотя операция прошла хорошо. Так и умер, не придя в себя, оживить его не смогли. Вообще же Абрам Яковлевич невероятно доволен порядками и отношением к больным. Почти все очень заботливы, ласковы и сердечны, вплоть до няnek. Особенно, если сравнивать с МОНИКой, где неоднократно лежал Абрам Яковлевич с глазами, и с 59-й, где Дима мучился. Очевидно, это Володи Бураковского заслуга. Гдаль невероятно смотрит за отцом. Работенка у них у всех – не дай бог. Они, конечно, героические люди.

25 февраля 1972 г., пятница.

Отцу лучше значительно, даже не верится, что несколько дней назад он умирал на наших глазах. Единственно, что его сейчас беспокоит – это ночные сердцебиения. Мы с Димушкой к нему каждый день ходили, и пока, слава богу, всё идет лучше, чем мы могли ожидать. Димушка немного устаёт, когда делает ему клизму, а никто другой, кроме него, сделать не сможет.

Вообще, вдруг началась весна, совершенно роскошная погода, тепло, солнышко, а Димка чувствует себя плохо. Мышкину нашему хочется школу прогулять, но мы ни в коем случае не соглашаемся. С диким трудом читает «Войну и мир», ему скучно. А Кафку начал читать, еле оторвали. Мы все-таки поставили ему условие, пока не прочтет «Войну и мир», никаких других книг. Сейчас у него очень всё хорошо по литературе и по французскому, неплохо по истории и географии, и жалко будет, если это прекратится, зато в математике и в физике – ни бум-бум.

Была у нас Кларочка, все мы очень переживали измену Шаламова²⁴. Дима твердо убежден, что он это сделал из-за зависти к Солженицыну, опять же – Шаламов алкоголик.

В «Крокодиле»²⁵ за февраль пародия на Юнну²⁶. Надо сказать, чувствительная. Последние стихи у Юнны такие-то слишком формальные, в них есть слова о страдании и сиротстве, но чувств этих нет. Это огорчает. Очевидно, все-таки, поэту нельзя идти по трупам и оставаться поэтом, а «гений и злодейство – две вещи несовместные».

Дима читает в туалете что-то Ираклия Андроникова в «Юности» за этот месяц и так хохочет, что ему, по-моему, даже плохо²⁷.

27 февраля 1972 г., воскресенье.

Отец начал тосковать, ему уже хочется домой. Сегодня у него опять немного заболело сердце, но сделал укол и прошло. Опять же у него ложное ощущение, что дела очень хороши, когда всё на самом деле очень серьезно и страшно. Мы с Димой стараемся его не оставлять, рассказываем ему все свои дела, но больница, конечно, угнетающее заведение, даже такая хорошая, как эта.

²⁴ 23 февраля 1972 г. «Литературная газета» напечатала письмо в редакцию В.Т. Шаламова: «Мне стало известно, что издающийся в Западной Германии антисоветский журнальчик на русском языке “Посев”, а также антисоветский эмигрантский “Новый журнал” в Нью-Йорке решили воспользоваться моим честным именем советского писателя и советского гражданина и публикуют в своих клеветнических изданиях мои “Колымские рассказы”. <...> Подлый способ публикации, применяемый редакцией этих зловонных журнальчиков – по рассказу-два в номере – имеет целью создать у читателя впечатление, что я – их постоянный сотрудник. Эта омерзительная змеиная практика господ из “Посева” и “Нового журнала” требует бича, клейма».

²⁵ «Крокодил» – сатирический журнал. Выходил в Москве с 1922 г. в издательстве «Правда» три раза в месяц. В 1972 г. тираж журнала достигал 5 млн экземпляров.

²⁶ Владимир Масс. «Естественное чувство», пародия на стихотворение Юнны Мориц «После зноя» из сборника «День поэзии» (М., 1971. С. 59). Пародия очень слабая, не смешная, но злая: «...Когда мы страницы листаем, / Находим стихи и читаем, / А в них пустота... пустота...»

²⁷ Андроников Ираклий Луарсабович (1908–1990) – писатель, литературовед, телеведущий, рассказчик, лауреат Ленинской (1976) и Государственной (1967) премий, Народный артист СССР (1982). Речь идет о рассказе «Первый раз на эстраде» // Юность. 1972. № 2. С. 63–71.

Мышкин и ведет себя в школе лучше, и учится, но срывается. Вчера не решил ничего по химии, да еще болтал с девочкой, а потом на третьем уроке получил замечание в дневник. Я его еще в школе ругала, ругала, а потом перестала. Тем более, он теперь не сопротивляется, со всем соглашается. Сбивает его с толку одна девочка, которая невероятно его обхаживает, Мишку подводит, а сама все время выкручивается.

28 февраля 1972 г., понедельник.
Какие-то неприятные слухи по радио Израиля об усилении у нас антисемитизма.

У Абрама Яковлевича явно стало что-то неладное с диабетом. Жалко его безумно.

Димушка закончил четвертый вариант стенки. Теперь он мне кажется самым лучшим. В мастерской Дима виделся с Веней Смеховым и его подругой-француженкой.

Мышкин очень хороший сыночек.

29 февраля 1972 г., вторник.
Отец ничего. Уже десять дней, как он в больнице. Сосед его все время страдает от каких-то болей после операции. Очень приятный и интеллигентный человек, хотя и рабочий.

Мишка сегодня вторую двойку схватил по физике, ничего не понимает, да и думает не слишком. Зато написал контрольную по алгебре, может быть, даже на три.

У Димушки нога сегодня меньше болит. С утра позвонил Володя Бураковский, и Дима сначала испугался, думая, что с отцом что-нибудь случилось. Но оказалось, что Володя говорил с Бакулевой, директором салона, через который торгуют искусством с иностранцами²⁸. Это насчет «Головы Эйнштейна». Дело, конечно, глухое. Сама эта Бакулева в мастерскую идти не хочет, а есть такой художественный совет, который может счесть вещь, позорящей советское искусство, и тогда на нее налагается вето. Я думаю, что в нашем случае именно так и будет, но Дима все-таки решил попробовать.

Хороший анекдот: «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью»²⁹.

1 марта 1972 г., среда.
Абрам Яковлевич на пальцах считает дни. Чувствует он себя вполне прилично. Дима принимал в мастерской каких-то интеллигентных немцев, отца и сына, которых привел Лева Копелев. Лева показал фотографию, где Солженицын с сыном. Мальчик как две капли воды похож на отца. Старая жена ему развода не дает, хотя Солж отдал ей квартиру под Наро-Фоминском и двадцать тысяч дол-

²⁸ Специализированный салон-магазин по продаже на иностранную валюту произведений прикладного и изобразительного искусства Худфонда СССР открыт по постановлению СМ СССР в январе 1972 г. на ул. Чайковского, 15, тогда же открыт демонстрационный зал для продажи произведений иностранным фирмам в Брянском пер., 2.

²⁹ Авторство афоризма приписывается В.А. Бахчаняну.

ларов. Панин (Сологдин) уже в Риме опубликовал фотографию, где он, Лева и Солженицын, обнявшись, после лагеря.

Гдаль теперь лечит всю оппозиционную интеллигенцию. Вчера к нему приехала Надежда Яковлевна Мандельштам, сейчас он лечит Ларису Даниэль и Галича, у которого вроде бы инфаркт³⁰. Рвут нашего Гдаля на части.

Мышкин сегодня выслушал от меня, а потом от Димы очень серьезное внушение по поводу того, что он получил по физике две двойки, да еще потерял учебник. С трудом, с обидами, мы все-таки добились, чтобы он съездил к <однокласснице> Марине Шибаевой за учебником. Мы сегодня не виделись. Мишка был очень разобижен, что ему надо было ехать за учебником, поэтому он поехал на велосипеде, о чем нам сообщил. Я думаю, что ему было приятно, что мы ужаснулись, когда он об этом говорил. И вообще, у него, очевидно, есть тайное желание простудиться и заболеть. Он очень любит, дурила, такие штучки. Его инфантильность приятна, но если бы он был котенком, а не человеком, то можно было бы с этим мириться.

Наша политика повсюду проваливается, оттого правители всё стервенеют, а поделаться ничем не могут. Начался наш упадок с вторжения в Чехословакию. В Чехословакии <распространяются> опять какие-то листовки и хотят посадить Смрковского. Израильское радио бодро вещает целыми днями без всякого глушения. У Слепышева кооператив на «Молодежной» провалился.

2 марта 1972 г., четверг.

У Абрама Яковлевича был сегодня довольно сильный болевой приступ после того, как с ним занималась физкультурница. Гдаль об этом не знал, это была инициатива лечащего врача. А когда Гдаль узнал, он категорически запретил всякие упражнения еще недели на две как минимум. У соседа Абрама Яковлевича жуткий шрам через всю грудь, но он явно поправляется, хотя и испытывает всякие боли. Гдаль его сегодня тоже послушал.

Мышенькин переобиделся. Вчера всё переживал, но сегодня не стал ничего выяснять. Старается понять эту чертову физику, даже на переменах ей занимается. Кроме того, по химии и по геометрии ни разу не спрошен.

Как постепенно выясняется, больше всех против продажи «Головы Эйнштейна» выступает сама Бакулева. Она и Володе Бураковскому и Наташе Николаевой сказала: «Если вещь формалистическая, мы ее не пропустим». Тем не менее Дима решил не бросать этого дела.

3 марта 1972 г., пятница.

Абраму Яковлевичу похуже. Нас с Димкой это ужасно мучает. Снова у него был приступ и целый день сжимало сердце, и вид у него был похуже, чем всегда.

Мишка заболел, весь сморкатый и температурит слегка. Завтра в школу не пойдет, а сегодня большая радость – три по физике получил.

Гдаль рассказал Диме много интересного. У них в институте была лекция по международному положению, и лектор беседовал с ними с циничной откровенно-

³⁰ Третий инфаркт, после которого А.А. Галич получил инвалидность 2-й группы.

стью. Контакты Никсона с Китаем очень укрепили США. Якобы американцы продали Тайвань, а сами, может быть, уйдут из Вьетнама. Но для нас это плохо, потому что останутся их базы в Индокитае и не будет парижских переговоров, а сами вьетнамцы никогда между собой не договорятся. Нам хуже, если американцы уйдут из Вьетнама. Мы же сейчас тоже будем принимать Никсона на самом высшем уровне, так как нам надо с ними торговать и нам нужны их кредиты. Единственно в чем мы особенно в разногласиях с США – это Ближний Восток. Американцы никогда не оставят Израиль, а мы не можем бросить арабов, поэтому любой конфликт в этом районе втягивает и их и нас. Садата³¹ этот лектор чуть не назвал дураком, так как тот сболтнул, что война должна начаться в 1971 году, а арабы к войне не готовы и еще очень долго не будут готовы. В правительстве же у нас существуют всякие разногласия по всем вопросам. Престиж Никсона укрепляется, и почти точно он будет переизбран вновь в президенты.

После этих новостей Дима еще тверже убедился в попытке продать «Голову Эйнштейна».

4 марта 1972 г., суббота.

Отцу лучше, и мы с Димой рады. Дима правильно говорит, что сейчас надо бороться за каждый день. Сегодня Абрам Яковлевич смеялся и вообще, жил с удовольствием, ну и слава богу. Сосед его тоже явно идет на поправку. Мишенька сидит дома, но по телефону просился к нам, мы не согласились. Пусть он еще и завтра посидит дома, может быть, не расхворается.

5 марта 1972 г., воскресенье.

Отец в больнице уже пятнадцать дней. Сегодня его самочувствие было средним. Приходила моя мама, немного помогла, спасибо ей. Пока я была в больнице, Дима слушал незаглушенное радио. Би-би-си обещает передать на следующей неделе завещание Надежды Яковлевны Мандельштам³². <...>

Были Боря с Тюпой. Боря уже уволился с работы из-за своего отъезда в Израиль. Пока у него всё проходит довольно безболезненно.

С Мышкиным мы общались по телефону. Завтра он выходит в школу, а сегодня обещал поучить уроки. Завтра его наверняка спросят по химии. Из носа, говорит, течет, а температуры нет.

6 марта 1972 г., понедельник.

У Абрама Яковлевича неважно с желудком. <...> Конечно, ему очень тоскливо, он только и живет нашими посещениями. Мы ходим к нему каждый день – Дима утром, а я вечером.

³¹ Садат Анвар (1918–1981) – в 1970–1981 гг. президент Арабской Республики Египет (до 1971 г. ОАР). Придя к власти, сразу стал сворачивать внешнеполитический курс Г.А. Насера, приостановив военное сотрудничество с Советским Союзом и начав сближение с США. После поражения Египта в войне с Израилем в 1973 г. предпринял шаги к заключению мирного договора, приведшие к его подписанию в сентябре 1978 г. в американском Кэмп-Дэвиде. В том же году удостоен Нобелевской премии мира. Убит в октябре 1981 г. в результате террористического акта.

³² «Мое завещание» написано Н.Я. Мандельштам в 1966 г., в начале 1970-х гг. появилось в самиздате.

Вадим Сидур дома на Брянской ул. (начало 1970-х гг.). Фото: Эдуард Гладков

Мишенька – умница, получил три по алгебре, четыре по химии и пять по французскому. Бледненький, под глазами черные круги, но довольный, что снова к нам приходит. Хочет завтра у нас переночевать в связи с женским праздником. Мы не против, лишь бы дома у него было тихо.

8 марта 1972 г., среда.

Мне не повезло, что женский день оказался в среду. Отец ничего. Скучает, можно представить, как надоело ему лежать на спине и глядеть в потолок. Ни минуты не может оставаться без радио. Хорошо, что Мишка починил свой транзистор, и теперь, пока Дима заряжает батарейку, у Абрама Яковлевича есть замена. Мишенька очень помогает. И вообще, на глазах ребенок делается прекрасным человеком. Он всегда был хорошим мальчишкой, но сейчас, нам кажется, уже хуже не станет. Очень чуткий и заботливый мальчик, почти не капризничает. Всё понимает и помогает нам, как может.

Сегодня мы были в гостях у Вени с Аллой. У них две прелестные девочки. Младшенькая, трех лет, настоящая обезьянка, очень хорошенькая, и всё время что-то такое изображает³³. Артистка, в папу пошла. Старшая уже ходит в первый класс. Спокойная, серьезная девочка³⁴, похожа на мою племянницу Ирочку. Вена

³³ Смехова Алика (Алла) Вениаминовна (р. 1968) – актриса театра и кино, певица, телеведущая. Заслуженная артистка России (2008).

³⁴ Смехова Елена Вениаминовна (р. 1963) – писательница, журналистка, редактор.

с Аллой очень милые ребята. Веня послезавтра проведет Мишку на свой спектакль «Час пик». У Вени какие-то разногласия с Любимовым, и он явно переживает. Живут они невероятно скромно, и тесно. Мы же – самые настоящие буржуи. Мне теперь всегда неловко за свое хорошее жилье.

10 марта 1972 г., пятница.

Вчера захожу домой, а в кухне красота и чистота. Встречает меня Мышкин. Оказывается, он помыл пол, сбегал за хлебом, выучил физику и химию, и раскочетил какую-то найденную на улице железку. Димушка был в больнице, а Мишка кончал рано, поэтому взял у меня ключи и приехал хозяйничать.

Абраму Яковлевичу получше. Уже двадцать дней он лежит на спине. Если бы мы не ходили к нему ежедневно, ему было бы совсем фигово. Димушка чувствовал себя плохо из-за погоды. Вдруг сделалось совсем холодно, да еще с ветром. Димушка сейчас не работает несколько дней и от этого чувствует себя тоже плохо. Но сил у него никаких нет. <...>

11 марта 1972 г., суббота.

Абрам Яковлевич очень нервничает, когда ему делают уколы интенсаина. Делают хорошо очень немногие. Ему уже искололи все руки. Он уже ослабел и каждое движение для него слишком тяжело.

Димушка после свидания с папой встретался по делам в мастерской с Эдиком и Леней Штутманом.

У Мишки болят глаза. Вчера он меня испугал своим видом, такие они были у него вспухшие. Это, наверное, конъюнктивит, у него все время они чешутся. Мишка в школе не был, отоспался, потом приехал к нам. Рассказал, как он вчера с Мариной Шибасовой ходил в театр, как Веня их провел, и как они были у него дома. Мишка говорил: «Это звонит сын Сидура». И еще раз сказал кому-то: «Я сын Сидура». А потом начал казюлиться, не очень ли это демонстративно выглядело. Мы с Димой его успокоили и сказали, что он всё правильно говорил. Марина Шибасова деликатно не задавала ему никаких вопросов. А когда Мишка ее провожал домой, она ему призналась, что ее родители очень меня не любят за то, что я имею на Марину очень большое влияние, и Марина не во всем согласна со своими родителями. Такая уж у меня судьба, родители самых лучших моих учеников не испытывают ко мне никаких добрых чувств. Вовки Воловникова и Жени Смагиной родители относились ко мне идеально. Меня огорчает, что я вынуждена соглашаться в чем-то с детьми против родителей, но иначе я не могу. Еще отметила одну закономерность. Старые люди, интеллигентные, такие, как Мишкина бабушка, Маринина бабушка, Абрам Яковлевич и Зинаида Ивановна ближе к сегодняшней молодежи, чем люди среднего возраста. У стариков были идеалы и убеждения, к которым сейчас стремится молодежь. А люди среднего возраста, воспитанные сталинской эпохой, сохранили в себе от тех времен очень много гадости, страх, приспособленчество, цинизм и предательство. И детей своих хотят научить тому же, но с лучшими это не проходит. Марина – девочка умная и глубокая, с умными всегда сложно.

Еще вчера Мышкин начал проситься переночевать у нас. Мы с Димой долго сопротивлялись, боялись его родителей. Но почему-то всё обошлось на редкость легко, Мишкина мама согласилась удивительно быстро.

Были у нас в гостях Гинзбурги. Мы очень мило посидели. Мишка им понравился, он очень стеснялся и боялся, а потом ничего, привык.

12 марта 1972 г., воскресенье.

Отец ничего. У него появился еще один повод для беспокойства. Ему делают инъекции интенсаина, но некоторые делать не умеют, поэтому он очень справляется, кто будет делать.

Димусенька очень устал. Завтра с Леней они показывают все варианты стенки Авцыну, главному заказчику.

Мишка – умница, замечательный мальчик. Он сегодня мне совершенно невероятно усиленно помогал – пылесосил и мыл. Потом пришли Боря с Мариной и Тюпой. Мишка позанимался с Борей геометрией, а с Мариной – немного литературой, хотя очень не хотел, но Дима настоял. От Игоря по телефону Мишка узнал, что за сочинение по Достоевскому Зальцман поставил ему три. Я это сочинение читала, оно, конечно, слишком умное, чтобы Зальцман мог ему поставить хорошую оценку. Зальцман просто ничего в нем не понял. Мишка несколько не огорчился, и мы с ним вместе решили, что на безрыбье и Зальцман рыба.

13 марта 1972 г., понедельник.

Димушка сегодня сделал очень важное успешное дело. Они с Леней показывали эскиз стенки Авцыну и тот одобрил, даже был составлен протокол, подтверждающий это одобрение. У папы Дима не был, не успел, я была одна. У него всё ничего, не хуже, чем всегда. Мишка написал ему трогательное письмо, Абраму Яковлевичу было приятно.

В школе у меня сегодня был Эдинька, снимал ребят для своего журнала. Ему нужно было сделать материал, заодно снял нашего Мишку и другого моего ученика, очень талантливого мальчишку Мишу Курса. Мышкин с огромным удовольствием занимается хозяйством, моет посуду, убирает, только бы не учиться. Очень хороший у нас появился сыночек. Его мама вдруг стала нами интересоваться. Во-первых, утром она сказала Мишке, что нехорошо, что он у нас питается, и что она будет покупать нам какие-нибудь консервы. Я попросила Мишку мягко объяснить своей маме, что наши с ним отношения находятся на такой стадии, когда подобные проблемы просто не имеют места. Кого мне жаль, так это Мишкину бабушку. У нее нет никого дороже Мишки, а он все время с нами, а не с ней. Он это понимает, но ничего не может с собой поделаться и бежит к нам.

14 марта 1972 г., вторник.

Димуся отнес Бакулевой заявление и копию письма Кайзена из Принстона. Она, против ожидания, встретила его весьма благосклонно. Оказывается, решать о том, можно продавать или нет, должен скульптурный комбинат, вернее, его худсовет, где заправляет добрая подруга Танька Соколова и другие милые люди.

Отец очень неплохо выглядит, ждет нашего появления как солнышка в небе. И вообще, на вид ему явно лучше.

Мышкин получил еще одну тройку по физике, мы очень этому обрадовались. Учительница даже похвалила его, так он отвечал близко к четверке. Дома бабушка сказала Мишке о том, что им неловко, что он у нас питается. На это Мишка ей ответил: «Несмотря на весь твой опыт, ты многого не понимаешь». У нас вечная трагедия с расставанием, каждый вечер мальчик не хочет от нас уходить вечером. С глазами у него снова было неважно. Опять он их сегодня натер, когда чесал. Чтобы закапать ему альбуцид, нужно потратить очень много времени на уговоры. А вообще, он умница у нас.

15 марта 1972 г., среда.

Папа хорошо, слава богу. Сосед его очень рад, что ему не будут что-то совать в вену на ногу, чтобы добраться до сердца и определить, как у него обстоят там дела.

Вдруг позвонили из салона, где Бакулева, и сказали, чтобы Дима принес фотографию «Портрета Эйнштейна». Реакция невероятно быстрая, просто удивительно. Как они сказали, чтобы посмотрели искусствоведы. Дима решил отнести им сначала венгерский журнал «Уй иреж», где «Эйнштейн» на обложке, а фотографию уже потом.

Новые неприятности, уже касающиеся нашего сыночка. Во-первых, он сегодня в школе занимался не делом на математике, во-вторых, сегодня в «Правде» написано о новых условиях приема в институт. Вводится так называемый «конкурс аттестатов». Теперь после сдачи приемных экзаменов будет проходным средний балл, в который войдут отметки из аттестата. Понятие «профилирующих» предметов ликвидируется. Играть решающую роль будет общий средний балл. Для нашего Мишки это очень плохо. Если он даже совсем вылезет из кожи, а он даже и не собирается вылезать, то больше, чем три по алгебре, геометрии, физике и химии, он иметь не может. Надеяться он может только на гуманитарные предметы, но и по ним он учится далеко не блестяще. Сегодня он заснул, уча физику, а ему еще делать литературу, не говоря уж о географии, которую он вообще не открывает. У него, правда, впереди еще целый год, но Мишенька, хоть и не глупый мальчик, но слишком слабенький, чтобы получить приличный аттестат.

18 марта 1972 г., суббота.

Сегодня у Абрама Яковлевича повысилось давление, и ему не сделали второго укола интенсаина. Но чувствует он себя вполне ничего. Дима же, наоборот, неважно себя чувствовал. Они с Леной ездили на строительство Института морфологии и убедились, что стенку можно делать немного меньше.

Мишенька получил пять по литературе, вчера мы с Димой целый вечер с ним занимались, ведь наш дурачок еще не прочел до сих пор второй том «Войны и мира» до конца. Говорил он о Наташе Ростовской, потом ненормальный Зальцман стал рассказывать Мишке при всем классе, как он его любит всё больше и больше. Вчера же он мне отдельно объяснял, оправдываясь, почему он поставил

Мишке три за сочинение по Достоевскому. Типичный самовлюбленный неврастеник.

Был у нас Владик Бахнов, рассказывал, что уехавшие в Израиль Нина Герман и ее муж Вовуля просят прислать им тетради, бумагу и еще что-то, им не на что купить.

20 марта 1972 г., понедельник.

Отец первый раз сел на кровати. У него сразу же закружилась голова, и он ужасно устал. Но вообще, дела у него получше, слава богу. Приехал Гдаль из командировки, долго рассказывал Диме о своих разногласиях с Бураковским. Разногласия эти достигли апогея, и кто из них прав, разобраться почти невозможно. Но факт, что Гдалью очень плохо и он, очевидно, уйдет.

У меня конец четверти, я совсем зашиваюсь. Опять хожу к Алику на репетиции. Первого апреля показываем «Республику Шкид». Возможно, будет очень хороший спектакль.

С Мышкиным сегодня не виделась. Он пошел со своим классом работать на фабрику. Жутко там устал, стоя на упаковке, обалдел от шума и грохота, и говорит, что если не заболит, это будет чудо. Мы с Димой рады, что он узнал и увидел своими глазами настоящее производство. Кондитерская фабрика – не завод, но все-таки тоже очень тяжелый труд. Хорошо, что наш интеллигентный дурень Мишенька с этим познакомился. Я его сегодня очень обругала в школе. Он вылез до середины в окно и спускал на ниточке катушку, забавлялся. А глядя на него, и Леня Нудельман из моего шестого класса.

Мировое общественное мнение положительно отнеслось к речи Брежнева³⁵, считают ее разумной. Я считаю, что внутри нашей страны выражение «не тронь советское правительство и оно тебя не тронет» очень точно отражает нашу действительность. Слухи о послаблении в искусстве продолжают.

21 марта 1972 г., вторник.

Сегодня целый день до позднего вечера была в школе. На совещании при директоре ругалась с коллегами, особенно с нашим завучем, редкой гадиной, обломком сталинской эпохи – Хиросимой. Мой класс никто не ругал, так она начала поднимать эту ругатню искусственно. Потом было родительское собрание. Пока я имею дело с детьми, всё в порядке, как только со взрослыми – сразу тошно делается.

Отцу получше. Дима сегодня был у него один, без меня. Мышкин чего-то всё ворчал, когда встретился с Димой, а потом Дима его обнял, поцеловал, и парень успокоился. По собственной инициативе помыл в кухне пол. Долго обижался на бабушку за то, что она сама покупала сосисочный фарш и тащила тяжелые коробки домой, а ей нельзя. Мишка даже сказал ей: «Вот тебя хватит инфаркт, как Абрама Яковлевича, тогда уже будет поздно беречься».

³⁵ «Решения XXIV съезда КПСС – боевая программа деятельности советских профсоюзов», речь на XV съезде профессиональных союзов 20 марта 1972 г. Внимание в этой речи, среди прочего, было уделено внешней политике. Прозвучали слова о необходимости разрядки напряженности в Европе.

22 марта 1972 г., среда.

Мы почти точно решили, что я уйду из школы, иначе мои мужики совсем загнутся. Отец сам получше, а диабет у него обострился. Димушка мается животом и жутким прострелом под левой лопаткой. Мишка все время ойкал от боли в пояснице. Я нужна им всем. Пока еще стою на ногах, но если не уйду, дойду совсем. Конечно, многим детям в школе оттого, что я уйду, будет хуже.

23 марта 1972 г., четверг.

Абраму Яковлевичу исполнилось сегодня 74 года. Мы с Димкой принесли ему цветы. В палате стало приятней. И чувствует он себя совсем неплохо. Сидел несколько раз по 10 минут, и голова не кружилась. Какая-то врачиха сказала сегодня, что инфаркт у Абрама Яковлевича средний, а не сильный, поэтому всё должно закончиться прилично. Господи, помоги!

Принял худсовет стенку у Димы с Леной. Что-то у нас действительно изменилось, раз худсовет дошел до принятия Диминой скульптуры. Димушка, вообще, герой. Встал в семь утра, промучившись от своего прострела всю ночь. Перед работой я ему успела пришить шарф к нижней рубаше, чтобы обогреть спину. Кроме прострела, желудок. Целый день его несло и кровь лилась из зада сильнее, чем раньше в периоды обострения колита. Тем не менее Дима доплелся до мастерской, где они встретились с Леной, упаковались, съездили на совет, а потом Дима еще поехал к отцу в больницу.

Мишенька сегодня целый день был дома, к нам не ездил, болел.

25 марта 1972 г., суббота.

Мишка ночует у нас вторую ночь. Сегодня получили массу информации. Полуторамесячной давности письма от Майка, Готфрида, Карлуши и Вима. До сих пор толком их не прочли, некогда было. Поняли только, что в июне этого года в Касселе состоится довольно большая Димины выставка. Карлуша и Майк соберутся там вместе с Готфридом.

Были в гостях у Гдаля в новой квартире. Квартира большая, хорошая, но какой-то в ней старый запах. Смешной годовалый младенец Машка, дитя Марика и Наташи. Огромный <...> Гриня.

Вышла книжка Юры Ряшенцева. Он по этому поводу звонил, но мы ее еще не видали. Отец ничего, тьфу, тьфу, тьфу, поправляется.

26 марта 1972 г., воскресенье.

Я в мрачности, из школы уйду. Отец ничего. Мышкин еще очень маленький и глупенький, но родной мальчик. Димин прострел проходит. Его радиомания сведет меня с ума. Он крутит радио до полного обалдения и требует, чтобы все реагировали на это кручение.

27 марта 1972 г., понедельник.

Ходила в школу на открытое партсобрание, так как это было обязательным, но не очень реагировала на всю эту брехню, которая шла вокруг, и поэтому почти не страдала.

Мышкин опять у нас ночует. Ему приснился жуткий сон о том, как нас троих – его, Диму и меня – уколошили ни за что ни про что. Пожалуй, в нем все-таки есть талант.

Абрам Яковлевич сегодня очень неплохо себя чувствовал, но сидел, ног не спуская. <...>

В салон насчет «Эйнштейна» Дима не дозвонился.

Была в школе у Алика на репетиции «Республики Шкид». Должен быть хороший спектакль. Алик – молодец.

30 марта 1972 г., четверг. «Песня исхода»³⁶. <...>

Из-за мальчика писать совершенно некогда. Практически он живет у нас уже все каникулы.

У Абрама Яковлевича сейчас новый сосед, грузин, очень веселый мужик. Отец все время смеется его шуткам и, кажется, доволен новому человеку. Грузин из Сухими с русским именем Владимир Николаевич <Лакербай>. Болен, очевидно, довольно сильно, так как ему не разрешили вставать в течение пяти дней.

Были сегодня в магазинах. Дима с Мишкой мерили брюки в «Руслане». Ничего не подобрали, зато мне в «Синтетике» рядом с мастерской купили чешское пальтишко за 89 рублей, симпатичное, серенькое, и немецкий темно-синий плащ с капюшоном и белыми бечевками за 57 рублей. Диме купили плащ-болонью. Такое дерьмо за 50 рублей, с ума сойти! Но необходимо. Я, оказывается, весьма миниатюрного сложения, одно пальто 44 размера, другое – 46. Я почему-то думала, что мой размер 48. То ли я похудела.

В мастерской всё в порядке, только грязь несусветная.

До отца я успела съездить в школу к Алику на репетицию. Очень здорово. Позавчера Алик почти час вопил мне по телефону, какие ужасные мои дети, то есть его актеры. Вчера всё было в порядке, сегодня тоже.

Радио вещает о каких-то инцидентах возле синагоги. Неприятно.

Мишка наконец приобрел себе давно желанный велосипед, который уже за-
барахлил.

1 апреля 1972 г., суббота.

Всё, что говорил этот засранец Стесин про Толю, естественно, оказалось брехней. Толя вчера нам позвонил, сказал, что ему всё рассказал Ламм, тоже говнюк порядочный. А перед уходом из мастерской Ламма Стесин еще имел наглость попросить у Толи в подарок 10 офортов. Толя, конечно, не дал.

Сегодня моя любопытная до крайней бестактности мама влезла своим носом в этот дневник. Заявила, что я пишу очень однообразно, а главное – о ней ни одного доброго слова. Чтением она занималась, пока я была в школе у Алика на репетиции. А до этого при мне усердно хаяла мои пальто.

³⁶ Юлия переписала в дневник целиком это стихотворение А.А. Галича 1971 года.

Мишка с Димой были вместе в подвале. Дима очень доволен, что начал подготавливать щиты и глину, чтобы лепить рабочую модель стенки. Потом они вдвоем были у Абрама Яковлевича. Я же была у него, как всегда, вечером.

2 апреля 1972 г., воскресенье.

Завтра на работу. Мы с Мишкой очень этому не рады. Я скоро уйду на пенсию, к Диме на шею. Он утверждает, что хочет этого, да и отец тоже. Мишке уходить некуда. Этому дурачку учиться и учиться, набираться знаний.

Папа очень неплохо выглядит, и вообще, молодцом. Его невероятно веселит грузин. Грузин – абхазец, он, оказывается, замминистра торговли Грузии. Чувствует себя плохо, но очень боевой, не поддается.

Димуха так и не пошел после больницы в мастерскую. Сырость, противно. Мишка полдня пребывал в мрачности, потом стал проситься кататься на велосипеде. Ему, конечно, мы не дали. Он немного поездил по квартире, но не удовлетворился. Завтра ему в школу идти, как будто на фронт умирать. Опять же к себе домой уезжать не хочет. Жалко мальчика, что такой он чересчур нежный, к реальной грубой действительности совсем неприспособленный.

3 апреля 1972 г., понедельник.

Отец сидел в кресле. Всё ничего, но ноги его пока не держат. Выглядит хорошо. Товарищ у него тоже попался хороший. Приятно, когда интеллигентный человек лежит рядом, а не жлоб какой-нибудь.

Мишка получил двойку по химии, за контрольную, которую писал еще до каникул. Двоечников много в его классе, но от этого не легче. Завтра, наверное, получит двойку за контрольную по алгебре. Зато по французскому сегодня у меня получил пять. Приятно, что его пятерки у меня не натянутые.

4 апреля 1972 г., вторник.

У нас заболел один из главных актеров, Борька Розенфельд, и мы, очевидно, вынуждены будем отложить спектакль еще на неделю. Это будет ужасно, потому что и сейчас мы уже на пределе. Как всегда, у нас ничего не готово. Еще сегодня Алик принес какой-то дополнительный текст, над которым надо очень много работать. Только что позвонил Киселев, сказал, что был Лунгин, который всё очень одобрил. Мы решили поговорить с Еленой, чтобы она разрешила показать спектакль 8-го не всем, а только узкому кругу лиц. Всем же остальным показать 22 апреля.

Мишка исхитрился получить вторую двойку по химии. Но написал отличный рассказ о том, как хоронили его дедушку. Бабушка выглядит в его произведении более чем мужественной особой, начисто лишённой староинтеллигентских предрассудков. У нее непробиваемое металлическое сердце беспокойного большевика. Мишка описал ее стойкое поведение при проходах в могилу ее любимого мужа с некоторым жутким юмором. Парень наш имеет несомненные литературные способности, это факт, это хорошо.

Димуха теперь вкалывает по утрам. Ходит в мастерскую и лепит там стенку, перед тем, как уйти в больницу. Отец очень хорошо выглядит и даже чуть-чуть поправился. Они на пару с грузином все время хохмят.

Семен Львович Лунгин встречается с артистами «Театра на ул. Достоевского» (1972)

Бакулева зачем-то все время врет. То говорит, что худсовет будет решать на счет «Головы Эйнштейна», то Худфонд, то еще что-то. Сама же уехала в командировку, хотя велела Диме позвонить в два часа. Видно, ей дано указание тянуть как можно дольше.

6 апреля 1972 г., четверг.

У нас с Димой были нелады. Он очень плохо себя чувствует. Каждый день уже мается животом. Мое участие в театре, а поэтому меньшее участие в его делах, плюс безумная усталость и плохое самочувствие ужасно его сердит и обижает. Я мечтаю послезавтра показать спектакль и больше этим не заниматься вообще. Хватит с меня педагогики. У нас с Димой свой театр, и мне положено играть у него, а не где-нибудь еще.

Абрам Яковлевич ходил сегодня до угла палаты, где сидел в кресле. После этого у него заболело сердце, но не сильно. У его соседа дела ухудшились. Сказали, что у него предынфарктное состояние, и он уже почти не хохмит. Вчера у него был довольно сильный приступ, а потом еще один ночью. Ему сделали укол промидола, и он проспал весь день. Больше не хохмит.

Мишенька порадовал, получил пять по литературе. Зальцман ужасно всех хаял, жаловался мне на класс и сказал, что Мишка знает литературу лучше всех.

Парень наш хоть и пытается сказать, что ему это не важно, но доволен. Приятно ему быть в чем-то лучше всех.

8 апреля 1972 г., суббота.

Показали в школе «Республику Шкид». Спектакль хороший, но запрещенная «Леона Пигма» была лучше. Сегодня устраивали прогон, а не премьеру, поэтому народа было очень мало, как мы и хотели. Выступавшие очень Алика хвалили. Он, безусловно, человек выдающийся. Я больше в театр не хожу, потому что сил нет. Дима пришел вместе с Мишкой, нашим умником, который сейчас постоянно пишет очень даже неплохие рассказы. Завтра очень хочу в мастерскую, чтобы посмотреть на рабочую модель стенки.

9 апреля 1972 г., воскресенье.

Мишка подарил мне фломастер, я им теперь и пишу. В мастерскую так и не попали. Сегодня был очень толковый день. Димушка был у папы, которого сильно терроризирует его сосед Лакербай. Когда у того хорошее настроение, он очень веселится, и отец невероятно рад. Когда же Лакербай плохо себя чувствует, он все время молчит, и отец очень из-за этого страдает. Меня два дня в больнице не было, и Абрам Яковлевич невероятно соскучился.

Долго в деталях обсуждали вчерашний спектакль. Пришли к выводу, что он сделан на очень неплохом уровне, но все-таки имеет очень много существенных недостатков. Тем не менее вчера выступавшие превозносили Алика до небес, что, вообще, справедливо. Отлично совершенно выступил Лунгин Сима. Елена же хвалила, хвалила Алика, но какую-то гадость в душе таит. Какую, узнаем очень скоро.

Занимались с Мишкой литературой, французским, а потом, когда Боря с Тюпой пришли, они занимались математикой, а мы с Тюпой французским. Сегодня погода была получше, и Мишенька с нашего разрешения покатался на велосипеде. Сначала без меня, когда Дима был в больнице, а потом при нем. Уехал и опоздал на целые полчаса. Дима был сердит очень. Мишкина мама просит сыночка сходить с ней куда-нибудь, а он не хочет.

Боря Хазанов подал документы в ОВИР.

10 апреля 1972 г., понедельник.

Елена явно носит камень за пазухой. Пусть носит! Я все равно уйду. Правильно Димка сказал, что у нее вид типичной фюрерши³⁷.

Я наконец попала в мастерскую и посмотрела на рабочую модель стенки. Получается хорошо, лишь бы Дима не отходил от эскиза, который сегодня снова произвел на меня большое впечатление.

Мишка получил тройку по истории, приволок большое количество металлолома с какой-то соседней свалки и уехал на своем прекрасном велосипеде. Мы договорились, что больше он на нем приезжать не будет.

³⁷ Позже, уже в 1980-х гг., учителя между собой стали называть ее «мама».

Репетиция спектакля «Республика Шкид» (1972)

Олег Киселев на репетиции спектакля «Республика Шкид» (1972)

11 апреля 1972 г., вторник.

Отец хочет домой, но ноги пока еще его не держат. У Лакербая обнаружили какое-то затемнение в легком. К нему прилетела жена из Сухуми. К ним подложили третьего больного, к счастью, ходячего. Я его так и не видела, он всё где-то бродил.

Димушка успешно худеет и больше не жалуется на боли в животе. Он сейчас почти не ест хлеба. Ежедневно до посещения отца или после ходит в подвал работать над стенкой.

Мишка получил четыре по химии, чему мы все страшно радуемся.

12 апреля 1972 г., среда.

Сегодня, оказывается, День космонавтики, великий праздник. Я шла от отца в 9 вечера и видела и слышала салют.

Из палаты, где Абрам Яковлевич с Лакербаем, забрали третьего мужика, увели в другую палату. Все ужасно рады, потому что очень был противный дед. Димушка упорно худеет и убежденно доказывает, что теперь ему легче носить свое тело. На мой взгляд, он и не был особенно толстым, но раз ему так приятнее, так дай бог. Каждый день упорно работает в подвале над стенкой и звонит Бакулевой насчет «Головы Эйнштейна». Пока безрезультатно. Мишенька ничего.

В газетах снова хаот Солженицына. Никак не дают людям о нем забыть, кретины. Была у нас Кларочка, рассказывала, как она видела Александра Исаевича с его женой на годовщине смерти Чуковского. Солженицын Кларочке не очень понравился из-за того, что вел себя как оратор. Про жену говорила, что она очень плотненькая, некрасивая и стушевывается. Я Кларочке не верю ни одному слову, зная ее болтливость и огромную необъективность, особенно в суждениях о женщинах. Я глубоко уверена, что нынешняя жена Александра Исаевича – женщина хорошая. На плохой бы он не женился. Кларочка говорит, что Солж если и говорил, то исключительно о боге. И это ей тоже не понравилось. Не ей, дурочке, критиковать его.

13 апреля 1972 г., четверг.

Тепло на дворе и хорошо. Димуся работает в подвале. Сегодня поправился на полкило и огорчился. Абрам Яковлевич безболезненно провел более часа не в лежачем положении.

Мишка на комсомольском собрании в школе плел своей подружке Шамраковой о том, что он еврей. Та удивилась, но поверила. Мишка даже про свою маму наврал, будто бы она какой-то частью еврейка. До чего наш сыночек дурачок. А на еврействе у него пункт. Псих! Ему дали бумажку с благодарностью за то, что он главный редактор журнала «Кашалот».

15 апреля 1972 г., суббота.

Сегодня была премьера нашего спектакля «Республика Шкид». Народу было – что-то жуткое. Алик много изменил. Женька Лунгин³⁸, бедняга, заболел

³⁸ Лунгин Евгений Семенович (р. 1960) – кинорежиссер, драматург, сценарист.

корью. Но всё равно было великолепно, и мне значительно больше понравилось, чем в первый раз. Веня Смехов с Аллой пришли. Наших вызывали, долго хлопали, дарили цветы и т. д. Но самое главное, что переполненный зал слушал и смотрел, затаив дыхание, в жуткой духоте и в течение целых полутора часов. Веня чуть не плакал, мне приятно, что он потом сказал нашим актерам всякие слова, хвалил их и Алика. Я рада, что не было Елены. Начальство всегда действует угнетающе.

16 апреля 1972 г., воскресенье.

Завтра нужно отвезти «Голову Эйнштейна» в салон, чтобы во вторник или в среду его посмотрел худсовет. На первом этапе Бакулева сработала, наконец. Итак, по фотографии не отказали. Что будет дальше?

Я не была у Абрама Яковлевича. Дима ходил с Мишей. Отец уже подходил сегодня к умывальнику и мыл руки. Я целый день убирала квартиру. Уже не могла больше существовать в этом запустении.

17 апреля 1972 г., понедельник.

Были с Димушкой вдвоем у папы. Он молодец. Сегодня сам ходил в кардиологический кабинет напротив, правда, опираясь на физкультурницу. Лакербая переводят на целый месяц в другую больницу исследовать уплотнение в легких. Не везет ему, бедняге. Значит, с завтрашнего дня у Абрама Яковлевича будет новый сосед. Очень хотелось бы, чтобы не противный.

Дима очень долго вкалывал в мастерской, делал стенку. Опять что-то начала крутить Бакулева. Теперь уже требует, чтобы «Эйнштейна» смотрел еще и комбинатский совет. В общем, это дело глухое.

Мишка всё бродит по грязным свалкам и таскает к нам в дом металлолом.

18 апреля 1972 г., вторник.

Дима захворал. У папы была только я. <...> Димушка, наверное, заболел из-за желудка. Его поташнивает, небольшая температура и очень плохое самочувствие.

19 апреля 1972 г., среда.

У Абрама Яковлевича новый сосед из Харькова. Очень приятный и даже красивый парень. Ему 34 года, но он уже имеет три инфаркта, а сейчас приехал, чтобы сделать операцию и, таким образом, от этих инфарктов избавиться. Сам врач-хирург, но мы пока не узнали, в какой области. Сегодня я уже успела поспорить с ним из-за Солженицына. Видно, что человек этот умный и честный, но несет какую-то ахиною: «Солженицын льет соль на раны», «выносит сор из избы», «народ надо держать в узде, так как нет ничего святого» и тому подобный бред. Мне удалось если не переубедить его вовсе, но во всяком случае, поставить в тупик, потому что на мои слова в защиту Солженицына ему сказать было нечего.

Гнусная статья в «Лит. газете» какого-то итальянца³⁹. Очевидно, наш человек. Я думаю, и Дима тоже, это кампания ведется не случайно. Хотят организовать «письмо трудящихся» с целью выслать Солженицына из страны по их требованию. <...>

Была у нас Кларочка с новой прической. Старая шла ей гораздо больше. Огорчает Мишка, погрязает в мелкой суете, безделье и никчемности. Существование ведет растительное и думает, что мы будем с этим мириться. Ошибается, дурачок, мы не потерпим возле себя такого дылду с интеллигентным видом и кошачьими наклонностями. Сегодня у него было семейное мероприятие в связи с дедушкиной годовщиной смерти. А завтра у него шестичасовое сочинение по роману Л.Н. Толстого «Война и мир». Думаю, что он напишет плохо, так как не готовился и даже книгу до конца не прочел.

20 апреля 1972 г., четверг.

Невероятное событие. Дима сегодня возил фотографию «Эйнштейна» в скульптурный комбинат на совет, и те приняли, вернее, сказали, что не возражают, чтобы его продать, раз есть такие, кому это нравится. Если они не передумают, то завтра Дима должен у них взять выписку об этом решении, и уже с ней явиться вместе с «Головой Эйнштейна» на совет в салон.

Абрам Яковлевич с таким же трудом делает свои четыре шага от кровати до кресла и обратно. Ноги слушаются его пока плохо.

Мишка писал сочинение по Толстому, не помнит про что и о чем. Скорее всего, стесняется или ленится рассказать. Во всяком случае, я поняла, что он там много писал о боге. Мы с ним вдвоем приехали в мастерскую, где Дима уже заканчивает стенку. Не верится, что эту штуку можно будет установить в Москве.

21 апреля 1972 г., пятница.

Пришла с нашего идиотского педсовета только в восьмом часу вечера. Изругала Мишку за то, что он не убрал класс в школе и полтора часа читал фантастику вместо того, чтобы учить уроки.

Димушка был в комбинате, где взял выписку вчерашнего худсовета о том, что они не возражают продать «Голову Эйнштейна». Потом они с Леной ездили куда-то смотреть гранитные плиты, потом он поехал к отцу, и еще успел нарисовать несколько жутких рисунков.

А я Мишку обругала, а потом стала учить с ним литературу. Больше мы ничего не успели. Завтра я его по телефону подниму в восемь и отправлю убирать класс, раз он этого сегодня не сделал. До чего же наш парень лентяй!

Сволочи наши власти! Взяли и ни с того ни с сего отобрали у трудящихся два выходных дня. Теперь мы должны работать в воскресенье, суки! И никаких забастовок, тишь да гладь. К отпуску добавят. А мне сейчас нужно, да и другим тоже.

³⁹ Эусебио Феррари. «Кто заказывает музыку» (Литературная газета. 1972. 19 апреля). «Нельзя не прийти к выводу, что сложившееся в Советском Союзе отношение к Солженицыну полностью отвечает логике борьбы пролетариата за торжество коммунизма», — заключает автор свою статью.

22 апреля 1972 г., суббота.

Были у отца. Он хорошо выглядит, довольно много ходит, уже холл рядом обошел. Очень доволен своим соседом армянином. Действительно, парень на редкость симпатичный, хотя он и разделяет заботы наших властей об идеологических трудностях в нашем государстве, и друзья опять же у него кагэбешники. Несмотря на эти ужасающие факты, он очень интеллигентный и милый человек. Отцу нашему сейчас явно повезло с соседом.

Димушка сегодня вкалывал как зверь. Зря проездил с Леней насчет каменных плит. Мишка остался у нас ночевать.

24 апреля 1972 г., понедельник.

Уже начинаются нелады с «Головой Эйнштейна». Бюрократическая волокита везде и всюду. Никому не нужны доллары и никому не нужна скульптура. «И сам не гам и чужому не дам».

Отец ходит, но у него очень болят ноги. Мишка всё ставит замки в своей комнате. Совсем с ума сходит парень.

25 апреля 1972 г., вторник.

Мы с Димушкой сегодня мельком виделись только рано утром. Целый день я была в школе, так как сегодня приходила городская комиссия смотреть спектакль «Республика Шкид». Отвратительные жлобы, которые, конечно, как мы и ожидали, говорили всякие глупости вплоть до идиотизма, признавая при этом, что Киселев очень одаренный и очень способный. Приятно только одно, что мы всем этим старперам дали достойный отпор.

26 апреля 1972 г., среда.

Я вчера совсем дошла, поэтому сегодня совершенно не могла спать. Чувствую себя жутко разбитой. Димка герой. Он уже похудел до 75 кг, стройный и даже несколько поджарый. Ложится поздно, встает вместе со мной, ест мало, вкалывает всюду.

У отца были вместе. Он вполне ничего, с двумя остановками сам дошел до туалета. Слегка у него отекают ноги, но, в общем, он молодец. У соседа его дела похуже. <...> Отец хочет выписаться из больницы к праздникам.

Мишка сегодня проспал и не пошел на первый урок. Прочел «Процесс» Кафки, остался в диком восторге. Даже взял у меня «Замок» по-французски. Если осилит, я его невероятно зауважаю, но боюсь, что не осилит.

Вечером мы с Димушкой были у Гинзбургов. Витя хандрит, плохо себя чувствовал и ходил заспанный, но потом разгулялся. Они поражались, что Дима почти ничего не ест. Послезавтра они уезжают отдыхать в Гагры на две недели.

27 апреля 1972 г., четверг.

Мне очень понравилась Диминая стенка. Даже не верится, что такую штуку можно будет поставить в натуре.

Из мастерской мы вместе пошли к отцу, увидели, как он вышел из палаты и довольно бойко заковылял к холодильнику. Ноги у него все время болят, но терпимо. <...>

30 апреля 1972 г., воскресенье.

Привезли отца домой. Спасибо, Толя помог со своей машиной, со вчерашнего дня мы не могли достать такси. Самочувствие у Абрама Яковлевича неплохое, но ходит он – еле шкандыбаёт, ступни слегка отекли. Он очень рад, что покинул больницу. Гдаль все время был с нами. Он вернулся после разговора с Володей и сказал, что всё ничего, но теперь они не могут говорить друг другу «ты».

Были у нас Валька с Эдиком.

Очень неприятная история с Юнной. Мне ужасно за нее обидно, потому что ведет она себя плохо. Этот Игорь – явно большой говнюк. У него оказался третий ребенок. И вообще, он все время при ком-то знаменитом. Но какой-бы он ни был, как бы Юнна на него не сердилась, она не должна была звонить ему на работу в парторганизацию. Этого дурака выгнали из партии, он в полном отчаянии и даже попытался самоубиться. Теперь в сумасшедшем доме. Юнна сейчас одна с ребенком и все время изыскивает способы, как бы нагадить Игорю побольше. Недаром стихи ее тоже стали гораздо хуже. Ничего нельзя делать безнаказанно. Юнна очень гордится тем, что она Игоря погубила. Всем рассказывает, как она помогала органам его ловить, беседовала с ним по телефону, пока милиция или КГБ засекали, из какого автомата он с ней говорил. Всё это очень мерзко. Как аргумент, Юнна рассказала, что будто бы Игорь собирал какие-то ее стихи, опубликованные за границей, в том числе те, что она написала про нашу мастерскую, бравировал своей дружбой с Театром на Таганке, и якобы где-то хотел доказывать, что всё это очень хорошо. А когда Юнна послала к нему своего друга Циммерлинга с предложением прекратить всё это, он Циммерлинга выгнал. С этого момента Юнна решила действовать иначе и действовала. Это совершенно отвратительно. Она поступила так же, как Лемпорт и Силис, которые посадили всякими мерзкими методами Рыболтовера. Тот был скотина, но Лемпорт и Силис тоже подлецы.

Меня это известие совершенно убило. Дима к Юнне уже давно охладел. Мы и раньше знали, что Юнна появляется или звонит только тогда, когда ей это совершенно необходимо. В других случаях она не появится и не позвонит. Мы это знали и прощали ей. Теперь всё кончено. Мы не сможем иметь дело и общаться с человеком, который жалуется на кого бы то ни было в парторганизацию, тем более на отца своего ребенка. Так же поступают все самые сволочные бабы в СССР, так же поступили и Мишкины родители.

А мальчик у нас очень хороший. Сейчас, когда нам так тяжело, он нам очень много помогает, особенно мне по хозяйству. На праздники мать разрешила ему остаться у нас, и он переночует еще две ночи. Он, кажется, еще немножко подрос и вообще, как-то поздоровел.

Дима вчера кончил стенку. Совершенно отличная скульптура. Дима худеет, с 81 кг догнал свой вес до 73, это невероятно. Я уж Сидура знаю, он человек, который всегда добивается, если на что-то решится. Ему было особенно тяжело, так как он очень любит пожрать. Ест чрезвычайно мало и даже утверждает, что чувствует себя лучше. Раньше у нас это была особая проблема – еда, Дима чуть не падал в обморок, когда его охватывало чувство голода. Теперь же он выпивает

несколько глотков воды, и ничего. Говорит, что ему легче ходить, одышка значительно уменьшилась. Хорошо, что Кларочка подарила нам весы, мы каждый день взвешиваемся. У Димы рост 1 м 70 см, и ему хочется довести свой вес до 68 кг. Мой рост 1 м 60 см, а вещь я 62 кг, это тоже избыток. На моих глазах за наши почти пятнадцать лет совместной жизни Дима совсем бросил курить, пить, а теперь есть почти перестал.

Вчера позвонил Алик Киселев. Он выступал с моими школьниками в Музее Чехова, где их отлично приняли и обещали написать во многих печатных органах. Просил меня тоже что-нибудь написать, как педагога. Дай ему бог! Но тяжелый он парень и, скорее всего, зазнается. Но ничего не скажешь, очень талантливый парень.

1 мая 1972 г., понедельник.

Папа двигается с трудом, но двигается. Очень не хотелось нам с Димой куда идти, но пришлось пойти к Володе Бураковскому. Они с Лилей уезжают завтра в Чехословакию. Там были гости, люди с которыми общаться мы не привыкли. Один, кандидат исторических наук Марков⁴⁰, разъезжающий по границам и печатающий труды о милитаризме в Японии, и его жена, либерально настроенная дамочка, хотя либерализм ее очень неопасный. Потом подошел еще один дядя, ужасно хитрого вида, похожий на еврея, но армянин. Рассказывал, что он был на даче у Сталина в Волынском, рядом с Кунцевом⁴¹. Сталин устроил себе там тюрьму из бетонных дверей, обшитых толстым деревом. Всё выкрашено в удручающий зеленый цвет, комнаты огромные. Зал политбюро кончается спальней, из которой можно выйти только в смежные помещения, где туалет и ванная. Обрато выйти можно только через зал для заседаний политбюро. Для гуляний существовала узкая дорожка, где мог ходить один человек. Фонари, поставленные вдоль всего пути, были направлены светом от дороги, так что освещали всё пространство вокруг, но скрывали в темноте самого человека на дороге. Однажды Иосиф Виссарионович заметил следы рядом со своими окнами, выяснилось, что это садовник приходил счищать снег. С этого момента вдоль всех окон на расстоянии чуть ли не одного метра был воздвигнут огромный бетонный забор, так что изнутри дома можно было видеть через окно кусочек неба. Однажды царь поехал на Валдай, где роскошная местность и озёра. Ему там выстроили хоромы. Он прибыл на несколько часов, поглядел на озёра и сказал: «Мышеловка». Больше он там не появлялся. Рассказывавший всё это человек по имени Лева Оников⁴², очевидно, какое-то начальство. Володя потом сказал Диме,

⁴⁰ Марков Андрей Перфильевич (1915–1998) – японист. В 1946–1959 гг. на дипломатической службе – в аппарате МИД СССР, первый секретарь посольства. В 1959–1963 гг. обозреватель Всесоюзного радио. С 1968 г. сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР.

⁴¹ Имеется в виду *Ближняя дача*, построенная в 1934 г. Во время войны и в послевоенный период И.В. Сталин жил здесь почти постоянно, здесь и умер. С тех пор сохраняется как мемориальный музей, хотя официально таковым не считается, является режимным объектом ФСО.

⁴² Оников Леон Аршакович (1924–2000) – журналист-международник. В 1960–1991 гг. в аппарате ЦК КПСС. Позже политический обозреватель Информационного телеграфного агентства России (ИТАР-ТАСС). Автор книги «КПСС. Анатолия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК» (М., 1996). Л. Оников был другом детства В. Бураковского, вырос с ним в одном дворе в Тбилиси.

что он что-то при ЦК по идеологической части. Володя теперь член-кор., директор и вообще, большой начальник. Дружбу водит с высокопоставленными чиновниками. Да и сам он меняется, нельзя, наверно, не меняться в таких условиях.

С утра Дима с Мишкой, а потом и Ленья с Эдиком были в мастерской. Кое-что там разобрали, готовились к совету. Дима хочет вызвать совет на четверг. Эскиз они приняли, может быть, и рабочую модель примут, не будут мучить.

Мишенька стал выглядеть мужественнее, здоровее. Он немножко подросток и слегка раздался в плечах. Очень здорово нам помогает. Побыл с отцом, почитал ему, для отца это невероятно важно, когда ему читают, он ужасно это любит.

Ленья Штутман окончательно развелся с Олей. Теперь у него снова неприятности с сыном. Парень его с трудом окончил восемь классов, пьет, гуляет, не работает, не учится, уже заделал девице, такой же, как он, ребенка. Сначала хотел жениться, теперь не хочет. Ленья ждет не дождется, пока его заберут в армию. Сам он готов, чтобы сын женился, чтобы ребенок родился, и чтобы он им помог. Но теперь парень хочет бросить эту девушку. В общем, везде творится черт знает что. На этом фоне наш Мишка со всеми своими недостатками выглядит идеальным мальчиком. Хотя его характер далеко не сахарный, он спорщик, не любит «подчиняться», как он говорит. И несмотря ни на что, он прекрасный мальчишка. И недостатки у него детские. А у нас самих сколько недостатков!

3 мая 1972 г., среда.

На этот раз мне повезло – гуляла целых четыре дня. Отдохнула, отоспалась. Отец, слава богу, лучше. Даже ходил сегодня легче. Говорит, что ноги у него меньше болят. Димушка худой и красивый, держится крепко. Почти ничего не ест, наверно, от этого на лице у него особая одухотворенность. Завтра Димушка вызывает к себе совет принимать рабочую модель стенки.

Были у нас моя мама с тетей Аидой. Мать на меня обижается, а я на нее.

Гдаль вчера оставил свои очки у Толи в мастерской, и сегодня Мишка отвез их к нему на работу. Потом мы делали с ним уроки у нас дома, а Дима в это время вылепливал в мастерской новую барельефную голову.

4 мая 1972 г., четверг.

У Димушки совет принял рабочую модель стенки. Ходили они по всей мастерской, рассматривая всё с огромным любопытством и интересом. А еще утром в комбинате Дима видел Лемпорта. Оба они делали вид, что друг друга не знают, хотя Дима говорит, что Лемпорт его жадно разглядывал.

Отец грустный, у него снова отекают ступни ног. Он чувствует слабость и поясница у него болит.

Мишка умница. Получил сегодня три по физике, но учительница очень его хвалила и сказала, что если бы он не забыл какие-то там формулы, поставила ему бы четыре. По литературе за рассказ Чехова «Володя» получил пять. По техническому переводу тоже получил четыре и пять. Сегодня в учительской его даже хвалили. А вечером он должен быть с родителями в школе на собрании, посвященном поездке в военный лагерь на шесть дней. Мало того, что мальчиков гонят в этот лагерь принудительно, но еще и по 10 рублей надо платить.

Мишка предупредил и мать, и бабу, чтобы они пришли. Но ни они не пришли, ни он сам не пришел. Зато когда классная руководительница позвонила ему домой, подошел Слепышев и сказал: «Он у Сидура». Мишка был ужасно этим возмущен, насили мы его успокоили.

Димушка сейчас опять принялся за свою скульптуру и вкалывает как проклятый.

5 мая 1972 г., пятница.

Оказывается, Мишкина мать в школе была вчера, сдала 10 рублей. Общалась с Еленой, но о чем с ней беседовала, сие нам неизвестно.

Вовку Медведева Елена хочет выгнать из нашей школы. Этот дуралей сделал всё от себя возможное, чтобы вызвать ее на этот решительный шаг. Он дошел до того, что нагрубил ей самой, назвав ее чуть ли не плохим директором, сорвал урок военного дела, прогуливает, ходит с длинными волосами весьма вызывающе. В то же время этот малый чем-то очень неплохой, неглуп, хотя диковат и страшноват. Школу он любит, потому что у нас все с ним нянчатся. Играет у Киселева и к театру относится очень ответственно. У Киселева он идеален. Сегодня я с Вовкой поговорила, и вдруг, почувствовав, что всё это очень серьезно, он пошел на уступки. Перво-наперво постригся. Завтра пойдет к Елене извиняться. Извинится также перед старухой-медсестрой, у которой он сорвал урок. Я думаю, Елена его простит. Я люблю этого дурного Медведева, все-таки учу его со второго класса. Научила я его немногому, так как он не хотел научиться, но все-таки он мне не чужой.

А Димушка всё вкалывает и почти ничего не ест. Очень стал красивый и стройный. Я в мастерской сейчас почти не бываю, но он мне рассказывает, что делает. Лепит еще одну барельефную стенку размером в полтора метра. Собирается делать громадного младенца с автоматом. Вдруг сегодня обнаружилось, что банк не хочет платить ему за стенку, которую принял худсовет. Какое-то недоразумение. В мастерской у Димы были Кларочка и Эдик. Если же со стенкой все будет благополучно, Дима хочет взять в помощники снова Марину Ильичеву, так как она никак не может устроиться на работу.

Отец жалуется на ноги немного меньше. А ходит таки просто хорошо, хотя и медленно. Отеки тоже, кажется, сделались меньше. У него был прострел в пояснице, а он молчал до вчерашнего дня. Хорошо, что наконец сказал. Теперь я его уже второй день натираю змеиным ядом, и сразу стало лучше.

9 мая 1972 г., вторник.

Многие люди звонили и поздравляли Диму с днем Победы. Три дня у нас прожил Мишка. Наш мальчик очень сильно изменился в лучшую сторону, хотя в математике очень мало понимает и очень мало ею занимается. Димушка ежедневно ходит в мастерскую и там вкалывает. Сделал уже третий маленький барельефчик. Я же еще не видела ни большого, ни маленького. Вчера ему помогали Наташка Нольде и Мишка, а сегодня Мишка был дома, потому что приходили Боря Хазанов с Тюпой и мы усиленно занимались. Абрам Яковлевич значительно лучше себя чувствует во второй половине дня. На ногах у него пока еще есть отеки.

Страшновато, как бы не было хуже оттого, что Вьетнам Северный начал наступление. Американцы уже отреагировали – бомбят Ханой, блокировали и заминировали все пути и дороги. Наши пока молчат, но все мы боимся, что Никсон может не поехать из-за этого в Москву, и тогда всем нам будет хуже. Израильцы невероятно лихо освободили самолет от террористов⁴³. Молодцы. Три пассажира ранено, три израильских солдата ранено, два террориста убито, двое взяты в плен.

10 мая 1972 г., среда.

Наконец, впервые за долгое время Димушка устроил себе выходной. Никуда не ходил, общался с отцом, крутил радио.

Неясно пока, будут ли наши отказываться от визита Никсона из-за Вьетнама.

Мишка сегодня уже опоздал в школу, не выспался, потерял учебник физики. Но мы сделали с ним одно большое дело – съездили по магазинам и купили ему две пары брюк. Одни вельветовые, другие как выходные. Мальчик сразу же стал выглядеть стройно и элегантно. Брючная проблема была невероятно актуальной. Еще купили несколько широких кожаных поясов. Уроки сегодня не учил, как бы завтра не было катастрофы в смысле двоек по физике и литературе.

11 мая 1972 г., четверг.

Была сегодня недолго в мастерской. Димуха сделал две совершенно отличные вещи – «Голову Христа» с рисунка на картоне и еще одну голову громадную. Он лепит сначала барельеф в глине, затем заливает туда гипс, а затем переворачивает вещь на другую сторону и глину выковыривает палочками и вымывает водой. Работа жутко длительная и неквалифицированная. Эти две скульптуры очень напоминают Димины монотипии.

Отец не хуже и не лучше. Гдаль говорит, что такое состояние будет еще долго.

Заходил Боря Хазанов одалживать трансформатор. Рассказал, как сегодня он провозжал на аэродром своего товарища в Израиль, и видел отъезжающего со всей семьей Галанина.

Мишка опять исхитрился сегодня опоздать в школу, хотя я разбудила его по телефону в восемь часов утра. Я нашла его учебник физики в физическом кабинете, сам он не догадался его там поискать. Во многом мальчик, несмотря на недостатки в смысле безалаберности, стал значительно лучше.

12 мая 1972 г., пятница.

С Димушкой сегодня целый день не виделись. Он с Наташкой Нольде работал в подвале.

Абрам Яковлевич страдает от болей в ногах, кажется, немного меньше.

⁴³ Имеется в виду операция по освобождению 9 мая 1972 г. в аэропорту Лод израильским спецназом пассажирского самолета рейса Вена – Тель-Авив авиакомпании «Сабена», захваченного палестинскими террористами из организации «Черный сентябрь». Операция вошла в историю как первый успешный пример освобождения самолета, захваченного террористами. Одним из офицеров израильского спецназа тогда был будущий премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху.

Была у нас Кларочка. Из новостей сообщила, что у Толи Якобсона и Пинско-го⁴⁴ был обыск. Якобсону сказали, что обыск проводится по делу № 24⁴⁵.

Заходили Юрочка Геннис и Володька Воловников ко мне в школу. Вовка принес очень неплохие рассказы.

Мишка получил пять за доклад по географии и пять по французскому. Писали с ним сочинение по пьесе Чехова «Вишневый сад» больше четырех часов. Естественно, ничего другого из уроков не сделали.

14 мая 1972 г., воскресенье.

Димушка ходит худой и стройный как юноша. Работает много, ест мало. Сегодня была жара больше 20° и несколько раз шел дождь. Очевидно, поэтому Абрам Яковлевич чувствовал себя ужасно плохо. Он очень сильно переживает, что не сразу восстанавливаются его силы, как он надеялся. Его это еще и морально угнетает.

Вчера было много гостей, вернее, Владик Бахнов с Нелей и Инна. Все мы живо обсуждали проблему выезда евреев в Израиль. Нам с Димой эта проблема уже несколько поднадоела, так как мы твердо решили оставаться.

Мишка у нас ночевал. Вчера, несмотря на жуткое сопротивление, я заставила его на ночь глядя написать сочинение по Чехову – про службу в «Вишневом саду». И заставила переписать старое сочинение понятным почерком, то, которое Зальцман не успел проверить у него в субботу и будет проверять завтра. Сегодня же парень был доволен, что это дело над ним не висело. Пока Дима был в мастерской, мы сходили с Мишкой на рынок, где покупали в основном всякие семена. Мишку невозможно было от них оторвать. Потом я убирала квартиру, а мальчик устраивал на лоджии сад. Устраивал со вкусом и умением. Дима даже сказал, не сделать ли из него садовника. Потом пришли Боря с Тюпой и мы усердно занимались. Боря даже сказал, что у Мишки есть некоторый сдвиг. Потом Мишка снова городил сад, бегал за землей, откуда приволакивал ящики и даже небольшой деревянный бочонок. Не без трудностей усадила его за французский и взяла обещание поучить дома химию. Тут и Димушка вернулся. Сегодня днем я довольна. Успела еще кое-что сготовить.

В Доме кино Алик показывал «Республику Шкид». Был полный зал народу. Я после говорила с Идой по телефону и она сказала, что принимали совершенно отлично, прерывали аплодисментами и после долго хлопали. Выступал Лунгин, представлял театр, очень хвалил нашу школу.

Мишкина бабушка тоже ходила в Дом кино с Мишкиным приятелем и одноклассником Игорем Вокачом. А внучок ее растит здесь сад, на лоджию теперь выйти приятно.

⁴⁴ Пинский Леонид Ефимович (1906–1981) – филолог, литературовед, диссидент. Автор работ по истории европейской литературы эпохи Возрождения. В 1951–1956 гг. находился в ГУЛАГе. В 1960–1970-хх гг. организовывал у себя на дому еженедельные интеллектуальные пятницы. Писал для журнала «Синтаксис».

⁴⁵ Дело о «Хронике текущих событий» и документах независимой общественной ассоциации «Инициативная группа защиты прав человека», существовавшей с 1969 г.

15 мая 1972 г., понедельник.

Димушка сегодня не выходил в мастерскую. Живот у него болел, и он помогал помыться Абраму Яковлевичу.

Это дерьмо Зальцман выставил Мишке все-таки четыре по литературе, и только за то, что тот не выражал полностью с ним согласия. Зальцман очень похож на Лемпорта, обладает некоторыми способностями, но вынужден согласиться с тем, что никогда не добьется ни в чем тех вершин, которых добились другие, более талантливые, чем он. Оттого завистлив и снедаем и борется исключительно мелкими гадостями. Например, отметки занижает, хотя перед этим пел Мишке всякие дифирамбы, при всех с ним кокетничал, заигрывал, даже заискивал. Мне все время говорил, что Шунков лучше всех знает литературу и т. д. Я даже рада, что он все время не дает успокоиться во мне каким-либо иллюзиям насчет его личности. Повторяется история с Володей Воловниковым, когда Зальцман ставил ему тройки ни за что. Он совершенно не терпел людей, более значительных, чем он сам. Володька переживал из-за отметок, Мишка – нисколько. А мне обидно, что еще один еврей – сволочь. Мелкая сволочь.

16 мая 1972 г., вторник.

Были с Мишкой в мастерской, видели «Еву». Совершенно отличная скульптура. Вечером вдруг появился какой-то длинноволосый громадный англичанин. Сказал, что ему посоветовал зайти Майк. Он должен был тут же уходить, и хотел вернуться после 10 вечера, но так и не вернулся, мы зря его прождали до одиннадцати.

18 мая 1972 г., четверг.

Я в мрачности и тоске. Чувствую себя отвратительно. Димушка весит уже 69 с половиной кг, и хочет еще похудеть до 65. Он чувствует себя, пожалуй, лучше, чем раньше, когда он был толще. Абрам Яковлевич, как обычно. У него болят ноги. В первой половине дня ему хуже, чем во второй. Мишка ездил к Боре заниматься математикой и, кажется, успешно. Погода сделалась холодная и дождливая, а я с детьми послезавтра иду в поход. Мишку с собой не беру, оставлю его Диме и Абраму Яковлевичу.

22 мая 1972 г., понедельник.

Не писала, потому что ходила в поход с детьми. Нам повезло с погодой. Были мы в деревне Ахтырка, у внучки некоего скульптора Тавасиева⁴⁶, очень бездарного и воинствующего против формализма человека. Дети же его, то есть родители моей ученицы Насти Дмитриевой⁴⁷, люди очень милые и добрые, сами они художники⁴⁸. Дом замечательный, старинный, весь деревянный, с мебелью,

⁴⁶ Тавасиев Сосланбек Дафаевич (1894–1974) – скульптор. Лауреат Государственной премии СССР (1975).

⁴⁷ Дмитриева Анастасия Дмитриевна (р. 1959) – живописец, график, дизайнер. Окончила МГХИ им. В.И. Сурикова. Член Московского и Российского союзов художников.

⁴⁸ Дмитриева Галина Сосланбековна (1929–2014) – живописец, график, книжный иллюстратор, член Московского и Российского союзов художников. Дочь С.Д. Тавасиева.

абажурами из чеканки и другими приятными штучками. Ходил с нами Киселев, очень много бегал и прыгал с детьми. Мишка не пошел, решил побыть дома с Димой и Абрамом Яковлевичем. <...>

А здесь новости. В Каунасе было восстание католической и студенческой молодежи. Требовали свободу Литве. Один парень-студент сжегся в знак протеста против русских⁴⁹. Подавили восстание десантники из азиатов и кавказцев, есть убитые и раненые. События более чем актуальные в связи с приближением великой даты – 50-летием образования СССР.

Приехал Никсон. У метро «Парк культуры» стояли зачем-то, охраняя мост, мотоциклисты, все в коже и с дубинками. Выглядели, как западная полиция.

Пришел в гости в мастерскую, а потом к нам домой Аркадий Ваксберг⁵⁰. Мы с ним не виделись лет семь. Он сильно постарел, полысел, потолстел, но не менее бодр. Прожил около двух лет в Париже, подле своей жены-болгарки, которая работает в ЮНЕСКО при болгарском представителе.

23 мая 1972 г., вторник.

Димушка очень расстроен. Расколотили в Бабушкине гипсовую модель памятника Зинаиде Ивановне. Практически скульптура готова, но Дима недоволен. Хочет, чтобы Виталий поделал ее еще на месте в Переделкино.

Мишка умудрился опаздывать, несмотря на то, что я его регулярно бужу, и он утверждает, что уже встает. 31-го у него письменный экзамен по алгебре, 5 июня сочинение.

Почти решили, что я ухожу с работы.

24 мая 1972 г., среда.

Решили почти окончательно, что я ухожу с работы Диме на шею. Он вкалывает в подвале, делает «Адама». Мы с Мишкой целый день убрали квартиру. Приходили Боря с Тюпой, и мы еще все занимались французским и математикой. У Абрама Яковлевича сердце болело. С чего вдруг такая жара наступила?

25 мая 1972 г., четверг.

Мишка сегодня на прощанье получил три по физике. В аттестате у него будет немало троек, а этот чертов аттестат имеет большое значение для поступления в вуз. 20 % успеха приходится на него. У нашего Мишки точно будет три по физике, химии, алгебре, геометрии. Что будет по остальным – неясно.

Димушка сделал «Адама». Встречались в мастерской с Гинзбургами и с сыном Игоря Евгеньевича Тамма насчет памятника⁵¹.

⁴⁹ 14 мая 1972 г. в центре Каунаса состоялась демонстрация, в которой приняли участие несколько тысяч студентов, скандировавших лозунги: «Свободу Литве!» и «Русские, убирайтесь!» На центральной улице Каунаса, напротив здания Горисполкома 19-летний студент Ромас Каланта поджег себя, предварительно облившись бензином. Он оставил записку: «В моей смерти прошу винить политическую систему». Более 400 участников демонстрации были арестованы.

⁵⁰ Ваксберг Аркадий Иосифович (1927–2011) – юрист, прозаик, сценарист, драматург, публицист, автор «Литературной газеты».

⁵¹ Тамм Игорь Евгеньевич (1895–1971) – физик-теоретик, действительный член АН СССР (с 1953). С 1948 г. руководитель специальной группы, участвовавшей в разработке термоядерного

Мишка сегодня спал в своем мешке и сверху я его накрыла ватным одеялом, потому что ему было холодно. Он весь взмок, но был доволен.

Неприкаянная Ленка Гамазина приходила в мастерскую. Конфликтует с родителями. Ей 18 лет уже, а родители не дают ей вздохнуть.

26 мая 1972 г., пятница.

Сегодня стало прохладнее. Мишка ночует у нас. Я дома, отпустили на два дня. Давно мы с Димой не проводили время вдвоем, как сегодня. Я была и в мастерской, где уже сидели Юрочка Геннис с Вовкой Воловниковым и Наташа Нольде. Мы с Димой съездили в художественный салон на Октябрьской, где сейчас работает Марина Ильичева, и там на складе видели всякие импортные прекрасные товары для художников. Например, английские стамески, голландские наборы с кистями и еще чем-то. Оказывается, всё это выдается по специальному письму из МОССХа, и не каждому, а кому-либо в виде награды. Естественно, за свои деньги. Диму награждать не за что, он и унижаться не пойдет. Марина Ильичева беременна.

Из школы ухожу уже совершенно точно.

27 мая 1972 г., суббота.

Дима неважно себя чувствовал, но все-таки Левитанский уговорил его пойти в мастерскую, чтобы привести туда каких-то венгров. Мы с Мишкой и Абрамом Яковлевичем были дома. Я варила, а Мишка съездил на велосипеде на рынок, где кое-что купил, в основном рассадку анютиных глазок. Ужасно приятно на моем балконе. Вечером Мишка привез с Арбата четыре маленькие рыбки-гушки.

Левитанский приходил в подвал вместе с венграми и с Валею, которая успела очень много Диме рассказать. Левитанский признался Марине, что не может без Вали жить. Марина каждый день напивается. С Левитанским живет, как с чужим. Бывшая Валина подружка стала ее врагом и является информатором Марины. Марина Валю не может видеть и не хочет с ней разговаривать и т. д. Чем вся эта история разрешится, неизвестно. Господи, как хорошо, что у нас завелся Мишенька, а не такое исчадие, как Валя.

Сказала детям в школе, что я ухожу. Они огорчились.

28 мая 1972 г., воскресенье.

Димушка простужен и уже второй день сидит дома. Мишка дорвался до велосипеда и ездит на нем до потери сознания. Разродились рыбки, которые

оружия. Учитель В.Л. Гинзбурга. Лауреат двух Сталинских премий (1946, 1953), лауреат Нобелевской премии по физике 1958 года. Герой Социалистического Труда (1953). 14 февраля 1966 г. подписал письмо 25 деятелей советской науки, литературы и искусства Л.И. Брежневу против реабилитации И.В. Сталина. Сын И.Е. Тамма – Евгений Игоревич Тамм (1926–2008), физик, зав. сектором ФИАН СССР им. П.Н. Лебедева, известный альпинист. Лауреат Государственной премии СССР. Заслуженный тренер СССР. Начальник первой советской Гималайской экспедиции на Эверест (1982). Памятник на могиле И.Е. Тамма (и Е.И. Тамма) на Новодевичьем кладбище в Москве был установлен в 1973 г. (гранит, 205×70×55 см).

Мишка вчера купил, в огромном количестве. Вдвоем с Абрамом Яковлевичем Мишка прицеплял вытянувшиеся стебли бобов к проволочкам за кухонным окном, замечательно цветут анютины глазки.

Пришел к нам Эдик Лимонов, сверкая очками, в грязных-прегрязных желтых джинсах. В связи с Диминым похуданием, мы ему отдали сразу четверо брюк на уменьшение. Он нам кое-что порассказал о том, что из-за массовых отъездов в Израиль, среди многих интеллигентов царят разброд и смутные стремления. Эдик активно продолжает любить Козлову-Щапову, а ее муж, кажется, смотрит на это благосклонно.

Из Праги приехал наш кишиневский парень, женатый на чешке, Юра Мафтул. Привез письмо от Данека с приветом от Лиды Душковой. В журнале «Световая литература», № 4 за 1971 г., напечатано два Димкиных рисунка. Там же один стих Юнны Мориц. В Чехословакии, по словам Юры, очень противно, хотя всё есть, и товары и продукты. Морально же отвратительно. К русским ненависть, советские фильмы бойкотируются, не дай бог заговорить по-русски на улице.

Никсон выступал по нашему телевидению. Шелеста⁵² вроде бы выгнали с важных постов, это хорошо.

Я беседовала с Юнной по телефону. Чего она только не рассказывала про то, какой Игорь негодяй, бабник и т. д. А главное, что она хочет с ним развестись, а он не дает ей развода, и еще, что она сообщила органам милиции, то ли еще кому-то, что у него в квартире мина и пистолет. Еще она мне рассказала много детективных деталей. Всё это очень неприятно.

Мишка поехал сегодня ночевать домой.

29 мая 1972 г., понедельник.

Многие в школе сожалуют о моем уходе. Димка сегодня много функционировал. Мишка был в школе на консультации по алгебре. К Диме приходила одна давняя знакомая баба-фотограф, Ия, которая должна что-то фотографировать для Польши.

Сегодня, говорят, наш самолет с Никсоном не взлетел, и он опоздал в Киев на целый час.

Позвонила в комбинат Бакулева, ни с того ни с сего, и сказала, чтобы они оценивали «Эйнштейна» и чтобы Дима привозил его на совет. Нам она почему-то не звонит. Дима же не хочет продавать свою лучшую работу за гроши, 1000 рублей, это всё равно, что при Гитлере продавали Пикассо в Америку и те оценивали его, например, в 1000 марок, а фашисты отвечали, что такое дерьмо можно и за девятьсот отдать. Дима послал Пайнсу и Кайзену письмо в Прин-

⁵² Шелест Петр Ефимович (1908–1996) – ортодоксальный партийный функционер. Первый секретарь Киевского обкома КП Украины (1957–1962), первый секретарь ЦК КП Украины (1963–1972), член Политбюро ЦК КПСС (1964–1973). 19 мая 1972 г. снят с должности первого секретаря ЦК КП Украины «в связи с переходом на должность заместителя председателя Совета Министров СССР». Со всех своих постов будет снят в апреле 1973 г., с мая того же года на пенсии. Известен своим откровенным антисемитизмом.

стон, где пишет, что скульптура стоит 20 000 рублей, а если им дорого, то пусть назначат свою цену, если они пришлют гарантийное письмо, как требовала Бакулева, то наши, может быть, и согласятся, хотя это и нарушает их «политику цен». Как же они могут Эйнштейна продавать дороже Ленина, да еще за границу. Бюст Ленина стоит 3000 рублей. Очень противно, что Бакулева не звонит Диме, а прямо в комбинат. Она, наверно, догадывается, что Дима что-то предпринимает, и пытается ему помешать. Но Дима твердо решил не продавать эту голову задарма, лучше она останется у нас.

Звонил Леня Штутман. Рассказал, что его не приняли на какую-то работу, где начальник сказал, что евреев больше не берет, так как у него уже двое уехали в Израиль.

Я ухожу из школы в момент весьма неподходящий. Моя директриса может подумать, что я тоже ухожу из-за того, что хочу уехать в Израиль. Сейчас существует новая поговорка: «Работа не жид, в Израиль не убежит».

31 мая 1972 г., среда.

Каждый день сюрпризы. За памятник Зинаиде Ивановне в комбинате требуют платить еще сверху пятьсот рублей. Нам это сейчас совсем не светит в связи с моим уходом с работы. Это чистое жульничество, так как год назад Дима подписал все бумаги с другой суммой. Сейчас, очевидно, у них недостача, и они хотят ее покрыть всяческими грабительскими способами. Интересное у нас государство. Дима заплатил за наш кооператив 400 рублей вперед с тем, чтобы они не брали с нас плату за квартиру какое-то время. Они деньги взяли несколько месяцев тому назад, а вчера позвонили, что это недействительно и что мы снова должны что-то платить, так как уплаченные деньги – это пай, а за квартиру надо платить само собой.

Очевидно, надо уйти с работы, чтобы понять цену самому себе. Уже который день мои коллеги мне искренне соболезнуют.

Мишка сдал экзамен на благополучную тройку. Хоть он и списал, но всего лишь на три. Математике и физике научить его больше, чем на три балла, невозможно. Теперь пятого числа пишет сочинение.

Кроме всего прочего, Дима заболел. Он уже три дня простужен, а сегодня была небольшая температура.

Вчера у нас в мастерской был Леня Штутман с архитектором Елькиным, который имеет много работы для скульптуры в Каратау (Казахстан). Всё бы ничего, но ведь туда ехать надо, а куда Диме ехать.

Мишка опять хочет начать конфликтовать со своими близкими. Мы его с трудом удерживаем. Ему кажется, что в его комнате постоянно роются. Он старается не давать бабушке ключ, а там у него кошка мяучит. С запиранием своей комнаты на множество замков у него явный психоз. Еще нас беспокоит его патологическая страсть к велосипеду, который кроме вреда ничего ему не приносит. После безумного катания он ужасно выглядит, пульс сто тридцать, устает и долго не может прийти в себя. А вообще, мальчик прекрасный. Ходит в магазин, в аптеку, мне очень помогает по хозяйству. Не желает только учиться, но все-таки учится под нашим жутким давлением.

1 июня 1972 г., четверг.

Димка совсем расхворался.

Во всем мире возмущаются, что три японских террориста по заданию палестинцев убили уйму народа в Тель-Авиве⁵³. Мне жаль, что японцы этим занимались. Мне очень этот народ симпатичен.

2 июня 1972 г., пятница.

Диме стало полегче. Нет горячей воды, и тяжело убираться. Мишка у нас. Абрам Яковлевич всегда сильно слабеет, когда пьет мочегонное лекарство от отека ног. Мне кажется, что ему оно вредит. <...> Мишка сегодня полдня спал. Мы его не трогали, пусть, пока экзамены, отдыхает, как хочет. Заехала ненадолго в школу. Теперь уже не дождусь, когда уйду в отпуск и никогда больше туда не вернусь. Пусть эта фюрерша Елена издевается над другими. Им тоже местечко хорошее подвернется и они тоже убегут. Останется она со стукачами и хамами. Только детей жалко. Если станет худо, я смогу устроиться куда-нибудь на небольшие деньги и еще подрабатывать уроками. Но сейчас я буду только Диме помогать.

У Солженицына будет второй ребенок. Жена на шестом месяце беременности.

3 июня 1972 г., суббота.

Булата Окуджаву исключили из партии⁵⁴. Целый день у нас сидела Алла Зайцева. Рассказывала всякие новости, ничего интересного. Булату мы не дозвонились, никто у них не подходил к телефону.

Димушка почти совсем оправился от своего гриппа и уже мучается, что ничего не делает. В первый раз вышли с Абрамом Яковлевичем к нам во двор. Посидели сорок минут на лавочке и почитали. Всё прошло довольно успешно. Мишка съездил на рынок на велосипеде, купил всего, потом сходил в магазин, потом съездил к себе на Палиху, покормил кошку и вернулся обратно. Не хочет читать учебник по литературе. Завтра у него консультация, а послезавтра экзамен по литературе – сочинение. Завтра мне в школу дежурить, а с 5 июня в Библиотеку иностранной литературы на практику с девочками из 9-х классов.

Позвонили Марине Гореликовой. Она очень огорчилась за Булата.

⁵³ 30 мая 1972 г. трое боевиков террористической организации «Красная армия Японии» с поддельными паспортами миновали паспортный контроль в аэропорту Лода в Израиле. Через несколько минут, получив свои чемоданы, они достали из них автоматы, гранаты и открыли огонь по людям в пассажирском терминале. Всего в теракте погибли 26 человек, среди них 11 паломников-христиан из Пуэрто-Рико, убиты были и два террориста.

⁵⁴ После выхода в 1969–1970 гг. произведений Б.Ш. Окуджавы в эмигрантских издательствах он был вызван для объяснений к оргсекретарю, а позже в партком СП СССР, от него потребовали публичного покаяния, Б.Ш. Окуджава от этого отказался. 1 июня 1972 г. на заседании партбюро Московской писательской организации его исключили из партии. Однако горком партии (по указанию ЦК) не утвердил решение об исключении и заменил его строгим выговором с занесением в личное дело. Все-таки 18 ноября 1972 г. Б.Ш. Окуджава вынужден был поместить в «Литературной газете» заявление о том, что зарубежные публикации осуществлялись без его ведома. (См. ниже записи от 29 октября 1972 г.).

4 июня 1972 г., воскресенье.

Дозвонились Булату, договорились в ближайшее время повидаться.

Ходила в школу дежурить. Сегодня 8 и 10 классы сдавали экзамены. Димушка был в гостях у родителей погибшего мальчика Володи Полетаева⁵⁵. Родители хотят поставить ему памятник. На Димину стройность все поражаются. Вышли с Абрамом Яковлевичем ненадолго на улицу, но быстро вернулись из-за сильного ветра. Мишка ходил на консультацию, назначенную для двух десятых классов. Ребята пришли, а Зальцман не явился по непонятной причине, и Мишка с товарищем пошли в кино. <...>

5 июня 1972 г., понедельник.

Мишка написал сочинение на тему «Описание городской бедноты в романе Ф. Достоевского “Преступление и наказание”». То, что он рассказал, как писал, неплохо, но пять, конечно, он не получит. Тем более Зальцман опять к нему цепляется, а Мишка был с ним не более чем вежлив.

Позвонила вдруг Нина Кондрашина, приглашала завтра в Консерваторию слушать Вана Клиберна⁵⁶. Это завтра в 10 утра. И так, они сами решили восстановить прерванные отношения.

Димушка общался с архитекторами. Второй архитектор, соавтор Елькина, Крюков⁵⁷, тоже Диме очень понравился. Ездил Дима в комбинат. Евгения Марковна, сказала, чтобы Дима шел к председателю <правления> Худфонда Диденко⁵⁸ и просил, чтобы с него не брали лишних 800 рублей за памятник матери.

⁵⁵ Полетаев Владимир Григорьевич (1951–1970) – одаренный поэт. Семнадцатилетним был принят в Литературный институт (до этого публиковался в альманахе «День поэзии» и журнале «Юность»). А в девятнадцать лет покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна (см. ниже записи от 9 апреля 1973 г.). Памятник на его могиле, выполненный В. Сидуром и установленный на Востряковском кладбище в Москве в 1974 году (мрамор, 130×95×85 см), изображает спящего на подставленных ладонях младенца. Так было задумано потому, что в одном из стихотворений В. Полетаева есть строки:

*Не подходите, я умру легко.
Уткнусь кутенком Господу в ладони.
Молочница пронесит молоко
Холодное, в серебряном бидоне.
И девочка на голубом балконе
Считает звезды: три, четыре, пять...
Не подходите – разве вам
Признаться? –
Семнадцать, восемнадцать,
Девятнадцать...
Не подходите, дайте досчитать!*

После смерти В. Полетаева в тбилисском издательстве «Мерани» вышел сборник его стихов и переводов грузинских поэтов «Небо начинается с земли».

⁵⁶ Ван Клиберн (Van Cliburn, 1934–2013) – американский пианист, первый победитель московского Международного конкурса им. П.И. Чайковского (1958).

⁵⁷ Архитекторы Г.В. Крюков и Г.А. Елькин были соавторами, в частности, проектов аэровокзалов «Внуково» (1960), «Домодедово» (1965) и «Шереметьево-1» (1965).

⁵⁸ Диденко Рафаил Андреевич (р. 1927) – живописец. В 1956–1980 гг. преподаватель МХТУ «Памяти 1905 г.». С 1980 г. преподавал в Высшем институте искусств Кубы, с 1985 г. работал в Мозамбике. Заслуженный деятель искусств РФ.

Мне что-то Дима в худом виде меньше нравится, чем раньше, на внешность. У него был такой приятный мягкий живот, а теперь совсем живота нет.

Дима хочет меня переквалифицировать и сделать своим помощником. Я не против, но смогу ли? «Теперь, – говорит, – ты должна стойко выдерживать мой тяжелый характер».

Меня сегодня очень порадовал Мишенька. Мы, наконец, до конца уяснили причину его патологических запирааний у себя дома. Он все время таскает к себе от бабушки всякие ценные книги и хочет их заначить, чтобы мать себе их не перехватила вместе со Слепышевым. И, конечно, он боится, что, дав бабушке ключ, они начнут шуровать у него в комнате и всё у него заберут. Поэтому он приволок сегодня к нам «Историю русской живописи» Бенуа в четырех томах⁵⁹. Жуткая тяжесть, к тому же каждая книга стоит не меньше, а может быть, и больше ста рублей. Мы были с Абрамом Яковлевичем одни, и я Мишке сказала, что он ужасный жмот и раб вещей. Еще я сказала, что он притащил к нам Бенуа без спросу, а это самое настоящее воровство, так как книги представляют огромную ценность, и мы как бы являемся соучастниками преступления. Главное, что Мишка взял их тайком от бабушки, притащил к нам и хочет, чтобы мы, взрослые люди, хранили их у себя. Я Мишку довела совсем своими речами, и он, наконец, произнес очень нервно: «Хорошо, чтобы доказать вам, что вещи для меня не имеют никакого значения, как вы думаете, я сегодня же их отдам». Я сказала: «Не надо ничего демонстрировать. Ты же сказал, что взял их посмотреть, и пусть лежат в твоей комнате. Смотри себе на здоровье. А может быть, со временем они станут твоими навсегда». Мальчик согласился. Мы с Абрамом Яковлевичем расцеловали его от радости. Завтра детеныш наш едет до 10 числа в военный лагерь, а потом будет при школе на практике – красить будет или еще что-нибудь делать. Димушка сказал: «До чего же я Крыскина люблю».

Я с огромным удовольствием читаю Герцена «Былое и думы». До чего же в XIX веке много было удивительно благородных, чистых людей. Сейчас тоже есть, но, по-моему, меньше.

Боря Хазанов в мрачности. Прошло два месяца, как они попросились в Израиль, а им до сих пор ни ответа ни привета.

Анджелу Дэвис оправдали⁶⁰. Прекрасное американское правосудие. Все-таки замечательная страна, несмотря на все недостатки. А у нас всё тюрьма, только сейчас не со строгим, а с общим режимом.

7 июня 1972 г., среда.

Сейчас людей нежелательных высылают насильно. И не только евреев, а всяких, русских тоже. Оказывается, Иосифу Бродскому⁶¹ просто приказали выме-

⁵⁹ СПб., «Шиповник». 1912–1917.

⁶⁰ Дэвис (Davis) Анджела (р. 1944) – член Компартии США. В августе 1970 г. она оказалась замешанной в скандале, связанном с захватом заложников и перестрелкой, приведшей к гибели людей, во время судебного заседания над активистами организации «Черные пантеры» в Калифорнии. А. Дэвис была арестована, провела полтора года в заключении, но на суде обвинению не удалось доказать ее причастность к захвату заложников и убийству. После освобождения стала активно заниматься политической деятельностью именно как коммунистка. Дважды посещала СССР, в 1980 г. удостоилась приема Л.И. Брежневым.

таться вон, чтобы ему хуже не было. Надежда Яковлевна Мандельштам снова хочет в Израиль, так как сейчас прошла целая серия обысков, и у многих изъяли ее рукопись, вторую часть воспоминаний о Мандельштаме⁶². Дима уверен, что в будущем году, когда начнут обмен партбилетов, очень многих исключат из партии. Мы думаем, что Диму тоже, скорее всего, исключат. Он уже больше десяти лет не был ни на одном партсобрании. Я считаю, что Диме в этой партии совершенно ни к чему состоять. Но что последует за этим? Наши власти могут вполне начать избавляться от нежелательных элементов посредством выкидывания за границу. Мы, например, ехать не хотим, но вынудить и довести до этого можно кого угодно. Могут не давать работу, устраивать всякие провокации, выгнать из МОССХа, отобрать мастерскую и т. д. Прецедент есть – Борис Биргер. Его исключили МОССХа, но оставили кандидатом, а кандидат обладает всеми правами, что и член Союза художников. Поэтому он существует сносно. Правда, у него тетя в Бразилии, то ли в Италии, и она ему помогает. В таких обстоятельствах зарубежная тетя очень важна.

Вчера открылась Димины выставка в Касселе⁶³. Что там, чего там, ничего не знаем.

Узнали несколько неприятную новость. Вышли три оформленных Димой книги: «Книга странствий» Константиновского, вполне ничего, «Часы над переломом» Ряшенцева и «Дом» Темина, пока сигнальный вариант, без единой Диминой картинки, кроме обложки. Рисунки в книжечке более чем невинные, тем не менее их все сняли. Дима беседовал с Леней Теминым по телефону. Тот рассказал весьма любопытную историю, рассказанную ему, в свою очередь, художественным редактором отдела поэзии в «Сов. писателе» Володей Медведевым, который Диму не любит, потому что завидует ему и не хочет всегда, чтобы он рисовал, но вынужден уступать желаниям авторов. Он рассказал Темину, что будто бы в «Лит. газете» была дискуссия «Художник и книга». Такая дискуссия была, но мы ее не читали. Завершилась она каким-то совещанием по идеологии совместно с ЦК и издательством. В результате существует будто бы письмо идеологической комиссии⁶⁴, где Димины фамилия названа второй, как ярого не-реалиста. Кто же, интересно, первый? А еще будто бы разослан по издательствам список нехороших художников, где Дима уже первый. Всё это негласно.

⁶¹ Бродский Иосиф Александрович (1940–1996) – поэт, эссеист, переводчик. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1987 года. 10 мая 1972 г. Е.А. Бродского вызвали в ОБИР и предложили на выбор немедленный отъезд за границу или репрессии: «не хотите ехать на Запад, поедете на восток». 4 июня 1972 г. он вылетел из Ленинграда в Вену. С июля 1972 г. жил и работал в США.

⁶² Имеются в виду воспоминания Н.Я. Мандельштам «Вторая книга» (Париж. YMCA-Press. 1972).

⁶³ Выставка «Вадим Сидур. Москва. Рисунки. Графика. Малая пластика» была открыта в помещении банка *Kreissparkasse Kassel* с 19 июня по 28 июля 1972 г.

⁶⁴ Идеологическая комиссия при ЦК КПСС существовала в 1962–1966 гг. Ее основными задачами являлось рассмотрение вопросов пропаганды и агитации, науки и культуры, литературы и искусства, печати и радио, общего и специального образования. Свои предложения по этим вопросам комиссия вносила на рассмотрение Секретариата и Президиума ЦК КПСС. В описываемое Юлией время ее не было. Идеологическими вопросами занимался Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС, а также секретарь ЦК по идеологии М.А. Сулов.

Может быть, это и параша, придуманная Медведевым. Но меня смущают подробности – первый, второй. И теперь Медведев сказал Темину, что Сидуру работу давать не будут⁶⁵, и вообще, дела его плохи. Одновременно выходят еще две книги с рисунками более уязвимыми, чем в книге «Дом», где ни один рисунок не вызвал ни у одного редактора ни малейшего возражения. Вот такая история.

Сегодня в подвале виделись с симпатичным молодым человеком, индусом Матхават Палатом. Он занимается русской историей, и сейчас до ноября будет в Москве. Этот индус, который учился в Кембридже, хочет привести в мастерскую своего приятеля, московского корреспондента лондонской газеты *Observer*, тоже индуса. Пусть приводит.

Дима говорит, что несмотря на мрачные перспективы, он очень рад, что я уйду с работы, и мы хоть какое-то время проживем как люди. Мишенька пребывает в военном лагере. Ему там, наверное, плохо, потому что он совершенно к этому не приспособлен.

Вечером нас посетил Гдаль. Нашел Абрама Яковлевича в очень приличном состоянии. Достал для него очень ценное лекарство лазикс⁶⁶. Сказал, что Диме хватит худеть. Дима же упорно желает сбросить еще два кило, чтобы весить 65 кг и не набирать больше 67 кг. При его росте 1 м 70 см – 65 кг совсем неплохо. Во всяком случае, сейчас вид у него совсем не истощенный. Он поднимается по лестнице, не запыхиваясь и довольно быстро, чего давно с ним не было. Встает в 8 утра и делает зарядку. Хотя сердце у него побаливает к перемене погоды. А вообще, он очень помолодел, но на ощупь в толстом виде он мне был приятнее.

Я подумала, почему в Израиль хотят в основном ехать евреи или моего возраста, или постарше немного, или совсем молодые. Люди за сорок и выше не так стремятся и едут. Если только их вынуждают к этому. Совсем молодые, такие подростки, вроде Мишкиной одноклассницы Лили Шамраковой, гордятся тем, что они евреи, и гордятся Израилем, государством интересным, умным, богатым и сильным. У них есть национальное самосознание. Люди моего возраста, родившиеся перед самой войной или во время войны и чуть позже, этого самосознания не имеют. Мы с еврейством ничем не связаны, кроме названия, клейма в паспорте. У нас нет ни религии, ни языка, ни культуры, причастной к еврейству. Мы росли в сталинскую эпоху, в самый расцвет космополитизма, и все удары пали на наше незащитное детство. Взрослые как-то приспособились, умом доходили до того, что надо пережить и уцелеть. Дети же этого не могли. Мы верили, что у нас самое лучшее, самое свободное государство в мире, что все народы в нашей стране братья. Об этом говорили в школе, и тут же рядом с этими разговорами была беспощадная травля и мучительство во дворах, в школах, в пионерских лагерях, в детских садах. У детей нет взрослого скептицизма, иронической закалки, философского наплевательства. Что бы сейчас ни случилось, вплоть до физического уничтожения, я никогда не буду так страдать, как тогда, потому что знаю, что наше государство лживое и подлое. Никакого братства нет

⁶⁵ Начиная с этого времени В. Сидур ни разу не получал заказа на оформление книг.

⁶⁶ Препарат, поддерживающий в организме правильный баланс жидкости.

и равенства нет. Я помню свои бесконечные драки и помню, как сказала одному мальчишке, когда мне было лет одиннадцать: «Ты не имеешь права меня обзывать, я не в Америке живу!» Он несказанно удивился, хотя в школе, так же, как и я, слышал слова о нерушимой дружбе и равенстве всех народов Советского Союза. Вокруг жил народ забитый, темный, несчастный, и не любил евреев просто так, по инерции. Особенно же за то, что евреи, несмотря на все муки, все-таки куда-то пробиваются и чего-то добиваются. А им не удалось ни пробиться, ни добиться. Очевидно, по всему по этому мое поколение менее всего привязано к нашей стране и легче ее покидает. Я точно могу сказать, что сделано было всё возможное, чтобы евреи разлюбили свою настоящую родину и стремились куда-то в другую далекую землю, называемую их «исторической родиной». Дима провел детство до войны, и говорит, что антисемитизма не было вовсе. Владик Бахнов утверждает то же самое. Они над этим никогда не задумывались, их это искренне не интересовало. А то, что случилось позже, они уже встретили взрослыми людьми, более закаленными, чем мы – дети.

В прошлом году из моих выпускников трое сумели поменять свои еврейские отчества на русские. Елена Ароновна стала Елена Александровна, Леонид Изевич – Леонид Ильич, Игорь Моисеевич – Игорь Михайлович. Один парень вообще каким-то образом исхитрился записаться русским. Так что, всё продолжается. Дети вырастают и начинают соображать, как выпутываться из своего клеймения. Наш Мишка только один такой ненормальный, готов хоть сию минуту записаться евреем. И отчество хочет менять на Вадимович, чтобы избавиться от Слепышевского.

8 июня 1972 г., четверг.

Дима говорил по телефону с Володей Медведевым, и тот сказал, что постановление идеологической комиссии действительно существует, причем совсем свежее, от 27 мая. В основном не нравится книга Левитанского «Кинематограф». Сколько все-таки бездельников получают зарплату за то, например, что пытаются замечать красиво оформленные книжки и протестовать против них в постановлениях за спиной художников. Воистину страна нелепостей, но мы ее не покинем. Книга давно вышла, все о ней забыли, и только идеологическая комиссия зорко бдит. Это те же самые негодяи, которые во время войны зверствовали в военных училищах, превращая их в концлагеря, для того, чтобы видно было их усердие и не попасть на фронт. Дима говорит, что на фронте не было почти никакой возможности выжить, но в остальном было легче, чем в училище намного. А эти из комиссии оправдывают свое существование подобной безумной деятельностью, чтобы не лишиться своего места, закрытых распределителей и других благ. Делать-то они ничего не умеют.

Я читаю Герцена «Былое и думы» и обмираю от восхищения. Тогда было паршиво, но не о том же, как сейчас, мечтали Герцен и его друзья.

Мишенька придет послезавтра, мы уже соскучились. Завтра к нам в гости зайдут Окуджава и Марина Гореликова.

Я в школу сейчас почти не хожу, а после отпуска я туда и не вернусь. Меня доконало заявление нашей директрисы о том, что на последнем родительском

собрании надо выбрать «родительские тройки», а потом из «троек» будет избран президиум. При слове «тройка» мои последние сомнения исчезли. Не помрем мы с голоду.

10 июня 1972 г., суббота.

Приехал Мишенька. Судя по его виду, их там не особенно жестко гоняли. Конечно, очень усталый. Заснул в половине одиннадцатого без всяких разговоров. Дома у себя только показался, и сразу к нам. Не очень грязный, нас с Димой это даже удивило. Говорит, что все ребята там, за исключением некоторых, всё время матерились и рассказывали похабные анекдоты. В палатку, где спал Мишка и еще четыре мальчика, подселили непонятого человека лет 20, который все время вел какие-то странные разговоры о Солженицыне, о его пьесе «Пир победителей»⁶⁷, о радиостанции Израиля. Мишка считает, что это был стукач. Наверно, он прав. Мишка лишнего не болтал и все время переводил разговоры на другое.

Вчера мы с Мариной Гореликовой были в гостях у Булата Окуджавы⁶⁸. Он сейчас один, отправил куда-то Олю с Булей. Старшего сына, который образумился, женился, постриг волосы и собирался сдавать экзамены на аттестат зрелости в вечерней школе, забрали в армию. Его забрали перед самыми экзаменами, и Булат ничего не смог сделать, чтобы выхлопотать ему отсрочку. Булат рассказал нам, как 1 июня его исключили из партии. Его долго убеждали на парткоме «дать отпор антисоветчикам», то есть ответить через прессу издательствам «Посев», «Грани» и другим, которые его печатают. Всего было человек пятнадцать, председательствовал Сергей Сергеевич Смирнов. Булату говорили: «Ты наш», «ты должен понять, что если ты им не ответишь, то вынуждены будем принять меры», «опомнись» и т. д. Всё это продолжалось часа четыре. Потом Булату предоставили слово и он сказал: «Я ничего никому отвечать не буду». После этих слов они все взбесились. Потом постановили исключить. Правда, будто бы теперь кто-то что-то за него ходатайствует, но скорее всего, из этого ничего не выйдет. Во всяком случае, уже из издательств, где только можно, выкидывается его имя, приостановлена продажа 200-тысячного тиража «Глоток свободы» («Бедный Авросимов») и выкинута его песня из Любимовского спектакля по Евтушенко⁶⁹. Евтушенко чего-то петушится, гово-

⁶⁷ Пьеса, написанная А.И. Солженицыным еще в заключении, в 1951 г. Впервые опубликована в 1981 г. в восьмом томе собрания сочинений (Вермонт-Париж. УМСА-Press).

⁶⁸ «Из поступающих материалов видно, что Окуджава в последнее время активно общается с лицами, занимающимися антиобщественной деятельностью или допускающими политически вредные и идеологически невыдержанные поступки. В их числе Л. Копелев, В. Максимов, В. Войнович, Г. Владимов, Г. Поженян, скульпторы Э. Неизвестный и В. Сидур» (Справка, составленная начальником Пятого управления КГБ Ф.Д. Бобковым для председателя КГБ Ю.В. Андропова, и направленная последним 4 июля 1972 г. в ЦК КПСС // Цит. по: *Быков Д.Л.* Булат Окуджава. – М., 2009. С. 632). Под «поступающими материалами» автор справки подразумевает прослушку квартиры Б.Ш. Окуджавы и его телефона.

⁶⁹ Имеется в виду готовившийся к постановке в Театре на Таганке спектакль «Под кожей статуи Свободы» по одноименной поэме Е.А. Евтушенко. Премьера состоялась 18 октября 1972 г. В спектакль была включена «Песня американского солдата» Б.Ш. Окуджавы.

рит, что он позвонил какому-то вельможе, чтобы оставить песню⁷⁰. И когда тот холодно отказал, Женя с достоинством сказал: «Предупреждаю вас, что мы будем жаловаться в вышестоящие инстанции». Я думаю, что антиамериканская пьеса Евтушенко и без Булатовой песни будет тем же дерьмом, что и с песней. Булат сказал, что пока деньги у него есть, а там посмотрим. Кто-то даже сказал ему, что, возможно, его исключение не распространится на его печатание и другие блага, но мы знаем, что в нашей стране это невозможно.

Жена Солженицына первая пишет мемуары. Иосиф Бродский прибыл в Вену и там пока что обалдел от свободы. Дальше начнет тосковать.

11 июня 1972 г., воскресенье.

Дима сделал второй вариант памятника Володе Полетаеву. Невероятно симпатичный памятник получается.

С Мишкой мы воюем, чтобы он ел вовремя и не хватал всё без разбору как поросенок. У него еще одна беда – ужасно любит слоняться, без толку трепаться и проводить бездарно время. Днем читать совершенно не может.

Мы с Димой были в подвале, где встречались с нашим знакомым индусом Матхават Палатом и его другом, тоже индусом, корреспондентом газеты *Observer*. Оказывается, этот корреспондент живет в том же доме, где наш подвал. Я его машину не раз видела во дворе, когда ходила в овощной магазин. Его почему-то поместили в доме, где одни кагэбешники. Майка он не знает. Пишет в основном о политике. Палат хочет писать про Диму статью в Индии. Этот мальчик сегодня выпил много водки и хорошо закусил.

13 июня 1972 г., вторник.

Когда мы были у Булата в гостях, он сказал, что будто бы готовится указ в нашем правительстве насчет того, что каждый гражданин может покидать СССР, но с потерей права гражданства. Мне что-то не верится, что выйдет такой указ. Еще Булат рассказал про Володю Максимова. Его родная сестра Катя Самсонова, с которой мы учились в одной школе (только она помоложе и училась на класс ниже), вышла замуж за еврея-математика (сама она тоже математик, и Боря Хазанов говорит, что довольно способная) и уехала вместе с мужем и двумя детьми в Израиль⁷¹. С ними попросилась их старая русская тетка, не желавшая расставаться ни с ними, ни с детьми. И вот эта сокольническая старуха сначала накарябала Володе полуграмотное письмо, где пишет, что кругом очень чисто, очень жарко и все говорят по-русски. Но потом эта старуха очень сильно затосковала, но вроде бы сейчас снова получше. Володю сейчас оставили в покое.

⁷⁰ Е.А. Евтушенко написал письмо на имя первого секретаря МГК КПСС, члена Политбюро В.В. Гришина, а затем был принят им, во время этой встречи высокий функционер уведомил Е.А. Евтушенко о том, что вместо исключения Б.Ш. Окуджава ограничится выговором. Потом «Евтушенко посетил квартиру Окуджавы, выражал ему сочувствие и написал посвященные ему стихи» (из цитированной выше *Справки* Ф.Д. Бобкова для председателя КГБ Ю.В. Андропова).

⁷¹ Брейтбарт-Самсонова Екатерина Алексеевна (р. 1941) – литератор, в 1986–1996 гг. главный редактор журнала «Грани», в 1991–1994 гг. директор издательства «Посев», в настоящее время живет в США.

Мы вслух читаем роман Булата «Мерси, или похождения Шипова», чтобы и Абрам Яковлевич мог слушать. Это значительно слабее, чем «Бедный Авросимов».

Димушка почти закончил памятник Володе Полетаеву.

Вчера на адрес мастерской Луиза Ринзер прислала огромное количество своих произведений, и все на немецком языке. Так что прочесть это никак нельзя. На суперобложке одной книги что-то вроде письма, написанное ужасающим почерком. Я бы, может быть, со словарем могла бы уловить хотя бы общий смысл, но даже ни одного слова разобрать невозможно. Теперь надо с кем-то сговориться, кто знает немецкий язык, так как письмо это, кажется, очень важное.

16 июня 1972 г., пятница.

Школа без детей производит на меня ужасающее впечатление. Бесцельные женские разговоры и несколько полукастрированных мужчин, тоже обабившихся от непрерывной суеты и мелких интриг. Я ухожу с огромным удовольствием. Кончился педагогический этап в моей жизни, и бог с ним.

Дима с Мишкой поехали сегодня в Алабино до понедельника. С Мишкой иногда невыносимо тяжело, уж очень много в нем эгоизма. Очень испорчен в своем семействе, где, оказывается, бабушка покупает себе консервы и держит их в сундуке, мать тоже что-то отдельно прячет, и Мишка тоже хранит у себя какие-то банки. У нас такого и в помине нет, а в нем очень сильно развито чувство ухватить что-нибудь и заначить. И вообще, с мальчиком у нас еще будет много сложностей. Нас уже не умиляют его детские хитрости и шалости в сочетании с его длинным ростом и уже взрослостью. Он же удивительно склонен к избалованности, и при малейшей возможности начинает разлагаться.

У меня стало плохо с нервами. Я беспрерывно обижаюсь на Диму. Он же теперь очень худой и упорно борется за два кг, чтобы иметь вес 64 кг. Все пугаются, на него глядя, особенно те, кто знал его раньше.

Дима сделал еще один эскиз памятника Володе Полетаеву.

Вот, с кем легко и хорошо жить, это с Абрамом Яковлевичем. Он, конечно, редкий, удивительный человек.

17 июня 1972 г., суббота.

Забегал чистенький Эдик Лимонов. Приехал Щапов из Польши, и его любовь на время его покинула. В связи большим свободным временем он уменьшил все Димины четыре пары брюк, но забыл сделать подлиннее петли на одних штанах, и я их сама сделала. Может, и мне научиться шить брюки? У Эдика выкинули стихи из «Дня поэзии». В «Юности» тоже у него безнадежно. Дела у него фиговые, но выглядит он очень хорошо. Рассказал, пока я его кормила, что Стесин получил вызов и должен подавать уже документы. Эдик же теперь все время возле него крутится и находится в полном смятении, не уехать ли ему тоже куда-нибудь. Он, хоть и не еврей и не имеет такого имени, как Иосиф Бродский, но при большом желании сейчас можно из нашей страны смыться. В общем, Эдик что-то колеблется и соображает.

Сегодня ночью была жуткая гроза и невероятной величины град, льдины с полмизинца штука. За всю свою жизнь я такого града по размерам не видела. Вся жара кончилась. Что там делают в Алабино Дима с Мишей. Уезжали в жуткую жару, а сейчас там, наверно, даже холодновато. Если не убегут раньше, то должны вернуться в понедельник.

Я ошиблась, Димины выставка в Касселе должна открыться завтра, а не 6 июня, как мне показалось, я перепутала шестой месяц с шестым числом.

18 июня 1972 г., воскресенье.

Дима с Мишкой приехали сегодня, хотя обещались завтра. Там жуткая сырость. Они открыли дом, посушили и повыбивали постельное белье, поддели все продукты и вернулись обратно. А здесь нас посетила моя мама. Абрам Яковлевич чувствовал сегодня огромную слабость и выглядел очень плохо. Сердце болело и ноги. <...>

19 июня 1972 г., понедельник.

Опять наступление реакции. Владик Бахнов ездил в «Советский писатель» договариваться насчет своей книжки, художником он хотел Диму. Главный художник Морозов говорил с ним удивительно по-хамски, как наглый холуй, хозяин которого рассердился. Он говорил, что Сидуру ничего больше не дадут рисовать, потому что он огрубляет и оглушает советских людей. Владик пошел к директору, но его догнал Володя Медведев, и «друг Димы» посоветовал никуда не ходить, так как это ничего не даст. Владик не пошел. А зря – любопытно было бы, что ответил директор.

Вообще, как-то очень паршиво. Возможно, что они нарочно хотят выживать из страны даже тех, кто уезжать не хочет, но кто им неугоден.

Вечером Боря привел к нам в мастерскую двух молодых американцев-супругов. Парень – стажер в Ленинградском университете. Ничего ребята.

Мишка ходил на практику в школу. Их там обещали отпустить, но не отпустили, и завтра они должны красить забор.

20 июня 1972 г., вторник.

Вчера девушка-американка сказала очень интересное слово: «Никсон не любит негров». Это по поводу каких-то автобусов в США, которые должны были перевозить негритянских детей в школы, где было очень много белых. Теперь эти автобусы будто бы упразднили. Здесь девушка вращается, очевидно, в еврейских кругах и поэтому из гонений на евреев и на негров она сочинила собственный неологизм – «нигрей». Я решила нашего Мишку называть нигрей. <...>

В гостях у нас были Владик с Нелей. Ужасались на Димино похудание. Я уже привыкла и мне теперь Димка очень нравится своей стройностью. Неля сказала, что Дима должен обратно «поправиться», чтобы стать «мужественнее». Чудаки они. Дима делает зарядку, чувствует себя значительно лучше, хотя у него и сейчас, как и раньше, сердце побаливает. У Владика же живот совсем как барабан. Правда, солидности у Димы поубавилось. Неля мне в кухне сказала: «Если бы ты знала, как я хочу уехать! Владька тоже хочет, но он боится».

Потом еще позже к нам заехали Леонид Маркович Лурье с женой. Рассказали, будто бы Шелест сказал: «Мы не хотим готовить кадры для Израиля».

Когда мы были в гостях у Булата, Марина Гореликова рассказала любопытную историю, произошедшую у них в университете. Преподаватели на русской кафедре проводят каждое лето семинары для иностранцев, изучающих русский язык. Они должны подбирать тексты поэзии и прозы из советской литературы, которые утверждаются главной гнидой черносотенной, неким Метченко. Из поэтических текстов еще до утверждения выкинули Окуджаву и Наума Коржавина⁷². Остальные поэты прошли, но Метченко⁷³ еще решил пригласить для лучшей проверки Овчаренко⁷⁴. Существует такой омерзительный деятель и печатается в современном косолаповском «Новом мире». Увидев список, Овчаренко озверел невыразимо, назвал весь подбор авторов тенденциозным и сионистским. Там из пятнадцати авторов было три еврея. После этого взрыва негодования Овчаренко пожелал специально встретиться с преподавателями для иностранцев, где беседовал с ними уже более миролюбиво: «Товарищи, посмотрите, у вас здесь Давид Самойлов. Но разве можно его назвать русским советским поэтом? А вот Слуцкий. Он же русского языка не знает! Я, правда, сам не русский (это он намекает на то, что он украинец). Но Слуцкий совершенно неграмотный человек. Или вот Маршак⁷⁵. Да, Маршак хороший поэт, действительно, но ведь он уже умер. Конечно, я понимаю, товарищи, вы в связи с приездом Никсона хотите показать, что у нас нет антисемитизма. Но нам не нужно ничего доказывать, мы достаточно сильны и так. В прозе вы хотите брать Гранина, но ведь он очень колеблющийся человек, очень неустойчивый. Завтра он что-нибудь такое выкинет, и что тогда?» На этом речь была закончена, и в итоге семинара попросту не будет. Почему-то фамилия Зоценко, несмотря на все его давние грехи, была не тронута, и все на кафедре решили, что это только потому что его фамилия оканчивается на «о» или, как сказал сегодня Владик, на «ко». В общем, реакционные украинцы заполнили власть в России, а одновременно на Украине невероятный национализм.

21 июня 1972 г., среда.

Опять стало жарко. Приехал наш нигрейчик, мастерил цветники на лоджии и решил остаться ночевать. Бабушка его вдруг спросила, почему мы с Димой не приглашаем ее в гости. Мы об этом все время думаем, но никак не получается. Решили обязательно ее пригласить на той неделе.

⁷² Коржавин (Мандель) Наум Моисеевич (р. 1925) – поэт, прозаик, переводчик и драматург. Существовал цензурный запрет на издание его произведений в СССР, но они широко распространялись в самиздате. С 1974 г. живет в США.

⁷³ Метченко Алексей Иванович (1907–1985) – литературовед, профессор. С 1952 г. зав. кафедрой истории советской литературы филологического факультета МГУ. Член совета по критике и литературоведению СП СССР, член редакционных коллегий ряда изданий. Лауреат Государственной премии СССР (1973).

⁷⁴ Овчаренко Александр Иванович (1922–1988) – литературовед и литературный критик. Заведующий сектором по изучению творчества М. Горького в ИМЛИ. Лауреат Государственной премии РСФСР (1983).

⁷⁵ Маршак Самуил Яковлевич (1887–1964) – поэт, переводчик, драматург, литературный критик. Лауреат Ленинской (1963) и четырех Сталинских премий (1942, 1946, 1949 и 1951).

Мы с Димушкой были в гостях у Вити Гинзбурга. Нинка похудела, выглядит немного утомленно, потому что у нее какая-то аллергия горловых связок, она даже слегка хрипит. Дима сказал Вите, что для того, чтобы памятник Игорю Евгеньевичу Тамму можно было начать делать, нужны живые деньги, а не то, что дает ФИАН с разрешения Совета Министров. Чтобы эти деньги, 5 тысяч, получить, нужно показывать эскизы в Министерстве культуры, в их совете, где председатель Кербель. Реально из этих пяти тысяч будет только три из-за всяких накладных расходов. Если же Дима уже сейчас начнет делать эскиз, показывая его родным и физикам, а те одобряют, он сможет его осуществить в натуре, а потом уже все вместе поставят Министерство культуры перед свершившимся фактом и, возможно, тогда не раньше, чем через год-полтора можно будет получить от них деньги тоже. Витя тут же согласился. Он сказал, что соберет с нескольких академиков, включая себя, 1500 рублей, а остальные 1500 р. добавит сын Игоря Евгеньевича Женя Тамм. Это будет уже совсем другое дело. Во-первых, нам будет спокойнее жить, и Дима начнет этим заниматься самым серьезным образом и договорится с <каменотесом> Виталием о вырубке, потому что это единственный приличный парень не горький пьяница, с которым и можно иметь дело.

22 июня 1972 г., черверг.

Вчера Витя сказал, что будто бы Петьку Якира арестовали, и еще говорили о каких-то листовках, где народ призывается к забастовкам и вообще противодействовать властям.

Очевидно, в ответ на указ по борьбе с пьянством, на улицах пьяных особенно много⁷⁶.

Наш нигрей Миша помылся, и пока всё с ним хорошо. Завтра, если погода будет хорошая, они с Димой съедят в Алабино на пару деньков.

Звонила Инна. Сказала, что Аня выходит замуж. Она продала дачу, но теперь жалеет, потому что некуда деться в жару. Насчет отъезда в Израиль что-то непонятно. Поговорим, когда увидимся.

Ночью опять была гроза. С огромным удовольствием читала Абраму Яковлевичу вслух «Король Матиуш Первый» Януша Корчака⁷⁷. Я уже читала эту книгу и снова не могу оторваться. Мишка же читает ее запоем.

⁷⁶ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 июня 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма». В преамбуле говорилось: «В современных условиях, когда советский народ успешно осуществляет задачи коммунистического строительства, все более нетерпимым становится пьянство. Пьянство причиняет вред здоровью трудящихся, нередко ведет к разрушению семьи, пагубно отражается на воспитании детей. Под воздействием алкоголя люди утрачивают чувство ответственности перед обществом и государством, совершают хулиганство и другие преступления». Указ, в частности, предусматривал денежный штраф в размере от 3 до 10 руб. за распитие алкогольных напитков в общественных местах, ужесточение борьбы с самогонщиками и т. п.

⁷⁷ Корчак (Korczak) Януш (наст. фамилия Гольдшмит, 1878–1942) – польский педагог, врач, писатель, общественный деятель. С 1940 г. со своими воспитанниками из Дома сирот находился в Варшавском гетто. Вместе с ними отправился в концлагерь Трешлинка, где погиб. Автор, в частности, многих художественных произведений, среди которых повесть «Король Матиуш Первый» (1923).

23 июня 1972 г., пятница.

Сегодня, можно сказать, была в школе последний раз. Получила деньги за отпуск и подала заявление об уходе. Узнала новость от Иды – Зальцман собирается вступить в партию. Меня эта новость не поразила. <...> Единственно, я знаю, что ему, если даже он в партию вступит, это членство ничего не даст. <...>

24 июня 1972 г., суббота.

Живем вдвоем с Абрамом Яковлевичем. Димушка с Мишкой звонили днем из Алабина, говорят, что там хорошо. В Москве жара, но мне она нравится, я не люблю холод. Я в основном отсыпаюсь.

В «Правде» сегодня статья об обмене партбилетов в 1973–1974 году⁷⁸. Говорится, что это будет не чистка, но в то же время проверка. Особенный интерес будет проявляться к пассивным членам партии. Дима, очевидно, «пассивный», раз с 1961 года не был ни на одном партсобрании. Хотя регулярно платит членские взносы. Кроме того, Диме особенно многие могут припомнить публикации его произведений за границей, выставки и главное – портрет Солженицына. В общем, скорее всего, вылететь ему из родной партии, как Булату Окуджаве. Но главное – что последует за этим. Исключат ли его из Союза художников и будут ли давать работу? И не предложат ли выметаться из страны, как Иосифу Бродскому, Есенину-Вольпину и другим? А если будут выгонять, позволят ли взять скульптуру и рисунки? А как же наше дитя Мишенька? Таковы наши ближайшие перспективы.

Приезжал Юра Мафтул из Праги, привез лекарство для Абрама Яковлевича, которое мы уже имеем, привет от Вашека Данека и Лиды Душковой и журнал *Světová literatura* с переводом четырех рассказов Владика Бахнова. Юрина жена Марцелла Нейманова перевела. Юра предложил прислать нам с Димой приглашение в Прагу. Нас, конечно, не пустят, но пусть пришлет.

Видела на прилавке книгу с завлекательным названием «Лето в Стукачах».

25 июня 1972 г., воскресенье.

Приехали Дима с Мишкой. Мишка с длинными голыми ногами в моих рыженьких вельветовых шортиках. Выглядят оба неплохо. Радио в Алабино слышно не больно-то. Сахаров что-то опять написал Брежневу о наших безобразиях⁷⁹. Абрам Яковлевич чувствовал себя сегодня очень слабым, особенно с утра. Из Алабина по Мишкиной инициативе привезли в банках набранных в болоте всяких страшных жуков, пауков и личинок, которые мечутся как бешеные

⁷⁸ Шестой по счету обмен партбилетов проводился в течение 1973–1974 годов в соответствии с решением XXIV съезда КПСС и по постановлению майского (1972 г.) Пленума ЦК. Начался в марте 1973 г.

⁷⁹ Имеется в виду «Послесловие к Памятной записке на имя генерального секретаря ЦК КПСС 5 марта 1971 года». «Она осталась без ответа, – писал А.Д. Сахаров. – Я не считаю себя вправе далее откладывать ее опубликование. Послесловие написано в июне 1972 года. Оно содержит некоторые дополнения и частично заменяет упомянутое в тексте Записки приложение “О преследованиях по политическим мотивам”».

и друг друга уничтожают. Отвратительные кровожадные чудища, маленькие мерзкие крокодилычки.

26 июня 1972 г., понедельник.

Кошмар какой-то! Димка в больнице. Мыл круглый дурацкий аквариум в ванне и изрезал себе всю правую руку. Снова очутился в 59-й больнице на площади Борьбы, рядом с моей школой. Нелепость, глупость – и такое несчастье! Перерезал себе сухожилие возле запястья. Врачи сказали, что рука спасена, но два пальца – мизинец и следующий за ним – пока не действуют. Остальные три двигаются. Минимум на полтора месяца гипс с тыльной стороны до локтя. Операцию делали три часа. Лежит в коридоре в травматологическом отделении рядом с другими несчастными увечными. Человек семь больных, чуть ли не друг на друге, мужчин и женщин, духота, вонища – это не институт Бураковского. Хотел напустить в аквариум жуков, чтобы отец на них глядел. Жуть какая-то. Держится очень бодро, не дрейфит, только беспокоится за отца и казнится, что сам себе такую беду наделал. Мы были у него с Мишенькой.

Произошло всё на наших глазах. Были отец, моя мама и я. Невероятное количество крови. Мы сами что-то перетягивали и кое-как ее остановили, пока приехала скорая. Надо сказать, очень быстро приехала. А уже в больнице пришлось ждать. Дима сидел, наверное, полчаса, весь окровавленный. Господи, господи, господи, помоги ему!

27 июня 1972 г., вторник.

Сегодня снова живем. Димушку перевели в палату, где четыре человека, и гораздо спокойнее. Есть даже холодильник. Пока, судя по разговорам врачей, шансы у него неплохие – возможно, что вся кисть будет действовать. Последние два пальца тоже реагируют на уколы. Дней через пятнадцать, как они говорят, снимут швы, а потом надо будет уже лечиться амбулаторным порядком. Сегодня Димушка звонил отцу и ужасно его этим обрадовал и успокоил. Мы были у него с Мишкой, потом Мишка уехал, потому что начали рычать, что мы вдвоем, а я как раз, кстати, была при переходе их коридора в палату. Девушки-сестры там совсем непротивные. Я с утра позвонила зав. отделением и попросила его пускать меня, так как Дима инвалид Отечественной войны, и левая рука у него тоже повреждена, без большого пальца, тоже зашитого, очень трудно даже пожать самому. Он спросил: «Чего он инвалид?» Я сказала: «Челюстной». – «Пропустим». Пока разрешили ходить до конца недели, а там видно будет.

Мама моя эти два дня очень помогала. Была здесь, кое-что постирала, была вместе с Абрамом Яковлевичем. Мишенька тоже очень старается. Завтра у Димы день рождения, я утром вместе с Абрамом Яковлевичем буду ждать сестру из лаборатории, чтобы сделала анализы на протромбит и на сахар. Мишка поедет к Диме утром, а я вечером.

Тоже несчастье с Эдиком. У него на ноге то ли перелом небольшой, то ли еще что-то. Ему наложили гипс недели на три, и теперь он ковыляет с палочкой. Причем он не хотел ехать в больницу, насилу его Валька туда приволокла.

Мишкина бабушка, узнав впервые от моей мамы по телефону всю историю, передала Диме привет и пособолезновала.

Получили очень приятную маленькую открыточку из Касселя с поздравлением с днем рождения, подписались многие наши друзья из разных стран, которые там собрались: Анника и Ларс, ее муж, шведы, Эрика, очевидно, жена Майка, Мария, Андреас, Готфрид и Карл, немцы, Майк, наш милый, дорогой наш Майк, и еще кто-то, я никак не разберу, кто. Да, еще забыла Луизу Ринзер. Это надо же, все эти люди собрались вместе, так как подписи подлинны, 18 июня, скорее всего, на Диминой выставке. Знали бы они, как ужасно и жутко он порезался.

Отец всё говорит, что чувствует себя хорошо, но выглядит неважно. И мне некогда смотреть за его глазами сейчас. Он сам себе пускает капли, а когда я пускаю, лучше получается.

28 июня 1972 г., среда.

Справил Димушка свой день рождения в больнице. Рука болела совсем немного, спал он ничего, ел тоже с аппетитом. Больничная еда очень плохая, мы всё Диме носим с Мишкой. Пока нас пускают каждый день, но только до конца недели, а там надо будет опять добиваться. Димушка сегодня нарисовал папе рисуночек и накарябал несколько слов. Мишенька тоже очень трогательно за ним ухаживает. <...>

Я все-таки надеюсь, что когда Дима поправится, мы попробуем уговорить мою маму, чтобы она побыла хоть недельку с отцом, а мы поедем в Алабино, а я им постараюсь обеспечить еду, а они бы отдыхали. Да и я бы отдохнула.

Димушка очень обрадовался открыточке из Касселя.

29 июня 1972 г., четверг.

Прогнозы, в общем, оптимистические. Рана сухая, заживает неплохо, все пальцы двигаются. Самочувствие у Димы значительно лучше, он уже поправился до 65 кг. А то я уже начала бояться, чтобы он не стал катастрофически худеть от слабости и большой потери крови. На второй день в больнице вместе с гипсом у него было 63 кг. Палата тихая, два ходячих, а один молодой очень симпатичный парень – лежачий, со сломанной ногой (в футбол играл). Настроение у Димы очень неплохое. Опять нарисовал отцу картиночку левой рукой и что-то написал. Крысина мама звонила, даже интересовалась, как дела. Мишенька был в больнице с утра, а я вечером. Какой-то венгр, который заходил вместе с Левитанским в мастерскую, прислал для Абрама Яковлевича букарбан. Венгра зовут Ласло Дюрко⁸⁰. Я сегодня съездила за этим лекарством в МИД. Это, очевидно, через Марининого родственника переслали, который работает в Венгрии в нашем посольстве. Левитанский, гад, совсем струсил, и больше нам не звонит.

30 июня 1972 г., пятница.

Гдаль дозвонился в 59 больницу и договорился, что меня будут пускать до тех пор, пока Дима будет там находиться. Это очень хорошо. <...> Гдалю, ко-

⁸⁰ Дюрко (Durkó) Ласло (1930–2007) – прозаик, драматург, киносценарист.

гда он звонил, сказали, что перерезаны два сухожилия, но нерв не задет всего лишь в миллиметре, поэтому есть почти полная гарантия восстановления, если не будет никаких осложнений. Димухин сосед (его машина сбила, но не сильно покалечила) ужасный болтун, все время рассказывает всякие байки из судебного-уголовной практики, хотя и не говорит, где работает. Еще один парень инженер и футболист, жутко инфантильный и прилипчивый, но милый и даже приятный. Техническая интеллигенция. Ему 33 года, но выглядит значительно моложе. Каждый день к нему жена ходит. Сегодня приходили посетители к Диме – Ляня, Владик, Гдаль, Толя и, наконец, последний на несколько минут прибежал Алик Киселев. Димка немножко устал, а еще до этого у него чуть-чуть повысилась температура до 37,1°. Температура маленькая, но он ее ощущает довольно сильно. Мишенька был целый день с Абрамом Яковлевичем. Катался на велосипеде, кажется, совсем его доломал. Он всё делает, что я его прошу – ходит в магазин, пол помыл в кухне, но целый день ничего не жрал из-за лени взять себе подогреть, всё ждал, пока я приду и его покормлю. Готов, скорее, с голоду помереть, чем что-то вытаскивать, разогревать и т. д. Не удержался только перед борщом, настолько любит, что соизволил поесть. Ох, ленив!

Но уже второй день вижу очень приятную картину: прихожу вечером из больницы – Абрам Яковлевич с Мишей на балконе, и мальчик вслух читает ему рассказы Леонида Андреева.

1 июля 1972 г., суббота.

Димушка вполне ничего, но быть ему еще в больнице минимум две недели. Рана заживает неплохо, всё ничего, но только уже второй день в обеденное время появляется температура 37,2°. Очевидно, это из-за шва. Настроение и самочувствие у него неплохое. Нам с Мишкой приходится с трудом проходить в больницу, все время, сволочи, чинят какие-то препятствия. Подселили к ним четвертого, горького пьяницу со сломанной ногой. Одинокий, а дома у него осталось 60 пол-литров водки, которой он запасся из-за слухов, что водка после указа будет иметь крепость только 30°. Старик, очень уродливый, 62 года, видно, что алкоголик, и сейчас без водки мучается. Все время кряхтит, храпит и харкает в утку. Жалко этого пропойцу, а он беспокоится больше всего о своих покинутых пол-литрах.

Сегодня Мишка заходил к себе домой, а там бабушка сидела с гостьей, какой-то старушкой. Бабушка начала говорить старушке на Мишку «гадости», по Мишкиным словам, то есть, что Мишка дома не бывает, ничего не помогает, и даже не ночует. Старушка сочувственно кивала, а Мишка сказал: «Да, да, действительно, ничего не делаю, только в больницу каждый день хожу, в магазин, в аптеку, и по дому кое-что делаю». Бабушка ужасно растерялась, а старушка удивленно спросила: «В какую больницу?» – «Да так, – ответила бабушка, – скульптор один порезался». Мишенька очень этому смеялся.

Мы все время предлагаем Мишке пожить со своей бабушкой в Алабино, но Мишка ни в какую не хочет. Понять его можно, но и бабушку можно понять. Она не может стать Мишкиным абсолютным союзником, а он не может по-другому.

Письмо № 8-9

Дорогой Батя! Вчера письма не было по техническим причинам. (Отсутствие тетради).

Материала для писем мало, т.к. новейшие средства передачи информации (телефон) успешно конкурируют с почтой.
Целую маму.

Письмо Вадима Сидура из больницы, написанное левой рукой (1972)

Димуся прекрасно рисует в альбоме левой рукой и каждый день пишет папе письма с картинками.

Инженер, радостный, пошел на костылях в первый раз со своей женой. Хороший парень, но уж такой невинный.

2 июля 1972 г., понедельник.

Сегодня я, пользуясь ротозейством в проходной больницы, украла пропуск, а потом после обычного препирательства со старикашкой получила еще один. Теперь у меня заначено два пропуска на экстренные случаи. Димушка вполне прилично. Принимал посетителей – Наташку Нольде, Борю Хазанова, Юрочку Генниса со своим товарищем Володей Лебедевым⁸¹, и под конец еще Ленка Гамазина пришла, но я забыла ее встретить во дворике, и мы увиделись только под самое закрытие.

Дедуля-пьяница ко всему еще и высказывает критическое отношение к нашему строю. Сегодня он заявил: «Эта банда большевиков не верит ни в природу, ни в бога». Про Фишера, который что-то опять с ума сходит и не хочет играть со Спасским, потому что боится, сказал по поводу заметки в «Правде»: «Это наши нарочно придумывают, наводят карикатуру и критику». Про таблетки говорит: «Я их не ем, от них один вред». Про указ против пьяниц высказался: «Это правительство хочет штрафами из пьяниц деньги качать. У них денег не хватает».

Я разговорилась с Норой Нисневич, что заеду в их институт и от ее имени попрошу халат. Если у меня будет халат, я буду плевать на брехню у проходной и буду проходить в садик, а потом надевать халат и идти на верх⁸². Димушка, наверное, пробудет в больнице еще не меньше недели, пока не снимут шов.

У Бори Хазанова уже три месяца нет ответа на его просьбу об отъезде в Израиль.

3 июля 1972 г., понедельник.

Потихоньку эта проклятая больница начинает осточертевать. Правда, Димушка все время находится в садике. Дедулю мы прозвали Чойбалсан⁸³ – он на него похож. Человек он противный и злобный. Пытался рассказать какую-то историю, как его пытались то ли отравить, то ли залечить, выдирая зубы, и врачом была еврейка. Это о временах врачей-отравителей. Но все его дружно заткнули. Дима сказал: «Вот, вот, дед, тебя изо всех сил хотели отравить и Сталина, а больше никого». У деда, очевидно, оттого, что он не пьет, сделалась крапивница. А он считает, что это происходит оттого, что он прикасается к какой-то доске возле кровати.

⁸¹ Лебедев Владимир Сергеевич (р. 1954) – физик, в описываемое время студент МФТИ, позже доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой МФТИ, зав. сектором ФИАН.

⁸² В те годы посетители в больнице должны были получать в гардеробе и надевать белый халат, без которого пройти было нельзя, но халатов было определенное количество, их быстро разбирали, и приходилось долго ждать перед гардеробом, пока кто-то вернет халат после посещения.

⁸³ Чойбалсан Хорлогийн (1895–1952) – глава правительства Монголии в 1939–1952 гг., диктатор.

Я сегодня добыла Норин халат, а Мишке принес халат Володя Лебедев, Юрочки Генниса друг. Теперь нам с Мишкой гораздо спокойнее прорываться в больницу. Сегодня была генеральная мойка. Дома купался Абрам Яковлевич с моей помощью и очень беспокоился, чтобы я его не видела. Всё прошло удачно, слава богу. В больнице я Димушке тоже помогала в палате под краном вымыться до пояса. Я тоже улучила минутку, чтобы принять душ, и только. Мишка бегаёт грязный, с черной шеей и с волосами, как пакля. Завтра я его силой запихну в ванну, потому что сейчас он грязный до неприличия.

Звонила Юнна. Она обычно почти всегда звонит, когда ей что-нибудь нужно. Выразила желание поехать к Диме в больницу. С сыном у нее всё в порядке. С Игорем она еще не развелась, но дело идет к этому. Юнна говорит, что на алименты она подавать не будет, а если Игорь сам будет платить, то пусть платит. Сейчас Юнна хочет найти двухкомнатную квартиру на окраине Москвы в зеленой полосе, снять ее до сентября включительно, но не отъезжая далеко, чтобы иметь связь с издательствами, а главное – не оставаться без удобств – горячей воды, газа, туалета и т. д. Юнна даже осведомилась насчет Алабина, но, узнав, что там колодец и туалет на улице, а также 50 км от Москвы, быстро от этой мысли отказалась.

Каждый день перед сном Мишка устраивает представление. Он начинает беситься, играть, канючить, ныть и долго не может уgomониться. Утром я его поднимаю с огромным трудом, но, уже встав, он всё делает прекрасно. Хороший, умный детеныш.

4 июля 1972 г., вторник.

Димушка чувствует себя похуже. У него постоянно держится небольшая температура 37,2°. Он ее ощущает очень остро. Был у него хирург, очень симпатичный человек. Сказал, что всё у Димы в порядке, но ни в коем случае нельзя торопиться с распрямлением руки, чтобы не дай бог не порвать шов, потому что потом уже не сошьешь. Диму выпишут не раньше понедельника, швы будут снимать примерно в пятницу.

Когда Димушка вернется, он должен будет длительное время, примерно месяц, ходить в гипсе с согнутой рукой, в том же положении, что сейчас. Через месяц, если всё благополучно срастется, руку должны будут выпрямить и положить гипс со стороны ладони. После того, как он походит какое-то время с выпрямленной рукой, он начнет ее разрабатывать при помощи физиотерапии. Всё про всё займет месяца три. Дима считает, что лепить эскизы и даже рабочую модель он сможет и левой рукой. К тому же до дела пока дойдет, времени пройдет не меньше трех месяцев. Лишь бы за эти три месяца он поправился, и я буду благодарить бога за эту великую милость.

Отец старается держаться молодцом. Мишка – умница, сегодня, пока я была в больнице, вычистил маленький аквариум, залил его свежей водой, и теперь смотреть на рыбок очень приятно. Неожиданно появилась моя мама, которая воспользовалась тем, что мои двоюродные братья-музыканты уезжали на гастроли с Киевского вокзала, приехала с ними к нам на такси. Почему меня так сильно раздражает моя мама?

Письмо Вадима Сидура из больницы, написанное левой рукой (1972)

5 июля 1972 г., среда.

Фишер, шахматист, конечно, совершенный шизофреник⁸⁴.

Сегодня к Диме ходил Мишенька. Абрам Яковлевич чувствовал себя хуже, чем в предыдущие дни, слабее, гулять не ходил. У Димушки сегодня не было, слава богу, температуры, и вообще, с рукой всё проходит нормально. Мы с ним беседовали по телефону. У них новый больной, пока еще неясно, какой. Дедок долго ругал Сталина (об этом мне сообщил Мишка). В общем, у этого деда в голове, как говорил покойный товарищ Жданов, «сумбур вместо музыки». У Димы были в гостях Юрочка Геннис с Володей Лебедевым и Ленка Гамазина. Мишка был недоволен. Наш мальчик ревнив.

Я была у Гинзбургов. Они дали мне тысячу рублей в счет памятника И.Е. Тамму. Пятьсот рублей им кто-то пока не додал, а 1500 рублей еще мы сами должны взять у Жени Тамма.

⁸⁴ Как раз в эти дни разразился громкий скандал, связанный с открытием финального матча на первенство мира по шахматам, когда Роберт Фишер не явился ни на официальное открытие, ни на первую, ни на повторную жеребьевку, затем выдвинул ряд неадекватных требований и т. п. В итоге матч начался 11 июля, хотя запланировано начало было на первое число.

Я вместе со всем человечеством очень интересуюсь, когда этот умалишенный еврейский гений начнет играть в шахматы. Если он не болен, то величайший говнюк на свете.

7 июля 1972 г., пятница.

Дикая жара – 36°. Сегодня Мишенька ходил в больницу, а я его снарядила. Я же была как труп. Но все равно мне не хотелось бы холода. Димушке уже там надоело. Были у него Эдик с Борей и Юра Геннис с Володей Лебедевым. Мы с папой варили борщ.

Фишер извинился, и теперь матч состоится во вторник. Фишера бог наказал, он теперь будет играть черными.

Ужасно хочу, чтобы Дима вышел уже из этой чертовой больницы. Вчера мы видели, как покойника, покрытого белой простыней, вкатили в лифт на носилках и повезли в подвал.

8 июля 1972 г., суббота.

Как я хочу, чтобы Димушка уже вернулся домой. Опять была потрясающая жара. Бодрый дедок произносит речи и всё хаёт советскую власть. Например, недоволен, что за границу не пускают, что все газеты врут. В то же время только сегодня узнал, что нашего фюрера Брежнева зовут Леонид Ильич. <...>

Мишка купил громадный неэстетичный аквариум прямоугольной формы. Стоит десятку. И вообще, какой нам такой громадный? Но он уже больше недели стонал, что хочет приобрести второй аквариум и, наконец, мы согласились. Конечно, мы не ожидали, что он будет такой большой. Оказалось, что у Абрама Яковлевича нет пилокарпина, и Мишка носился по всей Москве в его поисках, пока все-таки нашел и приобрел. Спит Крыса уже несколько дней на лоджии и замечательно там устроился. <...>

11 июля 1972 г., вторник.

Благополучно привезли Димусеньку домой. Он доволен, что вернулся. Мы с Мишенькой приехали вовремя и всё очень удачно сделали. Неожиданно пришли ребята с цветами – Ленка, Юрочка и Володя Лебедев. Ели мороженое. <...>

Вдруг позвонил француз от Марианны из Парижа. Увиделись мы с ним только после того, как он побывал в Кремлевском театре и во Дворце съездов. Мы с Мишкой думали, что это молодой парень, а оказался седовласый джентльмен лет пятидесяти, который часто бывает в Москве по делам, мсье Ирш. Мы встретились в холле гостиницы «Интурист», которую недавно покинула моя мама. Обстановка отвратительная – иностранцы и стукачи. Мишку не хотели пускать, но в итоге он что-то буркнул невразумительное и прошел вместе со мной. Я узнала, что Марианна успешно сдала на бакалавра и теперь будет отдыхать, а потом заниматься философией и педагогикой. Замечательный интеллектуальный ребенок. Не в пример нашему инфантильному, родному нашему сыночку Мишеньке. Марианна прислала мне пять умных книг, из которых одна, самая лучшая, о французской литературе с 1945 года до наших дней у меня уже есть. Я очень люблю эту девочку и хотела бы с ней повидаться.

Письмо Вадима Сидура из больницы, написанное левой рукой (1972)

Димусенька дома, и ему еще больше двух месяцев придется возиться с рукой, пока она у него будет действовать, как и раньше.

12 июля 1972 г., среда.

Безумная жара. Димка доходит совершенно. Мишка поехал развлекаться со своим товарищем Игорем, с которым он завтра едет в Волоколамск до вечера. Мы устроили Димушку на лоджии на Мишкином месте, только несколько всё усовершенствовали. Хорошо, что Мишенька уехал, ему необходимо немного отдохнуть, а у нас какой уж отдых. <...> Во время всяких несчастий, травм и т. д. Мишка очень ведет себя нерасторопно, пугается, теряется. И вообще, наша нагрузка ему несколько не по силам. Дома он или ничего не делал или делал, что хотел, но страдал. У нас делает много и далеко не всё, что хочет. И пока выдерживает, а там посмотрим.

Фишер проиграл. Это его бог наказал за хамское поведение. Так ему и надо.

13 июля 1972 г., четверг.

Был совершенно жуткий день. Дима ушел с лоджии в пять утра с температурой 38°. Вызвали врача, слава богу, это не от руки, а от желудка. Видно, за эти две недели в больнице Димушка его очень сильно засорил. Целый день Диму тошнило. Только к вечеру температура спала. Жара совершенно невыносимая. Отец чувствует сильную слабость. Мишка приехал из Волоколамска. Ему там не понравилось – грязно, жарко, пыльно, и шесть рублей потратил на одну дорогу. Когда парень приехал, Димушке было уже полегче. Вызвался съездить в мастерскую за вентилятором для Димы. Возле мастерской встретил двух супругов из Касселя. Координаты им дал Бютнер, но не все, только адрес мастерской, а телефонов почему-то не дал. Мишка хотел везти их к нам домой, но в квартире у нас такой кошмар в связи с одеялами, простынями и еще каким-то бархлаком, которое мы Диме прилаживаем, что мы перепугались их нашествию. И жара. Дима вдруг решил сам ехать в мастерскую. Он еле на ногах стоял, но мы все-таки поехали. К счастью, эти люди терзали нас недолго. Он инженер-электрик, работает на выставке в Сокольниках до 28 июля. Им лет под 30, но у них уже четверо детей – три мальчика и девочка. Говорят по-английски и с трудом понимают по-французски. В искусстве понимают слабо. Никаких сведений о выставке в Касселе почти не имеют, так как уехали из Германии после дня ее открытия. Но какая-то их знакомая сказала, что очень интересно и что было много народу. Выставка в большом модернистском зале из мрамора и стекла при каком-то банке, где специально экспонируются произведения современных художников. Больше они ничего не знают, потому что тогда уехали.

Завтра нам с Димушкой к хирургу на перевязку с утра. Наш терапевт сказал, что он попробует договориться, чтобы к нам приехали на дом в связи с температурой, но если не получится, тогда нам придется ехать самим.

Шизофреник Фишер на вторую партию не явился, он потребовал, чтобы из зала убрали телекамеры. Ему засчитали второе поражение. Спасский ведет 2:0. Ну и кретин! Ну и говно! Ему, конечно, лечиться надо.

14 июля 1972 г., пятница.

Съездили с утра на перевязку. Попросили контролера у вокзала, чтобы он разрешил нам сесть в такси в непопозволенном месте. Доехали благополучно, обратно ехали на метро. Димушка выглядит фигово, желтый, изможденный, но температура нормальная и с животом теперь полегче, кажется.

Жара ужаснейшая. Запаковали Димкину руку, и он сумел помыться с моей помощью. Отец очень слаб, но держится молодцом. Крыскин всё носится между своим домом и нашим, находя себе для этой суеты разнообразные причины. Благодаря ему я читаю всякие интересные книги по русской истории, начиная Ключевским. Интересно. Никогда в России хорошо не было, и неизвестно, будет ли.

Были у нас Кларочка и Владик. «Дочка» Левитанского собирается выходить замуж за Зерганинова, сотрудника из «Юности». Вот вам и идиллия. А Юра, как и следовало ожидать, старый кретин. Кларочка видела Сахарова. Он очень ей понравился, хотя у него бритая голова в шишках. Петьку Якира, перед тем, как

посадили, хотели выгнать из страны, предлагая уехать. Он наотрез отказался, и тогда его посадили. С Левой Копелевым в Риге беседовал кагэбист, который ходил на его лекции. В течение пяти часов Лева прочел кагэбисту лекцию о бессмысленности карательных действий, арестах, сумасшедших домах и т. д. Александр Исаевич якобы очень удручен тем, что его бывшая жена пишет мемуары в каком-то самиздатском журнале «Вече»⁸⁵. По одним слухам, этот журнал выпускает КГБ в провокационных целях, по другим – этим занимаются местные почвенники. В мемуарах бывшая супружница называет настоящие имена людей, описанных в «Раковом корпусе» и «В Круге первом».

Фишер попросил, чтобы вторая партия, на которую он не явился, состоялась, но ему отказали. И поделом. Нельзя поощрять подобное свинство.

15 июля 1972 г., суббота.

Сегодня, хоть и жарко, но день прошел, слава богу, спокойно. Дима чувствовал себя лучше, все время рисует в альбоме левой рукой. Отец ничего, держится. Мишка окончательно доломал свой велосипед, когда ехал с Палихи сюда. У него сорвалась цепь и стукнула его по коленке, содрал кожу. Договорились, что пока у Димы не заживет рука, Мишка не будет кататься на велосипеде. Вечером были у нас Боря Хазанов и его товарищ из Ленинграда. У Бори никаких изменений.

17 июля 1972 г., понедельник.

Ездили с Димушкой на перевязку. Всё вроде бы ничего. Жара спадает помаленьку. Наш верзилушка-сыночек оброс как динозавр. Фишер выиграл, мы с Мишкой рады, а Дима с Абрамом Яковлевичем болеют за Спасского. Приехала моя мама уже поздно. Я плохо себя чувствовала весь день. Хоть бы у Димушки скорее рука прошла.

19 июля 1972 г., среда.

Мне стукнуло 32 года. Мишка подарил мне черного пупырчатого кота из пластмассы. Утром ходили на «Ревизора» в постановке Товстоногова из Ленинграда⁸⁶. Диме больше понравилось, мне почти совсем не понравилось, ушли в антракте. Веня нам позаботился достать билеты, потому что там дикий ажиотаж. Но вполне нам можно было и не ходить. Может быть, этот театр и лучше других, но меня он не устраивает. Текст Гоголя устраивает целиком и полностью.

Димушка выглядит неважно, хотя самочувствие у него неплохое. Были мы в «родной» пятьдесят девятой больнице у хирурга Константинова, который Диму

⁸⁵ Самиздатский машинописный православно-патриотический журнал «Вече» выходил в 1971–1974 гг. раз в три месяца тиражом 50–100 экземпляров, объемом около 300 страниц. Издавал его публицист, русский националист, диссидент В.Н. Осипов (р. 1938). Всего вышло 10 номеров. В «Вече» были опубликованы две главы из книги Н.А. Решетовской «Саня. Моя жизнь с Александром Солженицыным».

⁸⁶ Спектакль Ленинградского Большого драматического театра по пьесе Н.В. Гоголя, премьера состоялась 8 мая 1972 г. Постановка и оформление режиссера Георгия Александровича Товстоногова (1915–1989), композитор С.М. Слонимский, артисты: О.В. Басилашвили, О.И. Борисов, К.Ю. Лавров, С.Ю. Юрский, Н.М. Тенякова и др.

зашивал. Он сказал, что всё идет очень неплохо, но до полного восстановления еще далеко.

Дима сейчас рисует на мольберте картинку на тему «Рука». У него основное название ко всем рисункам «Рука с перерезанным горлом». Рисунки хорошие, но он очень сильно устает, работая левой рукой. Завтра хочет начать лепить.

Би-би-си не слышно. По «Голосу Америки» слышали, что наших военных специалистов выгнали из Египта, и они уже покинули страну. Вот тебе и друзья наши замечательные.

20 июля 1972 г., четверг.

Познакомились с актером из Ленинграда Сергеем Юрским⁸⁷. Его вместе с женой привели в мастерскую Веня с Аллой.

В мастерской у нас запустение. Домой к нам пришли Эдик и Инна. У Инны свои неприятности, ее совсем перекосило. Аня собирается замуж за фанатика-сиониста, который кандидат наук, но нигде не работает, и когда-то был в секретности, поэтому сейчас его не отпускают в Израиль, а он страстно борется за свой отъезд. Когда в Москве был Никсон, его вместе с другими бузотерами зачихнули по разным каталажкам. Он совсем не молод – ему 38 лет.

В Праге процессы. Сволочи. Из Египта выгнали наших военных, но в «Правде» написано, что дружба между нашими народами станет еще крепче. Есть намеки, что вместо нас оружие Египту будут поставлять французы. Говнючее государство.

Эдик загорел и глаза у него стали совсем светло-желтыми.

21 июля 1972 г., пятница.

Димушка рисует. Развязывал свою руку и слегка массировал ее. Шрам выглядит не очень страшно.

Мишка нас сегодня умилил своим заявлением. Он пошел посмотреть какой-то дурацкий фильм «Призрак индийской принцессы»⁸⁸, мы с Димой несколько посмеялись над ним. Тогда он обиженно сказал: «Могу же я развлечься на своем детском уровне». Его бабушка герой. Все время гайкает по городу и везде, где только может, а по вечерам еще ходит в кино. Она даже сказала Мишке: «Как же так, Юлия Львовна – молодая женщина, а совсем не ездит по Подмоскovie». Мне, конечно, сейчас для полного счастья не хватает только путешествий по Подмоскovie. <...>

Целый день мы с Мишкой убирались, а вечером пришла Ленка Гамазина. Я с ней позанималась, и она мне понравилась. Она явно выросла за этот год, очень хочется, чтобы девка поступила в институт.

Жара большая, но мы как-то притерпелись и, в общем, от нее не страдаем. Господи, помоги Димушке скорее поправиться.

Фишер выиграл, молодец.

⁸⁷ Юрский Сергей Юрьевич (1935–2019) – актер театра и кино, режиссер, сценарист, писатель. Артист Ленинградского Большого драматического театра в 1957–1978 гг. Народный артист РСФСР (1987). Жена С.Ю. Юрского – артистка театра и кино Тенякова Наталья Максимовна (р. 1944).

⁸⁸ «Призрак принцессы Индии» – художественный фильм производства ГДР 1963 года.

Юлия в мастерской (1970-е гг.). Фото: Георгий Геннис

23 июля 1972 г., воскресенье.

Вчера Мишка ездил с бабушкой купаться, и у нас не был. Сегодня при-
был. <...>

Дима впервые купал свою руку, отмыл ее окончательно от крови и снял слой отмершей кожи. Рука поуродована, но шрам сейчас уже выглядит не особенно страшно. Дима ее массировал в течение долгого времени и пытался сжать кулак. Пока что не получается, но постепенно получится.

Дима с огромным трудом заставил Мишку рассказать ему фильм, который парень вчера смотрел. Мишка сделал это крайне слабо, косноязычно и нечленораздельно. Сейчас читает опять же из-под палки «Разгром» Фадеева, ему нужно будет в 10 классе. Мы сейчас боремся за то, чтобы он кое-что прочел сейчас, чтобы потом не терять на это время. Читает и ничего не помнит, и ничего не может пересказать, хотя, в принципе, невысказанный болтун. Уже два раза я занималась с ним французским, и он меня тоже не порадовал, забыл элементарнейшие вещи. В общем, трудно представить, что из этого юноши получится. Тем более что он никак не желает выходить из своего умиленного и нелепого при таком росте детского уровня. Цветы его вянут, аквариум зеленеет, он относится к нему более чем спокойно. В великолепную библиотеку, оставшуюся от дедушки, не заглядывает, зато таскает к нам книги, чтобы похвастаться. Из этих замечательных книг повылазили полудохлые клопы, и мы быстро заставили Мишку уволочь всё обратно. Но как бы эти клопы уже не расселились по нашей обширной квартире. Мы с мальчиком иногда очень суровы, может быть, слишком, так что даже он может не выдержать и сбежать. Посмотрим.

Наконец нас навесил Левитанский, который почему-то звонит теперь ежедневно. С Мариной он не живет. Она сменила замок, и он заезжает к себе домой, только чтобы что-то взять, предварительно с ней созвонившись. Приют ему дает муж певицы Камбуровой, у которого трехкомнатная квартира, а сам он там не живет, там только живет его мама. Сейчас Юра просит Алика Киселева помочь снять ему квартиру. Про свою «дочку» он ничего не говорит. Он со всеми разладил отношения, кроме Дзэика Самойлова. С Булатом и Володей Максимовым уже не дружит. Говорит, что на днях спяну чуть не подрался с Евтушенко. Тот начал опять что-то про вьетнамских детей, как всегда (Женя это очень любит на публику), а Левитанский сказал ему, что его уже тошнит от всех этих разговоров. Женя ужасно обижается, что с ним не хотят общаться из-за того, что он такое продажное говно, Аксенов, Владимов и другие. И еще Левитанский ему всё высказывает. Юра одолжил у Евтушенко 350 рублей. Для того это ерунда, но он звонил ежедневно, чтобы Юра отдал. Юра собрал у кого мог и отдал. Опять же Евтушенко одолжил Дзэику тысячу рублей и Поженяну⁸⁹ тысячу. Они ему не отдают, Евтушенко никак не может вернуть свои деньги и просил Левитанского, чтобы тот поговорил с Дзэиком. Дзэик сказал Юре: «А пошел он на хуй!» И Поженян то же самое сказал. Юра же – человек интеллигентный, всё ему отдал. Потом Левитанский вдруг стал говорить, что Юра Васильев, художник, – благо-

⁸⁹ Поженян Григорий Михайлович (1922–2005) – поэт, сценарист. Участник Великой Отечественной войны.

родный человек и поехал сейчас в Японию по приглашению. Тут мы не выдержали и сказали, что Васильев – величайшее дерьмо и никакого благородства в нем нет. Левитанский же притворяется, когда говорит, что Васильева пустили в Японию по личному приглашению ни за что. У нас так не бывает. Когда-то Диму приглашали в Чехословакию, и Васильева тоже. Диму не пустили, Васильева пустили. Причем Васильев убеждал Диму пойти в ЦК, добиваться там и жаловаться, что ему оказывают политическое недоверие. Дима, естественно этого не сделал. А Васильев все время доказывает, что он правовеерный, оттого и едет.

Была моя мама, сделала очень вкусные оладушки из кабачков. Димушка поправился на одно кило и огорчен. Нарисовал третий рисунок про руки. Кажется, начинает получаться что-то с памятником Тамму.

Сегодня играют шестую партию Фишер и Спасский. Хоть бы Фишер выиграл.

25 июля 1972 г., вторник.

Мы не скучаем. Вчера ночью Дима пропадавал, опять желудок. Часов в семь вечера встретились в мастерской с Рудольфом, который остался по-прежнему болтлив и, несмотря на интересную информацию, утомил нас предельно. Держит же он себя очень дружелюбно, выписал Диме деньги в комбинате, и нам было необходимо встретиться, так как он давно просился. Вернулись мы домой чуть ли не бегом, и тут началось. Димушку выворачивало наизнанку и мучился он ужасно – непрерывный понос и рвота. Поднялась температура. Врача вызывать не стали, потому что сейчас всех хватают по подозрению на дезинтерию и там, уже в инфекционном отделении, можно занять всё, что угодно. Во всяком случае, Дима ни в коем случае не хотел. Такие желудочные приступы у него бывают время от времени. Мы думаем, что это всё отголоски его пребывания в больнице. К половине пятого утра у него прекратилась тошнота. Хорошо еще, что я заставила его пить сладкий чай после воды с содой. <...> Диме колит и гастрит в точном виде перешел по наследству от Зинаиды Ивановны, у которой всё происходило точно так же, до мельчайших подробностей.

С Мишкой сегодня не виделись. Он рассказал, что с его бабушкой плохо. Вчера, когда они вернулись после купания и катания на лодке, а потом еще пошли в кино, ее затошнило. Потом ночью ей тоже было плохо. Мишкина бабушка явно развлекается не по возрасту. Нас очень удивляет ее легкомыслие. Очевидно, по существу она очень здоровый человек физически.

26 июля 1972 г., среды.

Исполнился месяц с того дня, как Дима порезался. День прошел нормально. Мишкина бабушка выздоровела. Отцу сделали кардиограмму. Моя мама съездила купила курицу, сварила бульон. Так что сегодня Дима питался манной и рисовой кашей, бульоном и жижей яблочного компота. Чувствовал себя вполне ничего, не лежал почти, расхаживал. Несколько раз мы уже массировали его руку и в воде, и без воды. Она явно поправляется, но полностью, очевидно, не восстановится. Но мы надеемся.

Мишке теперь с нами тяжелее. Кончился медовый месяц, вернее, год наших отношений и наступили «суровые» будни. Дима заставил его прочесть «Раз-

гром» Фадеева, и теперь мы о нем беседуем. Теперь мальчик читает Курта Воннегута «Крестовый поход детей». Подобная жизнь – чтение, умные разговоры, опять же мы хотим, чтобы он высказывал нам свои мысли и размышления – для него каторга. Зато вчера не поленился съездить два раза в Елисеевский магазин на улице Горького, стоять там в очереди и купить лечо, целых пятнадцать банок. Сегодня торжественно привез нам эти банки. Это, конечно, хорошо, потому что потом это лечо исчезает, а без него борщ не тот. Отец борщ ест каждый день, Мишка тоже его любит ужасно. Если бы у мальчика такое же рвение было в учении и в желании приобретать знания, с каким он приобретает продукты и вещи, было бы идеально. Пока что мы с Димой никак не можем представить его будущее и очень боимся, чтобы он не сделался бездельником с умным видом, каких сейчас очень много.

Вечером приходила Лена Гамазина, я позанималась с ней французским. Девочка меня ужасно радует. Не знаю, поступит ли она в институт в этом году, но она невероятно выросла в своем развитии, хотя далеко не обладает теми способностями, что наш Мишка, но трудом достигла очень многого. Дима очень радуется, когда она приходит, она его тонизирует. Он чего-то рассказывал, разливался, а Ленка его слушала и с нежностью на него глядела. Димушка был жутко доволен. Ленка очень удивилась, когда узнала, что я с Димой познакомилась в 17 лет и что мы уже пятнадцать лет с ним вместе.

Пора записать, что болтал Рудольф в тот злосчастный день, когда Димушка ночью помирал. Рудольф сказал, что он почти не видится теперь с Лемпортом и Силисом. В основном из-за того, что Лемпорт не одолжил ему 500 рублей на три месяца, когда Рудольф женился и вступил в кооператив. Во-вторых, у Рудольфа теперь есть новый бог, о котором он говорит со слезами на глазах – это молодой скульптор Вадим Космачев⁹⁰. Наверно, это действительно хороший художник, судя по тому фонтану, который он сделал в югославском посольстве. Рудольф нам показал фотографию. В-третьих, Рудольф женился на девице, которая чисто русская, но имеет фамилию Опперман, и является потомком чуть ли не Франца-Иосифа, Рудольф сам запутался, когда говорил о ее происхождении, но гордится этим обстоятельством ужасно. Жене его 28 лет, она беременна на восьмом месяце. Рудольф обинтеллигентился. Он говорит, что знаком со многими очень интересными художниками. Он часто общается с Эрнстом. Тот, как всегда, сам творит свою легенду, и для многих непосвященных – очень успешно. Он дал почитать Рудольфу свою зарубежную прессу, и Рудольф проникся. Он это любит. Дима показал ему свои публикации. Руди обомлел, особенно от журнала *Observer* и той австралийской программки, где Сидур написан в списке всяких гениев среди Пикассо, Шагала, Тициана и т. д. Руди остолбенел, а мы позабавлялись, на него глядячи. Мы уже к этой «мировой славе» давно привыкли, мы-то знаем, что самое лучшее – быть понятым в своей стране, а не где-то там в Австралии, хотя, конечно, спасибо им большое. Потом Руди начал ходить по мастерской и безмерно всем восхищаться, называть Диму ласково «Димыч» и всячески демонстрировать свою к нему любовь. Мы не против, Лемпорта и Силиса

⁹⁰ Космачев Вадим (р. 1938) – скульптор, с 1979 г. жил в Австрии, затем в ФРГ.

сейчас рядом нет, он у нас на глазах им не прислуживает, нам не гадит. Даже наоборот, работая в комбинате, чем-то и помогает. Так что пусть приходит иногда и трепется. Только бы не очень часто, потому что Диму он чуть не уморил, а меня тоже безумно утомляет звон его пустого и громкого голоса. К тому же Дима не пьет, а мне нужно было с ним выпить, чтобы оказать уважение.

28 июля 1972 г., пятница.

Сегодня закончилась Димины выставка в Касселе. Позвонил голландец Хайнеман и сказал, что у него есть для нас фотографии выставки и какой-то словарь для меня. Договорились встретиться в воскресенье. Димушка чувствует себя лучше, шрам на руке становится все изящнее, но работать рука будет еще нескоро. Сегодня попробовал держать ложку и порисовать карандашом, с трудом, но получается.

Приходил к нам Гдаль, дымит как паровоз. Поглядел кардиограмму Абрама Яковлевича и сказал, что она вполне приличная, и еще, что отцу хорошо бы на воздух. Рассказал Гдаль, что Володя Бураковский пригласил его на свое пятидесятилетие в августе на банкет. Сам лично. Гдаль же в это время должен быть в отпуске в Риге. Володя ему сказал: «Ничего, приезжай, потом отгуляешь». Учтивая их плохие отношения в настоящее время, Гдаль всё думает: приезжать или не приезжать. Особенно сложно, потому что Володя сделал это лично, пригласил самым первым и всячески оказал уважение.

Приехал Мишка, грязный как чушка, с серой физиономией, заморенный, голодный и сердитый на советскую власть за то, что нет запчастей для велосипеда. Не был у нас два дня и сразу же сделался каким-то другим, почужел. Правда, сейчас он читает книги, что невероятно важно, и читает с удовольствием, наконец-то мы добились этого. У нас как следует поел, помылся и стал похож на человека. Из-за руки Дима его не стрижет, и он теперь весь из себя с длинными волосами и кудрявый, и стричься не желает. К школе ближе, конечно, мы его пострижем.

Приходила заниматься Ленка. Она проводила свою маму, актрису из театра Образцова⁹¹, на гастроли во Францию. Я очень желаю попасть ей в институт, потому что она сейчас этого достойна, она невероятно поумнела.

29 июля 1972 г., суббота.

Были с Димушкой на консультации у хирурга. Он сказал, что всё нормально, но назад рука разгибаться не будет. Димушка очень огорчился. Мы решили еще с какими-нибудь хирургами посоветоваться.

Мишка что-то много выпендривается, начал самоутверждаться. Боремся с клопами, которых он натащил из своего дома. Это ужасно неприятно. Я совершенно не могу спать от одного сознания, что эти твари существуют. Мишка долго и противно хихикал, что в жизни своей не видел ни одного клопа, пока мы с Димой ему сегодня показали, перевернув все наши койки и тумбочки, наконец,

⁹¹ Жукова Вера Федоровна (р. 1925), актриса Государственного академического центрального театра кукол под руководством С.В. Образцова.

одного нашли и у него на глазах раздавили. А то он очень был похож на одну нервную барыньку из анекдота, которая была вся вшивая, а все время восклицала: «Ах, это у меня нервное чесывание!» Тогда Мишка признался, что бабушкина ленинградская подруга, пока у них гостила, тоже клопов ловила. И у самого Мишки в постели следы точно такие, хотя его бабушка утверждает, что это не клопы, а какие-то другие звери его кусали. Парень постоянно расчесан. И вообще, в наших с ним отношениях наступил кризис. Больно он начал хитрить и выгадывать из той ситуации, в которой он сейчас находится. На глазах наглеет. Иногда это особенно ярко проявляется. Отвратительный жеманный тон, что и раньше было противно, когда он был поменьше, а теперь совсем невыносимо. И зудство, беспрерывно что-то нудит. Постоянное беспокойство о наследстве – всё время сейчас дома городит какие-то замки и полки и заначивает себе старые книги, полные клопами. Правда, книги действительно ценные. Я думаю, что сейчас наступает очень ответственный момент в нашей с ним жизни. Или он всё выдержит, перетерпит то, что ему по его подростковым понятиям кажется тяжким, и изменится, или же он нас покинет. В мальчике много хорошего, опять же всё, о чем мы его просим, он делает. Но косвенно, может быть, он принес нам и несчастья, а не только радости, которые, конечно, были. Димина травма – из-за этого дурацкого аквариума, которому мы сопротивлялись, сопротивлялись, а потом устали, и он его приволок. Мой уход из школы, частично, тоже из-за него. Слишком много на всё уходило нервов. Опять же клопы, рыбы в зазеленевшей воде, имеющие вид неприятный скорее, чем веселящий взгляд (теперь у нас два аквариума, оба загаженные), полудохлые цветы на лоджиях, грязь, два сломанных велосипеда, и здоровый, делающийся всё более мордатый и зрелым юноша, инфантильный, капризный и уже отчужденный. Посмотрим.

У Димы вид, как будто он только что вернулся из Освенцима, изможден до крайности.

30 июля 1972 г., воскресенье.

Голландцы пришли с пуделем и принесли нам вести из Касселя. Всё это касается открытия выставки. Генриетта, жена Вима, прислала мне словарь арго. Очевидно, выставка прошла неплохо. Во всяком случае, на фотографиях много народа. Выставлено всё совершенно отлично. Увидели всех наших друзей – Майка, Готфрида, Карлушу, Аннику с ее мужем, Марию, Ренату, детей Бютнеров, Эрику, жену Майка, Луизу Ринзер с ее сыном. Очень изменились Майк и Карлуша. У Майка вид стал хитрее, а у Карлуши солиднее, мы даже с трудом его узнали. Получили какие-то вырезки из газет по-немецки и несколько писем: от Майка, от Готфрида, тексты передач «Немецкой волны» о выставке во Фрауенфельде, где говорилось об Эрнсте и о Диме. Об Эрнсте сказано, что он яркий коммунист по убеждениям и скоро будет представлять на Западе официальное советское искусство. О Диме мне больше понравилось как сказано, более по существу и никакого приоритета Неизвестного, хотя он-то публикуется у них уже не впервые.

Готфрид предлагает увеличить в металле «Памятник погибшим от насилия» и установить в Касселе. Это было бы очень здорово. У Майка тоже много всяких

идей. Одна из них совершенно неосуществима. Например, чтобы Дима делал совсем маленькие модели своих лучших вещей, чтобы их можно было перевозить, а там бы их увеличивали до больших размеров. Он очень просит «Эйнштейна». Пишет, что у него там много желающих приобрести эту скульптуру. Еще Готфрид пишет, что выставка обошлась в 5000 марок. Четыре дали директора банка, где выставка проходила, а тысячу дали Готфрид с Карлушей. Теперь выставка Диминых работ будет происходить в Мюнхене во время Олимпийских игр. Она откроется 26 августа и будет где-то рядом с театром, куда поедет на гастроли в это же время кукольный театр Образцова. Ленкина мать может вполне ее увидеть. 6 сентября выставка поедет еще куда-то, а потом в Лондон. Майк пишет много восхищенных слов о Володе Максимове и ни слова о Солженицыне. Он знает, что сестра Володи, Катька, в Израиле, но рукописей у нее нет.

Сегодняшние голландцы пришли вчетвером – Ганс, его друг с женой и симпатичный коричневый пудель Ксенофонт. Про него можно сказать, «пудель на прокат», такой он спокойный. Мы всем написали письма, я писала, а Дима только подписал. Вот они там ужаснутся, когда узнают, что Дима себе наделал с рукой.

Рука на месте шрама стала несколько отекает, особенно, когда Дима держит ее вниз. Рисует же он упорно левой и очень даже здорово.

Мишка, живя у нас, вновь приобретает свой человеческий и симпатичный вид, хотя и взбрыкивает изредка. Довольно-таки часто.

31 июля 1972 г., понедельник.

Кажется, Димушка идет на поправку. Начал лепить эскиз памятника И.Е. Тамму. В основном левой рукой, но и правой немножко себе помогает.

2 августа 1972 г., среда.

Мы с Димушкой понемногу ссоримся. Это ужасно неприятно.

Начал делать второй эскиз памятника И.Е. Тамму. Мне пока меньше нравится, чем первый. Мишка вчера попросил пылесос, собирать дома антиклопиный порошок. Мы ему не дали. Он разобиделся, но потом пережил. Ленка завтра сдает французский, трухает ужасно. По моему мнению, знает она очень неплохо.

3 августа 1972 г., четверг.

Боре Хазанову отказали в выезде в Израиль, что и следовало ожидать. Основание – крупный специалист. Говорили с ним по телефону. Мы за него огорчились, но он бодр, собирается жаловаться и не унывает. Сейчас отказано целому ряду желающих, и все кандидаты наук или доктора. Еще Боря сказал, что американец Дэнис, которого он привел к нам с его женой, вынужден был неожиданно уехать из Москвы в США, поэтому к нам прийти не успел, но будто бы он получил письмо из Штатов о том, что Диминого «Эйнштейна» хотят купить за 50000 рублей (!), как сказал Боря по телефону. И еще он добавил: «Вы, Дима, понимаете?» Дима сказал, что лучше нам поговорить обо всем при встрече. Будто бы из Принстона выслали уже гарантийное письмо в «Новоэкспорт» и копию Диме. Мы с Димой гадали, то ли Боря ошибся и речь идет о 5000 долларах, то ли, и скорее всего, это 10000 долларов – 50000 рублей на наши деньги. В любом слу-

чае нас это устраивает. Если бы наши согласились продать за 10000 долларов, то Диме дали бы 5–6 тысяч рублей, и мы могли бы полностью расплатиться за кооператив.

Ленка, моя ученица, умница, сдала французский на 5 баллов. Мы ужасно за нее рады. Трудяга девочка, не то что наш обалдуй Мишенька, который все-таки карабкается, преодолевая с нашей настырной помощью свою чудовищную расхлябанность и лень, к знаниям и некоторой компетентности хоть в чем-нибудь. Но стоит нам это очень дорого.

Наконец, в кои-то веки, пришла к нам Валька, Эдик и фотограф Ия Шлугер, которая что-то затевает про Диму в каком-то польском журнале и привлекает к этому Эдика. Принесли они эскизы какой-то афиши про классический балет, что-то на редкость бездарное. Эта тетка, бог с ней, но Эдинька меня удивил. Он человек со вкусом и способный, к тому же прожил рядом с Димой столько лет. Очевидно, он относится к этому, как к халтуре, а нельзя халтурить, когда речь идет о твоей профессии. То ли просто не получается.

Мы все очень огорчились за Борю.

4 августа 1972 г., пятница.

Бред какой-то! Сегодня позвонил Эдик, который успел со вчерашнего вечера после нас повидаться с Борей Хазановым. Тот сказал, что американцы оценили «Эйнштейна» в 50000 долларов (!), и ошибки в этом нет. Потом говорили с Борей по телефону, он это подтвердил. Это явное недоразумение, произошла ошибка на один нолик всего. Дима писал им в Принстон, что они должны дать гарантию оплаты в 20000 долларов, а если им дорого, то пусть назовут свою цену, сколько они могут заплатить. Им, скорее всего, оказалось не дорого именно пять тысяч, это цена реальная и Дима на нее согласен. Пятьдесят тысяч – это какая-то фантастика, и на деловых людей не похоже. Никогда не дают больше, чем просят, да еще с такой потрясающей разницей. Завтра утром Боря обещал забежать и рассказать всё сам. К тому же, если университету некуда девать деньги, и еще какие-нибудь безумные причины подтвердят эту огромную сумму в пятьдесят тысяч, то нам только хуже. Наши увидят в этом какой-нибудь подвох, испугаются или чего-нибудь заподозрят и не разрешат, сволочи, продать. У нас ведь всё наоборот – чем лучше, тем хуже. Но мы с Димой абсолютно уверены, что это какая-то ерунда. Такой цены быть не может! То есть, вещь, конечно, этих денег стоит, но пока что они таких денег за нее не дадут. В общем, пока мы не получим от них самих письмо, никакой ясности для нас в этом деле не будет. Я пока что вообще слабо верю, что и письмо-то это мы получим.

Были с Димушкой в поликлинике. <...> Снова наступила жара безумная – 30°. Никаких обещанных дождей и гроз. Отец чувствует усталость в такую погоду. Дима начинает стонать от каш, которыми я его кормлю, а другой пищи мы боимся употреблять, вспоминая, как он загибался недавно. Мишка с бабушкой ездили за город. Вернулись они поздно, Мишка позвонил и сказал, что очень доволен. Чудак, жил бы себе с бабушкой в Алабино. Не хочет.

Мы все втроем говорили о Мишкином воспитании и решили, что всем нам будет позор, если мы не добьемся, чтобы он стал приличным человеком.

В Алабино (лето 1972). Фото: Георгий Геннис

В Алабино (лето 1972). Фото: Георгий Геннис

Фишер долбаёт беднягу Спасского очень и очень крепко. Фишеру за его гений можно простить все его шизофренические выверты.

5 августа 1972 г., суббота.

У нас кое-какие обнадеживающие события. Рука у Димушки, возможно, будет назад тоже отгибаться. Мы были в больнице, и там Василий Федорович положил Диме гипс на ладонь, но это только на ночь надо будет его надевать. Василий Федорович Константинов – совершенно прекрасный хирург и человек. Дима дал ему полсотни, и он был очень доволен. Он сейчас идет в отпуск, а получает 120 рублей в месяц, меньше, чем я в школе. Жуть какая-то!

Утром у нас был Боря Хазанов. Сомнений наших по поводу суммы за «Портрет Эйнштейна» он не разрешил. Он утверждает, что Даниел сказал 50000. Боря говорит, что переспросил несколько раз по-русски и по-английски, и тот называл эту же сумму. Будто бы это письмо он получил еще, будучи в Ленинграде. Мы с Димой полагаем, что всё недоразумение может состоять в плохом знании Борей английского языка, а Даниела – русского. К тому же «фифти» и «фифтин» в произношении очень похожи, а 15000 долларов за вещь, за которую автор просит 20000, цена вполне возможная и реальная. <...>

Пока мы были в больнице, Мишка убрал всю квартиру, умница, мальчик. Вчера была дикая жара, сегодня холод, никакой жары в помине. И Дима, и отец чувствовали себя неважно, особенно отец.

Беседовали с Юнной по телефону. Она хочет с нами повидаться, может быть, завтра к нам придет. Говорит, что у нее есть очень много чего интересного нам рассказать, и еще она хочет нам почитать свои стихи. Сказала, что Игорь и его мама написали на нее письмо в Союз писателей. Она заключила в «Совписе» договор на книжку на 1973 год. Утверждает, что добьется, чтобы Дима рисовал картинки, несмотря на постановление. Конечно, она упорная, но на этот раз у нее может не получиться⁹².

Боря рассказал, что сейчас многим кандидатам и докторам наук, которым отказали в выезде в Израиль за то, что они «крупные специалисты», звонят домой и вновь приглашают на работу на тех же условиях и т. д. Пока ни один не согласился. Наконец-то евреи поняли, что дорожка у них одна – раз уж они хотят уезжать, то пусть уезжают, назад им дороги нету, живо башку открутят при первом удобном случае. Боря очень хочет, чтобы за него кто-нибудь вступился на Западе. Его, оказывается, уже устно приглашают в Йельский университет в США.

Меня на днях поразил Алик Киселев. Звонит и постепенно наводит разговор на то, что ему нужны деньги. Ни много ни мало – пятьсот рублей. Не говорит: «дайте мне», а спрашивает, где Бураковский и т. д. Он, оказывается, у Бураковского думал подзаныть, как будто ни с Бураковским лучшие друзья, хотя тот видел-то Алика всего несколько раз. Ну, ладно, думаю, всё бывает. «Для чего тебе, – спрашиваю, – деньги?» – «Фильм снимать». – «Где же ты думаешь его снимать». – «В Коктебеле». Тут уж я возмутилась: «А что это тебе в такое модное и фешенебельное место приспичило? Что там пижонов много?» – «Да нет, там скалы, море». – «Ну, ну, – говорю, – попроси у Бураковского». Если бы у нас были деньги,

⁹² Сборник «Суровой нитью» вышел в 1974 г. без иллюстраций.

В Алабино (лето 1972). Фото: Георгий Геннис

я бы все равно Алику не дала бы на это дело. Он – человек, бесспорно, талантливый и интересный, но все время его сбивает на дурной вкус и на желание проскочить в светское общество. Как будто бы нельзя снять хороший фильм в любом месте без этого пошлого «море, скалы», тысячу раз затертых и переснятых.

7 августа 1972 г., понедельник.

Спасский выиграл вторую партию. Надо же, я и не ожидала от него. Би-би-си по этому поводу очень ехидно распространялось против Фишера.

Позвонил Володя Бураковский, приглашал к себе на банкет 20 августа. Дима уже лег, и я сама с ним договорилась.

Димушка совершенно изменил коренным образом второй эскиз памятника Тамму. Мне теперь больше стало нравиться, но не как памятник, а как скульптура.

Завтра хотим поехать в Алабино. Над Москвой странный туман и попахивает дымком. Абрам Яковлевич едет завтра с нами. Как всегда для нас, эта поездка – целое предприятие. Надо много тащить с собой.

Как безумная вдруг примчалась плачущая Ленка. Написала сочинение по Некрасову и, как ей кажется, плохо. Боится, что получит три. Мы уже с Димой утешали ее как могли.

Мама моя читает без спросу мой дневник, а потом обижается, что я про нее ничего не пишу. Дима мои дневники уже несколько лет не читает. Купил он сегодня <теннисные> мячики для упражнений, но больно мячики туговаты. Мишка принес ему резиновую детскую клизмочку, она послабее, но и ее Дима может отжимать только двумя пальцами, большим и указательным. Остальные три пальца совсем бессильные пока.

Мишка съездил с бабушкой покупать. По-моему, у него появилось настоящее желание поступать в институт. Правда, у него есть еще одно желание – поучиться водить автомобиль и для этого поступить на курсы водителей такси. Когда же я ему сказала, что он может научиться водить грузовик в армии, эта перспектива показалась ему менее удручающей. Точно определить, чего мальчик хочет и чем бы он хотел заниматься, пока совершенно невозможно. Сейчас он пишет рассказ о своем пребывании в военном лагере в начале июня. Уметь водить машину он очень хочет. Если бы, конечно, он приналег на занятия в этом году, и нанять бы ему, как другим, репетиторов по русскому языку, литературе и истории, да со мной бы он занимался французским, он мог бы поступить в Иняз на педфакультет. На переводческий поступить проще, но оттуда все поступают в КГБ, а Мишка этого не желает и мы тоже не хотим.

30 августа 1972 г.

Не пишу я ужу давно. И зря. Событий много, и немаловажных, только жизнь заедает. Я не пишу и чувствую от этого острое огорчение. Мы живем в Алабино с 8 августа. Приехали вчетвером и обнаружили, что нас обокрали. Дверь в нашу с Димой комнату была взломана, унесли телевизор (старое дерьмо, 15 рублей и то не стоит), хороший стабилизатор, электрический камин, Рива-Рочки⁹³, какие-то ножи, вилки и еще что-то из мелочей. Мы были счастливы, что холодильник на месте, иначе пришлось бы возвращаться домой. Написали в поссовет заявление, по которому очень быстро приехала милиция, что нас удивило, и очень быстро обнаружила взломщика – нашего соседа с заднего двора, полудебила, косоного бандита Юрку Трусова. Он как убежал, так по дороге ронял кружку, плитку, а аппарат для измерения давления зачем-то засунул к нам под веранду, и сломал его. Нашей милиции, наверное, не часто приходится отличиться с такой скоростью, потому что грабитель редкий дурак. У него нашли сразу же все наши вещи и даже наш бадминтон. Он стал просить Диму забрать назад заявление, на что милиционер резонно заметил: «Кто же ему теперь отдаст это заявление?»

Дима еще был в гипсе. Милиционеров понаехала куча. Все они были ребята полуграмотные, но симпатичные и даже вежливые. Потом пришел следователь, парень тоже в наколках и с таким лицом, что может быть следователем, а может быть и преступником.

В этот день мы были предельно утомлены и еле дышали. Во всех протоколах <наш> Мишка фигурировал как сын и внук. Объяснять, кто он и что он, не было никакой возможности. Милиция этого Юрку знает очень хорошо, он еще не си-

⁹³ Аппарат для измерения кровяного давления, названный по имени изобретателя.

дел, но несколько раз был замешан во всяких кражах. За то, что обокрал свою мать, редкую кретинку, недавно отсидел 15 суток. Отец его, Мишка Трусов, алкоголик, но с ними уже давно не живет. Когда-то этот Мишка был очень хорошим столяром, и находился в прекрасных отношениях с Зинаидой Ивановной и Абрамом Яковлевичем. Потом постепенно спивался и сейчас якобы живет в Москве с другой женщиной и работает при магазине рабочим. Все украденные вещи забрали в милицию, кроме стабилизатора, который Юрка куда-то сплавил. В общем, Юрку забрали, но через два дня отпустили, очевидно, в ожидании суда.

Потом была дикая жара до сегодняшнего первого дождливого дня. Мы с Димой наведывались в Москву раза два, чтобы продлить бюллетень, подкупить продуктов, и обратно. Рука у Димы, слава богу, поправляется неплохо. Отец там ожил. Мы долго боялись брать его из Москвы вдаль от медицины, но ему там неизмеримо лучше. Он много ковыряется по саду, и вообще доволен.

Мальчик сделался удивительно здоровым и красивым парнем со своими длинными волосами. Поздоровел он чрезвычайно. Я, честно говоря, никогда не ожидала, что из такого хилого ребенка вымахает такая детина. Работает он как вол, без него нам было бы значительно тяжелее. Но беспрерывно спорит по всяким пустякам. Это иногда отравляет нам жизнь, очень утомляет. Но, конечно, парень этот теперь наш и мы будем с ним мучиться, как другие родители со своими детьми мучаются. Спор идет обо всем – как варить, как мыть посуду, что купить и как купить, делать в сарае полку или нет, купить столько-то грамм или столько-то и т. д. Кроме того, большой ревнивец. Приехали к нам ребята – Ленка Гамазина и Юрочка Геннис погостить на три дня. Мишка был ужасно недоволен. Про Ленку пробурчал: «Тоже еще в дочки набивается».

Юрочка – мальчик удивительный. От его присутствия делается жизнь легче, а не тяжелее. Ему, конечно, не повезло. Вчера Дима, Мишка и он закончили разбирать сарай, в котором теперь идеальный порядок и куда теперь можно заходить не только боком. В последний момент Юрочка наступил на гвоздь и распорол себе ногу. Вытекло достаточно крови, Дима тут же всё ему промыл календулой, йодом, и забинтовал, но настоял, чтобы они с Мишкой пошли в Петровское в больницу сделать укол против столбняка, так как гвоздь был старый и ржавый. Прошлись они зря, укол Юре не сделали, так как «все ушли на занятия». Юрочка прохромал обратно, но сегодня с утра он пошел опять и на этот раз было все в порядке, укололи. Нога не болит, и прихрамывает Юра совсем чуть-чуть. Мы с Димой ужасно огорчились, когда он напоролся, но, кажется, всё обойдется.

Ленка – девочка, конечно, неплохая, но по всему своему существу – самая настоящая баба. Со всеми напропалую кокетничает, от Димы до Мишки, и, несмотря на то, что она очень к нам привязана, «не нашего профсоюза», как говорится.

Дима сделал три варианта <памятника> И.Е. Тамму, а так в основном занимался садом, сараем и играл в Мишкин детский бадминтон. С животом у него ничего, но сидит с моей помощью на строгой диете, в основном на рисовой каше. Мишка тоже очень любит рисовую кашу, и когда бы я ее не варила, он всегда вникает и мне говорит: «Что-то вы, Юлия Львовна, мало каши варите». Мы

живо следим за событиями в мире через радио. Узнали, как мы, образованные евреи, оказывается, дорого стоим в нашем государстве. Большие деньги нужны за наши головы, чтобы мы могли покинуть нашу самую лучшую и свободную в мире родину⁹⁴. Кому не повезло, так это Боре Хазанову. Он кандидат, а с таких вообще какие-то жуткие деньги будут брать на откуп. Ну и дерьмо наше рабовладельческое государство! Долго думало, наконец, придумало меру пресечения эмиграции. Гитлер тоже евреев на грузовики менял.

Александр Исаевич послал свою речь в Нобелевский комитет.

Сегодня с ночи дождило и до сих пор дождит. Мишка съездил в Москву с утра, чтобы помыться, и привез еще один велосипед, тоже неисправный. Его бабушка навещает нас в Алабине послезавтра. Мы же с Димой и с ребятами приехали в Москву в половине десятого. Завтра должны повидаться в час дня с какой-то Марго, которая приехала от Майка. Должны сходить в поликлинику, чтобы Диме продлили бюллетень, и уехать завтра же обратно в Алабино. Димушке там неизмеримо лучше. Он посвежел, дышит, а не задыхается, и даже играет помножечку в бадминтон.

Еще было одно событие. Еще до отъезда в Алабино нас пригласил Володя Бураковский на свое пятидесятилетие. Состоялось торжество в удушающую жару в ресторане Доме кино на Васильевской. Скучные, восхвалительные, официальные речи, плохая еда, много начальства, удивительной серости президент Академии медицинских наук. Мы с Димой убежали, и почти все разбежались. Всё торжество сильно напоминало похороны. Для Димы вообще всё это было кошмарно – он ничего не ел, а только страдал от скуки, жары и голода.

1 сентября 1972 г., пятница.

Мы в Алабине без Мишки, он в школе. На мне же школа не висит своим тягостным грузом. Не знаю, что будет дальше, но сейчас меня радует освобождение от школы, которая вдруг сделалась образцово-показательной казармой.

Стало прохладнее, той безумной жары нету и в помине. Топим ежедневно, а вчера даже два раза топили. Два дня назад Дима остриг великолепные Мишкины кудри. Я думала, что парень будет больше о них сожалеть. Нисколько, через минуту он радостно и бестолково играл в бадминтон. Может быть, это и хорошо, что он столь мало интересуется своей внешностью и женщинами, зато сколотил себе тачку и украсил ее половиной детского игрушечного грузовика. Всё, из чего он сделал эту тачку, приобретено на окрестных свалках. Там же найдено два медных самовара, крышки от них и масса другого разнообразного

⁹⁴ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 августа 1972 г. была утверждена Инструкция Совета Министров «О возмещении гражданами СССР, выезжающими на постоянное жительство за границу, государственных затрат на обучение». Для окончивших МГУ эта плата составляла 12,2 тысячи рублей, для выпускников других вузов – от 4,5 тысяч до 9,6 тысяч. (Огромная сумма при средней зарплате по стране около 100 рублей в месяц). Формально указ был отменен 20 мая 1990 г., однако не действовал уже с 1974 г., после того, как правительство США приняло поправку конгрессменов Генри Джексона и Чарльза Вэника к Закону о торговле США, ограничивающую торговлю со странами социалистического блока, которые препятствуют эмиграции своих граждан.

железного хлама. Накануне его отъезда в среду произошел неприятный инцидент. Мишка решил в кладовой, которую он переоборудовал под свое жилье, прибить полку для установки на ней отчищенного им самовара. Абрам Яковлевич был недоволен, что Мишка не очень советовался с ним по этому поводу. Совершенно неожиданно Абрам Яковлевич ужасно рассердился. Я его видела таким впервые. Он говорил, что Мишка наглец, издевается над ним, всё делает по-своему и т. д. Всё уладилось, но мы с Димой поняли, как сильно мальчик управляет жизнью Абраму Яковлевичу. Нас это огорчило. Он Мишку не любит и все время предостерегает нас, как бы он не принес нам много горя. До какой-то степени он прав – раза два мы с Димой поругались из-за мальчика довольно сильно. Если, конечно, мы не будем бдительны, он сможет разрушить наше редкое гармоническое единство, но я надеюсь, что это ему не удастся. Парень действительно обладает характером властным, очень упрямым и чем-то склочным. Дух постоянной перебранки с родными на Палихе он настырно пытается перенести и в наше доброе семейство. Мы постоянно даем ему по мозгам и он подчиняется, сопротивляясь, бурча, ворча и выбрыкивая. Любовь за красивые глазки кончилась. Или он будет человеком действительно верным и близким или пойдет «другим путем», туда, где наши пути не скрещиваются. Мы с Димой любим его по-прежнему, но безо всякого безрассудства. Он много делал здесь в Алабино, много помогал, но не меньше портил нервов, все время что-то попусту доказывая. Теперь мы остались втроем и вполне обходимся без его помощи. Так что жизнь не только в том, кто сколько сделал. Несколько раз он говорил: «я вам сделал», «я вам принес», «я вам схожу» и т. д. Мы с ним не раз беседовали на эту тему. Нельзя не принимать во внимание, что мальчик достался нам почти сложившимся душевно человеком и сильно искалеченным в своем марсианском семействе, где у всех свои шкафы, свои съестные запасы, свои замки и где все друг другу лгут.

Приехала к нам бабушка. Бодрое, насквозь пропитанное эгоизмом существо, не желающее даже слышать о чужих несчастьях и неприятностях. Она твердо вела беседу по своему руслу, боясь затронуть хоть какую-нибудь нежелательную тему – кооператив, хотя знает, как это важно для Миши, или же тот факт, что парню надо нанимать репетиторов. <...> Бабушка же рассказывала о своих знаменитых предках, о том, как она ездила на Бородинское поле, и вообще, как она всё лето провела в поездках по гостям. И вообще, трескучая радость бытия так из нее и перла. Наверное, от своего семейства перешло к мальчику непонимание и несочувствие к чужим страданиям. Он, правда, пытается что-то понять и почувствовать, но настоящего проникновения в чужую боль, даже если это касается близких для него людей, у него пока нет. Он, безусловно, лучше своего семейства. Он попал к нам через свои муки, но, видно, возраст берет свое, и он наверстывает годы щенячьего эгоизма. Потому трудно ему проникнуть в душу к Абраму Яковлевичу и стараться не обижать его своей активной самостоятельностью. Трудно подчиняться нашему с Димой давлению, когда мы просим его пойти за водой или обрезать ветки, а ему необходимо «заняться делом» – строить тачку, сколачивать стол, табуретку или отчищать песком продавленный самовар. Во всяком случае, мы приняли решение, что Миша никогда не будет

жить с нами постоянно. Ему надо иметь свое собственное жилье, и пусть мать и бабушка об этом более шустро беспокоятся. Если же он поселится у нас, то его родственнички будут вполне этим удовлетворены, что сбаврили сыночка в хорошее место. Нам же во имя нашего будущего спокойствия ни в коем случае нельзя поселять мальчика надолго, даже если, не дай бог, с отцом или с кем-нибудь из нас что-нибудь случится. Итак, Мишка пошел сегодня в школу, а завтра вечером должен приехать сюда.

Здесь мы переполнены информацией. Дима не работает. Я уже за многие годы не помню, чтобы он не работал столь длительное время. Он занимается сараем, топит печку, упражняет свою руку, следит за тем, чтобы, не дай бог, не потолстеть. У него очень хорошее моральное состояние и не очень хорошее физическое. Это, как всегда. Несколько гриппозное состояние, неважно в желудке, сердце побаливает. Все равно Дима очень доволен и отдыхает. Нас часто посещает Мишель Дебре, более пьяный, чем трезвый. Спьяну что-то бормочет критическое в адрес нашего строя с материальных позиций, разумеется. Беспрерывно повторяет, как Хрущев: «Вы меня правильно поймите». «Вы, Абрам Яковлевич, исторический человек»... Очень бы хотелось записать его на магнитофон. Помимо этих бесед, целиком лежащих на уши и внимание Абрама Яковлевича, он с каим-то мужиком, своим дачником, поправил у нас забор и перестелил крышу на сарае.

<...> О выкупах, которые должны платить наши евреи, чтобы покинуть СССР. Сейчас мучают академика Левича⁹⁵ с обычными нашими штучками, например, телефон у него отключили и сына в армию забрали. Слышали отличную «Нобелевскую лекцию» Солженицына. Прекрасно. Немного подпортил впечатление диктор Би-би-си Редько, который читал, заливаясь как соловей, и вносил в замечательную речь свою собственную пошлую индивидуальность, чем ужасно эту речь похабил. Кого мы здесь только не слышим: Би-би-си, «Голос Америки», «Свобода», «Немецкая волна», Швеция, Франция и Япония. Не слышно только Израиль, крепко забили, гады. Приятно, что наша военщина вылетела из Египта. Садат Анвар Иванович повсюду нас разоблачает, где только может.

Оба Бобика, как говорит Абрам Яковлевич, кончают шахматный поединок. Скорее бы уж наш Бобик проиграл мирно американскому Бобику, которому осталось или две ничьих или выиграть сегодня.

Бобби Фишер чемпион мира. Я очень рада.

Мировое общественное мнение пытается заступиться за наших евреев, академика Левича и Петьку Якира. Сегодня совершенно зверски глушили Би-би-си, когда они читали полный текст лекции Солженицына в 17.45. Мы этот текст хорошо слышали неоднократно в подробных выдержках, но полностью так пока и не слышали.

⁹⁵ Левич Вениамин Григорьевич (1917–1988) – физик-теоретик, один из основоположников физико-химической гидродинамики. В 1940–1958 гг. сотрудник Института физической химии, с 1957 г. – Института электрохимии АН СССР. Член-кор. АН СССР (1958). Профессор, зав. кафедрой МГУ и МИФИ. После подачи заявления на отъезд из СССР был уволен со всех постов, но в отъезде ему было отказано. В 1977 г. возглавлял семинар ученых-отказников. С 1978 г. жил в Израиле, затем в США.

Димушка на вид делается всё чуднее. Лохмат, худ, одет в мои лыжные штаны, которые мать купила мне лет в четырнадцать, и они, очевидно, сшиты из чертовой материи, потому что почти не рваные. Дима еще нашел в сарае школьный ремень тех времен, когда впервые мальчиков одели в школьные гимнастерки с ремнями и в фуражки. Теперь уже нет ни таких гимнастерок, ни ремней, ни фуражек⁹⁶. Опять же Дима в рваном Изольдовом пиджаке.

Ходили гулять. Был роскошный день, немного ветреный. Полное безлюдье, дачники разъехались. Как сказала продавщица в магазине: «Господа уехали». В магазине пусто, как и при дачниках. Есть конфеты, пряники, сыр, водка, соль, персиковый сок почему-то, больше ничего. Встретили маленькую белочку, тащившую огромную шишку. Вчера я ездила в Апрелевку, стояла там в очереди в гастрономе за колбасой и за сливочным маслом. Опоздала на поезд и более полутора часов провела на станции, наблюдая за группой полууголовных подростков, куривших, плевавших и хулиганивших по мелочам совершенно самозабвенно. Старшему было лет 15, остальные моложе. Лица у ребят совсем беспородные. Контраст с нашей школой разительнейший. Судя по этим ребятам, нашей стране еще очень долго развиваться в культурном отношении, хотя вид у ребят сытый и одеты они вполне прилично.

Каждый день приходит деликатный пес Пушок и Катина кошка Мурка. У этих животных очень умный и человеческий вид.

Завтра наш сынок Мишка должен приехать с продуктами кое-какими вечером. Нет его два дня, и уже скучаю по нему, длиннорукому и длинноному школьнику. В десятом классе уже дитя наше шалопутное.

2 сентября 1972 г., суббота.

Приехал наш детеныш, нагруженный как ишачок. Привез много новостей школьных, для меня не очень приятных. Елена, моя директриса, требует моего прибытия. Я думаю, что это из-за денег, которые на меня выписаны с 22 августа по 1 сентября, и которые я по договоренности должна ей отдать, так как я в школе не появляюсь уже давным-давно. Может быть, она боится, что я буду претендовать на эти 30 рублей? Она привыкла иметь дело со всякими подонками. Классным руководителем в моем классе назначен Зальцман. Это сюрприз. Я его не люблю, но думаю, что для детей это неплохо. Скучать, во всяком случае, они с ним не будут. В школе принимают французских лицеистов. Мишка подружился с одним мальчиком по имени Паскаль.

3 сентября 1972 г., воскресенье.

Я уже в Москве. Завтра хочу зайти в школу, разделаться со всеми своими делами окончательно и вернуться в Москву.

Снова в Алабино завилась Ленка, на этот раз с Володей Воловниковым, только что вернувшимся из стройотряда под Можайском. Кормила их чем бог послал. С едой паршиво, а они с собой ничего не догадались привезти. Мышин

⁹⁶ Единая школьная форма в СССР была официально введена в 1948 г. и совпадала по покрою, фасону и цвету с дореволюционной гимназической формой. Затем она была модернизирована в 1961 г., а позже обновлена в середине 1970-х и в 1980-х гг., просуществовала до отмены в 1992 г.

вместе с отцом и с Димой возился в саду. Хотел спать в чулане этой ночью, в холодильнике. Насилу мы его убедили лечь в комнате, где печка. Он уверял, что ему будет душно, жарко и вообще невыносимо. Утром смотрим – засупонился в свой спальник, да еще сверху укрылся одеялом. В Москву вернулись вчетвером в полном вагоне, но не переполненном.

Позвонила Иде, она сказала, что Елена хотела уговаривать меня вернуться на работу и звонила к нам домой. В основном ей не хотелось брать какую-то «дебилку», как Ида сказала, в итоге взяли кого-то еще. Поздно, Елена Даниловна. Не надо было меня раньше дергать, я бы тогда ни за что не ушла. Но все равно за это запоздалое желание позвать меня обратно я ей всё прощаю. При всех своих недостатках – она директор выдающийся на убогом фоне других работников просвещения. До последнего года я работала хоть и тяжело, но с удовольствием, во многом благодаря именно ей.

Димусенька приедет завтра в поликлинику, чтобы отец минимально оставался один, мы вернемся как можно скорее или по одному или вместе.

Все наши ребята-выпускники еврейского происхождения поступили в вузы. Только Борька Розенфельд срезался в актеры.

4 сентября 1972 г., понедельник.

С утра я была в школе, где моя директриса была со мной невероятно любезна и сердечна. Все время шел разговор о том, чтобы мне вернуться каким-либо образом. Всё возможно, но не в самое ближайшее время. Видела Иду, Наташу и Зальцмана. Видела ребят моих, теперь семиклассников. Они удивительные симпатяги. Всё хорошо, но в школу я не хочу. Наверное, устала.

Димушка приехал. Дал Лене Штутману 200 рублей на кооператив. Мышин уже позеленел, посерел, не выспался. Был с нами до самого отъезда в Алабино, хотел с нами уехать. Дома облил ядом наши комнаты, чтобы избавиться от клопов, которых нам напустили нижние соседи-циркачи. Отец без нас грустил. К тому же выключали свет на много часов. Он, очевидно, предавался всяким грустным воспоминаниям, из которых мы его вывели своим приездом.

Дима говорил по телефону с Ниной Гинзбург. Она сказала, что они с Витей в «маразме». Вите, наверно, неприятно, что его подчиненный Сахаров и другие ученые что-то изо всех сил борются. Ему вроде бы тоже надо что-то делать, а он не может.

Звонила Алка Зайцева, сказала, что ее подруга, вышедшая замуж за француза, должна платить какие-то дикие деньги за выезд, а ни у нее, ни у мужа таких денег нет. Вадим Белоцерковский⁹⁷ со своей женой Верой тоже, оказывается, подали прошение о выезде и теперь оказались в ужасном положении. Во всем мире люди защищают наших евреев всюду. Теперь еще немцы зашевелились, тоже хотят на свою историческую родину в ФРГ.

⁹⁷ Белоцерковский Вадим Владимирович (1928–2017) – журналист, писатель, публицист, диссидент, сын драматурга В.Н. Билль-Белоцерковского. Эмигрировав из СССР в 1972 г., работал комментатором на радиостанции «Свобода» в Нью-Йорке и Мюнхене (до 1993). С середины 1990-х гг. подолгу жил в Москве, писал для российских газет, участвовал в общественном движении «За права человека».

5 сентября 1972 г., вторник.

Ни о чем невозможно думать, кроме того, что натворили эти проклятые бандюги в Мюнхене⁹⁸. Или весь мир объявит им войну или они наш мир погубят прежде, чем правители это сделают. Мне ужасно интересно, что это за сволочь среди террористов, которая ведет переговоры на отличном немецком языке, неужели фашист бывший?⁹⁹ В Москве, очевидно, ничего не знают из-за глушилок, но наши вроде бы тоже выразили свое сожаление позже всех. Радио говорит об этом целый день. Мы с Димой одновременно захотели иметь оружие, чтобы сражаться с этими суками. Только что наше радио тоже сообщило об инциденте в Мюнхене. Осудили.

6 сентября 1972 г., среда.

Целый день слушали радио о мюнхенской трагедии. Самое страшное – это чувство бессилия перед мраком и подлостью. У нас плохо, но как обидно, что у них тоже всё столь несовершенно. Немцы, знаменитые вояки, никого не спасли, элементарных вещей не предусмотрели, что террористы – не дети с игрушечными пистолетами, которых можно легко и спокойно перестрелять по одиночке. Совсем как у нас – связь нарушилась в перестрелке, хаос, пожарные не сумели подобраться к вертолетам из-за огня бандитов. Что ж немцы думали, что им всё будет легко и приятно? Опозорились западные немцы. Или же среди них кто-то специально помогал террористам, это предположение тоже не исключено. Очень не хотелось бы, чтобы Израиль ответил сейчас какими-либо действиями, направленными против людей ни в чем не повинных. Ни в каком случае израильтяне не должны действовать так же, как арабские убийцы. Сейчас им сочувствует весь мир. Можно потерять это сочувствие и поддержку каким-нибудь жестоким актом мести против тех, кто этого не заслуживает. В такие моменты, как сегодня, очень сильно чувствуешь себя евреем, и хотелось бы быть там с ними.

Если бы не эти кровавые события, мы жили бы в Алабине изумительно. Я впервые за несколько лет чувствую, что я отдыхаю. Димушка, кажется, тоже ничего. Во всяком случае, он очень посвежел, все время почти на воздухе, возится во дворе и играет со мной в бадминтон. Отец тоже чувствует себя вполне прилично. Сегодня он безуспешно ходил к соседке Шуре за картошкой и вынужден был ей, как он выразился, «безбожно врать». На вопросы любопытной бабы о Мишке, он сказал, что Дима его отец, а мать – первая Димины жена. Всё же это долгое время Мишка якобы жил у бабушки. Эта проблема волнует, кажется, всё Алабино. Завтра сыночку нашему исполнится семнадцать лет. По этому поводу,

⁹⁸ Речь идет о террористическом акте, совершенном членами палестинской организации «Черный сентябрь» 5 сентября 1972 г. в Мюнхене во время Олимпийских игр, в результате которого погибли 11 членов израильской олимпийской команды и один немецкий полицейский. События разворачивались с раннего утра, когда террористы захватили заложников, до полвторого ночи, когда операция по их освобождению закончилась полным провалом.

⁹⁹ Короткие переговоры с представителями западногерманских властей по требованию и под наблюдением террористов вели из окна осажденного полицией здания в олимпийской деревне двое заложников, знавших немецкий язык. Они погибли позже вместе с остальными заложниками.

вроде бы, его мать должна прибыть с дачи. Подробности о количестве Мишинных двоек, о его встрече с мамой и о приеме французских мальчиков у него дома надеемся узнать в субботу, если он сумеет приехать.

Сегодня ночью были заморозки, а день был совершенно прекрасный. Мы втроем ходили гулять. Прошли недалеко, набрали сухих веток. Нас сопровождал пес Пушок. На обратном пути отец устал и мы насилу убедили его немного посидеть на скамеечке.

7 сентября 1972 г., четверг.

Поздравляем тебя, Мишенька, с днем рождения. Будь счастлив, сыночек.

Целый день слушали радио о том, как погибли израильские олимпийцы. Дима считает, что палестинцам кто-то помогал в ФРГ. Еще он считает в этом кровавом деле кто-то подкапывал под Брандта¹⁰⁰.

Стало совсем тепло, а завтра будет еще теплее.

8 сентября 1972 г., пятница.

Приезжала моя мама с большими трудностями. Отменили поезда до 15 часов, она добиралась до нас на автобусе и очень устала. В Москве слышаны о мюнхенской драме, несмотря на скудость советской информации.

Димушка слегка посвежел, потому что каждый день проводит на воздухе. Вечером начал впервые за этот месяц рисовать кошмарные картинки на тему «Олимпийские игры». С утра до позднего вечера слушаем радио. Знаем, что в Москве евреи хотели продемонстрировать перед ливанским посольством¹⁰¹, но их увезли в вытрезвитель. Там же был академик Сахаров, величайший человек. Преклоняюсь перед ним всей душой.

У нашего Вити Гинзбурга, начальника Сахарова, можно себе представить, какое паршивое настроение. Ведь он очень хороший человек, но не способен на такие действия, какие совершают Сахаров, Леонтович¹⁰², Шафаревич¹⁰³ и другие ученые.

Я думаю об эволюции своих желаний. Раньше, когда я думала об эмиграции, мне сначала в юности хотелось бы жить во Франции, теперь совсем туда не хочется, потом – в Швеции, Дании, Голландии или Англии. Теперь же, после Мюнхена, если уезжать, то только в Израиль.

¹⁰⁰ Брандт (Brandt) Вилли (настоящие имя и фамилия Герберт Карл Фрам) [1913–1992] – политический деятель ФРГ, в 1969–1974 гг. федеральный канцлер. Лауреат Нобелевской премии мира 1971 года.

¹⁰¹ В Ливане располагались лагеря палестинских боевиков, именно с его территории, непосредственно примыкающей к израильской границе, в начале 1970-х гг. участились вооруженные акции ООП против Израиля.

¹⁰² Леонтович Михаил Александрович (1903–1981) – физик. Действительный член АН СССР (1945), профессор МИФИ и МГУ. Лауреат Ленинской премии (1958). В 1966 г. подписал письмо 25 деятелей культуры и науки генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу против реабилитации Сталина.

¹⁰³ Шафаревич Игорь Ростиславович (1923–2017) – математик. Член-кор. АН СССР (1958), действительный член РАН (1991), профессор МГУ. Лауреат Ленинской премии (1959). В 1960-х – 1970-х гг. неоднократно подписывал протестные письма, один из авторов Солженицынского сборника статей «Из-под глыб» (1974).

Борис Спасский хорошо отзывается о Фишере. Как бы ему не попало за это от нашего начальства. Спасский, действительно, очень симпатичный парень. Не каждый побежденный сможет сказать, что его противник выиграл потому, что лучше играет в шахматы.

Израиль уже совершил налеты на Ливан и Сирию. Поди определи, хорошо это или плохо, после Мюнхена.

Мишка может не приехать завтра, если будет провожать своих новых друзей, французских лицеистов. Мы с Димой очень по нему скучаем.

9 сентября 1972 г., суббота.

Прибыл детеныш. Усталый, еле на ногах стоит. Гостей так и не принимал у себя, почему – и сам не знает. <...> Ужасно мы обрадовались, когда его увидели. Я сегодня сходила в Петровское, купила там яйца, воланчики и еще кое-что. В мире жуткий бордель – террористы, возмездие, гибнут невинные. Мишка говорит, что на уроках истории в школе ребята задают всякие вопросы. Учительница несколько раз сказала: «Если вам у нас не нравится, уезжайте, пожалуйста!» Наш парень помалкивает, но внимательно слушает.

Мы с Димушкой восхитительно поиграли в бадминтон новыми воланчиками. Абрам Яковлевич насчитал, что целых 99 раз не падал наш воланчик. Ужас, как мы рады, что Крыскин приехал.

10 сентября 1972 г., воскресенье.

Приехали с Мишенькой в Москву. На даче лучше. Погода изумительная. Димушка все время щупает свой живот, боится потолстеть. Полдня я готовила, потом, наверное, часа четыре занималась с Мишкой французским. Он не сопротивляется. Говорит, что теперь занимается французским с самым большим удовольствием по сравнению с другими уроками. Вспомнил, что в Москве кто-то звонил нерусский, с акцентом, но себя не назвал, сказал, что еще позвонит. Абрам Яковлевич ходил беседовать с нашей соседкой. Она рассказала, что ее сын – дегенерат, поэтому она редко ездит, чтобы не оставлять его одного.

Я прикуплю продуктов и завтра приеду обратно в Алабино.

11 сентября 1972 г., понедельник.

Мишка так-таки поехал со мной в Алабино, и вез тачку и огромный рюкзак. В школе получил пять по французскому и не написал контрольную по алгебре. Приехали, а здесь грустно, Димушка чувствует себя плохо, сердце болит, и вообще, у него нервное состояние.

В ФРГ уже начали бороться с террором, хоть какие меры принимают.

Домой в Москве приезжала моя мама, кое-что купила, помогала. Она дружит теперь с какими-то еврейскими женщинами, и у нее теперь некоторый сдвиг в сознании. Она непрочь уехать в Израиль.

12 сентября 1972 г., вторник.

Несмотря на очень хорошую погоду, мы чувствуем с Димой себя неважно. Отец, как всегда, не показывает своего плохого самочувствия, если уж ему не совсем плохо. Я огорчилась, что у меня прокис борщ – мои мужики не дога-

дались убрать его в холодильник. Немножко постирались и Дима помыл себе голову и всякие другие места. Долго спорили с Абрамом Яковлевичем – брать или не брать для мытья корыто. Дима брать не хотел, но потом таки отец настоял, и очень правильно. Даже стоя, Дима набрызгал вокруг воды в сенях великое множество.

Пушок, который проводит на нашем участке целый день, ел кислый борщ без всякого удовольствия. Который уж день по нашей территории бродит кукушонок. Очевидно, он живет на соседнем участке слева, где люди появляются очень редко, и там спокойно – ни кошек, ни собак. Вчера, оказывается, приходила без меня к нам в гости белочка, прыгала по яблоне. Играли в бадминтон, установили новый олимпийский рекорд в Алабинском филиале – воланчик не падал сто четыре раза. Отец, судья международной категории, может это подтвердить. Мы с Димой читали Катаева «Разбитая жизнь». Приятно пишет, гад. Сам он – говно как человек.

Мне очень нравится, как выступила Голда Меир, которая сказала, что Израиль будет бороться с террористами повсюду в мире. Еще очень здорово выступил Вилли Брандт, молодец!

<...>

14 сентября 1972 г., четверг.

Димушка чихает бесчисленное количество раз. Но вообще, мы сегодня лучше себя чувствовали. День был роскошный, только уже осень началась. Это грустно. Жалко смотреть, как летят золотые листья, их пока немного. Напротив нашего дома стоит совсем зазолотившийся дубок, очень красивый. Пушок, можно сказать, переселился к нам на участок. Ходит за нами по пятам и хвостом машет. Дима как-то сказал о нем: «Посмотри, настоящий Ильич!» Смотрю, и правда, похож. Очень деликатный пес.

С огромным удовольствием прослушали по «Свободе» отрывки из «Второй книги»¹⁰⁴ Надежды Яковлевны Мандельштам и интервью Солженицына по Би-би-си, которое он дал американским корреспондентам несколько месяцев назад¹⁰⁵. Солженицын совершенно отлично и смело говорил. До чего я горжусь, что с ним общалась. Надежда Яковлевна пишет изумительно. Откуда эта ехидная на вид старушка обладает такой силой и талантом.

Сегодня вдруг услышали радио Израиля. Они стали говорить гораздо интереснее.

15 сентября 1972 г., пятница.

Мы с Димушкой чуть-чуть стали хотеть в Москву. Завтра приедет наш мальчик. Слушаем радио. Что творится кругом! Амин¹⁰⁶ в Уганде – сволочь фашистская. И нет на него управы. Киссинджер у Никсона – это что-то вроде международного Остапа Бендера.

¹⁰⁴ «Вторая книга» опубликована в середине 1972 г. в Париже издательством YMCA-Press.

¹⁰⁵ Интервью газетам «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» 30 марта 1972 г., в которых писатель рассказал среди прочего об истории своей семьи. Интервью напечатано также в «Хронике текущих событий» (Вып. 25. 20 мая 1972).

¹⁰⁶ Дада Уме Иди Амин (1928–2003) – фельдмаршал угандийской армии, президент Уганды в 1971–1979 гг. Одиозный кровавый диктатор, вошедший в историю, прославившись своими зверст-

Как мы будем жить в Москве без информации? Давно пора западным умникам придумать что-нибудь против глушилок.

Диме всегда отравляли жизнь какие-нибудь недомогания. Сейчас это простуда, раньше желудок. Сегодня был сильный ветер, в бадминтон мы не играли. Какая же тут тишина! Я даже не ожидала от себя, что так спокойно расстанусь со своей работой. Видно, очень уж я устала.

16 сентября 1972 г., суббота.

Мы думали, что Мишка уж не приедет, и начали волноваться. Он все-таки приехал в одиннадцатом часу ночи. Мы так его ждали, и были разочарованы. Он приехал с велосипедом, дошедший и совершенно чужой. Мы даже поговорить не могли как следует. Он, оказывается, в кино ходил, оттого так поздно прибыл. Жаль, что он совершает подобные поступки, которые сеют в наших душах холод и отчуждение. В квартире нашей был всего один раз за неделю, в мастерской тоже. Так что его очень мало волнуют и собственные цветы и рыбы, которых он у нас развел. Чем он занят – непонятно, так как нахватал еще и двоек. Эх, Мишка, Мишка, не совсем тянешь ты, мальчик, на нашего сына. (А может быть, свой был бы гораздо хуже?) Очень жаль, что тебе уже семнадцать лет и очень во многом ты уже сложился. Выпадая из-под нашего влияния даже на короткое время, ты сразу же делаешься человеком равнодушным, эгоистичным и глуповатым. Очень делаешься похожим на своих родственников. Как аргумент он привел пример со своей бабушкой, когда мы сказали, что волновались за него. Якобы его бабушка говорит, что уходит на пятнадцать минут, а возвращается через четыре часа. Потрясающе убедительный аргумент.

17 сентября 1972 г., воскресенье.

Хорошо, что Миша уехал. На этот раз его пребывание было тягостным для нас и для него. Дима сказал мне: «Я люблю его, но до конца не доверяю ему. Я не уверен, что если бы я, например, подарил ему Алабино, он бы не сказал нам при подходящем случае: “Убирайтесь из моего дома”». Я этих опасений не разделяю. Несмотря на все его недостатки, я пока еще верю в его порядочность. Если бы я на минуту могла предположить, что он способен на такой поступок, я не могла бы находиться с ним рядом. Но сегодня я лично, да и все мы, с трудом дождались пока он уедет. Говорить не о чем, всем скучно...

Целый день шел дождь. Перетаскивали холодильник в кладовку и хотим его там замаскировать досками перед отъездом, в новой вере, что если жулики влезут, то они его не найдут. Это единственно для нас ценная и необходимая вещь, которую мы тут оставим. Кое-что мы хотим отвезти в Москву: одеяла и подушки, а кое-что затащить на чердак.

Услышали по «Свободе» хвалебную передачу про Левитанского. Знали бы они там, какой Левитанец трус. Но будет, конечно, доволен, когда мы ему расскажем.

вами. За годы его правления было убито от 300 до 500 тыс. граждан Уганды, не менее двух тысяч он убил лично. Бежал из страны в Ливию, а потом в Саудовскую Аравию после поражения в развязанной им войне с соседней Танзанией.

Ужасно мы рады, что на эту сволочь угандийскую, Амина, кто-то напал. Если бы его еще кто-нибудь кокнул ненароком. Я вчера сказала Диме, что этот полуграмотный кабан очень похож по своим фокусам на Хрущева, только черный вариант. А по душе он, наверное, еще чернее Никитки. Приятно, что Ливан начал наконец сам, как Иордания, бороться с палестинцами. Эти бандюги втягивают их в войну, а им это совсем ни к чему. Всех жалко – и палестинцев, и ливанцев, но у Израиля нет другого выхода, чтобы уцелеть. Сегодня мы слушали очень красивую передачу по «Свободе», посвященную еврейскому празднику Йом-Киппур¹⁰⁷. Совершенно прекрасная молитва и песнопения.

18 сентября 1972 г., понедельник.

Димушка уехал в Москву, ему надо к хирургу продлить бюллетень. Придет он завтра, чтобы не рвать из себя дух, так как нужно очень многим позвонить и заплатить за квартиру. Еду, в виде рисовой каши и котлет, он взял с собой.

Мы с Абрамом Яковлевичем слушаем радио. Лучше всего идет «Голос Америки», но и «Свободу» слышали. По «Свободе» сказали, что в Москве уволили двадцать четыре музыканта-еврея за то, что один захотел в Израиль. Этак скоро и до учителей доберутся. Сволочи, фашисты. Еще интересно, что в Ливане местное сельское население, крестьяне, которых терроризировали вооруженные палестинцы, встречали израильтян вполне любезно, и даже продавали им горячее и кофе за наличные деньги.

19 сентября 1972 г., вторник.

Вернулся Димушка. В Москве всё в порядке. Говорил со многими по телефону. Думаем помаленьку закругляться, хоть здесь хорошо и спокойно. Единственный источник тревоги – это международная информация. Того и гляди весь мир взлетит на воздух. Может быть, и лучше будет, все мы сразу вознесемся.

20 сентября 1972 г., среда.

Затаскивали кое-что на чердак. Статуэтки, вазочки, два гипсовых барельефа – копии с древнегреческих. Все эти штучки дешевенькие и никакой ценности для грабителей не представляют, но Диме они очень дороги. Топили углем, в первый раз, стало холодно на дворе. Слушаем «Вторую книгу» Надежды Яковлевны Мальдельштам. Потрясающе!

21 сентября 1972 г., четверг.

Сегодня я съездила в Москву. Кое-что сделала, в основном – котлеты пожарила, сходила на рынок. Услышала, что плохо с картошкой, нет капусты, а потом еще Мишка купил два килограмма рису, сказал, что больше, чем два килограмма, не дают. Парень весь замученный, зеленый. Я все время держалась холодновато, не нарочно, хотя и дружелюбно. Мне показалось сегодня, что он

¹⁰⁷ Судный день – самый важный из праздников в иудаизме. В этот день, согласно Талмуду, Бог выносит свою оценку деятельности каждого человека за прожитый год.

огорчен несколько. Расстались мы совсем хорошо, и мне стало его жалко, уж больно плохо он выглядит. В точных науках у него полная катастрофа, ничего не понимает и списать не может.

Без меня в Алабино тоже шла бурная деятельность. Димушка, отец и Пушок отлично замаскировали холодильник.

Закон о налоге на высшее образование пока еще не ратифицирован. Может быть, они его снизят до реальных размеров, а может быть, вообще отменят. Правда, не верится в это. Если только западные люди объединятся и не будут с нами торговать, и мы из страха подохнуть с голоду без их зерна отменим этот налог.

До чего эти террористы арабские подло действуют.

22 сентября 1972 г., пятница.

Да здравствует Америка! Да здравствует Запад! Американцы приняли закон не торговать с нами на льготных условиях, если наши суки-работорговцы будут брать с эмигрантов больше 50 долларов, то есть 50 рублей на наши деньги. Вот это – действительно настоящая помощь и настоящее братство и солидарность. Как бы наши власти не отреагировали, даже если со злости ратифицируют этот закон о налоге, или откажутся вообще от отношений с США, все равно мы глубоко благодарны американцам за то, что они первые практически оказали помощь эмигрантам во всем мире, и самое главное – нам в СССР. Ни я, ни Дима никуда не хотим уезжать, но все равно приятно за других – за евреев и неевреев. Господи, какое счастье, что существует другой, некоммунистический, мир, который кормит нас при неурожаях и с которым наши власти при всей своей ненависти обязаны считаться.

Целый день Димушка и отец сколачивали ящик для маскировки холодильника. Сделали очень здорово. Если бы у Димы со здоровьем было получше, он мог бы зарабатывать столяром или плотником. Дима сейчас ежедневно продолжает рисунки из своего кошмарного цикла «Олимпийские игры». Очень страшные картинки.

Сегодня снова был теплый прекрасный день. Насколько беднее была бы наша алабинская жизнь, если бы мы не могли слушать зарубежное радио. У нас, оказывается, полная катастрофа с хлебом и вообще экономически очень фигово, но Запад нам не даст погибнуть. По «Свободе» мы прослушали сегодня отличный комментарий Владимирова¹⁰⁸ про «Крокодил».

¹⁰⁸ Владимирова (Финкельштейн) Леонид Владимирович (1924–2015) – писатель, журналист, переводчик. Участник Великой Отечественной войны. Студентом МАИ, в 1947 г. был арестован и до 1953 г. находился в ГУЛАГе. С 1957 г. занялся журналистикой, сотрудничал с рядом газет и журналов. С 1960 г. редактор отдела в журнале «Знание – сила». В 1966 г. не вернулся в СССР из поездки с группой советских писателей в Англию. С 1966 г. писал для английских газет, был лондонским корреспондентом радиостанции «Свобода». В 1977–1979 гг. главный редактор этой радиостанции. Затем в течение 27 лет сотрудник Русской службы Би-би-си. Автор мемуарно-публицистической книги «Россия без прикрас и умолчаний» (Франкфурт-на-Майне. «Посев». 1967) и др. В 1970–1971 гг. перевел книгу Р. Конквеста *The Great Terror* (1968), придумав ее русское заглавие, ставшее термином – «Большой террор» (первое издание по-русски – Лондон, 1974; в СССР – в журнале «Нева». 1989. №№ 9–12).

23 сентября 1972 г., суббота.

Наши радужные надежды, кажется, не оправдались. Ни одна радиостанция не подтвердила сообщения о том, что США не будет с нами торговать по льготным условиям, если власти будут брать высокий налог за образование. Да и сама «Свобода» не подтвердила сегодня своего вчерашнего сообщения.

Приехал Мишка. Все наши замечания учел, это хорошо. Плохо, что он получил еще одну двойку по физике. День был прекрасный. Мы с Димушкой снова оттащили кое-что на чердак. Поиграли в бадминтон. Отец сегодня чувствовал себя неважно.

24 сентября 1972 г., воскресенье.

Меня не покидает разочарование из-за неверного сообщения радиостанции «Свобода». Мишка так радовался, что вернул наше расположение, поэтому веселился до упаду. И снова красил тележку у сарая. Везде нагваздал, и Дима на него рассердился, но не очень. Дитя радовалось целый день.

Очень резко похолодало. В местном Елисеевском магазине уже который день нет хлеба. Мы ходили с Мишкой в Петровское, а там тоже нет. Позже привезли кирпичи хлебные под названием «Формовой». Я слегка простыла.

25 сентября 1972 г., понедельник.

Мы все переехали в Москву и это сильно напоминало бегство. Утекли перегруженные под проливным дождем, холодрыга, а к вечеру в Москве пошел снег. Бардак в теплой квартире показался родным. Приехал Мишка с двумя огромными кавунами капусты и с польской картошкой. Эта картошка выглядит совсем как рыночная, но очень противно воняет удобрениями. И за такую спасибо. Не дают голодать братья-славяне. Мишкины новости малоутешительны – двоек много, поведение плохое. Его мама усиленно хочет заниматься с ним математикой. Пусть попробует. Абрам Яковлевич перенес путешествие благополучно. В Алабине все мы трое колготились с самого утра до трех часов дня не присев. Заканчивали камуфляж холодильника, что-то снова затаскивали на чердак. Дима на меня очень сердился за недостаток энтузиазма, хотя я всё делала очень исправно.

Звонила Иде. Она сообщила мне, что наша школа вышла наконец в самые передовые, получит красное знамя, и по этому поводу весь коллектив собирается идти в ресторан. Она лично Мишкой довольна. У него хорошо идут только два предмета – французский и литература и, кажется, русский язык тоже неплохо. В общем, если не братья за него прямо с завтрашнего дня, ему нечего и пытаться идти в институт.

27 сентября 1972 г., среда.

Приступили к постепенной уборке помещения. Моя мама деятельно помогала, очень устала. Дима ходил в мастерскую, где встретился с нашей подружкой из Венгрии Жужей Раб и каким-то знаменитым венгерским фотографом. Также были Левитанский с Валею и наш Эдик. Левитанский выглядит изумительно, похудел, загорел и видно, что счастлив. Валя выглядит худой стервой

и аж дрожит, когда видит вино. Везет Левитанскому на пьющих подруг. Для него этот безумный шаг – героический. Уж до чего он любил свою квартиру, свой быт – утренние походы на рынок, где сам покупал творожок, потом варил супчик. И всё бросил ради любви. Мы с Димой не ожидали этого от него.

Жужа – как огурчик. Она лауреат Горьковской премии у нас и названа известной переводчицей в «Литературке». Дима говорит, что у нее мышцы как стальные. Я вспомнила, что у нее дома трапедия, и она на ней кувыркается. Фотограф снимал Диму во всяких видах, ложился на грязный пол в своем роскошном костюме, садился, становился на колени и залезал камерой Диме прямо в нос. Под конец он произнес речь, в которой говорил, что счастлив знакомству с таким гением.

Сегодня еще один гений звонил – Олег Целков. Просил керамической глинки для своей дочки. Очень приглашал к себе в Тушино, к черту на рога. Надо бы к нему заехать, ведь он действительно прекрасный художник. Сам он старается пореже выбираться из своей дали. «Как выберусь, – говорит, – так обязательно напьюсь». Жалко, было время, когда он не пил.

Приятное открытие. Здесь мы тоже не окончательно лишены всякой информации. Конечно, не то, что в Алабине, где не знаешь, кого вперед слушать, но свободно слушаем с 10 вечера «Голос Америки», в час дня Францию, и вчера в 11 часов вечера на 19 метрах слушали очень искаженную передачу Би-би-си. Что-то странное. Сами англичане не передают на этом диапазоне, но мы его отыскали и, несмотря на сильнейшее искажение всех голосов всех дикторов, разобрать можно было всё. Правда, сегодня ничего уже не было слышно. Стабильно идет Франция и Швеция по утрам, их передачи не особенно ценные, особенно французские. И вечером «Голос Америки», похуже, чем Би-би-си и «Свобода», но для нас при глушилках сойдет, чтобы знать, что делается в мире.

Эдик рассказал Диме, что Боря Хазанов участвовал в демонстрации у ливанского посольства, его загребли вместе со всеми в вытрезвитель. Там он познакомился с Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Ни у кого не спросили даже документы, просто подержали и отпустили. Небывалый либерализм. Тем не менее Боря качал права, требовал, чтобы ему объяснили, за что их взяли и почему. Сахаров его специально подождал, когда выходили, и похвалил. Мы говорили с Борей по телефону и договорились встретиться в ближайшее время. По новому налогу им с Мариной надо платить что-то около 20 тысяч, а то и больше. Раньше Боря говорил нам, что по 900 рублей они отложили с Мариной не без труда, тем более что оба они сейчас не работают. Итак, Боря вступил на этот путь и назад ему пути нет.

Звонят мои ученики, нынешние десятиклассники из Мишкиного класса, жаждут повидаться. Я их пригласила в воскресенье, пусть придут. Дима тоже доволен, он моих ребят очень любит. Вчера звонила Женя Смагина, она уже начала печататься. Опубликовала пародию на Левитанского в «Неделе»¹⁰⁹. Так хочется, чтобы она не скурвилась. Я и рада за нее и боюсь. Звонила Ленка Гама-

¹⁰⁹ «Неделя» – иллюстрированное еженедельное приложение к газете «Известия», выходило в 1960–1995 гг.

зина. Ее мама вернулась из-за границы. Передала нам привет от некого Саши Злотника¹¹⁰. Мы с этим человеком незнакомы, но поднапряглись и вспомнили, что о нем нам рассказывал Галанин. Этот парень скульптор, эмигрировал в Израиль, и теперь якобы процветает. Может быть, он был у нас в мастерской?

Вчера еще звонило много людей. Среди них Игорь Димент¹¹¹. Это очень милый парень, приятель Киселева по курсам. Говорят, что он способный художник. Он говорил не с Димой, а со мной. Уговаривал, чтобы Дима разрешил ему что-то снимать на киноплёнку в мастерской: ребенка на фоне Диминых скульптур. Я знала, что нам это ни к чему, и Дима уже давным-давно решил не показывать своих скульптур фоном в каких бы то ни было фильмах детских и недетских. Дима согласен только на один фильм – о своем творчестве и о себе. Этот парень так вьедливо просил, что я никак не могла ему сразу отказать. Такие все стали хитрые, всякие слова употребляют: «Сидур – гигант, великий скульптор» и т. д. Но мы не поддались. Говорят «гигант», а хотят опошлить и измелить.

Наконец, наш сынок, не гений и не гигант, Мишенька получил пятерку за чтение вслух по ролям пьесы Горького «На дне». На Зальцмана находит иногда. Вдруг он начинает ставить пятерки за работу как в первом классе, то вдруг разозлится и двойки начинает ставить тоже ни за что. Боже, как Миша ленив! Не глуп, но ленив беспредельно.

Сегодня Абрам Яковлевич чуть-чуть не расхворался, но, слава богу, всё обошлось.

28 сентября 1972 г., четверг.

Выдался очень приятный денек, и мы с Димой махнули в Алабино доканчивать свои дела. Димушка лазил на чердак туда и обратно, как будто ему не срок восемь лет, а восемнадцать. Практически все шмотки, включая посуду, перетасили на чердак. А в пустынных комнатах стало гулко, как в пустой бочке. Нас встречал пес Пушок, улыбался и махал хвостиком. Кажется, его теперь блохи меньше жрут и рана на спине зажила. Этот сволочь-преступник Юрка пускал всюю свое радио. Дима говорит, что можно написать роман о том, как мы мучаемся, прячем всё от воров, изощряемся в маскировке холодильника и таскаем миски на чердак, а главный жулик в это время веселится. Сейчас говорят, что его заберут в армию. Нам пока ничего не отдали <из милиции> и ничего не присылали. Мы с Димой присели за все время минут на пять поесть, а так крутились

¹¹⁰ Злотник Александр (р. 1940) – художник, скульптор. Член МОССХ. В 1971 г. эмигрировал в Израиль, затем переехал во Францию.

¹¹¹ Димент Игорь Абрамович (1939–1998) – театральный художник. Закончил художественно-постановочное отделение Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии. В 1967 г. был сценографом запрещенного спектакля «Новая Мистерия-Буфф» П.Н. Фоменко в Театре им. Ленсовета, в 1971 г. – «Дульсинья Тобосская», дебютного спектакля О.Н. Ефремова во МХАТе. Близкий друг Олега Киселева, так же как и он, по окончании Высших режиссерских курсов не получил диплома, его дипломную работу сочли «недостаточно реалистической». С 1974 г. жил в Бостоне (США), недолгое время работал в Голливуде, поставил там спектакль. Покончил жизнь самоубийством.

без передыху. Приехали поздно, как и говорили Абраму Яковлевичу, но они с Мишкой все равно волновались. Уезжали мы навьюченные, но не так, как в прошлый раз.

Завтра Левитанский должен привести в мастерскую каких-то чехов, приятелей Вашека Данека и Лиды Душковой. Чувствую я, что скоро чехов будет ездить очень много. Им теперь надо начинать всё сначала. Какой Гусак все-таки подлец!

Забыла записать, как на днях в Алабино опять услышали что-то по-английски by Michael Scammell, что-то о диссидентах.

Передали нам, что Борис Жутовский имеет для Димы какую-то информацию. Договорились увидеться в субботу или воскресенье.

29 сентября 1972 г., пятница.

Виделись с Борей и Мариной <Хазановыми>. Оказывается, не выпускают крупных специалистов, даже если они готовы заплатить деньги или надеются их занять у кого-либо. Боря был у замминистра МВД Шукаева¹¹². Рассказал подробности демонстрации у ливанского посольства. В публике слышны были реплики вроде: «Жиды революцию устроили», «Вас всех перерезать надо» и т. д. Вытрезвитель № 4, куда их всех перевезли, предназначен явно не для пьяных, а для высоких интеллектуалов вроде Бори. Там пьяными не пахнет, чистота и висит лозунг «Не пейте сырую воду из рек, прудов и водоемов! Это опасно». Боря подробно рассказал, какие всем задавали вопросы перед тем, как их отпустили. Лейтенант: «Кто вас подбил на это сборище?» Боря: «Я не понимаю, что значит – сборище?» Лейтенант: «На эту акцию?» Боря: «Это другое дело. Меня подбила газета “Вечерняя Москва”». Лейтенант: «Как “Вечерняя Москва”?» Боря: «В этой газете я прочел сообщение о гнусном убийстве израильских спортсменов в Мюнхене. Вы, надеюсь, так же как и я, разделяете мое возмущение по поводу этого гнусного убийства?» Лейтенант, подумав: «Разделяю. Но почему вы пришли протестовать к ливанскому посольству?» Боря: «Потому что на территории этой страны расположены базы палестинских террористов». Лейтенант: «Не террористов, а партизан». Боря: «Пожалуйста, если это вам больше нравится». Лейтенант: «Откуда вы знаете, что партизаны находятся в Ливане?» Боря: «Вы плохо читаете газеты. “Правда” сообщала, что организация “Черный сентябрь” находится на территории Ливана. Скажите, за что я сюда попал?» Лейтенант: «За нарушение общественного порядка. Вы свободны, и чтобы больше этого не повторялось!» Боря: «Нет, меня взяли за то, что я в очках?» Лейтенант: «Как это?» Боря: «Вот тот полковник сказал: “Заберите этого с портфелем и того в очках”». Лейтенант: «Вас взяли за нарушение общественного порядка. Всё, вы свободны».

Сахаров Борю поздравил, когда узнал, что тот впервые в такой ситуации.

Марина снова пошла в свою вечернюю школу. К счастью, ее взяли. Она будет получать что-то около 156 рублей. Боря же собирается устроиться рабочим в булочную, там сутки работать, трое суток отдыхать. Но для этого ему надо считаться тунеядцем, чтобы райисполком заставил его трудоустроиться в течение

¹¹² Шукаев Тихон Михайлович (1915–2001) – генерал-майор милиции.

14 дней. Оказывается, Борин директор звонил ему домой. Сейчас даны указания всем начальникам уговаривать уволенных евреев возвращаться на работу. Ни один пока не вернулся.

Дима встречался в мастерской с Левитанским, его Валеи и каким-то чехом с переводчицей. Чех говорит, что у них там тишь и полный мрак. Он считает, что у нас даже лучше. Теперь некоторые чехи хотят сюда поехать, но не больно пускают – ненадежные.

С Мишкой не виделись, договорились с трудом, что он позанимается со своей мамой математикой.

30 сентября 1972 г., суббота.

Мама моя опять потолстела. Была у нас, что-то рассказывала о Севиных девочках. Мы потихоньку приводим в порядок себя и квартиру. Дима постриг меня и отца, а я Диме затылок подравняла. Звонила Алка Зайцева рассказывала про своих богемных друзей. Они все в полном маразме. Ее день рождения окончился скандалом и дракой. Начал Лимонов, приревновавший Щапову к Стесину и бросивший в него рюмкой. Щапов тут же присутствовал. Бахчанян¹¹³, Шварцман¹¹⁴, Стесин, Лозин¹¹⁵ и, конечно, Лимонов продолжали выяснять отношения на улице. Соседи вызвали милицию. Жена Шварцмана¹¹⁶ душила Алку, а жена Бахчаняна¹¹⁷ кому-то подбила глаз. Милицию успокоил Стесин, который сказал, что у них «литературные споры». Лимонов смылся самый первый. Алка сейчас с ним не дружит, поэтому обругала его шестой поэтический рукописный сборник¹¹⁸. Жена бывшая Лимонова, Анна Моисеевна Рубинштейн, отомстила Лимону не очень оригинальным способом – сошлась с Алейниковым, который погибал от пьянства, а теперь очухался под ее благотворным влиянием. Пока не пьет, а она за ним смотрит, кормит его и поит. Лимонов и вся братва сразу же их за это возненавидели, потому что получается, что Эдик деградирует, а Алейников, наоборот, приходит в себя, пишет стихи и даже продает сборники. Будто бы к Лимонову сейчас тоже все относятся очень плохо за его выверты, а он дурует от любви, потому что Щапов на месте, и Лимон со своей кралей может свидаться

¹¹³ Шварцман Михаил Матвеевич (1926–1997) – живописец, график, дизайнер, поэт. В 1956–1966 гг. работал на Московском комбинате декоративного искусства. Одновременно как книжный график сотрудничал с рядом издательств, занимался плакатом и промышленной графикой. С 1966 г. работал главным художником СХКБ Легпром. Автор концепции *иератизма* – связи древних мировых культур с искусством авангарда.

¹¹⁴ Бахчанян Вагрич Акопович (1938–2009) – художник, поэт. Друг Э.В. Лимонова еще по юности в Харькове. (Бахчанян, кстати, придумал для Эдуарда Савенко псевдоним – Эдуард Лимонов). В конце 1960-х – начале 1970-х рисовал для «Литературной газеты». С 1974 г. жил в США, где опубликовал пять книг.

¹¹⁵ Лозин Андрей Николаевич (р. 1947) – художник-реставратор. Приятель Э. Лимонова. С 1975 г. живет в Австрии.

¹¹⁶ Шварцман Ираида Александровна (р. 1928), переводчица с немецкого языка, автор книги воспоминаний о М.М. Шварцмане «Кто здесь Шварцман?» (СПб., Palace Editions. 2010).

¹¹⁷ Ирина Бахчанян (урожд. Савинова) – художница.

¹¹⁸ В. Сидур и Юлия приобретали все эти сборники, отпечатанные на машинке и красиво переплетенные самим Э. Лимоновым. Стоили эти книжечки в то время довольно недорого – по 3–5 рублей.

только под его надзором. Алка же, по ее словам, переживает сейчас период «острого разочарования» в друзьях. И, наконец, последняя новость от Алки, вернее, предпоследняя – это Женя Смагина, моя ученица, которая не восклицает больше каждые пятнадцать минут: «Я гений!», но начинает знакомиться со всеми этими неофициальными поэтами и посещать «салоны». Просвещает ее по-прежнему Мидлер. Последняя же новость, что будто бы наши власти обсуждают сейчас указ о налоге на евреев и будто бы хотят его смягчить.

Димушка рисует свой цикл «Олимпийские игры» и снова работает над эскизами памятника И.Е. Тамму.

2 октября 1972 г., понедельник.

Вчера приходили меня поздравлять <с Днем учителя> три Мишиных одноклассницы – очень милые девочки. По сравнению с Мишей они прямо-таки академики. Знают, что хотят и куда хотят. Миша старше их на целый год, но его инфантильность так велика, что сегодня, когда он сообщил нам по телефону, что целый день чинил старый велосипед (это уже третий), я подумала, что наш ребенок просто debil, хотя он получил три по алгебре и рассказывал об этом событии, как о величайшем подвиге и одолжении, и пять по французскому. На ночь глядя хотел приехать «повидаться», у него часто благие желания появляются к вечеру. Мы с Димой отложили наше свидание до того момента, когда он меньше будет занят велосипедом. Я всё чаще подумываю, стоит ли уж так пропихивать его в институт, нанимать репетиторов, читать ему бесконечные нравоучения при полной его пассивности и равнодушии. Сейчас он всё чаще говорит: «Все равно не поступлю». Может быть, как раз ему необходим этот опыт – унижаться перед полуграмотным старшиной и сменить неполную интеллектуальную нагрузку на полную физическую. Здоровье у него сильно улучшилось. Из армии вернется через два года еще более мордастым и взматеревшим, как другие ребята. Он любит каши, а в армии это основная пища. Хорошо, если он приобретет там какую-нибудь специальность, например, шоферскую, его это привлекает.

Вчера нас посетила Юнна. Я ее сразу же горячо полюбила, несмотря на недавние претензии из-за этого жалкого дерьма Игоря, которого она выгнала не просто, а через его работу. Показала она карточки своего младенца. Младенец хороший, но похож на Игоря как две капли воды. Ничего семитского, хотя Юнна утверждает, что у него «виноватый еврейский глаз». Мальчика зовут Дмитрий Мориц, и Юнна говорит, что запишет его евреем, чтобы с самого начала по этому поводу у него не было никакой проблемы¹¹⁹. Опять же Юнна говорит, что будет воспитывать парня «жить трудно», как живут другие еврейские девочки и мальчики в нашей стране. Ей понравился по фотографии наш Мишка, она сказала: «У него славная морда». Это так, но она не знает, что пока он не оправдывает

¹¹⁹ Дмитрий Юрьевич Глинский (Васильев) с 2009 г. является членом Комиссии по еврейскому народу при *UJA-Federation of NY* и с 2011 г. – комиссии по иммиграционным вопросам Нью-Йоркского отделения Американского еврейского комитета, основатель и президент Русскоязычного общественного совета Манхэттена и Бронкса. (См. о нем также выше записи от 12 февраля 1972 г.).

наших надежд. Юнна не теряет связей ни с Сефом, ни с Игорем. Сеф пьет и дружит с Луём, а потом перед Юнной оправдывается, а Игорь купил ребенку комбинезон, но ничего не делает и хочет устроиться у Ефремова машинистом сцены или кем-то другим. Рассказывала, как Игорь беседовал с Ильиным и расположил его на свою сторону, а потом Юнна в свою очередь беседовала с Ильиным и сумела ему доказать, что Игорь – дерьмо. Игорь сделал копии писем Юнны к нему из роддома. Эти копии он разослал Вознесенскому, Ахмадулиной, Роберту Рождественскому и кому-то еще. Юнна считает, что Рождественский – поэт-говно, но человек честный, и он ей вернул эти письма через свою жену Аллу Кирееву¹²⁰. Ахмадулина говорила Юнне, как жестока она к человеку, который ее так сильно любит. Юнна ей что-то очень метко ответила, кажется, что если бы Игорь был таким, каким его считает Белла, то Юнна хотя бы из практичности не стала бы его выгонять, когда ей было так тяжело и младенцу всего полтора месяца было, она бы подождала год или полтора. Потом Юнна позвонила Вознесенскому, зная, что тот уже из мести отдал эти письма обратно Игорю, так как его оскорбляет, что Юнна направо и налево всем говорит, что Андрей плохой поэт. Юнна говорила с женой Вознесенского Зоей Богуславской¹²¹, когда тот был в Париже, и сказала ей, на мой взгляд, очень красиво, как в девятнадцатом веке: «Андрей поступил как бастард, не знающий, что такое честь». К сожалению, во всех разговорах об Игоре у Юнны проскальзывал некоторый оправдательный элемент. Особенно сейчас, когда он нигде не работает, но все-таки достает ей какие-то деньги и достает ребенку какие-то шмотки. Юнна считает, что Игорь – человек темный, ходит на Лубянку, а оттуда ему очень близко в «Детский мир», где он уже соблазнил всех продавщиц. Самое же интересное было в конце, когда Юнна прочла свои стихи. Они совершенно прекрасные, особенно одно, про мать и про младенца. Самое смешное, что Юнна добилась-таки, несмотря на постановление, где сказано, чтобы Диме не давали оформлять книги, что именно он будет ее книгу оформлять. У Юнны есть некоторый дар действовать на людей магнетически, она, наверное, как Фишер, какие-нибудь химикалии и электронику излучает на начальницу «Советского писателя» Карпову¹²², жуткую сволочь, которая почему-то Юнну любит за то, что она не ходит в декольте. А главный инквизитор в этом издательстве, некий Соловьев¹²³, полюбил Юнну за то, что она никогда не ходила к нему отстаивать свои зарезанные стихи, а просто их выбрасывала. И однажды, когда он спросил, почему она не ходит к нему их защищать, она ответила: «Понимаете, сидит человек и отрубает детям головы. Ведь бесполезно спрашивать, зачем он это делает». Соловьев ужасно удивился, но сильно зауважал Юнну, хотя из ее книги «Лоза» выброшено в три раза больше, чем там осталось.

¹²⁰ Киреева Алла Борисовна (1933–2015) – литературный критик, художник.

¹²¹ Богуславская Зоя Борисовна (р. 1928) – прозаик, драматург, критик. Член СП СССР с 1960 г.

¹²² Карпова Валентина Михайловна (1915–2001) – главный редактор издательства «Советский писатель». «В литературных кругах славилась своей патологической лживостью. Даже поговорка сложилась: “Врет, как Карпова”», – вспоминала о ней Л.К. Чуковская. А.В. Белинков: «Карпова, написавшая в былые времена доносы на десятки людей и зарезавшая во все времена сотни книг, в которых была искра жизни».

¹²³ Вероятно, цензор издательства.

Вчера же в 12 часов ночи позвонил Хорст Винкельман, приехавший в Москву до 10 октября. Он теперь работает в Бонне каким-то важным чиновником. Говорит, что наши попытались его вербовать в шпионы, а свои тоже ему не доверяют за то, что он так любит Россию. Он красив и элегантен донельзя. Не женится, потому что имеет мечту жениться на русской девушке. На выставке в Касселе не был, но сообщил нам важную вещь, что выставки Диминой в Мюнхене не было. Мы, пожалуй, даже этому рады.

Вчера же Дима был у Бориса Жутовского в мастерской, и тот рассказал, что Сашу Гришина задержали на границе, отобрали у него всё, что он имел с собой – Димины гравюры (80 штук), все слайды и фотографии. Потом его выпустили, с задержкой, но он успел с кем-то встретиться и все это рассказать. Мне жаль этого Сашу, уж так он любил Россию, так ему здесь нравилось, что даже КГБ, которое его обхаживало, не разочаровало его в наших порядках. Он был очень радужно настроен и так хотел сюда ездить. Теперь всё кончено. В КГБ же досье на Сидура пополнится еще восьмьюдесятью гравюрами. Совсем будет толстая папка преступлений.

3 октября 1972 г., вторник.

Забыла написать, что Юнну сильно ругал некий Ягодкин¹²⁴ из МК, или как теперь говорят, Ягóдкин. Невежественный мудака, как и все они, но очень упорный. Он считает, что Юнна в своих стихах намекает на то, чтобы была анархия вместо порядка, это он прочел в стихах, где она пишет, что «стереотипу предпочитает сумбур». В «Юности» Юнне уже объяснили, что ее не будут печатать в течение нескольких месяцев, а ее переводы будут идти без упоминания ее фамилии. Еще Ягодкин ругал Окуджаву за то, что он своему сыну-битнику посвятил стихи. Юнна несколько не унывает и не хочет никуда уезжать. В этом вопросе они с Димой поразительно едины, как и во многом другом.

Я не работаю, но московская жизнь все равно безумно утомительна. Сейчас без двадцати три ночи.

Приходили мои подруги из школы. Мне хотелось с ними повидаться и насчет Мишки посоветоваться. Сегодня на парня что-то нашло, и он сообщил мне по телефону: «Другие уже с репетиторами занимаются». Я сказала ему, чтобы он очень хорошенько подумал, стоит ли ему втягиваться в это дело, платить огромные деньги, увеличивать себе нагрузку, если он сам при этом не шевельнет пальцем. Он подумал и сказал: «Стоит». Очевидно, школьная атмосфера и деловой ажиотаж влияют на него положительно. Его ближайший дружок Игорь <Бейлин> уже занимается. Мы поговорили с Димой с девочками, и они советуют поступать ему в Иняз на переводческий, а не на педфак, так как там меньше конкурсы. Мы не хотим на переводческий всвязи со слухами, что там дают,

¹²⁴ Ягодкин Владимир Николаевич (1928–1995) – ортодоксальный партийный функционер. В 1967–1971 гг. секретарь парткома МГУ. В 1971–1976 гг. кандидат в ЦК КПСС, одновременно секретарь МГК КПСС по идеологии. Покровительствовал возрождению сталинизма. Печально прославился погромом отечественной социологии, закрытием студенческого театра МГУ «Наш дом», чисткой во 2-й московской математической школе, увольнением прогрессивных ученых и учителей, травлей писателей и т. п.

во-первых, подписку не встречаться с иностранцами без ведома начальства и, во-вторых, этот факультет связан вроде бы с КГБ. Но поступать туда легче – берут одних мальчиков, и можно набрать 16 баллов, а на педфаке, где большинство девчонок, проходной балл 18,5. Правда, есть надежда поступить на переводческий, а потом перейти на педфак. Прямо не знаем, что делать.

Мои подруги ушли бы раньше, если бы не Веня с Аллой, которые появились у нас около одиннадцати часов вечера прямо от Лили Брик¹²⁵. Сегодня Арагону исполнилось 75 лет, и наши наградили его орденом Октябрьской революции, хотя газету его у нас прикрыли, а его произведения и все упоминания о нем выбросили отовсюду, где только можно¹²⁶. В «Правде» очень похабно сказано, за что ему орден дают: «Учитывая его прежние заслуги». Я все время поражаюсь, как может существовать настолько погрязшее во лжи правительство. Про них не скажешь, что они обагрены кровью, это нет. Есть преступления, и крупные, как Чехословакия, и помельче, как психбольницы и концлагеря внутри страны, но главное – это удивительная редкая лживость и пакостность. Очень все-таки мне хотелось бы, чтобы их скинули. Многие считают, что хуже будет, а я так не считаю. Я не сожалела, когда Хрущева скинули, и о них, об этой изолгавшейся насквозь, унылой серягине жалеть не буду. Жратву хапают у буржуев, а всё твердят о несовместимости идеологий. Вместе будут спариваться в космосе¹²⁷, но не забывать, что это будет случка с идеологическим врагом.

В «Правде» уже, Веня рассказал, Товстоногова обругали за то, что у него «Ревизор» не такой, как положено¹²⁸. Товстоногов – большое начальство, депутат и еще что-то¹²⁹ – потребовал, чтобы ему дали через «Правду» ответить. Ему, конечно, фиг. Тогда он сообщил Фурцевой, что подает заявление об уходе. Та ему сообщила, что они вполне могут его просьбу удовлетворить. На этом Товстоногов заболел, и теперь имеет бюллетень, вот так-то. Я вот почувствовала, что если и дальше буду в школе раздваиваться, то сойду с ума, поэтому мою просьбу об уходе удовлетворили, и то хорошо. А Товстоногов, хоть и большой человек, но и его просьбу удовлетворяют, если он не будет раздваиваться как положено, тем более ему-то раздваиваться совсем немного надо, гораздо меньше,

¹²⁵ В.Б. Смехов познакомился с Л.Ю. Брик в 1967 г. во время постановки в Театре на Таганке своей композиции по стихам В. Маяковского «Послушайте!». Близко подружился с ней в 1971 г. «Среди самых ярких даров моей судьбы – семь лет постоянного общения с домом и миром Лили Юрьевны Брик и Василия Абгаровича Катаняна. В этом доме не было границы между жизнью и искусством». (Смехов В.Б. Театр моей памяти. – М., Вагриус. 2001. С. 212).

¹²⁶ См. примеч. к записям от 12 февраля 1969 г. Резкий переход в повествовании Юлии к Луи Арагону связан, вероятно, с пересказом В. Смеховым состоявшегося разговора о нем у Лили Юрьевны Брик, которая была свояченицей писателя.

¹²⁷ 24 мая 1972 г. соглашением между СССР и США о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях была утверждена программа «Союз – Аполлон». Совместный полет осуществлен 15 июля 1975 г.

¹²⁸ Автор обвинял Г.А. Товстоногова в извращении классики. (Зубков Ю. Высота критериев // Правда. 1972. 15 августа).

¹²⁹ На тот момент Г.А. Товстоногов был главным режиссером БДТ, Народным артистом СССР (1957), доктором искусствоведения (1968), лауреатом Ленинской (1958), двух Сталинских (1950, 1952) и Государственной (1968) премий, депутатом Верховного Совета СССР, кавалером орденов Ленина (1967) и Трудового Красного Знамени (1957).

чем, например, Любимову. Веня говорит, что Ягóдкин скоро до них доберется, уже на подступах. Дима сказал: «Думаю, что хуевые времена эти, пожалуй, года на три». Я ничего не думаю, я живу сегодняшним днем, часом, минутой. И только мальчишка заставляет заглядывать в ближайшее будущее. А еще дальше даже тошно заглядывать.

4 октября 1972 г., среда.

Некогда с мальчиком и пообщаться. Приехал сегодня сразу же после уроков, домой не заходя, прямо в школьной куртке. А мы ушли в мастерскую на свидание с Хорстом. Потом пришел Юра Никитин со сварной головой мотоцикла. Потом пришел Саша Новачич с каим-то редактором молодежного журнала из Белграда. Этот парень взял у Димы интервью и фотографии. Мишка, кажется, умнеет понемногу. Во всяком случае, сегодняшний наш разговор о пьесе Горького «На дне» перед его уходом доказывает, что он что-то тумкает своей головой.

Дима говорит, что если сны – это отражение сознания, то ему снятся сны трех видов: военные, эротические и скульптурные, но все страшные.

5 октября 1972 г., четверг.

Завтра опять придут дети, звонят, что соскучились. Придет и Мишкина подружка Лиля Шамракова. Сейчас, правда, он на нее сердится, потому что этот поход ко мне она предприняла сама, не обращая к нему. И Мишка Курс придет, этот малый – очень разнообразно талантливый человек: и рисует, и актер, и в математике разбирается.

Елена Даниловна цеплялась к нашему Мишке, чтобы он постригся. Он, конечно, брыкается, но в субботу Дима его обкорнает. Получил третью двойку за контрольную по химии. По-моему, бабушка у него ничего в химии не понимает, хоть она и бывший химик, и прадед Мишкин тоже был профессор химии в Московском университете. Я сужу об этом по Мишкиным словам. Когда он обратился к бабусе за помощью, она сказала: «Это же так просто», но ничего не объяснила. Правда, Мишкины отговорки надо принимать со скидкой. Он получает третью двойку, но говорит, что у него для бабушки есть готовые вопросы. В чем Мишка соображает неплохо, так это во французском.

Уже дня два неважно чувствует себя Абрам Яковлевич. У него кружится голова, когда он ходит или сидит. Димушка переживает. Отец стал больше обижаться, чем раньше.

Дима закончил последний эскиз к памятнику И.Е. Тамму.

6 октября 1972 г., пятница.

Сегодня приходили дети. Они отпросились с последнего урока, а Курс просто убежал. Мишка же наш не убежал и получил по химии три, а по физике четыре. Все-таки не зря я вчера заставила его заниматься, хотя он стонал и каючил ужасно. Дети ругали Зальцмана за пошлость. Чувствуется, что он им сильно надоел.

Димушка ходил к хирургу, и тот продлил ему бюллетень еще дней на десять. Он ушел в мастерскую, где что-то вкалывал с Юрой Никитиным, а потом общался с Хорстом и двумя немцами, которых Хорст привел. Еще приходил писатель Константиновский с румыном, редактором их литературной газеты. Румын надутый, но когда увидел *Observer*, перестал надуваться и стал петь дифирамбы. В итоге попросил три гравюры, чтобы опубликовать их в своей газете. Дима дал ему не очень хорошие, потому что тот, скорее всего, ничего публиковать не будет. Правда, кто знает?

Когда дети ушли, я опять с большим трудом заставила Мишку сделать кое-какие уроки, несмотря на его хитрости, чтобы этого избежать. А сама в это время читала Абраму Яковлевичу воспоминания Мишкиного предка Тарасенкова¹³⁰, который был врачом и присутствовал при последних днях жизни Гоголя (издание 1857 г., и второе 1902 г.). Мишка всё это берет у бабушки, но сам ничего не читает.

7 октября 1972 г., суббота.

Отец очень в минорном состоянии из-за плохого самочувствия. У него уже дня три как появилась икота, которой у него никогда в жизни не было, и после этого какая-то странная боль с двух сторон в груди после глотания. Совершенно ничем его невозможно отвлечь от мрачных мыслей. Димушка вроде получше. Делает зарядку, упорно держит свой вес 64 кг. Ходил сегодня в мастерскую, где встречался с моей ученицей Ленкой Гамазиной, Юрой и Вовкой. Ленка ужасно устает – работать и учиться. Ее мать привезла мне в подарок великолепную книгу Кандинского. Наш детеныш – умница, получил четыре и пять по французскому и по химии получил четыре. Что-то в нем изменилось явно.

Была моя мама, читала Абраму Яковлевичу журнал «Здоровье». Приходили Тюпа с Борей. Снова мы занимались с нашими детьми. Мишку в понедельник будут спрашивать по алгебре, но задания он не записал. Придется ему завтра звонить узнавать.

8 октября 1972 г., воскресенье.

Отец немного повеселее. Мы с Димушкой попрощались с Хорстом, который уезжает послезавтра. Он очень милый, обаятельный парень, и ужасно любил Россию. Мы много с ним говорили и о нас и о нем. Я себе представить не могу, что его отец был нацист. Мы с ним одноклассники, родились – он при Гитлере, я при Сталине. Тираны подошли, наши родители добровольно принявшие и любившие ту диктатуру, умерли, а мы с Хорстом из разных миров проклинаем и фашизм и сталинизм, мы пока живы и не собираемся поддерживать лживый миф о несовместимости идеологий. Нас эти гады уже не обманут, как наших оболваненных родителей. Хорст принес бутылку «Мартини». Я его впервые пробую,

¹³⁰ Тарасенков Алексей Терентьевич (1813–1873) – врач московской дворцовой конторы (1840–1858). Лечил Н.В. Гоголя в 1851–1852 гг. Автор очерка «Последние дни жизни Гоголя» («Отечественные записки». 1856; отдельной книгой: СПб., 1857; изд. 2-е, дополненное по рукописи: М., 1902).

и мне ужасно понравилось. До этого я о нем читала в разных книжках. Даже не ожидала, что это такая приятная штука.

Появилась Наташка Нольде. Помогала убирать мастерскую. Показывала Диме свои вещи. Он считает, что она очень выросла. Я пока еще не видала ее картинки, но знаю, что ей за них поставили тройки, и то с трудом, хотели двойки поставить. Мишка у нас ночевал. Вчера Дима его постриг, несмотря на его протест. Но это необходимо было сделать, потому что Елена его бы не оставила в покое. Мы с ним неплохо позанимались. Вообще, он действительно сейчас занимается больше, чем прежде, и все время стонет, что он слишком много учится. Мальчик стал больше интересоваться своей внешностью. Больше всего волновался, чтобы Дима его чересчур не перестриг. Оказывается, Лиля Шамракова каждый день подкармливает его всякими вкусными бутербродами, якобы в обмен на булочки, за которыми Мишка бегает в булочную напротив школы во время перемены, рискуя сломать себе шею. Булочки – это только предлог. Шамракова кормит Мишку бутербродами с сервелатом и с икрой из большой к нему симпатии. У них с Шамраковой дружба еще из-за еврейства. Мишку нашего хлебом не корми, дай про евреев поговорить, а Шамракова – единственный человек, к тому же еврейка, с кем он может говорить откровенно о своих симпатиях к этой расе. К тому же он усиленно уверяет Шамракову, что он еврей. Его версия насчет того, что Дима его отец расширяется. Он рассказал Марине Шибяевой после ее визита к нам следующую историю. Будто бы Вадим Абрамович – его родной отец, но много лет не мог его видеть из-за всяких обстоятельств, а он жил с отчимом. Он, конечно, точно не знает, но Вадим Абрамович сам говорит, что он его отец. «Ну, раз он сам говорит, – сказала Марина, – наверное, так и есть». А потом, когда Юлия Львовна стала работать в этой школе, то она, конечно, тут же забрала его к себе. Потом была одна неприятная история, а теперь все так вот друг друга нашли. Мишка сам постепенно все больше верит в то, что всё так и есть на самом деле. Он все время думает, как в восемнадцать лет первым делом поменяет свое отчество на «Вадимович» и, если можно будет, то и фамилию. Я думаю, что этого ему сделать никто не позволит. В восемнадцать лет он будет гражданином, который сам имеет право жениться и иметь детей, а чтобы взять Диминову фамилию, надо его усыновлять, кто же разрешит усыновлять совершеннолетнего человека? Но думает он об этой проблеме очень и очень серьезно. Отыскал в каком-то дореволюционном русско-французском словаре перевод слова «жиденок». Теперь все время бегают по квартире и рассказывает: «Я – le jeune juif. Le jeune juif – вовсе не имеет пренебрежительного оттенка слова “жиденок”. Это означает – просто молодой еврей». Чем-то ужасный дурачок наш русский жиденочек.

9 октября 1972 г., понедельник.

Замечательная погода завершилась к ночи небольшим дождичком. Димушка встречался в мастерской с Игорем Тупицыным. Ему сделали операцию, и он пробыл в больнице 14 месяцев. С ума можно сойти! Самое смешное, что он из умеренно левого стал чуть ли не крайне левым. Лежа в больнице, много читал, а главное – слушал зарубежное радио. В Мытищах не глушат. 26 декабря 1971 г.

прослушал передачу про Диму по «Немецкой волне». Говорит, что слушал в течение 45 минут. В этой же передаче тоже немного говорили об Эрнсте.

Алик Киселев, оказывается, лежит в больнице с гайморитом. Ему даже вызывали скорую помощь в театр, и мои дети отводили его в 59 больницу. На днях его должны выписать. Мишка горд, что за списанную контрольную по геометрии получил тройку. По французскому снова получил четыре и пять. Завтра у него контрольная по французскому, и мы с ним много занимались. <...>

10 октября 1972 г., вторник.

Был у Абрама Яковлевича сильный сердечный приступ, совершенно неожиданно. Мы сходили с ним к зубному врачу, это недалеко от нас, и шли мы чрезвычайно медленно. Там отец час просидел с открытым ртом. Потом немного подождал меня, пока мне тоже Василий Семенович вставил одну пломбу. Вернулись домой благополучно и вдруг, когда он прилег отдохнуть, ему стало ужасно плохо – сильнейшая боль в сердце. Продолжалась боль минуты три, пока отец принял штук десять нитроглицерина, валидол и корвалол, потом всё прошло, и врач из неотложки сделал профилактический укол из дибазола и папаверина. Приехал Гдаль и снял кардиограмму, она оказалась очень хорошая. Гдаль подтвердил, что это просто стенокардический приступ, велел лежать, но не намертво, дня три. На этот раз обошлось благополучно, но отец себя перенапрягает, прибавляет какие-то новые упражнения к утренней гимнастике, очень подолгу гуляет и устает. Димушка был в мастерской с Мишкой и Наташкой Нольде. Он очень перенервничал, тут же с Мишкой приехал. Мишка был очень бледненький, а на Диме вообще лица не было.

В мастерской они много сделали: слесаря поменяли разбитую раковину, Наташка убирала полку, а Дима с Мишкой разбирали железный хлам.

Мишка получил пять по литературе. Зальцман предлагал ему сделать доклад на тему «Фауста» Гёте и сравнить это с чем-то Луначарского (у Мишки, как всегда, толком не поймешь). Он, разумеется, отказался, но мы с Димой дружно его обругали. Мишка долго отбрехивался, а потом согласился сделать этот доклад под нашим давлением, тем более что Зальцман велел ему подумать до завтра. Не хочет парень делать доклад из лени, надо ведь читать «Фауста» и Луначарского, а это трудно, это работа, а ему неохота, он лучше табуретку сколотит. Оправдывается же тем, что доклад надо будет делать с определенных позиций, а ему не хочется.

Хоть бы отец почувствовал себя лучше.

11 октября 1972 г., среда.

Отец чувствует сильную слабость, но сердце не болело. К вечеру, когда Димушка пришел и почитал ему, совсем повеселел. Я не смогла уделить ему ни минуты, с самого утра ездила к Гдалю, отвозила ему аппарат для кардиограммы, а потом ходила в магазин и целый день варила, так как всё подошло. Со вчерашнего дня болит у меня зуб, болит терпимо, но нудно. На вид он идеально запломбирован, и я не ожидала, что он будет болеть. Если завтра боль не прекратится, придется опять идти.

Димуся встречался в мастерской с Гдалем и подарил ему металлическую мадонну с двумя детьми и доску. Гдаль долго не хотел уходить, насилу ушел. С Мишкой сегодня не виделись, так как он ходил с Игорем <Бейлиным> во МХАТ смотреть «На дне». Говорит, что скучно, и актеры все уродливые и старые. Получил мальчик двойку по военному делу за бузу. Писал сочинение на тему «Жизненный путь человека по пьесе Горького “На дне”». Никто за два часа не успел, и Зальцман дал дописывать домой.

У Кларочки день рождения, мы, конечно, не пошли. Куда уж нам праздновать, но договорились увидеться. Уже в который раз, так как у Кларочки есть для нас какие-то новости. Сама она гриппует и мы боимся, чтобы она нам отца не заразила.

Говорила я с Милкой Гитберг. Завтра она привезет мне Оксанчика, у которой не очень получается французский.

13 октября 1972 г., пятница.

У Солженицына родился сын Игнат¹³¹. Кларочка успела сказать по телефону, что Лидию Корнеевну вызывали в Союз писателей, и она там замечательно отвечала¹³², а что – подробно узнаем только при встрече.

У папы вид совсем неплохой, но самочувствие неважное. Некоторое головокружение и слабый пульс, Дима насчитал пятьдесят. Димуся ходил в мастерскую, где жуткий разгром, который постепенно приводится в порядок им и другими ребятами. Я сейчас туда не хожу, потому что мы отца одного не оставляем. К тому же я сегодня дошла от зубной боли и пошла к Василию Семеновичу. <...> Я первый день за эти три дня вздохнула. Я все-таки чертовски терпеливая к боли, и всё думаю сама себя перехитрить. Особенно с зубами, но в итоге мне все-таки пришлось к врачу идти. Дима меня буквально вытолкнул.

Димушка говорит, что в подвале они с Юрой сегодня еще место расчистили и повесили <барельефы> «Адама» и «Еву».

Алик Киселев всё в больнице. Ему уже сделали один прокол и теперь собираются делать второй. У него инфекционное отделение, поэтому к нему не пускают, разрешают только говорить по внутреннему телефону.

Мишку вчера ругала долго и настырно. Кроме бузы на военном деле, он признался, что разрисовывает парту на физике и так бесился перед химией, что сломал какой-то там кронштейн. На мои весьма суровые комментарии по этому поводу обиженно сказал, что даже Валентина Петровна <Болховитинова>, химичка, его понимает, что он не может собой владеть, а я не могу, хотя мы близкие люди. <...> Кроме того, Мишка как-то не так поговорил с Димой, который не терпит по отношению к себе какого бы то ни было пренебрежения. А Мишка его допустил в разговоре с ним, чего я даже не заметила, будучи занята

¹³¹ Солженицын Игнат Александрович (р. 1972) – пианист, дирижер. Главный дирижер Камерного оркестра Филадельфии (с 1998).

¹³² Вызов был связан с публикацией в 1972 г. Нью-Йоркским издательством им. Чехова повести Л.К. Чуковской «Спуск под воду» о сталинских репрессиях в писательской среде. Тогда же в журнале «Семья и школа» было оборвано печатание ее воспоминаний об отце. Вскоре начал действовать запрет на ее имя.

разговором по телефону с одним историком. Этот человек знал Мишкиного де-душку и, скорее всего, будет с ним заниматься. Мы с парнем расстались сухо. Он теперь очень остро чувствует любое натяжение и сам старается его ликвидировать. Сегодня мы не виделись, но он всячески желал мира и любви по телефону. <...>

14 октября 1972 г., суббота.

Димушка в мастерскую не ходил из-за простуды. Наводил порядок в шкафах. Отец выглядит лучше, но жалуется на головокружение. Занимались – Мишка с Борей, а я с Тюпой. Тюпа, как всегда, молодец, а Мишка утверждает, что понимает гораздо больше, чем раньше. По результатам в школе пока этого не видно, но мы надеемся, что свои тройки он обязательно получит с грехом пополам и школу кончит. Мишкина рецензия на повесть Паустовского «Исаак Левитан» имела успех. Зальцман прочел ее вслух на уроке, сделал кое-какие замечания, но в общем одобрил. Чувствуется, что Мишка доволен, потому что отнесся к этой работе творчески. Он принес черновик, и мне тоже понравилось, как он написал, хотя есть существенные недостатки, особенно жаль, что он зачеркнул некоторые свои мысли, на мой взгляд, весьма ценные.

Наше напряжение взаимное исчезло. Зато что-то у нас не контактит с Борей. Он предельно поглощен своими личными переживаниями, связанными с желанием уехать, и поэтому в нем появилось что-то потустороннее. Дима сразу же на это реагирует, и у нас получилось натяжение, которое оставляет неприятный осадок. Дима вообще считает, что между отъезжающими и остающимися появляется некоторое отчуждение, которое может дойти до полной пропасти. Отъезжающие хотят думать, что у нас полная беспросветность и что будет всё хуже и хуже. Где-то подсознательно они даже хотят, чтобы у нас было плохо. Мы, кто остается, хотим улучшений, хотим реформ и надеемся, несмотря ни на что, даже если надеяться не на что. Тем не менее даже при очень пессимистическом взгляде на нашу действительность времена сейчас не гитлеровские и не сталинские. Сам факт возникновения проблемы – ехать – не ехать – на нашей почве потрясает, хотя до сих пор не отменен выкуп, и разрешение за деньги получило крайне малое количество кандидатов и докторов. Зато, говорят, толпами уезжают бухарские евреи без высшего образования. Вчера опять французы сказали, что 60 членов американского сената внесли резолюцию по поводу того, чтобы не торговать на условиях наилучшего благоприятствования со странами, которые берут выкуп со своих эмигрантов. Сегодня сказали, что будто бы не шестьдесят сенаторов, а уже семьдесят пять, когда всего в сенате сто человек. Если резолюция пройдет, наши вынуждены будут как-то реагировать. Посетившие нас сегодня Витя и Нина Гинзбурги, сказали, что опубликование этого указа в журнале «Новое время»¹³³ для Запада было якобы приостановлено и половина тиража пошла под нож. Уехать хотят не только евреи. ФРГ сейчас борется за то, чтобы

¹³³ «Новое время» – еженедельный общественно-политический журнал, издаваемый в Москве с 1943 г. Выходил на русском, английском, немецком, французском, испанском, польском, чешском, арабском, позже на итальянском языках, распространялся как в СССР, так и за границей. С 1998 г. – *The New Times*.

скопом купить пятьдесят тысяч наших немцев, а наши вроде бы упираются и хотят продавать каждого индивидуально. Подлые позорники! Сейчас очень интересно, переселят наши в этом ужасном «еврейском вопросе», то есть – будут торговать и терпеть всякие другие невзгоды, или же плюнут и будут выпускать всех, кто хочет. Посмотрим. Кажется, налаживаются отношения с Египтом. Опять туда должны прибыть наши военные советники.

Была также Инна. Она значительно лучше выглядит. Анин муж Иосиф Бегун, известный сионистский активист¹³⁴, живет с ними. Инна готова уехать в Израиль, но только со своим ребенком. Если же Аня поедет со своим мужем отдельно, с ней ужас, что будет.

Гинзбурги выразили много неудовольствия (особенно Витя) в связи с эскизами памятника Игорю Евгеньевичу Тамму. Их претензии типичны для всех заказчиков, и главное – это то, что «Игорь Евгеньевич был не такой». В этих памятниках главное – горе, а Витя знает семью, и там горе не котируется. Произошло еще одно изменение. «Памятник матери», тот, который должен был стоять в Переделкине, в связи с увеличившейся в два раза ценой нам теперь не по карману, и Дима решил, если это возможно, поставить его И.Е. Тамму на Девичке. Вещь эта очень хорошая, иначе мы бы не хотели оставить ее для себя, но сейчас мы не можем ее вытянуть. Новодевичье кладбище – место, где люди видят скульптуру, тем более что место там очень удачное, тем более вещь готова. Дима имеет пять вариантов, но эта самая лучшая. Если бы суметь убедить семью, было бы отлично, и можно было бы поставить еще в этом году. Для Димы важно, чтобы на могиле уважаемого человека стояла красивая и отличная скульптура, а не то, что покойный был выдающийся физик, бодрый человек, альпинист, спортсмен и Нобелевский лауреат. Тем более раз он такой хороший человек, ему надо поставить хорошую вещь. Кладбище – грустное место, а для Диминых вещей главной идеей является скорбь и память о потерянном человеке, каким бы он ни был великим. Дима правильно сегодня объяснил Мишке, что его памятники – это симфония. Иногда тема может повторяться то для скрипки, то для фортепьяно, а иногда – это целый оркестр, если, конечно, есть возможность. В этой фигуре есть и величие и трагедия, и Игорю Евгеньевичу Тамму не стыдно поставить такую замечательную скульптуру. Нельзя забывать, что еще Министерство культуры должно этот памятник санкционировать, а там такая сволочь как Кербель заведует.

16 октября 1972 г., понедельник.

Во вторник у отца был непродолжительный приступ, а вчера второй инфаркт. Пишу в клинике Бураковского, рядом с отцом. Он лежит в той же палате, на той же кровати, что полгода назад. Вчера всё началось в 10 утра. Сначала

¹³⁴ Бегун Иосиф Зиселевич (р. 1932) – диссидент. Кандидат технических наук, до 1969 г. старший научный сотрудник одного из московских НИИ, затем преподаватель математики в вузе. В 1971 г. подал заявление на выезд в Израиль, получил отказ. Стал одним из главных еврейских активистов. Неоднократно подвергался арестам, много лет провел в ссылках и лагерях. СССР смог покинуть лишь в 1988 г. Живет в Иерусалиме, занимается издательской деятельностью. В 1992 г. реабилитирован в России, в 2001 г. ему вернули Российское гражданство.

Вадим Сидур в мастерской около модели памятника И.Е. Тамму (1972). Фото: Эдуард Гладков

сильная боль, потом утихающая и снова возобновляющаяся, и так в течение двух часов. Дима делал уколы промидола и морфия, неотложники – папаверин и дибазол, никакого результата. Приехала «скорая помощь», совсем не та, что в тот раз – старушка и мальчик – что-то отцу вкатили, отчего ему почти не сделалось легче. А потом были муки нести его вниз на носилках по нашей лестнице. Дима болен гриппом, у него температура 37,5°, с сердцем неважно. Мишка, бедняга, долго бегал, искал кого-нибудь в помощь, чтобы донести носилки до лестницы. Я ходила по всем соседям и не нашлось ни одного мужика, способного помочь. Шофер долго не хотел идти, но в итоге Мишка его уломал, конечно, за деньги, но он и за деньги не хотел. Донесли. Раза три останавливались передохнуть. Отец с носилок сползал, еле ворочал языком, волновался за нас. Мишка остался у нас ночевать.

Хорошо, что Гдаль договорился, и отца сразу же согласились принять в институте. Здесь тоже не могли снять боль долгое время. Димушка сидел у Гдаля в кабинете с Толей Гитбергом. Это Толя заехал за Гдалем на машине. Потом я подвезла интенсаин и изоптин. Мы с отцом остались одни. Димушка очень боялся заразить его гриппом, поэтому мы общались по телефону. Сосед по палате, видя такого тяжелого больного, ушел. Он ходячий и пошел, кажется в холл. Как только Абраму Яковлевичу стало легче, он сразу же заговорил о радости бытия: «Вы знаете, как только делается легче, чертовски хочется жить». О том, что у него второй инфаркт, он не знает. Состояние у него очень тяжелое. Уже сутки стоит капельница, из-за которой нельзя пошевелить левой рукой. В носу трубочка постоянно подает кислород, в баллоне которого не работает регулятор, и отрегулировал его слесарь огромным гаечным ключом. Ночь мы провели тяжкую. Из-за того, что сосед ушел, мне разрешили здесь переночевать. В общей сложности я, наверное, тоже поспала часика три-четыре. <...> Гдаль думает, что если бы не было диабета, второй инфаркт не наступил бы так быстро.

Дежурил врач, красавец-грузин Давид Георгиевич. Он все время приходил и сказал, что пока все продвигается неплохо. Гдаля сегодня не будет в первой половине утра, он пойдет сам на консультацию по поводу своего глаза. У него с этим глазом очень плохие дела. Сейчас ждем, чтобы сделали анализ крови, который делается натошак.

23 октября 1972 г., понедельник.

<...> Отец умирал два раза уже здесь. И оба раза врачи его спасли. Надо сказать, спасти они мастера. Я думаю, что если бы отец лежал не здесь, его бы уже на свете не было. Гдаль приходил ежедневно, и врачи его все слушают, что Гдаль скажет, то они и делают. Состояние все равно тяжелое, надежд на выкарабкивание мало, но вот уже дня три, как они появились. Живем в бытовом смысле в идеальных условиях. Отец в палате один, хотя стоят еще две койки. Это не 59 больница, где больные друг на друге и непрерывно погибают. Здесь смертельные случаи редки. Кроме нашей палаты, есть еще одиночки. Рядом с нами очень тяжело больной мальчик 23 лет. Выглядит не старше нашего Мишки, только несколько самоуглублен. Лежит он довольно давно, месяца четыре, зовут его Сережа, болен он каким-то тяжелым пороком с восьми лет. Чувствует-

ся, что он привык болеть как другие привыкают жить. Здесь много молодых. <...> Меня старики восхищают, как цепко они хватаются за жизнь. Сегодня уже девятый день, и капельница уже не в руке, а под ключицей, ее не снимают. Мы с Димушкой пребываем здесь круглосуточно, он – день, я – ночь. Оба мы дошли, но надеемся.

Хороша больница, но когда умирающему больному приносят утром соленую сардельку с картошкой, можно озвереть.

Спим мы напротив друг друга. У меня под кроватью настольная лампа, и я все время вижу его лицо. Если удастся поспать ночью часов пять, это удача. В шесть часов делают инъекции инсулина, и надо что-нибудь съесть, потом – в 9, в 13.30, в 18 и в 22. Димушка приходит и целый день с отцом – кормит его, поит, беседует с ним, если он в состоянии. Поразительно, что отец всё понимает, например, что в 12 у Димы должен быть разговор насчет памятника. В глазах у него есть страдание, но нет потусторонности. Когда Димуся приходит, я с трудом ухожу домой спать, нет сил уйти, а прихожу уже в 9 вечера.

На днях ночью отец умирал. Это было его первое умирание. Появились хрипы. Ночью приехал Гдаль и всё обошлось. На другой день отец рассказал Диме, что будто бы у нас с ним был уговор никого не звать из врачей, если будет худо. Я сказала: «Такой договор, Абрам Яковлевич, можно заключить только с дьяволом». Второй раз – два дня тому назад, всё произошло среди бела дня. Он переволновался. И все думали, что это конец. <...> Прибежали все, кто могли, Гдаль со своим больным глазом примчался. Мне сказали, чтобы я позвонила Диме. И на этот раз обошлось. Третьего инфаркта не оказалось. Сейчас всё стабилизировалось, но всё пока еще очень тяжело. Заходит Володя Бураковский, интересуется. Жалко, что у них с Гдалем неприятности. Гдаль, естественно, страдает от этого больше, чем Володя.

У отца Левитанского, ему тоже 75 лет, непрерывные приступы. Левитанский звонит ежедневно, а кардиограмму он снять никак не может, чтобы мы могли показать ее Гдалю. Мямлит что-то невразумительное, сделать, что ему говорят, не может, ужасный зануда.

Мишка во всей этой ситуации ведет себя хорошо. Он влюблен, но нас не забывает.

Я прочла последний «День поэзии»¹³⁵. Странно, что в нем нет стихов уж совсем отвратительных. Вообще, номер немного лучше, чем предыдущие. Во-первых, опубликованы все друзья – Мориц, Левитанский, Окуджава. На одной фотографии с Твардовским увидели Изольда. Упомянуты Ахматова, Цветаева, Хлебников, Белый, две статьи Мандельштама. Ни бог весть что, но факт.

26 октября 1972 г., воскресенье.

Сегодня пятнадцатый день, как отец в больнице. Для него время кажется бесконечным, а для нас пролетело как одна минута. Капельницу не снимают, мы с Димой дежурируем здесь круглосуточно. Одну ночь меня не было, потому что

¹³⁵ «День поэзии» – поэтический сборник, выходящий ежегодно с 1956 г. в издательстве «Советский писатель».

зав. отделением не разрешила в связи с заселением нового больного. Пожалуй, сегодня первая ночь, когда наступило, на мой взгляд, зримое улучшение. Я за ту ночь, что мне не позволили здесь остаться, единственный раз выпалась. Надеюсь, что завтра Гдаль снимет капельницу, и я уже по ночам приходить не буду. Морально наш старик сник, приступы равнодушия посещают его довольно часто. Он сильно устал бороться за жизнь. В основном прислушивается к своим физическим недомоганиям. Больше всего боится остаться один хоть на минуту. Я один раз говорила с врачом возле палаты, он сразу же начал беспокоиться и звать меня. Даже когда я выхожу в туалет или звонить, я его много раз предупреждаю. <...>

Здесь есть такая сестра, Елена Павловна, она чем-то напоминает сержанта в юбке. Она заряжена бодростью на 200 процентов. Тетка она хорошая, но чересчур любит чистоту, готова уморить больного, лишь бы в чистоте. <...> Елена Петровна сказала про Диму: «Он уникам. Его надо под колпак посадить и всем показывать, какой он сын».

Мишкины дела несколько отошли на второй план. Он аккуратно получает свои двойки по точным наукам и пятерки по французскому и литературе. С любовью, по-моему, у него что-то треснуло. Вникать некогда, он и не очень об этом рассказывает. В этот вторник начинает дополнительно заниматься литературой и русским языком, кроме истории. Всё это будет стоить его бабке около ста рублей в месяц. Иногда это замечательный, чуткий и родной мальчик. Иногда забывает, что мы живем на военном положении, и хочет ускользнуть «на свой уровень». Позавчера Дима четко с ним договорился, что он с ключами поедет в мастерскую к пяти, куда придут Юра Никитин с товарищем и наш Эдик. Эдик хотел снимать, а Юра с товарищем привезли какие-то механизмы. Мишка забыл обо всем и приехал только в семь часов. Ребята прождали два часа. Юра очень просил, чтобы мы Мишку не ругали. Мы с Димой были вне себя, но когда увидели его удрученный вид, не стали по этому поводу распространяться. Малый срывается и это естественно. Иногда наша нагрузка ему не под силу.

Отец говорит, что постоянно чувствует внутреннее одиночество. Еще бы! Он почувствовал его недавно, а мы всё время так живем, хотя пока еще ходячие, а не лежачие. Про Диму же можно сказать, что он давным-давно уже полулежачий – и ходит и живет через силу. И еще работает.

Боря Хазанов с Мариной чуть было не воспрянули духом – их включили в какие-то списки на отъезд, а потом оттуда выбросили.

Говорил Дима с Булатом по телефону. У него свои несчастья. Нашему отцу одну ночь беспрерывно снилась его песенка «Надежды маленький оркестрик под управлением любви», поэтому он всё спрашивал, восстановили Булата в партии или нет. Булат болеет гриппом и его сын Буля тоже болеет гриппом. А его жена Оля в Ленинграде ухаживает за своей матерью, которая в очень тяжелом состоянии. Старший сын Игорь проглотил в армии иголку, нечаянно, и ему делали операцию целых полтора часа. Булат беседовал с кагэбешником «за чашкой чая» часа три, и тот требовал, чтобы Булат как-то отреагировал на происки. Приняли компромиссное решение – к Булату придут из «Лит. газеты» и в интервью он должен как-то деликатно намекнуть о своей лояльности.

ИНСТИТУТ ГРУДНОЙ ХИРУРГИИ АМН СЮЗА ССР
Ленинский проспект, дом № 8

по имени Гдаль

ПРОПУСК

В кардиохирургическое отделение

К больному Сидуру палата № 91

в течение двух минут

" с " 26 / X - 72 1972

Зав. отделением
Гродессор

Типография «На боевом посту» (Зак. 5204)

Пропуск в больницу к А.Я. Сидуру (1972)

30 октября 1972 г., понедельник.

Если Гдаль снимет капельницу, я здесь ночевать сегодня не буду. Отец объективно лучше, а субъективно – лицо страдальческое, брови домиком и бесконечно усталый. На шутки реагирует плохо. Спал неплохо, но давление снова упало до 100 на 60.

У отца Юры Левитанского такая же история. Бесперывные приступы завершились сильным инфарктом, как у нашего отца. Долго ничем не могли снять боли, пока, наконец, сняли. Увезли его в Боткинскую больницу, и Юра остался там с ним ночевать. Всё это рассказал Гдаль Диме. Гдаль очень хотел бы поместить Юриного отца сюда же, но Бураковского нет, а без него этого сделать нельзя.

Капельницу сняли. Мы с Димушкой вернемся сегодня вместе ночевать домой. Отец получше. Спать без меня не боится.

31 октября 1972 г., вторник.

Боюсь за Димку. Он такого ритма не выдерживает, сердце болит почти так же часто, как у отца. Я только что пришла. Встретила Гдаля. Отец спал спокойно до 6 утра. В шесть начались сжимающие боли. Он их не снял нитроглице-

рином и позвал доктора сигналами, сделали промидол, и он заснул. Болей нет. Мы с Димой заметили, что для отца сейчас самым лучшим состоянием является полузабытье. У него делается восковое, почти ненапряженное лицо, и он, вроде бы, спокоен. В остальное время, если его даже ничего не мучает физически, он постоянно страдает. Разница, с которой он перенес прошлый инфаркт и этот – потрясающая. Ухудшение, очевидно, произошло из-за солнышка, оно сегодня снова так ярко светит.

Вчера пришли, когда Мишка уже лежал в постели. Совсем некогда заняться нашим дурачком. Морда симпатичная и хитрая. Опять начал кататься на велосипеде и кашляет. Мы его слегка обругали. В гости к нему на Палиху заходили две девочки, новые его подружки, Галя и Лейла.

1 ноября 1972 г., среда.

Отцу лучше. Он проспал ночь с 10 вечера до семи утра беспробудно. <...> Гдаль захворал и сегодня на работу не вышел. Очевидно, вчера он засиделся на дне рождения у Надежды Яковлевны, которой исполнилось 73 года, по ее словам. Мне кажется, что она старше.

У Юриного отца первый инфаркт и нет сопутствующих болезней, как у нашего отца. Вчера Дима с Юрой говорил и, кажется, там относительно всё благополучно. Плохо делается Юриной матери, она дома одна. Дима спросил, нельзя ли им подключить Валю для помощи. Юра сказал, что она сама рвется, но уж больно для этих дел неприспособлена. Падает в обморок при виде крови, а главное – старики ее стесняются. Какое счастье, что наш отец перестал меня стесняться. С той же клизмой, в тот раз Дима мучился один, а теперь мы вдвоем ее делаем, и он управляется гораздо легче. В тот раз отец никак не желал лежать без трусов, хотя это причиняло ему массу неудобств. Теперь ему уже не до трусов и не до носков. Единственно, он несколько оживляется, когда мы слушаем Би-би-си, и когда его состояние позволяет, мы читаем вслух книжку Яноша Корчака про короля Матиуша.

Димушка говорит, что как раз сейчас у него полно всяких планов, желание что-то делать, а он не был в мастерской из-за всех этих дел почти целый месяц.

Мишка ходил к репетиторше по литературе. Это наша знакомая, Инна Давыдовна. Он очень доволен, но сильно устал после урока и ночевать поехал на Палиху, а не к нам. Сегодня идет к историку. Мальчику тоже трудно.

Сосед к нам привык, и мы часто беседуем на самые различные темы. Сейчас он озабочен, как бы сконструировать искусственное сердце. Вчера приходил его сын. До чего же нынче дети длиннее своих родителей.

Оказывается, Гдаль, идя вчера вечером к Надежде Яковлевне, сильно упал и ушиб себе ногу. Он ужасно плохо видит и когда уходит от нас, Дима всегда, провожая, держит его под руку, чтобы он не упал. <...>

Димушка полдня ходил по врачам, собирал справки, много не собрал. Хочет попытаться пойти во ВТЭК¹³⁶, авось, они ему дадут вторую группу, хоть на год

¹³⁶ Врачебно-трудовая экспертная комиссия. Занимается оценкой состояния здоровья больного, на основании чего выносятся решение о степени утраты трудоспособности, установление времени наступления инвалидности и ее группы.

или на полгода. Все-таки 64 рубля в месяц. Скорее всего, они ему ни фига не дадут. Сволочи, только рассказывают, как они об инвалидах войны заботятся. Лекарства, оказывается, надо то ли бесплатно получать, толи за полцены. Но почему-то Дима ни разу не смог получить лекарства на таких условиях. Причины самые разнообразные – то бланков нет, то еще что-нибудь. У нас на лекарства уходит целая уйма денег.

Я тут, в больнице, так лихо освоилась, что поедаю весь отцов обед, и боюсь, что скоро снова сильно поправлюсь. Рост у меня 159, а вес был 58 два дня назад, а сейчас чувствую 60. У Димы рост 170, а вес около 65 кг. Здесь в холле раздолье взвешиваться и измеряться. У отца очень неплохой аппетит, но исхудал он сильно.

Вчера здесь один больной, маленький, уродливый, лет 50, очень веселый, напился и потешал всех женщин. Чуть ли не снимал штаны и показывал, как у него на лобке побрилы волосы. Веселость его была истерической, а потому опасной. Сегодня ему сделали коронарографию и он спит. Любопытный человек внешне. Говорят, что он сварщик и будто бы контуженный на войне. Я приняла его за москховца, он чем-то напоминает Мишкиного «друга» Слепышева. Таких противных, маленьких, снедаемых москховцев полно. <...>

Врачи здесь очень и очень хорошие. Возможно, что они менее издерганы, чем в городских больницах. Здесь все-таки на каждого врача приходится относительно мало больных, поэтому они даже могут осуществлять так называемый индивидуальный подход.

2 ноября 1972 г., четверг.

У отца снова под утро был приступ. Не боли, а задышка. Меня встретил Гдаль. Он не хромает и на вид ничего. <...> Наряду с этими почти ежедневными неприятностями у отца вдруг резко улучшилось моральное состояние. Не знаю, сколько оно продолжится, но сейчас он не потерял аппетита и говорит, что самочувствие хорошее. Уж не из-за морфия ли это? Но вид у человека, накачанного наркотиками, совершенно мертвецкий. Лицо сильно желтеет, рот открывается, и если бы не дыхание, то полное ощущение покойника. Пока не привыкнешь, смотреть страшно, а потом даже радуешься, что в данный момент человек не испытывает страданий.

Вчера пришла домой в одиннадцатом часу. У Димы нервное состояние, поэтому он не может ни полежать, ни отдохнуть. Перебирает рис. С ума можно сойти – перебрад четыре килограмма. Жаловался на сердце. После риса стал разбираться в моих шкафах и меня привлек. Я начала было ругаться, но потом перестала. Бесполезно. С 1968 г. у меня накопилось больше десяти тетрадок дневников. А я всё пишу и пишу.

Крыса наш уже второй день ночует дома. Ходил заниматься к историку. Тот вообще им доволен, но сделал ему ряд замечаний: не бубнить, говорить четко и ясно, отличать главное от второстепенного и т. д. Я рада, что у него хорошие учителя. Даже если он не поступит, ему эти знания пригодятся. Было же когда-то домашнее и очень неплохое образование.

Каждый день звонят дети. Вернее, хорошие ребята. А тут зашли за халатом Лебедева. Стоят три красавца – Юрочка, Вовка Воловников и Лебедев. Ленка тоже звонит почти ежедневно и просится прийти. Смагина из этой компании постепенно вылетает насовсем. Случилось так, что Ленка в библиотеке подружилась с девочкой-студенткой журналистики МГУ вечернего отделения. Оказывается, эта девочка была Жениной подругой на почве занятий туризмом, а потом Женя ее бросила, и та очень страдала. Она тоже пишет стихи, которые Смагина обругала. Теперь Ленка ввела девочку в свой круг и пока у них полная идиллия. Об этом сообщили мне по телефону и Вовка и Юра. Зная Ленку и вообще жизнь, можно предположить борьбу между ней и этой новой девочкой, как это часто бывает в таких ситуациях. Мы с Димой одновременно об этом подумали.

Звонят многие. Витя Гинзбург и Владик Бахнов предлагали деньги. Это очень ценное качество у человека – предлагать деньги в тяжелые моменты.

Снег пошел, да еще как густо. Это, наврное, из-за него отца все время прихватывает. <...> Говорила со своими по телефону. Димушка был в поликлинике у глазника и у хирурга. Он поразился, узнав, что завтра похолодает до -12° . Говорит, что один момент у него сильно заболело сердце, а как прошел снег, оно сразу прошло.

Почитали с отцом «Короля Матиуша». Дежурит сегодня красавец Давид Георгиевич. Мишка приехал, порадовал тройкой по геометрии. С воскресенья у него будут каникулы дней пять. Мы хотим, чтобы он съездил в Алабино, погледел, как там дела.

Читаю роман Мишеля Бютора *La Modification*¹³⁷. Это любопытно, но я пока не могу сказать, нравится мне или нет.

Если выберемся отсюда, обязательно куплю бате вельветовую пижаму – удобно и красиво. А то он любит засупониваться так, что ему везде давит. Бедный мой, бедный старик! Господи, продли ему жизнь, а когда придется умирать, пусть умрет легко и быстро! Господи, сбереги мне Димушку! Молю тебя от всей души, от всего сердца!

Здесь привилегированно,
 В коридорах нет коек,
 В палате двое только.
 Ходят в белых халатах волшебники
 Всесильные,
 Бессильные.
 Смеются здесь неестественно,
 Чересчур громко.
 Чересчур весело.
 Дыхание вдруг прерывается,
 Прекращается.
 Это снег пошел,
 Это солнце прожгло.

¹³⁷ Бютор (Butor) Мишель (1926–2016) – французский поэт, прозаик и эссеист. Роман *La Modification* («Изменение») написан в 1957 г.

Спешит белый волшебник
 С бархатной черной головой и ласковыми глазами.
 Он всё может,
 Он ничего не может.
 Блестящая трубка ярко сверкает у него на груди,
 Как драгоценный камень.
 Считает что-то, на часы глядя.
 Прикладывает к груди холодную бляху,
 Слушает.
 Что он там слышит – одному богу известно.
 Сдавливает руку, тысячу раз исколотую.
 Произносит слова: «Всё то же самое».
 Отец несколько раз сказал мне: «Зинушка».

3 ноября 1972 г., пятница.

З снова отца прихватывало. На улице мороз. Сегодня утром еле доехала до больницы, весь транспорт брался с бою. Пока отцу брали кровь из вены, мне плохо сделалось. <...>

5 ноября 1972 г., воскресенье.

Этой ночью отец чуть не умер. На этот раз от желудка. Вчера он ел с огромным удовольствием и съел за день два яблока, ему ужасно хотелось. Из-за них всё и получилось. Полночи ему делали клизмы, кололи, клали грелки и, наконец, стало легче. <...>

Вчера Мишка подрался в школе с учеником из параллельного класса Шапошниковым. <...> Он небольшого роста, но крепкий. Наш Мишка более здоровый на вид, но менее опытный в драках, хотя совершенно не труслив. Начался их конфликт еще в военном лагере и даже раньше, когда Шапошников все время к Мишке надирался, и Мишка давал ему отпор. Вчера же в раздевалке была драка. Первым, конечно, начал Шапошников, но Мишка его стукнул в ответ, но не помнит куда, но факт, что не в лицо. Шапошников же, сволочь, очень удачно подбил Мишке глаз справа. Мишка, дурачок, начал глаз пудрить, но мы сказали, чтобы он гордо носил свой синяк, как евреи носят свой нос. Как сказал Мишка, Шапошников однообразно матерился на букву «х». Всё это он рассказал нам после долгих с нашей стороны уговоров. Ему почему-то было ужасно противно об этом рассказывать. Но когда, наконец, рассказал, то не пожалел. Мы, в общем, его похвалили, но сказали, чтобы на будущее он крепче сжимал кулак, чтобы не вывихнуть пальцы, и бил обязательно в морду, забыв при этом, что он интеллигент. Для таких, как Шапошников, подобный аргумент наиболее убедительный. При этом еще присутствовал Мишкин друг Игорь Вокач, который их разнимал. Игорь имеет 190 рост и вообще занимается спортом, поэтому было бы лучше, если бы он не разнимал Мишку с Шапошниковым, а дал бы Шапошникову по морде. Но, как сказал Дима, Игорь мог бы вести себя еще хуже. Во всяком случае, я спросила у Мишки: «Если бы Шапошников задирался к Игорю, что бы ты делал?» Мишка ответил, что стал бы драться. Я думаю, что он прав. <...>

Еще одна новость – Мишка называет Диму на «ты» и говорит ему «папа». Посмотрим, как это у них привьется.

Георгий Геннис, Карл Аймермахер и Вадим Сидур в мастерской (1970-е гг.). Фото: Эдуард Гладков

Появилась еще одна проблема с Ленкой Гамазиной. Она испытывает к Диме нежные чувства уже давно и теперь мучается совестью из-за меня. Я на нее не сержусь. Моего Диму многие женщины любят. Что же теперь делать? Все равно от меня он никуда не денется. Дима же с Ленкой «дружит», как он это называет. Он с ней отдыхает. Я уверена, что у него ума хватит не доводить дружбу до греха.

Вроде бы мои ребята выпустили новый журнал «Спираль», и Юрочкина вступительная статья будто бы стоит всего номера. Дело же немного опасное. Воловников – парень неосторожный. Он зовет сотрудничать еще других незнакомых ребят. Правда, журнал не политический и выходит в единственном экземпляре, но все-таки это разновидность самиздата.

Ребята говорят, что новая Ленкина подружка Галя – полу-Смагина, полу-Нольде. Очень любопытно.

Дурацкие стихи сплела Шамракова на одном из уроков. Это у них считается «смешным» и «пародией». Эти дети – дико необразованные, включая нашего Мишку.

Мозги их выползали из голов
И с мелодичным звоном разлетались в стороны.
И тысячи засушенных гробов,
Как листья раннею весною порваны.
<...>

Юры Левитанского отцу явно легче, чем нашему. Во-первых, нет сопутствующих серьезных болезней, во-вторых, капельницы стояли всего два часа. Он лежит в Боткинской, в какой-то комнате, которая как склад для всяких приборов, инструментов и капельниц, и еще две кровати. Юра ночует с отцом. Скоро старика обещают перевести в палату на двух человек.

6 ноября 1972 г., понедельник.

Пожалуй, эта ночь прошла относительно спокойно. Отец проспал до половины пятого, а потом у него началась нехватка воздуха. <...> На первом этаже и врачи, и нянки, и сестры были пьяные. Я с трудом добилась, чтобы привезли кислород – кислородник был пьяный.

Дима вчера выполнил, наконец, Голину просьбу, и они с Мишей съездили к нему в мастерскую, а потом к ним на новую квартиру. Толя готовится к выставке в Курчатовском институте, которая должна быть очень неплохой. Он окантовал работ семьдесят. Кое-что Дима посоветовал ему не выставлять, и Толя послушался. Особенно Диме не нравится его афишный плакат. Дима сказал, что если бы он увидел такой плакат, он бы на эту выставку не пошел.

Оксанчик к Мишке явно равнодушна. Дима говорит, что она от него не отходила.

Новая квартира у них действительно большая, но без лифта, переть на четвертый этаж тяжело. Да и народу их много – шесть человек.

Димушка, несмотря на все несчастья, устранил вид доходяги, хотя и не поправился нисколько. Сейчас в основном разбирает свои архивы. Работать по настоящему нет никакой возможности.

Левитанский очень трогательно ухаживает за своим отцом. Он непрерывно ночует с ним в больнице, не выходя. Узнал про нашу микстуру и тут же захотел своему отцу такую же. У него отец всё переносит значительно легче, чем наш, а мучает его только живот.

Завтра Миша с Игорем едут в Алабино. Если аптека будет открыта, Мишенька закажет Юре микстуру. А наш старик понемногу становится наркоманом. Он ждет вечернего укола промидола с пипольфеном как манны небесной. Что-то случилось с его характером вследствие болезни. Он никогда мне не говорил: «Ну что вы придумываете, Юля». А главное – всегда прислушивался, а сейчас такое ощущение, как будто он на всякие разговоры говорит: «Гуди, гуди».

7 ноября 1972 г., вторник.

По поводу праздника я шла пешочком до больницы. Транспорт не работал, шли трудящиеся приветствовать партию и правительство. Мне показалось, что шли они уныло, хотя и организовано. Лживое славословие льется из репродукторов и телевизоров.

Отец обрадовал меня своим хорошим видом. <...> Вчера я ушла домой, когда пришел Димушка, и свалилась как труп. Я не ожидала, что так сильно устала. Мне снились какие-то жуткие кошмары. Потом я говорила по телефону с Женькой Зверевой, с Инной Давыдовной, еще с кем-то. Приехал Мишка. Он ездил на Палиху и ходил с матерью и Настей в магазин покупать галоши. Насте

уже год и семь месяцев. Она Мишку любит и с утра требовала, чтобы он ее покатал на коляске. Ей нравится, потому что Мишка катает ее очень быстро. А га-лошки они не купили, зато купили варешки. И тут Настя Мишку описала.

Мишка с Игорем уехали в Алабино. Дима сказал про Игоря: «Смешной па-рень, длинный, с прыщами». Мишка говорит Диме «ты» и «папа», не сбиваясь. Мы даже не ожидали, что ему это так приятно.

Вчера вечером снова звонил Гдаль из Рузы, и, кажется, выпивши.

8 ноября 1972 г., среда.

Ночь прошла хорошо, а сегодня отец плох. Снова повысилась температура до 37,3°. Дима опасается, что это что-то с легкими. <...> Меня поразило, что все врачи здесь суеверны. Все говорят: «Тьфу, тьфу, тьфу» или «Слава богу, ниче-го». <...>

Умер у Юры отец. Всё было хорошо, а потом в два часа ночи за пять минут всё кончилось. Юра только что позвонил, кажется, выпивши, но слегка. Боится, что мать этого известия не выдержит. <...>

11 ноября 1972 г., суббота.

<...> Димушка беспредельно устал. Только он начал входить в норму, бо-лезнь отца опять его подкосила. Вчера он приходил сюда два раза. Днем в пер-вый раз, а потом поехал в мастерскую, где встречался с Юрой Никитиным, и ве-чером снова сюда заехал. <...>

Мишку мы целый день не видели. Он ездил к историку. Ругается со своей ма-терью по мелочам. Историк – отец нашей ученицы из 7 класса. Рассказал Миш-ке, что на родительском собрании у Зальцмана спросили, не вернется ли Юлия Львовна на будущий год. Тогда он ответил то ли игриво, то ли злобно: «Я не на-столько с ней в близких отношениях, чтобы знать о таких вещах». Интересные эти людишки, вроде Зальцмана, уж нет меня там, а он мне все равно завидует.

Дима услышал по Би-би-си, что умер Галансков в тюремной больнице, 33-х лет от роду.

Юра Никитин спросил у Димы, готов ли он морально, что с отцом будет всё плохо. Дима ответил: «Я готов ко всему с пяти лет». Сейчас единственная дея-тельность, которой Дима может заниматься – это разбирательство своих архи-вов. Это его немного отвлекает. Он хочет навести порядок в своих делах, чтобы легче было разобраться в огромном количестве рисунков. Вчера поразились от-крытиям, сделанным в мастерской. Откопал какие-то очень хорошие рисунки в большом количестве, по сравнению с которыми те, что дома, кажутся макула-турой.

Как там дела у Левитанского? Сам он сейчас не звонит, а мы тоже не хотим. У него уже всё кончилось, а он думает о матери, боится за нее. А мы с Димой одновременно подумали: как хорошо, что Зинаида Ивановна умерла первой.

Звонила дня два назад Юнна. Хотела отдать свой долг 50 рублей. Она полу-чила деньги за «День поэзии», и пока они у нее целы, хотела их отдать. Я при-шла из больницы, а Димушка был там, он меня сменил. Юнна хотела прийти не одна, а с какой-то актрисой. Настолько было тошно, что я сказала Юнне, что мы

пока обойдемся в смысле денег, а встречаться нет сил. Решили перенести наше свидание на другой день. С сыном у нее все нормально, через месяц ему будет годик. Юнна рассказала мне, что застрелился поэт Дмитрий Голубков¹³⁸ из охотничьего ружья и оставил какую-то интересную записку.

Сахаров дал интервью американцам. Сказал, что его дочку выгнали из университета¹³⁹. Алик Гинзбург вроде бы отсидел и вышел.

Пришел Димуся, сменил меня. Я дома. Опять у нас появилась надежда, что еще не всё потеряно. <...> Неожиданно у нас в палате появился Гдаль. Димушка в это время звонил к нему домой, и Вита сказала, что Гдаль ушел ненадолго погулять. У него сегодня выходной и завтра тоже. Вот так, гуляя, он забрел на работу. Нашего отца это растрогало чрезвычайно. Гдаль, на которого я так часто грешу, человек совершенно необыкновенный, и вообще какой-то святой. Кого он только не лечит: и нас, и родственников Бориса Биргера, и Надежду Яковлевну Мандельштам с ее родственниками, и Галича. Вчера он ушел из института к одному больному, затем вернулся домой, чтобы я поговорила с ним по телефону об отце, затем поехал еще к какой-то больной, и вернулся домой только после двенадцати, когда мы ему с Димой позвонили, как договаривались. За всё это он не имеет ни копейки, кроме своей основной зарплаты. Лечит же в основном друзей, да и то в большинстве случаев опальных. Сам же он далеко не так здоров. У него одышка, по лестницам он поднимается запыхиваясь, курит он как паровоз и поэтому кашляет, с правым глазом у него совсем худо, он у него снова болит.

Из четырех назначенных к операции в нашем отделении трое отказались. Боятся люди не очухаться после этой операции. Согласился удалять свою аневризму один одессит, по виду и поговору абсолютный еврей, но с русским именем, Зайков Николай Иванович. Он человек веселый, 37 лет, и видно, сердце его замучило вконец, раз он соглашается. Володя будет ему делать, и он уже с ним общался. Если этот парень очнется, то, конечно, жить будет.

Димушка слышал по радио, конечно, по ихнему, что будто бы в нашем руководстве намечаются серьезные перемены, а также изменения в политике. Полное переключение на дружбу с Америкой, против Китая, все усилия на то, чтобы поссорить Америку с Китаем. Подобные слухи ходят очень часто, но уж очень хочется, чтобы они оправдались.

12 ноября 1972 г., воскресенье.

Сегодня проспала. Забыла завести будильник и проспала до половины десятого. <...>

Мишка рассказал, что он снова подрался с Шапошниковым, и на этот раз более удачно. Дело было на перемене после последнего урока. Шапошников сам подошел к Мишке и начал материться. Кругом были мальчики и девочки. Мишка очень сильно кулаком ударил его в нос, так что тот отлетел и очень удивился.

¹³⁸ Голубков Дмитрий Николаевич (1930–1972) – поэт, прозаик, художник. Автор семи поэтических сборников и восьми книг прозы. Редактор поэтического отдела издательства «Советский писатель». Друг писателя Юрия Казакова, застрелился взятым у него патроном.

¹³⁹ Дочь жены, Е.Г. Боннер, Татьяна Ивановна (р. 1950). Была исключена с факультета журналистики МГУ.

Шапошников, оправившись, сказал Мишке: «Пойдем, выйдем». Мишка ответил, что ему с Шапошниковым ходить никуда не нужно и если Шапошникову надо, пусть гуляет отдельно. Продолжения не было. Пока. Мишка все-таки предупредил Игоря, что в случае инцидента Игорь должен не разнимать их, а помочь. Наблюдавшие эту сцену ребята были очень довольны. Шапошников обижает многих. <...> Мы с Димой горячо его поздравили. Наглым насильникам – жестокий отпор, это наш лозунг. В данном случае у нас полная солидарность с государством Израиль, который действует подобным же образом.

Ленка говорит, что Вовка и Юрочка совсем захандрили. Жалуются, что здесь зачахнешь, в институте паршиво, сделать ничего нельзя, жизни никакой нет. Мне кажется, что если бы мы с Димой могли с ними чаще видаться, они бы немножко освободились от этого настроения. Им обязательно нужно, чтобы рядом были старшие, в которых бы они верили и на их примере убедились, что совсем не всё потеряно, хотя и очень тяжело. <...>

13 ноября 1972 г., понедельник.

Отец отлично проспал ночь, но теперь снова на уколах. <...> Он чрезвычайно исхудал. Я рада, что хотя бы болей нет. Гдаль говорит, что если бы можно было применять атропин, то все бы эти неприятные ощущения прошли, но он к нему не прибегает из-за глаукомы. Сегодня отец сидел целых полчаса. Сидеть ему было тяжело, возможно, из-за кровати. Верх мы ему подняли, а низ у этой кровати дьявольской не опускается.

Вчера звонил мне Мишкин учитель истории. Говорит, как Мишка ему нравится и то, что они в полном контакте. Здесь всё в порядке, но я очень беспокоюсь за математику. В субботу Мишка снова получил два по алгебре. <...>

19 ноября 1972 г., воскресенье.

<...> Мишка сидит у себя на Палихе. Завтра пойдет к врачу выписываться.

Ленка сказала Диме: «Изо всех сил стараюсь вас не любить и не могу. Ревнует не ко мне, а к Мишке за то, что он сын. Особенно, когда он звонит по телефону и говорит: «Папа, это ты?» Дима говорит: «Я знаю, что всё это напоминает пир во время чумы, но для меня эта любовная игра единственная сейчас отдушина. Я отдыхаю и отвлекаюсь от всего окружающего мрака. Тебя я не боюсь, ты мне всё простишь. Боюсь я Мишку и твоих ребят – Юрочку с Вовкой. Если они узнают, они меня осудят. Им по молодости трудно понять, как всё сложно».

Сегодня ночью приезжал Володя Бураковский и вообще царило большое оживление в реанимации. Опять, наверное, кто-нибудь возносился. Дима говорил вчера с Володей по телефону. Он в миноре, а жена его Лиля вообще говорит замогильным голосом. Отношения у них между собой очень тяжелые.

Неизвестно, жив Зайков или уже всё.

Все друзья Левитанского – Шуплецовы, Дээзик, Светов – все осуждают его за Валю. Они невероятные моралисты – и полный алкаш Дээзик, и пьяница Шуплецов, и возглавляет, конечно, эту компанию Верочка Шуплецова. Я тоже Валю не люблю, но какое право имеют они вмешиваться в чужую жизнь? Юра с Мариной жили в аду. Опять же все эти положительные господа до сих пор осуждают Юнну за то, что она якобы погубила Леву.

Дима заболел, боли за грудиной, лежит. Говорит, что принимал нитроглицерин раз пятнадцать за день. Сегодня уйдет от отца сразу после ужина. Пусть тот привыкает к самостоятельности.

20 ноября 1972 г., понедельник.

Слишком много все-таки у нас несчастий. Димка свалился. Я пришла, и ему сделалось легче. Гдаль дал нам с собой курантил. От отца я ушла раньше, и он съел тут же снотворные таблетки, которые предназначены были ему на ночь. Оттого сегодня он такой же забалделый и слабый как муха. То же самое, что вчера. <...>

Зайков умер.

Приехал Гдаль со мной, с кардиографом. У Димы какие-то биохимические изменения, и он должен лежать. Гдаль считает, что сейчас ничего страшного нет. Я держусь крепко. Мишку врач оставила дома до пятницы. Он съездил за инсулином для отца, сходил в магазин, всё купил и поехал в свою поликлинику. Я очень боялась, что Димушка надорвется, и это произошло.

22 ноября 1972 г., среда.

Ночью Диму прихватывало. Я угнетаюсь до предела, но делать мне нечего. Отец слаб, но что-то в нем переломилось, и теперь он прежний старик, который думает о нас обо всех. Спит неважно, но ни о каких уколах нет и речи. Димочка волнует меня больше, чем отец. Поняв, наконец, что Диме плохо, отец как бы очухался и теперь старается. Сегодня ел местную еду и даже кусок хлеба съел. Он меня этим очень радует. <...>

23 ноября 1972 г., четверг.

У Димы болей нет, ночь проспал спокойно, но когда проснулся, появилось небольшое неприятное ощущение за грудиной. Отец, кажется, поправляется, у него появился аппетит. Сегодня пришла, а он сидит. Сам медленно и с трудом одевается, потом раздевается и хочет вставать. <...>

Моя родная семья
Три мужика да я
Моя больная семья
Ходячая я одна
Пока
Атмосферные изменения
Международное потрясение
Творческое обалдение
Плотское вожделение
Сердечно-сосудистое обострение
Жаба в груди затаилась
Давит
Я обращаюсь к Богу:
Верни мужа, чтоб ходил

Верни мне отца чтоб еще пожил
 Побереги мне сына
 Прогони от нас проклятую жабу
 Господи

<...>

25 ноября 1972 г., суббота.

Может быть, Бог услышал мою молитву и понемножку поправляет здоровье моим мужикам. Димочка получше и отец получше. С завтрашнего дня буду ходить к отцу к 11 утра, а не к девяти. И ухажу теперь раньше. Успеваю дома сварить кашу и сделать книптики.

Наш кретинчик-сынок купил две замечательные рыбки скалярии. Эти рыбки нежные, за ними нужен особый уход. А наш мудило вздумал менять воду и «чистить». После чистки две скалярии загнулись одна за другой, а несколько рыбок гуппи вообще исчезли неизвестно куда. Прodelал он эту операцию чрезвычайно быстро, Дима лежал у себя, а я была в больнице. Потом он, конечно, сожалел и огорчался. Я таки довела его своими словами «варвар» и «убийца». Он истерически выкрикивал, что я его ненавижу и что-то еще. Потом мы помирились. Мы с Димой верим, что он хотел сделать лучше.

Отец меня вчера ужасно напугал. Лежит, я ему читаю Томаса Мора «Утопию». Вдруг он говорит: «Я сейчас встану». Я говорю: «Вы что, Абрам Яковлевич, с ума сошли?» Началась у нас перебранка, пока, наконец, я не пошла к Гдалю. Оказалось, что отец хотел сесть, а не вставать. Гдаль категорически запретил вставать до понедельника.

Димка рисует. Я думаю, что еще недельку ему побыть дома необходимо.

Из югославского посольства пришло приглашение на 29 ноября. Мы, конечно, не пойдем, не до этого. Мышкин научился быстро читать. Может прочесть книгу толстую за ночь. Это большой прогресс, потому что раньше он этого не умел.

Узнали одну очень неприятную новость. Будто бы Петька Якир признал себя виноватым и продал всех самиздатовцев, кого только можно¹⁴⁰. Я не очень этому верю, хотя источники более чем достоверные. Он никогда не был нам особенно симпатичен, но такого мы от него не ожидали. Пока что мы все-таки до конца этому не верим.

¹⁴⁰ В июне 1972 г. П.И. Якир был арестован вместе с В.А. Красиным. Потом оба «активно сотрудничали» со следствием, дав показания на двести человек. Кроме того, на суде оба признали свою вину и выразили раскаяние по поводу содеянного. Оба признали свой умысел в подрыве советского строя и «клеветнический характер» своих прежних правозащитных выступлений. 1 сентября 1973 г. суд приговорил их к трем годам лагерей и трем годам ссылки. Вскоре сроки заключения обоим снизили до отбытых, и оставили лишь ссылку, которую они отбывали неподалеку от Москвы. 5 сентября в Доме журналиста в присутствии иностранных корреспондентов состоялась пресс-конференция (в тот же день в отрывках показанная по Центральному телевидению), где они подтвердили заявления, сделанные на суде. После освобождения П.И. Якир диссидентской деятельностью не занимался, умер от алкоголя. (См. примеч. к записям от 26 мая 1968 г.). На основании показаний П.И. Якира были арестованы очень многие диссиденты. Практически тогда произошел полный разгром диссидентского движения. Оно возобновилось позже, став уже иным в другую эпоху – эпоху «застоя».

28 ноября 1972 г., вторник.

Вновь возвращаюсь к этой тетрадке и пишу только дома. В больнице больше не пишу, так как нет никакой возможности¹⁴¹. Сегодня к нам в палату подселили новенького. Хороший мужик, спокойный. Пришлось нам потесниться.

Дима, кажется, отлежался, хотя неприятные ощущения за грудиной полностью не прошли. Второй день он выходит на улицу, а сегодня даже купил молока и простокваши. В течение дня он много рисует, в основном полулежа.

Моя ученица Лена Гамазина сильно Диму полюбила, посещает его. Он передо мной кается, но доволен беспредельно. Лена ко всему еще хочет, чтобы я с ней по французскому позанималась, фонетикой. Совсем озверела девушка.

Вчера отец меня допек. Ему было действительно худо, и я не могла уйти до десяти вечера. У него появился страх, что он останется один и никто ему не поможет. Несколько раз он принимался рыдать из-за того, что Дима тоже болен. Я тоже стала есть валидол и говорить дрожащим голосом, чтобы отец не мучил ни себя, ни меня. Сосед внимательно за нами наблюдал и помалкивал. Как выяснилось, ему лежать еще минимум десять дней, и отпустят его из больницы только к Новому году, как и нашего отца, если только нашему отцу суждено отсюда выйти. Меня часто берут сомнения по этому поводу, особенно после вчерашнего жуткого денечка. У него снова появился сахар и снова будут делать по три инъекции в день, как раньше.

С 15 октября я еще ни разу не пропустила посещения этой чертовой больницы. Особенно мне молодых жалко, много их.

Вчера видела у Гдаля в кабинете Надежду Яковлевну Мандельштам. Она меня не очень узнала, хотя сказала, что мое лицо ей знакомо. Выглядит она неважно, говорила с трудом, так как сильно запыхалась. Закурила и стала говорить спокойно. Сказала, что от себя ехала на трамвае до Калужской, а только потом на такси. Я вообще удивляюсь, как она передвигается без такси. Она и дома у себя в спокойной обстановке задыхается. Пока Гдаль вышел, мы успели с ней немного поговорить. Про Якира она знает, но считает, что это, возможно, и провокация, специально распространяемые слухи. Я похвалила ее книгу, вторую часть, которую мы слышали с Димой в Алабине по «Свободе». Сказала, что сейчас очень хорошо читают. Она начала свою книгу ругать, может быть, даже искренне. Говорит, что она ей безумно надоела. Согласилась с тем, что отдельные куски, может быть, и ничего, поэтому нам и понравилось. Я ее всячески уверяла, что книга отличная. Про Диму она сказала, узнав, что он болен: «Сорок восемь лет – это опасный возраст»¹⁴². Сказала, что у нее плохая кардиограмма, а к Гдалю она приехала просто так, «из-за волнения»¹⁴³.

¹⁴¹ С 23 октября, в больнице, Юлия вела записи в нескольких тонких тетрадях.

¹⁴² На сорок восьмом году жизни погиб О.Э. Мандельштам.

¹⁴³ «Сначала у Надежды Яковлевны был застарелый бронхит. С сердцем же ничего особенного не было. Потом, по-видимому, от того, что она лежала, прозевали у нее инфаркт. Это было года за три до смерти. Гдаль ей сделал очередную кардиограмму и увидел, что она перенесла инфаркт. Тут он заставил ее принимать лекарства. Но она, между прочим, была очень недисциплинированным больным. Потом и с легкими стало плохо. Последнее время, по-видимому, была сильная сердечная недостаточность – последствия нелеченого инфаркта. Но у меня сложилось такое впечатление, что в самые последние годы у нее пропадал интерес к жизни. Только Оська, Оська... Она говорила: “Я всё сделала. Я в этой жизни всё уже сделала”, – вспоминала В.И. Гельштейн.

Я еще сидела с ней, чтобы не оставлять ее одну, немного страшновато было из-за ее неважного вида. «Конец один», – сказала она. «Но можно его хоть как-то оттянуть». – «Зачем?» – «Напишите еще что-нибудь хорошее, хотя бы для этого». – «Сил нет уже писать». В начале нашего разговора я узнала, что у нее нет знакомых с автомобилями, а заказывать такси – это ждать не меньше часа. Живет она одна. Жуть.

Гдаль потом еще сказал, что у нее как раз кардиограмма спокойная, но какие-то мгновенные и очень острые боли в желудке слева. Поэтому сегодня он направил ее на рентген желудка, и потом, при мне, так ей домой и не дозвонился – все время было занято.

Мишка хороший мальчик, несмотря на отдельные недостатки.

Были у нас Владик с Нелей. Выглядят они средне. Владик совсем не очень. Не спит и давление у него. Неля читала письма из Израиля от Нины Герман, своей подруги, и та пишет, что устроились они в Иерусалиме вполне хорошо. Там что-то вроде русской колонии, и они уже адаптировались.

29 ноября 1972 г., среда.

Наконец мы с Димушкой вдвоем посетили отца. Он произвел на Диму чем-то очень тяжелое впечатление. Седенький, худенький старичок, сидел сгорбившись. <...> Дима отца побрил, а заодно сделал себе кардиограмму и анализ крови на протромбин. Кардиограмма, как Гдаль говорит, «спокойная», а протромбин 82 % – это, по словам Гдаля, не страшно. <...> И все-таки сейчас у Димушки здоровье, слава господу, понемножку поправляется.

1 декабря 1972 г., пятница.

Самочувствие у отца лучше, хотя Гдаль сегодня с утра разнес его невероятным образом. Отец ведет себя немного как хитрый школьник. Этой ночью у него заболел живот, и он сам совершил поход до туалета и обратно. Гдаль ругался ужасно. Потом Гдаль с умилением смотрел, как отец обедал и сказал: «Вам нужна не сиделка, а жандарм». Вчера батя говорил про свои хождения неразрешенные: «Это ерунда», и говорил довольно фанатически. Сегодня, когда Гдаль его разругал, он удрученно качал головой и говорил: «Да, да, да». Меня же отец восхищает. Я не могу понять, как после того, что было, он может вообще стоять на ногах. А он стоит, и довольно крепко.

Димушка чувствует себя значительно крепче. Сегодня привезли гипсовую модель «Памятника погибшим поколениям» в мастерскую. Эту скульптуру Дима хотел поставить на могиле у Зинаиды Ивановны в Переделкино. Теперь он от этой идеи отказался, потому что нам для себя ее не вытянуть, хотя она и очень хорошая. Поставим, если получится, на Девичке Игорю Евгеньевичу Тамму.

Наташка Нольде, скорее всего, вылетит из института. Оформила она новый выпуск «Спирали». Неплохо. Юрочка Геннис написал совершенно прекрасную и очень горькую вступительную статью, в нашей стране опасную. Воловников хорошие рассказы написал и Смагина неплохие стихи.

Был у нас вчера Женя Вишневский. Был сегодня Боря Хазанов. Он считает кое-каким признакам, что слухи о Петькином падении распускает КГБ. Про

Красина тоже говорят, что-то нехорошее. У Бори дела по-прежнему. Он жалеет, что не отсидел пятнадцать суток с другими евреями, демонстрировавшими на почтамте. Он почему-то не смог там быть.

Завтра Димушка должен идти на ВТЭК. Его дело инвалидное они, гады, так и не нашли и, скорее всего, вторую группу ему не дадут.

2 декабря 1972 г., суббота.

Отец ничего. <...> Димушка ездил во ВТЭК, вторую группу ему не дали. Сказали долечиваться до 15 декабря, а потом снова к ним. Я не сомневаюсь, что никогда они ему вторую группу не дадут. Дима тоже не сомневается, но пойдет к ним, сукам, 15 декабря обязательно. Дима очень хочет, чтобы баба, которая председатель ВТЭКовской комиссии, чувствовала себя так, как он.

Мишка стал писать сочинение с Инной Давыдовой гораздо лучше, чем раньше. Оброс и стричь его надо.

3 декабря 1972 г., воскресенье.

С утра отец чувствовал себя хуже, чем вечером. Я рада, что он проспал около двух часов днем. Это, вероятно, его подкрепило. <...> Несмотря на очевидное улучшение, дело все равно очень неустойчивое и в любой момент может окончиться трагически. Дима говорит: «Я все это понимаю, но если отец протянет хотя бы месяц-два или даже год, то и тогда это будет очень хорошо». <...>

В гостях у нас были Алик Киселев и Таня. Дела у Алика плохие. Поставили ему за курсовую двойку. Теперь как бы его вообще не выгнали с курсов без диплома. Он несколько сбледнул, но полон сил и энергии. Думает не на шутку, как бы из нашей страны уехать, потому что наконец понял, что здесь никогда и ничего сделать ему не дадут. А там, хоть и тоже сложно, но с его талантом, пока еще не совсем загубленном здоровьем, энергией и силой он мог бы сделать что-нибудь хорошее. Я уверена, что несмотря на все Аликовы недостатки, он мог бы снять совершенно прекрасный фильм у Димы в мастерской. Алка со своими двумя дохлыми приятелями никогда ничего сделать не сможет. Алка может только шляться по знакомым и про всех всё знать. Творческая жила у нее лопнула и, скорее всего, безвозвратно.

Ленка в Диму совсем по уши влюбилась, и Дима ее полюбил. Теперь он совестью мучается из-за нее и из-за меня. Она же мучается из-за меня. Я Диму всё уговариваю не мучиться, потому что девочка, скорее, действует на него благотворно и успокаивающе. Через беспросветный кошмар, в котором мы сейчас пребываем, вдруг пробилась для него большая радость. Это видно невооруженным глазом. Что же касается ее, то ей сильно повезло – такого мужика полюбила. Хоть он и больной и старый, но лучше ей пока никто не попадался и неизвестно, попадется ли в жизни. Я ее не осуждаю и не сержусь на нее. Мне немного ее жаль, потому что пока я жива, Дима меня на нее не променяет. Ей скоро будет девятнадцать лет. У нее вся жизнь впереди. Дай бог ей счастья. Только бы Мишка и ребята не узнали. Они по молодости лет не поймут и не простят.

Мишенька, мальчик наш родной, двоечник. Математический бездарь, по остальным все хорошо.

Бывают же такие прекрасные люди, как Гдаль. Это же надо!

В мастерской орудует Юра Никитин, приводит всё в порядок. Золотой парень.

4 декабря 1972 г., понедельник.

Дима говорил с Юрой Левитанским по телефону, и он сильно разочаровал. Уже собирается возвращаться к Марине. Зачем же, идиот, уходил? Марина пьет и он ее жалеет. А «дочка» Валя беременна. Левитанец стонет, что он в долгах, что делать ему нечего. Только мы его зауважали за какие-то решительные и, в общем-то, правильные действия, он тут же замандражировал. Вернется и ничего не изменится в его жизни. Будет та же собачья жизнь, те же пьянки, та же ненависть к Марине, а ее – к нему.

<...> Димушка вместо альбуцида налил себе в глаза нечаянно пилокарпин и на какое-то время потерял зрение. Я ужаснулась, когда он мне это сообщил. Наш сын Миша, дурила, решив избавиться от запора, выпил вчера на ночь пять штук коры крушины, два ревеня и пурген. От этого его несло всю ночь, весь день, и мы с Димой удивляемся, как он еще на ногах держится. Он сначала был доволен, потому что был понос, но не было боли, а сегодня к вечеру стали у него кишки болеть. Чем-то наш детеныш невероятный дуралей. Надеемся, что на этот раз подобный эксперимент обойдется благополучно, но мы с Димой очень рассердились, что он совершает эти членовредительства тайно, не посоветовавшись с нами.

Я пришла из больницы, когда у нас пребывала вся наша молодежь: Ленка, Юрочка, Вовка, Наташка и, конечно, Мишка. Ленка сильно изменилась в лучшую сторону. Это от общения с Димой. С ним всегда люди становятся лучше. Я поразились, как в ней совсем исчезла стервозность, интеллигентная девушка.

Юрочка бледненький. Он написал прекрасную вступительную статью к новому номеру «Спирали». Оформление Наташкино неплохое, но грубоватое. Мы все договорились, что «Спираль» никому показывать не будем, кроме самого узкого и близкого круга знакомых. Потому что, несмотря на всю невинность – это самый настоящий самиздат, а в нашей стране вполне можно за это оторвать башку, а в лучшем случае выгнать из института, что тоже ни к чему. Воловников Володька, хорошенький, доходит у себя в институте, ужиться скучно. Десять часов в неделю военное дело – строевая подготовка и т. д. Ведь историки на случай войны – комиссары. Он серьезно подумывал о том, чтобы смотаться из нашей страны, но пока мы его отговорили. Ведь от себя все равно не уйдешь. Вообще, с этими желаниями уехать что-то невозможное.

Приходила Алла Зайцева, вся переполненная, как всегда, всякими новостями. Лимон со своим Козликом, т. е. со своей любовью Козловой-Щаповой, слит неразрывно. Она взяла его под свое покровительство и даже теперь модно его одевает. Как реагирует Щапов – непонятно. Лимон всегда при них и тяготится своим положением, а Щапов вроде не тяготится. И будто бы сейчас у него нет денег, а Козлова имеет сестру за границей и средства к существованию. Теперь

Козлова вместе с Лимоном хотят, чтобы Алка фактивно вышла за Лимона за муж. Тогда Эдик выстроит себе кооператив и будет иметь московскую прописку. Алка отказалась. Пока Лимон был один и нищий, она бы пошла на это. Теперь же не хочет, тем более задарма.

Алка общалась с неким Гуревичем, врачом-психиатром, который показывал ей книжечку КГБ и много болтал. Он вел оправдательную речь насчет психбольниц, так как сам оттуда. Говорил, что Буковский всё наврал в своем письме¹⁴⁴. У них в психушках хорошо, они никого не обижают, а всех лечат, поят, кормят и дают заниматься творчеством. Говорил всякие гадости о Солженицыне, о Сахарове и о других. Нам с Димой было любопытно, но Алка сама где-то ходит по краю КГБ, и на сей раз Дима с ней очень осторожен и даже не показал своих последних рисунков. Мы теперь с Алкой очень далеки друг от друга.

Лимон со своим Козлом вроде бы намечают при первой возможности утечь. Сейчас эта идея беспокоит всех как болезнь. Наш Мишка только и думает о евреях, об Израиле и о том, как бы туда смыться. Вчера еще какую-то глупость придумал – грозился переделать свое имя на Моисей. Я ему, конечно, тут же сказала: «Мойша, поди умойся, ненормальный мальчик». С этим сионизмом он больше роялист, чем сам король. Вчера он что-то сказал вроде: «Я не хочу стричься, потому что буду похож на русского Ваньку». Нас с Димой это так возмутило, что мы устроили ему целый скандал. Я сказала: «Когда ты так говоришь, то это то же самое, что жид Абрам, или черномазые, или косоглазые, черножопые и другие проявления шовинизма. Так говорят только мешанистые провинциальные евреи, которые не менее отвратительные, чем антисемиты».

5 декабря 1972 г., вторник.

Не верится, что батя наш может выбраться из больницы. Сегодня снова у него был сильнейший приступ. <...> В общем, дела у нас очень фиговые. Димушка сегодня тоже чувствовал себя очень фигово. За грудиной не болело, зато болело сердце и была слабость. Он даже рисовать не смог. Ночью ему приснился сон, что он никак не может вдохнуть воздух в себя, а если даже вдохнет, то из разбившихся ламп пойдет отвратительный ядовитый дым, который все равно его погубит. Господи, помоги нам!

Владик и Мима предлагают деньги в долг. На черта нам влезать в долги. Хотя они и говорят, что не будут этого долга требовать, но мы-то знаем, что долги – это долги, и их надо отдавать. Не могут догадаться купить у Димы несколько рисунков по тридцатке. Это совсем другое дело.

Появилась моя мама. Она неплохо выглядит. Искренне радовалась, что видит меня после столь длинной разлуки. Мышкин наш умнеет не по дням, по часам. Запоем читает книги, помогает в хозяйстве. Красавчик. Девушки очень на него заглядываются, а он к ним пока равнодушен.

¹⁴⁴ В январе 1971 г. В.К. Буковский выступил с открытым письмом к зарубежным врачам-психиатрам, в котором изложил ситуацию с карательной психиатрией в Советском Союзе, к письму были приложены копии заключений судебно-психиатрических экспертиз П.Г. Григоренко, Н.Е. Горбаневской и В.И. Новодворской.

Юлия и Вадим в мастерской (1970-е гг.). Фото: Эдуард Гладков

Совершенный кошмар у Левитанского. Дима говорил сегодня по телефону с его беременной Валей. Оказывается, у Юры мать то ли свихнулась, то ли вообще такая жуткая женщина. Юра проводит с ней полдня. За это время она его всячески изводит, говоря, что он виноват в смерти отца, что зря он их вывез из Иркутска. Таким образом доводит его и доводит себя до сердечного приступа. Когда Юра выходит из дома, она звонит Вале и называет ее блядью и вообще всячески ругает. Если Юра звонит к ней, она нарочно не поднимает трубку, а потом говорит, что звонка не слышала. Все лифтеры знают, что у нее был прекрасный сын, а потом «эти шлюхи» его у нее отняли. Марина по-страшному пьет и хочет, чтобы Юра вернулся любой ценой. Валя беременна и хочет рожать младенца всем назло, так как все вокруг желают ему смерти. Сама же Валя говорит, что она человек свободной морали, вполне может жить с Левитанским и с Мариной, так как жалеет ее. Но все умники вокруг Верочки Шуплецовой этого не желают. Вот у Левитанского кошмар так кошмар. В итоге он тоже сделается коронарным больным, как и мои два мужика.

Все радиостанции сообщили, что Жореса Медведева отпускают на год в Англию. Невероятно!

7 декабря 1972 г., четверг.

Мы были у бати вместе с Димушкой. Резкое ухудшение. Гдаль отцом недоволен, так как считает, что он нарушает режим. Я думаю, что отец не столько нарушает, сколько плохо ему самым ужасным образом. И когда он встает совершенно неожиданно, так это не он встает, а какая-то сила внутри его подымается. Димушка уже несколько дней бату не видел и сегодняшнее свидание очень его огорчило и удручило. Он считает, что отец впадает в детство. Не может расписаться, то ли не видит. Не разбирает, который час на будильнике. Я, наверно, уже привыкла, и сегодня отец не производил на меня худшего впечатления. <...> Хоть нельзя сидеть, но он все-таки ухитрился, прямо при нас сел. Я не стала его упрекать, хотя Дима был очень недоволен. Говорить с батей очень трудно, потому что почти любая тема из воспоминаний о прошлом или какая-нибудь песенка вызывают у него слезы. Плачет старикан и на усы из пластыря, поддерживающего у него в носу трубочку кислорода, так что кажется, что он улыбается, капают слезы. Умирает человек на глазах, жить ему не хочется, потому что перспективы у него самые безрадостные, а легкой смерти тоже бог не дает. И Гдаль, он борется за него совершенно иступленно, потому так и сердится, что не получается, как ему хочется. Конечно, батя всё понимает, что он нарушает его предписания: ходит больше, чем надо, сидит тоже, не ложась. Соглашается с Гдалем, вчера все время говорил, как ему Гдаля жалко, и что он во всем прав, не разрешая ему ходить. Он сам сознает, что ночной поход в туалет – семьдесят пять метров по коридору в один конец – и такой же поход обратно, могли многое ему испортить, так как за несколько дней до этого он делал по десять шагов, не больше. Вчера ночью, то ли позавчера, он опять ходил ночью к сестре спрашивать, который час. Если ему говорят, что этого делать нельзя, он соглашается, но в то же время вчера вечером перед моим уходом упорно требовал, чтобы я поставила ему тапочки поближе. Я, конечно, спрятала их подальше,

и он на меня обиделся. Я сказала, что прячу подальше специально от соблазна. Про Гдаля он сегодня сказал: «Брехун. Говорил лежать два дня, а теперь до понедельника». <...>

Мишка наш жалуется на горло. Вчера получил пять у Зальцмана, пять по французскому и четыре у идиота Бени по военному делу. Зато химичка ужасно на него ругается и грозит выставить ему два в полугодии. По отметкам двойка у него не выходит, но она все может. С математикой у Мишки тоже катастрофа, ничего не знает, не понимает и не учит. Одна надежда, что по снисходительности поставят ему по этим предметам тройки, и школу он кончит. <...>

Дима сидел у Гдаля в кабинете, и тот ругал ему Бураковского. Потом Дима видел Галю Авруцкую, и она не менее страстно ругала ему Гдаля. Дима всех выслушивает и всех утешает как может. А его самого я утешаю.

Ненадолго забегал Боря. Дела у него на том же уровне. «Мне, – говорит, – всё время пытаются доказать, что я Эйнштейн, поэтому, мол, не пускают». Он бледноват, но бодр. Была у нас Кларочка после долгого отсутствия. Рассказала много новостей. Разговоры о том, что Якир раскололся, подтверждаются. Его дочка была настолько ошеломлена после свидания с ним, что слегла в больницу на сохранение плода. Она сейчас беременна. Красин, кажется, тоже раскалывается. По делу Якира вызывают много людей, связанных с ним очень отдаленно. В этой связи не исключена возможность, что Диму тоже потянут в КГБ. Неприятно, что Чалидзе, такой бравый парень, вышел из Комитета по борьбе за права человека для того, чтобы съездить в Америку. Что бы он нам ни говорил, вернется он или нет, он все равно скомпрометирован, так как явно пошел на какие-то сделки с властями.

Выпустили Жореса Медведева на год в Англию. С ним другое дело – он ученый, за него боролись ученые, и на никакие сделки он с властями не шел. Власти же наши очень умно действуют в настоящий момент. Всех бунтарей стараются не сажать, особенно известных, а выгонять. Это расчет правильный – здесь эти люди шумели, буянили, будоражили народ, шли на самопожертвование, а там сразу сникают. Белинков умер и никого ни в чем не убедил. Кузнецов замолк, Цукерман ударился в иудаизм, Телесин¹⁴⁵ вообще непонятно что делает, и о нем не слышно, Бродский без России страдает, о Есенине-Вольпине слышно было кое-что вначале, тем более, говорят, что он действительно человек психически больной, несмотря на свой математический талант. Петьке Якиру тоже предлагали уехать. Он отказался, зато теперь этот кошмар. Учитывая его «раскаianie», ему, наверно, дадут не больше трех лет. Павел Литвинов вернулся из ссылки и сейчас занимается своей пропиской.

Кларочка рассказала любопытную историю о своей дочке Леночке. Леночка ехала в автобусе и вдруг слышит за собой следующие слова, которые какой-то мужик говорит своей спутнице: «Жида повсюду заняли все места. Как жаль, что

¹⁴⁵ Телесин Зиновий Львович (1907–1996) – поэт. С 1936 г. работал в еврейской газете в Минске, в 1939 г. выпустил первый поэтический сборник. Участник Великой Отечественной войны. В 1960-х гг. публиковал стихи на идиш в журнале «Советиш геймланд» («Советская родина»). С 1971 г. жил в Израиле.

Гитлер их всех не передавил». Подобные речи произносятся у нас очень часто. Леночка обернулась и двинула этому мужику по морде. Тот опешил и стал на Леночку кричать: «Жидовка» и что-то еще. Тогда Леночка плюнула ему в лицо. Тот на нее замахнулся, но в этот момент ребята, которых Леночка встречала в университете, вскочили, подхватили мужика под руки и выкинули его на первой же остановке, а всед за ним выпихнули и его даму. После этого Леночка три дня лежала больная. Я от нее этого не ожидала. Вот это девочка! Вообще, она проявляет какие-то невероятные таланты в биологии. Ее уже посылают на какие-то симпозиумы молодых ученых.

Очень здорово говорила Лидия Корнеевна с каким-то партийным хреном из Союза писателей. Тот уговаривал ее «написать письмо», «смягчить формулировки» и т. д. Лидия Корнеевна, естественно, отказалась. Я надеюсь, что Клара или сама Лидия Корнеевна записали эту беседу, потому что она изумительна.

Многие недовольны «Второй книгой» Надежды Яковлевны Мандельштам за ее нападки на очень многих людей. Лидия Корнеевна тоже недовольна. Я думаю, почему бы ей не написать тоже книгу, где бы она полемизировала с Надеждой Яковлевной. Во всех цивилизованных странах так делают¹⁴⁶.

13 декабря 1972 г., среда.

Записывать не было никакой возможности. Много всяких событий. Отец наш жив, но одно время сделалось совсем худо, и мы думали, что ему каюк. Но тут Гдаль настоял, чтобы его прямо на кровати перевезли в отдельную палату с пятницы до утра в этот понедельник, а в качестве сторожа он поместил меня с ним ночевать. Две из этих ночей были совершенно кошмарными, третья спокойная. <...>

Мы с батей переехали, и у меня даже была там своя кровать. Ночью в одной из палат я украла свободное одеяло и подушку. Можно было бы поспать, но батенька сначала дрыгал рукой, так что иголка могла выскочить, и я беспрерывно вскакивала, чтобы класть ее на место. Потом у отца начала нарастать боль в руке. Он стонал, сначала потихоньку, потом громче, пока не начал кричать, и я чуть не померла там вместе с ним. В этой капельнице калий, а когда он идет в руку, да еще не на глюкозе, а на физиологическом растворе, так как у нашего отца диабет, то это безумно больно даже для терпеливых мужиков, а не то что для нашего старика. Я не выдержала и разбудила сестру Надю, чтобы она вытаскила ее к чертовой матери. Она, конечно, отказалась. Была суббота, семь утра,

¹⁴⁶ Сразу после выхода в Париже в 1972 г. «Второй книги» Л.К. Чуковская приступила к работе над своей книгой-опровержением «Дом Поэта» (первоначальное название «Несчастье»), которую закончила в 1976 г. Еще в декабре 1970 г., впервые услышав о книге Н.Я. Мандельштам, она записала в дневнике: «Ходят тревожнейшие слухи о новом томе мемуаров Надежды Яковлевны. Т. читала сама и отзыв такой: “Первый клеветон в самиздате”. Всё это для А<нны> А<ндреевны>, для ее памяти, чрезвычайно опасно, потому что Надежда Яковлевна – большой авторитет. Где, как и кто будет опровергать? Наверное, там много лжей и неправд и обо всех, и обо мне, но это уж пусть. А вот как с А<нной> А<ндреевной> быть, не знаю. Но ведь это – наша обязанность. Потом некому будет».

я стала плакать и пошла звонить Гдалю. Сказала ему, что отец уже дошел от боли, и я дошла. Гдаль спросил, сколько времени она простояла и, узнав что двенадцать часов – с пяти вечера и до семи утра – сказал, чтобы вынули. Надя вынула, тут же батя согнул свою руку в локте и успокоился. Ночка была тяжелая. Утром мы с батей наконец заснули. Вдруг я открываю глаза и спросонья ничего не могу понять. Сидит отец возле моей кровати и улыбается. Я никак не очухаюсь, пока не соображаю, что это Дима. Он, оказывается, пришел в наше сонное царство и минут пятнадцать сидел, смотрел, как мы спим.

Отец вроде бы немного спятил – он вдруг начинает вставать, сначала откидывает одеяло, надевает пиджак, потом сползает на пол и тут же падает. Так его подобрали вчера ночью возле двери, он шел к сестре узнать время. Гдаль безумно огорчается, он понимает, что отец свихнулся, но не хочет с этим соглашаться, хотя психиатра ему вызвал. <...>

Вторая наша совместная ночь в отдельной процедурной палате была не менее кошмарной, чем первая. Отец вставал чуть не каждые двадцать минут, я, естественно, вскакивала и укладывала его обратно, даже можно сказать, грубо. Он меня довел до ручки, и я даже сказала, какой он мучитель. Я попросила, чуть не умоляла его не вставать, но он мне жалобно ответил: «Этого я вам обещать не могу». Потом он говорил: «Зинушка, за что ты меня так мучаешь?» <...> Потом всё началось сначала: он пытался вставать, я его укладывала. Он спрашивал время и думал, что я его обманываю, потому что постоянно повторял, и в два часа ночи и в три: «Уже утро, пора вставать». Все время он нес какой-то дикий бред. Например, изрекал: «Дворцы полны сокровищ». Спрашивал у меня: «Казну всю забрала?» Говорил про какие-то ящики, в которые надо забить гвоздь, и про какие-то цветы. Третью ночь мы спали с субботы на воскресенье. Гдаль велел ему сделать что-то такое внутривенно и внутримышечно. Отец заснул, не ходил и спросил меня только один раз про спички: «Там же целых пять коробок. Надо их уничтожить». Мы с Димушкой потом вычислили, что это он думал, скорее всего, об Алабине, где мы этим летом под сараем нашли две обгорелых коробки спичек. В общем, всё это печально. <...> Господи, хоть бы сегодня ночью он не куролесил! Димка угнетается ужасно. Вчера тоже произошел один любопытный инцидент. Мы должны были делать бате клизму, а Дима вышел на несколько минут взвеситься. Вдруг батя говорит на полном серьезе: «Куда этот идиот девался в самый ответственный момент?» Я говорю: «Кто?» – «Ваш сын». – «Это что, Мишка?» – «Нет, ваш муж Димка». Я говорю: «Вы шутите, Абрам Яковлевич?» – «Нет». – «Мне очень неприятно, что вы оскорбили Диму». – «Так он же не слышит». – «Но я слышу!» – «Хорошо, – говорит батя испуганно, – я учту». – «Пожалуйста». А через некоторое время сказал: «Извините меня, что я Димушку обидел».

Я специально на этом эпизоде акцентировала свое внимание, чтобы, не дай бог, не было, как с матерью Левитанского. Она повсюду бродит в своем доме и обливает родного сына грязью. Такие дети, как Дима и Юра – это редкость, и почему-то их родители свихиваются и начинают им мстить.

На этом безрадостном фоне есть какие-то просветы. Вдруг приехал из «далекой Австралии» Саша Гришин, которого мы не чаяли больше увидеть. Он был

у нас позавчера и подробно рассказал, как его сняли с рейса кагэбисты и допрашивали восемнадцать часов без перерыва. Спрашивали о художниках, с которыми он знаком. Про Диму спрашивали следующее: «Откуда вы знаете Сидура?» – «Я видел его работы, опубликованные на Западе. Они меня заинтересовали. Здесь я купил справочник Союза художников и позвонил ему». – «Как вы оцениваете этого художника?» – «Я ценю его очень высоко. Особенно по его качеству». – «Являются ли, на ваш взгляд, его работы антисоветскими?» – «Как всякое настоящее искусство, произведения Сидура аполитичны, и вульгарные представления, вроде «антисоветских», к нему никак не подходят». В беседе принимал участие «специалист» по неофициальному искусству. Он предложил Саше заняться, например, гениальным скульптором Андреевым¹⁴⁷, который создал «Лениниану». Саша сказал, что, на его взгляд, Сидур более гениальный скульптор, чем Андреев, и вообще, на вкус и на цвет и т. д. С собой у него было восемнадцать Диминых гравюр и несколько штук «лаков» Жутовского. На каждой гравюре Дима написал Саше дарственную надпись. У него все равно все отобрали и сказали, что дарить можно, если только Министерство культуры поставит свой позволяющий штамп. Всё остальное Димино Саша переправил. Его долго расспрашивали о Рабине и о других художниках. Многих он действительно не знал. Потом его освободили и сказали: «Ну что же, господин Гришин, мы считаем, что вы были с нами неискренни, и поэтому мы думаем, что в нашу страну больше не приедете». Саша, безусловно, был огорчен. Тем не менее сейчас он приехал на девять месяцев. Более того, он будет стажироваться в университете, получать сто пятьдесят рублей стипендии в месяц и исполнять должность представителя культурного атташе посольства Австралии. Мы считаем, что его пустили специально, так как он им ясен и за ним легче присматривать, чем за другим. Самое же приятное, что Саша написал про Диму книгу и привез ее макет. Мы были совершенно поражены. Книга выходит из печати пятитысячным тиражом 23 декабря этого года. Книга совершенно роскошная, почти монография, в красном коленкоровом переплете с тиснением *Vadim Sidur*, с суперобложкой, с сорока тремя иллюстрациями и с настоящим искусствоведческим текстом¹⁴⁸. То есть, осуществилось то, о чем Дима так мечтал. Теперь он чувствует себя вне их власти. Саша говорит, что немного помучились они с Эдиковыми фотографиями. Конечно, сейчас Эдик уже на совсем другом фотографическом уровне. Правда, они сделали там всё возможное, чтобы фотографии улучшить. Саша привез красный коленкоровый переплет с пустыми листами мелованной изумительной бумаги, на которой выпускают все книги по искусству на Западе, и две страницы с фотографией «Праздник», где трое с гармошкой, а другая страница текста. Кроме того, фото титульного листа. Он специально захватил эту фотогра-

¹⁴⁷ Андреев Николай Андреевич (1873–1932) – скульптор, график, театральный художник. Автор памятников Н.В. Гоголю (1909), Ф. Гаазу (1910) и А.Н. Островскому (1929) в Москве. В 1918–1923 гг. и в начале 1930-х гг. выполнил больше двухсот графических и около ста скульптурных портретов В.И. Ленина, многие из которых с натуры, – так называемая «Лениниана». Кроме того, выполнил скульптурные портреты М. Горького, А.В. Луначарского, И.В. Сталина, М.А. Чехова, Ф.И. Шаляпина и др.

¹⁴⁸ *Vadim Sidur*. A study in modern soviet sculpture. Adelaide. Scholl of Russian Language, Australien. 1972.

фию, как самую неудачную, так как всё остальное будет значительно лучше. Действительно, фото могло быть лучше, но уже тут ничего не поделаешь. В этой книге будет указана фамилия Эдика Гладкова, как фотографа. Ему будет невероятно приятно. Саша уже договорился, что на эту книгу будут писать рецензии, и вроде бы даже Грэм Грин напишет. Мы с Димушкой сидели с Сашей до трех часов ночи. Он нас предельно утомил, но радость от книги была так велика, что мы пошли на это. Саша мог бы и до утра сидеть. Он очень изменился. Ему сейчас года 24–25, но вид такой умный, что просто удивительно. Мы с Димой поняли еще одну вещь – русские в эмиграции, то есть невольно оказавшиеся в чем-то на положении евреев, ведут себя так же, как евреи. Объединяются, организовываются, что-то проталкивают и пробивают. Когда-то Саша сказал Диме: «Если бы вы считали себя еврейским художником, вы бы давно прославились». Дима сказал: «Я не еврейский, а советский художник. Я не за капитализм. Я считаю, что мы можем вполне вести идеологическую борьбу с Западом на очень высоком уровне, а наши идиоты этого не понимают. Если бы нас так не зажимали, мы бы дали по мозгам своим искусством всему миру. Наше начальство никак не поймет, что те стреляют ракетами, а мы ржавыми винтовками». Саша согласен, потому что он русский и за Россию. Когда мы говорили об этом с Майком, ему подобная Димина концепция была чужда. Ему не нравится наша система в целом. Нам тоже она не нравится, но их система нам тоже не близка. Мы хотим, чтобы на нашей почве, на нашей базе что-то менялось в лучшую сторону, что, кстати, и делается, хотя и безумно медленно и с многочисленными жертвами. Надо не ломать то, что мы имеем, а улучшать и, конечно, только путем эволюции. Другого пути улучшения в нашей стране нет. Как это ни парадоксально, но власти что-то начали усекать, разумеется, не из гуманных соображений, а просто чувствуют, что время пришло и иначе не получится.

Мишка всё болеет ангиной, но завтра появится. Пьет белый стрептоцид и говорит, что горло у него прошло. Мальчик наш так поумнел, что даже глазам своим не верится. Он много читает, интересно рассуждает, аргументированно спорит. Скачок, происшедший в его сознании удивителен. <...>

Перед тем, как поехать к отцу, я зашла с Димой в мастерскую, где я не была целую вечность. Она меня ошеломила своей грандиозностью. Я даже почувствовала огромную радость. На фоне этой силы человеческого духа и разума стоял мой Димка, худющий, изможденный, больной, с сумасшедшим блеском в вытаращенных глазах. И я подумала: «Неужели всё это он сделал, родной мой доходяга».

Саша чуть не помер от изумления, увидев Диму в таком страшном виде. Все, кто давно его не видел, ужасаются.

Еще около нас совершенно прекрасный, святой парень – Юра Никитин. Это он привел мастерскую более-менее в порядок. Что влечет Юру на эту бескорыстную помощь, затрату времени, сил?

Заезжал Женя Тамм со своей женой. Он сказал, что матери эскиз понравился и она согласна на эту скульптуру. Про деньги он почему-то ничего не говорил, хотя должен, по словам Вити, отдать Диме 1350 рублей. Дима, конечно, не стал ему ничего говорить. Всё это само собой уладится.

Меня немного разочаровала гипсовая модель. Эти дьявольские каменщики сначала ее раскокали, а потом как сумели сморозили, явно напортачили, особенно

в голове. Как все-таки тяжело оттого, что совсем не можешь рубить свою вещь, потому что нет сил. Дима говорит, что в граните вещь гораздо лучше, так как они разбили гипс после того, как вырубил подлинник. Но Дима сказал, что если он эту скульптуру выручит и установит на Девичке, он ни за что не расплывется с ребятами, пока они не доведут вещь «до звона» под его наблюдением.

Звонила Юнна. 9 декабря ее пацану исполнится годик. Отец у нее тяжело болен – он слепой и вообще тоже свихнутый¹⁴⁹. Его забрала в Киев сестра. Юнна здесь с матерью. Говорит, что много работает, написала поэму и еще что-то. Позвонил ей ее бывший, Игорь, и сказал: «О тебе ходят слухи, что ты сионистка, правда ли это? Нам надо это обсудить». Юнна, конечно, сказала: «Правда. А обсуждать мне это некогда». Мы с Димкой очень смеялись. Юнна сказала: «Знаешь, Дима, та энергия, которая раньше уходила у меня на болезнь, теперь уходит на стихи». Говорит, что работает всюю. Написала еще половину пьесы, переводит и вообще работает. Игорь устроился куда-то в Москонцерт администратором. Он заведует труппой из фокусника и Беллы Ахмадулиной. Сначала выступает фокусник с фокусами, а потом Белла читает стихи, прославляющие фокусника. Юнна у кого-то спросила, может ли Игорь когда-нибудь вернуться в науку. Ей ответили: «Вы можете себе представить, чтобы из Москонцерта кто-нибудь вернулся в науку?» Юнна утверждает, что в «Советском писателе» уже добились, что книгу ей будет оформлять Сидур. «Пока я жива, – сказала она, – и пока он жив, к моим книгам рисовать будет только он». Будто бы ей ответили: «Ну что вы, что вы, Юнна Петровна, конечно, Сидур. Ведь он же наш автор».

Мы с Димой сегодня написали заявление во ВТЭК, где Дима пишет, как он себя ужасно чувствует, а ВТЭК не дает ему вторую группу. Я, когда, он писал это заявление, держалась, держалась, потом со мной сделалась истерика. Я-то знаю, что всё это правда и, по-существу, Дима – инвалид первой группы. Но комиссию это письмо не тронет, там сидят бляди толстокожие и на них чужие несчастья впечатления не производят. Инвалидов Отечественной войны – раз, два и обчелся. В газетах пишут, что им надо льготы давать, но ни хрена это не исполняется. Я уговаривала Димку с ними не связываться, чтобы из-за этого не нажить себе инфаркт. Но Дима уверяет меня, что делает все очень спокойно, и более того, если ему откажут, он на этом не успокоится, а будет писать дальше: «Глубокоуважаемый, Леонид Ильич...» и т. д. «Говорить я с ними не могу, мне плохо делается, а написать напишу». Я это заявление завтра же перепишу к себе сюда. Документ потрясающей важности.

После второй ночи в отдельной палате отец сказал: «Я никак не могу понять, почему вы говорите мне “вы”. И вообще, я путал вас с другой женщиной, – он

¹⁴⁹ «У отца было двойное высшее образование: инженерное и юридическое, он работал инженером на транспортных ветках. Мать закончила гимназию до революции, давала уроки французского, математики, работала на художественных промыслах, медсестрой в госпитале и кем придется, даже дровосеком. В год моего рождения арестовали отца по клеветническому доносу, через несколько пыточных месяцев сочли его невиновным, он вернулся, но стал быстро слепнуть. Слепота моего отца оказала чрезвычайное влияние на развитие моего внутреннего зрения» [Ю. Морщ. «И в черных списках было мне светло... (очень краткая биография – по многочисленным просьбам)»].

помолчал, – с Зинаидой Ивановной». Я ему просто сказала: «Вы меня уже давно с ней путаете. Я привыкла». <...>

14 декабря 1972 г., четверг¹⁵⁰.

<...> Умер поэт Семен Кирсанов¹⁵¹. Я его часто видела, и он мне всегда не нравился. Была в нем какая-то душевная пустота и холод. Говорят, что когда-то он был неплохим поэтом. Потом скурвился, ссучился, как и многие другие. Юнна говорит, что на его похоронах присутствовало всего двенадцать человек. Евтушенко нес его гроб.

Батенька мне понравился. Мы с Мишкой были у него вместе. Заходил Гдаль и сказал, что если всё будет ничего, можно будет начать ходить с будущей недели, правда, потихоньку. На Мишку отец произвел неплохое впечатление, хотя вид отца показался хуже, чем в тот раз. После Мишкиного ухода мы с папой читали и беседовали. Он сидел, положив ноги на стул рядом с кроватью. Всё было хорошо до тех пор, пока перед самым уходом он мне вдруг довольно решительно заявил: «Юля, прошу вас оставить мне сапоги рядом с кроватью». Я спросила: «Зачем?» – «Как зачем, мне вдруг понадобится куда-нибудь быстро сходить». Услышав слова «быстро сходить», я, конечно, испугалась, но тем не менее спросила: «Ну, например, куда сходить?» – «Мало ли куда», – сказал отец и обреченно закрыл глаза. Итак, подспудная мысль о хождении у него упорно существует. <...> Гдаль боится, что со своими неожиданными хождениями отец может наделать бог знает что – разбиться, сильно ушибиться или, например, сгануть в окно.

Димушка идет завтра в этот сучий ВТЭК. Сегодня случилась одна неприятность у нас в квартире – сломался замок, у Мишки все время прокручивался ключ. Хорошо, что Дима в это время был в мастерской с Юрой Никитиным и его друзьями, которые вешали барельефы. Юра со своим товарищем Володей и его девушкой приехали к нам с инструментами и быстро всё открыли. Этот Володя такой умелец.

15 декабря 1972 г., пятница.

Конечно, сволочи из инвалидной комиссии вторую группу Диме не дали. Дима говорит, что испугался, чтобы третью не отобрали. Вторую они дают только тем, кто лежит и вот-вот подохнет. А раз он пришел к ним своим ходом, то значит здоров и годен. Сейчас Дима имеет 40 рублей пенсии в месяц, при второй группе дают бывшим офицерам 66 рублей плюс льготы, например, не платить за бездетность, ездить бесплатно в гор. транспорте, лекарства за полцены и еще что-то. Почти всё это не выполняется, но хотя бы можно требовать. Главное, так по-дурачки. Диму спрашивают: «Дети есть?» Он говорит: «Есть один ребенок». («Никак, – говорит, – не могу сказать, что нет у меня детей»). «Сколько лет?» – «Большой уже, школу кончает». – «Вы что, алименты плати-

¹⁵⁰ В начале Юлия приводит текст большого, на трех страницах, заявления В. Сидура во ВТЭК.

¹⁵¹ Кирсанов (Кортчик) Семен Исаакович (1906–1972) – поэт, один из последних футуристов, друг В.В. Маяковского. Участник Великой Отечественной войны. Начиная с 1930-х гг., неоднократно обвинялся критикой в формализме.

те?» – «Нет, он со мной живет». Опять же в документах не указано. В общем, из-за двадцати рублей в месяц можно потратить столько нервов и здоровья, что пропади они пропадом. Дима решил к Брежневу не писать. «Трудно, – говорит, – быть в оппозиции и в то же время качать права, как правоверный советский человек».

Мишка как угорелый носится по переплетным мастерским и приводит в порядок свою библиотеку. Опять врачиха не выписала его в понедельник в школу. Парень, конечно, безумно рад, но ни черта он не лечится, а просто отдыхает от школы. Я бы не против, если бы он имел благополучные тройки по точным наукам.

Были мы с Димушкой у бати вдвоем. Он нам понравился, в глазах у него появилась какая-то детская хитрость. Ходил он сегодня несколько раз по палате, несмотря на запрет. У него даже брюки отобрали. Гдаль сердится. <...>

После больницы пошли мы с Димушкой в мастерскую. Там Юра вымыл все полы и было приятно зайти. Воздух был намного чище. Две отличные электрические печки обогревали мастерскую. Барельефы – «Моисея», «Адама», «Еву», «Христа», «Фарисея» – повесили, и смотрятся они прекрасно, хотя Дима хочет их потонировать, чтобы они не были белыми. У Димы уже начался его обычный рабочий зуд, и я счастлива, что ему не нужно больше ездить во ВТЭК. Чувствует он себя неважно, но говорит, что на этот раз тоже надеется оклематься.

Вчера случилась одна любопытная вещь. Когда мы с ребятами пытались починить замок, у соседей слева дважды повернулся в двери ключ, запирали. До чего наши граждане запуганы.

16 декабря 1972 г., суббота.

Батенька порадовал сегодня нас с Димой. У него были веселые глазки, он сидел и ужасно обрадовался, что мы пришли. Я купила ему роскошную пижаму – вельветовую с желтым горохом на черном фоне куртку и черные брюки. Мы на него померили одну куртку, и он выглядел как американский президент в отставке. Несмотря на свое большое равнодушие к одежде, отец был доволен. В этом он увидел еще раз, как сильно верим мы в то, что он выздоровеет. Он сейчас ведет себя прилично, не ходит, не куролесит и даже спит ночью. Говорит, что одышка у него значительно меньше, это и нам видно. <...>

Димушка нарисовал небольшой рисунок, где стоит инвалид без рук и на одной ноге, а вокруг комиссия на него деловито взирает, рядом невропатолог с мольотком.

17 декабря 1972 г., воскресенье.

К бате я ходила одна, но запоздала, и он сильно обрадовался, когда я пришла. Сосед очень смешно рассказывал, как Гдаль ежедневно устраивает отцу допрос насчет его самочувствия.

Димушка уже хочет лепить, пока дома, а не в мастерской. Он где-то нашел на улице зубоврачебный станок, теперь хочет его помыть и приспособить для подставки. Я купила Мишке ярко-голубые джинсы, хоть советские, но ему очень идут, и тренировочный костюм, который тоже ему идет. Мальчик переплел свои произведения – автобиографию и несколько рассказов – и преподнес нам с Димой.

Вечером в мастерской встречались с Борей Хазановым, его товарищем по несчастью, которого не пускают, китаистом Виталием Рубиным¹⁵², с Эдиком и с двумя иностранными корреспондентами – американцем из «Тайма»¹⁵³ и с норвежцем от скандинавских газет. Ничего ребятам, но их больше интересуют политические дела, чем искусство, поэтому интерес к нам у них был не деловой. Единственно хорошо, что мы попросили у них книгу про Диму, когда она выйдет.

18 декабря 1972 г., понедельник.

Пришли от папы, а Крыскин заканчивает уборку квартиры. Счастлив, лохматое дитя, что врач не выписал его в школу еще до четверга. Нам с Димой кажется, что ему уже хватит отдыхать. Мишка, правда, утверждает, что сделал одну тему по алгебре, а именно графики, и смог бы ее ответить.

Папа ничего, но слабенький, как одуванчик, в новой пижаме. Приходила к нему психиатр. Спрашивала, какое сегодня число, какой день, какой месяц. Отец, конечно, ничего не ответил, забыл, на какой улице живет. Но как его зовут и как зовут сына не забыл. Нам с Димой всё это отец пересказывал с юмором. Мы очень смеялись, Дима сказал, что он тоже никогда не ответил бы, какой сегодня день, число и месяц. Дима рассказал, как однажды в армии начальству ночью понадобилось составлять кукую-то анкету, и он забыл свое имя. Помнил, что Абрамович, а то, что Вадим – забыл.

Виделись мы с Леней Штутманом. Он ужасно счастлив, что получил двухкомнатную кооперативную квартиру. Для этого ему пришлось фиктивно жениться. Но его «жена» очень нравится его родственникам, и он вполне может жениться по-настоящему. Завел нас в макетную мастерскую и показал какую можно украсить коробку в одном архитектурном институте, тоже в Москве. Он хочет, чтобы делал Дима, но там всё это еще не скоро, поэтому не горит пока. Димушке только бы здоровье.

Мишка фанатически и, надо сказать, аргументированно отстаивает свои сионистские убеждения. Наши призывы к расширению кругозора и к интернационализму пока безрезультатны. Космополитизм ему нравится как идея в будущем, но сейчас еврей и еврейство самое для него близкое. Мысль смотаться в Израиль при удобном случае его не оставляет. Сдвинутый малый. Что он там будет делать?

19 декабря 1972 г., вторник.

Крысанька подарил нам свои переплетенные рассказы с невероятно душевной надписью. Сочинял несколько дней. Получилось как отдельное произведение. Вдруг наш детеныш делается писателем, потому что способности явно большие.

¹⁵² Рубин Виталий Аронович (1923–1981) – историк-китаист, исследователь древнекитайской философии и культуры. Участник Великой Отечественной войны. В 1953–1968 гг. сотрудник ФБОН АН СССР, в 1968–1972 гг. – ИВАН СССР. В 1972 г. подал заявление на выезд в Израиль, до 1976 г. находился в отказе. Один из основателей Московской Хельсинкской группы. С 1976 г. профессор Иерусалимского университета.

¹⁵³ TIME – американский еженедельный журнал, издающийся с 1923 г. в Нью-Йорке.

Димуся хочет обмануть Министерство культуры – вылепить эскиз памятника Тамму совсем в другом духе, без дырки и более реалистический, а поставить тот, что готов. Если бы здоровье, то материально мы бы не пропали. Сейчас архитекторы Володя Фурсов и Ираклий Мосашвили предлагают Диме украсить барельефами и скульптурами санаторий МК под Москвой в Отрадном. Хоть и противно на них работать, но, как ни странно, именно у них очень модернистская архитектура, поэтому можно сделать что-то приличное, а главное – заработать и быть спокойными на какой-то срок. Лишь бы здоровье, а его-то как раз и нет.

Как и следовало ожидать, Чалидзе лишили советского гражданства.

Была у папы. Сначала всё было ничего, мы разговаривали, шутили, слушали соседа, который завтра выписывается, не выздоровев нисколько. Потом отец начал помаленьку задыхаться, потом испугался и начал плакать. Сделали ему какие-то уколы, стало полегче. Он сказал мне, что вообще, целый день у него плохое настроение. <...> Зря я читала ему роман Семина¹⁵⁴ «Женя и Валентина» в «Новом мире». Роман хороший, и всё, что там написано, батя пережил на себе – тоже взрывал завод в 41-м году во время нашего отступления, тоже доходил на работе по 24 часа в сутки и свято верил в строй и в светлое будущее. Начал плакать, я читать прекратила, стал умолять, чтобы продолжала, уверяя, что плохо ему не от чтения, а вообще. Вдруг спросил, не поссорились ли мы с Димой¹⁵⁵.

<...>

20 декабря 1972 г., среда.

Сегодня мы с Димой пришли к отцу не в шесть, а в полседьмого. Уже вся больница знала, что мы опаздываем, хотя вчера я сказала отцу, что мы придем с Димой после шести. На пороге палаты стоял батя в роскошной пижаме плюс больничная куртка, жуткая, псиво-синяя, линиялая, брови домиком и являл собой само воплощение скорби. За ним вышла дежурная, очень симпатичная врачиха, которая собиралась нас разыскивать по телефону. Батенька говорил с рыданиями в голосе, и вообще, сейчас он в основном плачет по любому поводу. <...> Я почувствовала некоторое раздражение на батеньку за то, что он так ослабел духом. А потом подумала – грех мне так сердиться на человека такого несчастного, такого измученного и слабенького, наполовину впавшего в детство. Вот отец, чудом оставшийся в живых, так боится эту драгоценную жизнь потерять, хотя ничего хорошего не ждет ни его, ни нас. Он не станет ни моложе, ни здоровее. Мы с ужасом думаем, что вернувшись домой, мы не сможем даже оказать ему самую необходимую помощь, придется ждать неотложек, делать уколы промидола, если сможем достать, где-то доставать кислород. И придется нам нести свой крест. Я только боюсь за Диму.

¹⁵⁴ Семин Виталий Николаевич (1927–1978) – прозаик. В 1942–1945 гг. находился на принудительной работе в Германии. После войны строитель, студент, журналист. Печатался с 1958 г. Член СП СССР с 1964 г. Роман «Женя и Валентина» опубликован в №№ 11 и 12 «Нового мира» за 1972 г.

¹⁵⁵ В заключение записей за этот день Юлия приводит текст предисловия М. Шункова к его машинописному сборнику «Завершение “Моей биографии”».

Сегодня Мишенька сделал Диме выговор: «Папа, я так волновался. Ты не сказал мне, что идешь в больницу. Я звоню с девяти часов, а тебя нет и нет. Никогда больше так не делай». Вот теперь и по повадкам Мишка сделался нашим дитем.

У Эдика на работе неприятности. Он снял в голом виде какую-то девку, а у него на работе это увидели.

23 декабря 1972 г., суббота.

Умер наш отец 21 декабря около трех часов дня. Умер в тот момент, когда мы начали верить в чудо. Чуда не получилось. Накануне мы очень тепло расстались, познакомились с его новым соседом, уложили его спать. Отец проспал хорошо, что для него было невероятно важно. С утра позвонил Гдаль, что всё в порядке. Батя даже сам ходил на электрокардиограмму к Просковье в кабинет, просил сестру закапать ему в глаза пилокарпин. Потом у него неожиданно переменили соседа. Привезли тяжело больного и, как всегда, возле этого больного суетилось много врачей. Отцу почему-то показалось, что это женщина. Это его взволновало и у него немного заболело сердце. Приступ стал нарастать, его ничем невозможно было снять. Бурный отек легкого и, несмотря на все меры, всё было кончено. Недаром батя боялся этих задышек. Именно это его и погубило. Нам позвонил Гдаль как раз тогда, когда я собиралась в больницу без Димушки. Но Гдаль сказал, чтобы мы приезжали оба, так как спасти отца вряд ли удастся. Батя был еще теплый, когда мы его поцеловали. Нас с Димушкой поразило его измученное вконец лицо. Мы не плакали. Гдаль переживал чуть ли не больше нас. Он один верил в чудо. Он спас батю в первый раз и думал, что и на этот раз спасет. Он выглядел глубоко несчастным. Как он нам потом сказал, у него было чувство профессиональной гордости, хотя он нам не говорил, что у отца в больнице уже случилось еще два или три инфаркта и аневризма.

Володя Бураковский помог своим звонком в крематорий, так как там очередь, и могли разрешить кремацию не раньше, чем через неделю. По его звонку нам разрешили кремировать сегодня. Измученный, издерганный донельзя, совершенно дошедший Володя должен делать сейчас подряд три операции. Пока мы у него в кабинете сидели с Гдалем, он вынужден был беспрерывно выяснять по телефонам вопросы, к медицине имеющие очень приблизительное отношение. Это что-то ужасное. Ему говорили про какое-то мясо, которое крали у собак, а животных кормят какой-то дрянью. И вообще, дела сейчас в институте очень неважные – больные мрут один за другим, особенно после операций. По-моему, у них совершенно жуткое отделение реанимации. Работают там в основном девки, похожие на блядей. Пока мы с батей вместе ночевали, я сколько раз слышала доносившийся оттуда визг и хохот. Один раз зашла туда за сестрой из нашего отделения и увидела, как она сидит там с другой дежурной девкой, и они там на пару дымят. Напротив лежала больная после операции и явно загибалась.

Гдаль приехал к нам. Потом подошла Вита. Гдаль был так измучен, что свалился на диване в папиной комнате и заснул. И только когда они ушли, Мишка заснул, мы с Димушкой не выдержали – плакали обнявшись. Я даже боялась, что мы Мишку разбудим, но он спал так крепко, что ничего не слышал.

Вчера Димуся оставался дома один, пока мы с Мишенькой бегали и оформляли все документы, чтобы успеть в крематорий сегодня. Я очень боялась, что

Дима, увидев отца снова, заволнуется. Но когда мы увидели человека с какой-то сделанной полуулыбкой, совсем не с тем ужасным выражением лица сразу после смерти, не похожую на нашего бату, мы нисколько не волновались. Всё прошло очень четко и тихо. Когда хоронили Зинаиду Ивановну, было намного тяжелее. Был жив отец, который страдал ужасно, очень не хотел, чтобы было много людей, Дима тоже был еле живой. Теперь пришел народ: Гдаль с Витой, Толя с Милой, Эдик с Валец, Боря Хазанов с Мариной, Кларочка, Юра Никитин с товарищем и Юра Левитанский. Мишка прощался с отцом вместе со мной и с Димой. После похорон Зинаиды Ивановны никого у нас не было, только вечером пришли Гдаль и Нора. Отцу было очень тяжело и он не хотел никого видеть. Сегодня наоборот, все пришли к нам и мы справили по папе поминки. А потом еще Владик с Нёмой подъехали. Мы с Димой специально Владиду не звонили, чтобы его не травмировать, потому что он обязательно бы приехал, а он и так себя очень плохо чувствует. Нёма привез Диме 150 рублей, и Дима, поблагодарив его, сказал: «Рассчитаться, Нёма, я смогу с тобой только своими произведениями». Нёма согласился. Левитанский выглядит ужасно. Напился быстро и всё рассказывал о своих жутких обстоятельствах. Собирается возвращаться к Марине. Пили за светлую память отца, пили за Диму, пили за меня. Гдаль меня очень хвалил, хотя очень часто он на меня ворчит. Дима сказал: «Выпьем за Мишку, за нашего сына». Все выпили. Если бы не детеныш, худо бы нам сейчас пришлось без его помощи. Димушка тоже выпил несколько рюмок после долгого перерыва.

Вот и нет у нас отца. Человек он был прекрасный, редкий, удивительно чистый человек. Кончается это поколение, а таких людей, как Абрам Яковлевич, я вообще не встречала. Димушка говорит: «Последние двадцать лет родители были для меня как дети. Не я их ребенок, а они мои дети. И все-таки сейчас, когда их нет, я чувствую себя сиротой, хотя мне уже сорок восемь лет. Вместе с ними и я умер на две трети.

Позвонила Ленка Гамазина Диме и тут же сказала: «Это из-за меня». По отношению ко мне у нее очень большое чувство вины, и то, что папа умер – она считает, из-за ее греховности. Насилу ее Дима успокоил, что это не так.

От нас Гдаль поехал с Левитанским. Они встретились в ЦДЛ с Дэзиком и с Левитанской Валец. Ни Валя, ни Дэзик Гдалю не понравились. Левитанский прочел нам несколько стихов, неплохих.

А батенька наш уже отлучился. И нет его.

24 декабря 1972 г., вторник.

Корреспондент из «Тайм» сказал Боре после посещения Диминого подвала: «Этот человек работает на самом высоком мировом уровне, и непонятно, почему он отсюда не уезжает». Не уезжает, потому что хочет здесь работать на самом высоком мировом уровне.

Валька Караваева, оказывается, курит, и всерьез. Тоже зря. Кто-кто, а уж она-то далеко не гигант здоровья. Левитанский и Гдаль относились к нашему Мишке наиболее настороженно. Вчера они его приняли. Юра сегодня сказал по телефону: «Ты знаешь, это странно, но у вас даже появилось фамильное сходство».

Нашему дурачку давным-давно пора в школу, хватит болеть. Все равно он кашляет и все равно у него красное горло.

Целый день у нас работал Леня Штутман. Сделал проект надгробия И.Е. Тамму. Сделал очень красиво. Теперь предстоит самое трудное – пробить его через Министерство культуры.

Я вдруг среди дня замечаю, как Димушка плачет, когда его никто не видит. Потом со всеми разговаривает – и по телефону, и дома. Хоть бы теперь бог дал нам передышку в несчастьях! Надо заниматься Мишкой, все время было некогда. Хочется, чтобы он кончил благополучно школу и поступил в институт. Сейчас все время хочет перебраться к Абраму Яковлевичу в комнату и обживать ее. Но мы с Димушкой пока поселили его у меня, чтобы мне быть к Диме поближе.

25 декабря 1972 г., понедельник.

Дима не мог успокоиться, пока не разобрал папину комнату целиком.

До чего Мишка любит строить из себя дурака. На него это находит к ночи. Врачиха оставила его до каникул, хотя он чувствует себя не хуже и не лучше. Сегодня позвонила мне Ида и сказала то, что мы уже знали: у Мишки угрожающее положение по многим предметам, особенно по алгебре, геометрии и химии.

Завтра мы с Димушкой повезем проект надгробия Игорю Евгеньевичу в партком Физического института им. Лебедева подписывать.

Димушка не мог ничего делать до того, как разобрал все папины вещи. Нашел отцовы записи, где он пишет, как мы с Димой выхаживали его после первого инфаркта. Писал батенька неразборчиво, иногда на клочках, карандашом. Писал о своих переживаниях после смерти Зинаиды Ивановны.

Поминки все-таки чем-то вещь целебная. Тогда в субботу пришли люди, и мы вынуждены были почувствовать, как жизнь властно втягивает нас в себя, и даже горевать некогда.

Смерть Зинаиды Ивановны прошла для нас тяжелее, потому что был жив отец, а примириться с ее смертью он не мог. Сейчас батя умирал несколько раз и каждый раз мы умирали вместе с ним. Когда же он умер по-настоящему, мы слишком были к этому готовы.

26 декабря 1972 г., вторник.

Мы были с Димусей в Физическом институте им. Лебедева. Привезли проект памятника И.Е. Тамму на планшете. Там составили такой протокол, что одобряют. Один парторг Силин смотрел тупо и ничего не выражал, но согласился с остальными. Следующий этап – архитектурно-планировочное управление, где должны поставить штамп, а последнее уже – Министерство культуры, это самое паршивое. Заодно Дима пробил, чтобы Леня Штутман делал И.Е. Тамму мемориальную доску на здании этого института.

Со скандалом постригли нашего детеныша. Он ужасно не хотел и страдал. Сделать это было необходимо, потому что и так двоечник, а еще весь заросший – это значит вызвать против себя ужасное негодование. Вчера я заставила его тоже с диким трудом написать сочинение по Грибоедову, потому что сегодня он ходил заниматься к Инне Давыдовне.

<...> Очень интересно, как мальчик начал умащиваться сразу же в комнате Абрама Яковлевича, в которой пока обосновалась я, а Мишка у меня. Прежде всего он разделся и залез в мою постель «отдохнуть». Потом потихоньку начал перетаскивать свои книжки и всякое барахло. <...>

Вечером нас посетили Алик Киселев с Таней. Конечно, Алику надо жениться на Тане, лучше девки ему не найти. Он же всерьез решил уезжать за границу. Про Таню он думает, что она потом к нему приедет. Алик решил это твердо и бесповоротно. Он понимает, что в кино здесь ему ничего не дадут сделать. Несмотря на все его недостатки, мы с Димой Алика уважаем, потому что он не хочет продаваться. У него нет иллюзий насчет западной жизни. Он готов там мыть посуду, а в свободное время снимать кино. В Мексике у него есть друг, относительно надежный. Этот человек был у нас, преподаватель университета в Мехико, Маргадант. Вопрос только в том, как Алик туда уедет, а главное, увезет Таню, у которой невероятно идейно-партийные родители, которые будут считать, что Таня, уезжая, предаст родину.

Мы поговорили об Аликовой статье. Она написана неплохо, хотя мы сделали какие-то свои замечания. Алик был счастлив, что нам понравилось, так как все его близкие друзья разругали его в пух и прах. Мне кажется, что эти ребята просто находятся на другом уровне. Алик же очень сильно вырос. Я всё больше убеждаюсь, что единственный человек, который мог бы снять про Диму и его подвал отличный фильм – это Алик.

Итак Алик бесповоротно решил мотать со своей родины, но как он это сделает, пока неясно.

Барометр идет на ясно, Дима чувствует себя очень неважно. Сейчас у меня постоянное очень острое чувство тревоги за него. Его стенокардия явно вступила в новый худший период. Если бы только бог дал нам передышку в несчастьях, чтобы отдохнуть и оправиться. Работать я сейчас не пойду, постоянно буду находиться рядом с Димой. Без моей помощи ему будет совсем худо. С финансами у нас сейчас неплохо, мы можем жить года два безбедно, если даже Димушка не будет зарабатывать ничего. Если же он заработает, если здоровье ему позволит, то мы совсем не пропадем.

Я никогда не писала о своем здоровье. Видно время пришло. До Мишки в нашей семье я была моложе всех и здоровее. Сейчас появился мальчик далеко не здоровый. У меня же в левой груди есть какая-то дрянь, уплотнение. Эта опухоль была лет семь-восемь тому назад совсем крошечной. Я два раза была у врача на Арбате в платной поликлинике, где мне сказали, что это ничего особенного и дали пить таблетки, я их попила, потом бросила. С тех пор я никуда и ни к кому не ходила. Иногда у меня в левой груди что-то чувствуется, особенно перед менструациями, но не болит. Прощупать у себя я сама ничего не могу, а идти к врачу ужасно не хочется. Димушке я ничего не говорю. Ему только моих болячек не хватает. Говорила ему когда-то давно, и сейчас он настаивает, чтобы мне собой заняться. А я думаю: только начни лечиться – и не кончить.

Диме же совершенно необходимо что-то делать с зубами. У него из-за ранения в челюстях все нарушилось, и он почти что лишился нижней десны. Она у него постоянно куда-то исчезает. Как только сможет ему сделать новый протез Леонид Маркович.

Забыла записать, что в субботу после папиных похорон Кларочка успела нам сообщить, что Петька Якир назвал уже двести человек. Вполне возможно, что он и Диму назвал в какой-нибудь связи, хотя, правда, про Диму ему сказать нечего. Только что про портрет Солженицына. Так кагэбешники и так всё про этот портрет знают. Ужасно за Петьку обидно. Он мне никогда не нравился, но этого я от него не ожидала.

27 декабря 1972 г., среда.

Сегодня в метро видела девушку с шестиконечной металлической звездой на пальто. На звезде было что-то написано латинскими буквами. К сожалению, я не разобрала что.

Приехала моя мама, с которой мы давно не виделись. Она несколько поправилась, потолстела, но выглядит неплохо. С Мишкой мы не виделись, но его посетил товарищ из класса Андрей Блинов, который помог ему с математикой. Опять же его совершенно неожиданно посетила моя бывшая ученица Марина Крамер, из-за которой он опоздал к учителю истории, и тот мне по этому поводу звонил.

Я успела два раза съездить по Димушкиным делам. Дела пустяковые, а у него заняли бы больше, чем полдня. Взять бюллетени в поликлинике и отвезти их в фонд. На обратном пути я осуществила свою мечту – купила себе спортивный синтетический костюм, к сожалению, ярко-красного цвета. Других цветов у моего размера не было. Я все равно рада, что купила, он мне идет, этот костюм.

По радио сказали, что Андрей Синявский подал прошение на отъезд во Францию. Правильно делает, зачем ему здесь прозябать.

Посетил нас с Димушкой индус Матхават Палат. Он уезжает 1 января уже надолго. Мы попросили его напомнить нашим друзьям о книгах про Диму. Леня Штутман зашел к нам за своим подрамником. Сказал: «Лучше бы я с Димой не знакомился. Все монументы, которые я раньше с удовольствием со скульпторами делал, теперь мне противны. Даже то, что более-менее прилично, и то неохота делать. И в голове у меня совсем другое».

Завтра нам предстоит идти в АПУ утверждать проект памятника И.Е. Тамму. Тоже испытание.

Димушкино самочувствие явно оставляет желать лучшего. Он правильно сегодня сказал моей маме на вопрос, пойду ли я работать: «Если Юля пойдет работать, то я не смогу работать».

Какая жуть во Вьетнаме. Я не за американцев, но северные фанатики и геро-страты тоже никакого сочувствия у меня не вызывают. Только безумно жалко людей, погибающих и страдающих ни за что.

28 декабря 1972 г., четверг.

Геноцид во Вьетнаме продолжается. Позор и кошмар!

В АПУ у нас с Димой ничего не вышло. Они отказались ставить штамп на проекте памятника И.Е. Тамму, так как боятся делать это до Министерства культуры. Никаких иллюзий насчет того, что министерство разрешит поставить на Девичке эту скульптуру, быть не может. В то же время без их разрешения

не обойтись, потому что пять тысяч, отпущенных Советом Министров, нельзя получить без их санкции. Если бы родственники были такие же, как Варги, то всё было бы проще. Варги отказались от государственных денег и поставили надбробие за свои деньги. Здесь ситуация другая. Физикам жалко эти деньги терять. Понять их можно, но худсовет Министерства культуры никогда не согласится на подобную скульптуру.

Мама у нас переночевала, кое-что помогла постирать, кое-что зашить и заштопать. Мишка сдал математику частично, но будет успевающим. Химичка приняла его ласково и согласилась принять у него хвост в первые дни после каникул. Зальцман поставил ему пять по литературе, хотя и сомневался, и четыре по русскому. Ида – пять по французскому. Пять поставили ему по биологии. Очень плохо, что по его же собственной глупости у него будет три по истории и обществоведению. <...>

Вечером нас посетил Саша Гришин. Просидел у нас до двух часов ночи. Мы идем на это, потому что он сделал для Димы огромное дело. Мы теперь никогда так поздно ни с кем не сидим.

Вечером позвонил какой-то англичанин от Томпсона из Лондона. Я этого Томпсона не видела, Дима один с ним общался. Завтра мы с этим англичанином встречаемся в 12 часов дня в мастерской. Опять начинается жизнь, которая Димусе несколько не по силам. Хорошо, что я не работаю. <...>

29 декабря 1972 г., пятница.

Мишка должен был пойти к врачу, оттуда в школу на спектакль к Зальцману, и позвонить к нам. Сейчас уже двадцать минут двенадцатого ночи, а он не звонит. Только что позвонила его мама, Елена Викторовна, и спрашивала, нет ли его у нас, потому что дома его тоже нет.

Только что позвонил. Оказывается, после спектакля «Черновики» в постановке Зальцмана было длинное обсуждение с горячей полемикой, которое только что кончилось. Мишка обещал завтра обо всем подробно рассказать.

С утра мы с Димушкой встречались в мастерской с двумя англичанами, один из них друг Томпсона, другой – друг Майка Скэммела. Привезли слайды со скульптурами Мура, выставленными этим летом во Флоренции. Приятные молодые ребята. У нас им очень понравилось. Потом я с ними должна была распить пол-литра. Дима не пьет, Юра Никитин отказался, он еще одну электропечку налаживал. Ребята были ужасно довольны, что к нам попали. Пьют, как советские люди, всю бутылку усидели. Закусили Юриными пирожками, которые он принес. Мы помогли этим ребятам связаться с режиссером Каплером¹⁵⁶, которому они от кого-то привезли какой-то свитер. У них очень невразумительно было написано его имя, что-то вроде Кеплин, то ли Каплин, но я сразу скумекала, что это Каплер. Когда Дима ему позвонил и сказал: «Мы с вами незнакомы, но...», тот сказал: «Как незнакомы, я у вас был!» Когда он у нас был? Наверно, еще во времена Лемпорта и Силиса. Ребята эти социалисты. Оба австралийского происхождения. Один в СССР впервые, другой был в 1957 году. Задают дурац-

¹⁵⁶ Каплер Алексей Яковлевич (1903–1979) – киносценарист, актер, телеведущий. Лауреат Сталинской премии (1941). В 1943–1948 гг. находился в ссылке, затем до 1954 г. – в ГУЛАГе.

кие вопросы: «Почему у вас за границу ездить нельзя?», «Почему дискутировать нельзя?», еще какие-то глупости. Надоело отвечать.

Вышла сегодня в «Правде» амнистия на некоторых заключенных. Политические под эту амнистию не попадают.

Приходил к нам взволнованный Гдаль. Он услышал, что многие левые во главе с Лидией Корнеевной собираются «дать отпор» Надежде Яковлевне Мандельштам за то, что она якобы «оклеветала» многих порядочных людей, а главное – будут доказывать, что она в жизни Мандельштама никакой особой роли не играла. Всё это, разумеется, будет происходить в самиздате. Вот КГБ обрадуется! Левые всегда тем и отличались, что готовы были сожрать друг друга. Надежду Яковлевну и без КГБ можно будет угробить. Гдаль считает, что Лидия Корнеевна рассердилась в основном из-за отца. Корней Иванович когда-то не помог Мандельштаму, и Надежда Яковлевна об этом пишет. Корней Иванович и другие неблагоприятные поступки совершал и всем это известно, вплоть до Солженицына. Что ж теперь поделаешь? Гдаль просил Диму подробно обо всем узнать у Клары, и хочет попытаться воздействовать на Лидию Корнеевну через Столярову Наталью Ивановну, так как она ее подруга. Дима говорит, что он целиком на стороне Надежды Яковлевны. Мандельштама загубила система, но люди, его окружавшие, помогли ему или очень мало, или совсем не помогли, об этом она и пишет. О том, какую роль она сыграла в жизни Мандельштама, смешно даже сомневаться. Если бы она о нем не написала, то его и наполовину не знали так, как сейчас. Она сделала свое великое дело и теперь может умереть спокойно. Дима сказал, что если бы он сейчас писал книгу воспоминаний, то очень о многих он писал бы крайне плохо.

Вечером по «Свободе» мы услышали, что во многих городах у нас вводится карточная система и rationирование продуктов. Хуже всего в Астрахани – 250 г масла в месяц на человека и 8 кг картошки. Говорят, что сейчас во многих городах совсем паршиво, даже макарон нет. По-моему, пора Брежневу слетать, хоть и не он в этом виноват, а система.

Англичане сказали, что поэт Бродский в Лондоне очень тоскует, несмотря на всемирную славу. Он привык жить уединенно, писать стихи, а главное – быть в России, сидеть в своем Ленинграде. Ему изгнание очень тяжело.

Эти парни пообещали нам прислать про Диму книгу каким-нибудь путем.

30 декабря 1972 г., суббота.

Димушка свидался с Ленкой в мастерской. Она квохтала целую неделю, чтобы повидаться. Я полдня отдыхала. Потом пришла ко мне Кларочка. Мы с Димой попросили, чтобы она сказала поточнее о слухах, что будто бы Надежде Яковлевне собираются устраивать обструкцию. Кларочка приехала, держась за сердце – она испугалась, что у нас какие-нибудь неприятности. Кларочка заговорила о Надежде Яковлевне с явной неприязнью, хотя с ней незнакома. Лидия Корнеевна якобы до сих пор болеет из-за ее книги, так как Н.Я. «оболгала» всех ее подруг и друзей – Харджиева¹⁵⁷, Петровых¹⁵⁸, Герштейн¹⁵⁹, назвала Булгакова

¹⁵⁷ Харджиев Николай Иванович (1903–1996) – писатель, искусствовед, текстолог, публикатор произведений В. Маяковского, В. Хлебникова, О. Мандельштама. Известный коллекционер про-

«дурнем», а Корнея Ивановича – «брехуном». Лидия Корнеевна, по словам Кларочки, хотя это и не точно, готовится что-то писать, и тогда, мол, Н.Я. несдобровать.

Оказывается, у нас на поминках Гдаль с Кларочкой тоже исхитрились поругаться по этому же вопросу. Гдаль обругал Корнея за то, что тот не помог когда-то Мандельштаму. Клара обиделась и чуть не ушла. Мы с Димой ничего этого не замечали.

Лева Копелев видел два номера журнала Майка «Индекс» и ему они очень понравились. Копелев считает, что Солженицын, возможно, и напишет что-нибудь для «Индекса». Если это случится, Майк будет совершенно счастлив. Третий номер должен быть посвящен целиком нашей стране.

Мишка рассказал о спектакле Зальцмана. К сожалению, толком о самом спектакле он не смог рассказать, но факт, что Зальцман взял что-то о Корчаке, о его детском доме и что-то об Анне Франк. Опять же мелом нарисовано было две шестиконечных звезды. Говорят и другие люди – Наташка Нольде, Мишка, Ида, что спектакль не получился, хотя и могло бы что-то быть. Но Зальцман явно прогрессирует. Главное же, что сейчас он не побоялся говорить о таких вещах. Выступал Киселев. Он Зальцмана ругал, но с позиций искусства, и обвинил его в спекуляции на теме.

Крысанька занимался с Инной Давыдовой, и нас поразило, что она не знает, кто такой Беккет.

Позвонила Юнна. Она, так же как и Гинзбурги, Владик Бахнов, моя мама и другие, была обижена, что Димка не сообщил о смерти папы. Вот как, оказывается, люди серьезно к этому относятся. А мы с Димой думали, что всем это только в тягость, а отказать вроде нельзя.

Поздравляли меня с Новым годом мой бывший ученик – семиклассник Лень Нудельман, Идин сын, и другие ребята меня поздравляли. Хотим с Димой и Мишкой зайти к Зверевым числа первого. В Москве сейчас эпидемия гриппа, и Дима его панически боится, не из-за самого гриппа, а из-за того, чтобы не было осложнения на сердце. Целый вечер Дима всем звонил и поздравлял с Новым годом, но еще не всех.

Смотрели через Мишкин аппарат диапозитивы со скульптур Мура во Флоренции, которые нам прислал Томпсон. Это летняя выставка этого года во Флоренции. Интересно, но немножко нам это надоело. Непонятно почему, наверное, слишком много мы его видели и устали восхищаться.

Крысанька постриженный выглядит очень милым и молоденьким мальчиком. Он уже по своим волосам не страдает, и слава богу. Димушка рассказывал ему о своих родителях. Когда Дима сказал: «Впервые я встречаю Новый год круглым сиротой», мы с Мишкой, не сговариваясь, тут же сказали: «А мы?»»

изведений русского авангарда. Член СП СССР (с 1940). Был дружен с Э. Багрицким, А. Крученых, К. Малевичем, В. Шкловским, Д. Хармсом, Б. Эйхенбаумом и др.

¹⁵⁸ Петровых Мария Сергеевна (1908–1979) – поэтесса и переводчица. Была в дружеских отношениях с А. Ахматовой, С. Липкиным, О. Мандельштамом.

¹⁵⁹ Герштейн Эмма Григорьевна (1903–2002) – литературовед, автор книги «Новое о Мандельштаме» (Париж. Atheneum. 1986), автор «Мемуаров» (СПб., 1998).

1973

31 декабря 1972 г., воскресенье – 1 января 1973 г., понедельник.

Соседи над нами веселятся до упаду. Мы встретили Новый год втроем – Дима, Миша и я. Моя мама посидела у Севы с Ритой, но там каждый занялся своими делами – Рита вязала, Сева читал, и мама еще до двенадцати пошла к себе смотреть телевизор. Пожалела, что не поехала к нам. Нам все звонили и мы всем звонили.

Дима ходил с Ленкой в музей Пушкина смотреть коллекцию американского миллионера¹. Ее родители до десяти были на работе, и она упростила Диму с ней пообщаться. Димушка согласился, потому что забыл, что сегодня Новый год. На выставке они встретили Юрочку Генниса и пошли втроем в мастерскую, а затем зашли к нам.

Мы с Мишенькой целый день убирали. В магазине, куда Мишка сбегал, неожиданно выбросили хорошие продукты: баночную селедку, соки, баклажанную икру.

На потолке кто-то воет песню дурным голосом и еще притоптывает.

Ленка сильно замерзла. Пришлось мне дать ей на обратный путь свои новые красные брюки и свитер от костюма. Юрочка написал рассказ, очень хороший. Вообще, я очень рада, что этот мальчик, один из самых любимых моих учеников, оправдывает наши надежды. Пока не было в нашей жизни Мишки, я любила его больше всех. Теперь тоже очень люблю, но Мишка сын и он, конечно, в моем сердце первый. Юрочка просто молодчина. Очень может быть, что он станет хорошим писателем.

Прослушали запись, которую мы года полтора назад записали для Мишки. Хорошая запись. <...> Приятно, что мы были втроем. Крысанык нарядный был и хорошенький ужасно. Дима позвонил и поздравил его мать и передал поздравления бабушке и Насте. Ему показалось, что она была тронута, так как не ожидала. Мишка же тоже заехал домой, всех поздравил и даже сказал: «И вас, Анатолий Степанович, поздравляю с Новым годом, с новым счастьем». Тот в ответ мужественно буркнул: «Спасибо». Мишина бабушка готовила курицу и с ней поехала к своим старушкам-подружкам.

Димуся понемногу стал больше кутаться, чем раньше. Должно похолодать, поэтому меняется погода, и он чувствует себя неважно. Год этот был для нас плохим. Тяжелый был год. Папа умер. Дима руку себе порезал. Дай бог, чтобы

¹ Имеется в виду выставка «Западноевропейская и американская живопись и рисунок из коллекции Арманда Хаммера». Первая подобная выставка из США в Советском Союзе. Была открыта в Москве, а затем в Ленинграде в конце 1972 г. – начале 1973 г. Пользовалась невероятным успехом, собирая у входа многочасовые очереди. Представлены были 103 произведения.

в новом году нам было легче. Мишка подарил Диме очень симпатичные три церковки и башенку, которые он выпилил в детстве.

1 января 1973 г., понедельник.

Дима уже начал мучиться совестью, что мало работает. Нарисовал картину, где Мишка, папа в рубашке с больничной печатью ИССХ, мы с ним и Мишенькины церковки – маленький рисуночек.

Я так что-то устала за всё это время, что когда ложусь отдыхать, потом в течение некоторого времени не могу двинуть ни рукой, ни ногой. Дима с Мишкой съездили сегодня в мастерскую и таскали со двора выброшенную мебель. Завтра мама моя хотела приехать с пирогом.

2 января 1973 г., вторник.

Встали с Димой с утра замечательно. Потом неожиданно поругались. Мишка спал. Вспомнилось, как вчера я сказала про Евтушенко при Мишке: «Он совсем скурвился». Сегодня Дима вдруг решил, что это ужасно неприличное слово, и я учу парня ругаться. Слово за слово, Дима затопал ногами и закричал. Оба мы обиделись, дошли до истерики, потом помирились и ослабленные вышли на улицу, на солнышко. Накупили уйму лекарств в аптеке. Зашли в скульптурный комбинат, где очень довольный и сытый Рудольф выражал нам соболезнование по поводу смерти папы. Сберкассы сегодня закрыты, и мы папины деньги пока не получили. Зашли в магазин «Сантехника» и купили массу прокладок для крана. Дома Дима долго чинил кран, пока совсем не доломал. Пришлось звать слесаря. На этот раз он всё отлично починил, даже удивительно. Дима дал ему тройак.

Мишка полдня слонялся. За два часа до отъезда к Инне Давыдовне сел писать сочинение о Пушкине. Сел не в моей комнате, где он спит и сейчас живет, а у Абрама Яковлевича, где я живу. Он, конечно, не успевал. Был ужасно недоволен, что мы с Димой зашли за своими какими-то вещами.

Мы с Димой чуть снова не поругались. Я думала, он не пойдет в мастерскую, а он пошел. К нему туда Ленка пришла отдавать мой свитер и брюки. У нее оказался грипп, то ли простуда. Дима оставил ей свитер, потому что она замерзла и ее трясло. Дима ужасно боится гриппа. Мы купили какую-то дрянь – интерферон – отечественное средство, и он теперь пускает его себе в нос.

Дима будет рисовать на доске фломастерами специально для Гдаля «Адама». У Гдаля грипп. Температура небольшая, но очень болит голова.

3 января 1973 г., среда.

С утра все было хорошо. Сначала мы с Димой ездили по сберкассам, где лежали три книжки по пятьсот рублей. В двух сберкассах все было хорошо, а в третьей был жуткий гвалт, потому что было много людей и все орало. Каждого клиента обслуживали более чем по пятнадцать минут. Дело было перед обедом, и служащие не успевали. Наконец тетка, которая должна была переложить деньги Абрама Яковлевича на меня, три раза ошиблась. Сначала выписала деньги на Абрама Яковлевича, потом на какую-то Никольскую, и только в третий раз на меня. Мы там совсем дошли, в этой сберкассе на Смоленской. Потом мы зашли в

аптеку и снова купили много лекарств. Дима идеальный потребитель лекарств. В «Правде» огромная статья «Осторожно грипп!» Дома все было хорошо. Мы с Димой вдвоем мирно и хорошо жили. Позвонила Наташа Нольде, что ее выгнали из института. Этого давно следовало ожидать.

Дима стал считать, сколько нам надо платить за квартиру. Я ему помогала, но, наверно, недостаточно активно. Вдруг у Димы сделался припадок бешенства. Он хотел разбить стул, но потом раздумал и стал меня ужасно ругать, что у него лопается голова, что он вынужден делать все один, а я ему нисколько не в помощь. Я сначала молчала, потом сказала, что совершенно не вижу себе замены, если я помру, потому что в бытовом плане с ним ни одна баба не выдержит. Дима мне сказал, что если он помрет, то мне, конечно, будет легко и приятно. При этом еще позвонила Ленка и рассказала, как ее мать вчера весь вечер орала и грозилась звонить Диме, чтобы он ее к себе не пускал. Все это из-за того, что она вчера пришла в мастерскую, а сегодня заболела, слава богу, не гриппом. Вот так мы поговорили.

Только кончили, приехал Мишка от историка. Мы все поехали в гости к Гинзбургам. Нина была очень оживлена, Витя был мрачен, но потом отошел. Сионистские воззрения нашего мальчика их очень удивили, и когда они заинтересовались, откуда это у него, Мишка вдруг сказал: «Вот Абрам Яковлевич...». Все, конечно, начали смеяться. Нина сказала, что многие общие знакомые задают ей один и тот же вопрос – не уезжаем ли мы с Димой в Израиль. Особенно все об этом подумывают в связи с моим уходом с работы. Дима сказал, что он не уезжает, потому что не хочет. Ему здесь нравится жить, он все это любит, несмотря на все недостатки. Нина сказала, что у нее абсолютно те же чувства. Витя сказал, что он, напротив, мог бы уехать, но неустроенность в чужом месте и вообще, какие-то странные причины всех нас снова рассмешили. Уж кому-кому говорить о неустроенности на чужбине, только не Вите. Просто он не хочет никуда уезжать и всё. Витя был ужасно возмущен, что нужно пробивать скульптуру на Девичке для памятника И.Е. Тамму. Однако он согласился всячески содействовать и ходатайствовать лично там, где надо.

Кажется, наш Мишка всем нравится. Это приятно. Мне приятно, что похвалил историк, и вроде бы Инна Давыдовна тоже им довольна. Димушка у меня очень больной на голову, он шез. Припадки гнева у него неожиданны и к ним невозможно приноровиться. Я еще больше буду стараться не раздражать его, но думаю, что это пройдет, когда он начнет работать и перестанет заниматься всякой чепухой.

4 января 1973 г., четверг.

Был очень утомительный, хотя и интересный день. Сначала мы с Димушкой платили за полгода вперед за квартиру, телефон, свет и газ.

Все троем с Мишкой мы были в мастерской, куда пришли и Наташка и Эдик. Дима раскрашивал дощечку для Гдаля. Мы с Мишей выкрутили и развесили стиравшееся белье, которое я замочила в порошке несколько дней назад. Теперь оно подсохнет, и Дима снова сможет его пачкать.

Наташку Нольде выгнали из института, вернее, заставили ее взять документы, чтобы было, как будто она ушла по собственному желанию. Если у Димы будет договор, а главное – будет здоровье, он хочет ее включать в эти договора, и она тогда сможет кое-что зарабатывать.

Эдик рассказывал, что он, скорее всего, точно уйдет с работы после своего отпуска. Потом он кое-что снимал широкой камерой. Наташка тонировала металлические дощечки, где мадонна, младенец и еще человеческая голова справа. Заходил Леня Штутман. Он позвонил Борису Дюжеву². Это скульптор, с которым Дима когда-то учился. Большое дерьмо и большое начальство. Дима звонил, чтобы подготовить почву для памятника И.Е. Тамму. Дюжеву польстило, что Дима позвонил, и он разговаривал с ним хорошо, даже кое-что посоветовал сделать.

Всюду только и разговоры, что о гриппе. Эпидемия в полном разгаре. Мишка ходил по мастерской и внимательно все разглядывал. Отчего мы ухитряемся всегда быть нагруженными? Что-то несем в мастерскую, что-то из мастерской. Мальчик обещает принести показать котенка, родившегося у моей кошки-крестницы. Сейчас понемножку выясняется, что этот якобы кот – кошка.

5 января 1973 г., пятница.

Дима закончил раскрашивать темперой дощечку для Гдаля. Сделал ему очень смешного «Адама». Два дня потратил, но для Гдаля не жалко.

Полдня я варила обед. Димушка сегодня почти не сердился на меня, а даже был доволен.

Ленька Бахнов болеет этим жутким гриппом уже шесть дней с температурой 40°. Неля еле говорит по телефону. Леньку собираются класть в больницу. Температура у него не спадает, хотя лечат его самыми новейшими антибиотиками. Мишка долго спал. По ночам он читает, а утром, пока каникулы, мы жалеем его и не поднимаем рано. <...> Вечером он привез в мастерскую старый пылесос, сломанный увеличитель, десять пачек порошка «Лотос» и огромную алюминиевую кастрюлю. Мне нужна была кастрюля поменьше для рисовой каши, а эта как бак для белья. Всё он перепутал, приехал не вовремя, да еще с шиком на левке, которому дал три рубля ни за что ни про что. Хватило бы и рубля. Мы его несколько обругали, он обиделся и тоже стал качать права. Дома я на него обиделась – он из аквариума вынул кусок стекла, я его туда положила, а ему не нравится. Я сказала ему, что больше рыбами вообще не занимаюсь. Потом мы помирились, и я думаю, что он это стекло обратно в аквариум вставил.

В мастерской был Юра Никитин со своими товарищами Леней и его супругой Ирой, и архитекторы Фурсов и Ираклий Мосашвили. Они чего-то хотят и не хотят и боятся. А Дима, уже наученный горьким опытом, никакими своими идеями не делился, а сказал, что если они хотят конкретно заключить с ним договор, то он сделает всё, как надо. Там есть стена, и Дима хотел бы повесить на нее металлическую скульптуру.

² Дюжев Борис Иванович (1928–1998) – скульптор. Учился в МВХПУ одновременно с В. Сидуром. Автор памятников В.И. Ленину в Москве (1963) и Йошкар-Оле (1980), монумента защитникам Тулы (1967) и др. Заслуженный художник РСФСР (1968).

Слышали «Свободу». Они объявили, что 90 евреев хотят вернуться из Израиля обратно в СССР. Будто бы они послали Брежневу телеграмму, где поздравили его, партию и весь советский народ со славным праздником 50-летия со дня образования СССР, а также каются в своих заблуждениях, на которые их подбили сионисты, и умоляют разрешить им вернуться на родину. Израиль их разочаровал и экономически, и политически. Я думаю, что это жулики возвращаются, здесь жулили и хорошо получалось, а там конкуренция, свои жулики есть. Наш Мишка очень огорчился из-за этого известия. Он всё не верит, что среди евреев масса идиотов, как и среди других народов. Я ему говорю: «Что ж ты, Мойша, носишь арабскую пижаму и пьешь арабский апельсиновый сок? Не к лицу сионисту». Он подумал и ответил: «Я это рассматриваю как трофей».

6 января 1973 г., суббота.

Мишка бывает невероятно утомителен, несмотря на всю нашу взаимную любовь. Он ходит по пятам за мной или за Димой и беспрерывно что-то болтает. Поэтому когда он уехал на Палиху чинить замок в своей комнате (уже в который раз он чинит замок, так что от двери почти ничего не осталось), мы с Димой даже обрадовались. Хочется иногда отдохнуть от детского лепета. Никакой личной жизни у нас с Димой нет, когда он с нами. Он дожидается, пока Дима угомонится, и начинает ходить за мной. Готов полночи раглагольствовать на всякие темы, в основном о еврейской национальности, лучшей в мире. От его настырности можно стать антисемитом, например, людям менее закаленным, чем мы.

Ленька Бахнов чувствует себя лучше. Владик достал какой-то югославский антибиотик, и температура у Леньки упала. Мысль о госпитализации больше не стоит. Теперь у него сильное воспаление легких.

Вечером мы с Димой были в мастерской, где встречались с Сашей Гришиным. Он сразу же оценил Димины барельефы и тут же их сфотографировал какой-то великолепной японской широкой камерой. Работоспособность этого двадцатичетырехлетнего человека потрясающая. За семь дней, что он тут находится, он проработал не менее восьмидесяти часов.

7 января 1973 г., воскресенье.

Дима делает макет надгробия И.Е. Тамму, чтобы показывать его в Министерстве культуры. Что бы там ни было, этой процедуры избежать нельзя.

Вчера Саша сказал, что в начале февраля приезжает какая-то его знакомая и привезет его книгу про Диму. Хорошо бы. Саша советует Диме делать скульптуру хотя бы в метровом размере. Дима не имеет для этого сил, так как у него постоянно идут новые идеи, и он хочет их осуществлять, а на увеличение старых уже нет времени. Даже если бы были умелые помощники, за ними надо смотреть и ими руководить.

8 января 1973 г., понедельник.

Звонила Нора Нисниевич и рассказала любопытную историю. Заболел Келдыш, у него затромбировалась почечная артерия³. Он ни в коем случае не желает

³ «Делайте, что хотите, но Келдыш нам нужен, он должен жить и работать», – приказал генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, узнав о тяжелой болезни президента АН СССР.

ложиться к Петровскому. Выбрал он сам для себя клинику Володи Бураковского, но операцию ему будет делать не Володя, не Покровский⁴, а какой-то знаменитый американский хирург⁵. Своим Келдыш не доверяет, и правильно делает. Специально для Келдыша на четвертом этаже освободили три палаты и всю реанимацию на втором. На весь этот период все остальные операции прекращаются вообще. Зондирование ему будет делать Петросян. Показательно, что в Кремлевку Келдыш тоже ложиться не хочет. Американский хирург едет не один, а с бригадой из четырех человек. Главным образом – он берет с собой свою медсестру, это чуть ли не самое важное. По этому поводу у Володи в клинике сейчас большое напряжение.

Была пурга, но Мишка все равно с утра съездил в Алабино. Там всё в порядке. <...> Он теперь придумал нам во всей семье новые имена. Меня он зовет Фейга Львовна, себя – Мойша, а Диму – Давид Абрамович. <...> Имя Фейга⁶ он вычитал в книге, подаренной ему Шамраковой об антифашистском еврейском конгрессе в Москве в 1943, то ли 1944 году. Эта потрясающая книжечка со сталинских времен. Мишке понравилось имя Фейга Паперник – мать Героя Советского Союза Лазаря Паперника⁷.

Димушка почти кончил макет надгробия И.Е. Тамму. Приходил Юра Никитин с друзьями. Леня и Ира купили гравюру за 50 рублей. Посетила нас американская девушка, на вид очень молоденькая. Потом она сказала, что ей 21 год. Непохоже. Она подруга Кетрин Пайнс. Ее отец тоже профессор физики, как Дэвид, и они живут в одном городе. Она приехала с группой американских студентов. Внесла некоторую ясность насчет «Головы Эйнштейна». Они нам не пишут, потому что пока у них какие-то нелады с деньгами в самом университете. Летом у них деньги вроде бы будут, и тогда они пришлют гарантийное письмо. Так что Боря ничего не понял, когда говорил с Даниелом.

9 января 1973 г., вторник.

Сегодня семь лет, как умер Изольд. Мы начали получать письма из-за границы. Получили письмо из Касселя от Бютнеров и от Свето Маслеша из Югославии. Бютнеры ничего особенного не пишут. С почтой у нас опять нелады, оказий почти нет.

Мишка нас огорчил – не смог написать сочинение о Пушкине. Он говорит, что не смог, у него не получилось, а я думаю, что он просто слишком поздно за

⁴ Покровский Анатолий Владимирович (р. 1930) – хирург, профессор, действительный член АМН СССР, зав. отделением сосудистой хирургии Института хирургии им. А.В. Вишневского. Президент Европейского общества по сосудистой хирургии (2000), лауреат Государственной премии СССР (1975).

⁵ Имеется в виду Майкл Дебейки (1909–2009), он удачно провел эту шестичасовую операцию 10 января 1973 г. В 1996 г. его пригласили в Москву как консультанта при проведении операции на сердце президента России Б.Н. Ельцина.

⁶ На идиш «фейга» означает «птица».

⁷ Речь идет о Третьем митинге представителей еврейского народа, созванном в Колонном зале Дома Союзов в Москве 2 апреля 1944 г. по инициативе Еврейского антифашистского комитета. Выступали общественные деятели, военные, партизаны, поэты, писатели. Среди других выступила мать Героя Советского Союза Лазаря Хаимовича Паперника (1918–1942) Фейга Паперник.

него взялся, за два часа перед отъездом к Инне Давыдовне. Что тут можно написать?

У Слепышева грипп, и мы боимся, чтобы парень не заболел и нас не заразил. Завтра он идет к историку, а послезавтра в школу, кончилась его веселая жизнь. Вечером нас посетили Ида с Мишей. Конечно, мы поговорили о школе, поругали Зальцмана, поговорили о Мишке. Ида в хороших отношениях с дочкой министра просвещения Елютина⁸, которая замужем за деканом переводческого факультета в Инязе, куда Мишка поступает. Хотелось бы его как-то подстраховать, но как это сделать – пока не знаем. Ясно одно, что Мишка вообще ничего об этом не должен знать. Ему надо заниматься, и как можно больше.

Димушка жалуется на глаза. Они у него устают. Он беспрерывно пускает альбумид. Сегодня кончил макет надгробия И.Е. Тамму.

Наши соседи по коридору поставили возле своих дверей какую-то банку из фольги с еловыми ветками и повесили цветок. Мы с Димкой, когда возвращаемся домой, все время думаем, что у них кто-то помер. А это, оказывается, для красоты.

Вчера американская девушка сказала, что в Америке больше всего читают Апдайка, Воннегута и «Август 1914» Солженицына. Хотя эта книга сейчас очень модная, многие считают, что она значительно слабее других.

10 января 1973 г., среда.

Димушка исхитрился простыть дома, никуда не выходя. Температуры, слава богу, нет. Сегодня он окончательно доделал макет надгробия и целый день рисовал большую доску «Адам и Ева». Посетила нас американская девушка Твиги, мы с ней съездили в «Березку»⁹ и купили приемник *Astrad* с 16 метрами¹⁰. Больше в этих двух магазинах, где мы побывали, ничего не было. Я была вроде бы ее переводчиком. У нас были пятьдесят долларов и нужно было их потратить. Советским гражданам это нельзя, поэтому Твиги нам помогла. Я хотела купить ботинки или какие-нибудь шмотки, но ничего там не было. Пришлось купить приемник. Это наш рижский приемник, он вполне ничего, но, как всегда, у нас чего-нибудь не так. Димины волны не работают. Это самая буза, но все равно. В принципе, Дима доволен. Стоит эта машина 36,30 сертификатных рублей или же 43,99 доллара. Так что у нас еще пять тугриков. Покупать очень противно. Я разыгрывала из себя переводчицу. У Димы приемники – род сумасшествия, он обставляет себя ими и крутит до умопомрачения. Вечером Твиги

⁸ Елютин Вячеслав Петрович (1907–1993) – в 1945–1951 гг. директор Московского института стали и сплавов. В 1951–1954 гг. первый заместитель министра, в 1954–1959 гг. министр высшего образования СССР, в 1959–1985 гг. министр высшего и среднего специального образования СССР. В 1956–1961 гг. кандидат, в 1961–1986 гг. член ЦК КПСС. Член-кор. АН СССР (1962). Лауреат Сталинской премии (1952).

⁹ Существовавшая в СССР в 1964–1988 гг. сеть магазинов, в которых продукты, промышленные товары и книги продавались иностранцам за свободно конвертируемую валюту и специальные чеки серии «Д» (для дипломатов).

¹⁰ Имеется в виду транзисторный радиоприемник «Рига-302А», выпускавшийся с 1969 г. Рижским радиозаводом им. А.С. Попова. Экспортный вариант назывался *Astrad*, он имел диапазон коротких волн с 16 метров (у «Риги» – лишь с 25 метров).

должна была появиться в своем отеле, потому что отбояриться от кинофильма «А зори здесь тихие» и поехать к нам ей не удалось, и она с грустью сообщила нам об этом по телефону.

Домой я ехала на такси. Шофер сначала осторожно беседовал со мной о политике, а потом произнес взволнованную речь: «Вот у нас этих самых железных занавесок гораздо больше, чем у них при капитализме. Они ездят везде, видят белый свет, а у нас рабочему человеку ничего не разрешается. У них, если случится что, так заступятся. Забастовку устроят или что-нибудь еще. Ездят, куда ходят, высказываются. А у нас понастроили глушилок. Это что такое! Если брехня, так я и сам разберусь и слушать не буду. Вот Китай – брехня, так я его не слушал. Для них всё мелочи, но что у нас обувь плохая, так это не мелочи. Из таких вот мелочей всё и складывается в крупное. Вот у Брандта мать прачка, а говорят, что только богатые пробиваются. Я его речь слушал, до чего же умный человек. Вот, что значит ум, вот и добился и пробился». Подобные речи простые граждане произносят довольно часто. До какой-то степени это глас народа. «У нас не только в капиталистические страны, в свои-то в социалистические и то не поедешь. Всякие трудности». Верно, дяденька!

Посетили нас на дому Юрочка Геннис и Володя Воловников. Они сдали по второму экзамену на четверки. Если еще два экзамена сдадут без троек, то будут получать стипендию¹¹. Невероятно симпатичные детишки. Не видели нашего ребенка уже второй день, но много говорили по телефону. Он ездил к историку. Мишка меня очень радует. Он хочет попасть в институт и даже говорит, что сейчас будут стараться. Когда он так говорит, он всегда выполняет. У него есть одна хорошая черта – он никогда не дает обещаний, но уж если дает, то обязательно выполняет. Поумнел парень невероятно. Прочитал в «Литгазете» ругательную статью о Беккете¹². Беккета ругают, но дают много познавательной информации. Мишка высказал несколько очень умных мыслей, а главное – научился наконец свои мысли грамотно оформлять. Конечно, детеныш без нас скучает. И мы без него. Увидимся мы только в субботу, когда он придет после очередного занятия с историком.

11 января 1973 г., четверг.

Дима, слава богу, пока не расхворался. С утра мне надо было съездить еще в Фонд, чтобы разобраться с Димиными последними бюллетенями. Захотели купить еще интерферон. Фиг-то, больше нет ни в одной аптеке. У нас пока хватит на несколько дней. Я купила книжечку за 29 коп. – «Диверсия без динамита»¹³. Там изо всех сил ругаются все зарубежные радиостанции, вещающие на

¹¹ В то время студенческая стипендия была 28 рублей, повышенная – 40 рублей.

¹² А. Николаевская. Сэмюэль Беккет, или мир без людей // Литературная газета. 1973. 10 января. С. 13.

¹³ Белов А.В., Шилкин А.Д. Диверсия без динамита. (М., Политиздат. 1972). Книга о деятельности разведывательных центров империалистических государств, ведущих подрывную работу против СССР. Рассказывается, как западные реакционные круги проводят идеологические диверсии, часто под прикрытием религии, пытаются подорвать социализм «изнутри», используя различные методы, в частности, передачи радиостанций Би-би-си, «Голос Америки», «Свобода», деятельность других пропагандистских центров США, ФРГ, Англии и т. д.

СССР. Многих станций мы даже и не знали. Теперь узнаем. В схему антисоветских вещателей попали такие невинные передачи, как Франция и Канада. Упоминаются знакомые имена: Б. Цукерман, его жена Цукерман-Чиликина, Левитин, Талантов¹⁴, Желудков¹⁵ и др. Мы с Димой еще эту книжечку недостаточно изучили. Издана в «Политиздате» стотысячным тиражом. Авторы – два незнакомых хмыря. Там есть глава – «Когда нет аргументов». Мы с Димой каждый день убеждаемся, что лучший способ борьбы с нежелательной информацией без аргументов – это глушение. Что наши и делают довольно успешно, но все-таки всех заглушить не могут, и неприятная информация просачивается в жаждущие уши.

Диме не очень хотелось ехать в подвал, но Леня Штутман уже договорился с архитекторами и переиграть было нельзя. Он пошел один без меня, потому что меня посетили Ида с Наташей. Мы втроем дома обсуждали, как подстраховать нашего Мишку с институтом. До Иды и Наташи мы общались с Твиги. Она, кажется, ушла от нас очень довольная. Мы подарили ей много книжечек русских классиков: Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Куприна, Чехова и других, которые я всегда покупаю, когда вижу. Есть специальное такое издание – «Народная библиотека» для школьников. Она говорит, что специально ездила в «Дом книги», и там ничего не было. Подарил ей Димушка еще рисуночек с надписью и книжку Юнны Мориц «Лоза» тоже с надписью. Посидели с ней, поели, выпили водки и простились. Она была довольна, хорошая девочка, очень застенчивая, все время краснеет.

Очень радуется Мишка. Он несколько раз звонил и невероятно умно говорил. Оказывается, он прочел массу критической литературы для того, чтобы написать сочинение о лирике Пушкина. Мы с ним даже поспорили. Он аж упивался, читая Писарева. Его молодой задор очень совпал с Писаревым. Плюс полное непонимание Пушкина. Но факт, что он всё это прочел, осознал и стал писать свое сочинение на завтра, очень приятный.

Ида говорит, что сегодня в школе Мишка поразил ее своей серьезностью. Она даже внутри смеялась, так он был серьезен. Не знаем, надолго ли его хватит, но сейчас он нас с Димой очень радуется. Увидимся мы только в субботу.

12 января 1973 г., пятница.

Я залечила зуб, в котором дыра больше, чем то, что от зуба осталось. Лишь бы он, зараза, не болел. Наступили холода, завтра уже обещают -25° . Приехала моя мама с едой. Привезла цыплят, тех, что тетя Аида приобрела еще в Череповце. Цыплята волокнистые, но я их ела с удовольствием. Тетя Аида тоже поехала к моим братьям-музыкантам Вовке и Славику и к своей снохе Галие Семеновой.

¹⁴Талантов Борис Васильевич (1903–1971) – математик, преподаватель, религиозный правозащитник, автор самиздата. В 1969 г. арестован и приговорен к двум годам заключения за «клевету на СССР». Умер в тюремной больнице.

¹⁵Желудков Сергей Алексеевич (1909–1984) – священник, писатель, диссидент. С 1973 г. член московского отделения организации «Международная амнистия».

Димушка рисует с огромным удовольствием длинную доску с Адамом и Евой. Они жутко красивые. Дима эту доску рисует, а сам мучается, что вроде бы не то делает. Сегодня у Юры Никитина день рождения. Он пришел в мастерскую со своей подругой Аней, с Леной и Ирой, а также с их четырьмя детьми. Еще приходили Юрины друзья Володя с Верой. Теперь из-за Юры у нас много каких-то новых очень симпатичных друзей.

Мишка получил пять по политпереводу, и Митрофан его хвалил. По телефону мы ведем в основном умные разговоры по литературе. Мишка много спорит, не соглашается, недопонимает, но сам факт, что он об этом говорит с интересом и даже с жаром, очень приятен. <...> Говорила с Мишкиной учительницей по литературе и русскому языку. Она очень его хвалит, хотя говорит, что ей часто приходится с ним не соглашаться. Что наш Мишка умеет – так это спорить и не соглашаться. Павел Яковлевич, его историк, задал ему на следующий урок ознакомиться и пересказать статью Мишкиного дедушки о завоевании Сибири. Купил мальчик долгожданное лекарство интерферон – средство от гриппа, уже исчезнувшее из всех аптек. Дима страшно доволен. Завтра мы наконец с дитем увидимся.

13 января 1973 г., суббота.

Димушка закончил роскошную доску «Адам и Ева». Полдня провела у нас моя мама. Зашила мне мое пальто, совершила так называемый «мелкий ремонт», который мне не под силу. Приехал наш дуралеюшка. Кашляет, зеленоватый, осипший, но очень возбужденный и шумный. Понавез кучу еще каких-то старых книг от некой, чуть не столетней, старушки Рябовой. Мы немножко боимся. Я, кажется, забыла написать, что несколько дней назад Дима обнаружил двух ужасающих размеров клопов. Это определенно новая порода, почти как тараканы, но удлиненной формы. Я предположила, что это и были тараканы, но Дима сказал, что когда он их убил, они воняли клопами. Мы очень перепугались и всё перешуровали. Больше никого не обнаружили.

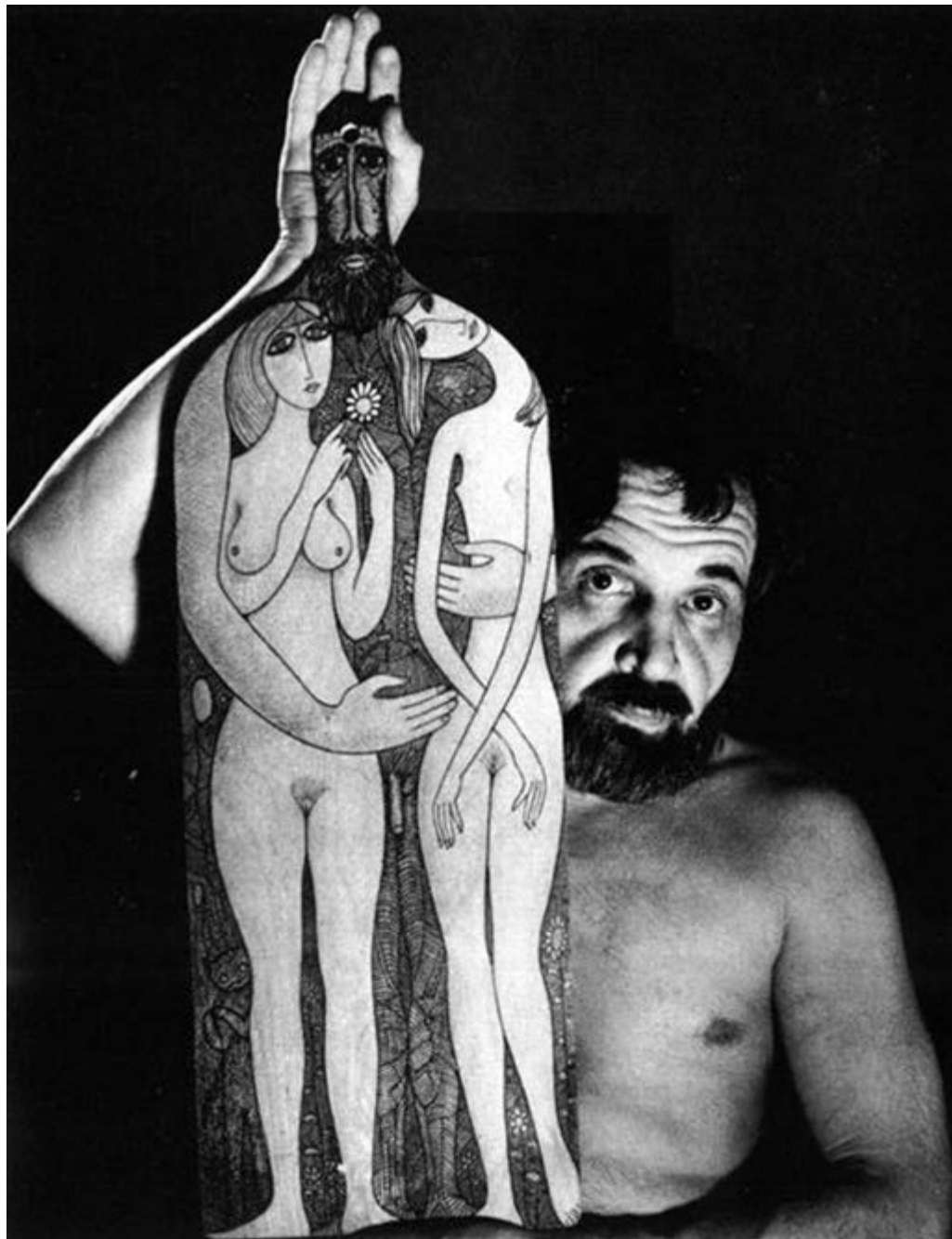
Мишка получил две четверки по французскому – результат его почти двухмесячного бездействия. Завтра я с ним займусь. Получил также тройку по химии – это хорошо. Изъявил желание участвовать в олимпиаде по литературе у Зальцмана. По французскому в олимпиаде тоже будет участвовать. Скорее всего, он там ничего не завоеует, но само участие пойдет ему на пользу.

Сегодня по Би-би-си слушали передачу по «Второй книге» Надежды Яковлевны Мандельштам. Еще раз убедились, что это «чокнутая старуха», как она сама себя называет, невероятная молодчина. Что бы ейчас не писала Лидия Корнеевна, это ничего изменить не может.

Ленка Гамазина чего-то вчера наелась и отравилась. Говорит, что сегодня прямо помирала, как ей было плохо.

14 января 1973 г., воскресенье.

Болит мой проклятый зуб, никаких сил моих нет. Врач Василий Семенович сказал потерпеть еще два дня и всё пройдет. Врет, небось, гад. Димуся чувствует себя получше первый день. С Мишкой общался по телефону. Он всё

Вадим Сидур (1973). Фото: Эдуард Гладков

вроде бы учиться, но результаты не очень. Вступил в конфликт с историчкой <Тамарой Абрамовной Фельдман>. Она дура, но ему надо лучше заниматься, а не качать права. Получил у нее тройку по обществоведению. К тому же она сказал, что лучше иметь дело с грубиянами, чем с такими вежливыми наглецами, как он. Мишкина статья «О проблеме человеческого достоинства» получила некоторый резонанс. В школе ее живо обсуждают.

Димушка разрисовывает уже вторую большую доску фломастерами и цветными карандашами. На ней изображен Дима, обнимающий двух прекрасных девиц – меня и Ленку. Меня он явно преукрасил, а Ленка – обаятельная уродинка. Сегодня он чувствовал себя получше немного и целый день рисовал.

Каждый день в мастерскую ходит Наташка <Нольде> и что-то там делает. Вечером она приходит к нам и Дима учит ее уму-разуму. Она была довольна, что Дима на первых порах будет платить ей тридцатку в месяц. Работать она будет по шесть часов, следить за порядком в мастерской, выходные суббота и воскресенье. Наталья не хочет работать по шесть часов, она готова сидеть в мастерской хоть сутками. Больше всего ей неохота идти к себе домой.

Вчера приходил к нам Саша Гришин. Мы уже очень привыкли друг к другу, и Саша мне теперь даже нравится. К тому же он сильно похорошел. Волосы у него длинные, борода пушистая, вид очень умный. Ему всего двадцать четыре года, и он уже столького добился. Я его все время ставлю в пример нашему сыночку глупенькому. Дима подарил Саше металлическую отливку скульптуры «Нежность» и цветной рисунок из серии «Мутации». Саша был очень доволен. Он никак не хотел, чтобы Дима свернул рисунок в трубочку и заставил Диму употребить для этой цели хороший картонный планшет. Маленькая серия «Мутаций» Сашу совершенно поразила. Этих фотографий пока нет у него. Наташка еще раньше красила-красила «Нежность» целых два дня, и все равно Дима ее перекрасил. Выглядит вещь совершенно великолепно. Сашин отец написал ему, что книга про Диму вышла. Одновременно должна была выйти Сашина книга про русскую икону, но пока еще не вышла. Книгу про Диму уже успел обругать какой-то американский искусствовед. Саша говорит, что до этого он сам обругал книгу того искусствоведа про одного американского скульптора. Искусствовед прислал Саше письмо, где написал, что коллеги так не поступают, зато теперь отомстил. Так что теперь есть не только книга, но и ругательный отзыв на нее. Саша сейчас в основном бродит по всяким молодым художникам, о которых мы не слыхали. Нам с Димушкой очень хочется иметь уже его книгу, никак не дождемся.

Бедные дети, бывшие мои ученики, ныне студенты, ходят, бродят и деться им некуда. Забрели в подвал к Наталье – Ленка, Юрочка и Вовка. Вчера Юрочка сдал экзамен на четыре, а сегодня Вовка тоже на четыре. Если они сдадут по последнему экзамену не меньше, чем на четыре, оба будут получать стипендию. Ленка рассказала, как Вовка ехидно описал ей вечер, когда они с Юрочкой были у нас дома без нее: «Вадим Абрамович всё с приемником из комнаты в комнату ходит, а Юлия Львовна всё Мишку ругает, как он плохо учится». Дима считает, что лучше, если дети будут приходиться в мастерскую, когда он сам там находится. Безусловно.

Димушка ужасно меня жалеет из-за зуба.

Эскиз росписи доски (1973)

15 января 1973 г., среда.

Зуб у меня болит не так сильно, как нудно. Очень изматывает, целый день полощу. Позавчера я совсем озверела из-за своего зуба и начала его ковырять. Ничего у меня не вышло, потому что Назаров зашпаклевал намертво, к тому же всё равно у меня ничего бы не получилось, так как запломбирован канал.

Димуся целый день рисовал вторую доску. Мне она даже больше, чем первая, нравится. Очень красиво. Оттого, что мы не выходим на свет божий, оба мы смурные. Мишка получил три по физике и не написал контрольную по химии. Всё как положено. Ездил заниматься с Павлом Яковлевичем. Говорит, что тот его похвалил.

<...>

19 января 1972 г., пятница.

Зуб у меня болит, хоть и менее интенсивно, но болит постоянно. Такое ощущение, что если от него не избавлюсь, он будет болеть вечно.

Заходила к нам Алла Зайцева. Продала за пятерку последний сборник, шестой, стихов Лимонова. Его краля со своим Щаповым и еще какими-то девицами на коленях у парней, врезались в столб во время гололеда. Девушки повредили позвоночник, краля получила легкое сотрясение, а Щапов как огурчик. Лимон сидит возле ее постели, а Щапов кормит его супами. Алка дружит с какими-то кагэбешниками, и хочет нас уверить, что они неплохие люди. Некий Гуревич, врач, лечащий политических заключенных в психушке, ходит к ней и распинается, какой он гуманный человек. Этот Гуревич свел Алку со своими друзьями и пациентами. Все эти люди на одном крючке у КГБ, и только такая идиотка как Алка засирает себе мозги, делая вид, что в этом нет ничего особенного. Нам с Димой становится всё труднее с ней общаться. Она все время ходит на грани из-за своего неумного любопытства. К тому же теоретический интерес к сексотам перешел у нее в практическое воплощение, и теперь она вполне может куда-нибудь запутаться.

После Алки была у нас Инна Бернштейн. Мы очень давно с ней не виделись. Ее зять Иосиф Бегун, ярый активист-сионист, всё борется за отъезд в Израиль. Когда-то давным-давно он работал в секретности и теперь его не пускают. Аня не работает, Иосифа выгнали откуда-то, где он работал сторожем, перейдя в сторожа прямо из математиков, и теперь они живут на то, что Иосиф получает, давая уроки. Кроме всего прочего, Инна лишилась покоя и даже заимела гипертонический криз из-за того, что ее квартира превратилась в учреждение, что-то вроде филиала синагоги. Сутками трещит телефон. Иосиф сидел 15 суток, Аня заплатила 20 рублей штрафа за нарушение общественного порядка на главпочтамте, где евреи бастовали или голодали. Недавно за Иосифом приходила милиция перед сессией Верховного Совета, чтобы упечь его на это время, но он сказался больным, а у милиции не было бумаги на арест, и с великими воплями вся семья его отстояла. В этот день милиция дежурила у их дома до семи часов вечера, пока не кончился рабочий день. Наконец Инна с помойным ведром вышла на черную лестницу и известила, что всё спокойно. Оказывается, в этот день, 18 декабря, очень многих евреев-дебоширов куда-то упекли, но пятьдесят человек все-таки

в Верховный Совет прорвались. Инна рассказывала все это с юмором, но тогда после всех событий гипертонический криз имела.

Говорили мы с Борей Хазановым. Дима сказал Инне, что у нас с Борей есть некоторое отчуждение. Инна сказала, что у Бори в точности такое же ощущение по отношению к нам. Это жаль, мы Борю очень любим.

С Мишкой увидимся завтра. Никаких отметок он сегодня не получил.

20 января 1973 г., суббота.

Зуб болит. Стараюсь пить анальгин с аспирином только на ночь. Приехал Крысанькин. Умница, получил пять по биологии, четыре по химии и три за контрольную по алгебре. По другим его не спрашивали. Мальчик наш сделался наконец сексуально озабоченным, пришло это время, задает всякие вопросы.

Наталья Нольде – очень какая-то несчастная девка. Если бы она была не с нами, то была бы еще более несчастная. Со своими лучшими друзьями у нее разлад. Даже они не могут ее понять и, хотя не говорят, но считают, что она сделала большую глупость, вылетев из института. Что уж тут говорить о взрослых.

Димушка сегодня уходил в мастерскую свидаться с Ленкой. Пришел усталый и какой-то грустный.

21 января 1973 г., воскресенье.

Сегодня месяц, как отец умер. Димушка все время в нервном состоянии. Мишка бегает, прыгает, верещит без умолку и рассуждает в основном о пессимизме и ужасности жизни.

Димушка вырезал еще одну гравюру. Вечером мы принимали в мастерской Мишкину учительницу Инну Давыдовну с ее дочкой Машенькой. Беленький милый ребеночек десяти лет.

Позвонил Саша Гришин и сказал, что хочет прийти с каким-то итальянцем, членом парламента. Пришли к нам они в 9 вечера – трое итальянцев, две наших бабы и Саша. Саша говорит, что главный мужик – Антонелло Тромбадори, министр обороны в Италии. В то же время – он коммунист, член политбюро Итальянской компартии и что-то еще. Как такое может быть, чтобы в Италии мог быть министр обороны коммунист, я так и не поняла¹⁶. Понимает он не ахти, но что-то понимает. Будто бы он, по словам Саши, собирается открывать музей неофициального советского искусства. Короче говоря, Саше нужно было его привести. Дима подарил этому хитрому дядьке гравюру. Он сам себе выбрал очень хорошую, № 36. Еще он попросил несколько фотографий. Потом Саша фотографировал Диму с ним. Меня тоже он фотографировал с Димой и с этим дядькой. В общем, Саша действует.

¹⁶ Речь идет о Тромбадори (Trombadori) Антонелло (1917–1993) – журналист, знаменитый итальянский кинокритик, герой антифашистского Сопротивления, член Итальянской компартии, редактор коммунистического журнала *Rinascita*, депутат парламента Италии в 1968–1983 гг., друг Л. Висконти и Ф. Феллини. Министерский пост не занимал.

22 января 1973 г., понедельник.

Димушка целый день ходил взбудораженный и психованный. Вырезал одну «подарочную» гравюру, где изобразил себя и меня. Я почти не маялась с зубом, но зато голова болела.

Снова из Алабина на батино имя прислали письмо с приглашением приехать и открыть дом, чтобы там можно было установить газ, вернее, пока только этот газ спроектировать. Ехать надо 26-го. Дима в такой мороз ехать не может, я не справлюсь с замками, поэтому поедем мы с Мишкой вдвоем. Для этого постараюсь освободить его в этот день от школы, используя старые связи.

Моя мама купила мне сапоги, в очереди стояла вместе с тетей Аидой. Тетушка заберет их себе, если они мне не подойдут. Мишка совсем закопался с сочинением «Жизнь прекрасна и удивительна». То он относился к сочинениям слишком несерьезно, теперь чересчур серьезно. Такое сочинение ему трудно написать, так как он не верит в то, что жизнь прекрасна.

Вечером говорили по телефону с Юнной. У нее был плеврит и у ее сына тоже. Ленка сдала экзамен на пятерку, Воловников тоже на пятерку. Теперь он и Юрочка будут получать стипендию. Завтра хотят прийти к нам в гости все втроем. Наташка Нольде заболела бестемпературным гриппом. Звонила ее мама, и некоторое время с Димой беседовала. Дима отозвался о Наташке очень хорошо, сказал, что она способная, трудолюбивая, и раз уж так случилось, пусть они ее дома пока оставят в покое. Кажется, мать несколько успокоилась. Моя педагогическая функция переместилась на Диму. Теперь родители моих бывших учеников беседуют с ним, а не со мной.

23 января 1973 г., вторник.

Димушку сегодня слегка прихватывало за грудиной. Он был в очень раздраженном состоянии и весь насквозь дребезжал. Съездили мы в мастерскую ненадолго. Приходится обращаться в Министерство культуры к некому Голованову, заведующему скульптурой, как говорят, дикой сволочи. Мы пытались его избежать, но ничего не вышло. Это очень портит Диме нервы, но идти к нему придется, никуда не денешься.

Мишка сегодня заснул на уроке физики, разбудил его только звонок. Лучше пусть спит, чем безобразничает. Ни по одному предмету его не спрашивали, отметок никаких не получил.

Приезжали к нам мама с тетей Аидой. Я люблю тетю Аиду за то, что она простая и добрая женщина. Она очень жалуется на свою сноху певицу Галию Семенову. Они с мамой приобрели финские сапоги для меня и для моей двоюродной сестры Нели. Сапоги хорошие для меня тем, что впервые за всю жизнь я влезла в них в шерстяном носке и почувствовала себя изумительно. Это только из-за того, что мать наконец купила мне 38 размер, который равняется советскому 37, а ношу я обычно 36. В этом смысле сапоги удачны. Так что обувная проблема на зиму для меня пока решена.

Вечером нас посетили мои детишки – Юрочка, Володя и Ленка. Мы с ними очень хорошо посидели, даже несколько развеялись. У них теперь каникулы до седьмого февраля.

24 января 1973 г., среда.

Димушка режет гравюры. Он хочет некоторые заменить из цикла «101». Хочет, чтобы все были самого высшего качества. Чувствовал он себя с утра неважно, прихватывало. Сходил в комбинат. Декоративную стенку перед Институтом морфологии придется уменьшать, потому что иначе она будет стоять еще на десять тысяч больше. Вечером мы были в мастерской, где встретились с Леней и Федоровым, человеком, который сейчас заведует всякими каменными делами. На вид этот человек невероятный жулик, но деловой, так что Диме есть смысл иметь с ним дело. Никак не дозвонимся к чиновнику из Министерства культуры Голованову, который, скорее всего, завернет нам надгробие И.Е. Тамму.

Поругалась я по телефону с Мишкой. Он ушел, не спросившись, с урока военного дела. В оправдание плел всякую чепуху – что он устал, что он не мог, что Зальцман говорил о целесообразности прогулов, что Курс и Фролова тоже ушли. Мне вся эта его брехня ужасно надоела. Он прекрасно понимает, что лишняя тройка для него гибельна. Пусть идет в армию, болван. Ссылается на идиота Зальцмана, а что тот рассказывал сегодня в течение двух часов на уроке литературы, не помнит. <...> В итоге я решила, что в Алабино поеду одна, всё открою без него как-нибудь. Он же, не дай бог, там простудится, замерзнет, еще два месяца пропустит занятия и будет говорить, что он заболел из-за Алабина.

Кажется, во Вьетнаме подписали мирный договор¹⁷. Перед этим погибли еще тысячи людей, а теперь всё осталось статус-кво. Это великое дело, но покоя там, скорее всего, не будет. Как только американцы уйдут, снова начнется заваруха. Уже существуют два Китая, две Кореи, две Германии. Может быть и два Вьетнама, почему нет?

У Мимы Гребневой с мамой плохо. Ей семьдесят восемь лет, она перенесла уже несколько инфарктов и инсультов. Звонил нам Владик и говорил, что она очень мучается. Недавно мы с Мимой заходили к Толиному компаньону Шошенскому, и я удивлялась его теще. Ей за восемьдесят, а она была очень бодрa. Теперь, оказывается, после гриппа у нее осложнение на сердце. Она лежала в реанимации и теперь очень плоха. Родных к ней не пускают из-за карантина. Сам Шошенский сегодня впервые вышел на улицу после тяжелейшего гриппа. Толя говорит, что Оксанчик все время к Мишке бегаёт на всех переносках.

25 января 1973 г., четверг.

Мы с Димой были в гостях у Лени Штутмана. У него совершенно отличная квартира, двухкомнатная, в самом центре Москвы. Я у него несколько перепилась. В итоге к Лене пришли две женщины. Одна явно немного чокнутая, Таня. Как я и ожидала, Леня влюблен в Олю. Он этого и не скрывает. Хотя соединиться

¹⁷ Парижское соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме заключено 27 января 1973 г. по итогам четырехлетних переговоров сторон, участвовавших во Вьетнамской войне. Подписано министрами иностранных дел ДРВ, Республики Вьетнам, США и Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам. Объявлялось, в частности, о немедленном прекращении боевых действий, о выводе всех присутствующих иностранных войск, о ликвидации военных баз США и т. п.

с ней ему не суждено, так же как ей с ним. У Лени был еще Руди Анапольский, наш бывший враг, нынешний добродетель. Рассказывал нам про Эрнста, про Лемпорта с Силисом. Руди сейчас имеет альянсы с Эрнстом и очень о нем хорошо отзывается. Говорит, что Эрнст с большим интересом спрашивает о том, что делает Дима. Руди был умилен, узнав, что у нас есть Мишка. Мишка с нами к Лене не пошел. Всё спрашивал, можно ли будет там хорошо пожрать, и в итоге не пошел. Мы прочли его сочинение «Жизнь прекрасна и удивительна». Сочинение вполне хорошее, тем более для школьника, не слишком длинное. Сегодня мальчик объяснялся с Беней, военруком. Пытался ему что-то врать, но безуспешно. На завтра отпросился у своей классной дамы не прийти в школу, чтобы поехать в Алабино.

Дима целых полдня резал новые гравюры. Выздоровела Наташка Нольде и уже вышла в мастерскую. Дима наконец дозвонился до Голованова, этот человек говорил писклявым голосом кастрата и сразу отложил свидание на следующую среду. У Димушки сегодня сердце побаливало.

Очень хороший парень Леня.

26 января 1973 г., пятница.

Димушка чувствует себя неважно, скорее всего, от перемены погоды. Сегодня очень резко потеплело, было всего минус три градуса.

Мы с Мишкой съездили в Алабино. Я было очень тепло одета, а Мишка, несмотря на мои уговоры, не надел других носок теплее и стал было подмерзать. К счастью, ждали мы не больше часа. Пришли газовщики, которые сказали, что, возможно, проведут газ – плиту и отопление – через год. В доме всё промерзло и сыровато. Весь участок испещрен многочисленными собачьими следами и фекалиями. Вообще же, в Алабино очень приятно. В поссовете очень соболезновали по поводу смерти Абрама Яковлевича. Сказали, как теперь Дима должен переводить на себя дом. Нам предстоит еще одна длинная процедура с поездкой в Наро-Фоминск. На обратном пути у нас было до поезда сорок минут времени, и Мишка потащил меня в Петровское покупать гвозди. Если бы у него не так мерзли ноги, я бы с ним не пошла. Купили мы 4 кг гвоздей и на громадной скорости вернулись на станцию впритык. Мишка – парень неугомонный. <...>

Димушка с утра был в очень нервном настроении, а потом, когда мы с Мишкой вернулись, успокоился. Он сейчас режет сразу пять гравюр. Эта ночь для меня была тяжелая. Я вчера перепила у Лени, в шесть часов меня начало выворачивать. Два раза вывернуло, потом легче стало, хотя ком в горле до сих пор стоит.

Вчера слушали по радио Би-би-си Майкла Скэммела собственной персоной. Он рассказывал про свой журнал «Индекс», который упорно борется против цензуры во всем мире. Майк стал говорить по-русски гораздо хуже. И другой наш знакомый, Тони Смит, тоже выступал в этой передаче.

Сегодня вечером, когда Мишка отправился к Инне Давыдовне, позвонила его классная руководительница, моя подруга Лена Слуцкина. Как и следовало ожидать, она говорила о последствиях Мишкиного побега с урока военного дела. Бенья говорил о Мишке с огромной неприязнью и сказал, что Шунков и Григорь-

ев – самые ужасные ученики за все время его работы. Григорьев – это тот самый, который три раза наносил школе всякого рода ущерб, бил стекла и цветы, взламывал двери, а в последний раз поджег учительскую и хотел взорвать химический кабинет, на этом он и попался. Парень этот кончил школу в этом году без аттестата. Судить его тоже не судили, чтобы на школе и на районе не было лишнего пятна. Почему-то Бенья сравнил Мишку именно с этим человеком и даже сказал, что Шунков способен на еще большие преступления. Лена, конечно, была очень зла на Мишку за его побег, но сравнение с Григорьевым ее очень возмутило. Она Бене сказала: «Как вы можете сравнивать уголовного преступника с неплохим и очень благородным парнем только за то, что он ушел с урока? Вы уже обвинили ребят, болтающих у вас на уроке, в предательстве». Тогда Бенья сказал ей, что она Мишку покрывает за то, что он ее любимчик, и проявляет поэтому мягкотелость, поэтому он собирается писать докладную Елене Даниловне. Всего этого я ожидала и это произошло. Лена завтра будет с Мишкой очень серьезно говорить, и сказала мне, чтобы мы с Димой на Мишку повлияли. Я ей, конечно, сказала, что у нас из-за этого был скандал, и что Мишка всё понял. Сегодня же, когда я ему рассказала весь этот разговор, он наконец понял настоящему, как его не любят, и сказал, что учтет. Ясно одно, что больше трех по военному делу ему не иметь, если он даже будет идеально себя вести. Мишенькино счастье, что в школе не все учителя такие сволочи и кретины, как Бенья.

27 января 1973 г., суббота.

Димушка ходил в мастерскую, а я нет. Занималась по хозяйству. Мишка целый день писал рецензию по литературе, участвуя в олимпиаде. Рецензия была на рассказ Платонова «Неодушевленный враг». Кажется, он написал неплохо, но непроходимо.

Сегодня мне приснился сон: в нашей стране вдруг случилась какая-то революция. Совершили эту революцию непонятные молодые люди в беретах, с автоматами в руках и на танках. Мы находимся то в нашей квартире, то в коридоре, то на улице возле дома. Вокруг страшный шум, но непонятно отчего, так как на улице пусто. Неожиданно подъезжает танк, с которого спрыгивают трое ребят с автоматами. Все очень радостные, смотрят на наши убитые лица и весело говорят: «Во, народ, они и не соображают, что здесь оккупация». Откуда-то с нами Надежда Яковлевна Мандельштам. «Эх вы, – говорит молодой человек с автоматом, – до чего вы себя довели! Что это за люди, что это за страна – боитесь сами себя! Радио вам слушать не дают. В подвалах попрятались». Возникает совершенно неожиданно дом, где наш подвал, но подвала нет. Лестница сровняна с землей, а две чуть поднимающиеся вверх над черным асфальтом дорожки ведут ко входу. Это наша мастерская. Дима говорит: «Я не хочу туда идти». Молодой человек кричит: «Брежнев над вами сидел, вы все подчинялись, всё принимали, все покорялись. Никогда больше не будет этого!» У молодого человека голос срывается от ненависти. Мы все понимаем, что Брежнева уже нет на свете. Мне становится невыносимо жаль Брежнева. Я думаю о том, что это старый человек, и у него седые густые брови. И вдруг заговорила Надежда Яковлевна: «Зачем нам ваша свобода, когда вы пролили столько крови? Через сколь-

ко преступлений вы хотите нас осчастливить? Ведь ничего не изменится, всё то же самое. У вас тот же кровавый путь, и будут те же результаты. Нам этого не надо. Всё это мы уже имели». – «Нет, – говорит Дима, – нам такого социализма не надо». У него делается искаженное страданиями лицо: «Нет, я не хочу больше жить». Он закрывает глаза и падает навзничь. Я начинаю его поднимать и все время говорю: «Брось, Дима, может быть, и лучше будет. Откуда ты знаешь, что всё кончено, ничего пока неясно. Может быть, будет лучше...» И проснулась.

29 января 1973 г., понедельник.

У Димушки снова наступила гравюрная лихорадка. Каждый день он их режет, а Наталья старательно печатает. Потом Дима докрашивает многие неудачные оттиски, и они становятся шедеврами.

С утра Дима обычно дребезжит из-за нервов. На меня сердится. В основном это из-за того, что надо делать какие-то дела: стенка, памятник И.Е. Тамму пробивать и что-нибудь еще. Наташка в мастерской совершенно незаменима.

Мишка нас порадовал – получил первое место в школьной олимпиаде по литературе. Правда, он один из трех первых. То, что он прочел нам с Димой вчера с черновика, нам очень понравилось. Мы, честно говоря, даже не ожидали. Зальцман считает, что из трех лучших, он самый слабый. Мишка говорит, что он читал два других сочинения. Обычно, он склонен себя занижать и почти всегда хвалит чужие сочинения. На этот раз он сказал, что девочка, которая, по-мнению Зальцмана, написала лучше всех, на его взгляд – очень слабо и неинтересно написала. Вторая – значительно лучше, но тоже не особенно. <...>

Вечером к нам пришли в подвал два молодых шведских корреспондента. Один из «Дагенс нюхетер», другой из Телеграфного агентства. Хорошие ребята. Очень хорошо говорят по-русски. Оба знают нашу подругу Аннику. Один из них купил гравюру № 4 за 50 рублей. Обещали достать для Димы австралийскую книжку про него.

30 января 1973 г., вторник.

У Мишки дома произошел грандиозный скандал. Он давно назревал и наконец разразился. На этот раз начал Слепышев. Мишка вышел на кухню мыть антрекоты, которые он купил в соседней кулинарии. Он не заметил, как сзади очутился Слепышев с ночным горшком в руках. Мишка на минуту отвернулся, и ему показалось, что Слепышев вылил мочу в раковину, где он мыл мясо, хотя его мать божится, что он вылил в помойное ведро. Мишка спросил: «Вы туда вылили?», показывая на помойное ведро. «Да», – ответил Слепышев. Тогда Мишка спросил: «Вы что с ума сошли?», и постучал Слепышеву пальцем по голове. <...> Еле-еле всё успокоилось. Мишкина мать хотела нам звонить, но Мишка закричал: «Он святой человек! Он великий скульптор, а вы будете его беспокоить!» Сам он нам позвонил и все это рассказал. Дима поговорил с его матерью. Она была ужасно огорчена. Дима сказал, что сейчас надо, чтобы Мишка пожил несколько дней у нас, а потом нам необходимо с ней повидаться, чтобы поговорить о дальнейшем. Она согласилась. Мишка приехал к нам, а она провожала его до метро. На этот раз бабушка не говорила, что Мишка виноват

во всем. <...> Сейчас мальчик с распухшим носом спит у нас. Вообще, он сегодня умник – получил пять у Зальцмана по литературе и четыре по астрономии. Зато сбежал с комсомольского собрания, что было совсем уж ни к чему.

Димушка всё режет гравюры. Ходил он сегодня в комбинат к сметчику. До мастерской мы так и не добрались. Там Наталья навела опять порядок. Хорошая девочка, Наташка. Съездила за бумагой. Всё делает хорошо, аккуратно. Вместе с нами переживает за Мишку.

Боре Хазанову разрешили выехать, но надо платить за всё про всё девять тысяч. У него нет и половины, но он сейчас активно собирает.

31 января 1973 г., среда.

Мишку усиленно спрашивали в школе, почему у него распухший нос, и он всем врал, что упал. С утра после безуспешных звонков в Министерство культуры, когда нам все время говорили, что Голованов вышел, еще не пришел, будет через десять минут и т. д., мы поехали туда со всеми документами. Голованов оказался нестарой жирной свиньей с писклявым голосом, и тут же начал орать, что он взять письмо не может, так как они утверждают авторский коллектив и назначают его. Дима ему очень твердо сказал, что ловит его уже месяц, а сегодня он сам ему назначил и обязан принять письмо. Тогда тот прочитал и начал вопить, что Дима обязан принести фотографии проекта и макета. Ни «здрасьте», ни «до свидания» эта сволочь не говорит, не приучена. Позже Дима говорил с Леней и тот сказал, что никаких фотографий давать не надо. Просто Голованов крутит, потому что Сидур ему противопоказан. Леня сказал, что он сам возьмется за это дело.

Витя Гинзбург впал в дикую ярость, когда узнал, и полон решимости бороться. Завтра его секретарь будет звонить в Министерство культуры и, как сказал Витя, будет с ними разговаривать «металлическим голосом». Муде всё это. Такую тварь, как Голованов, пробить тяжело. Дима сказал, что, побывав в Министерстве культуры даже один раз, сразу хочется уехать куда-нибудь к черту на рога.

Вечером к нам заехал Саша Новачич. Мы поехали к нему в гости. Он хороший, добрый парень, но несколько недотепа. Оказывается, в одном из номеров «Политика-экспресс», в вечерней воскресной газете, про Диму был материал с фотографиями¹⁸, и Саша долго этот номер хранил, пока потерял. К Саше пришел в десять часов его товарищ, корреспондент с женой, а мы в это время на Сашином «Жигуле» приехали к нам в подвал, потому что должны были приехать Валька, Эдик и их американский друг-биолог, с которым Валька сейчас работает. Мы познакомились с трехлетней Сашиной дочкой Майей – очень обаятельной обезьянкой.

Американец Роберт Эльснер¹⁹ живет в Сан-Диего в штате Калифорния, на одной улице с физиком Уолтером Коном, хотя лично с ним не знаком. Всех американцев, посетивших наш подвал, он знает как очень знаменитых. В такой мороз

¹⁸ Stanišić P. Moderno neminovno dolazi (Современность не остановить) // Express Politika. Белград. 1972. 5 ноября.

¹⁹ Эльснер (Elsner) Роберт (Боб) [1920–2001] – океанолог. В 1973 г. получил профессию в университете Фэрбенкса, Аляска. В 1977 г. там же, в *University Art Gallery*, он устроил выставку 50 линогравюр и 10 рисунков В. Сидура.

он ходил в плаще, я чуть с ума не сошла. Он, оказывается, морж, и занимается китами и моржами, пять лет прожил в Арктике. Ему 53 года, но выглядит он гораздо моложе. У него дочка-художница и сын, который живет в Австралии. Он с нами разговорился. Всё смотрел, готов был сидеть всю ночь и говорить обо всем, включая войну во Вьетнаме. После часу мы должны были намекнуть, что у нас сын дома не может спать без нас. Тогда он купил у нас гравюру, тот же № 4, только красную на синем фоне, за 50 рублей, и одну черно-белую Дима ему подарил. Всё было очень мило, если бы не позднее время. Весь вечер мы по телефону переговаривались с Мишкой и уговаривали его делать уроки. Валька много курит и очень хорошо говорит по-английски.

1 февраля 1973 г., черверг.

Димуся резал гравюры и ходил в мастерскую без меня. Там была очень довольная Наташка. Она с Димой много болтала и толково всё делала. Мишка приехал из школы рано, не заходя домой. Занимался рано, в основном слонялся и дурака валял. Один момент с ним сделалась истерика из-за досады на своих родственников, но Дима его обнял и он успокоился. Несчастный сумасшедший мальчик. Очень похож на Диму – тоже заводится и не может остановиться. В школе получил пять по биологии. <...>

3 февраля 1973 г., суббота.

Димушка всего за несколько дней вырезал 20 гравюр. Я убрала квартиру не просто, а генерально. Мишка всё еще ходил с синяками. Получил тройку по алгебре и пятерку по французскому. Математичка сказала: «Для Шункова это блестящий ответ».

Звонил Саша Гришин. Сообщил, что приехала его знакомая с Запада и привезла книгу про Диму. Так что книга реально существует.

Общались с Мишкиной мамой, совершенно на вид замученная тетка. Мишка сильно на нее похож, только он симпатичный, а она уродлива. Дима ее просвещал насчет кооператива.

4 февраля 1973 г., воскресенье.

Димуся еще две гравюры вырезал. Мишка сегодня занимался и много спал. Ощущение такое, что ему надо выспаться за целую неделю. Вечером мы с Димой были у Лени Штутмана, смотрели проект мемориальной доски И.Е. Тамму. Один вариант ничего. Ходили вместе с Леной к его соседке с четвертого этажа смотреть Вени Смехова фильм по четвертой программе, фильм про персидского поэта Хафиза²⁰. Ничего, смотреть можно. Веня очень обаятелен. Четвертая программа сильно бараклила, но мы увидели.

Завтра Саша Гришин обещался приехать с книжкой. Димушка очень ждет. Он начал поправляться и переживает. В нем уже 67 кг.

²⁰ «Волшебник из Шираза» – моноспектакль. Режиссер-постановщик В. Смехов, режиссер С. Немцевская, художник О. Лёвина, композитор Э. Денисов. Центральное телевидение. 1972. 41 мин. Один из первых фильмов-спектаклей, поставленных В. Смеховым на телевидении.

5 февраля 1973 г., понедельник.

Мишка позвонил утром соседям верхним, чтобы они нас не мучили. Все-таки жуткие некультурные гады. Их младенец с шести утра вытворяет бог знает что в ботинках на здоровых каблуках, и они как равнодушные слоны совершенно непробиваемы. Дима говорит, что из-за толстокожих родителей он часто желает невинному ребенку Ванечке всякого зла. Например, думает: «Хоть бы ты, Ванечка, ножку себе сломал, на горе твоим папе и маме, которые воспитывают из тебя не человека, а свинью».

Мишка сегодня у нас не был, поскольку зашивается, но звонил по телефону и жаловался, как он скучает. В школе получил пять по французскому. Говорит, что мама и бабушка ничего не хотят делать по кооперативу, и это выводит его из себя.

Наконец увидели мы Сашину книгу, которую привезла из Австралии Сашина знакомая гречанка-австралийка. Книга отличная, большая, солидная, но Дима сразу же обхаял супер за сиреневый цвет и за дамскую виньетку на нем, превращенную из его скульптуры «Нежность». Потом Дима обругал обложку за то, что на красном фоне слишком много золота. Опять же виньетка вся из себя золотая. Наконец, качество Эдиковых фотографий тоже не блестяще. Текст мы пока прочли кое-что только отрывочно. Кажется, текст хороший. После Сашиного ухода Дима стал сам себя заводить, что книга плохая, насилу я его успокоила, сказав, чтобы радовался и такой книге, которую сделали люди за спасибо, из чистого энтузиазма, из любви к России и к русскому искусству.

До того, как Саша пришел, Дима поспал с часок и сразу стал лучше себя чувствовать. Он сильно устал и переутомился. Эдик зашел. Книга ему в общем понравилась. Эдик уже не в первый раз жалуется, что очень плохо себя чувствует. Особенно у него плохо в голове. Для Эдиньки, который вообще никогда не жалуется, а сейчас даже хочет идти к врачу, это вообще паршиво. На пару деньков вернулся из Челябинска Юра Никитин. Пришли к нам с билетами на фильм «Воспоминание о будущем»²¹ Юра, Вовка и Ленка, и Наташка с нами пошла. Крыскин же поехал учиться к историку. Всё учится, бедняга, а толку чуть. Юрочка принес отпечатанные алабинские фотографии этого лета, очень неплохие. Особенно одна, где я с кошкой, просто шедевр.

6 февраля 1973 г., вторник.

Мишка заболел гриппом. У него температура 37,9°. Он все равно к нам приехал, но мы его посадили в такси и отправили домой, потому что завтра надо вызывать врача, чтобы лечиться как следует и получить освобождение от школы. Он так обиделся, что надо уезжать и даже заплакал. Это такой мальчик, который никогда не плачет. Мы с Димой от жалости чуть с ума не сошли, но все-таки, пока он совсем не расхворался, домой его отправили. И правильно сделали. Дома он лег. Мы дали ему с собой аспирин с сульфадимезином, лимон, кое-каких

²¹ «Воспоминание о будущем» (*Erinnerungen an die Zukunft*) – западногерманский полнометражный научно-популярный документальный фильм. Сценарий известного уфолога и теоретика палеоконтакта Эриха фон Деникена, режиссер Харальд Райнль. 1970. 92 мин.

продуктов, чтобы он сразу поел, и он действительно сбил себе температуру до нормальной. Может быть, бог даст, денёк через три он выздоровеет, если хуже не станет. Он ещё обиделся, потому что Дима сказал: «Ты же знаешь, что для тебя грипп ничего, а для меня – погибель, я от негодохну. И все-таки ты приехал. Ты о других людях не думаешь». Вот тут Мишка заплакал от обиды. Он привез Диме в подарок какой-то старинный ящичек из карельской березы, с секретом, оставшийся от его прабабушки, еще какие-то штучки, зашел в магазин за клюквой, и приехал, потому что ужасно соскучился. Он всё говорил: «Я здоров. Сейчас поеду в кино». Потом мы дали ему денег. Дима сказал: «Оставайся, но это будет глупо, потому что надо вызывать врача, чтобы получить освобождение и вылечиться как следует». На улице мы с Мышкиным тут же поймали такси, так что он моментально приехал домой. А до этого он все время упрямо повторял: «Сейчас пойду сниму с книжки рубль и пойду в кино». Из дома позвонил, что он лежит, совсем расклеился, а мама его весело воскликнула: «А, грипп, как интересно!» Позвонил нам детеныш и всё наладилось. Дима еще дома сказал: «Я очень тебя люблю, Мишенька». А по телефону сказал: «Я еле удержался, чтобы тебя не поцеловать». И он нам звонил еще три раза, и мы подолгу разговаривали и говорили ему всякие ласковые слова. Когда у него сделалась нормальная температура, он, дурачок, даже огорчился, а мы с Димой обрадовались. Без него Дима мне сказал: «Конечно, у парня жизнь ужасная. Мотается на два дома. И сейчас должен жить во вражеском лагере. Когда заболеваешь, это совсем ужасно. Может быть, лучше вообще стоит его совсем забрать сюда, хоть и обидно бросать комнату на Палихе, оставлять ее ни за что Слепышеву. К тому же вскоре он будет жениться и тогда уже появятся новые невероятные сложности». Я думаю, что даже если бы мы с Димой и захотели это сделать, у нас бы это не получилось. Усыновлять его можно было бы только до 11 лет, да и то через суд, доказав, что его родители плохо с ним обращаются и т. д. Этого делать нельзя ни в каком случае, потому что затевать жуткую склочную волюнку ни к чему да и не справедливо. Плох только Слепышев, бабушка и мать никогда Мишку не обижали. Через полгода ему исполнится 18 лет и, по-моему, в этом возрасте никого нельзя усыновлять, поскольку человек становится совершеннолетним и сам может иметь семью, жилье и другие права и обязанности. Так что даже при желании прописать его у себя мы не сможем. Мы только можем завещать ему все, что имеем. Это мы сделаем, если все будет так, как сейчас. Любовь наша к мальчику делается все более щемящей и мучительной. Он все более сливается с нами в единое тело, когда любая его боль отдается в нашем сердце острым страданием. Мальчик чувствует то же самое, потому что даже плачет, что уж ему несвойственно. И вообще, вокруг дети. Сейчас они звонят ежедневно, а иногда и по несколько раз. И Вовка, и Юрочка написали по рассказу. Еле дождалось, пока мы с Димой их прочитаем. На этот раз мне показался Вовкин рассказ сильнее, чем Юрочки, но оба они молодцы. Наталья все время работает, и очень добросовестно.

С утра Дима продолжал хаять книжку, находя в ней всё новые и новые недочеты. Я ему говорю: «Радуйся, чудак, что тебе за спасибо сделали монографию». Эдинька стал хуже себя чувствовать. Наверно, он переутомился. То он

просил Вальку, чтобы она стояла у него на животе, то делал какую-то безумную зарядку по сорок пять минут. На хрена ему это? Теперь ничего не делает, потому что надорвался. С работы он уволился и перспективы у него самые безрадостные. Что будем делать, не знаю.

С утра забегал Саша Гришин. Хороший все-таки парень. Заботится о какой-то женщине, матери своих друзей, у которой тяжелый инсульт. У нас он взял несколько таблеток драгоценного лазикса, хотя нужно достать внутривенно. Он провел ночь у постели этой женщины и познакомился с советской системой бесплатного медицинского обслуживания. До этого он очень ругал австралийское медицинское обслуживание. Здесь он видел и слышал, как не хотели идти врачи, потом чуть не с милиционером пришла медсестра, чтобы сделать уколы, потом врачи, хоть и пришли, но сказали, что больная умрет все равно и ничего делать не надо. Хотя больной не так уж много лет, 63 года (и Валькина мать в таком же возрасте после госпитализации оклемалась и сейчас уже потихоньку функционирует), в больницу эту женщину не хотят везти ни в коем случае. Это тоже преступление, так как в отделении реанимации, с капельницами и при постоянном уходе попытаться спасти человека можно. Всего этого Саша насмотрелся и сказал, что в Америке тоже плохо, потому что прежде, чем оказать помощь больному, справляются, есть ли у него сберкнижка. Это плохо, у нас бесплатно, но не легче. Мы отца поместили к Бураковскому по блату, Юра своего отца тоже положил по знакомству, и все наши знакомые делают то же самое. Без связей – особенно пожилых людей оставляют помирать без всякой медицинской помощи. Когда Саша спросил, нельзя ли найти медсестру, мы только усмехнулись. Даже в больничных условиях, за большие деньги – редко кого найдешь, а домой кто же пойдет?

Дима успел поговорить с Сашей про книгу. Саша тоже сказал, что оформление провинциальное, а фотографии плохие, но все равно хорошо, что книга есть, потому что он надеется, что это начало.

Были мы в МОСХе. Всё обошлось лучше, чем мы ожидали. В отделе кадров записали Диме в личное дело, чем он занимался с 1963 года – памятники и оформление книг. Сказали, что ему положено, как инвалиду войны, две медали. А в парткоме партийная дама говорила с ним очень доброжелательно и сказала, что она специально его не вызывала и, скорее всего, в скульптурной секции имеют к нему претензии. Дима сказал, что вполне возможно. Эта тетенька записала, что провела с Димой беседу по поводу обмена партбилетов. В общем, довольно безболезненно, пока. Узнала, что Дима инвалид, и сказала, что партийных поручений ему никто не дает, но на партсобраниях он все-таки иногда должен присутствовать. Надо сказать, что Дима не был ни на одном партсобрании с 1961 г. Она спросила, чем Дима занимается в плане самообразования, чтобы повысить свой идейно-политический уровень. Дима ответил стереотипно: «Изучаю книгу “Ленин об искусстве”». Он уже не в первый раз говорит партийным чиновникам, что усиленно изучает именно эту книгу. Дама сказала, что она Диму экзаменовать не будет, но советует ему все-таки эту книгу прочитать, потому что другие товарищи могут заинтересоваться его знаниями. Дима, конечно, не будет читать, хотя уже много лет грезится этот труд перелистать. По поводу

посещения партсобраний тетенька сказала: «Это наша к вам просьба». Неслыханное доброжелательство. У Димы даже появилась надежда, что его на сей раз не будут вычищать из партии. Это было бы очень хорошо. Дима ужасно не хочет вычищаться. Он за коммунизм с человеческим обликом, и готов, насколько может, помогать созданию этого светлого облика.

Наконец вечером нас посетили Веня Смехов с Аллой. Досиделись до самой поздней ночи. Веня, хоть и шутил, но был грустный. Алла ничего.

7 февраля 1973 г., среда.

У Димы шатается зуб, на котором еле держится его протез, и вообще, у него постоянно исчезают десны и скоро у него с зубами будет катастрофа. В нашей стране, кажется, такие протезы делать не умеют.

Мы виделись в мастерской с Эдиком. Он очень исхудал и выглядит плохо. Чувствует себя тоже плохо. Не курит. Может быть, оттого, что он не курит, у него плохое самочувствие. Наталья теперь не только хорошо печатает гравюры, но и очень хорошо потом их заканчивает. Нас посетил молодой шведский корреспондент Стиг Фредриксон²² со своей милой женой <Ингрид> и восьмимесячным младенцем в колясочке. Младенец не очень нас всех беспокоил и в основном спал. Им некуда его деть, шведского младенца по имени Эрик. Приятные люди. Купили две гравюры по полсотни – одну цветную, красное семейство на черном, № 83, и другую из новых, этого года – наше с Димой изображение.

Мышенькин целый день звонит нам по телефону. У него была его врачиха, дала освобождение пока до субботы, и обещала освободить его от лыж. Это всё хорошо, но в пять часов вечера у него снова поднялась температура до 37,8°, так что болен наш сынок как следует. Рассказал о своей беседе с бабушкой и мамой насчет кооператива. Слушали его женщины очень вяло, пока Мишка не вышел из себя. <...> Бабушка снова долго молчала, а потом пообещала позвонить директору ФБОНа²³, где руководил Мишкин дедушка. Директриса сказала, что они сделают все от них зависящее, а заслуги дедушки столь велики, что бабушке могут даже предоставить двухкомнатную квартиру. Во всяком случае, первый крохотный шагжок сделан.

²² Фредриксон (Fredrikson) Стиг (р. 1945) – в 1972–1976 гг. иностранный корреспондент шведского информационного агентства *Tidningarnas Telegrambyrå AB* в Москве, с 1979 г. обозреватель SVT – «первого» канала шведского телевидения, в 1993–2001 гг. возглавлял его. Друг и тайный помощник А.И. Солженицына, был одним из его основных контактных лиц – пересылал и вывозил из СССР письма и рукописи (среди которых текст Нобелевской лекции), получал и передавал почту из-за границы – эту помощь А.И. Солженицын называл «Великим Северным путем». Кроме того, через С. Фредриксона (о чем не знал никто) А.И. Солженицын передавал все свои заявления для западной печати. Сам С. Фредриксон рассказал об этом периоде жизни в книге «Курьер Александра» (*Alexanders kurir: Ett journalistliv i skuggan av det kalla kriget*. Stockholm. Carlsson Bokförlag. 2004). После 1973 г. он побывал в мастерской В. Сидура в декабре 1980 г.

²³ Фундаментальная библиотека общественных наук им. В.П. Волгина АН СССР (ФБОН) существовала до февраля 1969 г., когда на ее основе был образован Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР. Его имеет в виду Юлия. Директором института с 1972 г. был член-кор. (позже академик) АН СССР Владимир Алексеевич Виноградов.

9 февраля 1973 г., пятница.

Мы давно не виделись с Алкой, сегодня повидались. Она одолжила у нас тридцать рублей и рассказала массу новостей. Во-первых, вновь появился жулик Миша Перченко²⁴. Этот человек явно незаурядный, так как когда-то сумел обаять такого старого волка, как Дима, и он даже подарил Мише книжку Фрейда «Психопатология обывденной жизни». Сейчас этот Миша сидел целую ночь у Алки и ей исповедовался. Он раньше был мелким жуликом, а теперь стал крупным. Где-то он пересекается с КГБ и, в частности, с Виктором Луи, которым он восхищается за то, что тот якобы играет в теннис с Чан Кайши²⁵, вхож в Белый дом и с Брежневым на дружеской ноге. Сам Миша женился на итальянке, которую навсегда выслали из СССР и теперь она устроилась консулом в Гамбурге. Миша к ней ехать не хочет, хотя, как он утверждает, может, потому что у него два вызова – из Италии и из Израиля. Зато он завел роман с дочерью Юренева²⁶, известного кинодеятеля. Тот ему сказал, чтобы он отстал от дочери, тогда Миша пригрозил Юреневу, что если тот будет его теснить, в двух западных газетах появятся статьи о том, что он имеет двойное лицо – на людях за советскую власть, а в домашнем кругу антисоветчик. Сейчас Миша вместо Луя пишет с каким-то подонком киносценарии, а также жульническим образом собирает коллекцию из серебра, фарфора и «малых голландцев». Его будто бы моментально выгнали из квартиры на Кутузовском проспекте, где он жил со своей итальянкой, и забрали автомобиль «Фольксваген». И все за то, что он отказался завербоваться в КГБ, когда женился. В общем, врал Миша Алке до четырех часов ночи, а она его внимательно слушала. Мы с Димой решили, что Мишу завербовали сразу во много мест и он весь запутался.

На Алку Димины монография произвела потрясающее впечатление. Она ожидала маленькую книжечку и вдруг увидела столько сиреневого, золотого и красного. Ее книга убила. Все, что нам с Димой показалось провинциальным и безвкусным в оформлении, ей понравилось. Качество фотографий ее тоже не смутило. Пока Алка рассказывала про авантюриста и подонка Перченко, Дима сидел и дорисовывал напечатанные Натальей гравюры. Звонил Веня Смехов. Он достал по нашей просьбе два билета на «Гамлета» на 17 часов для Саша Гришина.

Целый день Мишка приделывал второй телефонный аппарат, старый и здоровый, который ему притащил Игорь. Температуры у него нет, и завтра он пойдет к врачу, а потом придет к нам.

²⁴ Перченко Михаил Ефремович (р. 1946) – коллекционер, арт-дилер, вице-президент ассоциации международных антикваров. Владелец коллекции русских икон, а также огромного собрания скульптуры, живописи и мебели северной готики и Ренессанса. В коллекции, в частности, произведения Рембрандта, Мостарта, трех Крахавов, Моне, Альддорфера и т. д.

²⁵ Чан Кайши (1887–1975) – с 1926 г. глава партии Гоминьдан и главнокомандующий Национальной революционной армией Китая. После поражения Гоминьдана в гражданской войне 1946–1949 гг. возглавил правительство и Гоминьдан на Тайване. Президент (1950) и Верховный главнокомандующий вооруженных сил Китайской Республики.

²⁶ Юрнев Ростислав Николаевич (1912–2002) – кинокритик, киновед, с 1963 г. профессор кафедры киноведения ВГИК, в 1974–1988 гг. возглавлял отдел истории советского кино НИИ теории и истории кино. Член Союза кинематографистов; дочь Р.Н. Юрнева – Перченко Елена Ростиславовна (р. 1951).

11 февраля 1973 г., воскресенье.

Димушка ездил на кладбище с Леней. Я осталась дома, потому что Мишка стал обижаться, что мы мало общаемся. Вчера мы все втроем были у Толи Гитберга в мастерской. Я давно у него не была и несколько вещей мне просто очень понравились. У него вообще мне всё нравится – ярко, довольно мощно и очень эстетично. У него был его друг, ученый Марат <Карпейский>. На него Димины монография тоже произвела сильное впечатление. На профессионалов книга действует только как факт. Всё остальное обругивается – макет, фотографии и супер. Выглядит книга хоть и эффектно, но провинциально. Что касается текста, то судя по тому, что мы с Димой ухитрились разобрать, написано хорошо, читать интересно. Приводится много имен: Пастернак, Ахматова, Солженицын, Евтушенко, Вознесенский, Юнна Мориц, Левитанский и кто-то еще. Даже Лемпорт с Силисом упомянуты. Особое место уделено Эрнсту. Он часто с Димой сравнивается. К сожалению, полного и ясного перевода мы пока не имеем, поэтому придется подождать. Есть ошибки в датах: «Портрет Юнны Мориц» был сделан в 1963 г., а не в 1968-м, в биографических данных написано, что Зинаида Ивановна умерла в 1971 г., а не в 1970-м, как на самом деле. Очень много работ помечено, что они сделаны в гипсе, когда на самом деле они в керамике или же некоторые в металле.

Вчера Толя рассказывал, что он был у Эрнста, и тот очень обижался, что его не хотят принимать в худсовет. Мне это было очень смешно. Эрнст теперь всем говорит, что на свою биографию он уже наработал, поэтому сейчас он жаждет официального признания. Ему всегда хотелось быть Вучетичем.

Мишка выразил свои обиды в ночном излиянии. Я подарила ему польскую голубенькую тетрадку, и он в ней всю ночь писал о своих обидах на нас с Димой. Главное – что мы его любим «на расстоянии», ходим без него в кино, ходим постоянно в гости, а с Геннисом и Воловниковым видимся чуть не каждый день, и тому подобные обиды. Везде называет нас «папа и мама». Пытается подвести базу, что мы от него отстраняемся – сначала, мол, отобрали ключи от мастерской, потом не общаемся и т. д. Вот, папа, обещал поговорить про Крафта-Эбинга²⁷, которого Миша получил в подарок у Игоря и усиленно изучает. Папа обещает рассказать про всякие вещи – ананизм, гомосексуализм, а сам все времени не находит. Это жаль, но есть энциклопедия, где все можно узнать. Мама тоже чего-то не так поступает. В общем, обижен ребенок чрезвычайно. В чем-то он, конечно, прав, наш дурачок. Мы действительно разрываемся и времени ему уделяем недостаточно. Но и сам он очень сильно занят. Вчера он приехал после болезни, ужасно бледный, серо-зеленый. В подвале была Ксана Старосельская²⁸, давно рвущаяся к нам, с тех пор, как приехала из Польши. Потом мы поехали

²⁷ Крафт-Эбинг (von Ebing) Рихард фон (1840–1902) – австрийский и немецкий психиатр, невропатолог, исследователь человеческой сексуальности, один из основоположников сексологии.

²⁸ Старосельская Ксения Яковлевна (1937–2017) – переводчик польской литературы, литературный критик. Публиковалась с 1963 г. Среди ее переводов произведения Я. Ивашкевича, Ч. Милоша, Сл. Мрожека, В. Мысливского, Т. Новака, Г. Сенкевича, В. Симборской К. Филиповича, М. Хласко и др. Она также вела семинар для переводчиков с польского языка. С 1967 г. редактор журнала «Иностранная литература». Лауреат многих литературных премий.

к Толе. Приехали поздно, общаться некогда. Хорошо, что Мишку врачаха оставила до среды дома, может быть, и пообщаемся.

Смотрели мы фильм «Солярис» Тарковского²⁹. Фильм хороший, хотя отдельные недостатки в нем есть. Приятно, что у нас все-таки есть способные люди, которые упорно делают свое дело и даже чего-то добиваются.

12 февраля 1973 г., понедельник.

Получаются очень красивые двойные гравюры, то есть две напечатанные одна над другой вертикально.

У нас в подвале были югославы, приятели Саши Новачича, оба корреспонденты. Наталья – девушка чокнутая, но хорошая. Выпили югославы с Димой, а она вдруг положила мне голову на плечо ни с того ни с сего. Володя Воловников все-таки тоже мальчик сумасшедший. Вчера Дима похвалил его последний рассказ и чуть-чуть критикнул. А сегодня Володя позвонил Ленке и сказал, что он в дикой мрачности, Дима его рассказа смешал с дерьмом и вообще всё плохо. Почему так много молодых страдает? Знаю, что вопрос мой дурацкий. Сегодня Диме пришла мысль, что ему отведена Богом роль быть толмачом между ним и людьми.

Дима сегодня поговорил с Мишкой, наконец, о вопросах пола, эта проблема его почти не волнует, но знать обо всем нужно. Уже второй день пишет рассказ.

13 февраля 1973 г., вторник.

Давно мы с Димой не вкалывали как сегодня. С утра Дима собирался идти на Смоленскую за деньгами, а потом в мастерскую. У него был тяжелый портфель, и сегодня его как раз прихватывало за грудиной. Я пошла с ним, чтобы ему этот портфель не тащить. Мишка еще спал, он вчера лег в четыре часа ночи. Ему явно пора в школу, чтобы не разлагаться. Потом мы с Димой прибыли в мастерскую, где пробыли до одиннадцати ночи. Пришел Саша Гришин с Анжеликой, Эдик, Наташка. Все мы снимали цветные рисунки на слайды Сашиным роскошным аппаратом «Броника». Вернее, снимал Эдик, а мы ему активно помогали. Устали жутко. Саша отвезил Анжелику в поликлинику для иностранцев, бесплатную. У Анжелики болела спина где-то с правого бока, и в Австралии ей лечиться дорого. А здесь она решила немного бесплатно полечиться. Ей сделали анализы, кардиограмму и т. д. Потом Саша вернулся. На днях он был на похоронах той женщины, о которой он заботился. Говорит, что у него осталось мерзкое ощущение от поминок. Сначала все надрались, а потом чуть не передрались. Это он отвык в своей Австралии от русских привычек. У нас на батиных поминках на что уж все были интеллигентные, но и то Гдаль с Кларочкой успели поругаться. Саша, такой красавчик, мурлыкает с убогенькой гречанкой Анжеликой как кот, а все равно чувствуется, что она ему до фонаря. А на малахольную На-

²⁹ «Солярис» – художественный фильм, снятый по мотивам одноименного романа Станислава Лема. 1972 год. «Мосфильм». Режиссер и автор сценария (совместно с Ф.Н. Горенштейном) А.А. Тарковский. В ролях: Д. Банионис, Н.С. Бондарчук, Н.Г. Гринько и др. Удостоен Гран-при Каннского кинофестиваля (1972).

тальяю неожиданно среагировал несколько игриво. Этот двадцатичетырехлетний парень деловитый, умный и потрясающе работающий, достоин всяческого уважения.

Итальянскому коммунисту Тромбадори очень понравилось у Димы, но он спросил у Саши очень тривиально: «Почему так всё мрачно?» Тоже, сколько раз уже задавался нам этот вопрос. Дима сказал: «Это оттого, Саша, что мы с ним состоим в одной партии».

Наталья немного рассказала, что у нее сейчас делается в семье, так, как будто перечислила действующих лиц из пьесы Беккета: папа, 76 лет, бродит по квартире, качаясь, и иногда падает. Мама, 61 год, левые рука и нога не действуют, старая бабка, мамина тетя, не видит.

На ночь глядя наворовали по Диминому повелению подставок возле Алкиного дома, где только что после ремонта сняли леса, которые на этих подставках крепились. Дима сказал, что он из этого хлама будет делать основания для букетов из металлических или гипсовых голов. Когда мы уходили, Дима не выдержал и поволок еще две штуки в подвал. Наталья перебросила мне свою сумку с минеральной водой для папы и тоже, подхватив две штуки, кинулась за Димой назад к подвалу. Кажется, всё хорошо, пошли мимо этого чертового дома обратно, но у Димы загорелись глаза и ему захотелось еще нахватать этих подставок, железную лесенку, а заодно деревянных щитов. Я его насилу оттуда утащила, тем более что на перекрестке маячили и бдели два милиционера. Дима уже давно не может пройти спокойно мимо железного хлама. Сынок у него такой же. Теперь ученица начинает входить во вкус. Дома на лоджии, в подвале, в Алабино мы имеем филиалы свалок металлического хлама, которые постоянно обогащаются и конца этому не видно.

Мишка сегодня ночевал дома, потому что завтра с утра ему к врачу. С этими замками беда. Он закрыл бабушку снаружи, чтобы она отдыхала и ей никто не мешал, а потом мать постучала ему в дверь, когда он говорил со мной по телефону. Мишка изобразил матери свое недовольство тем, что его отвлекают, отвратительным тоном. Бабушку он открыл, но мне вся эта история с замками так надоела. И его тон с матерью показался мне таким хамским, что я с ним еле поговорила.

16 февраля 1973 г., пятница.

Два дня не записывала. С работы я ушла, а времени свободного все равно нет. Дима режет гравюры. Вчера с утра пошел в комбинат. Говорит, что еле-еле шел, потому что было тяжело нести портфель с моделью стенки маленькой и с книжкой. Я очень жалею, что не пошла с ним. Чувствовал он себя ужасно. И поход оказался напрасным – директриса куда-то умотала, не приняв Диму с Леней. Дима только успел показать монографию Рудольфу потихоньку от других. Тот был в невероятном восторге. Его подобные вещи гипнотизируют. К вечеру Дима отлежался и мы вдвоем с Мишкой пошли в мастерскую. Дима Мишку насильно постриг. Мальчик долго демонстрировал свое неудовольствие, и даже не прыгал и не называл меня Фейга. Это означает у него очень большую обиду. Потом он сильно захотел есть и сменил гнев на милость – поел плотно, а заниматься так и не стал. Он теперь щеголяет в новых, совершенно роскошных польских ботин-

ках, которые мы с ним купили за 24 рубля в Пассаже, на обратном пути из Фонда, куда я отвозила последний Димин бюллетень.

Наконец появился Боря Хазанов. Он сам завел разговор о напряжении, возникшем между ним и Димой, и сказал, что об этом надо забыть раз и навсегда. Дима пожал ему руку и решил больше об этом не вспоминать. Боря усиленно занимает деньги. Один из его принципов, вернее, путей – побираться по знакомым по пятерке, по десятке, кто сколько даст, естественно, это безвозвратно. Дима сказал, что ему сложно обращаться с такой просьбой к своим знакомым, поэтому он даст Боре 100 рублей, сразу за десять человек. Боря был очень доволен. Сейчас ему пересчитывают сумму на меньшую, и якобы он имеет конкретные предложения по работе в США, Канаде и Израиле. Дай ему бог счастья! Он всё распродает и, конечно, уедет.

Очень неважно с Эдиком. У него, очевидно, все-таки лопнул какой-то сосуд в мозгу. Он не может приподнять никакой даже незначительной тяжести, у него сразу начинает печь в голове. Сегодня Дима сказал: «Когда человеку становится плохо, особенно понимаешь, как его любишь». Сегодня Эдик говорил с Гдалем, и тот считает, что это по всему очень неприятная история. Он назвал какое-то мудреное кровоизлияние в мозгу и на днях хочет показать его хорошему невропатологу. Во всяком случае, Гдаль считает, что прежде всего Эдика надо уложить. Причиной же является физическая нагрузка, а не какая-либо другая.

Вчера был у нас Петр Гелазония, один из ведущих деятелей в журнале «Семья и школа». Это очень симпатичный мужик. Он вернул мне мою повесть и сказал, что она непроходима, так как слишком правдива. Я не сомневалась, что моя повесть непроходима, и считаю, что он меня похвалил. Ему лично всё, что я ему дала, понравилось – и повесть, и пьеса «Шестидневный поход», и рассказ о диспуте о любви между мальчиками и девочками. Конкретно же он предложил Эдику представить в журнал красивые фотографии об Аликовом театре, а мне написать к ним текст. Мы с Эдиком с радостью согласились. Причем Петр уверяет, что это вполне реальное дело. Я, правда, боюсь, как бы их журнал не прикрыли. Он выглядит очень прилично в изобразительном плане, интересен по содержанию и почти не имеет ссылок на родную партию и правительство. Тираж огромный – миллион триста тысяч.

Сегодня к нам заходил Алик, который принес свою статью для «Юности». Статья после ее переделок, когда в последний раз беседовали, стала больше, запальчивее, наукообразнее, безграмотнее, и главное – скучнее. Насколько Алик талантлив как режиссер, настолько беспомощен как журналист. На крупицы интересных мыслей – ворох шелухи, бездумное вторжение в область физиологии, биологии, психологии, педагогики, физики, математики, искусствоведения и еще бог знает что. Всё утверждается безапелляционным тоном, с громадным апломбом, с именами и фактами, неверность которых даже на самый непросвещенный взгляд сразу ощущается. Нет, чтобы написать о том, как он работает с детьми, что ему удалось сделать, что он уже сделал и зачем он всё это делает. Напротив, сплошной теоретический вопль и эмоциональная брехня, не подтвержденная ни единым интересным фактом из собственного богатого и удивитель-

но интересного режиссерского опыта. Если мне удастся, то я постараюсь написать обо всем этом в «Семье и школе».

Нам пришлось совершить еще один визит к Толе. Мы у него были совсем недавно, но Гдаль хотел съездить к нему непременно с нами. Милка полдня плохо себя чувствовала, но к вечеру оклемалась. Ее подруга работает в «ящике» и получила там какой-то фантастический рыбный заказ. Копченые лещи и скумбрия, такой еды мы сроду не ели. Наверное, важный «ящик», раз там снабжают такой жратвой. Толя показывал свою живопись. Я с каждым разом убеждаюсь, что он день ото дня становится все более настоящим художником. Его плодовитость удивляет и восхищает. Он молодец! Подарил Гдалю отличную картину с лошадьми.

В школе у Оксанчика неприятности. Она ежедневно бегает на переменках к Мишке, когда он не болен. За эти дни она вся истомилась. Девочки из Мишкиного класса – Шамракова и компания – вдруг решили над ней поиздеваться. Во-первых, они беспрерывно задавали ей вопросы насчет Мишки: кто он, откуда она его знает т. п. Оксанчик, хоть и маленькая, но посоветовала им задать эти вопросы Мишке. Оксанчик – толстушка. Девки стали заставлять ее съесть подряд три булки. При этом они затолкнули ее в угол и говорили, что если она не съест, они не будут с ней разговаривать и вообще общаться. Оксанчик – девчонка добрая и не подозревает, что есть люди злые или подлые. Дома она это всё рассказывала Толе с Милкой.

Сегодня мы с Мышкиным не виделись, так как он занимался с Инной Давыдовой, и общались только по телефону. Он был невероятно возмущен и огорчен из-за этого. Огорчен особенно потому, что сегодня, когда он появился после болезни впервые, Шамракова сказала ему, что она очень рада его видеть. Завтра он пообещал с ней очень серьезно побеседовать.

Вчера в мастерской все мы очень вкалывали. Под руководством Димы мы втроем – Мишка, Наташка и я – накладывали глину для памятника Володе Полетаеву. Работать было очень приятно, я вспомнила молодость. Мне вообще нравится работать подсобником скульптора, я такую работу люблю – глину месить, разбивать молотком сухие куски и потом накладывать ее для скульптуры. Дима отметил, что я из всех работаю наиболее мастеровито. Мишка на днях написал статью «Язык, как средство общения между людьми». Она у него так же, как у Алика, очень наивная, примитивная и беспомощная. Но все равно интересная хотя бы тем, что человек в 17 лет, сам ничего почти не зная, дошел до идеи структурализма. Утверждает, что язык вообще отомрет, что-то еще утверждает. Сейчас уже нет сомнений, что наш парень человек выдающийся. Не знаем, что из него получится, но совершенно очевидно, что он обладает и умом и талантом. Он, кажется, уже перерос моих ребят – Юрочку и Володьку. Господи, до чего же мы его с Димой любим! Он говорил по телефону с сотрудницей своего дедушки. Та говорила с ним очень тепло, обещала помочь с кооперативом и согласилась увидеться с Мишкой лично, чтобы все обсудить.

Наташке Нольде очень понравилась моя повесть «Я – классный руководитель», которую вернул Гелазония. Она была мной написана в 1965 году. Наташе, как она сказала, ужасно понравилась.

Алик всерьез наострил лыжи, чтобы утечь из нашего мира в западный мир. Он лихорадочно ищет путей. Его жизнь осложнилась тем, что с ним живет сейчас Таня Макарова, ушедшая от своих родителей к Алику. Живут они как супруги, но не узаконились. Таня готова тоже уезжать, но ее папа работает в ЦК и ведет поездками за границу. Что и как у Алика будет – непонятно. Его товарищ Игорь Димент тоже собирается уезжать, но ему проще – он одинок, еврей и у него есть родственники на Западе, даже богатые. <...>

Боря Хазанов стал часто матюкаться между делом. Это ему было несвойственно. Скорее всего, от нервной перегрузки. Напрасно он.

Сегодня на улице был жуткий туман. Сыро, противно, зато тепло. Я люблю тепло. На Диме почти истлела вся заштопанная синяя шерстяная рубашка. Еле уговорила снять ее на время. Следующая задача – вытащить его из польских джинсов, которые тоже уже стали жуткие. Мишка очень вырос из своих вельветовых брюк. Не напасешься.

17 февраля 1973 г., суббота.

Очень плохо с Эдиком. Звонила Валька и плакала. У него странное состояние опьянения или как будто ему дали в морду, и постоянное жжение под черепом. К тому же он храбрится и не хочет лежать. Все врачи, с которыми Дима о нем беседовал, как один говорят, что необходимо показаться невропатологу. Дима позвонил соседям Вальки с Эдиком, и так как Валька выходила говорить по телефону с кем-то еще по поводу медицины, Эдик сам подошел к телефону. Дима сказал, чтобы он немедленно лег, расслабился, и чтобы Валька вызвала ему неотложку. Эдик нисколько не сопротивлялся и послушался. За это время Дима успел позвонить многим знакомым, кроме Гдаля, которого дома не было. Неотложница сказала, что всё в порядке, давление 140/80, и ему надо отдохнуть. Боря Хазанов тоже договорился с какой-то врачихой о помощи, но с терапевтом, а не с невропатологом. По-настоящему что-либо предпринять можно будет только в понедельник. Мы с Димой очень расстроены. Когда мы с Мишкой приехали в мастерскую, у Димы был очень удрученный вид. Он мне сказал: «Я и не ожидал, что у нас с ним такое внутреннее родство». Господи, помоги Эдику оклематься!

Мышкин наш стал очень ибидчивым. Обижается по пустякам. Сегодня в школе у него было очень бурное объяснение с Шамраковой. Он сказал, что если она еще когда-либо позволит себе так обращаться с Оксанчиком, он поссорится с Шамраковой навсегда. Та позвала своих подружек, вместе с которыми стала требовать от Оксанчика, чтобы та сказала и даже поклялась в том, что они ее не обижали. Мишка яростно вступился и сказал, чтобы над ребенком не издевались, еще и при нем. Вмешалась Лена Слуцкина, его классный руководитель. В общем, целая история. Мишка говорит, что Шамракова невероятно огорчилась.

В мастерской Юрочка и Вовка снимали гравюры. Люблю их также по-страшному. Вовка, конечно, сумасшедший. Сегодня всё было хорошо, а завтра он может позвонить Ленке и сказать, что мы с Димой его не любим и не понимаем.

Дима, Мишка и я накладывали глину. Очень много наложили, так что Димушка сможет уже начать лепить памятник Полетаеву хоть завтра. Завтра не удастся. Лева Копелев звонил и попросился завтра прийти с какими-то иностранцами.

18 февраля 1973 г., воскресенье.

Эдику становится хуже к вечеру. Гдаль говорит, что если бы можно было показать Эдика знаменитому невропатологу-женщине Цукер³⁰, то это бы было лучше всего, но у него к ней нет ходов. Сегодня целый день перезванивались с Валькой, Гдалем, и Толей. Завтра Гдаль, возможно, покажет Эдика своему знакомому невропатологу, и посмотрим, что тот скажет. Валька, бедняга, еще должна была ездить к своей маме, которая только что еле выкарабкалась после инсульта, и сварить ей обед. Вот и у них пошла полоса несчастий. Все-таки мы надеемся, что на этот раз Эдик выкарабкается.

Мы сегодня смогли пообщаться с Мышкиным, нашей длиненькой деточкой. Завтра ему предстоит очень серьезный разговор с директрисой библиотеки, над которой начальствовал его дедушка. Это насчет кооператива.

Лева Копелев с Раей привели трех американцев – бизнесмена с женой и слави́ста. В искусстве они ничего не петрят, но бизнесмен явно человек умный. Говорят, что хотя они Никсона не любят, но он все-таки прекратил войну во Вьетнаме и в этом его великая заслуга. Что касается Киссинджера, то это вообще какой-то потрясающий тип. За тридцать пять лет Соединенные Штаты такого деятеля не имели. Лева по этому поводу сострил: «Вся история немецких евреев начинается с Маркса и кончается Киссинджером». Потом приехал симпатичный швед Стиг Фредриксон и забрал свои окантованные гравюры. Он сказал, что видел прекрасный совершенно спектакль в «Современнике» – «Восхождение на Фудзияму»³¹ и написал уже на него рецензию. Началось с того, что он послал статью про Диму с фотографиями. Она так понравилась, что ему заказали еще статью по культуре. Он написал об этом спектакле в «Современнике» и о советском джазе.

19 февраля 1973 г., понедельник.

Эдик с Валькой ездили в Первую градскую больницу к Гдалевому невропатологу. Тот сказал, что, в общем, ничего страшного он не видит, хотя Эдик должен лежать неделю, а потом ему снова показаться. Гдаль настроен более пессимистически. У Эдика, очевидно, лопнул какой-то сосуд и создалось сильно повышенное внутричерепное давление. Будем надеяться, что на этот раз обойдется.

³⁰ Цукер Мария Борисовна (1901–1985) – невропатолог, доктор медицинских наук, профессор, одна из основоположников детской неврологии в СССР.

³¹ «Восхождение на Фудзияму» – драма Ч. Айтматова и К. Мухамеджанова, написана в 1972 г., впервые поставлена московским театром «Современник», режиссер Г.Б. Волчек, премьера состоялась в феврале 1973 г. Пьеса имела большой успех и вскоре была поставлена в некоторых других театрах СССР и за границей.

Я сегодня потратила много денег. Сначала Дима рассердился, а потом сказал, что я все купила правильно. Я купила: хорошую кастрюлю для каши, чайник, четыре лампы на 150 свечей, две рубашки чешских, очень симпатичных – апельсиновую для Мишки и темносинюю для Димы, и Диме поясок очень хорошенький. Потратила 38 рублей, жуть! Потом, когда Дима всё увидел, он одобрил, а пока не видел, ругал меня за расточительность. Дело в том, что он мне дал 50 рублей на хозяйство на десять дней, а я за день 40 потратила.

Мишка имел беседу насчет кооператива с директором ФБОНа. Она сразу же сказала, что бабушка должна написать письмо на имя вице-президента Академии наук Федосеева П.Н.³² с указанием всех дедушкиных заслуг, и просить надо обязательно две комнаты. В общем, Мишка на деле оказался очень энергичным мальчиком. Сегодня получил пять по французскому. Бабушка дала ему двадцать рублей на новый портфель, старый у него совсем развалился. Я с мальчиком виделась, когда он приехал после своего важного разговора насчет кооператива. В школе Шамракова сделала первый шаг к примирению, прислав Мишке записку о том, что она хочет прочесть его сочинение.

Вечером я поехала в мастерскую. Там всю шла работа. Дима лепил памятник Володе Полетаеву, Наталья и Юрочка снимали на пленку гравюры. Юра Никитин появился, неделю он пробудет здесь, потом на неделю уедет, а потом приедет уже совсем.

21 февраля 1973 г., среда.

У Эдика состояние прежнее. Он не выносит даже слабого умственного напряжения. Вчера Валька ему читала минут двадцать, и он сильно устал. Завтра я к нему поеду, потому что он очень хочет, чтобы мы вдвоем с ним обсудили контрольки для «Семьи и школы». Я немножко побаиваюсь, чтобы он не переутомился.

Димушка сделал нового «Пророка», совершенно отличную скульптуру из канализационных труб и ржавого утюга – замечательная штука. Наталья ему помогает. Юра Никитин приходит, обрабатывает отливки. Еще Дима сделал два небольших гипсовых барельефа – голову <из цикла> «На библейские темы» и «Мадонну с младенцем». Он хочет, чтобы Толя-отливальщик отлил их в металле. Третий барельеф Дима будет доделывать завтра. Вкалывает он сейчас очень сильно, но к вечеру у него занули ноги и стала болеть поясница.

Сегодня два месяца, как папа умер, а вчера было три года, как умерла Зинаида Ивановна. Приехала моя мама. Она стала остро чувствовать одиночество. Уехала тетка к сыну, и ей сразу же не захотелось оставаться у себя. Она приехала к нам и заночевала.

³² Федосеев Петр Николаевич (1908–1990) – партийный функционер, с 1941 г. в аппарате ЦК ВКП(б). В 1942–1947 гг. первый заместитель начальника Управления пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б). В 1946–1950 гг. главный редактор журнала «Большевик», в 1954–1955 гг. – журнала «Партийная жизнь». В 1955–1962 гг. директор Института философии АН СССР. В 1967–1973 гг. директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Действительный член АН СССР (1960). Член ЦК КПСС (1961–1989). В 1962–1967 и 1971–1988 гг. вице-президент АН СССР. Герой Социалистического Труда (1978). Лауреат Ленинской премии (1983). В августе 1973 г. подписал письмо сорока членов Академии наук СССР с осуждением А.Д. Сахарова.

Мишка получил двойку по физике, завтра, наверное, получит и по математике. Я с ним немного поругалась из-за этого. Вчера он пошел мыться, а перед этим в одних трусах носился по всей квартире. Он уже совсем не такой тощий, как раньше, слегка оброс мясом. И следа не осталось от прежнего усохшего заморыша, которого ветром сдувало. Очень сделался ладный и красивый парень. Проявил Крыскин неслыханную широту души – подарил Диме недавно починенные швейцарские часики. Он раньше казался нам даже несколько жмотом, а теперь ему для нас ничего не жалко и нам для него. Для Димы это особенно важно – он очень ценит в людях бескорыстие. Сегодня мы с Димушкой составили от лица его бабушки трогательное письмо на имя вице-президента Академии наук СССР Федосеева, с которым Мишкин дедушка работал. Мишка только и думает об этом кооперативе.

22 февраля 1973 г., четверг.

Димушка сморозил первого «Пророка» с утюгом вместо головы. Теперь получилась совершенно великолепная группа из трех «Пророков» с одинаковыми алюминиевыми руками.

Игорь Левитин приходил, с бородой. Наталья была какая-то нескладная и неуклюжая. Юра Никитин рассказал, как он попал под машину и потом год лежал с костным менингитом и вышел после болезни совсем другим, обновленным человеком.

Я ездила к Вальке с Эдиком. Эдик выглядит неплохо, даже, я бы сказала, хорошо, но самочувствие у него прежнее. Приходила врач-невропатолог из районной поликлиники, сказала, что у него всё нервное, лежать не надо, а надо идти делать снимок головы. Гдалю мы дозвонились, и он сказал, чтобы Эдик лежал непременно эту неделю до конца, а потом снова показался Бурду. Гдаль никак этого Бурда не застанет и завтра пойдет к нему сам. Жаль, что Валька с Эдиком не спросили названия лекарства, которое Бурд дал Эдику попробовать, и ему сразу же стало легче.

Завтра я еду к Гелазонии в «Семью и школу» с Эдиковыми контролками.

23 февраля 1973 г., пятница.

Эдику лучше. Сейчас уже появилась надежда, что он окончательно оклемается.

Дима красил всех своих «Пророков» и раскрашивал гравюры. Наталья усиленно и старательно помогала. Я ездила к Гелазонии, он отобрал Эдиковы контролки и сказал, чтобы я писала текст о нашем театре безотносительно к фотографиям. Если всё получится, то в шестом номере будет опубликовано, вполне реально.

Мишка получил двойку по химии, которую, по его словам, он давно уже должен был получить, и принципиально поругался с историчкой Тамарой Абрамовной Фельдман. Дети из класса Тамары Абрамовны хотели снять Мишкину стенгазету и вместо нее повесить свою, посвященную Дню Советской армии. Мишка был глубоко возмущен, так как это место было навсегда закреплено за его «Кашалотом». Он снял чужую газету и повесил свою. Тамара Абрамовна

впала в транс и произносила пламенные речи: «Вы не советские люди (это Мишка и Игорь), вы совершаете государственное преступление, так как в такой день не даёте повесить военно-патриотическую газету и проявляете местничество. Вы нарушаете Конституцию СССР и ведёте себя как мелкобуржуазные индивидуалисты». Мишка стоял как Зоя Космодемьянская и повторял, что это место выделено «Кашалоту» навечно, а те, кто снимает их газету, тоже совершают государственное преступление и нарушают Конституцию СССР, и что снимать свою газету он не будет и никому не позволит этого сделать. Тут Тамара Абрамовна совсем непедагогически воскликнула, с каким удовольствием она дала бы Шункову по роже, и её самое прошибла слеза, с ней это бывает. Мишка на неё не обиделся, но твердо стоял на своем, хотя сказал, что он Тамару Абрамовну обидеть не хотел. На что она презрительно воскликнула, что он её несколько не обидел. Тут подоспели к месту конфликта Елена Самойловна, Мишкина классный руководитель, и зам. по воспитательной части Дина Михайловна. Елена Самойловна целиком встала на Мишкину сторону, и они стали живо переругиваться с Тамарой Абрамовной, которая доказывала, что «Кашалот» висит уже очень давно, а их газета должна была повисеть всего два дня. Елена Самойловна же сказала, что газета «50 лет СССР» висела почти год и её никто не читал, а она висела. Дина Михайловна никого не стала ругать, а просто забрала газету Тамары Абрамовны и утащила её вниз, где и повесила, так как это именно она определила место для «Кашалота», которое Мишка с Игорем защищали как два рыцаря. Во всяком случае, теперь Мишка имеет в лице Фельдман очень серьезного врага, плюс Бенья, тоже историк, кроме того, что он военрук. Экзамен по истории и обществоведению они будут принимать вдвоем и, наверное, ещё кто-нибудь. Как бы наш Миша не получил троек в аттестат по этим предметам. Самое смешное, что эти достойные люди принадлежат к племени любимых Мишей евреев. Ему давно пора понять, что и среди евреев говна хватает. Бабушка подписала наше творчески составленное письмо к Федосееву, хотя сказала, что оно очень резкое. Миша сказал, что так надо, и что если он за это дело взялся, бабушка должна его во всем слушаться. Бабушка согласилась и подписала. Мишка ездил в ФБОН, но Инессы там не было, и он оставил заявление её секретарю. Завтра позвонит ей домой и сообщит о том, что оставил ей это письмо.

Вечером в мастерской кроме Юры Никитина были Леня Крейндлин³³, а с ним Исай Кузнецов³⁴, бывший приятель Лемпорта и Силиса, и Лена Зонина³⁵, подруга Сартра. Она очень умная женщина и обаятельная.

³³ Крейндлин Леонид Эммануилович (р. 1941) – инженер, изобретатель. Автор научных трудов и изобретений в области вычислительной техники и автоматического управления, имеет патенты на изобретение приборов для ориентирования слепых, для передвижения людей с нарушением опорно-двигательного аппарата и др., получивших международные награды.

³⁴ Кузнецов Исай Константинович (1916–2010) – драматург, киносценарист, актер театра. Участник Великой Отечественной войны. В 1976–2000 гг. руководил сценарной мастерской ВГИКа. Член СП СССР (1957) и Союза кинематографистов СССР. Лауреат Государственной премии РСФСР (1977).

³⁵ Зонина Ленина Александровна (1923–1985) – литературовед, критик, переводчица. Участница Великой Отечественной войны. Секретарь И.Г. Эренбурга. Писала о Бомарше, Вольтере, Симоне

4 марта 1973 г., воскресенье.

Кончила статью для «Семьи и школы» и возвращаюсь к дневнику. Димушка пользуется временной передышкой от плохого самочувствия и очень много работает. Пьет стрихнин по каплям, что Гдаль ему прописал. Может быть, действительно стрихнин ему помогает³⁶. Мишка очень умный, но страшно дерганый. Снова написал отличный рассказ. Ревнует нас ко всем и ко всему. Хочет быть с нами постоянно. Сдал зачет по математике и мы все очень рады этому. Юрочка, Вовка и Ленка тоже все время рядом с нами. Ленка рядом с Димой, что называется, «впритык». У Натальи исчез сердечный друг и вдруг нашелся. Оказывается, какой-то несчастный случай, и он сейчас пребывает в 1-й градской. Эдинька, хоть и ходит, но пока никак не оклемается. Наверное, еще долго. Моя мама стала плохо себя чувствовать и всё ко мне притуляется. Знает, что мы с Димой ее не бросим. К Севе ее почему-то не тянет, хоть он живет рядом. Боря Хазанов уезжает 15 марта.

6 марта 1973 г., вторник.

Как-то мне муторно. Наверно, оттого что весна.

На Диму волнами находят то порывы бешенства, то нежности. Тяжелый он мужик, но все равно я люблю его без памяти. Эдик говорит, что может функционировать нормально не более трех часов. Чувствует себя хорошо, только когда лежит. Мишка хватает то двойки, то пятерки. Просится прогулять в эту пятницу. Пусть прогуляет, он уже давно не гулял, и чувствует себя плохо. Дима перевел рисунки «Мутаций» на гравюры и получилось совершенно блестяще, хотя и страшно. Я прочла «Белый пароход» Чингиза Айтматова³⁷. Не ожидала, что это так хорошо. Юрочка Геннис замечательный рассказ написал, мне очень понравилось. Вообще, Юрочка очень талантливый и глубокий мальчик. Я ужасно его люблю и горжусь, что он мой ученик.

7 марта 1973 г., среда.

Погода была менее прекрасной, чем предыдущие два дня, когда я сидела дома. Мы с Димой пришли в подвал, где общались с Натальей. Скульптура подвигается. Но больше всего Дима доволен гравюрами с рисунков «Мутации». Они, действительно, очень сильные.

Посетила нас наконец Кларочка. Она последнее время занималась газопроводом в Переделкине. И Лидия Корнеевна пошутила, что Кларочка – единственная

де Бовуар, А. Мальро, Р. Мартен дю Гар, Р. Мерле, Н. Саррот, Ж.-П. Сартре, А. Сент-Экзюпери, А. Роб-Грийе, А. Фурнье и др., переводила их произведения. Жан-Поль Сартр познакомился с ней во время своей первой поездки в СССР. Сохранилась их обширная переписка. Писатель посвятил ей – *A madame Z.* – автобиографическую повесть *Les Mots* («Слова». 1964).

³⁶ Чрезвычайно ядовитый, стрихнин в терапевтических дозах оказывает стимулирующее действие на органы чувств, возбуждает дыхательный центр, тонизирует скелетную мускулатуру, а также мышцу сердца, стимулирует процессы обмена и т. п.

³⁷ Айтматов Чингиз Торекулович (1928–2008) – писатель. Лауреат Ленинской (1963) и трех Государственных премий (1968, 1977, 1983). Герой Социалистического Труда (1978). Повесть «Белый пароход» впервые опубликована в 1970 г. в журнале «Новый мир» (№ 1).

еврейка, вышедшая живой из газовой камеры. Правда, пока газа не было и дом не отапливался, Кларочка сильно простудилась. Выглядит она хорошо. Кое-что рассказала, но негусто.

8 марта 1973 г., четверг.

День прожили неплохо. Я вся протекаю соплями. Дима никуда не ходил, он сегодня неважно себя чувствовал. Целый день ходил в кальсонах, но перед приходом моих бывших учеников Юрочки, Вовки, Наташки и Ленки прибарахлился. Ленка, стриженная, выглядит хуже, на мой взгляд, чем раньше с длинными волосами, но стала значительно авантажнее и обычнее. Ребята подарили мне книгу про псковские иконы. Очень роскошная книга.

9 марта 1973 г., пятница.

Исчезла Наташка. Звонила ее мать и сказала, что она пошла к нам сегодня попозже. Ругала Наталью, Дима ее защищал. Но потом Наталья так и не появилась за весь день и не позвонила. Дима очень встревожен. Не дай бог с ней что-нибудь случилось, но если она жива-здорова, то Дима собирается с ней очень серьезно поговорить. Дима считает, что Наталья живет какой-то еще своей жизнью и что-то в этой жизни нечисто. Наш Крысин не пошел сегодня в школу. Взяла я грех на душу. Тут же позвонила его классная руководительница Лена Слуцкина, и я ей сказала, что он очень устал, и чтобы он не разболелся, я его оставила на денек дома. Тем не менее он съездил заниматься к Инне Давыдовне, а потом поехал на Палиху учить физику. Дома, на мой взгляд, его грубо купили: Слепышев в знак примирения подарил ему жевательную резинку, и Мишка взял, поблагодарив его. Сам он ее не любит, но взял для меня. Мы с Димой Мишку очень сильно осудили. После того как Слепышев шарахнул его горшком по носу, брать подобные подачки немыслимо глупо. Мальчик совершил серьезнейшую ошибку, а когда мы ему об этом сказали, разобиделся. Я, разумеется, к этой паршивой резинке и не притронусь. Вообще, чем мы с Мишкой ближе друг к другу, тем чаще и тяжелее он обижается, и даже плачет, дурачок. Возможно, что на него так тяжело действует весна и крайнее утомление. Ленка Слуцкина говорила о нем, в общем, по-доброму.

Посетил нас Левитанский с беременной Валею. Несмотря на брюхо, Валя похорошела. Левитанский – замученный и тихий. Больше всего мучает его собственная мама.

Димушка сегодня работал немного. В мастерскую он не ходил, но целый день у нас был народ. Юра Никитин вернулся из Челябинска весь влюбленный в некую Машу. Мы с Юрой ненадолго заехали в мастерскую, чтобы проверить, всё ли в порядке. Всё в порядке.

11 марта 1973 г., воскресенье.

Вчера мы вернулся домой все втроем в три часа ночи. Сначала были на Таганке, смотрели «Тартюф». Отличный спектакль, и Венечка, любовь моя, великолепно там играет. Потом пошли к Вене домой. Алла уехала с Леночкой к подруге за город воздухом подышать. Веня нас сам принимал. Было бы совсем

отлично, если бы вдруг не пришли Сева Шестаков и его дама. С Ией Саввиной Сева теперь не живет, и сын их, кажется, с ним остался. Около двенадцати, наконец, Сева с теткой ушли, и мы с Веней остались. Тут начал нам Веня читать свои произведения, и три рассказа таких хороших, что мы никак этого не ожидали. Сначала были похуже рассказы, а потом он прочитал три штуки: про зверей, про трамвай и асфальт и про экскурсовода Повесова, который переселился в указку после смерти. Совершенный блеск. Веня потрясающе талантливым человеком.

Наш Мышкин очень тяжелый малыш, обиды из него прут одна за другой. Нам так скучно стало выяснять отношения, что никаких сил нет. К вечеру он развеселился, кажется, мы друг друга поняли. Речь шла о том, что ему сейчас надо не фотографировать в мастерской, а кончать школу и стараться поступить в институт. А ему ужасно хочется фотографировать или же сидеть с нами дома и чтобы никто к нам не ходил и чтобы мы никуда не ходили. В общем, Диме он жутко надоел, а вчера Дима еще и рассердился на него. Пришли домой ночью и Мишка свалился спать, не раздев оранжевой новой рубашки. Я, естественно, возмутилась, а Дима сказал: «Что это за свинство такое?» Миша очень обиделся и сказал, что свинство так с ним разговаривать. Сегодня Дима ушел, не беседуя с Мишкой, а вечером только всё наладилось, когда Мишка сказал: «Я, папа, готов извиниться». Тут мы наконец договорились. Сыночек у нас хороший, но жуткая зануда. Мы с Димой очень не хотим, чтобы он чересчур обнаглел. Не допустим.

Мы встретились с Валькой, она принесла мне отпечатанную статью про театр. Говорит, что с Эдиком всё плохо, в голове у него все время жжет. Ходит он теперь так же медленно, как Дима. Принес три бутылки молока и чуть с ума не сошел, хорошо себя чувствует только когда лежит. Настроение раздраженное. В общем, полный инвалид.

Боря пятнадцатого уезжает навсегда. Новость, будто бы Ицхокас Мерас в Израиль уехал³⁸.

Вчера появилась исчезнувшая Наталья. Еле говорила и двигалась от головной боли. Не позвонила, говорит, только потому, что все окрестные автоматы были сломаны. Ясно, что она очень больна, но не совсем ясно, где она врет. Мать ее нам дозвонилась, а она нет. Сказала Диме, что придет с утра, как обычно, а матери сказала, что уходит позже. У нас в этот день совсем не появилась и утверждает, что была дома. Факт очевидный, что болела у нее голова ужасно, так что она еле языком шевелила. Жаль ее очень.

Димуся, несмотря на поздний ночной приход, что теперь нам не свойственно, пошел в мастерскую и там поработал.

У нас очень приятное впечатление оттого, как мы в театр ходили, а потом у Вени дома посидели.

Во Франции, возможно, режим переменится. Не мешало бы.

³⁸ Ицхокас Мерас (1934–2014) эмигрировал в Израиль в 1972 г. Учился в университетах Тель-Авива (1973–1974) и Бар-Илана (1975–1977). Продолжал писать и публиковаться. Работал преподавателем. В 1977–1981 гг. возглавлял Союз русскоязычных писателей Израиля. (См. выше записи от 17 июля 1968 г.).

12 марта 1973 г., понедельник.

Во Франции режим остался прежний, с Помпидушкой³⁹ во главе. Ничего не попишешь, всё было по-честному.

Наш Крысанышка молодчина! На городской олимпиаде по французскому занял III место, и якобы это дает на экзаменах в институт лишний балл. Лейла Арифурлова заняла первое место и Мишка третье, больше у нашей школы среди десятиклассников никто ничего не занял. Как всегда, Мишку спасла его умная башка. Рад он ужасно. И мы рады, я, честно говоря, думала, что он ничего не займет. Хотелось, чтобы он участвовал и пробовал свои силы. Тем более приятно, что объективность была предельная, так как судили чужие люди, своих учителей даже не пригласили на обсуждение. Дети шли под номерами, а расшифровывали имена после. Он сделал три маленьких ошибки и одну грамматическую, но убил всех содержанием. Он выбрал из пяти предложенных тем ту, что посвящалась трехсотлетию Мольера, и Ида говорит, что он совершенно отлично ее рассказал. Вторая статья была по-русски про Олега Кошевого, которую нужно было пересказать, резюмируя и проанализировав ее, и показать свое отношение. Второе место заняли два мальчика, жившие во Франции. С Лейлой разделила первое место тоже одна девушка, жившая какое-то время во Франции. Так что на этом фоне наши ребята просто молодцы, так как во Франции не жили. Остальные ребята, Мишкины одноклассники, хоть и ничего не заняли, но выступили в целом очень хорошо. Комиссия это отметила.

Димусенька был в подвале, работал, но с Наташкой решил пока ничего не выиснять. Просто они работали. Влюбленный Юра Никитин вернулся из Тулы совсем ошалевший. Чуть не плачет от счастья. Он уже решил, что со своей супругой у него всё кончено. Как он рассказывает (он наконец начал рассказывать), супруга у него говно редкое. И так, всё дело в детях. У него два чудесных парня – Андрей и Алеша. Как там будет, посмотрим. Но сейчас он влюблен совершенно очумело.

Звонила Юнна. Ее книгу надо срочно делать. Договорились увидеться в пятницу и поработать над ее рукописью.

Мишка в своем рассказе про Мольера на олимпиаде ссылаясь на Венину статью в журнале «Пионер».

13 марта 1973 г., вторник.

Димушка встает теперь не позже восьми и успевает до ухода в мастерскую вырезать две или три гравюры. Мишкина бабушка нас удивила. Когда Мишка сообщил о своей победе на олимпиаде, она сказала: «Ты должен поздравить Юлию Львовну, потому что это целиком ее заслуга». Мишку Елена самолично поздравила и Зальцман. У них кто-то прибыл с телевидения и будут

³⁹ Помпиду (Pompidou) Жорж (1911–1974) – в 1962–1968 гг. премьер-министр, в 1969–1974 гг. президент Франции, лидер правых (голлистов). В марте 1973 г. прошли парламентские выборы, перед которыми Ж. Помпиду смог собрать широкую правоцентристскую коалицию, включавшую так называемых «независимых республиканцев» и противостоящую социалистам, благодаря чему выиграл эти выборы.

делать телепередачу. Мишка тоже в ней будет участвовать по желанию Елены, как главный редактор «Кашалота». Юрочка Геннис принес новый рассказ, тоже приятный. Дима подарил Лене Крейндлину еще две гравюры, а Вене 10 марта Дима принес целых три.

14 марта 1973 г., среда.

Дима режет гравюры. В мастерскую к Наталье повадились ходить Юрочка с Вовкой, чем отвлекают ее от дела. Звонил Алик Киселев и пригласил нас с Эдиком на репетицию. Мишка был тоже на репетиции, ему очень понравилось. Там же сидели люди с телевидения, и они предложили Мишке составить специальный выпуск «Кашалота» и дали сроку целый месяц. Он с Курсом наконец сделал новый выпуск своей газеты. Кроме этих подвигов, получил два по химии и три по военному делу.

15 марта 1973 г., четверг.

Был у нас с Димушкой очень тяжелый день. Рита Янус праздновала у нас свой день рождения. Приходили друзья, очень милые люди – Турчины, Лакшины и Васильевы. У Лакшина⁴⁰ жена⁴¹ симпатичная и сам он ничего. Лёнина компания прибыла – архитектурская. Более забуддыжная, менее утонченная. Зато пьющие ребята. Нам с Димой эти сборища теперь до фонаря. Ничего не чувствуем, кроме безумной усталости и острого ощущения потери времени. Правда, Рита – очень хорошая девка, и ей было приятно.

Мишка готовит для телевидения новый номер «Кашалота» о школе. Завтра же он будет по настоянию Елены выступать на семинаре для директоров района, рассказывать о своей деятельности. Мне кажется, что Мишка, хоть и вроде бы не показывает, но зазнается от всего этого. Мне это неприятно. Он все-таки должен понять, что всё это дерьмо, и участвует он в этом только для дела, а не для души. Может быть, я ошибаюсь, но я на расстоянии чувствую, как он надулся.

16 марта 1973 г., пятница.

Французы пустили мелкую парашу по радио, что будто бы господин Брежнев собирается выкинуть кого-то из Политбюро, потому что якобы коллегиальное руководство никого больше не устраивает. Меня вполне устраивает, а вот наш фюрер с бровями без всякой оппозиции может при желании много нагадить.

Наконец я свиделась с Петром Гелазония из «Семьи и школы». Он сказал про мой текст: «Годится, но нужно безбожно сокращать». За это он сам берется, и слава богу. Дал, что печатать Эдику – целых восемь штук и уже в размере. Если получится, то пойдет в шестой номер.

Мишка получил четыре по химии и четыре по политпереводу. Выступал на семинаре для директоров по желанию Елены. Сказал, что «толкнул речугу».

⁴⁰ Лакшин Владимир Яковлевич (1933–1993) – литературный критик, литературовед, прозаик, мемуарист. В 1962–1970 гг. первый заместитель главного редактора «Нового мира». В 1987–1989 гг. работал в редакции «Знамени». В 1991–1993 гг. главный редактор журнала «Иностранная литература».

⁴¹ Кайдаш-Лакшина Светлана Николаевна (р. 1933) – писатель, редактор.

Димушка вкалывает как оглашенный. Должна была Юнна прийти, но позволила, что не придет, так как Марии Федоровны, которая сидит с Митей, не будет из-за ее спившегося сына. Юра Никитин претерпел дома жуткий скандал. Его жена потребовала, чтобы он появлялся дома только два раза в неделю и давал сто рублей в месяц на пропитание. Иначе она грозит сообщить ему на работу в партбюро и забрать из школы старшего мальчика Андрюху, с тем, чтобы Юру в школе оболгать. Сейчас не те времена, а то она бы могла сделать ему много гадостей.

17 марта 1973 г., суббота.

Димушка резал гравюру, потом ушел в мастерскую. Наташка приехала сюда ко мне. <...> Голова у нее болит, но не так сильно. Очумелый Юра остался ночевать в мастерской со своей не менее очумелой от любви Машей.

Приехал Мишка, с которым мы неделю не виделись и очень соскучились. Грязный, патлатый, апельсиновая рубашка вся мятая. С великими трудностями Дима его постриг, а потом запихнул его в ванную. А рубашку рыжую я постирала и сушиться повесила.

18 марта 1973 г., воскресенье.

Димуха сегодня в очень нервном состоянии. Очень сердится на Наташку. Он считает, что она халтурит. И вообще, он еще вчера начал себя плохо чувствовать, это из-за изменений в погоде. Мишка спал полдня, отсыпался за всю неделю, и мы не хотели его будить. К вечеру все втроем пошли в мастерскую. Мишка наконец заполучил старый телефонный аппарат, к которому он давно подбирался, и уехал к себе на Палиху его устанавливать. Снова влез в апельсиновую рубашку, потому что она очень ему нравится.

Пришел к нам швед, симпатичный парень Стиг Фредриксон. Принес девять вырезок из шведских газет, где он опубликовал про Диму свою статью⁴². Везде очень хороший Димин портрет – он, понурый, над нижней частью скульптуры «Материнство» из серии «Препараты», и еще две-три фотографии: «Кесарево сечение», «Памятник погибшим от насилия» и «Памятник Треблинке». Дома удалось послушать по Би-би-си кусок лекции Чалидзе о правах человека в СССР⁴³, но глушилки так злобно затыкали, что так ничего мы и не услышали.

20 марта 1973 г., вторник.

Димуся заболел. Несколько дней было неважно с сердцем, плохое самочувствие, левая рука и все обычные коронарные дела. А вчера в глубине горла, ужасно далеко, увидел у себя белую пленку слева. Сегодня пришла врачиха и ничего не увидела, а мне Дима показал и я увидела.

Вчера в подвал заходил Стесин. Ему Алка рассказала про книгу, вышедшую в Австралии, и он очень просился к Диме ее посмотреть. Стесин выглядит как

⁴² St. Fredrikson. Skulptörer me antivald som tema udda i modern sovietisk konst.

⁴³ В 1974 г. на основе лекции в Нью-Йорке в издательстве «Хроника-Пресс» вышла книга В. Чалидзе «Права человека и Советский Союз».

настоящий сабр, волосы длинные и все курчавые, дубленая, вся расшитая стекляшками куртка и какой-то синтетический костюм, как у космонавта. Он меня даже несколько поразил своей наивностью. Он удивляется, что от его лучшего друга Гробмана никаких вестей. Его, скорее всего, выпрут из СССР как можно быстрее. Как раз сегодня он идет в ОВИР. Он говорит, что отправил на Запад больше семисот вещей, и сейчас о них ни слуху ни духу. Что-то они с Гробманом собирались устраивать вроде еврейского центра по искусству. Он непрерывно намекал Диме, что хотел бы у него что-нибудь взять, но Дима не поддавался. Дима говорит: «Я знаю, что он жулик, и от меня он ничего не получит». Смотрел Стесин очень восторженно и все время повторял: «Ты гений, старик! Потрясающе». Книга его тоже поразила. «Ишь ты, – говорит, – сидишь тут тише всех и всех обштопал». Еще раз подтвердил тот факт, что существует список художников, куда Дима входит, и кого из страны вообще вывозить запрещается.

Послезавтра состоится худсовет в Министерстве культуры по рассмотрению надгробия И.Е. Тамму. Дима должен быть на ходу. Должен там быть с нашей стороны кое-кто: Леня, Дима, Витя Гинзбург, его секретарь, Фейнберг⁴⁴ и Женья Тамм. С обратной стороны, кроме всяких гадов, должны быть нейтральные гады: Нерода⁴⁵, Дюжев и т. д. Хуже всего, если будет Кербель, да еще будет председателем.

23 марта 1973 г., пятница.

Дима хворает ангиной и сердце у него болит. Говорит, что уже давно у него так сильно не отнималась левая рука. Отвратительно, что в горле слева тоже бобон вскочил. Дима утверждает, что у него так раньше не было с самого момента, как удалили верхушки миндалин. Вчера он вынужден был подняться с постели и выйти, так как министерский худсовет по поводу надгробия И.Е. Тамму второй раз собрался бы неизвестно когда. Самое смешное, что проект приняли. Правда, дело было на волоске, так как четверо было «за» и четверо «против». Дима, конечно, умнее всех. Он накануне дозволился Нероде. Этот человек ни разу не голосовал против Диминых вещей, хотя это и случилось ему делать крайне редко, это было много лет назад. Правда, в те разы Георгий Васильевич всегда был в одиночестве. Дима считает его умным человеком и не без таланта, но загубленным, так как его творческая активность пришлось на самый черный сталинский период. Здесь он был председателем совета. «За» голосовал Борька Дюжев. Когда-то Дима с ним вместе учился и, хотя у них не было открытых конфликтов, неприязнь была. Теперь она прошла, потому что каждый из них пошел своим путем, чего-то добился и друг с другом ничего не делит. Тем более Дима сам Дюжеву позвонил, оказал уважение, а тот его тут ассоциировал с Неизвестным. «Ты кому делаешь?» – «Физику Тамму». – «А Неизвестный кому

⁴⁴ Фейнберг Евгений Львович (1912–2005) – физик-теоретик, член-кор. АН СССР (1966), действительный член РАН (1997). С 1938 г. работал в теоретическом отделе ФИАН. Лауреат Государственной премии СССР (1983). Друг и соавтор В.Л. Гинзбурга, близкий друг А.Д. Сахарова.

⁴⁵ Нерода Георгий Васильевич (1895–1983) – скульптор. Член-кор. АХ (1967). Народный художник СССР (1967). Автор, среди прочего, пяти установленных в разных городах СССР памятников В.И. Ленину, а также Я.М. Свердлову, Г.К. Орджоникидзе, А.В. Луначарскому и т. д.

делает?» – «Ландау». – «А-а». Для них постоянно Сидур и Неизвестный сливаются в один образ. Дюжев был очень польщен, что Дима ему позвонил и специально пригласил прийти на совет.

Третьим «за» голосовал Олег Комов. Этот парень значительно моложе, но очень пробивной. Сейчас большое начальство. Дима говорит, что несколько лет назад Комов и Чернов⁴⁶ увивались вокруг него с очень большим почтением. Он не без способностей, Комов, но с потолка. Четвертым был тоже совершенно незнакомый молодой человек, который сегодня впервые участвовал в совете. Он тоже голосовал «за» и это было полной случайностью. Выступали подряд Женя Тамм и Витя Гинзбург, Дима и Леня. Нерода сказал, что у него есть претензии, но раз родственники хотят и организация тоже, то он не возражает. Дюжев и Комов – то же самое, молодой парень – то же. Но тут обратная сторона заработала. Старому пердуну архитектору Душкину⁴⁷ такие вещи вообще, что говорится, не в дугу. Ему это противопоказано, и он был «против». Посядо⁴⁸ недоуменно говорил: «Ничего не понимаю. Почему рука такая большая? Зачем дырка?» То, что голова не такая и ног нет, его почему-то вообще не интересовало. Третий дядька, неизвестно кто, все время бормотал: «Литературно, литературно», и был «против». Но самым злобным был Рукавишников⁴⁹, бывший председатель скульптурной секции. У него доводов не было, а только вопросы: «А кто такой был покойный? Почему тут все время подчеркивают, что скульптор его знал, какое это имеет отношение? А откуда видно, что он физик?» Остальные были против, но нейтрально, а этот в невероятной злобе. То, что выступали родственники, не повлияло нисколько. Кто был «за», он и был бы «за», а Рукавишников становился только злее. Огромное везение, что не было Кербеля и Бондаренко⁵⁰. Во-первых, не было бы сочетания «четыре на четыре», а во-вторых, Кербель впал бы в транс и выступал бы с идейных позиций от лица партии. Оказывается,

⁴⁶ Чернов Юрий Львович (1935–2009) – скульптор. Народный художник РСФСР (1979), действительный член Российской АХ (1997), профессор. В 1977–1987 гг. секретарь правления СХ СССР. Наиболее известные работы – памятники Юрию Гагарину в Москве и Оренбурге.

⁴⁷ Душкин Алексей Николаевич (1904–1977) – архитектор. Автор проектов таких сооружений, как станции московского метрополитена «Дворец Советов» («Кропоткинская»), «Площадь Революции», «Маяковская», «Завод им. Сталина» («Автозаводская»), «Новослободская»; высотного здания Министерства транспортного строительства у Красных ворот и универмага «Детский мир» на Лубянской площади в Москве и др. Лауреат трех Сталинских премий (1941, 1946, 1949).

⁴⁸ Посядо Анатолий Иванович (1908–1987) – скульптор. Автор многочисленных скульптурных портретов В.И. Ленина, памятников М.В. Фрунзе в Бишкеке, К.Е. Ворошилову в Луганске, конного памятника Г.И. Котовскому в Кишиневе, скульптур «Ворошилов на коне», «Буденный на коне» и т. д.

⁴⁹ Рукавишников Иулиан Митрофанович (1922–2000) – скульптор. Член-кор. АХ СССР (1978), действительный член Российской АХ (1997), Народный художник СССР (1988). Один из официальных исполнителей ленинианы – автор многочисленных памятников В.И. Ленину в СССР и в советских посольствах по всему миру. Снимал посмертные маски М.А. Суслова, Л.И. Брежнева (выполнил их надгробия у Кремлевской стены), Ю.В. Андропова (выполнил ему мемориальную доску на здании КГБ в Москве), К.У. Черненко и т. п.

⁵⁰ Бондаренко Павел Иванович (1917–1992) – скульптор. Народный художник СССР (1978), действительный член АХ СССР (1983). Автор памятника В.И. Ленину в Севастополе. Участник создания Ленинского мемориала в Ульяновске (1970). Лауреат Сталинской премии (1950, за участие в создании барельефов «Ленин и Сталин»).

равное количество голосов расценивается в пользу автора, тем более что председатель имеет два голоса.

Была у нас Кларочка. Повосхищалась книгой про Диму. Сказала, что Александр Исаевич будет рожать третьего ребенка. Ему наконец разрешили развод и теперь его пропишут у своей жены в Москве. Будто бы он нервничает из-за своей первой жены, которая где-то в Америке публикует свои мемуары и разоблачает его как человека растленного, недоброго и лицемерного⁵¹. И что она, бедная, посвятила ему всю жизнь, а он так с ней поступил.

Принял наконец Конгресс США поправку Джексона о том, чтобы не торговать с нашими на выгодных для нас условиях, пока наши не будут выпускать из страны людей без выкупа⁵². Наши тут же разрешили сорока человекам ехать бесплатно, и уже на второе апреля у них есть билеты. Боря сказал, что собирается вернуть нам сто рублей, которые мы ему дали, как и многие другие люди, безвозмездно. Завтра он к нам придет.

Пришла к на наконец Алка после своего приезда из Риги. Порассказала новости. Говорит, что Лимонов стал совершенно невозможный, очень зазнается. Говорит, что весь исписался и цитирует Эрнста Неизвестного: «Чтобы в этой жизни выбиться художнику, надо перестать быть человеком».

Дима говорит, что почти каждое утро просыпается с мыслью: «Мой отец умер от удушья». И еще он мне сказал: «С какого-то момента человек вынужден половину бесед вести с мертвыми, так как живые просто не знали той части жизни, которую знали мертвые».

Саша Гришин подружился с Димой Савицким⁵³, тоже поэтом. Как бы наш Саша не сбился с толку, потому что Димина компания – это в основном пьяницы, развратники и, в общем, полууголовные ребята. Саше, кажется, еще двадцати пяти лет нет. Он парень умный и серьезный, но «сладкая жизнь» и его может захлестнуть.

Приходили моя мама и тетя Аида. Мама вчера осталась ночевать. Помогала мне варить. Была поражена, когда Алка принесла японскую кожаную куртку за

⁵¹ В секретной записке правления АПН в ЦК КПСС от 17 апреля 1974 г. сообщалось: «В 1973–1974 годах через АПН были переданы интервью Н. Решетовской. Они были опубликованы в газетах «Нью-Йорк таймс» (США), «Фигаро» (Франция) и других органах. В своих интервью Решетовская заявила о намерении опубликовать свои воспоминания для разоблачения различных версий буржуазной печати по биографии Солженицына и его отношений к Н. Решетовской. Крупные буржуазные издательства «Нью-Йорк таймс», «Пресс де ля Силе» (Франция), «Аллен Даво» (Швейцария) обратились в АПН с просьбой предоставить им права на издание воспоминаний Н. Решетовской. Рукопись воспоминаний Н. Решетовской подготовлена к печати издательством АПН совместно с КГБ при СМ СССР. Представляется, что выход на Западе воспоминаний Н. Решетовской может послужить определенной контрмерой, направленной против антисоветской шумихи вокруг Солженицына».

⁵² *Поправка Джексона-Вэника* – поправка к Закону о торговле США, ограничивающая торговлю (предоставление режима наибольшего благоприятствования, государственные кредиты) со странами, препятствующими эмиграции, а также нарушающими другие права человека. Предложена конгрессменами Генри Джексоном и Чарльзом Вэником, принята в 1974 г. Действие поправки в отношении России было официально отменено конгрессом в 2012 г.

⁵³ Савицкий Дмитрий Петрович (р. 1944) – писатель, поэт, друг Э.В. Лимонова. С 1978 г. живет во Франции. В 1989–2004 гг. вел на радиостанции «Свобода» передачу «49 с половиной минут джаза», затем «Время джаза».

75 рублей, и Дима мне ее тут же купил, потому что она мне идет. А я до сих пор совестью мучаюсь. Конечно, куртка мне понравилась, но 75 рублей – это же кошмар.

Приехал Мишка. С завтрашнего дня у него каникулы, и мы будем видаться постоянно. У него с кооперативом кое-какие сдвиги. От академика Федосеева П.Н. письмо с резолюцией «Прошу помочь» пошло прямо в руки человеку, который непосредственно этим занимается.

24 марта 1973 г., суббота.

Дима чувствует себя плохо. Бобончики слева в горле несколько не изменили своей формы, несмотря на активное лечение. Температуры нет и, возможно, это ангина, а пробки, потому что боли он не испытывает. К вечеру ему стало полегче.

Приходила навещать Ленка перед походом в *Comédie-Française*⁵⁴. Меня приглашала пойти с собой в театр Тамара Хачатурова, у нее был лишний билет, но должны были прийти Боря Хазанов с Мариной и с Тюпочкой в последний раз перед своим отъездом, и я отказалась.

Потом позвонил шведский журналист Стиг Фредриксон и сказал, что его жена Ингрид тоже хотела бы завтра пойти со мной в театр на *Comédie-Française*. Я отказалась – Димка болен, к тому же вчера позвонил Хайнеман из голландского посольства и сказал, что хочет прийти. Может быть, у него какие-нибудь для нас новости. Дима думает, что он, может быть, монографию принесет. Стиг еще сказал, что его статья про Диму опубликована уже в семнадцати газетах. Лихо. Вся Швеция знает.

Навестили нас Хазановы. Тюпочка совсем взросленькая на вид, хотя ей нет еще тринадцати лет. Боря, как всегда, очень забавно рассказывал о своих приключениях с визой. Когда с него взяли пятьсот рублей за отказ от гражданства, а чиновница из ОВИРа назвала его гражданином по инерции, Боря возмутился: «Почему вы называете меня гражданином?» – «А как же мне вас называть?» – «Вот вам квитанция, что я только что за деньги получил отказ от гражданства». – «А как же мне вас называть?» – «Зовите меня мистером».

Дима мне постоянно твердит, что он никуда уезжать не собирается. Здесь кровь его пролита, родина эта для него самая лучшая и т. д. Но вдруг он сказал мне такую новость: если бы нашлась страна, которая дала бы мастерскую, помещение, вроде музейчика, участок земли, квартиру и, главное – пенсию для него и для меня на пожизненное существование, он бы согласился отдать все свои вещи в дар этой стране и далее тоже работать на нее. Дима говорит, что на это он бы пошел, так как здесь, в России, сохранить вещи, а тем более экспонировать их нет никакой возможности и, скорее всего, не будет. Кроме того, он хотел

⁵⁴ Один из старейших театров Парижа, один из пяти во Франции, имеющих статус «национального». Основан в 1680 г. согласно *Lettre de cachet* Людовика XIV. Впервые приезжал на гастроли в СССР в 1954 г., затем еще пять раз. В 1973 г. состоялся четвертый приезд (Москва, Ленинград, Вильнюс), были показаны «Тартюф», «Мнимый больной» и «Летающий доктор» Ж.-Б. Мольера.

бы, чтобы все его вещи кем-либо отсюда бы выкупились, а там бы их увеличивали до нужной величины. Всё это Дима изложил Боре, чтобы тот там кое-что в этом смысле узнал. Меня это Димино сообщение поразило.

Мишка – ребенок чудный. Вдруг захотелось ему пообщаться без всяких причин.

<...>

26 марта 1973 г., понедельник.

Вдруг сделалась жара. Дима чувствует себя фигово, хотя чуть-чуть лучше. Ездили мы с ним в поликлинику к ухо-горло-носу. Врачиха подавила ему миндалины и выдавила некоторое количество гноя, но не всё. Вообще, Дима раздражен, в полной мрачности, и говорить с ним очень тяжело. Съездила я в ГлавАПУ, где наконец поставили штамп. Теперь все инстанции по утверждению надгробия пройдены и остается только вырубать скульптуру. Беседовала я с Лёниной Олей. Она совершенно жутко сблелнула, вся из себя страшная и какая-то несколько потускневшая и запаршивленная.

Эдика признали нетрудоспособным минимум на два месяца. У него в мозгу какие-то изменения, и врачи считают, что это произошло не от зарядки и не от того, что Валька встала ему на живот, а от того, что это тяжелая нагрузка наложилась на его застарелую болезнь – скрытую гипертонию. Эдик никогда у себя этой болезни не предполагал, хотя очень часто, когда ему мерили давление, у него было 150/90. Дима же давно эту болезнь у Эдика чувствовал, и ему, конечно, надо было отнестись к себе более осторожно. Дай бог, оклемается.

Кларочка звонит нам ежедневно. Мишка не дает скучать, то фыркает и склочничает, то бесится и радуется.

28 марта 1973 г., среда.

Мы с Димой ужасно плохо себя чувствуем, оба недомогаем. Он все-таки находит в себе силы творить, а я бестолку существую.

Юры Никитина Маша такая же экзальтированная, как и он. Прислала ему письмо, где пишет, как она Юру любит, а у Димы хочет руки целовать (?). Со всем оглашенные ребята. Оба экзальтированные – два сапога пара. Юра пишет стихи. Две штуки вышли неплохо. Вчера я устраивала прием. Приехала знакомая девушка из Таллина Эви⁵⁵, и мы с Натальей <Исаевой> договорились ее принять. Эви пришла с двумя некрасивыми подругами. Ничего девушки, одна даже совсем умная. Мне было еще приятно повидаться с Идой, Мишкиной учительницей, Леной Слуцкиной и с Натальей, хотя она должна вступить в партию и мне теперь общаться с ней гораздо труднее.

Наш Мишка – мальчик сумасшедший и чем-то склочный. Ужасно любит спорить, но не ради истины, а ради того, чтобы переспорить. Сегодня он съездил в Алабино, купил там, в Петровском, гвоздей. Дима ему говорил, что нужны в мастерской гвозди. Мишка – мальчик добрый, но на гвозди жуткий жмотина. Из-за этого между ним и Димой произошла некоторая ссора. У Миши дома уже пять кило гвоздей, и зачем ему это – непонятно.

⁵⁵ Она была гидом группы школьников, с которыми Юлия приезжала в Таллин в январе 1970 г.

Наконец-то мы виделись с Варгами. Аня выросла, но вид у нее еще школьный. Марина и Яша очень хорошие. С ними был их знакомый, совсем молодой мальчик Ваня. Он студент-психолог, удивительно приятный юноша.

У Наташки голова не болит, зато зуб начал болеть. Я к ней сейчас как-то привязалась и люблю ее.

Как только я реально представила, что мы можем эмигрировать, у меня сразу отпала охота.

29 марта 1973 г., четверг.

Димушка чувствует себя и выглядит получше. Зато я, напротив, в тоске пребываю. Целый день мрачно лежала в Диминой койке и читала Салтыкова-Щедрина. Вот гений! Он мне из девятнадцатого века больше всех других писателей нравится.

Малый наш, наконец, решил открыть кое-какие свои комплексы. Сегодня он с Димой гулял и кое-что ему рассказал. Я пока еще не знаю, что. Но факт, что он сделался явно сексуально озабочен.

30 марта 1973 г., пятница.

Димушка весь трепещет. У него появилось давление и он психует чрезвычайно. Ужасно сердится на Наталью за то, что она не так все делает, как нужно. Заставил меня штопать гравюры. Я только заикнулась, что не сумею, он чуть с ума не сошел от гнева. И, действительно, стала штопать – получилось.

Юра носится влюбленный, Мишка что-то верещит, Наталья без толку ваяет. Инна <Бернштейн> пришла, на зятя жалуется. В общем, Дима сказал, что если я ему не буду больше помогать, а главное – во всем с ним соглашаться и ни о чем не спорить, то он пропадет.

31 марта 1973 г., суббота.

Наконец увидела я сегодня, что Алик делает. В Политехническом музее он шел «номером». Он показывал отрывок из спектакля «Голоса травы»⁵⁶. Очень здорово. Но потом Алик начал выступать и отвечать на записки. Записки были или очень сердечные или злобные. Коронная записка: «Дети не понимают, что они делают». Зал явно разделился на две части: одна активно принимала, другая злобилась. Тем не менее хлопали долго и усиленно. На ночь Алик мне позвонил, так как я ушла раньше, и сообщил, будто бы баба из горкома комсомола завела его в кабинет и начала говорить, что всё, что он показал, отвратительно, безнравственно, и она этого дела так не оставит, а будет жаловаться и постарается связаться с Еленой, так как оставить этого дела она не может⁵⁷. Поглядим, что из

⁵⁶ Спектакль-вариация по одноименной лирической повести американского прозаика Трумана Капоте (*The Grass Harp*. 1951). Этой постановкой, по словам О. Киселева, он пытался «вывести детский театр на более-менее профессиональный уровень. <...> С этого спектакля и начался мой собственный, мой настоящий театр». Были заняты: Евгений Лунгин, Мария Великанова, Зоя Светова, Алексей Паперный и др. Художник Владимир Паперный.

⁵⁷ Продолжение скандала с этим спектаклем последовало почти через два месяца (см. ниже записи от 25 и 26 мая 1973 г.). После «Голосов травы» работа О. Киселева с детьми прекратилась.

этого выйдет. Алик очень неосторожно выступает, сразу же кидается в полемический задор.

Видела я Юрину Машу. Ничего девушка, вся из себя экзальтированная, но вполне интеллигентная и даже красивенькая. Дима сегодня с утра встречался с немцами-супругами с радио ФРГ в Москве. Лева Копелев приводил. Они Диме понравились.

Мишка отвез к Велте ее книги, которые на мне висели мертвым грузом. Убрал квартиру, но не до конца.

1 апреля 1973 г., воскресенье.

Пробыли целый день дома до самого вечера. Был у нас Эдик. Он уже усвоил Димину формулировку в оценке своего состояния. Говорит, что чувствует себя «не хуже», хотя работать не может совсем. Все-таки надежда на то, что он оклемается, становится все более реальной.

Каверин написал письмо Надежде Яковлевне Мандельштам⁵⁸, где ругает ее за то, что она всех обругала и, в частности, Тынянова⁵⁹.

Завтра Боря Хазанов уезжает навсегда. Первые друзья, на которых мы осиротели. У Эдиньки почти нет сомнений, что если он поправится, они с Валькой отсюда умотают. Что-то мне совсем не хочется эмигрировать. Всегда хотелось, а как представлю себе реально, так не хочется. Хотелось раньше, наверное, оттого, что нельзя было. К тому же больно у Димы здоровье плохое. Цель отъезда может быть только одна, единственная – сохранить вещи. Ради этой цели можно было бы и уехать, но ведь гарантий никаких.

Мишке завтра в школу. Сегодня он целый день пролежал в постели, читая «В круге первом». Я думала, что он от этой книги оторваться не может. Ничего подобного – более чем сдержан и читает с трудом. К вечеру он решил пообижаться. Просто так. Обижался, обижался, пока перестал. Курточка замшевая Димины уже к нему перешла. Пока, считается, на время, но думаю, что это уже будет навсегда.

Позвонил нам вдруг Кондрашин. Мы уже думали, что навсегда расстались, но оказалось – нет. Пригласил нас к себе. Были у них еще какие-то люди, скрипачка Роза Файн⁶⁰ с мужем. Кондрашины оба несколько сдали. Дети у них со-

⁵⁸ Имеется в виду письмо, в котором В.А. Каверин писал, в частности: «Вы решили – ни много, ни мало – доказать, что за последние пятьдесят лет нашей литературы не было. Были только Мандельштам, Ахматова и Вы, не написавшая ни строчки. <...> Вы не вдова, Вы – тень Мандельштама. В знаменитой пьесе Шварца тень пытается заменить своего обладателя – искреннего, доброго, великодушного человека. Но находятся слова, против которых она бессильна. Вот они: “Тень, знай свое место”». («Вестник русского христианского движения». № 108–109–110. 1973. С. 189, 191).

⁵⁹ Тынянов Юрий Николаевич (1894–1943) – прозаик, драматург, сценарист, литературовед, критик.

⁶⁰ Файн Роза Давыдовна (р. 1929) – скрипачка, ученица В.З. Мордковича и Д.Ф. Ойстраха. Победительница международного конкурса скрипачей им. Г. Венявского (1957). Много гастролировала по СССР и за границей. В 1980 г. эмигрировала в ФРГ. Профессор Высшей школы музыки в Дюссельдорфе. Выступала как солистка и давала концерты с лучшими оркестрами в ФРГ и США. В 1981 г. стала одним из инициаторов создания «Фонда Кирилла Кондрашина». С помощью этого фонда с 1984 г. в Амстердаме проводится конкурс молодых дирижеров им. К.П. Кондрашина.

всем, совсем большие. Старший парень всего в девятом классе, а выглядит гораздо более зрелым, чем Мишка. Маленький невероятно симпатичный. Кирилл Петрович читал нам Булгакова «Дьяволиада» и про Чичикова⁶¹. Отлично. Приобрел он эту книжонку в Амстердаме.

2 апреля 1973 г., вторник.

С утра позвонила Мишкина бабушка с просьбой воздействовать на Мишку, чтобы он отсоединил телефон, так как она боится, что у них совсем телефон срежут. Просила, чтобы наша беседа была ему неизвестна, так как он устроит ей истерику за эту жалобу. <...> Бабушка спрашивала «Вадима Абрамовича», зная, что именно он на Мишку повлияет. Когда парень позвонил, напал на меня. Я ему тут же сказала, что по всей Москве идет проверка телефонов, и чтобы он свой аппарат отсоединил, а то им и вовсе телефон срежут. Сослалась же я на то, что нам сегодня действительно звонили с АТС и требовали уплатить за первый квартал. Мишка легко мне поверил и пообещал отсоединить свой аппарат сегодня же. Если он узнает, что я беседовала с бабушкой, он будет ужасно сердит. Но не могу же я продать старушку. В школе с ним опять беседовали с телевидения и требуют журнал уже в понедельник.

Кларочка провожала Боря на аэродроме. Тюпа очень плакала, Марина держалась нормально, а Боря был совсем чужой и потусторонний. Он сменил свой рваный свитер и застиранные джинсы на невероятно элегантное барахло – откуда у него только взялось – башмаки, костюм и макинтош, что-то невообразимое. Провожали Маринины мальчики. Их разделили на таможне. Чемодан с книгами не закрывался, и тогда мальчики скинули с себя ремни и перебросили их Боре, чтобы они могли этот чемодан перевязать. Кларочка говорила все это, срываясь на рыдания. Затем разговор перешел на Надежду Яковлевну Мандельштам. Наконец, Каверин откликнулся первым. Надежда Яковлевна как-то не так написала о Тынянове, а Каверин с ним всю жизнь дружил. Короче говоря, он писал о том, как Надежда Яковлевна оболгала массу хороших людей, в том числе Тынянова. В конце он решил совсем уж ее оскорбить и сообщил, что она тень Мандельштама, а не вдова его. И закончил словами Шварца: «Тень, знай свое место»⁶². Надежда Яковлевна нисколько не обиделась. Она давно говорила, что пусть недовольные напишут, что им хочется. На письмо Каверина она ответила: «Он так думает, а я так думаю. Пусть думает, как хочет». Меня поражает только одно у наших интеллигентов – это их укоренившейся навсегда советский образ мышления. Абсолютная нетерпимость к тому, что им не нравится. Вот, что значит непривычка к свободе передвижения и к свободе выражения. Надежда Яковлевна уела большое число конформистов, даже тех, кто считался хорошим на общем жутком сталинском фоне. И поделом им. Нельзя их, конечно, обвинять, что они берегли свою шкуру. Это желание инстинктивное. Мандельштаму не удалось спастись, а они спаслись. Почему же теперь еле

⁶¹ «Похождения Чичикова. Поэма в 10-ти пунктах с прологом и эпилогом» – сатирическая повесть М.А. Булгакова (1922).

⁶² Пьеса драматурга Евгения Львовича Шварца (1896–1958) «Тень» (1940).

Виталий Лазаревич Гинзбург и Юлия в мастерской (1970-е гг.). Фото: Эдуард Гладков

дышающая старуха не может сказать правду? Это им горько слышать. Пусть они оправдываются, издеваются над ней, пишут, какая она негодяйка и т. д. Она уже всё сказала, а им оправдания нет. Они этот кровавый режим поддерживали сознательно и бессознательно. Боялись, спаслись, и бог с ними. Сейчас Надежда Яковлевна имеет право во весь голос об этом сообщить. А они, оставшиеся в живых, пусть побольше пишут – в этом их задача. Это так же, как книга Надежды Яковлевны, будет отражением нашей интереснейшей и подлейшей эпохи.

Клара говорит, что Лидия Корнеевна ужасно трудится. Тоже пишет письмо Н.Я. Накатала уже 120 страниц, и это всего лишь треть.

Вчера Нина Кондрашина пустила слух, будто бы Володя Максимов уехал.

Наталья в мастерской топаёт возле скульптуры и очень старается. Дима меня приспособил неудачные гравюры замазывать, чтобы они хорошими стали.

Вечером посетили нас Гинзбурги. Нина загорелая, красивая. Витя очень грустный. В загранку его больше не пускают. Грустит же он оттого, что работа не идет, и вообще грустит. Я очень люблю его, и Нинку люблю.

На ночь глядя возле дома привязался к нам какой-то молодой хмырек. Дима громко послал его на хуй, и он отстал, засмеявшись. <...>

3 апреля 1973 г., вторник.

Дима сказал: «Какой я в молодости был мудака! На днях ехал по Садовому кольцу, мимо дома своего позора. Пошли мы с Лемпортом к кому-то на день рождения. Хозяин был лауреат Сталинской премии, но его не было, а были только его дети и гости. Кто-то предложил тост за человека. Я начал яростно доказывать, что пить надо не за человека вообще, а за советского человека. Лемпорт мне поддакивал. Разгорелся спор на принципиальной основе. В итоге каждый выпил за свое. Хорошо, что тогда мы были мудаки, а не стукачи.

У Гдаля радикулит. Он взбешен письмом Каверина к Надежде Яковлевне. Говорит, что она восприняла это банально, то есть совершенно спокойно. Но со здоровьем у нее очень неважно. Нарушения мозгового кровообращения. Гдаль сейчас хочет назначить у нее дежурство по ночам. Несмотря на ее полное равнодушие, во всяком случае, внешнее, к письму Каверина. Гдаль как врач категорически запретил ей ввязываться в какую-либо полемику. Она, слава богу, и не собирается.

Эдик был у Гдаля. Что касается сердца, у Эдика все в норме, а с головой что-то плохое и непонятное. Дима все время поругивает Наталью и меня заодно.

Кларочка позвонила сегодня на квартиру Хазановым, и там кто-то сказал: «Аллё». У нее сердце упало. Вот как у советских людей, кто-то, наверно, еле дождался этой квартиры и бога молил, чтобы Боря уматывал поскорее.

Толя Гитберг похилился (*так в тексте*. – Сост.). Приезжал с Димой посоветоваться – уезжать, не уезжать. Вокруг него крутится масса жуликоватых евреев, которые уезжают и просят у него картины. Сам Толя, осознав себя художником, начал думать о перспективах, о бессмысленности существования и т. д. Что Дима мог ему посоветовать? Обо всем этом они беседовали с Димой, гуляя, пока мы с Оксанкой занимались французским, а Милка, сидя напротив, соображала лучше, чем Оксанка. Толя убежден, что Дима с его именем может ехать спокойно. Дима

нисколько в этом не убежден. Конечно, ради того, чтобы сохранить вещи, он бы уехал, но только с полной гарантией.

5 апреля 1973 г., четверг.

Очередной конфликт в школе у Мишки с Зальцманом. Тот уже вдруг вступил в злобу, которую до сих пор не показывал, и сегодня выгнал Мишку со своей репетиции со словами: «Ты нас уже обосрал один раз, я не хочу, чтобы это повторилось». Два года назад Мишка действительно писал в «Кашалоте» о Зальцмановском клубе и театре, где высказал какие-то критические замечания. На этот раз, еще вчера, было договорено, что Мишка вместе с теткой с телевидения придет к Зальцману на репетицию, чтобы делать передачу. Театр «Здравствуйте» был эпизодом. Для Мишки это было совершенно неожиданно именно потому, что вчера Зальцман строил ему глазки, кокетничал, подмигивал, заигрывал и приглашал участвовать в радиопередаче «Пионерская зорька»⁶³. Мишка, зная его недостатки, до сегодняшнего дня относился к нему лучше. Я очень рада, что это прошло. Будет лучше разбираться в людях. Пусть мальчик закаляется.

Были мы с Димой в поликлинике, прождали около полутора часов. В итоге врачиха выдавила ему из горла много пробок, но одна так и осталась.

Наталья в мастерской была очень веселая. Дима разбирал гравюры. Потом приехала какая-то молодая девица в мини-юбке и макси-пальто с книгой про Диму. Мы получили письмо от Хорста, а эту книгу этой девице-театроведке передали для нас друзья Хорста.

Уже третий день подряд приезжает Милка с Оксанчиком, и я с ней занимаюсь французским, потому что Оксанчик сильно его подзапустила.

Вчера посетила нас после очень долгих сборов Тамара Хачатурова. Она невероятно интересная и милая женщина. Очень деликатная и интеллигентная. Кого она только не знает. С Солженицыным она была в очень близких и дружеских отношениях. У меня даже мелькнула мысль, не была ли она его любимой женщиной. Она жалеет его первую супругу Наталью Алексеевну <Решетовскую>. Та очень тяжело больна раком. У нее отняли грудь и она ужасно плохо себя чувствует. Тамара считает, что это несчастная брошенная женщина. Какая же она несчастная, если не давала Солжу столько времени развод и печатала в «Таймсе» разоблачительные мемуары? Что же касается ее болезни, то и Солж не здоров как бык. Тоже раковый больной и тоже нервный, да еще работать должен, чтобы поддержать свою собственную мировую славу. Очень резко Тамара относится к его роману «Август 1914». Приводит слова Толи Якобсона: «Какое падение писателя и человека. Какая лакейская проза». Она говорит, что сам Александр Исаевич очень тоже изменился в худшую сторону. При разговоре он сразу же говорит: «У меня всего десять минут», а потом может протреться целый час. Мелкие подробности, чисто женские: он красит бороду. Подумаешь! У него сейчас две манеры разговора – он или кричит то, что он считает нужным, и это называется диалогом, или же плачет. Рассказала Тамара, как А.И. женился на Наталье Светловой. Ту вроде бы покупала сумасшедшая, ныне покойная

⁶³ «Пионерская зорька» – радиопередача, ежедневная детская радиогазета, выходящая по первой программе Всесоюзного радио в 1925–1991 гг.

*Тамара Константиновна Хачатурова
(начало 1970-х гг.)*

*Тамара Константиновна Хачатурова.
Портрет работы Мориса Дрюона
(1950-е гг.)*

пианистка М.В. Юдина⁶⁴, которая была яростной православной боголюбицей. У Светловой мать еврейка, а отец русский, но якобы из любви к православию она решила креститься. Опять же не обошлось без Надежды Яковлевны Мандельштам, приславшей Юдиной Светлову вместе с запиской о том, что Светлова хочет креститься. Светлова крестилась, а крестным отцом ее был Солженицын, тогда как крестной матерью – Юдина. После крещения Светлова дала А.И. ключи от своей двухкомнатной квартиры, куда он вроде бы мог ходить когда угодно, а затем они обженились. Якобы этого не полагается – крестным отцам на крестных жениться – и будто бы патриарх пригрозил Солжу отлучить его от церкви. По словам Тамары, А.И. именно из-за этого послал патриарху какое-то разоблачительное письмо⁶⁵. Солж, оказывается, написал огромный роман «Архипелаг ГУЛАГ». Тамара читала главы из этого романа и говорит, что потрясает. Александр Исаевич сказал ей, что он отовсюду изыал этот роман, так как точно знает, что если он будет опубликован, то его тут же арестуют⁶⁶. Я в это верю. Тамара даже считает, что он может уехать из России. Он очень любит детей и про первого сына Светловой⁶⁷ сказал: «Дима – это имя иностранное, а русское имя – Митя». Конечно, этот человек скатился. Был праведник на селе, а стал деятелем. Хоть и вещает направо и налево, но и в творчестве и в жизни стал заурядным господином с Нобелевской премией. Теперь родил третьего сына и назвал его Игнат.

От Солженицына Тамара перешла к другим своим знакомым. Во Франции у нее родной дядя – академик *des Sciences* Вартан⁶⁸. Сильви Вартан его дочка⁶⁹.

⁶⁴ Юдина Мария Вениаминовна (1899–1970) – знаменитая пианистка, профессор ряда консерваторий. Известна была также своей религиозностью и резкими, безбоязненными высказываниями о советской власти. Среди ее близких друзей были А.А. Ахматова, М.М. Бахтин, Н.А. Заболоцкий, А.Ф. Лосев, Н.Я. Мандельштам, С.Я. Маршак, Б.Л. Пастернак, А.И. Солженицын и др. Автор статей и воспоминаний.

⁶⁵ Имеется в виду «Великопостное письмо» патриарху Пимену 1972 г.: «Перешиблено право продолжать веру отцов, право родителей воспитывать детей в собственном миропонимании, – а вы, церковные иерархи, смирились с этим и способствуете этому, находя достоверный признак свободы вероисповедания в том. В том, что мы должны отдать детей беззащитными не в нейтральные руки, но в удел атеистической пропаганде, самой примитивной и недобросовестной. В том, что отрочеству, вырванному из христианства, – только бы не заразились им! – для нравственного воспитания оставлено ущелье между блокнотом агитатора и уголовным кодексом. <...> Какими доводами можно убедить себя, что планомерное разрушение духа и тела Церкви под руководством атеистов – есть наилучшее сохранение ее? Сохранение – для кого? Ведь уже не для Христа. Сохранение – чем? Ложью? Но после лжи – какими руками совершать евхаристию?» и т. п.

⁶⁶ Художественно-исторический роман, основанный на письмах, воспоминаниях и устных рассказах заключенных и личном опыте, был закончен в 1968 г. В сентябре 1973 г., когда КГБ устроило охоту за рукописью романа, А.И. Солженицын дал согласие на его публикацию в парижском издательстве YMCA-Press. После того, как в декабре 1973 г. было объявлено о выходе в свет первого тома, в советских средствах массовой информации началась массированная кампания против А.И. Солженицына как предателя родины.

⁶⁷ Тюрин Дмитрий Андреевич (1962–1994) – сын Н.Д. Светловой от первого брака.

⁶⁸ Здесь Юлия допускает неточность. Очевидно, она плохо запомнила детали насыщенного рассказа Е.К. Хачатуровой. Дядя – Хачатуров (позже Vartan) Вартан Исаакович (1895–1980) – был швейцарским горным инженером. Во время Первой мировой войны он оказался в Иране, отсюда уехал во Францию, затем в Бельгию, где получил техническое образование, а позже жил в Швейцарии. Занимался строительством гидроэлектростанций по всему миру.

Этим летом Джонни Холлидей должен приехать в СССР, чтобы изучать кавказские песни⁷⁰. По этому поводу Джонни позвонил Тамаре и сказал, что в Москве он может, конечно, остановиться в отеле, но хочет у нее. Тамара в ужасе. Для нее это какой-то дикий парень, которого она мельком видела у своего дяди Вартана вместе с Сильвией, когда молодые люди в основном переодевались из одних шмуток в другие. Об их славе она понятия не имеет и как они поют она не слыхала.

Еще не понравился Солженицын Вале Турчину, когда он вместе с Сахаровым его навестил. Сахаров для А.И. что-то значил, а простой доктор наук Турчин ничего для него не значил, и он сказал, что будет через Валю «кое-что передавать». Естественно, Валю это шокировало.

Вот так мы просидели с Тамарой очень допоздна и она провела некий экскурс, очень любопытный, от Солженицына до Джонни Холлидея, а в середине еще рассказала о своей дружбе с Сартром⁷¹ и президентом Французской академии Жаном Ростаном⁷².

6 апреля 1973 г., пятница.

Димушка чувствует себя чуть-чуть получше. Приезжал Эдик, выглядит он плохо, да и чувствует себя паршиво. Сейчас у него глаза болят. Завтра он уезжает к Кларочке в Переделкино, где хочет побыть денька четыре. День был прямо-таки жаркий. Дима два раза гулял. Вот уже месяц он каждое утро звонит в комбинат, чтобы прислали машину за гипсовой моделью стенки, и не присылают, хотя обещают. Как у нас страна не развалится, потому что так работают везде.

Наталья ушла пораньше, но вечером позвонила и попросилась снова прийти. У нее дома очень фигово. Они с Димой разобрали наконец жуткое количество гравюр, а я наклеивала контрольки бесчисленных рисунков. В Диминой продукции ужасно тяжело разбираться, столь она многочисленна.

Вечером нас посетила Алка Зайцева. Предложила мне купить западногерманские портки из джерси черного цвета. Я брюки очень люблю, но фигура моя не такова, чтобы они мне очень шли. Эти же штаны оказались очень хороши. Диме понравились и он сказал, что купим. Вдруг Алка приревновала нас к Наталье и начала ее обижать своими язвительными намеками, но мы живо дали ей по мозгам, чем это дело быстро прекратили.

⁶⁹ Вартан (Vartan) Сильви (1943–2017) – певица и киноактриса. В 1965–1980 гг. замужем за рок-певцом Джонни Холлидеем (Hallyday, р. 1943). Сведения о том, что В. Вартан отец Сильви – не соответствуют действительности. Хотя, по словам Е.К. Хачатуровой, между ними существовало родство.

⁷⁰ Сведений о его приезде в Советский Союз нет.

⁷¹ С Ж.-П. Сартром Т.К. Хачатурову познакомил директор парижского издательства *Hachette*. Он же познакомил ее с Анри Труайя и Андре Моруа. А директора *Hachette* она узнала через Мориса Дрюона, который присылал через него для нее книги. С М. Дрюоном Т.К. Хачатурова познакомилась и подружилась в Москве в 1956 г.

⁷² Ростан (Rostand) Жан (1894–1977) – биолог, историк науки и писатель. Сын поэта Эдмона Ростана. В 1959 г. избран членом Французской академии (ее президентом не был, с 1953 г. являлся почетным президентом Французского Зоологического общества). С ним Т.К. Хачатурова познакомилась во время своей командировки во Францию.

Стесин почему-то не спешит уезжать в Израиль.

Забыла записать, что еще Тамара рассказывала. Во-первых, первая жена А.И. подозревала ее в любовной связи с ним и писала письма ее родителям и даже еще кому-то жаловалась. Тамара говорит, что у них в семье был какой-то соревновательский дух между мужем и женой. Он писатель, а она пианистка, хоть и непризнанная, но очень хорошая. Когда А.И. был в заключении, он все время неясно сообщал, вернется ли он к жене или нет. Она же вышла замуж за год до его освобождения при очень странных обстоятельствах. Она вышла замуж за своего завкафедрой в Рязани, у которого повесилась жена, приревновав ее к этому дядьке. Этот человек был глухой, и еще с двумя сыновьями. Она вроде бы чувствовала свою вину и потому с этим человеком сошлась. А тут приехал в Рязань больной А.И. и лег в больницу, и тогда она бросила своего супруга с двумя мальчиками и сошлась с А.И. Все эти сведения, естественно, исходят от первой жены Солженицына, к которой Тамара чувствует огромную жалость и чуть не плачет, когда о ней рассказывает. К «молодой лицемерке», второй супружнице, она относится явно хуже, хотя говорит, что для А.И. та все делает. Опять же детей рождает. Тамара нас с Димой ни в чем не убедила. Все ее рассказы только лишний раз доказывают, как сложна жизнь, и осуждать Солженицына мы не вправе. Можно только сожалеть, что славы своей он не выдержал, роман с узлами написал плохой, и кто-то правильно сказал: «Пьедестал стал для него эшафотом».

Мишка получил три по химии, очень обрадовался. Теперь с химией у него все благополучно, и учительница сказала, чтобы он только подготовился к экзамену, а дергать она его больше не будет. Насчет истории с Зальцманом он посоветовался с Леной Слуцкиной и с Идой. Они его непосредственные учителя, и тут же ему посоветовали вообще в этой передаче не участвовать, чего, собственно, Мишка и хотел. <...>

7 апреля 1973 г., суббота.

Димушка ходил в мастерскую один. Вроде бы немного лучше себя чувствует. Приехали ко мне Милка с Толей и Оксанчиком. Кажется, мы с Оксанчиком догнали группу по французскому. Мишка отказался от передачи по телевидению. Девушка-режиссер всё его уговаривала, но он наотрез отказался. Пожалуй, он прав. Этот крокодил Зальцман сегодня не ответил, когда Мишка с ним поздоровался. Пол-урока он нервничал, вторые пол-урока успокоился. Мишка говорит, что ребята в группе одобрили его решение не участвовать в передаче. Лена и Ида хотят идти к Елене. <...>

9 апреля 1973 г., понедельник.

Вчера умер Пикассо на 92-м году жизни. Ужасно жаль. Самый великий художник нашего века скончался. И Дима и я – мы очень огорчились, хотя пожилой старик много и, в общем, очень хорошо.

Дима сегодня целый день прыгал вокруг памятника Володе Полетаеву. Сразу стала получаться интересная и красивая вещь. Был Юра Никитин, принес еще три новых стиха. Очень он продвинулся в этом деле. Два стиха ничего, один послабее. Чего только любовь с людьми не делает! У Натальи бабушку положили в больницу с катарактой, ей 82 года.

Был у нас Григорий Самойлович Гершензон, отец Володи Полетаева. Странный и, по-моему, несколько тронутый человек. Еще бы не тронуться. Такой кошмар! Жена его периодически сваливается больная. Он очень боится, чтобы она смотрела памятник, когда он будет уже готов, и в тоже время не показать ей нельзя. Снова он рассказывал, как умер его мальчик. За десять дней до смерти Володе было тяжело и он пытался поговорить с людьми, которых он знал и уважал. Ни у кого из них не нашлось для него времени. Девушка его любимая часто с ним беседовала о самоубийстве, так как у Володи никогда таких мыслей не было. Эта девушка – дочь лучших друзей Григория Самойловича. У нее, оказывается, был уже парень, который тоже покончил с собой. Володя предупредил ее, что если через сутки она не позвонит ему до одиннадцати часов утра, он выкинется из окна. Он ждал до одиннадцати пятнадцати. Она не позвонила, и он выбросился. Эта девушка беседовала с Володей о разных способах самоубийства: если отравиться газом, можно вылечиться, если повеситься, то тоже можно выжить, а выбросившись из окна с высокого этажа, спастись нельзя.

Ленка говорит, что Вовка Воловников поговаривает о самоубийстве. Еще этого не хватало! Завтра обязательно ему позвоню. Они все время с Юрочкой звонят, а у нас нет для них времени. Господи, как трудно живется некоторым молодым людям!

Наш сыночек нас огорчил. Получил уже вторую тройку по обществоведению, и это в конце года. Я не могу понять, почему он не смог рассказать о «слиянии города с деревней в продвижении к коммунизму». Учительница сказала, что чувствует его работу, но ответ его был слишком нечетким и расплывчатым. Мишка несколько этого не отрицает и говорит, что отметка справедлива. Более того, Тамара Абрамовна, зла не помня, даже сказала, что спросит его этот же материал еще, чтобы он мог получить четыре.

Крокодил Зальцман подкатился сегодня к Наталье Исаевой в целях узнать кое-какую информацию. Он уже придумал новую версию этой истории. Оказывается, Шунков, пришел к нему на репетицию без разрешения и вел себя так нагло, что все члены его кружка были возмущены, поэтому, мол, он его и выгнал. Наталья уже эту историю знала и высказала Зальцману, что она думает совсем не так, как он. Ему, очевидно, нужно было узнать именно это. Он ей сообщил, что ему на всё и на всех наплевать, после чего удалился, помахав ручкой. Ясно одно, что ради показухи, которую Зальцман изредка устраивает в школе, Елена его сильно распустила и даже может быть его побаивается. Девушка с телевидения больше не появляется и пока всё по-старому. Мишка как отказался, так его больше никто не тревожит. <...>

12 апреля 1973 г., четверг.

Дима с Натальей целый день разбирались в гравюрах. Заходила хорошо выглядящая Кларочка. Вечером пришли в мастерскую Ленка, Вовка и Юрочка. Вовка и Юрочка написали совершенно отличные рассказы.

Утром еще домой к нам заходил Саша Гришин. Выглядел он неважно. Говорил, что много работы. Волосы у него очень сильно отросли. Подарил мне японский зонтик. Он был у Эрнста. Сказал, что он сейчас очень интересно работает

над крестами. В мастерской у него несколько человек вкальвают, а Эрнст, как маэстро, ходит и дает ценные указания. Особенно хорошо у него работает де-вущка по имени Лена⁷³. Она у Эрнста уже целых восемь лет.

Мишке нетерпится вывесить статью против Зальцмана.

15 апреля 1973 г., воскресенье.

Мы с Димой пришли в мастерскую пораньше, чтобы убежать от воскресника, назначенного на 11 часов утра. Мишка спал без задних ног. Предыдущие дни мы долго выясняли с Мишкой отношения. Статью насчет Зальцмана он написать так и не смог. Написала ее я. Мишка был в восторге, так как она была именно такой, какой ему хотелось ее видеть. Он пожелал ее вывесить на другой же день. Дима, а затем я воспротивились, так как хотели уменьшить излишнюю хлесткость и приблизить к ученическому уровню. Мой стиль пробивался настолько явственно, что было даже немного стыдно. Я вообще не ожидала, что Мишка, такой гордый парень, всегда отстаивающий каждую строчку, так быстро согласится взять целиком мою статью, не переработав ее. Я сама считаю ее всего лишь канвой, потому что малого распирали эмоции, а убедительно высказаться он никак не мог. Короче говоря, со скандалом мы все-таки добились, чтобы он не вывешивал ее в пятницу. Так что появиться статья должна завтра, уже переработанная. Перепечатывая, Мишка все время рычал и ворчал, что первый вариант был лучше. Очень хорошо, что статья появится завтра. <...>

Девочку из бывшего моего класса, ныне Зальцмана, которая ему не нравилась, подозревали в воровстве. Зальцман, чтобы иметь доказательства, сунул рубль в парту, за которую посадил девочку, изолированно от всех остальных ребят. Она этот рубль, естественно, взяла. Но, как потом объяснил Идин сын Ленья Нудельман, больше половины их класса взяла бы этот рубль. Зальцман настроил ребят, и они исключили ее из пионеров. Ленья и еще одна девочка голосовали против. После этого Ленья то ли болтал, то ли повернулся у Зальцмана на уроке, когда тот читал «Смерть пионерки» Багрицкого⁷⁴, и Зальцман вlepил Лене пощечину при всем классе. В классе произошло еще одно отвратительное событие. Кирилл К., несчастный слабовольный красавчик, безотцовщина, мать дура и проститутка, к тому же только что перенесла операцию по удалению рака – у нее отняли грудь, этот мальчик связался с бандой, с которой ограбил соседнюю сорок третью школу. Он на этом деле попался, во всем признался, и Зальцман взял его на поруки. Для поддержки Зальцман собрал подписи ребят в классе,

⁷³ Елагина Елена Владимировна (р. 1949) – художник. В 1962–1965 гг. училась в Московской средней художественной школе АХ СССР. В 1964 г. познакомилась с Э.И. Неизвестным, была его помощницей до 1976 г. По словам Е. Елагиной, она не много почерпнула от Э. Неизвестного в художественном смысле, но для нее важен был сам круг общения. В конце 1960-х – начале 1970-х выполняла иллюстрации для журнала «Знание-сила». С конца 1970-х гг., выйдя замуж за художника-концептуалиста И.Г. Макаревича, стала его постоянным соавтором и участницей художественной группы «Коллективные действия».

⁷⁴ Героическое, пафосное стихотворение поэта Эдуарда Георгиевича Багрицкого (1895–1934) «Смерть пионерки» (1932) было единственным произведением из всего творчества этого поэта, включенным в обязательную школьную программу по русской литературе в СССР. («...Нас водила молодость в сабельный поход, нас бросала молодость на Кронштадтский лёд...»).

чтобы К. не уpekли в колонию. Некоторые ребята не подписали, Леня долго колебался, но в итоге это подписал. После того, как на заседании райисполкома К. не тронули, а только пригрозили ему, где он очень плакал раскаивался, он вернулся абсолютным героем и снова начал грозить некоторым ребятам бандой. Вчера он стал отнимать у Лени какую-то брызгалку и начал ему угрожать. Леня сказал, что сожалеет о том, что подписал письмо в его защиту. Тогда К. и другой мальчишка, совсем неплохой, Костя Б., стали подговаривать шестиклассников избить Леню. К. им тоже грозил бандой. Костя Б. меня удивил, это был всегда очень хороший парень, к тому же он председатель совета отряда. Леню побили, но и он побил своих противников. Домой вернулся в истерике, в основном из-за обиды. Миша, его отец, успел поговорить с Зальцманом в этот день. Тот сказал, что будто бы он завел К. в туалет, снял с него штаны и выпорол его. Этим он лишний раз подтвердил, какой он замечательный советский педагог, если он только не врет. Во всяком случае, Зальцман Кирилл постоянно покрывал, защищал и, конечно, его не исключили из пионеров, как девочку, которая взяла рубль. Сегодня с утра Миша позвонил мне по телефону и рассказал всё это и сообщил еще кое-какие интересные факты. Миша позвонил сам, потому что Ида лежит больная со стенокардическим приступом. Оказывается, сегодня Зальцман позвонил к ним домой, это после вчерашнего разговора с Мишей, позвал Леню к телефону и сообщил ему, что Леня поступил подло, заявив К. о своем сожалении, что он подписал письмо в его защиту. И еще Миша сказал одну новость. Оказывается, у К. есть огнестрельное оружие. Это обрез, стреляющий охотничьими патронами. Леня видел его у К. в ноябре, но ничего никому не сказал. После грабежа школы он начал сомневаться, а теперь, после последних событий, только сегодня рассказал об этом дома. Миша спросил, не стоит ли ему сразу заявить в милицию, хотя он боится за Леню, поскольку ему есть четырнадцать лет, и как бы его не привлекли за то, что он не сообщил об этом факте. Мы с Димой посоветовали Мише позвонить Елене, чтобы не заявлять в милицию за ее спиной. Пусть она это делает сама. Зальцману же, который К. настойчиво опекает, совсем не так, как других, совершающих менее тяжкие проступки, Миша решил ничего не сообщать. Принимая все это во внимание, очень хорошо, что Мишки нашего газета появится именно завтра, так как Зальцман успел за это короткое время проявить себя очень ощутимо. Кто бы мог подумать, что такой гад в педагогическом обличье! Причем с каждым годом он стерженеет все больше. Еще один еврей – рассадник антисемитизма. <...> Наташа Исаева, с которой мы говорили по телефону, сказала, что теперь Зальцман засыпет Мишку двойками и тройками. Мы не огорчаемся, так как и он и мы знаем, на что идем. Аттестат у Мишки будет и так не ахти. Это только лишний раз доказывает, что ему нужно будет очень хорошо сдавать конкурсные задания в институт.

Интересную историю рассказали нам Гдаль с Витой. Они нас посетили позавчера в мастерской. В гастроном, где торгуют всякой замечательной жратвой для иностранцев, входит один советский гражданин. Поначалу не видать, что он советский, поэтому ему никто ничего не говорит. Этот гражданин берет тележку, накладывает в нее всякие продукты и едет к кассе. Кассирша ему считает и говорит: «Десять тридцать». – «Хорошо», – отвечает гражданин, вынимает заса-

ленные рубли и тщательно их пересчитывает. «Гражданин, – говорит кассирша, – мы продаем на валюту». – «Я знаю, – отвечает гражданин, – я вам даю валюту». – «У нас не эта валюта, иностранная». – «Как!», – удивляется гражданин. Достает рубль и, приблизив его к самой физиономии, читает: «Государственные казначейские билеты обеспечиваются всем достоянием Союза ССР и обязательны к приему на всей территории СССР во все платежи для всех учреждений, предприятий и лиц по нарицательной стоимости». – «Как видите, я нахожусь на территории СССР и плачу валюту». – «У нас не на советские деньги», – растерянно говорит кассирша. За спиной у гражданина возникают два молодчика. «Покажите ваши документы!» – «Я в продовольственную лавочку с документами не хожу». – «Тогда пройдемте к директору». Гражданин со своей тележкой и с двумя сопровождающими проследовал к директору, где ему снова было сказано об иностранной валюте, за которую всё продавалось в этом роскошном супермаркете и где он снова читал о том, что «казначейские билеты...» и т. д. Тогда директор спросил: «Как ваша фамилия?» – «Сахаров». Присутствующие замолчали. По просшествии томительной паузы директор дал указание сопровождающим проводить гражданина к кассе, чтобы он мог заплатить теми деньгами, которые у него есть. Что тот и сделал. Правда эта история или нет, неизвестно, но похоже на правду.

17 апреля 1973 г., вторник.

Вчера Мишка вывесил свою газету. Она произвела взрыв на всю школу. Все бурлят. Хорошо, что Елена была в школе, потому что иначе газету могли бы снять. Митрофан, Анна Федоровна, глупая и мерзкая гусыня, учителя начальной школы были за то, чтобы немедленно статью снять. Все эти люди терпеть не могут Зальцмана, но они испугались за себя. Не понимают, идиоты, что на богом обиженных не обижаются – никто не будет писать про них статей. Зальцман не ожидал и даже вывесил ответ, где написал, что очень плохо, если хотя бы у одного ученика может сложиться такое мнение о том человеке, про которого в статье написано. Но вскоре он благоразумно этот ответ снял и начал готовиться, начал искать опору. Большинство десятиклассников за Мишку, но есть, которые против. Восьмые классы, где много Зальцмановских любимчиков и стукачей, против Мишки. Учителя интеллигентные и порядочные – за статью. Елена целиком «за» и сказала Зальцману: «Ну что, дождался?» Зальцман, надо сказать, быстро оправился и со скоростью света ищет себе опору. Как мы и предполагали, завтра пойдут опровержения. Но что бы теперь не было сказано, всё это будет лишь оправданием.

18 апреля 1973 г., среда.

Зальцман в основном говорит о том, что пощечины Лене не было, Шунков, хоть и говно, но он его не обзывал, и вообще всё, что в статье написано, это ложь. Вчера он в своем седьмом классе провел опрос: «Кто считает, что статья права на все сто процентов?» Один Леня поднял руку. «Кто считает, что статья права на 70 %?» Три человека подняли руку. «Кто считает, что статья права на 50 %?» Два человека подняли руку. Затем Зальцман спросил: «Разве я дал кому-то

пощечину?» – «Вы мне ее дали», – сказал Ляня. «Разве? – удивился Зальцман. – Я дал тебе просто подзатыльник». – «Ну уж, извините, Олег Михайлович, вы меня по лицу ударили». – «Тебе не так нужно было еще дать», – злобно сообщила Зальцмановская любимка комсорг Захария. Зальцман этот разговор замял, поскольку в классе дети загудели. Как-никак, а эту сцену видели тридцать человек. <...>

Сегодня второй день, как висит Мишкина статья. Вчера возле нее была жуткая толпа и давка. Сегодня многие читают, но давки уже, слава богу, не было. Мишкина редколлегия отнеслась к публикации статьи по-разному. Сегодня уже Митрофан, узнав, что начальство статью одобрило, назвал Мишку «смелым человеком». Елена Даниловна сказала, что статья совершенно отличная. И вообще, очень много учителей целиком с Мишкой согласны. Что удивительно, даже Тамара Абрамовна Фельдман. Она сказала: «У Шункова есть гражданское мужество, и за это я его уважаю». Мишка был потрясен. Посмотрим, как события будут разворачиваться дальше. Во всяком случае, мстить Мишке Зальцман остережется. Елена не даст нашего парня в обиду. Единственно, что по литературе он получит четыре, а не пять. Ниже он поставит ему не осмелится.

Еще одна новость: что-то продвигается с Мишкиным кооперативом. Инесса Александровна сама звонила к ним домой и сказала, что надо ехать куда-то такое в четверг Мишке вместе с бабушкой.

Мы с Димусей еще раз убедились, что чудес не бывает. Насчет памятника И.Е. Тамму все переигралось. Две суки, которые были против, написали жалобу, что так как на совете не было кворума, не хватало двух третей членов, а вещь формалистическая, нереалистическая, непартийная и т. д., надобно считать решение этого совета недействительным. Главный шеф Калашнев⁷⁵ постановил немедленно собрать совет в полном составе, на котором вещь будет непременно загроблена. Это сообщил парень, член совета, который как раз занимается выставками и панорамами, и сам голосовал «за». Именно ему поручено собрать совет в полном составе. Он нам и посоветовал, поскольку вещь вещь уже готова, изобразить из себя невинных, знающих только первоначальное решение совета. А тем более, имея штамп АПУ, как можно скорее ее установить, с тем, чтобы оплаты добиваться после. Дима говорил с Витей Гинзбургом, и тот сказал, что физики соберут еще две тысячи, чтобы можно было вещь выкупить и установить. Это очень здорово, так как в Худфонде решили дело о цене за эту скульптуру в Димину пользу, то есть он будет платить за нее столько, сколько положено по договору, а не в два раза больше, как ему назначили совершенно неожиданно, будто бы по новому закону оплаты за творческие работы авторов, исполняемые комбинатом. Таким образом, Дима заплатит 800 рублей комбинату, семьсот каменщикам, как договаривался, рублей двести за фундамент и оформление могилы, сотни полторы за установку, и ему почти ничего не останется, но это ничего, так как мы с голоду не помираем. Скульптура на Девичке

⁷⁵ Калашнев Филипп Васильевич (1913–2002) – с 1958 г. оргсекретарь правления СХ РСФСР, с начала 1960-х гг. начальник управления изобразительного искусства Министерства культуры РСФСР.

будет стоять, а после установки можно будет качать права и добиваться, чтобы эту вещь оплатили.

Спектакль на Таганке «Товарищ, верь»⁷⁶. Позвонил Веня и предложил два билета на этот спектакль, сказал, что он достал их с огромным трудом и даже не дал своим родителям, чтобы Дима смог посмотреть. Дима посмотреть не смог – Инна Бернштейн еще неделю тому назад просилась прийти с румынами и канадцами. И поэтому мы пошли в театр с Тамарой Хачатуровой. Мишка хотел обидеться, что я пошла не с ним, потом мы ему объяснили, что мы обещали сходить с Тамарой, и он успокоился. Я, конечно, билеты быстренько выкупила. Веня позвонил еще раз и, узнав, что Дима не сможет пойти, очень пластично разыграл обиду.

Спектакль о Пушкине, но имеет к нему очень малое отношение. Стучат, шумят, пляшут, хлопают бичами, бегают со свечками, палят из пистолета. На этом фоне с воплем изрыгаются стихи Пушкина четырьмя очень милыми молодыми людьми и пятым, на вид чрезвычайно уродливым, но загримированным под Пушкина, поэтому он смотрится как злобная карикатура. Пьеса – то ли монтаж Пушкинских писем и стихов – написана Целиковской⁷⁷ и Любимовым. Что хорошего может написать Целиковская? Ничего. Пушкин, так же как и Шекспир, не по зубам Юрию Петровичу и его симпатичным мальчишкам. Например, когда один «Пушкин» сидел в черном возке и, боясь то об одну сторону возка, то другую, рыдающе взывал: «Буря мглою», – хрясь об одну стенку, «Небо кроет», – хрясь о другую, то просто страшно становится. Или, например, берут пушкинский сюртук, держат его на весу за две фалды и за рукава, а кверху приставляют гипсовую жуткую маску. Получается чучело, только что не на палке. В общем, из всей трагедии вышел безвкусный фарс, очень благосклонно принятый публикой. Мы с Тамарой тоже стояли и хлопали довольно долго, особенно, когда вышел седовласый и благородный Юрий Петрович Любимов и отечески подтаскивал своих обаятельных детей к публике. Я вспомнила школу и своих детей и умилилась. Тамаре спектакль понравился, мне нет. Она на Таганке впервые и ей это зрелище в новинку, а вчера, когда мы с ней подробно разбирали спектакль, то хаяли его наперебой. Тамара к тому же очень испугалась, когда двери зрительного зала раскрылись и актеры поперли сквозь ряды зрителей, изображая Евгения Онегина, когда тот прибыл: «Театр уж полон, ложи блещут». Тамара испугалась, что ей сейчас по ногам пойдут. Потом там была еще сцена «Бориса Годунова». Всё они интересно делают, со свечками стоят, Мусоргский, поют, молятся. В конце заслоняют свои лица до глаз листами белой бумаги, а глазами из всех сил таращатся в зал. «Народ», – торжественно провозглашает один

⁷⁶ ««Товарищ, верь», поэтическое представление, письма Пушкина... к Пушкину... о Пушкине...» – пьеса Л.В. Целиковской и Ю.П. Любимова, постановка Ю.П. Любимова, художник Д.Л. Боровский. Артисты: Ф.Н. Антипов, Р.Х. Джабраилов, И.В. Дыховичный, В.С. Золотухин, В.А. Иванов, В.А. Погорельцев, Г.М. Ронинсон, Л.А. Филатов и др. Премьера состоялась 11 апреля 1973 г.

⁷⁷ Целиковская Людмила Васильевна (1919–1992) – актриса театра и кино. Звезда советского киноэкрана. Народная артистка РСФСР (1963). Почти двадцать лет была в браке (для нее пятом) с Ю.П. Любимовым. Очень активно участвовала в жизни Театра на Таганке.

«Пушкин» и замолкает. Глаза таращатся в зал. Длиннейшая, томительнейшая пауза. Наконец, публика не выдерживает и чуть-чуть двигается. Тамара тоже не выдержала и говорит мне тихо: «Безмолвствует». Мне делается смешно, кое-кому из публики тоже. Со сцены это слово так и не произносится. Вытаращенные глаза должны были изображать это безмолвие. Было кое-что и хорошее, но я сейчас уже не помню что. Старый артист Ронинсон⁷⁸, изображавший старую цыганскую бабу в юбках, с бубном лихо отплясывал вокруг усатенького «Пушкина», двигал грудями и дрыгал мужскими оголенными ногами в носках и ботинках. Публика бесновалась от восторга. Действительно было смешно, но при чем здесь Пушкин? Хорошо играл актер Иванов⁷⁹ Николая Первого. Образ получился чем-то даже положительный. В итоге я могу сказать, что «Гамлет» – спектакль значительно лучше этого. Там тоже недостаточно глубины и философии, но спектакль более цельный, умнее и интереснее.

В театре я познакомилась с Бэном Сарновым⁸⁰ и его женой, это друзья Тамары Хачатуровой. Сарнов правильно сказал, что этот спектакль на уровне песенки Булата Окуджавы «А все-таки жаль...», но не на уровне Пушкина. Я думаю даже, что песенка Окуджавы лучше, чем этот спектакль. Во всяком случае, она проникновеннее и серьезнее, чем спектакль. Сарнов сказал еще, что у него очень голова разболелась. Он сказал: «Представьте, что вы идете в консерваторию слушать Моцарта, а услышите стук, крик, выстрелы из пистолета, хлопанье бичом и щелканье колотушкой, а потом откуда-то из-под стула вылезет виолончелист и начнет исполнять Моцарта».

19 апреля 1973 г., четверг.

По радио сквозь глушилки просачиваются всякие любопытные байки. Во-первых, сказали, что советское правительство официально уведомило США, что налог на отъезжающих из СССР евреев отменен. Во-вторых, Аксенов и Поженян, будто-бы, распространяют в самиздате письмо, где говорят, что Евтушенко – жулик, авантюрист, и что Вознесенский и Окуджава тоже прекратили с ним всякие отношения.

В школе у Мишки жизнь бьет ключом. Появились ответы на его статью. Четыре ответа, защищающие Зальцмана. Написаны, конечно, по-детски и впопыхах. Одни даже высказались в стихах:

Шунков и рвет и мечет,
Пришла его пора.
Он Зальцмана калечит
Ударами пера.
И т. д.

⁷⁸ Ронинсон Готлиб Михайлович (1916–1991) – актер театра и кино. В Театре на Таганке играл с 1964 г. Народный артист РСФСР (1989).

⁷⁹ Иванов (Иванов-Таганский) Валерий Александрович (р. 1943) – актер, писатель, драматург, режиссер. В 1966–1977 гг. артист Театра на Таганке. В спектакле «Товарищ, верь» исполнил роли Николая I и Дантеса. Заслуженный артист РСФСР.

⁸⁰ Сарнов Бенедикт Михайлович (1927–2014) – литературовед, критик, писатель, журналист.

Вчера Елена пришла в Мишкин класс на физику и попросила газету снять в связи с тем, что приезжает швейцарская делегация и еще какая-то инспекция, которым ни к чему знать внутришкольные дела. Мишка, к счастью, успел переписать все ответы и сделает уже в своем журнале специальную подборку со своим заключительным словом. Ида сообщила мне под большим секретом, что Елена собрала «треугольник», куда вызвала Зальцмана, и сказала, что все факты, описанные в статье, верны, хотя он это отрицает. И только за одну пощечину Лене она обязана снять учителя с работы, но пусть эта история послужит Зальцману предупреждением. Якобы Зальцман признал все свои ошибки, пообещал, что всё учтет и дальше будет за собой следить. Я, естественно, ему не верю. <...>

Если с кооперативом что-нибудь получится, то это будет совершенно прекрасный вариант – две комнаты в доме первой категории, недалеко от метро «Проспект Вернадского», который должен построиться буквально в течение нескольких месяцев. Мы с Димой считаем, что мать Мишкина и Слепышев должны заплатить половину паевого взноса, так как им на троих остается трехкомнатная квартира. Сами они раньше думали тоже вступать в кооператив, следовательно, деньги у них есть.

20 апреля 1973 г., пятница.

На Диму напала мрачность. Со вчерашнего дня он начал говорить о бессмысленности, никчемности всей жизни, всей деятельности, и вообще. Все время он плохо спит, ему снятся всякие жуткие сны, и чтобы не досматривать их до конца, он сам себе говорит: «Пора просыпаться», и просыпается. Он целый день с утра до ночи вкалывает. Почти доканчивает памятник Володе Полетаеву. Наталья стала гораздо лучше печатать. Наконец Дима ее хвалит. Юра Никитин страдает оттого, что лопнула его любовь, и пишет об этом прочувственные стихи. Маша, наконец, вняла его призывам «подумать», подумала и решила, что ее чувство к Юре не настолько сильно, чтобы бросить своего жениха и связать жизнь с женатым человеком, у которого двое детей. Мы с Димой считаем, что она поступает вполне прилично, хотя бы потому, что сообщила об этом Юре вовремя. Юра же вернул себе свою жену, которая, вдруг поняв, что теряет его, стала за него цепляться и готова идти на всё, лишь бы сохранить семью. Опять же Аня, Юрина любовница, тоже почувствовала к нему тяготение в тот момент, когда поняла, что он может ускользнуть. Таким образом, Юра при помощи Маши сразу вернул себе две бабы, которые раньше очень сильно трепали ему нервы.

На днях звонил Эдичка. Он вернулся из Переделкина и сказал, что чувствует себя очень фигово.

В мастерскую приходила театровед, девушка Оля⁸¹ с подружкой. Я даже удивилась, как эта девушка, такая молодая, так хорошо разбирается в искусстве. Забегали Юрочка с Ленкой. Ленка в джинсах американских. Прибежала оживленная,

⁸¹ Имеется в виду Вайсбейн Ольга Самуиловна (р. 1950) – театровед. В 1974 г. она сыграла роль ожившей куклы в фильме, снятом О. Киселевым и В. Сидуром. Мать Дмитрия Вадимовича Сидура (р. 1975).

через минуту посинела, стала кашлять и есть всякие таблетки. Не везет Димухе – сам дохлый и девка у него квелия, несмотря на юность. Смотрит она на Диму с любовью. Приходила еще одна бывшая ученица нашей школы Танька Костенко, Наташкина одноклассница. Она студентка строительного института. Из нее так и сочится желание общаться. Пусть иногда приходит, Дима говорит, что она ему не противопоказана.

Сыночек наш никаких двоек не получал, ни с кем не поругался и в школу не опоздал. Дело со статьей постепенно затихает, хотя все знают и понимают, что Зальцман ничего не забудет и не простит. Во всяком случае, на сегодняшний день победа явно за нами, а там посмотрим. Сегодня они съездили с бабушкой за решением, вернее, за ходатайством от Академии наук насчет кооператива. <...>

Сегодня я прошлась по магазинам по Комсомольскому проспекту. Как истая советская гражданка, которая живет по принципу «хватай, что дают, а то потом не будет», я наткнулась на клюкву в пластмассовой упаковке, уже некоторое время исчезнувшую. Дима очень страдает без этой клюквы. За свою жадность – я схватила десять штук – я тут же поплатилась. У меня были авоськи, и я еще купила какао, так как оно тоже становится дефицитом, хлеб, что-то еще. Три пластмассовых клюквы не выдержали, прорвались и потекли. Я как угорелая неслась к мастерской, истекая клюквой, сердобольные граждане кричали мне вслед, что у меня что-то течет. В итоге пришлось мне остановиться, выкинуть три банки (о ужас!) и с липкими авоськами продолжать свой путь, даже не страдая, оттого что я не стою в совершенно безумной очереди за хреном в майонезовых баночках. Господи, неужели у нас всегда будут очереди!

Еще я исхитрилась ухватить три сетки с яблоками. Эти сетки только поднесли, и я успела их ухватить до того, как установится за этими яблоками длиннющий хвост.

Еще было в мастерской одно посещение. Пришли моя мама и тетя Аида. Они тоже настоялись по очередям, но купили яблоки, клюкву и Диме венгерские сандалеты за 14 рублей. Селедку из магазина «Океан» они оставили себе. Сандалеты несколько топорнае, но удобные.

Какие-то американцы бузили сегодня в ОВИРе, пели еврейские песни и бушевали. Их посадили, но, наверное, ненадолго.

Вот такой был жуткий, утомительный день.

22 апреля 1973 г., воскресенье.

Мы с Мишкой сегодня довольно сильно поругались, затем помирились. Началось всё с того, что ему захотелось мыть окно, а мы были против, потому что холодно, и он мог бы простудиться и заболеть. Потом он начал говорить, как всегда: «Вы меня хаеете... вы меня обижаеете... вы меня обидеть хотите». После всего этого он убежал очень сердитый и несчастный. Потом пришел и сказал, что мы должны его понять. Вечером я их с Димой оставила, и Мишка рассказывал, как ему трудно играть на Палихе роль командира, а здесь вроде бы нам с Димой подчиняться.

Вчера после долгого отсутствия нас, наконец, посетила Юнна. В их доме морили клопов, которые, остервенев, все полезли в Юннину квартиру, в результате

чего искушали Митю. Мишка наш столько про Юнну слышал, что очень томился, стеснялся, напрягался, пока, наконец, совсем ушел спать. Я поразилась, до чего наш парень был скованным.

Юнна очень оценила монографию. Рассказала о расколе среди поэтов и писателей. Похилилась насчет твердой уверенности, что не надо уезжать. Сказала, что на крайний случай могла бы уехать, если бы, например, Дима уехал. Очень она довольна своим сыном Митей. Ей сейчас ужасно фигово, Игорь денег на парня не дает и вообще куда-то исчез. Мать уехала в Киев, где умирает от рака печени Юннин отец. Юнна с трудом нашла себе какую-то тетку, няньку для Мити, и ужасно боится ее потерять. До нее наконец дошло, что наше общество существует только «ради барахла». Около часу ночи мы с ней пошли искать такси. По дороге к нам в поисках такси припелся какой-то пьяный финн, молоденький, беленький и похожий на поросеночка. В очереди стоял злобный, пьяный, белоглазый мужик и мерзко матерился, пытаюсь говорить в адрес финна всякие гадо-сти. Мы, естественно, попросили его заткнуться. Финн ничего не понимал, плясал, пел: «Калинка-малинка моя...» и кричал: «Холодно». Пьяный мужик пытался влезть в то же такси, что Юнна, которая решила взять с собой финна, так как им по дороге, но тут уж мы с Димой очень яростно на ту сволочь накинулись, так что он удалился, все-таки нас обматерив. Пятая часть населения СССР именно такая. Ужасно так думать, но я бы с удовольствием его застрелила, если бы у меня была такая возможность, и потом несколько бы не жалела. Этот человек – фашистская блядь в чистом виде.

23 апреля 1973 г., понедельник.

Девушка из нейтрино

На днях Дима звонит мне домой из мастерской:

– Сейчас ко мне приходила девушка из нейтрино. Догадайся, кто?

Я стала думать.

– Ну, напрягись, Нельская, кто может быть из нейтрино?

– Колодко, – сказала я.

– Точно, ты гений. Открываю дверь, стоит старая пьяная проблядь. Говорит: «Дима, пусти нас ненадолго». – «Нет, – говорю, – Валя, никак не могу тебя пустить, я очень занят». Погоди, кто-то звонит.

Через две минуты Дима снова берет трубку:

– Это опять она. Распустила по плечам свои волоса. Сверху стоят какие-то парни с девкой, кричат: «Валя, Валя». – «Это, – говорит, – мои друзья с курсов. Пусти нас, нам только позвонить». – «Нет, – говорю, – Валя, я очень занят, как-нибудь в другой раз». – «Другого раза не будет». – «Я очень сожалею, но сейчас очень занят. И вообще, здесь сквозит, мы с тобой простудимся». – «Мы простудимся», – говорит она с усмешкой. – «Я, простужусь, Валя. Всего хорошего».

Это уже третий человек из прошлого, связанного с Лемпортом и Силисом. Никого из них Дима в мастерскую не пустил. Первая была Силисовская Гуллер, которая доказывала Диме, что она хочет быть с ним «друзьями». Потом рвался Коваль, тоже безуспешно. И, наконец, Колодко, самая из всех зараза. Я удивляюсь, почему у них гордости нет.

Дима говорит, что вчера, когда Мишка с ним беседовал, он сказал, что больше всего боится с нами поссориться и разойтись. Никто с тобой не собирается ссориться, родной глупыш! Не хочет мальчик быть взрослым. Хочет быть маленьким и чтобы мы ходили втроем гулять, а он между нами и мы держим его за ручки.

Еще одно зрелище сегодня надрывало мне сердце. В метро мы встретили сына Ии Саввиной⁸². Он даун. Ему, наверное, уже лет 15–16, а выглядит он лет на 10. В метро на эскалаторе его держала за руку какая-то девочка, а с ней была подружка. Он очень аккуратно одет и с портфелем. Выйдя из метро, девочки его оставили. Мы с Димой сразу поняли, что это Сережа. Я встретила с ним глазами и увидела вполне осмысленный голубенький взгляд. <...> Лицо его было радостным, это нас с Димой поразило. Он аккуратно перешел через дорогу и пошел вполне нормальной походкой. Возле афиши остановился и стал ее разглядывать. Со спины это был вполне нормальный, несколько толстый ребенок. Я вспомнила, как лет тринадцать назад мы были у Ии Саввиной на дне рождения. Мальчику было годика три, и было видно, что он даун. Ия что-то пела, а он сидел рядышком и подпевал ей, не искажая мелодии. Я еще тогда подумала, что, даст бог, этот беленький мальчик выправится. Сейчас Ия от Севы ушла, Сева с другой какой-то бабой, а за ребенком, небось, бабака, Севина мать, смотрит. За что людям такая кара!

У Натальи болит голова, жутко мучается девка. Работает она сейчас хорошо, Дима доволен. Он ейчас только и думает, как бы ему установить памятник И.Е. Тамму. У Димы слева в горле торчит уже бог знает с какого времени бобон. Сегодня он снова пытался выдавливать его ложкой, но не получилось.

По радио невозможно было ничего услышать. Теперь глушат декаофоническим сюрреализмом. Пробились сведения, что на Украине что-то ругательное опубликовали про Шелеста и, скорее всего, его теперь выведут из состава Политбюро. Также на Украине якобы сняли полно народу «за некомпетентность».

Мишка получил двойку по физике и не написал контрольную по геометрии. Этого следовало ожидать, так как он уже очень давно не учит уроков.

25 апреля 1973 г., среда.

Полдня мы с Димой недомогали. У него болела нога, поташнивало, у меня всякие женские недомогания отравляли жизнь.

Позвонила Тамара Хачатурова. У нее совершенно кошмарная ситуация. Отец⁸³, 83 года, лежит, еле дышит. Мать⁸⁴, 73 года, уже второй или третий день лежит

⁸² Имеется в виду Шестаков Сергей Всеволодович (р. 1957) – художник.

⁸³ Хачатуров Константин Исаакович (1890–1973) – математик, выпускник Санкт-Петербургского университета, участник Первой мировой войны. После революции вступил в партию. Познакомился и работал вместе с Ф.Э. Дзержинским, когда тот был наркомом путей сообщения (1921–1924). Ф.Э. Дзержинский рекомендовал его С. Орджоникидзе (который с 1922 г. был первым секретарем Закавказского крайкома РКП(б), с 1926 г. наркомом РКИ и зам. председателя СНК СССР). В 1930-х гг. зам. директора Научно-исследовательского физико-химического института им. Л.Я. Карпова (директор академик А.Н. Бах). В 1941–1945 гг. в звании майора принимал участие в Великой Отечественной войне.

⁸⁴ Капитонова-Хачатурова Полина Александровна (1900–1979).

больная с температурой 38° и у нее постоянная рвота. Сегодня у отца тоже вдруг поднялась температура. Конечно, мы с Тamarой никуда не пошли, как вчера договаривались. Она хотела познакомить меня с Эйдельманом⁸⁵, который написал про Лунина.

К вечеру и мне и Диме стало полегче. Он свидался с Ленкой и она его утешила, а я сама оклемалась. Дима у меня совсем сумасшедший сделался, в смысле женщин. Он всегда их любил, но к пятидесяти годам, наверное, совсем свихнется. Его счастье, что он может со мной поделиться, и я отношусь к этому снисходительно, потому что понимаю его эротоманство. Чем-то он мне напоминает нашего кота Марамзика с двенадцатого этажа, который так же любит кошек, как Дима женщин. У них у обоих одинаковые ласковые ужимки, хотя оба они коты немолодые и здоровьем не отличаются. Дима, насквозь хворый, в чем душа держится, а у Марамзика одно ухо в лишаях и другие раны на теле. Вчера Дима встретил в троллейбусе одну молоденькую девчонку, которая сама спросила у него время и всячески хотела познакомиться. Дима не решился на этот подвиг и теперь будет сожалеть примерно неделю. Это при живой Ленке восемнадцати лет. Я уже не говорю про себя – жена не в счет. Рассказывая, Дима постоянно повторяет, тараша свои хитрые глазки: «Прости, что я такой негодяй». У него никого, кроме меня, нет, чтобы поделиться. Я на Ленку не сержусь, хотя она привыкает к Диме все больше и больше. Единственное слабое утешение, что она гадала с блюдцем, и ей предсказано выйти замуж в 22 года, в Армении, за Андрея.

Дима всерьез начал учить Наталью. Эта девушка, слава богу, никаких греховных желаний у него не вызывает. Она стала хорошо печатать гравюры, и теперь Дима послал ее в Музей Пушкина изучать скульптуры – ноги, руки и всё остальное, а также сказал, чтобы она посмотрела мексиканских художников и дала полный отчет, что понравилось, что не понравилось и почему. Дима решил, что Наталье пора всерьез научиться ремеслу, а не только делать сходу наброски, этого уже мало.

Дима уже придумал до конца «Мадонну» из гипса и железок с искусственными глазами. Он почти кончил памятник Володе Полетаеву. Сейчас ему приходится вести ежедневные разговоры с каменщиками, чтобы они установили памятник И.Е. Тамму. Это требует много времени и сил.

Вечером приехал соскучившийся Мишка. Ребенок желтый, усталый, жалуется, что болит гова и живот. Сегодня они в классе писали сочинение по советской литературе. Мишка писал об интернациональном характере советской литературы – была такая тема. Закончил выдержкой из стихотворения Евтушенко «Бабий Яр». Трудно писать что-нибудь хорошее на тему «Пуускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм»⁸⁶. Для школьника, Мишка, по-моему, написал очень хорошо, но пять Зальцман ему, конечно, не поставит.

⁸⁵ Эйдельман Натан Яковлевич (1930–1989) – историк, писатель. Его книга «Лунин» вышла в Москве в издательстве «Молодая гвардия» в 1970 г.

⁸⁶ Строка из поэмы В.В. Маяковского «Во весь голос» (1930).

27 апреля 1973 г., пятница.

С утра приехали Юра Никитин и Леня Крейндлин. Димушка поехал с ними на Девичку. Взяли они с собой песок, камни, ведра и цемент. До четырех они делали фундамент под памятник И.Е. Тамму. Все очень устали. Мы с Натальей сидели в мастерской. Она печатала, а я с ней беседовала о школе. Мы с ней вспоминали школьную жизнь – она ученическую, а я учительскую. Позвонил Мишка. Он имел беседу с Кириллом К., семиклассником, который грабил чужую школу с бандой. Этот несчастный слабовольный мальчик, очевидно, очень одинок. Во всяком случае, он сказал Мишке, что Зальцман все время его шантажирует и говорит, будто бы Мишка написал статью только из-за Кирилла. Мишка сказал, что это ложь, он не хотел позорить Кирилла, а написал про Зальцмана. В итоге они пожали друг другу руки, и Мишка пообещал Кириллу полную поддержку.

3 мая 1973 г., четверг.

Я не писала так долго из-за Мишки, все праздники он был с нами и писать было некогда. Кроме того, Гдаль дал нам «Вторую книгу» Надежды Яковлевны Мандельштам. В ней 700 страниц, но я прочла неотрываясь и теперь сожалею, что книга все-таки кончилась. Зачем этот старый хрен Каверин опозорил себя на закате своей жизни? Дима считает, что все старики, обиженные Н.Я. просто-напросто завидуют ее таланту. Они писатели, а ничего хорошего написать не могут, а старуха, не писательница, написала потрясающую книгу о нашей безумной эпохе.

За эти дни я была дома у Тамары Хачатуровой. Она совершенно замечательная женщина. Ничего хорошего ей не предстоит – и мать и отец, оба больны и лежат. Отцу 83 года, матери 73. Два седеньких старичка лежат в отдельной комнате на двух кроватках и качают головами. Я сразу вспомнила пьесу Беккета «Конец игры»⁸⁷. Мама с трудом передвигается, отец лежит. Ухаживает за ними одна Тамара и ежедневно ходят врачи из больницы для старых большевиков.

Мне обязательно нужно записать три вещи: 1) Тамара на Лубянке в 1948 г. 2) Тамара и Солженицын. 3) Тамара и премия Французской академии.

Первого мая у нас в гостях были мои дети, Наталья и Алик Киселев с Таней. Мишка выдержал присутствие людей вполне нормально. Он нашел у старушки Рябовой, подруги бабушкиной, сюртук начала нашего века, напялил его на себя и ходит так по улице. Очень похож на молодого пастора. Он так увлечен эти сюртуком, что нам даже надоело. У Алика в театре кризис. Побросали его талантливые артистки-девчонки. Жаль будет, если он не поставит нового спектакля.

Воловников, совершенно влюбленный в Ленку, написал ей какое-то совершенно безумное послание, что жить без нее не может. Бедный мой мальчик, она совсем его не любит. Если бы она даже не любила Диму, его она все равно бы не любила.

Толя Гитберг хочет учить английский язык. Он твердо решил ехать. Милка не хочет и ее родители, конечно, тоже.

⁸⁷ «Конец игры» (*Endgame*) – абсурдная пьеса, написанная С. Беккетом в 1957 г.

4 мая 1973 г., пятница.

Тамарин отец занимал какой-то высокий пост и был вхож к Сталину. Ничего приятного от этого знакомства он не имел, так как Сталин хотел, чтобы он подсиживал Орджоникидзе, а Тамарин отец этого не хотел, и Сталин для острастки посадил его на полгода. Из всей грузинской семьи Тамариного отца он один в России сейчас жив. Один брат у него расстрелян, другой умер в лагере, сестра тоже умерла⁸⁸, и только самый младший брат, который уехал еще давно во Францию, жив, процветает и является членом Французской академии. Он очень известный горный инженер. Когда-то, когда Тамарин отец был послом в Италии⁸⁹, то ли в Швейцарии⁹⁰, где Тамара и ее брат⁹¹ родились, дядя Тамарин очень уговаривал ее отца не возвращаться в Россию, или хотя бы не брать с собой детей. Отец не послушался и вернулся. Здесь и начались у них всякие беды. Тамара знает французский язык так же, как русский. Материально семья ни в чем не нуждалась, но жила в страхе. Тамара вышла замуж за конструктора Мишу Хачатурова. В 1948 г. его арестовали за то, что он не хотел делать атомную бомбу⁹². Тамаре было двадцать пять лет, и она была беременна на седьмом месяце. После ареста мужа к ней пришла повестка с вызовом на Лубянку. Она даже обрадовалась, так как надеялась повидаться с Мишей. Это было, кажется, 14 мая. Она пришла к десяти часам, хотя вызывали ее к одиннадцати. Пришлось подождать около получаса, а потом ее ввели в кабинет с зашторенным окном. В кабинете стоял стол и стул, на котором сидел следователь. Больше ничего не было, только на столе яркая лампа. Тамара заслонила глаза рукой и попросила эту лампу подвинуть. Следователь сделал вид, что не слышит. Потом следователь предложил Тамаре подписать письмо, где было написано, что ее муж – враг народа, сотрудничал с гитлеровцами и всячески вредительствовал. Лампа была в лицо, нельзя было опереться о стол, подойти к двери или к окну. Тамара сказала, что хотела бы увидеть своего мужа, чтобы поговорить с ним и спросить, правда ли то, что в этом письме было написано. Следователь потребовал, чтобы она отреклась от мужа во имя ее будущего ребенка. Тамара не соглашалась. Через каждые два часа следователи менялись, а Тамара все время стояла. Наконец, она сказала, что

⁸⁸ Старший брат отца Шахро (Захар) Исаакович был агрономом, средний брат Григорий Исаакович – врач, участник Первой мировой войны, Георгиевский кавалер, несколько раз подвергался арестам, умер в ГУЛАГе, сестра Тамара Исааковна – врач, умерла в молодости от саркомы, двоюродный брат и близкий друг отца – Николай Александрович Хачатуров (р. 1885), гидростроитель, был арестован в 1939 г. и застрелен «при попытке к бегству».

⁸⁹ В 1928 г. К.И. Хачатуров был направлен в Италию, но вскоре отозван обратно, не вступив в должность. В Италии родился брат Т.К. Хачатуров Борис, сама она родилась в Москве.

⁹⁰ В Швейцарию и во Францию (Бретань) Т.К. Хачатурова ребенком ездила на лечение от ревматизма.

⁹¹ Хачатуров Борис Константинович (1928–1994) – геофизик-сейсмолог, нефтяник. Начальник северных нефтегазоразведочных, геологоразведочных и сейсморазведочных экспедиций и геофизических предприятий (1952–1994). Был еще один брат, Хачатуров Константин Константинович (1920–1945), он умер сразу после окончания войны, получив ранение в ее последние дни.

⁹² Юлия допускает в своем пересказе неточность. Муж Тамары Константиновны Хачатуровой: Егорьев Михаил Александрович (1918–1963) – математик, военно-морской офицер. Был арестован в ходе подготовки «Ленинградского дела».

если бы она увидела сейчас своего мужа и он подтвердил бы то, что написано в письме, она бы все равно ему не поверила, потому что теперь знает, каким образом от него этого добились. У нее отекли ноги и она сняла туфли. В пять часов утра она потеряла сознание, через некоторое время очнулась. Ее вывели через внутренний двор на улицу, и она в чулках, без туфель добрела до дома. Ребенок у нее умер, не родившись. Ее выгнали тут же из университета и прислали бумагу, где было сообщено, что ее мужу расстрел заменяется двадцатью годами лишения свободы. Она высчитала, что через двадцать лет ей будет сорок пять и стала присматриваться к сорокапятилетним женщинам. Муж ее вышел через семь лет, через два года после смерти Сталина. Ему вернули все ордена и произвели в контр-адмиралы. Еще через семь лет он умер от сердечного приступа, не дожив до пятидесяти лет. Семью Тамарину из особняка, где у них с Суловым была общая кладовка, постепенно переселяли до той трехкомнатной квартиры на ул. Крупской, где они живут сейчас втроем.

С Солженицыным Тамара познакомилась в шестидесятом году, еще до того, как он сделался знаменитым писателем. Ее сестра Нина⁹³ работала в Рязани врачом и была знакома в основном с женой А.И. Натальей Алексеевой.

8 мая 1973 г., вторник.

Сегодня встали рано и поехали в Бабушкино. Дима очень паршиво себя чувствовал. Поставить скульптуру не удалось. Правда, мы встретились с Ваней Дубликом на Девичке, и он отмерил место до могилы. Оказалось семь с половиной метров, кран Дубликова друга вытягивает стрелу на 7,35 метра. Так что поставить будет можно. Решили обязательно установить десятого с самого утра, если ничего не помешает и если Димушка не расхворается. На кладбище встретили Леню Штутмана, Рудольфа и того самого парня, который, будучи новым членом худсовета, голосовал за принятие проекта памятника И.Е. Тамму. Несмотря на жуткую усталость, пошли к нам в мастерскую, потому что этот парень очень просился. Он сказал, что мы можем спокойно эту вещь ставить, а он скажет Калашневу, своему шефу, что авторский коллектив не готов. Что касается денег, то потом надо будет искать возможности для их выручки. Разрешение у нас есть. Нерода, председатель, объявил, что равное количество «за» и «против» всегда в пользу скульптора и заказчика. Было сказано, что вещь принята, все присутствующие это слышали. Конечно, Голованов этого так не оставил. Калашнев, который хотел подписать протокол, был им остановлен. Голованов заявил, что вещь формалистическая, и впервые такое происходит в Министерстве культуры. На этого парня, голос которого был решающим, очень косо посмотрели. Его поругали и Калашнев, и Голованов, сказав, что они представляют не свою точку зрения, а точку зрения Министерства культуры. Когда ушли Рудольф и Леня, парень этот, Слава, долго рассказывал нам про свою жизнь. Он явно неплохой парень и хотя ничего подобного на то, что увидел у Димы, не видел нигде, несколько обалдел и даже понял кое-что.

⁹³ Хачатурова Нина Константиновна (р. 1919) – хирург, участница Великой Отечественной войны. Единоразовая сестра Т.К. Хачатуровой.

Рудольф говорил со мной отдельно об Эрнсте. Он сказал, что виделся с ним вчера и долго гулял с ним по городу. Эрнст невероятно интересовался тем, что делает Дима, много Рудольфа расспрашивал. Рудольф сказал, что Эрнст очень хочет зайти к Диме и посмотреть, но «смущается». Я говорю: «Что ему смущается? Мы никогда с ним не ссорились, отношения всегда были ровные и почти без напряжений. Поэтому, если хочет, пусть приходит». Дима тоже сказал, что если Эрнст хочет, пусть приходит. Потом Руди говорил, что, всё внимательно посмотрев, думает, что Дима всех перепрыгнул, выскочил в самые первые и т. д. Эрнст же, на его взгляд, переживает некоторый спад. Я не знаю, что Эрик делает в мастерской, но помещать такие говнючие рисунки в «Литгазете» – это позорно⁹⁴. Не могу поверить, что он этого не понимает.

10 мая 1973 г., четверг.

Поставили мы памятник Игорю Евгеньевичу. Выглядит невероятно красиво. Целый день шел дождь, Дима чувствовал себя отвратительно. Под дождем происходила вся эта установка с начала до конца. Дима еле двигался, но сейчас счастлив. Оказались очень мастеровитые и толковые ребята – Иван Дуплик, Виталий <Суховерхов> и еще один мужичок. Повезло нам, что кран сломался именно в тот момент, когда фигура была поставлена, а не раньше. С утра мы совсем отчаялись и думали, что ребята не позвонят. Они все-таки позвонили. Пока шла установка, с края сын Белашовой⁹⁵ приводил в порядок могилу своей мамочки-покойницы, где ей установили ее собственную скульптуру. Лицо еще ничего, а всё остальное жуткое. Бронзовая вещь смотрится, как потонированный гипс. Может быть, потом это ощущение пройдет, потому что вещь будет на воздухе и потемнеет. Сын Белашовой и его подмоганцы с интересом смотрели на нашу скульптуру. Из Бабушкина приехали выдавать зарплату двое – кладовщица Наталья Никитична и какой-то дядька. Я удивилась, когда они сказали, что им очень нравится. «Там у нас была дырка какая-то, а здесь как красиво!» Очень приятно, что березка касается веточками скульптуру. Вообще, место отличное, несмотря на жуткие бюсты, которые окружают Димину скульптуру.

Дима и я вернулись в мастерскую с Иваном и Виталием. Еще на кладбище вся компания, кроме Виталия, раздавила пол-литра. Мы с Димой, разумеется, тоже не пили. Расплачиваться пошли к нам в мастерскую. Виталий лечится от алкоголизма. Не пьет уже четыре дня и принимает какие-то таблетки. Говорит, что очень страдает, но так как воля у него слабая, он сам все равно не бросит. Иван Дуплик и пьет и курит, но очень хороший и даже деликатный мужик. В мастерской я с ним выпила водки. Он – почти стакан, а я треть стакана. Дима и Виталий чинно пили чай. Дима дал Ивану четыреста рублей, с тем, что после доделок вручит ему еще триста. В общем, все были довольны. К счастью, доделки очень небольшие, я их вообще не вижу, а Дима, конечно, видит, но тоже считает, что они не страшны.

⁹⁴ Имеется в виду рисунок Э. Неизвестного к рубрике «Научные среды. Полемика» // Литературная газета. 1973. 1 мая. С. 13.

⁹⁵ Белашов Александр Михайлович (1933–2011) – скульптор-анималист. Член-кор. Российской АХ (1995). Заслуженный художник РСФСР (1978).

Еще одно событие. Елена сегодня беседовала с Мишкой целых полтора часа. Мишкина классная руководительница Лена Слуцкина сгоряча чего только ей не наговорила. Она сказала, что Елена подлая, лицемерная, беспринципная и еще бог знает что. Елена совсем озверела. Мишке она вкрадчивым голосом говорила совсем не то, что раньше. Сказала, что он предал свою мать, а также может предать родину. Насчет святости матери распиналась очень долго. Сказала, что он написал такую статью про Зальцмана из мелкого тщеславия. Хотя до этого говорила, что статья отличная, а ответы на нее ужасны. Сказала Мишке, что он скользкий, и намекнула, что у него, конечно, будет хорошая характеристика. <...> Еще в начале разговора она вдруг сказала, что некоторые предатели едут в Израиль. Она сделала ударение на «иль», точь в точь, как всё наше правительство. Она многое что говорила в таком же духе, ведя при этом беседу в форме монолога, а не диалога. Тем не менее Мишка наш показал себя на высоте. Он не согласился с ней ни по одному пункту. Он попросил ее не говорить об отъездах в Израиль, так как это вообще не касалось их разговора о журнале. Насчет любви к матери, Мишка сказал, что вообще не понимает, почему она об этом говорит. Он живет дома со своей матерью, любит ее и Настю, а то, что Е. Д. намекает на Юлию Львовну, так он приезжает только раз или два в неделю, так как это общение ему необходимо. Что же касается отчима, то Мишкины с ним отношения никогда не наладятся. На это Елена тут же сказала, что она ничего про отчима не говорит и была удивлена тем, что Мишка живет на Палихе, а не у нас. Насчет грубых выражений в статьях Шамраковой, где та пишет «наплевать», то он считает, что это вполне литературное выражение, потому что даже в произведениях соцреализма, как, например, у Шолохова в «Поднятой целине», есть слово «дерьмо» и т. д. Мишка прорывался сквозь Еленино соловьиное трещание, чтобы всячески ее опровергнуть. В итоге она сказала, что «Кашалот» очень плохой журнал, именно этот номер, и что она, «посоветовавшись с коллективом», считает, что печатать его нельзя. Мишка сказал, что он уважает ее мнение, и учителей, поэтому журнал не выйдет. Мишка, конечно, его сделает, но в школу таскать не будет. Елена говорила про себя, что она тоже кому-то дала по морде и тоже сидит «между двух стульев», но она так и должна делать. А вот Мишке она бы по морде не дала, потому что он «скользкий». На это заявление Мишка рассмеялся. Елена, естественно, никому журнал не показывала, а просто соврала, как она всегда это делает, но осталась разговором с Мишкой недовольна, потому что мальчика переубедить не сумела. В школе она сейчас зверствует вовсю. Я только мечтаю, чтобы Мишка кончил школу.

11 мая 1973 г., пятница.

11 Димуся чувствовал себя чуть лучше, но все равно плохо. Посетил нас норвежский журналист с женой и годовалой дочкой. Очень активная девчонка. С ним был корреспондент по искусству, который взял несколько фотографий и хочет опубликовать материал про Диму⁹⁶. Как пожелание, Дима попросил пи-

⁹⁶ Имеется в виду Эгеланд (Egeland) Эрик (1921–1996) – журналист и критик. В 1945–1948 гг. лондонский корреспондент газеты *Morgenbladet* (Осло), в 1960–1970 гг. редактор отдела культуры

сать поменьше о политике, побольше об искусстве, так как пока мы живы, сыты, обуты и имеем крышу над головой в трех местах – в квартире, в мастерской и на даче. А что здоровья нет, так это от бога, а не от властей. Потом появился американский корреспондент Джон Шоу. Принес долгожданные четыре книги про Диму. Очень приятно. Дима сказал, что у него нет долларов, чтобы с ним расплатиться, но он может подарить ему скульптуру. Джон сказал, что для этого он подождет, пока приедет его жена. Этот Джон, видно, пьет много. У него очень смешное и даже странное лицо. Весь он белобрысый, нос какой-то кривой и короткий, глаза красноватые.

Вечером к нам пришла Тамара. Она удивительно хорошая женщина.

Тамара и Солженицын (продолжение)

Познакомилась с ним и его женой Тамара при очень интересных обстоятельствах. А.И. жил в Рязани, где работал учителем. С продуктами в Рязани, естественно, как и повсюду в СССР, было худо. Нина попросила Тамару отнести к поезду продукты А.И. и его жене, объяснив, как они выглядят. Те были поражены, увидев мчащуюся во весь опор девицу, которая боялась опоздать к поезду. Они никак не ожидали, что «адмиральша» может так выглядеть, и поэтому встретили ее холодно и недоверчиво. Она тогда впервые отметила, что Александр Исаевич имеет провинциальный акцент. Интересно, что я тоже это заметила, больше никто это не отмечал. Очевидно, потому что мы с ней занимаемся иностранными языками. Так Тамара с ним познакомилась и стала бывать у них в доме, а они у нее. Ее всегда удивляло, что супруги питались по отдельности, и Наталья Алексеевна жаловалась Тамаре: «Вот он отделяется, а я его поила и кормила после лагеря». Еще ее поражал царивший в этой семье дух соревновательства. Это уже после того, как А.И. опубликовал повесть «Один день Ивана Денисовича» и сразу же сделался знаменитым писателем. В семье считалось, что вот он, хоть и писатель, но она не менее талантливая пианистка. Тамаре было неприятно, когда Наталья Алексеевна говорила: «Конечно, мы так, как вы, не жили. По границам не ездили. Мы всегда во всем нуждались. Не то, что некоторые». Тамара, оказывается, была виновата, что в пятилетнем возрасте находилась в Швейцарии и не голодала. Потом Наталья Алексеевна начала ревновать к ней А.И. Она даже написала письмо Тамариным родителям. А.И. действительно предлагал Тамаре выйти за него замуж. Тамара не соглашалась, потому что не испытывала к нему никаких слишком сильных чувств, а главное – хранила верность своему умершему мужу. К тому же ей очень не понравилось, когда А.И. сказал: «Как жаль, что ты не чисто русская». Тамара все равно его любила, вернее, хорошо к нему относилась. Но его почитание чинов, вернее, желание общаться только с так называемыми «сливками» ее коробило. Еще один случай ее очень сильно в нем разочаровал. Она попросила его вступить за молодого поэта Делоне, которого в 1968 г. посадили за выступление против оккупации Чехословакии. А.И. устроил ей скандал, что за него она не заступает, а за других просит, хотя ему тяжелее

этой газеты. В 1970–1988 гг. обозреватель газеты *Aftenposten* (Осло), в ней 12 июля 1973 г. опубликовал статью *Fribetens og lidelsens sculptor i Sovjet-Unionen* и четыре фотографии, сделанные в мастерской В. Сидура.

всех. А.И. очень сильно переживал, что его исключили из Союза писателей и написал Тамаре огромное письмо, где говорил о том, что академики должны за него заступиться. Тамару к тому времени выгнали из ФИАНа, где она работала в библиотеке. Витя Гинзбург, хоть был в очень хороших отношениях с Солженицыным, а также и другие физики, заступаться за него не стали. Тамару очень раздражала его мания конспирации. Когда он пришел к физику Фейнбергу поведаться с Сахаровым, то прежде всего выгнал всех хозяев, а у Тамары попросил ножницы и перерезал телефонный провод. Но при этом он открыл окно и они с Сахаровым так орали, что Тамара вынуждена была прийти и сказать им, что они вопят так громко, что на Лубянке слышно. Чем более знаменитым становился А.И., тем менее она чувствовала к нему симпатию. Ее раздражало, что по телефону он говорил: «Это Исаич», из конспирации. Она ему сказала: «Зовитесь уж сразу Ильич». Встречались они обычно очень сложными путями. А.И. требовал, чтобы она запутывала следы – ехала на такси, потом возвращалась автобусом на старое место, и еще каким-нибудь транспортом добиралась до места свидания. Чаще всего они виделись у Люши. Он всегда говорил, что у него «все-го десять минут», а потом трепался целый час. Тамаре очень не понравился роман «Август Четырнадцатого». Когда же А.И. женился на второй своей жене, то Тамара сказала про нее: «Молодая лицемерка». Она считает, что та не по совести, а из расчета вышла за А.И. замуж. Наталья Светлова, полуеврейка, крестилась в угоду А.И. Ее крестной матерью была пианистка Юдина. Я видела эту старуху, она была совершенно сумасшедшая. Крестным отцом был А.И. <...> Юдину они бросили, потому что она им надоела.

А.И. все время просил Тамару приехать к нему одной. Она не захотела быть с ним tête à tête на даче у Ростроповича, где он тогда жил, и привезла к нему Сахарова и Турчина, он так рассердился, что сказал, что Тамара больше его никогда не увидит. Она это очень спокойно восприняла, но он позвонил ей ровно через две недели. Тамара всё ему высказала: и о его «святости», и о его непорядочности по отношению к жене, которая осталась больная и одинокая после операции на груди, и вообще его разоблачала. У него была своеобразная манера разговора – или он произносил длинный и страстный монолог, или начинал плакать. Когда он плакал, Тамара терялась и не знала, что сказать. Ей не нравилось, что когда она говорила о болезни стариков, он говорил: «Надо же, какая маленькая дочка». А если она приезжала на такси, то упрекал, что она сорит деньгами.

Будто бы после рождения Ермолая А.И. убежал из дома, но потом опять возвратился.

Тамара рассказала, как на даче у Ростроповича она видела А.И. за столом, заваленном портретами генерала Самсонова⁹⁷, и эта «творческая лаборатория» ей очень не понравилась. Когда она спросила у его жены, не вредно ли ей много печатать, А.И. взбесился и воскликнул: «Для чего же она тогда вообще здесь находится!»

⁹⁷ Самсонов Александр Васильевич (1859–1914) – генерал от кавалерии, командующий Второй армией во время Восточно-Прусской операции. Покончил с собой 17 августа 1914 г. после поражения при Танненберге.

Сейчас она с А.И. не видится, хотя Люша ее приглашала явно для свидания с ним. Но она сказала, что у нее старики болеют, и она не может их надолго оставить.

Из всего этого рассказа мы с Димой не изменили своего отношения к А.И. Какие бы глупости он сейчас не совершал, он все равно уже вошел в историю. Жаль только, что он перестал писать хорошие вещи. Роман о генерале Самсонове <<Август Четырнадцатого>> насквозь придуманный, звучит достаточно фальшиво и бездарно. Никакие «узлы» его не спасли.

Что же касается первой жены, то никакого умиления она не вызывает. Она портила ему нервы тем, что не давала развод, публиковалась в «Таймсе» и в «Вече»⁹⁸. Если бы она вела себя более достойно и мужественно, к ней люди испытывали бы больше симпатий. Но, возможно, если бы она была другой, он бы с ней никогда не расстался.

13 мая 1973 г., воскресенье.

Вчера мы с Тamarой почти весь день провели на Девичке. Народ гуляет среди могил, как в парке. Дими́на скульптура смотрится отлично, и там рядом сидела какая-то женщина. Некоторые люди очень внимательно смотрели на скульптуру. Некоторые бросали беглый взгляд и шли дальше. Некоторые глядели тупо и даже враждебно. Были и такие, кому это нравилось. Один мужик, пьяноватый и в шляпе, стал требовать от нас с Тamarой, чтобы мы ему этот памятник объяснили. Тамара сказала, что это наш памятник и мы его понимаем, а он, если ему непонятно, пусть смотрит на понятные вокруг портреты. Мужик отошел, но вскоре опять вернулся и опять стал требовать, чтобы мы ему объяснили, обращаясь преимущественно к Тамаре. Тут я посоветовала ему обратиться в контору, где сидит местный искусствовед, и ему всё объяснят. Через некоторое время, когда мы шли по главной дороге, этот мужик опять увидел нас и заорал, показывая на памятник Цигалья⁹⁹ – руки с красным камнем: «Вот памятник – ничего объяснять не надо, всё ясно». Тут уж мы с Тamarой рассмеялись. Приятно, что Дими́на скульптура даже у такого кретина никак из головы не выпадает.

Потом мы с Тamarой гуляли и забрели в кафе «Романтики», где что-то поели и не очень плохо, хотя нам не дали ножей. Разговаривали, мешала только жутко громкая и скрипучая музыка, которая разрывала нам уши.

14 мая 1973 г., понедельник.

Дима прочитал «Вторую книгу» Н.Я. Мандельштам. Он совершенно потрясен. Говорит, что у него такое впечатление, будто бы он сам ее написал. Ему хотелось бы постоянно иметь книгу рядом. Ее отношения с Осей Мандельштамом чем-то очень похожи на наши. Особенно отвратительно, что наша подруга Клара везде ходит и разносит всякие сплетни. Ее ненависть к Надежде Яковлевне

⁹⁸ См. выше записи от 14 июля 1972 г. и 23 марта 1973 г.

⁹⁹ Цигаль Владимир Ефимович (1917–2013) – скульптор. Участник Великой Отечественной войны. Действительный член АХ СССР (1978). Народный художник СССР (1978). Лауреат Ленинской (1984) и Сталинской (1950) премий. Упоминается выполненное им надгробие хирурга Александра Николаевича Бакулева (1890–1967).

ужасна. Сама она книгу не читала, но беспрерывно перепевает со слов Лидии Корнеевны, что книга мерзкая, гнусная, подлая. Я не знаю, что выдает Лидия Корнеевна, но, возможно, что Кларочка – человек неплохой, но глуповатый и очень любящий всякие сплетни, много произносит отсебятины. Был у нас сегодня Эдичка, который нисколько лучше себя не чувствует. Он тоже говорит, что Кларочка невероятно хает книгу Надежды Яковлевны, не прочитав ее до сих пор.

Мишке нашему поставили удовлетворительное поведение. Он, безусловно, не примерный ученик, но столько, сколько он сделал для школы, не делал никто из ребят. Елена это прекрасно знает, но тут же продала его, когда почувствовала, что он не желает сидеть между двух стульев по ее прихоти. Говно она, Елена, и мразь. В тысячу раз страшнее и подлее молодого <...> Зальцмана. Мишка нисколько не огорчен, хотя большинство мальчиков из его класса «примерные».

15 мая 1973 г., вторник.

Димушка чувствует себя очень паршиво. Тем не менее мы ходили в мастерскую, и он там работал. <...> Приходил Леня Штутман с эскизом мемориальной доски И.Е. Тамму.

Мишка кашляет ужасающе. А моя племянница Танечка вообще болеет бронхиальной астмой очень тяжело. Дима созвонился по телефону со своей бывшей одноклассницей, ныне врачом-педиатром, Юлей Юдицкой, и она согласилась Танечку посмотреть. Мишку же нашего освободили от школы до пятницы и послали на всякие анализы. Он, конечно, идти не хочет, ему главное – это освободиться от школы. У него сегодня очень радостное событие – предложили двухкомнатную квартиру на улице Новаторов с телефоном, третий этаж. Это совершенно идеальный вариант. Вся квартира целиком стоит четыре с половиной тысячи. Мы с Димой ужасно рады. Вся жизнь у парня, хотя бы с этой стороны, налаживается нормально.

16 мая 1973 г., среда.

Шел дождь и Дима плохо себя чувствовал. Наталья не пришла. Позвонила ее подруга и сказала, что Наталья ходит какая-то невменяемая, страдает головной болью и кровь у нее течет из носа. Что с ней случилось, она не говорит, но Диме это уже надоело и, скорее всего, он будет с ней расставаться. Мы сами ненормальные. <...> Полдня у нас просидела Кларочка, у которой отменили поездку, и она к нам зашла на сорок минут, а просидела часа два. Она Диму так довела, когда разговаривали о Надежде Яковлевне, что он впал в бешенство, начал материться и показывать неприличные жесты. По ходу разговора Дима обозвал покойного Корнея Ивановича «старым мудаком» и еще кем-то. Кларочка аж уши затыкала и, пожалуй, задним числом она нам этого не простит. Дима говорит, что эта книга дала ему невероятно сильный жизненный заряд. Он очень счастлив, что ее прочитал, так же, как то, что он посмотрел «Восемь с половиной» Феллини. Очевидно, нам придется поссориться со многими людьми, так как большинство книгу хают. Завтра мы с Мишкой поедем в Наро-Фоминск на разведку насчет оформления Алабино.

Уезжала бы я к чертовой матери из этой страны, где почти все левые такие же говнюки и конформисты, как правые. А когда об этом открыто говорят, они начинают беситься и оправдывать свое продажное прошлое. К тому же как писатели все они оказались беспомощны. Никто не сумел ни по уму, ни по таланту написать такую блестящую книгу, как Надежда Яковлевна.

Уважаемый наш классик обвенчался со своей крестной дочерью, чем, наверно, хочет богу угодить. Не понимает что ли, что богу не этим угождают. Лучше бы не губил свой талант на то, что в тысячу раз лучше него написано и сказано, а продолжал бы говорить правду, которую он знает и которую люди от него ждут. Те, кто еще в него верит.

17 мая 1973 г., четверг.

Димушка, хоть и чувствует себя чуть-чуть получше, но еще не в форме. Мы с Мишкой съездили в Наро-Фоминск, пыльный, убогий городишко, чтобы узнать, как Диме вступить во владение домом в Алабино. Хорошо, что он может туда не ездить, и я всё смогу оформить сама по доверенности. На обратном пути заехали мы с Мишкой в Алабино. Там благодать невероятная, но какая-то странная пыль даже в лесу. В Москве, мне показалось, пыли меньше.

Диму посетила Кларочка и сказала, что вчера Дима всё говорил правильно. Она на него, слава богу, не обижается. Я очень устала после Наро-Фоминска и Алабина, тем более что Мишка много бегал и прыгал рядом, и сожалею, что не съездила к Надежде Яковлевне. Она послезавтра уезжает в Боровск. Это, очевидно, к Вике Швейцер¹⁰⁰. У нее было много людей¹⁰¹: сын Пастернака Леонид¹⁰² с женой, Наталья Горбаневская, физик Миша Левин¹⁰³, Гдаль с Юрой Васильевым и его женой, Вита и Дима. Дима говорит, что Надежда Яковлевна возлежала в комнате, курила со страшной силой, а вокруг велся пустой светский перебран, пока Дима не выступил с речью, сказав Надежде Яковлевне, что гости ее, наверно, утомили. Дима отвык от этих бездарных времяпровождений. Он пришел, чтобы высказать Н. Я. всё, что думает о ее потрясающей книге. Все молчали и слушали. Потом Пастернаки, Левин и две неизвестные женщины ушли. Наталья Горбаневская раньше всех ушла. Дима говорит, что она странно выглядит. У нее маленькие ручки, очки, выглядит лет на двадцать. Гдаль, как всегда, говорил по телефону о своих больных. Васильевы ушли, и Дима беседовал с Надеждой Яковлевной вдвоем. Она очень оживилась и дымила как паровоз. Она

¹⁰⁰ Швейцер Виктория Александровна (р. 1932) – литературовед, писатель. Работала в ИМЛИ им. М. Горького, была литературным секретарем в аппарате Московской организации СП РСФСР. Летом 1966 г. уволена с работы за сбор подписей в защиту А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля. Эмигрировала из СССР в 1978 г., живет в США. Автор работ о творчестве М.И. Цветаевой. Сестра кинорежиссера М.А. Швейцера.

¹⁰¹ «В доме Надежды Яковлевны собирались люди не только причастные к литературе и искусству, но и самых разных специальностей», – вспоминала В.И. Гельштейн.

¹⁰² Пастернак Леонид Борисович (1938–1976) – физик, специалист по спектроскопии активированных кристаллов.

¹⁰³ Левин Михаил Львович (1921–1992) – физик-теоретик. С 1956 г. работал в Радиотехническом институте АН СССР (с 1989 г. начальник теоретического отдела), с 1957 г. профессор кафедры радиофизики МФТИ. Один из ближайших друзей А.Д. Сахарова.

сказала, что обязательно опубликует письмо Каверина. Я его прочла. Мне даже жаль Каверина, письмо у него какое-то наивное. Я думала, оно действительно обидное, а оно просто глуповатое. Про Лидию Корнеевну она сказала весело: «Ишь, нахалка». Солженицыны якобы, по слухам, книгу поддерживают. В основном то ли теща¹⁰⁴, то ли еще кто-то.

<...>

21 мая 1972 г., понедельник.

Месть Зальцмана не заставила себя долго ждать. Он выставил Мишке три по русскому и четыре по литературе. Ненависть превысила расчет. Ведь все прекрасно знают, что отметки заниженные он поставил от злобы. И дети знают, и учителя, и никто этого не забудет.

Мальчик же нас снова огорчает. Вчера все было идеально. Он перевозит потихоньку свое барахло к нам или в мастерскую. Дима чувствует себя ужасно паршиво, сейчас его в основном мучает горло. Несмотря на это, он целиком влез в Мишкины кооперативные дела. Вчера нам звонила Мишкина бабушка, поскольку он не совсем точно ее информирует. Дима выразил желание поехать с ней и с Мишкой вместе на правление. Бабушка ужасно обрадовалась. К вечеру Мишка вдруг решил обидеться, позвонил и сказал Диме, что мы его предали, действуем за его спиной и т. д. До этого он все прекрасно воспринял. И мы расстались донельзя умильные друг другом. Мальчик, конечно, шизофреник. Он отравил нам целые сутки жизни, пока сегодня он приехал и долго объяснялся с Димой без меня. Больше всего, по-моему, его мучает, что бабушка не хочет, чтобы у него в комнате в их квартире был замок, а он ужасно любит замки. <...> Меня очень беспокоит Димино самочувствие, и этот сумасшедший мальчик еще нервы треплет.

Вчера мы втроем были на Девичке. Цемент уже схватился, и можно доделывать памятник. Народу какая-то прорва, как в парке культуры. У могилы Никиты не протолкнуться. Стоят и глазуют на фотографию. Вот, где Эрнсту реклама отличная, когда он сделает памятник¹⁰⁵.

Сегодня я ездила в Нару. Простояла там целый день в очереди в бюро технической инвентаризации. Справку они мне не дали, так как хотят удостовериться, нет ли в нашем доме каких изменений. Единственно, что я добилась – это сдала нотариусу все документы, а завтра с утра должны прийти техники к нам на участок и в дом. Потом они сделают свое заключение, а после я снова поеду в Нару за этой справкой, отдам ее нотариусу, заплачу госпошлину, и тогда Дима станет владельцем этого дома. Ездить в Нару мне придется еще не раз и не два. В очереди стоят несчастные люди, в основном пожилые, все нервничают, злятся. Отвратительный закуток с четырьмя стульчиками, а людей столько, что и стоять негде. И везде у нас так. В Москве то же самое. Ходили мы с Димой в нотариальную контору. Там народу видимо-невидимо. Пришлось Диме воспользоваться

¹⁰⁴ Светлова Екатерина Фердинандовна (1919–2008).

¹⁰⁵ Над памятником Н.С. Хрущеву Э.И. Неизвестный работал четыре года. Все время вокруг этой работы витали слухи. Открытие состоялось в сентябре 1975 г.

своим правом инвалида Отечественной войны, а то бы мы в пятницу не смогли оформить на меня доверенность. Если бы Дима в Нару ездил, как я, его бы, наверное, инфаркт хватил. <...>

22 мая 1973 г., вторник.

Димка очень фигово себя чувствует. Я съездила в Алабино. Приехала туда к девяти утра, а техник-тетка приехала только к половине четвертого. Там благодать, яблони цветут, красота невероятная. В этом году что-то особенное.

Мишка с бабушкой ездили в кооператив. Вселиться раньше, чем утвердит правление, им не разрешат.

23 мая 1973 г., среда.

Ночью, оказывается, была сильнейшая гроза, а я ее не слышала. Наверное, Дима так паршиво себя чувствовал из-за этого. Сегодня ему сделалось полегче. Приходил Эдинька. Какой-то он отчужденный, очевидно, это из-за болезни. Съездил он на Девичку и заснял надгробие И.Е. Тамму. Кажется, оно ему не очень понравилось.

Мишка ходил к Елене по нашему настоянию, и принес ей последнее сочинение, за которое получил три и два. Она сказала ему, что Зальцман дал ей слово не сводить счеты. Я уверена, так как она совершенно продажная тварь, что она Мишке ничем не поможет. А там посмотрим.

Мы с Димой полдня ждали Виталия Суховерхова, чтобы пойти с ним на Девичку и докончить скульптуру. Подумали, что он уже не позвонит, а он позвонил. Ему чинили зубы, поэтому он запоздал. На кладбище он под Диминым руководством очень плодотворно дорубил то, что было не сделано. Теперь уже нам самим придется оформлять территорию. Дима даже думает заняться этим завтра, если, конечно, будет в силах. Мы пойдем втроем с Натальей, а если Мишка освободится, то и он тоже. Завтра же мне ехать к Гелазонии в «Семью и школу». Там идет моя паршивая статья про наш театр в школе. Стыдно будет читать, особенно тот кусок, где я пишу, какая Елена хорошая.

Звонил Алик Киселев. Послезавтра он показывает в школе спектакль «Голоса травы» Трумана Капоте. Народу будет уйма, хотя это необъявленный прогон.

24 мая 1973 г., четверг.

Димуся чувствовал себя чуть лучше. Леня Крейндлих приехал в мастерскую со своим замечательным трехлетним сыночком Мишенькой. Мы взяли с собой песку, цемента, совки и поехали на Девичку в Ленином «Жигуле». Дима вкалывал изо всех сил. Фундамент укреплял и осколки гранитные ворочал. Услышали наконец одобрительные отзывы от публики. Один сказал: «Прекрасный памятник». Другой, бородатенький, всё восхищался и спросил у Димы, кто скульптор. Дима сказал: «Я». – «А как ваша фамилия?» – «Сидур. А ваша?» – «Моя? Макушенко. Я не скульптор». Еще один человек сформулировал: «Сердце, отданное людям». Один туповатый мужик требовал, чтобы ему объяснили, что это такое. Мы все молчали, пока Дима сказал: «Это горе». – «А-а», – ответил мужик и ушел удовлетворенный. Враждебный возглас был один: «Модернистская

Спектакль «Голоса травы» (1973)

какая-то. Пошли отсюда». И довольно много женщин с куриными лицами осуждающе говорили: «Непонятно».

Сейчас в мастерской работает форматор Толя Челноков, формует памятник Володе Полетаеву.

Неожиданно пришел молодой человек с усами. Он англичанин, журналист из «Гардиан»¹⁰⁶. Его прислал Майк. Мы договорились повидаться в субботу. Говорит, что Майку дали визу в СССР, и он якобы должен приехать в Москву 10 июня как турист. Будет здесь неделю, а потом поедет в Прагу.

25 мая 1973 г., пятница.

Посмотрели Аликов спектакль «Голоса травы». Мне понравилось, Диме нет. Я, правда, тоже нахожу много недостатков. Нет единой пьесы, много лишних жестов, неясна идея. Когда же, наконец, идея проясняется, она очень слюнявая. Удивительно паршивые стихи Иры Паперной¹⁰⁷, и музыка как у радиопередачи

¹⁰⁶ Имеется в виду Джонатан Стил. (См. ниже записи от 19 июня 1973 г.).

¹⁰⁷ Паперная Ирина Борисовна (р. 1941) – поэт, арт-менеджер, предприниматель. Племянница З.С. Паперного, двоюродная сестра Владимира Паперного, мать Алексея Паперного. Совладелица московского клуба «Китайский летчик Джао Да».

«Маяк». Тяготно. Очень плохая дикция у некоторых, это мешает. В остальном мне понравилось. Смотреть на детей приятно. Правда, девочки выглядят перезрелыми. Я не могу смотреть свой бывший театр объективно и беспристрастно. Мне очень понравилось. Больше, чем про Пушкина на Таганке.

26 мая 1973 г., суббота.

По поводу Аликова спектакля разразился дикий скандал. Елена, прослышав, что вчера был прогон, совсем озверела. Не видя спектакля, она сказала, что у нее «чутье», и что под ширмой Америки это антисоветский спектакль. Кроме того, она сказала, что редактирует Киселеву тексты Юлия Львовна, «а эта семья давно смотрит на Запад». У нее действительно просто потрясающее чутье, как у лягавой. На спектакль сегодня она не пошла, но заставила пойти партийных учителей. Был невероятный успех, не меньше, чем вчера, а потом партийные учителя объявили Алику, что завтра спектакля не будет, что он безыдейный и не имеет никакого воспитательного значения для школьников. Зато Алика пригласили показать спектакль 13 июня в редакции «Юность». Защищала спектакль Наталья Исаева, Иде тоже понравилось, а Елена Вацлавовна мне позвонила и сообщила о мнении Елены. Елена типичная простиутка. Она продала меня, сначала обласкав, потом – Мишку, сначала одоблив его статью, и наконец – Алика. <...>

С нашим мальчиком делается всё тяжелее и тяжелее. Вчера он не пошел с нами на спектакль, хотя мы его звали. То ли стеснялся, то ли действительно очень устал. Сегодня он долго не звонил, и я позвонила ему сама. Он очень обиженно сказал, что мы вчера веселились, а вот он не хочет ничего объяснять. Я сказала: «Конечно, не надо, и так всё ясно». Потом я спросила: «Какие у тебя намерения?» Он ответил, что будет звонить завтра. Я спокойно сказала: «Давай, давай». Трудно сохранять в душе всё ту же нежность и любовь после таких фортелей, тем более что они повторяются всё чаще. Или он болен, или он говнюк, который без всяких на то оснований хочет поработить всех вокруг себя. Дима очень огорчается, но уже меньше. Мы стали привыкать к таким вот его вывертам. Они нам отвратительны. Мы сами так себя не ведем и другим не позволяем. Ему хочется от нас любви слепой и безрассудной, но мы не так устроены. Мы с Димой очень любим друг друга и твердо знаем, за что. У нас никогда не бывает отчужденности, даже в самые тяжелые моменты ссоры. С ним бывает, и не наша в том вина.

28 мая 1973 г., понедельник.

Из выпускников параллельного класса 1971 года умерла еще одна девочка. Что-то не повезло тому классу. Одна девочка еще в девятом классе покончила с собой, выбросившись из окна на Новом Арбате, а сейчас умерла от саркомы Таня Зобкова.

Юра Геннис сегодня сдавал педагогику и не позвонил. Значит, или сдал на тройку или завалил. Димуся чувствовал себя паршиво, прихватывало его. Мишка чего-то нудно объяснял свои обиды. Он хотел ехать с нами, а мы якобы хотели без него. Он, как в святочном рассказе, брошенный ребенок, пришел в школу

после спектакля смотреть на разезд публики. Плел он что-то нудное и спорить было скучно да и не хотелось. Вчера он приехал очень поздно в мастерскую, когда были Алик с Таней, Женя Вишневецкий и новый приятель Алика, некий композитор Геворгян¹⁰⁸, круглый и громкий дурак. Наталья после того, как всё нам рассказала, стала легче и веселее себя чувствовать. И нам с ней легче. Женя прочел свою пьеску, очень забавную, хотя и à la Шварц.

Сегодня мы с Мишкой хозяйничали – он пылесосил, а я варила. Димушка встречался с Эдиком. Эдик, кажется, чуть-чуть лучше себя чувствует. Он прочел книгу Надежды Яковлевны. Она ему понравилась, так же как и нам. Кларочке же не понравилась, и Эдик от этого очень расстроен. <...> Они ходили с Димой на кладбище, Эдик снимал Диму рядом <с памятником>.

Мишка сейчас подружился с Кириллом К. Это тот самый мальчишка-семиклассник, который попался на ограблении чужой школы. Кирилл сам позвонил Мишке и попросил его помочь с французским. Мишка в прошлом году ему помогал и в этом. Мишка очень гордится. Он уже познакомился с мамой Кирилла, и эта несчастная одинокая тетка с отрезанной грудью счастлива, что у Кирилла в товарищах не бандит, а нормальный парень, да еще немного старший. Кирилл говорит, что Зальцман от этой дружбы вне себя. Сегодня он подошел к Кириллу и сказал: «Шунков собирает группу людей, чтобы меня травить, а ты с ним дружишь, значит ты тожеходишь в эту группу». Наш дурачок Мишка сказал, что он польщен. Зальцман ставит себя на одну доску с учеником – это как раз глупости. А то, что Мишка влияет как-то хорошо на Кирилла, это очень здорово. Они уже два дня занимаются французским. Для нашего парня это тоже полезно. Кирилл совсем не знает спряжения глаголов, а Мишка тоже их заодно повторяет. Кирилл даже сказал, что ему вдруг стало интересно заниматься французским. Мне ужасно приятно, что Мишка до какой-то степени выполняет мою функцию. Ведь Кирилл совсем неплохой мальчик, но очень слабый. Пока на него влияет Мишка, всё будет в порядке.

Очень боюсь, что у Мишки в аттестате по русскому будет стоять три балла, независимо от того, как он напишет сочинение. Елена его продала и вмешиваться не будет, Зальцман же способен даже на то, что если ошибок не будет, он их поставит сам. Правда, учителя об этом знают и, может быть, постараются увидеть работу до Зальцмана или хотя бы проследят за нею. Надежды мало, так как Елена не на Мишкиной стороне.

30 мая 1973 г., среда.

Съездили втроем в Алабино. Дима чувствовал себя неважно, но все равно был очень доволен. Мы буржуи – имеем даже этот крошечный райский уголок. Миша всё игрался и дурачился. Мы все трое лазили на чердак, заливали воду в котел и кое-что ставили вниз. Мишенька при этом так дурачился, что наконец разодрал себе на задку штаны, и мне пришлось их долго зашивать, чтобы при-

¹⁰⁸ Геворгян Андрей Дмитриевич (р. 1945) – пианист, композитор, импровизатор-авангардист. Писал джазовые композиции и музыку для театра и кино. Ниже упоминается его брат Геворгян Евгений Дмитриевич (р. 1936), также музыкант и композитор.

лично было возвращаться. Дима полежал в шезлонге в саду. Прослушали мы и Би-би-си, и «Голос Америки», и Францию. По участку прекрасному и заросшему расхаживают большие птицы. Миша утверждает, что это грачи. Не видно черной кошки и собаки Пушка. Живы ли они? Соседский дедок под 90 лет живой. Идя со станции, я машинально придавила пчелу в одуванчике, почему во мне вдруг сработал этот подлый инстинкт? Мне совершенно это несвойственно. Говорю своим мужикам: «Я зря пчелу убила», а они идут и не слышат меня.

Мишка уехал раньше, ему нужно было идти к Инне Давыдовне. Они теперь каждый день занимаются. Мы с Димой вернулись только в десять вечера. Привезли громадный букет сирени, фантастически красивый. Позвонил Мишка, сказал, что вернувшись от Инны Давыдовны, увидел Кириллу. Тот очень трогательно сидел и дожидался его. Мишка чрезвычайно доволен. Позвонили нам сначала Валька, потом Эдик. У них сегодня была Клара. Из-за книги Надежды Яковлевны Мандельштам разыгралась жуткая сцена. Кларочка рыдала, хаяла книгу и говорила, что она не хочет со всеми нами дружить. Эдик очень плохо себя чувствует.

31 мая 1973 г., четверг.

Дима чувствует себя чуть-чуть лучше. Ходил свидаться с Ленкой. Мишка ежедневно занимается сейчас литературой и помогает Кириллу по французскому. Ушел от Инны Давыдовны только в одиннадцать часов. Завтра он пишет экзаменационное сочинение шесть часов подряд. Были у меня Наташа Исаева и Ида, обещали помочь Мишке. Елена сегодня на партсобрании сказала, что к ней приходил Киселев, они побеседовали и расстались. Подробностей я пока не знаю.

1 июня 1973 г., пятница.

Мишка сдавал сегодня первый экзамен – сочинение. Темы были неважные: «Сатира Маяковского», «Идеал революционера-демократа в произведениях Некрасова и Чернышевского» и что-то про 24-й съезд партии. Зальцман несколько раз к Мишке подходил и что-то пытался ему вроде бы подсказывать. Мишка ничего не использовал из его советов. И вообще у Мишки вышло твердое убеждение, что тот хочет ужасно поставить ему три. Посмотрим, чем всё это кончится.

Алик рассказал, как он высказал всё Елене. Сказал, что у нее нет совести и чести. Она сама на спектакль не пришла, а за спиной создала такой ажиотаж, чтобы специально люди шли с предвзятым мнением. Она сама создает в школе нездоровую атмосферу, это ей даром не пройдет. Уже у школьников и у учителей сложилось о ней определенное мнение. Она – типичный образец чиновника, занимающегося в нашей стране искусством. Елена только попискивала, а в основном внимательно слушала страстный Аликов монолог. Где-то в середине сказала, что она коммунистка, партийная и т. д. Алик предрек ей всякие беды и в школе, и со своей собственной дочкой, и сказал, что он школу покидает. Один раз Елена даже смахнула слезу. Ей бы играть в театре у Киселева чувствительных проституток. Приятно, что Алик всё это ей сказал.

Мишка опять после экзамена целый день провел с Кириллом К., из-за этого очень поздно к нам приехал.

Приходил отец Володи Полетаева Гершензон Григорий Самойлович. Смотрел памятник в гипсе. Несчастный, несчастный человек. За что Володя обрек своих родителей на такую муку?

Приходил к нам Вовка Воловников. Я сама ему позвонила. Я очень люблю его. И этот мальчик страдает. Такой красавчик, такой приятный мальчишка, и так недоволен жизнью. Всё ему плохо. Больше всего страдает из-за безответной любви к Ленке.

2 июня 1973 г., суббота.

Димушка ездил в Востряково с отцом Володи Полетаева.

Мишка ездил к Инне Давыдовне. Поставили ему за сочинение четыре по русскому и четыре по литературе. Правда, по литературе могли бы поставить и пять, но, конечно, не сделают этого. Слава богу, что хотя бы по русскому поставили четыре. Теперь он сдает литературу во вторник.

Заходил Юрочка Геннис, принес очень хороший рассказ про дельфинов.

Вчера мы с Димой, Толей и Милкой были у Гдаля. Он совершенно обуржуазился, квартиру устроил невероятно современно. На стенах у него висит сплошной эклектизм: хорошее и плохое вперемешку. Был Марик с семейством. Их девчонка очень боевая. Гриня похож на молодого льва. <...> Слушали на магнитофоне стихи Мандельштама в исполнении Гдаля. Он неплохо читает. Стихи гениальные, и сливаются в единое целое с книгой Надежды Яковлевны. Рассказали несколько смешных еврейских анекдотов. <...>

Мишка продолжает общаться с Кириллом. Тот, можно сказать, жить без него не может. Сегодня звонил к нам, разыскивая Мишку. Мишка дал ему свой велосипед покататься, и тот счастлив. Сегодня появились первые положительные результаты их занятий по французскому – Кирилл получил две четверки.

3 июня 1973 г., воскресенье.

У Димушки болит горло. С Мишкой мы не виделись. Он общался с Кириллом, занимался с Инной Давыдовной, и несколько взвинчен из-за предстоящего послезавтра экзамена по литературе. Была моя мама, она неплохо выглядит.

4 июня 1973 г., понедельник.

С утра я ездил в Нару. Нужно будет съездить еще разок и, возможно, всё будет с этим делом сделано.

Дима свидался с Ленкой у нас на квартире. Купила в Наре кеды и себе и Мишке, в Москве не достанешь. Наталья ходит веселая. <...> Сегодня Димушка не смог пойти в клуб Текстильного института, где показывали Аликов спектакль «Голоса травы» и фильм Игоря Димента. Спектакль мне снова очень понравился, Игорев фильм – не меньше понравился. Тоже удивительно талантливый человек. Очень приятная музыка обоих братьев Геворгянов. Андрей Геворгян совсем не показался мне таким идиотом, как в первый раз, когда он приходил в мастерскую вместе с Аликом. После просмотра было обсуждение. Аликов, как

всегда, говорил много и не очень удачно. Очень приятная интеллигентная аудитория. Сколько у нас не уничтожали умников, они все равно остались. Приятно мне было посмотреть на своего ученика Мишу Курса. Он играл вовсю, а завтра у него экзамен по литературе. Очень хороший и способный мальчишка.

Наш сыночек тоже завтра сдает. За сочинение ему по русскому поставили четыре, по литературе тоже четыре. Там была комиссия, наверное, всё справедливо. Елена Даниловна Суханкина впала в маразм. Это в пятьдесят-то лет!

Произошла вчера в Париже жуткая катастрофа с нашим наилучшим самолетом ТУ-144. Погибла команда из шести человек и масса французов в пригороде Бурже, куда свалились пылающие обломки¹⁰⁹.

5 июня 1973 г., вторник.

Сегодня был совершенно безумный, сумасшедший день. Мы собирались уехать в Алабино, но так и не уехали. Целый день у нас толклись ребята: Наташка, Мишка, Вовка Воловников и Ленка. Мишка получил за экзамен по литературе четыре. Отвечать ему было тяжело. Елена старалась его засыпать и очень въедалась. Но по существу, хотя Мишке отвечать было тяжело, я бы тоже поставила ему четыре. Он зачем-то чересчур научнообразно говорил о критике коммунистического общества в пьесе Горького «На дне». Плел что-то умное и нудное, вставляя повсюду высказывания Ленина. Я сужу по тому, что он рассказал нам. Конечно, при доброжелательном отношении его можно было бы чуть-чуть направить, но никакого доброжелательства быть не могло, поэтому он должен был надеяться сам на себя. Елена показала еще свою злобность, когда сказала: «Ты не любишь прошлого и будешь создавать новое искусство». Как настоящий демагог, Мишка ответил ей, что наше искусство – это социалистический реализм. Мне позвонила его одноклассница Марина Якименко и сказала, что ребята очень испугались, как бы Мишке три не поставили, потому что и Зальцман и Елена очень его засыпали. <...>

Ленка тоже сдавала сегодня лексику, очень недовольна, что сдала на четыре. Собирается пересдавать. Помогать ей, конечно, буду я. Только Вовка больше всех плакался, но вчера сдал психологию на пять. А Юрочка уехал в лагерь пионервожатым на две смены.

Неожиданно позвонил Саша Гришин и посоветовал пойти в Третьяковку смотреть литографии Шагала. Старик сейчас в Москве¹¹⁰ и, Саша говорит, выглядит очень бодро в свои восемьдесят шесть лет. Дима с Ленкой, Наташкой

¹⁰⁹ 3 июня 1973 г. во время показательного полета на международном авиасалоне в Ле-Бурже (близ Парижа) разбился Ту-144 – первый советский сверхзвуковой пассажирский самолет. На глазах 250 тысяч зрителей он внезапно перешел в пике, а через несколько секунд от предельных перегрузок на высоте 250 метров развалился и упал на расположенные внизу дома. Погибли шесть человек на борту самолета, а также восемь человек на земле, еще 25 человек на земле получили ранения. Материалы официального расследования причин катастрофы были засекречены, что породило массу гипотез и слухов.

¹¹⁰ М. Шагал посетил Москву и Ленинград по приглашению министра культуры СССР Е.А. Фурцевой. Первый его визит с 1923 г., после отъезда в Париж. Художник передал тогда в дар Третьяковской галереи и ГМИИ им. А.С. Пушкина около ста своих работ.

и Вовкой пошли на выставку, а я сидела и бестолку названивала Гелазонии в «Семью и школу». Он в редакции так и не появился. Выставка самого Шагала не очень понравилась, но Дима говорит, что прошел всю галерею и ему понравились многие наши: Лентулов, Машков, Петров-Водкин, и старые – Суриков, Иванов, Ге, Крамской, Боровиковский, даже кое-что Репина, и другие. Дима говорит, что и Шишкин занимает свое место. В Третьяковке вдруг неожиданно сделалось плохо Наталье, и она убежала. Встретили там беременную Валю Левитанскую. А Левитанского, которого Дима искал, так и не нашли.

Получили письмо от Бютнера. Как всегда, очень лирическое, но так и не поняли, купили ли они книгу про Диму, и что будет дальше с Димиными работами.

6 июня 1973 г., среда.

Мы в Алабине. Участок заросший одуванчиками и высоченной травой. Нагруженные, приехали вчетвером – мы с Димой, Мишка и Наталья. Для Димы самое тяжелое – это ходьба. Его прихватывает за грудиной, как только он слегка увеличивает скорость. Мишка побыл с нами немного, хотя очень помог. В основном торчал на чердаке и скидывал оттуда вещи. Потом Дима подробно сказал, что ему надо делать с кооперативом, и парень уехал. Мы втроем возились допоздна, но привели в порядок весь дом. Всё вымыли и вычистили. Даже успели поиграть с Натальей в бадминтон и в карты. Димушка доволен, несмотря на усталость. С самого утра он сказал: «Всё, я помру, если мы не уедем». К счастью, я дозвонилась Гелазонии, и мы договорились с ним на завтра в четыре. Вечером я снова вернусь в Алабино. Наталья побудет с Димой и уедет, когда я вернусь. Животные не появлялись – ни Пушок, ни кошка. Несколько раз накрапывал дождичек, так что мы даже промокли. Зарубежное радио ничего особенно интересного не передает.

7 июня 1973 г., четверг.

Убирать кончили, теперь можно будет отдохнуть. Наталью бедную совсем зажрали комары, которых в этом году несметное количество. Она удивительно комичная девушка. Нас с Димой комары тоже ели, но за ней носились тучей. Она только чесалась и подпрыгивала.

Я съездила в Москву. Беседовала по телефону с мамой и с Мишкой. В Москве жара два раза перемежалась сильным, но кратковременным дождичком. Мишка бурно действует, выполняет все Димины советы и носится как угорелый по всем инстанциям. <...> Долго я проковырялась в редакции «Семьи и школы». Сократил Петр мою статью ровно в два раза. Оставил всё про театр, выкинул все педагогические рассуждения. Потом они заставили меня писать последний кусок про последний спектакль «Голоса травы». Я так сходу не могу соображать, поэтому начала сильно мучиться, но хорошо, что мне помогла одна редакторша, Лия Федоровна Осипова. Вдвоем мы сварганили предпоследний абзац, и слава богу. Моя неспособность соображать на ходу сразу же проявилась. Это еще не всё. Для того, чтобы статья появилась в восьмом, августовском, номере, нужно еще обсудить подписи под фотографиями. Фотографии еще в макете не готовы. Появится это дело только на той неделе, а когда – они сами не знают.

В Алабино. Фото: Георгий Геннис

В Алабино. Фото: Георгий Геннис

В Алабино. Фото: Георгий Геннис

Дима уезжать отсюда не хочет, несмотря на то, что я застала его, вернувшись из Москвы, в шезлонге, окруженного озверелыми комарами. Наталья поехала в Москву и будет там до вторника в мастерской. Должен приехать Майк. Дима успел нарисовать очень симпатичную картинку цветными карандашами, где себя он изобразил с девицей, по виду совершенно определенной. Раньше я была постоянная модель, теперь Ленка. Я не сержусь. В Москве встретила Вовку Воловникова, возвращавшегося с военного дела. Завтра он будет сдавать экзамен. Очень его люблю. А Ленка его не любит. Он же влюблен в нее ужасно и безнадежно. Тяжело быть соперником гения. К тому же Ленка по всему гораздо старше Вовки, хотя бы по тому, что она женщина. Они, хоть и одногодки, но он против нее сосунок. Диму немного совесть заедает из-за Вовки, но тут уж он не виноват. Ленка сама к нему лезла изо всех сил, пока добилась своего. Правда, нельзя сказать, чтобы Дима очень сопротивлялся, он был счастлив. Ленка, как мне Дима рассказывает, невероятно интересуется ситуацией, в которой находятся Левитанский и Валя. Где-то подсознательно ей хотелось бы того же. Но тут уж, пока я жива, у нее ничего не получится, потому что Дима без меня жить не может. И наша с ним любовь сильнее, чем у нее с ним.

8 июня 1973 г., пятница.

Не удастся здесь отдохнуть, как намеревались. Вечером приехала Наталья с запиской на английском языке. Майк извещает о своем приезде в воскресенье. Его друг бросил эту записку и пишет, что он у нас был с женой в 1971 г. Мы с Димой так его и не вспомнили. Решили, по предложению Натальи, уехать в Москву в воскресенье, а она сюда приедет и поживет тут. Она твердо решила худеть и ни черта не ест. Я боюсь, что она не похудеет, но будет плохо себя чувствовать. В Москве она целый день вела телефонные разговоры. Узнала, что Мишка благополучно списал экзаменационную работу по алгебре. Так что желанная тройка ему обеспечена. Он теперь очень занят и разъезжает исключительно на такси.

Дима малость притомился сегодня. Мы с ним очистили от сорняков маленькую грядочку клубники на заднем дворе, вырвали почти всю крапиву на всем участке и чуть-чуть поиграли в бадминтон. Кроме того, Дима написал три акварельки.

Упал с дуба птенчик, довольно большой уже воробышек, потрепыхался, потрепыхался и умер. Знакомые животные не приходят, а чужие очень пугливые. Радио слушали. Политические прогнозы, в общем, хорошие. Будем торговать и общаться с Западом.

Ужас как не хочется уезжать, хотя очень хотим повидаться с Майком. Как Мишка сдаст геометрию 11-го? Беседовала у колодца с соседкой Катей. Она очень интересовалась, откуда у нас Мишка. Пришлось мне сочинять что-то о том, что Дима его отец и что-то еще. Выглядит вполне правдоподобно.

9 июня 1973 г., суббота.

Сегодня было жарко, но, наверное, не так, как в Москве. Завтра обещают 30°, а надо ехать на встречу с Майком, и отказаться нельзя. Полдня Дима рисовал

одну картинку с излюбленным сюжетом: бородатый мужик с несколькими девицами. Он так и остался ей недоволен. Чем он ее только не красил – и акварелью, и фломастерами, и цветными карандашами. По-моему, получилась замечательная картинка, но Димушка недоволен.

Сегодня мы отдыхали в полном смысле этого слова. Сидели на дворе в шезлонге, чуть-чуть поиграли в бадминтон и непрерывно слушали радио. Глушат зверски, но все равно слышно всё – от «Голоса Америки» до «Голоса Израиля». Не знаешь, что вперед слушать. Американцы вещают с трех часов дня. Передавали они передачу о Пикассо, про всех его женщин. Оказывается, у него был вспыльчивый и раздражительный характер. Это мы тоже имеем. Кроме того, он был немыслимый бабник и кидался на женщин как зверь, а потом быстро к ним охладевал. Димка мой как человек лучше Пикассо. Грех осуждать гения, но все-таки он был чудовищно эгоистичен. Димка же не только за меня, кто ему ближе всех на свете, но за каждого человека рядом с нами чувствует большую ответственность. Особенно за молодых. Их теперь много вокруг нас.

Интересно, что нам расскажет Майк.

10 июня 1973 г., воскресенье.

Мы были в Москве уже в два часа. Здесь жуткая жара, хотя есть прохладный ветерок. В квартире запустение и до сих пор пахнет полами. Тошнотворный запах, когда закрыты окна. Дима говорит, что у него даже глаза щиплет. Это такой едкий лак, его почти не осталось на полах, но пахнет. Дима ужасно рассердился на трех человек: на Мишку, на Наталью и на меня. Он один зарабатывает, выдает нам деньги и требует, чтобы мы записывали, куда их тратим. Я записываю, но ругался Дима больше всех на меня.

Мишка очень боится завтрашнего экзамена по геометрии. Говорят, что будет комиссия, и он ужасно трухает. Однако сидит, что-то зубрит. Я надеюсь, что троечку ему поставят как-нибудь. Завтра, пока он будет сдавать экзамен, его родственники будут сидеть в РОНО у инспектора с паспортами и улаживать дело насчет Мишкиной прописки с бабушкой в кооперативе.

Приехали мы из-за Майка, но он не явился. Вместо нас в Алабино поехала Наталья. Она постриглась и прибрахлахла, но выглядит несколько опухшей. Пришли Валька с Эдиком. Валька очень похорошела, чуть-чуть поправилась и стала отлично совершенно выглядеть. Эдинька тоже выглядит очень неплохо. Правда, говорит, что самочувствие у него неровное: день он чувствует себя хорошо, три – плохо. Но на вид дела у него идут явно лучше. Снимает цветочки на слайды и хочет этим зарабатывать.

Майк, очевидно, только сегодня прибыл и прийти сразу не смог. Мы честно прождали его целый вечер и полдня. Теперь будем ждать завтра.

11 июня 1973 г., понедельник.

Мишка благополучно получил свои три балла по геометрии. Потом, весь взмыленный, бегал по кооперативным делам.

Наконец увиделись мы с Майком. Он был со своим товарищем Томом <Бредли>, американцем. Приятный парень, убежденный марксист, но не страшный.

Никсона называет сволочью, Гэса Холла¹¹¹ тоже. Майк такой же симпатяга, как раньше, абсолютно свой парень в доску. Привез свои «Индексы». Наверно, это хороший журнал. Что-то вроде наших «Хроник», только касается всего мира. Ему сейчас очень нравится Наталья Горбаневская. Книгу Надежды Яковлевны Мандельштам он пока еще не прочел. Привез Диме книгу про него, говорит, что с трудом нашел последний экземпляр. Задавал много вопросов про нашу жизнь. Из скульптур ему больше всего понравилась Стенка. Такой же деловой, как и раньше. Рассказывает, что он сейчас очень много общался с русскими эмигрантами. В общем, просидели мы до двух часов ночи. Эдик с Димой больные, а Вальке завтра с утра на работу.

12 июня 1973 г., вторник.

Мы совсем не выспались. Сегодня целый день никуда не ходили. Майк звонил несколько раз. Они с Томом очень устали. Они были у Левы, и завтра пойдут к Лидии Корнеевне на свидание, а после нее зайдут к нам.

Мишка снова бегал по кооперативным делам. Еще одна очень огорчительная новость. Позвонила Ида и сказала, что Зальцман выставил Мишке три по русскому языку, хотя раньше все учителя-ассистенты говорили, что у него будет четыре. Значит, эта сволочь все-таки отомстила, а Елена все-таки этот поступок санкционировала, иначе Зальцман против ее воли не пошел бы.

Сегодня мне пришла мысль, не отдать ли все мои дневники Майку. Пусть бы они у него лежали, с тем, чтобы он, если бы это понадобилось, их опубликовал. Во всяком случае, я пишу много неинтересной ерунды, но кое-что явно интересно и нужно знать людям. Я не писатель, но свидетель. Опять же через наш подвал прошла масса людей, многие – очень колоритные граждане, и советские и иностранные. Если бы я лучше разбиралась в искусстве, я бы написала книгу про Диминову работу, но это мне не по зубам. Я могу только записывать про нашу жизнь.

Я часто сержусь на Мишку и говорю такие слова: «Я в него не верю, я ему недоверяю». Но люблю его всегда. Господи, сделай так, чтобы я ошиблась!

13 июня 1973 г., среда.

Сдал наш Крысин французский на пять. Вообще, их класс сдал очень хорошо. Потом он мотался снова по кооперативным делам.

С полудня у нас собрались все: Майк с Томом, Кларочка, Эдик, а уже вечером подошла Валька. Майк весь в делах. Он постоянно кому-то звонит и с кем-то встречается. Кларочка пришла к нам и сообщила, что за ней прибыл стукач. Она начала бояться, поэтому Эдик поехал с ней в Переделкино. Там за ними ходило уже человек шесть. Майк общался с Лидией Корнеевной и с Толей Якобсоном. Гуляли по кладбищу. Видели Диминову скульптуру у Изольда на могиле. Вечером вернулись к нам. У Майка масса телефонных звонков. Мы плюнули на прослушивание, и он всем звонил от нас: Галичу, Юлику Даниэлю, Гинзбург Ев-

¹¹¹ Холл (Hall) Гэс (1910–2000) – член Компартии США с 1927 г., с 1959 г. ее генеральный секретарь (с 1988 г. Национальный председатель, к этому времени в партии состояло 15 тыс. членов).

гении Семеновне, жене Роя Медведева и еще кому-то. Очень приятно у нас посидели.

Пока они были в Переделкине, Дима нарисовал несколько очень удачных рисунков. Дима много говорил с Майком о том, чтобы в Англии были бы рецензии на книгу Саши Гришина. И что хорошо, если бы еще одна книга вышла в Англии. Эдик сказал, что он хочет уехать. Майк рассказывал о русских эмигрантах. Многим сейчас хорошо, потому что они устроились советологами, но года через три им нечего будет делать. Майк считает, что адаптироваться на Западе очень сложно. Он не советует уезжать, если нет самого крайнего случая. Тем не менее он сказал, что поможет Эдику, если он приедет в Англию, раз Эдик твердо это решил.

В разговоре с Майком и Лидия Корнеевна, и Копелев ругали Надежду Яковлевну Мандельштам, а Андрей Синявский полностью ее поддерживает. Майк, к сожалению, эту книгу не прочел.

Сегодня утром мы с Димой очень обиделись друг на друга. Он меня всячески обижал, довел меня до истерики, а потом сам заплакал. Мы, конечно, помирились. Все произошло из-за того, что я хотела пойти на рынок, а Дима хотел, чтобы я осталась дома и наводила чистоту. Хотя позавчера мы с Мишкой совершенно идеально убрали всю квартиру. Я не стала возражать, но Дима уже завелся, и мы поругались. Н.Я. Мандельштам писала о том, что у мужчин шизофреническая страсть к порядку. У моего Димы эта страсть сверхшизофреническая.

14 июня 1973 г., четверг.

Сегодня неожиданно в Алабино приехала Наталья, соскучилась. Там всё в порядке, но ей захотелось с нами пообщаться. Выглядит она неплохо. Кажется, похудела, хотя это не очень заметно. Димушка рад, что гости устроили нам перерыв, и резал гравюру с котом.

Вечером в мастерской он совершенно отлично расписал грушевидную кухонную доску из Алабина, которую он изъясил уже давно, несмотря на протесты Зинаиды Ивановны. Приехала моя мама, она очень неплохо выглядит. Мишка спал до часу дня, потом приехал к нам. Завтра у него снова депутатская комиссия, он из-за этого волнуется, но говорит в основном о том, как он хочет иметь автомобиль или, на худой конец, мопед. В мастерской мы были с Димушкой одни. Нас посетила Тамара Хачатурова, когда я ей позвонила. Она говорит, что кроме плохого сердца у нее еще нащупали опухоль в груди. Пока еще совершенно неясно, насколько это плохо. Она удивительно милая женщина. За границей у нее оказались тоже какие-то знакомые, которых знает Майк. Надо порасспросить Майка про Юрия Глазова¹¹² и сестру первой жены Солженицына¹¹³. Тамара ничего особенно хорошего о них сказать не может, но все-таки интересно.

¹¹² Глазов Юрий Яковлевич (1929–1998) – филолог-востоковед, переводчик, писатель, диссидент. В 1968 г. уволен из Института востоковедения АН СССР, в котором работал. В 1972 г. вместе с семьей выехал на Запад. Преподавал в университете Дальхузи (Новая Шотландия, Канада) на кафедре славистики. В 1973 г. в Лондоне вышла его книга о советском обществе «Тесные ворота».

15 июня 1973 г., пятница.

Дима разрисовал доску специально, чтобы подарить Майку. <...> Мы виделись с Юрой Никитиным в подвале, а вечером позвонил Майк. Они сделали все свои дела и попросились к нам. Мы, конечно, их приняли. Майк предупредил, что их сопровождают. Сегодня они ездили в Жуковку¹¹⁴ с Белорусского вокзала, за ними ехало четверо. На перроне в Жуковке очень вежливый милиционер попросил у них документы, сказал, что иностранцам не положено уезжать из Москвы, заставил их подписать протокол, где было написано, как он их остановил и сказал о том, что дальше ехать нельзя. Ребята подписали и поехали обратно. Стукачи все время шли за ними, довели их до нашего подвала. А когда они уходили, то так называемые «влюбленные» пошли сопровождать их в «Националь». Иначе быть не могло. Майк по телефону всем сообщил, что он редактор «Индекса» и ходил всего-навсего к Леве Копелеву, Юлику Даниэлю, Галичу, Лидии Корнеевне Чуковской, Синявскому, Евгении Семеновне Гинзбург, звонил жене Роя Медведева и ходил к каким-то сионистам. Мы во всей этой компании наименее опасные. Мы хорошо посидели и поговорили. Майк, бедняга, явно болен. У него насморк и что-то вроде гриппа. К тому же он предельно утомлен, глаза красные и сам весь бледный. Мы с ним немного поспорили. У него в «Индексе» указан случай вроде бы ущемления прав человека и применения цензуры: в одном городе в Западной Германии оштрафовали австрийского актера, читавшего с эстрады «Майн кампф». Я считаю, что его правильно оштрафовали. Дима считает, что свобода печати должна быть абсолютной. Майк, естественно, тоже. Дима исходит из практики – в странах свободной демократии разрешается всё: от порнографии до фашизма, и там ничего не меняется. Я за запрет порнографии, а главное – за запрещение в законодательном порядке пропаганды идей расизма, антисемитизма, человеконенавистничества и вообще против пропаганды идей любых форм насилия. Майк говорит, что у них такой закон есть, но он выступает против него. Он объясняет, что лучше пусть эти идеи будут высказаны открыто, чем подпольно, тогда с ними легче будет бороться. Я никак не могу с этим примириться. Читать с эстрады призывы к убийству и уничтожению, и решать это? Нет, Майк, симпатичный англичанин, здесь мы с тобой никогда не согласимся.

16 июня 1973 г., суббота.

Проводили мы Майку с Томом. Неизвестно, когда увидимся снова, и увидимся ли вообще. Сначала мы с Димой немного переволновались. Звонил Лева Копелев, который ужасно удивился, узнав о том, что Майка и Тома вернули вче-

¹¹³ Имеется в виду Штейн (Туркина) Вероника Валентиновна (р. 1926) – двоюродная сестра Н.А. Решетовской, жена кинорежиссера и правозащитника Ю.Г. Штейна, участница диссидентского движения. В 1972 г. эмигрировала в США, в 2002 г. вернулась в Россию. Автор воспоминаний.

¹¹⁴ Жуковка – деревня близ Москвы, неподалеку от железнодорожной станции «Ильинское». С 1930-х гг. – дачный поселок, в котором жили семьи высшего советского руководства, деятели науки, культуры, искусства и т. д. Здесь на даче М.Л. Ростроповича и Г.П. Вишневецкой жил до 1973 г. А.И. Солженицын.

ра обратно в Москву, не дав им доехать до «Ильинской». Леве необходимо было с Майком увидеться, но сегодня он так и не сумел.

К нам пришел сегодня Павел Литвинов. Наконец мы с ним познакомились. Была тоже его жена¹¹⁵, но она быстро ушла, а Павел остался ждать Майка. Это большой рыжеватый и веснушчатый парень. Удивительно симпатичный. Мягкий, деликатный, а главное – терпимый. Даже к Петьке Якиру – он этого гада даже жалеет. Терпимость, которая меня лично не устраивает. Оказывается, Павел хотел бы преподавать в школе физику, это самое его большое желание. Мы с ним одногодки. У меня сразу же появилась безумная мечта, как мы с ним работаем учителями в одной школе. Какая же это была бы хорошая школа! Он кое-что рассказал о своей ссылке. Говорит, что для него это был полезный опыт. Он убедился, что простой народ гораздо лучше так называемой «интеллигенции» в виде местных учителей и инженеров. Это тот самый случай, когда недоучка хуже неуча. В Усуглях, где они с Майей были в ссылке, роль евреев исполняют буряты. Страна у нас так велика, что всюду есть нацменьшинства, которые выполняют роль евреев.

Майк наконец позвонил. Только Павел построил схему, как их выпроводили из страны сегодня ночью, ссылаясь на вчерашний протокол, тут Майк и позвонил. Оказывается, он вчера сдал в починку свои часы, а сегодня их ему не успели починить, как обещали. К тому же Том покупал своей девочки валенки. У нас в мастерской тоже были какие-то валенки с галошками, новенькие, но почему-то с рыжими пятнами. Мы отдали их Тому. Еще Дима подарил Майку расписанную для него доску, и им обоим по гравюре. Вместе с Павлом все мы поехали к Эдику с Валькой на метро и в трамвае. Такси не было, да нас и не посадили бы вместе пять человек. У них была Кларочка и Таня Литвинова. Она – женщина умная, это видно сразу, но почему-то и мне и Диме инстинктивно не очень понравилась. Наверное, мы с Димой неправы, потому что оснований для неприязни у нас нет. Она приехала, чтобы узнать о Чалидзе¹¹⁶.

В конце выяснилось, что Павел тоже собирается уезжать. Я думаю, что Галич, Даниэль и Максимов тоже уедут. Очень грустно, что уезжают лучшие люди¹¹⁷. Для страны это большая трагедия. Но тут уж ничего не поделаешь. Павел правильно сказал, что раньше он мог сесть в тюрьму на большой срок, теперь он в себе таких сил не чувствует. А если он останется здесь, то обязательно сядет. Про Эдиньку мы тоже поговорили с Майком, и он совершенно искренне

¹¹⁵ Русаковская Майя Львовна (р. 1938) – инженер. Младшая дочь Л.З. Копелева. Задержана на Красной площади 25 августа 1968 г. во время демонстрации против ввода советских войск в Чехословакию. Однако уголовное дело против нее было прекращено. Последовала за мужем в ссылку в поселок Верхние Усугли (Забайкальский край, Читинская обл.), работала там штукатуром. С 1974 г. живет в США.

¹¹⁶ Замужем за В.Н. Чалидзе была дочь Т.М. Литвиной Вера Ильинична Чалидзе (Слоним, р. 1948). Сам В.Н. Чалидзе в декабре 1972 г. выехал по приглашению в США для чтения лекций и вскоре был лишен советского гражданства.

¹¹⁷ В 1973–1974 гг. страну покинули, например: М.Н. Барышников, В.А. Бахчанян, А.А. Галич, Н.М. Коржавин, Э.В. Лимонов, П.М. Литвинов, В.Е. Максимов, Ю.В. Мамлеев, Ж.А. Медведев, В.П. Некрасов, М.Л. Ростропович и Г.П. Вишневская, А.Д. Синявский, А.И. Солженицын (выслан), С.П. Суслов, Е.Г. Эткинд, А.А. Якобсон, А.Л. Янов.

считает, что ему можно уезжать, потому что при его характере он легко ассимилируется. Майк внимательно посмотрел все Эдиковы фотографии – и про Москву, и про Диму. Насчет книги про Диму, он сказал, что издать ее можно только про скульптора с очень большим именем, или же ее должен написать известный писатель. Мы, конечно же, сразу захотели, чтобы ее написал Майк. Он сказал, что пока у него имя скромное. Но мы не сомневаемся, что его имя будет в скором времени очень знаменитым, несмотря на то, что его *Index* пока работает в убыток. Валька кормила нас какой-то невероятно вкусной едой. Изредка она переругивалась с Кларочкой. У Вальки есть интересная привычка часто повторять: «Ах, Кларочка, не ругайтесь на меня!» или: «Ах, Димочка, не ругайтесь на меня!» Хотя никто на нее не ругался.

Майк очень сожалеет, что не прочел до сих пор книгу Надежды Яковлевны. Он услышал от всех своих здешних друзей, конечно, самые противоречивые отзывы. Лидия Корнеевна по секрету сообщила, что она пишет свою книгу в ответ на книгу Надежды Яковлевны. Об этом секрете вся Москва знает. Майку и Тому очень приятно было повидаться с Евгенией Семеновной Гинзбург. Майк говорит, что она очень хорошо их приняла, долго с ними беседовала, и по поводу вниги Н. Я. высказала много тонких и интересных суждений, в общем, похвалив книгу, за исключением каких-то мест, касающихся отдельных людей. Кларочка все-таки не удержалось, чтобы книгу обругать, но мы не поддались, и ее брань повисла в воздухе, потому что Майк не читал. А сама же Кларочка в итоге сказала, что не собирается с нами поссориться из-за этой книги.

Расставались мы очень тепло. Валька прослезилась. Нам тоже было ужасно грустно. Хорошо, что Эдинька нас снимал. Майк тоже нас снимал.

Получили письмо от Бори Хазанова, вернее, от Марины. Очень печальная открыточка. Живут они под Римом с одесскими евреями в одном ульпане. Боря еще не устроился, но во всякие фирмы рассылает предложения. Марина пишет, что людей «наших по-настоящему» нет.

Вчера Майк правильно сказал, что тем, кто уезжает, необходимо ассимилироваться, и чем быстрее, тем лучше.

17 июня 1973 г., воскресенье.

Мишка завтра сдает экзамен по истории и обществоведению, говорит, что учит. Мне жаль, что Майк на него так и не посмотрел. Но тут уж Дима твердо решил не подвергать мальчишку опасности. Мы не виделись целую неделю и скучаем друг без друга.

Кларочка у нас была. Как баба, она очень даже ничего, хотя ей сорок девять лет. Жаль, что у нее не получилось личной жизни. У нее подсознательно есть тоже желание уехать отсюда. Сейчас вообще очень интересное дело. Масса народу туда прется, и каждый захочет жить лучше, чем здесь или хотя бы не хуже. Где же они найдут работу, жилье, прокорм для всей прорвы? Кларочка говорит: «Я бы с удовольствием могла бы работать диктором на Би-би-си». Это замечательная работа, но там, наверно, и так людей перебор. Особенно с теперешними отъездами. Есть слухи, что сестру первой жены Солженицына не взяли на радиостанцию «Свобода». Майк говорит, что уже сейчас между эмигрантами

началась грызня и сплетни. Вообще, его мнение – сидеть здесь до самого конца. Ехать только в том случае, если уж совсем будет худо.

С утра Лева Копелев всё мне названивал. Ему очень нужно было повидаться с Майком, но, кажется, у него так ничего и не получилось.

Мы с Димой чуть было не забыли выполнить свой гражданский долг – проголосовать¹¹⁸. Наконец, выполнили. По дороге домой купили экзотический фрукт манго. Ели его в первый раз в жизни и нам понравилось. На Западе, небось, каждый день едят.

Дима очень доволен, что расписал еще одну доску, где изобразил себя. Очень красивая, уже висит над его комнатой. У него снова в горле бобон, на этот раз справа. Пытался выдавить, только раскровил, а бобон остался. Самочувствие не столь плохое, как само сознание о существовании этого бобона отвратительно. Звонила Наталья из Алабина, говорит, что там все в порядке, она совсем не скучает. Умница, девочка.

Вчера у Вальки с Эдиком было рассказано два анекдота. <...>

19 июня 1973 г., вторник.

Вчера мы с Димой огорчились до полного отчаяния. Мишка наш сдал экзамен по истории и обществоведению на тройки. Мы обомлели. Никакой несправедливости не было. Он у нас дурак или шизофреник. Ему, очевидно, необходимо послужить в армии, чтобы мозги у него встали на место. Во всем классе нашлось только два таких – он и Медведев. Остальные получили четыре и пять. Так тошно, что и писать об этом не хочется. Я думаю, что он не сдаст в институт так блестяще, чтобы пройти с таким позорным аттестатом. Он хуже Медведева, тот хотя бы технические предметы сдает на отлично. <...>

Позвонил один англичанин, который приехал всего на два дня. Сказал, что в субботу в Лондонском *Guardian* появилась статья Джонатана Стила¹¹⁹ про Диму. Этот парень газету не привез, потому что уехал в пятницу, но ему сказали, что статья будет в субботу. Вчера мы были в гостях у одного работника американского посольства по техническим делам Ларри Семакиса. Это друг Марата Карпейского¹²⁰. Толя Гитберг был с ним знаком и подарил ему две картины. Одна совсем хорошая. Этот человек уезжает навсегда в середине июля. Сам он грек, и

¹¹⁸ «Уважаемый товарищ. Напоминаем Вам, что в воскресенье 17 июня 1973 года День выборов в местные Советы депутатов трудящихся РСФСР. Призываем Вас прийти на выборы и отдать свой голос за кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных. Агитколлектив».

¹¹⁹ Стил (Steele) Джонатан (р. 1941) – британский журналист и публицист. Заместитель редактора, затем редактор отдела международной информации ежедневной лондонской газеты *The Guardian*. Неоднократно приезжал в Москву. Автор материалов по проблемам внешней политики, в частности, советской. В 1975–1979 г. шеф-редактор вашингтонского бюро газеты, в 1988–1994 г. – московского. Работал также в Афганистане и Ираке. 16 июня 1973 г. опубликовал статью под названием *Stone dead* и фотографию надгробия И.Е. Тамма. Еще одну статью про В. Сидура он поместил в своей газете в апреле 1983 г. Лауреат престижной журналистской премии *Martha Gellhorn Prize* (2005).

¹²⁰ Карпейский Марат Яковлевич (1929–2000) – химик, профессор. Заведующий лабораторией Института биорганической химии им. М.М. Шемякина АН СССР. Лауреат Государственной премии (1984).

знаком с Костакисом¹²¹. Толя надеялся, что этот американец сделает ему что-нибудь вроде паблисити, но у того ничего не получилось. Нам с Димой идти не хотелось, да и ни к чему, но может быть, этот парень достанет нам «Гардиан» через английское посольство. Кормили нас очень вкусно, Димке ужасно понравилось. Вся пища мягкая, как раз ему по зубам, он объелся. Одной кока-колы и какой-то севен-ап выпили неисчислимое количество. Две девочки, шести и семи лет, забавляли нас как светские дамы. Говорили по-русски и по-английски. Даже я что-то сказала по-английски одной девочке насчет того, где ей больше нравится – в Москве или в Америке? Она сказала, что в Америке лучше, потому что там у нее какая-то родная кошка живет. Я поняла и радости моей по этому поводу не было предела. Дети так изумительно воспитаны, что аж слеза прошибает от умиления. Они абсолютно свободные, вмеру ерзают на стульях, не скучают и не безобразничают, когда взрослые с ними не общаются, а терпеливо ждут, пока на них обратишь внимание. Показали все свои богатства: семейство плюшевых кошек, книжки. И Florence, которая поменьше, принесла свои побрякушки: колечки, клипсы, браслетики. Это, оказывается, она сама себе купила на скопленные деньги. Тут же она показала копилку, где лежат монетки всех стран, половину из них она и не знала названия.

Ровно в десять часов девочки пошли спать, не капризничая и даже без всякого сожаления. К каждому из нас подошли и попрощались. Бывают же такие дети! Наш Мишка до сих пор качается на стуле и хлопает в ладоши как дурачок. В основном девочек воспитывает Маргарет, очень милая жена Семакиса. На стенах у них висит штуки три-четыре подлинных Зверева¹²². Мне не особенно нравится этот художник, но, конечно, он очень способный человек. В заключение Ларри показал нам в своей квартире цветной широкоэкранный фильм по «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема, называется «Скрипач на крыше»¹²³. Фильм плохой – очень сладкий и очень длинный. Много поют и пляшут, хотя есть и про погром. Хорошо играет на скрипке Исаак Стерн. И вообще, есть неплохие места, но в общем – буза.

¹²¹ Костакис Георгий Дионисович (1913–1990) – крупнейший в мире коллекционер русского авангарда 1910-х–1930-х гг. (К. Малевич, В. Кандинский, М. Шагал, А. Родченко, Л. Попова, О. Розанова, М. Ларионов, И. Клюн, В. Татлин, П. Филонов, А. Явленский, Эль Лисицкий и др.). Кроме того, он обладал большой коллекцией икон и собранием произведений художников-нонконформистов. В 1973 г. ездил по миру с серией лекций по русскому искусству. В 1979 г. эмигрировал с семьей из СССР в Грецию. При этом вынужден был разделить свою огромную коллекцию (более двух тысяч произведений) – меньшую часть смог вывезти с собой, а большую передал Третьяковской галерее. После его смерти греческое правительство выкупило часть вывезенной коллекции и разместило ее в Государственном музее современного искусства в Салониках.

¹²² Анатолия Зверева особенно любил Г. Костакис. Он сам много приобретал его произведения и, видимо, рекомендовал покупать их своим друзьям. Тем более что в то время купить их можно было за бесценок.

¹²³ «Скрипач на крыше» (*Fiddler On The Roof*) – американский фильм-мюзикл 1971 года. Экранизация произведения Джозефа Стайна по рассказам Шолом-Алейхема про молочника Тевье. Режиссер Норман Джуисон, композиторы Джон Уильямс и Джерри Бок. В роли скрипача на крыше Исаак Стерн. Продолжительность фильма три часа. В 1972 г. удостоен трех «Оскаров», в том числе за музыку, двух «Золотых глобусов» и др. премий.

20 июня 1973 г., среда.

До отъезда в Алабино недолго общались с Мишкой. Говорили что-то, он слушал. Непонятно, что он думает. Хочет все-таки поступать, хотя шансов у него никаких. Я, честно говоря, хочу, чтобы он попал в армию. Он сказал, что хочет поступать. Но учиться он не хочет, зачем же тогда занимать чужое место, отнимать его у того, кто хочет учиться? Нам с Димой всегда не нравились такие дети – избалованные, невежественные, по существу, но с огромным самомнением. Наш Миша к тому же большой хитрец. Очень надеется на свое личное обаяние и на красивые глазки. В школе этот номер не прошел и не пройдет нигде. Теперь, чтобы попасть, ему нужно будет сделать поистине героические усилия. Мне кажется, что он на это не способен. Дай бог, чтобы я ошиблась. Завтра он будет плавать по химии и, наверное, на тройку выплывет. Потом то же самое произойдет с физикой. И школьный период кончится. Восемьсот рублей потратила его бабка на репетиторов, чтобы так кошмарно он кончил школу. Мы с Димой совершенно подавлены и, очевидно, во многом виноваты мы сами. Надо было не писать за него статей, не рисовать за него журнал. И, главное, еще жестче относиться к его разгильдяйству в учебе. Страдаем мы оттого, что уж очень его любим. Хоть и дурной, а родной. Что ж теперь поделаешь!

От всей муторности уехали в Алабино. Нас встретила зримо похудевшая Наталья, веселая, довольная. Она очень хорошая девка, эта Наталья. Жила здесь одна, не тосковала, выдерживала свое похудание и очень много нарисовала. Здесь хорошо, тихо, приятно, но сыро. Информации пропасть. Тов. Брежнев совсем запудрил мозги американским гражданам. Весь из себя обаятельный. На каверзные вопросы отвечал и даже не сердился¹²⁴. Настоящие коммунисты-ленинцы сердятся, когда им неприятные вопросы задают, на которые им ответить нечего. Конечно, без евреев не обошлось. Леонид Ильич привел данные о том, что у нас евреи тысячами уезжают без препятствия. Многие сенаторы тут же умилились и поверили. А в то же время тут семь ученых посадили, потом выпустили, теперь опять грозятся посадить. Масса людей, неевреев, тоже хочет отсюда уехать, так им нельзя. С американцами – тю-лю-лю, а радио глушат с «зоологической ненавистью», как теперь говорят. Я все равно за контакты. Лучше контакты, чтобы накормить, одеть и обуть свой народ, чем конфликты. Ведь при таких потребительских контактах духовные потребности только возрастут. Придется товарищу Брежневу еще раз пошевелить бровями, чтобы идеологию блюсти, подачки брать, соблюдать так называемую законность по отношению к инакомыслящим, и с гражданами еврейской национальности по хорошему обращаться. Очень тяжелая задача стоит перед нашим правительством, есть, над чем подумать. К тому же надо еще удержаться у власти. Ведь у нас демократия высшего типа, поэтому и слететь недолго – небольшой правительственный переворот, и всё. Я лично желаю нашему дорогому Ильичу всех

¹²⁴ 18–25 июня 1973 г. состоялся ответный визит Л.И. Брежнева в США, в ходе которого, в частности, было подписано соглашение о предотвращении ядерной войны и договор о сокращении стратегических вооружений. 20 июня в Вашингтоне прошла беседа Л.И. Брежнева с членами сенатской комиссии по иностранным делам конгресса США. 22 июня состоялась встреча с представителями деловых кругов США, перед которыми Л.И. Брежнев выступил с речью.

благ. Я теперь верю, что пока этот дяденька главный, если мы с Димой очень будем им противны, они не убьют нас, даже в тюрьму не посадят. А выпихнут с этой земли, обильно политой Диминой кровью и удобренной прахом моего погибшего отца. И если мы не сдохнем от огорчения, то, может быть, на свете найдется страна, которая даст нам убежище и обеспечит прожиточный минимум инвалиду войны с девятнадцати лет, искалеченному навсегда, но получившему от бога в награду за все свои муки талант художника.

21 июня 1973 г., четверг.

Большая радость. Пришла наша старая знакомая Катина черная кошка. А мы-то думали, что ее нет на свете. Батина шляпа лежит на шкафу и очень на Диму действует. Сегодня он увидел человека, выходящего из лесу, очень похожего на отца. Мы совершили длинный поход в Петровское. Дима перевел сберкнижку Абрама Яковлевича на меня и на себя. Зашли по магазинчикам, ничего не купили, но так как шли медленно, то я с непривычки очень устала. Дима быстро ходить не может, а я устаю, когда хожу медленно. Позвонили Наталье и Мишке. Натальи не было, неизвестно, где она гуляла. А Мишка гордо сообщил, что он сдал экзамен по химии на четыре. В аттестате у него все равно будет три, так что никакой пользы от этого не будет. Совсем как Иванушка-дурачок, всё делает шиворот-навыворот.

Несмотря на свои обаятельные брови, товарищ Брежнев дал, по мнению Израила, неверные сведения об отъезжающих из нашей страны. К тому же шесть ученых до сих пор голодают¹²⁵. Все это описала газета «Вашингтон пост», а также заявлял сенатор Джексон¹²⁶. Так что, очевидно, поправка Джексона все-таки отменена не будет. Радио глушат как никогда.

Дима починил дверь, начал что-то лепить из пластилина для Лени Штутмана и нарисовал на толстой сосновой доске «Мадонну с младенцем».

22 июня 1973 г., пятница.

Тридцать два года назад в нашей стране война началась безумная. По моему, кроме меня, никто сегодня об этом не вспомнит. Сейчас, слава богу, кажется, больше думают о мире.

Зазря съездила в Наро-Фоминск. Нотариус болен, и теперь переводить дом на Диму придется не раньше, чем через две недели. Дима совершенно не может делать задание для Лени Штутмана. Зато целый день ковырял и расписывал сосновую доску. Она его тоже не устраивает, но он не успокоится, пока не сделает шедевр. Живем мы вдвоем изумительно. Хоть чуть-чуть оторвались от нашей суетной действительности. Едим с аппетитом и оба боимся поправиться. Димушка не очень жалуется на свое самочувствие. И уже два дня совсем не было дождя. Наблюдаем за одной красногрудой птичкой. Она, бедняжка, наверное,

¹²⁵ Имеется в виду двухнедельная голодовка ученых-отказников, участников семинара по физике профессора А.В. Воронеля у него на квартире, вызвавшая большой отклик в мире.

¹²⁶ Джексон (Jackson) Генри (1912–1983) – конгрессмен и сенатор от штата Вашингтон с 1941 г. Кандидат в президенты США от Демократической партии в 1972 и 1976 гг. Соавтор известной поправки Джексона-Вэника.

объелась, потому что сидела на ветке с переполненным червяками ртом и никак не могла взлететь. Дима подошел к дереву вплотную и поразился, сколько у нее в клюве пищи, которую она не могла одолеть, а бросить жалко. Глазки глупенькие, две черные стеклянные бусинки. Черная кошка что-то не приходит, а Пушок, наверное, уже и не жив. Вчера, когда мы ходили в Петровское, нас с Димой испугалась одна бело-рыженькая собачка. Мы на нее засмотрелись, а она думала, что мы хотим ее съесть. Тихонечко, боком прошла мимо, а потом уже побежала нормальной своей походкой.

Слушаем радио и, в общем, радуемся. Сегодня Брежнев в своей речи подтвердил вчерашнее Димино предположение о том, что контакты с Америкой уже имеют необратимый характер. Шесть ученых-евреев в Москве голодают. Как бы кто из них не помер ненароком. Американские космонавты удачно возвратились. Наше радио так восторженно об этом сообщало, как будто это советские люди такие герои¹²⁷.

Мы очень хорошо живем здесь с Димушкой. Он так вообще счастлив.

Что, интересно, Майк в Англии поделывает?

23 июня 1973 г., суббота.

Дима вкалывает с утра до вечера. Сегодня он уже в который раз сказал мне: «Я испытываю отдых и наслаждение, только когда делаю свои вещи. Я даже не понимаю, как можно отдыхать иначе». У нас уже стоят три доски, пока незаконченные. Дима лохматый, кривой, ходит в рваном пиджаке, и без зубов. Он, наконец, имеет возможность отдохнуть от своих протертых челюстей. Они ему очень мучительно натирают во рту. Он решил слазить на чердак в поисках хорошей досочки. А там, оказывается, у самого входа жуткое осиное гнездо. Дима не заметил и задел его. Вдруг смотрю, из двери чердака отцовы штаны летают. А это Дима воюет с осами. Они все на него набросились и чуть не съели. Он все-таки победил. Раздавил их гнездо и вылез всего с двумя укусами – в нос и в ногу. Говорит, что пока воевал, его довольно сильно прихватывало за грудной. К тому же соседская кошка, которая тоже любит наш чердак, вылетела оттуда как ошпаренная, хотя ее никто не трогал. Как была она дикая, так и осталась. А черная Мурка приходила сегодня целых три раза, и теперь будет все время ходить.

Я дозвонилась в Москву Мишкиной бабушке. Мишка в это время ехал к нам в Алабино. Бабушка на Мишку жаловалась, говорила что он не занимается, а все книги в букинистический магазин продает. Мишка говорит, что он всё уже, что надо было, продал. Просто бабушке мерещилось, что каждый раз, когда он выходит с портфелем, он продает книги. Депутатская комиссия вчера не собиралась, в связи с только что прошедшими выборами. Приехал мальчик, потому что соскучился. Я, естественно, не удержалась и долго его ругала. Жалко его ужас-

¹²⁷ Имеется в виду первая экспедиция на американскую космическую станцию «Скайлэб». Полет продолжался рекордных 28 суток (с 24 мая по 22 июня 1973 г.). После возвращения на Землю астронавты Ч. Конрад, П. Вейц и Дж. Кервин, специально прилетев на вертолете в Сан-Клименто (Калифорния), встретились с Л.И. Брежневым, вручили ему подарки и вместе с Р. Никсоном участвовали в церемонии его проводов из США.

но, все-таки свой, дурачок, не чужой. В понедельник ему сдавать физику, но он еще книгу не открыл. Он все-таки надеется поступить. Факт, что в самом первом бою, мы потерпели сокрушительное поражение. Возможно, он это понимает, но, кажется, не очень четко.

Речь Брежнева поражает своим нормальным, даже, можно сказать, человеческим языком. Явно, хочет войти в историю как миротворец. Американцы со «Скайлэба» чувствуют себя фигово.

24 июня 1973 г., воскресенье.

Был сильнейший дождь. Слушали прощальную церемонию из Сан-Клименто. Леонид Ильич говорил всё правильно, но почему-то заплетающимся языком. Устал, наверно, все-таки старый человек. Сказал, что спать лег в три часа ночи. Нелегко нынче живется генеральным секретарям. Теперь полетит во Францию¹²⁸, где снова утомится. Не дай бог, умрет от перенапряжения или скинут его с поста за его спиной. У нас такие дела запросто. <...>

Черная кошка приходила как к себе домой. Сегодня привела своего ухажера – огромного котяру с разбойничьей мордой.

Димушка снова целый день возился с досками, которые он вырезывал и раскрашивал. Вчера был Мишка, сегодня появилась Наталья. Со времени своего похудания в Алабино она не изменилась, но поблекла. Она поругалась со своими родичами и живет у подруги. Никто не звонил, писем нет.

Прослушали по французскому радио передачу о Джонни Холлидее. Он действительно превосходный певец. Будет, что рассказать Тамаре Хачатуровой о ее родственничке. Сейчас «Голос Америки» делает свои передачи чем-то даже острее и интереснее, чем Би-би-си.

25 июня 1973 г., понедельник.

Мы очень удивились и огорчились одной новости. Вчера Би-би-си сообщило, что сегодня в восемь они будут передавать выдержки из «Индекса». Во вторник должны были повторять эту передачу в одиннадцать ночи и в среду в семнадцать сорок пять. Только мы с Димой собрались слушать, как вдруг диктор сообщает, что по непредвиденным обстоятельствам эта передача отменяется. Мы с Димой слегка взволнованы, неужели у Майка неприятности? Если бы его задержали в Москве, радио об этом сообщило. Возможно, что его задержали или что-нибудь попутали в Чехословакии. Ужасно любопытно, какие же непредвиденные обстоятельства? Дима высказал предположение, что нам могут всё объяснить в Москве в казенном доме на Лубянке.

Не знаем, как Мишка сдал последний экзамен по физике. Завтра мы едем в Москву с великой неохотой. Мне до ужаса не хочется идти в школу на выпускной вечер, всё из-за Мишки. Мой ребенок – самый худший выпускник. Не пойти нельзя. Восемь лет я учила этих ребят, и пообещала, что приду к ним на вечер.

¹²⁸ Имеется в виду рабочий визит Л.И. Брежнева во Францию 25–27 июня 1973 г., в ходе которого прошли преговоры с президентом Ж. Помпиду в его летней резиденции Рамбуайе под Парижем.

Димушка тоже очень не хочет ехать. Правда, он хочет помыться. Сегодня мы полдня счищали мусор с крыши, потому что вчера в сенях капало во время ливня. Потом Дима снова возился с досками. Доска, где «Святое семейство» и сова наверху – получилась совершенно великолепная вещь. Потом Дима помог мне улучшить очерк на радио про Алика Киселева. Всё бы ничего, но Диму прострелило.

Остался последний пламенеющий мак, горит, как красный фонарь. Черная кошка ходит регулярно. Очень избалованная кошка, не всё жрет, что дают.

27 июня 1973 г., среда.

Всего два дня в Москве, но уже закрутились жутко. Вспоминаем хорошие денечки в Алабино. Завтра, наверное, тоже не уедем, потому что у Димы день рождения. Вчера получил Мишка аттестат, совершенно ужасный – семь троек. Средний балл 3,6. Я в школе тоже была. Дети красивые, но несколько бледненькие. Многие мне искренне обрадовались – и родители, и дети. Было очень приятно. На ночь мы с Мишкой не остались. Зальцман изображал из себя завуча. Всех отдельно поздравлял и вручал какие-то сувениры. Мишка к нему не подошел. Нужно было пожать ему руку, этого он, конечно, сделать не мог. Последний подвиг Зальцмана – это выступление на педсовете. Ему нужно было уязвить учительницу истории, правильную дурочку Тамару Абрамовну Фельдман. Однако здесь она оказалась на высоте, хотя и расплакалась. Зальцман сказал: «Прошу занести в протокол. На экзамене по истории и обществоведению в 10-х классах я обнаружил, что дети слабо ориентируются в вопросах текущей политики. На вопрос, как советское правительство относится к гражданам, уезжающим в Израиль, мне не было дано правильного ответа». Тут Тамара Абрамовна и сказала: «Вы провокатор!»

Дима очень тут страдает. Крутится с утра до ночи уже второй день. Сегодня занималась я с Ленкой французским. Она кончила год, но, по-моему, не очень продвинулась в своих знаниях. Был у нас Стиг. Эрику исполнился годик, и он уже ходит. Ингрид немного захворала, поэтому ее не было.

Вечером мы втроем с Мишкой поехали к Гинзбургам. Витя несколько мрачноват. Нина ходит смотреть хорошие фильмы. Витя дал нам прочесть письмо Андропову¹²⁹. Он месяц назад отправил ему это письмо, где писал, что его уже три месяца не пускают за границу без объяснения причин.

28 июня 1973 г., четверг.

Стукнуло Диме 49 лет. Он ужасно утомлен и один раз у него заболело сердце, довольно сильно. Мы даже решили уехать сегодня вечером. Потом он слегка покемарил, и вроде бы отлежался. Ехать вечером не было сил. Мы так привыкли к горячей воде, что очень страдаем от ее отсутствия. Горячей воды не

¹²⁹ Андропов Юрий Владимирович (1914–1984) – секретарь ЦК КПСС (1962–1967), председатель КГБ при Совете Министров СССР (1967–1982), член Политбюро ЦК КПСС (1973–1984), генеральный секретарь ЦК КПСС (1982–1984). Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1983–1984). Герой Социалистического Труда (1974).

будет до 5 июля. Я довольно бездарно съездила с Аликом на радио. Передачу о нем придется мне переделывать. <...>

Вечером собрались у нас в подвале Владик с Нелей, Мима, Ленка, Вовка, Юра, Леня Крейндлин, Наталья и Клара. Мишка пошел в кино. Дима рассердился на него за то, что он внезапно решил оттаивать холодильник и в такую жару вытащил все продукты. Как всегда, Мишка делал это невпопад. Вовка завтра сдает последний экзамен. Очень боюсь, что он не сдаст его нормально. Он подарил Диме пластинку со средневековой музыкой и книгу, где Брант, Эразм и Гуттен. Очень трогательный мальчишка, этот Вовка.

Разговор вертелся вокруг одной проблемы: ехать – не ехать. Все выглядели неважно, одна Кларочка в отличной форме. Владик очень грустный. Миме разрешили посетить своего американского дядю, она уезжает в Америку на два месяца.

Якобсону разрешили уезжать. А.И. Солженицын получил анонимное письмо, что если он такого-то числа не принесет туда-то столько-то денег, один из его родственников будет убит¹³⁰. Это число прошло. Все в порядке, если не считать Люшу, которая на такси попала в аварию. Таксист врезался в грузовик и сам пострадал довольно сильно. Люша имела сотрясение мозга и лежала у Склифософского¹³¹.

Моя юная подружка из Франции Марианна Бернас прислала письмо. Она пишет, что поехала в Израиль в кибуц, чтобы поработать. Ей там нравится, но она хочет прожить в СССР один годик. Спрашивает, как это сделать.

29 июня 1973 г., пятница.

Сегодняшний утренний отъезд в Алабино носил характер бегства. Дима встал с ошалелыми глазами раньше восьми утра и сказал, что если мы не уедем, он совершенно точно пропадет. Уже с утра было двадцать два градуса. Мишка встал почти без скандала и деятельно нам помогал. С нами не поехал, потому что сегодня у него депутатская комиссия. <...> Приехали как в рай. Если бы Дима не чувствовал себя днем очень неважно, было бы вообще прекрасно. Он за три дня в Москве очень переутомился и почти не спал. Сердце сегодня болело, и слабость. Я, обуреваемая желанием приобрести джинсы, пошла в Петровский универмаг. Сейчас конец месяца, и такие вещи выбрасывают для плана. Действительно, джинсы были. Они советские, но выглядят отлично. Наши где-то сперли модель, то ли сами придумали. Их лихорадочно хватали. Я тоже схватила

¹³⁰ Эти анонимные (на самом деле, составленные КГБ) письма А.И. Солженицын назвал «бандитскими».

¹³¹ Случай описан А.И. Солженицыным в хронике «Бодался теленок с дубом»: «20 июня 1973 – как раз одновременно с атакой анонимных “бандитских” писем на мою семью – на Садовом кольце смежно-идущий грузовик вдруг необъяснимо повернул на 90° и ударил по такси, в котором ехала Люша, прямо по правому переднему углу, где она. Удар должен был быть смертельным; спасение ее, после долгого лечения, – скорей выпадало из правила. <...> Этого странного дорожного бандита суд тут же освободил из-под стражи: он оказался из “специальной воинской части”. <...> Хотя не было доказательств полных, но я склонялся почти к уверенности, что удар нанесен Люше – за меня. <...> Сотрясение было глубокое, с мозговыми явлениями, проявлялось длительно. В таком состоянии Люша одно время даже по улице не могла пройти».

сразу три пары. Благо, что удовольствие стоит 15 рублей. Конечно, только один размер – 46-й, третий рост. Мишке я, может быть, сумею отпустить, но все равно ему будет коротко. Хотя это мой размер, на меня эти портки влезли только до половины. Я их подарю Идиному сыну Лене Нудельману. На Диме сидят изумительно. Он в них спокойно влез и у него очень юношеский вид. Таким образом, я ему сделала подарок к вчерашнему дню рождения. Если Мишке подойдут, то, наконец, исполнится моя мечта – одеть моих мужиков в джинсы. Правда, Юра Никитин, который уже ходит в таких, но из худшего материала, говорит, что это не джинсы, а техасы. По мне, всё одно. Главное, сколько они будут носиться. Дима носит польские «брюки для мальчиков» целый год, хотя они явно доживают свой век. Мишка проносил такие же ровно три месяца. Посмотрим, сколько они проносят эти.

К вечеру Димусе стало полегче. Мы погуляли по саду, легли рано, одиннадцати не было. По радио рассказывают про Чили¹³². Там, наверное, будет гражданская война. Черная кошка не приходит. Завтра обещают 30 градусов.

30 июня 1973 г., суббота.

Живем замечательно, тихо и без суеты. Дима как муравей ковыряется с утра до ночи. Нарисовал еще один рисунок цветными карандашами из цикла «Алабинские идиллии». Портит Диме настроение коробочка, которую Дима облепляет пластилином и пробует изобразить на стенках барельефы. Эта работа его тяготит, так как она заказная, для Лени Штутмана. Я съездила в Апрелевку на рынок. Ничего хорошего там нет, кроме огурцов и апельсинов. Жара сильная, но из-за ветерка переносится легко. Дома же у нас просто прохладно. К вечеру прошел довольно сильный дождь. Я сегодня вырвала траву под четырьмя яблонями. Завтра буду вырывать на заднем дворе. Черная кошка почему-то не приходит. Наш самолет снова разбился в Иордании.

1 июля 1970 г., воскресенье.

Сегодня никакой жары не было. Диме сделалось нехорошо перед дождем, потом стало легче. Снова он целый день рисовал. Прибыла малахольная Наталья в больших синих очках. Забрала коробочку для Лени Штутмана. Сообщила радостную весть, что у Мишки все в порядке с квартирой – депутатская комиссия все утвердила, и завтра он переезжает, а бабушка заплатит паевой взнос. Звонил Виталий Суховерхов. Он будет рубить в мраморе памятник Володе Палетаеву. <...>

Ночью мне эти дьявольские мыши мешают, очень громко шуруют. Мне нравится спать именно в этой самой старой комнате, где печка. Здесь уютнее всего. Можно было бы спать с Димой, но он гораздо раньше меня тушит свет, и с ним

¹³² Президент Чили Сальвадор Альенде (1908–1973), избранный на выборах 1970 г. от партии Социалистов, не обладал поддержкой абсолютного большинства населения. А проводившиеся им реформы – национализация крупнейших компаний, банков, земельных владений – привели к росту цен, инфляции, бегству капитала, безработице и т. п. 11 сентября 1973 г. все это закончилось кровавым военным переворотом.

не почитаешь. Сейчас Дима урывками читает дневник Л.Н. Толстого. Все время поражается сходству своих мыслей и своего состояния с Толстым.

Би-би-си передало, что с завтрашнего дня будут говорить о двух первых номерах «Индекса», вышедших в этом году. Значит, с Майком все в порядке. Слушаем все время радио. В мире в основном бардак.

2 июля 1973 г., понедельник.

Целый день лил сильнейший дождь. Вылилось с небес невероятное количество воды. У соседки лилось под дом, потому что у них все старое, гнилое и водосток забит. Мужик, который ей перестелил полы, пудрил ей мозги, будто бы это к ней от нас течет. Дима выскочил беззубый и очень этого мужика напугал. Соседка – глупая-преглупая, не понимает, что когда к ней под дом течет, то мы тоже от этого страдаем. У нас в кладовке все прогнило, в той части, где наша хата спаривается с ее.

Очень скучаем по Мишке, Дима даже больше меня скучает. Я отдыхаю на всю катушку. Практически ничего не делаю, кроме мелочей по хозяйству. Дима с утра до ночи рисует и помаленьку пытается заканчивать расписывать доски. Очень огорчился, что сделал красный фон у темно-синей «Мадонны с младенцем». Завтра будет всё красное соскребывать.

Слушаем радио. Володю Максимова исключили из Союза писателей и могут засадить его в психушку. Математик Юрий Шиханович¹³³ уже там сидит. Володя написал очень сильное открытое письмо. Очень жаль, что он сейчас снова в запое. Леня Крейндлин рассказывал нам об этом у Димы на дне рождения. Радиопередача выдержек из «Индекса» состоялась. Мы ожидали большего. Дело в том, что нас больше всего интересуют наши собственные дела. Поэтому замечание о том, что Булат Окуджава был исключен из партии, когда это неверно, нас раздражает. В таких делах точность информации очень важна.

Откуда-то грядет жара, но если дождь не перестанет, то будет здесь не так уж привлекательно. Я прочла Мишкину книгу Мориса Эрцога про покорение гималайской вершины Аннапурна¹³⁴ и ужасно расстроилась. Ужас, как мне жалко этих покалечившихся героев-альпинистов. Мишка понавез сюда массу таких книг, но я уверена, сам он ни одной не прочел. Как он переезжает на новую квартиру?

¹³³ Шиханович Юрий Александрович (1933–2011) – математик, диссидент, редактор бюллетеня «Хроника текущих событий». В 1972–1974 гг. находился на принудительном лечении в психбольнице, в 1983–1987 гг. – в заключении. После 1995 г. занимался математической лингвистикой и преподавал в РГГУ.

¹³⁴ Эрцог (Herzog) Морис (1919–2012) – альпинист, бизнесмен, политик. Участник Второй мировой войны. 3 июня 1950 г. М. Эрцог в паре с Л. Лашеналем впервые в мире покорил восьмитысячник, совершив восхождение на гималайскую вершину Аннапурна I, что стало невероятной сенсацией. Спускаясь, оба альпиниста получили серьезные обморожения и потеряли пальцы ног, а М. Эрцог еще и почти все пальцы на руках (ампутацию из-за начавшейся гангрены провели в полевых условиях). В 1958–1966 гг. М. Эрцог был госсекретарем министерства молодежи и спорта Франции, в 1968–1977 гг. мэр Шамони. О покорении вершины он рассказал в книге «Аннапурна» (*Annapurna. Premier 8000*. Первое изд. 1951; по-русски впервые в 1960 г. в издательстве «Географиз»).

Вадим Сидур, Юлия, Владимир Воловников и Георгий Геннис в мастерской (начало 1970-х). Фото: Эдуард Гладков

3 июля 1973 г., вторник.

Ходила в Петровское и смогла купить только буханку черного хлеба. Масла нет никакого. Жалею, что замечательного немецкого масла купила только две пачки. У нас всегда надо хватать, если что-нибудь хорошее появится, потом не будет. Дима совершенно ненормальный, вкальвает без передыху. Вечером вытасил из кладовки три прогнивших доски. Он считает, что вода под домом останется из-за плохой вентиляции. «Мадонна с младенцем» приобретает совсем другой вид. Дима ее выдолбил, и теперь она скульптура. Так гораздо лучше, чем покрашенная плоскость.

Я звонила Наталье. Майк и Том прислали открытку из Англии. Прибыли они благополучно. Звонил человек по фамилии Лившиц, хотел прийти с болгарским скульптором. Я Наталье сказала, чтобы не пускала. Мы не любим пускать художников. Мишка всё переезжает. У Наташки, когда я звонила, сидели Юрочка и Вовка. Юрочка приехал на пересменок, а Вовка сдал последний экзамен на четыре и теперь свободен. Наталья была оживлена. Может быть, завтра придет Мишка, хорошо бы. Вечером я вырывала траву на заднем дворе. Если ее не вырывать, то мы потеряем весь наш урожай.

4 июля 1973 г., среда.

Дима себя неважно чувствовал. Наверное, оттого, что погода переменялась на жару. Изумительная была погода. Приезжал Мышин, мы невероятно обрадовались, он тоже. Заросший и симпатичный. Рассказал, как он обживает свою новую квартиру. Спит на раскладушке, все свои вещи перевез. Доволен мальчик безумно. Говорит, что бабушка тоже довольна, переезжать пока не собирается. Дима тут же сгонял его на чердак за досками. Дима говорит, что этот свой рабочий сезон он назовет «лето досок». Парень наш настроен очень серьезно и собирается много заниматься, чтобы поступить. Но теперь, если даже он уйдет в армию, ему будет куда возвращаться. Период совместного проживания со Слепышевым кончился навсегда. И слава богу.

Димушка наметил рисунки еще на двух досках. Довольно долго он ковырялся возле стенки, где под дом льется вода, засыпал рядом глиной, а сверху песком. Я ему помогала подсобником. В кладовке у нас с полу снято три доски, и мы ждем, пока всё просохнет. Клубничка на одной оставшейся грядке на заднем дворе стала поспевать. Я сегодня снова вырывала траву под вишней и сливой. Вернулась красавица черная кошка. Она не приходила, потому что загуляла. Теперь она беременная и очень ласковая.

Я вспомнила, как на днях нас посетила Нинка Борисова¹³⁵ со своей хорошенькой двенадцатилетней племянницей Ларой. Они каждый год снимают здесь дачу на соседней улице. Нинка отлично выглядит, совершенно не меняется. Диме эта Лара нравится уже много лет. Я вспомнила, как десять лет назад они приходили к нам всей семьей – Нинка, ее сестра с мужем и крошечная Лара, которая у нас описалась. Теперь это длиненькая красивая девочка, продукт акселерации. Дима, как ее увидел, весь затрепетал. Надел зубы, синюю рубашку, новые джинсы. Лара осталась равнодушна и в основном занималась своей собакой-лайкой, которую они привели с собой. Эта собака решила почему-то вырыть у нас на участке яму и очень старалась. Нинка с нами беседовала очень сердечно. Про Лемпорта не было сказано ни слова. Спрашивала про Мишку. Когда она увидела его в прошлом году впервые, была поражена сверх меры. Мишка все время говорил «папа», и она была потрясена, что у Димы такой взрослый сын, существование которого он столь тщательно скрывал.

До чего же зверски глушат радио, хотя мы всё слышим. Сахаров высказался для шведского телевидения очень резко¹³⁶. Страшно за него. Он сказал абсолют-

¹³⁵ Подруга В.С. Лемпорта.

¹³⁶ 2 июля 1973 г. А.Д. Сахаров дал интервью корреспонденту шведского радио и телевидения Улле Стенхольму, 4 июля опубликованное в газете *Dagens Nyheter*: «Возьмем социализм. В начале этого пути мне казалось, что я понимаю, что такое социализм, и я считал, что социализм – это хорошо. Но постепенно я очень многое перестал понимать, и у меня возникло сомнение в правильности наших экономических основ, недоумение, есть ли в нашей системе что-нибудь, кроме пустых слов, кроме пропаганды для внутреннего и международного потребления». На вопрос: «В чем конкретно Вы видите самые большие недостатки в сегодняшнем советском обществе?», А.Д. Сахаров ответил: «В несвободе, наверное. В несвободе, в бюрократизации управления, в том, что это управление крайне неразумно и страшно эгоистично. Это классово-эгоистическое управление, которое преследует, в сущности, только одну цель: сохранить этот строй, сохранить видимость благополучия при очень неблагоприятном внутреннем положении. Социально это – ущербное общество», и т. д.

ную правду, но так он еще никогда не говорил. Это удивительный человек. Мы на таких людей молиться должны.

6 июля 1973 г., пятница.

Вчера я не записывала. Позавчера, пока ездила на рынок в Апрелевку, Дима, много лет не заглядывающий в мой дневник, решил заглянуть. Прочел последнюю запись и она ему очень не понравилась. Долго говорил, что всё это мышьяная возня, один быт, который никому не интересен. Лучше бы я бесхитростно описывала работы, которые он сейчас делает, написала бы о постоянном напряжении, в котором он находится и днем и ночью, как он не может дождаться утра, чтобы поскорее схватиться за очередную доску. Что же касается Лары, то я написала так, как это сделал бы Лемпорт. Из-за неточностей получается совсем другой человек – сексуальный маньяк. Никуда он не бежал надевать зубы, без зубов он никогда на люди не показывается. Я сама же его предупреждаю о приходе чужих и задерживаю их, пока Дима надевает зубы, и тогда он только выходит. Носить же их постоянно он не может, потому что они ему жутко натирают десны. Без зубов он ходит только при мне, при Мишке и при моей маме. Потом он мне говорил, что нужно учиться писать у Надежды Яковлевны Мандельштам. Мне было очень обидно всё это слушать, хотя всё, что он говорил, правда. Но я не имею такого таланта, как Надежда Яковлевна. Пишу как умею. Тем более что никто мои писания не читает. Только моя мама иногда, когда я не вижу. Но ей всё очень интересно. Она только недовольна, что я преуменьшаю ее роль в нашей жизни. В этот понедельник она уезжает к тете Рахильке в Ригу, и мне жаль, что мы давно не виделись.

Димушка навел на меня такую критику, что мне сразу записывать расхотелось. Он говорил, что это по-товарищески и по-дружески, но все равно мне было обидно. Особенно меня обидело сравнение с Лемпортом. Я, конечно, сама почувствовала, что где Лара, я написала слишком ехидно, почти злобно, и Дима это тут же почувствовал. Но вообще, ему наплевать на всё, что касается его личности, но он требует от меня, чтобы я точно и бесхитростно описывала вещи, которые он делает. Не просто «доски», как я пишу, а большие серьезные скульптуры. Он считает, что может так случиться, что ничего не останется, кроме моих записей, и тогда эти описания работ будут иметь большой смысл. Я же так не думаю. Мои дневники могут иметь какой-либо смысл только в сочетании с его работами. К тому же я поняла еще одну старую истину – тот, кто пишет о другом, почти всегда пишет о себе. Здесь, безусловно, видна моя глуповатая и несколько инфантильная сущность, но в принципе, я стараюсь писать интересно, насколько могу. Конечно, эти записи субъективны и тенденциозны, но иначе, моему, и быть не может, когда человек пишет личный дневник. Я не историк и не социолог. Я не уверена, что мои дневники смогут читать посторонние люди. Во всяком случае, в ближайшем будущем это точно не произойдет. А когда пройдет время, то ко всему будет совсем другое отношение. За эти шесть лет я написала много шелухи, но кое-что, совершенно точно, интересно и важно. Что же касается описания работ, то это действительно мое слабое место. Тем не менее я попробую выполнить эту Димину просьбу. Первая вещь – «Святое семей-

ство». На сосновой доске примерно метр длиной изображено три человека: мужчина с бородой, его лица касается головой женщина с ярким цветком в волосах слева, на шее проглядывает небольшая ромашка. Ниже ребенок неопределенного возраста, его лицо вырезано в дереве и не раскрашено, так же как и ноги. Одет он в желтую длинную рубашку, в руках держит яркий красный цветок, похожий на распятие. Ширина доски в торце сантиметра четыре. Раскрашена темперой, основные цвета – зеленый, синий, желтый. Эта доска имеет сантиметров 15–20 раскрашенной плоскости. Она прислонена к двум другим узким доскам, у которых в торце около восьми см, длина около 1 м 70 см. Над головами святого семейства щель. Дима не был удовлетворен этой работой, пока в самом верху не закрепил над щелью деревянную сову, которую когда-то давно привез мне в подарок из Эссентуков. У совы распахнуты крылья, она довольно плоская и может сильно напоминать несколько странное распятие. Ее страшноватое лицо контрастирует с лицами людей. Некрашенное выгнутое лицо мальчика ярко сияет, чем несколько, как говорит Дима, нарушает гармонию. Но пока он хочет оставить так, как есть. Над головами людей желтый круг, внутри которого три круга поменьше. Вторая вещь 50–70 см высоты, толщиной 5–8 см, ширина 20–25 см. Выдолбленная в дереве, «Мадонна с младенцем» очень обобщенная и условная – только шеи и головы, большая и к ней прислоненная маленькая темно-синего цвета. Сначала Дима не выдалбливал, а раскрашивал. Ему не понравилось, тогда он соскреб бритвой все цвета и вырезал основное изображение. Глаза у женщины все-таки проглядываются. Третья вещь не закончена. 1 метр высоты, 5–8 см толщины, 25–30 см ширины. Два любовника, покрашенные охрой, тоже вырезаны. Мужчина старый, у него черным фломастером нарисованы глаза, усы и борода. Пока вещь не кончена. Четвертая вещь тоже не кончена. Это на очень плоской доске 1 м 20 см длиной изображена девочка очень телесного цвета. Пока похожа на куклу, слишком натуралистична из-за телесного цвета и несколько картонного вида. Внизу у нее будет, скорее всего, черный кот. Дима собирается еще над ней работать и думает, что она будет очень хорошая. На голове у нее должны быть цветы. Пятая вещь появилась сегодня, пока я ходила в Петровское звонить и что-нибудь купить из продуктов. Это тоненькая досочка 40–50 см высотой. Мадонна с младенцем. У нее нимб из жести. Она вся вырезана тонким контуром. На руках большеглазый младенец. Пока что-то раскрашены карандашами, у нее и у младенца ярко-голубые глаза. Укреплена эта досочка на другой довольно плоской доске. Слева бабочка из одной секции дверной петли и еще две наклейки – одна деревянная конусообразная внизу слева, и справа тоже прибитая крупная деревянная штука, похожая на гайку.

Дима раздумывает, обить ли всю мадонну по контуру ржавыми гвоздями или нет. Эта вещь выглядит абсолютной иконой. Она тоже пока не кончена. Мне она ужасно нравится. Дима практически не отдыхает. Очень плохо спит. Но в общем доволен. В Москву не хочет ни в коем случае, тем более что вчера мы здесь устроили себе баню. Единственно, что не хватает – это душа. С едой мы наладились. Я вчера ездила на рынок в Апрелевку и купила молодой картошечки. Дима ее ест с огромным наслаждением. Кроме скульптур, Дима нарисовал с десятков рисунков. Три – цветными карандашами, остальные черно-белые. Тема одна –

обнаженные мужчина и женщина, или несколько мужчин и женщин. Ленкин образ помаленьку вытесняет мой. Изображаемая девица стала значительно худее, а иногда и почти без груди.

2 августа 1973 г., четверг.

Я решила больше ничего не записывать, потому что надоело. Но за это время произошло столько интересных и страшноватых событий, что не записать грех. Дима снова подвергся невероятной опасности – его два раза шарахнуло по голове. В Москву мы ездили за это время два раза на пару дней и стремительно сбегали обратно через день или два.

3 августа 1973 г., пятница.

В первый раз Диму стукнуло ставней в кладовке по левой стороне головы. Ставню заклинило, и он силой пытался ее вытащить. Каким-то образом он опустил руки и тут-то она его и тюкнула. Всё обошлось, голова очень немного поболела и на этом всё кончилось. В тот день и во все последующие дни шли проливные дожди. Дима даже не прекратил работать. Он почти закончил метровую голову «Пророка», вырезал небольшое распятие и начал новую скульптуру – довольно большую «Мадонну с младенцем». Последующие события были более неприятными.

Всё было сначала очень неплохо. Во время пребывания в Москве мы два раза были в замечательной Мишкиной квартире. Он утверждает, что усиленно занимается, но за это время исхитрился купить двадцать книжных полок, закупить и продать огромное количество книг. Естественно, всё это на бабушкины деньги. В те дни, когда он приезжал, я с ним из-под палки занималась французским. И вчера он сдал его на отлично. Все его одноклассники, которые сдавали в Иняз, кроме одной девочки, получили пятерки. Следующий экзамен, сочинение, он пишет шестого, в понедельник.

Во второй наш приезд сюда всё было очень хорошо, пока не наступили суббота и воскресенье – 28 и 29 июля. У нас поспела совсем смородина и малина. Я натолкла несколько банок витамина, и сахарный песок кончился. В нашем убогом магазинчике его не было, так же как и масла, так же как и хлеба, и я поперла в Петровское с рюкзаком. Поспела вовремя, потому что песок там давали исключительно для плана, и мне повезло. Я отоварились очень удачно – купила десять кг песку, масла, хлеба, зашла в аптеку и с трудом всё это доволокла до дому, хотя была очень довольна. Меня ждал приятный сюрприз – Веня Смехов с Аллой приехали. Они давно грозились, но я уже думала, что они не приедут. Все были довольны. Дима пошел с ними погулять, пока я что-то варила и наводила порядок. Потом они вернулись и мы решили сыграть в дурака. Димка сел спиной к столу, на котором стояла самая первая его скульптура «Святое семейство». Он неудачно двинулся на стуле и центральная доска, где было цветное изображение, шарахнула его точно по голове. Я вошла в этот момент и увидела испуганное Венино лицо и Диму, аккуратно поставившего доску на место, а затем крепко схватившего голову обеими руками. Он говорил, что чувствовал невероятный звон и гудение в ушах. Голову ему тут же начало распиравать изнутри и

появилась дурнота. Явно, у него произошло сотрясение. Он лег, но мутило его сильно, хотя тошноту он все-таки все время подавлял усилием воли. Так довольно печально закончился этот день. Мишка тоже приехал довольно поздно и огорчился. Если бы не это происшествие, Веня с Аллой были бы совсем довольны. Они паслись на малине и на смородине. Алла привезла с собой много еды и у нас, слава богу, тоже всё было, так что было бы отлично, если бы не Димка. На другой день он почувствовал себя так же скверно. Алла с Веней пошли в Петровское смотреть Казаковские развалины, по дороге набрали сыроежек и вернулись довольные. Алла заставила Веню собирать смородину. Димка лежал не глухо, он иногда вставал, но чувствовал себя фигово. Я с Мишкой позанималась французским и он поехал кататься на велосипеде. Мы с Аллой колготились на кухне. Вдруг Димка возвращается из сортира, который у нас на заднем дворе в самом отдаленном углу, и глаза у него несколько ошалелые. Он нам рассказал довольно жуткую историю. За забором, где живет Юрка Трусов, обокравший нас в прошлом году, <...> за этим забором на крыше трусовского сарая стояло несколько парней и жрали с дерева вишни. Дима зашел в сортир и тут же услышал стук по крыше. Он высунулся и сказал: «Потише, братцы». Тогда один, на вид абсолютный убийца, заорал: «Что ты сказал, блядь?» – «Я сказал: потише братцы», – скаазал Дима несколько повышенным голосом и снова закрыл дверь. Тут же они стали бить по крыше палками и кричать: «Эй, мужик, кончай срать! Давай выходи!» Дима вышел и его тут же окружили пятеро бандюг, попрыгавшие на нашу территорию. Самое интересное, что все мы, будучи на переднем дворе, ничего этого не слыхали. Соседи наши тоже спереди собирали вишни. Мы даже ничего не подозревали. Перебивая матершиной, парни стали говорить Диме, что они ему такое устроят, что он запомнит на всю жизнь. Особенно неприятно было, что самый страшный дегенерат стоял сзади него. Дима, естественно, испугался, но вида не показал. Он только сказал одному из них: «Я тебе не блядь, а инвалид войны». Это заявление их немного смешало, но угрожать они не перестали: «Мы из области, не отсюда, нас и не найдут никогда». – «А где Юрка?» – спросил Дима. В это время Юрка, расфранченный, перепрыгнул через забор. «Ты что, – сказал Дима, – тебя за этот год тронул кто-нибудь, тебе что-нибудь сделали?» – «Меня чуть не посадили из-за твоего заявления. Пусть ребята сами с тобой поговорят», – и Юрка снова перепрыгнул обратно. Он, в отличие от своих дружков, был трезвый. Парни еще слегка поматерились и удалились со словами: «Смотри, смотри». Дима на это им ответил в таком же тоне: «Ладно, ладно, посмотрим». К удару по голове в добавление это было очень кстати.

Мы все обсуждали, что делать, но так ничего и не решили. Алла и Мишка советовали тут же написать заявление в милицию, потому что если что-нибудь потом произошло бы, они были бы уже предупреждены. Для этого надо было потратить много нервов, сочиняя это письмо, потом переться в Петровское, очевидно, без толку, судя по тому, что милиция после прошлогодней кражи даже вещи нам не вернула. Диме это было ни к чему. Хотя Алла и Веня сказали, что они подтвердят, что видели всё происходившее и слышали, но мы подумали и решили несколько обождать. В это время бандюги завели у себя жуткую музыку с песнями Высоцкого. Правда, веселье было кратковременным. В итоге

Дима сказал, что мы пойдем к ним завтра домой, к его матери и к нему, и обо всем этом серьезно поговорим. Постепенно мы успокоились. Мишка поехал в Москву, чтобы не опоздать к учителю истории. Я с Веней собирала смородину, а Алла возилась на кухне. Вдруг она подошла к нам и сказала, что Дима снова на заднем дворе беседует с Юркой. Я тут же бросила все и помчалась туда. Юрка сидел на самой нижней крыше своего сарая в желтых носках и жрал вишни. Он не урод, но очень косою. Рядом по крыше бродила его возлюбленная девица, раскрашенная Танька. Дима утверждает, что с прошлого года она похорошела, хотя чем-то она страшна. Но постоянность их отношений, наверное, неспроста. Может быть, они даже женятся. Дима говорил тихо и тот слушал. Очевидно, Юрка почувствовал какой-то перебор и полез на крышу специально, он ждал этого разговора. Дима, естественно, должен был еще раз пойти в сортир. Когда я появилась, Дима говорил примерно такие слова: «Я живу здесь 21 год. Знаю твоего отца и знаю твою сестру, на руках ее держал. Мы соседи и нам нужно будет жить дальше. Зачем же ты вынуждаешь меня что-то предпринимать против тебя?» – «А вот, на меня стукнули. Я ничего не брал у вас, это просто ко мне вещи притащили. Я и не знал, что они ваши». – «Хорошо, – сказал Дима, прекрасно понимая, что тот всё врет, – я тоже не знал, что ты к нам влез. Мой покойный отец подал заявление в поссовет о краже, те в свою очередь вызвали милицию. Таким образом, милиция нашла у тебя вещи». Тут подошла я и Дима сказал: «Вот, познакомьтесь, это моя жена». – «Здравствуйте!» – сказала я. Юрка ничего не ответил, а совсем закосил и еще сосредоточеннее стал жрать вишни. До этого он принял Аллу за Димину жену и попросил: «Вон ваша жена идет. Пусть она сюда не подходит». Тут появился Веня, издали весь из себя огромный и здоровенный, и спросил, как дела. Мы с Димой одновременно ответили: «Всё нормально, Веня». – «Вот видишь, Юрка, – сказал Дима, – у меня здесь гости. Я бы тоже мог собрать дружков, не хуже твоих. Началась бы драка, но зачем нам это нужно. Пойми, у меня очень много других дел». По крыше ходила Юркина девка, всё очень внимательно слушала, хотя жрала вишни. Неожиданно появился парень чуть постарше и несколько выпивши. Парень с очень порочным лицом, рябоватой кожей и несколько истерическим голосом. «Вы правильно всё говорите. Я вот сам тут приехал. Соседей, Юра, не надо травмировать. Зачем же это, Юра, соседей травмировать. Понимаете, молодость это, дурости много. Жениться ему пора, а всё дурит». – «Что ж ты думаешь, я боюсь, что твои дружки сюда попрыгали и из сортира меня выудили», – сказал Дима. «Я сам испугался, когда ребята сюда прыгнули, вы уж извините». Это были очень важные слова, они указали на то, что у Юрки было ощущение некоторого перебора. Простого пугания не получилось. Недаром он поджидал, когда Дима подойдет, чтобы прояснить обстановку. «Очень обидно, – сказал Дима, – что ты способный человек, ты в радио разбираешься, а занимаешься не тем». – «Я знаю, что вы бы мне телевизор и так отдали, если бы я попросил». – «Я ведь был у тебя. Как у тебя всё отлично устроено с радиоаппаратурой». – «Он в армию скоро идет, забирают его», – заверещал парень постарше и прыгнул с крыши, чуть не сломав себе шею. «Потише», – сказал Юрка. «Если вас берут в армию, – сказала я, – попроситесь куда-нибудь поближе к радио». – «Уже, – с гордостью сказали Юрка

и его друг, – меня зачислили в радиовойска». Я выразила очень искреннее удовлетворение, что ему так повезло. «Значит договорились, – сказал Дима, – на этом всё кончено». – «Договорились», – сказал Юрка. На этом мы расстались. До какой-то степени мы были удовлетворены. Юрка не конченный бандит, он пока еще только шпана. Неглуп и очень хитер, как животное. Шпана плоха тем, что часто действует импульсивно. Мы с Димой решили, что если милиция к нам обратится, мы возьмем те вещи, которые у них лежат, а остальное требовать не будем, скажем, что мы с ним по-хорошему договорились. Правда, если он ничего больше не выкинет. Если же он устроит нам что-нибудь подобное этой истории, мы с Димой решили пойти на всё, вплоть до того, чтобы не жить здесь больше. Но припомнить ему всё.

Этот безумный день не кончился. Мы с Аллой беседовали о том, как ее несколько лет назад избил один бандит с друзьями, но потом сел за это в тюрьму на три года. Дима топил печку, борясь с приступами дурноты от своего сотрясения и дальнейшей нервотрепки, но мне топить не доверял. Вдруг появилась Кларочка. Оказывается, она привезла новости, что Лева <Копелев> получил от Майка известия, о которых Кларочке сообщила Лидия Корнеевна. Майка с Томом обыскивали на таможне шесть часов, нашли у них все записки в какой-то банке, забрали какой-то документ, принадлежащий Лидии Корнеевне, и много спрашивали про нее и про Эдика. Про Диму и про Клару не спрашивали. Нам не хотелось обсуждать всё это при Вене с Аллой, зачем людям лишние знания, которые могут им повредить. Поэтому обсуждали всё уже после их отъезда. Мы очень сердечно попрощались. Веня с Аллой на днях должны были выехать в Берлин по частному приглашению с остановкой в Варшаве на три дня. В Берлине сейчас помер старый гад Ульбрихт¹³⁷ и проходит молодежный фестиваль¹³⁸.

Мы сидели втроем с Кларой, поругивали Майка, что он недостаточно вник в наши предостережения про шмон и вез записки в какой-то банке. У Димы дурнота от сотрясения то накатывала, то проходила. Вдруг раздался жуткий трезвон в дверь. Так трезвонить может только один человек в мире – Мишка. Это был он, перелезший только что через забор, так как был двенадцатый час ночи и калитка была заперта. Мы очень испугались, что еще что-нибудь случилось, но парень улыбался во весь рот. Он сидел у нас дома, зубрил историю и собирался ехать к учителю. В этот момент ему позвонил Леня Крейндин и сказал, что ему необходимо увидеть Диму. Мишка перезвонил учителю, что не придет, сел с Леней в его «Жигули» и они приехали к нам. Леня привез нам письмо от Майка, которое передал ему Лева с наставлением вручить как можно скорее¹³⁹. Это была

¹³⁷ Ульбрихт (Ulbricht) Вальтер (1893–1973) – в 1950–1971 гг. первый секретарь СЕПГ, одновременно в 1960–1973 гг. первый председатель Госсовета ГДР.

¹³⁸ С 28 июля по 5 августа 1973 г. в Восточном Берлине проходил X Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

¹³⁹ В 1989 г. в письме К. Аймермахеру Юлия писала: «Это письмо нас очень утешило и подбодрило. Ведь мы видели, как КГБ открыто повсюду ходило за Майком, а значит и за нами всеми. Поэтому для нас естественным делом была реакция властей и репрессии, которые последовали. Мы считали себя виноватыми, живя в незаконном государстве и следуя понятиям его незаконной логики. Мне очень жаль, что время было такое опасное, что мы, прочитав это письмо, его по-

иллюстрация к Кларочкиному сообщению. Майк пишет, что ему устроили шмон по всем правилам. Раздели догола, прощупали всю одежду, забрали все записки и адреса и допрашивали в течение трех часов. Сообщили ему, что он везет контрабанду. Задавали вопросы про Лидию Корнеевну в основном¹⁴⁰. Про Эдика он не пишет вообще. Про Диму спрашивали мало. Майк сказал, что он его приятель. Ни дощечку, ни гравюры не отобрали. Ни слова не спросили об «Индексе». Майк просит Диму сообщить ему адреса своих друзей на Западе, которые Дима ему дал. У него отобрали все пленки, где он всех нас заснял. Дальше Майк пишет, какие все мы хорошие, прекрасные, храбрые, как он никогда нас не забудет. И что этот его приезд был еще более потрясающим, чем первый. Что он восхищается и удивляется, как мы живем здесь, не сходя с ума. Еще его очень интересует Володя Максимов. Ему, если он уедет, приготовлено место в Оксфорде. Майк спрашивает, знает ли Володя какие-нибудь иностранные языки. Конечно, нет. Также Майк не хочет, чтобы Володя попал в объятия «Посева», потому что тогда уж он никогда не сможет вернуться в СССР. Даже после шмона Майк остался наивным¹⁴¹. Чудак, как будто бы из Оксфорда Володя сможет вернуться при желании в СССР.

том уничтожили. При этом была Клара и еще один друг, который нам это письмо привез». (См.: *Юлия Сидур – Карл Аймермахер. «Время новых надежд...»* Переписка 1986–1992. – М., АИРО-XXI. 2014. С. 372–373).

¹⁴⁰ «Он сказал Диме, – писала Юлия, – что может получить в “Посеве” гонорары за портрет Солженицына, если Дима даст ему доверенность. Дима очень уверенно отказался. Поэтому мы очень огорчились, когда накануне его отъезда, в гостях у Эдика он показал нам доверенность, данную ему Лидией Корнеевной Чуковской на имя Жореса Медведева, чтобы тот получил ее гонорары за изданные на Западе книги. И я сказала, что Майка обязательно будут обыскивать и его товарища Тома Бредли тоже. На это он ответил, что положит доверенность “в каблук”. Это было настолько глупое заявление, что мы все засмеялись. Тот, кто обыскивает, всегда лезет в каблуки в первую очередь. На таможе Майку залезли не только в каблук, но и, как он сам написал, “они обыскивали каждую шву моей одежды”».

¹⁴¹ Вскоре суждение Юлии о «наивности» М. Скэммела резко изменилось. Дело в том, что 12 января 1974 г. в газете «Советская Россия» была напечатана разгромная статья «Миша Скамейкин из Лондона», подписанная *И. Юрченко*. Речь в ней шла о М. Скэммеле, Л.К. Чуковской, Л.З. Копелеве и В.А. Сидуре. Вот, что писала Юлия в 1989 г.: «Дима, предвидя грядущие большие неприятности, сказал Майку: “Если с нами что-нибудь случится, ты будешь нас защищать? Ты человек, находящийся близко к прессе, тебе это будет легче сделать, чем кому-нибудь другому. Мы можем на это рассчитывать?” – “Конечно! – воскликнул Майк. – Как ты можешь в этом сомневаться?!” Но после появления статьи “Миша Скамейкин”, когда мы напряженно слушали радио, оказалось, что Майк сказал только то, что он ни в чем не виноват, поэтому его выпустили из Советского Союза, иначе бы его не выпустили. Мы в Москве, честно говоря, были потрясены подобной реакцией и долго не могли очухаться. Нас несколько не поразила статья, полная омерзительной лжи. Мы знали, что теперь нас начнут карать, что и последовало, включая Клару и Эдика, в статье не упомянутых. Но нас потрясло предательство Майка. <...> Все “герои” статьи “Миша Скамейкин” были предельно огорчены и подавлены, и подавлены не от нормальной людоодедской деятельности карающих властей, а от реакции Майка, заявившего на весь мир, что он ни в чем не виноват. Более того, многие у нас подумали, что это провокатор из КГБ». Публикация данной статьи не в июне 1973 г., сразу после обыска и допроса М. Скэммела в аэропорту, а в январе следующего года, объясняется, по мнению Ж.А. Медведева, приурочиванием ее к исключению Л.К. Чуковской из Союза писателей. (*Медведев Ж.А. Лживый детектив в газете «Советская Россия» // Новый журнал. № 114. 1974.*) После 1973 г. В. Сидур с М. Скэммелом не встречался. Юлия увиделась с ним в Москве в январе 1989 г.

На этом невероятно сумасшедший день кончился. Леня Крейндлин – золотой парень, наш новый друг, увез Кларочку в Переделкино (хотя она думала у нас переночевать, но воспользовалась его машиной), а Мишку довез до дома в Москве. Забыла записать, что в письмо Майк вложил вырезку из *Guardian* от 16 июня этого года, где помещена статья Джонатана Стила о Новодевичьем кладбище и фото памятника Игорю Евгеньевичу. Сказано, что это событие в советском искусстве, и Дима назван одним из самых выдающихся художников в нашей стране. Это было единственное приятное известие за весь день.

В понедельник мы отдыхали от людей. К вечеру приехала Кларочка, сообщила, что Эдик стал колоть новое лекарство и вроде бы стало лучше. Во вторник приехал Мишка, взвинченный, и придуривался как только мог. Я думаю, оттого, что боялся экзамена. Я с ним даже поругалась. В среду мы с утра до позднего вечера занимались. А вчера он получил пять, а мы извелись, пока он приехал и сообщил об этом.

Сегодня нас посетила прибывшая из Ленинграда Ленка, тощая и злоющая как выдра, в сопровождении Юрочки и Вовки. Они оба отлично выглядят, особенно Вовка. Он сообщил, что мне необходимо позвонить Наталье Исаевой, так как у нее вдруг прорезалась возможность подстраховать Мишкино поступление в институт. Я два раза бегала в Петровское ей звонить и узнала, что уже поздно. Я, честно говоря, не очень огорчаюсь. Хочется, чтобы Мишка поступил сам, без всякой страховки. Не люблю блатных.

Дима сегодня уже выглядел вполне прилично и его почти совсем не мутило, только чуть-чуть. Даст бог, оклемается и на этот раз.

Наши, желая всякой разрядки, творят такие дела у себя в стране, что никто не станет с нами разряжаться. Упекли заново Амальрика¹⁴², Володню Максимова хотят засадить в психушку, сажают каких-то евреев, мучают сына Левича. Пишут в журналах для иностранцев, что глушить радио необходимо, так как иначе то, что радио вещает, будет вмешательством во внутренние дела. Это, мол, так юристы говорят. Какие юристы, конечно, не сказано. Совсем наше миролюбивое правительство озверело. Непонятно все же, зачем они сами себе гадят? Неужели и до Сахарова доберутся?

4 августа 1973 г., суббота.

Сегодня мы прожили редкий прекрасный день. Изумительная погода. Дима не жаловался ни на какие недомогания. Есть надежда, что с головой всё обошлось на этот раз благополучно. Целый день мы отдыхали. Дима очень сильно продвинул вторую большую доску, где должны быть женская голова и детская. Это в пандан к большому «Пророку». Но вкалывал он с перерывами, читал, лежа

¹⁴² 21 мая 1973 г., в день окончания трехлетнего срока, который А.А. Амальрик отбывал в Новосибирских и Магаданских лагерях, против него было возбуждено новое дело по той же статье 190–1 УК РСФСР («распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй»). В июле 1973 г. он снова был приговорен к трем годам лагерей. (См. примеч. к записям от 2 мая 1970 г.).

в шезлонге под деревом, роман Аллана Силлитоу «Начало пути»¹⁴³ в «Иностранной литературе». Читать очень интересно. Приходила черная кошка и терлась об ноги. Я ее щедро кормила. У нее уже довольно большое брюхо. Через участок важно продефилировал огромный, разбойничьего вида одноглазый кот. Наконец появилось много птичек, особенно синиц.

По радио слышали уже во второй раз письмо Володи Максимова. Он пошел на всё и ничего не боится¹⁴⁴. Очень приятно, что он назвал Евтушенко литературным мародером, которого выпускают на экспорт. Хватит Западу преклоняться перед ним и перед Вознесенским, перед этими двумя насквозь продавшимися негодьями.

5 августа 1973 г., воскресенье.

Еще день прожили. Жарко. И самочувствие ни у меня, ни у Димы не было таким прекрасным, как вчера. Все равно – прожили неплохо, без происшествий. Дима начал рубить еще две доски – на одной будет обнаженный мальчик. на другой голова из серии «Пророки». Развлекаемся мы радио и игрой в карты. Выигрываю я. Снова арабские террористы издевались над людьми в Афинах¹⁴⁵. Неужели человечество бессильно, чтобы прекратить этот наглый и кровавый кошмар?

Завтра Мышкин пишет сочинение (напиши хорошо, родной наш сыночек). Может быть, потом приедет сюда. Результата мы не будем знать числа до девятого или десятого, когда Мишка пойдет сдавать историю – третий экзамен. Вот и будем томиться до десятого августа. Возможно, Наталья Исаева тоже завтра к нам сюда приедет. Интересно, когда вернется из Риги моя мамаша-путешественница? Она прислала к моему тридцатитрехлетию поздравительную телеграмму. Значит, всё было в порядке. Я даже не знаю, когда она собирается возвращаться. Очень оригинальные связи у нас с моим родным братом Севой. Без крайней надобности и не вспоминаем друг о друге.

Мишка сказал, что после пятерки по французскому его бабушка прислала мне свои поздравления. Насколько все-таки Мишкина бабушка лучше, чем его мать. Про Слепышева я уж и не говорю.

6 августа 1973 г., понедельник.

У меня разболелся живот, мучилась с шести часов утра. Сегодня началась жара, которая даже несколько устрашает. Дима снова ухитрился ткнуться лбом о подпорку под навесом. Не настолько сильно, как предыдущий удар по голове, но в этом идиотизме есть даже что-то смешное. Перед тем основным ударом по те-

¹⁴³ Силлитоу (Sillitoe) Алан (1928–2010) – английский поэт и прозаик. Роман «Начало пути» написан в 1970 г. В переводе Р.Е. Облонской опубликован в «Иностранной литературе» в 1973 г. (№№ 8, 9).

¹⁴⁴ В 1973 г. В.Е. Максимов как публицист выступил с несколькими «открытыми письмами», среди них: «Секретариату Московской писательской организации» (15 мая 1973), Генриху Беллю (4 июля 1973), «К братьям Медведевым» (12 декабря 1973).

¹⁴⁵ В результате нападения арабских террористов «Черного сентября» на пассажиров израильского авиарейса в аэропорту Афин 5 августа 1973 г. погибли четыре человека.

мни ему снился сон, что ему должны отрубить голову и доброжелательный папач уверяет, что идеально всё пределает с одного удара.

Работал Дима с очень небольшими перерывами почти до темноты. Волновались, волновались, пока дождалась Мишку. Он приехал один. Без моей подруги Натальи Исаевой, и даже не сумел с ней созвониться. Из трех тем – по Фадееву, свободной теме о войне и по Чехову «Вишневый сад» – он писал Чехова. Как он рассказал, это неплохо, но говорит, что не успел проверить, поэтому ошибок, наверное, хватает. Он написал пять листов, хотя по норме полагается не меньше двух. Именно поэтому я думаю, что если даже у него сочинение не очень грамотное, меньше трех ему не поставят. К тому же по содержанию, как он рассказал, это очень прилично. Тема была благодатная. Молюсь, чтобы он получил четверку. Еще я обнаружила одну вещь. Я ошиблась в подсчете средней арифметической Мишкиного аттестата. Сегодня я вдруг решила пересчитать и получилось: восемь троек, три четверки, пять пятерок – всего шестьдесят один, нужно разделить на шестнадцать предметов. Получается 3,8, округляется до четырех. Итак, его аттестат четыре, а не три и пять, как я думала раньше. Плюс грамота, что дает целый балл. Он может пройти, если наберет семнадцать, то есть еще одну тройку, одну четверку и одну пятерку. Вид у Мишки плохой. Он весь бледный и даже зеленый. Видно, что сочинение вымотало у него все нервы. Опять же он зашел в мастерскую к Наталье, которая напоила его кофе, который действует на него очень плохо. В мастерской сидела теплая компания из Ленки, Вовки и Юрочки. Все они, кроме Ленки, покуривали. Вот мы вернемся, наведем порядок! Кто-то спросил Мишку, почему он не курит. Нам с Димой это не нравится, но ведь не убережешь. Самое главное, что Мише с его хроническим бронхитом курить нельзя категорически. Он немножко отдохнул у нас и тут же начал безумный разговор об автомобиле. Он думает не о том, как будет учиться, когда поступит, а о том, как будет продавать бабушкины картины и покупать автомобиль. Десятого он сдает историю, по-моему, для него это самый сложный экзамен. Он привез нам две открытки: одна немка хотела прийти, и от Готфрида – он просит, чтобы 14 августа Дима принял немца Stube, которого интересуется Димино творчество. Также от Юнны сообщение, что надо рисовать ее книгу.

7 августа 1973 г., вторник.

Живем благодатно. Дима работает над очень хорошей скульптурой в дереве – голова женщины с ребенком (ребенка, может быть, не будет). Самочувствие у Димы вполне сносное, а главное – отличное настроение. Я ужасно люблю, когда он весел, потому что это не так уж часто. Говорили про Мишку. Все-таки нас очень огорчает, что больше всего он поглощен мыслью о покупке автомобиля. Духовные проблемы сейчас его не занимают. Он даже пытается подвести теоретическую базу, что лучше всего свести свое существование к материальному удовлетворению. Его не интересуют ни шумтки, ни женщины – только автомобиль или на худой конец мопед. И это наш сын! Его совершенно не интересуется будущая профессия. Он даже не знает, кем он хочет быть. Правда, один раз проговорился, что хочет быть рантье. Безусловно, он еще пацан. С возрастом он немного поумнел, но не менее и поглупел. Спорим мы с ним много и почти по

любому вопросу. Только когда по радио произносится слово «Израиль», его глазки загораются и он начинает внимательно слушать. Интерес к еврейству у него не ослаб. Мы часто думаем с Димой, что он очень типичный подросток не только для нашей страны, но и для всего мира. Очевидно, в этом постоянном противоречии и проявляется необходимое в этом возрасте самоутверждение личности. В любви друг к другу мы не сомневаемся, и в итоге он все-таки делает так, как мы ему говорим. Он сам сказал, что хорошо нас нет в Москве, потому что если бы мы не уехали, я бы его замучила занятиями, и себя бы замучила. Это он прав. Мне постоянно кажется, что он мало занимается, хотя сейчас вроде бы занимается.

Сегодня мы снова получили открытку от Готфрида. Снова речь идет о господине Штрубе, которому необходимо посетить нашу мастерскую. Я думаю, что действительно необходимо, так как Готфрид послал открытку даже сюда в Алабино. Они сейчас с Марией-Ренатой и с двумя детьми отдыхают в своей вилле во Франции. Они прекрасные люди. Спасибо Марине <Гореликовой>, что она нас с ними познакомила.

В Америке, по-моему, чересчур используют демократию. Начали уже в семейную жизнь вмешиваться. Хотят обвинить Никсона в жульничестве и во всех смертных грехах¹⁴⁶. Я думаю, что под него копают его противники, чтобы самим прийти к власти. Даже ужасно нравится, что президент такой незащищенный и зависит целиком от окружающих, так как все его действия находятся под постоянным контролем. Это, конечно, неплохо, но мне кажется, в этом деле есть явный перебор. Дима думает, что это Эдвард Кеннеди¹⁴⁷ под него копает. Арабских убийц из Афин, возможно, ждет смертная казнь. Ну и поделом!

8 августа 1973 г., среда.

Мы в Москве. С утра я подумала, что расхворалась совсем. Меня жутко прострелило в правое плечо и в шею. Дима к месту вспомнил солдатскую поговорку: «ни вздохнуть, ни пёрнуть». Неприлично, но точно. Я сначала совсем приуныла, потому что еле могла двигаться, и сборами в Москву Дима занимался один. Была жуткая жара, которую я не ощущала, а Дима, конечно, ощущал и всячески страдал оттого, что надо ехать в Москву. В Алабино мы помаленьку наварили варенья из вишни и малины, а смородину я еще раньше натолкла. Падают в огромном количестве пархатенькие яблочки грушовки. Которые по-

¹⁴⁶ В июне 1972 г. в ходе предвыборной борьбы за президентский пост США в штабе кандидата от Демократической партии Д. Макговерна, располагавшемся в вашингтонском отеле «Уотергейт», были задержаны проникшие туда нелегально пять человек (предположительно, подосланные из штаба республиканцев Р. Никсона). Они занимались настройкой подслушивающей аппаратуры и фотографированием документов демократов. В январе 1973 г. над ними начался суд, в марте сформировали сенатскую комиссию по Уотергейту, судебные слушания передавались по телевидению. В ходе следствия, как раз в августе 1973 г., Р. Никсон отказался предоставить прокуратуре записанные в Белом доме пленки, документирующие его разговоры с помощниками. Еще через год, в августе 1974 г., Р. Никсон вынужден был уйти в отставку с поста президента.

¹⁴⁷ Кеннеди (Kennedy) Эдвард Мур (1932–2009) – государственный и политический деятель, сенатор США в 1962–2009 гг. Член Демократической партии США. Младший брат президента Джона Ф. Кеннеди.

лучше, мы привезли целую коляску для моей мамы или же для Натальи. Мишка яблоки есть не может, у него от них аллергия. День пролетел стремительно. Жалко уезжать из этого рая, хотя сзади там обитает шпана в виде Юрки, террориста местного значения. Опять же, как раз завтра начнут падать восхитительные желтые сливы. Мы вернулись в душную столицу нашей родины вовремя. Безумно пахло бывшим лаком на полах. Лака нет, но запах убийственный. Тут же начался бешеный телефонный перезвон. Моя мама и Миша совместно по телефону волновались. Позвонила даже Наталья, несмотря на десять часов вечера. Сообщила, что звонила снова «немецкая девушка от друга Карла». Завтра же должна звонить девушка от Майка. Звонили из редакции «Семья и школа», спрашивали мой адрес, чтобы переслать гонорар на дом. Статью я еще не видела, но раз хотят деньги заплатить, значит она точно пошла. Меня эта забота о человеке невероятно умилила. Для меня это непривычно. Мишка не знает пока, что он получил за сочинение, и утверждает, что он учит историю. Правда, он сказал, что назло мне ночью написал рассказ. Это, чтобы доказать свою неполную поглощенность потребительскими запросами. Ужасно, что он сел писать рассказ в разгар подготовки к экзаменам, но приятно, что все-таки у него не окончательно отпала охота писать рассказы. Ничего о своих товарищах он не знает. Позвонил Эдик. Он начал делать какие-то уколы и говорит, что чувствует себя значительно лучше. Дай-то бог! Рассказал жуткую историю. Валькин двоюродный брат-шизофреник, который давно собирался убить свою мать, наконец-то ее убил. Валька сейчас в милиции пишет различные объяснения и срочно вызвала Эдика телеграммой с дачи. Эдик приехал на отцовской машине и вполне прилично перенес этот переезд. Валькина мать Серафима Сергеевна пока ничего не знает, ей не говорят. После недавнего инсульта с ней может случиться еще что-нибудь в таком же духе. Последняя позвонила моя мама. Говорит, что провела в Риге время очень хорошо и купила нам с Димой в подарок по кошельку. Кларочка тоже позвонила, у нее все в порядке.

Мы с Димой смыли с себя по пуду грязи. И было бы вообще всё ничего, если бы он не обругал меня за то, что я не дала ему поговорить с Эдиком, потому что Дима в это время был в ванной. Но мы быстро помирились.

Здесь «Голос Америки» слышно было довольно долгое время совершенно отлично. Потом их заглушили так же, как и остальные радиопередачи. Всё время читают письмо в Союз писателей Володи Максимова о его исключении из Союза. Нам бы надо с ним повидаться, но если он в запое, это трудно будет сделать. Больше новостей не было, и мы жаждем удрать обратно в Алабино. Дима тщательно маскировал свои скульптуры и уже сейчас скучает по ним. У него уже сделано десять вещей, большинство больших, но законченных мало.

10 августа 1973 г., пятница.

Мишка сдал экзамен по истоии на четыре. Говорит, что отвечал на пять, экзаменаторы уже хотели его отпустить, но тут пришла какая-то баба, которая стала Мишку засыпать дополнительными вопросами, которых нет в программе. Она спросила, читал ли он речь Сулова. Он ее не читал, это совсем недавняя речь. В итоге ему поставили четыре. Я огорчилась. Его товарищ Игорь сдал на

педфаке устную литературу и русский язык на отлично, а за сочинение получил четыре. <...>

Узнали от Эдика еще одну неприятную новость. Он был у своей бывшей парницы по фотографии Ии Шлугер, и та ему кое-что рассказала. К ней два раза приходили из КГБ. Один раз спрашивали про Эдика. Где она с ним познакомилась? Кого видела в нашем доме? Нет ли у нас какого-нибудь самиздата или другой иностранной литературы? Не привлекал ли ее Эдик сотрудничать в заграничных журналах? Не видела ли она у него Солженицына? Во второй раз приходил человек более солидный, чем первый (как она сказала «Ванёк»), с магнитофоном, и спрашивал в основном про Диму. Опять же, откуда она его знает? Что видела у него дома и в мастерской? Кого видела? Спрашивали, что она знает про Солженицына и про Лидию Корнеевну? Ия говорила, что она ничего не знает, что полностью соответствует действительности. Долго распиналась, какое замечательное у Димы искусство. Сказала, что Дима устроил ее на работу. Это правда, Дима через Толю устроил ее куда-то фотографировать игрушки. Ей показали массу фотографий. На одной вход в подвал, и толстая девушка в него спускается. Фото со спины, но толстой девушкой может быть только Наталья, больше никому. Ия спросила, в чем Диму и Эдика обвиняют. Ей сказали, что ни в чем, но то ли вокруг нашей мастерской, то ли внутри ее кто-то свил вражеское гнездо. Ия не точно это запомнила. На одной фотографии она узнала меня, Диму, Клару и, очевидно, Майка. Это, наверно, еще в его первый приезд, когда мы вчетвером гуляли по Москве. Клару Ия не знает, но раз на этой фотографии был мужчина с бородой и какая-то черноволосая женщина, то это, естественно, Майк и Клара. На других фотографиях была масса людей, очевидно, тех, кто шел в подвал. В общем, жизнь идет такая интересная, что не соскучишься. Мы теперь как-то очень спокойно всё это воспринимаем. Дима считает, что они нарочно спрашивают людей, от которых до нас всё это дойдет. Мы им не нужны. Просто они подозревают, что через наш подвал что-нибудь узнается на Западе, ведь Майк наш друг.

Дима ни разу не сделал ни одного политического заявления, ничего не подписывал и ни в чем не участвовал. Но он публиковал свои работы на Западе, знаком с очень большим числом довольно знаменитых иностранцев, у него были небольшие выставки и вышла о нем книга. Еще портрет Солженицына, созданный в 1967 году, еще до всей последующей передрыги. Это всё. У Эдика тоже – публикации фотографий с Димиными скульптурами и Солженицына, больше ничего. Придраться им не к чему. Поэтому они пока пугают через третьих лиц, а самих Диму и Эдика не тягают.

Съездили мы в Баковку к Виталию <Суховерхову>. Блок мрамора у него раскололся, но он сделает из двух кусков так аккуратно, что ничего не будет заметно.

Вышел наконец восьмой номер «Семьи и школы». Моя статья урезана и искажена до отвращения. Я не ожидала, что это так меня огорчит. Самое возмутительное, что вставлены слова и обороты, которых я никогда не писала. Весь текст имеет характер информативной справки – сухой, поверхностной и пошлой. Эдикова часть отлична. Четырнадцать фотографий, хотя печать очень паршивая. Большая реклама для Алика. Он в разных видах и множество раз. Я рада очень за него. Вернется Алла Смехова, сделают про него большую радиопередачу.

Были у нас родители Володи Полетаева. Понемножечку, кажется, они приходят в себя.

Мишка огорчился не меньше меня своей четверке. Баба, которая начала в последний момент совершенно неожиданно его засыпать, когда экзаменаторы хотели поставить ему пятерку, явно почувствовала к нему классовую ненависть. Я сначала подумала, что это КГБ к нему подослал эту бабу, она пришла точно перед Мишкиным ответом. Но потом мы с Димой решили, что тогда ему бы гораздо проще поставили бы два за сочинение, а по истории засыпали бы до тройки. Несмотря на эту четверку, мы все равно с Димой рады, что он не «блатной», и теперь, когда он сдаст, мы будем знать, на что способен он сам.

11 августа 1973 г., суббота.

Мы снова уехали в Алабино до понедельника. Во вторник должен прийти какой-то Штрубе, и Готфрид просил его принять. Два дождливых дня мы были в Москве, а сегодня погода явно поправилась. Сегодня в Алабино к нам приехала Кларочка. Мы долго талдычили насчет беседы Ии с кагэбистами и решили, что весь этот театр с магнитофонами разыгран специально с расчетом, что мы об этом узнаем и испугаемся.

Их интерес к Эдику может быть вызван только опубликованием фотографий Солженицына. Фотографии Диминых скульптур волнуют их гораздо меньше. А больше ничего не было. У Димы же вообще одно искусство. Правда, сюда тоже входит портрет Солженицына. Мы уверены, что никого из нас непосредственно трогать не должны. Так нам кажется. Но наше окружение – это другое дело. В первую очередь Наталья. Опять же мои мальчики – Юрочка и Вовка. Ведь они молоды и непуганые. За Мишку почему-то меньше всего боимся. Он очень смелый человек, и в трудные моменты ведет себя всегда идеально.

По «Голосу Америки» передали, что каким-то нашим инакомыслящим погрозили, что за каждые десять строк стихотворения, напечатанного на Западе, грозит десять месяцев лагерей строгого режима.

Мне не понравилось, что Володя Максимов в открытом письме Генриху Бёллю¹⁴⁸ обругал политику Вилли Брандта вторым Мюнхеном¹⁴⁹. По-моему, не дело

¹⁴⁸ Бёлль (Böll) Генрих (1917–1985) – прозаик, сценарист. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1972 года. Неоднократно бывал в СССР (в 1962, 1965, 1966, 1970, 1972, 1975, 1979). В 1969 г. выступил в защиту А.И. Солженицына, в 1973 г. – в защиту А.А. Амальрика. Позже принимал у себя А.И. Солженицына и Л.З. Копелева после их отъезда из Советского Союза. В 1977 г. по просьбе Л.З. Копелева В. Сидур выполнил рисунок для Г. Бёлля к его 60-летию. В августе 1979 г. состоялось личное знакомство В. Сидура с Г. Бёллем во время приезда писателя в Москву. «Поехали к Сидуру в мастерскую, – рассказывали в своей книге *Мы жили в Москве* Л.З. Копелев и Р.Д. Орлова. – Генрих смотрел с интересом. Потом он говорил, что ему больше нравятся ранние работы Сидура: камень, металл, дерево. Экспрессионистские. Более поздние работы – конструкции из различных металлических предметов – принимает, но хуже воспринимает».

¹⁴⁹ Проводимая В. Брандтом политика, получившая название «Восточной», была направлена на смягчение напряжения между странами Восточной и Западной Европы. 12 августа 1970 г. он подписал в Москве договор о признании послевоенных границ в Европе, положивший начало серии договоров ФРГ с восточноевропейскими странами. В 1972 г. друг друга признали ФРГ и ГДР, после чего началось признание ГДР со стороны других государств.

писателя влезать в такие дела. Ему надо романы писать, а не заниматься политической публицистикой. Тем более, я считаю, что Брандт делает всё правильно, и Брежнев тоже. Разумеется, Брежнев – во внешней политике. Было бы гораздо хуже для нас, если бы мы находились сейчас в полной изоляции, то есть, снова был бы опущен железный занавес.

Андрей Синявский выехал во Францию и будет там преподавать в Сорбонне. Жорес Медведев, как младенец, оказывается, не предполагал, что его не впускают назад. Скорее всего, он притворяется.

12 августа 1973 г., воскресенье.

Вчера погода была хорошая, а сегодня целый день моросит. Сосед Юрка с кем-то громко и весело матерился. Мы с Димой вырывали траву на заднем дворе, где беспрерывно падает огромное количество вшивенькой грушовки, и мы совершенно не знаем, что с ней делать.

На днях я забыла записать забавное сообщение французского радио. Они вдруг как с цепи сорвались – передавали сплошь про советские дела. Про прибытие Синявского во Францию, про Жореса Медведева и его брата Роя, про Володино письмо Бёлло, а под конец сказали: «Советское нефтеналивное судно “Съезд КПСС” село на мель, но есть надежда, что окружающая среда будет не очень загрязнена». Я только забыла, в каком месте это случилось.

Мы с Димой отдыхали, днем даже поспали, что с нами никогда не случается. Один раз слышали полный текст письма Максимова Бёлло, но слышали плохо, поэтому всё не услышали. А больше Би-би-си не повторяло. Письмо написано невероятно сильно, но мы с Димой категорически не согласны. Брандт – не Чемберлен и не Деладьё, это неправда¹⁵⁰.

Заболела Тамара Хачатурова. <...> Старики ее на даче ожили, особенно отец, а теперь опять скисли. Мы с Димой уже позвонили Норе насчет врачей, и она кое-что обещала помочь. Жаль, что нет Гдаля с Витой. Каждый раз, когда несчастье случается с очень хорошими людьми, начинаешь поражаться божьей несправедливости. У Тамары, если у нее и были грехи, то за всё ею было сполна заплачено.

14 августа 1973 г., вторник.

Мишка, кажется, поступил в институт. Сегодня он сдал литературу и русский устный на пять. А за сочинение получил четыре. Итак, он имеет 18 баллов с пятеркой по языку, что очень важно, четыре за аттестат и грамоту, что тоже важно. Если не случится чего-либо совсем непредвиденного, то значит он поступил. Мы с Димой так рады, что нет никаких слов. Доказал все-таки наш парень, что он способен на очень большое умственное усилие. Если бы не эта зараза по истории, у него было бы девятнадцать. Девятнадцать баллов набрало

¹⁵⁰ Британский премьер-министр Невиль Чемберлен и французский премьер-министр Эдуард Деладьё подписали в ночь на 30 сентября 1938 г. в Мюнхене договор с Гитлером и Муссолини о передаче Чехословакией Германии Судетской области. Политика подобного «умиротворения» являлась попустительством Гитлеру и вскоре привела к войне.

всего несколько человек, двадцать – ни одного, восемнадцать – самый лучший проходной балл. Говорят, в этом году будут брать с семнадцатую и с шестнадцатую. <...> После экзамена Мишка пришел с Мишей Курсом. Он никуда не поступал, потому что в армию ему не идти из-за здоровья. Он хотел бы устроиться к Диме учеником. Но мы решили мальчика не вовлекать в нашу орбиту, поскольку КГБ слишком нами интересуется, и Мише это ни к чему. Я уже говорила с Веней Смеховым, чтобы парня взяли на Таганку рабочим сцены. Одновременно он сможет ходить к Диме и показывать свои рисунки или то, что он сейчас лепит. На будущий год будет поступать, куда захочет, вернее, когда определит свои пристрастия более определенно. Теперь мы будем ждать 25 августа, чтобы удостовериться, что Мишка точно студент.

Мистер Штрубе так к нам и не пришел, хотя мы все время сидели в мастерской. <...>

17 августа 1973 г., пятница.

Уехали втроем в Алабино. Дима неважно себя чувствует. <...> Я занимаюсь с Ленкой, чтобы помочь ей перейти на дневной. Попросили Наталью Исаеву, чтобы ее дядя-генерал помог. Если Ленка сдаст хорошо, то, может быть, перейдет. Наталья обещала. У Вовки Воловникова снова пункт на том, что я и Дима плохо к нему относимся. Мишка перешел от своего радостно-возбужденного состояния в мрачность. Капризничает, склочничает, качает права. Короче говоря, проявляет всю говнистость своего характера, которая у него и раньше была. С нами ему теперь неинтересно, вернее, не очень интересно. Раньше он хотел поехать в Алабино, чтобы побыть всем вместе, теперь не хочет. В понедельник уже собирается в Москву, потому что там у него много всяких дел. К тому же он хочет съездить к своему учителю истории Павлу Яковлевичу. Мне кажется, что его интересует младшая дочка П.Я. Надя. Это моя бывшая ученица, замечательная девочка. Но она маленькая еще, будет учиться в восьмом классе.

Бабушка Мишкина хочет продать свою коллекцию картин за двадцать тысяч какому-то Новосибирскому музею. В коллекции много ценных картин, хотя бы по именам. Очень много из «Мира искусств». Мишка и мы тоже очень хотели бы, если продажа получится, чтобы бабушка завещала деньги Мишке. Мать его якобы свою долю коллекции получила, а тем не менее ни копейки не дала на кооператив.

18 августа 1973 г., суббота.

Прожили не очень приятный день, несмотря на хорошую погоду. Из-за Мишки. Он беспрерывно отстаивал свою независимость, хотя и не словесно, но всем своим видом. Целый день Дима был в прекрасном настроении, слегка омраченном из-за Мишки, но даже весел. Рубил огромную доску, которая, к сожалению, оказалась гниловатой. Дима все-таки надеется сделать из нее хорошую вещь. Дима к вечеру почувствовал довольно сильную тошноту, он думает, что это из-за печени. Она у него не болела с утра, но чувствовалась. Я очень боюсь, как бы у него не случилась рвота.

Самое нехорошее сообщение по радио – это то, что над Сахаровым сгущаются тучи. Вообще, чувствуется, что наши власти между собой находятся в дикой вражде и только помышляют о том, как бы друг друга сожрать. От этого такая путаница. С одной стороны, разрядка, с другой – невероятный зажим, глушение и угрозы внутри, чтобы не вякали. Опять же жрать надо, торговать надо, а западные, видя нашу кровожадность, нам не верят и навстречу не идут без гарантий. Приближается пятая годовщина оккупации Чехословакии и десятая годовщина пребывания Леонида Ильича у власти. Никиту Сергеевича тоже скинули ровно через десять лет. Не знаю, будет ли лучше, чем сейчас, если его скинут, но, скорее всего, будет не менее плохо, если это случится. А поскольку у нас власть незаконная, то всегда приятно, когда их скидывают.

20 августа 1973 г., понедельник.

Снова мы с Димусей одни в Алабино. Уехал Мишка, а за ним Ленка, которая приезжала специально заниматься со мной французским. Если у нее действительно 27-го будет диктант, то она его не напишет, потому что очень безграмотна. Сегодня после долгих уговоров мы уговорили Мишку написать диктант вместе с Ленкой. Я умилилась на них обоих, особенно мальчика я уже давно не видела таким прилежным. Они с Ленкой сделали примерно одинаковое количество ошибок, но у парня гораздо менее грубые и глупые, чем у Ленки. Мишка еще не студент языкового вуза. Из этого я заключаю почти точно, что письменную проверку Ленка не выдержит.

С Мишкой мы не ссорились, поэтому младенческая радость возобновилась в нем с новой силой и он ее проявлял так бурно, что мы с Димой совсем обалдели. Регулярно нас посещает черная кошка, у которой пузо катастрофически увеличивается, приходит она исключительно пожрать. До еды трется об ноги и всячески показывает свое расположение. После уходит тут же, не задерживаясь ни на секунду. Ее брат, Катин пес, тоже стал наведываться, еду берет, но общаться боится.

Идиллия нарушается вторжением информации весьма безрадостной. Зам. главного прокурора предупредил Сахарова очень прозрачно, что если он не прекратит встречаться с иностранцами, ему будет худо¹⁵¹. Очень страшно, как бы

¹⁵¹ 16 августа, две недели спустя после интервью У. Стенхольму, А.Д. Сахаров был вызван для беседы к зам. Генерального прокурора СССР М.П. Малярову. Он заявил: «Наша встреча носит характер предупреждения. <...> Вы встречаетесь с иностранцами и сообщаете им сведения, которые могут представлять интерес для зарубежных разведок. Когда несколько лет назад вы начали ту деятельность, которую называете общественной, мы стали внимательно за ней следить, но считали возможным не принимать никаких мер. <...> Правда, уже тогда ваши выступления публиковались в зарубежной антисоветской прессе и приносили ощутимый вред нашему государству. В последнее время ваша деятельность и выступления приобрели еще более вредный и откровенно антисоветский характер, и прокуратура, стоящая на страже закона и интересов нашего общества, уже не может оставаться в стороне. <...> В интервью шведскому радио вы выступаете против социалистического строя в нашей стране, называя его строем максимальной несвободы, недемократическим, закрытым, лишенным возможности инициативы в экономической области, разваливающимся. Вы <...> даете ваши интервью, которые используются для подрывной пропаганды. Я прошу вас учесть всю серьезность этого предупреждения и сделать для себя выводы». А.Д. Сахаров сказал в

нынешняя разрядка, предпринятая нашими властями, не закончилась для нас здесь внутри очень трагично. Как только нас не называют: отщепенцы, незрелые, неустойчивые, диссиденты, инакомыслящие, антисоветчики, предатели и т. д. Если начнутся массовые посадки, а от злобы и бессилия чего не сделаешь, то уж нам с Димой точно сидеть. Не так мне, как ему. А он там долго не просидит, он и на воле еле дышает. Сейчас Дима усиленно и очень успешно работает, хотя недомогания у него постоянные и самые разнообразные. Вчера и позавчера его целый день мутило и кружилась голова. Иногда он вдруг хватается за голову, где его тюкнуло доской. Мы уж думали, всё прошло, а нет, как говорит Миша. Тем не менее Дима счастлив и хотел бы прожить здесь безвыездно не меньше месяца.

Я немного волнуюсь, вдруг КГБ начнет гадить нашему Мишке и его не возьмут в институт. Хотя это почти невероятно, потому что все данные у него «проходимые». Я все-таки с некоторой боязнью жду 25 числа, когда будут вывешены списки принятых.

21 августа 1973 г., вторник.

Андрей Дмитриевич Сахаров сделал последний шаг. Теперь они должны что-то предпринять против него¹⁵². Будет ли это означать, что мы круто покатымся назад к кошмару или нет? Такому человеку должны поклониться не только русские, но всё человечество. Зачем наши идиоты гадят по мелочам? Оскорбляли и мешали играть израильтянам на Универсиаде¹⁵³. Нагнали для этого солдат. Там произошла драка. Евреи, конечно, не стерпели и несколько ребят посадили. Дима считает, что такие вещи делают те, кто стоит в жуткой оппозиции Брежневу. Мы даже представить себе не можем, какая у них наверху идет жуткая борьба за власть. Сегодня пять лет, как вторглись в Чехословакию и там остались. Может быть, Володя Максимов прав, и нашу страну действительно

конец беседы: «Я внимательно вас выслушал, я запомнил все, что вы сказали. <...> Но я не могу согласиться с тем, что я нарушал закон. В частности, я не могу согласиться с вашим утверждением, что мои встречи с иностранными корреспондентами были противозаконны или что они ставили под угрозу государственную тайну».

¹⁵² 29 августа 1973 г. в «Правде» было опубликовано письмо сорока членов Академии наук СССР с осуждением деятельности А.Д. Сахарова: «В последние годы академик А.Д. Сахаров отошел от активной научной деятельности и выступил с рядом заявлений, порочащих государственный строй, внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза. Недавно в интервью, данном им зарубежным корреспондентам в Москве и опубликованном в западной печати, он дошел до того, что выступил против политики Советского Союза на разрядку международной напряженности и закрепление тех позитивных сдвигов, которые произошли во всем мире за последнее время. Эти заявления, глубоко чуждые интересам всех прогрессивных людей. <...> Мы выражаем свое возмущение заявлениями академика А.Д. Сахарова и решительно осуждаем его деятельность, порочащую честь и достоинство советского ученого. Мы надеемся, что академик Сахаров задумается над своими действиями» и т. п. 1 сентября 1973 г. подобное осуждающее письмо, начинающееся словами: «Считаем своим долгом выразить глубокое возмущение деятельностью этого человека, фактически ставшего орудием враждебной пропаганды против Советского Союза и других социалистических стран», подписали 33 академика ВАСХНИЛ.

¹⁵³ С 15 по 25 августа 1973 г. в Москве проходила VII летняя Универсиада, на нее приехало около 4000 спортсменов из 72 стран мира.

нужно окружить санитарным кордоном. Уж больно мы дикие и страшные для цивилизованного мира.

Мы с Димой дождались хорошего дождичка, который лил, не переставая, целый день. Дима работал и сильно продвинул последнюю скульптуру. Ненадолго мы отвлеклись на телевизор, который Мишка еле сюда дотащил. Это Владика Бахнова подарок. Телевизор старый и работает по желанию – то работает, то нет. Видимость же ниже средней.

Наши органы еще потому нами интересуются, потому что к нам ходят иностранные корреспонденты. В частности, Улле Стенхольм¹⁵⁴, который брал у Сахарова интервью, тоже у нас был вместе со Стигом, и даже купил за 50 рублей гравюру (кажется, № 4). Он менее симпатичный на вид, чем Стиг, хотя видно, что головастый парень.

22 августа 1973 г., среда.

Приехала к нам Ленка, и я с ней довольно успешно позанималась. С утра она сделала 26 ошибок, а к вечеру всего две. Я могу собой гордиться, потому что результат улучшился столь стремительно. Это, конечно, не значит, что письменную работу в институте она напишет хорошо. Ленка была довольна, что приехала, хотя у нас стало прохладно. Мы ее одели всякими теплыми шмутками. Дима хорошо протопил, и теперь даже жарко. Мама разрешила Ленке у нас остаться до завтра, и теперь она тут ночует. Дима работал сегодня. Но не до потери сознания, как обычно.

День был очень хороший, без дождя, хотя и прохладный. Черная кошка радовалась своим регулярным появлением в поисках пищи. Мыши совсем обнаглели, их дерьмо повсюду.

Мы слушали радио и волнуемся за Сахарова. Что с ним сделают? А что они с нами сделают? Боюсь за детей, которые нас окружают. Они ведь такие глупенькие.

23 августа 1973 г., четверг.

Андрей Дмитриевич снова дал интервью, на этот раз *Агентству France-Presse*¹⁵⁵. Александр Исаевич тоже выступил с очень сердитым заявлением¹⁵⁶, что ему не разрешают жить в Москве, потому что не хотят прописать его со своей семьей. Самое лучшее, что у нас есть в нашем огромном концлагере под

¹⁵⁴ Стенхольм (Stenholm Lars Olof Oskar – *Olle*, 1942–2007) – корреспондент газеты *Dagens Nyheter* в 1965–1967 гг. С 1970 г. корреспондент программы *Rapport* Шведского телевидения (в 1971–1973 гг. в Москве). После интервью с А.Д. Сахаровым в 1973 г. выслан из СССР. (Зам. генерального прокурора М.П. Маляров назвал его тогда «реакционным журналистом»). В том же году удостоен самой престижной в Швеции журналистской премии *Stora Journalistpriset*. В 1976–1979 гг. корреспондент в Вашингтоне. В 1990-е гг. заведовал редакциями на радио и телевидении. Позже возглавлял фонд высшей школы журналистики *Poppius journalistiska* и т. д.

¹⁵⁵ 21 августа 1973 г. А.Д. Сахаров у себя на квартире устроил первую пресс-конференцию группе иностранных журналистов о своей беседе с зам. генерального прокурора СССР. А 23 августа – дал очередное интервью иностранным журналистам.

¹⁵⁶ 23 августа 1973 г. А.И. Солженицын дал интервью агентству «Ассошиэйтед пресс» и газете «Монд».

названием СССР¹⁵⁷ – это Сахаров. Можно испытывать счастье только от того, что являешься соотечественником такого человека.

Ленка у нас тут вся замерзлась. Приехала она, когда было тепло, а тут резко похолодало. Сегодня мы снова много писали под диктовку. Ходили гулять. С Димой лучше не ходить, потому что он останавливается перед каждым загубленным деревом и произносит возмущенные речи. Деревьев много, так что Димин монолог почти не прерывается. Он действительно страдает, и мне его жалко. Потом мы обходили свалки и сегодня приволокли третий дырявый самовар. На обратном пути Дима тащит палки на растопку и других заставляет тащить. Прогулка получается крайне целенаправленной, если учесть, что я постоянно гляжу в землю в поисках уже не существующих грибов. В этом году как никогда много луж. Там, где начинается Сидураллея, здоровое болото. Ленка, конечно, влезла в воду в своих модных вельветовых ботинках. Обратно она поехала в моем свитере.

Мыши уже совсем озверели, лезут на стол по ногам и, главное, поднимают адский шум. Я по ночам даже вынуждена на них шикать. Мы с Димой объявляем им решительную борьбу и начинаем заряжать мышеловки. У нас возле большой сосны рядом с дорожкой – небольшой, существующий уже много лет муравейник. Когда мы играем в бадминтон, кто-нибудь обязательно попадает в него, и там начинается жуткая паника. Для них это что-то вроде землетрясения, наводнения или еще какого-нибудь стихийного бедствия. Один раз я даже видела потревоженную крылатую муравью. Мы запросто можем их уничтожить, и они абсолютно бессильны этому воспротивиться. Единственно, они могут перебраться в другое место пока не поздно. Дима очень часто говорит, что для каких-то существ, высших по сравнению с нами, мы тоже вроде муравейника. А вдруг муравьи на своем муравьином уровне понимают зависимость своего материального существования от кого-то, как и мы знаем, что находимся в чьих-то руках, кто может решить – быть нам или не быть. Как пишет Лев Николаевич Толстой в своих дневниках – «неясно».

У Димы теперь плохо с желудком. В основном поташнивание и отрыжка. Ест он мало и осторожно. Правда, на днях съел полбанки кабачковой икры. Может быть, от этого нехорошо. Сегодня Ленка уговаривала нас уехать вместе с ней и чуть было не уговорила. Но все-таки мы остались. Погода прохладная, но дождей нет. Тишина, красота. Информация поступает непрерывным потоком, не то что в Москве, где жуткие глушилки сразу дают почувствовать полное свое унижение. Мы даже смотрим телевизор, когда он работает. Очень много передают по спорту с Универсиады. Интереснее всего смотреть плавание и гимнастику. Со всех точек зрения, здесь лучше. Но вода почему-то темного цвета, даже после отстаивания и кипячения. Нельзя помыться как следует. Опять скудно с продуктами. Кошка со своим брюхом так идет под ноги, что я чуть не падаю из-за нее.

¹⁵⁷ В интервью иностранным журналистам 23 августа А.Д. Сахаров сказал: «О каком доверии может идти речь, если одна из сторон напоминает гигантский концентрационный лагерь?». В интервью он впервые сказал об исходящей от СССР угрозе международной безопасности.

В Алабино. Фото: Владимир Воловников (24 августа 1973 г.)

24 августа 1973 г., пятница.

Снова был изумительный осенний денек. В муравейник Дима на днях воткнул пластмассовую руку от кукленка. Выглядит невероятно страшно – как будто заживо погребенный младенец зовет на помощь. Мы с Димой занимались сельскохозяйственными работами, пользуясь хорошей погодой. Соседи наши умотали куда-то всей оравой, и было необыкновенно тихо. Мы собрали все паршивенькие яблочки и закопали их. Я лазила на крышу веранды и почистила водосток. На крыше тоже набралось яблок видимо-невидимо. Потом мы с Димой прохаживались по переднему двору, на всё вокруг умилялись и разглядывали муравейник. Дима был в рваном пиджаке, а на шею обмотал свои тренировочные брюки, так как шарфа здесь нет, а ему шею слегка прострелило. Так мы тихо гуляли и вдруг парень на велосипеде возле калитки закричал: «Юлия Львовна!» Глядим, а это Вовка Воловников. Дима быстро-быстро потопал обратно к дому надевать свои зубы. Мы очень обрадовались. Вовка, оказывается, живет на даче по Минской дороге, от нас всего двенадцать километров, и он доехал до нас за час. Приехал он с фотоаппаратом, что было весьма кстати. Эдик никак не может приехать, чтобы всё поснимать (видно, у них с Валькой дела

В Алабино. Фото: Владимир Воловников (24 августа 1973 г.)

Владимир Воловников с сестрой Ларисой в Алабино. Фото: Георгий Геннис

очень паршивые). Вытащили всё, что Дима наваял. Получается невероятно красивое и внушительное зрелище. На воздухе это выглядит удивительно красиво. Дима расставил всё это возле навеса. Конечно, много вещей цветных, и Вовка сожалел, что у него не та пленка, чтобы сделать слайды. Снимал он очень усердно и много. Мы с Димой тоже фотографировались. Тут подросла кошка на обед и тоже снималась. Это историческая кошка, она звезда – Дима ее изобразил везде, где только мог. Юрочка снимал ее у меня на руках, а теперь вот и Вовка ее запечатлел. Володька очень симпатичный мальчик. Никогда не поверишь, что он говорит Ленке, будто бы я его терпеть не могу, и что Дима тоже его не любит. А дружу будто бы я с ним только из-за Юры, потому что в школе, мол, я его ненавидела. Полный бред! Он слегка ненормальный. В школе он мне стоил очень много нервов, потому что всегда не слушался до старших классов. А потом мы очень дружили. Я думаю, что это он Ленке загибает, потому что он в нее влюблен без взаимности. С нами он держится спокойно и свободно. С огорчением мы с Димой узнали, что Юрочка с его «гигантским здоровьем» выкуривает по две пачки в день. А Ленка даже сказала, что он со своим другом Лебедевым и двоюродным братом Лебедева выпивает где-то по подворотням. Конечно, никого не убережешь, да я и не верю, что Юрочка может свихнуться,

Вадим Сидур и Владимир Воловников в Алабино (начало 1970-х). Фото: Георгий Геннис

но все-таки такие известия огорчают. По характеру эти дети все очень хорошие. У нас такое ощущение, что наш Мишка имеет самый тяжелый характер. Пожалуй, это так. Почему-то сейчас, на расстоянии мы с Димой, не сговариваясь, чувствуем к нему неприязнь. Это, конечно, нехорошо. Может быть, мы разочарованы, потому что надеялись провести вместе эти дни до начала занятий. Он пробыл два дня, из которых полтора дня были отравлены. Теперь уже нельзя просить его что-нибудь сделать, как раньше. Сам воды ни за что не принесет, а если просить, то нужно очень много раз повторять, поэтому я больше просить не буду. Дима хотел вместе с ним навести порядок в сарае. Он сказал: «Ну, если б самому, а то под руководством...» Дима всё сделал сам. Физическая его помощь, безусловно, нужна. Нужно кое-что покрасить, подправить, перед отъездом затащить кое-какие вещи на чердак. Его нет, а если есть, то просить его о чем-либо становится все труднее. Мы с Димой любим его по-прежнему, но отдаление и отчужденность чувствуем, к сожалению, очень часто.

Вовка сказал, что Наташа Исаева, моя подруга-учительница, будто бы узнала, что Мишка точно есть в списках поступивших, хотя официально это должно быть известно только завтра. Дай ему бог! Скоро у него начнется совсем новая жизнь, из которой мы, очевидно, выпадем окончательно. Может быть, это и к лучшему. Мы с Димой вдвоем – единый организм, а он с нами постоянно борется. Это иногда нарушает, правда очень незначительно, нашу с Димой неразрыв-

ную связь. Но все равно это болезненно, оставляет неприятный осадок, а главное – он мешает Диме работать. Он очень Диму утомляет и рассредоточивает. Это уже опасно. И Дима, естественно, бурно реагирует. Миша считает такую реакцию деспотизмом. Я кручусь между двумя, хотя совершенно четко, раз и навсегда, была с Димой и всегда буду на его стороне.

Наш телевизор работал, пока показывали матч по баскетболу между нашей командой и американской. Американцы очень красиво выиграли. Большинство ребят – негры. Это самая яркая иллюстрация их дискриминации. Правда, у нас одна спортсменка по плаванию тоже имеет фамилию Мирзон. Самую интересную и острую информацию сейчас выдает «Немецкая волна», они в курсе всех наших событий. «Юманите» обругала Сахарова¹⁵⁸, больше никого не нашлось на Западе. Распространяет эту статью ТАСС. Сами они пока еще не высказались. Не знает наше начальство, что с ним делать: посадить, в психушку упрятать или еще как-нибудь угробить.

25 августа 1973 г., суббота.

Разверглись хляби небесные, лило целый день. Мокро. Из дому не вывалились. Вернулись наши застенные соседи и очень энергично шуровали на своей территории. <...> Дима целый день топил печь, как зимой. Тепло теперь, изумительно, но я уже хочу домой. В Москву! В Москву! Мишка, очевидно, благополучно принят в институт, потому что иначе он бы сюда к нам приехал. А может быть, Ленка сказала ему, что мы можем сегодня вернуться, и он решил не приезжать, чтобы не разминуться. Хотя, вряд ли. Дима после двухдневного перерыва уже начал мучиться ничегонеделанием. То есть, тем, что он печку топит, а не шедевры создает. Поэтому сегодня появилось два очень приличных рисунка авторучкой. Тема излюбленная – обнаженные мужчина и женщина.

Большая победа – в мышеловку попалась крупная мышь! Возможно, поэтому я спала гораздо лучше, чем предыдущие ночи. Во всяком случае, мыши не беспокоили меня своей обычной шурней. Я даже не слышала, как хлопнула мышеловка. Телевизор – это отравка. Смотришь всякую бузу и невозможно оторваться. К тому же на глаза действует. Слушаем радио. Какое все-таки безобразие с этими террористами! В Швеции с бандитом всё договариваются и никак договориться не могут. А он держит в банке заложниками четырех человек. В Англии бомбы невинным людям рассылают. Только Израиль борется с этими гадами по настоящему. Французская компартия всегда была дерьмо, наши выкормыши и прихлебатели. И Арагон, старый хрен, тоже. Уж ему-то стыдно молчать.

26 августа 1973 г., воскресенье.

Приехали к нам в Алабино Мишка с Ленкой. Мишка имел очень пижонистый вид – синие огромные круглые очки, и в руках вопящий магнитофон. На меня это сходу произвело неприятное впечатление – его мир был другим и чуж-

¹⁵⁸ 24 августа 1973 г. «Юманите» опубликовала статью Ива Моро под заголовком «Некий “гуманист” выступает против разрядки». 24 августа ее перепечатала газета «Известия», а 30 августа о ней сообщила «Правда». Тогда же подобную статью против А.Д. Сахарова поместила австрийская коммунистическая газета «Фольксштимме».

дым нашему раздумчивому состоянию. Дима, наоборот, воспринял его терпимо, а я была обижена. Чем больше Мишка радостно шумел, тем больше я его третиговала. С Ленкой мы написали пару диктантов. Мне жаль, что она присутствовала при том, как я Мишку ругаю, и ей, кажется, было его жалко. Мишка хотел с нами пожить в Алабино, но очень обрадовался, что мы уезжаем. Ленка так давно хочет, чтобы мы были в Москве, к ней поближе.

Выехали мы под дождем и Москва тоже встретила нас дождем. Ленка уехала, а мы с Мишкой довольно быстро выяснили отношения. Ведь в основном я обижаюсь на него от любви. Теперь окончательно ясно, что в институт он попал, видел себя в списках. Теперь 30 августа у них в институте собрание, а потом, скорее всего, их отправят на месяц на картошку.

В Алабино нам придется приехать еще пару раз – выпускать воду из котла, закидывать на чердак вещи. Если Мишка уедет, придется попросить Юрочку и Вовку. Сегодня мы привезли маленькие скульптуры, а больше на руках не увезешь. Попросим Леню Крейндлину с его автомобилем.

28 августа 1973 г., вторник.

Времена настали такие хреновые, что я временно записывать прекращаю. Сегодня приехал Эдик со свежими новостями. Он сегодня был у Ии Шлугер, которую в третий раз посетил кагэбешник. На этот раз он нес уж совсем невероятную чушь, но, очевидно, для одной цели – запугать покрепче. Сначала ее спросили, знает ли она Бронислава Снегина¹⁵⁹. Она сказала, что нет. Я тоже не сразу сообразила, что речь идет об Ани Снегиной отце – этом болтуне и кретине Брониславе Ивановиче Снегине. Тогда Ии показали фотографии, где среди многих людей она его узнала. Она, оказывается, знала эту семью, как «Броня и Фира». Оказывается, она с подругой два месяца назад была на новоселье у Снегиных (мы и не знали, что Снегины переехали). А потом ей показали еще одну фотографию, сделанную года два назад тоже у Снегиных, где среди гостей был Якир. На последнем новоселье разговор шел про меня и про Диму, Аня якобы читала какие-то антисоветские стихи (все это рассказывал кагэбешник). При этом была еще Майя Туровская¹⁶⁰ (здесь я не поняла, когда она была – этот раз или два года назад). Кагэбешник спросил: какая такая у Сидура дача, где стоят скульптуры? Ия ответила, что она на даче не была. «Как же, – сказал кагэбешник, – вы сказали: “У него на даче такие прекрасные скульптуры”». Ия сказала, что видела фотографию со скульптурами на природе. Потом кагэбешник напомнил, как Аня меня хвалила, потому что я была ее учительницей, а Бронислав Иванович воскликнул: «Мы с Юлей закадычные друзья!» Про Майю Туровскую разговор с Ией шел уже не в первый раз, но что они ей клеют, непонятно. Потом разговор опять перешел на Диму. Все это происходило в эту пятницу, 24 августа. Мы были

¹⁵⁹ В данном случае имя и фамилия изменены нами. – *Сост.*

¹⁶⁰ Туровская Майя Иосифовна (1924–2019) – театровед, кинокритик, историк кино, сценарист, культуролог. С 1973 г. ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института теории, истории кино (НИИ киноискусства). Автор сценариев документальных фильмов, среди которых самый известный – «Обыкновенный фашизм» (совместно с М.И. Роммом и Ю.М. Ханютиным, 1965 г.).

на даче. Кагэбешник сказал, что будто бы Дима дал интервью какому-то иностранному корреспонденту, где говорил про Амальрика. А будто бы жена Амальрика¹⁶¹ где-то говорила, что из художников в СССР притесняют Сидура. Мы не знакомы ни с Андреем Амальриком, ни с его женой. Значит, для чего-то эта ложь им нужна. Но самое интересное известие – это сообщение кагэбешника о том, что скоро, в середине процесса Якира и Красина¹⁶², про Сидура появится статья, где всё будет сказано – кто он и что. Ия спросила, в какой газете. Кагэбешник ответил: «Сами найдете». После этого Ия сказала, чтобы он к ним больше не ходил, потому что она хочет спокойно спать. (Ишь, чего захотела!). Кагэбешник на прощанье сообщил, что ее могут вызвать в суд по делу Якира. Ия сама попросила Эдика передать все эти сведения Диме, так как, она сказала, это «дело чести». Мы стали анализировать эти последние сведения и опять же пришли к выводу, что всё это очень эффективные угрозы. Смотри, мол, Сидур, мы тебе устроим! Хотя мы и сомневаемся насчет статьи, но это возможно. Очевидно, они решили пройтись по всем слоям интеллигенции. Писатели есть: Солженицын, Максимов, Галич и другие. Физики есть: Сахаров и т. д. В кино – очень уж прогрессивная Майя Туровская. А в изобразительном искусстве нет никого: молодые ребята-живописцы все уезжают, Эрнст теперь – что-то вроде Евтушенки, значит, остался один Сидур. Поэтому статья все-таки может быть. Каковы последствия? Исключение из партии, из МОССХа, затем не будут давать работать, короче говоря – выживание из страны. Это в лучшем случае. В худшем – посадят. Это уже конец: Диме немного надо с его здоровьем. Может быть и такой вариант – статья будет, а потом ничего не изменится, у нас и так бывает¹⁶³. В общем, как они захотят.

Мы подумали, что нынешний острый интерес к Диме не обошелся без Петьки Якира. Сколько раз он к нам вваливался, звонил по телефону и к нам и от нас. Очень вероятно, что это он отдал кому-нибудь из НТС¹⁶⁴ фотографию портрета

¹⁶¹ Амальрик (Макудинова) Гюзель Кавыльевна (р. 1942) – художник. С 1976 г. живет во Франции. Автор воспоминаний.

¹⁶² «Хроника текущих событий» (Вып. 30, декабрь 1973) информировала о том, что судебный процесс начался 27 августа 1973 г. в Москве в помещении Люблинского нарсуда и длился без перерыва почти неделю. В зал суда допускались представители различных государственных и общественных организаций по специальным билетам. Друзья и знакомые подсудимых в зал попасть не могли. Иностранцев корреспондентов также не допускали. Было допрошено около 30 свидетелей. Оба подсудимых полностью признали свою вину, оба признали также свой умысел против советской власти и выразили раскаяние по поводу содеянного. 1 сентября был вынесен приговор.

¹⁶³ Во время процесса Якира и Красина какой-либо статьи о В. Сидуре напечатано не было. Такая статья появилась несколько позже, 12 января 1974 г. в газете «Советская Россия»: *И. Юрченко*. «Миша Скамейкин из Лондона». (См. выше записи от 3 августа 1973 г.). После ее публикации никаких репрессий по отношению к В. Сидуру не последовало, «ничего не изменилось».

¹⁶⁴ Народно-трудовой союз российских солидаристов (НТС) – общественно-политическая организация, основанная в 1930 г. в Белграде белоэмигрантами. С НТС были связаны издательство и журнал «Посев» (с 1945) и журнал «Грани» (с 1946). После войны размещался в Западной Германии (Лимбург-на-Лане, с 1952 г. во Франкфурте-на-Майне). Для советской пропаганды НТС являлся излюбленной страшилкой, его деятельность обрастала массой шпионских мифов. Зам. генерального прокурора СССР М.П. Маляров заявил в беседе с А.Д. Сахаровым 16 августа 1973 г. следующее: «Вы встречаетесь с такими реакционными журналистами, как, например, корреспондент шведского радио Стенхольм, и даете им ваши интервью, которые используются для подрыва»

Солженицына. Сегодня вдруг французы прорезались, наверное, их скоро будут глушить. Они очень много рассказывали об НТС и о процессе Якира и Красина. И Би-би-си и французы рассказали, что Солженицын дал интервью «Ассошиэйтед пресс» и *Le Monde* о том, что ему кагэбешники каждый день шлют письма, ему и его жене, с угрозами смерти. Если же его арестуют или убьют при таинственных обстоятельствах, на другой день сразу же на Западе выйдут публикации его произведений, которые он пока воздерживался печатать. Что касается его поведения, то он и дальше будет публиковать свои произведения на Западе и давать их в самиздат. Он целиком поддерживает академика Сахарова и встанет на его защиту, если с ним что-нибудь сделают. К зиме он собирается, несмотря на запрет властей, жить в Москве со своей семьей. Про процесс Якира и Красина он сказал, что эти люди ведут себя недостойно.

Тамару Хачатурову не кладут никак в больницу, потому что там мест нет¹⁶⁵.

Один из дней рождения Вадима Сидура. За столом в мастерской слева направо: Юлия, Клара Лозовская, Владлен Бахнов, Ира и Таня Нельские, Галина Борисовна Нельская, Владимир Воловников, Георгий Геннис, Наталья Нольде, Надежда Устинова, Вадим Сидур, Раса Торнау, Евсей Нельский, Олег Киселев, Михаил Шунков (Сидур). 1970-е гг. Фото: Эдуард Гладков

ной пропаганды печатным органом НТС «Посев». Вы должны знать, что программа НТС предусматривает насильственное свержение советской власти. Именно «Посев» больше всего публикует ваши материалы, в вашем интервью вы, по существу, выступаете с тех же антисоветских подрывных позиций». Напомним, что в издательстве «Посев» в 1970 г. вышел шестой том собрания сочинений А.И. Солженицына, в котором был помещен его портрет, выполненный В. Сидуром.

¹⁶⁵ На этом дневники Юлии 1968–1973 гг. заканчиваются.

Выражение благодарности

Публикация «Дневников» Юлии Нельской-Сидур, повествующих об искусстве и повседневной жизни скульптора Вадима Сидура в переломную эпоху – конца 1960-х – начала 1970-х годов, основывается на трех счастливых обстоятельствах. Во-первых, самоотверженной готовности Юлии регулярно и скрупулезно фиксировать события жизни. Во-вторых, бескорыстной готовности Владимира Воловникова, с архивистской тщательностью осуществившего обработку рукописей Юлии, их набор, редактирование и обширное комментирование. При этом сыграл роль его прошлый опыт при подготовке публикации переписки Вадима Сидура и Карла Аймермахера (*Сидур В., Аймермахер К.* «О деталях поговорим при свидании...» Переписка. М., РОССПЭН. 2004) и переписки Юлии и Карла Аймермахера (*Юлия Сидур – Карл Аймермахер.* «Время новых надежд...» Переписка 1986–1992. М., АИРО-XXI. 2014). Помимо прочего, он имел самое прямое личное отношение к Юлии, так как был ее учеником (что он описывает в своем предисловии к книге). Здесь я хочу выразить ему особую благодарность за многолетнюю неустанную помощь в деле освящения творческого наследия Вадима Сидура.

Не меньшую благодарность выражаю господину Удо ван Метерену (Udo van Meeteren), достойному восхищения дюссельдорфскому меценату, щедро поддерживающему культуру (театр, оперу, изобразительное искусство), науку и социальные начинания. На протяжении десятилетий он поддерживал искусство Вадима Сидура. Началось с того, что в 1983 г. госп. Удо ван Метерен выразил инициативу увеличить за собственный счет модель скульптуры «Взывающий», чтобы уставить ее в центре Дюссельдорфа (это осуществилось в 1985 г.). Кроме того, госп. Удо ван Метерен финансировал книгу с приложением CD-Rom Давида Риффа «Мифы, циклы и современная ситуация: мир московского скульптора Вадима Сидура» (Бохум, 2000). В 1990-х гг. госп. Удо ван Метерен взял на себя расходы по ремонту кровли здания Московского музея Вадима Сидура. Помимо этого, тогда же Юлия получила от него средства, необходимые на отливку в металле ряда скульптур Вадима Сидура 1950-х годов, выполненных в хрупких и недолговечных глине и гипсе. Все это стало возможным, потому что госп. Удо ван Метерен всегда высоко ценил искусство Вадима Сидура и чувствовал за него ответственность. Они встречались в Москве, два участника одной войны, два гуманиста и пацифиста. И оба воспринимали себя «Взывающими».

Кроме того, хотим поблагодарить всех, кто в преддверье 90-летия Вадима Сидура принял участие в кампании за новое открытие его Московского музея после долгого ремонта (оно состоялось 18 июля 2014 г.): Евгения Барабанова, Георгия Генниса, Эдуарда Гладкова, Андрею фон Кнооп, Наталью Нольде и Дмитрия Сидура. Все они входили и оргкомитет по празднованию юбилея Вадима Сидура.

В заключение хочу поблагодарить московское издательство «АИРО-XXI», выразившее готовность поставить данное издание в свою программу.

Указатель имен

А

Ааронз Л., 373
Абай Кунанбаев, 559
Абатурова С.Ф., 220, 234, 508, 738, 739, 746, 783
Абельсон И.Б., 519
Абенсур, 724
Авруцкая Г., 489, 896
Авруцкий Г.Я., 228, 499, 683
Авторханов А.Г., 514
Авцын А.П., 740, 750, 781
Адамо С., 696
Аймермахер К., 11, 14, 24, 582, 607, 642, 664, 669, 697, 720, 726, 736, 753, 784, 820, 836, 1036, 1053
Айс З., 23, 43, 88, 89, 104, 108, 119, 136, 170, 185, 307
Айтматов Ч.Т., 224, 947, 951
Аксенов В.П., 50, 103, 306, 379, 381, 403, 414, 832, 978
Алейников В.Д., 49, 466, 470, 861
Александров А.П., 522, 523
Александров И., 149
Александрова М.А., 522, 523
Алексин А.Г., 403
Алешин А., 27, 106, 113, 142, 148, 524
Аллилуева С.И., 175, 196, 420, 456
Алов А.А., 212
Альтшуллер М.С., 480
Амаду Ж., 312
Амальрик А.А., 526, 530, 556, 571, 619, 1032, 1051
Амальрик Г.К., 1051
Амин И., 853, 855
Амлинский В.И., 251, 403
Анапольский Р.П., 35, 36, 39, 43, 60, 63, 67, 70, 73, 74, 76, 79, 83, 84, 86, 89, 91, 95–99, 104, 107, 109, 110, 112, 114, 118, 123, 129, 133, 138, 141, 142, 147, 150, 152, 155, 157, 167, 179, 203, 204, 235, 258, 333, 338, 564, 833–835, 915, 931, 943, 986, 987
Андреев Е.Б., 681, 705
Андреев Л.Н., 821
Андреев Н.А., 899
Андреев С., 586, 650, 676, 723–726
Андроников И.Л., 775
Андронов Н.И., 371
Андропов Ю.В., 141, 690, 812, 813, 1019
Антокольская Н.П., 397, 453, 455
Антокольский П.Г., 72
Антониони М., 365, 366, 463, 663, 666
Антонов С.П., 53, 55, 464
Ануй Ж., 748
Апдайк Д., 470, 920
Арагон Л., 74, 285, 461, 865, 1049
Арканов А.И., 57, 324
Арская А.М., 413

Арский П.А., 413
Астауров Б.Л., 530
Ахмадулина Б.А., 103, 179, 458, 649, 863, 901
Ахматова А.А., 179, 231, 310, 314, 416, 511, 541, 875, 897, 913, 941
Ашкинадзе Г.А., 395

Б

Бабель И.Э., 309, 450
Бабицкий К.И., 186, 208, 311, 324, 603
Багрицкий Э.Г., 973
Бакланов Г.Я., 464, 468
Бакулева О., 776, 777, 781, 782, 787, 791, 792, 804
Балабашкина М.Ю., 676, 705
Балтер Б.И., 103
Бардин Д., 143, 146, 147, 582
Бардо Б., 242
Барнард К., 26, 80, 95, 146
Батов П.И., 270
Батшев В.С., 49, 117, 118
Бах И.С., 87, 243, 251, 441, 447, 697
Бахнов В.Е., 17, 46, 52, 53, 55, 59, 77, 82, 86, 92, 104, 116, 117, 134, 148, 162, 212, 231, 236, 242, 260, 268, 277–279, 281, 283, 286, 288, 292, 296, 299, 302, 306, 316, 323, 324, 327–329, 331, 333, 341, 354, 384, 391, 392, 398, 400, 425, 459, 468, 511, 512, 516, 528, 531, 580, 584, 607, 620, 626, 712, 736, 740, 759, 761–763, 783, 800, 811, 815, 816, 818, 821, 828, 880, 890, 893, 907, 913, 918, 930, 1020, 1043
Бахнов Л.В., 283, 341, 354, 425, 620, 732, 739, 759, 917, 918
Бахнова Н., 17, 59, 92, 212, 242, 260, 283, 328, 341, 400, 425, 528, 620, 759, 800, 815, 890, 917, 1020
Бахчанян В.А., 861
Бахчанян И., 861
Бегун И.З., 872, 927
Безыменский Г.Б., 694, 714, 896, 931, 932, 950
Бейлин И., 864, 870
Бек А.А., 395
Беккет С., 485, 491, 582, 591, 592, 603, 642, 673, 719, 729, 731, 736, 913, 921, 984
Белашов А.М., 987
Белашова Е.Ф., 79, 98, 236, 259, 624, 987
Белинков А.В., 209, 210, 227, 236, 245, 263, 267, 270, 353, 529, 896
Белл А., 67, 69, 329
Беллини Д., 387, 391
Белль Г., 470, 1038, 1039
Белоцерковский В.В., 849
Белый А., 875
Белых Г.Г., 454, 743
Бем К., 719
Бен Шан, 536

- Бенуа А.Н., 808
 Берберов М., 163
 Бергер Д., 370
 Бергер И.М., 655
 Бергман И., 463, 746, 749
 Бердяев Н.А., 196
 Береговой Г.Т., 274
 Берия Л.П., 100
 Берлин Л.Л., 463
 Берлянт И.М., 452, 683, 692
 Бернас М., 441, 654–656, 658, 722, 737, 768, 826, 1020
 Бернштейн А., 27, 473, 484, 485, 600, 601
 Бернштейн И.А., 24, 25, 27, 37, 46, 77, 101, 102, 107, 136, 141, 148, 150, 154, 167, 169, 170, 171, 175, 180, 183, 185, 187, 228, 241, 243, 246, 251, 268, 302, 307, 317, 334, 355, 366, 374, 428, 433, 438, 441, 459, 460, 473, 484, 485, 491, 514, 530, 546, 586, 599–601, 606, 638, 663, 712, 719, 748, 759, 762, 800, 817, 830, 872, 927, 962, 977
 Бетховен Л., 251, 654, 719
 Бетховен Л.В., 719
 Бехтерев В.М., 83
 Биляк В., 230, 333, 387
 Биргер Б.Г., 61, 385, 731, 809, 885
 Бирман В., 629
 Биссет Д., 453, 454, 456
 Блаватская Е.П., 603
 Блайберг Ф., 146, 258, 416
 Блохинцев Д.И., 240, 629
 Блюхер В.К., 103
 Боб Й., 26, 91, 136, 141, 185, 307
 Бобан И., 466, 474, 476, 494, 498, 499, 531, 538
 Бобков Ф.Д., 571, 812, 813
 Бовуар де С., 491
 Богораз Л.И., 40, 49, 145, 186, 188, 206, 208, 209, 301, 311, 396, 414, 479, 578, 579, 586, 604, 719, 748, 777
 Богословский Н.В., 571
 Богуславская З.Б., 863
 Бодлер Ш., 288
 Болтинов А., 664, 671
 Болховитинова В.П., 870
 Бондаренко П.И., 958
 Бор М., 63, 71, 72
 Бордюкова Н., 683
 Борин А.Б., 15, 22, 31, 82, 212, 293, 443
 Борисова Н., 174, 1024
 Борман Ф., 387
 Борн М., 594
 Боровиковский В.Л., 1002
 Боровский Д.Л., 362, 572, 632, 694, 700, 977
 Босх И., 387, 391
 Ботичелли С., 387, 391
 Брабец В., 297, 299, 300, 306
 Бранди Ч., 61, 181
 Брандт В., 851, 853, 921, 1038
 Брасенс Ж., 372, 500, 517
 Бредли Т., 1007, 1008, 1010–1012
 Брешнев Л.И., 43, 45, 64, 74, 99, 110, 149, 152, 166, 167, 169, 171, 201–204, 214, 216, 227, 232, 252, 254, 269, 274, 277, 280, 282, 284, 296, 367, 373, 405, 415, 487, 510, 530, 544, 600, 603, 618, 620, 626, 653, 693, 709, 712, 727, 731, 783, 808, 818, 826, 901, 903, 912, 918, 932, 940, 955, 1015–1018, 1039, 1041, 1042
 Брейтбарт-Самсонова Е.А., 813, 837
 Брехт Б., 336
 Брик Л.Ю., 118, 308, 309, 865
 Бриттен Б., 80, 607, 616, 703, 718
 Бродский И.А., 43, 809, 813, 814, 818, 896, 912
 Брусиловский А.Р., 288, 291, 706, 734
 Буасек С., 86
 Бубнов И., 588, 618, 705, 708, 732, 745, 771, 795, 804, 824, 841, 862, 863, 901
 Буденный С.М., 103
 Бузаши Я., 116, 123, 500
 Буковский В.К., 379, 556, 603, 758, 767, 819, 893
 Булгаков М.А., 23, 31, 51, 112, 115, 144, 308, 316, 317, 379, 405, 488, 493, 518, 646, 694, 725, 912, 964
 Булгаков Н.А., 341
 Булгакова Е.С., 31, 308, 309, 315, 316, 488, 560
 Булгарин Ф.В., 748
 Бунин И.А., 139
 Бураковская Л.А., 108, 314, 383, 405, 440, 441, 447, 468, 475, 493, 499, 500, 517, 796, 886
 Бураковская М.В., 383, 441
 Бураковский В.И., 21, 25, 76, 94, 95, 108, 142, 150, 242, 289, 293, 295, 296, 314, 338, 340, 359, 383–385, 399, 403, 405, 439, 440, 472, 473, 475, 488, 489, 491, 500, 503, 517, 524, 559, 564, 677, 770, 772, 774, 776, 777, 783, 795–797, 835, 841, 842, 845, 875, 877, 885, 886, 896, 906, 919, 938
 Буров К.М., 452
 Бухарин Н.И., 72
 Буцко Ю.М., 71, 572, 614, 700
 Буякин В.И., 531
 Бьёрнагер К., 682, 693
 Бэйкер Эдди М., 636
 Бэкстрём А., 456, 459, 466, 491, 499, 514, 521, 528, 531, 532, 534, 537, 592, 594, 699, 820, 836, 933
 Бэкстрём Л., 532, 836
 Бэкстрём К., 820
 Бютнер Г., 582, 592, 607, 645, 664, 668–674, 678–680, 682, 718, 731, 736, 784, 820, 828, 836, 919, 1002, 1034, 1035, 1038
 Бютнер М., 582, 669, 671, 672, 674, 678–680, 682, 820, 836, 1035
 Бюттор М., 880
 Бюффе Б., 586
- В**
 Вагнер Р., 719
 Вайда А., 411, 666
 Вайс П., 315
 Вайсбейн О.С., 979
 Ваксберг А.И., 802
 Валек М., 115, 132, 151, 153, 154, 297, 323, 367, 378, 528, 530, 731
 Ван Гог В., 262, 617, 684
 ван Метерен У., 14, 1053

- Ваншенкин К.Я., 115
 Варга А.Я., 237, 962
 Варга Е.С., 28, 463, 517
 Варга М.Е., 119, 205, 237, 324, 331, 372, 463, 466, 506, 517, 911, 962
 Варган С., 969
 Васамурти, 98
 Васильев А.Н., 584, 690, 693, 696, 759
 Васильев Б.Л., 594
 Васильев Ю., 459, 993
 Васильев Ю.В., 291, 832
 Вацулик Л., 140
 Вегин П.В., 75
 Вейсберг В.Г., 285, 673, 731
 Вейсман А., 28
 Веласкес Д., 646
 Веленский Т., 67
 Великанова М.А., 962
 Верлен П., 288, 730
 Вермерш Ж., 215, 216
 Веселинович С., 98, 482
 Веселовская Г., 25, 46, 52, 57–59, 62, 73, 81, 83, 86, 88–90, 92, 105, 117, 119, 169, 174, 175, 181, 192, 198, 211, 218, 227, 231, 245, 254, 255, 260, 261, 264, 266, 276, 277, 280, 341, 346, 348, 357, 375, 381, 393
 Веселовский Л., 192
 Вивальди А., 697, 703
 Вийон Ф., 441
 Вим, 680, 682, 684, 784, 836
 Винкельман Х., 584, 594, 607, 617, 639, 643, 651, 665, 669, 670, 674, 695, 704, 713, 714, 720, 864, 866, 867, 967
 Висконти Л., 666, 734, 740, 749
 Вихирева К.А., 316
 Вишневецкий Е., 663, 729, 890, 998
 Вишняк В.Л., 762, 763, 783
 Владимиров Л.В., 856
 Владимирова В., 681
 Владимов Г.Н., 103, 365, 379, 380, 464, 812, 832
 Владимов М., 696
 Владыкин Г.И., 332
 Влаховский К., 377, 381
 Вознесенский А.А., 43, 53, 224, 306, 355, 497, 598, 618, 649, 654, 863, 941, 978, 1033
 Войнович В.Н., 66, 366, 464, 812
 Вокач И., 800, 881
 Воловников В.Г., 522, 564, 569, 590, 607, 617, 636, 637, 650, 656, 676, 679, 681, 684, 685, 705, 716, 730, 749, 764, 780, 800, 801, 803, 848, 867, 880, 882, 886, 890, 892, 921, 925, 929, 936, 937, 941, 942, 945, 946, 951, 952, 955, 972, 984, 1000, 1001, 1006, 1020, 1023, 1032, 1034, 1038, 1040, 1045, 1047, 1048, 1050, 1053
 Волюнов Б.В., 270, 271
 Воннегут К., 834, 920
 Воронков К.В., 365, 464, 465, 466
 Ворошилов И.В., 470
 Вукушич Б., 71–73, 76–79, 98, 132, 161, 174, 205, 208, 256, 257, 306, 435, 437, 482, 500, 521, 560, 570, 624
 Вукушич Р., 76, 437, 521
 Вульфович П., 374
 Вульфович Т.Ю., 26, 374
 Вучетич Е.В., 112, 371, 941
 Высоцкий В.С., 336, 498, 700, 749
- Г**
 Габай А.И., 361
 Габай Г.В., 361
 Габай И.Я., 114, 361, 473
 Гагарин Ю.А., 63, 65, 67
 Гаек И., 241, 530
 Гайдар Т.А., 161, 174
 Галан В., 556
 Галанин И., 18, 742, 763, 799, 859
 Галанина Б., 742
 Галансков Ю.Т., 34, 43, 93, 131, 132, 140, 221, 301, 359, 884
 Галилей Г., 213
 Галич А.А., 324, 484, 757, 777, 785, 885, 1008, 1010, 1011, 1051
 Галунчиков В., 657, 660
 Гальнкер И., 656
 Гальперин Ю., 82
 Гальперина В.И., 664, 671
 Гамазина Е.Г., 590, 601, 617, 636, 637, 650, 656, 674, 676, 681, 705, 714, 715, 724, 730, 737, 749, 803, 823, 825, 826, 830, 834, 835, 837, 838, 842, 844, 848, 859, 867, 880, 882, 886, 889, 891, 892, 907, 912, 914–916, 923, 925, 928, 929, 936, 942, 946, 951, 952, 960, 972, 979, 983, 984, 999–1001, 1006, 1019, 1020, 1027, 1032, 1034, 1040, 1041, 1043, 1044, 1047, 1049, 1050
 Гамзатов Р.Г., 294
 Ганди М., 594
 Ганзик С., 121
 Ганионский С.А., 60, 257, 258, 294
 Гараи Г., 333, 383, 399–401, 424, 433, 435, 436, 441
 Гароди Р., 215, 216, 499
 Гаррубба К.М., 707
 Гашек Я., 300
 Ге Н.Н., 1002
 Геворкян А.Д., 998, 1000
 Геворкян Е.Д., 998, 1000
 Гелазония П.И., 711, 944, 945, 949, 955, 995, 1002
 Геликман Б.Ю., 85, 86
 Гельфанд И.М., 76, 241, 672
 Гельштейн В.И., 108, 216, 267, 307, 327, 384, 420, 459, 475, 572, 623, 672, 730, 731, 772, 885, 889, 906, 907, 974, 993, 1039
 Гельштейн Г.Г., 76, 108, 142, 184, 216, 253, 254, 267, 268, 327, 338, 354, 367, 383–385, 420, 459, 475, 488, 489, 491–493, 498, 503, 517, 521, 524, 536, 546, 564, 568, 572, 623, 663, 668, 672, 720, 730, 731, 770–774, 777, 783, 784, 795, 797, 799, 810, 820, 821, 835, 869, 870, 874–879, 884–890, 892, 895–898, 902, 903, 906, 907, 912, 913, 915–917, 942, 944–947, 949, 951, 966, 974, 984, 993, 1000, 1039
 Гельштейн Гр. Г., 216, 267, 367, 384, 420, 459, 623, 1000

- Гельштейн М.Г., 116, 219, 229, 311, 323, 349, 384, 420, 424, 623, 731, 1000
- Генисаретский О.Д., 196
- Геннис Г.Г., 14, 304, 350, 357, 432, 443, 444, 452, 565, 590, 607, 617, 636, 637, 639, 656, 663, 674, 676, 681, 683, 685, 692, 705, 716, 720–722, 724, 730, 749, 764, 800, 803, 823–826, 844, 867, 880, 882, 886, 890, 892, 914, 921, 925, 929, 936, 937, 941, 945, 946, 948, 951, 952, 955, 972, 979, 997, 1000, 1001, 1020, 1023, 1032, 1034, 1038, 1047, 1050, 1053
- Геннис Гельмут Г., 357
- Герасимов А.М., 742
- Гербер А.Е., 20, 24, 31, 33, 58, 132, 192, 655, 662
- Гердт З.Е., 59
- Герлин В.М., 221
- Герман Н.Л., 762, 783, 890
- Герцен А.И., 808, 811
- Гершензон Г.С., 972, 1000
- Герштейн Э.Г., 912
- Гёте И.В., 869
- Гилельс Е.Э., 53, 55
- Гинзбург А.И., 34, 43, 54, 61, 62, 80, 93, 103, 131, 132, 140, 221, 223, 240, 301, 359, 386, 556, 564, 765, 766, 885
- Гинзбург В.Л., 60, 82, 121, 129, 142, 143, 146, 147, 150, 157, 159, 161, 194, 201, 220, 233–235, 237, 246, 258, 259, 268, 269, 273, 274, 276, 277, 282, 293, 295, 299, 302, 316, 327–329, 359, 362, 375, 383, 400, 401, 403, 420, 421, 435, 457, 469, 490, 510, 511, 516, 521, 534–536, 555, 561, 570, 634, 668, 694, 716, 717, 728, 741, 781, 794, 802, 817, 825, 849, 851, 871, 872, 880, 913, 916, 934, 957, 958, 966, 990, 1019
- Гинзбург Е.С., 226, 314, 1009, 1010, 1012
- Гинзбург Л.И., 240
- Гинзбург Н.И., 31, 33, 60, 82, 121, 142, 147, 150, 155, 159, 161, 194, 201, 220, 234, 235, 259, 268, 269, 273, 274, 277, 293, 299, 316, 327–329, 359, 362, 375, 383, 400, 401, 421, 425, 435, 457, 469, 487, 490, 511, 516, 521, 534, 555, 570, 634, 668, 694, 716, 717, 728, 781, 794, 817, 849, 871, 872, 916, 966, 1019
- Гиров К.Р., 752
- Гитберг А.Д., 21, 52, 86, 88, 90, 100, 101, 151, 180, 181, 208, 219, 223, 227, 235, 237, 241, 245, 249, 254, 255, 283, 293, 303, 312, 313, 315, 321, 339, 354, 357, 362, 370, 375, 385, 395, 414, 440, 441, 444, 458, 474, 476, 480, 486, 525, 568, 570, 580, 668, 709, 766, 772, 773, 785, 795, 797, 821, 874, 883, 907, 941, 942, 945, 966, 971, 984, 1000, 1013
- Гитберг М., 21, 52, 86, 90, 100, 101, 180, 208, 219, 220, 223, 237, 245, 249, 254, 255, 293, 303, 312, 313, 315, 321, 339, 357, 375, 385, 390, 395, 414, 440, 474, 476, 480, 486, 525, 568, 570, 580, 668, 870, 907, 945, 966, 967, 971, 984, 1000
- Гитлер А., 51, 155, 190, 256, 420, 544, 557, 584, 675, 697, 721, 845, 867, 897
- Гладилин А.Т., 379, 381, 414
- Гладков Э.Н., 14, 17, 18, 21, 24, 27, 34, 37, 39, 48, 55, 59, 67, 69, 71, 74, 76, 77, 83, 89, 94, 96, 102, 104, 106, 112, 113, 116, 118, 119, 121, 123, 126, 128, 129, 131–134, 136–142, 145–150, 152, 153, 157, 159, 160, 162, 167–171, 174, 179, 180–182, 184, 188–190, 192, 195, 196, 198–200, 202, 203, 205, 208, 210, 211, 213, 216, 223, 227, 228, 230, 231, 233, 234, 237–239, 244, 247, 248, 251–254, 256–258, 262, 263, 267, 268, 270, 275, 277, 278, 281–286, 288, 289, 293–296, 299, 302, 304, 308, 310, 314–316, 320, 322, 334, 348–351, 353–355, 357, 359, 360, 363, 368, 369, 372–379, 381, 383, 384, 388, 389, 393, 397, 399–401, 405, 407, 412, 415, 418, 420, 422, 425, 428–433, 435–437, 439, 440, 444, 448, 453–459, 463–474, 476, 478, 479, 482, 484–487, 489–494, 496, 499, 500, 504, 506, 508, 510–514, 518, 519, 521, 524, 526, 528–530, 536, 543, 549, 553, 560, 568, 569, 573, 575, 576, 584, 585, 588, 591, 592, 599, 601, 607, 616–618, 620, 622, 623, 643, 645, 646, 652, 654, 661, 662, 665, 670, 673, 680, 682, 695, 710, 718, 721, 724, 727, 730, 731, 736, 737, 755, 757, 759, 760, 770, 780, 781, 795, 797, 798, 819, 826, 830, 838, 857, 858, 876, 899, 900, 904, 906, 907, 916, 934, 936, 937, 939, 942, 944, 946–949, 951, 953, 955, 961, 963, 966, 970, 979, 992, 995, 998, 999, 1007, 1008, 1011, 1030–1032, 1036–1038, 1045, 1050, 1051, 1053
- Глазов Ю.Я., 1009
- Глазунов И.С., 291, 371, 397, 598, 665, 670
- Глинский Д.Ю., 752, 766, 770, 862, 981
- Глюцер В.И., 455, 459
- Гоголь Н.В., 40, 78, 134, 158, 591, 829, 867
- Гойя Ф., 387, 391
- Голанд Р., 711
- Голдштюкер Э., 190, 243, 274
- Големба А.С., 639
- Голованов, 929–931, 934, 986
- Головин А.Я., 679
- Голомшток И.Н., 46, 586
- Голубков Д.Н., 885
- Гольдберг А.М., 248, 425, 536
- Гомбоев Ж.-Д., 91
- Гомулка В., 49, 50, 99, 333, 580, 618
- Гончар О., 126
- Горбаневская Н.Е., 186, 189, 480, 893, 993, 1008
- Гореликов С.А., 422, 480, 669, 693
- Гореликова М.И., 398, 422, 479, 547, 657, 669, 670, 682, 693, 738, 806, 811, 812, 816, 1035
- Горин Г.И., 57
- Горлов А.М., 690, 704
- Горлов В.А., 717
- Горький М., 23, 63, 69, 72, 139, 224, 232, 362, 560, 859, 866, 1001
- Гранин Д.А., 748, 816
- Грасс Г., 470
- Гратовень Н.В., 209, 211, 220
- Гребнев А.Б., 39
- Гребнев М.Н., 331, 341
- Гребнев Н.И., 17, 59, 331, 504, 511, 620, 639, 750, 761, 907
- Гребнева Н.М., 17, 59, 190, 328, 331, 425, 511, 580, 620, 639, 893, 930, 1020
- Греко Ж., 339

Гречко А.А., 106, 184, 367
 Грибанов Б.Т., 397
 Грибачев Н.М., 75, 76, 102, 192, 215, 294
 Грибов В.Н., 327
 Григоренко З.М., 476
 Григоренко П.Г., 219, 240, 359, 361, 364, 438, 440, 492, 530, 565, 893
 Григорьев А., 739, 741, 932
 Гринчик Д.М., 714, 950
 Гришин А., 496, 497, 499, 500, 584, 645, 646, 752, 760, 768, 864, 898–900, 911, 918, 925, 928, 935, 936, 938, 940, 942, 943, 959, 972, 1001, 1009
 Гришин В.В., 407, 813
 Гробман М.Я., 466, 467, 619, 716, 752, 957
 Гросс Е.Ф., 21
 Гроссман В.С., 45, 118, 308, 309, 468, 469
 Гроховяк С., 26, 28, 49, 81, 83, 84
 Грэм Грин, 64, 491, 900
 Губер О.М., 308, 309
 Гуллер Н.Н., 109, 135, 332, 333, 564, 981
 Гумилев Н.С., 221, 314
 Гус Я., 300
 Гусак Г., 195, 196, 204, 230, 246, 252, 261, 333, 334, 337, 353, 366, 367, 369, 378, 383, 387, 400, 415, 416, 424, 435, 465, 545, 570, 860
 Гусева Е., 51, 289, 425

Д

Дадацкий И., 118, 123, 418
 Дали С., 229, 357, 391
 Данек В., 43, 74, 75, 76, 78, 86, 132, 134, 148, 150, 185–190, 290, 296, 297, 307, 361, 433, 804, 818, 860
 Данек М., 150, 151, 185, 307
 Дanelия Г.Н., 94
 Даниэль А.Ю., 145, 323, 491
 Даниэль Ю.М., 20, 34, 36, 40, 64, 76, 103, 145, 184, 223, 364, 386, 440, 479, 491, 555, 565, 569, 570, 578, 579, 584, 586, 600, 602, 603, 605, 619, 709, 719, 748, 758, 1008, 1010, 1011
 Даноулич М., 521, 536, 546
 Данте А., 618
 Дашковская Т.Б., 455
 де Голль Ш., 108, 114, 117, 136, 140, 201, 220, 271, 342, 556
 Дебейки М., 919
 Дегтярев Б.А., 441, 662
 Декс П., 74
 Дектор Ф.А., 374, 383, 389, 395, 396, 443
 Деладье Э., 1039
 Делоне В.Н., 49, 186, 208, 989
 Демидова А.С., 315, 346, 700
 Демихов В.П., 95
 Демичев П.Н., 72, 106, 131, 259, 273, 277, 283, 471, 538
 Денисов Э.В., 95, 362, 935
 Джабраиллов Р.Х., 315, 346, 572, 977
 Джагометти А., 122, 371
 Джексон Г., 959, 1016
 Джонсон Л., 342
 Джулиани М., 158
 Джурович А., 640
 Димент И.А., 859, 946, 1000

Дмитриева А.Д., 801
 Дмитриева Г.С., 801
 Дмитриевич Н., 248, 536
 Добровольская Ю.А., 60, 203, 257, 294, 317
 Добровольский А.А., 34
 Добросердов М.В., 389, 391, 392
 Дойчер И., 137
 Домбровский Ю.О., 118
 Достоевский Ф.М., 38, 64, 601, 618, 764, 767, 768, 770, 771, 781, 783
 Дравич А., 47, 49
 Дравич В., 47
 Драйзер Т., 761
 Дремлога В.А., 186, 208
 Дрозда М., 297
 Дроздовская М.М., 18, 51, 117, 118, 162
 Дронов А., 163
 Дрофенко С.П., 393, 570
 Дрюон М., 968, 970
 Дубах М.Б., 357
 Дубчек А., 23, 67, 99, 155, 166, 167, 172, 177, 183–185, 187–189, 192, 194–196, 199, 203, 204, 206, 209, 214, 218, 224, 228, 230, 232, 235, 268, 277, 282, 307, 310, 333, 334, 342, 364, 400, 416, 418, 420, 424, 427, 433, 435, 473, 510, 530, 538, 544, 582
 Дунский Ю.Т., 20, 33, 51, 82, 161, 258, 259, 383, 421, 510, 516, 577, 717
 Душлик И., 663, 986, 987
 Душкин А.Н., 958
 Душкова Л., 23, 185, 307, 584, 804, 818, 860
 Дэвис А., 808
 Джожев Б.И., 917, 957, 958
 Дюран П., 727, 731
 Дюренматт Ф., 470
 Дюрко Л., 820

Е

Евтушенко Г., 677
 Евтушенко Е.А., 43, 53, 202, 206, 307, 333, 364, 403, 414, 454, 468, 577, 618, 649, 655, 657, 677, 678, 706, 709–711, 732, 812, 832, 902, 915, 941, 978, 983, 1033, 1051
 Егоров М.В., 398
 Егорьев М.А., 985
 Едунов Б.В., 273
 Елагина Е.В., 973
 Елинек Т., 39
 Елькин Г.А., 805, 807
 Елотин В.П., 920
 Емельянов Н.А., 637
 Епифанова Н., 161, 167, 168, 175, 180, 295, 320, 350, 401
 Епишев А.А., 99, 471, 513
 Ерофеев В.В., 241
 Есенин-Вольпин А.С., 50, 76, 240, 565, 682, 818, 896
 Ефремов О.Н., 541, 577, 859, 863
 Ефремова М.В., 83, 476
 Ефтеева Н., 36, 43, 63, 67, 70, 86, 92

Ж

Жданов А.А., 825
 Желудков С.А., 922

Живков Т., 99
 Жилинская Н.И., 112, 290
 Жорж Санд, 508
 Жуков В., 679, 692
 Жуков Ю.А., 235
 Жукова В.Ф., 835, 867
 Жуковский С.Ю., 679
 Журавский В.А., 224
 Журдан И., 642, 645, 650, 659, 714, 761
 Журдан Р., 642, 645, 650, 659, 714, 761
 Жутковский Б.И., 549, 860, 864, 899

З

Заболоцкая Е.В., 309
 Заболоцкий Н.А., 269, 309, 432, 566
 Зайцева А.М., 78, 216, 289, 362, 399, 403, 405, 408, 411, 414, 422, 425, 428, 430–433, 436, 437, 439, 441, 442, 444, 448, 449, 451–455, 457, 458, 460, 461, 463, 464, 466, 468–470, 472, 474–477, 479, 480, 482, 484–486, 488, 489, 491, 492, 494, 496, 500, 506, 508, 511–514, 517–519, 521–523, 525, 527–529, 531, 535, 538–541, 549, 551, 553, 555, 558, 560, 561, 564, 573, 575, 576, 578, 588, 589, 591, 601, 607, 618, 620, 621, 623, 624, 631, 635, 647, 648, 650, 652, 656, 663, 666, 672, 677, 678, 690, 696, 699, 710, 716, 734, 740, 746, 749, 753, 759, 765, 768, 806, 849, 861, 891, 892, 893, 927, 940, 956, 959, 970
 Зальцман О.М., 441, 444, 469, 472, 478, 486, 490, 504, 638, 647, 671, 710, 713, 720, 727, 728, 747, 748, 763, 771, 781, 783, 787, 800, 801, 807, 818, 848, 849, 859, 866, 869, 870, 871, 884, 896, 911, 913, 920, 923, 930, 933, 934, 954, 967, 971–975, 978, 980, 983, 984, 988, 992, 994, 995, 998, 999, 1001, 1008, 1019
 Захаров Н.С., 24
 Збарский Л.Б., 752, 762
 Зверев А.Т., 111, 1014
 Зверев И.Ю., 17, 20, 31, 50, 61, 108, 145, 188, 262, 264, 298, 299, 455, 488, 510, 519, 524, 551, 848, 875, 919
 Зверева Е.А., 20, 31, 33, 42, 60, 69, 82, 104, 108, 118, 123, 145, 162, 188, 212, 239, 289, 293, 299, 308, 309, 324, 327, 333, 362, 375, 425, 454, 475, 488, 490, 527, 532, 534, 620, 717, 761, 883, 913
 Зверева М.И., 31, 33, 51, 82, 159, 341, 404, 531, 717
 Зерганинов Ю., 828
 Зильберман Д.Б., 196
 Зимянин М.В., 269
 Зиновьев Г.Е., 637
 Злотник А., 859
 Злотников Н.М., 75, 229, 338, 707
 Зозуля Е.Д., 100, 303, 414
 Золотухин Б.А., 54, 366
 Золотухин В.С., 497, 572, 977
 Зонина Л.А., 950
 Зорин В.А., 154
 Зошенко М.М., 52, 224, 231, 328, 511, 642

И

Иванов А.А., 1002
 Иванов В.А., 978

Иванов В.В., 309
 Иванов И.В., 323
 Иванова Т.В., 309
 Ивашев-Мусатов С.М., 581
 Ийеш Д., 396
 Икрамов К.А., 322
 Ильенко Ю.Г., 26, 167, 591
 Ильин В.И., 274, 279
 Ильин В.Н., 397, 863
 Ильичева М.Н., 21, 25, 27, 35, 68, 69, 73, 83, 116, 119, 174, 180, 181, 215, 280, 282, 284–286, 288, 289, 291, 294, 295, 297, 299, 300, 303, 341, 354, 359, 375, 376, 381, 383, 384, 386, 389–391, 393, 401, 403, 405, 407, 408, 414, 418, 422, 425, 430, 432, 433, 437, 439, 440, 444, 448, 450, 453, 454, 457, 458, 461, 464, 467, 469–478, 482, 485–487, 489, 490, 493, 494, 499, 500, 512, 513, 528, 533, 542, 548, 570, 572, 575, 622, 652, 798, 803
 Ильф И., 626, 642
 Имранов С., 91, 93
 Ионеско Э., 58, 494, 582, 591, 673, 675
 Исаев Е.А., 455, 654
 Исаева Н.А., 490, 504, 564, 635, 849, 922, 961, 972, 974, 997, 999, 1032–1034, 1040, 1048

К

Кабаков И.И., 196, 486, 487, 488, 752
 Каверин В.А., 44, 45, 103, 464, 530, 963, 964, 966, 984, 994
 Каган Е.М., 469
 Каган Т.Н., 146, 327, 443, 469, 522, 744
 Каган Ю.М., 36, 146, 327, 469, 522, 523, 547, 591, 744
 Каганович Л.М., 708
 Кадар Я., 99, 201, 639
 Кадышев В., 464, 523, 524, 537, 543, 601, 607, 621, 624, 629, 639, 648
 Казакова Р.Ф., 321, 322
 Кайдаш-Лакшина С.Н., 955
 Кайзер М., 718, 723
 Калашнев Ф.В., 976, 986
 Калик М.Н., 619, 661
 Камбурова Е.А., 560, 832
 Каменский А.А., 767
 Капица П.Л., 45, 530, 536
 Каплан Ф.Е., 281
 Каплер А.Я., 911
 Капотте Т., 962, 995
 Караваева В.И., 21, 27, 34, 37, 59, 67, 71, 77, 89, 94, 106, 113, 116, 119, 132, 137–140, 145–150, 153, 157, 159, 162, 167, 168, 174, 175, 180, 181, 183, 184, 194, 198, 200, 202, 203, 208, 216, 220, 221, 223, 228, 237, 240, 242, 244, 247, 252, 254, 256, 258, 262, 275, 283, 284, 293, 296, 304, 308, 320–322, 329, 338–340, 349, 357, 363, 368, 375, 376, 378, 381, 384, 388, 399, 401, 402, 407, 412, 422, 425, 430, 432, 437, 439, 441, 453, 454, 456, 459, 466, 468, 470, 472, 476, 479, 484, 485, 494, 497,

- 499, 500, 504, 512, 521, 524, 526, 533, 536, 546, 549, 560, 569, 585, 601, 643, 646, 654, 657, 662, 681–683, 695, 718, 737, 755, 795, 819, 838, 907, 934, 935, 938, 946–949, 953, 961, 963, 999, 1007, 1008, 1011, 1012, 1036, 1045
- Карапузкин А., 492
- Карли де Д., 621
- Карпейский М.Я., 1013
- Карпова В.М., 863
- Карякин Ю.Ф., 24, 53, 54, 61, 151, 196, 221, 223, 366, 367
- Кассиль Л.А., 55, 57, 454, 537
- Кастро Ф., 186
- Катаев В.П., 38, 379, 853
- Катушев К.Ф., 261, 267
- Кафка Ф., 241, 300, 353, 519, 775, 776, 794
- Качурьян Н.Л., 681
- Кашежева И.И., 321
- Кваша И.В., 743
- Келдыш М.В., 50, 220, 694, 918
- Келдыш С.В., 50
- Кеннеди Д., 70, 123, 212, 218, 533, 1035
- Кеннеди Ж., 212, 218
- Кеннеди Р., 123, 258
- Кеннеди Э., 1035
- Кербель Л.Е., 90, 817, 872, 957, 958
- Керова В., 37, 53
- Кибальников А.П., 90
- Ким Ю.Ч., 26, 114, 201, 347, 396
- Кинг М.Л., 70, 258
- Киреева А.Б., 863
- Кирсанов С.И., 902
- Кирцер Ю.М., 15, 102, 105, 564
- Кириллер Р., 723
- Киселев О.Г., 11, 94, 101, 108, 111, 113, 129, 132, 134, 136, 148, 155, 162, 188, 190, 195, 198, 199, 206, 208, 214, 228, 230, 232–234, 236, 238, 248, 251, 252, 258, 262, 270, 283, 285, 288, 296, 297, 304, 306, 315, 316, 321, 322, 329, 331, 336, 338–343, 346–348, 353, 355, 362, 374, 379, 381, 384, 388, 402, 428, 429, 431, 433, 436–438, 440, 441, 447, 465–468, 471–474, 476, 478, 479, 489, 491, 494, 497, 499, 500, 517, 518, 529, 535, 538, 545, 548, 549, 559, 560, 562, 563, 568, 577, 578, 580, 584, 592, 595, 598, 605, 607, 618, 621, 624, 629, 632, 633, 638, 647, 648, 683, 700, 703, 705, 709, 712–714, 725, 730, 743, 749, 759, 783, 785, 786, 788, 791, 794, 796, 798, 800, 802, 821, 832, 841, 859, 869, 870, 891, 909, 913, 944–946, 955, 962, 984, 995–1000, 1019, 1020, 1037
- Кислова Е.Н., 676
- Киссинджер Г., 659, 746, 853, 947
- Клее П., 75
- Клиберн В., 807
- Клод, знакомый француз, 89, 119, 133, 208, 288
- Ключевский В.О., 828
- Кнооп А. фон, 704, 714, 720
- Кобозев Р.А., 486
- Ковалев С.А., 241
- Коваль Ю.И., 25, 27, 36, 43, 135, 137, 176, 232, 233, 333, 385, 466, 564, 981
- Кожевников В.М., 215
- Козлова Е.С., 621, 706, 734, 742, 804, 861, 892, 893, 927
- Коклюгин В., 113
- Колесниченко Т.А., 224
- Колодко В., 332, 494, 564, 677, 981
- Комаровская Л.Г., 592
- Комов О.К., 79, 958
- Кон У., 143, 146, 151, 548, 934
- Кондрашин К.П., 198, 203, 242–244, 251, 296–298, 302, 340, 375, 468, 607, 614, 616, 654, 732, 963
- Кондрашина Н.Л., 160, 198, 203, 242, 296, 298, 375, 468, 654, 732, 807, 966
- Конев И.С., 28, 422
- Конева М.И., 28, 53, 320, 327, 422, 425
- Коненков С.Т., 159, 287, 629
- Коненкова Д.А., 237, 240, 629
- Конечный Д., 290, 291, 465, 529, 704
- Константинов В.Ф., 841
- Константиновский И.Д., 629, 638, 640, 653–657, 809, 867
- Копелев Л.З., 103, 114, 336, 468, 529, 569, 629, 721, 732, 755, 758, 760, 776, 812, 829, 913, 947, 963, 1008–1010, 1013, 1030, 1031
- Корвалан Л., 556
- Коржавин Н.М., 816
- Корин Г.А., 473
- Корнейчук А.Е., 215
- Корнилов В.Н., 66
- Короленко В.Г., 132
- Корчак Я., 817, 878, 913
- Космачев В.В., 834
- Косолапов В.А., 364
- Костакис Г.Д., 1014
- Костенко Т., 980
- Костерин А.Е., 219
- Костромина В.В., 357
- Косыгин А.Н., 28, 64, 107, 108, 110, 184, 209, 237, 259, 274, 277, 279, 284, 301, 342, 456, 470, 544, 545, 606, 618, 725
- Косыгина Л.А., 28
- Кочетов В.А., 53, 294, 458, 470, 482, 534
- Кошевой О.В., 954
- Крамер М., 728, 910
- Крамов И.Н., 469, 470
- Крамской И.Н., 1002
- Красин В.А., 10, 346, 480, 719, 888, 891, 896, 1051, 1052
- Краснов Н.П., 245, 255
- Краснопевцев Д.М., 37
- Красный Ю., 752, 762
- Крафт-Эббинг Р., 941
- Крахмальникова З.А., 322, 496
- Крейндин Л.Э., 950, 955, 984, 995, 1020, 1022, 1030, 1032, 1050
- Крессман Я.М., 205, 237, 324, 466, 506, 962
- Кригель Ф., 424, 433
- Крипс Й., 719
- Кристенсен Н.М., 381, 387, 497, 500, 645, 646, 663
- Кристи С.М., 104
- Кропивницкий Е.Л., 511

- Кропивницкий Л.Е., 511
 Крюков Г.В., 807
 Кузнецов А.В., 403, 404, 407, 408, 410, 412–414, 416, 418, 421, 422, 424, 425, 471, 619, 896
 Кузнецов И.К., 950
 Кулаев Б., 82
 Кундера М., 263, 267
 Курганов О.И., 51
 Курносиков М., 415, 531, 554, 558, 661, 685, 847
 Куросава А., 676
 Курс М., 781, 866, 930, 955, 1001, 1040
 Кушнер А.С., 75, 78, 107, 123–125, 134, 139, 148, 160, 174, 292
- Л**
 Лавров В.А., 681, 664
 Лазарев Л.И., 89, 104, 108, 119, 174, 180
 Лакербай В.Н., 785–788, 791, 792
 Лакшин В.Я., 955
 Ламм Л.И., 474, 766, 785
 Ларина-Бухарина А.М., 72
 Ларсен Б., 660
 Лашкова В.И., 34
 Лебедев В.С., 823–826, 880, 1047
 Левин Й.Л., 316
 Левин М.Л., 993
 Левинштейн Я.И., 337, 384, 546
 Левитанская В.Г., 538, 540, 541, 571, 617, 648, 803, 857, 878, 886, 892, 895, 907, 952, 1002, 1006
 Левитанская М.П., 37, 42, 47, 48, 50, 58, 66, 72, 75, 77, 86, 88, 92–94, 151, 154, 160, 174, 179, 180, 184, 188, 190, 194, 196, 224, 229, 268, 286, 287, 306, 322, 355, 367, 384, 398, 420, 439, 443, 521, 528, 538, 540, 541, 571, 648, 803, 820, 832, 886, 892, 895, 907
 Левитанский Ю.Д., 12, 26, 37, 38, 42, 46–48, 52–55, 57, 58, 60, 62, 63, 65, 66, 69–72, 75–77, 83, 84, 86, 88, 91–94, 97, 98, 102, 109, 114, 116, 119, 123, 129, 136, 151–154, 160, 161, 169, 172–174, 177, 179, 180, 182, 185, 187–190, 194, 196, 198–200, 203, 221, 223, 224, 229, 239, 243, 258, 268, 277, 281, 286, 287, 292, 293, 304, 306, 317, 320, 322, 323, 326, 336, 340, 355, 359, 365, 366, 372, 378, 384, 398, 411, 413, 415, 416, 420, 421, 427, 428, 431–433, 435, 439, 440, 443, 456, 459, 460, 465, 471, 477, 482, 489, 496, 500, 504, 528, 538, 539, 541, 549, 560, 562, 570, 571, 573, 584, 617, 623, 640, 648, 663, 676, 690, 693, 696, 712, 803, 811, 820, 828, 832, 833, 854, 857, 858, 860, 861, 875, 877, 878, 883, 884, 886, 892, 895, 898, 907, 938, 941, 952, 1002, 1006
 Левитин И., 949
 Левитин М.З., 315
 Левитин-Краснов А.Э., 568, 682, 922
 Левич В.Г., 847, 1032
 Левшин И., 706
 Лейти М., 181, 234, 248, 282, 418, 538
 Лемпорт В.С., 7, 15, 17, 18, 20, 23, 25–28, 31–34, 36, 39, 43, 52, 57, 62, 67, 69, 70, 72–74, 76, 80, 82–85, 89, 91, 92, 96–99, 101, 102, 104, 105, 107, 108, 110, 112, 113, 116, 118, 119, 121, 123, 124, 129, 131, 133, 135, 137, 142, 143, 145–147, 149, 150, 152, 155, 157–159, 167, 169, 174, 178, 179, 196, 201, 208, 218, 233, 236, 240, 258, 259, 261, 267, 273, 278, 282, 287, 288, 290, 291, 295, 309, 315, 317, 324, 332, 337, 338, 347, 348, 373, 381, 383, 385, 391, 396, 397, 403, 431, 435, 444, 458, 494, 510, 514, 532, 542, 546, 547, 555, 564, 668, 677, 678, 701, 717, 742, 795, 797, 801, 834, 911, 931, 941, 950, 966, 981, 1024, 1025
 Ленин В.И., 42, 77, 174, 238, 280, 314, 327, 337, 349, 403, 414, 422, 451, 456, 469, 492, 516, 518, 521, 546, 637, 805, 938, 1001
 Лентулов А.В., 1002
 Леонов К.М., 192, 215, 294
 Леонтович М.А., 851
 Лермонтов М.Ю., 431, 653, 922
 Лимонов Э.В., 403, 405, 410, 415, 420, 425, 428, 431, 436, 441–443, 447, 456, 459, 460, 464–466, 469, 473, 474, 479, 485, 488, 492, 511, 518, 578, 621, 635, 644, 696, 697, 706, 707, 710, 716, 734, 742, 766, 804, 814, 861, 892, 893, 927, 959
 Линь Бяо, 342, 713
 Липшиц Ж., 536, 718
 Лиснянская И.Л., 473
 Литвинов М.М., 331, 479
 Литвинов П.М., 40, 145, 147, 186, 188, 189, 206, 208, 209, 223, 282, 301, 310, 311, 331, 332, 396, 414, 479, 896, 1011
 Литвинова Т.М., 147, 236, 468, 1011
 Литвинова Ф.П., 331, 332, 479
 Лифшицгайтс Н., 316
 Логинов О., 683
 Лозин А.Н., 861
 Лозинский Г., 285, 295, 303
 Лозовская К.И., 27, 28, 31, 44, 46, 83, 89, 90, 116, 131, 136, 138, 145–147, 188, 190, 192, 195, 203, 208, 212, 220, 223, 228, 230, 232, 234, 236, 237, 243, 246, 251–253, 268, 281, 288, 296, 300, 320, 322, 338, 339, 341, 346, 363, 378, 381, 385, 387, 390, 399, 407, 412, 420, 436, 437, 439, 442, 449, 450, 452–456, 458, 459, 464, 466, 468, 476, 479, 485, 488, 499, 504, 505, 512, 513, 524, 526, 528–530, 532, 533, 535–538, 540, 541, 546, 549, 554, 555, 560, 561, 569, 576, 578, 584, 585, 601, 621, 626, 630–632, 636, 638, 644–646, 649, 657, 661–663, 665, 690, 692, 693, 699, 701, 719, 724, 726, 732, 760, 762, 775, 791, 793, 796, 798, 800, 828, 870, 896, 897, 907, 910, 912, 913, 942, 951, 959, 961, 964, 966, 970, 972, 991–993, 998, 999, 1008, 1011, 1012, 1020, 1030–1032, 1036–1038
 Лонге К.-Ж., 85
 Лонго Л., 284
 Лоуренс Д., 639, 640, 641, 664
 Луговской В.А., 371
 Луи В.Е., 85, 649, 653, 657, 707, 863, 940
 Луначарский А.В., 869
 Лунгин Е.С., 331, 791, 962
 Лунгин С.Л., 331, 332, 786, 788, 800
 Лунгина Л.З., 331, 332, 752
 Лурье Л.М., 630, 644, 736, 816
 Лысенко Т.Д., 217

Любимов Ю.П., 95, 111, 129, 232, 296, 315, 331, 336, 339, 362, 498, 572, 594, 595, 618, 632, 699, 700, 752, 780, 812, 866, 977

М

Мазина Г., 245
 Мазина Д., 313, 332
 Мазуров К.В., 226
 Макарова Н.Р., 569
 Макарова Т.В., 306, 316, 402, 433, 909, 946, 984, 998
 Макеев К., 683
 Маковицкий Д.П., 179
 Маковский К.Е., 679
 Максимов В., 572
 Максимов В.Е., 47, 54, 58, 196, 203, 221, 365, 366, 464, 497, 579, 605, 725, 812, 813, 832, 837, 966, 1011, 1022, 1031–1033, 1036, 1038, 1039, 1042, 1051
 Максимова Т.В., 366
 Маленков Г.М., 48, 49, 708
 Малер Г., 243, 296, 297
 Маль Л., 768
 Маяжров М.П., 1041, 1043, 1051
 Мандельштам Н.Я., 76, 510, 511, 672–674, 678, 719, 730, 731, 744, 772, 777, 778, 809, 853, 855, 878, 885, 897, 912, 923, 932, 963, 964, 966, 969, 984, 991–993, 998–1000, 1008, 1009, 1012, 1025
 Мандельштам О.Э., 23, 43, 179, 213, 511, 672, 673, 809, 875, 889, 912, 913, 963, 964, 991, 1000
 Манн Т., 557
 Манцу Д., 61, 181
 Мао Цзэдун, 38, 80, 187, 189, 320, 342, 433, 471, 518, 656, 713
 Маргадант Г., 529, 562, 563, 909
 Маринкович Д., 80
 Маринкович М., 79, 80
 Маркин Е.Ф., 757
 Марков А.П., 796
 Маркс К., 85, 86, 947
 Марова Е.Г., 473
 Мартынов Л.Н., 118
 Марченко А.Т., 40, 364, 372, 396, 603, 605
 Маршак С.Я., 816
 Масарик Я., 106
 Маслеша С., 78, 79, 98, 482, 500, 518, 564, 571, 919
 Масс В., 775
 Матевин В.А., 168
 Матисс А., 324
 Матхават Палат, 810, 813, 910
 Мафтул Ю., 804, 818
 Махов А.С., 175, 176, 179, 182, 238, 354, 357, 411
 Машков И.И., 1002
 Маяковский В.В., 23, 95, 108, 111, 134, 308, 328, 336, 534, 865, 983, 999
 Медведев В., 638, 644, 741, 798, 1013
 Медведев В.В., 450, 555, 575, 709, 809, 811, 815
 Медведев Ж.А., 530, 534, 535, 539, 895, 896, 1031, 1039
 Медведев Р.А., 530, 1009, 1039
 Медведева Г.И., 433
 Межелайтис Э.Б., 215

Межиров А.П., 24
 Мезан А., 639, 712
 Меир Г., 316, 853
 Мерас И., 153, 246, 374, 630, 953
 Мерзон Л., 698
 Месяцев Н.Н., 512
 Метченко А.И., 816
 Мигдал А.Б., 36, 85, 86, 289, 374, 457
 Мидлер А., 768, 862
 Миллер А., 470
 Миловская Г., 288, 707
 Милоков О.В., 42, 80, 104, 119, 133, 142, 228, 229, 252, 365, 510
 Минач В., 172
 Миро Х., 667
 Митта А.Н., 96, 383, 549, 577
 Михайлов М., 79
 Михайлов Н.А., 512
 Михалков С.В., 64, 215, 292, 454, 648
 Михалков-Кончаловский А.С., 289, 648
 Мльнарж З., 214
 Модильяни А., 379
 Можаяв Б.А., 464
 Молотов В.М., 479, 708
 Мольер Ж.-Б., 31, 111, 954, 960
 Мондриан П., 75
 Монтеверди К., 713
 Мор Т., 888
 Моравиа А., 204, 461
 Моран Р.Д., 473
 Морган Т., 28
 Морци Ю.П., 12, 27, 59, 69, 76, 142, 150, 161, 179, 224, 249, 258, 309, 317, 350, 353, 372, 374, 380, 381, 383, 389, 393, 395, 396, 405, 425, 431–433, 435–438, 442–444, 447–449, 451–453, 455, 456, 458, 460, 463, 469–471, 480, 483, 488, 490, 517, 523, 525, 530, 532, 540, 541, 549, 555, 562, 565–568, 570, 576, 579, 588, 589, 598, 605, 618, 621, 648, 649, 665, 671, 693, 705–710, 732, 738, 745, 752, 766, 770, 771, 775, 795, 804, 824, 841, 862–864, 884, 886, 901, 913, 922, 929, 941, 954, 956, 980, 1034
 Моруа А., 970
 Мосашвили И., 905, 917
 Мотовилов Г.И., 67, 112, 287, 541
 Моцарт В.А., 243, 266, 719, 723, 748, 978
 Мур Г., 20, 116, 139, 371, 536, 616, 718, 743, 911, 913
 Мурзов С., 131, 141, 152, 153, 155
 Мясичев В.М., 587

Н

Набоков В.В., 151, 152, 519, 527, 529, 533
 Надь И., 201
 Назаров В.С., 347, 360, 361, 869, 870, 923
 Насер Г.А., 162, 163, 371, 375, 544, 578, 675, 778
 Наумов В.Н., 212
 Недоманский В., 307
 Неизвестный Э.И., 50, 53, 54, 70, 81, 111, 131, 151, 158, 171, 196, 209, 221, 223, 249, 259, 286, 290, 291, 293, 307, 315, 354, 359, 366, 370, 371, 403, 438, 449, 474, 525, 577, 618, 624, 649, 669, 707, 726, 731, 765, 766, 812, 834, 836, 869, 931, 941, 957, 959, 973, 987, 994, 1051

- Нейманова М., 818
 Некрасов В.П., 240, 332, 752, 763, 1011
 Некрасов Н.А., 421, 709, 761, 999
 Некрич А.М., 61
 Нельская Г.Б., 26, 28, 33, 37, 44, 46, 52, 58, 69, 81, 86, 101, 105, 106, 117, 119, 139, 167, 169, 179, 184, 206, 209, 216, 221, 230, 245, 246, 251, 255, 256, 258, 260, 266, 270, 276, 301, 303, 309, 314, 338, 339, 341, 368, 375, 383, 384, 398, 438, 440, 452, 454, 463, 467, 470, 477, 484, 490, 494, 512, 517, 519, 522, 525, 532, 533, 535, 538, 544–547, 551, 553, 558, 560, 561, 563, 565, 568, 569, 606, 616, 623, 626, 630, 636, 646–648, 653, 654, 657–661, 663, 665, 668, 687, 695, 699, 701, 719, 725, 733–735, 741, 746, 752, 778, 785, 797, 815, 819, 824, 833, 843, 851, 852, 857, 861, 867, 893, 910, 911, 913–915, 922, 923, 929, 948, 951, 959, 980, 1000, 1002, 1036
 Нельская И.Е., 81, 209
 Нельский Е.Л., 52, 117, 266, 354, 408, 519, 623, 626, 636, 746, 861, 914, 951, 1033
 Нерода Г.В., 957, 958, 986
 Неруда П., 45, 118
 Несмеянов А.Н., 202
 Нечаев В.В., 448, 449
 Нечаев С.Г., 385
 Никитин Ю.Н., 474, 538, 629, 631, 635, 640, 647, 655, 663, 665, 713, 714, 724, 736, 866, 867, 870, 876, 884, 900, 902, 903, 907, 911, 919, 923, 936, 948–950, 952, 954, 956, 961–963, 971, 979, 984, 1010, 1021
 Николаев А.А., 425, 435
 Николаева Г.Е., 278, 371
 Николаева Н.С., 425, 435, 777
 Николай I, 510
 Николич С., 443
 Николь Я., 109
 Никонов П.Ф., 371
 Никсон Р., 211, 226, 227, 274, 277, 391, 528, 545, 653, 659, 709, 746, 778, 799, 802, 804, 815, 816, 830, 853, 947, 1008, 1017, 1035
 Никулин В.Ю., 18, 541
 Нисневич Э.Д., 492, 562, 563, 823, 907, 918, 1039
 Новакова А., 134, 136, 137, 141, 167, 185, 243, 269, 307, 584
 Новачич С., 637, 727, 773, 866, 934, 942
 Новодворская В.И., 551, 893
 Новожилов В.Ю., 681, 692
 Новокшенов В.Ф., 302, 378
 Новомеский Л., 115
 Новотный А., 46, 54, 59, 74, 117, 206, 366, 420, 424
 Нольде Н.Л., 14, 595, 607, 617, 618, 620, 624, 630, 635, 692, 703, 705, 711, 721, 722, 733, 736, 737, 749, 765, 798, 799, 803, 823, 868, 869, 890, 892, 913, 916, 917, 925, 928, 929, 931, 933–937, 939, 940, 942, 943, 945, 948, 949, 951–956, 962, 966, 967, 970, 972, 979, 980, 982–984, 992, 995, 998, 1000–1002, 1006, 1007, 1009, 1013, 1015, 1016, 1018, 1020, 1021, 1023, 1034, 1036–1038, 1040, 1053
 Нудельман И.Л., 89, 133, 312, 564, 635, 693, 695, 715, 800, 818, 849, 857, 908, 911, 913, 920, 922, 954, 961, 971, 973, 974, 979, 997, 999, 1008
 Нудельман Л.М., 312, 316, 695, 783, 913, 973, 974, 975, 979, 1021
 Нусберг Л.В., 77, 704
 Нусинов И.И., 331
- О**
 Овчаренко А.И., 816
 Огнев В.Ф., 86, 359, 571
 Озеров В.М., 215
 Озеров Н.Н., 307
 Озерова М.Л., 38
 Окуджава А.Б., 577, 738, 876
 Окуджава Б.Ш., 12, 23, 26, 43, 47, 86, 88, 179, 184, 185, 187, 223, 258, 260, 321–323, 398, 427–429, 435, 441, 456, 461, 464, 466, 468, 469, 472, 479, 482, 547, 572, 573, 575–577, 629, 643, 648, 673–676, 696, 709, 732, 738, 742, 806, 807, 811–813, 816, 818, 832, 864, 875, 876, 978, 1022
 Окуджава И.Б., 675, 812, 876
 Окуджава О.В., 322, 428, 479, 547, 577, 674, 812, 876
 Олеша Ю.К., 759
 Онассис А., 212
 Оников Л.А., 797
 Орлова Г., 479
 Орлова Р.Д., 732, 947
 Осипов В.Н., 829
 Осипова Л.Ф., 175, 1002
 Остойя-Котковский С., 646
 Островой С.Г., 296
 Островский А.Н., 712, 728
 Оффенгенден И.М., 707
- П**
 Павлинчук В.А., 219, 310, 315, 332, 347, 364, 374, 388, 440
 Паганини Н., 322
 Пайнс Д., 142, 146, 147, 194, 235, 535, 536, 544, 547, 548, 741, 743, 746, 804, 919
 Пайнс К., 919
 Палах Я., 271, 272, 274–277, 285, 289, 297, 433, 465
 Панин Д.М., 762, 777
 Пантелеев Л., 454, 468, 743
 Паперная И.Б., 996
 Паперник Л.Х., 919
 Паперник Ф., 919
 Паперный А.М., 962, 996
 Паперный В.З., 962, 996
 Паперный З.С., 534
 Параджанов С.И., 103
 Паризе Г., 203, 204, 257, 317
 Пастернак Б.Л., 23, 45, 132, 179, 269, 310, 314, 524, 566, 749, 941
 Пастернак Л.Б., 993
 Паустовский К.Г., 152, 310, 416, 871
 Пахман Л., 316
 Пачини Л., 141, 181, 291
 Пелешян А.А., 648
 Пендерекский К., 646

- Пенсон Б.С., 766
 Перельгин В.М., 694, 923, 975, 976
 Перкаль Л.З., 376, 381
 Перченко М.Е., 940
 Петрарка Ф., 236, 291
 Петров А., 591
 Петров Е., 626, 642
 Петров-Водкин К.С., 1002
 Петровский Б.В., 95, 383, 919
 Петровых М.С., 912
 Петросян Т.В., 354, 660
 Пикассо П., 229, 293, 295, 387, 391, 400, 536, 646,
 706, 727, 731, 733, 804, 834, 971, 1007
 Пилляр Я., 333
 Пильняк Б.А., 519
 Пилогина Е., 692
 Пименов Р.И., 587
 Пинский Л.Е., 800
 Пирс П., 616
 Писарев Д.И., 922
 Пискунов К.Ф., 454
 Пичугина О., 683
 Платонов А.П., 24, 45, 112, 134, 141, 144, 213, 296,
 366, 470, 511, 533, 541, 545, 555, 932
 Плахетка И., 109
 Плисецкая М.И., 202
 Пличе В.О., 46, 110, 113, 134, 136, 138, 140, 146,
 148, 150, 160, 167, 175, 176, 179, 181, 182, 184,
 212, 258, 270, 297, 349, 353, 355, 365, 368, 384,
 385, 422, 424, 437, 458, 473, 475, 963
 По Э., 671, 673
 Подгорный Н.В., 274, 544, 590
 Поженян Г.М., 812, 832, 978
 Покровская А.Б., 577
 Покровская Н.М., 351
 Покровский А.В., 919
 Покровский М.Н., 351
 Полевой Б.Н., 38, 192, 206, 214, 294, 302, 410
 Полетаев В.Г., 807, 972, 1000, 1038
 Померанц Г.С., 600
 Помпиду Ж., 954
 Пономарев Б.Н., 284
 Пономарев П.А., 311
 Попадопулос Г., 64
 Попов В.И., 273, 276, 282, 283, 295
 Попова М., 664, 671
 Посохин М.В., 80
 Посядо А.И., 958
 Правдина Т.А., 59
 Презент И.И., 217
 Пушкин А.С., 9, 372, 484, 510, 566, 709, 719, 748,
 922, 977, 978
 Пушин И.И., 484
 Пятигорский А.М., 196
- Р**
- Раб Ж., 224, 275, 325, 384, 493, 498, 506, 640, 712,
 713, 714, 725, 760, 857
 Рабин О.Я., 111, 899
 Рабинович С.Л., 66, 112, 287
 Радущий В., 652
 Райкин А.И., 414
- Рассел Б., 253, 470
 Ревич А.М., 134
 Резников В., 79, 102
 Рембо А., 288
 Рембрандт Х., 726
 Ренуар Ж., 463
 Репин И.Е., 179, 1002
 Репка П., 500
 Решетовская Н.А., 581, 813, 829, 959, 967, 971, 986,
 989–991, 1009
 Ринзер Л., 721, 732, 736, 741, 814, 820, 836
 Рихта, 364
 Рождественский Р.И., 54, 403, 863
 Розанова М.В., 585, 641, 645
 Розенфельд Б., 786, 849
 Розов В.С., 364, 403
 Розовский М.Г., 40, 182, 262, 328, 497
 Рокотов Ф.С., 679
 Роллан Р., 560
 Рольникайте М., 264
 Романенко А., 71, 72
 Романенко А.Д., 161, 443
 Ромм М.И., 96, 202, 212, 492, 530, 548, 549, 1050
 Ронинсон Г.М., 977, 978
 Ронкин В.Е., 491
 Росляков В.П., 131
 Росс А., 630, 633
 Ростан Ж., 970
 Ростропович М.Л., 45, 80, 524, 645, 654, 709, 990
 Роше В., 157, 227
 Рошковска А., 693, 710, 740
 Рубин В.А., 904
 Рубинштейн А.М., 706, 710, 716, 861
 Руденко Р.А., 95, 587
 Руднев А.М., 488
 Руднев Ю., 681
 Рузвельт Ф., 709
 Рукавишников И.М., 958
 Румянцев А.М., 367
 Русаковская М.Л., 1011
 Рыболтовер, 444, 795
 Рябинкина Е.Л., 457
 Рябинкина К.Л., 457
 Рябичев Д.Б., 249
 Ряшенцев Ю.Е., 658, 663, 665, 671, 693, 696, 709,
 784, 809
- С**
- Саада Ж., 722, 723, 732, 737, 768
 Сабиров Х.Ф., 369
 Саввина И.С., 86, 88, 160, 648, 649, 953, 982
 Савицкий Д.П., 696, 697, 959
 Садат А., 739, 778, 847
 Сайфулин Г.Р., 71
 Сакулев В., 683
 Салтыков-Щедрин М.Е., 40, 962
 Сальери А., 748
 Самойлов Д.С., 26, 98, 114, 119, 321–323, 333, 336,
 340, 397, 432, 433, 605, 816, 832, 886, 907
 Самсонов А.В., 990, 991
 Сапфир Г.В., 25, 291, 421, 617, 734, 765

- Сапгир К.А., 765
 Сарнов Б.М., 978
 Саррот Н., 129, 139
 Сартр Ж.-П., 280, 466, 470, 591, 950, 970
 Сахаров А.Д., 50, 85, 103, 160, 166, 249, 302, 316, 523, 530, 534, 580, 581, 634, 682, 818, 828, 849, 851, 858, 860, 885, 893, 970, 975, 990, 1024, 1032, 1041–1044, 1049, 1051, 1052
 Светов Ф.Г., 66, 84, 87, 198, 322, 366, 886
 Светова З.Ф., 962
 Свириновская А., 683
 Свобода Л., 149, 183, 184, 185, 187, 188, 199, 206, 224, 228, 272, 307, 415, 416, 422
 Седов Л.А., 228
 Селиванов Н.А., 390
 Селин Л.-Ф., 741
 Семакис Л., 1013, 1014
 Семенов В.К., 260, 538, 922
 Семенова Г.И., 260, 266, 277, 922, 929
 Семенова Л.Н., 31
 Семенова Т.Н., 31
 Семин В.Н., 905
 Сергеева Г.Б., 205
 Сергиевская И.А., 31
 Серебренников А.А., 757
 Серегин В.С., 65
 Сеф Р.С., 12, 431, 432, 436, 442, 448, 449, 451–456, 460, 463, 469, 470, 471, 480, 483, 488, 490, 517, 530, 540, 541, 555, 562, 565, 566, 576, 579, 649, 863
 Сиам М., 639, 640, 722
 Сидоров Е.Ю., 562
 Сидур А.Я., 14, 58, 63, 79, 85, 86, 88–94, 96, 97, 99, 100, 139, 148, 153, 163, 166, 171, 173, 177, 178, 184, 194, 199, 216, 227, 234, 247, 251, 280, 312, 322, 326, 334, 337, 346, 349, 351, 353, 355, 360–362, 365, 376, 377, 385, 402, 415, 416, 428, 435, 438, 441, 447, 450, 459, 461, 465, 477, 487, 489, 491–498, 500, 504, 505, 508, 511–514, 517–519, 521, 522, 524, 525, 527–533, 535, 537, 539, 541, 543, 545–547, 551, 553–555, 557–561, 564, 568, 570, 572, 573, 580, 582, 594, 606, 616, 617, 626, 630, 631, 636, 639, 642, 643, 645–648, 652, 654, 655, 657–659, 661, 663, 665, 668, 676, 680, 683, 685, 687, 689, 712, 713, 716, 719, 725, 726, 728, 731, 733, 735, 739, 740, 745–747, 762, 764, 765, 770–780, 782–788, 791–794, 796–802, 806–808, 810, 814, 815, 818–821, 824, 828, 829, 833, 835, 838, 844, 846, 847, 849, 850, 852, 855–857, 859, 860, 866, 867, 869, 870, 872, 875–878, 881, 885–891, 893, 895, 897, 898, 902–908, 914, 915, 928, 931, 948, 1016
 Сидур З.И., 14, 32, 63, 86, 88–94, 96, 97, 99, 100, 105, 139, 148, 163, 166, 171–173, 177, 178, 184, 194, 199, 200, 216, 227, 234, 247, 251, 280, 301, 308, 312, 326, 334, 337, 346, 347, 351, 353, 355, 360, 385, 395, 407, 415, 438, 441, 442, 450–452, 464, 465, 467, 470, 477–479, 482, 487–500, 504, 508, 514, 517, 519, 524, 540, 542, 543, 558, 589, 658, 661, 672, 701, 773, 774, 780, 802, 833, 844, 884, 890, 902, 907, 908, 948, 1009
 Сикейрос А., 562
 Силис Н.А., 7, 15, 17, 18, 20, 22, 25, 27, 28, 31, 33, 34, 36, 39, 43, 48, 57, 62, 69, 70, 72, 75, 76, 80, 82–85, 89, 92, 96–99, 101, 102, 104, 105, 107–110, 112, 113, 116, 118, 119, 121, 123, 124, 129, 131, 133–135, 137, 142, 149, 155, 158, 167, 174, 176, 178, 179, 182–184, 196, 198, 201, 204, 206, 208, 233, 240, 258, 259, 261, 267, 273, 278, 287, 290, 291, 295, 309, 315, 317, 324, 332, 337–339, 347, 348, 381, 385, 391, 396, 397, 403, 435, 444, 458, 510, 514, 532, 542, 547, 555, 564, 623, 668, 677, 701, 717, 795, 834, 835, 911, 931, 941, 950, 981
 Силлитоу А., 1033
 Сименон Ж., 140, 181
 Симонов К.М., 45, 60, 192, 215, 294, 302, 308, 674
 Синявский А.Д., 20, 34, 36, 46, 64, 76, 103, 184, 223, 440, 555, 579, 584, 585, 604, 633, 634, 641, 643, 645, 709, 719, 910, 1009, 1010, 1039
 Ситковецкий Ю.Г., 371
 Скацел Я., 37, 38, 39
 Скэмелл М., 505, 529–534, 536, 568, 569, 575, 576, 578, 579, 582, 585, 591, 598, 607, 629, 633, 639, 657, 661, 664, 684, 711, 724, 736, 760, 784, 801, 813, 820, 836, 845, 860, 900, 911, 913, 931, 996, 1006–1013, 1017, 1018, 1022, 1023, 1030, 1031, 1036, 1037
 Славина З.А., 467, 497, 572
 Слепышев А.С., 616, 627, 631, 633, 638, 643, 646, 647, 652, 662, 670, 673, 675, 677, 681, 684, 697, 713, 744–746, 750–753, 758, 759, 777, 798, 879, 914, 920, 933, 952, 979, 1024, 1033
 Слепышева А.А., 631, 644, 648, 883, 914, 988
 Слуцкая О., 683
 Слуцкий Б.А., 26, 118, 135, 232, 233, 322, 323, 353, 397, 455, 497, 816
 Слуцкина Е.С., 715, 931, 946, 950, 952, 961, 971, 988
 Смагин Б.И., 355
 Смагина Е.Б., 297, 298, 304, 349, 350, 354, 355, 359, 403, 429, 435, 441, 443, 469, 590, 598, 617, 627, 629, 636, 637, 650, 652, 656, 674, 675–677, 685, 692, 715, 749, 764, 768, 780, 858, 862, 880, 890
 Смагина Ф.И., 355
 Смехов В.Б., 94, 95, 132, 315, 346, 497, 629, 632, 642, 699, 749, 752, 768, 776, 779, 780, 792, 829, 830, 865, 866, 935, 939, 940, 952, 953, 977, 1027–1030, 1040
 Смехова А.А., 699, 768, 779, 792, 830, 865, 939, 952, 1027–1030, 1037
 Смехова А.В., 779
 Смехова Е.В., 779, 952
 Смирнов М.Н., 541, 547, 548, 549
 Смирнов С.С., 534, 812
 Смит Р., 703, 718
 Смит Т., 582, 931
 Смоленский В.М., 51, 118
 Смольянинова Г.В., 675
 Смирковский Й., 184, 185, 188–190, 194, 236, 245, 249, 252, 258, 261, 266, 277, 315, 317, 333, 709, 777
 Смудрид Р., 86, 102, 123, 184, 303
 Соболев Ю.А., 707
 Соколов Л.А., 27, 43, 70, 102, 258, 678
 Соколова Т.М., 112, 152, 290, 478, 493, 541, 781

Соколов-Скаля В.П., 390, 391
 Солдатов С.И., 527
 Солженицын А.И., 21, 23, 26–28, 32, 34, 38, 44–47, 55, 57, 66, 70, 72, 75, 77, 83, 85, 106, 108, 109, 116, 124, 129, 134, 136, 137, 140, 145, 148, 174, 175, 192, 195, 199, 203, 212, 234, 237, 239, 241, 243, 244, 246, 249, 251–253, 257, 263, 308, 331, 332, 347, 365, 372, 379, 437, 454, 459–461, 463–468, 470, 471, 473, 476, 479, 491, 513, 524, 529, 534–536, 538, 554, 555, 560, 565, 568, 575, 578, 580–582, 585, 587, 588, 591, 594, 599, 603, 619, 623, 630, 631, 634, 641, 643, 645, 654, 657, 661, 664, 669, 670, 673, 685, 687, 690, 694, 695, 699, 701, 704, 709, 711, 722, 724, 725, 730, 736, 750, 752, 755, 757, 758, 760, 762, 775, 777, 791, 792, 806, 812, 813, 829, 837, 845, 847, 853, 870, 893, 912, 913, 920, 941, 959, 967, 969–971, 984, 986, 989–991, 993, 994, 1010, 1020, 1037, 1038, 1043, 1051, 1052
 Солженицын Е.А., 581, 591, 599
 Солженицын И.А., 870
 Солженицына Н.Д., 581, 752, 967, 969, 971, 990
 Соловейчик С.Л., 695
 Солонищев Е.М., 141, 236, 291, 457
 Сорокин А.Е., 692
 Сорокина Л., 24, 67, 75, 86, 88, 90, 95, 98, 99, 104, 107, 133, 146, 150, 167, 179, 338
 Софронов А.В., 215
 Спасский Б.В., 354, 660, 823, 828, 829, 833, 841, 842, 847, 852
 Ставинский Е., 632, 642
 Сталин И.В., 33, 38, 45, 49–51, 62, 83, 105, 152, 154, 158, 175, 189, 195, 202, 204, 237, 266, 269, 280, 282, 299, 350, 357, 405, 420–422, 442, 476, 482, 516, 519, 528–530, 560, 584, 606, 619, 708, 716, 796, 825, 867, 985, 986
 Старосельская К.Я., 941
 Старосельский И.И., 151
 Стенберг Э.Г., 95, 336, 497
 Стендаль Ф., 620
 Стенхольм У., 1024, 1041, 1043, 1051
 Стерн И., 1014
 Стесин В.Л., 405, 467, 485, 486, 766, 768, 785, 814, 861, 956, 957, 971
 Стилл Д., 996, 1013, 1032
 Столяров О., 577
 Столярова Н.И., 140, 673, 912
 Стравинский И.Ф., 470
 Суриков В.И., 1002
 Сурков А.А., 69, 215
 Суслов И.П., 328
 Суслов М.А., 24, 296, 302, 359, 364, 456, 544, 587, 588, 599, 631, 986, 1036
 Суханкина Е.Д., 605, 628, 638, 643–645, 650, 652, 694, 695, 703, 719, 743, 745, 746, 750, 753, 754, 759–761, 786, 788, 792, 798, 806, 848, 849, 866, 868, 932, 954, 955, 962, 971, 972, 974, 975, 979, 988, 992, 995, 997–999, 1001, 1008
 Суховерхов В., 160, 663, 684, 724, 725, 726, 817, 987, 995, 1021, 1037
 Суховерхов В.И., 440
 Сэлинджер Д.Д., 334

Т

Тавасиев С.Д., 801
 Талантов Б.В., 922
 Тамм Е.И., 803, 817, 825, 900, 957, 958
 Тамм И.Е., 302, 530, 802, 817, 872, 908, 992
 Тарасенков А.Т., 867
 Тарковский А.А., 289, 304, 648, 753, 942
 Тауфер Й., 23, 66, 91, 102, 105, 268, 285, 289, 459, 465
 Твардовский А.Т., 45, 192, 215, 243, 292, 294, 336, 364, 365, 404, 414, 420, 421, 496, 530, 538, 748, 750, 875
 Твердохлебов А.Н., 580, 682
 Телесин З.Л., 896
 Темин Л.В., 709, 715, 721, 724, 725, 809
 Тендряков В.Ф., 464, 468, 530, 538
 Тенякова Н.М., 829, 830
 Тимофеев И., 601, 621, 629, 631, 635, 648, 696, 705, 712, 759
 Тито И.Б., 125, 155, 184, 213, 229
 Тициан В., 646
 Товстоногов Г.А., 829, 865
 Толкачава А.В., 44
 Толстиков В.С., 269, 270, 614
 Толстой А.К., 40
 Толстой Л.Н., 179, 239, 768, 793, 1022, 1044
 Томашевский Ю.В., 457
 Томский Н.В., 767
 Тоом Л.В., 69, 98, 150, 161, 224, 249, 258, 309, 317, 351, 372, 374, 375, 381, 389, 395, 405, 431, 453, 463, 472, 517, 524, 532, 701, 886
 Тоом Л.П., 395, 396, 405, 453
 Торез М., 215
 Трифонов Ю.В., 224, 464, 712
 Тромбадори А., 928, 943
 Трояновский О.А., 259
 Труайя А., 970
 Трусов Ю., 843, 1028, 1029, 1030, 1036
 Трюдо П., 725
 Тулякова-Хикмет В.В., 309
 Тупицын И.К., 78–80, 83, 129, 131, 148, 366, 443, 491, 496, 635, 640, 648, 666, 705, 868
 Туполев А.Н., 587
 Тургенев И.С., 444, 727, 729, 734, 922
 Туркина В.В., 1009, 1012
 Турович Е., 273
 Туровская М.И., 492, 1050, 1051
 Турчин В.Ф., 310, 324, 355, 374, 388, 440, 530, 587, 623, 955, 970, 990
 Тухачевская С.М., 516
 Тухачевский М.Н., 103, 516
 Тынянов Ю.Н., 963, 964
 Тышлер А.Г., 385, 767

У

У Тан, 537
 Уборевич В.И., 516
 Уборевич И.П., 516
 Уилсон М., 470
 Уланова Г.С., 202
 Ульбрихт В., 99, 166, 171, 177, 178, 367, 1030

Ф

- Фадеев А.А., 832, 834
 Файн Р.Д., 963
 Файнберг В.И., 186
 Фальк Р.Р., 308, 767
 Федин К.А., 44, 45, 215
 Федосеев А.П., 647, 657
 Федосеев П.Н., 948, 949, 950, 960
 Федь Н.М., 126
 Фейнберг Е.Л., 957, 990
 Феллини Ф., 39, 313, 332, 366, 463, 734, 746, 753, 992
 Фельдман Т.А., 925, 949, 950, 972, 976, 1019
 Феонова В.Б., 141, 206, 270
 Ферко М., 267, 365, 366, 367, 378
 Филатов Л.А., 572, 700, 977
 Филдинг Г., 112
 Филипович К., 262
 Филиппов А., 569
 Филиппов Б.М., 55
 Филонов П.Н., 32
 Фишер Р., 660, 823, 825–830, 833, 841, 842, 847, 852, 863
 Фиштейн Е., 317, 379
 Флакер А., 48, 70, 119, 160, 640, 731, 732
 Фогельсон В.С., 47, 48, 53, 160, 203, 366, 575
 Франк А., 264, 913
 Франк В.С., 416
 Фредриксон С., 939, 947, 956, 960, 1019, 1043
 Фрид В.С., 20, 33, 51, 82, 161, 383, 421, 510, 516, 577, 717
 Фридман Е.В., 26, 112, 159, 564
 Фролов А., 679, 692
 Фурсов В.Н., 905, 917
 Фурцева Е.А., 62, 273, 276, 283, 332, 378, 471, 512, 670, 723, 865

Х

- Хазанов Б.Е., 34, 40, 44, 48, 55, 71, 82, 131, 134, 136, 185, 194, 208, 214, 221, 229, 234, 237, 267, 268, 286, 306, 349, 359, 363, 405, 412, 413, 420, 422, 427, 433, 437, 438, 456, 466, 475, 484, 494, 512, 513, 575, 578, 599, 606, 621, 635, 637, 638, 652, 654, 655, 708, 710, 713, 719, 721, 724, 731, 735, 737, 748, 761, 764, 765, 767, 778, 781, 788, 798–802, 808, 813, 815, 823, 826, 829, 837, 838, 841, 845, 858, 860, 867, 871, 876, 890, 896, 904, 907, 919, 928, 934, 944, 946, 951, 953, 959–961, 963, 964, 966, 1012
 Хазанова М., 34, 40, 44, 71, 82, 136, 208, 221, 237, 286, 353, 363, 422, 427, 437, 466, 475, 480, 494, 512, 575, 617, 638, 649, 654, 656, 710, 781, 858, 860, 876, 907, 960, 964, 1012
 Хайнеман Г., 835, 837
 Халиф Л.Я., 18
 Хаммер А., 914
 Ханютин Ю.М., 492, 1050
 Харджиев Н.И., 912
 Хаустов В.А., 264

- Хафиз Шамседдин, 935
 Хачатуров Б.К., 985
 Хачатуров В.К., 969
 Хачатуров К.И., 982, 984, 985
 Хачатурова Н.К., 986, 989
 Хачатурова Т.К., 587, 588, 599, 960, 967, 969–971, 977, 978, 982, 984–986, 989–991, 1009, 1018, 1039, 1052
 Хемингуэй Э., 273, 275, 276, 290, 342
 Хикмет Н., 118, 290, 309, 376, 402, 444
 Хлебников В., 875
 Хмелев Н.Н., 673
 Хмельницкий Б.А., 315, 336, 497
 Холин И.С., 291, 768
 Холл Г., 1008
 Холлидей Д., 970, 1018
 Холодова Б., 37
 Хомяков А.С., 196
 Хрущев Н.С., 20, 48, 103, 204, 217, 252, 370, 371, 479, 480, 618, 704, 705, 708, 709, 712, 847, 855, 865, 994, 1041
 Хубов Н.Г., 414, 449, 461, 538
 Хуциев М.М., 39, 212, 696

Ц

- Цадкин О., 122, 139, 371
 Цвейг С., 560, 636
 Цветаева М.И., 221, 511, 600, 875
 Цветкова Н., 180
 Целиковская Л.В., 977
 Целков О.Н., 290, 441, 443, 448, 450, 457, 458, 858
 Цигаль В.Е., 991
 Циммерлинг В.И., 432, 795
 Циолковский К.Э., 601
 Циранкевич Ю., 166
 Цисарж Ч., 188, 246, 433
 Цифринович М.В., 555
 Цицишвили Г.Ш., 179
 Цукер М.Б., 947
 Цукерман Б.И., 241, 584, 664, 896, 922
 Цукерман-Чиликина А.Н., 241, 664, 922
 Цунц, 107

Ч

- Чаковский А.Б., 62, 64, 388
 Чалидзе В.И., 1011
 Чалидзе В.Н., 147, 580, 682, 896, 905, 956, 1011
 Чан Кайши, 940
 Чапек К., 300
 Чаплин Ч., 443
 Чаушеску Н., 184, 373, 375, 658
 Чемберлен Н., 1039
 Червоненко С.В., 410
 Черник О., 140, 184, 185, 188, 194–196, 209, 232, 249, 272, 342
 Чернов Ю.Л., 79, 958
 Черны З., 93, 94, 113, 203, 204, 205, 241, 283, 473, 493
 Чернышев Б.П., 42, 84, 286, 287
 Чернышевский Н.Г., 572, 999

Чернявская И.С., 23, 24, 37, 154
 Чернятин Ю.В., 32, 33
 Чехов А.П., 224, 534, 676, 797, 800, 922, 1034
 Чойбалсан Х., 823
 Чуковская Е.Ц., 145, 454, 455, 488, 581, 732, 990, 991, 1020
 Чуковская Л.К., 131, 145, 386, 454, 460, 464, 468, 476, 529, 645, 732, 863, 870, 897, 912, 913, 923, 951, 966, 992, 994, 1008–1010, 1012, 1030, 1031, 1037
 Чуковский Д.Н., 420, 454
 Чуковский К.И., 21, 27, 46, 89, 90, 136, 138, 145, 147, 203, 215, 243, 246, 268, 378, 385, 387, 390, 420, 438, 442, 449, 450, 452–455, 459, 479, 524, 581, 755, 791, 912, 913, 992
 Чухонцев О.Г., 118, 179

Ш

Шагал М., 387, 391, 834, 1001
 Шаламов В.Т., 238, 239, 242, 245, 246, 260, 372, 775
 Шамракова Л., 735, 737, 739, 741, 791, 810, 866, 868, 882, 919, 945, 946, 948
 Шапшаевич В., 102, 208
 Шатон Ю., 697
 Шауро В.Ф., 471
 Шафаревич И.Р., 682, 851
 Шаховской Д.М., 112
 Шварц Е.Л., 478, 964, 998
 Шварцман И.А., 861
 Шварцман М.М., 196, 861
 Швейцер В.А., 993
 Шверубович В.В., 53
 Шевцов И.М., 458, 544
 Шейнберг Б., 20, 31, 51, 60, 82, 327, 425, 525, 534
 Шейнберг В., 20, 21, 31, 51, 60, 82, 133, 135, 258, 327, 425, 524, 525, 534, 543
 Шелепин А.Н., 141
 Шелер М., 517
 Шелест П.Е., 804, 816, 982
 Шепилов Д.Т., 708
 Шептунова И.И., 311
 Шерешевская Н.В., 303, 453
 Шестаков В.М., 86, 953, 982
 Шестаков С.В., 982
 Шибаева М., 777, 780, 868
 Шиганова А.Ф., 743, 746, 759, 761, 975
 Шик О., 194, 204, 274, 279
 Ширвиндт А.А., 53
 Шифферс Е.Л., 54, 196, 223
 Шиханович Ю.А., 1022
 Шишкин И.И., 1002
 Шлезингер Д., 749
 Шлугер И., 838, 1037, 1038, 1050, 1051
 Шамаков М.А., 480
 Шолом-Алейхем, 1014
 Шолохов М.А., 215, 269, 294, 302, 468, 988
 Шопен Ф., 251
 Шопов А., 428
 Шостакович Д.Д., 243, 251, 298, 336
 Шоу Д., 989
 Шошенская Н.Е., 100, 303, 414, 476, 486, 570
 Шошенский И.М., 90, 100, 303, 414, 476, 480, 486, 570, 930
 Шошенский Л.И., 100
 Штагнер Р., 591, 592, 601, 603, 669, 678
 Штейнберг Э.А., 196
 Штраус Р., 719
 Штроугал Л., 245, 333, 387
 Штутман Л.И., 18, 249, 310, 457, 500, 524, 551, 553, 561, 562, 616, 617, 636, 645, 701, 704, 733, 740, 780–782, 784, 793, 797, 805, 821, 849, 904, 908, 910, 917, 922, 930, 931, 934, 935, 941, 943, 955, 957, 958, 961, 986, 992, 1016, 1021
 Штутман М., 701
 Шуберт Ф., 719, 723
 Шукаев Т.М., 860
 Шукшин В.М., 31, 306
 Шульд А., 350
 Шунков В.И., 679, 939
 Шунков М.В., 12, 590, 606, 614, 617, 624, 627–629, 631–633, 635–638, 640, 641, 643–647, 649–658, 661, 664–666, 668, 670, 671, 673, 675–681, 683–685, 687, 689, 692, 693, 696–701, 703–706, 708, 710–737, 739, 740, 742, 744–750, 752, 755, 758–766, 770–778, 780–786, 788, 791, 793–795, 797, 800–807, 810, 812, 813, 815–821, 824–826, 828, 829, 832–838, 841, 843–846, 848, 849, 852, 854, 855, 857, 859–862, 864, 866–871, 874–876, 878–881, 883–893, 896, 900, 902–904, 906–908, 910, 911, 913–919, 921–923, 925, 927–937, 939–943, 945, 946, 948, 949, 951–956, 960–964, 967, 971–980, 982–984, 988, 992, 994, 995, 997–1002, 1006–1008, 1012–1024, 1027, 1028, 1030, 1032–1036, 1038–1043, 1048–1050
 Шункова Е.В., 616, 631, 635, 638, 643–646, 662, 670, 673, 678, 681, 697, 706, 735, 745, 746, 749, 753, 755, 757, 759, 761, 766, 768, 781, 788, 795, 798, 820, 883, 911, 914, 933, 935–937, 939, 943, 979, 988, 1033, 1040
 Шункова Т.М., 616, 632, 635, 637, 639, 640, 642–644, 647, 649, 652, 654, 661, 670, 673, 678, 679, 684, 689, 693, 694, 697–699, 701, 703, 706, 716, 725, 726, 744–750, 755, 757–760, 762, 765, 767, 768, 771, 780–783, 786, 816, 820, 821, 830, 832, 833, 838, 845, 846, 854, 866, 914, 933, 936, 937, 939, 948, 950, 954, 964, 980, 994, 995, 1017, 1021, 1024, 1033, 1040
 Шуплецов Б.В., 27, 37, 66, 102, 114, 123, 136, 153, 154, 239, 268, 320, 365, 397, 886
 Шуплецова В., 27, 37, 102, 114, 136, 154, 268, 320, 365, 886, 895

Щ

Щапов В.А., 621, 706, 734, 742, 814, 861, 892, 927
 Щекин-Кротова А.В., 308
 Щекочихин Ю.П., 714, 726
 Щипачев С.П., 69

Э

Эгеланд Э., 989
 Эйдельман Н.Я., 983

Эйнштейн А., 80, 274, 295, 594
Элиот Т.С., 425
Эль Греко, 387, 391
Эльснер Р., 934
Эме М., 100, 101, 748
Энгельгардт В.А., 530
Эренбург И.Г., 45, 140, 324
Эрцог М., 1022
Эткинд Е.Г., 269
Эфрос А.В., 126, 618

Ю-Я

Юдина М.В., 969, 990
Юдицкая Ю., 992
Юзовский И.И., 463
Юренев Р.Н., 940
Юрский С.Ю., 829, 830
Юрченко И., 369, 1031

Ягодкин В.Н., 864, 866
Якир И.П., 114, 346, 896
Якир И.Э., 103, 113
Якир П.И., 10, 113, 201, 240, 346, 357, 362, 396, 442,
473, 476, 480, 556, 762, 817, 828, 847, 888, 889,
891, 896, 910, 1011, 1050–1052
Якобсон А.А., 476, 800, 967, 1008, 1020
Яковлев В.И., 766
Ямпольский Б.С., 24
Янкилевский В.Б., 77, 196
Яновский М., 91
Янус М.Р., 310, 315, 316, 323, 324, 355, 362, 388,
440, 457, 465, 530, 542, 554, 587, 617, 623, 637,
645, 649, 955
Яринг Г., 709
Ястржембский С.В., 502, 664
Яхимович И.А., 219, 359, 407
Яхно Х., 726, 729, 732

Указатель издательств и периодических изданий

А

Ами, 241

В

Вече, 829, 991

Вечерняя Москва, 223, 543, 727

Вопросы литературы, 43, 89, 215

Восточно-Сибирское книжное издательство, 43, 188, 221, 223

Г

Грани, 66, 460, 479, 604, 812, 813

Д

Детская литература, 60, 73, 86, 98, 100, 102, 128, 160, 184, 236, 267, 303, 308, 333, 334, 350, 383, 401, 425, 436, 441, 454, 655, 662

Дружба народов, 283, 549

З

Звезда, 231

Здоровье, 867

Знамя, 45, 215, 468, 712

Знание, 46

Знание—сила, 371, 466, 707

И

Известия, 106, 126, 195, 248, 274, 302, 380, 731, 858

Индекс, 724, 913, 931, 1008, 1010, 1012, 1018, 1022, 1031

Индекс/Досье на цензуру, 724

Иностранная литература, 62, 172, 323, 443, 663

Иностранная литература, издательство, 23, 27, 28, 62

Искусство кино, 278, 282

К

Коммунист, 282, 357, 388

Комсомольская правда, 61, 180, 323, 341, 412, 699, 723, 725

Континент, 47, 240

Красная звезда, 415

Крокодил, 231, 775, 856

Крылья родины, 153, 437, 496

Л

Левифан, 466

Ленинград, 231

Литературная газета, 15, 40, 45, 57, 61, 62, 70, 86, 89, 115, 136, 137, 179, 214, 243, 252, 257, 278, 281, 283, 307, 316, 328, 341, 355, 371, 410, 465, 467, 528, 562, 598, 760, 762, 775, 793, 802, 806, 809, 861, 876, 921, 987

Литературная Грузия, 179

М

Молодая гвардия, 17, 268, 309, 403, 466

Молодая гвардия, журнал, 273, 292

Московская правда, 223, 486

Московский комсомолец, 714–716, 719, 720, 723, 726

Н

Народна культура, 653, 693

Наука, 61

Наука и жизнь, 178

Неделя, 858

НИН, 637

Новая жизнь, 72

Новое время, 871

Новый журнал, 775

Новый мир, 44, 45, 60, 66, 118, 129, 192, 229, 253, 314, 364, 404, 407, 410, 420, 456, 469, 470, 496, 560, 712, 748, 757, 816, 905, 955

Ньюс уик, 359, 585

О

Огонёк, 102, 215, 303, 364, 404, 407

Октябрь, 47, 54, 98, 404, 458, 468, 470, 568, 657, 660

П

Пионер, 134

Политиздат, 922

Политика, 482, 571

Посев, 226, 403, 468, 513, 514, 579, 664, 812, 813, 1031, 1052

Посев, журнал, 66, 775, 806

Правда, 53, 64, 74, 115, 149, 154, 155, 160, 190, 194, 199, 224, 235, 255, 269, 270, 272, 315, 364, 367, 373–375, 463, 482, 544, 556, 584, 704, 705, 741, 782, 818, 823, 865, 912, 916, 1042

Проблемы мира и социализма, 53, 367

Прогресс, 26, 27, 28, 83, 84, 115, 317, 320, 396, 425

Просвещение, 247

С

Свет Советов, 109

Семья и школа, 711, 944, 948, 949, 951, 955, 995, 1002, 1036, 1037

Синтаксис, 20, 66, 800

Слово/Slovo, 450

Советская Россия, 364, 369, 1031, 1051

Советский писатель, 37, 47, 119, 204, 405, 415, 425, 431, 450, 452, 454, 575, 629, 640, 654, 693, 709, 759, 763, 809, 815, 841, 863, 901

Советский Союз, 75, 76, 77, 78, 79, 102, 249

Социалистическая индустрия, 364, 404

Спираль, 12, 607, 743, 746, 753, 882, 890, 892

Сфинкс, 50, 117, 743

Т

Творчество, 390
Труд, 699

Ф

Феникс, 93, 743

Х

Хроника текущих событий, 116, 145, 346, 361, 388,
476, 535, 551, 853, 1008, 1051
Художественная литература, 153, 175, 199

Ю

Юность, 38, 40, 50, 57, 59, 75, 103, 153, 192, 251,
314, 328, 338, 341, 353, 364, 379, 395, 403, 404,
480, 540, 541, 562, 570, 594, 695, 696, 707, 775,
807, 814, 828, 864, 944, 997

А

Ardis, 213

В

Borba, 536, 546

D

Dagens Nyheter, 592, 933, 1043
Die Zeit, 665

E

Express Politika, 934

H

Harper & Row, 28

I

Index on Censorship, 724

K

Književna smotra, 70
Književne novine, 546
Kultúrny život, 26, 91, 116

L

Le Monde, 124, 412, 1043, 1052
Les Lettres françaises, 74, 285, 461, 865
L'Espresso, 707
L'Express Magazine, 591
L'Humanité, 209, 216, 218, 271, 727, 731, 1049
L'Unità, 124, 129, 206
Lica, 623
Lidové noviny, 317

Life, 712

Literární listy, 137, 140, 141, 183, 242, 243, 246, 249,
251, 263, 267, 317

M

Mladá tvorba, 115, 116, 123, 500
Mogućnost, 70, 244, 251

N

Nagyvilág, 438, 498
Normandie, 288

O

Oslobodenje, 78, 98

P

Paris Match, 228
Plamen, 23
Praha-Moskva, 93

R

Rudé právo, 37, 194, 271, 326, 545

S

Slovenské pohľady, 377
Stern, 578, 579, 604, 760
Student, 106
Světová literatura, 23, 43, 804, 818
Svoboda, 460

T

Tagebuch, 181
Telegram, 70
The Daily Telegraph, 404
The Guardian, 996, 1013, 1032
The Observer, 386, 529, 568, 575, 578, 579, 598, 665,
810, 813, 834, 867
The Times, 400, 767
Time, 904, 907
Tygodnik Powszechny, 273

U

Ú irás, 224, 504, 506, 782
Umetnost, 51, 78, 81, 666, 721

Y

YMCA-Press, 108, 118, 630, 672, 690, 809, 969

Z

Zeit-Magazin, 598, 665
Zpravy, 271, 272, 289

Указатель иллюстраций

- Юлия пишет дневник. Фото: Эдуард Гладков. – С. 2
- Рисунок В. Сидура (1968). – С. 6
- Рисунок В. Сидура (1968). – С. 16
- Юлия (1968). Фото: Эдуард Гладков. – С. 19
- Вадим Сидур работает над «Портретом академика В.Л. Гинзбурга» (1967). Фото: Эдуард Гладков. – С. 22
- Юнна Мориц в мастерской В. Сидура (1968). Фото: Эдуард Гладков. – С. 29
- Зинаида Ивановна Сидур в мастерской (1968). Фото: Эдуард Гладков. – С. 30
- Юлия встречается с А.С. Солженицыным на даче К.И. Чуковского в Переделкине (1967). Фото: Эдуард Гладков. – С. 34
- Юлия (1968). Фото: Эдуард Гладков. – С. 41
- Однодневная выставка В. Сидура в ЦДЛ 20 марта 1968 г. Фото: Эдуард Гладков. – С. 56
- Юлия (1968). Фото: Эдуард Гладков. – С. 68
- Булат Окуджава и Вадим Сидур в мастерской (1968). Фото: Эдуард Гладков. – С. 87
- Вадим Сидур за работой над скульптурой «Сон» (1968). Фото: Эдуард Гладков. – С. 110
- Рисунок В. Сидура (1968). – С. 120
- Юлия в туристическом походе (1968). – С. 122
- Страница из дневника, написанная рукой В. Сидура (1968). – С. 127
- Почтовая открытка Вадима Сидура к Юлии (1968). – С. 130
- Вадим Сидур, Валентина Караваева и Юлия в мастерской (1968). Фото: Эдуард Гладков. – С. 135
- Американские физики в мастерской В. Сидура. Справа Уолтер Кон (1968). Фото: Эдуард Гладков. – С. 143
- Виталий Лазаревич Гинзбург около своего портрета в мастерской В. Сидура (1968). Фото: Эдуард Гладков. – С. 144
- Рисунок В. Сидура (1968). – С. 156
- В. Сидур в Алабино (1967). Фото: Эдуард Гладков. – С. 164
- Рисунок В. Сидура (1968). – С. 165
- Рисунок В. Сидура (1968). – С. 170
- Юлия (1968). Фото: Эдуард Гладков. – С. 173
- Рисунок В. Сидура (1968). – С. 191
- В. Сидур за работой над скульптурой «Памятник погибшим детям» (1968). Фото: Эдуард Гладков. – С. 193
- Рисунок В. Сидура (1968). – С. 197
- Юлия (1968). Фото: Эдуард Гладков. – С. 207
- Рисунок В. Сидура (1968). – С. 222
- Олег Киселев и Юлия на репетиции спектакля в «Театре на ул. Достоевского». Фото: Георгий Геннис. – С. 231
- В. Сидур в мастерской (1968). Фото: Эдуард Гладков. – С. 244
- Рисунок В. Сидура (1968). – С. 250
- Юлия в мастерской рядом со скульптурой «Материнство» (1969). Фото: Эдуард Гладков. – С. 265
- Юлия (1969). Фото: Эдуард Гладков. – С. 278
- Юлия и Вадим Сидур в мастерской. Фото: Эдуард Гладков. – С. 281

- Клара Израилевна Лозовская и Юлия в мастерской (начало 1970-х гг.). Фото: Эдуард Гладков – С. 292
- Юлия в мастерской. Фото: Эдуард Гладков. – С. 305
- Юлия в мастерской. Фото: Эдуард Гладков. – С. 313
- В. Сидур. Эскиз скульптуры «Пророк» (1969). – С. 318
- В. Сидур. Эскиз надгробия (1969). – С. 319
- Страница из дневника с рисунком В. Сидура (1969). – С. 325
- Записка Вадима Сидура к Юлии (1969). – С. 328
- Страница из дневника с эскизом афиши спектакля «Диспут о любви и дружбе» (1969). – С. 330
- Страница из дневника с рисунком В. Сидура (1969). – С. 335
- Спектакль по пьесе Юлии «Диспут о любви и дружбе» (1969). – С. 344
- Спектакль по пьесе Юлии «Диспут о любви и дружбе» (1969). – С. 345
- В. Сидур. Эскиз скульптуры (1969). – С. 352
- В. Сидур. Эскиз скульптуры «Любовники» (1969). – С. 358
- Страница из дневника с рисунком В. Сидура (1969). – С. 363
- В. Сидур. Эскиз скульптуры «Иллюзионист» («Улыбка века», 1969). – С. 368
- В. Сидур. Эскиз скульптуры (1969). – С. 382
- В. Сидур. Эскиз скульптуры (1969). – С. 387
- Зинаида Ивановна и Абрам Яковлевич Сидур в Алабино (1969). Фото: Эдуард Гладков. – С. 394
- Юлия в мастерской. Фото: Эдуард Гладков. – С. 399
- Эдуард Лимонов в мастерской Вадима Сидура (1969). Фото: Эдуард Гладков. – С. 406
- Рисунок В. Сидура (1969). – С. 409
- Рисунок В. Сидура (1969). – С. 417
- Рисунок В. Сидура (1969). – С. 419
- Рисунок В. Сидура (1969). – С. 423
- Булат Окуджав в мастерской Вадима Сидура (1969). Фото: Эдуард Гладков. – С. 427
- Булат Окуджав и Юрий Левитанский в мастерской Вадима Сидура (1969). Фото: Эдуард Гладков. – С. 426
- В. Сидур рядом с надгробием Е.С. Варге на Новодевичьем кладбище (1969). Фото: Эдуард Гладков. – С. 434
- Страница из дневника с рисунком Юлии (1969). – С. 445
- Страница из дневника с рисунком В. Сидура (1969). – С. 446
- Спектакль «Шестидневный поход», сцена «оперы». Фото: Эдуард Гладков. – С. 447
- Репетиция спектакля «Шестидневный поход». – С. 448
- Олег Целков и Алла Зайцева в мастерской В. Сидура (1969). Фото: Эдуард Гладков. – С. 449
- Вадим и Юлия дома у Олега Целкова (1969). Фото: Эдуард Гладков. – С. 450
- Юрий Левитанский, Юлия, Давид Самойлов, Галина Медведева в мастерской В. Сидура (1969). Фото: Эдуард Гладков. – С. 451
- Страница из дневника с рисунком В. Сидура (1969). – С. 462
- Юлия в мастерской. Фото: Эдуард Гладков. – С. 475
- Юлия (1969). Фото: Эдуард Гладков. – С. 481
- В. Сидур за работой. Фото: Эдуард Гладков. – С. 483
- Олег Киселев на репетиции (1970). Фото: Владимир Воловников. – С. 501
- Репетиция спектакля «Шестидневный поход» (1970). – С. 502
- Репетиция спектакля «Шестидневный поход» (1970). – С. 503
- Спектакль «Шестидневный поход» (1970). – С. 505
- Афиша В. Сидура к спектаклю «Шестидневный поход» (1970). – С. 506

- Спектакль «Шестидневный поход» (1970). – С. 507
- Страница из журнала «Спираль» с рисунком В. Сидура (1970). – С. 509
- «Портрет Александра Солженицына» работы В. Сидура в шестом томе собрания сочинений писателя (1970). – С. 515
- Рисунок В. Сидура (1970). – С. 520
- Вадим Сидур с отцом (1970). Фото: Эдуард Гладков. – С. 523
- День рождения Вадима Сидура (1970). Фото: Эдуард Гладков. – С. 539
- Вадим Сидур и Юрий Левитанский. Фото: Эдуард Гладков. – С. 550
- Юлия рядом со скульптурой «Бабий Яр». Фото: Эдуард Гладков. – С. 552
- Вита Иделевна и Гдаль Григорьевич Гельштейн. Фото: Эдуард Гладков. – С. 573
- Булат Окуджава выступает на вечере в Юлиной школе (1970). Фото: А. Гранкин. – С. 574
- Булат Окуджава выступает на вечере в Юлиной школе (1970). Фото: А. Гранкин. – С. 576
- Эдуард Гладков и Карл Аймермахер фотографируют скульптуры Вадима Сидура (1970-е гг.). – С. 583
- Георгий Геннис, Владимир Воловников, Елена Гамазина, Евгения Смагина, Михаил Шунков с Вадимом и Юлией в мастерской (начало 1970-х). Фото: Эдуард Гладков. – С. 590
- Рисунок В. Сидура (1971). – С. 593
- Олег Киселев и Евгения Смагина на репетиции спектакля «Леона Пигма» (1971). – С. 595
- Олег Киселев на репетиции спектакля «Леона Пигма» (1971). – С. 596
- Олег Киселев на репетиции спектакля «Леона Пигма» (1971). – С. 597
- Спектакль «Леона Пигма» (1971). – С. 597
- Спектакль «Леона Пигма» (1971). – С. 598
- Обложка журнала «Спираль» работы О. Киселева (1971). – С. 608
- Обложка журнала «Спираль» работы О. Киселева (1971). – С. 609
- Рисунок О. Киселева в журнале «Спираль» (1971). – С. 610
- Рисунок О. Киселева в журнале «Спираль» (1971). – С. 611
- Рисунок О. Киселева в журнале «Спираль» (1971). – С. 612
- Рисунок В. Сидура в журнале «Спираль» (1971). – С. 613
- «Наша редколлегия» (1971). Фото: Эдуард Гладков. – С. 614
- Георгий Геннис и Владимир Воловников. Фото: Эдуард Гладков. – С. 615
- Наталья Нольде и Георгий Геннис. Фото: Эдуард Гладков. – С. 615
- Галина Борисовна Нельская (1970-е гг.). – С. 622
- Георгий Геннис, Наталья Нольде и Вадим Сидур в квартире на Брянской ул. (начало 1970 х гг.). Фото: Эдуард Гладков. – С. 625
- Эскизы скульптур цикла «Женское начало» (1971). – С. 625
- Виталий Лазаревич Гинзбург и Нина Ивановна Гинзбург в мастерской вместе с Вадимом и Юлией. Фото: Эдуард Гладков. – С. 634
- Юлия, Михаил Шунков и Вадим в мастерской. Фото: Эдуард Гладков. – С. 641
- Юлия со своим классом в день выдачи аттестатов зрелости (1971). – С. 650
- Юлия выступает перед выпускниками школы (1971). – С. 651
- Юлия в мастерской. Фото: Эдуард Гладков. – С. 662
- Юлия и Вадим в Алабино (1970-е гг.). Фото: Георгий Геннис. – С. 686
- Юлия в Алабино (1970-е гг.). Фото: Георгий Геннис. – С. 688
- Юлия и Вадим в Алабино (1970-е гг.). Фото: Георгий Геннис. – С. 689
- Юлия и Вадим в Алабино (1970-е гг.). Фото: Георгий Геннис. – С. 690
- Юлия в Алабино. Слева Владимир Воловников (1970-е гг.). Фото: Георгий Геннис С. 691

- Юлия и Вадим в Алабино (1970-е гг.). Фото: Георгий Геннис. – С. 692
- Юрий Любимов, Алла Смехова, Вениамин Смехов и Вадим Сидур в мастерской (1971).
Фото: Эдуард Гладков. – С. 698
- Юрий Любимов и Вадим Сидур в мастерской (1971). Фото: Эдуард Гладков. – С. 700
- Юрий Любимов в мастерской (1971). Фото: Эдуард Гладков. – С. 702
- Вадим и Юлия в мастерской (1971). Фото: Эдуард Гладков. – С. 706
- Булат Окуджава в мастерской В. Сидура (1971). Фото: Эдуард Гладков. – С. 738
- Надежда Яковлевна Мандельштам у себя дома (1971). Фото: Эдуард Гладков. – С. 744
- Юлия. Рисунок Вадима Сидура (1972). – С. 751
- Вадим Сидур за работой над барельефом «Моисей» (1972). Фото: Эдуард Гладков. – С. 754
- Вадим Сидур за работой (1970-е гг.). Фото: Эдуард Гладков. – С. 756
- Эскизы «Структур». – С. 769
- Вадим Сидур дома на Брянской ул. (начало 1970-х гг.). Фото: Эдуард Гладков. – С. 779
- Семен Львович Лунгин встречается с артистами «Театра на ул. Достоевского» (1972). –
С. 787
- Репетиция спектакля «Республика Шкид» (1972). – С. 789
- Олег Киселев на репетиции спектакля «Республика Шкид» (1972). – С. 790
- Письмо Вадима Сидура из больницы (1972). – С. 822
- Письмо Вадима Сидура из больницы (1972). – С. 825
- Письмо Вадима Сидура из больницы (1972). – С. 827
- Юлия в мастерской (1970-е гг.). Фото: Георгий Геннис. – С. 831
- В Алабино (лето 1972). Фото: Георгий Геннис. – С. 839
- В Алабино (лето 1972). Фото: Георгий Геннис. – С. 840
- В Алабино (лето 1972). Фото: Георгий Геннис. – С. 842
- Вадим Сидур в мастерской около модели памятника И.Е. Тамму (1972). Фото: Эдуард
Гладков. – С. 873
- Пропуск в больницу к А.Я. Сидуру (1972). – С. 877
- Георгий Геннис, Карл Аймермахер и Вадим Сидур в мастерской (1970-е гг.). Фото: Эду-
ард Гладков. – С. 882
- Юлия и Вадим в мастерской (1970-е гг.). Фото: Эдуард Гладков. – С. 894
- Вадим Сидур (1973). Фото: Эдуард Гладков. – С. 924
- Эскиз росписи доски (1973). – С. 926
- Виталий Лазаревич Гинзбург и Юлия в мастерской (1970-е гг.). Фото: Эдуард Гладков. –
С. 965
- Тамара Константиновна Хачатурова (начало 1970-х гг.). – С. 968
- Тамара Константиновна Хачатурова. Портрет работы Мориса Дрюона (1950-е гг.). –
С. 968
- Спектакль «Голоса травы» (1973). – С. 996
- В Алабино. Фото: Георгий Геннис. – С. 1003
- В Алабино. Фото: Георгий Геннис. – С. 1004
- В Алабино. Фото: Георгий Геннис. – С. 1005
- Вадим Сидур, Юлия, Владимир Воловников и Георгий Геннис в мастерской (начало
1970-х). Фото: Эдуард Гладков. – С. 1023
- В Алабино. Фото: Владимир Воловников (24 августа 1973 г.). – С. 1045
- В Алабино. Фото: Владимир Воловников (24 августа 1973 г.). – С. 1046
- Владимир Воловников с сестрой в Алабино. Фото: Георгий Геннис. – С. 1047
- Вадим Сидур и Владимир Воловников в Алабино (начало 1970-х). Фото: Георгий Ген-
нис. – С. 1048
- Один из дней рождения Вадима Сидура (1970-е гг.). Фото: Эдуард Гладков. – С. 1052

Издания АИРО в 2020–2024 гг.

2020

- Ажгихина, Надежда.* Письма из Москвы. Устная речь. Междометия. – АИРО–XXI, 2020. – 280 с. : ил. Актуальные проблемы истории России. Сб. ст. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 208 с.
- Белозерцев Е.П.* Моя образовательная лестница. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 512 с. : ил.
- Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Ленин: культ и антикульт в пространствах памяти, истории и культуры. С Приложением С.П. Щербины. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 632 с.
- Бурнашева Н.И.* Власть и управление национальной окраиной: экономика Якутии в XIX – первой трети XX века. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 320 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Катасонова Е.Л.* Новое японское кино: в споре с классикой экрана. Очерки современной японской массовой культуры / Ин-т востоковедения РАН. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 336 с.
- Кравчук Н.В.* Московское Чудо и Русская Реконкиста. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 448 с.
- Кривошеев В.Д.* Легендарный театр. МХАТ им. М. Горького. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 180 с.
- Крюков, Федор.* Картинки школьной жизни старой России. К источнику исцеления. Православный мир старой России глазами русского писателя. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 432 с.
- Крюков, Федор.* На Германской войне. На фронте и в тылу. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 336 с.
- Крюков, Федор.* На Дону. В родных местах. М.: АИРО–XXI, 2020. – 384 с.
- Крюков, Федор.* Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 416 с.
- Крюков, Федор.* Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. 1917–1919. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 352 с.
- Крюков, Федор.* Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону / Предисловие и составление А.Г. Макарова. – М.: АИРО–XXI, 2020 – 368 с.
- Ленин и его время. Сб. ст. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 256 с.
- Ли, Ларс.* ЛЕНИН / Перевод Ирины Давидян. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 200 с. (Серия «АИРО – первая публикация в России»)
- Максименков, Леонид.* «Курильский» саммит. Визит премьер-министра Японии К. Танаки в СССР (7–10 октября 1973 года). Документы и записи переговоров. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 176 с.
- Малькевич В.Л.* СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ: НАЧАЛО. В 3-х книгах. Книга 3. Победы и поражения в строительстве новой жизни (1920-е годы). Часть 1. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 640 с. : ил.
- Малькевич В.Л.* СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ: НАЧАЛО. В 3-х книгах. Книга 3. Победы и поражения в строительстве новой жизни (1920-е годы). Часть 2. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 736 с. : ил.
- Материалы Международного общественного форума «Сохранение памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войнах». Севастополь, 14 – 16 мая 2019 года / Под ред. Геннадия Бордюгова и Валерия Рузина. М.: Ассамблея народов России; АИРО–XXI; Евразийская академия ТВ и Радио, 2020. – 64 с.
- Международный общественный форум «Сохранение памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войнах». Баку, 1–3 октября 2019 года. Материалы / Под ред. Геннадия Бордюгова и Валерия Рузина. – М.: Ассамблея народов Евразии; АИРО–XXI; Евразийская академия Телевидения и Радио. 2020. – 56 с.
- Невезжин В.А.* Застолья Иосифа Сталина. Книга третья. Дипломатические приемы 1939–1945 гг. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 768 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Ничто не проходит бесследно. К юбилею Л.Н. Королёвой. Сост.: Геннадий Бордюгов, Анатолий Ложкин, Татьяна Щеглова. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 200 с. : ил.
- Новосадюк, Владимир.* Она и он в тени Алоиза. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 160 с.

- Победа-75: реконструкция юбилея / Под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 800 с. *Фирсов, Фридрих.* Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. – 2-е изд., исправл. и дополн. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 672 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Фоменко, Игорь.* «Страна чудес». Россия на старинных картах (XIII–XIX вв.). – М.: АИРО-XXI, 2020, – 464 с.
- Четырина Н.А.* Сергиевский посад – город с именем Преподобного (конец XVIII – начало XIX в.). – М.: АИРО-XXI, 2020. – 392 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Япония в эпоху великих трансформаций / Под ред. профессора Д.В. Стрельцова – М., АИРО-XXI. 2020. – 320 с.

2021

- «Тихий Дон». Кто автор? Из архива исследователей / под ред. А.Г. Макарова. (Серия «АИРО – Исследования по проблеме авторства “Тихого Дона”»). – М.: Актуальная история, 2021. – 272 с.
- Varabash V., Bordyugov G., Devyatov S., Kotelenets E.* History issues of Russian 20th century / Translation editor M. Kupriyanova. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 336 с.
- HIS WAY. Remembering Stephen Cohen. Editors Katrina vanden Heuvel and Gennady Bordyugov. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 404 с.
- Ажгихина, Надежда.* Девочка с птицами. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 224 с.
- Ажгихина, Надежда.* Письма из Москвы. Устная речь. Междометия. Изд. второе, расширенное. – АИРО-XXI, 2021. – 304 с. : ил.
- Акульшин П.В., Князева И.С.* Парламентская история Центральной России: выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной думе и Учредительном собрании (1906–1917 гг.): моногр. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 336 с.
- Бозиев С.Н.* «Тихий Дон» в сравнениях. А.С. Серафимович, Ф.Д. Крюков, М.А. Шолохов... – М.: АИРО-XXI, 2021. – 376 с.
- Владислав Леонидович Малькевич: на службе Отечеству и людям. Воспоминания и свидетельства коллег и близких. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 216 с.
- Войтиков, Сергей.* Ленин, Свердлов и Троцкий. партия, власть и террор. Очерки советской политической истории эпохи Гражданской войны. – М.: АИРО-XXI. 2021 г. – 240 с.
- Гребенкин И.Н., Романика А.С.* Революционная Россия и военный вопрос: от Севастополя до Цусимы. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 288 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Гросул-Войцеховская Н.В.* Архитектор В.А. Войцеховский: замыслы и воплощения. 1909–1977. – М.: ЦНИ «Актуальная история»; АИРО-XXI, 2021. – 96 с.
- ЕГО ПУТЬ. Вспоминая Стивена Коэна / Сост. Катрина ванден Хювел и Геннадий Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 404 с.
- Коротко о важном / Фред Фирсов (составитель). М.: АИРО-XXI, 2021 – 416 с.
- Крюков, Федор.* Накануне. В час предрассветный. Статьи и очерки. М.: АИРО-XXI, 2021. – 368 с.
- Крюков, Федор.* Старое поле. В начале пути. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 320 с.
- Куреньшев А.А.* Жизнь как роман, роман – как жизнь. За что боролся и погиб Б.В. Савинков. Штрихи политического портрета. – М.: ЦНИ «Актуальная история»; АИРО-XXI, 2021. – 230 с.
- Малых Владимир, Носков Евгений.* Пеленг Огненных шаров. Гибель туристов группы Дятлова. – М.: ЦНИ «Актуальная история»; АИРО-XXI, 2021. – 88 с.
- Медведев Рой, Андреев Николай.* Владимир Путин и Си Цзиньпин: личность и лидерство. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 224 с.
- Медведев Р., Андреев Н.* Владимир Путин и Си Цзиньпин: личность и лидерство. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 288 с.
- Мурашкин И.А.* Усть-Медведицкая колыбель «Тихого Дона». (Серия «АИРО – исследования по проблеме авторства «Тихого Дона»») – М.: АИРО-XXI; ЦНИ «Актуальная история». 2021 г. – 240 с.

- Неймарк, Норман.* Геноцид: всемирная история / Перевод Ирины Давидян. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 256 с. – (Серия «АИРО – первая публикация в России»).
- Отлучение от науки. Академик Александр Александрович Баев. Архивно-следственные документы 1937–1954 гг. и многое другое. 2-е изд. перераб. и доп. (Электронная версия). – М.: АИРО-XXI, 2021. – 408 с. : ил.
- Томилин В.Н.* Государство и колхозы: 1946–1964 гг. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 448 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Торгово-промышленная палата Российской Федерации в 1991–2020 гг. / Под ред. президента ТПП РФ С.Н. Катырина. – М.: ТПП РФ; ЦНИ «Актуальная история», 2021. – 464 с. : ил.
- Феномен красной конницы в Гражданской войне / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 336 с.
- Фирсов, Фридрих.* Опыт семейной археологии. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 400 с. – (Серия АИРО – первая публикация).
- Черёмушкин П.* Ярузельский: испытание Россией. Изд. 2-е, расшир. и дополн. М.: АИРО-XXI, 2021. – 394 с.
- Черёмушкин, Пётр.* Александр Ведерников, главный дирижер. – М.: АИРО-XXI, 2021, – 184 с.

2022

- Ажгихина Надежда.* Сны. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 222 с.
- Апальков Д.И.* Внутрипартийная борьба в ВКП(б): от «коллективного руководства» к сталинской диктатуре. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 192 с. – (Серия «АИРО – первая монография»).
- Бордюгов Г.А.* СССР в пространстве памяти, идеологии и национальных историях. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 384 с.
- Вьжжатович В.В.* Ни слова о болезни: Беседы с доктором Бузиашвили. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 144 с.
- Духовно-нравственное становление человека: беседы с преподавателями и студентами / Под общ. ред. Е.П. Белозерцева, Г.В. Заридзе. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 504 с.
- Клименко А.Ю.* Историко-архивный: Из воспоминаний выпускников и преподавателей ИАИ. 1940–1990-е годы. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 336 с. : ил.
- Коэн, Стивен.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Третье издание. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 192 с.
- Крюков, Федор.* На Германской войне. На фронте и в тылу. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 336 с.
- Крюков, Федор.* На Дону. В родных местах. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 384 с.
- Крюков, Федор.* Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 416 с.
- Ложкин, Анатолий.* От вятских увалов до столицы России. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 364 с. – (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Перед лицом своих товарищей...: сборник / Сост. и ред.: Т.В. Трухачева, А.Г. Кирпичник. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 296 с.; Электронное иллюстрированное издание. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 510 с.
- Проблемы новой и новейшей истории России: сборник / сост. В.Я. Гросул. М.: АИРО-XXI, 2022. – 328 с.
- Старикова, Светлана.* Мне хочется мечтать. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 200 с. : ил.
- Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 1. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI; ИП Секачев В.Ю., 2022. – 544 с.
- Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 2. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI; ИП Секачев В.Ю., 2022. – 560 с.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 3. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI; ИП Секачев В.Ю., 2022. – 560 с.

2023

Афанасьева М.Б. История Николаевского кавалерийского училища (1823–1917 гг.) – М.: Пробел 2000, 2023. – 272 с. – (Серия «АИРО – первая монография»)

Бордюгов Г.А. СССР в пространстве памяти, идеологии и национальных историях. Изд. 2-е, расширенное и дополненное. – М.: Пробел 2000, 2023. – 412 с.

Коэн Стивен. Война с Россией? – М.: «Пробел 2000», 2023. – 268 с.

Лаврентьева М.Ю. Слово против слова: информационно-психологические войны. XX век. – М.: Пробел-2000; АИРО-XXI, 2023. – 288 с. – (Серия «АИРО – первая монография»).

Петришина И.Д. Крестьянское хозяйство Черноземного центра в годы новой экономической политики: 1921–1929 гг. – 288 с. – (Серия «АИРО – первая монография»).

РУССКАЯ СУДЬБА : Воспоминания, которые я никогда не напишу. Из архива Стивена Коэна / Сост. Катрина ван ден Хувел и Геннадий Бордюгов. – М.: Пробел-2000, 2023. – 388 с. : ил. – (Серия «АИРО-XXI – Первая публикация»).

СССР-100: реконструкция истории и юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2023. – 544 с. : ил.

Тартаковский А.Б. Семейный архив / Предисловие С. Смирнова. – М.: Пробел-2000, 2023. – 252 с. – (Серия «АИРО – первая публикация»).

Щербина С.П. Мемология российской истории XX века. Рождение и эволюция исторических образов. – М.: АИРО-XXI, 2023. – 552 с.

2024

Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А., Лаврентьева М.Ю. Гибридные и информационные войны. Учебное пособие. – М.: Пробел-2000, 2024. – 312 с.

Опережающий время: Вячеслав КОНОВАЛОВ. – М.: Пробел-2000, 2024. – 200 с.

Четырина Н.А. Реестр записей частных условий и контрактов ратуши Сергиевского посада (1790–1864 гг.). – М.: Пробел-2000, 2024. – 340 с.

Носков В.Ю. Великая Отечественная: военное детство в советской пропаганде и памяти поколения (на материалах Донбасса). – М.: Пробел 2000, 2024. – 240 с. – (Серия «АИРО – первая монография»).

С этими и другими изданиями
вы можете подробнее ознакомиться на нашем сайте
www.airo-xxi.ru

Юлия Нельская-Сидур
«Время, когда не пишут дневников и писем...»
Хроника одного подвала.
Дневники 1968–1973

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: airo@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 05.05.2024
Формат 70×100/16. Усл. изд. л. 128,0